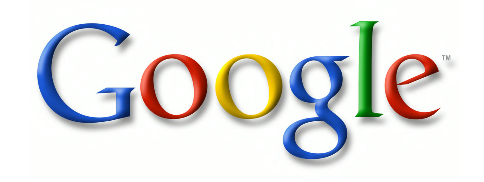
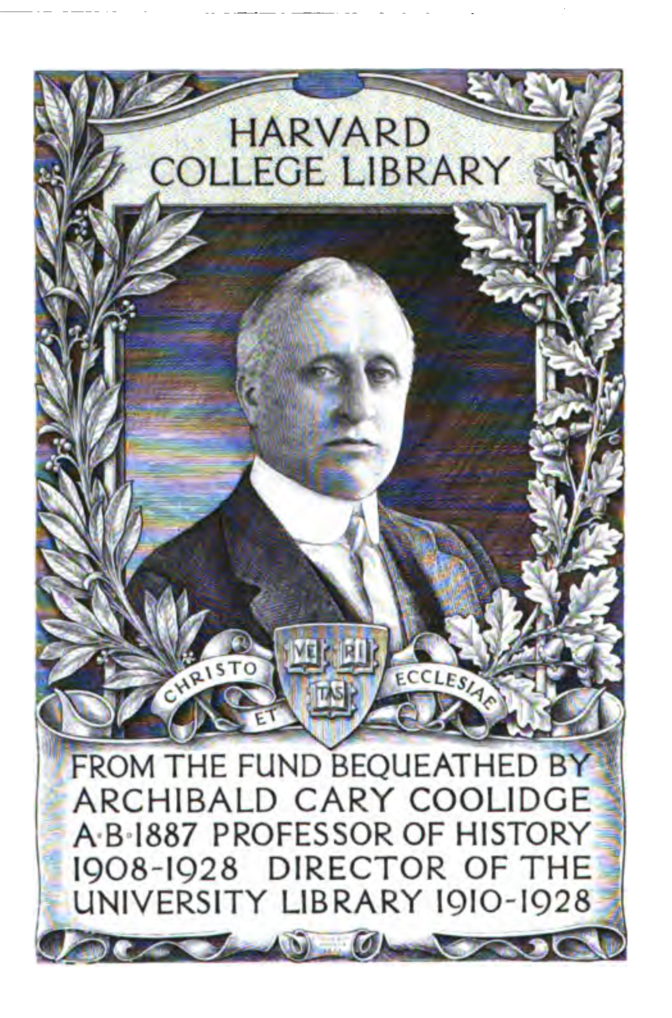

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ЛЮБОВЬ.—Бор. Зайцева 1
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ивана Бунина 12
III. ЛУННЫЙ СОНЪ.—Владиміра Бонди (Вальди) 14
IV. ОВЧАЯ КУПЕЛЬ. Крымскіе очерки.—М. Толмачевой 27
V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Максимиліана Волошина 60
VI. НОВЫЙ КАРѲАГЕНЪ. Романъ Жоржа Экгуда.—Перев. М. В. Веселовской. *Окончаніе* 62
VII. РАСПАДЪ. (Изъ воспоминаній пріятеля).—Ив. Шмелева. *Окончаніе*. 110
VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Якова Година 156
IX. ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ.—Перев. съ итальянск. З. Н. Журавской. *Продолженіе* 158
X. ПОСЛѢДНІЙ СВЯТОЙ.—Д. С. Мережковскаго. *Окончаніе* 1
XI. СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ НА СТРАЖѢ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. (Буржуазная или соціалистическая революція?) — М. Н. Лежнева *Окончаніе*. 23
XII. ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНІИ. (Культурные дикари и дикіе „культуртрегеры“).—Владиміра Левентона 46
XIII. ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ И ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЯ.—А. Васильева. 53
XIV. СТАТЬЯ 87-я И УСЛОВІЯ ЕЯ ПРИМѢНЕНІЯ.—Г. Н. Штильмана . 73
XV. ВОСПОМИНАНІЯ ЧАЙКОВЦА.—С. С. Синегуба 85
XVI. НАЛОГЪ СЪ НАСЛѢДСТВА.—П. П. Гензеля. 108
XVII. НАШЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ ВЪ 1907 ГОДУ.—Л. Н. Яснопольскаго. *Окончаніе*. 116
XVIII. НАСТУПЛЕНІЕ СИНДИКАЛИЗМА.—А. С. Изгоева 137
XIX. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. И. Айхенвальда. 162
XX. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ѳ. Н. Арнольда. 178
XXI. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда 187
XXII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго 208
XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія.—Правовѣдѣніе, соціологія, политическая экономія.—Народное образованіе. — Публицистика. — Естествознаніе. — Библіографія. — II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 августа по 1 сентября 1907 г. 167
XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Объявленія.

Іоанна Д'Аркъ. Н. Дементьевой. Историческая хроника. Содержаніе: Введеніе.—Дѣтство и юность Іоанны.—Боевая слава.—Двойная борьба.—Гибель Іоанны.—Заключеніе. Книга богато иллюстрирована въ текстѣ рисунками мѣстностей, зданій и памятниковъ, связанныхъ съ именемъ Іоанны, и фототипіями на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна въ роскошномъ стильномъ перепл. съ золотымъ тисненіемъ (въ двѣ краски) 4 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Народ. Просв. книга одобрена для ученическихъ библіотекъ средняго и младшаго возраста гимназій мужскихъ и женскихъ, и для реальныхъ училищъ. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи рекомендована для ученическихъ библіотекъ среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.

Русскіе писатели послѣ Гоголевскаго періода въ біографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. А. Н. Сальникова. Съ портретами въ текстѣ и спискомъ темъ для ученическихъ сочиненій и классныхъ бесѣдъ. Курсъ VIII класса гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 2 р. 50 к.

Спиритизмъ. Д-ра К. Дюпреля. Перев. съ нѣмецк. М. С. Аксенова. Ц. 1 р.

Загадочность человѣческаго существа. Его же. Введеніе въ изученіе оккультическихъ наукъ. Перев. съ нѣмецк. М. С. Аксенова. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность лорда-ректора Эдинбургскаго университета. Т. Карлейля. Перев. съ англійскаго И. Горбова. Цѣна 25 к.

Подъ впечатлѣніемъ Художественнаго театра. Джемса Линча и Сергѣя Глаголь (С. Сергѣевичъ). Цѣна 65 к.

Наука и обязанности гражданина. К. Пирсона. Ц. 25 к.

Искусство, больные нервы и воспитаніе. Г. И. Россолимо. (По поводу „декадентства"). Ц. 50 к.

Планъ изслѣдованія дѣтской души. Его же. Пособіе для родителей и педагоговъ. Ц. 20 к.

Предвидѣнія о воздѣйствіи прогресса механики и науки на человѣческую жизнь и мысль. Г. Уэльса. Переводъ съ 6-го англійск. изд. А. Каррикъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Т. Хиггинсона. Перев. Д. Л. Муратова. Цѣна 1 р.

Гуси Россіи. С. Н. Алферани. Съ 25 таблицами въ краскахъ. Цѣна въ изящн. коленкоров. перепл. съ золот. тисненіемъ 12 руб.

Страна звѣздъ. Р. Болла. Популярная астрономія. Переводъ съ англійскаго. Со множествомъ рисунковъ. Ц. 85 к. Содержаніе: Солнце.—Луна.—Ближайшія планеты (Меркурій, Венера, Марсъ).—Исполинскія планеты (Юпитеръ, Сатурнъ и др.).—Кометы и падающія звѣзды.—Звѣзды и туманности.—Заключительная глава.

Краткій повторительный курсъ (Repetitorium) органической химіи по Бульгинскому, Реформатскому и Тамману. И. Бѣлозерова. Цѣна 1 руб.

Звѣри Россіи. Н. В. Туркина и К. А. Сатунина. Со множествомъ фотографій съ дикихъ звѣрей и художественныхъ рисунковъ профессора звѣрописи А. С. Степанова и художн. К. С. Высотскаго. 2 большихъ тома. Ц. за каждый томъ въ переплетѣ по 5 р. 50 к.

Краткій курсъ физіологіи человѣка. Н. А. Чуевскаго. (Конспектъ). Изд. 4-е, исправлен. и дополнен., съ 70 рисунк. въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

Всемірное тяготѣніе, какъ слѣдствіе образованія вѣсомой матеріи внутри небесн. тѣлъ. И. О. Ярковскаго, инженеръ-технолога. Ц. 2 р.

Строеніе матеріи и молекулярныя силы. Его же. Ц. 1 р. 25 к.

Новый взглядъ на причины метеорологич. явленій. Его же. Ц. 1 р.

Новыя доказательства увлеченія математическими теоріями въ современной наукѣ. Его же. По поводу брошюры приватъ-доцента Казанскаго универс. Д. А. Гольдгаммера „Еще о нашихъ свѣдѣніяхъ объ эѳирѣ". Ц. 40 к.

По поводу критики М. А. Рыкачева о книгѣ „Метеорологическія воззрѣнія". Его же. Цѣна 30 к.

По поводу отзыва о книгѣ „Всемірное тяготѣніе", помѣщеннаго въ журнал „Русское Богатство", № 2 за 1889 г. Его же. Ц. 15 к.

Искусственное удобреніе и сидерація въ Россіи и Германіи. А. [illegible]льтгаузена. Цѣна 2 р.

Чѣмъ пахать? Ф. И. Варакина. Ц. 45 к.

Болѣзни деревьевъ. Р. Гартига. Переводъ И. Грачева и А. Толвинскаго, подъ редакц. М. Турскаго. Съ таблицею и 137 рисунк. въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.

Практическое примѣненіе навоза и искусственныхъ удобреній. Проф. д-ра Р. Гейнриха. Переводъ съ нѣмецк. Л. Ф. Альтгаузена. Ц. 1 р. 50 к.

Улучшенная культура картофеля (практическія наставленія). Эмо Жирара. Пер. В. Н. Маракуева. Ц. 20 к.

Ботаника для садовниковъ и огородниковъ. Л. А. Золотарева. Пособіе для практиковъ, любителей, учителей народныхъ школъ и учениковъ школъ садоводства. Часть первая. Съ 101 рис. въ текстѣ. Цѣна 70 к. Минист. Земледѣлія одобрена въ качествѣ учебнаго пособія для низш. и сред. с.-х. учебныхъ завед. М-ва.

Что нужно дѣлать въ садахъ, чтобы не было червивыхъ яблокъ? Его же. 3-е изд., исправл. и дополн. Ц. 10 к.

Когда и какъ нужно поливать сады и огороды. Его же. Издан. 3-е, исправленное и дополненное. Ц. 20 к.

Борьба съ весенними заморозками въ садоводствѣ и огородничествѣ. Его же. Съ 2 рисунками. Ц. 30 к.

Самообразованіе сельскихъ хозяевъ. Его же. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 30 к.

Сорныя травы на поляхъ и ихъ истребленіе. Его же. Съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р.

Какъ растетъ хлѣбъ въ полѣ. Общедоступный очеркъ жизни хлѣбныхъ злаковъ. Его же. Съ 12 рис. Ц. 10 к. М. Н. Пр. допущено въ ученич. библ. низш. учил. и въ безплатн. народн. чит. и библіотеки.

Уничтоженіе сорныхъ травъ при помощи сѣвооборотовъ и культуры. Карбе. Ц. 20 к.

Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Э. Э. Керна. Изд. 3-е, дополненное. (Съ одною таблицею и 15 рисунками въ текстѣ). Ц. 1 р. Одобрена для библіот. учебн. завед. Мин. Земледѣлія и Государств. Имуществъ и для библіотекъ средн. и низшихъ учебн. зав. М. Н. Пр.

Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. Его же. Съ 38 рис. въ текстѣ и 8 таблиц. на отдѣльн. лист. Изд. 4-е, исправл. и дополненное Ц. 75 к. Мин. Нар. Пр. одобрена для библіотекъ средн. и низш. учебн. заведеній. Рекомендована для библіотекъ, подвѣдомствен. Мин-ву Земледѣлія и Государ. Имуществъ учебныхъ заведеній.

Устройство Никольской лѣсной дачи владѣнія Т-ва Вознесенской мануфактуры. Г. Сычева. Ц. 1 р. 75 к.

Антисептика и асептика. Д-ра мед. Н. З. Иванова. Необходимыя свѣдѣнія для акушерокъ и фельдшерицъ. Съ 23 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Ц. 75 к.

Руководство къ клинической микроскопіи для врачей и студентовъ. В. Е. Предтеченскаго. 2-е исправленное и дополненное изданіе. 19 хромолитографированныхъ таблицъ со 101 рисунк. Ц. 3 р.

Печатается новымъ изданіемъ съ дополненіями и выйдетъ осенью текущаго года:

Практика Судебнаго Департамента Правит. Сената по торговымъ дѣламъ, въ 2-хъ томахъ, составл. А. А. Добровольскимъ.

Новый полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА IX.

МОСКВА.

1907.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ЛЮБОВЬ.—**Бор. Зайцева** 1

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Ив. Бунина** 12

III. ЛУННЫЙ СОНЪ.—**Владиміра Бонди (Вальди)** 14

IV. ОВЧАЯ КУПЕЛЬ. Крымскіе очерки.—**М. Толмачевой** 27

V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Максиміліана Волошина** 60

VI. НОВЫЙ КАРѲАГЕНЪ. Романъ **Жоржа Экгуда**.— Перев. **М. В. Веселовской**. *Окончаніе* 62

VII. РАСПАДЪ. (Изъ воспоминаній пріятеля). — **Ив. Шмелева**. *Окончаніе* 110

VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Якова Година** 156

IX. ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ. Пер. съ итал. **З. Н. Журавской**. *Продолженіе* 139

X. ПОСЛѢДНІЙ СВЯТОЙ.—**Д. С. Мережковскаго**. *Окончаніе*. . 1

XI. СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ НА СТРАЖѢ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. **М. Н. Лежнева**. *Окончаніе* 23

XII. ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНІИ. Культурные дикари и дикіе «культуртрегеры».—**Владиміра Левентона** 46

XIII. ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ И ИХЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЯ.—**А. Васильева** 53

XI . СТАТЬЯ 87-я И УСЛОВІЯ ЕЯ ПРИМѢНЕНІЯ.—**Г. Н. Штильмана** 73

X ВОСПОМИНАНІЯ ЧАЙКОВЦА.—**С. С. Синегуба** 85

XI НАЛОГЪ СЪ НАСЛѢДСТВА.—**П. П. Гензеля** 108

Стр.

XVII. НАШЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТЪ ВЪ 1907 ГОДУ.— Л. Н. Яснопольскаго. *Окончаніе*. 116

XVIII. НАСТУПЛЕНІЕ СИНДИКАЛИЗМА.—А. С. Изгоева 137

XIX. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—Ю. И. Айхенвальда 162

XX. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ѳ. К. Арнольда 178

XXI. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда. 187

XXII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго 208

XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.— Исторія.—Правовѣдѣніе, соціологія, политическая экономія.— Народное образованіе. — Публицистика. — Естествознаніе.— Библіографія.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1907 г. 167

XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ЛЮБОВЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ.
Его графиня, называемая Рыжій.
Тоничка—племянница.
Равеніусъ—художникъ.
Вася.
Люси.
Польскій поэтъ.
Французскій поэтъ.

Разныя фигуры богемы.

СЦЕНА I.

Рыжій.—Вставайте, ваше сіятельство, десятый часъ! Милый Графъ, не спите такъ долго. Видите, уже солнышко, нынче май! Гляньте, какъ ласточки заливаются. Вотъ подыму штору, солнце васъ хватитъ какъ слѣдуетъ, вы и вскочите!

Графъ *(просыпаясь)*.—А-а, вотъ это кто! Рыжій, называемый батюшка. Рыжій батюшка пришелъ будить. И ты говоришь: май и солнце? Батька, не подымай штору сразу такъ, невыносимо!

Рыжій.—Ага, защурился!

Графъ.—Впрочемъ, ничего. Въ свѣту ты, Рыжій, еще лучше. Въ обыкновенное время ты такъ себѣ, а когда обольютъ тебя золо-то...ъ, ты много превосходнѣе. Батька, если бы я былъ поэтомъ, я бы сказалъ, что твои рыжеватые волосы «подобны лорелейскимъ ст..уямъ». Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты весь сіяешь въ этомъ солнцѣ.

Рыжій *(раздергиваетъ занавѣски, въ комнатѣ по полу ложатся св...лыя колонны)*.—Нынче дивный день, Графъ, дивный! И солнце, и ...черемухой пахнетъ и все—и не одно это. Нынче для меня день

очень важный, важнѣйшій! Пять лѣтъ... Ты забылъ, забылъ, забылъ. А ребенокъ все помнитъ, у него все въ сердцѣ, какъ на огненной бумажкѣ записано!

Графъ.—Нѣтъ, ошибаетесь, помню. День хорошій, это вы правы. *(Цѣлуетъ кончики Рыжиныхъ пальцевъ.)* Вы правы, высокоуважаемый, и ничего я не забылъ. День нашего счастія.

Рыжій *(садится на краю графской постели и плететъ косы. Съ четвертаго этажа виденъ городъ, зеленыя крыши, колокольни, сады; вѣтеръ влетаетъ веселыми волнами и течетъ, струясь. Занавѣски колышатся—киваютъ и посмѣиваются).*—Да, мой другъ, ты знаешь, ты мой единственный другъ и богъ—ты сказалъ мнѣ тогда, что меня любишь. Сколько людей на свѣтѣ говорятъ это и, можетъ быть, въ такомъ же родѣ говорятъ... у меня вотъ здѣсь, въ сердцѣ, погребены твои слова. Знаешь, какъ въ волшебномъ сундучкѣ. Вотъ и сегодня утромъ встала и думаю: онъ, мой, мой милый, милый мой вотъ тутъ—всего въ двухъ шагахъ... и сердце у меня чуть-чуть не разорвалось. Думала, что̀ бы такое сдѣлать? Лечь ему подъ ноги, чтобы онъ прошелъ по мнѣ, или въ окошко выпрыгнуть и на смерть разбиться.

Графъ.—Ты у меня романтикъ, батя. *(Помолчавъ.)* Но ты правъ. Странная жизнь. Очень странная. Очень хорошо помню, какъ съ тобой познакомился. Думалъ ли тогда, что такъ глубоко будетъ между нами? И знаешь, чѣмъ дольше я живу, тѣмъ больше кажется, что кто-то тихими... пламенными нитями связываетъ насъ въ одно... Гдѣ-то въ тишинѣ зрѣетъ, накопляется...

(Изъ другой комнаты стукъ.)

Равеніусъ.—Будетъ вамъ спать, анаѳемы! Мамуся, пора, Богъ знаетъ на что похоже. Мы съ Васькой третью партію доиграли, а они дрыхнутъ. И при этомъ я его посадилъ четыре раза.

Вася.—Врешь, ты Ноздревъ, ты и играешь по ноздревски.

Равеніусъ.—А ты дуракъ карлсбадскій. Или, вѣрнѣе, карлсбадско-американскій.

Рыжій.—Начинаютъ наши ярилы яриться. Это значитъ, плохо спали, и спозаранку засѣли.

Равеніусъ.—Мамуся, голубчикъ, кофейку!

Рыжій.—Сейчасъ, сейчасъ, двѣ минуты.

(Майскій вѣтеръ хлопаетъ занавѣсями, въ комнатѣ ласковый кавардакъ; влетаетъ запахъ сирени; графскую кровать заставляютъ ширмами; въ передней части комнаты накрываютъ на столъ, вносятъ самоваръ. Звонокъ, вбѣгаетъ Тоничка, племянница, семи лѣтъ. Въ рукахъ у ней огромный букетъ жасмину.)

Равеніусъ *(вваливается изъ другой двери).*—А, мадемуазель

Танинъ, Тонкинъ, Нанкинъ и Кантонъ. *(Ловитъ ее и вертитъ за руки вокругъ себя.)* Хорошо нагулялись?

Вася.—Тоничка, дай мнѣ цвѣточка! Милая, дай!

Тоничка.—Ой, голова закружилась, будетъ!

Равеніусъ.—Ты погоди, взбудимъ дядю! *(Всѣ трое, хихикая, разбираютъ букетъ на пучки и начинаютъ бомбардировать Графа. Графъ рычитъ изъ-за ширмъ и въ отвѣтъ летятъ цвѣты, гребенки, маленькая подушёнка и т. п. Тоня заливается.)*

Рыжій *(входитъ)*.—Тпр... тпр... развоевались воеводы! Будетъ, стопъ! Кофе пить!

Равеніусъ *(отираетъ потъ со лба)*.—Что, ваше сіятельство, попало? А ты, мамуся, не такъ говоришь. Когда нашъ нѣмецъ унималъ насъ, онъ кричалъ: «ожи-да-ю т-и-ш-и-н-о!»

(Успокаиваются и садятся за столъ. Тоня влѣзаетъ съ ногами къ Рыжему и, когда нужно наливать, отворачиваетъ кранъ самовара. Равеніусъ съ Васей опять дуются въ шахматы.)

Графъ.—Здравствуйте, други! Здравствуйте, маленькій змѣй! *(Цѣлуетъ ручку Тони, гладитъ ее своей.)* Хорошо погулялъ? Милый ты мой, разгорѣлся, огонь въ глазахъ! *(Тоничка конфузится.)* Какъ растетъ, какъ онъ умнѣетъ у насъ! Чай опять сны разные видѣлъ, чудесные?

Тоничка.—Будто бы со второго этажа лечу, и не падаю, а тихо, на крылышкахъ, и прямо въ сосонникъ сѣла.

Графъ.—Ну, вотъ и отлично, что въ сосонникъ!

Тоничка *(перебирается съ Рыжиныхъ колѣнъ къ Графу, жмется; очень конфузливо, чтобы никто не слышалъ)*.—Дядя, а правда у тетимамы ножки другъ съ другомъ разговариваютъ? Онѣ у нея такія длинныя, и она говоритъ, что онѣ у ней какъ дѣти: могутъ будто бы плакать, смѣются, когда устанутъ—жалуются.

Графъ.—Вѣрно правда, милый.

Равеніусъ *(отрываясь отъ игры)*.—Тетя-мама вся волшебная, я самъ разъ слышалъ, какъ ея ножки поссорились.

Тоничка.—А у меня никто не волшебный. И никто ни съ кѣмъ не говоритъ. Ни ручки, ни ножки. *(Задумалась, отходитъ къ окошку.)*

Графъ *(Рыжему)*.—Батюшка, еще чашку кофе! *(Тоже отходитъ съ кофе и газетой въ уголъ, въ кресло. Про себя:)* А можетъ, правда Рыжій мой волшебный! Можетъ, правда есть въ немъ какая чара, медленное зелье, приворотное... сладкое такое зелье. *(Издали молча слѣдитъ за игрой Васи съ Равеніусомъ, лепетомъ Тони, за Рыжимъ.)* Такъ... начался новый день, и кто-то еще глубже входитъ

въ мое сердце и тихо, тихо завладѣваетъ всѣмъ тамъ, строитъ свою стройку.

(Въ комнатѣ понемногу стихаетъ. Равеніусъ и Вася погружены въ игру, Тоня снова виситъ на балкончикѣ, Рыжій задумчивъ.)

Графъ.—Теки, теки моя рѣка. *(Полузакрываетъ глаза.)* Какое опьяненіе!

СЦЕНА II.

Позднее утро, кафе на бульварѣ; мало народу, тихо, сѣровато; деревья слабо зеленѣютъ. *Графъ* и *Вася* за столикомъ.

Графъ.—Мы съ тобой, стало быть, нынче второй разъ кофе пьемъ. Впрочемъ, здѣсь я не считаю. Здѣсь можно вотъ такъ сидѣть, глядѣть на эту весну и ничего не дѣлать... Ахъ, хороши такіе дни!... Смотри, все въ легкой-легкой вуали. Точно кто набросилъ. И хороша эта кротость, весна, тоска. Какъ сейчасъ въ деревнѣ! Помню, я провелъ одинъ тихенькій сѣрый апрѣль, и это чувство было такъ сильно... мнѣ все казалось, что сейчасъ изъ этого сѣренькаго воздуха глянетъ на меня... кто-то. Прекрасное чье-то лицо.

Вася.—Что-то Божье есть въ этомъ. Богородицыно.

Графъ.—Вѣрно. Въ этомъ родѣ. Но словами не скажешь.

(Идутъ прохожіе, неторопливо и изрѣдка; барышня пронесла сиреневый букетъ; сквозь листики деревьевъ далеко въ небѣ маячитъ куполъ собора; онъ блѣдно-золотой, и въ немъ, какъ тѣни, бродятъ отраженія облаковъ, городовъ, дальнихъ полей, которыя видитъ одинъ онъ; вѣчное и легкое движеніе. Вася смотритъ туда.)

Вася.—Гдѣ-то теперь наши.

Графъ *(улыбается)*.—Наши? *(Вася краснѣетъ.)*

Вася.—Таня, Вѣра Николаевна. Счастливый вотъ этотъ куполъ. Насколько онъ видитъ? Нѣтъ, всетаки мало. Я-бъ хотѣлъ видѣть далеко... гораздо дальше... и то, что въ человѣческихъ сердцахъ.

Графъ.—Что тамъ въ человѣческихъ. Въ Таниномъ? Вонъ ты куда! Значитъ, нашего полку прибыло. «Томленіе духа»—это хорошее выраженіе. Да, вижу, вижу. Ты ужъ давно околдованъ, давно я замѣчаю, ты весь вскипаешь и розовѣешь. Вася, Вася, это твой первый выходъ, первое жизненное крещеніе. Но крещеніе большое... огнемъ.

Вася.—Знаю, да. Но хорошо. Богъ мой... *(Вытягиваетъ впередъ руки, какъ будто чтобы потянуться, и духъ у него захватываетъ.)* О, какъ я странно теперь живу. Она далеко, и вѣрно... никогда не отвѣтитъ мнѣ любовью, и иногда сердце мое останавливается—такъ

больно и такъ чудно. У насъ въ садикѣ есть качели небольшія, я цѣлыми днями качаюсь на нихъ, улыбаюсь и бормочу. Все теперь какъ-то спуталось во мнѣ... жить ли, умирать ли, дѣйствительность, недѣйствительность.

Графъ *(улыбается).*—Ты, Вася, стало быть, «визіонеръ». Но правда, какъ это чудесно, всѣ мы другъ за другомъ вступаемъ въ этотъ кругъ... будто кто намъ назначилъ. Это вѣдь, Вася, магическій кругъ какой-то. Вотъ мы родимся, живемъ, зрѣемъ потихоньку и потомъ вдругъ у-ухъ, вплываемъ въ беззвучную, тихую... пламенную полосу. И тамъ насъ крутитъ, завиваетъ... кто-то будто носитъ на своихъ плавныхъ рукахъ, какія-то теченія подводныя. И однимъ предназначена жизнь, другимъ—смерть. И это называется любовью.

Вася.—А по-твоему мнѣ что?

Графъ *(не сразу).*—Рано или поздно всѣмъ смерть, а потомъ опять жизнь. А вблизи что—не знаю.

Вася.—Да мнѣ, собственно, все равно. Это я такъ.

(На бульварѣ показывается Рыжій; онъ въ свѣтло-зеленомъ пальто, зеленѣющей вуали. Рядомъ съ нимъ слегка въ припрыжку Равеніусъ, въ крылаткѣ и огромной шляпѣ.)

Равеніусъ.—Философы засѣдаютъ. Даю слово, разговоры о мистицизмѣ или еще объ умномъ. А мы вотъ съ мамой по дѣламъ, чуть не полгорода обѣгали. *(Графу.)* У тебя нынче балъ, оказывается, а ты ни слова. Довольно гнусный фактъ. Мы приглашали и заказывали шампанское, устрицы, оркестръ... Ну, тамъ на нѣсколько сотъ франковъ. *(Подходитъ лакей.)* Мамуся, тебѣ чего?

Рыжій.—Все равно.

Равеніусъ *(человѣку).*—Вдвоемъ ѣдемъ въ Турцію.

Графъ.—Блестяще. А вѣдь правда, угадалъ, безъ тебя мудровали.

Равеніусъ.—Ну, ясное дѣло.

Графъ *(смѣется).*—У меня былъ пріятель, онъ любилъ спрашивать пришедшихъ: «а какъ вы смотрите на смыслъ жизни?» Ну-ка, экспромтъ «о любви?» Ну, ну?

Равеніусъ.—О любви? *(Вдругъ, задумчиво.)* Нѣтъ, не согласенъ. *(Стихаетъ и углубляется въ турецкій кофе и газету.)* Пусть Мамуся говоритъ. Она у насъ «магистеръ любви и докторъ наслажденій».

Рыжій *(стаскиваетъ съ тонкихъ рукъ перчатки—длинныя-длинныя, точно свѣтлыя змѣйки).*—Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! *(Даетъ подзатыльникъ перчаткой.)* Дурачокъ ты у меня уродился, голубчикъ.

Вродѣ Иванушки. А о любви я не могу, я не умѣю умныхъ разговоровъ разговаривать.

Равеніусъ *(бурчитъ)*.—Да, да, сказала. Ты, братъ, какъ перчатки снимаешь, однимъ движеніемъ этимъ лучше скажешь, чѣмъ эти... дьяволы—словами.

(Рыжій побалтываетъ ложечкой и смотритъ вдаль бульвара. Всѣ смолкаютъ. Графъ куритъ и тоже думаетъ о чемъ-то.)

Равеніусъ.—Эхъ, господа! Вы думаете, это плохо? И правда другіе этого не понимаютъ? Нѣтъ, милые, пони... *(Обрывается голосъ, вдругъ онъ блѣднѣетъ и будто слезы замерли гдѣ-то внутри.)* Человѣкъ! за одинъ турецкій кофе!

Рыжій.—Сыночка, милый, что съ тобой, дорогой ты мой, успокойся.

(Графъ, Вася даютъ ему воды, зубы у него стучатъ, всѣ встревожены.)

Графъ.—Голубчикъ, чего ты, а?

(Вася молчитъ.)

Равеніусъ.—Нѣтъ, нѣтъ, ничего, пройдетъ, пустите... я сейчасъ... сейчасъ. *(Убѣгаетъ. Всѣ смущены.)*

Графъ.—Что съ нимъ такое? Рыжій, не знаешь?

Рыжій.—Это такой ужасъ, онъ такой нервный, онъ, пока шли-то мы съ нимъ, все дергался какъ-то, блѣднѣлъ, краснѣлъ... Я знаю, ему тяжело, не только нынче, вообще ему плохо.

Графъ.—Все то еще, прежнее?

Рыжій.—Конечно.

Графъ.—Да, это я дуракъ. Глупо, очень. Э-эхъ! *(Молчатъ. Черезъ нѣсколько минутъ Вася подымается. «До вечера?» «Прощайте». Графъ и Рыжій остаются.)*

Рыжій.—Мой дорогой, вы знаете, я сейчасъ отъ Люси. Графъ, милый, вы опять думаете о чемъ-то? Я вижу, вы сейчасъ не мой, нѣтъ, вы во что-то погружены... и пока вы погружены, я какъ маленькій пёсикъ на веревочкѣ буду прыгать вокругъ васъ и тявкать... о чемъ я могу тявкать? Только объ одномъ.

Графъ.—Пустое, это у меня только видъ такой «глубокомысленный». Стòитъ человѣку остановить глаза на одной точкѣ, и всегда ужъ думаютъ, что онъ рѣшаетъ вопросы бытія.

Рыжій.—Ну, простите, батюшка, виноватъ, если не такъ сказалъ.

Графъ.—Ахъ, ты Рыжій, Рыжій, ребенокъ ты мой малый. Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ, если ужъ на то пошло. Правда, у меня въ башкѣ бредетъ что-то такое сейчасъ. Богъ его знаетъ что. И тоска какая-то, и сладость. И не знаешь, чего больше. Точно зарыдалъ бы

сейчасъ,—отъ печали-ль, восторга-ль? Вотъ смотрю на вуаль твою зеленую, вотъ она вьется, овѣваетъ тебя, и какое-то очарованіе идетъ оттуда... съ этимъ зеленѣющимъ вѣтеркомъ. Что, братъ, если правда какой-нибудь тамъ духъ любви, богъ-амуръ поетъ сейчасъ въ тебѣ, а я слышу? Почему это такъ, ты сидишь, а я слышу и чую что-то, и въ сердцѣ у меня кипитъ... блаженство, печаль? А-а, Рыжій, Рыжій, я не могу говорить, у меня плохо выходитъ, но тутъ что-то есть.

Рыжій (*сидитъ въ блаженномъ туманѣ, только глаза свѣтлѣютъ слезой, и вѣтерокъ ходитъ по листочкамъ деревьевъ; кто-то вздыхаетъ въ нихъ съ лаской и будто тихою грустью. Длинные шелковистые концы вуали плывутъ въ воздухѣ и вьютъ*).

Графъ.—Вонъ по тротуару бѣжитъ Люси! Какая тоненькая, гибкая Люси! Самая красивая женщина города. Это мое старое убѣжденіе.

Рыжій (*не отрывая отъ него глазъ, все въ томъ же забвеніи, очень тихо*):—Еслибъ ты зналъ, какъ я тебя люблю! Какъ я тебя люблю! Кажется, я сейчасъ умру!

(*Люси замѣтила ихъ, киваетъ, подбираетъ свои юбки и, потряхивая черными кудряшками, легкимъ вихремъ мчится къ кафе.*)

СЦЕНА III.

Первый часъ ночи.—Комната первой сцены, десятка полтора народу; дальняя часть въ полутьмѣ, впереди голубой фонарикъ; самоваръ, большая бутыль донского вина, фрукты и проч.—Дверь на балконъ отворена; оттуда и изъ оконъ—синяя ночь.

Равеніусъ (*сидитъ на корточкахъ передъ диваномъ и наигрываетъ на дудочкѣ—вродѣ флейты*).—Вниманіе, господа! Тишина!... Люси пляшетъ танецъ Саломеи...

Французскій поэтъ.—А гдѣ же голова Крестителя?

Равеніусъ.—Молчи, негодяй, стань себѣ въ уголъ и молчи.

Французскій поэтъ (*Польскому поэту*).—Когда я жилъ въ Парижѣ, я часто безумствовалъ въ кабачкахъ и клоакахъ...

Равеніусъ.—«О-жи-да-ю ти-ш-и-но!»

(*Выходитъ Люси, тоненькая и черноволосая.*)

Люси.—Что мнѣ плясать, Равеніусъ? Вы всегда смѣетесь, ну, какая тамъ, правда, Саломея?

Равеніусъ (*поглаживая козлиную бородку*).—Мы ничего, Люси, мы съ тобой устроимъ хорошій номеръ. Мы протанцуемъ, что мы чувствуемъ, а тамъ видно будетъ... Саломея это или восходъ солнца.

(Тихо, на одной ноткѣ, Равеніусъ начинаетъ. Люси въ легкомъ конфузѣ мягко перебираетъ ногами и носитъ свое тѣло въ качаніи, закутавшись въ длиннѣйшую вуаль).

(Всѣ примолкли, видны силуэты по угламъ и свѣтлая фигура Люси впереди.)

Графъ *(Васѣ; оба стоятъ на балконѣ).* — Хорошо, Вася, правда? Какъ сладко, больно! Тихо такъ, свѣжо... О чемъ она думаетъ? Вонъ какъ пляшутъ кудряшки на ея головѣ, а головка блѣдненькая, и глаза... *(Равеніусъ кончаетъ, Люси утомилась, падаетъ на диванъ. „Охъ, устала, не могу больше!" „Браво, браво!")*

Французскій поэтъ *(въ огромной манишкѣ и смокингѣ).*— Позвольте приколоть вамъ въ благодарность эти цвѣты. Когда я жилъ въ Парижѣ...

Рыжій.—Милый ты мой Люсикъ, дорогой ты мой, ну какъ онъ пляшетъ, какъ онъ пляшетъ! *(Обнимаетъ и долго, восторженно цѣлуетъ).* Ну, право артистъ, художникъ онъ у меня!

Люси.—Глупая ты Рыжая, развѣ хорошо? Оставь, право, ты меня всегда конфузишь.

Польскій поэтъ *(подходя къ Графу).*—Хорошо танцуетъ эта госпожа... хорошо. Она, знаешь ли, меня очень растрогала... *(Кладетъ голову на плечо Графа и глядитъ въ окно, на ночь, черными индусскими глазами.)*

Вася.— Мнѣ тоже очень нравится, какъ Люси танцуетъ... Я погружаюсь въ то же опьяненіе...

Равеніусъ.—Опять философствуютъ. Чтобъ вамъ... *(Равеніусъ какъ будто усталъ, нѣсколько блѣденъ).* Гдѣ мамуся-то? Пусть бы сюда вышла, на балконъ.

Польскій поэтъ.—Гм... хе-хе... *(Хлопаетъ Равеніуса по плечу).* Равеніусъ, не сердись.

Равеніусъ.—Я не сержусь, это я такъ. Сейчасъ тамъ пить будутъ за здоровье этихъ чертей высокоуважаемыхъ. Вотъ и мамуся, и бокалы тащитъ, молодецъ! *(Вася, Польскій поэтъ, Равеніусъ, Графъ и Рыжій берутъ по бокалу).*

Равеніусъ.—Ну, друзья, слушайте—теперь все въ серьезъ. Вотъ мы беремъ бокалы и привѣтствуемъ этихъ двухъ субъектовъ... отъ всего сердца. Правду скажу, я ихъ очень люблю, какъ родныхъ. И то, что вы сейчасъ въ этой самой «любви» взаимной находитесь, это очень много. Пусть будетъ это благословенно. Живите, мои дорогіе, цвѣтите, любите. Только одно вы узнайте отъ того пса, какой есть я: будьте всегда готовы. Ахъ, други, вы вотъ меня спрашивали тамъ, что такое любовь, тогда, въ кафе. Развѣ

можно на это отвѣтить? Нѣтъ... ты упади, сердце свое истерзай, изорви свою душу въ клочья, тогда, можетъ быть, узнаешь, что она есть. А вы думаете, я не знаю, что въ ней еще? О, нѣтъ, вотъ онъ, вотъ парйтъ дивный орелъ—бѣлый орелъ, и когда на него глядишь, душа поетъ... да, какіе-то хоры звучатъ въ твоемъ сердцѣ, но это не даромъ: тр-аххъ, трескъ, ударъ, и ничего не осталось отъ твоего маленькаго мозга. Эта старая штука, я не Америки открываю, я только хочу сказать: да, васъ осѣнила великая милость, видите вы огненные горизонты,—не забывайте, куда это ведетъ васъ... и—не бойтесь. И чего вамъ пожелать? Счастья, несчастья? Графъ, не сердись, ей-Богу не знаю.

Польскій поэтъ.—Чокаюсь! Брависсимо, Равеніусъ!

(Всѣ тоже чокаются, поздравляютъ, но говорятъ мало. На балконѣ темно, видны огонечки папиросъ.)

Французскій поэтъ *(со своимъ бокаломъ—изъ комнаты)*.—Браво, браво! Я всегда за любовь, за цвѣты, женщинъ...

(Равеніусъ зашелъ въ дальній уголъ балкона и обѣими руками подперъ голову. Рыжій подходитъ къ нему и полуобнимаетъ. Такъ они стоятъ молча довольно долго.)

Рыжій.—Ты очень несчастенъ, сынокъ? Дорогой мой, любимый, скажи все по правдѣ. Чего отъ меня таиться.

(Равеніусъ молчитъ, потомъ упирается лбомъ въ балконныя перила и шепчетъ тихонько, будто сквозь слезы.)

Равеніусъ.—Очень, мама...

(Рыжій ласково гладитъ его по головѣ, слезы бѣгутъ по ея щекамъ; и рукой она расправляетъ непокорные волосенки Равеніуса, будто отгоняя его боль.)

СЦЕНА IV.

Поздняя ночь, начинаетъ свѣтать; чуть зеленѣетъ на востокѣ и тихими массами стоятъ деревья и старая церковушка внизу.—Тотъ же балконъ, *Рыжій* и *Графъ*.

Графъ.—Какъ стало тихо! Всѣ ушли, всѣ спятъ теперь, только мы съ тобой здѣсь. Я люблю ихъ всѣхъ очень, но сейчасъ радъ, что они ушли. Намъ вдвоемъ лучше. Правда?

Рыжій.—Правда, милый.

Графъ.—Какъ смѣшно, былъ «балъ», хохотали, шумѣли... какое это все ужасно маленькое передъ тѣмъ, что внутри. А на самомъ дѣлѣ—много. Если правду говорить, лучше бы даже намъ было... быть вдвоемъ на праздникахъ... этой любви. Да, идутъ

годы, и внутри, какъ верстовые столбы встаютъ эти вѣхи... нетлѣнные, чудесные памятники. Такъ и этотъ день... онъ остался въ насъ какъ гигантскій букетъ, опьяняющій, сладкій,—пожалуй, что гибельный.

Рыжій.—Это правду Равеніусъ говорилъ о любви. Вѣрно—живешь и любишь, и вѣчно ждешь—когда же? Когда придетъ? А я тебѣ такъ скажу: вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я стала любить, мнѣ совсѣмъ и не страшно. Ничего мнѣ не страшно, даже умирать. Говорю передъ тобой какъ передъ богомъ—ты вѣдь и есть мой земной богъ: еслибъ пришли сейчасъ и сказали: умри, Рыжій, и никогда ты больше не увидишь солнца, земли, деревьевъ,—я бы сказала: ну, что же, приходите, берите меня. Потому что такая большая моя любовь, такая... *(Припадаетъ къ плечу Графа и не можетъ больше говорить).*

Графъ.—Вѣрно, мой Рыжій, такъ. Я и самъ такъ-то думаю. Да и раньше насъ думали такъ же: любовь и смерть. Старо и вѣрно. Чѣмъ дивнѣе, возвышеннѣе, тѣмъ ближе къ тому... откуда всѣ мы родомъ. И чѣмъ пьянѣе, тѣмъ печаль горше... Вотъ мы живемъ съ тобою... нѣжно любимъ, и милліоны существъ любятъ другъ друга,—и навсегда, навсегда мы потонемъ. Да, смерть не страшна, но какая въ ней печаль! Подумай, черезъ двадцать, тридцать лѣтъ мы умремъ, умрутъ наши друзья и Равеніусъ милый, бѣдный Равеніусъ, и одинаково черезъ двадцать слѣдующихъ лѣтъ забудутъ наши имена, «сотрутся надписи на могильныхъ плитахъ». И отъ насъ на землѣ не останется ничего!

Рыжій.—Батя, милый, а любовь наша? Развѣ можно ее уничтожить? Нѣтъ, нѣтъ, нашу любовь ничѣмъ не вычеркнешь, вѣчно она будетъ жива. Развѣ можетъ она умереть? Пусть мы умремъ, и отъ насъ ничего не останется, а можетъ мы и родились-то только затѣмъ, чтобы такъ вотъ любить, любить до изступленія...

Графъ.—Рыжій, Рыжій, конечно, во что же я вѣрю—только въ одно, въ любовь нашу.

(Приникаютъ другъ къ другу тѣснѣе и такъ стоятъ въ самозабвеніи, безъ словъ. Далеко, смутно шумитъ городъ; полосы восхода розовѣютъ; и до самаго неба все тихо.)

Рыжій *(шопотомъ).*—Слышишь? Какъ сейчасъ все молчитъ! Вотъ, слушай, я... вотъ говорю тебѣ какъ передъ Богомъ. *(Рыжій крестится, губы у ней дрожатъ.)* Что бы тамъ ни было... только, когда ты умрешь, если такъ выйдетъ, что ты раньше меня... я сейчасъ же... съ тобой, слышишь? Я ничего не боюсь!

Графъ.—Слышу, ребенокъ мой, вѣрный мой ребенокъ. Богъ

мой, мнѣ трудно говорить,—да, да. Мы будемъ вмѣстѣ въ ту минуту, мы не будемъ разлучаться, мы пойдемъ вмѣстѣ... Рыжій, мой Рыжій, мы будемъ выше смерти...

Рыжій.—И тамъ, куда мы попадемъ, намъ скажутъ: бѣдные ребенки, они такъ другъ друга любили, что не захотѣли разставаться даже передъ смертью. А если кто-нибудь вздумаетъ гнать, я скажу: гоните одного Рыжаго, дайте зато Графу моему, примите его! *(Задыхается отъ слезъ.)*

Графъ.—Милый, мой милый безконечно, и никто насъ не погонитъ, мы сгоримъ вмѣстѣ и вмѣстѣ воскреснемъ!

(Такъ, обнявшись, затуманенные, стоятъ они долго на балконѣ. Рыжій наклоняетъ голову, Графъ цѣлуетъ ее въ свѣтлый затылочекъ. Потомъ, будто очнувшись, они приходятъ въ себя и долго не отрываясь смотрятъ другъ другу въ глаза.)

Графъ.—Значитъ, навсегда.

Рыжій.—Навсегда.

(Онъ беретъ ее за талію и медленно они входятъ черезъ балконную дверь въ комнату. Дверь затворяется и въ стеклѣ ея играютъ розовые отблески зари.)

Бор. Зайцевъ.

Іерусалимъ.

1.

Это было весной. За восточной стѣной
Былъ горячій и радостный зной.
Зеленѣла трава. На припекѣ во рву
Макъ кропилъ огоньками траву.
И сказалъ проводникъ: «Господинъ! Я—еврей
И, быть можетъ, потомокъ царей.
Погляди на цвѣты по сіонскимъ стѣнамъ:
Это все, что осталося намъ».
Я спросилъ: «На цвѣты?» И услышалъ въ отвѣтъ:
«Господинъ! Это—праотцевъ слѣдъ.
Кровь погибшихъ въ бояхъ. Каждый годъ, какъ весна,
Краснымъ макомъ восходитъ она».

2.

Въ полдень былъ я на кровлѣ. Кругомъ подо мной
Тоже кровлей—единой, сплошной,
Желто-розовой, точно песокъ,—возлежалъ
Древній городъ—и зноемъ дышалъ.
Одинокая пальма вставала надъ нимъ
На холмѣ опахаломъ своимъ,
И мелькали, сверлили стрижи тишину,
И далеко я видѣлъ страну
Моремъ сѣрыхъ холмовъ разстилалась она
Въ дымкѣ сизаго мглистаго сна,
И я видѣлъ гористый Моавъ, а внизу—
Ленту Мертвой Воды—бирюзу.

3.

«Отъ Галгала до Газы—сказалъ проводникъ—
Край отцовъ нынѣ бѣденъ и дикъ.
Іудея въ гробахъ. Богъ раскинулъ по ней
Сѣмя пепельно-сѣрыхъ камней.
Врагъ разрушилъ Сіонъ. Городъ тлѣлъ и сгоралъ—
И пророкъ Іеремія собралъ
Теплый прахъ—прахъ золы—въ погасавшемъ огнѣ
И разсѣялъ его по странѣ:
Да родитъ край отцовъ только камень и макъ!
Да исчахнетъ въ немъ всяческій злакъ!
Да пребудетъ онъ голъ, изсушенъ, нелюдимъ—
До прихода Рѣченнаго Имъ!

Иванъ Бунинъ.

Подъ Хевроном.

На пути подъ Хевроном,
Въ каменистой широкой долинѣ,
Гдѣ по скатамъ и склонамъ
Вѣковыя маслины сѣрѣли на глинѣ,
Поздней ночью я слышалъ
Плачъ ребенка—шакала...
Изъ-подъ черной палатки я вышелъ,
И душа моя долго искала
Хоть единой мнѣ близкой души въ полумракѣ...
Но уснули верблюды, собаки
И арабы въ палаткѣ... Свѣтили
Молчаливыя звѣзды надъ старой
Позабытой землею... Въ могилѣ
Почивалъ Авраамъ съ Исаакомъ и Саррой...
И темно было въ древней гробницѣ Рахили.

Иванъ Бунинъ.

ЛУННЫЙ СОНЪ.

I.

Когда поѣздъ подошелъ къ Мессинѣ, уже стемнѣло.

— Ничего сегодня не увидишь!—съ досадой сказалъ молодой художникъ Ниловъ юному студенту-технику, увязавшемуся за нимъ изъ Палермо.

— Славно будетъ сейчасъ пообѣдать!—радостно говорилъ студентъ, протискиваясь сквозь нервную, говорливую толпу, спѣшившую выбраться черезъ контроль около узкой двери вокзала.

— Вѣчно у васъ ѣда на умѣ!—попрекнулъ художникъ.—Помыться бы послѣ этой проклятой дороги...

— Но вѣдь вы сами...—огрызнулся Антонино.

Ниловъ, дѣйствительно, чуть не полдороги ворчалъ, что студентъ-палермитанецъ—человѣкъ мѣстный, и не догадался захватить съ собой провіанта.

Поѣздъ шелъ съ самаго утра, опаздывая все больше и больше, а на безчисленныхъ пустынныхъ станціяхъ ничего не было, кромѣ воды съ анисомъ, черствой булки и сыра, похожаго съ виду на треснувшее мыло, и такого остраго, что крошечный кусокъ возбуждалъ еще большій аппетитъ и нестерпимую жажду.

— Хоть бы сардинокъ или ветчины...—жаловался художникъ.

Публика, биткомъ набившая шестимѣстное купэ, расхохоталась, а солидный коммерсантъ въ разстегнутомъ жилетѣ, со свѣсившейся надъ животомъ толстой золотой цѣпью, пересталъ грязными руками запихивать въ ротъ маленькій квадратикъ крѣпкаго, какъ камень, печенья:

— Синьоръ иностранецъ забылъ, что мы въ горахъ и здѣсь ничего нельзя достать.

— Проклятое правительство!—раздалось изъ угла.

— Да, Сицилія—это бѣдная падчерица у нашего правительства!...

И всѣ пассажиры, ѣхавшіе на континентъ, взапуски принялись бранить правительство.

Ниловъ улыбнулся; онъ не разъ замѣчалъ эту особенность итальянцевъ: они за все и про все ругаютъ правительство, не отдѣльныхъ лицъ, не учрежденія, а именно—правительство. Больше чадитъ, чѣмъ свѣтитъ маленькая лампа въ потолкѣ вагона, такая необходимая при безконечныхъ тоннеляхъ,—итальянецъ ругаетъ il governo; и чѣмъ больше копоти нарастаетъ на выгнутомъ стеклѣ, прикрывающемъ горѣлку, тѣмъ брань ядовитѣе, тѣмъ негодованіе на правительство сильнѣе.

Какъ-то Ниловъ сказалъ:

— Ну, и вагоны же у васъ! Нѣтъ даже уборной, чтобы освѣжить лицо. А ужъ сколько часовъ мы мчимся по такой жарѣ и коптимся въ галлереяхъ. Наши желѣзныя дороги больше заботятся о пассажирахъ.

Итальянецъ презрительно развелъ руками:

— Чего вы хотите отъ нашего правительства?!

И такъ вездѣ, во всемъ.

Извозчикъ подъѣхалъ къ Hôtel Continental. Худой, отощавшій лакей не скоро показался на отчаянные звонки швейцара. Въ концѣ августа пріѣзжіе въ Мессинѣ такъ рѣдки. Со свѣчей въ рукахъ онъ повелъ гостей черезъ маленькую переднюю и контору, раздѣленную рѣшеткой на двѣ части, распахнулъ стеклянную дверь, и по широкой, каменной террасѣ, опоясывавшей внутренній дворъ, провелъ пріѣзжихъ въ номеръ.

Южная ночь наступала быстро. Въ тихихъ и знойныхъ сумеркахъ Ниловъ видѣлъ только слабо колебавшійся желтый огонекъ, освѣщавшій дорогу. Пахло цвѣтами.

— Электричества нѣтъ?

— Въ Мессинѣ не для кого.

Имъ дали громадную комнату съ двумя кроватями; окномъ служила высокая дверь со стеклами, перехваченными посрединѣ мѣдными ободками, и забранная движущейся деревянной рѣшеткой.

— Какъ здѣсь мрачно! — замѣтилъ Ниловъ, вглядываясь въ глубину.

— Но вѣдь вы сами хотѣли не на улицу, чтобы было спокойно—опять огрызнулся Антонино.

Черезъ часъ, вымывшись и переодѣвшись, они сидѣли на via

Garibaldi. Обѣдъ подавали медленно и прескверный. Ниловъ дразнилъ студента.

— И это-то ваша лучшая улица! Это-то вашъ лучшій ресторанъ!

— Я вамъ говорилъ, что въ Мессинѣ нѣтъ ничего интереснаго,—оправдывался Антонино, запивая тяжелымъ краснымъ виномъ со льдомъ какой-то странный брусокъ изъ макаронъ, яицъ и мелко изрубленнаго мяса.

Столики стояли на тротуарѣ, и мимо нихъ безпрерывной вереницей шли мессинцы. Лавки и магазины закрывались. Улица постепенно темнѣла. Мальчишки со спичками и газетами дѣлались все болѣе и болѣе назойливыми и уже не безмолвно, на ходу, протягивали свой товаръ, а останавливались у столиковъ и то хныча, то нагло приставали, пока не получали сольди.

Ниловъ былъ радъ, когда кончили обѣдать. У него рябило въ глазахъ отъ этого сѣраго движенія. Пошли по пустынной улицѣ Гарибальди, выбрались на длинное изгибающееся корсо Виктора Эммануила; у моря не было ни души, зато шумѣли и галдѣли въ кабачкахъ, зіявшихъ широко распахнутыми дверями въ каждомъ домѣ Марины. Всѣ эти таверны и тратторіи были приспособлены ко вкусамъ невзыскательныхъ моряковъ, похожи другъ на друга и отличались только названіями. Въ одномъ мѣстѣ набережная была ярко освѣщена. На громадной баржѣ, притянутой къ берегу, пестрѣлъ цвѣтными афишами кинематографъ, нынѣшняя любимая забава итальянцевъ. Антонино непремѣнно захотѣлось туда. Экспансивные зрители шумно привѣтствовали каждую удачную картину, а тѣ, кому приходилось ждать очереди, нетерпѣливо бродили по тротуару или по узенькому проходу баржи, сзади театрика, ближе къ морю, и чутко прислушивались къ возгласамъ одобренія наслаждавшихся счастливцевъ.

Ниловъ взялъ лодку, и они долго катались по заливу, среди стоявшихъ на якорѣ судовъ. Иллюминаторы бросали на темную, сизую воду лучи красноватаго свѣта, дрожавшіе отъ движенія моря. Подъѣхали къ тремъ мрачнымъ гигантамъ, стоявшимъ рядомъ и точно уснувшимъ. Это были пароходы, на которые въѣзжаютъ поѣзда съ пассажирами изъ Мессины на континентъ и обратно. Такъ странно было видѣть ряды вагоновъ на длинныхъ палубахъ. Весь день пароходы работали, и теперь уснули мертвымъ сномъ и люди, и машины. Съ утра вѣдь та же странная и опостылѣвшая монотонная работа, безъ приключеній, безъ разнообразія долгаго плаванія, но требующая большого вниманія и осторожности.

Было около 12 часовъ, когда Ниловъ и Антонино проходили по

маленькой площади сзади сѣраго стариннаго дворца городского управленія. На piazza del Municipio росли пальмы съ голыми стволами и густыми коронами перистыхъ листьевъ, изогнувшихся подъ собственной тяжестью и ниспадавшихъ во всѣ стороны густымъ султаномъ. Маленькія кафэ съ боку площади уже закрывались: мессинцы рано ложатся спать. Мороженое Антонино заняло ровно столько времени, сколько художникъ писалъ свои открытки.

— Можно и спать!—заявилъ студентъ.

Нилову не хотѣлось уходить. Луна поднялась высоко, было тепло, катанье по морю исправило настроеніе духа. Все равно, не заснешь въ этой катакомбѣ! И художнику представилась комната, запавшая куда-то далеко вглубь мрачнаго дома. Но лакей торопливо убиралъ чернила и усиленно желалъ доброй ночи.

Швейцаръ тоскливо ждалъ ихъ. Всѣ постояльцы были налицо, и тощій Джузеппе предпочелъ лечь спать, разсудивъ, что не стоитъ изъза двухъ гостей бодрствовать и швейцару, и лакею.

Длиннымъ и темнымъ коридоромъ Ниловъ и студентъ прошли въ свою комнату.

— Да тутъ можно запутаться! Вѣдь прежде мы проходили какъто иначе?—обратилъ вниманіе художникъ.

— Черезъ террасу. На ночь она запирается и ключъ у хозяина... тамъ бѣлье,—объяснилъ швейцаръ.

Антонино поспѣшно раздѣвался. Ниловъ отвелъ жалюзи въ сторону, отдернулъ тоненькія занавѣски и съ легкимъ скрипомъ и дребезжаньемъ стеколъ распахнулъ дверь. Хотѣлось провѣтрить комнату.

— Холодно будетъ и слишкомъ свѣтло!—запротестовалъ Антонино, забираясь подъ мягкое шерстяное одѣяло.

II.

Ниловъ не слышалъ. Онъ стоялъ ошеломленный. Темный дворъ превратился въ волшебную декорацію. Все было залито изжелта-голубымъ свѣтомъ. Было свѣтло, какъ днемъ, но свѣтъ былъ другой, прозрачный, легкій и таинственный. Ниловъ оперся обѣими руками на низкую желѣзную рѣшетку, надъ которой поднимались бѣлые душистые кусты, и жадно, полной грудью вздохнулъ ароматнымъ свѣтомъ, напоеннымъ жасминомъ, розами и геліотрономъ. Точно второе дѣйствіе изъ «Ромео!»—пришло ему въ голову.

— Антонино, идите скорѣй! Какая прелесть!...

Но студентъ уже спалъ первымъ тяжелымъ сномъ уставшаго человѣка и слегка похрапывалъ. Художникъ вернулся на террасу.

Бѣлый мраморный полъ ея блестѣлъ отъ лунныхъ лучей. Осторожно, словно боясь нарушить очарованіе, Ниловъ присѣлъ на мраморныя ступени, сбѣгавшія на желтый, сверкавшій песокъ.

Посрединѣ дворика, въ мраморномъ бассейнѣ, съ чуть слышными всплесками журчалъ фонтанъ. Его не было видно изъ густой зелени, подымавшейся изнутри чаши. Сплошь осыпанные цвѣтами кусты жасмина живой стѣной огородили дворикъ отъ террасы. Пышными шапками ютился внизу геліотропъ. Крошечныя лиловыя головки его сливались въ красочныя пятна. Къ бѣлымъ стѣнамъ галлереи, замыкавшей террасу, приникли ползучія травы; онѣ вились, перепутывались и сплетались въ загадочные, трепетавшіе въ лунномъ свѣтѣ живые узоры. Справа, гдѣ высилась черная и мрачная стѣна сосѣдняго дома, съ однимъ маленькимъ окошкомъ, похожимъ скорѣе на крѣпостную амбразуру, выступали три легкія, плетеныя бесѣдки. Ихъ раздѣляли кусты. Тонкаго дерева почти не было видно; могучая зелень захватила его, оплела и разукрасила. Гигантскіе ярко-пунцовые, голубые и лиловые колокольчики то длинными рядами, то цѣлыми гроздьями опушили бока бесѣдокъ, крыши, и пышной бахромой повисли внизъ. Они шевелились отъ движенія воздуха, и Нилову чудилось, что ихъ шелестъ сливается въ нѣжный, гармоничный лепетъ. Въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ о фонтанѣ. Большія бѣлыя и желтыя розы царственно выдѣлялись изъ своей пестрой свиты. Не тѣ жалкія, тепличныя розы, что выхолены усердной рукой и, какъ цѣнная роскошь, радуютъ глазъ садовника; здѣсь не ходили за ними, онѣ родились и безгранично множились на привольѣ, жили и дарили себя съ безумной расточительностью. Прихотливо вились онѣ вдоль яркихъ шатровъ, радостно красовались на цвѣточномъ пологѣ, гирляндами свисали съ него, а другія горделиво тянулись все выше и выше по старой мрачной стѣнѣ. Онѣ дышали, погружаясь въ призрачный свѣтъ, и пронизанныя имъ бѣлыя розы покрывались матовой блѣдностью, а желтыя золотились воздушнымъ налетомъ. Это было царство розъ. Ихъ тонкое благовоніе уступало яркому аромату жасмина и пряному геліотропу. Но онѣ чувствовали свои королевскія преимущества, онѣ были больше, пышнѣе, нѣжнѣе всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Жасминъ не жалѣлъ своихъ безсчетныхъ лепестковъ и густо усыпалъ ими все вокругъ себя. Нилову, сидѣвшему въ сладкомъ забытьи, казалось, что самый песокъ пахнетъ жасминомъ.

Холодные лучи, безшумнымъ потокомъ лившіе съ неба, проходили черезъ ароматный воздухъ и точно дѣлались нѣжнѣе, теплѣе. Нѣмая торжественность мистической ночи теряла свой холодъ и величіе. Туманилась голова, сердце билось сильнѣе, не хотѣлось ни о

чемъ думать, хотѣлось только дышать и смотрѣть. Смотрѣть и дышать. Днемъ онѣ молчали, онѣ скрывали свою силу, эти живыя, душистыя краски. Пришла ночь, голубымъ золотомъ покрыла землю, и настала ихъ власть. Онѣ заговорили безмолвно. Невидимыя струйки аромата потекли по невидимымъ венамъ нѣжныхъ, какъ тѣло ребенка, лепестковъ, неслышно опускались въ воздухъ и напитали его, зачаровали.

Ниловъ чуть слышно запѣлъ:

Распахнулъ я окно, стало душно невмочь...

. . . .

«И о родинѣ вспомнилъ своей, объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой, гдѣ родной соловей пѣснь родную поетъ и, не зная земныхъ огорченій, заливается цѣлую ночь напролетъ подъ душистою вѣткой сирени»...

Умолкъ. Сорвалъ розу, и тонкіе лепестки сладко никли къ его губамъ. А внутри, въ головѣ и въ сердцѣ звучало: «объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой»...

Ему, какъ живая, представилась нѣжная, хрупкая женщина тамъ, въ Петербургѣ. Онъ часто называлъ ее «сиренью». Они были далеки; она видѣла въ немъ только художника, холодно относилась къ его стараньямъ сблизиться. Чего бы только ни далъ онъ, чтобы она очутилась здѣсь теперь, въ эту ночь, въ завороженномъ цвѣтами воздухѣ!...

Мессина спала скучнымъ сномъ торговаго города. Вдругъ на площади, возлѣ собора, кто-то крикнулъ грубое «куэ»,—сицилійское «что это», «кто тамъ»,—и, спустя минуту, раздался мужской голосъ. Онъ лѣниво и небрежно пѣлъ народную бѣдную пѣсню, и замечтавшійся художникъ уловилъ въ ней тѣнь знакомой мелодіи «Сельской чести»: «O, Lola, bianca come fior dispino»...

Должно быть, пѣвецъ шелъ мимо. Звуки ослабѣвали и стихали.

Ниловъ точно проснулся. Быстро поднялся въ комнату, досталъ изъ саквояжа дорожный альбомъ и вернулся на прежнее мѣсто. Нервная рука набрасывала четырехугольный дворикъ, фонтанъ, бесѣдки и цвѣты. Ниловъ морщился все больше и больше: «кому нуженъ этотъ силуэтъ?! Другимъ онъ ничего не скажетъ, а мнѣ... я и безъ него буду помнить эту ночь»... И, вмѣсто рисунка, онъ машинально писалъ въ углу страницы: «сладостная, томительная мессинская ночь, садостная ночь».

Потомъ принесъ ящикъ съ красками, маленькій холстъ на подрамникѣ и попробовалъ уловить на полотнѣ хотя нѣкоторые цвѣта,

но ничего не удавалось. Онъ отшвырнулъ подрамокъ и съ палитрой въ рукахъ пошелъ къ фонтану. Среди зеленыхъ стеблей скользили красноватыя и голубыя рыбки; яркая луна нарушила и ихъ ночной покой. Ниловъ безсильно проговорилъ:

— Невозможно! Проклятая живопись!...

Легкій шорохъ заставилъ его оглянуться.—Неужели всталъ Антонино?

Сзади, на одномъ изъ боковыхъ мраморныхъ сходовъ, прислонивъ голову къ желѣзной рѣшеткѣ, сидѣла женщина.

— Простите, синьора,—быстро проговорилъ онъ по-итальянски, и ему стало непріятно, что видѣли его жестъ отчаянія.

Дама улыбнулась и тихо спросила:

— Быть можетъ, я помѣшала вамъ? Вы пишете...

Ниловъ такъ же тихо отвѣтилъ, будто оправдываясь:

— Развѣ *это* можно написать?—и подошелъ къ лѣстницѣ.

Взглядомъ художника онъ сразу охватилъ женщину всю. Распущенные каштановые волосы свѣсились на плечо и прикрыли его темной, золотистой волной; легкій, широкій пеньюаръ закрываетъ и горло, и ноги; должно быть, днемъ—свѣтло-голубой, потому что теперь серебристо-бѣлый, съ оттѣнкомъ стали. Онъ замѣтилъ такой цвѣтъ изъ окна вагона на лежавшемъ въ забытьи отъ зноя морѣ. Изъ широкихъ рукавовъ обнажились тонкія бѣлыя руки и сплелись на колѣнахъ. Глаза свѣтлые, хрустальные.—Ниловъ слегка прищурился...—можетъ быть, сѣрые, можетъ быть, голубые.—Узкій точеный носъ. Лицо продолговатое, блѣдное, и странно розовѣютъ губы, маленькія, но не тонкія. Лепестки жасмина запутались въ волосахъ, осыпали грудь и пріютились въ глубокихъ складкахъ.

Дама взглянула внизъ, поправила пеньюаръ, и нижній край его спустился ниже ступеньки и ногъ.

— Вы, должно быть, взошли, когда я бралъ краски?

Дама улыбнулась одними глазами.

— Нѣтъ, я здѣсь раньше васъ, и даже слышала, какъ вы запѣли. Вы не могли удержаться? Правда? Хочется пѣть, а не говорить... Удивительная ночь. Въ такую ночь Джульетта вышла къ Ромео... И странно: онъ пѣлъ: «Ah, lève-toi soleil, fais pâlir les étoiles... Развѣ *такъ* не чудно?

Вотъ совпаденіе! Вѣдь и ему вспомнился «Ромео»! Сразу изгладилась неловкость и неожиданной ночной встрѣчи, и его неудачи, какъ художника. Простой и сердечный тонъ голоса невольно вызывали довѣріе. Ниловъ заговорилъ, какъ съ близкимъ товарищемъ.

— Я хотѣлъ написать эту ночь, т.-е.—поправился онъ,—сна-

чала я только чувствовалъ, а потомъ, когда опомнился, во мнѣ заговорила профессія. Но понимаете: нельзя написать, нельзя! Какъ я передамъ гармонію свѣта, этого удивительнаго свѣта, и—аромата? А вѣдь вся прелесть и тайна сегодняшней ночи въ этомъ странномъ сплетеніи двухъ началъ. Я схвачу,—допустимъ, что схвачу—очертанія, допустимъ, что положу краски идеально близко къ натурѣ, хотя эта задача почти не по силамъ мнѣ. Лунный свѣтъ такъ прихотливъ, и мы, сѣверяне, вообще не привыкли къ безумной роскоши природы. Самъ я, да и другіе въ Петербургѣ будутъ смотрѣть картину днемъ. Вѣдь они не то увидятъ! Совсѣмъ не то! Нельзя создать такихъ условій, при которыхъ картина сегодняшней ночи дала бы другому мое впечатлѣніе этой ночи. Мнѣ больно не за себя, больно за живопись, за ея безсиліе... А этотъ воздухъ? Вѣдь мы дышимъ цвѣтами! Какъ странно: ни искусство, ни философія до сихъ поръ не занялись обоняніемъ, ароматомъ. Гармонія звуковъ... гармонія красокъ. А ароматъ?...

Онъ опустился на нижнюю ступеньку и вытянулъ ноги въ бѣлыхъ замшевыхъ туфляхъ.

— Вы правы. Этого нельзя передать, нельзя дать другому почувствовать, можно только самому... Потому что такая ночь чувствуется, не понимается, а чувствуется.

Стояла благоговѣйная тишина. Замолкли даже болтливыя цикады. И люди, какъ незваные пришельцы, не смѣли нарушить громкимъ словомъ таинство волшебной ночи, жившей своей призрачной жизнью.

Женщина мечтательно подняла голову къ небу. Лепестки жасмина посыпались съ волосъ къ ея ногамъ.

— Вы итальянецъ?—и не дожидаясь отвѣта, продолжала, понизивъ голосъ до шепота:—лицомъ вы не похожи, но говорите, какъ итальянецъ. Все равно... У насъ, въ Даніи, есть много сказокъ. Чудныя сказки! И вотъ сейчасъ мнѣ не хочется думать. Я совсѣмъ забыла теперь, что знаютъ астрономы про звѣзды. Это—небесные глаза, и разные, какъ бываютъ у людей. Видите: однѣ мерцаютъ слабо, тихо, другія,—вотъ та звѣздочка—совсѣмъ голубая. А вотъ какой-то мрачный блескъ у этой звѣзды, красноватый... Однѣ—спокойныя, а другія—будто бѣгающіе глаза.

Женщина на минуту замолкла и съ расширенными зрачками не отрывалась отъ блестѣвшаго, точно вымытаго и еще влажнаго неба.

— Днемъ людямъ некогда, они такъ заняты, и небесные глаза не хотятъ смотрѣть на нихъ...

Она говорила медленно и тихо-тихо, точно для себя самой, вспоминая сказки родины, можетъ быть, фантазировала.

Точно вѣтеръ шелестилъ далекія струны... Ниловъ забылся. Онъ не спалъ, но ароматъ цвѣтовъ невидимымъ туманомъ обволокъ его, сладко и властно полузакрылъ вѣки. Ниловъ слышалъ даже не всѣ слова, хотя молодая женщина говорила по-итальянски съ той правильностью и отчетливостью, какъ обыкновенно говорятъ на чужомъ языкѣ. Онъ только чувствовалъ. Видѣлъ и голубой, и въ то же время золотой свѣтъ, слышалъ музыку голоса и—когда незнакомка замолкала—кристальное паденіе капель фонтана. Потомъ онъ пересталъ различать эти звуки, дышалъ живыми духами, разлитыми въ воздухѣ и весь пріобщался къ таинственной ночи. Устало онъ опустилъ голову на верхнюю ступеньку, гдѣ упирались ноги женщины, и протянулъ вверхъ руки, чтобы подложить подъ голову. Испуганная неожиданнымъ движеніемъ, незнакомка отшатнулась, и туфля ея упала. Это было мгновеніе, но Ниловъ почувствовалъ тѣло; около лица его, чуть задѣвъ, скользнула ея нога. Онъ превозмогъ истому, поднялъ туфлю, и женщина, стѣсненная ночной одеждой, застѣнчиво, угловато-граціозными движеніями надѣла ее.

Ниловъ машинально спросилъ:

— Не холодно вамъ? —И сѣлъ рядомъ.

Скоро онъ снова закрылъ глаза. Вспугнутая греза опять вернулась... Это не женщина около, это новый, живой и чудный цвѣтокъ нежданно выросъ и поднялся въ сіяніи и ароматѣ ночи. И онъ не замѣтилъ его раньше!...

Онъ не сознавалъ, какъ это случилось. Самъ ли онъ приблизился къ ней, или первое движеніе сдѣлала она... Голова ея безсильно лежала на его плечѣ, онъ шепталъ въ забытьи:

— Не знаю, гдѣ я... Я дышу не воздухомъ, а вами и ароматомъ этихъ цвѣтовъ... Не знаю, что сильнѣе... Раньше я не такъ пьянѣлъ... Вы вошли въ меня... Мнѣ такъ сладко, такъ хорошо, какъ не бывало никогда... Простите!... Можетъ быть, я дерзокъ?... Вы разсмѣетесь, но мнѣ кажется, это не я говорю... Можетъ быть, сами вы знаете... Да, вы... Ароматъ обвѣялъ мой мозгъ... Я не хочу больше думать, мнѣ нечѣмъ думать... Цвѣты и ты!... Вся ночь полна вами. Дорогая! Желанная! Сказка моя лунная, ароматная! Какъ бьется мое сердце! Дай руку! Удержи его!

Она покорно приложила руку къ его груди. Онъ взялъ тонкіе теплые пальцы и подвинулъ ихъ за легкую голубую рубашку.

— Какъ сладко мнѣ!... И радостно!...

Онъ понизилъ голосъ до робкаго шопота и говорилъ съ перерывами, слово за словомъ, потому что нехватало дыханія и не было

словъ въ головѣ. Она молча и крѣпко сжала пальцы на его тѣлѣ. Онъ весь вздрогнулъ.

— Ты тоже волнуешься...—опять зашепталъ онъ, чувствуя щекой, какъ трепетно бьется ея сердце.—Вѣдь мы одно? Правда? Безъ тебя я былъ одинокимъ и чужимъ въ этой сказкѣ. И съ тобою вошелъ въ нее... Всѣ спятъ. И только насъ съ тобой ласкаютъ и усыпляютъ цвѣты. Пусть бы этотъ сонъ никогда не кончился!...

Съ закрытыми глазами онъ медленно окружилъ рукой ея талію и, пьяный, цѣловалъ ея грудь. Голова его соскользнула къ ней на колѣни, прикрытая голубымъ батистомъ пеньюара. Сонныя губы прильнули къ колѣнамъ и нѣжными долгими прикосновеніями мяли тонкую ткань рубашки. Дыша глубоко и медлительно, въ безпамятствѣ неизвѣданнаго опьянѣнія, онъ прижимался лицомъ къ ея колѣнамъ, впивалъ въ себя это тѣло.

Ему смутно чудилось, что гигантская бѣлая роза любовно отодвинула и открыла для него цѣломудренно сжатые лепестки. Разступились, онъ погрузился и покоится въ глубинѣ нѣжнаго лона, горячаго и благоуханнаго. Снова сближаются лепестки, окружаютъ его чуть просвѣчивающей, легкой, какъ весеннее облако, завѣсой, и онъ дышитъ, сладко дышитъ, оторванный отъ земли, убаюкиваемый ароматной нѣгой...

Женщина сидѣла безвольная, безъ думъ, съ закинутой вверхъ затуманенной головой, прижатой къ узору рѣшетки.

Долго ли это было,—они не знали. Могли войти, могъ проснуться кто-нибудь изъ жильцовъ... Они грезили въ чуткомъ, прозрачномъ забытьи...

Она первая очнулась. Ночь таяла. Луны уже не было; попрежнему сіяли звѣзды, но онѣ были тусклыя и грустныя. На небѣ протянулись свѣтлыя полосы; легкія, какъ дымъ, пробѣгали облачка, спѣша и точно догоняя другъ друга. Стало свѣжѣе, потянуло легкимъ прохладнымъ вѣтеркомъ. Уплывали призраки. Знойная сказка ночи замирала...

Женщина вздрогнула отъ холода, открыла глаза, огляделась, точно пробуждаясь. Коричневыя двери—двери жалюзи вдоль террасы... Въ лѣвомъ углу дворика чуть колышатся на веревкѣ скатерти и салфетки. Туманныя пятна вмѣсто яркихъ цвѣтовъ... и на усталыхъ колѣнахъ тяжело лежитъ голова этого чужого человѣка. Разбитая, ослабѣвшая женщина обѣими руками приподняла голову художника.

— Вы спите?...

Отстраняя рукой полупрозрачный батистъ, онъ поднялъ голову и

всталъ. Выпрямилась и женщина. Отъ долгого сидѣнья въ неудобной позѣ ноги не слушались и подгибались. Она съ трудомъ прошла двѣ ступеньки и оперлась на рѣшетку террасы.

Ниловъ стоялъ растерянный, сконфуженный. Она протянула ему руку, улыбнулась виноватой, больной улыбкой и тихо-тихо сказала, такъ что онъ едва уловилъ слова:

— Addio! Fa si tardi!

Онъ поднесъ холодную, замерзшую руку къ губамъ и упавшимъ голосомъ отвѣтилъ такъ же тихо и печально:

— Addio!

III.

Антонино, великолѣпно выспавшійся, бодрый и жизнерадостный, тормошилъ художника за руку, приговаривая свое любимое «но».

— Но!... вставайте же. Слышите, звонятъ мессу въ il Duomo.

Нилову не хотѣлось двигаться. Онъ чувствовалъ себя слабымъ, истомленнымъ.

— Хорошъ художникъ! Все свое имущество забылъ въ саду. Ужъ я собиралъ вездѣ! Да что, вы писали ночью?

Нехотя, вялый, побрелъ Ниловъ за студентомъ и машинально остановился въ швейцарской около доски, гдѣ должны быть вписаны фамиліи жильцовъ. Но на ней не значилось ни одного имени, а разспрашивать было неловко.

Желто-розовый соборъ временъ сицилійскаго народнаго героя, короля Руджеро II, былъ около самаго отеля, вблизи трехъяруснаго фонтана, блестѣвшаго обнаженными группами мраморныхъ тѣлъ. На matrice, съ II вѣка много разъ реставрированной, высоко надъ главнымъ входомъ, въ мраморѣ было высѣчено: «Anno D. N. I. 1648», а надъ крышей, въ прозрачномъ воздухѣ чернѣли громадныя буквы для газовой иллюминаціи: «Vos et civitatem benedicamus».

Художникъ проснулся въ Ниловѣ и онъ дѣтски обрадовался, когда Антонино причмокнулъ губами и вынулъ изъ-за спины его альбомъ. Съ интересомъ Ниловъ осматривалъ центральную дверь, старую, бронзовую, но не зеленую, а темно-синюю, усѣянную золотыми шишками, глубоко вдвинувшуюся въ каменную раму кружевной готики. Витыя колонны съ капителями изъ розоваго мрамора встали у двери. За ними гладкія колонны, обвитыя виноградными листьями съ гроздьями. Дѣти и обезьяны кувыркаются въ листьяхъ, ловятъ птицъ и весело улыбаются. Въ два ряда по стѣнамъ тянутся

наивныя скульптуры женщинъ въ давно забытыхъ головныхъ уборахъ и всѣ виды труда. Вотъ оселъ поворачиваетъ мельничный жерновъ, вотъ другой оселъ задомъ лѣзетъ въ стойло. Мать несетъ дитя. Рядомъ ткутъ, пашутъ... Внутри вниманіе художника приковалъ алтарь, грандіозный, весь изъ мозаики, съ безцѣнными колоннами ляписъ-лазури. Орлы и грифы изъ свѣтлой бронзы держатъ серебряные пюпитры для церковныхъ книгъ. На каменномъ полу выложены мозаикой знаки зодіака. Отверстіе въ крышѣ пропускаетъ солнечный лучъ ровно въ полдень и онъ скользитъ по намѣченному пути. Множество статуй святыхъ по обѣимъ сторонамъ церкви. Нилова, исколесившаго всю Италію, поразила одна статуя: святой Варѳоломей стоялъ съ книгой въ лѣвой рукѣ, а въ правой держалъ ножъ для разрѣзыванія книгъ.

Антонино удивлялся, какъ могли интересовать художника всѣ мелочи, и въ концѣ-концовъ, разставивъ ноги, усѣлся на скамейкѣ съ видомъ человѣка до крайности истомленнаго, но рѣшившаго безропотно покориться судьбѣ.

Плотный завтракъ и asti spumante со льдомъ вернули юношѣ хорошее настроеніе.

Побывали туристы на Campo-Santo—первомъ, послѣ генуэзскаго, кладбищѣ Италіи, осмотрѣли всѣ фонтаны, и едва успѣли попасть на поѣздъ, гдѣ ждалъ ихъ съ вещами факкино изъ отеля въ зеленомъ фартукѣ. Ниловъ спѣшилъ: у него едва оставалось время добраться до Палермо, чтобы попасть на отходящій вечеромъ пароходъ въ Неаполь.

IV.

Поздней осенью художникъ засѣлъ за работу, но ему мало приходилось писать для себя. Онъ былъ въ модѣ, и его заваливали заказами на портреты. Вечеромъ, оставаясь въ своей мастерской и смотря пристально на огонь, онъ воскрешалъ въ памяти путешествіе, и ему вспоминалась призрачная мессинская ночь, вспоминалась, какъ что-то давно промелькнувшее, какъ старый, полузабытый сонъ. Иногда ему начинало казаться даже, что ничего не было и онъ просто заснулъ въ саду.

Однажды въ пасмурный, гнилой ноябрьскій день Нилову подали повѣстку почтамта съ извѣщеніемъ, что посылка должна быть вскрыта въ его присутствіи. Онъ поѣхалъ. Изъ Парижа была прислана записная книжка. На темно-синемъ кожаномъ переплетѣ ея блестѣлъ эмалевый полумѣсяцъ, а подъ нимъ, прикрытый стекломъ, нѣжно

простерся блѣдный цвѣтокъ жасмина. На первой страницѣ незнакомымъ женскимъ почеркомъ было написано: «Ricordo d'un sogno di luna», и внизу: «Messina, 24 Agosto 1906».

Памятка о лунномъ снѣ страшно тронула Нилова и нѣжностью, и неожиданностью. Онъ долго въ этотъ вечеръ сидѣлъ, облокотившись на руку, и задумчиво смотрѣлъ на огонь. Снова онъ мысленно переживалъ мессинскую ночь... Золотисто-голубой свѣтъ... Высоко въ воздухѣ неслышно звенятъ цвѣтные колокольчики... Тянутся къ свѣту бѣлыя и желтыя розы... Грудь тяжело вздымается отъ аромата, напоившаго воздухъ, и на бѣлыхъ мраморныхъ ступеняхъ живой и самый лучшій цвѣтокъ—она... неизвѣстная, далекая, но близкая, близкая!... Онъ сжималъ въ рукѣ ея подарокъ.

Говорятъ, что Ниловъ пишетъ какую-то странную картину, не показываетъ ее и близкимъ пріятелямъ и даже не хочетъ сказать сюжетъ. Онъ сталъ нервенъ и задумчивъ.

Владимиръ Бонди (Вальди).

ОВЧАЯ КУПЕЛЬ.

Крымскіе очерки.

Было еще рано, должно быть, седьмой часъ утра, когда Сергѣй Ивановичъ, студентъ II-го курса N-скаго университета, проснулся въ своей маленькой, убранной съ сухой аккуратностью, комнатѣ того лѣчебнаго заведенія, въ которомъ онъ поселился на-дняхъ.

Его разбудилъ обычный приступъ утренняго кашля. Прокашлявшись, онъ привычнымъ ужъ движеніемъ осторожно расправилъ грудь, вздохнулъ, пробуя, легко ли сегодня дышится, улегся повыше на подушки и оглядѣлся. Чувство глубокаго покоя охватило его. Еще недавно, бывало, уже сквозь утренній сонъ врывалось какое-то смутное безпокойство, какіе-то еще неясные образы и отрывки впечатлѣній, и стоило мозгу пробудиться, какъ, точно стая нетерпѣливыхъ гостей передъ наконецъ распахнувшимися дверями, врывались мысли и привычно распредѣлялись въ головѣ, и на то же мѣсто, какъ всегда, вставалъ первенствующій вопросъ—какъ быть? что дальше?

Какъ мучилъ онъ его послѣднее время передъ болѣзнью; но теперь его сила потеряна. Все кончено, жизнь ушла, ничего рѣшать не надо, все само рѣшилось для него...

И эта мысль давала ему чувство глубокаго покоя, какъ будто съ шумной, жаркой пыльной площади онъ вдругъ вошелъ въ тихій, пустой и прохладный храмъ.

И вотъ онъ лежалъ и глядѣлъ. Большое окно было открыто, спущенная бѣлая штора чуть колебалась на немъ. За ней гдѣ-то недалеко журчала вода, звонкой струйкой стекая въ бассейнъ; слышно было, какъ шаркаетъ метла садовника по дорожкѣ сада, гдѣ-то азартно болтаетъ индюкъ, да за стѣнкой, въ сосѣдней комнатѣ, кто-то трудно и долго кашляетъ. Не надо никуда торопиться, нечего дѣлать, нечего думать...

Онъ лежитъ на верандѣ, на плетеной кушеткѣ. Скоро солнце доберется до него и тогда придется вставать и передвинуться подальше, но пока только хорошо и тепло. Листочки вьющихся розъ, только что распустившіеся и даже еще не совсѣмъ расправившіеся, слегка покачиваются надъ его головой на фонѣ ярко-синяго неба; съ куртины, покрытой, какъ ковромъ, густо разросшимися темно-лиловыми фіалками, сладко пахнетъ. Вдали, между деревьями, ослѣпительно блеститъ море.

«А у насъ-то теперь... слякоть, холодъ еще, пожалуй: вѣдь еще мартъ на дворѣ»...—проносится въ его дремлющемъ мозгу.

Сейчасъ ушелъ докторъ: «сильное истощеніе... плевритъ—полный покой, не думайте ни о чемъ, питайтесь»...—слабо звучитъ еще въ головѣ у больного...

Ну, пусть полный покой, пусть питанье...

Теперь ему не хочется ни о чемъ ни думать, ни говорить. Да и, въ сущности, вѣдь онъ знаетъ, что скоро умретъ,—такъ не все ли равно? Нѣтъ силы жить, да и отлично: по крайней мѣрѣ все рѣшится.

А легко тутъ умирать, должно быть—такъ вотъ глядѣть, глядѣть и—уйти незамѣтно...

— Баринъ! Вамъ какого молока прикажете подать: сырого или кипяченаго?—слышитъ онъ голосъ возлѣ себя. Около него, неслышно подойдя, стоитъ молодая горничная, съ большимъ подносомъ, уставленнымъ стаканами.

— Да развѣ надо?—нѣсколько сконфуженно спрашиваетъ онъ.

— А какъ же? У насъ обязательно молоко пить!—вразумительно, какъ ребенку, отвѣчаетъ дѣвушка и, оставивъ ему стаканъ, проходитъ дальше.

Сергѣю Ивановичу смѣшно немножко, но хорошо: точно онъ опять маленькимъ сталъ. Давно ужъ не пивалъ онъ молока.

Съ пустымъ ужъ подносомъ горничная спѣшитъ обратно.

— А кушать вы за общимъ столомъ будете или въ номеръ подать?—опять спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, нѣтъ, ко мнѣ, пожалуйста, въ комнату!

— Соскучитесь одни: за общимъ столомъ веселѣе, у насъ господа хорошіе...

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Какъ прикажете! А газету не принести ли? Почта пришла—не унимается горничная.

— Нѣтъ, не надо, спасибо!

Никого ему не надо, ничего не хочется видѣть, ничего вспоми-

нать, а газета?... опять въ этотъ трудный, запутанный, мучительный міръ?...

Охъ, нѣтъ, теперь онъ ушелъ отъ всего этого.

Теперь—небо, солнце, вотъ эти качающіеся молодые листочки и—ничего больше.

И онъ закрываетъ глаза и глубоко вздыхаетъ, насколько позволяетъ больная грудь.

Сергѣй Ивановичъ познакомился со своимъ сосѣдомъ. Худой, худой человѣкъ, съ маленькой головой на странно тонкой шеѣ, съ неувѣренной походкой тонкихъ, точно подламывающихся ногъ и длинными, какъ-то странно висящими руками, нѣсколько разъ, мимоходомъ, привѣтливо обращался къ Сергѣю Ивановичу, желалъ добраго утра или покойной ночи, проходя вечеромъ въ свою комнату, а вчера велѣлъ служителю принести сюда, на веранду, большое камышевое кресло.

— Я вамъ не помѣшаю? — просто спросилъ онъ, ласково поглядывая слабыми глазами сквозь золотые очки.

Сергѣй Ивановичъ былъ нѣсколько смущенъ, но поспѣшилъ пригласить новаго знакомаго. Кромѣ того, пролежавъ нѣсколько дней совершенно одинъ, онъ начиналъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ присматриваться къ мелькавшимъ кругомъ людямъ, и этотъ странный, кротко улыбающійся человѣкъ нравился ему.

Теперь ужъ онъ знаетъ, что зовутъ его Петръ Петровичъ, что ему 29 лѣтъ, что онъ бывшій офицеръ-гусаръ, что хвораетъ ужъ три года и ужъ вторую зиму проводитъ здѣсь, въ санаторіи, въ Крыму.

Про себя Сергѣй Ивановичъ ничего не разсказывалъ. Сказалъ только, что былъ студентомъ, что теперь временно уволенъ изъ-за безпорядковъ, что ему 22 года и—больше ничего.

Впрочемъ, тотъ и не спрашивалъ. Чаще всего они лежатъ молча, вытянувшись на своихъ кушеткахъ, и грѣются на солнцѣ, какъ двѣ большія ящерицы. Кругомъ тихо... Неслышно пробѣжитъ горничная, медленной походкой пройдетъ кто-нибудь изъ больныхъ, гдѣ-то кто-то зашляетъ и—опять тихо. Точно жизнь остановилась здѣсь...

Сергѣй Ивановичъ досталъ полузабытый томикъ Чехова и пытается читать. Но точно какой-то легкій туманъ заволакиваетъ его голову, и чаще онъ просто лежитъ и смотритъ и прислушивается, какъ сладко входитъ воздухъ въ легкія и легче становится дышать.

Иногда онъ украдкой наблюдаетъ своего сосѣда. У того тоже книжка; худыя руки съ нѣкоторымъ усиліемъ держатъ ее и, какъ

будто утомленныя, часто опускаются на колѣни. Подолгу неподвижно лежитъ онъ на своей кушеткѣ, лицо задумчиво и спокойно и близорукіе глаза полузакрыты.

— А вѣдь неправда, что трудно умирать...—негромко и мечтательно проговорилъ какъ-то больной.

Сергѣй Ивановичъ встрепенулся.

— Конечно! Я и самъ такъ думаю!—быстро проговорилъ онъ.— Я очень радъ, что умираю. Особенно, если не будетъ большихъ страданій...

Петръ Петровичъ тихо усмѣхнулся.

— Да я не объ васъ, голубчикъ,—мягко заговорилъ онъ,— вамъ рано умирать, я такъ.... о себѣ...

— А вамъ не жалко, не страшно умирать?—быстро спросилъ студентъ, даже приподнимаясь со своего мѣста.

— Нѣтъ, я привыкъ къ этой мысли. Я ужъ со всѣмъ покончилъ... Съ однимъ только не могу еще...—тише договорилъ онъ, и Сергѣй Ивановичъ съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ слабо вспыхнули его ввалившіяся щеки. Петръ Петровичъ тихонько вздохнулъ и закрылъ глаза. И долго сидѣли они молча, и Сергѣй Ивановичъ чувствовалъ, какъ гдѣ-то глубоко поднимается въ немъ острая жалость и какое-то почтеніе къ этому человѣку, а увѣренность въ собственной готовности къ смерти вдругъ какъ-то поблѣднѣла.

Сергѣй Ивановичъ сидѣлъ въ большомъ, обитомъ клеенкой креслѣ, въ докторскомъ кабинетѣ, и, нервно вертя какую-то брошюрку въ рукахъ, исподлобья глядѣлъ, какъ докторъ, пожилой и плотный, быстро вписывалъ что-то въ его скорбный листъ. Одинъ вопросъ вертѣлся у него на языкѣ, и онъ съ нетерпѣньемъ ждалъ, когда докторъ освободится, хотя предчувствовалъ, какъ трудно будетъ это выговорить.

Сейчасъ его внимательно со всѣхъ сторонъ выслушали, выстукали, взвѣсили на вѣсахъ, и все время докторъ приговаривалъ—«хорошо, очень хорошо!»—Что же это значитъ?

И, собравшись съ духомъ, стараясь, чтобъ голосъ звучалъ спокойно и естественно, онъ спросилъ, не будучи въ состояніи ждать дольше:

— Такъ вы полагаете, докторъ, что я не очень скоро умру?

Докторъ на минуту оторвался отъ своего писанья и бѣгло, искоса, взглянулъ на паціента. Его узкіе, черные глаза смѣшливо блеснули и сдѣлались еще уже.

— Что вы, батенька, да зачѣмъ вамъ умирать?—заговорилъ онъ, окончивъ писать и шумно прихлопывая страницу клякспапиромъ.

— Я нахожу, что за эти двѣ недѣли, что вы у насъ, вы сдѣлали бо-ольшіе успѣхи—и онъ повернулся совсѣмъ къ Сергѣй Ивановичу и ужъ серьезно продолжалъ:—Легкія у васъ почти въ порядкѣ, такъ, чуть одна верхушечка задѣта, плеврить разсасывается, видимо дѣло обойдется безъ прокола, температура направляется. Вотъ худы вы очень, истощены, но это поправить можно. Вѣрно на питаньице-то прежде не очень много вниманья обращали?

— Гдѣ ужъ!...—оживленно поддакнулъ тотъ.

— Ну вотъ! теперь исполняйте всѣ предписаньица, лежите, дышите и будете молодцомъ! — окончилъ докторъ и приподнялся, давая знакъ, что визитъ оконченъ.

— А къ общему столу-то выходите, батенька, будетъ вамъ отшельникомъ сидѣть!—крикнулъ онъ ему въ догонку.

Сергѣй Ивановичъ шелъ въ свой номеръ по дорожкѣ сада и чувствовалъ необыкновенную легкость во всемъ тѣлѣ. Теплый вѣтерокъ нѣжно касался лица, широкіе каштаны стояли такіе забавные со своими нерасправившимися еще, точно мокрыми, поникшими лапчатыми листьями, а на клумбахъ у самыхъ ногъ такъ привѣтливо переглядывались Анютины глазки, что онъ не удержался, сорвалъ цвѣтокъ и сунулъ въ петлицу своей тужурки.

Войдя къ себѣ, онъ плотно притворилъ дверь и опустился на стулъ.

— Какъ же это? Значитъ, я буду жить? Что же теперь?—и онъ растерянно теръ лобъ себѣ рукой, болѣзненно морщился и съ недоумѣньемъ прислушивался къ тревогѣ, растущей въ душѣ.

— Не надо!... Не буду теперь думать ни о чемъ... потомъ, потомъ...—успокоивалъ онъ себя, а гдѣ-то глубоко непослушный голосъ пѣлъ:—«жить! жить!»

Петръ Петровичъ взялъ его вчера подъ свое покровительство и перезнакомилъ съ другими паціентами санаторіи въ общей столовой.

Сегодня Сергѣй Ивановичъ не безъ удовольствія занялъ ужъ свое мѣсто за столомъ, противъ весельчака-инженера, про котораго трудно было подумать, что онъ больной. Сергѣй Ивановичъ ужъ знаетъ и худого, необыкновенно высокаго юношу-малоросса, съ мягкимъ, певучимъ говоромъ, и худенькую, желтую попадейку въ капотѣ, краснѣющую отъ каждаго слова, и другую даму, тоненькую, граціозную брюнетку, такую изящную со своимъ разсѣяннымъ видомъ и печальными большими глазами.

Есть и другіе, подальше, но Сергѣй Ивановичъ близорукъ и застѣнчивъ. Всетаки милѣе всѣхъ для него Петръ Петровичъ, но онъ

съ удивленіемъ замѣчаетъ, что его пріятель здѣсь совсѣмъ другой. Вмѣсто мягкой сорочки, бѣлоснѣжный, туго накрахмаленный воротникъ скрываетъ его жалкую шею, на худомъ тѣлѣ мѣшковато виситъ пиджакъ моднаго покроя, въ петлицѣ—цвѣтокъ и отъ него пахнетъ духами.

И когда послѣ обѣда тоненькая брюнетка подхватываетъ свое шуршащее платье и идетъ гулять, Петръ Петровичъ шагаетъ подлѣ нея по дорожкѣ своей колеблющейся походкой, и на его взволнованномъ лицѣ видно умиленье. Вечеромъ на большой общей верандѣ Сергѣй Ивановичъ опять видитъ ихъ вмѣстѣ. Брюнетка полулежитъ въ большомъ креслѣ, ея тоненькія руки безсильно лежатъ на колѣняхъ, лицо грустно, а глаза задумчиво устремлены на синѣющія, меркнущія горы. Врядъ ли она видитъ Петра Петровича, который стоитъ, опершись на столбикъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и— глядитъ. Передъ сномъ Сергѣй Ивановичъ заходитъ въ его комнату.

— Никакъ вы немножко таете передъ этой барынькой?—шутитъ онъ.

Петръ Петровичъ взволнованно вскидывается.

— Ахъ, голубчикъ, не говорите такъ,—страдальчески морщится онъ,—еслибъ вы знали, что это за женщина! Конечно, я—что-жъ я ей? Я—вонъ какой! У нея мужъ есть, она его любитъ. Но еслибъ можно было отдать ей все, что мнѣ осталось жить, остатки моихъ легкихъ, я бы все, не задумываясь, отдалъ бы ей... Лишь бы ей хоть на мигъ было лучше...—и онъ сжимаетъ руками свой черепъ скелета, прячетъ въ ладони лицо, и Сергѣй Ивановичъ осторожно уходитъ съ смѣшаннымъ чувствомъ жалости и смущенія.

Сергѣй Ивановичъ давно ужъ ходитъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Вечеръ, кругомъ ужъ тихо и прошелъ ужъ тотъ часъ, когда, по строгому наказу доктора, ужъ надо бы лежать въ постели, но Сергѣй Ивановичъ все ходитъ и ходитъ.

Голова его опущена, такъ что отросшіе волосы свѣсились на лобъ, лицо выражаетъ крайнюю сосредоточенность, и мѣрно шагаетъ онъ взадъ и впередъ, изрѣдка останавливается, смотритъ куда-то передъ собой невидящими глазами и опять шагаетъ и шагаетъ.

Сегодня разговорился онъ съ инженеромъ. Пошли вмѣстѣ побродить по парку, и сами собой потекли обычные вопросы: откуда? давно ли боленъ? Оказалось, что инженеръ лѣчится всего съ полгода, хотя хвораетъ, вѣроятно, ужъ дольше, что недавно женатъ и что у него есть маленькій ребенокъ.

— Эхъ!—говорилъ онъ, легко ступая своими длинными нога-

ни,—все бы ничего, да наслѣдственность подлая. Говорятъ, что я осужденъ, потому что у меня родители отъ легочныхъ болѣзней умерли. А? Вы не медикъ? Что вы на это скажете? Не согласенъ я теперь помирать!—и онъ вдругъ остановился, загораживая дорожку, и угрожающе посмотрѣлъ на Сергѣя Ивановича, какъ будто онъ былъ виновникомъ всѣхъ его бѣдъ.—Вѣдь вы посмотрите,—продолжалъ онъ, идя дальше,—какія у меня руки, мускулатура... Во!... И совсѣмъ я даже не ослабѣлъ, какой же я, чортъ, больной? Нѣтъ, вы послушайте, какая обида: учился чортъ знаетъ сколько времени, наконецъ, кончилъ, мѣсто получилъ, понравилось мнѣ это дѣло, женился, теперь вотъ ребенокъ... А я—умирать! Гдѣ-жъ тутъ смыслъ?—и онъ опять остановился и вопросительно посмотрѣлъ на Сергѣя Ивановича.

— Да вы совсѣмъ и больнымъ не смотрите,—попробовалъ его утѣшить тотъ,—можетъ быть, доктора ошибаются?

— Ну, чего тутъ... Анализъ дѣлали... Правое—поражено... Ну, бросимъ, разскажите-ка про себя!

И Сергѣю Ивановичу пришлось разсказать про свои дѣла. Подъ огромнымъ, могучимъ орѣшникомъ, гдѣ они присѣли, было такъ тихо и хорошо, молодой инженеръ смотрѣлъ такъ участливо и серьезно, что Сергѣй Ивановичъ разговорился. Онъ разсказалъ, какъ онъ, сынъ священника небольшого, тихаго города, не захотѣлъ идти по дорогѣ отца, пошелъ въ гимназію, потомъ въ университетъ; какъ не одобрили этого старики-родители, какъ пришлось почти порвать съ ними и своимъ трудомъ пробиваться дальше. Какъ трудно приходилось ему въ чужомъ, шумномъ городѣ, такому неопытному и избалованному спокойной, сытой домашней жизнью. Какъ страшно утомляли уроки—случайные и плохо оплачиваемые. И въ то же время, гордость чувствовать себя студентомъ, которой онъ упивался первое время, скоро смѣнилась недоумѣніемъ. Сіяющее слово «наука», которому онъ молился еще недавно въ своей глуши, размѣнялось на пачки лекцій, часто скучныхъ и чуждыхъ. И какъ на почвѣ этой растерянности росло глухое недовольство собой и окружающими, какъ все это вылилось въ нелѣпой исторіи, отъ которой осталось жгучее чувство какой-то фальши, угара, безполезности этого подъема духа, не давшаго ничего. Потомъ арестъ, недолгій, къ счастью, высылка на годъ изъ столицы, потомъ болѣзнь... Вызванный отецъ, по настоятельному совѣту докторовъ, привезъ его сюда, разбитаго, почти умирающаго... Вотъ и все...

Инженеръ сочувственно положилъ ему руку на плечо.

— Ну, ничего, голубчикъ! Вы такъ еще молоды! Соберетесь съ

силами, подумаете, можетъ, и другую какую дорогу выберете. Только знаете, выбирайте вы то, что вамъ нравится. Смотрите, хоть я... Увѣряю васъ, люблю свои копи... Я на соляныхъ... Красиво... блеститъ все. Дѣло большое, интересное. Даже рабочихъ люблю: грубый народъ, буйный, но—ничего! А потомъ...—инженеръ запнулся и продолжалъ медленнѣе,—голубчикъ, влюбитесь вы, что ли. Женщина, хорошая, близкая—какъ это хорошо! Совсѣмъ жизнь другая...

Они помолчали.

— У васъ сынъ или дочь?—тихо спросилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Сынъ... толстый... кулачонки—во какіе... оретъ басомъ!—все лицо инженера просіяло умиленіемъ, и долго смотрѣлъ онъ куда-то вдаль, забывъ все окружающее.

И вотъ Сергѣй Ивановичъ не можетъ забыть этого разговора. Говорятъ, онъ будетъ жить; но если будетъ, то какъ? Ему кажется, что онъ пришелъ въ какой-то тупикъ и дальше идти некуда. Чѣмъ жить, если пропала вѣра въ себя, пропалъ интересъ къ дѣлу? Стыдно передъ собой, но эти недѣли, когда искусственно нельзя было думать ни о чемъ, когда онъ считалъ себя навсегда покончившимъ съ жизнью, дали ему такое чувство блаженнаго покоя, чувство уставшаго животнаго, добравшагося до отдыха, что страшно было видѣть, какъ рушится опять эта преграда съ жизнью. Какъ жить?

Но всего страшнѣе было дотронуться до одного мѣста. Все время онъ усиленно не допускалъ себя до этого, но дальше—такъ нельзя.

«Близкая, хорошая женщина»—говоритъ инженеръ.

И опять живо встаетъ передъ нимъ вся мука послѣднихъ мѣсяцевъ «той» жизни, по ту сторону болѣзни. Вся мука—и вся радость.

Это знакомство не такъ давно и началось. Затерянный въ большомъ городѣ, безъ семьи, соскучившись въ неуютныхъ, безпорядочныхъ, студенческихъ комнатахъ, онъ сразу почувствовалъ себя необыкновенно хорошо, когда одинъ изъ товарищей зазвалъ его и познакомилъ съ семьей своей двоюродной сестры.

Живо помнитъ онъ и сейчасъ первый вечеръ, когда, сидя за чайнымъ столомъ и побѣдивъ свою застѣнчивость, онъ почувствовалъ себя вдругъ такъ чудесно. Захотѣлось шутить, болтать, разсказывать про свое дѣтство.

Не прошло и мѣсяца, какъ онъ каждый вечеръ, который можно было урвать отъ занятій, бѣжалъ туда, торопясь, какъ иззябшій человѣкъ торопится къ огню. Едва переступивъ порогъ, онъ ужъ испытывалъ привычное теперь чувство какой-то безпредметной нѣжности. Ему нравилось все. Нравилось, какъ, быстро привыкшіе къ нему, маленькіе Боря и Катя съ радостнымъ визгомъ неслись къ нему на-

встрѣчу, нравилась вѣчно-склоненная надъ какой-нибудь работой головка хозяйки, вся ея тонкая хрупкая фигурка, нравилось, какъ просто, какъ брата, встрѣчаетъ она его, нравилась милая фамильярность, быстро установившаяся между ними, когда его посылали поторопить горничную съ самоваромъ, когда вмѣстѣ съ дѣтьми онъ шелъ будить «папу» къ чаю, и этотъ «папа», кряхтя, зѣвая, натягивалъ пиджакъ и, осипшимъ отъ сна голосомъ, спрашивалъ:

— Ну, что новенькаго, молодой человѣкъ?

Потомъ чай, партія въ шашки, длинные разговоры, когда говорилось тамъ легко и просто и когда, поднимая глаза на хозяйку, Сергѣй Ивановичъ такъ часто встрѣчалъ внимательный ласковый взглядъ, отъ котораго что-то ныло у него на душѣ. Сергѣй Ивановичъ мало зналъ женщинъ. Сестеръ у него не было, съ матерью онъ никогда не былъ близокъ, а мимолетныя знакомства въ школьные годы съ гимназистками не дали ему ничего, кромѣ чувства смущенія и неловкости. Студенчество прибавило мало. И иной разъ, вернувшись изъ театра и лежа безъ сна на своей узенькой кровати, широко открывъ глаза въ темноту, онъ мечталъ объ этихъ полусказочныхъ женщинахъ; какія-то фантастичныя бредни волновали его натянутые нервы. Днемъ—все это проходило. Отъ товарищескихъ кутежей онъ отстранялся съ какой-то полусознанной брезгливостью, и когда, вечеромъ, накрашенная женская фигура заговаривала съ нимъ, онъ торопливо бросалъ: «извините, пожалуйста»—и ускорялъ шагъ, чѣмъ часто смѣшилъ товарищей.

А всетаки все существо его жаждало женской ласки, участія, вниманія, и когда онъ приходилъ къ Нестеровымъ и усаживался въ низенькое кресло недалеко отъ Екатерины Васильевны и не отрываясь глядѣлъ на ея тихое лицо и мелькавшія надъ работой руки, ему казалось, что онъ давно сильно хотѣлъ пить и вдругъ нашелъ чистый источникъ, припалъ къ нему и оторваться не можетъ.

Она улыбалась ему, дѣти болтали, располагались у его ногъ со своими игрушками.

Скоро Сергѣй Ивановичъ замѣтилъ, что лучшее время было—до чая, пока спалъ Михаилъ Михайловичъ. Онъ сталъ стараться приходить пораньше. И подъ болтовню дѣтей тихо выкладывалъ ей всю душу. Даже занятія въ университетѣ пріобрѣли новую прелесть, потому что онъ зналъ, что вечеромъ все разскажетъ Екатеринѣ Васильевнѣ. Но тутъ подошло тревожное время. Неопредѣленное, неясное недовольство стало выражаться яснѣе, надо было дать себѣ отчетъ въ своихъ мнѣніяхъ и примкнуть либо къ тѣмъ, либо къ другимъ.

Сергѣй Ивановичъ давно ужъ, почти съ первыхъ дней студенчества, принадлежалъ къ одному кружку. Сперва какая-то мальчишеская бравада толкнула его туда, потомъ неясность пониманія самого себя и какая-то стыдливость мѣшали порвать. Теперь было поздно, на него предъявляли требованія, въ немъ видѣли сообщника и при малѣйшемъ отступленіи закричали бы ему: «измѣнникъ!»

Сергѣй Ивановичъ во многомъ не соглашался съ заправилами кружка, спорилъ, горячился, выходилъ изъ себя, но иногда замолкалъ, не находя доводовъ: многое и ему самому не было ясно.

Даже къ Нестеровымъ онъ сталъ ходить рѣже. Уроки, которыми онъ постоянно такъ дорожилъ, потому что благодаря имъ онъ могъ не обязываться отцу, теперь стали ему невыносимы. Съ величайшими усиліями старался онъ сосредоточить свое вниманіе, но нерѣдко, слушая отвѣты ученика, онъ уносился мыслью такъ далеко, что только удивленные глаза замолчавшаго ребенка съ трудомъ возвращали его къ дѣйствительности. Иногда онъ забывалъ время и пропускалъ назначенные часы. Ему стали отказывать, но это какъ-то мало задѣвало его.

Часами бродилъ онъ безцѣльно по улицамъ, силясь дать логичный ходъ разбѣгавшимся мыслямъ и уяснить себѣ томительный вопросъ—какъ быть? Усталый, съ лихорадочными глазами, заходилъ онъ иной разъ къ Нестеровымъ, ему казалось, что у нихъ станетъ ему все яснѣе и легче на сердцѣ.

Но Михаилъ Михайловичъ начиналъ на него какъ-то косо посматривать. Партіи въ шашки прекратились и, слушая горячія рѣчи молодого человѣка, хозяинъ демонстративно крякалъ и бормоталъ:

«Подумаешь—революціонеры! Спасители отечества!»

Зато все большая близость устанавливалась у него съ Екатериной Васильевной. Она сама, видимо, охотнѣе говорила съ нимъ наединѣ, и тогда ея нѣжное лицо блѣднѣло, а глаза расширялись.

— Бѣдненькій, трудно вамъ...—какъ-то сказала она и быстро провела рукой по его волосамъ, когда онъ наклонился за упавшей катушкой.

Время шло, чувствовалось, что все ближе надвигается гроза. Взволнованный, измученный забѣжалъ какъ-то Сергѣй Ивановичъ къ Нестеровымъ.

Михаилу Михаиловичу нездоровилось, онъ лежалъ въ сосѣдней комнатѣ и потребовалъ чай туда.

Разговоръ не вязался, Екатерина Васильевна часто вставала и выходила къ мужу и нерзно крутила въ рукахъ конецъ чайнаго полотенца.

Черезъ часъ Сергѣй Ивановичъ всталъ, грустный и неудовлетворенный. Она вышла провожать его въ переднюю.

— Меня сегодня ночью могутъ арестовать!—тихо проговорилъ студентъ.

Она молча смотрѣла на него широко открытыми глазами. Вдругъ какая-то сила толкнула ихъ другъ къ другу, ея руки медленно поднялись и легли на его плечи. И они стояли такъ, глядя другъ на друга, точно стараясь заглянуть въ самую сокровенную глубину души. Какой-то экстазъ освѣтилъ все лицо молодой женщины, она медленно, глубоко дышала и ея руки дрожали.

— Я не забуду васъ...—едва слышно шептала она.

Все не спуская съ нея глазъ, Сергѣй Ивановичъ осторожно снялъ маленькую ручку съ своего плеча и крѣпко прижалъ къ своимъ горячимъ губамъ.

Она вздрогнула, отодвинулась и исчезла...

Не замѣчая улицъ и часовъ, полночи проходилъ Сергѣй Ивановичъ. Но его не арестовали.

Когда на утро онъ опять пришелъ къ Нестеровымъ и увидалъ, какъ она вспыхнула и не могла сдержать сіяющей улыбки, его сердце точно остановилось сперва, а потомъ заколотилось до головокруженія, и большого труда ему стоило тутъ же, при всѣхъ, не схватить и не сжать ее въ своихъ объятіяхъ.

Начался новый угаръ... Всѣ помыслы его устремлены были теперь на эту внезапную страсть, подкравшуюся такъ неожиданно.

Онъ страдалъ безъ нея, страдалъ при ней, чувствовалъ вспышки ненависти къ Михаилу Михайловичу, смѣнявшіяся жгучимъ стыдомъ и раскаяньемъ, оживалъ и задыхался отъ счастья, когда, наединѣ, тихо сползалъ передъ ней на колѣни и, приникнувъ къ ней головой, беззвучно цѣловалъ милыя руки. Любила ли она его? Онъ даже мало задавался этимъ вопросомъ, пока ему было довольно того, что онъ любилъ. Она—похудѣла, поблѣднѣла, пропала тихая кротость ея лица и ровныя, спокойныя движенія. Ея точно увеличившіеся глаза иногда съ такимъ тоскливымъ недоумѣніемъ останавливались на немъ, такое несвойственное ей выраженье стыда и растерянности появлялось при мужѣ, что у Сергѣя Ивановича сердце падало отъ жалости и неяснаго страха передъ будущимъ. Узелъ затягивался все туже.

Развязка явилась неожиданно.

Послѣ шумной сходки Сергѣй Ивановичъ ужъ не вернулся домой...

Онъ отдѣлался сравнительно легко, черезъ двѣ недѣли онъ былъ свободенъ, но въ тотъ же день товарищъ свезъ его въ университет-

скую клинику почти безъ сознанья. Переутомленье, простуда, все вмѣстѣ выразились воспаленіемъ легкихъ, осложненнымъ плевритомъ.

Онъ былъ очень слабъ, нервы такъ расшатались, что всякій шумъ доводилъ его до слезъ. Когда разъ пришла къ нему Екатерина Васильевна, то онъ такъ заволновался, что ей пришлось уйти, и докторъ не велѣлъ ее больше пускать.

Вызвали старика-отца, и, лишь только ему стало получше, привезли его прямо сюда.

И вотъ, онъ здѣсь... Ему казалось, что здѣсь онъ отдѣленъ отъ прежней жизни, что можно не рѣшать ничего...

Но опять жизнь идетъ за нимъ, а онъ—совсѣмъ не готовъ... И чувство почти дѣтской безпомощности охватывало его.

И ему вдругъ неудержимо захотѣлось повѣдать какой-нибудь близкой душѣ всѣ свои муки и сомнѣнія.

— «Пойду къ Петру Петровичу»—вдругъ, рѣшилъ онъ, забывая про поздній часъ.

Онъ самъ не зналъ еще, что онъ сдѣлаетъ и скажетъ. Онъ снялъ сапоги, надѣлъ мягкія туфли, чтобъ не обезпокоить кого-нибудь и, неслышно ступая, прошелъ небольшую веранду, которая соединяла ихъ комнаты и осторожно открылъ дверь къ Петру Петровичу.

Въ первую минуту онъ не замѣтилъ его.

Въ комнатѣ былъ полумракъ: на столикѣ у кровати, передъ небольшой иконой въ золоченой ризѣ, мигалъ огонекъ въ зеленомъ стаканчикѣ.

И при этомъ трепетномъ свѣтѣ Сергѣй Ивановичъ разглядѣлъ, наконецъ, Петра Петровича. Въ одной длинной рубашкѣ, смутно бѣлѣвшей въ темнотѣ, онъ стоялъ на колѣняхъ, спиной къ нему, на коврикѣ около кровати. Босыя ноги, безобразно худыя, съ несоразмѣрно большими ступнями, казались ногами скелета.

Въ первое мгновеніе Сергѣй Ивановичъ испуганно отшатнулся и хотѣлъ быстро уйти, но какое-то жуткое любопытство удержало его.

Ему не видно было лица молящагося, но прерывистый шепотъ иногда ясно долеталъ до него.

Петръ Петровичъ медленно крестился, и низко сгибалась, кланяясь, его бѣлая фигура.

«Кончину мирную и безболѣзненную даруй ми»... — услышалъ Сергѣй Ивановичъ.

Съ глухимъ стономъ склонилось до земли его жалкое тѣло и всхлипыванья жутко отдались въ полутемной, одинокой комнатѣ.

Потомъ фигура медленно разогнулась, голова поднялась и руки съ мольбой протянулись къ образу:

— Господи, прими духъ мой! Прими, Господи!

Какая-то спазма сдавила горло Сергѣй Ивановича, онъ быстро закрылъ дверь и, потрясенный, почти выбѣжалъ на веранду.

Глубокая, тихая ночь глядѣла на него тысячами мерцающихъ звѣздъ, неподвижные кипарисы важно прислушивались къ чему-то; какъ призраки, стояли цвѣтущія купы миндаля, и горьковатымъ ароматомъ тянуло съ той стороны. Вдали чуть вздыхало море... Сергѣй Ивановичъ стоялъ, крѣпко стиснувъ руки, широко раскрытыми глазами глядя на далекое небо, и шепталъ: «Господи! Господи!», самъ не замѣчая этого.

Щемящая жалость къ этому несчастному человѣку, къ себѣ, ко всему міру переполняла его сердце. Такъ безпомощны, ничтожны, одиноки казались ему всѣ!

И онъ самъ бы не могъ сказать, чего просилъ онъ въ своей безсвязной молитвѣ: вернуть ему или взять прочь эту трудную, пугающую жизнь...

Съ молодымъ, пробудившимся любопытствомъ приглядывался Сергѣй Ивановичъ къ своимъ случайнымъ сожителямъ. Его поражали своеобразныя отношенія этихъ людей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи, людей разнаго положенія, образованья, взглядовъ, но которыхъ соединяла крѣпкой связью общая болѣзнь и общая страстная надежда выздоровленія.

— Знаете, мы здѣсь точно въ банѣ,—какъ-то сказалъ онъ, усмѣхаясь своему пріятелю-инженеру,—никому нѣтъ дѣла, кто—кто? А всѣ сидятъ вмѣстѣ, моются и разговариваютъ, да иногда еще и душу тутъ же выкладываютъ!

Инженеръ расхохотался.

— А вѣдь вѣрно, батенька, совершенно вѣрно. Ну, развѣ стали бы въ другомъ мѣстѣ эти молодцы вмѣстѣ въ шашки играть! – и онъ указалъ на парочку, пріютившуюся въ тѣнистомъ уголкѣ террасы. Одинъ изъ нихъ былъ пожилой купецъ, худой и желтый, съ рѣденькой бородкой, въ поношенномъ пиджакѣ, изъ котораго выглядывала ситцевая рубашка, и въ сапогахъ поверхъ брюкъ. Онъ ежеминутно сипло кашлялъ, прижимая руку къ груди и, переставляя шашки, приговаривалъ страшнымъ, беззвучнымъ голосомъ: — «а мы теперь вотъ-съ!»—У него была горловая чахотка.

Напротивъ сидѣлъ молоденькій гусаръ. Вся его небольшая фигурка была красива и щеголевата, онъ съ какой-то вычурной граціей

двигался, переставлялъ шашки, блестя перстнями и оттопыривая мизинецъ съ длиннымъ, выхоленымъ ногтемъ. Еслибъ не два яркія пятна на блѣдныхъ щекахъ, да не лихорадочный блескъ глазъ, его присутствіе казалось бы неумѣстнымъ среди этихъ отверженныхъ.

— А вы, кажется, еще не познакомились съ нашей красавицей, съ Ольгой Ивановной?—спросилъ инженеръ,—какъ же это вы такъ? Да вѣдь это умора! Пойдемте сейчасъ, вонъ она тамъ разглагольствуетъ,—и онъ потащилъ Сергѣя Иваныча на другой конецъ веранды, такъ называемый «дамскій», гдѣ около одной плетеной кушетки собралась кучка больныхъ, слышался смѣхъ и говоръ. Въ центрѣ, въ большомъ креслѣ, полулежала сама Ольга Ивановна. Это была особа лѣтъ подъ сорокъ, въ ярко-красной шелковой кофточкѣ, съ высоко-взбитыми черными волосами надъ сухимъ, нервнымъ, желтымъ лицомъ. Она все время двигалась и быстро говорила скрипучимъ, деревяннымъ голосомъ.

Около нея на стулѣ сидѣлъ длинный гимназистъ, необычайно-узкій въ плечахъ съ фотографическимъ аппаратомъ на колѣняхъ. Увидя подходящихъ, онъ притворно-жалобно обратился къ инженеру:

— Вотъ, вступитесь, Александръ Петровичъ, Ольга Ивановна велитъ объяснить ей устройство аппарата, я ужъ ей добрыхъ полчаса толкую, а она все понять не можетъ и меня же называетъ безтолковымъ!

Попадейка на сосѣдней кушеткѣ фыркнула и закрыла ротъ рукой.

— Неправда, неправда, Количка!—заволновалась Ольга Ивановна,—вы мнѣ все только глупости болтаете! Вамъ еще надо поучиться, какъ говорить со взрослыми барышнями!—и она кокетливо прищурилась и погрозила ему сморщеннымъ пальчикомъ.—А, Александръ Петровичъ, вы опять ко мнѣ пришли,—повернулась она къ инженеру,—вы развѣ не знаете, что вы провинились?

— Вотъ я и пришелъ прощенія просить,—смиренно отвѣчалъ тотъ,—да еще молодого человѣка къ вамъ на поклонъ привелъ, а то онъ все издали глядитъ на васъ, да страдаетъ!

Ольга Ивановна залилась хохотомъ, перешедшимъ въ кашель. Успокоившись, она покачала головой.

— Шалунъ, шалунъ!—кинула она инженеру,—вотъ погодите, я вашей женѣ про васъ напишу,—и, обратившись къ Сергѣю Ивановичу, прибавила:—посидите съ нами, молодой человѣкъ, разскажите какой-нибудь анекдотъ, вы вѣрно умѣете?

— Позвольте, я вамъ разскажу!—вступился вдругъ гусаръ. Онъ ужъ кончилъ свою партію въ шашки и, посвистывая, ходилъ взадъ и впередъ по верандѣ.

— Только прежде дайте ручку поцѣловать: непремѣнное условіе!—и онъ закатилъ глаза и вздохнулъ, прижимая руку къ сердцу.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—съ преувеличеннымъ ужасомъ закричала Ольга Ивановна, махая руками и прыгая на своемъ креслѣ,—вы дрянной мальчикъ: вы мнѣ вчера не захотѣли фіалокъ набрать! Натальѣ Александровнѣ набрали, а мнѣ нѣтъ,—докончила она ужъ съ непритворной досадой.

— Богиня, простите!—кривлялся офицеръ, становясь на одно колѣно,—дайте ручку!

И когда смягченная Ольга Ивановна протянула ему жеманно свою желтую, сухую ручку, онъ почтительно поднесъ ее къ губамъ, продержалъ секунду, какъ бы въ раздумьи, и вдругъ опустилъ.

— Не хочется что-то! Передумалъ... аппетитъ прошелъ!—проговорилъ онъ и вскочилъ на ноги.

Попадейка и гимназистъ такъ и прыснули. Ольга Ивановна безпомощно моргала, не зная, обидѣться ей или разсмѣяться.

Мимо нихъ неслышной, быстрой поступью пробѣжала сестра милосердія съ какими-то пузырьками въ рукахъ.

— Павелъ Павловичъ,—обратилась она къ гусару,—вы что-жъ это не лежите совсѣмъ? Сколько у васъ сегодня?

— 38,1°,—вдругъ потемнѣвъ, мрачно буркнулъ офицеръ.

— Ну, вотъ видите... Ложитесь, ложитесь, а то доктору на васъ пожалуюсь. Не забудьте, вамъ сегодня на ночь мушка назначена!

И сестра торопливо побѣжала дальше.

— Подѣломъ ему, подѣломъ ему, сестрица!—злорадно прошипѣла Ольга Ивановна.

Офицеръ сердито ткнулъ ногой сосѣднее кресло, такъ что оно съ шумомъ отлетѣло на нѣсколько шаговъ.

— Что лежи, что не лежи, все одинъ чортъ!—пробормоталъ онъ угрюмо, прошелъ къ своей кушеткѣ, повалился на нее и закрылъ глаза.

Сергѣй Ивановичъ всталъ и пошелъ поискать Петра Петровича. Тотъ лежалъ неподвижно на своей кушеткѣ, укрытый толстымъ пледомъ до самаго пояса, несмотря на теплый день. Подходя, Сергѣй Ивановичъ видѣлъ его заострившійся профиль, глаза были закрыты. Студентъ нерѣшительно остановился, но Петръ Петровичъ открылъ глаза и устало и ласково взглянулъ на него.

— Что за отвратительная личность!—проговорилъ Сергѣй Ивановичъ, подсаживаясь на легкій, плетеный стуликъ.

— Кто это?

— Да эта Ольга Ивановна! Кривляка какая-то!

— Несчастная!—тихо отвѣтилъ Петръ Петровичъ, задумчиво глядя куда-то передъ собой.

— Чѣмъ это она несчастная? Все время хохочетъ!—проворчалъ Сергѣй Ивановичъ,—да кто она такая? Вы не знаете?

— Какъ же, знаю, она мнѣ какъ-то разсказывала: гувернантка, всю жизнь гуверианткой была. Вы подумайте только: всю жизнь, съ самаго института. Послѣднія лѣтъ пять жила въ Москвѣ, у какого-то Китъ Китыча, который теперь за нее и платитъ сюда. А надоѣстъ платить, такъ и придется ей умирать на улицѣ.

— А очень она больна?—робко спросилъ студентъ.

— Очень!—коротко отвѣтилъ Петръ Петровичъ.

Они помолчали.

По щебню, прочь отъ дома, мягко прошуршали колеса коляски.

Сергѣй Ивановичъ поднялъ голову и посмотрѣлъ вслѣдъ:

— Докторъ нашъ въ городъ покатилъ!

Съ одной изъ кушетокъ поднялась высокая, нескладная фигура юноши-малоросса.

— А ну-те-ка, братики,—заговорилъ онъ своимъ мягкимъ говоромъ,—батько нашъ до городу поѣхалъ: давайте-ка пѣсни спивать! Хорошій-таки вечеръ!

Вечеръ, въ самомъ дѣлѣ, былъ чудно хорошъ. Солнце только что сѣло, и на розовомъ небѣ четко выдѣлялись контуры горъ. На нихъ ужъ залегли голубыя тѣни, зелень потемнѣла и море быстро мѣняло свой лазурный оттѣнокъ на темно-синій. Потянуло прохладой, изъ города чуть слышно доносились звуки оркестра.

— Давайте пѣть!—охотно и бодро отозвался инженеръ,—пожалуйте, господа, сходитесь потѣснѣе! Наталья Александровна, садитесь-ка поближе!

Хорошенькая брюнетка, улыбаясь своей красивой и застѣнчивой улыбкой, подошла къ нимъ, за ней потянулись и другіе.

Юноша, задумчиво подперевъ голову одной рукой, посмотрѣлъ на потухавшее небо, вздохнулъ и запѣлъ: «Віютъ витры, віютъ буйны». За нимъ негромко, несмѣло подтянули другіе. Потомъ голоса зазвучали громче и увѣреннѣе. Запѣли вторую пѣсню, потомъ третью, все печальныя, плачущія малороссійскія пѣсни. Юноша пѣлъ хорошо: его теноръ, мягкій, немножко надорванный, такъ и лился въ душу, хотѣлось плакать и слушать его еще и еще.

Инженеръ подтягивалъ ему баскомъ, немного отдѣлялся чистый голосокъ Натальи Александровны, подтягивали остальные по мѣрѣ силъ.

Гусаръ поднялся на своемъ мѣстѣ, обхватилъ колѣни руками и

застылъ такъ, нервно закусивъ губу. «Сестра» неслышно вошла, покачала головой и опустилась у двери на первое попавшееся кресло.

Пѣсня кончилась, никто не шевелился, точно какое-то тихое очарованіе осѣнило всѣхъ. Вечеръ ужъ совсѣмъ спустился, на небѣ ужъ одна за другой зажигались звѣзды, внизу, далеко въ городѣ ужъ вспыхнули огоньки электричества, чуть гудѣло море. Какъ незримый духъ, пролетѣлъ вѣтерокъ, едва шевельнувъ волосы.

Сергѣй Ивановичъ осторожно оглянулся. Задумчивыя, притихшія лица неясно виднѣлись кругомъ, подсѣвшая недалеко отъ него Ольга Ивановна казалась красивѣй и старше.

Вдругъ шумно распахнулась дверь, вошелъ служитель съ лѣсенкой и принялся зажигать большой фонарь. Черезъ минуту яркій огонь вспыхнулъ и освѣтилъ веранду.

Очарованіе кончилось.

— Ахъ, господа, господа!—суетливо заговорила «сестра», поднимаясь съ мѣста,—опять вы поете! Вѣдь нагоните себѣ опять температуру! Право, доктору донесу на васъ. Вонъ вы опять пальто не надѣли до сихъ поръ!... А вашъ плэдъ гдѣ?—хлопотала сестра, переходя отъ одного больного къ другому.

Наталья Александровна быстро поднялась съ мѣста и, прячась отъ яркаго свѣта фонаря, ушла въ самый дальній конецъ веранды.

Сергѣй Ивановичъ видѣлъ, какъ проводилъ ее глазами Петръ Петровичъ, закашлялся, потомъ, передохнувъ, спустилъ слабыя ноги съ кушетки и своей нервной походкой прошелъ къ молодой женщинѣ.

Сергѣй Ивановичъ смотрѣлъ на все, и знакомая ужъ, острая жалость сжимала его сердце.

Послѣ нѣсколькихъ сырыхъ, туманныхъ дней, когда больнымъ, унылымъ и ослабѣвшимъ, безнадежно поглядывавшимъ на сѣрое небо, выздоровленіе переставало казаться близкимъ и возможнымъ, вдругъ наступилъ яркій, солнечный день.

Звонилъ колоколъ къ завтраку, и со всѣхъ сторонъ къ главному зданію санаторіи медленной походкой сходились паціенты.

Сергѣй Ивановичъ, особенно хорошо чувствовавшій себя сегодня, б‹ы›дро шагалъ по дорожкѣ, когда чья-то рука хлопнула его по плечу. О‹н›ъ быстро оглянулся, его нагналъ инженеръ.

— Голубчикъ,—зычно крикнулъ онъ,—хочу съ вами подѣлитьс‹я› радостью! Сейчасъ отъ доктора: знаете, вѣдь мнѣ здорово лучше с‹та›ло! Ужъ онъ меня и слушалъ-то и стукалъ—нигдѣ хриповъ нѣтъ. Н‹ну›ъ, вотъ посижу еще немножко здѣсь, да и айда домой, надоѣло...—

и сіяющій, легко ступая, инженеръ пошелъ рядомъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ.

— А вонъ и наши тараканьи мощи ползутъ!—вдругъ заговорилъ онъ громкимъ шепотомъ,—ишь, чуть живъ, а туда же пиджачекъ свѣтленькій, галстучекъ бѣленькій.

Сергѣй Ивановичъ увидѣлъ Петра Петровича, который медленно, понурившись, шелъ тоже къ столовой.

— Ну, что вы? Онъ славный...—точно извиняясь, протянулъ студентъ.

— Кислятина! Не люблю такихъ!—и, блестя глазами, инженеръ легко взбѣжалъ на нѣсколько ступенекъ крыльца и первый вошелъ въ домъ.

Въ столовой ужъ, шумя и разговаривая, разсаживались больные вокругъ длиннаго стола.

Сергѣй Ивановичъ, весело поглядывая по сторонамъ, усѣлся тоже и принялся за ѣду.

— Вы что собираетесь дѣлать послѣ завтрака, Сергѣй Ивановичъ?—обратилась къ нему Наталья Александровна, но докторъ, сидѣвшій на предсѣдательскомъ мѣстѣ, не далъ ему отвѣтить.

— Послѣ завтрака на воздухъ, господа, всѣ на воздухъ, пожалуйста!—громко и назидательно проговорилъ онъ,—дышите, дышите, пользуйтесь!

Но тутъ его вниманіе привлекъ его сосѣдъ, купецъ съ больнымъ горломъ, который нерѣшительно тыкалъ вилкой въ соусъ изъ шпината.

— Кушайте, кушайте, Яковъ Пахомычъ, это чрезвычайно полезное кушанье: въ немъ много желѣза!

Купецъ, нѣсколько смущенно, ухмыльнулся.

— Можетъ, и такъ, господинъ докторъ, да ужъ очень непривычны мы къ этой снѣди!—и онъ рѣшительно отодвинулъ тарелку.

Кругомъ захохотали.

— Мы сговорились съ Петромъ Петровичемъ,—заговорила опять подъ шумокъ хорошенькая Наталья Александровна, наклоняясь черезъ столъ къ Сергѣю Ивановичу,—пойти подъ большой платанъ, въ гамаки, и я буду ему вслухъ читать: у меня послѣдній сборникъ «Знанія». Приходите тоже, хорошо?

Но Сергѣй Ивановичъ опять не успѣлъ отвѣтить.

— Э, полноте, Наталья Александровна!—вдругъ, громко и возбужденно перебилъ ее инженеръ,—вѣдь день-то какой, охота вамъ киснуть! Пойдемте лучше гулять. Я сейчасъ хочу въ горы махнуть:

чудная тутъ есть тропинка и близко совсѣмъ. А виды-то какіе!... Фіалки тамъ цвѣтутъ... Пойдемте вмѣстѣ, а? Право?...

Наталья Александровна вспыхнула и нерѣшительно посмотрѣла на доктора.

— Не знаю, право,—смущенно пробормотала она,—какъ же, мы же сговорились съ Петромъ Петровичемъ... Да и докторъ не пуститъ, пожалуй...

— Пуститъ, пуститъ!—хлопоталъ инженеръ,—вѣдь можно, докторъ?

— Температурка сегодня нормальная,—многозначительно откинулся тотъ.

— Да!

— Ну, что-жъ, тогда, пожалуй. Но не утомляйтесь... отдыхайте... не дышите открытымъ ртомъ...—вѣско ронялъ докторъ, усердно работая ножемъ и вилкой.

— Какъ же мнѣ быть?—опять краснѣя, проговорила молодая женщина,—вѣдь я обѣщала Петру Петровичу...

— Ахъ, обо мнѣ, пожалуйста, не безпокойтесь,—поспѣшно сказалъ тотъ.—Пожалуйста, я буду очень радъ, если вы... если вамъ будетъ пріятно...

— А то пойдемте и вы съ нами! Вы вѣдь ходокъ извѣстный!—вдругъ любезно обратился къ нему инженеръ, замѣтно подмигивая своему сосѣду, гимназисту.

Тотъ фыркнулъ. Петръ Петровичъ багрово покраснѣлъ.

— Вы же знаете, что я не могу,—едва слышно проговорилъ онъ.

Всѣмъ стало неловко, одинъ инженеръ не унимался.

— Ну, а не можете, такъ пеняйте на себя! А даму-то я у васъ отбилъ, рыцарь вы печальнаго образа!—побѣдоносно гудѣлъ его голосъ.

Краска на лицѣ Петра Петровича смѣнилась мертвенной блѣдностью, онъ потупился и молчалъ.

— Грубое животное!—выругался мысленно Сергѣй Ивановичъ, чуть не съ ненавистью глядя на красивое, свѣжее лицо инженера,—какъ бы его отбрить?

Но докторъ, почуявъ что-то неладное, ужъ разсказывалъ громогласно о какомъ-то необыкновенномъ случаѣ, бывшемъ съ нимъ въ горахъ.

Сейчасъ же послѣ завтрака Петръ Петровичъ ушелъ въ свою кабинету и къ обѣду не вышелъ.

Невидимая, но прочная стѣна отдѣляла эту кучку людей, закинутыхъ жизнью сюда, отъ остального міра. Вѣсти извнѣ доходили глухо, рѣдко кто пріѣзжалъ навѣстить больныхъ, потому что большинство было издалека, въ городъ докторъ отпускалъ неохотно.

Сергѣй Ивановичъ сильно начиналъ чувствовать эту обособленность, но его еще забавляла пока эта потеря самостоятельности: инстинктивно чуялъ онъ еще себя слишкомъ неподготовленнымъ для иной жизни.

Изъ газетъ получался только мѣстный листокъ, да большая благонамѣренная газета, да растрепанные номера *Нивы* валялись по столамъ гостиной. Видимо это отчужденіе испытывали всѣ, и по какому-то странному, молчаливому договору рѣдко когда заходили разговоры о прошломъ или будущемъ. На будущее—неумолимая болѣзнь спускала черную занавѣсь, и рѣдко у кого хватало смѣлости заглядывать туда. А прошлое... Прошлаго было слишкомъ больно касаться, слишкомъ дорого оно было, чтобъ говорить о немъ громко. Въ прошломъ—была семья, забота, друзья... Часто казалось, что къ этому ужъ нѣтъ возврата... Иногда только женщины украдкой плакали и показывали другъ другу письма изъ дому, часто покрытыя дѣтскими каракульками.

Но тѣмъ большую силу и значеніе пріобрѣтали всѣ событія, совершающіяся внутри заколдованнаго круга. Всѣ изучили другъ друга до мелочей, до оскомины. Состояніе здоровья, температура, настроеніе духа каждаго было извѣстно всѣмъ остальнымъ и служило темой постоянныхъ разговоровъ.

— А вѣдь у N. N. вчера 39° было!—скажетъ кто-нибудь, и всѣ сочувствуютъ, и идутъ навѣстить больного, слегшаго въ постель, если не запретитъ докторъ.

Появленіе всякаго новаго лица разросталось въ цѣлое событіе.

— Господа!—возбужденно кричалъ гимназистъ Коленька, шумно вбѣгая на общую веранду.—Господа, новенькіе пріѣхали! Я въ гамакѣ лежалъ и, вдругъ, вижу—ѣдутъ...

— Кто, кто? Гдѣ?!—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Ольга Ивановна первая соскакивала со своей кушетки и мелкой рысцой бѣжала къ стеклянной двери веранды, изъ которой виденъ былъ подъѣздъ.

— Павелъ Павловичъ! Идите скорѣе! Дама пріѣхала, да кажется, хорошенькая!—громкимъ шопотомъ сообщала она, приподнимаясь на цыпочки. За офицеромъ спѣшила попадья, путаясь въ своемъ широкомъ платьѣ и безцеремонно отодвигая локтемъ Ольгу Ивановну съ ея выгодной позиціи.

— Молодая? А какъ одѣта?—съ жаднымъ любопытствомъ спрашивала она.

Большими шагами на своихъ длинныхъ ногахъ подходилъ инженеръ и черезъ головы другихъ прижималъ свой носъ къ стеклу.

Даже слабые, которымъ трудно было встать, поворачивали голову къ двери и прислушивались къ доносившимся словамъ.

А когда вновь прибывшіе выходили къ общему столу, ихъ разсматривали и разспрашивали съ откровеннымъ любопытствомъ и, только узнавъ, кто сколько времени хвораетъ, гдѣ и у кого лѣчился, оставляли въ покоѣ.

Вынужденная праздность, длинные, пустые дни наполнялись праздными разговорами. Обсуждались шансы того или другого выздоровѣть, приводились примѣры разныхъ чудесныхъ средствъ и исцѣленій. Одни боялись называть своимъ именемъ болѣзнь, боялись о ней говорить, другіе, напротивъ, изъ какой-то странной бравады любили разсказывать о своихъ разрушенныхъ легкихъ и съ болѣзненнымъ наслажденіемъ пугали и дразнили другихъ неотвратимой скорой смертью. Но и у тѣхъ, и у другихъ жила робкая, но горячая мечта выздоровѣть.

Рѣдкая рука не дрожала, вынимая термометръ, рѣдкій не падалъ духомъ отъ всякаго ухудшенья.

— Вотъ тебѣ и Крымъ! Что живи тутъ, что нѣтъ, все равно. Лучше бы и не пріѣзжать...—ворчали несчастные, съ обидой обманутаго человѣка глядя на чуждый, южный ландшафтъ.

Когда Сергѣй Ивановичъ вышелъ какъ-то на веранду послѣ еженедѣльнаго взвѣшиванія, онъ былъ встрѣченъ восклицаніями со всѣхъ сторонъ.

— Ну, что? Какъ? Прибавили?—и узнавъ, что онъ прибавилъ два фунта, одни сердито поздравляли его, другіе, молча, провожали завистливыми взглядами. Ольга Ивановна вздохнула и отвернулась: она теряла въ вѣсѣ непрерывно.

— Посидите со мной немножко!—окликнула она какъ-то проходящаго студента,—скучно что-то...

Тотъ сѣлъ, но, не находя темы для разговора, неловко вертѣлъ старую газету. Его прежнее брезгливое чувство къ Ольгѣ Ивановнѣ прошло, онъ выучился видѣть страдающаго человѣка сквозь маску шутовства, да и смѣялась и болтала она теперь гораздо рѣже.

Болѣзнь медленно точила ее: все быстрѣе становилось дыханіе, глуше голосъ и желтѣе лицо.

— Какъ вы думаете?—медленно заговорила Ольга Ивановна,—

Какъ вамъ кажется, я скоро умру?—и такой трепетный страхъ отразился въ ея голосѣ, что Сергѣй Ивановичъ поспѣшилъ воскликнуть:

— Да что вы! Насъ всѣхъ переживете! Развѣ же вы очень больны?

Черные глаза смотрѣли на него съ боязнью и страхомъ и молчаливо просили чего-то и, повинуясь имъ, юноша началъ подбирать всѣ приходившія ему въ голову утѣшенія.

— Погодите! Вотъ поправитесь, опять домой поѣдете, въ Москву, заживете по-старому,—закончилъ онъ.

Его собесѣдница покачала головой.

— А вы думаете, это радость большая: зажить по-старому,—задумчиво проговорила она.—Нѣтъ!... А всетаки еще чего-то хочется... страшно умирать...

Сергѣй Ивановичъ не нашелся, что ей отвѣтить.

Петръ Петровичъ ужъ съ недѣлю, какъ не выходилъ изъ своей комнаты. Сергѣй Ивановичъ узналъ у доктора, что у него былъ сильный жаръ, показалась кровь горломъ, и поэтому ему предписано полнѣйшее спокойствіе и неподвижность, посѣтителей къ нему не допускали.

Только сегодня, прослышавъ о нѣкоторомъ улучшеніи состоянія больного, выпросилъ Сергѣй Ивановичъ, всетаки, разрѣшеніе на нѣсколько минутъ зайти къ нему. Его тянуло подѣлиться своими новыми впечатлѣніями: сегодня докторъ, опять долго возившійся съ нимъ, объявилъ, что легкія его можно теперь считать совершенно здоровыми и какъ только пройдетъ малокровіе, вызванное истощеніемъ, такъ онъ можетъ считать себя совершенно нормальнымъ человѣкомъ.

Вернувшись къ себѣ, Сергѣй Ивановичъ, первымъ дѣломъ, сѣлъ за письмо къ матери. Онъ зналъ, что она ужъ оплакивала его, какъ умирающаго, зналъ и тяготился тѣми расходами, въ которые вовлекъ своихъ стариковъ, и ему хотѣлось ихъ поскорѣе утѣшить и успокоить.

Но послѣ первыхъ строкъ перо пошло медленнѣе, потомъ совсѣмъ остановилось, и Сергѣй Ивановичъ глубоко задумался.

Вотъ онъ пишетъ, что поправляется, что скоро будетъ здоровъ, а дальше что? Жить хочется: онъ чувствуетъ, какъ радуется весь его организмъ прибывающимъ силамъ, но смѣетъ ли онъ жить? Куда онъ годится? И подперевъ голову руками, онъ сидѣлъ надъ недописанной страницей, чувствуя, какъ какой-то тяжелый, сѣрый туманъ поднимался опять со дна его души и затягивалъ все.

Что есть у него? Ни въ чемъ не чувствовалъ онъ твердой почвы

подъ ногами... Наука казалась ему всю эту послѣднюю, мучительную зиму рядомъ смутныхъ гипотезъ, признаваемыхъ одними, опровергаемыхъ другими... Работа на благо народа... но гдѣ оно, кто укажетъ, гдѣ добро, гдѣ зло? Любовь... и любить-то нельзя, какъ хочется. Онъ стиснулъ зубы такъ, что они скрипнули, тряхнулъ головой, наскоро дописалъ письмо и всталъ. Нельзя было давать себѣ раскисать, жутко становилось отъ приближенія прежней, гнетущей, знакомой тоски...

Онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи навѣстить Петра Петровича и вышелъ на веранду, ведущую въ его комнату.

День ликовалъ, во всей царственной роскоши стояла южная весна. Лиловая глицинія свѣшивала свои душистыя гроздья, обвивая домъ до самой крыши. Съ ней переплетались вьющіяся бѣлыя розы съ мелкими, нѣжными цвѣтами, скромными и наивными, какъ маленькія дѣвочки. Дальше, залитыя солнцемъ, всѣ разнѣженныя, благоухали пышныя, поникшія алыя, желтыя и блѣдно-розовыя розы... Каштанъ торжествующе глядѣлъ въ небо своими бѣлыми свѣчками среди яркихъ, молодыхъ лапъ-листьевъ. Только кипарисы, сосредоточенные, строгіе и темные попрежнему, казались монахами, случайно попавшими на праздникъ пышныхъ, ликующихъ красавицъ...

Сергѣй Ивановичъ залюбовался... Но надо было идти; онъ глубоко вздохнулъ, несмѣло постучался и тихо вошелъ въ дверь Петра Петровича. Несмотря на то, что большое окно было закрыто и завѣшено только тонкой шторой, въ комнатѣ стоялъ характерный запахъ трудно-больного, пахло эфиромъ, еще чѣмъ-то...

Петръ Петровичъ, еще болѣе исхудавшій, неподвижно лежалъ на спинѣ, на высоко взбитыхъ подушкахъ, и чуть-чуть только повернулъ голову въ сторону входившаго. Сергѣй Ивановичъ, неловко улыбаясь и стараясь ступать на ципочки, подошелъ къ кровати и съ смѣшаннымъ чувствомъ жалости и безсознательной брезгливости взялъ холодную, влажную руку, слабо приподнявшуюся навстрѣчу ему. Она казалась связкой костей.

— Поздравляю, голубчикъ,—почти шопотомъ заговорилъ больной,—ко мнѣ сегодня забѣгала сестра, разсказывала—какимъ вы молодцомъ... Ну, слава Богу, значитъ, не долго здѣсь засидитесь, опять за дѣло... счастливецъ!

Сергѣй Ивановичъ вскочилъ съ мѣста и нервно прошелся по комнатѣ. Вдругъ хлынуло на него все, что онъ только что передумалъ въ своей комнатѣ.

— Вотъ вы говорите: счастливецъ,—сорвавшимся голосомъ заговорилъ онъ, останавливаясь передъ кроватью и судорожно стиски-

вая руки,—какой же я счастливецъ, если передо мной точно пропасть какая-то... Эхъ, говорить-то съ вами нельзя, а то бы я вамъ доказалъ, какой я счастливецъ!

Петръ Петровичъ безпокойно шевельнулся на кровати.

— Слушайте, голубчикъ,—взволнованно проговорилъ онъ,—хочется мнѣ съ вами говорить... Кое-что ужъ вы разсказали, кое о чемъ я самъ догадался и, мнѣ кажется, понимаю васъ. И хочется мнѣ теперь разсказать вамъ про мою жизнь, можетъ, вамъ что и пригодится. Сядьте вонъ тутъ, въ ногахъ, чтобъ мнѣ васъ видно было. Нельзя мнѣ говорить, ну, да все равно: беречь нечего. Вотъ я вамъ все по порядку. Хвораю я вотъ ужъ три года, а до того былъ офицеромъ и жилъ въ Москвѣ. Жилось мнѣ весело, много родныхъ, знакомыхъ, товарищей. Повѣрите ли, теперь вспоминаю, такъ у меня все время отъ кадетскаго корпуса до болѣзни—точно одинъ день. Скучать, я никогда не скучалъ, просто времени нехватало: утромъ служба, а вечеромъ—въ гости, балы, спектакли. Кто я такой и какъ я живу?—мнѣ никогда и въ голову не приходило. Ну, и шло такъ все, пока я не заболѣлъ. Было это среди зимы. Танцовалъ я на одномъ балу, потомъ какъ былъ, въ лакированныхъ сапожкахъ, чуть не въ одномъ мундирѣ—на тройкахъ, да на цѣлую ночь. Сталъ я каплять. Знобитъ, бывало, меня, ломаетъ, голова трещитъ, а всетаки черезъ силу скачешь куда-нибудь на спектакль. Я и представить себѣ не могъ, чтобъ я, никогда не хворавшій, былъ серьезно боленъ. Ну, допрыгался до того, что съ одного бала чуть не безъ чувствъ привезли. Расхворался сильно, объявили скоротечную чахотку, пролежалъ мѣсяца два, потомъ привезли сюда. Стало мнѣ гораздо лучше, явилась надежда, если и не на выздоровленіе, то всетаки на жизнь. Черезъ полгода вернулся въ Москву. Военную службу пришлось оставить, средства кое-какія были. Но что съ собой дѣлать?—съ непривычки я мѣста себѣ не находилъ. Службы нѣтъ, къ разнымъ увеселеніямъ какъ-то вкусъ потерялъ, да и силы не хватало, учиться чему-нибудь — привычки нѣтъ. Тосковалъ страшно. Но скоро мнѣ опять хуже сдѣлалось: режимы эти наши тогда еще не выучился соблюдать, привезли меня опять въ Крымъ, и вотъ живу ужъ теперь безвыѣздно здѣсь почти полтора года. И въ первый разъ, голубчикъ, я здѣсь началъ думать. Вижу, горе это кругомъ. Вѣдь вы посмотрите: у каждаго здѣсь своя драма. Одинъ плачется, что дома семья, дѣти остались, которыхъ кормить некому, другой только-только до науки дорвался, а тутъ все пропало, мать объ дѣтяхъ тоскуетъ и мучится. Вотъ я и задумался: ну, а я кому же нуженъ? я что сдѣлалъ? и увидѣлъ, что—ничего! Ну, пожалѣютъ родные, когда умру, но живо забудутъ, по-

тому что никому я не нуженъ. Служба?—такъ на службѣ такихъ пѣшекъ, какъ я—тысячи. И никому-то, рѣшительно отъ меня ни тепло, ни холодно. Какъ додумался я до этого, такъ мнѣ страшно стало. И далъ я себѣ слово—постараться наверстать; какъ?—я еще не зналъ самъ, но чтобъ мой вѣкъ всетаки не даромъ прошелъ. Но для этого надо было сперва выздоровѣть. И вотъ я сталъ стараться изо всей силы поправляться. Я дѣлалъ все, что совѣтовали доктора, отказался отъ собственной воли, сталъ машиной какой-то. Но ничего не выходило. Болѣзнь шла себѣ и шла своимъ чередомъ. Я чувствовалъ, осязательно чувствовалъ, какъ разрушаюсь. Тогда на меня напало какое-то бѣшенство. Бросилъ я все лѣченіе, переѣхалъ въ гостинницу и чертилъ тамъ такъ, какъ еще никогда въ жизни. Но охоты ужъ ни къ чему не было, все дѣлалось черезъ силу, забыть—не могъ. Чуть живого привезли меня назадъ сюда. И тогда я понялъ, что жизнь моя ушла безвозвратно,—голосъ Петра Петровича пресѣкся, онъ замолчалъ, судорожная гримаса пробѣжала по его губамъ.

Сергѣй Ивановичъ быстро склонился надъ нимъ.

— Петръ Петровичъ, родной, успокойтесь... вы слишкомъ много говорите...

— Нѣтъ, нѣтъ... погодите, мнѣ хочется досказать вамъ, это такъ, нервы плохи стали. Дайте-ка вонъ стаканъ со столика. Ну, такъ вотъ я и понялъ тогда, что остается мнѣ теперь одно—не трусить, сумѣть мужественно, достойно отказаться. Т.-е. хоть умереть дѣльно... Видалъ я здѣсь умирающихъ... Господи, какъ иные хватаются за жизнь! Унизительно это какъ-то и тяжело за нихъ. Нѣтъ, не сумѣлъ жить, такъ хоть сумѣй умереть. Возмущеніемъ тутъ ничего не подѣлаешь... Не легко это было, но теперь—я готовъ. Любилъ я жизнь, красоту... Вонъ это до сихъ поръ люблю,—и онъ указалъ глазами на нѣсколько срѣзанныхъ розъ, медленно умиравшихъ въ стаканѣ на столикѣ у кровати.—Дольше всего не могъ отказаться отъ одного...—проговорилъ онъ съ заминкой, и Сергѣй Ивановичъ увидѣлъ, какъ слабая краска вспыхнула на его обтянувшихся щекахъ,—вы видѣли... вы замѣтили, можетъ быть... Съ Натальей Александровной мы всю зиму здѣсь вмѣстѣ прожили. Нѣжная она, чистая—вонъ какъ цвѣтокъ этотъ. Несчастная: по мужѣ тоскуетъ, а тотъ, кажется, и забылъ совсѣмъ про нее. Ну, и мнѣ казалось, что со мной ей всетаки легче, хотѣлось быть ей нужнымъ. А потомъ вотъ это случилось... Я увидѣлъ, что и для нея я ужъ не человѣкъ, не нуженъ ей... Пусть... такъ лучше... Теперь я совсѣмъ свободенъ... скорѣе бы...—совсѣмъ тихо кончилъ онъ и замолчалъ.

Глаза его закрылись, лицо стало серьезно и спокойно. Сергѣй

Ивановичъ несмѣло шевельнулся, не зная уходить ему или остаться. Но больной опять открылъ глаза.

— Подождите, сейчасъ кончу, усталъ немножко... Такъ вотъ что... Вы мнѣ полюбились и страшно мнѣ за васъ, чтобъ не повторилась съ вами моя исторія. Пройдетъ жизнь, тогда спохватитесь: что же я сдѣлалъ?—а поздно будетъ. Милый, не теряйте жизни... Не правда, что не для чего жить... Плохо я образованъ, не могу вамъ доказать, но только вѣрно это... Не задавайтесь очень далекими цѣлями, ближе смотрите... Вы все прислушиваетесь къ своимъ чувствамъ, а вы на другихъ посмотрите. Вотъ курсъ кончите, будете врачомъ: вы видите, сколько несчастныхъ. Я ужъ про тѣло не говорю, душа-то у нихъ тоже вѣдь больна... Помогите имъ... Любите ихъ, все любите... Тогда вамъ хорошо будетъ...—его голосъ совсѣмъ ослабѣлъ, глаза опять закрылись.

Сергѣй Ивановичъ просидѣлъ неподвижно нѣсколько минутъ, потомъ осторожно всталъ и вышелъ.

Больной не шевелился.

Сергѣй Ивановичъ прошелъ въ свою комнату, затворилъ дверь, и вдругъ, неожиданныя для него самого, обильныя слезы хлынули у него изъ глазъ.

И уткнувшись, какъ ребенокъ, головой въ подушку, онъ плакалъ, захлебываясь и задыхаясь, исполненный печали и умиленія.

Такъ ранней весной вдругъ налетѣвшій южный вѣтеръ растопляетъ снѣга, гонитъ бурные потоки и готовитъ землю для принятія новой весны.

— А знаете, батенька, вѣдь я удираю!—весело крикнулъ инженеръ, встрѣтивъ Сергѣя Ивановича у входа въ докторскій кабинетъ, изъ котораго только что вышелъ.—Вотъ сейчасъ ходилъ доктору объявить: не въ моготу больше!

— А развѣ вы совсѣмъ поправились?

— Ну, положимъ, не совсѣмъ, да невозможно больше... Сами посудите: дѣло меня ждетъ, мѣсто того и гляди кому-нибудь другому отдадутъ, жена тоскуетъ. Вотъ она тутъ пишетъ...—онъ порылся въ боковомъ карманѣ и торопливо вынулъ сложенное письмо, развернулъ его, посмотрѣлъ, но читать почему-то раздумалъ и, сдерживая улыбку на своихъ свѣжихъ губахъ, сунулъ его назадъ,—ужасно соскучилась! Ну, а вы какъ?—перемѣнилъ онъ разговоръ,—долго еще здѣсь просидите?

— Не знаю! Нѣтъ, должно быть, недолго... — нерѣшительно отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.

Отъ его собесѣдника вѣяло такой жизнерадостностью, бодростью, молодой жаждой жизни, что ему стало весело и завидно.

Съ послѣдняго, памятнаго разговора съ Петромъ Петровичемъ что-то перевернулось въ немъ. То животно-спокойное, инертное настроеніе, за которое такъ усердно цѣплялся онъ все время, окончательно ускользнуло отъ него. Этотъ умирающій человѣкъ посылалъ его въ жизнь, и такъ осязательно и ярко ощутилъ около него Сергѣй Ивановичъ возможность и самому потерять жизнь, такъ страшно и жалко стало ее, что бытіе вдругъ получило въ его глазахъ новую, могучую прелесть.

Все его существо наполняло теперь какое-то тревожное, неясное, но сладкое ожиданіе. Ему казалось, что открываются какія-то двери передъ нимъ и кто-то торопитъ его: «иди! иди!» Напряженная, ликующая жизнь природы трепетала кругомъ, роскошно развертывалась весна и манила куда-то вслѣдъ за собой.

Его бѣдный другъ завѣщалъ ему любовь...

Любить людей—точно онъ не слышалъ этого и раньше? Почему же теперь эти слова прозвучали для него, какъ новая, только что открывшаяся передъ нимъ истина? Почему такъ вся душа откликнулась на этотъ призывъ, такъ глубоко гармонично становилось все отъ него? Онъ не спрашивалъ себя объ этомъ, слишкомъ все просто и несомнѣнно было теперь.

И прислушиваясь къ весенней работѣ, шедшей у него въ душѣ, онъ чувствовалъ, что готовъ любить, что хочется подвига, самопожертвованія.

Всѣ прежніе, такъ измучившіе его вопросы какъ-то сами собой потеряли силу. Теперь они были похожи на призраки, блѣднѣющіе и тающіе при свѣтѣ рождающагося дня.

Любить людей больше самого себя—и въ этомъ все, и все будетъ ясно. Если даже и придется погибнуть, пусть, теперь ничего не страшно! Ему хотѣлось открыть объятія всему страдающему, хотѣлось молиться давно забытыми, напоминающими дѣтство, словами.

Но по странному противорѣчію, въ которомъ онъ не отдавалъ себѣ отчета, часто трепещущій отъ умиленной, безпредметной нѣжности, онъ бѣжалъ теперь отъ своихъ товарищей. Стало тяжело среди вялыхъ, блѣдныхъ, тоскующихъ людей, раздражалъ нудный кашель, какой-то мучительной, брезгливой жалостью сжималось сердце и хотѣлось заткнуть уши и бѣжать отъ больныхъ лицъ, больныхъ разговоровъ, отъ этихъ отверженныхъ, пытающихся еще создать себѣ иллюзію жизни.

И пользуясь своимъ положеніемъ почти здороваго человѣка, онъ

шелъ одинъ въ горы и, присѣвъ гдѣ-нибудь подъ разлапистымъ, невысокимъ, горнымъ дубкомъ съ пушистыми, еще бархатными, блѣдно-зелеными листьями, онъ широко-открытыми, счастливыми глазами глядѣлъ на море, такое голубое, кроткое и манящее, мягко уходившее въ даль, сливаясь съ горизонтомъ, на сѣрыя горы, значительныя и спокойныя, какъ всегда; глубоко и медленно вдыхалъ теплый, пахнущій весной воздухъ, и слезы подступали къ его горлу.

Или бродилъ по саду и, закинувъ голову, любовался на темно-синее небо, сквозившее сквозь зелень. Пышныя розы стояли кругомъ тонкія, счастливыя и разнѣженныя и точно ждали ласки. Одинъ разъ онъ не удержался, грубо сорвалъ и сжалъ въ рукахъ пышный, блѣдный, полураспустившійся цвѣтокъ и, прижавъ къ губамъ, цѣловалъ и упивался ароматомъ упругихъ, прохладныхъ лепестковъ. Онъ не замѣтилъ, когда это случилось, но образъ Екатерины Васильевны опять властно стоялъ въ его душѣ, и ему казалось теперь, что никогда и не было иначе. Ея голосъ, выраженіе глазъ, полуоткрытыя губы, тепло маленькой, мягкой руки ощущались имъ постоянно. Тянуло къ ней...

Въ длинной столовой шло утреннее чаепитіе. Звенѣла посуда, усиленный, утренній кашель привычно несся со всѣхъ сторонъ, огромный самоваръ пускалъ клубы пара, слышались обрывки разговоровъ. Ждали почты, которую всегда въ часъ привозили изъ города.

Вотъ послышались тяжелые шаги, открылась дверь, въ комнату вошелъ служитель съ клеенчатой сумкой черезъ плечо и вручилъ ее экономкѣ, сидящей за самоваромъ. Всѣ лица повернулись туда, болѣе нетерпѣливые даже встали со своихъ мѣстъ и, подойдя къ экономкѣ, неторопливо разбирающей въ кучки газеты и письма, нервно переминались и заглядывали ей черезъ плечо.

— Дарья Петровна. Мнѣ сегодня, навѣрно, письмо есть: посмотрите, пожалуйста!—говорилъ одинъ.

— А вонъ мое! Ужъ я вижу! Вонъ сѣрый конвертъ!—тянулся другой.

— А газету-то мою, скорѣе, пожалуйста,—торопилъ третій.

— Сейчасъ, сейчасъ, господа! Не торопитесь, всѣмъ раздамъ,—успокоительно говорила полная, невозмутимая Дарья Петровна, методично продолжая свое дѣло. Она привыкла: эта исторія повторялась каждое утро.

Въ эти минуты точно рушилась высокая стѣна, отдѣлявшая эту кучку людей отъ остального міра, и онъ властно вступалъ вдругъ,

своими чуждыми здѣсь интересами, отношеніями и отодвигалъ на нѣсколько времени далеко окружающую дѣйствительность.

Недавно поселившійся здѣсь молодой адвокатъ близко придвинулъ къ себѣ кучку свѣжихъ газетъ и, лихорадочно срывая бандероли, быстро развертывалъ и проглядывалъ ихъ одну за другой. И когда онъ останавливался, бормоталъ что-то, оглядывался на окружающихъ. Ему, видимо, хотѣлось подѣлиться своими впечатлѣніями, но всѣ заняты и никто не оборачивается на его восклицанія.

Въ комнатѣ стало тихо, стаканы на время забыты, слышно только шуршанье бумаги.

Получивъ на свою долю розовый конвертикъ, инженеръ рѣзкимъ движеніемъ разорвалъ его и, вытащивъ нѣсколько мелко исписанныхъ листочковъ, читалъ ихъ, и его подвижное лицо то хмурилось, то сіяло едва сдерживаемой радостной улыбкой.

Наталья Александровна тоже упивалась своимъ письмомъ; она вся раскраснѣлась и въ третій разъ, кажется, начинала перечитывать небольшой листокъ толстой бумаги.

Не получившіе ничего сегодня съ омрачившимися лицами поглядывали на счастливцевъ.

Одна Ольга Ивановна спокойно прихлебывала свое молоко, просматривая только полученный номеръ *Нивы*: ей не откуда было получать писемъ.

Сергѣй Ивановичъ сегодня не ждалъ ничего: вчера только пришло нѣжное письмо отъ матери, на-дняхъ было отъ одного товарища, а больше корреспондентовъ у него не было. Но къ удивленію Дарья Петровна, проходя мимо него, пріостановилась и бросила ему на тарелку небольшой сѣрый конвертикъ.

Сердце вдругъ точно остановилось въ его груди. Какимъ-то чутьемъ онъ почувствовалъ, что это письмо отъ Екатерины Васильевны, хотя никогда не видалъ ея почерка. Нѣсколько мгновеній нерѣшительно повертѣлъ онъ конвертикъ въ рукахъ, изъ какой-то странной стыдливости не рѣшаясь читать его при всѣхъ, потомъ быстро вскочилъ, вышелъ въ сосѣднюю пріемную и, прислонясь къ оконному косяку, дрожащими руками разорвалъ конвертъ.

Вотъ что стояло тамъ:

«Сергѣй Ивановичъ, родной мой! Недавно узнала я отъ Песковскаго, что вамъ лучше. Онъ говоритъ, что недавно получилъ отъ васъ такое хорошее, бодрое письмо. Господи! какъ я рада этому! Вы не подозрѣваете, какъ изболѣлась я за васъ душой. Я много, очень много думала о васъ или, пожалуй, о насъ это время.

Вы мнѣ дороги, вы сами знаете это, знаю, что и я вамъ не чужая, но, другъ мой, мы пошли не по той дорогѣ. Тутъ мы ничего не найдемъ, кромѣ стыда и муки въ концѣ. Надо такъ измѣнить наши отношенія, чтобы отъ нихъ легче и свѣтлѣе было жить. Развѣ это такъ трудно? Вы пережили тяжелое время, навѣрно сами много думали, развѣ не приходило это вамъ въ голову? Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ начался теперь лучшій, новый періодъ вашей жизни. Помните, какъ часто вы падали духомъ, не вѣрили въ свои силы? Какъ огорчали вы меня этимъ. Нѣтъ, вы честный, хорошій человѣкъ и не смѣете отступать, еще ничего не сдѣлавъ. Поправляйтесь скорѣе и за работу. А я буду вашимъ другомъ, вашей старшей сестрой, и никто не сможетъ здѣсь стать между нами».

Сергѣй Ивановичъ дочиталъ, сложилъ письмо и тихо вышелъ въ садъ. Надо было остаться одному. Онъ быстро пошелъ по узкой дорожкѣ, извивавшейся среди пышной зелени молодого виноградника. Дойдя до одинокой скамеечки, онъ опустился на нее и опять вынулъ письмо. Но читать не сталъ: оно и такъ цѣликомъ стояло въ мозгу. И онъ только сжималъ его и поглаживалъ, какъ руку дорогой женщины. Восторженная радость дрожала въ груди и переполняла все его существо.

«Она не забыла... Милая, милая!—шепталъ онъ,—ты думала обо мнѣ... ты мучилась за меня. Да, да! Ты права, тысячу разъ права! Мы измѣнимъ наши отношенія! А я-то мучился, ревновалъ къ мужу и себя упрекалъ, а вѣдь какъ это просто: она—мнѣ другъ, и тогда никто въ мірѣ не можетъ отнять ее у меня!...» и онъ радостно усмѣхался и вскакивалъ, и опять садился, и ему казалось, что онъ вдругъ нашелъ какое-то необыкновенно удачное рѣшеніе хитрой, мучившей его задачи.

Цѣлый день ходилъ онъ въ какомъ-то сладкомъ угарѣ. Тянуло быть одному, и онъ потихоньку убѣгалъ въ свой номеръ, бросался на кровать и, блаженно улыбаясь, живо, до иллюзіи живо представлялъ себѣ ея лицо, ея руки, которыя онъ когда-то такъ часто цѣловалъ, ея негромкій грудной голосъ. И безумно хотѣлось сейчасъ же увидѣть ее, упасть къ ея ногамъ, сжать въ объятіяхъ... кружилась голова.

Но тутъ онъ вскакивалъ и до боли сжималъ руками голову.

«Нѣтъ, нѣтъ... что я за скотина такая... Я не долженъ, не долженъ видѣть въ ней женщину... сестру... только сестру!»—и онъ встряхивалъ головой, стараясь отогнать отъ себя неотвязный образъ и опять убѣгалъ въ садъ.

Но его мечты летѣли съ нимъ, и скоро опять безсознательно губы начинали шептать слова ласки.

Черезъ нѣсколько дней ему удалось справиться съ этой лихорадкой. Теперь всѣ силы своего ума онъ старался сосредоточить на обдумываньи своей дальнѣйшей жизни.

Онъ соображалъ, гдѣ и у кого достать нужныя лекціи, съ кѣмъ изъ товарищей списаться, на какой заработокъ можно разсчитывать въ родномъ городѣ, пока пройдетъ штрафной годъ. Но прежде всего съѣздить на недѣльку къ родителямъ, а потомъ туда, къ ней... Она теперь на дачѣ, въ деревнѣ, и можно будетъ туда пріѣхать, не возбуждая ничьихъ подозрѣній... А потомъ—учиться, учиться, наверстывать упущенное... Потомъ хорошо бы за границу. Лишь бы кончить курсъ, а тамъ дѣла вволю! Жизнь манила его, борьба не казалась больше страшной.

Оставаться дольше въ санаторіи онъ не былъ въ состояніи, стало вдругъ тѣсно, душно.

— Рановато немножко,—нерѣшительно говорилъ докторъ, которому онъ объявилъ о своемъ намѣреніи уѣхать,—хорошо бы еще недѣльки двѣ-три посидѣть. Все бы еще нѣсколько фунтиковъ нагуляли.

Но Сергѣй Ивановичъ и слушать ничего не хотѣлъ. Черезъ два дня онъ уѣзжалъ. Накапунѣ отъѣзда онъ вдругъ со стыдомъ вспомнилъ, что ужъ съ недѣлю, какъ не навѣщалъ Петра Петровича. Правда, разъ какъ-то онъ попытался заглянуть къ нему, но сестра не пустила.

Но теперь Сергѣй Ивановичъ рѣшился добиться свиданія и побѣжалъ отыскивать строгую сестру.

Она внимательно посмотрѣла на него:

— Вы завтра уѣзжаете?

— Да.

— Ну, не выдавайте меня, смотрите: Петра Петровича ужъ три дня, какъ нѣтъ здѣсь!

Сергѣй Ивановичъ почувствовалъ, какъ нервный холодокъ пробѣжалъ по его спинѣ.

— А гдѣ-жъ онъ?—глухо спросилъ онъ, впередъ зная отвѣтъ.

— Умеръ...—спокойно отвѣтила сестра,—и очень хорошо умеръ: безъ большихъ страданій,—и она заспѣшила дальше.

Сергѣй Ивановичъ растерянно посмотрѣлъ ей вслѣдъ: какъ же это такъ?—несвязно вставало въ его головѣ—умеръ? такъ скоро? Бѣдный Петръ Петровичъ, какой онъ славный былъ!

Но острота этой грустной вѣсти скоро растворилась въ той радости бытія, которая владѣла имъ теперь.

И по мѣрѣ того, какъ она охватывала его, его интересъ и участіе къ окружающимъ все блѣднѣли. Это быстро возникшія связи рвались теперь, какъ пыльныя паутинки отъ порыва вѣтра.

«Что я за эгоистичное животное!—ругалъ онъ себя мысленно, сидя у кровати молодого офицера, которому было хуже. Онъ зашелъ къ нему проститься и теперь съ брезгливой жалостью слушалъ его хриплый голосъ и старался не вдыхать глубоко, чтобъ не вбирать отравленнаго воздуха комнаты трудно больного. И стыдясь самъ въ душѣ, чувствуя всю фальшь своего голоса, онъ утѣшалъ офицера и пророчилъ ему скорое выздоровленіе.

Выйдя, наконецъ, въ коридоръ, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

Ему было мучительно жаль всѣхъ этихъ людей какой-то томительной, обидной жалостью, но хотѣлось не думать, не видѣть ихъ, онъ не находилъ въ себѣ больше силъ на сочувствіе и ласку.

И окружающіе это чувствовали и съ холоднымъ отчужденіемъ отвѣчали на его короткія прощанія. Инженеръ уже уѣхалъ. Одна Наталья Александровна привѣтливо улыбнулась ему, желая всего хорошаго: она была счастлива—на-дняхъ за ней пріѣзжалъ мужъ.

Рано проснулся Сергѣй Ивановичъ въ день отъѣзда: ему не спалось. Весь садъ еще стоялъ полный аромата и утренней свѣжести, когда онъ вышелъ изъ своей комнаты.

Молодой парень мелъ дорожки, садовникъ поливалъ клумбы изъ шланга.

Сергѣй Ивановичъ остановился и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ сильная струя холодной воды вырывалась сквозь мѣдную сѣтку рукава и, сверкая въ лучахъ низкаго еще солнца, низвергалась на пестрыя головки цвѣтовъ, которыя наклонялись и качались подъ напоромъ воды. Отъ запаха сырой, только что смоченной земли хотѣлось вздохнуть полной грудью.

Сергѣй Ивановичъ посмотрѣлъ, потомъ заговорилъ съ рабочими, спросилъ зачѣмъ-то, откуда они и долго ли здѣсь живутъ. Потомъ далъ имъ на чай, самъ не зная почему, за что они пожелали ему добраго здоровья.

Наконецъ, былъ поданъ экипажъ, который долженъ былъ отвезти его на пароходъ, и, подъ равнодушными взглядами больныхъ, медленно сходившихся къ чаю, тотъ же молодой парень вынесъ и уложилъ вещи Сергѣя Ивановича.

Онъ сѣлъ на мягкія подушки экипажа и оглянулся. Равнодушныя, пышныя розы такъ же красиво качались на своихъ стебелькахъ, мимоза трепетала на фонѣ неба своими кружевными листочками, все такъ же важно и молчаливо стоялъ кипарисъ. А вонъ катятъ кресло на колесикахъ, это везутъ на веранду слабаго больного. Вотъ слышенъ надрывающій душу кашель.

— Трогай! Съ Богомъ!

Экипажъ покатился, проѣхалъ аллею, выѣхалъ въ ворота и скрылся за угломъ, унося Сергѣя Ивановича въ эту непонятную, трудную и огромную жизнь...

М. Толмачева.

Киммерійскія сумерки.

I.

Надъ темной рябью водъ встаетъ изъ глубины
Тяжелый кряжъ земли: хребты скалистыхъ гребней
Обрывы черные, потоки красныхъ щебней—
Предѣлы скорбные безжизненной страны.

Я вижу грустные, торжественные сны:
Заливы гулкіе Земли глухой и древней,
Гдѣ въ позднихъ сумеркахъ грустнѣе и напѣвнѣй
Звучатъ пустынные гекзаметры волны.

И парусъ въ темнотѣ, скользя по бездорожью,
Трепещетъ древнею, таинственною дрожью
Вѣтровъ тоскующихъ и дышащихъ зыбей.

Путемъ назначеннымъ дерзанья и возмездья
Стремитъ мою ладью глухая дрожь морей
И въ небѣ теплятся лампады Семизвѣздья.

II.

Дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Вълзи и Поморію, и Посулію, и Сурожю, и Корсуню, и тебѣ, тьмутороканьскій блъванъ!

Слово о Полку Игоревѣ.

Запалъ багровый свѣтъ. Надъ тусклою водой
Зарницы синія трепещутъ бѣглой дрожью.
Шуршитъ глухая степь сухимъ быльемъ и рожью
Вся млѣетъ травами, вся дышитъ душной мглой,

И стонетъ гулкая... Дивъ кличетъ предъ бѣдой
Ардавдѣ *), Корсуню, Поморью, Посурожью—
Землѣ незнаемой разноситъ вѣсть Стрибожью,
Птицъ стономъ убудилъ и всталъ звѣриный вой...

Съ тучъ вѣтръ плеснулъ дождемъ и мечется съ испугомъ
По блѣднымъ заводямъ, по ярамъ, по яругамъ...
Тьма прыщетъ молніи въ зыбучее стекло...

То землю древнюю, тревожа долгимъ зовомъ,
Обида вѣщая раскинула крыло
Надъ гнѣвнымъ Су́рожемъ **) и пѣнистымъ Азовомъ.

Максимиліанъ Волошинъ.

---

*) Ардавда—древнѣйшее имя Ѳеодосіи (городъ 7 боговъ).
Сурожъ—старое имя Чернаго моря.

НОВЫЙ КАРѲАГЕНЪ *).

Романъ Жоржа Экгуда.

VII.

Гина нѣсколько разъ въ теченіе этой зимы встрѣчала Марболя въ обществѣ. Она продолжала оказывать ему немного больше вниманія, чѣмъ другимъ, обращаясь съ нимъ по-товарищески, но ея поведеніе не выдавало Марболю, что она отдаетъ ему предпочтеніе. Своимъ подругамъ, которыя дразнили ее по поводу ея дружбы съ Марболемъ, она отвѣчала: «онъ забавляетъ меня». Никто не придавалъ значенія этой дружбѣ.

Марболь получилъ даже приглашеніе на обѣды къ Добузье. Онъ встрѣчался тамъ съ Бежаромъ. Послѣдній избѣгалъ открыто вступать въ споръ по поводу тѣхъ вопросовъ, которые раздѣляли ихъ, въ особенности потому, что угадывалъ, насколько его противникъ былъ безжалостенъ. Бежаръ, такой богачъ, боялся этого художника, столь увѣреннаго въ себѣ, открытаго, прямого, державшаго себя такъ смѣло.

Марболь однако чувствовалъ себя увлеченнымъ красотою Гины. Онъ сдерживалъ себя, чтобы не говорить ей о своихъ чувствахъ, и если онъ терпѣлъ Бежара, то лишь изъ страха потерять расположеніе Добузье.

Нѣсколько разъ онъ готовъ былъ открыться ей. Но въ отношеніяхъ своихъ къ Марболю она оставалась загадкой; она стремилась только веселиться, ничего не принимала въ серьезъ, искренно наслаждалась свѣтскими развлеченіями. Она вкладывала столько рвенія, лихорадочнаго безпокойства въ частыя посѣщенія баловъ, что много разъ Добузье просилъ ее отдохнуть и поберечь свое здоровье. Она была царицей сезона, самая блестящая, изящная, смѣлая!

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1907 г.

— Я не дѣлаю никакихъ выводовъ!—говорилъ самъ себѣ Марболь. Она считаетъ меня болѣе забавнымъ, чѣмъ остальныхъ кавалеровъ, вотъ и все. Угадываетъ ли она то сильное впечатлѣніе, которое производитъ на меня... Еслибъ я былъ богачъ, или еслибъ она была бѣдна и родилась въ другой обстановкѣ? Давно бы я сдѣлалъ ей предложеніе...

Регина страдала не менѣе его. Въ концѣ-концовъ, она призналась сама себѣ: она любила этого ужаснаго художника, она, богатая наслѣдница Добузье! Никогда она не осмѣлилась бы признаться отцу въ своей симпатіи къ наименѣе богатому изъ всѣхъ посѣтителей ихъ дома, къ этому молодому человѣку, котораго принимали за его веселость, счастливый характеръ и эксцентричныя стремленія... Она сердилась на Марболя за то, что онъ не хотѣлъ угадывать, что̀ происходитъ въ ея душѣ.

Отдавшись этой любви, волновавшей и смущавшей ее, она была далека отъ мысли, что богатый собственникъ судовъ лелѣялъ надежду жениться на ней.

Она забыла даже свое обѣщаніе, данное сиротѣ, ничтожному Паридалю, посылать изрѣдка ему нѣсколько строкъ. Она не только не хотѣла переписки съ нимъ, но никогда и не вспоминала о немъ. Впрочемъ, о чемъ она могла разсказать ему? О балахъ, спектакляхъ, туалетахъ? Развѣ это могло интересовать его? а все остальное? Ахъ, остального-то она не довѣрила бы никому; никогда, во всякомъ случаѣ, она не согласилась бы на то, чтобы выказать себя столь глупой, простой въ глазахъ этого мальчика, на котораго она, его гордая фея, смотрѣла свысока!

Между тѣмъ Лоранъ съ сокрушеннымъ сердцемъ часто думалъ о красивой кузинѣ, возвращался въ мысляхъ на фабрику, на яхту, напѣвалъ вальсъ изъ *Ромео и Джульетты* и, закрывая глаза, представлялъ себѣ гордую пѣвицу.

Гина Добузье не помнила о существованіи Лорана, который учился въ страстной надеждѣ заслужить ея одобреніе, боролся съ тоской по родинѣ, надѣлялъ чертами гордой и безстрастной Гины самыхъ нѣжныхъ героинь изъ драмъ Шекспира, Гёте и Шиллера...

VIII.

Происходила большая суматоха на верфи постройки судовъ Фультонъ и К°. Былъ назначенъ въ этотъ день спускъ новаго парохода, оконченнаго по заказу *Южнаго Креста*, для линіи Антверпенъ-Австралія. Торжество было назначено въ одиннадцать часовъ. Послѣд-

нія приготовленія заканчивались. Подобно огромной бабочкѣ, долгое время сжатой въ своей куколкѣ, пароходъ, окончательно готовый, былъ освобожденъ отъ покрывавшихъ его лѣсовъ.

Верфь была украшена мачтами, арками, павильонами, вензелями владѣльцевъ, всевозможными флагами всѣхъ національностей, среди которыхъ выдѣлялись желтый, красный и черный цвѣта бельгійскаго флага.

Возлѣ парохода возвышалась, обращенная къ рѣкѣ, трибуна, затянутая парусиной, которая содрогалась отъ порывовъ вѣтра.

Недалеко отъ воды, точно китъ, отдыхающій на мели, покоился огромный законченный пароходъ. Его могучій остовъ поддерживался подпорками, наскоро выкрашенными въ красную и черную краску. На кормѣ золотыми буквами, въ одномъ изъ скульптурныхъ украшеній, можно было прочесть слово: «Гина».

По настоянію Бежара Гина Добузье должна была согласиться стать крестной матерью парохода.

Съ самаго утра верфь наполнилась любопытными. Приглашенные по билетамъ занимали мѣста на скамейкахъ трибуны. Въ первомъ ряду скамеекъ, мягкіе стулья ждали властей, крестную мать и ея родителей. Зѣваки и рабочіе толкались на берегу.

Солнце блестѣло, какъ годъ тому назадъ во время экскурсіи въ Хемиксенъ. Всѣ гости, которые были тогда, собрались и здѣсь; еще было много другихъ, всѣ гости, танцовавшіе на балу у Добузье, всѣ, кто имѣлъ претензію задавать тонъ, направлять умы, моду и политику, всѣ пріѣхали или еще пріѣдутъ, кромѣ Лорана Паридаля. Находясь въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ вдали отъ родины, онъ даже не зналъ объ этомъ событіи, какъ и о многихъ другихъ.

Дамы блистали чудными туалетами. Анжела и Кора Сенъ-Фардье жеманились передъ своими женихами, такъ какъ онѣ были уже невѣстами. Молодые люди Сенъ-Фардье надѣли красивые синіе костюмы съ золотыми пуговицами. Художникъ Марболь тоже присутствовалъ на празднествѣ, въ сопровожденіи своего друга, Рамбо-де-Вивалуа, очень здороваго человѣка, отличавшагося энергіей и силой.

Между тѣмъ все было готово. Весь экипажъ парохода собрался, какъ обыкновенно, на палубѣ. Матросы, пріодѣтые и приглаженные, настоящіе молодцы, могли бы напомнить Лорану его славнаго Винсана Тильбака. Они немного смущались своею ролью; можно бы подумать, что необходимость парадировать на пароходѣ, находящемся еще на землѣ, не была въ ихъ вкусѣ.

Дюпуасси, довѣренный Бежара, въ ожиданіи пріѣзда патрона долженъ былъ принимать гостей, исполнять роль коммиссара, прогонять

постороннихъ. Онъ былъ увѣренъ въ важности своей роли. Нѣсколько рабочихъ, самыхъ сильныхъ и видныхъ на всей верфи, ждали у парохода той минуты, когда они должны будутъ выпустить его на свободу. Недоставало только начальства и самыхъ важныхъ гостей. За верфью на набережной, внизъ по рѣкѣ, масса любопытныхъ размѣстилась, чтобы принять участіе въ зрѣлищѣ.

Вниманіе! Дюпуасси, привязавъ платокъ къ кончику палки, подалъ сигналъ...

Раздалась неожиданная пальба артиллеристовъ, скрытыхъ въ сараяхъ. «Пушки!» воскликнула толпа, вздрагивая въ пріятномъ ожиданіи. Женихи барышень Санъ-Фардье, одинъ нѣмецъ Фалькъ, другой англичанинъ Лесли, смѣялись надъ Анжелой и Корой, которыя подпрыгнули отъ неожиданности.

Ѣдутъ!... ѣдутъ!

Заказанный оркестръ игралъ брассоньону.

Дѣйствительно, всѣ пріѣхали. Вотъ бургомистръ, крестный отецъ парохода, подалъ руку крестной матери, Гинѣ Добузье, поразительно красивой въ своемъ газовомъ розовомъ платьѣ; за ними Бежаръ велъ подъ руку г-жу Добузье, помолодѣвшую, болѣе нарядную, чѣмъ когда-либо. Затѣмъ выступалъ г. Добузье подъ руку съ женой строителя парохода. Толпа, съ большимъ трудомъ сдерживаемая полиціей въ предѣлахъ отведеннаго ей мѣста, наивно восторгалась красотой Гины Добузье, одобряла бургомистра и нѣсколько ворчала по адресу Бежара. Но эти ворчанія и угрозы утопали въ весельи нетерпѣливой и безпокойной толпы.

Когда всѣ заняли свои мѣста, раздался новый залпъ пушекъ.

Наступалъ самый интересный моментъ. Музыка заиграла... Фультонъ, строитель, бѣжалъ отдавать приказаніе рабочимъ.

Подъ могучими ударами машины, предназначенной сдвинуть пароходъ, онъ, до тѣхъ поръ неподвижный, началъ понемногу раскачиваться. Всѣ взволнованно слѣдили за движеніями рабочихъ, которые, собравшись передъ пароходомъ и вооружившись шестами, поддерживали его. Всѣ колья, подпорки упали, исчезли.

Между тѣмъ Бежаръ проводилъ Гину къ швартову. Взявъ изящ-й топорикъ съ ручкой, обернутой въ плюшъ, острый, какъ бритва, -жаръ подалъ его крестной матери и пригласилъ ее подрѣзать по-ѣдній канатъ, удерживавшій пароходъ. Красавица Гина, всегда -тая ловкая, не сумѣла разрубить канатъ, и онъ все держался. -а нетерпѣливо ударила два-три раза. Всѣ волновались, и у Гины -ицѣ было недовольное выраженіе избалованнаго ребенка..

— Дурное предзнаменованіе!... для парохода? или для крестной матери?—говорили суевѣрные зрители.

Она не могла справиться съ канатомъ, и Бежаръ, въ свою очередь теряя терпѣніе, взялъ упрямый топоръ и твердымъ нервнымъ ударомъ разрубилъ канатъ.

Огромная масса точно вскрикнула на доскахъ, медленно двинулась и величественно спустилась въ воду.

Это былъ патетическій моментъ! Достигнувъ рѣки, пароходъ какъ бы продолжалъ еще вскрикивать и ревѣть. Нѣтъ ничего болѣе величественнаго, чѣмъ громкій ревъ парохода: точно этотъ шумъ говоритъ о глубокой радости, которую испытываетъ корабль, достигнувъ рѣки, ея волнъ, съ лаской и соблазномъ приникающихъ къ его ногамъ.

По мѣрѣ того, какъ онъ прикасался къ водѣ, онъ удваивалъ свою жизнь. Затѣмъ внезапно, однимъ ударомъ, какъ нетерпѣливый пловецъ, онъ устремился въ Шельду, которая содрогнулась отъ его прихода и отстраняла для его удобства свои пѣнистыя воды.

Когда кончился ропотъ парохода, со стороны толпы раздалось «ура»! Музыка снова играла, экипажъ «Гины» тоже посылалъ свои громкія привѣтствія, а ея пассажиры въ знакъ веселья махали платками и шляпами.

Вскорѣ пароходъ очутился на срединѣ рѣки и красиво повернулся съ достоинствомъ побѣдителя. Организмъ парохода функціонировалъ, его желѣзные и стальные мускулы двигались, онъ ворчалъ, дышалъ, вздыхалъ...

Между тѣмъ на сушѣ, въ павильонѣ, слуги Фультона разносили бокалы съ шампанскимъ и бисквиты. Мужчины чокались, желали богатства и славы *Гинѣ*. Всѣ собрались вокругъ красивой крестной матери, чтобы высказать добрыя пожеланія ея крестнику. Гина подносила къ губамъ бокалъ и благодарила за каждый тостъ съ гордой и ласковой улыбкой. Бежаръ усилилъ свою любезность по отношенію къ красавицѣ.

— Вы теперь связаны съ моей судьбой,—говорилъ онъ ей не безъ намека,—въ лицѣ этой Гины, которая принадлежитъ мнѣ и прославитъ меня, я не сомнѣваюсь; я счастливъ, что найду у себя нѣчто, напоминающее васъ.

— Я чувствую себя очень маленькой рядомъ съ этой очень важной матроной,—смѣясь отвѣчала Гина.—Мнѣ даже не вѣрится, что я крестная; скорѣе она беретъ меня подъ свое покровительство. Этимъ объясняется мое волненіе сегодня... я очень была смущена...

Добузье, въ порывѣ благородства по поводу успѣха своей дочери,

да и всегда стараясь исполнять обычаи и не скупиться при публикѣ, подозвалъ къ себѣ мастера.

— Возьмите,—сказалъ онъ, передавая ему пять золотыхъ монетъ,—вотъ мое угощеніе на крестинахъ. Раздѣлите между вашими рабочими, пусть выпьютъ...

Послѣ того, какъ *Гина* сдѣлала нѣсколько вольтовъ, чтобы показать свои достоинства передъ знатоками, присутствовавшими здѣсь, она удвоила свой ходъ и свободно отправилась на рейдъ, чтобы покорить еще новыхъ зрителей.

Дюпуасси приблизился къ водѣ и, ставъ у края, откуда снялся пароходъ, съ бокаломъ въ рукѣ обратился къ обществу:

— Вниманіе!

Всѣ обернулись въ его сторону. Онъ вспомнилъ Дожа и Адріатическое море, античныя возліянія язычниковъ въ честь океана, чтобы заручиться расположеніемъ Нептуна и Амфитриты.

— Пусть эти возліянія, распространяясь въ волнахъ, заслужатъ прославленной Гинѣ благость стихій!

Онъ немного нагнулся, ища благодарную позу, держась на одной ногѣ, и вылилъ шампанское въ рѣку. Но при своей толщинѣ онъ чуть не упалъ; еслибъ Марболь не удержалъ его за полы одежды, онъ навѣрное погрузился бы въ воду. Всѣ зааплодировали и засмѣялись.

— Берегитесь, сударь, древніе боги, древняя Шельда, кажется, не одобрили вашей пародіи на ихъ обряды,—сказалъ ему Марболь...

— Ахъ, да, я вѣдь профанъ, иноземецъ,—насмѣшливо отвѣтилъ онъ.—Только истые антверпенцы могутъ воскресить древнія вѣрованія.

— Я не говорю этого!—замѣтилъ, смѣясь, Марболь.

Всѣ стали расходиться; гости садились въ кареты. Рабочіе съ большимъ оживленіемъ провожали важныхъ лицъ. Послѣ обѣда долженъ былъ состояться большой балъ на верфи для всѣхъ служащихъ; было вытащено нѣсколько бочекъ. Падкій до наблюденій, Марболь и его другъ Рамбо рѣшили быть тамъ.

— А вы?—сказалъ Марболь Регинѣ,—вы не будете на этомъ аздникѣ, радоваться этой радости, создательницей которой являесь отчасти и вы?

Она сдѣлала недовольную гримасу.

— Фи,—отвѣчала она,—я не имѣю никакого желанія. Это хопо для такихъ художниковъ, какъ вы... Навѣрно вы сошлись бы Лораномъ.

— Кто это Лоранъ?

— Дальній нашъ родственникъ,—дальній въ прямомъ и фигуральномъ смыслѣ, такъ какъ въ настоящее время онъ находится въ пансіонѣ, за нѣсколько сотъ миль отсюда... Лоранъ, какъ вы, любитъ этотъ міръ рабочихъ. Но у него нѣтъ даже и того оправданія, какъ у васъ; онъ не рисуетъ и не зарабатываетъ денегъ...

Она вспомнила Паридаля только для того, чтобы провести параллель, по крайней мѣрѣ въ умѣ, между художникомъ и Лораномъ. Въ первый разъ она коснулась живописи Марболя. Она сердилась на него за то, что онъ недостаточно обращалъ на нее вниманія во время торжества и оставлялъ ее все время съ Бежаромъ.

Да, размышлялъ Марболь, насъ раздѣляетъ пропасть мнѣній и чувствъ. Было бы невозможно соединить ихъ... Если бы она меня любила, она интересовалась бы моимъ творчествомъ... она стала бы моей союзницей! Если бы она меня любила! Но какъ разъ любви ея мнѣ недостаетъ. Жаль! Несмотря на ея богатство, гордость, на ея покорность предразсудкамъ, я считаю ее не на мѣстѣ въ этомъ обществѣ. Она стоитъ или будетъ стоить лучшаго, чѣмъ глупыя выскочки. Она способна понимать благородные порывы и высокія мысли... Ея красота и ея натура противодѣйствуютъ воспитанію, какое ей даютъ. Но развѣ я могу оспаривать ее у богатыхъ жениховъ, ухаживающихъ за нею?... Мои «монстры», какъ она называетъ мои картины, не достаточно дорого продаются... Но будемъ терпѣливы и не станемъ терять вѣры!

Прошелъ еще годъ. Лоранъ Паридаль, наконецъ, могъ вернуться на нѣсколько недѣль домой. Добузье сдѣлалъ ему краткій экзаменъ, изъ котораго онъ узналъ, что мальчикъ болѣе, чѣмъ когда-либо умудрился порвать съ той отраслью науки, которой опекунъ придавалъ наибольшее значеніе, и изучалъ совсѣмъ не то, чего хотѣлъ бы этотъ практическій человѣкъ. Такъ, вмѣсто того чтобы изучить языки, что необходимо каждому коммерсанту, бухгалтерію, техническія формулы, мальчикъ окунулся съ головой въ литературу.

Чтобы успокоить опекуна, Лоранъ долженъ былъ увѣрить его, что онъ изучилъ коммерческій жаргонъ; ничего не помогло; Добузье сердился.

Пріемъ, оказанный ему г-жей Добузье и Гиной, заставилъ его снова почувствовать прежнюю горечь.

Фелиситэ, не смѣвшая его толкать, какъ прежде, повела съ нимъ скрытую войну, тайкомъ устраивая ему непріятности.

Никому въ домѣ не нравился Лоранъ ни физически, ни морально.

Онъ превратился въ высокаго румянаго мальчика, здороваго, точно простого рабочаго, съ умнымъ, но нѣсколько упрямымъ выраженіемъ грубо очерченнаго лица. Но по капризу природы, этотъ деревенскій мальчикъ скрывалъ подъ своей слишкомъ матеріалистической внѣшностью чрезмѣрно впечатлительную душу, жажду любви, экзальтированное воображеніе, страстный темпераментъ, правдивое сердце, способное на всякую привязанность и даже фанатизмъ. Онъ слишкомъ страстно переживалъ добро и зло. Подъ внѣшней застѣнчивостью, подъ слоемъ скромной и медлительной рѣчи текла настоящая лава, скопившаяся изъ тоски и желаній.

Молчаливый, замкнутый, онъ сдерживалъ свои чувства, скрывалъ свои желанія и дѣлалъ свое сердце настолько недоступнымъ, что его чувства задыхались отъ недостатка воздуха и свѣта. Его инстинкты могли бы прорваться сразу; въ немъ жила революція и трагедія. Воспріимчивый ко всякому героизму, онъ способенъ былъ на преступленія и подвиги. Стать мученикомъ или убійцей? Можетъ быть, и тѣмъ и другимъ?

Онъ снова увидѣлъ Гину. Она показалась ему очаровательнѣе, чѣмъ когда-либо. Она обращалась съ нимъ менѣе высокомѣрно, но столь же равнодушно и властно, какъ и въ прежніе годы.

На одномъ изъ парадныхъ обѣдовъ, часто устраивавшихся теперь, Паридаль познакомился съ Марболемъ и Бежаромъ. Это была чистая формальность! Не считая возможнымъ послать молодого человѣка обѣдать въ буфетную, его представили гостямъ. Бежаръ проговорилъ ему: «очень радъ», и поспѣшилъ повернуться къ нему спиной. Марболь отнесся болѣе вѣжливо, и Лоранъ, пораженный его красивой и открытой внѣшностью, нѣжнымъ тембромъ голоса, забылъ о Бежарѣ. Онъ замѣтилъ не безъ удовольствія, что Гина, сидѣвшая между судовладѣльцемъ и художникомъ, отдавала предпочтеніе послѣднему. Хотя Марболь велъ общій разговоръ съ гостями, онъ придавалъ своимъ рѣчамъ что-то мягкое, менѣе низменное, чѣмъ всѣ изящные кавалеры. Что за человѣкъ былъ этотъ очарователь? Въ семьѣ, передъ Лораномъ о немъ говорили съ симпатіей, но не безъ нѣкоторой условности: «чудесный молодой человѣкъ, зарабатывающій большія деньги, -звѣстный и за границей, и на родинѣ, несмотря на монстры своихъ -ртинъ».

Марболь нѣсколько разъ обращался къ мальчику, странныя ма-ры котораго занимали его; онъ добился отъ него нѣсколькихъ -азъ, которыя заинтересовали его. Первый изъ гостей дома удостоилъ -) чести, оказалъ ему вниманіе.

Сначала оскорбленная этимъ, точно ей давали урокъ, Гина однако

начала съ тѣхъ поръ чаще бесѣдовать съ мальчикомъ. Она даже дѣлилась съ нимъ мыслями и замѣчаніями о своихъ гостяхъ. Въ особенности, она много говорила о Марболѣ. Лоранъ охотно хвалилъ его, она шутя оспаривала мальчика, но въ глубинѣ души ее радовали эти похвалы. Лорана чаровали эти разговоры, и въ своемъ очарованіи онъ не замѣчалъ, какъ настойчиво говоритъ Гина все о художникѣ и художникѣ.

Онъ понялъ это только на слѣдующую зиму, когда эпидемія въ пансіонѣ заставила начальство распустить всѣхъ воспитанниковъ. Онъ присутствовалъ на нѣсколькихъ пріемахъ опекуна. Гина, казалось, чувствовала себя дурно, ея веселость имѣла искусственный характеръ. Клара и Анжела Сенъ-Фардье, моложе ея на годъ, менѣе богатыя, чѣмъ она, уже вышли замужъ. Ставъ женами Фалька и Лесли, онѣ обѣ часто бывали у Гины и разсказывали ей о чудесной новизнѣ семейной жизни.

Замужество Гины не такъ легко устраивалось, какъ могъ предполагать Добузье. Ея требованія считались непропорціональными тѣмъ средствамъ, которыя ей давали въ приданое; избалованность, къ которой она привыкла съ дѣтства, смущала ея претендентовъ. Послѣдніе, скорѣе люди разсчета, чѣмъ чувствъ, слушались своихъ родителей. Да и самой Гинѣ женихи не внушали довѣрія. Это были прожившіеся бонвиваны, жаждавшіе ея приданаго, или молодые фаты; Добузье принужденъ былъ отказывать имъ. Но въ поклонникахъ и ухаживателяхъ не было недостатка, и вокругъ нея была цѣлая свита приближенныхъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ въ галантномъ искусствѣ флирта.

Гордая дѣвушка въ глубинѣ души была очень смущена, но не выказывала этого. Она старалась даже шутить: «ахъ, я останусь старой дѣвой... впрочемъ, что я потеряю отъ этого; какой мужъ будетъ со мною такъ добръ, какъ папа?»

Часто Лоранъ присутствовалъ при ея разговорахъ съ Марболемъ и Бежаромъ.

— Ей-Богу! у него видъ революціонера, у вашего родственника,—сказалъ однажды Бежаръ про Лорана.—Взгляните на эти глаза убійцы...

— Ну, ужъ и убійцы! Это слишкомъ,—поправила его Гина.

Какъ она часто вспоминала потомъ эту шутку Бежара!

Лорану все болѣе и болѣе нравился Марболь. Онъ познакомился и съ его характерными картинами.

Но иногда чувство жестокой, необъяснимой ревности охватывало его душу. Въ иные дни, манера, съ которой молодая дѣвушка смотрѣ-

ла на художника, причиняла ему сильную боль. Какое-нибудь безобидное слово Марболя, произнесенное передъ нею, оскорбляло его. И тогда онъ поворачивался спиной къ художнику, дулся на него въ теченіе нѣсколькихъ дней. Онъ снова искалъ, какъ въ былые дни, одиночества въ своей мансардѣ.

— Что опять съ нашимъ маленькимъ дикаремъ?—спрашивалъ Марболь.

И, подходя къ юношѣ, онъ тихо журилъ его съ такой добротой и симпатіей, что мальчикъ, въ концѣ-концовъ, снова дѣлался ручнымъ.

Лоранъ любилъ Гину всѣми силами своей души и чувствовалъ себя все болѣе далекимъ отъ нея. Къ идеальному культу молодой дѣвушки прибавилось еще физическое влеченіе. Въ этомъ дикарѣ жилъ сильный темпераментъ. Въ пансіонѣ, весною, когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, онъ изнемогалъ, какъ дѣвочка, смущенный и встревоженный порывами своей природы. Ласки весны безпокоили его, какъ дыханіе и ароматъ невидимой возлюбленной. Онъ не понималъ тогда, что̀ происходило съ нимъ. Онъ призывалъ «*Гина*», какъ сталъ бы звать «мама».

Какая меланхолія, какая непонятная тревога, какая тоска терзали его? Онъ могъ просиживать цѣлые часы, созерцая и слушая Гину. Онъ не двигался въ своемъ углу, притворяясь, будто читаетъ. Мысль, что Гина никого не любитъ, утѣшала его. Иногда онъ радовался тѣмъ препятствіямъ и неудачамъ, которыя мѣшали ея замужеству.

— Почему же вы не выходите замужъ за Марболя, кузина?— осмѣлился однажды Лоранъ спросить ее.

Она засмѣялась и взглянула ему въ глаза, точно желая прочесть, говоритъ ли онъ серьезно.

— Но, деревенщина, ты сошелъ съ ума! Такія дѣвушки, какъ я, не выходятъ замужъ за такихъ людей, какъ онъ, за художниковъ!— отвѣчала она съ такою убѣдительностью, что Лоранъ повѣрилъ ей, успокоился и огорчился одновременно.—Къ тому же,—продолжала она,—мои родители никогда не дадутъ своего согласія... Марболь очень милъ за столомъ, на балу, хорошо говоритъ, прекрасный кавалеръ... но это все же не позволяетъ мнѣ представить себя г-жей Марболь!

Въ другой разъ Лоранъ засталъ конецъ разговора Марболя съ [illegible] другомъ музыкантомъ:

— Мнѣ жениться? Просить руки Гины Добузье? Ты шутишь, [illegible]й милый... Она слишкомъ богата для меня... Какъ это пришло [illegible]ѣ въ голову. Правда, я люблю ее и привыкъ къ ней... Еслибъ она [illegible]ѣрила меня, или ея родители намекнули мнѣ на это, можетъ быть,

я и сдѣлалъ бы предложеніе... Но я чувствую, мы не созданы другъ для друга... Послѣ свадьбы она раскаивалась бы въ своей жертвѣ... Я не хочу выставлять себя на поруганіе. Но ты открываешь мнѣ глаза. Значитъ, уже говорятъ о моемъ ухаживаніи?... Пора перестать мнѣ компрометировать ее...

Лоранъ былъ одновременно смущенъ и обрадованъ, узнавъ сразу и о любви къ Гинѣ и объ отреченіи художника. Онъ сердился на него и былъ готовъ броситься къ нему на шею...

Съ этого дня художникъ сталъ рѣже посѣщать домъ Добузье, а черезъ мѣсяцъ онъ совершенно прекратилъ свои визиты.

Лоранъ вздохнулъ болѣе свободно, но иногда скучалъ безъ посѣщеній художника. Какъ ни странно, но Гина, неприступная и злая Гина, которая съ такимъ пренебреженіемъ отзывалась о Марболѣ, казалась очень задѣтой, что не было больше видно художника. Лоранъ заставалъ ее грустной, страдающей и подходилъ къ ней, какъ вѣрная собака. Она не призналась ему ни въ чемъ. Имя Марболя даже никогда не произносилось между ними. Временами Лоранъ точно чувствовалъ укоры совѣсти за свою радость. Онъ былъ счастливъ, что Марболя не было здѣсь. Онъ радовался гордости художника, тщеславію и недостаткамъ Гины, ихъ взаимному ослѣпленію. Много разъ, однако, видя ее такой грустной, слабой, болѣзненной, апатичной, онъ готовъ былъ подойти къ ней и сказать: «Несчастная, безумная Гина, перестань насиловать себя, послушайся своего сердца! Онъ любитъ тебя, я это знаю. Ты тоже его любишь, я это знаю... Что бы ты ни говорила, вы созданы другъ для друга».

Иногда онъ хотѣлъ написать Марболю, разсказать ему о странной перемѣнѣ, происшедшей съ Гиной, пригласить его вернуться и рискнуть сдѣлать предложеніе, сжечь корабли. Но онъ не могъ рѣшиться на такое самопожертвованіе! Бѣдный юноша, несмотря на всю свою дружбу съ Марболемъ, не могъ рѣшиться сблизить его съ Гиной...

Добузье ничего не прочелъ въ сердцѣ дочери. Онъ не зналъ, чему приписать эту внезапную болѣзнь, этотъ непонятный упадокъ силъ. Марболь подъ предлогомъ заказовъ уѣхалъ въ Италію и прислалъ изъ Рима два-три извинительныхъ письма, чтобы не объяснили ложно его отъѣзда. Здоровье Гины внушало серьезныя опасенія. Призвали докторовъ; они посовѣтовали ей выйти замужъ. Теперь, несмотря на свою гордость, Добузье рѣшился бы и на мезальянсъ. Вѣдь дѣло шло о жизни обожаемаго ребенка.

Лоранъ сильно страдалъ, но упорствовалъ въ своемъ жестокомъ безмолвіи. Онъ проводилъ теперь цѣлые часы съ молодой дѣвушкой.

Онъ читалъ ей вслухъ. Она обращалась съ нимъ, какъ съ сидѣлкой, и была даже нѣжна къ нему. Она позволяла ему нѣсколько разъ брать ее за руку. Однажды несчастный юноша не воздержался, сжалъ ея ручку и покрылъ ее поцѣлуями и слезами. Она разбранила его и хотѣла поднять на смѣхъ.

— Развѣ ты считаешь меня опасно больной?...

Признаніе чуть не сорвалось съ его устъ. Она смотрѣла на него съ нѣкоторымъ состраданіемъ, но все же презрительная улыбка играла на ея устахъ. Чего хотѣли отъ нея эти необычайные глаза, эти глаза убійцы?

Въ это время вошла Фелиситэ. Она замѣтила смущенное лицо Лорана, а Гина показалась ей слишкомъ блѣдной и взволнованной.

— Что это еще,—проговорила Фелиситэ,—какъ вамъ не стыдно разстраивать такъ барышню, г. Лоранъ?

Юноша поднялся и вышелъ изъ комнаты.

Между тѣмъ эпидемія въ пансіонѣ прекратилась, и директоръ извѣстилъ объ этомъ учениковъ. Лоранъ тщетно надѣялся еще хоть разъ остаться съ Гиной наединѣ. Фелиситэ разсказывала г-жѣ Добузье о странныхъ выходкахъ мальчика, о его мрачности, которая дѣйствовала на барышню. Добузье немедленно отправилъ его въ пансіонъ.

Вернувшись туда, Лоранъ писалъ письма за письмами, чтобы узнать, какъ здоровье Гины. Ему отвѣчали нѣсколькими неопредѣленными фразами, скучнымъ тономъ,—точно несчастье семьи не касалось его! Наконецъ благородная душа юноши побѣдила: онъ понялъ, сколько въ его любви было эгоистичнаго и рѣшилъ доказать Гинѣ свою преданность: онъ написалъ ей, что зналъ о чувствахъ Марболя, и одновременно послалъ Марболю письмо о болѣзни Гины, призывалъ его въ Антверпенъ, разсказалъ ему все... Но это произошло слишкомъ поздно: неожиданно онъ получилъ извѣщеніе о предстоящей свадьбѣ Бежара съ Региной Добузье.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Когда Гина вышла замужъ, Лоранъ окончательно бросилъ изученіе спеціальныхъ наукъ, которыми онъ занимался противъ своего призванія, только ради плановъ своего опекуна и изъ желанія добиться уваженія Гины. Зачѣмъ теперь учиться, достигать чего-либо? Онъ внезапно уѣхалъ изъ столицы и какъ бомба очутился на фабрикѣ.

Противъ ожиданія, Добузье не долго упрекалъ его. Онъ просто выгналъ его.

— Вотъ сто франковъ!—сказалъ онъ.—Каждое первое число ты можешь получать столько же въ конторѣ. Эта сумма представляетъ собой доходъ съ маленькаго капитала, который оставилъ тебѣ отецъ... Дѣлай теперь, что хочешь... Желаю успѣха... Ахъ, еще вотъ что. Твои тетки поручили передать тебѣ, что онѣ не примутъ тебя ни подъ какимъ предлогомъ. Послѣ такого поступка ты не можешь разсчитывать на прощеніе этихъ добрыхъ женщинъ. Какъ мы, онѣ не интересуются теперь твоей судьбой... До свиданья... я тебя не удерживаю.

Лоранъ остановился на порогѣ двери и обернулся. Добузье сидѣлъ уже за своей конторкой и принялся за прерванную работу, точно ничего важнаго не произошло, точно онъ заплатилъ кому-нибудь по счету или разсчиталъ провинившагося рабочаго.

Это поразило Лорана. «Пускай, сказалъ онъ самъ себѣ, мы разстанемся такъ!» И онъ вышелъ. На улицѣ онъ неожиданно ощутилъ радость. Развѣ онъ теперь не на свободѣ? Не господинъ самъ себѣ? Нѣтъ больше пансіона! Нѣтъ опекуна!

Закинувъ высоко голову, выгибая грудь, онъ направился въ городъ съ видомъ побѣдителя. Да, почти десять лѣтъ жизни стирались этимъ радикальнымъ разрывомъ. Лоранъ точно снова ощущалъ свою дѣтскую душу, какую воспитывалъ въ немъ отецъ. Остальное казалось только тяжелымъ сномъ.

Ему надо было скорѣе устроиться, найти себѣ квартиру. Живописный кварталъ, гдѣ онъ родился, привлекъ его вниманіе.

Онъ нанялъ себѣ комнату во второмъ этажѣ одного изъ домовъ съ черепичатой крышей, на узкой улицѣ, заполненной съ утра до вечера всевозможными экипажами, телѣжками, колымагами, направлявшимися въ портъ или возвращавшимися съ бассейновъ.

Паридаль, счастливый, что у него былъ свой уголокъ, home, состоявшій изъ одной комнаты, открылъ окно и съ радостью сталъ слѣдить за движеніемъ муравейника, разстилавшагося у его ногъ. Онъ прислушивался къ лаю большихъ собакъ, запряженныхъ въ тѣлежки деревенскихъ молочниковъ, къ щелканью бича перевозчиковъ, къ говору, поднимавшемуся изъ этой занятой толпы. Нѣсколько сорокъ летало вокругъ шпица церкви. И колокольный звонъ, дорогой колокольный звонъ,—мелодическая душа высокой башни,—разливался изъ своей открытой клѣтки. Въ соборѣ Богоматери крестили Лорана... и этотъ звонъ укачивалъ его въ дѣтствѣ, сопровождалъ его игры.

Случайно колокольный звонъ исполнялъ теперь древнюю фламандскую балладу, которую когда-то пѣла его Сизка. И Лоранъ рѣшился сейчасъ же отыскать своего вѣрнаго друга.

Новое удовольствіе ожидало его въ порту, передъ рѣкой. Онъ дошелъ до Place du Bourg, до того мѣста, гдѣ набережная расширяется и близко подходитъ къ рейду. Съ конца этой площадки видъ былъ чудесный.

Внизъ и вверхъ Шельда съ торжественнымъ спокойствіемъ гонитъ свои красивыя воды. Видно, какъ она направляется къ сѣверу, уходитъ, возвращается, снова течетъ, точно хочетъ вернуться по своему пути, чтобы еще разъ привѣтствовать прекрасную столицу. На горизонтѣ, близко къ морю, надуваются паруса, пароходы изъ разгорѣвшихся котловъ выпускаютъ длинныя бѣлыя полосы,—точно изгнанники, махающіе платками въ знакъ прощанія, до тѣхъ поръ, пока видны любимые берега. Чайки расправляютъ бѣлыя крылья на зеленоватой глади, такія нѣжныя и красивыя!...

Солнце уже садилось; оно какъ бы тоже не рѣшалось покинуть эти берега. Его пламенный закатъ, точно изрубленный длинными золотыми полосами, распространилъ на хребетъ волнъ блестящіе потоки крови. Бѣлые паруса принимали розовый оттѣнокъ...

Въ безконечномъ шумѣ Лоранъ различалъ гортанный говоръ, звуки грубые или пронзительные, или же грустные, какъ страдающая сила. Послѣ каждой фразы человѣческаго хора распространялся болѣе рѣзкій шумъ: тюки обрушивались на дно трюма, желѣзныя перекладины падали и подскакивали на плитахъ набережныхъ. Переводя свои взоры съ рѣки на берегъ, Лоранъ замѣтилъ группу рабочихъ, собиравшихся сдвинуть какое-то гигантское дерево, изъ семейства кедровъ и баобабовъ, привезенныхъ изъ Америки. Ихъ пріемы вступать въ цѣпь, группироваться, подпирать неподвижный блокъ, выгибать плечи, спину могли бы заставить поблѣднѣть барельефы героическихъ временъ. Недоставало художника Марболя при этомъ зрѣлищѣ.

Сильный и сложный запахъ, въ которомъ растворялись потъ, пряности, тѣла животныхъ, деготь, водоросли, кофе, зелень, плоды, усиливался отъ жары, обволакивалъ наблюдателя, этотъ ладанъ, который воскуривали божеству торговли.

Колокола снова зазвонили. Распространяясь надъ водой, звонъ казался Лорану нѣжнѣе, красивѣе, точно исполненный таинственной благодатью. Въ эту минуту взволнованный Лоранъ просилъ дружбы и симпатіи у камней города!

— Неужели я буду снова отвергнутъ или посрамленъ?—задавалъ себѣ вопросъ бѣдный сирота.

Антверпенъ, въ своей чудесной красотѣ, казался ему не менѣе гордымъ и высокомѣрнымъ существомъ, чѣмъ его кузина.

Да, его городъ, слишкомъ красивый, богатый, широкая колыбель его дѣтства, показался въ этотъ вечеръ Лорану сходнымъ съ Гиной. «Неужели и онъ также оттолкнетъ меня, сочтетъ меня недостойнымъ?»—спрашивалъ онъ себя печально.

Но обожаемый городъ, менѣе суровый и жестокій, чѣмъ Гина, точно прочелъ отчаяніе отвергнутаго и стремился къ тому, чтобы ничто не портило опьянѣнія его свободы. Прежде чѣмъ сердце юноши сжалось вполнѣ, пламенное небо уменьшило свой блескъ, и одновременно вода, въ которой потонули рубины заката, снова вернула себѣ нормальный видъ. Вечерній воздухъ становился сырымъ и тепловатымъ; воды покрывались легкимъ туманомъ, на горизонтѣ не было больше видно розовыхъ призывовъ заката, который привелъ въ ужасъ Паридаля.

Это было настоящее успокоеніе! Городъ показался юношѣ еще болѣе милостивымъ и добрымъ!

Рабочіе, окончивъ работу, начали дышать и жить, какъ простые смертные. Возвращаясь въ семью, они какъ бы заранѣе уже становились веселѣе и безпечнѣе, улыбка играла на утомленныхъ лицахъ, и натруженныя руки стремились не работать, а ласкать.

Лоранъ вступалъ въ настоящую жизнь!

II.

Въ поискахъ за жилищемъ Тильбака Лоранъ очутился въ кварталѣ перевозчиковъ. Начинали зажигать фонари, когда онъ увидѣлъ небольшую лавочку съ самыми разнообразными товарами; здѣсь продавались очки, морскіе компасы, сундучки для матросовъ, шляпы, шерстяныя фуражки, англійскій табакъ, перочинные ножи, карандаши, флаконы духовъ, мыла.

Что-то словно подсказало ему, что здѣсь жилище Сизки. Онъ окончательно убѣдился въ этомъ, когда увидѣлъ въ лавкѣ женщину, занятую разборкою товара. Она стояла спиной къ Лорану, и, такъ какъ лавка не была еще освѣщена, онъ едва различалъ ея силуэтъ, но, прежде чѣмъ она показала ему лицо, онъ узналъ ее. Она зажгла лампы. Онъ увидѣлъ, наконецъ, ея лицо. Это было то же открытое лицо, какъ и прежде; волосы, которые онъ иногда безпощадно дергалъ, немного посѣдѣли. Онъ остановился передъ выставкой това-

ровъ; на улицѣ было темнѣе, чѣмъ въ лавкѣ, и Сизка не могла разглядѣть его. Онъ рѣшился войти въ тотъ моментъ, когда Сизка удалялась въ комнату въ глубинѣ магазина. Отворяя дверь, онъ позвонилъ. Сизка подошла съ привѣтливой улыбкой. Сохраняя серьезность, Лоранъ попросилъ ее показать ему фуражку. Подавая сдачу съ билета въ двадцать франковъ, она взглянула ему прямо въ глаза. Внезапно добрая женщина измѣнилась въ лицѣ, и Лоранъ бросился ей на шею.

— Это я, Сизка! Я—Лоранъ Паридаль! вашъ Лоранъ! Лорки! Лоранъ!

— Возможно ли?—воскликнула Сизка.

Она выпустила его изъ своихъ объятій, отодвинулась, чтобы лучше увидѣть его, снова обняла его, покраснѣвъ отъ удовольствія и смущенія.

Между тѣмъ на радостный крикъ Сизки выбѣжалъ Винсанъ. Онъ не менѣе жены обрадовался приходу Лорана. Они проводили его въ свою маленькую комнату. Она походила на кабинку. Лоранъ познакомился съ ихъ дѣтьми всѣхъ возрастовъ. Какой вечеръ! Сколько разсказовъ! Вопросы сыпались съ той и съ другой стороны. Лоранъ разсказалъ, что происходило съ нимъ со времени разсчета Тильбака; но какая-то стыдливость помѣшала ему заговорить о Гинѣ.

Винсанъ, любившій стихію, принужденъ былъ отказаться отъ путешествій въ открытое море и взялъ на себя обязанность проводника большихъ судовъ въ порту.

— Вы никогда не угадаете, у кого служитъ нашъ старшій сынъ Феликсъ?

Лоранъ дѣйствительно не угадывалъ.

— У Бежара, судовладѣльца,—сказала она.

Лоранъ былъ очень изумленъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, на какомъ дурномъ счету былъ Тильбакъ у Бежара и Добузье. Къ тому же Бежаръ бралъ на службу исключительно иностранцевъ.

— Да!—снова заговорила Сизка,—нашъ Феликсъ получаетъ пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ. А знаете, кому онъ обязанъ своимъ поступленіемъ?

Рѣшительно, Лоранъ былъ очень недогадливъ.

— Г-жѣ Бежаръ, вашей кузинѣ Регинѣ.

— Неужели?—воскликнулъ Паридаль. Онъ помнилъ, какъ мало интереса его гордая родственница выказывала къ мелкимъ служащимъ и рабочимъ. Онъ чувствовалъ еще въ сердцѣ ея отказъ заступиться за Тильбака.

— Да, да, г. Лоранъ, мы думали даже, что это вы рекомендовали Феликса г-жѣ Бежаръ.

— Увѣряю васъ, я здѣсь не при чемъ!—отвѣчалъ Лоранъ.

Неожиданности, одна за другой, сыпались на него. Что означала эта милость, оказанная г-жей Бежаръ сыну рабочаго, котораго презирала м-ль Добузье.

— Феликсъ, разскажи самъ г-ну Лорану, какъ все произошло!—сказала Сизка.

Феликсъ, высокій брюнетъ, нѣсколькими годами моложе Лорана, заговорилъ:

— Я нѣсколько разъ ходилъ въ контору Бежара и К°, не зная къ кому обратиться. Служащіе, большею частью нѣмцы, посылали меня отъ Ирода къ Пилату, обманывали меня. Наконецъ я рѣшилъ обратиться къ самому патрону. Я позвонилъ, меня впустили въ переднюю, я ждалъ у мраморной лѣстницы, какъ вдругъ открылась дверь, и по лѣстницѣ стала сходить красивая дама; я пропустилъ ее; она спросила, что мнѣ нужно.

— Не могу ли я передать мужу?—добавила она.

— Я былъ ободренъ ея голосомъ, звучавшимъ просто, милымъ лицомъ, немного грустнымъ. Я сказалъ ей свое имя и о своемъ желаніи поступить въ контору Бежара.

— Феликсъ Тильбакъ! Тильбакъ!... Это имя мнѣ знакомо,—сказала она.—Не сынъ ли вы Тильбаку, который служилъ на фабрикѣ Добузье?

— Я самый, сударыня.

Она колеблется, смотритъ снова на меня, затѣмъ съ равнодушнымъ видомъ, садясь въ карету, проговорила:

— Хорошо, я поговорю съ г. Бежаромъ!

— Черезъ два дня письмо управляющаго призывало меня въ контору, я пошелъ туда и послѣ краткаго экзамена, не видавъ даже Бежара, былъ зачисленъ въ отдѣлъ иностранной корреспонденціи...

Лоранъ не зналъ, что подумать. Одно слово, въ особенности, поразило его въ разсказѣ Феликса. У Гины былъ немного грустный видъ. Кто же подмѣнилъ его Гину? Эта гордая, беззаботная, свѣтская женщина помнила Тильбака, или скорѣе его имя, такъ какъ не видала его никогда! Что же произошло? Вся его дѣтская любовь, которую онъ считалъ заглохшей, воскресла при мысли, что Гина сдѣлалась сострадательной, чувствительной, недоступная, гордая Гина!

— А что вы думаете дѣлать теперь?—спросилъ Винсанъ.

Лоранъ самъ не зналъ этого. Онъ ничего не ждалъ отъ родныхъ,

и хотя его сто франковъ были для него достаточны, но онъ не хотѣлъ ничего не дѣлать.

— Я понимаю васъ,—заговорилъ мужъ Сизки.—Если угодно, у меня есть для васъ дѣло... Одинъ изъ моихъ товарищей, пайщикъ въ «Націи», нуждается въ служащемъ, который помогалъ бы ему въ счетахъ и наблюдалъ на верфи и въ порту. Позволите ли вы мнѣ поговорить съ нимъ о васъ?

Лоранъ не желалъ ничего лучшаго; они условились, что онъ навѣдается къ нимъ черезъ день.

Феликсъ Тильбакъ вѣрно прочелъ на лицѣ г-жи Бежаръ, что она не была счастлива. Несмотря на мольбы отца, который при всемъ уваженіи къ Бежару, не считалъ его подходящимъ мужемъ для обожаемой дочери, Гина дала свое согласіе, изстрадавшись послѣ отъѣзда Марболя, утомленная своей дѣвичьей жизнью. Въ концѣ-концовъ, Бежаръ стоилъ большаго, чѣмъ какой-нибудь Фалькъ или Лесли. Она не любила его, но онъ казался ей сноснымъ, а его вліяніе, значеніе, его богатство льстили душѣ Гины и ея склонности показываться всюду и всюду царить.

Первое время все шло хорошо; она нашла въ домѣ мужа ту же роскошь, которой была окружена съ дѣтства. Но мало-по-малу Гина, привыкшая къ вниманію и любви окружающихъ, замѣтила, что ея мужъ былъ менѣе внимателенъ съ нею и часто пренебрегалъ ею. Онъ объяснялъ свою холодность и дурное расположеніе духа заботами политики и финансовыхъ операцій. Она видѣла его только за обѣдомъ, иногда утромъ, остальное время дня онъ проводилъ въ клубѣ, на биржѣ, въ конторѣ. Гина выѣзжала много, продолжая вести съ большимъ рвеніемъ, но съ меньшею веселостью, пустую свѣтскую жизнь. Она дружила съ кузинами, Анжелой и Корой, пользовавшимися большимъ успѣхомъ. Болѣе, чѣмъ прежде, онѣ бывали на балахъ и обѣдахъ, проводили лѣто у моря, часть зимы въ Ниццѣ и Монте-Карло, все время заказывали себѣ дорогіе туалеты. Г-жи Фалькъ и Лесли не чувствовали большой любви къ своимъ мужьямъ, и съ нѣкоторыхъ поръ онѣ замѣтили (впрочемъ, это ихъ не удивило), что отношенія между Гиной и Бежаромъ—очень холодныя; онѣ перестали стѣсняться передъ своей кузиной, и начали, сперва намеками, затѣмъ болѣе открыто, говорить ей о радостяхъ флирта, запретнаго плода... Онѣ забавлялись и развлекали Гину. Сами онѣ измѣняли своимъ трудолюбивымъ мужьямъ съ какою-то развязностью и непринужденностью. Гина была слишкомъ горда, чтобы подражать имъ; ея любовь къ отцу, воспоминаніе о Марболѣ, въ

связи съ какимъ-то непонятнымъ желаніемъ оставаться честной и достойной уваженія въ глазахъ любимаго человѣка, не допускали этого. Но она и не хотѣла читать имъ мораль. Какое дѣло было ей до поведенія другихъ женщинъ?

Среди празднествъ и выѣздовъ она надѣялась встрѣтить Марболя, но художникъ словно скрылся, не посѣщалъ салоновъ; онъ прекратилъ всякія сношенія съ міромъ богачей. Его намѣчали соперникомъ Бежару на будущихъ выборахъ. Гина готова была пригласить его къ себѣ, какъ прежняго знакомаго, но это обстоятельство мѣшало ей. Все шло къ тому, чтобы разлучить ихъ навѣки. Отнынѣ она не безъ удовольствія думала о томъ, что единственно ненависть къ сопернику и ревность бросили Марболя въ политику.

Когда Добузье разсказалъ Гинѣ о выходкѣ Лорана, она удивила отца, прямолинейнаго и строгаго человѣка, отсутствіемъ негодованія. Она не рискнула просить за отверженнаго родственника, но просто промолчала, и въ этомъ молчаніи отецъ могъ прочесть какъ бы неодобреніе своей суровости. Въ дѣйствительности, ей недоставало иногда «деревенщины»; она начинала понимать многое и съ меньшею гордостью обращалась къ тому міру, который страдалъ у ея ногъ; именно въ одинъ изъ такихъ періодовъ человѣчности она и оказала протекцію Тильбаку. Надо прибавить, что теперь она помогала бѣднымъ, но съ условіемъ оставаться неизвѣстной. Еслибъ она, узнавъ обо всемъ, попросила за Лорана, то это могло бы имѣть видъ, что она хочетъ вознаградить его за прежнія страданія, которыя она ему доставляла, а ея гордость никогда не согласилась бы на это.

Лоранъ Паридаль могъ бы обратиться къ Марболю, но помимо того, что онъ не чувствовалъ себя излѣченнымъ отъ своей химерической любви, чтобы видѣть безъ страданія человѣка, котораго любила Гина, онъ не хотѣлъ одолжаться ему, разъ онъ самъ не оказалъ ему никакой услуги.

Онъ предпочелъ быть обязаннымъ Тильбаку.

Янъ Вингерхутъ, занимавшійся въ «Націи», другъ бывшаго моряка, далъ ему сейчасъ же занятіе. Онъ былъ младшій сынъ одного польдерскаго фермера и привыкъ скорѣе работать своими десятью пальцами, чѣмъ карандашомъ или перомъ. Лоранъ быстро усвоилъ свои обязанности.

Каждое утро, въ половинѣ седьмого, въ полдень, въ половинѣ второго, Лоранъ становился съ простыми рабочими, возчиками, выгрузчиками, носильщиками передъ дверью помѣщенія «Націи» въ ожиданіи инструкцій Яна Вингерхута, который сговаривался внутри съ другими служащими и старшинами по поводу какой-нибудь пере-

возки. Рабочіе, собравшіеся на улицѣ, составляли обычный контингентъ, получавшій почти регулярное жалованіе. Но въ горячее время, если ихъ числа нехватало, чтобы заполнить нужные кадры, служащіе отправлялись въ знаменитые «углы лѣнивцевъ», лѣнтяевъ, пьяницъ, всякихъ подонковъ. Тамъ Паридаль, сопровождавшій Яна Вингерхута, часто присутствовалъ при характерныхъ сценахъ.

Американское общество «Нація» исполняло всякаго рода дѣла, связанныя съ портомъ. «Нація» выставляла вѣсовщиковъ и мѣрильщиковъ, на обязанности которыхъ была экспертиза вина и хлѣба, увозившагося большими пароходами. Они выгружали хлѣбъ, затѣмъ перекладывали его на суда. Другія группы спеціально работали на пароходахъ, нагруженныхъ лѣсомъ, они размѣщали на набережной доски, балки, бревна и затѣмъ перевозили этотъ товаръ въ магазины.

Это общество самое богатое, имѣло хорошихъ лошадей, располагало помѣщеніями, инструментами, брезентами, парусиной, рычагами перваго качества.

Подобныя корпораціи, какъ послѣдній слѣдъ древнихъ гильдій, составляютъ въ современномъ городѣ силу, съ которой должны считаться крупные промышленники. Американская «Нація», старинная и богатая, занимала первое мѣсто среди нихъ. Лоранъ, увлеченный новизной своего дѣла, убѣдился также въ большомъ значеніи этихъ обществъ.

Сколько дней онъ проводилъ теперь на воздухѣ возлѣ огромнаго порта, на набережныхъ доковъ! Онъ добросовѣстно занимался своимъ дѣломъ, счастливый тѣмъ, что участвовалъ въ этой бодрой жизни, и страстно вдыхалъ въ себя эту морскую атмосферу. Много разъ его «Нація» работала для Добузье, и онъ не безъ волненія разсматривалъ бѣлые ящики, на которыхъ черною краскою было написано D. B. Z. Ахъ! еслибъ Гина могла увидѣть его въ этомъ новомъ мірѣ! Но къ чему? Онъ былъ счастливъ, что работаетъ на это общество, а не чахнетъ въ какой-нибудь мрачной конторѣ такихъ людей, какъ Бежаръ или даже самъ Добузье. Передъ лицомъ пароходовъ торговля не казалась ему больше отвлеченнымъ понятіемъ, а была могучей силою, осязаемой, грандіозной. Къ тому же, Гина никогда не бывала тамъ, и никто изъ коммерсантовъ не узнавалъ въ этомъ услужливомъ и молчаливомъ юношѣ дальняго бѣднаго родственника богатаго фабриканта.

Вечера, которые Лоранъ почему-либо не проводилъ у Тильбака, онъ употреблялъ на собранія членовъ «Націи» въ одномъ кабачкѣ порта; это были шумныя сборища, гдѣ замѣчались довольно рѣзко грубая развязность, бурное отдохновеніе рабочаго люда. Лоранъ вы-

ходилъ оттуда ошеломленный, раздраженный. Иногда онъ сопровождалъ Тильбака въ лодкѣ навстрѣчу пароходовъ. Надо было плыть днемъ или ночью, смотря по морскому приливу, чаще всего ночью. Они брали съ собой обыкновенные припасы для пароходовъ и снабжали матросовъ табакомъ и можжевелевой водкой. Сначала они выходили изъ бассейновъ, затѣмъ изъ порта, пока не достигали пароходовъ, стоявшихъ далеко на якорѣ. Внушительное безмолвіе царило на землѣ и на водѣ; былъ слышенъ только плескъ воды, падавшей каплями съ веселъ, или иногда раздавался окликъ съ какого-нибудь таможеннаго судна. Имя Тильбака успокаивало всѣхъ. Хрупкая лодочка скользила между пароходами.

Такая дѣятельная, полная волненій жизнь, ежедневное знакомство съ новыми характерами и отношеніями дѣлали изъ Лорана что-то вродѣ рабочаго-дилетанта, чувствовавшаго ненависть къ правящимъ классамъ, и отвлекали его отъ мысли о Гинѣ.

Другія зрѣлища заполняли его любопытство и волновали его душу, точно заставляли переживать въ нѣсколько минутъ цѣлую гамму чувствъ и мыслей.

Однажды, вечеромъ въ субботу, Феликсъ Тильбакъ повелъ Лорана на Place Verte, гдѣ должны были состояться юбилейныя празднества въ день рожденія Рубенса.

Не было ничего болѣе волшебнаго, чѣмъ этотъ августовскій вечеръ!

Тысячи зрителей толпились вокругъ статуи знаменитаго художника, и не было слышно ни одного дыханія, ни одного возгласа. Всѣ ждали терпѣливо въ теченіе двухъ часовъ и могли бы ждать еще столько же. Протянутая веревка, укрѣпленная на столбикахъ, отдѣляла мѣста для богатой буржуазіи.

Весь Антверпенъ былъ тамъ! Богачи, недалеко отъ статуи, размѣстились на эстрадѣ, противъ оркестра и хора.

Надъ этимъ импозантнымъ, поразительнымъ безмолвіемъ, надъ этимъ застывшимъ океаномъ раздались вдругъ съ самой высокой галлереи въ башнѣ нѣсколько громкихъ призывовъ военныхъ трубъ. Многоголосый хоръ какъ бы опоясалъ столицу нѣсколько разъ. Вслѣдъ за этимъ раздался колокольный звонъ, сначала тихій, точно пробуждающаяся рощица на зарѣ, среди тумана и росы, затѣмъ оживленный, радостный, ликующими гимнами встрѣчая солнце. Оркестръ, хоръ, колокола—все это создавало апоѳеозъ богатства и искусства.

Исполняли кантату. Она славила великій рынокъ, звучными и гиперболическими общими мѣстами. Пять частей свѣта привѣтствовали Антверпенъ, всѣ націи земного шара поклонялись ему, а такъ

какъ недостаточно было современной эпохи и среднихъ вѣковъ, чтобы устроить въ честь гордаго города тріумфальное шествіе, то кантата доходила до древней исторіи, касалась сорока вѣковыхъ пирамидъ. Вся вселенная и всѣ жизни, географія и исторія были связаны съ городомъ Рубенса. Въ общемъ вышелъ панегирикъ въ антверпенскомъ духѣ, говорилось не столько о художникѣ, сколько о его колыбели.

И въ этой звучной красивой музыкѣ точно длинная процессія волшебниковъ, трибуновъ, царей, богинь, полная золота, ладана и смирны, роговъ изобилія, богатства и цвѣтовъ, дефилировала для прославленія новаго Кареагена.

Регина находилась въ первыхъ рядахъ. Она понимала, что происходитъ! Ея головка держала себя болѣе гордо, чѣмъ когда-либо, на устахъ играла странная улыбка. Лоранъ не видѣлъ ея въ этотъ вечеръ, иначе онъ нашелъ бы ее похорошѣвшей, съ той меланхолической задумчивостью лица, безъ которой нѣтъ абсолютной красоты.

Когда все было кончено, всѣхъ охватилъ какой-то энтузіазмъ; хотѣлось кричать, плакать, смѣяться, бороться и любить. Когда военные музыканты открыли шествіе съ факелами всѣхъ націй, Лоранъ послѣдовалъ за всѣми, вмѣшался въ толпу, въ которой на этотъ разъ буржуа слились съ рабочими въ одинъ дифирамбическій хоръ.

Неутомимый Лоранъ прошелъ весь путь, намѣченный процессіей. На каждомъ перекресткѣ сходились и расходились новыя волны толпы, а Лоранъ не хотѣлъ отставать. Эта музыка, сочиненная другомъ Марболя, Рамбо де-Вивелуа, могла проводить его на край свѣта. Онъ все шелъ. Отдаваясь всецѣло Антверпену и Рубенсу, Лоранъ слушалъ только кантату, онъ былъ полонъ ею; онъ отзывался на нее, какъ инструментъ чудеснаго оркестра.

Онъ проводилъ солдатъ въ казармы, почти опечаленный, что всѣ задували свои фонари, прикрѣпленные къ деревяннымъ палкамъ. Факелы тоже угасали. Тяжелая дверь казармъ закрылась за солдатами. Лорану надо было идти домой, но онъ чувствовалъ такую потребность выразить кому-нибудь свой восторгъ, что рѣшился пойти отыскивать Марболя и Рамбо де-Вивелуа въ ихъ любимый кабачокъ.

III.

Ахъ, красивый, богатый городъ, но эгоистичный городъ волковъ, столь жадныхъ и жестокихъ, что они пожираютъ другъ друга, если имъ недостаетъ овецъ? Городъ по закону Дарвина! Плодородный, но смертоносный городъ! Твоей лицемѣрной извращенностью, твоей распущенностью, твоимъ кричащимъ богатствомъ, твоими алчными

инстинктами, ненавистью къ бѣднымъ... ты напоминаешь мнѣ новый Карѳагенъ. Кто стоитъ во главѣ Антверпена? Тщеславные, глупые магистраты, напыщенные, какъ правители Карѳагена! Знаешь ли ты, Рамбо, ихъ послѣднее постановленіе? Въ тотъ день, когда имъ нечего было больше разрушать, они предписали снести голубую башню, одинъ изъ послѣднихъ образчиковъ въ Европѣ архитектуры XIV вѣка. Всѣ, сколько городъ ни насчитываетъ у себя художниковъ и знатоковъ, волнуются, протестуютъ, составляютъ петиціи. Въ виду такой оппозиціи отцы города обращаются къ эксперту. Этотъ археологъ рѣшаетъ въ пользу художниковъ, стоящихъ за сохраненіе древней башни. Вотъ оригиналъ, который позволилъ себѣ быть другого мнѣнія, чѣмъ богатые торговцы. Ахъ, они только и желаютъ, что стереть и уничтожить всякую реликвію! И всетаки это чудесный городъ! Ты правъ, Паридаль, восхваляя его безконечное очарованіе, закрывающее ротъ его хулителямъ. Мы не можемъ сердиться на него за то, что онъ отдался во власть выскочекъ. Мы любимъ его, какъ порочную и наивную женщину, какъ чувственную и красивую куртизанку. Даже его паріи не соглашаются проклясть городъ.

Такъ разсуждалъ художникъ Марболь въ кабачкѣ передъ Паридалемъ и своимъ другомъ музыкантомъ.

— Ну, Марболь закусилъ удила!—отвѣчалъ Вивелуа.—И все потому, что юный компаніонъ «Націи» нашелъ, что въ моей кантатѣ было много шовинизма.

— Пусть восторгаются Рубенсомъ,—продолжалъ Марболь,—это вполнѣ справедливо. Но, откровенно говоря, большинство изъ тѣхъ, кто хвалитъ его, могло бы заставить меня его возненавидѣть.

— Но восторгъ,—снова заговорилъ Вивелуа,—охватилъ массы, онъ заставилъ покинуть свои древніе дома старыхъ буржуа, ворчуновъ и недовольныхъ мечтателей. Какое-то дуновеніе эмансипаціи и юности проникло въ толпу. Вы увидите, Марболь, мы имѣемъ не только красивый и чудесный городъ, но также интересный народъ, который начинаетъ утомляться вредными и компрометирующими его депутатами.

Рамбо Вивелуа былъ правъ, и его кантата съ шовинистскимъ, но героическимъ оттѣнкомъ, не была чужда тому движенію, которое чувствовалось въ населеніи. Партія богачей, взявъ на себя иниціативу юбилея Рубенса, не предполагала это движеніе усилить. Возбужденіе особенно отозвалось на рабочемъ народѣ. Аристократія, ничѣмъ не интересовавшаяся, можетъ быть, даже радовалась тѣмъ непріятностямъ, которыя новое движеніе подготовляло антверпенскимъ parvenu, но не смѣла покровительствовать партіи, ставшей подъ знамя

побѣдоносныхъ противниковъ католической Испаніи и воскресившей знаменитое имя гезовъ.

Марболь былъ однимъ изъ вожаковъ этого движенія. Паридаль окунулся въ него со всѣмъ фанатизмомъ и возбужденіемъ, на которое былъ способенъ.

Отдѣльные конфликты уже вспыхивали между Бежаромъ и «націями»-гильдіями. Началось все съ пререканій изъ-за счета, поданнаго судовладѣльцу одной изъ этихъ гильдій. Бежаръ отказывался заплатить по счету, пока не пришелъ изъ Риги его пароходъ съ грузомъ хлѣба. Дѣло въ томъ, что онъ обратился для разгрузки этого товара къ одной гильдіи, соперничавшей съ его кредиторами, но въ подобныхъ случаяхъ корпораціи дѣйствуютъ согласно, и націи отказались работать, пока онъ не расплатится съ ихъ конкурентомъ. Онъ обращался къ третьей, четвертой корпораціи, но вездѣ получалъ тотъ же условный отказъ. Взбѣшенный этимъ, онъ выписалъ рабочихъ изъ Флессинга, самаго близкаго морского порта. Матросы Антверпена побросали многихъ голландцевъ въ бассейны, потомъ вытащили ихъ, потомъ снова бросали, въ нѣсколько пріемовъ, и все это съ такимъ успѣхомъ, что тѣ въ тотъ же день уѣхали на родину и клялись, что никогда ихъ больше не соблазнятъ вмѣшаться въ дѣла антверпенскихъ рабочихъ. Бежаръ сжималъ кулаки отъ злости. Между тѣмъ его хлѣбу грозила опасность. Мечтая отомстить въ будущемъ этимъ фламандскимъ головорѣзамъ, онъ уступилъ.

Для начала мести онъ нашелъ достойнымъ примѣнить «элеваторы», американское изобрѣтеніе, которое уничтожало огромную часть рабочихъ рукъ.

Это происходило наканунѣ выборовъ въ парламентъ. Бежаръ, впервые выставившій свою кандидатуру, нашелъ себѣ сильнаго соперника въ Марболѣ, представителѣ бѣднаго населенія.

Это была страстная борьба, проявлявшаяся въ бурныхъ эпизодахъ.

Однажды вечеромъ, когда былъ поднятъ въ общинномъ совѣтѣ вопросъ объ «элеваторахъ», которые должны были разорить всѣ гильдіи, члены «Націи», старшины и рабочіе собрались на Главной площади и ждали тамъ группами, обративъ взоры на окна городской ратуши. Этихъ силачей окружали жены, дѣти, все населеніе, ютившееся возлѣ бассейновъ, честные и контрабандисты, готовые слѣдовать инипіативѣ первыхъ.

Янъ Вингерхутъ тоже былъ здѣсь, веселый, оживленный, въ сопровожденіи Лорана Паридаля.

Полицейскіе пытались разсѣять толпу, но не очень настойчиво,

принимая въ соображеніе ея молчаливый образъ дѣйствій. Что рабочіе думали предпринять?—спрашивали другъ друга полицейскіе, пораженные этимъ безмолвіемъ и насмѣшливымъ видомъ этихъ трудящихся людей.

Окна лѣваго крыла во второмъ этажѣ старинной ратуши были освѣщены. Казалось, еще происходили пренія.

Бьетъ девять часовъ. Выходитъ кто-то и, задыхаясь, говоритъ, что засѣданіе кончилось.

— Что же они тамъ дѣлаютъ?—спрашиваетъ Вингерхутъ, вглядываясь въ освѣщенныя окна.

Они темнѣютъ. Бургомейстръ, старшины, члены совѣта выходятъ изъ главной двери, сконфуженные, окруженные полицейскими; были вызваны жандармы, гвардія, телеграфировали коменданту въ казармы. Но гильдіи находятъ достаточнымъ одной демонстраціи, онѣ медленно расходятся, удовлетворяясь шиканіемъ по адресу членовъ совѣта, въ особенности Бежара.

Это было только начало. Смущенный совѣтъ благоразумно рѣшилъ отложить слишкомъ жгучій вопросъ до выборовъ.

Популярность Марболя возрастала. Лоранъ вступилъ въ общество *Jeune Garde des Gueux*. Феликсъ Тильбакъ тоже поспѣшилъ записаться въ эту группу.

— Пускай Бежаръ выгонитъ меня!—говорилъ онъ.

По мѣрѣ того, какъ приближались выборы, всѣ начинали волноваться. Богатые собственники газетъ предавались какой-то оргіи объявленій, брошюръ, памфлетовъ.

Агитація велась и въ низшихъ слояхъ.

— Пускай!—сердился Бежаръ,—эти бездѣльники не могутъ избирать. Все равно я пройду.

Дѣйствительно, большинство избирателей клонилось въ сторону богатыхъ. Но послѣдніе, боясь, что непопулярность Бежара скомпрометируетъ весь списокъ, пытались добиться у него отсрочки его кандидатуры на будущее. Онъ рѣшительно отказался. Онъ ждалъ слишкомъ долго; ему должны были предоставить это мѣсто, чтобы вознаградить его за многія услуги. Къ тому же всѣ они были у него въ рукахъ. Тысячи компрометирующихъ тайнъ, тысячи загубленныхъ людей вставали между Бежаромъ и ими. Въ его рукахъ были состоянія его коллегъ. Къ тому же этотъ дьявольскій человѣкъ обладалъ талантомъ организаціи и становился необходимымъ для всѣхъ. Онъ одинъ умѣлъ вести предвыборную кампанію и руководить выборщиками. Не выставляя его кандидатуру, богатыя партіи могли

считать себя заранѣе побѣжденными или не участвовать совсѣмъ въ выборахъ.

Не стѣсняясь въ средствахъ, его сообщники усиленно посѣщали трактиры, заходили въ жилища. Они видались съ мелкими сомнительными лавочниками, обѣщали имъ деньги или нѣкоторыя гарантіи. Наиболѣе недовѣрчивымъ они передавали даже половину банковскаго билета, а другую половину обѣщали въ день выборовъ, если пройдетъ Бежаръ.

Другіе участники огромной предвыборной администраціи Бежара, сложной и многочисленной, какъ министерство, собирали предварительныя заявленія, занимались возможными вычисленіями, раздѣляя всѣхъ избирателей на благопріятныхъ, неблагопріятныхъ и сомнительныхъ. Догадки представляли, по крайней мѣрѣ, тысячу голосовъ въ пользу Бежара. Онъ продолжалъ однако покупать ихъ, раздавая пригоршнями деньги ассоціацій, тратя и изъ собственныхъ средствъ. Чтобы достичь успѣха, онъ готовъ былъ разориться.

Его маклера дѣйствовали на воображеніе крестьянъ въ окрестностяхъ города. Не зная исторіи, сельскіе жители принимали въ прямомъ смыслѣ названіе гезовъ (бѣдныхъ). Маленькая земельная собственность представлялась имъ уже разоренной, сожженной. Въ деревняхъ маклера сплетничали, понятно, на Марболя и его партію, сочиняли ужасныя небылицы, которыя невозможно было бы распространить въ городѣ, но которыя у крестьянъ имѣли авторитетность Евангелія.

Марболь противопоставлялъ этому походу только свой характеръ, талантъ, свое личное значеніе, свои горячія убѣжденія, свое краснорѣчіе трибуна, свою красивую внѣшность; въ борьбѣ газетныхъ нападокъ, воззваній къ выборщикамъ, брошюръ онъ проигрывалъ, но на митингахъ, гдѣ выказывались достоинства кандидатовъ, онъ одерживалъ верхъ. Къ тому же невозможно было серьезно относиться къ краснорѣчію Бежара, или скорѣе не его, а Дюпуасси, который составлялъ его рѣчи и статьи. Не было ничего болѣе противнаго этихъ избитыхъ общихъ мѣстъ, глупыхъ афоризмовъ, безсвязныхъ и многорѣчивыхъ фразъ, всей этой низкой реторики, въ которой сами слова отказывались надолго покрывать всю ложь и грязь мыслей.

Наканунѣ выборовъ состоялся большой митингъ въ большомъ танцовальномъ залѣ, гдѣ политическія собранія чередовались съ маскарадами. Въ первый разъ за столько лѣтъ Бежаръ былъ сильно освистанъ. Ему не дали даже договорить. Волновавшаяся зала, наэлектризованная краткимъ и сильнымъ изложеніемъ принциповъ Марболя, понеслась, точно страшный морской приливъ, къ бюро, на эстра-

ду, черезъ оркестръ, опрокинула столъ, разорвала зеленое сукно, вылила воду изъ графина на полъ, растоптала ногами предсѣдательскій звонокъ. Устроители митинга, увидѣвъ приближающуюся толпу, благоразумно убѣжали, за ними всѣ буржуазные кандидаты, и мѣсто было предоставлено народу.

IV.

Наконецъ наступилъ день выборовъ, сѣрый октябрьскій день! Съ самаго утра барабаны городской милиціи призывали избирателей, городъ необыкновенно оживился, такъ какъ работъ и занятій не было въ тотъ день. Избиратели выходили изъ дому съ серьезными лицами, немного смущенные, но сознающіе свое достоинство. Они, съ бюллетенями въ рукахъ, быстрыми шагами направлялись въ избирательныя бюро, находившіяся въ школахъ, театрахъ и другихъ общественныхъ зданіяхъ.

Молодые франты, сыновья богачей, вправляли въ петлицы голубые значки своей партіи. Они напускали на себя необычайную важность. Омнибусы отправлялись очень рано въ села за деревенскими избирателями. Они возвращались въ городъ съ массою пассажировъ. Группы образовались передъ дверями бюро. Они читали воззванія партій, въ которыхъ тотъ или другой кандидатъ указывалъ на «маневры своего противника». Газетчики выкрикивали названія только что вышедшихъ газетъ.

Между тѣмъ бюро начинало свою дѣятельность: избирателей вызывали по алфавиту; они пролагали себѣ путь черезъ толпу, проходили за перегородку, показывались передъ предсѣдателемъ бюро. Послѣдній вмѣстѣ съ своими товарищами сидѣлъ за зеленымъ сукномъ, на которомъ стоялъ некрасивый черный кубическій ящикъ—урна. Избиратели подавали свои бюллетени, сложенные вчетверо, и опускали его въ урну.

Операція выборовъ продолжалась до полдня, затѣмъ наступалъ подсчетъ голосовъ. Никто не шелъ домой, всѣ наскоро съѣдали что-нибудь въ трактирѣ, ощущая сильную тревогу и безпокойство.

Всѣ собирались группами на Большой площади передъ помѣщеніемъ клуба Бежара и его партіи, гдѣ должны были быть выставлены въ окнахъ перваго этажа результаты двадцати восьми избирательныхъ бюро; выставлялись результаты еще въ порту, въ трактирѣ *Бѣлый Крестъ,* гдѣ собирались «націоналисты», приверженцы Марболя.

Небольшой дождикъ крапалъ на любопытныхъ, но они были стой-

ки. Въ толпѣ чувствовалось нервное волненіе, точно передъ грозой; прибавилось много рабочихъ, мелкихъ служащихъ, студентовъ, огорченныхъ тѣмъ, что не могутъ подать своего голоса за Марболя. Оранжевые значки близкой ему партіи преобладали въ толпѣ. Рабочіе прикалывали ихъ къ своимъ жилетамъ. Утромъ у нихъ происходили ссоры, около бюро, гдѣ подавали голоса крестьяне, приверженцы Бежара. Послѣдніе смущались ненавистными взглядами рабочихъ и, подавъ свой голосъ, спѣшили взобраться на омнибусъ и уѣхать изъ столицы во-свояси.

Въ клубѣ Бежара, кромѣ него самого, находились Дюпуасси, члены муниципальнаго совѣта, Сенъ-Фардье, Добузье, постарѣвшій, озабоченный, проклинающій въ душѣ слишкомъ дорогое тщеславіе своего зятя. Лесли разсказывалъ ему о томъ, какъ происходятъ выборы въ Англіи; Фалькъ и молодые люди Сенъ-Фардье усердно зѣвали и смотрѣли черезъ окна, какъ народъ собирается на площади.

Въ *Бѣломъ Крестѣ* у Марболя нехватало силъ пожимать руку всѣмъ, кто привѣтствовалъ его. Симпатія, восторгъ, искренность простыхъ натуръ горячо трогали его. Лоранъ, Тильбакъ, Янъ Вингерхутъ не сидѣли на мѣстѣ, выходили, бѣгали, справлялись въ центральномъ бюро, гдѣ совершался общій подсчетъ голосовъ.

Первые результаты, благопріятные то для Бежара, то для Марболя, встрѣчались то шиканіемъ со стороны клуба, то криками изъ *Бѣлаго Креста*. Нѣкоторое время число голосовъ балансировало. Большинство городскихъ избирателей высказались за Марболя. Толпа на улицѣ и въ *Бѣломъ Крестѣ* уже была охвачена восторгомъ, всѣ обнимали другъ друга, поздравляли Марболя; Паридаль хотѣлъ даже поднять знамя партіи гезовъ, оранжево-бѣло-голубое, съ изображеніемъ рукопожатія. Марболь, болѣе осторожный, съ трудомъ остановилъ своихъ друзей, желавшихъ такъ рано праздновать побѣду. Онъ былъ правъ, сельскія бюро заполнили быстро разницу голосовъ, усилили свой приливъ, поглотили въ своихъ волнахъ всѣ надежды городскихъ избирателей.

Гезы были охвачены бѣшенствомъ. *Богачи* одержали верхъ при помощи обмана и подкупа. Крестьяне противопоставили свое veto желаніямъ городского населенія.

Однако побѣдители не осмѣливались показаться на балконѣ клуба, куда иронически призывала ихъ толпа блѣдныхъ, взволнованныхъ людей, глотавшихъ слезы отъ злобы.

Было пять часовъ. Становилось темно. *Богачи* разъѣзжались по своимъ домамъ. Гезы стояли еще на площади въ тревогѣ, не зная на что рѣшиться, съ сжатыми кулаками, увѣренные, что «такъ это не

пройдетъ!» Въ предупрежденіе волненій была вызвана городская милиція, были усилены полицейскіе посты.

Марболь, показавшійся на улицѣ, былъ узнанъ. Раздались привѣтствія,—его подняли на руки. Онъ отказывался, какъ только могъ, отъ овацій; онъ съ самаго утра призывалъ къ тишинѣ всѣхъ, кто его окружалъ. «Мы побѣдимъ въ слѣдующій разъ»,—говорилъ онъ.

Голубое знамя развѣвалось на балконѣ клуба *богачей,* точно дразня приверженцевъ Марболя. Вдругъ произошло какое-то замѣшательство. Нѣсколько молодыхъ людей, Паридаль, Винсанъ Тильбакъ и члены «*Jeune Garde des Gueux*», работая локтями, добрались до клуба. Сидя на плечахъ у Паридаля, ловкій, какъ обезьяна, Феликсъ, цѣпляясь, достигъ балкона, схватился за древко знамени и пробовалъ выдернуть его, но кончилъ тѣмъ, что онъ повисъ на немъ. Раздался трескъ, древко сломалось,—знамя было захвачено. Все это произошло такъ быстро, что полиція не успѣла схватить юношу и отнять у него трофей. Сотни рукъ оградили его и оттолкнули полицейскихъ. Молодые люди большой колонной стали удаляться подъ сильное шиканье съ балкона, подъ громкое пѣніе гезовъ.

Вдали раздавалась музыка, устроенная партіей *Богачей.* Это вызовъ? Электрическая дрожь пробѣжала по длинной процессіи *Бѣдныхъ.* На одномъ поворотѣ они встрѣтили группу молодыхъ людей съ голубыми значками въ петлицахъ, сопровождаемую факелами и музыкой. Съ дикимъ крикомъ бросились гезы на своихъ противниковъ. Въ одну минуту факелы были вырваны изъ рукъ, вся группа была разсѣяна и опрокинута.

Между тѣмъ *Бѣдные* узнали, что въ новомъ кварталѣ города на бульварѣ Леопольдъ *Богачи* разукрасили свои дома, устроили иллюминацію.

— Къ Бежару! Къ Бежару!—кричали манифестанты.

Начиная съ Place de Meir, манифестація приняла грозный характеръ. Ряды рабочихъ и мелкихъ, скромныхъ буржуа порѣдѣли; ихъ мѣсто заняла толпа темныхъ личностей, подонковъ общества, которые выплываютъ всегда во время безпорядковъ. Пѣнія гимна *Бѣдныхъ* больше не было слышно. Феликсъ отдалъ знамя другому.

По дорогѣ толпа бросила камень въ окно дома Сенъ-Фардье, украшеннаго плошками. Окна были всѣ залиты свѣтомъ. Вѣтеръ, двигая шелковой занавѣской, приблизилъ ее къ огню плошки,—занавѣска загорѣлась. Озлобленная толпа двинулась дальше съ крикомъ «пожаръ».

Взводъ жандармъ, полиція и городская милиція помѣшали ей. Одна часть манифестантовъ попалась въ руки жандармамъ, по дру-

гая успѣла скрыться на бульварѣ Леопольдъ и очутилась около дома Бежара.

— Долой Бежара! Долой торговца душъ! Долой мучителя!

Ужасные, кровожадные крики раздавались передъ домомъ. Зналъ ли Бежаръ, что̀ готовилось, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ онъ удержался отъ иллюминаціи своего дома.

Ставни въ нижнемъ этажѣ были закрыты и изнутри не было видно свѣта.

Но эта скромность не остановила манифестантовъ. Они набросились, какъ безумные, на ненавистный домъ. Грубые хулиганы составляли теперь большинство толпы. Ставни были сорваны, зеркальныя окна разбиты вдребезги.

— Смерть! Смерть Бежару!—кричали бунтовщики.

Неожиданно показался Паридаль, желая воспрепятствовать толпѣ проникнуть въ домъ. Онъ боялся за Гину. Пусть поймаютъ, повѣсятъ Бежара,—ему все равно, но онъ готовъ отдать послѣднюю каплю крови, чтобы предупредить волненіе и испугъ обожаемой кузины. Онъ призвалъ на помощь Феликса. Но оба они были безпомощны. Безумцы грубо отталкивали ихъ. Надо было слѣдовать за ними, или, лучше, опередить ихъ, войти въ домъ, чтобы оказать помощь молодой женщинѣ. Лоранъ вскочилъ въ окно. Манифестанты проникли въ домъ и, какъ сумасшедшіе, разбивали бездѣлушки и мебель, разрывали портьеры, снимали картины, прорывали подушки, срывали обои, бросали осколки на улицу, грабили и уничтожали все, что попадало подъ руку.

Лоранъ опередилъ ихъ. Онъ бросился въ ближайшую комнату, она была темна и пуста; онъ прошелъ въ слѣдующую, третью, гостиную, опять никого не было. Въ столовой тоже никого не было; онъ прошелъ въ оранжерею, но не встрѣтилъ ни живой души. Между тѣмъ другіе слѣдовали за нимъ, разыскивая Бежара. Лоранъ бросился снова въ переднюю, осмотрѣлъ лѣстницу, поднялся по ней, проникъ въ спальню, въ ванную, осмотрѣлъ всѣ уголки, крича: «Гина! Гина!» Но Гины не было. Онъ продолжалъ свои розыски, открывалъ шкафы, смотрѣлъ подъ кровати. Ея не было нигдѣ. Онъ вышелъ въ о чаяніи...

Между тѣмъ на улицѣ шумъ увеличивался. Лоранъ спустился въ с дъ, осмотрѣлъ конюшни, но все безъ успѣха. Наконецъ, онъ рѣш лся покинуть этотъ пустынный домъ. На улицѣ сотни бездѣльник въ съ любопытствомъ смотрѣли на расхищеніе роскошнаго жилищ . Онъ узналъ отъ одного изъ слугъ Бежара, спрятавшагося у сосѣ ей, что его господа обѣдали у г-жи Фалькъ.

Успокоенный Лоранъ удалился съ Тильбакомъ отъ этого зрѣлища разрушаемаго дома.

— Милиція! Милиція! Спасайся, кто можетъ!

Грабители прервали свое дѣло.

Часть эскадрона приближалась вскачь. Командовалъ капитанъ Ванъ-Францъ, другъ семьи Добузье.

Всѣ богатые молодые люди, превосходные кавалеры, гарцуютъ на породистыхъ лошадяхъ... Взволнованные, разгнѣванные, они остановились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ толпы. Громилы набрались храбрости и кричали имъ:

— Картонные солдаты! Полишинели, кавалеры парадовъ!

Лоранъ узналъ Эжена и Поля Сенъ-Фардье, и слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ, подаваясь впередъ, сказалъ Ванъ-Францу:

— Когда же мы атакуемъ этихъ каналій?

Проѣзжая по своей улицѣ, они видѣли опустошеніе собственнаго дома и сгорали нетерпѣніемъ отомстить за обиду.

До сихъ поръ ихъ служба была просто отдыхомъ, спортомъ, предлогомъ для прогулокъ и экскурсій. Они не виноваты, что эти негодяи обратятъ ихъ веселую службу въ нѣчто трагическое.

— Шашки наголо!—скомандовалъ Ванъ-Францъ немного взволнованнымъ голосомъ.

Паника охватила громилъ. Они бросаются направо, налѣво по окружающимъ улицамъ.

— Впередъ! впередъ!—командовалъ капитанъ.

Часть эскадрона поскакала галопомъ... разсѣяла сборище и отправилась назадъ. Полиція доканчивала его дѣло, арестуя сраженныхъ.

Повернувъ за уголъ одной улицы, Лоранъ очутился лицомъ къ лицу съ Региной. Извѣстіе о разграбленіи ихъ дома застало ихъ за столомъ, и въ то время, какъ ея мужъ поѣхалъ въ ратушу, чтобы сговориться съ друзьями, Регина, несмотря на настоянія г-жи Фалькъ, вышла одна.

Лоранъ подалъ ей руку.

— Пойдемте, Регина... Вы не можете вернуться къ себѣ, вашъ домъ разрушенъ, вся улица не безопасна для васъ... Вернитесь къ вашему отцу...

Она замѣтила у него на фуражкѣ розетку приверженцевъ Марболя...

— Вы были съ ними, вы были у меня въ домѣ... Только этого, Лоранъ, и недоставало... Какъ честно!

— Теперь не время упрекать другъ друга и дѣлать мнѣ пепріят-

ности!—отвѣчалъ Паридаль съ выраженіемъ, котораго у него раньше никогда не было. Вы идете?

Пораженная его рѣшительнымъ видомъ, утомленная, она позволила увести себя и взяла его подъ руку. Онъ усадилъ ее въ первую попавшуюся карету и, сказавъ кучеру адресъ Добузье, сѣлъ противъ нея.

— Простите,—сказалъ онъ.—Я не покину васъ, пока я не буду знать, что вы въ безопасности.

Она ничего не отвѣтила. Больше она не сказала ни слова. Когда въ тѣснотѣ кареты его колѣно коснулось ея, она мгновенно откинулась въ глубину экипажа. Все время она смотрѣла въ окно. Лоранъ удерживалъ дыханіе, чтобы лучше слышать, какъ она дышитъ; онъ хотѣлъ бы, чтобы это путешествіе длилось вѣчно...

Они миновали банды пьяныхъ, размахивающихъ палками, къ концу которыхъ были привязаны лоскутки матеріи и обоевъ изъ разрушенныхъ домовъ. Когда карета проѣзжала мимо фонаря, Лоранъ взглянулъ на блѣдную, нервно взволнованную женщину.

Когда они достигли фабрики, онъ первый соскочилъ и подалъ Регинѣ руку. Она сошла безъ его помощи и сказала ему изъ вѣжливости:

— Можетъ быть, вы войдете!...

— Вы знаете, что вашъ отецъ поклялся меня больше не принимать.

— Правда. Я не подумала объ этомъ... По истинѣ, я очень благодарна вамъ. Господинъ Бежаръ цѣнитъ героевъ-враговъ...

— Помилуйте, не смѣйтесь... Еслибъ вы знали, какъ ваши насмѣшки несправедливы. Въ особенности не подумайте, что я одобряю этотъ низкій грабежъ... Марболь первый не признаетъ этого... Есть одни *Бѣдные*, есть другіе... Пока я одинъ съ вами, я могу просить васъ вѣрить моей безмѣрной преданности и моему глубокому... уваженію.

У него на устахъ было слово *обожаніе*.

— Вы точно приводите заключительныя строки какого-нибудь письма,—сказала она, желая вернуть свой прежній насмѣшливый тонъ, но ей недоставало хорошаго настроенія и искренности.—Все равно... еще разъ благодарю!

И она вошла въ домъ.

V.

Черезъ три мѣсяца Фредди Бежаръ, избранный депутатъ, устроилъ своимъ политическимъ друзьямъ большой обѣдъ, который нѣсколько опоздалъ изъ-за разрушенія его дома.

Возмущеніе народа не продолжалось.

На другой же день мелкіе буржуа, которымъ ночью бунтовщики мѣшали спать, совершали прогулки къ разрушеннымъ домамъ. Рабочіе осуждали и оправдывались: богачи приписывали весь бунтъ Марболю и его приверженцамъ, несмотря на ихъ энергичные протесты. Бежаръ изыскалъ себѣ пользу изъ негодованія честныхъ и боязливыхъ людей. Домъ Бежара былъ заново отдѣланъ, меблированъ еще шикарнѣе, чѣмъ прежде, въ немъ не осталось и слѣда отъ посѣщенія манифестантовъ. Бежаръ принималъ своихъ вѣрныхъ друзей; здѣсь были все *Богачи:* Добузье, Лесли, Санъ-Фардье, Фалькъ, Ванъ-Франсъ и др.

Г-жа Бежаръ точно предсѣдательствовала на обѣдѣ, еще болѣе красивая, чѣмъ когда-либо! Ее всѣ привѣтствовали любезными комплиментами и пожеланіями.

Но въ дѣйствительности г-жа Бежаръ чувствовала себя несчастной и желала бы быть за сто миль отъ этого дома. Своего мужа, котораго она никогда не любила, теперь она ненавидѣла и презирала. Уже давно ихъ семейный очагъ превратился въ адъ, но изъ чувства гордости передъ свѣтомъ она дѣлала надъ собой усиліе, разыгрывала свою роль, вводила въ обманъ мало наблюдательныхъ и непонимающихъ людей. Она знала, что ея мужъ содержалъ англичанку изъ балета, простую, вульгарную дѣвушку. Честная и прямая, гордая, не переносящая безчестныхъ поступковъ, Гина должна была терпѣть цинизмъ своего мужа; послѣдній обращался съ ней, какъ съ своей сообщницей. Она поняла, благодаря этому тщеславному человѣку, всѣ отрицательныя стороны семейной и общественной жизни. Она поняла сразу это только по внѣшности блестящее общество. Она поняла теперь и Марболя, еще сильнѣе полюбила его и, въ глубинѣ души, несмотря на всю свою гордость, увѣровала въ его демократическія убѣжденія и идеи. Въ ней произошла радикальная перемѣна. Ахъ! Лоранъ былъ правъ, когда не считалъ ее дурной и жестокой! Ея нежданное вмѣшательство въ судьбу Тильбака подтверждало эту метаморфозу.

Однажды утромъ, за завтракомъ, Бежаръ, не соображаясь ни съ нервами, ни съ чувствительностью молодой женщины, протянулъ ей газету; въ рубрикѣ несчастій на морѣ г-жа Бежаръ прочла лаконическое описаніе гибели парохода «Гина».

— Потеря въ сто тысячъ франковъ,—сказалъ Бежаръ,—хотя страховка большая!

— Пароходъ застрахованъ. Ахъ, тѣмъ лучше! — проговорила она.—А что вы думаете сдѣлать для семействъ погибшихъ моряковъ...

— Дорогая моя, пусть обращаются къ общественной благотворительности, я плачу ежегодно двѣсти франковъ въ *Филантропическое Общество* и жертвую сто франковъ на *вспомогательную кассу* моряковъ. Развѣ этого мало?

Гина рѣшила, что настаивать было бы безполезно. Она достала черезъ Феликса Тильбака полный списокъ потерпѣвшихъ и на свой счетъ оказала поддержку вдовамъ и сиротамъ погибшаго экипажа. Она вспомнила спускъ роскошнаго парохода, свою неловкость,— дурное предзнаменованіе! Она укоряла себя въ этой катастрофѣ, точно это она принесла несчастіе бѣднымъ морякамъ.

И въ тотъ вечеръ манифестаціи, когда она встрѣтила Лорана Паридаля, если она и выказывала себя разсѣянной и насмѣшливой, то дѣлала она это по привычкѣ, изъ какого-то ложнаго стыда.

Дѣйствительно, до выборовъ она горячо хотѣла побѣды Марболю, а потомъ проклинала удачу мужа. Разрушеніе ихъ дома отвѣчало даже ея нервному состоянію въ тотъ грозный вечеръ. Отнынѣ она принадлежала только Марболю, его мыслямъ и чувствамъ. И пусть она не будетъ никогда его женой,—все же она хотѣла сохранить до конца дней это чувство, скрыть въ глубинѣ души.

Она жила теперь только ради сына, своего годовалаго ребенка, похожаго на нее; она продолжала любить отца, единственнаго *богача*, котораго она еще уважала.

Маленькія ея искусительницы, Анжела и Кора, теряли терпѣніе, желая внушить ей свою философію.

Теперь Регина, страдая отъ ужасной мигрени, сидѣла во главѣ стола за обѣдомъ, который, казалось, никогда не кончится. Она иногда улыбалась и время отъ времени вставляла любезное слово въ общій разговоръ.

Парадный обѣдъ подавался съ оффиціальной торжественностью. Новый депутатъ Бежаръ пытался играть свою роль и говорилъ, подобно коллегамъ, о коммиссіяхъ и бюджетѣ.

Добузье говорилъ меньше, чѣмъ обыкновенно. Сознаніе, что его дочь несчастна, состарило его. Къ тому же годъ назадъ онъ овдовѣлъ. Его волосы очень посѣдѣли, у него не было прежняго властнаго вида. За дессертомъ всѣ просили г-жу Бежаръ спѣть. У Регины былъ еще все тотъ же прекрасный голосъ, какъ и на вечерѣ въ Хемиксемѣ, но къ нему прибавился меланхолическій очаровательный оттѣнокъ. Она исполняла не веселый вальсъ изъ *Ромео и Джульетты*, а чувствительную мелодію Шуберта— *Прощаніе*.

Добузье сидѣлъ въ углу, въ сторонѣ, какъ вдругъ чья-то рука

очутилась у него на плечѣ. Онъ вздрогнулъ. Бежаръ сказалъ ему тихимъ голосомъ:

— Пойдемте на минутку въ кабинетъ, я долженъ поговорить съ вами.

Фабрикантъ, недовольный тѣмъ, что его оторвали отъ одного изъ его рѣдкихъ развлеченій, пошелъ за своимъ зятемъ, пораженный странной интонаціей его голоса.

Бежаръ, сѣвъ противъ Добузье, открылъ ящикъ, порывшись въ немъ, протянулъ толстую пачку бумагъ.

— Пожалуйста, взгляните на эти письма!

Онъ откинулся въ кресло, его пальцы стучали по столу, а глаза слѣдили за выраженіемъ лица Добузье.

Лицо фабриканта измѣнилось, онъ поблѣднѣлъ и губы его конвульсивно вздрогнули.

— Что все это значитъ?—спросилъ онъ, смотря на зятя съ большой тревогой.

— Очень просто, я разоряюсь, и черезъ недѣлю меня объявятъ банкротомъ, если вы не поможете мнѣ.

— Помочь вамъ?

Добузье поднялся.

— Къ несчастію, я уже и такъ терплю большія затрудненія, изъ которыхъ не знаю, какъ выпутаться. Банкротство ваше коснется и меня... Вы съ ума сошли, или ничего не понимаете, разсчитывая на меня.

— Но вамъ придется уступить... или вы предпочитаете имѣть зятемъ несостоятельнаго должника, банкрота?... Но вы не кончили чтенія писемъ... Пожалуйста, продолжайте... Вы увидите, что дѣло стòитъ того, чтобы о немъ подумать... Признаться, это не моя вина... Разореніе въ Нью-Іоркѣ, Смитса и К°, такого солиднаго банка... кто же могъ это предвидѣть? а паденіе акцій, вѣдь не я же это придумалъ? Вспомните, пожалуйста, ваше довѣріе къ этому инженеру, который предложилъ намъ это дѣло.

— Замолчите,—прервалъ его Добузье... Замолчите! А эта необузданная спекуляція на кофе, которая поглотила въ теченіе четырехъ дней все приданое вашей жены! Скажите, ее я посовѣтовалъ вамъ? А ваша игра на общественныя деньги, для которой вы пользуетесь помощью Дюпуасси? Думаете ли вы, что люди, посѣщающіе биржу, такъ глупы, что могутъ повѣрить хоть на минуту, будто сотни тысячъ франковъ, находившіяся въ рукахъ Дюпуасси, принадлежатъ ему? А ваша политика,—неужели и здѣсь васъ нельзя ни въ чемъ упрекнуть? Скажите, это, можетъ быть, я бралъ изъ вашей кассы

золотыя монеты и раздавалъ ихъ, чтобы вы были избраны въ депутаты.

Добузье бросалъ въ лицо зятя одно обвиненіе за другимъ.

— Но этого мало,—продолжалъ онъ.—Вы не довольствуетесь тѣмъ, что вы нелѣпо разорены, что вы съ преступнымъ легкомысліемъ растратили состояніе вашей жены,—вы сдѣлали ее несчастной, вы не только жертвуете ею ради вашего тщеславія, но вы имѣете любовницъ... вы содержите балеринъ... Ахъ! еслибъ я могъ слушаться только моего сердца, я взялъ бы Гину съ ребенкомъ къ себѣ домой, сейчасъ же, и оставилъ бы васъ разыгрывать вашу роль депутата передъ пустымъ сундукомъ.

— Ваша дочь!... Поговоримъ о вашей дочери!—воскликнулъ Бежаръ.—Вы почему же не принимаете во вниманіе ея требованій и фантазій? Я долженъ былъ прибѣгнуть къ спекуляціи, чтобы удовлетворять ея страсти къ роскоши. Моихъ доходовъ нехватало послѣ того прекраснаго воспитанія, какое вы ей дали.

— Зачѣмъ же вы не отпускаете ее ко мнѣ?—спросилъ Добузье.—Да и неужели это грѣхъ, что я былъ счастливъ и гордъ, видя ее прекрасно одѣтой, блестящей, окруженной дорогими бездѣлушками? Платить за ея туалеты, развлеченія, драгоцѣнности, бездѣлушки,—это не разоряетъ, а вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я вмѣшался въ ваше политиканство и покрывалъ своею подписью ваши глупыя предпріятія...

Бежаръ былъ только раздосадованъ всей этой сценой. Онъ слушалъ обвиненія тестя, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ и насвистывая вполголоса какую-то пошлую мелодію.

Въ гостиной раздался голосъ г-жи Бежаръ. Онъ разстраивалъ фабриканта до глубины души, онъ говорилъ ему о несчастьи единственной возлюбленной дочери.

Добузье думалъ о разводѣ дочери. У нея былъ сынъ, и она боялась, какъ бы ее не разлучили съ нимъ. Дѣла самого фабриканта были не важны. За рядомъ счастливыхъ лѣтъ послѣдовалъ упадокъ и застой. Давно уже фабрика работала въ убытокъ; она насчитывала теперь только половину своего прежняго персонала. Добузье высосалъ изъ фабрики всѣ деньги, чтобы помогать Бежару. Разореніе американскаго банка касалось и его. Самъ бы онъ могъ выйти изъ бѣды, заложивъ фабрику и имѣніе. Но какъ оставить безъ помощи разорившагося зятя, мужа своей дочери, отца своего внука?

Вдругъ заговорилъ Бежаръ.

— Довольно взаимно укорять другъ друга. Сколько бы мы въ теченіе цѣлыхъ часовъ ни обмѣнивались упреками, это не поможетъ

ничему. Будемъ говорить мало, но дѣльно. Развѣ нѣтъ выхода? Если только вы не захотите окончательно погрузить меня въ болото, которое меня засасываетъ. Я выписалъ на этомъ листкѣ всѣ свои долги,—вы можете взять его съ собой,—всѣ мои долги и обязательства, доходящіе до двухъ милліоновъ франковъ... У меня есть немного денегъ въ кассѣ, чтобы покрыть нѣкоторую часть счетовъ, приблизительно на восемьсотъ тысячъ франковъ... Это можетъ протянуться до будущаго мѣсяца.

— А потомъ?

— Потомъ я разсчитываю на васъ...

— Вы серьезно думаете, что я вамъ достану болѣе милліона?

— Самымъ серьезнымъ образомъ.

Наступило тревожное безмолвіе. Наверху исполняли на роялѣ нѣжную гармоническую мелодію. Добузье схватился за голову, точно хотѣлъ выжать оттуда весь мозгъ, затѣмъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и проговорилъ:

— Дайте мнѣ недѣлю срока... и не впутывайтесь больше...

Бежаръ понялъ, что тесть намѣренъ спасти его, подошелъ къ нему и протянулъ руку, желая поблагодарить его.

Но Добузье отстранился, заложивъ руки за спину.

— Не надо! Если вы способны на какую-нибудь благодарность, благодарите Гину и ребенка... Если бы не они...

Но онъ не кончилъ. Бежаръ не настаивалъ больше.

Они оба вернулись въ гостиную и сдѣлали видъ, что вели самый простой разговоръ.

Добузье захотѣлъ уѣхать. Гина, провожая отца, подставила ему свой лобъ для поцѣлуя. Добузье крѣпко поцѣловалъ ее, взялъ за голову и взглянулъ на нее счастливо и нѣжно.

— Ты счастлива, крошка?

— Конечно, папа.

— А будешь ли ты счастлива, если тебѣ придется жить со мной?

— Ты хочешь этого?

— Если ты будешь умница, въ особенности, если ты снова будешь веселой, я устрою такъ, что переѣду къ тебѣ... Но держи это въ тайнѣ... Прощай, Гина.

На одной изъ улицъ недалеко отъ Marché aux Chevaux, гдѣ помѣщается много конторъ, магазиновъ, живутъ адвокаты, бросаются въ глаза большія ворота. За ними—огромный дворъ, окруженный съ трехъ сторонъ старинными зданіями. На солидной черной двери красуется широкая мѣдная доска, на которой большими буквами зна-

чится: Дельманъ-Дейнцъ и К°. Весь Антверпенъ знаетъ, что Дельманъ-Дейнцъ крупные продавцы колоніальныхъ товаровъ; это дѣло переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну и ведетъ свое начало отъ временъ австрійскаго владычества, можетъ быть, даже отъ ганзейскаго союза.

Дельманъ-Дейнцъ былъ ужаснымъ человѣкомъ для случайныхъ финансистовъ и торгашей безъ совѣсти. Отъ его подозрительности нечестному уклониться было невозможно. Но для честныхъ людей это былъ хорошій совѣтчикъ, благожелательный покровитель. Въ спорныхъ случаяхъ товарищи-промышленники обращались къ нему прежде, чѣмъ къ адвокату. Сколько разъ его участіе въ третейскомъ судѣ спасало отъ разоренія, предотвращало банкротства!

Одна изъ причинъ популярности Дельмана въ Антверпенѣ состояла въ томъ, что фирма принимала къ себѣ въ служащіе и рабочіе только фламандцевъ, преимущественно антверпенцевъ, въ то время какъ большинство другихъ торговыхъ фирмъ отдавало предпочтеніе нѣмцамъ.

Къ этому Дельману отправился Добузье на другой день послѣ обѣда у Бежара. Введенный Феликсомъ Тильбакомъ, который ушелъ отъ своего столь непопулярнаго въ средѣ рабочихъ патрона, Добузье не безъ замѣшательства разсказалъ Дельману о цѣли своего прихода. Они оба были товарищами по коллэжу, глубоко уважали другъ друга, часто видались когда-то, пока тщеславная показная роскошь Добузье, его шумный образъ жизни не отдалили ихъ другъ отъ друга. Прежде они серьезно думали о коммерческой ассоціаціи. Дельманъ хотѣлъ вложить свой капиталъ въ фабрику. Но это было въ пору полнаго расцвѣта Добузье, и послѣдній предпочелъ остаться единственнымъ собственникомъ. Теперь же онъ пришелъ униженно просить о помощи.

Дельманъ-Дейнцъ давно зналъ, что фабрика находилась въ опасности; онъ зналъ всѣ жертвы, на которыя рѣшился Добузье, ради спасенія дочери и Бежара. Дельманъ могъ бы добиться какихъ угодно условій, но не захотѣлъ воспользоваться критическимъ положеніемъ стараго товарища.

Надо было преклониться передъ тактомъ, съ которымъ Дельманъ говорилъ объ условіяхъ перехода фабрики въ его руки. Не было никакихъ обидъ или упрековъ. Ахъ, добрый, благородный Дельманъ-Дейнцъ! Но эти хорошія чувства не мѣшали ему вникать въ дѣло до тонкости; онъ хотѣлъ согласовать свои интересы и свое благородство,—онъ желалъ помочь другу, но и самому не входить въ долги. Между тѣмъ есть ли на свѣтѣ что-нибудь болѣе несогласимое, чѣмъ

торговое дѣло и человѣческое чувство. Но дѣло наладилось. Оставался одинъ пунктъ, котораго не рѣшались коснуться ни тотъ, ни другой. Между тѣмъ они оба хотѣли объясниться. Добузье былъ очень добръ, а Дельманъ очень деликатенъ. Наконецъ, г. Дельманъ проговорилъ:

— Скажите откровенно, г. Добузье, что вы думаете теперь дѣлать?

Добузье колебался отвѣтомъ.

— Послушайте,—снова заговорилъ Дельманъ,—что я хотѣлъ бы предложить вамъ, и мы заранѣе условимся, что вы простите мнѣ, если мое предложеніе покажется для васъ неосуществимымъ... Вотъ что. Фабрика, мѣняя владѣльца, погибнетъ, если она перемѣнитъ и директора. Вы понимаете меня? Я скажу даже, что эта перемѣна можетъ повліять на кліентовъ. Капиталы, деньги, ссуды—все это дѣло наживное. Но что трудно замѣнить,—это талантливаго, знающаго, дѣятельнаго и опытнаго человѣка... Вотъ почему я буду просить васъ, не найдете ли вы возможнымъ остаться во главѣ фабрики, которую вы создали и которую вы можете поддержать и усовершенствовать... Понимаете ли вы меня?

Понималъ ли онъ его?? Лучше они не могли бы столковаться. Какъ разъ объ этомъ и мечталъ Добузье.

Честные и прямые люди, они легко рѣшили вопросъ о вознагражденіи директору. Дельманъ хотѣлъ даже, чтобы директоръ продолжалъ занимать свой роскошный домъ, но одинокій отецъ предпочелъ поселиться у дочери. Когда Добузье уходилъ отъ Дельмана и говорилъ ему какія-то безсвязныя слова благодарности, вдругъ точно ледъ растаялъ у него въ груди, и онъ бросился въ объятія своего друга-спасителя.

— Мужайтесь,—сказалъ тотъ, какъ всегда, просто и искренно.

Часъ. Положенное время для открытія биржи! Со всѣхъ сторонъ города, въ особенности изъ центра, прибываютъ на биржу бывшіе, настоящіе и будущіе милліонеры. Всѣ столковываются, говорятъ, болтаютъ, курятъ. Вотъ уголокъ крупныхъ промышленниковъ, приходящихъ на биржу по привычкѣ. Судовладѣльцы, маклера, банкиры говорятъ мало. Агенты фирмъ двигаются, кричатъ, ходятъ взадъ и впередъ. У всѣхъ тысячи пріемовъ, чтобы достигнуть цѣли. У однихъ—молчаливый, важный, словно погребальный видъ; другіе—наоборотъ, точно схватываютъ Меркурія за ногу и имѣютъ успѣхъ.

Сплетни и злословія врываются въ діалогъ коммерческій.

— А Бежаръ выскакиваетъ снова... крахъ устраненъ... Почемъ теперь металлическія акціи?

— Да, съ помощью тестя Добузье, продавшаго все имущество вплоть до своей части въ фабрикѣ... Пониженіе на сахаръ неминуемо...

— Дельманъ-Дейнцъ замѣняетъ его своимъ капиталомъ на фабрикѣ.

— А Добузье остается директоромъ?

— Да, это глупо.

Лоранъ узналъ отъ Тильбака крупную новость о Добузье и пришелъ въ восторгъ отъ поступка этого суроваго человѣка. Онъ мечталъ даже выразить ему свое уваженіе. Это осуществилось.

Онъ какъ разъ достигъ совершеннолѣтія, и Добузье пригласилъ его официальнымъ письмомъ явиться въ фабричную контору. Лоранъ нашелъ своего опекуна тамъ, гдѣ онъ его покинулъ. На конторкѣ, гдѣ много лѣтъ назадъ покоился *Швейцарскій Робинзонъ*, теперь лежала связка банковыхъ билетовъ и листъ бумаги, весь исписанный цифрами и надписями.

Добузье едва отвѣтилъ на привѣтствіе Лорана.

— Будьте добры просмотрѣть это и провѣрить... Вотъ мои счета, какъ опекуна, съ одной стороны—доходъ, съ другой—расходъ на ваше содержаніе и образованіе... Вы увидите, что я воздерживался, насколько возможно, отъ расходованія вашего маленькаго капитала... Когда вы просмотрите это, я попрошу васъ подписаться здѣсь. Вотъ копія съ этой бумаги, ее вы можете взять съ собой.

Лоранъ сдѣлалъ движеніе, чтобы взять перо и подписаться.

Добузье остановилъ его за руку и сказалъ безстрастнымъ голосомъ: «Нѣтъ, не такъ... не оскорбляйте меня,—сначала прочтите»!

Лоранъ сѣлъ и взялъ бумагу, дѣлая видъ, что внимательно читаетъ ее.

Опекунъ повернулся къ нему спиной и смотрѣлъ въ окно, постукивая пальцами по стеклу. Лоранъ не рѣшался ускорить комедію провѣрки бумаги. Онъ подождалъ минуть пять, затѣмъ рискнулъ привлечь къ себѣ вниманіе опекуна словами:

— Прекрасно, кузенъ!

И подписалъ. Добузье подошелъ къ пюпитру и спряталъ бумагу въ ящикъ.

— Хорошо! Вамъ приходится, значитъ, двадцать двѣ тысячи восемьсотъ франковъ. Посчитайте, такъ ли это...

Лоранъ одновременно разсердился и огорчился. Съ нетерпѣніемъ онъ спряталъ билеты.

— Сосчитайте сначала!—остановилъ его Добузье.

Лоранъ снова послушался, сдѣлалъ видъ, что считаетъ деньги, затѣмъ быстрымъ движеніемъ оттолкнулъ ихъ.

— Развѣ не вѣрно?

Ужасный человѣкъ!

Лоранъ хотѣлъ бы сказать ему: «Возьмите эти деньги себѣ, опекунъ... спрячьте ихъ, мнѣ онѣ не нужны, я истрачу ихъ на глупости, а вы, можетъ быть, употребите ихъ съ большею пользою».

Но онъ боялся, что гордый, высокомѣрный человѣкъ, привыкшій обращаться съ милліонами, приметъ эти слова за иронію...

— Скорѣе!—повторилъ Добузье.

Съ большимъ усиліемъ Лоранъ взялъ свое богатство. Онъ снова остановился: «Позвольте по крайней мѣрѣ поблагодарить васъ»...—прошепталъ онъ, волнуясь.

— Хорошо, хорошо!

Лицо Добузье продолжало повторять ему: «Я исполнилъ свой долгъ и не нуждаюсь ни въ чьей благодарности».

Ахъ! онъ не подозрѣвалъ, какимъ необычайнымъ образомъ отблагодаритъ его сирота!

Иначе, можетъ быть, онъ подозвалъ бы его со словами: «Хорошо, бѣдный юноша, оставь мнѣ твое состояніе, но не думай никогда, что ты—нашъ покровитель, спаситель Гины и ея отца»!

VI.

Riet-Dyk—узкій переулокъ, позади длиннаго ряда домовъ, выходившихъ на набережную Шельды. Переулокъ заселенъ публичными домами. Есть изящные, очень дорогіе дома, есть хорошіе номера для людей умѣренныхъ. Каждая каста, каждая категорія людей встрѣчаются въ этомъ мѣстѣ: богачи, офицеры, матросы, солдаты.

По вечерамъ арфа, аккордеонъ и скрипка привлекаютъ издалека прохожихъ или путешественниковъ. На улицѣ, вдоль освѣщеннаго тротуара,—точно безпрерывная ярмарка: прогулки чувственности и ротозѣйства. Внутри домовъ—непрерывный балъ. Тѣни мужчинъ и женщинъ мелькаютъ въ матовыхъ окнахъ съ красными занавѣсками. Почти на каждомъ порогѣ какая-нибудь женщина стережетъ прохожихъ, наблюдаетъ и зазываетъ посѣтителей. Матросы и солдаты прогуливаются партіями, обнявшись. Иногда они останавливаются, чтобы сговориться, не войти ли? Они выворачиваютъ карманы; часто кто-нибудь изъ нихъ подаетъ примѣръ и входитъ.

Получивъ свое небольшое состояніе, Лоранъ сдѣлался частымъ

посѣтителемъ этого квартала. Но въ чаду своей чувственности не переставалъ думать о Гинѣ. И часто ея плѣнительный образъ вырисовывался рядомъ съ продажною любовницей.

Онъ забросилъ Тильбака, боясь внушить любовь его дочери Генріэттѣ и чувствуя, что онъ не могъ бы отвѣтить ей взаимностью.

— Ахъ, жестокое неравенство въ любви!—восклицалъ онъ.

Симпатія Паридаля къ простому народу обращалась въ какую-то манію. Онъ проводилъ понедѣльники у каменщиковъ, онъ бывалъ и въ грабительскихъ притонахъ. Предсказанія Добузье еще съ дѣтства тяготѣли надъ нимъ, какъ дурное предвѣщаніе. Онъ не чувствовалъ въ себѣ силъ бороться съ инстинктами, точно отдался на волю жизненнаго вѣтра; какъ фаталистъ, онъ чувствовалъ свою судьбу предрѣшенной и расточалъ свое состояніе изо дня въ день. Сколько разъ онъ чувствовалъ зависть къ преступникамъ, съ которыхъ во тьмѣ ихъ темницъ сняли всякую личную отвѣтственность, или къ безумцамъ, которые не жили, а прозябали.

Посѣщеніе одного исправительнаго дома еще болѣе усилило его тоску. Теперь онъ сталъ упрекать въ гордости и жестокости Марболя, который отказывался восторгаться, подобно ему, испорченными, погибшими людьми.

— Это больные и несчастные!—защищалъ ихъ Паридаль.— Испуганные жизнью, ничего не понимающіе ни въ мірѣ, ни въ жизни, ни въ законахъ и морали, слабые, безвольные неудачники, пассивныя орудія мелкихъ проступковъ, они остаются искренними, какъ дѣти. Кроткіе, по существу не способные и муху обидѣть, но въ то же время пережившіе много приключеній, испорченные, но въ то же время непорочные...

И Лоранъ тоже готовъ былъ безъ всякаго смысла, безъ вѣры, цѣли, умереть, погибнуть и погубить, но подъ условіемъ, чтобы это оказало какую-нибудь огромную услугу Гинѣ.

Спокойное отношеніе Марболя къ трудностямъ жизни, прекрасное здоровье, самоувѣренность, энергія, ясность убѣжденій иногда приводили въ бѣшенство неуравновѣшеннаго фанатика. Онъ доходилъ до того, что укорялъ его въ оппортюнизмѣ. Марболь считалъ своего критика взрослымъ ребенкомъ, нѣжнымъ мечтателемъ, слишкомъ воспріимчивымъ; онъ только журилъ его за выходки и утѣшалъ его.

А Паридаль въ своемъ романтическомъ увлеченіи преступностью цѣлыя недѣли проводилъ среди бродягъ, браконьеровъ, дизертировъ; онъ встрѣчалъ ихъ у конторъ, или принималъ у себя, устраивалъ имъ побѣгъ за границу.

Однажды ночью, во время карнавала, онъ угощалъ въ модномъ ресторанѣ, недалеко отъ биржи, двухъ или трехъ виверовъ и балеринъ изъ театра.

Въ сосѣднемъ кабинетѣ кто-то ужиналъ не такъ весело, или уже поужиналъ, такъ какъ Лоранъ и его друзья слышали, какъ сосѣди заперли дверь на ключъ.

Вдругъ раздался какой-то шумъ внизу на лѣстницѣ, крики, шаги въ коридорѣ. Шаги остановились передъ сосѣднимъ кабинетомъ.

— Откройте именемъ закона!—произнесъ строгій голосъ.

Въ кабинетѣ послышались плохо сдержанные крики; затѣмъ стало тихо. Раздался шумъ выламываемой двери. Лоранъ, инстинктивно расположенный къ жертвамъ такого позора, поспѣшилъ выйти въ коридоръ. Черезъ плечи комиссара и Бежара, Дюпуасси, Фалька и Лесли онъ увидѣлъ въ страшномъ испугѣ Анжелу и Кору, прятавшихся въ глубинѣ комнаты и старавшихся въ складкахъ занавѣсокъ скрыть языческую простоту своихъ туалетовъ. Недалеко отъ нихъ Лоранъ узналъ въ двухъ мужчинахъ, несмотря на то, что въ этотъ моментъ они были не въ мундирахъ, лейтенантовъ изъ мѣстнаго гарнизона.

Комиссаръ, привыкшій къ своей профессіи, сейчасъ же внимательно осмотрѣлъ комнату, гдѣ разыгрывалась драма. Онъ замѣтилъ дверь, выходившую на потаенную лѣстницу, и шесть приборовъ на столѣ.

— Здѣсь было шесть лицъ!—увѣрялъ Бежаръ, интересовавшійся больше тѣми, кто убѣжалъ, а не тѣми, кто остался.

— Почему это интересуетъ васъ?—спросилъ его Лоранъ, пораженный ужасной мыслью.—Вы осмѣливаетесь намекать...

— Сударь, я не знаю васъ!—отвѣчалъ Бежаръ.

— Сударь, отойдите!—настаивалъ комиссаръ.

Лоранъ вышелъ изъ ресторана; голова его горѣла, онъ ничего не видѣлъ, не слышалъ. Третья дама! Кто была третья дама? Онъ побѣжалъ по городу, остановился передъ домомъ Бежара и позвонилъ.

— Г-жа Бежаръ...

— Вы, Лоранъ?... Въ какомъ вы состояніи?

— Отвѣчайте мнѣ скорѣе, Гина, были ли вы сейчасъ въ ресторанѣ Касти?

— Вы съ ума сошли, Лоранъ? Вы пьяны.

Онъ разсказалъ ей весь скандалъ, весь разговоръ съ Бежаромъ.

— Несчастный,—сказала она, блѣднѣя, готовая упасть въ обморокъ. Я не выходила сегодня вечеромъ, мой отецъ только что ушелъ... Неужели я должна доказывать вамъ свою правоту?

— Простите меня, кузина, простите меня... Ахъ, если бы вы знали...

Какая перемѣна произошла въ ней?

Въ первый разъ Лоранъ увидѣлъ, что она плачетъ. Гордая Гина удостоила его тѣмъ, что оправдывалась передъ нимъ, извинялась.

— Ахъ, Лоранъ,—сказала она,—я его ненавижу. Недавно онъ замахнулся на меня... онъ осмѣлился ударить меня... Но я схватила ножъ и еслибъ онъ не успѣлъ скрыться, я убила бы его, какъ собаку... Ахъ, этотъ человѣкъ, ты былъ правъ, когда ненавидѣлъ его; это мой врагъ, злой геній... Онъ не только разорилъ насъ, отца и меня, но онъ стремится теперь обезчестить меня; у меня ничего теперь нѣтъ, я сижу у него на шеѣ, онъ хотѣлъ бы получить свободу и жениться на какой-нибудь богачкѣ... Ахъ, если бы я тогда послушалась голоса своего сердца, я была бы теперь счастливою женой... Марболя.

Эта жалоба Гины была самымъ мучительнымъ испытаніемъ въ жизни Лорана. Въ немъ происходила ужасная борьба.

— Пускай,—сказалъ онъ самъ себѣ, я найду въ себѣ силы, чтобы любить ее сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, сильнѣе *его!*

Гина продолжала плакать: «Ахъ, какъ я ошибалась въ моемъ прошломъ,—говорила она.—Развѣ я не была жестока со всѣми, равнодушна, кокетлива? Съ тобою тоже,—прости мнѣ, и пожалѣй меня, я теперь нуждаюсь въ состраданіи... Мое самолюбіе было жестоко оскорблено, когда Марболь отстранился отъ меня... Въ пылу моей ненависти, желая отомстить ему, я сдѣлала себя навѣкъ несчастной... Лоранъ, я думала о разводѣ, но отъ этого пострадаетъ только мой сынъ... Скандалъ омрачитъ наше имя... Мой отецъ умретъ съ горя...

— Ни слова больше, Гина. Если бы *онъ* исчезъ, ты согласилась бы выйти за Марболя?

И пришла ему эта мысль въ голову. Избавить Антверпенъ отъ проклятаго эксплоататора и устроить счастливую жизнь дорогому божеству...

— Еслибъ онъ исчезъ — все равно какъ?...—повторялъ Лоранъ, какъ во снѣ.

Онъ вложилъ въ эти слова слишкомъ много упорной настойчивости. Его глаза, быть можетъ, приняли то выраженіе убійцы, на которое шутливо указывалъ когда-то Бежаръ. Во всякомъ случаѣ, Лорану казалось, что Гина вздрогнула. Отгадала ли она? Но нѣтъ, онъ ошибся,—она ни о чемъ не подозрѣвала.

«Она не знаетъ, что я люблю ее,—думалъ Лоранъ,—она не бу-

деть знать, что я сдѣлаю для нея. Не надо, чтобы горькое сознаніе невозможности отвѣтить на мою безумную страсть опечаливало ей то счастье, которое я ей готовлю. Я не хочу, чтобы малѣйшіе укоры совѣсти отравляли ей жизнь. Я не хочу, чтобы она была виновна, чтобы тѣмъ болѣе былъ виновенъ онъ, Марболь, мой другъ... мой соперникъ. Они оба не будутъ знать о моемъ самопожертвованіи. Если нужно, пусть лучше они ненавидятъ меня, презираютъ, но пусть она будетъ счастлива!

Гина продолжала смотрѣть ему въ глаза, а онъ, принявъ развязный тонъ, проговорилъ:

— Ахъ, если бы какое-нибудь несчастіе могло избавить васъ отъ этого человѣка...

— Я благословила бы это несчастье и поблагодарила бы небо,— воскликнула Гина.

Этотъ возгласъ, въ которомъ чувствовалась ненависть оскорбленной женщины, рѣшилъ судьбу Бежара.

— Да, я стану судьей,—прошепталъ Лоранъ.—Я убью этого человѣка. Парпдаль, за дѣло!

Сначала онъ подумалъ о дуэли.

Вызвать его? Но если Бежаръ могъ ударить женщину, онъ найдетъ въ себѣ силы отказаться отъ поединка.

«Онъ укрылся бы за разницу нашего положенія,—думалъ Парндаль.—Затѣмъ, если бы онъ и согласился, можетъ быть, ему удалось бы убить меня. Что тогда мы выиграемъ? Какъ же поступить? Что же сдѣлать? Устроить западню? Убить его изъ засады? Боже мой! стать негодяемъ?! Но не надо сомнѣваться! Когда дѣло идетъ о Регинѣ и объ Антверпенѣ, я не имѣю права быть щепетильнымъ. Не надо предоставлять ему ни малѣйшаго шанса избѣгнуть кары. Я хочу убить его навѣрняка»!

VII.

Съ этого момента Лоранъ завелъ дневникъ. Онъ заносилъ туда свои впечатлѣнія.

«Ахъ! еслибъ она любила меня! Если бы я столкнулъ Бежара и самъ сѣлъ на его мѣсто! У меня было бы больше храбрости. Но тогда зачѣмъ было бы убивать? Она никогда не полюбитъ убійцу. Я самъ отвелъ бы свою окровавленную руку. Вчера, когда она разсказывала мнѣ, что онъ ударилъ ее,—странное дѣло, я самъ хотѣлъ накинуться на нее и бить ее... Тѣ женщины, которыхъ я видѣлъ, возбудили во мнѣ желаніе увидѣть и ее раздѣтой, овладѣть ею хоть на нѣсколько минутъ»...

Листки слѣдовали одинъ за другимъ, безъ даты, странные, но трагически понятные.

«Изъ Брюсселя я завязалъ переписку по-англійски съ Бежаромъ. Я выдалъ себя за гражданина американскихъ штатовъ, ирландскаго происхожденія, по имени Одунагей. Его алчность поддалась на удочку, но онъ началъ лукавить»...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней я переодѣвался и выходилъ въ своемъ смѣшномъ нарядѣ, чтобы привыкнуть къ парику.

«Вчера въ Антверпенѣ я встрѣтилъ ее, она не узнала меня въ синихъ очкахъ, съ черной бородой и въ парикѣ. Вчера же я позвонилъ у ея двери и спросилъ ея мужа. Онъ принялъ меня въ кабинетѣ, гдѣ мы долго бесѣдовали. Я превзошелъ самого себя. На одну минуту *она* вошла подъ какимъ-то предлогомъ. Я замолчалъ. Однако Бежаръ что-то спросилъ у меня, и я долженъ былъ отвѣтить. Мой голосъ немного дрожалъ. Впрочемъ, она ничего не замѣтила. Но я чуть не выдалъ себя. Нельзя такъ рисковать.

«Я нанялъ сейчасъ на треть года небольшое помѣщеніе на улицѣ Louise и обставилъ его. Кабинетъ, куда я введу его, находится въ глубинѣ коридора, въ глухомъ особнякѣ; сосѣдей никакихъ... У меня осталось двѣ тысячи франковъ,—достаточно, чтобы довести дѣло до конца. Я стрѣляю изъ пистолета, попадая пуля за пулей на растояніи тридцати шаговъ... Нѣтъ, не надо дуэли!

«Съ нѣкоторыхъ поръ Марболь, Рамбо и Тильбакъ находятъ, что у меня странный видъ.

— Это отъ того, что я обдумываю широкіе планы, друзья мои... Вы увидите... Да! широкіе планы. Нельзя дольше терпѣть. Бежаръ надоѣлъ всѣмъ.

«Покончить съ собою послѣ этого? Нѣтъ! Я могу быть полезнымъ, даже необходимымъ для двухъ остальныхъ. Надо, чтобы всѣ объяснили мой поступокъ грабежомъ и не подозрѣвали о настоящемъ мотивѣ.

«Вчера я прочелъ въ одной рабочей газетѣ подробное описаніе о происшествіи въ ресторанѣ Касти. Разводъ обѣихъ дочерей Сенъ-Фардье состоится черезъ нѣсколько дней. Третья дама исчезла безслѣдно. Изъ-за негоднаго Бежара и прежней дружбы Гины съ Анжелой и Корой, имя Регины примѣшано къ этому скандалу.

«Все кончено. Онъ пришелъ ко мнѣ вечеромъ и... и больше не уходилъ. Наконецъ она свободна и отомщена»!

«Газеты доходятъ до меня сюда, по другую сторону океана, гдѣ скрываюсь, не ради своей безопасности, а ради того, чтобы скрыть

настоящій мотивъ. Пусть меня отыскиваютъ, пусть смотрятъ на меня, какъ на грабителя... Я хочу подготовить все...

«Дѣло плохо. Послѣднія статьи въ газетахъ заставляютъ меня вернуться на родину. Настала минута, когда я долженъ дать себя арестовать... Многимъ, оказывается, извѣстна ея антипатія къ мужу, слуги могутъ показать противъ нея, припомнить семейныя ссоры, сцены, подсмотрѣнныя въ замочную скважину, угрозы, услышанныя за дверями... Всѣ называютъ ее моей сообщницей. Надо спасти ее... Дорогая, дорогая Гина! Ты спасена, ты свободна теперь! но для меня утеряна навѣки...

«Я уже въ тюрьмѣ. Я утопаю, но утопаю одинъ...

«Разумѣется, всѣ газеты считаютъ меня способнымъ «на это», погруженнымъ въ пороки и преступленія. Я уже слышалъ это раньше. Мнѣ говорили уже объ этомъ съ самаго рожденія. Бежаръ былъ хорошимъ физіономистомъ. Взглядъ убійцы! Вотъ его первое впечатлѣніе отъ меня. Честное слово, я жалѣю даже, что не прибавилъ къ своему преступленію еще нѣсколько, чтобы оправдать ихъ мнѣніе. Физіономія обязываетъ!

«Страшный день. Мои добрые друзья, Тильбакъ, Марболь, Вивелуа, Вингерхутъ и много другихъ явились на судъ, чтобы свидѣтельствовать о моемъ благородствѣ и добротѣ. Горячая голова, по ихъ словамъ, экзальтированная, но неспособная обидѣть мухи... Они не боялись выказать себя друзьями вора и убійцы... Сизка вспоминала о такихъ моихъ благодѣяніяхъ, про которыя я даже забылъ... Ахъ, бѣдная, бѣдная Сизка! Всѣ хвалили мою симпатію къ бѣднымъ, мои посѣщенія голодныхъ! Не слишкомъ ли они рисковали, обѣляя меня! Добрые друзья, никогда еще они не были мнѣ такъ дороги.

«Но явились и такіе свидѣтели, которые хотѣли меня очернить; мои друзья, несмотря на всю ихъ искренность, показались свидѣтелями подкупленными, въ то время какъ грозная Фелиситэ несомнѣнно говорила правду. Всѣ провинности моего дѣтства, забытыя продѣлки, шалости были представлены въ самомъ ужасномъ свѣтѣ.

«Слава Богу! Моимъ друзьямъ не удалось спасти меня. Регина тоже была вызвана въ судъ. Надменная, гордая, безъ траура, она предстала передъ публикой, которая нашла ее слишкомъ спокойной для вдовы Бежара. Однако, никто не счелъ ея соучастницей преступленія. Она не была въ силахъ меня спасти. Но она сдѣлала все, чтобы оправдать меня. Право, я испытывалъ высокое блаженство, когда услыхалъ, сколько хорошаго сказала она обо мнѣ. Это въ первый разъ она удостаивала меня такой прекрасной оцѣнки. Она, такая гордая, недоступная!...

Она говорила тихимъ голосомъ, увѣренно и спокойно. Она презирала судъ и толпу. Она вознаградила меня за мое самопожертвованіе, она усладила мою гибель, она прочла надо мной отходную, и я могъ бы теперь спокойно умереть.

Въ Лувенѣ, черезъ два года. Я узналъ сегодня утромъ о свершившемся бракѣ Регины съ Марболемъ, депутатомъ города Антверпена, избранникомъ партіи *Бѣдныхъ*.

«Теперь есть нѣкоторая надежда, что мой родной городъ переродится. Моя дорогая, моя возлюбленная, мое счастье, ты слилась съ дѣломъ народа, и моя жертва оказалась не безплодной...

«А теперь, ты можешь умереть, убійца, развратникъ, грабитель! Умри и унеси съ собой въ могилу свою романическую и патріотическую тайну... Она такъ неправдоподобна, такъ непохожа на обычный порядокъ вещей въ этомъ мірѣ и въ эту эпоху, что никто, даже Гина и Марболь, не повѣрили бы ей»...

Перев. М. Веселовская.

РАСПАДЪ *).

IX.

Августъ въ началѣ. Подсолнечники въ нашемъ саду наклонили побурѣвшія шапки. Кое-гдѣ виноградъ у бесѣдки тронулся искрами багрянца, и сиротливо торчатъ на взрытой землѣ кусты смородины, щипанные курами. Свѣжѣютъ зори.

Леню проводили въ Питеръ учиться «на инженера». Наканунѣ тетя Лиза ѣздила въ Кремль, служила молебны у Иверской, гдѣ-то у Чугуннаго моста и у великомученицы Варвары. Потомъ былъ молебенъ въ путь шествующимъ—дома, въ присутствіи и насъ. Дядя Захаръ суетливъ, мраченъ и такъ разстроенъ, что забылъ отдать батюшкѣ за молебенъ, и батюшка потомъ присылалъ дьячка напомнить. Вездѣ кропили святой водой и даже чемоданы. Бабка Василиса дѣлала озабоченное лицо и неожиданно поставила передъ Леней стаканъ сливокъ.

Леня ходилъ въ конюшню проститься съ «Жгутомъ», подарилъ Архипу рубль и, встрѣтивши меня, потрепалъ по плечу и сказалъ ласково:

— Ну, прощевай, ругатель... учись...

Я чуть не всплакнулъ отъ ласки: стало тяжело, тяжело, точно Леня уѣзжаетъ совсѣмъ. Говоря откровенно, мнѣ было жутко, что Леня ѣдетъ въ Питеръ, гдѣ всякаго народа много.

Дядя Захаръ хотѣлъ было самъ ѣхать въ Питеръ и все тамъ устроить, но Леня рѣшительно сказалъ, что проводовъ и такъ довольно. Видно было, что и ему нелегко было впервые покидать родной домъ: у него подрагивала верхняя губа, онъ безпокоился и разъ пять принимался увязывать чемоданы. Тетя и дядя поѣхали прово-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1907 г.

жать на вокзалъ, и Александръ Ивановъ суетился больше всѣхъ, таскалъ чемоданы и наказывалъ кучеру «поглядывать».

Я думаю, онъ былъ очень радъ отъѣзду.

— Деньги-то не потеряй!—говорила бабка Василиса.—Въ вагонѣ-то къ себѣ привяжи... Леня, Леня!... хоть перекрестился бы...

— Хорошо, хорошо... знаю...

Онъ мелькомъ окинулъ дворъ, садикъ, колодецъ, стараго «Бушуя», уже не вылѣзавшаго изъ конуры, скользнулъ по нашему крыльцу, гдѣ столпились всѣ мы, и нахлобучилъ шляпу.

— Пошелъ! Держи ворота!—крикнулъ дядя Захаръ.

Выѣхали.

Пусто стало кругомъ, пусто и скучно. Первый разъ нашъ дворъ отправлялъ своего въ далекую сторону. Мнѣ было такъ не по себѣ, что я не вышелъ гулять, а сидѣлъ подъ окномъ и смотрѣлъ на гнилую конурку умиравшаго отъ старости «Бушуя». А черезъ полчаса бабка Василиса, подоткнувъ грязную юбку, тонкая и костлявая, съ трясущейся головой, уже трусила съ дойникомъ доить своихъ коровъ.

Вечеромъ въ томъ домѣ было темно. Тетя Лиза уѣхала ко всенощной въ монастырь, а дядя Захаръ въ темнотѣ ходилъ по залу, и я черезъ окно видѣлъ, какъ ярко вспыхивала иногда за темнымъ окномъ «кручонка».

А потомъ... потомъ все вошло въ обычную колею, дядя попрежнему «разносилъ» кучера и Гришку, ѣздилъ на заводъ, учитывалъ Александра Иванова и только изрѣдка, въ праздникъ, проѣзжалъ «Жгута» за заставой.

У насъ сообщали, что дядя Захаръ очень скучаетъ по Ленѣ и всегда, какъ встрѣчается съ знакомыми, говоритъ:

— Въ те-хно-ло-ги-ческомъ инсти-тутѣ онъ у меня!... Вонъ куда пошелъ! Первый въ нашемъ родѣ...

— Ученые-то это... Къ дѣлу бы вамъ его...

— Что подѣлаешь-то? хочу и хочу!... Весь въ меня характеромъ-то... кремень!

Только теперь понимаю я, что у дяди Захара было, пожалуй, больше сердца, чѣмъ «кремня», что Леня былъ его гордостью, утѣхой, надеждой и опорой, и для него онъ готовъ былъ идти на всякія уступки и жертвы.

X.

Прошло около года. Я перетащился въ 3-й классъ гимназіи, но любимыхъ занятій не оставилъ: игралъ въ бабки, чикалъ и пускалъ

змѣи, хотя этотъ спортъ уже падалъ: городовые строго преслѣдовали насъ, и мы отваживались пускать только простые змѣи, безъ трещотокъ. А ужъ это, согласитесь, самое пустое занятіе, не стоящее хлопотъ.

Степку Трифонычъ окончательно закрѣпилъ за прилавкомъ и научилъ всѣмъ правиламъ дѣла. Съ тоской заходилъ я провѣдать былого друга и любовался, какъ тотъ демонстрировалъ способы нагрѣвать покупателей. Насыпая крупу и овесъ въ мѣрку, онъ какъ-то броскомъ швырялъ зерно въ бокъ и хвасталъ, что такъ можно «сберечь» осьмушку. Онъ зналъ достоинство вѣсовъ и такъ ловко раскачивалъ ихъ и швырялъ на чашки пакеты, что даже Трифонычъ хлопалъ себѣ по бедрамъ и удивлялся:

— Ну, прямо... волшебникъ!

Волшебникъ-Степка до того увлекался новымъ спортомъ, что, заходя покупать орѣшки, я всегда просилъ свѣшать самого Трифоныча. Степка старался не порвать отношеній и въ часы досуга приносилъ отъ дѣдушки цареградскіе стрючки и палочки дивьяго меда.

— Ахъ, Колька!...—говорилъ онъ мнѣ:—когда дѣдушка помреть, я за себя лавку возьму... Только онъ, чортъ, еще годовъ двадцать проживетъ... здорò-вый...

«Мой папа-шинь-ка-а скончался...
При-и-ка-залъ мнѣ до-о-олго жить!...»

— А я какъ кончу гимназію, студентомъ буду...

— Это нигилисты-то!... Я тогда тебя въ морду! Я за царя!...

Да, уже тогда ставился нами этотъ туманный вопросъ: «за царя» или «за нигилистовъ», подъ которыми скрывалось что-то страшное, сумбурное, не имѣющее внѣшняго, конкретнаго содержанія—республика.

— А я тебя бомбой... и всю лавку взорву!... Ну, дай стрючочковъ-то...

Къ намъ, въ третій этажъ, переѣхали интересные жильцы,—большая семья, въ которой было четыре барышни, ходившія лѣтомъ въ русскихъ костюмахъ. Ихъ отецъ гдѣ-то служилъ, мать съ утра и до вечера строчила на машинкѣ, а барышни ничего, кажется, не дѣлали и пѣли романсы. Да, это были очень веселые жильцы.

Каждый вечеръ къ нимъ приходили гости, и здѣсь я впервые близко увидалъ студентовъ и вообще людей, которыхъ Гришка да, пожалуй, и многіе на нашемъ дворѣ называли «нигилистами». Но надо сказать, что это слово уже пропадало изъ обихода, и его замѣнили—подозрительный человѣкъ «сацилистъ».

— Рвань все шляется,—ругался Гришка.—До утра глотку дерутъ, а никто и гривенника не дастъ.

Въ семьѣ былъ и мой сверстникъ, тоже гимназистъ. Мы быстро сошлись и даже строили планы бѣгства въ Америку или куда-то «на острова». Много оригинальнаго видѣлъ я въ этой семьѣ. Отцу и матери всѣ говорили: «ты»; танцовали каждый вечеръ; между тѣмъ какъ у насъ танцы разрѣшались только на святкахъ. Молодые люди обходились съ барышнями очень свободно, хватали за руки, дрались даже и получали шлепки, тогда какъ у насъ никогда никакихъ постороннихъ молодыхъ людей въ домѣ не было.

Міръ новыхъ отношеній открылся передо мной.

— Какіе-то они оголтѣлые,—говорили у насъ.—Ужъ не гнать ли?—но гнать не рѣшались, такъ какъ квартира ходила выгодно.

Одинъ изъ молодыхъ людей, его звали «Курчикъ», должно быть, за его курчавую голову,—прекрасно игралъ на флейтѣ. Высокій и тощій студентъ Дымоходовъ, или «Труба»—больше молчалъ и ходилъ «для ужина». Кто-то со старушечьимъ лицомъ, скуластый, пѣлъ, готовился поступить въ Большой театръ, но всегда бралъ только двѣ-три ноты, вынималъ изъ засаленнаго сюртука платокъ, со вздохомъ качалъ головой и говорилъ глухо:

— Нельзя... низко... не выйдетъ...

Ну, конечно, «не выйдетъ», такъ какъ онъ самъ едва-едва подходилъ подъ потолокъ. И хорошо, что не выходило, такъ какъ у него былъ такой жестокій басъ, что стекла могли разлетѣться и перегородки треснуть.

Мой новый товарищъ, Костя, сообщилъ, что это все «женихи» и ухаживаютъ за сестрами. Очень странно. Я представлялъ себѣ «жениховъ» нѣсколько иначе: съ напомаженными волосами, яркимъ галстукомъ и въ сопровожденіи какой-нибудь почтенной старушки. А это все были какіе-то «жеребцы», какъ говоритъ Гришка.

На всю семью была одна дѣвчонка Лизка, которой мы, обыкновенно, подставляли «ножку» на лѣстницѣ, ловили веревочными петлями и сонную привязывали за ноги къ лавкѣ и тревожно звали. Жильцы покупали «на всю ораву» только два фунта мяса и совсѣмъ не ѣли бѣлаго хлѣба. Но барышни! Онѣ были такъ хороши въ своихъ пестрыхъ костюмахъ, ихъ лица были такъ блѣдны, а косы черны, онѣ такъ хорошо смѣялись пунцовыми губками и такъ мило поводили голубыми глазами! Я любилъ забираться въ уголокъ и смотрѣть на нихъ, не рѣшаясь подойти и заговорить.

— Кань-фе-та!...—сказалъ разъ Степка вслѣдъ Настенькѣ, когда она шла ко всенощной.

Та повернула головку и улыбнулась.

— Съ сочкомъ...—добавилъ онъ, раздвигая свой большой ротъ и прищелкивая языкомъ.—Эхъ, этакую бы... да... Пушистая!...

Степка послѣднее время пріобрѣлъ какую-то нахальную важность движеній и разсказываетъ всякія пошлости. Эта шпрокорылая скотина сталъ такимъ мерзавцемъ, что Трифонычъ грозитъ отправить его на Угрѣшу, къ знакомому монаху для обузданія. Онъ пропадаетъ до часу ночи, таскаетъ выручку и выманиваетъ у Трифоныча деньги, грозя донести о шкаликахъ, отмѣриваемыхъ въ задней комнаткѣ. Онъ мажетъ голову репейнымъ масломъ, играетъ на гармоньѣ и щекочетъ горничныхъ. Раза два Гришка таскалъ уже его за волосы на черной лѣстницѣ. Я невольно начинаю терять къ нему довѣріе и сторониться.

Въ томъ домѣ почти ничто не измѣнилось. Бабка Василиса возилась съ коровами и молокомъ. Тетя Лиза ѣздила по церквамъ и монастырямъ и чинила бѣлье. Дядя Захаръ навѣщалъ заводъ, объѣзжалъ лошадей и изрѣдка покучивалъ на сторонѣ. Разъ даже сама тетя Лиза встрѣтила его среди бѣла-дня на тройкѣ съ «дѣвчонками», но не сказала ни слова. Она была такая тихая и забитая, тетя Лиза. Она всегда переносила все молча, на себѣ. Александръ Ивановъ продолжалъ орудовать въ конторѣ и на заводѣ; на нашемъ дворѣ такъ же нанимались и разсчитывались кирпичники, и дядя Захаръ, хоть и рѣже, но пускалъ-таки въ дѣло свои желѣзныя руки.

Въ первый пріѣздъ на лѣто Леня выглядѣлъ молодцомъ-красавцемъ въ широкополой шляпѣ и рабочей блузѣ, въ которой онъ, обыкновенно, ѣзжалъ по утрамъ на заводъ. Загорѣлый, стройный, точно слитой, онъ распространялъ обаяніе силы и свѣжести, но маленькая, раньше едва замѣтная складка кожи надъ переносьемъ стала какъ будто глубже и рѣзче. И взглядъ сталъ глубже, какъ будто въ красивой головѣ затаилась непокойная мысль, рѣшеніе которой необходимо найти.

Поѣздка верхомъ на заводъ, кабинетъ и только.

Красивые глаза съ третьяго этажа, конечно, замѣтили этого серьезнаго чудака, читающаго вечерами у открытаго окна или задумчиво, большими шагами мѣряющаго кабинетикъ. Ни малѣйшаго интереса видѣть прекрасные глаза, глядѣть на коралловый ротикъ и милыя ямочки на щекахъ!... Странно... Одинъ разъ, впрочемъ, печальная флейта «Курчика» бросила трепетныя ноты въ тихій кабинетикъ. Склонившаяся надъ книгой голова съ высокимъ лбомъ поднялась. Звуки плакались наверху, бились въ пролетъ между тѣмъ домомъ и нашимъ, замирали и рождались.

Глаза Лени искали флейту, нашли и... окно затворилось, и зеленая занавѣска отразила тусклое пятно зажженной свѣчи... Уже стихла флейта, уже кандидатъ въ театръ напугалъ весь дворъ, рыкнувъ что-то о «полѣ» и «мертвыхъ костяхъ», уже потекла въ тишинѣ заснувшаго двора мелодія дуэта, а зеленая занавѣска за скучнымъ стекломъ все отражала тусклое пятно свѣчи и большую черную тѣнь головы.

Такая серьезность Лени, видимо, нравилась дядѣ, и это положительно вѣрно, такъ какъ я не разъ слыхалъ, какъ онъ говорилъ нашимъ:

— Пустили шантрапу какую-то... Вотъ и будутъ мальчишкамъ головы крутить...

Дядя Захаръ готовилъ Ленѣ «партію» знаменитую. Уже раза два подсылали сваху «Полугариху» отъ гремѣвшаго въ округѣ мучника Лобастова, у котораго были паровыя мельницы и «земли, милая моя, по всѣмъ губерніямъ». Пахло «милліономъ», и дядя Захаръ ждалъ только случая — переговорить. Но случай провалился, такъ какъ самъ Леня, узнавъ какъ-то, что въ столовой тетя Лиза пьетъ чай со свахой, вышелъ и сказалъ:

— Бросьте вы эти затѣи, мамаша...

И дядя Захаръ махнулъ рукой: дѣло терпитъ. А какіе планы строились! Уже тотъ домъ, домъ, въ которомъ поднялись поколѣнія Хмуровыхъ, домъ, который при французѣ выгоралъ, приговорили къ сносу, и архитекторъ,—«рваный баринъ», готовилъ планъ необыкновеннаго сооруженія. Уже намѣчалась земля для постановки новаго кирпичнаго завода; уже выбиралось мѣсто для постройки торговыхъ бань; уже создавался планъ скупить нашу землю и снести нашъ домъ; уже нашъ старый садикъ собирался дядя Захаръ распланировать подъ цвѣтникъ съ фонтаномъ; уже... Много плановъ строила энергичная голова съ упрямымъ хохломъ, много рѣшительныхъ взглядовъ непокорной силы было брошено на округу. Хмуровы должны загремѣть...

А Леня ѣздилъ на заводъ, читалъ книги, получалъ письма «изъ Питера» и самъ писалъ по ночамъ, какъ говорила бабка Василиса, простаивавшая на молитвѣ до двухъ утра и наблюдавшая за внучкомъ въ замочную скважину.

— Ты это, братъ, что же... расцѣнокъ повысилъ формовщикамъ?... какъ же это ты того... безъ меня?... а?... Ты, братъ, не уди...

— Кирпичъ въ цѣнѣ поднялся... У Васильева прибавили тоже...

— Гм... тоже... А зачѣмъ обѣщалъ баракъ строить, а?

— Затѣмъ, что свиньи и тѣ лучше живутъ...

— Безъ тебя жили... Ты мнѣ долженъ сказать... Я ужъ отъ чужихъ узнаю... Жениться тебѣ надо... Возьмешь капиталъ, изразцы будемъ дѣлать...

— Да... да... хорошо... это все хорошо... Работать еще надо, учиться... Придетъ время...

— Загремимъ, Ленюкъ... на всю Москву загремимъ...

— Хорошо... хорошо... Нѣтъ ли у васъ рублей ста?

— А что?... своимъ, что ли, опять?...

— Да... надо мнѣ. Я вамъ выплачу.

— Ну, вотъ... еще скажи... Обманываютъ тебя товарищи... простой ты какой-то... И въ кого только ты такой?...

— Какъ въ кого?... Въ васъ...—смѣясь, говорилъ Леня.

— Да, да... Ну, только кончай... Ужъ мы все вернемъ... съ лихвой вернемъ...

Деньги пересылались въ Питеръ «нуждающимся товарищамъ», и дядя Захаръ былъ доволенъ, что у него не просили пятисотъ. Въ своей книжечкѣ онъ велъ аккуратный счетъ «ученыхъ расходовъ» и видѣлъ, что Питеръ стоитъ не дешево.

— Можетъ, и покучиваетъ... Дѣло молодое... Что подѣлаешь... и мы были молоды... Въ меня пошелъ... Да ничего...

XI.

Прошелъ еще годъ.

Пріѣхалъ Леня въ началѣ іюня и заявилъ, что надо сквитаться.

— То-есть, какъ это сквитаться?

— Очень просто. Сколько съ васъ просили инженеры за печь Гофмана?

— Какого Гофмана?

— Ну, «берлинъ» по-вашему?...

Дядя сказалъ.

— Ну, вотъ я и поставлю вамъ... и будемъ квиты...

— Да ты... какъ же это... ты?... Ужель можешь?...

— Могу. Вотъ здѣсь всѣ чертежи, планъ, все...

Говорили у насъ, что дядя Захаръ заплакалъ. Его Леня, самъ Хмуровъ,—инженеръ!... и пріѣхалъ сквитаться!...

Онъ, думается мнѣ, только теперь понялъ Леню, понялъ по-своему, понялъ «нутромъ», понялъ, какъ Хмуровъ, всегда практичный и вышибавшій копейку. И не только эту сторону Лени,—якобы практика,—понялъ онъ: онъ понялъ глубже. Онъ, говорятъ, заплакалъ. Да, ему на смѣну шелъ онъ второй, но не такой, какъ онъ, а шире и лучше, и чище, и благороднѣе.

И дядя Захаръ замѣтно принизился. Онъ уже не говорилъ и не кричалъ при Ленѣ властно, онъ выдвигалъ его впередъ, онъ теперь, говоря съ кѣмъ-нибудь, всегда оборачивался къ нему, точно молча совѣтовался. Первые дни особенно онъ какъ-то измѣнился, и, когда Леня былъ съ нимъ, лицо дяди Захара было и мягче, и свѣтлѣе.

Онъ теперь всѣмъ говорилъ о Ленѣ, рѣшительно всѣмъ. Онъ даже въ тотъ же день «согналъ» всѣхъ кирпичниковъ съ завода, и когда дворъ гудѣлъ, когда кирпичники прикидывали, зачѣмъ ихъ согнали, и съ жутью въ душѣ жались у стѣнъ и крыльца, дядя Захаръ вышелъ съ Леней на галлерею, на свое «красное крыльцо» и сказалъ:

— Братцы!...

Толпа сгрудилась. Полетѣли шапки и картузы съ головъ.

Братцы!?... Раньше, обыкновенно, были—черти, сукины дѣти, лѣшіе и дармоѣды... Братцы!...

Я чувствовалъ пріятный холодокъ внутри: должно сейчасъ случиться что-то особенное.

— Вотъ что... По случàю какъ я буду ставить «берлинъ»... *Онъ* будетъ вамъ ставить!... *Мой* сынъ... Онъ самъ инженеръ!... понимаете?... ин-же-неръ?!... Онъ вѣдь...

Мнѣ показалось, что дядя Захаръ хотѣлъ сказать, что Леня учится въ те-хно-ло-ги-ческомъ институтѣ...

— И вотъ... въ знакъ сего... Его благодарите!... И какъ вы у меня давно работаете... по гри-вен-ни-ку!... вамъ на тыщу прибавлю!...

Пауза.

— Понимаете?...

— Благодаримъ покорно... Мы што... мы это самое... Ужъ мы...

Леня стоялъ за дядей, улыбался и похлопывалъ его по плечу. Онъ понималъ, что отецъ хотѣлъ сдѣлать для него пріятное, хотѣлъ «показать себя» и свое великодушіе, думалъ, что это понравится его Ленюку. О, какъ онъ учуялъ своего Леню, этотъ всегда суровый, желѣзный дядя Захаръ! Онъ, дядя Захаръ, должно быть, припомнилъ давнишнюю исторію осенью на дворѣ, потомъ еще исторію...

— А теперь ступай чай пить!... Александръ Ивановъ!... выдай [illegible]аростѣ... красную!...

— Ну, какъ?—обернулся дядя Захаръ къ Ленѣ.—Такъ, что ли, [illegible]нюкъ? а?...

— Такъ.

Леня положилъ руки на плечи дяди Захара, заглянулъ въ его чер[illegible]е, глубокіе глаза.

— Хорошій вѣдь *ты* у меня... хорошій!... Знать тебя надо!... Ахъ, папка, папка!...

Ты!!... Я слышалъ это слово. Я видѣлъ, какъ дрогнуло лицо дяди Захара, точно завѣса спала съ него, какъ дрогнуло Ленино лицо; они взглянули одинъ на другого и обнялись.

А тетя Лиза стояла позади нихъ...

Ты было сказано въ домѣ Хмуровыхъ первый разъ и какъ сказано!...

Да, дядя учуялъ Леню и попалъ въ самую точку. Онъ отблагодарилъ его за «берлинъ», а, главное,—онъ самъ въ эту минуту вычеркнулъ изъ своей жизни однимъ этимъ порывомъ всѣ удары, которые онъ нанесъ этимъ «голоштанникамъ», какъ онъ называлъ ихъ, и, давая гривенникъ, какъ Хмуровъ, онъ на моихъ глазахъ возвращалъ бочки выкачаннаго рабочаго пота.

Недоставало лишь, чтобы дядя крикнулъ:

— Вѣдь вотъ онъ!... весь... весь въ меня!...

Да, Леня былъ и въ него, но въ немъ было много и того, что было похоронено въ тетѣ Лизѣ; много и того, что уже было брошено въ жизнь, ползло и блуждало въ ней, бродило и формулировалось. Да, новый человѣкъ шелъ.

Въ половинѣ іюля было освященіе новой, гигантской печи съ громадной, въ небо уходившей трубой, съ подземными камерами. Было торжество, много гостей, оркестръ и обѣдъ. Пускали фейерверкъ. Это былъ знаменательный день, лучшій день въ жизни дяди Захара. Въ этотъ день въ залѣ повѣсили Ленинъ портретъ въ овальной рамѣ, громадный портретъ, очень удачный. Какъ живой, глядѣлъ Леня изъ-за стекла, и упрямая складка, складка надъ переносьемъ, и энергичные, вдумчивые глаза подъ высокимъ лбомъ. Этотъ портретъ! Я его сейчасъ помню ясно-ясно, точно и сейчасъ Леня передо мною и спрашиваетъ:

— Ну, какъ дѣла, ругатель?...

— Какого сына вырастилъ!... За что только Господь посылаетъ!?—говорили на нашемъ дворѣ.—Ради Елизаветы Ивановны развѣ... Воистину мученица... Ужъ сколько она понесла-то и не приведи Господи... и отъ свекрови-то... да и отъ муженька-то!...

Вскорѣ послѣ освященія «берлина» я съ изумленіемъ увидалъ, что Леня познакомился съ Настенькой. Какъ это случилось,—не знаю. Я впервые увидалъ ихъ рядомъ другъ съ другомъ въ нашемъ садикѣ. Они прохаживались по единственной дорожкѣ, обсаженной кустами крыжовника. Какъ всегда, Настенька была въ русскомъ костюмѣ; двѣ длинныя черныя косы, перевитыя металлическими кру-

жочками, падали ниже таліи тяжелыми жгутами; круги бусъ шуршали на ея волнующейся груди, прикрытой сквозной рубашечкой.

Она шла рядомъ съ нимъ, едва доставая до его плеча и повернувъ въ полоборота головку, точно вглядывалась въ его лицо, а онъ, въ своей широкополой черной шляпѣ, въ синей, схваченной ремешкомъ, блузѣ и высокихъ сапогахъ, покручивая за спиной какую-то книгу, старался шагать тише и говорилъ что-то.

Меня даже кольнуло въ сердце. Мнѣ было досадно, что Настенька очарована, что она вся рвется къ нему, хотя они даже не касаются другъ друга плечами. Они ходили взадъ и впередъ, иногда мелькомъ взглядывали другъ другу въ лицо, а я... я спрятался за бесѣдку и изъ-за куста черной смородины наблюдалъ, боясь высунуться.

И какъ было просто кругомъ! Четыре березы, съ поломанными сучьями и пробитыми для добыванія сока стволами, торчали какими-то жалкими вихрами верхушекъ въ потемнѣвшемъ небѣ. Изрытыя курами кучи сухой земли, ободранные кусты съ куриными ямами подъ ними, два-три уцѣлѣвшихъ подсолнечника, распушившаяся плодоносная бузина, дряхлый навѣсъ сбоку и двѣ телѣжныхъ оглобли, торчащія, какъ обрубленныя руки, изъ-за сквозного, полуразбитаго забора. За глухимъ заборомъ, вправо,—улица съ масляными фонарями, на которой лѣниво шуршитъ Гришкина метла. Кто-то за заборомъ напѣваетъ тоненькимъ голоскомъ:

«На си-ре-бы-ре-но-ой ри-кѣ-ѣ..

И эта парочка случаемъ сошедшихся людей, свѣжая, молодая, полная жизни и надеждъ...

О, какъ бы вытянулась физіономія дяди Захара, даже тети Лизы и особенно бабки Василисы, если бы они узнали, что геніальнымъ планамъ—«загремѣть» и надеждамъ мучника Лобастова грозитъ опасность.

Прогулки стали повторяться почти каждый вечеръ. Настенька начала мѣнять костюмъ на черныя юбки и бѣлыя кофточки, и я понялъ, что на 3-мъ этажѣ начинаютъ зрѣть планы, потому что астрономическій постъ никогда не пустовалъ: всегда кто-нибудь изъ барышень выглядывалъ изъ бокового окна, и когда Леня шелъ въ садикъ, голова скрывалась, и Настенька спѣшно сбѣгала по черной лѣстницѣ. Шансы влюбленной дочери мучника падали съ каждымъ днемъ, если только Леня могъ вообще признавать ихъ. А что они пали, это было ясно, какъ день. Чаще обыкновеннаго облокачивался Леня на желѣзный карнизъ окна, какъ бы разглядывая что-то на крышѣ. Печальная флейта «Курчика» свободно бросала трепетныя нотки

въ темную глубь кабинетика, и все рѣже дрожало пятно свѣчи за зеленой занавѣской.

Плутъ Гришка первый забилъ тревогу. Онъ потряхивалъ головой, глядя вслѣдъ Настенькѣ, когда та спѣшила въ садикъ, и ехидно мурлыкалъ, принимаясь за метлу:

...Ми-и-имо са-а-а-ди-ку-у-у-у...
У-ухъ дорó... у-ухъ дорожка про-о-легла...

— Э-эхъ!... туда же!... сватается!... Архипка!... гли-ка!... опять стегапула!... хо-хо-хо...

Леня шагалъ мимо Гришки въ клубахъ поднятой пыли.

...«Хо-ло-стой па-рень... эхъ ко дѣ... ко-о дѣ-ви-цѣ хо-ди-илъ»...

— Что?

— Чего изволите?—обрывалъ Гришка, какъ ни въ чемъ не бывали.—Прикажете сбѣгать куды?...

— Нѣтъ... ничего.

Снова подымаетъ лѣнивая метла тучи дворовой пыли.

...Сто-итъ На-стень-ка да эхъ за-пла...
За-а-пла-ка-ны гла-за-а...

Походъ объявленъ, и старичокъ съ 3-го этажа дѣлаетъ пробный вольтъ.

Вчера, напримѣръ, онъ выползъ на крыльцо «такъ, для воздуха»,—и когда дядя Захаръ выѣзжалъ на дрожкахъ, старичокъ привсталъ съ лавочки и вѣжливо приподнялъ фуражку. Дядя Захаръ отвѣтилъ кивкомъ.

— Чудный вечеръ-съ!...

— Гришка!... держи ворота!...

XII.

Прогулки въ садикѣ продолжаются. Настенька уже не остается наверху, когда приходятъ «женихи», не поетъ «Горныя вершины», и Курчикъ пересталъ играть на флейтѣ. Настенька не ходитъ «ордой» въ Нескучный садъ и не провожаетъ «жениховъ» по лѣстницѣ со свѣчкой, какъ раньше.

Леня загуливаетъ въ садикѣ до ночи, часовъ до десяти, когда Трифонычъ приходитъ на задній дворъ осмотрѣть замокъ на своемъ сараѣ. Съ лѣсенки отъ амбара вижу я сквозь разбитую рѣшетку садика бѣлую кофточку, слышу тяжелые шаги Лени и его басокъ.

Я уже примирился съ мыслью, что они должны пожениться: они

оба такъ красивы. Но не всѣ такъ думаютъ, какъ я. Дядя Захаръ уже получилъ донесеніе, и теперь, какъ девять часовъ, горничная Поля, которой Степка насыпаетъ полны карманы орѣшковъ и приглашаетъ на Воробьевку «кушать вишни»,—раза три прибѣгаетъ къ садовой изгороди и окликаетъ:

— Баринъ!... кушать пожалте...

— Сейчасъ...

— Папаша требовають...

— Сейчасъ...

Шаги пріостанавливаются. Ярче бѣлѣетъ кофточка.

— Ой!... какъ ты жмешь руку!... ой!!...

— Ле-ня!!—прокатывается голосъ дяди Захара съ галлереи.

На галлереѣ ужинаютъ. Окна ея освящены, и видны ползающія по потолку тѣни. Дядя ворчитъ.

— Не маленькій же я, наконецъ!—раздраженно говоритъ Леня.

Настенька часто свѣшивается изъ окна сѣней и заглядываетъ во дворъ: она слѣдитъ, когда Леня сѣдлаетъ «Жгута», чтобы ѣхать на заводъ. И они киваютъ другъ другу и обмѣниваются улыбками.

Они любятъ другъ друга, и, конечно, Настенькѣ не нуженъ ни заводъ, ни домъ, ни лошади,—ей нуженъ Леня.

Но у насъ говорятъ, что «верхніе» ловятъ Леню и хотятъ сбыть своихъ «дѣвокъ-кобылъ», которыя годны только въ циркъ, только и имѣютъ что «смазливыя рожи да ситцевыя юбки» и жрутъ черный хлѣбъ. Очень опасаются, что онъ возьметъ её «въ содержанки» и увезетъ въ Питеръ. Дядя Захаръ готовъ на это, отчего бы молодцу и не побаловаться, лишь бы его не «окрутили».

Какое безобразіе! Я понимаю отлично, что, дѣйствительно, вышло безобразіе. И все эта бабка Василиса!

Когда Леня идетъ въ садикъ, ей непремѣнно приспичитъ доить коровъ, и она теперь всегда пріоткрываетъ коровникъ, выставляетъ высохшую голову, заглядываетъ въ садикъ и слушаетъ. Къ счастью она совсѣмъ глухая и, конечно, ничего не можетъ понять, когда я и то почти ничего не слышу. Но сегодня она устроила цѣлый скандалъ.

Только что наша кухарка загнала куръ, и Леня прошелъ въ садикъ, бабка загремѣла ведромъ и уже мчалась къ своему коровнику. Она нарочно остановила кухарку и заговорила про свою рваную корову, которая убавила молока. Я сидѣлъ на амбарной лѣсенкѣ, слушалъ и чуялъ, что бабка чего-то ждетъ: она все время поглядывала къ нашимъ жильцамъ и задерживала кухарку:

— Да, постой, матушка... да куда тебѣ... Спросить вотъ все

хочу... Пѣтушку-то нашему не ваши ли сорванцы ногу-то перешибли?

А сама такъ и смотритъ наверхъ. Ага! теперь понятно: она поджидаетъ Настеньку. Изъ садика доносится нетерпѣливое гм... гм... Вотъ и Настенька. Она вся, какъ бѣлая лилія, въ голубомъ вязаномъ платочкѣ на плечахъ, путаясь въ узкой юбкѣ и спотыкаясь высокими каблучками на камни, почти бѣжитъ къ садику.

— Не хорошо-съ... Молодому человѣку проходу не даете!... Шлюхи такъ только...

Господи! У меня даже голова закружилась, Настенька вспыхнула вся и почти побѣжала къ Ленѣ. Я кубаремъ слетѣлъ съ лѣсенки, подбѣжалъ къ бабкѣ и взвизгнулъ:

— Вы не имѣете права!... это подло!!... это... это... Старая карга!!...

— Ахъ ты, гнида... чертенокъ!!...

Но я уже былъ въ садикѣ и кричалъ:

— Леня!... Леня!... Бабка сейчасъ обругала Настеньку...

Она плакала, прислонившись къ березѣ, ея плечики вздрагивали и голова куталась въ платокъ. Она была такая маленькая-маленькая. Мнѣ хотѣлось упасть къ ея ногамъ, обнять узкую бѣлую юбку, держать ея ножки, заглянуть въ глаза и плакать. Но тутъ былъ Леня.

Онъ стоялъ передъ ней, широкоплечій гигантъ, разставивъ свои ноги и закинувъ голову, и билъ ладонью по стволу березы, отчего падали на насъ сухія вѣтки.

— Старуха выжила изъ ума... Натя... Натя!...

Она продолжала плакать и вздрагивать.

— Ты слышалъ все?...

— Да... она назвала её...

— Ступай!—крикнулъ Леня.—И не смѣй говорить...

Не смѣй говорить,—когда наша кухарка давно, конечно, разблаговѣстила по всему двору.

Вечеромъ былъ большой шумъ на галлереѣ. Бабка гремѣла ключами и крынками и кричала:

— Плюну на всѣхъ на васъ!... Завтра же уѣду!...

— Хоть сейчасъ!... экъ, угрозили: «уѣду!»... Да, уѣзжайте!...—кричалъ дядя.—Никакого отъ васъ проку, окромѣ грызни, нѣтъ!...

Я не понялъ... Должно быть, дядя принялъ сторону Лени.

Гришку погнали за извозчикомъ, и бабка Василиса отъѣхала къ своей дочери, куда-то на Зацѣпу. Но она, конечно, завтра же раньемъ-рано вернется къ своимъ коровамъ: это уже повторялось не

разъ. Её вѣдь «ни шиломъ, ни виломъ не проймешь» — какъ говорили у насъ на дворѣ.

На слѣдующій день старичокъ изъ 3-го этажа, въ мундирѣ, съ двумя крестиками на груди и даже со шпагой, очень красный и взволнованный, звонился въ тотъ домъ. Леня былъ на заводѣ, а я въ холодкѣ клеилъ змѣй. Старичка впустили.

Что произошло «тамъ»,—не знаю, но минутъ черезъ пять старичокъ пробѣжалъ изъ параднаго еще болѣе красный, зацѣпился шпагой о приступокъ и она вылѣзла у него подъ мышку.

— Хамство... хамы!...—бормоталъ онъ, перебѣгая съ краснымъ платкомъ на свое крыльцо.

— Ишь, павлина какая... распустилъ духи-то?...—говорилъ Гришка.—Я, говоритъ, дворянинъ... надворный... ха-ха... на-дворный!... Я, гритъ, взыщу... Замарали мою дочь!... А нашъ-то ево и обжегъ... Вы, гритъ, къ бабкѣ... ха-ха!... пожалте, гритъ, къ бабкѣ... ха-ха!... Трящалъ все... Я, гритъ, въ судъ подамъ... А нашъ-то ему... Хучь къ царю!... хучь къ амппратору!... Замарали!... Ихъ замараешь...

— Вѣдь бабка её обидѣла,—говорю я Гришкѣ.—Ты ровно ничего не понимаешь...

— Ихъ обидишь!... Онѣ вонъ юбки на голову задираютъ, а жеребцы гогочутъ... Замараешь... Одна, сказываютъ, родила ужъ...

— Врешь!... ты—чистый болванъ...

— Вотъ-те врешь!... А вы опробуйте... придарьте-ка за одной какой... Ну, на Воробьевку пригласите для блезиру... на воздухъ... Не желательно ли, молъ, на лихача—попробовать кумача... Хо-хо!... Мы поѣдемъ въ маскарадъ, мы надѣнемъ припарадъ!... что?... И всякое съ ей удовольствіе получите... Бабенки распёкистыя!...

Эти слова всколыхнули во мнѣ темную, грязную волну чего-то жгучаго и непонятнаго.

— А то—«замарали!»...

Но чистый образъ красивой и бѣлой Настеньки, ея голубые глаза и трепетныя плечики вдругъ ясно-ясно свѣтлой картинкой встали передо мной, и чистая волна иныхъ ощущеній подавила неясныя желанія, вызванныя грубыми словами Гришки.

— Э-эхъ, барчукъ!... Ужъ быдто и не понимаете ничего... сутио всего... нащотъ дѣвчонокъ... Вонъ Пашка-то у васъ есть вѣдь... или не звали?...

— Убирайся ты къ чорту!...

— Да вѣдь не въ первой чай... На то и господа!...

Кровь залила мнѣ лицо. Опять забились порывы и смутныя же-

ланія... Но опять чистый образъ бѣлой дѣвушки покрылъ ихъ тихой грёзой... О чемъ?... Не знаю.

Вечеромъ, когда я шелъ спать въ свою комнатку, въ полутемномъ коридорѣ столкнулся съ Пашей. Ей уже 24 года, и я стыжусь ея. Еще такъ недавно, года три назадъ, я спокойно ложился при ней спать, а теперь... теперь я стыжусь ея. Она притиснула меня въ коридорѣ, обдала запахомъ свѣжаго ситца и черемуховаго мыла и будто нечаянно нажала слегка мою ногу.

— Что ты?... что?...

Кровь ударила въ лицо горячей волной.

— Ахъ!... вы это... А Гришка мнѣ сказалъ... Что вы дрожите какъ... Мальчикъ хорошенькій... Зайти къ вамъ?...

Она еще сильнѣе притиснула меня къ стѣнѣ, но... я оттолкнулъ её, весь охваченный дрожью, бросился въ свою комнатку и заперся...

....«На сире-бы-ре-ной ри-кѣ-ѣ... на злато-омъ пе-со-о-чкѣ»...

Пѣлъ кто-то подъ открытымъ окномъ...

XIII.

Вотъ это я понимаю!

Среди бѣла дня, на глазахъ Гришки, всего двора и даже бабки Василисы Леня позвонился къ нашимъ жильцамъ. Что произошло тамъ,—не знаю, но, какъ передавала Лизка, Леня пилъ чай съ сухарями, говорилъ со старичкомъ, и старичокъ крѣпко пожималъ ему руку.

— Благородный человѣкъ... образованный человѣкъ...

И самъ проводилъ его до крыльца.

По мнѣнію нашего двора, это хуже всякой «морали», мальчику вскружили голову, и онъ роняетъ достоинство всей фамиліи. Говорили, что теперь «уши выше головы растутъ и яйца стали учить курицу».

Дядя Захаръ мраченъ, но тетя Лиза, идя какъ-то отъ обѣдни, встрѣтилась съ Настенькой и ласково поздоровалась. Степка высказалъ мнѣніе, что «онъ» повезетъ «ее» въ Питеръ, «пожируетъ» съ ней и броситъ, и тутъ же добавилъ, что и онъ не думаетъ жениться на Полькѣ, а на Воробьевкѣ она уже узнала, сладки ли вишни. Какъ подслушала Полька и передавала на кухнѣ, дядя говорилъ тетѣ Лизѣ, что осенью самъ поѣдетъ въ Питеръ и «устроитъ тамъ Ленѣ мамзель», и тогда вся «дурь» у него вылетитъ изъ головы.

Ну, въ этомъ я сильно сомнѣваюсь, потому что вижу по вече-

рамъ, какъ дѣло быстро идетъ впередъ, и не только вижу, но и слышу... хотя Степка и говоритъ, что «дѣвку поцѣловать,—что плюнуть».

Какъ-то вечеромъ, уже послѣ ужина, когда мы всей семьей сидѣли на крыльцѣ, и дядя Захаръ приказалъ проводить по двору лошадей, пришелъ кривоногій портной Кнутовъ. Онъ былъ какой-то взъерошенный и растерянный, чуть не плакалъ и просилъ дядю Захара «дозволить переговорить». Скоро мы узнали страшную новость, напомнившую мнѣ давно испытанное, томительное чувство непонятнаго ужаса, когда убили царя.

Мы узнали, что у портного былъ «обыскъ», но «ничего не нашли»; что сынъ портного бѣжалъ за границу, находится гдѣ-то въ Женевѣ, и что отъ него получено письмо. Онъ, какъ и Леня, учился въ институтѣ и жилъ въ Питерѣ на свои трудовые гроши. Его хотѣли за что-то арестовать, но не успѣли...

Портной, безъ картуза, растерянно стоялъ передъ дядей, комкалъ письмо и спрашивалъ, что теперь ему дѣлать.

— Теперь онъ ужъ не придетъ?... Не воротится? — повторялъ портной, по привычкѣ отыскивая иглу на груди.—Какъ же быть-то теперь?... Прошеніе ежели написать...

— Достукался!—глухо говорилъ дядя Захаръ и чвокалъ зубомъ.—Надо было пускать!... Достукался!

— Матерю, говоритъ, поцалуй... обо мнѣ не горюй!—растерянно твердилъ портной.—Что-жъ теперь?

— Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Нечего теперь... И нечего тебѣ ходить сюда!—вдругъ возвысилъ голосъ дядя Захаръ.—И ты дуракъ, и сынъ твой болванъ!... И нечего...

— Обо мнѣ, говоритъ, не горюй. Что-жъ теперь?

— Ступай, ступай... И нечего тебѣ... Ступай къ адвокату...

Леня подошелъ къ портному, тронулъ его за плечо и сказалъ:

— Завтра я скажу вамъ, что надо... Бояться нечего.

— Ступай, ступай! И нечего тебѣ тутъ!—сказалъ дядя рѣзко.

Портной надѣлъ картузъ и растерянный ушелъ.

Мы всѣ молчали. Леня билъ тростью о камень. Монотонно стучали подковы по камешкамъ двора.

— Вотъ оно!—вдругъ разрѣшилъ томительное молчаніе дядя.—Пожалуйте... Отецъ дуракъ жилы выматывалъ, а сынокъ-прохвостъ отблагодарилъ...

Всѣ молчатъ. Отрывисто фыркаетъ лошадь. Бѣгутъ изъ угловъ двора тѣни, густѣютъ.

— Ну, какъ по-твоему? Ну? Хорошо?

Леня бьетъ тростью о камень. Кто-то затворяетъ окно.

— Вѣдь съ тобой на квартирѣ-то стоялъ?

— Ну и что же изъ того?

— Какъ что же!... И ты не зналъ?... Какъ, жилъ и не зналъ! Алексѣй!—тревожно спрашивалъ дядя.

— А почему вы думаете, что я не зналъ?

— Какъ! Такъ ты зналъ?! Ты зналъ?!...

— Здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ... Оставьте, пожалуйста... Все равно вы не поймете меня...

— Ну да, ну да... Гдѣ намъ, дуракамъ... Только вотъ что я тебѣ скажу... Нечего тебѣ ѣхать туда, нечего!... Не пущу я тебя!

— Какіе пустяки!... То-есть, какъ не пустите... Самъ поѣду!... И чего вы волнуетесь!

— Чего... Чортъ васъ дери!.. Самъ... вѣдь голову *онъ* съ *него* снялъ... голову!...

— Я съ васъ, кажется, не снимаю...

— Э-эхъ... Много-ль тебѣ еще-то тамъ торчать?...

— Скоро, скоро!... Та-та-та... та-та-та...

И Леня опять сталъ бить палкой и насвистывать.

Бѣдный дядя Захаръ! Онъ былъ очень обезпокоенъ, долго сидѣлъ на лавочкѣ, думалъ и молчалъ. О чемъ онъ думалъ? Должно быть, о Ленѣ. Нѣтъ, онъ былъ увѣренъ въ немъ, что онъ не сдѣлаетъ такъ, какъ этотъ «мѣщанинишка», которому нечего терять. Леня долженъ принять разрастающееся дѣло, ставить новый заводъ, поднять фамилію, жениться и продолжать родъ.

Долго мы въ тотъ вечеръ сидѣли всей семьей на лавочкѣ, сидѣли и молчали. Гришка и Архипъ водили лошадей, слышался въ тишинѣ равномѣрный ударъ копыта, довольное отфыркиванье сытой лошади, да изрѣдка краснымъ огнемъ сверкала изъ-подъ подковы искра въ опустившейся темнотѣ. Трубы черными шашками рѣзали еще свѣтлое небо. Тамъ, въ небѣ, рождались звѣзды; блеснула изъ-за края крыши точка, стала ползти, шириться, и выдвинулся ясный рогъ моложака-мѣсяца.

— Мѣсяцъ новый народился, смотрите!—сказалъ чей-то молодой голосъ.

— Спать пора! —глухо отозвался дядя Захаръ, вздохнулъ и поднялся.

Ярче и ярче звѣзды въ небѣ, свѣтлѣе мѣсяцъ съ острыми рожками, гуще тѣни въ углахъ нашего стараго двора.

Дня черезъ два послѣ этого вечера какой-то молодой человѣкъ,

съ шапкой волосъ подъ пуховой шляпой и въ крылаткѣ, спрашивалъ у Гришки, дома ли Алексѣй Хмуровъ.

— Здѣсь, здѣсь!—крикнулъ Леня изъ кабинетика.

Онъ выбѣжалъ на крыльцо, крѣпко пожалъ руку молодого человѣка, собрался и ушелъ вмѣстѣ съ нимъ.

Появленіе человѣка въ крылаткѣ сейчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ всему двору. Особенно интересовались—почему «онъ» не зашелъ въ покои.

— Какъ мышъ летучій... и строгой такой,—говорилъ Гришка.— А сапоги-то у ево...

Леня вернулся скоро, взялъ у дяди денегъ и куда-то отнесъ.

— Такъ... товарищъ одинъ... проѣздомъ.

— Обираютъ тебя они, простоту. И ни одного-то порядочнаго товарища нѣтъ у тебя... Рвань какая-то все.

— Это мое дѣло.

— Вижу, что твое... Вонъ у Феоктистова тоже сынъ въ Питерѣ. Что съ нимъ не знаешься?

— Я по ресторанамъ не люблю...

— Ну вотъ... Да что я хуже буду, ежели въ ресторанъ закачу, а?

— Это мое дѣло.

— Наладилъ!... Всегда такъ. Съ тобой, какъ съ человѣкомъ, толкуютъ, а ты... Эй, Гриша! Ты, слушай, чортъ, а не ори «чево!» Заложить «Строгова»!

XIV.

Близилась Пасха. Леня пріѣхалъ еще на 6-й недѣли поста. Я нашелъ въ немъ большую перемѣну: похудѣвшее лицо приняло выраженіе грустной озабоченности, а надъ переносьемъ рѣзко обозначались складки, какъ у дяди Захара. Онъ ни разу не съѣздилъ навѣстить «берлинъ», и дядя старался узнать, не боленъ ли онъ. У насъ говорили, что это все отъ любви, по мнѣнію же дяди оттого, что Леня насилуетъ себя и не живетъ, какъ мужчина.

Цѣлые дни Леня проводилъ въ кабинетикѣ, даже запирался. Что онъ тамъ дѣлалъ? Этого не знала даже бабка Василиса, такъ какъ отверстіе въ замкѣ было заложено бумажкой.

Прибирая комнатку, тетя Лиза нашла на столѣ конвертъ съ невиданной маркой.

— Это откуда же?... Марка-то чудная...

— Ахъ, ну, что вамъ нужно?... Марка и марка!...

Настенька... и съ ней что-то не ладится у Лени. Они рѣдко встрѣчаются въ садикѣ, и Настенька часами простаиваетъ въ верхнихъ сѣняхъ у окна. Положимъ, дни-то такіе, страстные дни...

Вездѣ такая азартная чистка, что радъ забраться куда-нибудь въ щель и проспать до полночнаго звона.

Насъ подымаютъ съ пяти утра, гоняютъ къ утрени, «часамъ» и къ обѣдни. Какая тоска!... и как неотвязчиво стоитъ въ ушахъ стенящій напѣвъ: «иже въ девя-а-тый часъ»... А какъ хорошо на дворѣ!... Задорно и страстно верещатъ воробьи въ тополѣ подъ окномъ, скворецъ потрескиваетъ на прутѣ у скворешни на зорькѣ... Слышно, рѣка уже прошла... А весенній запахъ навоза, прѣли и земляной силы, чтò льется неизвѣстно откуда, веселый грохотъ колесъ!...

Въ сараѣ булочникъ уже мнетъ творогъ въ кадушкахъ и руками выдавливаетъ въ формахъ «пасхи». У Трифоныча выставленъ на окнѣ большой ящикъ съ красными яйцами, и Степка уже лакомится ими подъ навѣсомъ.

Въ четвергъ я причащался и въ особенно мирномъ настроеніи сижу на лавочкѣ, противъ кабинетика. Окно выставлено и зеленая занавѣска играетъ подъ вѣтромъ.

Сколько воспоминаній вызываетъ это окно, крыльцо съ разъѣхавшимися ступеньками и узорнымъ карнизомъ, дряхлая галлерейка, гдѣ на солнечныхъ квадратахъ грѣются потомки цѣлаго поколѣнія «мушекъ» и «жуликовъ».

Теперь въ большихъ комнатахъ дяди Захара, съ натертыми, желтыми отъ мастики полами, тихо и чинно. Тянутся вытянутые изъ чулана ковры, тихо мигаютъ лампады въ углахъ, ярко блеститъ чищенный кирпичомъ мѣдный крестъ въ комнаткѣ бабки Василисы, плаваютъ струйки регальнаго масла и ладана. Выкуриваютъ будни, хотятъ не только полы и стѣны, хотятъ даже воздухъ перемѣнить, силой ввести праздникъ въ покои. Но суеты, будничной суеты еще больше.

Бабка Василиса переживаетъ кризисъ: ее рвутъ на части. На погребицѣ висятъ грязные мѣшки съ творогомъ, стоятъ рѣшета съ «откидкой», на тоненькихъ ножкахъ протянулись рядками пузатыя «пары»; плаваютъ въ банкахъ жирные комья масла, падаетъ съ «мѣшалокъ» сметана. Бабка рвется и въ церковь, и на погребицу, но погребица захватываетъ сильнѣе.

Мальчишки изъ трактира и старички изъ богадѣльни не покидаютъ двора, тянутся длинной вереницей и позвякиваютъ пятаками. Цѣлая лабораторія на погребѣ: идетъ въ дѣло и подгнившій творогъ,

сдобренный свѣжимъ, и снятое молоко съ мучкой, и «задумавшіяся» сливки.

Приглашенный «рѣзникъ» выкраиваетъ изъ теленка котлеты для господъ и грудинку «людямъ».

На кухнѣ чадъ, сутолока и тревога...

Дядя Захаръ говѣетъ и будетъ причащаться въ Свѣтлый день за обѣдней. Отданъ строгій приказъ никого не пускать «за деньжонками».

Я вижу, какъ дефилируютъ печники, подрядчики, трубочисты, каретники, лавочники, всѣ... Дяди нѣтъ дома и—«послѣ праздника приходите». То и дѣло гремитъ съ галлереи:

— Сказано—дома нѣтъ!... Въ шею гони!... Послѣ праздника!

Всѣ слышутъ, протестуютъ, конечно, но Гришка сторожитъ двери и не пускаетъ. Старая, смѣшная исторія!...

Я сижу и смотрю на зеленую занавѣску. Ее шевелитъ вѣтерокъ, и я вижу блѣдное, красивое лицо Лени.

— Здравствуй, Леня!

— А-а... здорово. Ну, какъ дѣла?... Учишься?

— Ничего... Я уже въ четвертомъ...

— Такъ...—онъ подходитъ къ окну.—Весна пришла, Колюшка... Скоро экзамены?

— Да. И у васъ тамъ тоже экзамены?

— Да, и у насъ...

Онъ облакачивается на подоконникъ и смотритъ внизъ, на плиты подъ окнами, какъ давно-давно, когда, бывало, еще мальчуганомъ свѣшивалъ свою курчавую голову внизъ, стараясь плевать въ одну точку. Занавѣска шелеститъ за его головой, вздувается пузыремъ и, надвигаясь, то закрываетъ лицо, то опять откидывается въ комнату.

— Почтальонъ не проходилъ?

— Кажется, нѣтъ... не видалъ.

Вотъ и Пасха. Мы ходимъ въ тотъ домъ христосоваться. Все одно и то же, неизмѣнно: столикъ съ закусками у печки, рядъ бутылокъ съ разноцвѣтными пробками, попы и монахи, монашки и дѣловые поздравители.

Вечеромъ въ садикѣ Настя и Леня. Томительной грустью и жуткимъ молчаніемъ вѣетъ. Тихо-тихо говорятъ они. И, кажется, нѣтъ прежняго увлеченія, не слышно поцѣлуевъ, и горничная уже не бѣгаетъ звать ужинать.

Настенька проходитъ поникшая, кутаясь въ вязаный платочекъ, Леня еще долго бродитъ одинъ въ глухихъ сумеркахъ, надвинувъ лобъ шляпу.

Кирпичники толкутся на дворѣ съ третьяго дня Пасхи: происходитъ наемъ, и Гришка подсчитываетъ пятаки. Какъ это все надоѣло,—эта вѣчная смѣна одинаковыхъ сценъ, тусклыхъ своей стихійной будничностью и ненужностью. Бѣжитъ жизнь,—и ничего новаго; все старо и скучно, какъ стары и скучны сѣрыя стѣны сараевъ. Неужели еще десятки и сотни лѣтъ будутъ толпиться *они*, всегда понурые, мрачные, грязные и вздыхающіе?... И кажется мнѣ, что это, дѣйствительно, что-то стихійное. Дядя Захаръ сойдетъ въ могилу, а кирпичники, и всѣ тѣ же, въ такихъ же заплатанныхъ полушубкахъ и азямахъ, лаптяхъ и сбитыхъ сапогахъ, будутъ толпиться, спать на помостѣ у сарая, жевать хлѣбъ, курить вертушки, сплевывать и говорить все такъ же малопонятно и несуразно.

— Да... сталыть, по три съ гривной... Выволочили глину почитай къ Покрову всею... лопатошники, сталыть...

— И што-жъ, къ Жучкину пойдемъ... и харчъ лутче...

— Квасъ обязательно даетъ... да... Сидора-то Пахомку-то?... Передъ масляной помёръ... Грызь у ево заходила...

— Защемилась она... упутрю прошла...

— И напала эта самая вошь... си-ила!... Откеда берется...

Я вижу, какъ тощій кирпичникъ бьетъ «силу» и стряхиваетъ съ овчины.

— Ты, чо-ортъ!... тряси!...

— А што? Ѣсть мнѣ ее—чтто ли?... Претъ вить!...

Боже, Боже! Какія лица! Какіе рубцы на щекахъ, какія скулы, съ черной, потрескавшейся кожей, какія мозоли и синеватыя болячки на узловатыхъ пальцахъ!... Какіе поломанные, кривые, желтые ногти, волдыри на лицахъ, заплаты и швы на тѣлѣ, азямахъ и полушубкахъ!...

Я уже знаю, что не изъ тридесятаго царства, не «оттуда» приходятъ они и не «туда» пойдутъ въ дожди и стужу по грязнымъ дорогамъ. Дѣтство прошло, розовая, таинственная дымка разнесена вѣтромъ, растаяла. Я знаю, откуда приходятъ они и куда пойдутъ. И уже теперь начинаю я думать о нихъ, и сердце начинаетъ сжиматься, когда я смотрю на эту пугливую, несуразную и обманутую толпу, на эти корявыя руки, вѣчно таскающія и формующія кирпичи, и ноги, прыгающія въ мокрой глинѣ.

Леня смотритъ на нихъ изъ своего кабинетика и слушаетъ. И онъ знаетъ больше моего.

А юркій Александръ Ивановъ выскакиваетъ изъ конторки съ листкомъ и карандашикомъ на бечевкѣ и кричитъ:

— Эй, вы, судари!... Выходи! Обжигало! Кто обжигало?

Я обжигало, Конопаткинъ!... Съ праздничкомъ, Ляксандра Иванычъ, Христосъ Воскресъ!

Александръ Ивановъ не рѣшается сказать «воистину», но Конопаткинъ какъ-то размякъ весь, сдернулъ къ уху картузъ, утерся и уже протягиваетъ синеватыя губы.

XV.

Леня уѣхалъ въ субботу на Пасхѣ и уѣхалъ внезапно. Еще въ четвергъ онъ ходилъ по саду съ Настенькой, еще въ пятницу утромъ собирался съ дядей ѣхать послѣ обѣда на заводъ, заходилъ въ конюшню посмотрѣть «Жгута».

Казалось, вся хандра и безпокойство пропали. Казалось, такъ все хорошо и ладно въ томъ домѣ.

На галлереѣ пили послѣобѣденный чай, и я, поощряемый тетей Лизой, уписывалъ варенье. Леня читалъ газету, дядя Захаръ ругалъ въ окно Архипа.

— Телеграмма,—сказала горничная, подавая Ленѣ пакетикъ.

— Откуда еще?—спросилъ дядя Захаръ.

Леня прочелъ, и лицо его поблѣднѣло. Онъ весь какъ-то встряхнулся и поднялся. Тетя Лиза смотрѣла на него испуганная, спрашивающая.

— Что такое?... О чемъ?—спрашивалъ дядя.

— Я ѣду... сегодня... ѣду въ Петербургъ!

— Новости еще!... Ну, какого чорта, ей-Богу!—дядя раздраженно сбросилъ ладонью крошки со стола и задергалъ глазомъ.— Пріѣдетъ на недѣлю и бѣжать...

Я видѣлъ, какъ вздрагивала у Лени верхняя губа, но онъ старался сдержать волненіе.

— Леня, зачѣмъ?... Вѣдь ты же Ѳоминую хотѣлъ...—едва-едва могла выговорить тетя Лиза.

— Оставьте его!... Вѣдь это вотъ что...—постучалъ дядя объ столъ.

— Да... мнѣ необходимо... въ среду экзамены...

— Слушаюсь-съ, слушаюсь-съ!... Хоть совсѣмъ!... Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ!

— Ахъ, ну, если нужно!... Ну, мама, пойдемъ укладываться.

Я смотрѣлъ на неспокойное, напряженное лицо Лени и по глазамъ видѣлъ, что что-то не такъ. Дядя Захаръ съ трескомъ отодвинулъ стулъ и прошелъ въ залъ. Тамъ онъ долго ходилъ, треся своимъ хохломъ, курилъ кручонку и чвокалъ зубомъ. Подошелъ къ кабинету и открылъ дверь.

— Алексѣй!... Оставайся, нечего дурака строить... Слышишь?

— Нельзя. Вѣдь скоро опять пріѣду...

— А вы чего, чего вы?—накинулся дядя на тетю Лизу.—Къ чорту эти ваше слезы!... И безъ васъ тошно...

Я заглянулъ въ кабинетикъ. Тетя Лиза нагнулась надъ чемоданомъ, складывая крахмальную рубашку, которая никакъ не умѣщалась въ отдѣленіе. Я понималъ, что̀ она переживала въ эти ужасныя минуты внезапнаго разставанья, она, жившая однимъ имъ, на кого она не могла вдосталь наглядѣться, первенцемъ и единственнымъ. А онъ такъ всегда мало говорилъ съ ней, такъ мало... Онъ уѣзжаетъ отъ праздниковъ, а вѣдь у нея тогда только и былъ праздникъ, когда былъ при ней онъ, хотя бы въ своемъ кабинетикѣ, ея Леня. Ему она приготовляла любимыя кушанья, предупреждала всѣ его желанія; ходила на цыпочкахъ, когда онъ спалъ; сама постилала постель на диванчикѣ и оправляла лампадку, которую онъ тушилъ. Она простаивала за полночь передъ широкимъ кіотомъ, молилась, вынимала заздравныя просфоры... Она перенесла его портретъ въ спальню, чтобы и ночью видѣть его.

— Носки вотъ тутъ... мыло вотъ...

Дядя Захаръ мрачно смотрѣлъ, держась за косякъ. Леня стоялъ у окна, подперевъ рукой подбородокъ. Зеленая занавѣска откинулась вѣтромъ, открывъ старый дворъ, садикъ позади, дряхлый амбаръ, сѣни на третьемъ этажѣ.

— Полотенце... вотъ тутъ... ночныя рубаш...

Тетя Лиза истерически вскрикнула и склонилась надъ чемоданомъ. Къ ней бросился Леня, поднялъ и отнесъ на диванъ. Онъ... онъ плакалъ...

— А, чортъ... Полька! Полька!... Куда васъ чортъ уноситъ... воды дай!... Ну, мечись, чортова кукла!...

Дядя скрипнулъ зубами и загромыхалъ по залу.

— А ты чего тутъ, не до тебя!...

Я, конечно, исчезъ.

Въ каретномъ сараѣ Архипъ спѣшно закладывалъ экипажъ. Въ кухнѣ бабка Василиса увязывала кульки и свертки.

Передъ отъѣздомъ, когда я торчалъ наверху, у товарища, вошелъ Леня. Его приходъ удивилъ всѣхъ. Это былъ его второй приходъ. Настенька вспыхнула и поблѣднѣла. Леня посидѣлъ минутъ пять и всталъ.

— Счастливаго пути, счастливаго пути!—торопливо говорилъ старичокъ.—Тамъ у меня племянникъ въ департаментѣ...

Настенька прошла за Леней въ сѣни.

Я не утерпѣлъ и проскользнулъ слѣдомъ: конечно, они будутъ прощаться.

Въ нашихъ сѣняхъ, гдѣ никого не было, гдѣ стоялъ старый шкафъ и большіе сундуки, въ полутемномъ углу, они остановились и молчали.

Она покорно протянула ему руки, блѣдная, трепетная. Онъ взялъ ихъ, вытянулъ, откинулся и смотрѣлъ на нее сверху... и какъ смотрѣлъ!... Онъ точно хотѣлъ запомнить ея черты, восковое лицо, падающіе въ косу волосы и тихіе, молящіе глаза. Такъ прошло около минуты. Она вздрагивала. Сильнымъ порывомъ привлекъ онъ ее къ себѣ, сжалъ ея головку и поцѣловалъ. Такъ они стояли, точно замерли оба. А я, съ сжавшимся сердцемъ, смотрѣлъ черезъ баллюстраду лѣсенки.

— Прощай!—услыхалъ я шопотъ.

Наверху хлопнула дверь. Они вздрогнули оба, Леня вырвался и, быстро шагая черезъ ступеньки, побѣжалъ внизъ.

Настенька прошла мимо меня колеблющейся походкой, не замѣчая меня. А я... я спустился въ наши сѣни, сѣлъ на сундукѣ и плакалъ...

— Тпррру-у... тпррр...—съ грохотомъ выкатился экипажъ.

Укладывали чемоданы. Накрапывалъ дождь. Бабка Василиса, какъ тощая ворона, съ трясущейся головой, выглядывала съ галлереи и крестила внука. Тетя Лиза повисла на шеѣ у Лени. Дядя Захаръ, въ пальто, стоялъ на крыльцѣ, и его хмурое лицо съ сдвинутыми бровями было блѣдно и судорожно подергивалось. Онъ тоже крестилъ Леню и ругался на кучера, что не пристегнули фартука. Старичокъ Трифонычъ нѣсколько разъ приподымалъ картузъ, что-то высказывалъ, но его не замѣчали. Сперва сѣлъ, сильно качнувъ пролетку, дядя Захаръ, потомъ Леня въ черномъ пальто и пуховой шляпѣ, съ сумочкой черезъ плечо. Садясь, онъ остановился въ пролеткѣ, мелькомъ оглянулъ старый нашъ дворъ и садикъ. Дряхлый «Бушуй» глухо и отрывисто лаялъ изъ конуры. Леня приподнялъ шляпу и поклонился кверху. Тамъ, высунувшись до пояса, лежала на подоконникѣ Настенька.

— Счастливо отправляться...—заговорили кругомъ.

— Держи ворота!—крикнулъ дядя Захаръ.—Опять пьянъ, чортъ!... Держи ворота!...

Тетя Лиза прижимала платокъ къ глазамъ.

— И такъ дождь идетъ!... Ступайте къ себѣ!... Ну, съ Богомъ!

— Леня!... прощай!—крикнулъ я рѣзко, даже испугался своего голоса.

Онъ обернулся ко мнѣ, взглянулъ растерянно и замахалъ головой, берясь за шляпу.

Уѣхали.

XVI.

Послѣдніе дни апрѣля, но погода холодновата, небо въ облакахъ, перепадаютъ дожди, и нашъ дворъ плачетъ гнилыми стѣнами сараевъ. И садъ нашъ плачетъ поломанными сучьями, разбитымъ заборомъ и убогой бесѣдкой, когда-то нарядной и пестрой. Глухо бьетъ копытомъ застоявшійся «Жгутъ», рѣдко скрипятъ творила каретнаго сарая. Дядя Захаръ скученъ, не ѣздитъ на заводъ, и только Александръ Ивановъ выкатываетъ раннимъ утромъ на дрожкахъ.

Я часто поглядываю на кабинетикъ. Тамъ пусто. Зеленая занавѣска за стекломъ укрыла его скромныя стѣны и клеенчатый столъ.

Тетя Лиза ѣздила къ Троицѣ, и о. Варавва благословилъ ее просфорой,—признакъ благодати, какъ полагаютъ у насъ.

Какъ-то заявился въ тотъ домъ дурачокъ «Пискунъ», большой охотникъ до лоскутковъ.

— Охъ, много у тебя лоскутковъ... много... Дай лоскутковъ Пискуну...

«Много лоскутковъ!... много!!...»—въ этихъ словахъ полагали глубоко-сокровенный смыслъ. Были слезы. Пискуну, съ подвязанной по бабьи щекой и рыжей бородкой, навязали самыхъ лучшихъ лоскутковъ, и онъ вылетѣлъ съ ними изъ воротъ, роняя ихъ по двору, а съ галлереи неслось:

— Всякую шантрапу пускаютъ!... Гришка!!... я тебя, подлеца, въ три шеи со двора!...

Вечерами дядя Захаръ ходитъ по темному залу; глухо отдаются въ пустомъ домѣ пудовые шаги; тетя Лиза одна сидитъ въ спальнѣ передъ вѣчной грудой бѣлья, а маятникъ въ столовой идетъ-идетъ, отсчитывая секунды скучнаго вечера. Только бабка Василиса, какъ perpetuum mobile, не забываетъ своего дѣла и возится у коровника, выкидывая вилами навозъ. Да, истинно perpetuum mobile! А когда-то она была первой красавицей и кружила головы ловкимъ молодцамъ изъ купецкаго рода, въ лаковыхъ сапогахъ и косоворотках подъ длиннополыми кафтанами. Давно... давно... Теперь косточки этихъ ядреныхъ молодцовъ гніютъ подъ старыми липами единовѣрческаго кладбища.

Сны... Всѣ видятъ необычайные сны. Разговоры о нихъ прочно вошли въ обиходъ двора, какъ теперь утреннія газеты. О снахъ въ кухнѣ докладываютъ наверху, о снахъ наверху разсуждаютъ на

кухнѣ. Сны подъ пятницу—сны особенные, и я увѣренъ, что Гришка вретъ, такъ какъ ему именно и снятся сны подъ пятницу. Онъ разсказываетъ о кучахъ серебра, о провалѣ крыши и о ямѣ «на самой то-ись середкѣ двора».

Сегодня середа, но я видѣлъ сонъ тяжелый, кошмарный. Онъ давитъ меня, и я въ тоскѣ хожу по садику, гдѣ еще недавно ходили *они*, и думаю, думаю объ охватившей меня тревогѣ. Она будетъ расти къ ночи—я знаю, и я боюсь ночи, боюсь пустоты и сгустившихся тѣней у бесѣдки. Въ этихъ тѣняхъ и закоулкахъ притаились тайны, стерегущія, будущія... Я хожу по садику и боюсь ночи. А она надвигается въ пустотѣ и тоскѣ. И вокругъ разлита эта пустота и тоска, тоска. Точно уже ничего нѣтъ для меня ни позади, ни впереди,—одна эта тяжелая мысль о ночи, одинъ страхъ...

«Жулики» и «мушки» съ звонкимъ лаемъ «приняли» кого-то, и отсюда кажется, что они рвутъ этого кого-то... Это, конечно, почтальонъ, кого они терпѣть не могутъ. Я хожу...

Кто-то дробью скатился съ галлереи, хлопнуло окно, скрипнуло творило сарая. По двору пробѣжала Полька.

— Григорій!... Григорья!... Гришка!...—раздается отчаянный, взвизгивающій голосъ Польки.—За дохтуромъ бѣги!...

Стучатъ копыта по настилу. Архипъ торопливо выводитъ «Строгаго»... Какая тревога!... Я бѣгу въ страхѣ, спрашиваю...

Телеграмма пришла изъ Питера... Лексѣй Захарычъ при смерти... На машину ѣдутъ...

Архипъ никакъ не можетъ попасть дугой въ петлю. Лошадь не стоитъ, оглобли падаютъ, хлопаютъ двери на галлереѣ, кто-то быстро-быстро пробѣжалъ со свѣчой, мелькнула тѣнь на потолкѣ и провалилась.

Я стою... Въ ушахъ отдается безсмысленное «при смерти»...

Я бѣгу къ себѣ. Тамъ всѣ сбились въ передней и молчатъ.

Смотрятъ другъ на друга и молчатъ. Мать накидываетъ платокъ на плечи и почти бѣжитъ въ тотъ домъ.

Сестры въ уголкѣ плачутъ. Чего онѣ плачутъ?... Я такъ странно спокоенъ, и для меня все это невѣроятно.

— Можетъ быть, адресъ перепутали,—говоритъ кто-то и сейасъ же отвѣчаетъ:

— Да нѣтъ... не можетъ быть... Этимъ не шутятъ...

Я уже не боюсь ночи и темноты, иду въ залъ, припадаю лицомъ окнамъ и смотрю въ тотъ домъ. Кабинетикъ глядитъ чернымъ азомъ, въ окнахъ зала черно, и только въ дальней комнатѣ, за гонной,—золотая полоска плохо прикрытой двери.

Въѣзжаетъ извозчикъ, бѣжитъ запыхавшійся Гришка и тяжело взбирается на ступеньки крыльца грузная фигура старика-доктора.

«Туда» я боюсь идти. Я боюсь горя, я боюсь взглянуть на дядю Захара и тетю Лизу, которая бьется теперь на полу.

Поѣздъ идетъ въ 10, а теперь уже около 9.

Распахнулась парадная, выходитъ докторъ и пропадаетъ въ воротахъ. Гришка стоитъ съ разбитымъ фонаремъ, въ которомъ оплываетъ свѣча, и тѣнь «Строгаго» мечется по бѣлой стѣнѣ и уходитъ подъ крышу. Громадное колесо захватило весь нижній этажъ красивой черной звѣздой. Я открываю окно. Тетя Лиза почти бѣжитъ съ лѣстницы, прыгаетъ въ пролетку, не попадаетъ на подножку и обрывается. Ее подсаживаетъ Гришка. Дядя Захаръ, сутуловатый, съ низко надвинутымъ козырькомъ, медленно, переваливаясь, спускается сверху, и слышно, какъ жалобно попискиваютъ ступеньки.

Кто-то плачетъ тоненькимъ, слабенькимъ голоскомъ.

Кто это? Полька?... Нѣтъ, она пристегиваетъ фартукъ и что-то кладетъ кучеру въ ноги. Кто же?

Бабка Василиса... Согнувшись, сидитъ она на нижней ступенькѣ лѣсенки и плачетъ.

Протягивается палецъ дяди Захара, толкаетъ Архипа...

Въ тишинѣ падающей ночи гремятъ колеса, и не слышно обычнаго: «держи ворота!»

Темно въ моей комнатѣ. Я лежу и не могу собрать бѣгающія мысли. Тоска, но страха нѣтъ. Вскакиваютъ вопросы: почему? какъ? и уходятъ безъ отвѣта. Стукъ въ стекла. А, дождь пошелъ... Ярко мигнула комната и ушла. Громъ гремитъ... А глухо гремитъ громъ въ городѣ подъ крышами... Я у окна. Вотъ онъ, нашъ старый дворъ! Онъ ярко вспыхиваетъ и тонетъ.

И какой громъ! Точно высыпали на крыши груды камней. Какой ливень!...

Назойливо мычатъ въ сараѣ коровы: должно быть, ихъ не доили сегодня.

Поздно ночью звонокъ у воротъ. Я не сплю, слушаю, жду... Звонокъ у нашей парадной, шумъ и бѣготня въ комнатахъ. Выглядываю въ столовую. Бабка Василиса, промокшая и еще болѣе похудѣвшая, принесла телеграмму: она неграмотна.

«Вашъ сынъ... скончался»...

Надъ моей головой тревожные, мягкіе шаги...

Что тамъ?

XVII.

Онъ вернулся, но не вступилъ въ ворота.

Онъ вернулся...

Какая унылая погода, почти осенній дождь, и какъ хмуро смотритъ мокрый колодецъ съ зеленымъ конькомъ.

Его привезли въ горбатомъ ящикѣ, обитомъ бѣлой парчей и со стекломъ въ головахъ. Нагло глядитъ этотъ неуклюжій ящикъ съ бѣлаго катафалка съ намокшими ватными султанчиками. Это не простой ящикъ, сбитый въ лавкѣ питерскаго гробовщика: это работа безсмысленнаго перста стихійной силы.

Я стою неподалеку, гляжу на ящикъ и не могу считать его гробомъ, не могу плакать и страдать. И не одинъ я: всѣ, всѣ, куда ни взглянешь. У всѣхъ деревянныя лица, всѣ неопредѣленно смотрятъ на бѣлые султанчики, вѣнки, на волочащіяся по грязи кисти покрова, на ящикъ... И они не вѣрятъ.

Слова литіи вырываются вѣтромъ, несутся по грязной улицѣ и таютъ въ мелкой дроби дождя.

«По-да-а-ждь... Го-спо-ди»...

Кто-то вскрикиваетъ, но процессія уже ползетъ, и Александръ Ивановъ подхватываетъ забытый кѣмъ-то у воротъ зонтикъ. У колеса двигается дядя Захаръ, держась за колонку, и смотритъ на переступающія ноги. Я вижу его шершавое пальто и только. Тетю Лизу усадили въ карету и даютъ нюхать спиртъ.

Широкія ворота монастыря приняли ящикъ, черный хвостъ процессіи и не закрылись, точно ждали еще...

Сотни грачей и галокъ гремѣли въ вершинахъ монастырскаго сада.

Стройно отдавались подъ старыми сводами «надгробныя рыданія» монаховъ, и вспугнутой птицей бился въ куполѣ чей-то крикъ.

«Послѣднее цѣлованіе»...

Но его нельзя дать: *онъ* запертъ въ ящикѣ, засмоленъ, завинченъ; *онъ* глядитъ въ стекло закрытыми глазами.

И всѣ спѣшно подходятъ, взбираются на ступеньки и долго глятъ, думаютъ надъ стекломъ, какъ кажется. Ящикъ ждетъ... Я заглядываю въ глубину, въ сумракъ... Темное лицо съ прищуреннымъ глазомъ. *Онъ* спитъ... Я вижу крѣпкіе, бѣлые зубы, дядинъ носъ съ горбинкой и черную прядку на лбу...

Тихія сумерки надъ бѣлыми березами, дорожка подъ бузиной... шаги, шопотъ, смѣхъ... тѣни сгустились за бесѣдкой... бѣлая кофточка...

«Почтальонъ еще не проходилъ?»

Вѣдь это было недавно, вчера, совсѣмъ вчера...

Онъ скрюченъ въ ящикѣ, *его* колѣни уперлись въ завинченную крышку. Оттого такой ящикъ, и всѣ такъ странно смотрятъ.

Зачѣмъ это? кто завинтилъ *его?* какая сила?...

...Святый, Безсмертный по-ми-лу-уй насъ...

Ящикъ плыветъ въ черной волнѣ. Плачетъ стекло подъ дождемъ. Печально шумятъ старыя липы...

Поворотъ, послѣдній поворотъ, камень и желѣзо рѣшотокъ. Яма и желтый бугоръ грязной глины. Мостки... и молодцы въ коленкорѣ прикидываютъ, какъ бы половчѣе «спустить».

— Готово?...

— Пуска-ай...

Удачно. Не зацѣпило нигдѣ, не тряхнуло, и спѣшно рокочетъ веревка, спѣшитъ выбраться къ свѣту.

Въ могилу глядятъ двое блѣдныхъ, плохо одѣтыхъ людей. На нихъ форменныя фуражки, запачканные грязью высокіе сапоги. Они пріѣхали проводить изъ далекаго Питера и, угрюмые, шли за гробомъ. Они не знали никого изъ этихъ чуждыхъ имъ людей; они удивлялись, конечно, что это *его* родные—эти почтенныя барыни въ шляпахъ со стеклярусомъ, солидные люди въ картузахъ,—эти ветхія старушки въ платкахъ, салопахъ и шляпахъ. Они знали *его.*

Бабка Василиса, еще болѣе высохшая, укутанная десяткомъ платковъ, сидитъ на чужой могилѣ и вертитъ бѣлый комочекъ. Она убита, эта семидесятилѣтняя хлопотунья. Тетю Лизу, съ вспухшимъ лицомъ и поникшую, словно уснувшую, держитъ лысый купецъ-дисконтеръ, держитъ неуклюже огромными лапами,—и ни тѣни мысли на его чугунномъ лицѣ. Востроносый Трифонычъ усердно крестится на березу. Дядя Захаръ... Дядя Захаръ страшенъ застывшей фигурой, почернѣвшимъ лицомъ, ввалившимися подъ лобъ глазами. Въ немъ затаилось жестокое что-то, жуткое. Онъ сжимаетъ чугунную головку рѣшотки. Страшная тяжесть давитъ его къ землѣ, но онъ только пригнулся, затаился и думаетъ, думаетъ...

Александръ Ивановъ суетится съ кутьей, которую пристроилъ на сосѣдней могилѣ, мимопутно зажигаетъ гаснущую на кутьѣ свѣчку, вѣжливо шныряетъ въ толпѣ, отбираетъ свѣчи, тушитъ, шепчется съ регентомъ, гоняетъ старухъ, прыгаетъ по могиламъ, мѣшаетъ.

Стали отходить. Человѣкъ въ митрѣ слабо взмахнулъ на прощанье кадиломъ...

— Прикажете подать дрожки?—подскочилъ Александръ Ивановъ.

Дядя Захаръ не отвѣтилъ, подошелъ къ бугорку, постоялъ... Покачалъ головой и пошелъ по могиламъ, не надѣвая картуза. Лилъ дождь. Грачи протяжно шумѣли въ вершинахъ.

— И вы пожалте-съ... помянуть покойника... въ собственномъ домѣ-съ на...

Александръ Ивановъ уже вертѣлся возлѣ пріѣзжихъ въ потертыхъ пальто.

Они ничего не сказали и подошли къ могилѣ.

Въ уходившей толпѣ я замѣтилъ знакомое, восковое лицо. Кажется, это была *она*...

Глухо катили кареты и пролетки, шли пѣшеходы.

Лихо, обгоняя всѣхъ и спѣша поспѣть раньше и «встрѣтить», прогремѣлъ на дрожкахъ Александръ Ивановъ съ кутьей.

XVIII.

У насъ опять всѣ говорятъ шопотомъ, какъ когда-то давно, давно...

Вчера ночью въ томъ домѣ были «полицейскіе и жандармы», перерыли весь домъ и даже комнатку бабки, чердакъ и чуланы, нашли какія-то «банки и трубки» и уѣхали только подъ утро.

— Ужъ это вѣрно...—говорятъ у насъ.—Вонъ *онъ* какой оказался... Ну, теперь понятно... Либо *тамъ* съ *нимъ* покончили, либо самъ...

Я вижу, что у насъ знаютъ что-то. Я чувствовалъ это, еще въ день похоронъ, но теперь знаю и я. Такъ вотъ что!...

— Къ генералъ-губернатору поѣхалъ съ Петромъ Иванычемъ... А то теперь «затаскаютъ»...

Петръ Иванычъ—нашъ родственникъ, котораго знаютъ даже министры.

— Прямо выродокъ изъ семьи!... Позоръ-то какой, Господи!... Вотъ, вотъ... наказалъ-таки Богъ... сыномъ наказалъ... Сколько народу слезъ отъ него пролили...

Все отодвинуто: говорятъ только о «позорѣ» и «наказаніи». И понемногу прислушиваюсь, ловлю и узнаю многое.

Я узнаю, что Алексѣй (его уже не называютъ Леня) былъ «у нихъ въ шайкѣ», былъ нигилистомъ, безбожникомъ, измѣнникомъ и самымъ послѣднимъ человѣкомъ». Онъ обиралъ дядю Захара для нихъ, этихъ изверговъ, идущихъ противъ всего. *Они* вызвали *его* телеграммой приготовлять динамитъ и готовить «покушеніе», но его накрыла полиція въ «мастерской», и онъ отравился «стрихниномъ».

— Вотъ его и скрючило... Вотъ Богъ-то какъ дѣлаетъ!...

Такъ вотъ оно что!... Такъ *онъ* былъ... Мнѣ вспомнились смутные страхи прошлаго... Опять встала передо мной, но уже въ болѣе ясномъ видѣ, та неизвѣстная, но существующая сила, *они*, которыхъ я когда-то боялся, которыхъ боятся у насъ. А я? Нѣтъ, мнѣ уже не страшно теперь. Нѣтъ, теперь я хочу знать ее, эту силу, «враговъ», *ихъ*... *Онъ* былъ *ихъ!*... И я не зналъ!... Совсѣмъ рядомъ, близкій, родной, Леня... Я могъ бы узнать отъ него все, обо всемъ... А теперь я не могу узнать и не знаю, отъ кого бы я могъ узнать *все*. Зачѣмъ *они* и кто? Мнѣ необходимо узнать все это, такъ какъ съ *ними* былъ Леня. Имъ я гордился, смотрѣлъ на него, какъ на самаго умнаго и лучшаго на нашемъ дворѣ, имъ хотѣлъ быть, когда подросту.

Ему уступалъ даже дядя Захаръ. Почему же *они* страшны, если Леня, такой замѣчательный человѣкъ, былъ среди *нихъ?*

И я почуялъ, что что-то не такъ, что у насъ совсѣмъ ничего не знаютъ о *нихъ* и напрасно боятся.

— Теперь всѣхъ переберутъ... того и гляди...

Кажется, этого-то и боятся. Но никого не «перебрали».

Всѣ газеты были собраны и... проданы въ желѣзную лавку. Говорили, шептались, заглядывали въ окна, ждали...

А въ томъ домѣ было такъ тихо и жутко. Тетю Лизу увезли въ Кіевъ, къ пещерамъ, а дядя Захаръ... Никто не зналъ, что дѣлаетъ въ кабинетикѣ дядя Захаръ, но скоро узнали.

— Запилъ...

На дворѣ безпорядокъ. Архипъ и Гришка забросили лошадей, напиваются съ ранняго утра и даже иногда не ночуютъ.

Александръ Ивановъ полный хозяинъ, грозитъ всѣхъ поставить на точку, «показать», разсчитать, но кучеръ и Гришка стоятъ другъ за дружку горой и требуютъ за пять мѣсяцевъ «зажитаго». Попрежнему мимо воротъ плывутъ неизвѣстно куда груженыя кирпичомъ подводы, и Александръ Ивановъ теперь ловко «нагрѣетъ руки», какъ говоритъ Трифонычъ. Бабка Василиса свалилась, и какая-то кривая старушка продаетъ молоко.

Да, все какъ будто остановилось и задумалось... Чувствуется, что въ нашей ровной и безмятежной жизни пробита брешь; чувствуется, что жизнь нашего двора съѣхала съ хорошо накатанной колеи и теперь пойдетъ... пойдетъ... Въ нее неумолимо и безвозвратно врѣзалось что-то, и она теперь будетъ ползти по швамъ, коробиться и распадаться. Этотъ распадъ, какъ кажется мнѣ теперь, начался уже давно-давно, когда дядя Захаръ купилъ себѣ къ свадьбѣ цилиндръ и брюки, когда стали нанимать молоденькихъ горничныхъ въ фартуч-

кахъ и крахмальныхъ юбкахъ, подписались на «листокъ», отдали Леню въ реальное училище, праздновали медаль и «берлинъ» трубами и фейерверкомъ, и Гришка нашелъ дорогу въ «библитеку». Она незамѣтно мѣнялась, наша жизнь, и вдругъ получила ударъ, задумалась и покатилась...

Теперь будутъ догнивать старые пни, и отъ старыхъ корней будутъ расти побѣги. И она пойдетъ, эта жизнь... Повалятся и уже валятся старые сараи и амбары, захватившіе добрыя полдесятины, упадутъ поломанныя березки въ садикѣ, слетитъ широкая, какъ дебелая купчиха, разноцвѣтная бесѣдка, и на мѣстѣ садика вытянется щеголевато-новый домъ съ доходными квартирами, клозетами и проведенной водой, на мѣстѣ ухабистой мостовой загудитъ трамвай, упадутъ деревянные столбики съ масляными коптилками и сверкнетъ голубой огонь электрическаго фонаря.

Она распадалась давно. Уже не выжигаютъ страстныхъ крестовъ на дверяхъ, не курятъ ладаномъ, хотя все еще «не ѣдятъ до звѣзды» и исправно ѣздятъ къ монахамъ...

На нашемъ дворѣ новые, упорные слухи. Ничего не было!... Не было ни «того» въ Питерѣ, не было никакой «химіи», не было полицейскихъ и жандармовъ, то-есть ровно ничего не было.

Леня, недавно стоявшій въ нашихъ сѣняхъ, въ уголку, и такъ глядѣвшій на Настеньку, красивый и рѣшительный,—погибъ отъ любви къ баронессѣ... Ему «не отвѣтили»,—и онъ отравился.

Пусть нашъ дворъ вѣритъ этому интересному слуху. Я не вѣрю. Гришка, купившій себѣ бронзовые часы, можетъ хоть двадцать разъ тыкать своимъ грязнымъ пальцемъ въ «листокъ». Пусть репортеры въ потертыхъ пальто привозятся почтеннымъ Петромъ Иванычемъ на собственныхъ рысакахъ, шепчутся въ залѣ и пьютъ коньякъ; пусть ихъ шустрыя перышки изображаютъ отчаяніе баронессы и пылкую страсть молодой натуры... пусть...

Я знаю все, все...

Какъ-то въ началѣ іюня захожу я въ тотъ домъ. Я хочу первый разъ въ жизни поговорить съ дядей, когда-то страшнымъ, теперь такимъ жалкимъ, какъ я предполагаю. Вхожу, чувствую знакомый запахъ кручонокъ.

Тетя Лиза! Я смотрю на нее, и кажется мнѣ, что я не видалъ ея давно-давно. Она, постарѣвшая, съ полупрозрачнымъ лицомъ, смотритъ такъ странно, почти испуганно. Я сажусь въ мягкое, старое кресло, молчу... Смотрю, какъ ровно двигается большая игла, штопающая неуклюжій носокъ, какъ шевелятся морщинистыя, потемнѣвшія вѣки. А гдѣ же голубые глаза и маленькія, розовыя губки?

Морщинки у носа, желтѣетъ кожа на лбу, и низко опущена сѣдѣющая голова. И вижу я, какъ тетя Лиза на моихъ глазахъ превращается въ маленькую, сморщенную старушку...

— Тетя Лиза, вы больны были?... то-есть, я хотѣлъ сказать, какъ дядя?...

— Онъ не совсѣмъ здоровъ... простудился...

Игла колетъ ея тонкій палецъ. Тихо. Я не вижу портрета: его убрали.

— Вы давно у насъ не были, тетя Лиза...

Она молчитъ и поддѣваетъ петли. Шлепаютъ туфли въ залѣ, и бабка Василиса проходитъ тѣнью.

— Можетъ быть, вы сегодня зайдете къ намъ?...

Мнѣ жалко тетю Лизу, но я не знаю, какъ вызвать ее изъ тяжелаго состоянія, которое она переживаетъ.

— Да... да... хорошо... Какъ здоровье мамаши?...

...Бухъ... бу-ухъ...

Что такое? Это тамъ, изъ кабинета...

Тетя Лиза опускаетъ чулокъ, смотритъ на кіотъ и вздыхаетъ.

— Захарушка!... что ты... Захарушка!...—слышится голосъ бабки.

Я впиваюсь глазами въ тетю Лизу и вижу слезы, слезы...

Бу-ухъ... бу-умъ... Я бѣгу.

За дверью кабинетика слышится бурчанье, глухой звонъ диванной пружины. Сильный ударъ въ дверь.

— Захарушка, отвори... Захарушка...

Бабка Василиса, заострившаяся, съ втянутыми щеками, держится за мѣдную ручку двери и проситъ.

— Л-ленька-а!... Л-ленька-а!...—всхлипываетъ осипшій голосъ и переходитъ въ бурчанье.

— Господа Бога вспомни!... вспомни Господа Бога!...

— Дьявола!... дьявола!...

Бабка Василиса закрещиваетъ дверь часто-часто и испуганно, растерянно озирается.

— Оставьте!... маменька, оставьте!...—съ мольбой шепчетъ тетя Лиза и машетъ рукой.

Меня охватываетъ тоска, страшная, давящая тоска. Я отхожу къ стеклянному шкафчику. Тамъ все тотъ же коричневый старичокъ въ шляпѣ, и веселый косецъ, и фарфоровая мышка...

Нѣтъ, я не могу больше, я бѣгу изъ этого дома, отъ этихъ блѣдныхъ, умирающихъ лицъ и водянистыхъ глазъ. Я бѣгу и... Въ углу,

у печки забытыя калоши... А. Х. А вотъ и старая трость, и хлыстъ на стѣнкѣ...

Онъ все еще здѣсь...

XIX.

Уныло ползутъ дни на нашемъ дворѣ, въ нашемъ домѣ. А въ томъ?...

Съ корнемъ вырванъ сильный отпрыскъ той линіи Хмуровыхъ, и намъ говорятъ, что та линія вымретъ—и къ лучшему. Чего хорошаго ждать отъ нея? Люди-то все какіе-то несуразные, крутые, взбалмошные...

— Дѣдъ-то его, дяди-то Захара, не то разбойникъ былъ, не то оголтѣлый какой-то... Какъ французъ приходилъ, такъ онъ по Москвѣ сновалъ съ шайкой, и не разберешь, кого глушили,—своихъ ли, француза ли... Супротивъ самого Наполеона, какъ пожары-то пошли, церкву Божію запалилъ на Зацѣпѣ... Вотъ Господь-то и покаралъ: сына-то старшого, брата-то дяденькинова, и прикончили парни въ рощахъ. Лю-утъ былъ покойникъ до дѣвокъ... у-у-у... Ужъ что дѣлалъ!... Сликонъ одноё увезъ тамъ-идѣ, рощи-то вотъ гдѣ сводили... Да подъ Москвой парни перехватили и порѣшили оглоблей... И тутъ кровь пролилъ—на смерть двоихъ изувѣчилъ... Да и всѣ они такіе—хватастые, прямо лютые... Дяденька-то Захаръ такой-то оттябель былъ!... Барку съ мукой на Москварикѣ своего кукурента на дно посадилъ изъ озорства... Забрался ночью да топоромъ днище и просадилъ... Ну, судились... чистъ вышелъ, какъ огурчикъ... И все дѣло запуталъ, и такъ подвелъ, что быдто кукурентъ самъ барку спустилъ... Барина тоже одново затащилъ на дворъ въ цилиндрѣ да подъ колодцемъ и выкупалъ, и пустилъ на протуваръ... И въ «титахъ-то» сидѣлъ, и къ губернатору вызывали... И того опделъ... Ну вотъ и вырастилъ сынка на позоръ... «Въ меня да въ меня...» Вотъ-те и «въ меня»...!

Такъ разсказывали у насъ о той линіи Хмуровыхъ, и я любилъ слушать и воскрешать ихъ хотя бы по дядѣ Захару. И они вставали передо мной въ освѣщеніи легендарномъ. Такими, думалъ я, были и Стенька Разинъ, и Пугачевъ... И я думалъ о нихъ, и любилъ ихъ. (...)куда они такіе?... Я не зналъ.

Дядя Захаръ, наконецъ, выползъ на свѣтъ Божій. Пора, такъ (...)къ Александръ Ивановъ уже третій мѣсяцъ всѣмъ кричитъ, что о(...)ь теперь здѣсь хозяинъ.

Да, онъ хозяинъ. Онъ уже сплавилъ кирпичъ куда-то на «новую с(...)ойку» и затѣваетъ «флигерь» на чистоту. Онъ уже перевелъ

кирпичниковъ на хозяйскій коштъ, кормитъ душистой капустой и червивой солятиной. Уже приходили ходоки съ завода и скрылись за рѣшеткой участка по случаю «скопа». Онъ уже ходитъ «брюки на выпускъ», старается говорить гуще, и Трифонычъ видѣлъ его въ Государственномъ банкѣ, въ отдѣленіи «вкладовъ».

И вотъ вышелъ дядя Захаръ.

Желтый, взлохмаченный, съ ввалившимися ястребиными глазами, онъ потянулся, расправляя затекшіе члены, забралъ воздуху и потребовалъ «лошадей».

Архипъ получилъ такой «анекдотъ», что дня два скрывался въ конюшнѣ. Лошади были запущены.

Когда проводили «Жгута», дядя Захаръ дернулъ глазомъ и отвернулся.

— Продать... Завтра чтобъ цыганъ взялъ!...

— Слушаю-сь...—покорно повторялъ Александръ Ивановъ.

Потомъ обошелъ дворъ, угрюмо глядѣлъ на сараи, конюшни, закоулки и лачужки. Все было старо, гнило, широко и скучно. Мрачно взглянулъ на покосившуюся галлерею, убожества которой точно не замѣчалъ раньше, махнулъ рукой...

— Плоха галдареечка-съ, рельцы бы подвести...—говорилъ Александръ Ивановъ, безъ картузика, слѣдуя тѣнью.

— Стойтъ...

Потомъ былъ въ конторкѣ и перешвырялъ книги. Потомъ двинулся на заводъ, разгромилъ и уѣхалъ въ городъ.

Вернулся онъ поздней ночью, пьяный, шумѣлъ на дворѣ и оборвалъ всѣ звонки.

Скоро цыганъ увелъ «Жгута», «Строгаго» и «Крутого», и остались въ конюшнѣ «Стервецъ» и «Злодѣй». Скоро каретникъ увезъ пролетку, маленькій шарабанъ, звонкій наборъ и троечный выѣздъ.

Все чаще и чаще просыпался я ночью отъ стука въ ворота и грома звонковъ. Бѣжали чьи-то шаги, и сиплый голосъ кричалъ:

— Дррыхнешь... чорртъ!... По-длецы!... дар-мо-ѣды!... Завтра же вонъ!... всѣхъ... всѣхъ!... Огня давай!...

Щелкаетъ форточка, и тетя Лиза жалобно проситъ:

— Захаръ Егорычъ!... да что ты ей-Богу... Да иди ты, Захаръ Егорычъ...

— Мол...чать!... куриные... мозги!... мозги!... Не ваше... дѣло!... Грришка!... огню!...

— Захаръ Егорычъ... людей-то посовѣстись...

— Огню!... стой... ты... чорртъ...

Гришка приноситъ фонарь, и вижу я, что дядя Захаръ сидитъ

на ступенькахъ крыльца. Картузъ на затылкѣ, пальто нараспашку, разстегнутъ жилетъ, и висятъ обрывки цѣпочки. Дядя бурчитъ, шаритъ въ карманахъ и перекладываетъ деньги. Громадная черная тѣнь ползаетъ по крыльцу широкими лапами, дергаетъ головой, и картузъ дядинъ падаетъ къ ногамъ Гришки. Тотъ подымаетъ его и чиститъ.

— Во-ды... во-ды!...—дико стонетъ дядя Захаръ.

Онъ раскачивается, тискаетъ взбитую голову, рветъ манишку, и золотая нагрудка со звономъ прыгаетъ по камнямъ. Гришка приноситъ воды и стоитъ.

— У-у-у...—стонетъ дядя.—Во-ды-ы... лей... лей... ле-ей...

— Захаръ Егорычъ... Господи!... голубчикъ...,—плачетъ тетя Лиза.

Она, въ бѣлой кофтѣ, со свѣчкой стоитъ у окна.

— Ле-ей... о-охъ... у-у-у...

Онъ стонетъ съ болью и глухо, и слышу я, какъ стучатъ его зубы. Наверху отворяютъ окно: слушаетъ кто-то...

Уже играетъ заря. Кричатъ пѣтухи на дворѣ. Бѣлѣютъ холодныя окна. Сипло крикнулъ ранній, проснувшійся грачъ.

...Ку-ку-ре-ку-у... ку-ку-ре-ку-у...—поютъ утренніе голоса.

Тускнѣетъ фонарь, и сонно клюетъ носомъ взбудораженный Гришка.

Грузно, держась за стѣнки крыльца, подымается дядя, и вижу я, какъ по осунувшемуся лицу ползутъ блѣдныя тѣни утра.

XX.

Три года прошло...

Я знаю, что дѣла дяди Захара рушатся, что Александръ Ивановъ грабитъ «въ обѣ руки», а дядя крутитъ съ утра и до ночи, швыряетъ деньги арфисткамъ и катаетъ ихъ дюжинами на тройкахъ. Говорятъ, что въ дядю вошелъ пьяный бѣсъ, и теперь все лѣзетъ по швамъ. Тетя Лиза разыскиваетъ дядю по городу, наспѣхъ учитываетъ Александра Иванова, но тотъ тонокъ, какъ нитка, и уже купилъ въ Сокольникахъ дачу.

Пачками протестуютъ векселя кредиторы, и судебные пристава показываютъ исполнительные листы.

На нашъ дворъ надвигается незнакомая сила чужого права. Ползетъ все и ползетъ съ такой быстротой, что годъ-два—и дядя будетъ голъ, какъ соколъ. Тетя Лиза распродаетъ салопы и дядины запасные еноты и хорьки, цѣнныя шали и брилліанты.

Уже остановился заводъ, и на кирпичъ наложенъ арестъ. Въ мутный день ноября кирпичники получили съ урѣзомъ послѣдній «разсчетъ» и ушли... навсегда... Уже появлялись солидные люди на нашемъ дворѣ, ходили съ рулеткой и смотрѣли на окна. Все виситъ въ воздухѣ, и дядѣ Захару придется кончать свои дни на квартирѣ.

Въ минуты просвѣта дядя Захаръ уныло проходитъ дворомъ, видитъ, какъ все старо и ветхо, стоитъ у крыльца и думаетъ, думаетъ...

Тихо, незамѣтно отошла бабка Василиса осенней ночью...

Ее положили рядомъ съ Леней, и тетя Лиза нашла въ ея сундукѣ двѣ духовныя: въ одной всѣ свои капиталы бабка отказывала внуку своему Алексѣю, въ другой, позднѣйшей, расписывала на монастыри. Ни слова не сказалъ дядя Захаръ и даже плакалъ надъ гробомъ старухи.

Домъ дядинъ проданъ съ торговъ, и покупатель далъ три мѣсяца сроку на выѣздъ.

Это былъ страшный ударъ.

Помню, ночью подъ Благовѣщенье, загремѣлъ звонокъ у воротъ, забѣгали люди, замелькалъ огонекъ фонаря, и полуодѣтая тетя Лиза выбѣжала на крыльцо со свѣчой.

Несли что-то большое, и люди тяжело дышали, неровно переступая ногами.

— Заноси... заноси... бери на себя... уффъ... поддерживай... голову-то... На себя... на себя...

— Что такое?... что?... что?... Господи... Господи... Что такое?... Ай!...—не въ себѣ кричала тетя Лиза.

— Да... хватило ево... въ трахтирѣ сидѣлъ... Да, заноси ты, чо...

Въ колеблющемся свѣтѣ оплывавшей свѣчи я видѣлъ, какъ громадное, черное тѣло колыхалось въ пролетѣ уходившей вверхъ лѣстницы.

— Откеда доставили-то?—спрашивалъ кто-то на улицѣ.

— Отъ Страшнова... Поторопи тамъ... деньги чтобъ... За шесть гривенъ порядили...

XXI.

На Пасхѣ я, обыкновенно, иду на кладбище, несу крашеное яйцо и, какъ учили насъ въ дѣтствѣ, крошу на родныхъ могилахъ. Отойду въ сторонку и смотрю. Гдѣ-нибудь уже вертится шустрый воро-

бей, зорко приглядывается съ липы грачъ. Сѣренькія пичуги уже порхаютъ надъ крошками, дробятъ и таскаютъ. Тихо какъ!...

Вотъ она, чуткая тишина кладбища, покрывшая гомонъ и суету тысячъ когда-то гремѣвшихъ, бившихся, плакавшихъ и гордо носившихъ голову людей.

Теперь тишина, и какая хорошая, милая тишина...

Но не исчезли они и не успокоились совсѣмъ. Ихъ памятники и кресты еще говорятъ о нихъ,—о купцахъ первой гильдіи и кавалерахъ, о благодѣтеляхъ, чистыхъ сердцемъ и примѣрныхъ семьянахъ, объ этихъ въ мирѣ отшедшихъ, вѣчно и горячо оплакиваемыхъ...

Да, здѣсь примѣрный музей человѣческаго совершенства. Здѣсь всѣхъ почистили, оправили въ гранитъ и мраморъ, обложили цвѣтами и дерномъ, оградили рѣшотками и освѣтили тихимъ огнемъ лампадъ.

Я живу здѣсь, на этомъ кладбищѣ, сидя на чугунной скамьѣ. Здѣсь нашъ другой дворъ, постепенно переползающій сюда на вѣчный покой...

Вотъ могилка юркаго Трифоныча, въ прошломъ году скончавшагося «отъ живота» и уступившаго прилавокъ волшебнику Степкѣ при часахъ и въ лаковыхъ сапогахъ. Трифонычъ, много поработавшій въ темной каморкѣ, за лавкой, оставилъ «неутѣшнаго и благодарнаго внука»...

Я вѣрю искренности Степки: онъ очень благодаренъ скромному Трифонычу, сказавшему—довольно! въ свои 64 года. Рядомъ лежитъ Федосья Ивановна, супруга Трифоныча, передъ смертью которой жулики вытащили изъ сѣней кипящій самоваръ,—«на ея голову»—какъ поспѣшилъ отчураться Трифонычъ, воздвигшій ей мавзолей изъ песчанаго столбика.

Да, здѣсь цѣлый «тотъ» дворъ...

Здѣсь покоится и прахъ лихого похитителя дѣвокъ—брата дяди Захара—подъ титломъ: «блаженни чистіи сердцемъ»...

А вотъ и бѣлый крестъ «подъ березу» надъ Леней, и рядомъ совсѣмъ свѣжій бугоръ—бабки Василисы. Они лежатъ рядомъ такіе далекіе въ жизни и такіе близкіе во гробахъ.

Кто-то уже былъ здѣсь и положилъ нетронутое яичко. Кто? Можетъ-быть, тетя Лиза... Настенька?... Врядъ ли.

Она вышла замужъ и врядъ ли заходитъ сюда. Но вотъ уже третью Пасху кто-то приноситъ одинокій горшокъ резеды...

Я спрашивалъ вѣчно пьянаго сторожа...

— Такъ какая-то... въ шляпкѣ... намъ не извѣстно...

Я сижу и смотрю на этотъ другой нашъ дворъ. И мнѣ хочется крикнуть:

— И всетаки успокоились, господа!...

И васъ поглотила тайна, которую вы и не чуяли, надъ которой вы не задумывались. Просвирки и сорокоусты, кутьи и заупокойныя, девятые и сороковые дни—всѣ эти удобные и легкіе пути, конечно, должны препроводить васъ въ мѣста злачныя и прохладныя, гдѣ вы сейчасъ бы начали всю ту подчасъ развеселую, иногда грустно-смѣшную суету, съ которой вамъ такъ жалко было разстаться.

Я сижу и думаю, мысленно разрываю бугры, сбрасываю плиты и полусгнившіе кресты, вырываю жирные тополи, запустившіе корни глубоко въ питательный грунтъ, взламываю гробовыя крышки. И не узнать васъ въ желтыхъ костякахъ и черепахъ съ расшатанными зубами, если бы благодарный или заботливый глазъ не подсмотрѣлъ въ книгѣ фабриканта памятниковъ и глыбъ подходящій стихъ прощанья, и хорошо оплаченная рука не врѣзала васъ въ камень.

И къ чему было все?... къ чему двадцать два года жизни, борьба и любовь, дядины планы, къ чему? Такъ все непрочно, несложно въ итогѣ... Къ чему, если вдругъ пришлось лечь рядомъ съ бабкой, до сорока лѣтъ блазнившей молодцовъ купецкихъ и до семидесяти лѣтъ возившейся съ коровами?...

И отвѣчаю себѣ: такъ надо. И только.

Я слышу неровные шаги и тяжелую одышку. А, это дядя Захаръ. Онъ недавно оправился и теперь ползетъ на плечѣ согнувшагося Александра Иванова, который доживаетъ «такъ» послѣдніе мѣсяцы до окончанія ликвидаціи остановившагося «берлина». Александръ Ивановъ—мокрый отъ поту и красный, и на его лицѣ предупредительность и покорность, а тамъ, за этими плутоватыми глазками, торжество и радость собственника «хлигеря» и дачъ.

Я не отзываюсь и смотрю. Дядя Захаръ волочитъ правую ногу, мажетъ еще не просохшую глину и глядитъ остеклѣвшимъ взглядомъ. Онъ охватываетъ Александра Иванова за шею и опускается на скамейку, противъ «своихъ».

— Да... дай...—глухо говоритъ онъ почтительно остановившемуся безъ картуза конторщику.

Тотъ стремительно выхватываетъ изъ кармана яичко.

— Прикажете раздробить?...

Дядя киваетъ.

— Прикажете имъ-съ?...—вѣжливый жестъ къ Ленину бугорку.

— И имъ-съ?...—кивокъ на бугорокъ бабки Василисы.

Онъ великолѣпенъ, этотъ ловкій плутъ въ новыхъ резиновыхъ калошахъ. Онъ вполнѣ заслужилъ и «хлигерь», и дачи, и выигрыш-

ные билеты, легко вытянутые изъ широкаго кармана «ихъ-съ... когда они изволили загулять-съ»...

Онъ, этотъ ловкій плутъ, прекрасно понимаетъ тайну жизни, уже знаетъ толкъ въ кулебякахъ съ вязигой и въ «мадёрѣ», въ людскихъ сердцахъ и модисткахъ. Онъ знаетъ толкъ во всемъ и потому уже отправилъ въ деревню свою супругу, ворочающую на ȯ.

Онъ ловко «дробитъ» яичко, стараясь не замазать пальто, аккуратно дѣлитъ на двѣ части и, подымая мордочку къ небу и шевеля пальцами, журчитъ:

— Т-т-т-т-т... Сейчасъ они живымъ манеромъ-съ... и помянутъ-съ... Ишь, божьи птички...

Тихо-тихо. Дядя Захаръ молчитъ, смотритъ на бугорки. Александръ Ивановъ не рѣшается сѣсть и высматриваетъ, что бы такое сдѣлать еще.

— А слеглась довольно-съ... И камушекъ бы теперь можно-съ... Митрій Панфилычъ... А вотъ Пучковъ-съ... у нихъ камушки-то... такъ вотъ намедни предлагали...

Дядя Захаръ молчитъ.

— Общій ежли... такъ подешевше будетъ-съ... за три съ полсотенкой... лабардоръ будетъ пер-рвый сортъ... въ означеніи, конешно, массы-и... Конешно и финдляндскій можно... подешевле-съ... только што...

Его голосокъ пріятно журчитъ, но дядя Захаръ не отзывается.

Я подхожу, здороваюсь съ дядей. Александръ Ивановъ почтительно вытираетъ подкладкой пальто скамейку.

— А... ты... Вы... вы... по... ползъ... вотъ...

Мы молчимъ. Да и о чемъ говорить? Какое усталое, желтое лицо!... Мои мысли точно передались дядѣ.

— По... по... ми... рать ско... ро...—говоритъ еще не оправившимся языкомъ дядя и смотритъ, какъ воробьи шустро таскаютъ крошки.

— Господи, помирать-сь!... да еще какъ поживете-съ... еще и насъ похороните-съ...—Онъ говорилъ даже за меня?!—Господь дастъ, ще кирпичики жечь будемъ-съ...

— Д... ду-р-ракъ!...—фыркаетъ дядя Захаръ, и Александръ Ивановъ дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки, точно желаетъ сказать:

...«и всегда вотъ они такъ-съ... ни за что-съ»...

— Этотъ...—дядя протягиваетъ желѣзный палецъ въ сторону ута,—бо... бол... ванъ!... пожи... ве... те... съ... буд... то я... .. жи... ву...—насилу выговариваетъ онъ.

— Ту... тутъ... пожи... ву...—указываетъ онъ на маленькій черный крестикъ, на «заказѣ», рядомъ съ могилой Лени.

По боковой дорожкѣ прошелъ плотный господинъ въ цилиндрѣ съ лоскомъ, и за нимъ свѣтлая, роскошная блондинка въ ротондѣ изъ зеленаго плюша, въ сопровожденіи цѣлой ватаги монаховъ, послушниковъ и сторожей.

— Ми-илліёнщики... Лобастова дочка съ супругомъ...—почтительно доложилъ сіяющій Александръ Ивановъ.—Пароходы гоняютъ... Си-ила!...

Онъ сдернулъ картузикъ и поклонился въ раскачку.

Дядя Захаръ не повернулъ головы.

Я смотрю на нашъ «дворъ», и мнѣ кажется, что здѣсь не все еще сформировалось, что нѣтъ здѣсь «хозяина». Дядя смотритъ на мое пальто и говоритъ:

— У... у... чишь... ся... все...

— И къ чему только это ученье-съ?... одно междоумѣніе... И вить вѣрно-съ... И вотъ теперь которые... я буду такъ говорить... самые ученые люди... и никуда выходятъ...

— Ду... р... ракъ!...—снова фыркаетъ дядя Захаръ.

— Ты за... зайди... по... по... толкуемъ... тетка... ску... ску...

Я смотрю на дядю Захара и чувствую, какъ онъ мнѣ близокъ, и думаю, что и я ему сталъ ближе. Вѣдь я—тоже Хмуровъ, хоть и изъ другой линіи, что я тоже съ «того» двора и приду на этотъ нашъ «дворъ», и лягу, можетъ быть, здѣсь, рядомъ съ «хозяиномъ»...

— Эхъ... Ко... ко... люшка... Ко... люшка!...—говоритъ дядя со вздохомъ, похлопывая меня по колѣнкѣ все еще тяжелой рукой.

Онъ смотритъ на крестъ «подъ березу», и вижу я, какъ изъ угла глаза набѣгаетъ круглая, обидная слеза, скатывается по щекѣ и пропадаетъ въ густыхъ, еще черныхъ усахъ.

XXII.

Вечеромъ я зашелъ въ тотъ домъ. Тамъ уже не было праздника, стола съ закусками и разноцвѣтныхъ пробокъ. По стульямъ лежали какія-то шубы, воротники, салопы, халаты и тальмы. Пахло нафталиномъ и молью, запахомъ ушедшихъ десятилѣтій.

Эти старые воротники, кофты и стеганыя одѣяла, пролежавшіе годы подъ спудомъ—для чего неизвѣстно, теперь выглянули на свѣтъ, чтобы поразить глазъ своею ненужностью и провалиться въ полосатый мѣшокъ старьевщика.

Развороченные сундуки-гиганты стояли на галлереѣ, раскрывъ

свои пасти, копившія весь этотъ чудовищный хламъ полнаго хозяйства. Ихъ тоже скоро пустятъ въ оборотъ, и они, отполированные и закованные, можетъ быть, будутъ скоро красоваться въ другихъ домахъ.

Картонки съ побурѣвшими шляпами и картузами, десятки прорванныхъ зонтовъ, гигантскихъ, какъ старые грибы, дюжины ботиковъ и мѣховыхъ бархатныхъ сапожковъ съ застежками, изъѣденные молью ковры и коврики, старыя полости съ саней—все это выползло грѣться на солнышко, мозолить глаза и кричать о концѣ...

Хламъ, старый хламъ, таившійся по угламъ,—соловьиныя клѣтки съ костяными шишечками, поломанные кіоты, десятки желѣзныхъ, ржавыхъ формъ изъ-подъ куличей, исковерканныя ладанницы съ крестиками, старая сбруя, бубенчики и ремни—все это было когда-то свѣжо и очень нужно.

Тетя Лиза перебирала весь этотъ хламъ и откладывала то, что слѣдовало взять на квартиру.

Да, все распадалось. Вѣчно творящая, неумолимая жизнь расшатывала не только людей: она сметала сараи и амбары, вскрывала сокровенные сундуки, вычищала углы, вышвыривала мусоръ и хламъ.

Мы сидѣли въ столовой, прежней столовой, съ тѣми же часами, высокими стульями и чернымъ подносомъ на стѣнѣ. Дядя Захаръ, утомленный поѣздкой на кладбище, дремалъ въ своемъ креслѣ.

Потемнѣло въ углахъ. Уже вечеръ. Я прощаюсь, крѣпко жму руку дядѣ Захару.

Онъ задерживаетъ мою руку въ своей и смотритъ просительно.

Онъ говоритъ съ трудомъ, долго, и я половины не понимаю. Его глазъ даже дергается, какъ раньше когда-то, но упрямый хохолъ опалъ, и гордое, ухарское лицо смято. Многаго я не могу разобрать и посматриваю на тетю Лизу. Какая она спокойная, холодная, и какъ странно сухи ея глаза. Она поясняетъ мнѣ слова дяди.

— Говоритъ, никого у насъ нѣтъ... Хмуровы кончились... наши... осталась вторая линія, ты... Такъ вотъ бери заводъ... дешево.

— Да,—явственно выговариваетъ дядя.—Ты... за-водъ...

— Обворовалъ насъ Сашка-то... опуталъ...

Вспыхиваютъ глаза у дяди Захара и дергается его лицо. Онъ плачетъ, это ясно.

— Ужъ не разстраивайся... ну, что тутъ ужъ...

Темно и жутко въ старой столовой. Кажется, что за дверью стоитъ что-то всѣхъ, высовываетъ холодные глаза и пристально, молча глядитъ.

Щолкъ...—это хрустнулъ старый, отсырѣвшій сундукъ.

Какъ жутко, какъ холодно. Кругомъ ходятъ унылыя, тощія тѣни прошлаго. А изъ темнаго квадрата двери глядитъ спокойно *что-то*. И я, какъ когда-то въ дѣтствѣ, поглядываю на темную пустоту въ коридоръ.

— Нѣтъ, дядя... Я иду по другой дорогѣ... учусь я. Да и денегъ у меня нѣтъ.

Куда мнѣ заводъ, дѣло, въ которомъ я ровно ничего не понимаю, кромѣ кирпичниковъ. Нѣтъ, пусть ужъ лучше другіе берутъ. Я отказался.

Заводъ, какимъ-то чудомъ отбитый у судебнаго пристава,—были послѣднія крохи.

Я понималъ, что дядя хватается за меня, за другую линію Хмуровыхъ. Вѣдь все же родная кровь, и если не удалось загремѣть его Ленѣ, пусть все же свои примутъ начатое. Дядя дѣлалъ попытку дать ростъ отъ стараго пня. Но жизнь нашего двора распадалась, и я уже заносилъ ногу на другой путь, на которомъ Леня не устоялъ.

Не пироги и жирныя кулебяки, не ботвиньи съ горами янтарной рыбы, разливанное море на масленицѣ, не выѣзды, «черти» и «стервецы»; не горничныя, въ накрахмаленныхъ юбкахъ, въ козловыхъ полусапожкахъ и въ высокихъ фартучкахъ, покорно склонявшіяся передъ «баловствомъ»; не тысячи «кирпичниковъ», сукиныхъ дѣтей, мерзавцевъ и чертей, покорно стаскивавшихъ шапки, были на этомъ пути.

Нѣтъ, на этомъ пути не было ничего подобнаго. Ростки отъ старыхъ пней искали свѣта, и ранніе ростки гибли, хваченные морозомъ.

XXIII.

И наша округа, и нашъ дворъ, и жизнь его обитателей измѣнились сильно за пятнадцать лѣтъ, и не замѣтилъ я, какъ она измѣнилась. Теченіе жизни унесло меня далеко отъ тихаго житія родныхъ гнѣздъ и, повертѣвши, выбросило снова на старое пепелище. И я не узналъ его.

Приходилъ кто-то и перекроилъ все, повымелъ и повыгналъ многое и многихъ.

Громадныя, гулкія сѣни, откуда мы, бывало, глазѣли на шумливую толпу кирпичниковъ и подвиги дяди Захара, ушли, и солидный, каменный джентльменъ гордо поглядываетъ на меня новыми стеклами. Садъ, милый, незатѣйливый садъ, съ курами, кустиками и бе-

резками, стертъ безъ слѣда. Протянулся «доходный» домъ въ сорокъ квартиръ, и въ этихъ квартирахъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ клохтали подъ солнцемъ разморенныя жаромъ куры, строчатъ машинки портнихъ, пищатъ плохо одѣтыя и плохо кормленныя дѣти, висятъ на сквозныхъ лѣстницахъ лоскутныя одѣяла, виднѣются блѣдныя, недовольныя лица. Раннимъ утромъ изъ его грязныхъ дверей выходятъ угрюмые люди и, истомленные, входятъ къ ночи.

А когда-то висѣла здѣсь въ знойные полдни сытая лѣнь, и дворникъ Гришка поигрывалъ подъ бузиной съ востроносыми горничными. Вязкая грязь въ дожди и сухая навозная пыль въ вёдро забиты камнями, и асфальтовыя упругія ленты пробѣжали на мѣстѣ хлюпающихъ досокъ.

Степка давно прогорѣлъ въ дѣдушкиной лавкѣ и теперь, говорятъ, лихо откалываетъ на трехрядкѣ по портернымъ. Темная комнатка отжила свое время, и не безнаказанно было сыпать безъ счету пряничкн и орѣшки въ глубокіе карманы горничныхъ и модистокъ. Онъ уступилъ бойцу въ измазанномъ мукой пальтишкѣ, быстро закинувшему ловкія, цѣпкія руки на казенныя и общественныя мѣста, подымавшемуся въ четыре утра и засыпавшему однимъ глазомъ въ одиннадцать ночи.

И этотъ «боецъ» пустилъ корни въ скудной, казалось, почвѣ.

Онъ зацѣпилъ на книжки жильцовъ доходнаго дома, онъ съ утра и до ночи дергалъ картузикъ передъ всякимъ, входившимъ въ просторную лавку, онъ водрузилъ новую вывѣску, подъ черный бархатъ съ глазастыми буквами, онъ завелъ чайную и постоялый дворъ, и десятки крестьянскихъ возковъ грудились съ гомономъ на сдавленномъ домами дворѣ. Десятки подводъ съ мукой и овсомъ проплывали ежедневно черезъ его склады, и сотни разъ въ день пробѣгалъ «боецъ» черезъ дворъ, отмѣчалъ и прикидывалъ, слѣдилъ и ругался, мигалъ и раскланивался, не переставая думать о колебаніи цѣнъ на биржахъ. Онъ уже перешвыривалъ десятки вагоновъ и, не видя товаровъ, закупалъ и запродавалъ на бумагѣ, учуя выгоды биржевой игры. Онъ уже пригласилъ бухгалтера «для баланца» и ловко вызваниваетъ въ телефонъ Гавриковъ переулокъ и вокзалы. На его плодородной почвѣ быстро вырастаютъ купоны, и рента могучей силой претъ въ несгораемый шкафъ. Изъ сосѣдняго дома ушелъ съ тонкой тросточкой потомственный дворянинъ Загурскій, и на ворота вскарабкалась увѣсистая фамилія—Гиринъ.

Милый красноносый Трифонычъ, всхрапывавшій въ пахучемъ москалейномъ холодкѣ, на ящикѣ, послѣ лапши и крутой пшенной каши, во-время убрался отъ этого звона и треска телефоновъ и сче-

товъ. Не его головѣ выдержать тысячи дѣловыхъ разсчетовъ, торговыхъ намѣтокъ, бросковъ и хитроумной торговой политики. Не ему подъ-силу палить хорошо застрахованные склады, изъ которыхъ заблаговременно вывезены товары; не ему ловить подряды и хватать поставки, ресторанничать съ экономами и приписывать на тощія книжки. Онъ могъ, и ловко могъ, отмѣривать шкалики въ темнотѣ и подвигать прянички на заѣдку.

Сильное время несло своихъ, сильныхъ людей, и милая простота добраго плута заблаговременно уступила мѣсто увѣреннымъ хваткамъ человѣка «американской» складки.

А куда же сползли сараи и амбары?

Ихъ нѣтъ, и я съ тоской смотрю на кирпичныя стѣнки съ желѣзными дверцами и вижу скучныя вывѣски занумерованныхъ складовъ.

А колодецъ съ конькомъ, милый колодецъ, издававшій пронзительный пискъ?

Онъ исчезъ безъ слѣда.

А «тотъ» домъ, деревянная галлерея, крылечко съ рѣзьбой?

Строго глядитъ на меня стеклянная дверь, и въ ней, какъ въ хорошей оправѣ, золотится галунъ человѣка въ синемъ камзолѣ.

Только нашъ домъ уцѣлѣлъ и стоитъ неудачникомъ среди вертящейся жизни, отсталый. И не стыдно ему облупившейся краски, отваливающагося карниза и выгорѣвшихъ на солнцѣ стеколъ, сверкающихъ, какъ слезы, лучами радуги. И кажется, что новое, выгнавшее хламъ и спокойную простоту, кричитъ:

«Однако, вамъ пора бы и того»...

Да, пора. Онъ, нашъ старый домъ, «самъ себя ѣстъ», какъ говоритъ ловкій «боецъ».

Его, быть можетъ, уже «прикинулъ» этотъ ловкачъ, выжидающій времени.

Нѣтъ, его не уступятъ, эту милую развалюху, гдѣ въ большихъ, низкихъ комнатахъ скрипятъ половицы, обвисаютъ щелистыя двери, плохо ходятъ оконницы; гдѣ въ углахъ еще притаились пугливыя тѣни чудачковъ и простачковъ, еще не выдохлись пріятно-старческіе запахи ладана и уксуса, деревяннаго масла и кваса. Нѣтъ, онъ будетъ стоять въ своей печальной отсталости, съ большими черными тараканами, выглядывающими по ночамъ изъ щелей, съ своими преданіями и мелкими чертами небойкой жизни.

Пусть стоитъ онъ, пусть раздражаетъ глаза всѣмъ, мѣняющимъ все на ходячій товаръ, переводящимъ все на пріятный шелестъ расписныхъ акцій и облигацій. Рабы дохода, они готовы заложить и про-

дать себя, выдавить всѣ соки земли, швырнуться въ небо и тамъ создать кредитныя учрежденія по залогу глубокой синевы и простора.

Да, во мнѣ еще сильна необъяснимая страсть къ старому дому, къ нашему старому двору. Но она притаилась гдѣ-то далеко, въ самомъ сокровенномъ уголкѣ сердца. Она замретъ, вывѣтрится, испарится.

Уже новое сердце шепчетъ мнѣ: пусть... пусть...

Все сметено, но я не волнуюсь и не печалюсь. Все это такъ надо. Въ громадной лабораторіи жизни вѣчно творится, вѣчно кипитъ, распадается и создается; тамъ совершается міровая реакція.

Я смотрю и не печалюсь: пусть... Все пришло и уйдетъ, и на смѣну незамѣтно проглянетъ новое, и смететъ эти смѣшныя потуги на силу, красоту и полноту жизни. Эти доходныя клѣтки, стукъ машинокъ, хрустъ черствыхъ корокъ, угрюмыя лица и торжество «бойцовъ»... Они уйдутъ, ихъ сметутъ...

Работаетъ лабораторія міра, уже сильнѣе клокочетъ въ тиглѣ, рвутся огненные языки...

Иванъ Шмелевъ.

Сѣверной дѣвушкѣ.

(Д. П—вой).

Вечерній дискъ зелено-дымчатъ,
И парусъ выгнулся въ тѣни.
Насъ вѣтры хлынувшіе вымчатъ
Въ ночную гавань, на огни.

Вздохнули волны первымъ вздохомъ
И съ легкимъ креномъ понесли
Нашъ челнъ туда, гдѣ древнимъ мохомъ
Крутыя скалы поросли.

Я правлю, жаждущій и смѣлый,
Весломъ, продѣтымъ сквозь кольцо.
И освѣжаю пѣной бѣлой
Разгоряченное лицо.

Закрывъ глаза, ты вся припала
Ко мнѣ, тревожна и блѣдна.
И глубью каждаго провала
До бѣглыхъ слезъ потрясена.

Но выплылъ берегъ. Къ черным сваямъ
Направленъ парусъ, гдѣ въ тѣни
Блеснулъ маякъ, и мы всплываемъ
Въ ночную гавань, на огни.

---

* *
*

Янтарный вечеръ. Лунный ликъ.
Волнистый снѣгъ полей печальныхъ.
Полетъ грачей. Ихъ рѣзкій крикъ.
Чернѣютъ крылья мельницъ дальныхъ.

Надъ бѣлымъ домомъ синій дымъ—
Онъ развивается, какъ локонъ...
Огнемъ маячитъ золотымъ
Вечерній свѣтъ изъ ясныхъ оконъ.

Я долгій часъ хожу, брожу
По замороженному снѣгу.
Слегка отъ холода дрожу
И возвращаюсь вновь къ ночлегу.

Ракитъ неровные ряды
Ложатся въ памяти покорной.
И, чутко нюхая слѣды,
За мной плетется пудель черный.

Умчались стаи шумныхъ дней
И ночи, въ ихъ безумствахъ ярыхъ,
И дрожь безчисленныхъ огней
На обезлюдѣвшихъ бульварахъ.

Давно ль гудящій поѣздъ несъ
Меня въ деревню изъ столицы,
И въ буйномъ грохотѣ колесъ
Толклись покинутыя лица?

Но городъ въ прошлое ушелъ,
Гдѣ юность чахла въ позднихъ спорахъ,
И предо мной—пустынность селъ
На снѣжныхъ, стынущихъ просторахъ.

Яковъ Годинъ.

ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ *).

Съ итальянскаго.

XIII.

Отъ тѣлеснаго недуга меня вылѣчилъ мой бѣдный милый отецъ. Отъ недуговъ душевныхъ онъ не могъ меня вылѣчить, да въ то время и не зналъ *отъ меня* ихъ первоначальной и скрытой причины, хотя, можетъ быть, и угадывалъ ее чутьемъ любящаго сердца.

Чтобы возстановить мои силы, подорванныя жестокой болѣзнью, и разсѣять мою безпросвѣтную грусть, онъ предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ въ Ниццу, посмотрѣть Ривьеру, которой я тогда еще не знала и представляла себѣ страной цвѣтовъ и красоты. Ческо согласился; мама, ради моего спокойствія, предложила побыть это время съ нимъ и съ дѣтьми; и я уѣхала, радуясь, что увижу дивную чарующую природу, еще больше радуясь тому, что ѣду въ сопровожденіи моего дорогого отца.

Я уже разсказывала на этихъ начальныхъ страницахъ, какъ я, любя и глубоко уважая своего отца, въ то же время боялась его настолько, что иной разъ даже не смѣла заговорить съ нимъ. Это обусловливалось отчасти моими личными душевными особенностями, отчасти тѣмъ, что я очень мало видѣла его, такъ какъ онъ всегда былъ очень занятъ. Эта робость передъ отцомъ осталась во мнѣ и послѣ выхода замужъ, и, бывая у отца, я рѣдко говорила съ нимъ по душѣ; о Ческо же и вовсе не говорила, чувствуя, что мужъ мой ему не нравится. Я ужъ потомъ узнала, что папа однажды, въ разговорѣ съ Терезой Кровато, сказалъ ей, что моя согласная семейная жизнь съ такимъ человѣкомъ, какъ Ческо, свидѣтельствуетъ только о низкомъ уровнѣ моихъ *нравственныхъ требованій!* Бѣдный папа! Еслибъ онъ зналъ, чего мнѣ стоила эта согласная жизнь!

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1907 г.

Я всегда старалась выставлять въ хорошемъ свѣтѣ своего мужа, въ особенности передъ отцомъ. Когда мы вмѣстѣ съ Ческо бывали у родителей, я усиленно заботилась о его внѣшности, слѣдила за каждымъ его словомъ, предупреждая промахи, и добилась того, что года полтора спустя послѣ того, какъ мы поженились, папа въ минуту откровенности, сказалъ мнѣ:

— Ческо сталъ гораздо лучше, съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ съ тобой.

И я расплакалась отъ радости.

Что касается обмѣна писемъ между отцомъ и Терезой Кровато передъ нашей свадьбой, о немъ я узнала лишь въ концѣ 95 года, отъ самой Терезы, и очень огорчилась и обидѣлась, зачѣмъ они скрыли это отъ меня.

— Вѣдь еслибъ ты тогда сказала мнѣ на чистоту, какого ты мнѣнія о Ческо, я еще могла бы взять свое слово назадъ. Тогда еще было время. Я такъ тебѣ вѣрила. Скажи ты мнѣ то, что ты написала моему отцу, я была бы спасена!

Это прятанье отъ меня въ такомъ серьезномъ дѣлѣ казалось мнѣ предательствомъ. Оно подорвало всю мою любовь и довѣріе къ Терезѣ. Съ этихъ поръ я уже не могла быть съ ней попрежнему дружной.

Мама, какъ всегда, рѣзкая и несдержанная, часто бранила Ческо и передавала мнѣ неодобрительные отзывы о немъ отца. Но я всегда вступалась за мужа, такъ что у насъ нерѣдко выходили даже изъ-за этого стычки съ мамой, и когда она корила меня за мою «слабость», я говорила ей:

— Если наступитъ день, когда я уже не въ состояніи буду защищать Ческо, я скажу это ему первому; но не стану дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ иныя жены, которыя, живя съ мужемъ и отдавая ему свое тѣло, въ то же время за спиной судачатъ о немъ. Я никогда не унижусь до этого.

Я была вѣрна Ческо, какъ жена, сестра, другъ, если хотите, какъ рабыня; ибо все облагораживалось для меня высокой цѣлью, ради которой я такъ поступала.

Клевета старалась загрязнить мой каждый поступокъ, всѣ дни моей жизни. Ничего не оставила нетронутымъ, чистымъ. Но душа моя не дрожитъ, моя совѣсть спокойна, когда я вспоминаю это время. Потомъ пришелъ день грѣха, но и тутъ я не уронила достоинства моего мужа и своего собственнаго,—того, которое выше всѣхъ законовъ. И тогда уже въ душѣ моей была начертана слезами печальнѣйшая изъ трагедій, но, *несмотря на все,* мужъ мой оставался для

меня спутникомъ моей жизни, отцомъ моихъ дѣтей, и я даже матери своей не могла позволить дурно говорить о немъ въ моемъ присутствіи.

О, еслибъ я сумѣла поступать и дальше такъ же, или умереть. Да, лучше было бы умереть, чѣмъ сдѣлаться невольной и безсознательной виновницей столькихъ бѣдъ!

Немногіе дни, проведенные нами въ Ниццѣ, дали много радости моему бѣдному отцу. Лучше всего эта святая радость (святая для человѣческихъ, не для адски злобныхъ душъ) выражена въ письмѣ, написанномъ моимъ отцомъ по возвращеніи Ческо и мнѣ.

«Милые мои, съ тѣхъ поръ, какъ я живу на свѣтѣ, мнѣ еще впервые довелось провести цѣлыхъ сто пятьдесятъ часовъ подъ-рядъ съ тобой, моя Линда. И этимъ утѣшеніемъ, Ческо, я обязанъ тебѣ! Ничто на свѣтѣ не можетъ такъ порадовать меня, такъ скрасить мою жизнь, какъ общество терпимой, кроткой, разумной и великодушной женщины, котораго ты лишилъ себя ради меня».

О, я помню наизусть каждую строчку этого милаго письма! И развѣ оно не доказываетъ, что даже и въ эту поѣздку, во время нашихъ разговоровъ по душѣ, я не жаловалась отцу на Ческо, не бранила его, не плакалась на свою горькую жизнь. У меня въ памяти живетъ эта поѣздка, какъ вздохъ облегченія, какъ солнечный лучъ. Долгія мирныя бесѣды съ отцомъ, всегда на возвышенныя темы, среди чудной природы, показали мнѣ его совсѣмъ другимъ, такимъ простымъ, доступнымъ, пробудили во мнѣ то, что люди зовутъ *голосомъ крови,* я бы сказала вѣрнѣе: *голосъ души.*

Папа былъ въ то время не особенно доволенъ поведеніемъ моего брата и жаловался мнѣ на него. Нино уже исполнилось двадцать три года, онъ уже блестяще окончилъ юридическій факультетъ и теперь изучалъ литературу, къ которой питалъ большую склонность. Но, пылкій по натурѣ, жизнерадостный, любитель удовольствій, Нино, въ погонѣ за развлеченіями, мало бывалъ дома. Естественное дѣло; этотъ типъ студента, такъ часто встрѣчающійся, что я бы назвала его *нормальнымъ,* былъ не по вкусу отцу. Отецъ нашъ въ молодые годы былъ совсѣмъ инымъ—скромнымъ, серьезнымъ, поневолѣ разсчетливымъ; онъ не могъ ни понять, ни извинить бездѣльнической, какъ онъ выражался, жизни сына.

— У Нино золотое сердце,—говорилъ онъ,—но онъ не то, чѣмъ я хотѣлъ бы его видѣть. Онъ никогда не бываетъ дома, въ университетѣ совсѣмъ не работаетъ и, если успѣваетъ, то только благодаря своимъ прекраснымъ способностямъ. Тратитъ силы на женщинъ, швыряетъ деньгами. (Нино въ то время получалъ отъ отца тридцать лиръ въ мѣсяцъ!)

Я, конечно, защищала брата.

— Папочка, ты говоришь такъ, потому что сравниваешь Нино съ собою. Но вѣдь ты же исключеніе! Попробуй сравнить его съ другими молодыми людьми, съ большинствомъ студентовъ, и ты увидишь, что Нино еще одинъ изъ лучшихъ.

— Я вовсе не считаю себя исключеніемъ. Я знавалъ, и теперь еще знаю многихъ юношей, живущихъ, какъ отшельники, находя отраду только въ наукѣ, высокихъ стремленіяхъ и тихой семейной жизни.

— Возможно! Но міръ состоитъ не изъ нихъ однихъ. Нино родился съ другими наклонностями. Отецъ не долженъ требовать отъ сына, чтобы тотъ былъ идеаломъ, единственнымъ въ своемъ родѣ; онъ долженъ только стараться, чтобы сынъ его выросъ честнымъ человѣкомъ. Зачѣмъ ломать его и гнуть, подгоняя къ извѣстному образцу. Это было бы насиліемъ, котораго не допускаетъ разумъ. Развѣ не правда, папочка? Ты вѣрно говоришь, что у Нино золотое сердце, ну и будь этимъ доволенъ; зачѣмъ же еще требовать, чтобы у него и вкусы были точно такіе, какъ у тебя?

— Ты права. Этого я и не требую. Я только говорю, что Нино путаная голова, шатунъ, цыганъ, а мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ былъ серьезнѣе.

— Ты думаешь, ему отъ этого было бы лучше? Нѣтъ, нѣтъ, папочка, вѣрь мнѣ, это ошибка со стороны родителей—внушать своимъ дѣтямъ слишкомъ возвышенные идеалы и стремленія; это дѣлаетъ ихъ слишкомъ требовательными; они не находятъ себѣ удовлетворенія и—несчастны. Наоборотъ, кто полагаетъ свою радость въ хорошемъ обѣдѣ, въ пикникахъ, вообще, въ матеріальныхъ наслажденіяхъ, которыя можно купить за деньги, тому не трудно быть счастливымъ. И кто же имѣетъ право мѣшать ему въ этомъ? Поэтому, папочка, благодари Бога, что твой сынъ—чудесный малый и что у него есть шансы быть счастливымъ.

Я говорила это съ улыбкой нѣжности къ нему и ироніи по отношенію къ собственной судьбѣ, не надѣлившей меня такой способностью быть счастливой. И отецъ, не зная, какъ глубока рознь между мною и моимъ мужемъ и какъ она горька для меня—шокиров ся и негодовалъ, какъ я могу говорить такія вещи.

— Но посуди же самъ, отецъ, что важнѣе для родителей: сос вить счастье своихъ дѣтей или добиваться, чтобъ они воплотили с ой идеалъ человѣческаго совершенства?

Этецъ утверждалъ, что долгъ родителей именно въ этомъ и зак чается, ибо высокія стремленія даютъ такія радости, которыхъ

не разрушатъ никакія бѣды. Я понимала, что, разсуждая отвлеченно, отецъ правъ. Но что касается лично меня, я убѣждена была, что, умѣй я больше наслаждаться матеріальной стороной жизни и предъявлять меньше требованій къ ея духовной сторонѣ, можетъ быть, все бы шло гораздо глаже, и, ужъ, конечно, я была бы счастливѣе. Теперь я, напротивъ, думаю, что я никогда ни въ чемъ, ни въ чувствахъ, ни въ дѣлахъ, не умѣла соблюсти равновѣсія, и это было главной моей ошибкой.

Еслибъ тогда, во время этого разговора, отецъ могъ заглянуть въ будущее, онъ увидѣлъ бы, какъ его «блудный сынъ», его «цыганъ», въ одинъ прекрасный день покинетъ всю свою богему, въ средѣ которой ему жилось такъ привольно и весело, ради экзальтированнаго альтруистическаго чувства, какъ нетерпимость къ злу, которую ему съ дѣтства прививали, какъ добродѣтель станетъ источникомъ великихъ бѣдъ. Но онъ увидалъ бы и другое — какъ его дѣти, всѣми обиженныя, растоптанныя, несчастныя, черпаютъ бодрость и утѣшеніе единственно только въ духовныхъ радостяхъ, которыя онъ научилъ ихъ цѣнить.

Но позвольте мнѣ вернуться къ нашей поѣздкѣ на Ривьеру, этому единственному оазису моей печальной жизни. Отецъ былъ необычайно милъ со мною, чутокъ, терпѣливъ, заботливъ, какъ женщина. Онъ водилъ меня всюду, гдѣ было много цвѣтовъ, много людей, въ самую шумную нарядную толпу. Я отнѣкивалась, зная, что ему это скучно, но онъ нарочно останавливался передъ витринами, чтобы заставить меня остановиться, смотрѣлъ, чтобъ я смотрѣла, учился любить цвѣты, потому что я ихъ любила. О, дивное видѣнье, сверкающіе бѣлизной смѣющіеся берега несказанно лазурнаго моря! Закрою глаза и вижу васъ, и вновь переживаю этотъ краткій, такой далекій теперь, промежутокъ отдыха, забвенія.

Мы вернулись—и я расплатилась съ лихвою за эти счастливые дни. Ческо злился на отца, который, будучи спѣшно вызванъ къ больному, по моей просьбѣ, оставилъ меня въ Миланѣ, телеграфировавъ объ этомъ мужу. Мама была раздражена противъ Ческо, который не выказалъ ни малѣйшаго вниманія къ ней въ эти дни и вдобавокъ еще позволялъ себѣ непочтительные выходки по адресу ея и отца,—словомъ, споры, перекоры, сердитыя лица. Началась снова моя обычная жизнь.

XIV.

Въ Болоньѣ.

15 апрѣля того же 1897 г. мы переѣхали въ Болонью. Я страшно радовалась, что буду жить вблизи своихъ, и, можетъ быть, Ческо, подъ вліяніемъ моего отца станетъ добрѣй со мной и съ дѣтьми. Жизнь снова казалась мнѣ сносной, и въ сердцѣ ожила надежда.

Какъ мало способенъ человѣкъ предвидѣть будущее! Именно этотъ шагъ окончательно сгубилъ нашъ покой и разрушилъ нашъ союзъ.

Я надѣялась, что общеніе съ моимъ отцомъ будетъ пріятнымъ Ческо; вмѣсто того частыя встрѣчи давали моему мужу сотни новыхъ поводовъ критиковать и тестя, и всю нашу семью. Достаточно сказать, что Ческо, студентъ второго курса, позволялъ себѣ критиковать и какъ врача—профессора Августо Мурри! Это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно.

Съ другой стороны, я, вернувшись въ общество, въ привычную среду, стряхнула съ себя апатію, овладѣвшую мной отъ нашей сонной жизни въ Падуѣ. Тамъ я совсѣмъ не видѣла людей, здѣсь въ Болоньѣ видѣла ихъ много, и самыхъ лучшихъ, самыхъ интересныхъ, бывавшихъ въ домѣ моего отца. Здѣсь мнѣ поневолѣ приходилось сравнивать своего мужа съ другими, аристократами и буржуа. И тутъ еще ярче выступала вульгарность Ческо, грубость его рѣчей и манеръ, недостаточность образованія, неряшливость въ одеждѣ, низменность чувствъ и побужденій; всѣ эти недостатки били въ глаза съ ужасающей рѣзкостью, и я огорчалась, нервничала, чувствовала себя больной душой и тѣломъ.

Ческо попрежнему не видѣлъ и не понималъ всей глубины нашего разлада, но онъ не могъ не видѣть перемѣны, происшедшей во мнѣ самой. Я никогда не была веселой, въ шумномъ смыслѣ этого слова, но всѣтаки была спокойной, ясной, улыбающейся. Не изъ *притворства,* какъ увѣряли злые люди, но изъ какой-то особой внутренней гордости, для того, чтобъ не имѣть вида жертвы, чтобъ меня не жалѣли, и еще потому, что я надѣялась такъ горячо!

До сихъ поръ, хоть я и часто плакала украдкой, я старалась скрывать слѣды своихъ слезъ, таила грусть въ душѣ и всегда въ шутливомъ тонѣ говорила съ Ческо о его промахахъ и недостаткахъ. Я называла его *скупымъ рыцаремъ*, когда онъ бранилъ меня за «расточительность», и «дѣдомъ Ворчуномъ», когда онъ ворчалъ на меня за мое пристрастіе къ развлеченіямъ; когда туалетъ его оставлялъ многаго желать, (что, къ сожалѣнію, случалось слишкомъ часто), я смѣясь, звала его *блаженнымъ Лавромъ*—святой, презиравшій чистоту и

опрятность. Всякій разъ, какъ мнѣ нужно было сказать ему что-нибудь задѣвающее его самолюбіе, я писала ему записочку на его родномъ венеціанскомъ діалектѣ, который изучила въ совершенствѣ, и прикалывала её въ ногахъ кровати, чтобъ онъ увидѣлъ ее тотчасъ, какъ проснется; сама я вставала гораздо раньше его.

Бѣдный Ческо смѣялся надъ этими моими «фокусами», но, еслибъ онъ *умѣлъ* понимать, онъ понялъ бы, какая правда въ нихъ скрывалась. Но, чтобы хоть нѣсколько понять другого, нужно, чтобъ было съ этимъ другимъ что-нибудь общее въ душѣ, а мы съ каждымъ днемъ становились все болѣе и болѣе чужими другъ другу.

Теперь я давно уже перестала пытаться шуткой и лаской исправить его. Я молчала. Кто знаетъ? не будь у меня дѣтей, которыхъ нужно было воспитывать, я бы совсѣмъ закрыла на это глаза, поддавшись апатіи, такъ велико было мое отвращеніе ко всякимъ спорамъ и ссорамъ. Но мое молчаніе только потворствовало слѣпотѣ Ческо относительно состоянія моей души. Онъ видѣлъ меня постоянно грустной, видѣлъ, что я хирѣю, и, бѣдняжка, не понималъ причины.

По совѣту отца въ іюлѣ я уѣхала на мѣсяцъ въ горы, съ дѣтьми, но ни тамъ, ни въ Римини, гдѣ мы провели остатокъ лѣта, я не могла оправиться.

Только въ сентябрѣ я стала чувствовать себя получше и часто бывать съ дѣтьми у Баттиста Вальвасори, на его дачѣ близъ Падуи. Ческо, привыкшій теперь проводить вечера въ кафе, рѣдко ѣздилъ съ нами; онъ тяготился слишкомъ скромной жизнью этой семьи, на дачѣ укладывавшейся спать въ половинѣ девятаго. Я же и дѣти чувствовали себя тамъ отлично, окруженныя любовной заботливостью Баттисты и его жены. Я не знала, что думать о нихъ. Отъ Ческо я наслышалась столько дурного, а между тѣмъ они вели себя въ отношеніи насъ, какъ самые лучшіе, самые искренніе друзья. Я тогда еще не знала, что Ческо по натурѣ склоненъ критиковать, преувеличивать и находить дурное даже тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Между прочимъ, Ческо разсказалъ мнѣ о Баттиста одну вещь, сильно меня забавившую. Онъ увѣрилъ меня, что Вальвасори былъ противъ нашего брака, на томъ основаніи, что я не была такъ *невинна и чиста, какъ подобаетъ быть дѣвицѣ*. Онъ сказалъ мнѣ это вскорѣ послѣ нашей свадьбы; я была страшно возмущена такой жестокой клеветой, но тогда мы были мало знакомы съ Вальвасори, и у меня нехватало духу объясниться съ нимъ по этому поводу. Но теперь, когда мы такъ подружились, и онъ съ такимъ участіемъ разспрашивалъ меня о причинахъ моего нездоровья и моего постоянно

грустнаго настроенія, я рѣшилась наконецъ спросить у него, на какомъ основаніи онъ такъ отозвался обо мнѣ.

Баттисто страшно разсердился на Ческо, увѣряя, что все это его собственная гадкая выдумка, и при этомъ наговорилъ о моемъ мужѣ немало горькой правды.

— Если я былъ противъ вашего брака, такъ это потому, что я слишкомъ обязанъ твоему отцу, который вылѣчилъ меня, и мнѣ не хотѣлось, чтобъ онъ выдалъ дочь за такого человѣка, какъ Ческо. При такой разницѣ воспитанія, взглядовъ, характеровъ, какъ у васъ, я зналъ, что ты не будешь съ нимъ счастлива.

Тутъ я уже не выдержала и, рыдая, призналась ему, что это правда, что мы совсѣмъ не сходимся характерами, и это меня убиваетъ. Онъ и жена его старались утѣшить меня. Помню, мы всѣ втроемъ гуляли въ саду, и Баттиста все обращался къ своей женѣ:— Помнишь, Мари, сколько разъ я говорилъ тебѣ: не можетъ у нихъ быть согласной жизни!

Баттиста хотѣлъ объясниться съ моимъ мужемъ, но я упросила его не дѣлать этого, чтобъ не возстановлять Ческо противъ меня, а лучше обратить вниманіе моего мужа на мое угнетенное душевное состояніе и, въ качествѣ близкаго и пожилого родственника, посовѣтовать ему быть со мной помягче и поделикатнѣе.

Баттиста такъ и сдѣлалъ. Бѣдный Ческо встревожился и, искренно желая угодить мнѣ, но не понимая причины моей грусти, помчался въ Падую покупать мнѣ *новое платье*, и съ торжествомъ принесъ его мнѣ. Онъ думалъ этимъ уврачевать мнѣ душу!

Вернувшись въ Болонью, я узнала изъ письма Баттиста, что тотъ не выдержалъ и укорилъ моего мужа, зачѣмъ онъ такъ гадко оболгалъ его. И Ческо отрекся, сказалъ, что онъ никогда не говорилъ мнѣ ничего подобнаго!

Въ концѣ 97 года Ческо вмѣстѣ съ Баттистой поѣхали въ Римъ и оттуда мужъ привезъ мнѣ въ подарокъ чайный серебряный сервизъ, который мнѣ давно хотѣлось имѣть... Это Баттиста посовѣтовалъ ему доставить мнѣ удовольствіе. Я, дѣйствительно, была довольна, —къ какъ это свидѣтельствовало о добрыхъ намѣреніяхъ Ческо, но о мнѣ было въ подаркахъ? Очевидно, ни Ческо, ни Баттиста не нимали, что причиной моего недуга была нравственная неудовлетвонность, постоянное душевное одиночество. Вѣдь слова и поступки ско оставались все тѣ же. И къ моей безконечной грусти примѣвалась такая же безконечная жалость къ этой душѣ, неспособной ѣниться.

XV.

Роковой годъ.

1898-ой. О, зачѣмъ я не умерла въ этомъ году! Лучше было бы мнѣ умереть, ибо съ этого года начинается самая ужасная часть моей скорбной исторіи. До этого года, мои бѣдныя дѣтки, ваша мама не грѣшила противъ своего мужа даже въ мысляхъ, не только въ поступкахъ. Въ первые же мѣсяцы этого рокового года въ душѣ моей впервые возникли малодушіе и протестъ, уготовившіе путь лукавому врагу.

Въ первые годы моего замужества я упорно боролась, стараясь завоевать душу своего мужа. И въ этомъ упорствѣ не было заслуги съ моей стороны, ибо мысленный взоръ мой былъ устремленъ ввысь. И женщина, которая всетаки жила во мнѣ, надѣялась, что оттуда упадетъ на нее солнечный лучъ. Но послѣ стольких неудавшихся попытокъ и разбитыхъ надеждъ, всѣ иллюзіи разсѣялись. Всѣ чувства женщины сосредоточились въ одномъ чувствѣ—матери, въ надеждѣ, что ей возможно будетъ дать своимъ собственнымъ, ею рожденнымъ дѣтямъ такое воспитаніе, какое она считала лучшимъ. Это еще могло связать насъ общей любовью, въ это я вложила свою послѣднюю надежду. Но вмѣсто того именно воспитаніе дѣтей стало источникомъ непереносныхъ для меня обидъ, потому ли, что это было дѣло моей совѣсти, потому ли, что теперь, когда любовь погасла и здоровье мое было надорвано, я стала нетерпимой и ужъ не находила въ себѣ той улыбающейся покорности, какъ въ былые дни.

Я молила Бога даровать мнѣ дѣтокъ, всю себя посвятила имъ; и вотъ, на моихъ глазахъ другой вносилъ въ эти дѣтскія души мысли и чувства, которыя мнѣ казались дурными, и я должна была мириться съ этимъ! Всѣ мои мечты измѣнили мнѣ; судьба обманула меня во всемъ. И, чувствуя себя такой несчастной, я негодовала, возмущалась, плакала. Мнѣ казалось, что бракъ мой проклятъ Богомъ, хоть онъ и былъ заключенъ по желанію моихъ родителей.

Это я теперь говорю, что 1898 былъ роковымъ для меня годомъ, годомъ моего грѣха, ибо вижу, куда привело меня возмущеніе моего духа; тогда же оно казалось мнѣ законнымъ и священнымъ. Мысли мои были чисты. Если бы кто-нибудь сказалъ мнѣ тогда, что я готова полюбить, я бы возразила ему, что я скорѣе готова *возненавидѣть*, будь я на это способна,—да, именно возненавидѣть всѣхъ мужчинъ, которые въ то время казались мнѣ мучителями женщины.

Это, конечно, было внушеніе Лукаваго. Онъ подкрадывается неслышно, издалека подготовляетъ душу къ паденію. Если бы неподго-

товленному уму предсталъ грѣхъ въ его конечномъ видѣ, многія женщины удержались бы во время. Но грѣхъ врастаетъ въ душу постепенно, незамѣтно. Я думала тогда:—Вѣдь въ матеріальной жизни каждый имѣетъ право на хлѣбъ, воздухъ и солнце, а у души нѣтъ развѣ правъ? Почему намъ, женщинамъ, для которыхъ жизнь есть любовь, общество сперва отказываетъ въ опытѣ, который помогъ бы намъ разумно и сознательно выбрать себѣ спутника жизни, потомъ навязываетъ намъ пожизненное иго, и, наконецъ, въ случаѣ ошибки, лишаетъ насъ всякой возможности поправить её? Это несправедливо.

Почему женщина, душа которой совершенно чужда душѣ ея мужа, *обязана* принадлежать ему тѣломъ, рискуя противъ воли рождать дѣтей отъ человѣка, котораго она не уважаетъ? Но вѣдь это же пожизненная проституція, освященная соціальными и религіозными законами, основанными на постоянномъ притворствѣ, на самомъ обидномъ униженіи женщины. Выходя замужъ, я думала, что пріобрѣтаю себѣ не господина, а друга, товарища. Если такъ, тогда лучше бы ужъ меня прямо продали, какъ рабыню! Нѣтъ, нѣтъ, эти законы придуманы людьми; Богъ не могъ утвердить ихъ. Истинной нравственностью въ любви должно быть полное согласіе между мужемъ и женой, духовное и тѣлесное. Иначе это будетъ насиліе со стороны мужчины, и униженіе, рабство для женщины.

Въ другія минуты я старалась укрѣпить въ себѣ принципы ходячей морали и говорила себѣ:—Но вѣдь будь я счастлива съ Ческо, въ моей добротѣ не было бы никакой заслуги. Не трудно быть хорошей съ хорошими. Въ томъ и добродѣтель, чтобы нести свой крестъ.

Теперь я думала по цѣлымъ днямъ, колеблясь между самыми противоположными взглядами, порой доказывая себѣ, что добродѣтель, связанная съ униженіемъ собственнаго достоинства, безъ пользы для кого бы то ни было, не настоящая добродѣтель, ибо первый долгъ нашъ—уважать самихъ себя. А если такъ, почему я обязана безропотно нести этотъ удѣлъ *проданной*—не подруги, а самки мужчины, это рабство, никому не нужное и мучительное для меня?

Еслибъ я могла передать здѣсь всю эту работу мысли, всѣ тре-
ги моей совѣсти, вы прослѣдили бы мой крестный путь, мою борь-
съ грѣхомъ... И кто, имѣющій въ себѣ человѣческое сердце и
вство, рѣшился бы первый бросить въ меня камень?

Нѣтъ, нѣтъ. Тогда я дѣйствительно не думала о грѣхѣ, даже въ
сляхъ не допускала его, какъ возможности. Я жила какъ бы внѣ
зни. Ни одинъ мужчина мнѣ не нравился; въ каждомъ я видѣла
вулятора рабствомъ женщины. Въ женѣ они убивали душу, лю-
чницу давили своимъ презрѣніемъ. И думая объ отношеніяхъ между

мужчиной и женщиной вообще, я дрожала отъ негодованія противъ мужчины, дѣлающаго женщину орудіемъ животнаго наслажденія, отъ жалости къ женщинѣ, которая можетъ еще назвать себя счастливой, если хоть въ этомъ отношеніи ей выпалъ удачный жребій.

И я давала себѣ слово научить своего сына уважать женщину, которая станетъ его женой, щадить ея душу, ея идеалы, и мечтала найти такого мужа для своей дочери.

Все это надрывало мнѣ душу, и я становилась все грустнѣй, все слабѣе физически. Ческо, наоборотъ, становился все грубѣй и самоувѣреннѣй; онъ совершенно не понималъ или игнорировалъ то, что творилось въ моей душѣ. Съ каждымъ днемъ я, сама того не замѣчая, становилась все холоднѣе съ нимъ, и онъ, хоть видѣлъ это, не огорчался, поглощенный разнообразіемъ своей новой жизни, въ увѣренности, что я просто нервно больна. Къ тому же я не въ состояніи была даже въ пустякахъ сознательно обидѣть или огорчить его. Кто не видѣлъ раньше моей особенной, любовной заботливости о немъ, счелъ бы меня и теперь примѣрной женой во всѣхъ отношеніяхъ—кромѣ одного...

Я давно уже перестала «просвѣщать» своего мужа и говорила съ нимъ теперь лишь на обыденныя темы. Это отсутствіе протеста во мнѣ во всемъ, что не касалось воспитанія дѣтей, внушило ему обманчивую мысль, что я покорилась, сложила оружіе, и я, прекрасно понимавшая его, говорила себѣ:—Онъ спитъ, бѣдняга,—и хорошо, что спитъ. Лучше ужъ не видѣть и не слышать, коли все равно нечѣмъ помочь. Пусть хоть онъ будетъ счастливъ и не чувствуетъ разлада между нами.

И меня охватывала безконечная жалость къ нему, словно къ слѣпому, который ежеминутно рискуетъ свалиться въ пропасть. И когда онъ, словно нарочно оскорблялъ все и всѣхъ, кто былъ мнѣ дорогъ, съ наглой увѣренностью человѣка, воображающаго себя умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я уже не чувствовала ни боли, ни негодованія, одну лишь жалость и говорила себѣ: Безумецъ, онъ не понимаетъ, что, испытывая мое терпѣніе, онъ испытываетъ судьбу!

И въ тѣ минуты, когда я въ состояніи была молиться (ибо какъ я уже говорила, хоть и продолжала вѣрить въ Бога, создателя міра, я ужъ не вѣрила, что Онъ слышитъ наши молитвы), я молилась, чтобъ Богъ помогъ мнѣ сохранить въ себѣ до конца жизни это терпѣніе, ибо въ немъ теперь была моя послѣдняя надежда.

— По крайней мѣрѣ *онъ* проживетъ счастливо.

Эта мысль и отрада чувствовать себя чистой было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ.

А дѣти? Они, бѣдняжки, къ сожалѣнію, были въ томъ возрастѣ, когда они еще не могли цѣликомъ наполнить моей жизни. Усиленныхъ матеріальныхъ попеченій они не требовали, такъ какъ были здоровы и уже вышли изъ періода младенчества; для воспитанія моральнаго они были еще слишкомъ малы, и притомъ здѣсь вѣчно тормозила дѣло разница взглядовъ моихъ и моего мужа.

Такъ, одинокая душой, не находя примѣненія своимъ душевнымъ силамъ, лишенная свободы даже въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, я чувствовала себя побѣжденной, обезкураженной, извѣрившейся въ жизнь и въ торжество добра.

Мужъ мой, которому лестны были мои связи и знакомства въ Болоньѣ, находилъ желательнымъ, чтобъ я вращалась въ свѣтѣ, и, во время карнавала, послалъ меня гостить къ одной моей подругѣ. Но я, должно быть, вслѣдствіе моего тогдашняго особеннаго душевнаго состоянія, изъ общенія съ свѣтскими людьми вынесла только новую горечь и разочарованіе. Я казалась сама себѣ совершенно не ко двору въ этомъ обществѣ, какой-то дикаркой, стоящей внѣ жизни. И сторонилась отъ свѣта, и люди, мало знавшіе меня, называли меня гордячкой. А я была на самомъ дѣлѣ просто травкой, выросшей безъ солнца, или какъ выражался, папа, «звѣркомъ во время зимней спячки», и хирѣла съ каждымъ днемъ, и радовалась этому въ надеждѣ, что рано или поздно я перестану страдать.

XVI.

Разрывъ.

Въ мартѣ того же 98 года, подъ предлогомъ, что я хочу, чтобъ и Нинетто спалъ со мною въ моей комнатѣ, гдѣ уже спала Марія, а комната слишкомъ мала для четверыхъ, я убѣдила своего мужа перейти въ другую спальню, и вслѣдствіе этого, а также по причинѣ моего слабаго здоровья мы съ той поры почти перестали жить, какъ мужъ и жена.

И въ первые дни моей замужней жизни такъ называемыя чувственныя наслажденія мало привлекали меня. Я радовалась только тому, что могу доставить удовольствіе своему мужу, доказать ему мою любовь и покорность. Но это чувство духовнаго наслажденія, ...ивающагося даже рядомъ съ горечью жертвы, несомнѣнно сильное ...благородное, живетъ только пока душа горитъ энтузіазмомъ. Какъ ...ько мы съ Ческо отошли душой другъ отъ друга, и въ тѣлѣ моемъ ...никъ протестъ противъ отдачи себя во власть другого. Это чув... протеста умѣрялось жалостью и нежеланіемъ огорчить мужа,

но съ годами оно все росло, и въ концѣ-концовъ моменты сближенія сдѣлались для меня такимъ насиліемъ, физическимъ и нравственнымъ, что послѣ нихъ я три-четыре дня чувствовала себя совсѣмъ больной и ходила съ такимъ измученнымъ, блѣднымъ лицомъ, что даже мужъ мой не могъ не замѣтить этого. И мужъ мой былъ такъ великодушенъ, что почти не тревожилъ меня, хоть и былъ увѣренъ, что мое отвращеніе къ супружеской близости лишь временное, на нервной почвѣ, и повторялъ по этому случаю свою излюбленную латинскую фразу.

Я была ему чрезвычайно признательна за это и всячески старалась выказать ему мою благодарность. А такъ какъ онъ, по старой привычкѣ, быть можетъ, и преувеличивая, все время хвастался мнѣ своими любовными похожденіями, я очень ласково сказала ему, что онъ воленъ располагать собой, что я не могу стѣснять его и полностью возвращаю ему свободу.

Мнѣ казалось, что этимъ я поквиталась съ нимъ и могу теперь вести жизнь, позволяющую мнѣ уважать себя и не оскорбляющую моего достинства. Я готова была хорошо относиться къ Ческо, какъ къ моему спутнику на жизненномъ пути, но отдаваться ради его удовольствія, нѣтъ,—*это* больше нѣтъ! Да и зачѣмъ? Вѣдь онъ же самъ мнѣ хвасталъ, что обладаетъ другими женщинами.

Въ началѣ іюля, какъ-то вечеромъ, онъ взялъ меня въ послѣдній разъ. И тутъ я ласково, но твердо сказала ему, что не могу больше быть его женой, что это запрещаетъ что-то внутри меня, что сильнѣе даже моей воли. Если онъ уступитъ мнѣ въ этомъ, я буду ему самой доброй, самой любящей сестрой... И на его доводы я отвѣтила ему, что онъ совершенно правъ, что, конечно, онъ найдетъ сотни женщинъ поинтереснѣй и красивѣй меня, и я ни въ чемъ у него не буду требовать отчета.

Онъ покорился, бѣдный, обѣщалъ, что съ этихъ поръ мы будемъ жить, какъ братъ съ сестрой. И дѣйствительно, нѣкоторое время я жила спокойно, если не счастливо, радуясь, что мнѣ, наконецъ, удалось установить между нами добрыя отношенія на основѣ полной искренности и взаимнаго уваженія. И успокоенная, я была съ нимъ искренно нѣжна, какъ сестра. Мы словно переживали бабье лѣто, которое продолжалось до 24 ноября—день полнаго разрыва.

Въ это утро Ческо, какъ всегда, былъ еще въ постели, когда я, по обыкновенію, принесла ему кофе (я вставала гораздо раньше его). И тутъ онъ, найдя меня поздоровѣвшей, снова предъявилъ свои супружескія права, нарушивъ нашъ іюльскій договоръ. Я противилась, онъ страшно разсердился, наговорилъ мнѣ кучу обидныхъ, гадкихъ

словъ и хотѣлъ взять меня силой. Я, въ свою очередь, не выдержала и впервые за всю нашу супружескую жизнь, высказала ему всю горькую правду, все, что накопилось у меня въ душѣ за эти шесть лѣтъ. Что я ему наговорила, ужъ и сама не знаю...

Съ минуту мы стояли такъ другъ противъ друга, въ вызывающихъ позахъ, сами не сознавая, что произошло непоправимое. До сихъ поръ бѣдный Ческо не огорчался разницей нашихъ натуръ; мѣряя любовь жены ея физической покорностью, онъ жилъ спокойно и довольствовался этимъ, не ища другого. Но когда я взбунтовалась, когда онъ увидѣлъ, что я скорѣе дамъ убить себя, чѣмъ уступлю, онъ впервые понялъ правду. Въ своей женѣ, до тѣхъ поръ покорной и жертвовавшей собою ради идеала, онъ неожиданно для себя увидѣлъ другую женщину, съ своимъ собственнымъ внутреннимъ міромъ, сильно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, независимую, свободную, сильную!

Онъ понялъ и то, что мой отказъ принадлежать ему былъ не мольбою тѣла, истощеннаго болѣзнью, но рѣшительнымъ протестомъ духа, понялъ, что я не люблю его не потому, чтобъ я была неспособна любить, но потому, что натура его совершенно не родственна моей. И это послѣднее больше всего задѣло его гордость самца, избалованнаго успѣхомъ у женщинъ, равно какъ и самолюбіе благороднаго графа, удостоившаго преподнести свою графскую корону скромной мѣщаночкѣ.

Послѣ ужасной сцены я уѣхала къ отцу, а отъ него, не повидавшись съ мужемъ, въ Падую, откуда обѣщала написать ему. Дома я говорила о разъѣздѣ, о разводѣ, о невозможности продолжать подобную жизнь. И рыдала, какъ безумная, *сорокъ* часовъ подъ-рядъ.

На другой день пріѣхалъ отецъ передать мнѣ отвѣтъ Ческо. Бѣдный папа! Онъ только теперь понялъ, что̀ я выстрадала за всѣ эти годы. Онъ говорилъ мнѣ: «Рѣшай сама», но я требовала совѣта, и онъ посовѣтовалъ мнѣ развестись законнымъ порядкомъ. Это казалось ему самымъ правильнымъ и самымъ радикальнымъ выходомъ. Такъ же думала мама и Нино; но мнѣ, какъ только буря улеглась, ало жалко и дѣтей, и Ческо. Видитъ Богъ, какъ искренно я жала его, — я, которая такъ живо представляла себѣ его недоумѣніе обиду. И потомъ, онъ былъ отцомъ моихъ дѣтей... И я уже расивалась въ томъ, что наговорила ему, — хотя взять назадъ сказане уже не могла. Все это я написала ему въ самомъ миролюбивомъ нѣ, въ письмѣ, которое одинъ изъ слѣдователей назвалъ *шедевмъ притворства*. Я говорила ему, что онъ былъ добръ со мной, е былъ деликатенъ, душилъ всѣ мои стремленія, перечилъ всѣмъ

моимъ симпатіямъ, капля за каплей убилъ любовь... но что я не хочу вымещать этого ни на немъ, ни на дѣтяхъ.

Я звала его, и онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Вальвасори, который, съ своей обычной добротой, хотѣлъ смягчить намъ впечатлѣніе этой первой встрѣчи.

Баттиста и раньше зналъ о перемѣнѣ въ нашихъ отношеніяхъ и хотя былъ на моей сторонѣ, но все же совѣтовалъ мнѣ запастись терпѣніемъ, чтобы не доводить до формальнаго разрыва, говоря, что изъ Ческо можно веревки вить, стоитъ только кое въ чемъ потакать ему и угождать. Я и сама это знала, но мысль использовать слабости моего мужа, чтобы властвовать надъ нимъ, казалась мнѣ оскорбительной для насъ обоихъ.

Въ этотъ разъ Баттиста началъ съ того, что выбранилъ и Ческо, и меня, потомъ снова давалъ мнѣ мудрые совѣты. Но было уже поздно. Ни я, ни мужъ мой не могли забыть; я не могла покориться, онъ не хотѣлъ отречься отъ своихъ правъ. Въ каждомъ взглядѣ намъ обоимъ чудился укоръ, въ каждомъ словѣ обида. Отъ моей любовной заботливости, отъ нашихъ братскихъ отношеній не осталось и слѣда. Минутами онъ бывалъ добръ и ласковъ, въ надеждѣ смягчить меня; я же, угадывая его замыселъ, становилась холодной, какъ ледъ, и тогда приливы нѣжности смѣнялись въ немъ приступами жестокаго гнѣва.

Многіе говорили мнѣ потомъ, что женщина отказомъ только разжигаетъ желаніе мужчины, но тогда я этого еще не знала, и грубая настойчивость Ческо казалась мнѣ унизительной для него и признакомъ отсутствія любви ко мнѣ.

Я надѣюсь, что Богъ проститъ мнѣ, зная, что я поступала такъ по невѣдѣнію, но у меня и теперь щемитъ сердце, какъ только вспомню это время, когда я такъ страдала и заставляла такъ страдать другого.

XVII.

Старая любовь.

Теперь мнѣ снова придется говорить о докторѣ Карло Секки и еще до него о женщинѣ, бывшей невольнымъ орудіемъ въ рукахъ коварной судьбы, о женщинѣ, у которой я встрѣтилась въ этотъ печальный періодъ моей жизни съ первой любовью моей юности.

Я познакомилась съ ней на Рождествѣ 1897 г., когда гостила у графини Каваццо. Звали ее маркизой Рускони. Мы сразу понравились другъ другу—она такъ восторженно отзывалась о моемъ отц

и съ перваго же дня знакомства пригласила меня бывать у нея. Когда я сказала объ этомъ отцу, онъ молвилъ задумчиво:

— Я слышалъ, что она въ большой дружбѣ съ докторомъ Секки.

Въ январѣ тяжко захворала сестра маркизы Рускони, жившая съ мужемъ въ Падуѣ, и такъ какъ маркиза была въ дурныхъ отношеніяхъ съ зятемъ, она постоянно присылала къ намъ узнавать о здоровьѣ сестры и при этомъ каждый разъ снова и снова звала меня къ себѣ. Но я, узнавъ, что у нея часто бываетъ докторъ Секки, медлила и колебалась. Мужъ мой, въ то время очень симпатизировавшій Рускони и вдобавокъ склонный все толковать въ дурную сторону, бранилъ меня, зачѣмъ я не бываю у Рускони, и объяснялъ это тѣмъ, что семья Рускони клерикальная. Тогда я открыла ему истинную причину моихъ колебаній; онъ возразилъ, что это вздоръ, и, если я не принимаю приглашенія изъ-за него, такъ это совсѣмъ напрасно: тѣмъ лучше, если я встрѣчусь съ докторомъ Секки; пусть *отвергнутый женихъ* увидитъ, что побѣдителемъ остался онъ, Бонмартини; это можетъ доставить ему только удовольствіе. О, людская слѣпота!

Итакъ, я начала бывать у Рускони, но въ тѣ часы, когда врачи обыкновенно заняты въ амбулаторіяхъ, чтобы не встрѣтиться съ «отвергнутымъ». По возвращеніи изъ Монте-Карло мы стали часто видѣться съ Рускони. Она была добра, мила, симпатична, и въ судьбѣ нашей было большое сходство; дѣтство ея было такое же печальное: дома ее держали въ ежовыхъ рукавицахъ; она вышла замужъ, ища покоя, и обманулась въ своихъ ожиданіяхъ, была слаба здоровьемъ, склонна къ меланхоліи и, какъ я, чуждалась свѣтской жизни; вдобавокъ, обѣ мы обожали нашихъ малютокъ.

Мы очень подружились, но ни она не упоминала о докторѣ Секки, ни я ее не разспрашивала о немъ; но однажды въ половинѣ іюня я застала ее въ слезахъ. На мои разспросы она послѣ долгихъ отнѣкиваній разсказала мнѣ, что докторъ Секки рекомендовалъ ей въ домъ гувернантку, которой она вовсе не была довольна и разсчитала ее; съ того дня докторъ Секки не бываетъ у нея и даже ни словомъ не откликается на ея письма и цвѣты, которые она ему посылаетъ.

Не столько изъ рѣчей ея, сколько изъ слезъ, мнѣ стало ясно состояніе ея души; и слово за словомъ я сама повѣдала ей все: какъ узнала доктора Секки, какъ полюбила его и какъ онъ поступилъ со мною.

Маркиза въ свою очередь призналась мнѣ, что вотъ уже два года Секки ея другъ и поддерживаетъ ее своей духовной симпатіей. Она не вѣрила, чтобъ онъ способенъ былъ поступить со мною, какъ мнѣ сказала мама; я напомнила ей, что и съ нею въ данный моментъ онъ

поступаетъ не какъ джентльменъ,—но развѣ можно убѣдить влюбленную? Ибо маркиза, несомнѣнно, была влюблена въ доктора Секки, хотя я и теперь не думаю, чтобъ она была его любовницей. И эта платоническая страсть, въ которой она созналась мнѣ, не пробудила во мнѣ ревности. Я забыла (какъ мнѣ тогда казалось), совсѣмъ забыла мою дѣвичью любовь; докторъ Секки былъ мнѣ безразличенъ. Притомъ же въ душѣ моей накопилось столько горечи, и по собственному, недолгому, но горькому опыту, я была такого незавиднаго мнѣнія о мужчинахъ, что мнѣ казалось—я ужъ не способна снова полюбить.

Маркиза хотѣла еще разъ написать Секки и молить его придти; я убѣдила ее, наоборотъ, написать письмо, проникнутое гордостью и достоинствомъ. На это письмо онъ, наконецъ, отвѣтилъ, прося прощенія у своей пріятельницы; та, конечно, съ обычной снисходительностью любящей женщины поспѣшила простить его и была счастлива, что онъ вернулся къ ней... Съ той поры, какъ это часто бываетъ между женщинами, разговорившимися откровенно, по душѣ, она нерѣдко говорила мнѣ о немъ. До этого я ничего о немъ не знала, даже не знала, гдѣ онъ живетъ и не женился ли. Рускони я объявила, что не хочу встрѣчаться съ нимъ, не сознаваясь даже себѣ самой, что я еще не изжила своей обиды... Какъ бы то ни было, встрѣча съ нимъ не могла быть мнѣ пріятной.

27 сентября (самый фатальный день въ моей жизни) въ то время, какъ я сидѣла у Рускони и мы, по обыкновенію, дружески болтали, дверь отворилась, и на порогѣ появился докторъ Секки.

Ни я, ни пріятельница моя не тронулись съ мѣста, не сказали ни слова. Онъ также молча застылъ на порогѣ, потомъ вдругъ расплакался, какъ ребенокъ. Потомъ, все плача, подошелъ и опустился на кресло неподалеку отъ меня.

Точно ледяной рукой мнѣ сжало сердце... Рускони встала и ушла—я едва замѣтила это. Нѣсколько минутъ мы сидѣли молча; онъ плакалъ; я смотрѣла на него; что̀ я думала, что̀ чувствовала—не знаю; я была, какъ во снѣ... Маркиза неожиданно вернулась съ флакончикомъ нюхательной соли, который она подала доктору. Этотъ ея жестъ, въ такой моментъ, былъ до того комиченъ, что мы всѣ трое расхохотались. Такимъ образомъ, ледъ былъ сломанъ, волненіе побѣждено; мы могли разговаривать.

Помню, первымъ моимъ словомъ, обращеннымъ къ Секки, было удивленное:

— Но о чемъ же плакать?

Тогда онъ объяснилъ мнѣ все еще дрожащимъ голосомъ, что

встрѣча со мной послѣ столькихъ лѣтъ разбудила въ душѣ его всю боль, которую онъ чувствовалъ, когда ему запретили посѣщать нашъ домъ, что ему было страшно больно потерять уваженіе и привязанность моего отца, который, конечно, былъ въ правѣ ожидать отъ него благодарности за все свое добро, а не злоупотребленія гостепріимствомъ. Я никогда не слыхала отъ отца такихъ жалобъ, но Секки такъ искренно огорчался и такъ горячо просилъ меня сказать отцу, что его подозрѣнія незаслужены, что я обѣщала это сдѣлать.

Могла ли я не взволноваться этой встрѣчей? Все прошлое горе воскресло въ моей душѣ, вся пережитая боль...

Вечеромъ я, какъ всегда, пошла къ отцу и передала ему слова доктора Секки. Папа выслушалъ меня серьезно и ничего не сказалъ.

На другой день пришла ко мнѣ Рускони и сообщила, что докторъ Секки очень обиженъ моей холодностью. И я была такъ малодушна, что дала ей открытое письмо къ доктору Секки, въ которомъ писала ему, что исполнила его просьбу относительно отца.

Ческо я также разсказала о встрѣчѣ съ «отвергнутымъ», о которомъ онъ время отъ времени разспрашивалъ меня въ послѣдніе мѣсяцы, но онъ словно не обратилъ вниманія. Потомъ я еще два раза видала доктора и каждый разъ говорила объ этомъ мужу. Онъ, повидимому, не придавалъ этимъ фактамъ никакого значенія; но послѣ памятной ноябрьской сцены всякій разъ, какъ я плакала или грустила, онъ говорилъ мнѣ:

— Я знаю, что съ тобой: ты опять влюбилась въ Секки!

Вначалѣ, по усвоенной мною привычкѣ не спорить съ мужемъ, я почти не возражала; но мало-по-малу слова эти стали у Ческо обычнымъ припѣвомъ; онъ словно нарочно дразнилъ меня, бросая мнѣ въ лицо такой укоръ. Не умѣю сказать, какія чувства будилъ во мнѣ этотъ вызовъ: негодованіе, боль, возмущеніе. Мнѣ казалось, что большей обиды для меня не можетъ быть. Я иначе понимала свой женскій долгъ и въ то время не повѣрила бы, что могу когда-нибудь измѣнить ему. И еслибъ даже я могла себѣ представить, что я еще способна полюбить, изъ всѣхъ людей мнѣ казался наименѣе опаснымъ этотъ человѣкъ, презрѣвшій меня, оклеветавшій, человѣкъ, котораго я никоимъ образомъ не могла уважать.

И въ то же время постоянные попреки въ томъ, что я будто бы люблю его, заставляли меня чаще и чаще думать о немъ. Я вспоминала, какъ я горячо его любила, и мнѣ интересно было выяснить себѣ, что именно,—теперь, когда я считала себя Богъ вѣсть какой разумной и умудренной опытомъ.

Изъ этого возникло любопытство, смѣшанное съ удовольствіемъ

при встрѣчахъ, дѣлавшихъ мнѣ возможность наблюдать его, но чѣмъ больше я присматривалась къ нему, тѣмъ онъ мнѣ казался добрѣе и интеллигентнѣе—моя умудренность плохо помогала мнѣ разбираться въ людяхъ...

И постепенно мной вновь овладѣвали чары прошлаго. Я думала о томъ, чѣмъ я могла бы быть—и не стала, сравнивая Ческо съ этимъ человѣкомъ, который теперь блисталъ для меня вдвойнѣ—и былымъ, и новымъ свѣтомъ. Я не считалась съ тѣмъ, что въ Ческо я вижу только его слабости, въ другомъ же вижу лишь внѣшнюю блестящую сторону; и безсознательно я уже начинала жалѣть, что вышла замужъ за одного, а не за другого.

— Тѣмъ хуже,—говорила я себѣ,—по крайней мѣрѣ я могу сказать: *mea culpa*. Я сама этого хотѣла. *Этотъ*, по крайней мѣрѣ, уважалъ бы меня изъ любви къ моему отцу.

Ибо докторъ Секки постоянно твердилъ мнѣ о своей глубокой преданности моему отцу, о томъ, какъ онъ благодаренъ ему, какъ чтитъ его. Мысль, что между ними уже никогда не возобновятся прежнія дружественныя отношенія, не разъ вызывала у него слезы. Я раньше никогда не видѣла слезъ мужчины—могла ли я не вѣрить имъ?

Видя меня исхудалой, разбитой, тѣнью той Линды, какую онъ оставилъ, Секки проявлялъ такое горе, что я не могла отказать ему въ словѣ признательности за участіе ко мнѣ, за жалостливый тонъ, когда онъ говорилъ:

— О, какъ вы измѣнились!

И клялся мнѣ, что отдалъ бы жизнь, чтобъ хоть теперь увидать меня счастливой, заплатить долгъ признательности моему отцу и мнѣ, которая его любила.

Тогда я еще не знала, какъ люди умѣютъ лгать, не знала, зачѣмъ они лгутъ; и такъ, шагъ за шагомъ укоры Ческо пробудили въ моей душѣ сначала любопытство, потомъ сожалѣніе. Потомъ явилась признательность за добрыя слова и нѣчто вродѣ гордости, воскресившей меня послѣ стольких униженій... А отъ этого недалеко и до любви.

Чувство вкралось ко мнѣ въ душу постепенно, незамѣтно, не признанное душой. Кто опишетъ муки этой души, со всѣхъ сторонъ осаждаемой? Раньше у меня было два утѣшенія въ моемъ горѣ: блаженное спокойствіе моего мужа и гордое сознаніе, что совѣсть моя передъ нимъ чиста. Но спокойствіе моего мужа было потеряно въ этотъ роковой ноябрьскій день, а теперь я рисковала потерять и другое—свою гордость, свою добродѣтель. Я защищалась, припоминая всѣ былыя обиды, но всетаки чувствовала, что твердость моя колеблется. Наединѣ съ самой собой я не могла отрицать, что врагъ уже

вошелъ въ меня. Какъ это сталось—не знаю. Слово, взглядъ нежданно открыли мнѣ страшную правду, и я была раздавлена, уничтожена, почувствовавъ себя блудницей *въ душѣ!* Одинъ Богъ знаетъ, какъ я страдала! Я думала, что я сойду съ ума; мнѣ казалось, что все, все вокругъ меня рушится; я только объ одномъ и думала, только одного и жаждала—смерти! Я готова была оставить моихъ милыхъ дѣтокъ, бѣднаго папу, брата, мать—лишь бы только уйти отъ этой нестерпимой муки. Меня останавливали только два соображенія.

Во-первыхъ, моя смерть была бы тяжкимъ укоромъ на совѣсти моихъ родителей: они винили бы себя, зачѣмъ не запретили мнѣ выйти за Ческо Бонмартини; во-вторыхъ, жаль было омрачить будущую жизнь моихъ дѣтей памятью о самоубійствѣ ихъ матери.

Но еслибъ можно было умереть, не оставивъ за собой ни горя, ни укоровъ совѣсти!

Теперь сознаюсь. Я продѣлывала всякія безумства, чтобъ заболѣть и дойти до избавленія какъ будто бы естественнымъ путемъ, не возбуждающимъ ни въ комъ мысли о самоубійствѣ. Я превратилась въ живой скелетъ и всетаки не умерла! Судьба готовила мнѣ болѣе горькій конецъ.

Дневникъ, веденный бѣднымъ Ческо въ послѣднія двѣ недѣли моего пребыванія въ Болоньѣ, свидѣтельствуетъ о моемъ тогдашнемъ физическомъ и моральномъ состояніи и въ особенности о моемъ страстномъ желаніи смерти, котораго я не умѣла скрыть отъ него.

Кто безъ предвзятой мысли прочтетъ эти немногія страницы, найдетъ въ нихъ подтвержденіе всему, что я сказала, и если не сможетъ назвать меня *чистой,* то все же пойметъ изъ нихъ яснѣе, чѣмъ изъ всѣхъ адвокатскихъ рѣчей, показаній свидѣтелей и моихъ собственныхъ, какъ глубоко укоренилась въ душѣ моей, благодаря моему воспитанію, любовь къ правдивости и гордая честность характера.

Если за всю ту муку, которой мнѣ стоила уже одна тѣнь вины, мои дѣти не простятъ меня, какъ не прощаетъ свѣтъ, они, по крайней мѣрѣ, еще крѣпче полюбятъ своихъ бѣдныхъ дѣда и бабку, которые сдѣлали или хотѣли сдѣлать меня честной, но не смогли огра- ить мое сердце отъ человѣческой немощи.

XVIII.

Въ Санъ-Ремо.

Въ свою душевную борьбу я посвятила и своихъ родителей, и ита. Не лучшее ли это доказательство тому, что я чувствовала

себя подъ гнетомъ силы, противъ которой моя воля была слишкомъ слаба, чувствовала потребность сказать все безъ утайки тѣмъ, кого я люблю и уважаю, просить ихъ помощи, совѣта и защиты?

Отецъ посовѣтовалъ мнѣ бѣжать отъ обоихъ—отъ мужа, котораго я разлюбила, и друга, котораго боялась полюбить слишкомъ сильно. И я дѣйствительно уѣхала съ дѣтьми въ Санъ-Ремо. Но перемѣна мѣста только поправила слегка мое здоровье, а съ нимъ вернулась и энергія. Въ Санъ-Ремо у меня не было ни занятій по хозяйству, ни знакомыхъ, ни визитовъ; даже читать мнѣ не позволяли, такъ я была слаба. Весь день я думала и думала. И ночью также. Заснуть мнѣ удавалось лишь на нѣсколько часовъ и то при помощи наркотиковъ...

Я думала о той двойной борьбѣ, которую мнѣ приходилось вести—съ собственной душой и съ своимъ мужемъ. Мнѣ казалось, что еслибъ мнѣ удалось избавиться отъ его супружескихъ притязаній и гнѣва за отказы, я бы хоть немного успокоилась. Если раньше мнѣ было нестерпимо принадлежать ему, то теперь и подавно—теперь, когда я любила другого. Каждое слово, каждый поцѣлуй казались бы мнѣ ложью; въ тысячу разъ легче умереть, чѣмъ дѣлиться такимъ образомъ, отдавая душу одному, тѣло—другому.

Меня и то ужъ страшно мучило несоотвѣтствіе моего легальнаго положенія и состоянія моей души, вынуждавшаго меня лгать. Меня пойметъ лишь тотъ, кто самъ испыталъ необходимость таить свое чувство. Меня обвиняли въ лицемѣріи. Но что же мнѣ было дѣлать? Кричать на площадяхъ о своей страсти? Презрѣть всѣ приличія? Попрать такъ называемые нравственные законы? Кто изъ тѣхъ, кто такъ винитъ меня, посмѣлъ бы это сдѣлать? И кому отъ этого стало бы легче?

Въ концѣ января д-ръ Секки поѣхалъ въ Берлинъ съ научною цѣлью и на обратномъ пути заѣхалъ въ Санъ - Ремо, объяснивъ свой визитъ тѣмъ, что онъ безпокоился о моемъ здоровьѣ. Мое бѣдное сердце и не справлялось о другихъ мотивахъ. Я рада была увидѣть друга, рада была, что онъ помнитъ обо мнѣ такъ сердечно. Онъ пробылъ въ Санъ-Ремо недолго: всего вечеръ и слѣдующій день, а на утро третьяго уѣхалъ. За этотъ день мы видѣлись два раза: на бульварѣ у отеля *Бельвю,* гдѣ я жила, и въ аллеѣ Императрицы.

Помню, день былъ холодный, пасмурный, и бѣдные чахоточные, пріѣзжающіе сюда грѣться на солнышкѣ, не показывались на улицу; мы были одни, въ первый разъ, и могли говорить свободно. Какъ водится, рѣчь зашла о прошломъ. И онъ признался мнѣ, что онъ такъ меня любилъ, что за всѣ эти десять лѣтъ ни на единый день не

забывалъ меня, не могъ жениться, такъ его преслѣдовало воспоминаніе обо мнѣ... Естественно, мнѣ припомнились слова мамы, и я спросила его, какъ же, любя меня, онъ могъ такъ дурно поступить со мной, заставить меня такъ страдать, такъ надолго отравить мою душу.

Онъ возмутился, отрицалъ, увѣрялъ, что мама обманула меня, чтобъ отвлечь меня отъ него. Что онъ страдалъ не менѣе меня, и даже больше, отъ нашей разлуки, что онъ ушелъ только изъ деликатности, чтобъ не смущать покоя нашей семьи и не прослыть соблазнителемъ; но когда я вышла замужъ, ему было такъ больно, что онъ серьезно думалъ о самоубійствѣ.

Я, уже растроганная этимъ тономъ искренняго горя (я тогда не знала, какъ часто люди лгутъ, клянясь въ любви), спросила только, почему же онъ за этотъ годъ разлуки не передалъ мнѣ хоть слова утѣшенія, зная, что я едва не умерла отъ горя. Знай я, что любовь моя раздѣлена, я бы добилась своего, умолила бы отца и маму, ждала бы сто лѣтъ и ни за что на свѣтѣ не вышла бы за другого.

Онъ отвѣтилъ голосомъ, дрожавшимъ отъ волненія:—Я зналъ, что твои родители имѣютъ основаніе противиться нашему браку—я не былъ достоинъ тебя. Ты, красавица, умная, богатая, изъ такой почтенной семьи, была въ правѣ ждать совсѣмъ другого. И потому я молчалъ, считая своимъ долгомъ покориться волѣ твоей матери и отца.

Могла ли я не вѣрить? Онъ говорилъ такъ хорошо, а я была такъ неопытна, такъ склонна простить и вернуть ему мое уваженіе. Это объясненіе не только изглаживало всякій слѣдъ его мнимой низости, но и ставило его на пьедесталъ героической любви, самопожертвованія, высокаго пониманія своего долга... И сердце мое снова стремилось къ нему, какъ ручей, пробѣгая по скуднымъ полямъ, стремится къ потоку, отъ котораго онъ временно уклонился.

Какъ хорошъ казался мнѣ этотъ холодный пасмурный день! Какъ ясно улыбалось мнѣ зимнее небо и серебристое море! Лучше бы я тогда бросилась въ это море...

Потомъ мы заговорили о моей неудавшейся жизни, о моемъ разладѣ съ мужемъ, и онъ, казалось, понялъ меня, какъ никогда никто меня не понималъ. Съ нами было, какъ съ героями Шекспира.— «Она меня за муки полюбила, а я ее за состраданье къ нимъ».

Потомъ онъ уѣхалъ, и я осталась съ душою, полной опьяняющей сладости, блаженныхъ грезъ, не замѣчая пропасти, уже раскрывавшейся подъ моими ногами. Съ этого дня мы постоянно переписывались, и я все больше убѣждалась въ его добротѣ, честности, въ томъ,

что онъ дѣйствительно любитъ меня, какъ онъ увѣрялъ, съ каждымъ днемъ все горячѣе. Преступная страсть, пылавшая въ моей груди, была такъ сильна, что словно очищалась въ собственномъ огнѣ. Грѣхъ уже казался мнѣ правомъ души. Но я еще не думала о возможности принадлежать любимому человѣку; мнѣ было сладко думать, что это чувство всю жизнь будетъ для меня источникомъ отрады, какъ бы вознагражденіемъ за все, что я выстрадала, оставаясь однако все время чисто духовнымъ.

Такъ успокоилась отчасти моя мятежная душа, такъ, создавъ себѣ мораль внѣ общественныхъ законовъ и Бога—внѣ законовъ Церкви, я, радуясь, что люблю и любима, на колѣняхъ, со слезами благодарила Бога за то, что Онъ, какъ мнѣ казалось, въ своемъ безконечномъ милосердіи послалъ мнѣ этотъ солнечный лучъ, чтобъ я могла жить для своихъ малютокъ.

Моя экзальтированная вѣра въ доброту Творца была такъ искренна, такъ безгранична, что я не могла допустить, чтобъ Онъ послалъ мнѣ страшное зло подъ чарующей формой добра, и еще въ такое время, когда я была такъ слаба душой и тѣломъ. Нѣтъ, Онъ, читающій въ сердцахъ, знающій, что единственной моей отрадой было до сихъ поръ гордое сознаніе своей чистоты,—если Онъ позволилъ возникнуть въ моей душѣ этому новому чувству, если Онъ не послалъ мнѣ смерти, когда я просила ея,—значитъ, это чувство не грѣховно. Вѣдь я прилагала всѣ усилія, чтобы сойтись и подружиться съ мужемъ, вѣдь мы ужъ совершенно разошлись съ нимъ тѣлесно и духовно, когда я встрѣтила Секки. Мнѣ казалось, что внутренній законъ оправдываетъ меня, что самъ Богъ призналъ права моей души и послалъ мнѣ, какъ я молилась въ дѣвушкахъ,—спутника жизни, котораго я могла любить и уважать.

Я такъ искренно увѣровала въ силу этого закона, созданнаго мной самой, подкрѣпленнаго парадоксами и софизмами, что скоро у меня не осталось никакихъ угрызеній совѣсти, кромѣ одного,—что я таю любовь мою къ Секки, а не провозглашаю открыто своего права. Я чувствовала себя униженной этой уступкой требованіямъ свѣта; въ особенности больно и стыдно мнѣ было лгать моему отцу.

XIX.

Modus vivendi.

Въ долгіе часы раздумья наединѣ съ самой собой въ Санъ-Ремо я пришла къ убѣжденію, что жизнь, которую мы въ послѣднее время вели въ Болоньѣ, не можетъ и не должна продолжаться ради нашего спокойствія и достоинства, ради будущаго нашихъ дѣтей.

И мужъ мой, передъ моимъ отъѣздомъ, говорилъ, что такъ дольше жить нельзя... Изъ Санъ-Ремо я написала нашему другу Баттисто, чтобъ онъ убѣдилъ Ческо согласиться на разъѣздъ, при которомъ дѣти остались бы со мной... Но или Вальвасори не приложилъ стараній, или мужъ мой не принялъ въ серьезъ моего рѣшенія,— только изъ этой попытки ничего не вышло.

Возвращаясь въ Болонью, я твердо рѣшила предложить мужу жить, какъ братъ съ сестрой, отложивъ въ сторону все прочее, въ надеждѣ, что онъ, видя мою непреклонность, уступитъ, и нашимъ дѣтямъ не придется жить въ разрозненной семьѣ.

На Ривьерѣ я прожила два мѣсяца, на деньги—наполовину моего мужа, наполовину отца. И то Ческо ворчалъ, что я черезчуръ много трачу и бранилъ отца, зачѣмъ онъ не взялъ всѣхъ расходовъ на себя.

Встрѣча съ мужемъ вышла довольно дружественная. Сердце мое уже готово было раскрыться для доброжелательства и смутной надежды,—но не прошло и *трехъ часовъ,* какъ Ческо началъ ругать моихъ родителей, въ особенности грубо отзываясь объ отцѣ. За мое отсутствіе отношенія сильно обострились; Ческо возненавидѣлъ моихъ и клялся, что нога его больше не будетъ у нихъ въ домѣ.

Я только молчала и блѣднѣла, слушая его. Наконецъ мужъ мой объявилъ, что запрещаетъ мнѣ и дѣтей посылать къ дѣду и бабкѣ.

— Ты не хочешь, чтобъ у нихъ бывали Марія и Нинетто?

— Нѣтъ. Я хозяинъ. Всѣ здѣсь должны дѣлать, какъ я говорю.

Я смотрѣла на него подавленная, не находя словъ. Но самое худшее было еще впереди.

— Да и другое пора кончить и снова жить по человѣчески. Я съ удовольствіемъ вижу, что ты теперь здорова, слѣдовательно, я въ правѣ требовать, чтобъ ты была моей женой *de facto,* а не курамъ *на смѣхъ.* Довольно я, дуракъ, терпѣлъ это!

О нѣтъ! *Это*—нѣтъ! Этого я не могла.

Немедленно я написала Вальвасори, и онъ тотчасъ же явился. Я рѣшительно заявила ему, что я уѣду, обращусь къ суду, словомъ, пойду на все—лишь бы избавиться отъ этой тиранніи.

Баттиста, видя по моему лицу, больше чѣмъ по словамъ, что мое рѣшеніе неизмѣнно, пошелъ разговаривать съ Ческо. Не знаю, что онъ ему говорилъ, но въ результатѣ былъ выработанъ *modus vivendi,* много хуже того, который я выдумала, сидя въ Санъ-Ремо.

Ческо давалъ мнѣ—на меня и на дѣтей—квартиру и шестьсотъ лиръ въ мѣсяцъ (причемъ 400 изъ моего приданаго), обязывая меня перемѣнить квартиру и одинъ мѣсяцъ въ году жить въ Падуѣ, съ

нимъ. Дѣти должны были лѣто жить у отца, а остальное время онъ имѣлъ право навѣщать ихъ, когда угодно. Дѣйствительно, вплоть до дня формальнаго развода, ключъ отъ нашей квартиры лежалъ въ кармане у Ческо.

Но больше всѣхъ я дорожила формальнымъ обѣщаніемъ моего мужа отказаться отъ всякихъ супружескихъ правъ на меня. На такихъ условіяхъ совмѣстная жизнь казалась мнѣ возможной, и я горячо благодарила добраго Вальвасори. Самъ Ческо, чуть не наканунѣ еще предъявлявшій свои права, былъ такъ доволенъ этой комбинаціей, что сказалъ Баттиста:

— Ты заслуживаешь памятника.

Въ маѣ мы переѣхали въ Падую. По совѣту Баттиста, Ческо приказалъ все убрать и вычистить въ домѣ къ моему пріѣзду и насадить въ саду цвѣтовъ. Жили мы этотъ мѣсяцъ съ виду дружно. Мужъ мой нѣсколько разъ ходилъ со мной въ театръ; онъ не ворчалъ, не былъ слишкомъ требователенъ; я старалась казаться веселой, была добра и ласкова съ нимъ. Спали мы въ разныхъ комнатахъ—я съ дѣтьми, онъ на другомъ концѣ дома.

Но въ концѣ мѣсяца, когда я заговорила объ отъѣздѣ вмѣстѣ съ дѣтьми, Ческо вдругъ измѣнился, какъ по волшебству. Онъ, очевидно, надѣялся, что я останусь совсѣмъ и, видя себя обманутымъ, опять сталъ невозможенъ. Можетъ быть, онъ, дѣйствительно, искренно любилъ меня и дѣтей. По крайней мѣрѣ, съ ними онъ въ этотъ мѣсяцъ не былъ суровъ. Теперь, перебирая всѣ эти горькія воспоминанія, я искренно скорблю, что не могла сдѣлать его счастливымъ, оставшись съ нимъ, но и теперь я чувствую, что этого я *не могла;* это было выше моихъ силъ.

Послѣдніе дни были ужасны, нестерпимы. Онъ поминутно грозилъ мнѣ увезти отъ меня дѣтей, если я не стану опять фактически его женой, и былъ такъ золъ, приходилъ въ такую ярость, что я просто *боялась его*.

Быть можетъ, еслибъ я не окрѣпла немного физически, еслибъ я не любила и не была любима, быть можетъ я и сдалась бы,—такъ я устала отъ этой вѣчной борьбы и угрозъ помѣстить дѣтей въ коллегію. Но тутъ я была тверда, притомъ же зная, что Ческо я вовсе не нужна, какъ женщина, что онъ живетъ съ другими, что это—лишь капризъ султана, распаленнаго сопротивленіемъ. Баттиста напрасно доказывалъ мнѣ, что эта настойчивость Ческо—признакъ любви, что мнѣ стóитъ только немного приноровиться къ нему, пощекотать его самолюбіе, и онъ не будетъ мѣшать мнѣ жить, какъ я хочу. И онъ, и другіе весьма прозрачно намекали мнѣ на возможность найти утѣ-

шеніе въ другомъ.—Что тебѣ мѣшаетъ искать своей жизни? Свѣтъ не клиномъ сошелся. Мало ли мужчинъ?...

Но есть въ душѣ такое сильное сопротивленіе, что никакія муки не могутъ его побѣдить, и я, *«притворщица»*, *«лицемѣрка»*, не въ состояніи была пойти избитой тропою лжи. Я предпочитала полный разрывъ и разводъ. Но душу мою еще осаждали страхи и сомнѣнія, когда однажды, въ концѣ сентября, мужъ пришелъ ко мнѣ съ мрачнымъ лицомъ и угрозой въ глазахъ, какимъ я часто видѣла его въ послѣднее время. И напрямикъ заявилъ:

— Такъ не можетъ больше продолжаться. Теперь и я убѣдился, что намъ лучше разойтись законнымъ порядкомъ.—И, увидѣвъ испугъ въ моихъ глазахъ, прибавилъ мягче:—Дѣтей я оставлю тебѣ.

Глубокая признательность засвѣтилась въ моихъ глазахъ.—Спасибо, Ческо; ты знаешь самъ: они еще слишкомъ малы, чтобъ обойтись безъ матери.

— Да, да. Къ тому же я признаю, что ты, какъ мать, безукоризненна.

Эти слова, разомъ вырвавшія изъ моего сердца занозу, которая болѣла столько мѣсяцевъ, этотъ ласковый и полный достоинства тонъ, вмѣсто обычнаго тона приказа хозяина рабынѣ, такъ глубоко взволновали меня, что, клянусь всѣмъ святымъ, я въ эту минуту изъ благодарности готова была забыть весь послѣдній годъ и вернуться къ Ческо. Въ эту минуту онъ предсталъ передо мной именно такимъ, какимъ я всегда хотѣла его видѣть. Я уже улыбалась, уже готова была раскрыть объятія... какъ вдругъ въ умѣ моемъ мелькнуло сомнѣніе: откуда эта чудодѣйственная перемѣна? Ужъ не хитрость ли это, чтобъ овладѣть мной? Навѣрное, Баттиста просвѣтилъ его относительно моихъ взглядовъ, моихъ сомнѣній въ искренности его любви ко мнѣ и дѣтямъ,—и онъ теперь разыгрываетъ комедію чувства. И я сдержала свой порывъ.

Припоминая, я чувствую, что совершила въ эту минуту самый тяжкій грѣхъ своей жизни, ибо еслибъ я не любила Секки, я бы попробовала еще разъ помириться съ мужемъ. До сихъ поръ эта любовь была чужда моимъ рѣшеніямъ; теперь она стала главнымъ стимуломъ моей жизни. И она не позволяла мнѣ исполнить желаніе бѣднаго Ческо.

На другой день я написала мужу, благодаря его ото всей души.

«Я такъ была тронута вчера и сейчасъ еще взволнована. О, еслибъ ты былъ всегда со мной такъ ласковъ и великодушенъ, быть можетъ, мы благословляли бы день, когда мы повѣнчались. Кто знаетъ, когда пройдетъ мое теперешнее душевное состояніе, быть можетъ, я

и смогу доставить тебѣ какую-нибудь радость. А пока я, вдали отъ тебя, буду, какъ вѣрная собака, сторожить твое и мое сокровище, беречь нашихъ дѣтокъ, какъ ты и самъ бы лучше не сберегъ. И когда ты увидишь плоды моихъ заботъ, думай, что я трудилась не только для своего, но и для твоего удовлетворенія.

«Прости мнѣ горе, которое я невольно тебѣ причиняю. Если я не буду больше фактически твоей женой, я все же буду искренно, глубоко, душой, которая желаетъ тебѣ наиболѣе добра».

Думается, еслибъ тогда онъ сдѣлалъ хоть одинъ шагъ навстрѣчу мнѣ, я осталась бы жить у него въ домѣ, какъ его вѣрный другъ, какъ мать его дѣтей; и кто знаетъ, что было бы потомъ? Я могла бы опять привыкнуть, привязаться къ нему. Я не пала бы, уберегла бы свое женское достоинство, и всѣ мы избѣжали бы гибели. Увы! онъ не могъ измѣниться. Всего два дня спустя онъ писалъ Вальвасори: «Одно изъ двухъ: или Линда будетъ для меня *любящей и покорной женой*, или разводъ.

19 октября постановленіемъ суда бракъ нашъ былъ расторгнутъ. Я получила это извѣстіе на дачѣ у Вальвасори. Я приняла его съ виду спокойно, но въ душѣ моей бушевала цѣлая буря самыхъ противоположныхъ чувствъ, жалость къ мужу, любовь къ Секки. И не съ кѣмъ было посовѣтоваться, некому довѣриться... О, какъ были горьки эти дни.

Если когда-нибудь моя бѣдная дѣвочка прочтетъ эти страницы, облитыя слезами, она узнаетъ, что грѣхъ даетъ лишь изрѣдка проблески радости и долгіе часы тоски и муки. Она узнаетъ, какъ безполезно при нашемъ общественномъ строѣ пытаться уйти отъ горестей неудачнаго брака, въ особенности для женщины-матери, у которой нѣтъ даже права умереть, а только одно право—страдать безъ мѣры и конца. Горька, горька, горька наша женская доля! Дочка моя, когда ты была еще въ пеленкахъ, сколько разъ я плакала о твоемъ будущемъ. Пусть примѣръ твоей несчастной матери научитъ тебя душить свое сердце и жертвовать собой, хотя бы эта жертва казалась тебѣ никому не нужной. Чѣмъ больше бьешь, чѣмъ больше усилій прилагаешь, чтобъ выкарабкаться изъ грязи, тѣмъ только больше углубляешь яму.

Единственное мое утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ—надежда, что правдивый до мельчайшихъ подробностей разсказъ о моихъ заблужденіяхъ и моей карѣ послужитъ вамъ урокомъ, мои бѣдныя дѣти. Если я привожу здѣсь всѣ мои мысли, всѣ оправданія, то не для того, чтобъ оправдать себя, но лишь для того, чтобъ показать лукавство нѣкоторыхъ доводовъ и слѣпоту страстей. Страсть властна ч

порою рветъ законы общества, обманчиво почитая себя правомъ души. Но борьба слишкомъ неравна, и хотя съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, еще не было, пожалуй, человѣка, который въ большей или меньшей степени не испыталъ бы на себѣ вліянія этихъ естественныхъ силъ, неосторожный, уступившій искушенію, поправъ условные законы, будетъ наказанъ безпощадно и низвергнутъ въ бездну гибели.

XX.

Паденіе.

Весь 1889 г., что я прожила въ Болоньѣ, я часто видалась съ Секки у маркизы Рускони. Она всегда звала насъ одновременно; она нерѣдко пикировалась со своимъ другомъ и, замѣтивъ, что онъ при видѣ меня приходилъ въ хорошее настроеніе, умышленно комбинировала наши встрѣчи. Что касается его, онъ всегда увѣрялъ меня, что къ маркизѣ онъ питаетъ только искреннюю дружбу; естественно, она, бѣдняжка, при ея печальной жизни, внесла въ свое чувство оттѣнокъ влюбленности, но ни она себѣ не позволяла излишней интимности съ Секки, ни онъ нисколько не поощрялъ ея въ этомъ направленіи.

Не знаю, какъ толковала себѣ маркиза нашу взаимную симпатію, но я сказала ей о нашей встрѣчѣ въ Санъ-Ремо; она знала, что мы переписываемся, что по вечерамъ, когда я иду ужинать къ отцу, возвращаясь около девяти часовъ, я неизмѣнно встрѣчаю д-ра Секки, который здоровается со мной только взглядомъ. Я не могла не замѣтить, что въ послѣдніе мѣсяцы она стала со мной гораздо холоднѣе, но все же я никакъ не ждала того, что случилось. Въ одинъ прекрасный день она прислала мнѣ записку съ просьбой больше не бывать у нея въ домѣ; позже я узнала, что такую же записку получилъ и Секки; это какъ громомъ меня поразило. Я была оскорблена и въ своемъ самолюбіи, и въ своей привязанности къ ней; я даже не могла скрыть своего огорченія отъ Нино; и мой бѣдный братъ въ негодованіи, *безъ моего вѣдома*, написалъ маркизѣ обидное письмо, о которомъ я потомъ, когда узнала, очень сожалѣла.

Я искала объясненія съ маркизой, но это мнѣ не удалось. Пойти къ ней послѣ ея записки я не могла, посвящать въ дѣло третьихъ лицъ не хотѣла. Я считала ее всегда очень доброй и честной, но крайне впечатлительной и нервной, и этимъ обясняла себѣ и другимъ нашъ разрывъ.

Теперь отношенія наши съ Секки ограничивались только перепиской, но такъ какъ на дворѣ была зима, въ темные вечера, между

шестью и половиной седьмого мы иногда встрѣчались на безлюдной улицѣ. Помню, на Рождество и подъ Новый годъ мы устроили себѣ такой праздникъ: въ часъ пополуночи онъ прошелъ по улицѣ мимо моихъ оконо, а я изъ окна смотрѣла на него. Мнѣ виденъ былъ лишь огонекъ закуренной сигары, которой онъ посылалъ мнѣ привѣтъ, ему меня и того было меньше видно, такъ какъ я боялась зажечь лампу въ комнатѣ изъ опасенія чужихъ, нескромныхъ взоровъ. И все же это казалось намъ, а для меня и на самомъ дѣлѣ *было*—райскимъ блаженствомъ. Еслибъ наши отношенія не пошли дальше, самъ Богъ не могъ бы ихъ найти грѣховными. Я понемногу поправлялась, какъ цвѣтокъ на солнцѣ, чувствовала себя помолодѣвшей на десять лѣтъ и требовала своего права на свѣтъ и воздухъ.

Но тутъ я заболѣла инфлюэнцей и не могла послать Секки вѣсточки, не желая посвящать въ свою тайну прислугу. Онъ, встревоженный, написалъ мнѣ по почтѣ и въ тотъ же вечеръ прислалъ мнѣ Тизу, свою горничную, сыгравшую такую крупную роль въ моей исторіи, съ письмомъ, въ которомъ онъ оправдывалъ себя тревогой за мое здоровье и умолялъ меня довѣриться посланной, на которую можно вполнѣ положиться.

Я была такъ слѣпа и такъ безгранично вѣрила ему, что нимало не усомнилась въ его преданности и деликатности. Я ввѣрилась Тизѣ. была признательна ей за помощь, которую она намъ оказывала, и все время относилась къ ней очень хорошо, считала ее искренней и доброй.

Я начала поправляться, но желаніе увидаться и поговорить становилось все острѣе. Секки въ каждомъ письмѣ писалъ мнѣ, что онъ ищетъ повода прійти ко мнѣ, чтобы лично убѣдиться въ состояніи моего здоровья... Я не могла устоять противъ его пылкихъ просьбъ и жалобъ на горе, которое онъ испытываетъ въ разлукѣ со мною, и согласилась принять его поздно вечеромъ, когда всѣ въ домѣ уже будутъ спать. Я была увѣрена въ себѣ, увѣрена, что сумѣю остановиться вò-время. Эта увѣренность была ошибкой, и, отъ поцѣлуя къ поцѣлую, я незамѣтно дошла до паденія.

Разумѣется, пробужденіе было мучительно, но къ чему скрывать? Я рѣшила разсказывать здѣсь все—скажу и это: когда женщина отдала мужчинѣ всю свою душу, отдать и тѣло въ придачу—это очень немного. Когда фактъ свершился, когда мы перешагнули черезъ преграду, казавшуюся мнѣ непреодолимой, мнѣ показалось, что такъ оно и должно было быть. Съ другой стороны, онъ былъ такъ нѣженъ, такъ признателонъ, такъ счастливъ, что и я была счастлива, насколько это позволяла наша любовь украдкой.

Кто искренно любилъ и отдавался цѣликомъ, безъ оговорокъ, съ безграничнымъ довѣріемъ, тотъ знаетъ, какъ это послѣднее звено можетъ скрѣпить отношенія, если только мужчина умѣетъ сдѣлать такъ, чтобы сближеніе было для женщины не обязательствомъ, а всякій разъ свободнымъ и добровольнымъ даромъ.

Даже и теперь, когда все кончилось и кончилось такъ ужасно, когда мнѣ словно подмѣнили человѣка, котораго я любила три года, я должна сказать, что Секки въ моменты наибольшей близости всегда выказывалъ мнѣ то уваженіе, которое, по-моему, составляетъ сущность истинной любви,—уваженіе не условное, а искреннее. Быть можетъ, потому, что онъ былъ уменъ и опытенъ и, хорошо изучивъ меня, умѣлъ подмѣтить особенности моей души, привычекъ, вкусовъ, ускользнувшія отъ вниманія моего мужа.

Пуритане и присяжные моралисты возмущались больше всего не тѣмъ, что Секки мнѣ написалъ нѣсколько неприличныхъ фразъ, но тѣмъ, что я за это не вышвырнула его изъ своего дома и изъ своей души. Я никогда не считала нужнымъ разыгрывать изъ себя пуританку и моралистку и, слѣдя за тѣмъ, что исходило изъ моихъ собственныхъ устъ, не судила другихъ. Если нужно шокироваться неприличными словами, сколько у меня для этого было случаевъ раньше!

Секки я, любя, останавливала, зажимая ему ротъ рукой, когда онъ позволялъ себѣ вольности въ рѣчахъ, или же грозила отсылать ему обратно его письма съ подобными фразами; тогда онъ смиренно просилъ прощенія, обѣщая исправиться. И дѣйствительно, такіе случаи бывали лишь въ первое время нашей близости.

Зато какъ онъ былъ добръ со мною, какъ предупредителенъ, какъ хорошо понималъ мои чувства! Вечера съ нимъ и въ разговорѣ пролетали, какъ одна минута; онъ меня разспрашивалъ о моихъ родныхъ, о дѣтяхъ, мы вспоминали прошлое, мечтали о будущемъ и, когда я горько жаловалась на обманъ мамы, обрекшей меня на жизнь, противную моей натурѣ, лишивъ меня возможности открыто передъ всѣми принадлежать любимому человѣку, онъ успокаивалъ меня и утѣшалъ, говоря, что бѣдная мама сдѣлала это изъ любви ко мнѣ, желая мнѣ добра.

Эта деликатность по отношенію къ моей матери за поступокъ, который и въ немъ оставилъ горькое воспоминаніе, дѣлала мнѣ его еще дороже.

Когда я хворала, онъ удваивалъ заботливость, упрашивалъ меня лѣчиться, всячески старался быть мнѣ полезнымъ и доставить мнѣ удовольствіе; съ нимъ я успокоилась; его любовь была мнѣ вознагражденіемъ за отсутствіе материнской ласки въ юности, обманутыя

иллюзіи брака, за всю горечь, накопившуюся въ моей одинокой душѣ. Передъ Богомъ и душой своей я считала его своимъ мужемъ; но я перестала ходить въ церковь съ тѣхъ поръ, какъ сошлась съ нимъ, зная, что я живу не по закону церкви и не желая лицемѣрить.

Но въ сердцѣ своемъ я молилась Богу доброму, терпимому, созданному мной самой, чтобъ онъ простилъ меня и просвѣтилъ. Такъ искренно, такъ горячо молилась! А меня считали *атеисткой*.

Въ апрѣлѣ 1900 г. я переѣхала на фатальную для меня новую квартиру въ улицѣ Мадзини, которую мнѣ давно хотѣлось занять. Тамъ было много свѣта, два входа, окна выходили на двѣ площади. Несмотря на удобство имѣть парадный и черный ходъ, визиты Секки приходилось откладывать до поздней ночи, такъ какъ по лѣстницѣ ходило много жильцовъ, и когда въ концѣ года подъ моей квартирой освободилась другая въ нижнемъ этажѣ, мы рѣшили взять ее, чтобъ избавиться отъ лишнихъ соглядатаевъ, которымъ отсюда было удобнѣе всего наблюдать.

Тиза часто приходила ко мнѣ, въ особенности, когда я прихварывала, что случалось нерѣдко, приносила мнѣ письма и цвѣты, которые я къ вечеру всѣ сносила въ ту комнату, гдѣ принимала *его*. А не то приносила мнѣ какое-нибудь изысканное лакомство, которое онъ посылалъ мнѣ, зная, что у меня вообще мало аппетита. Я радовалась всему—и письмамъ, и подаркамъ, какъ выраженію любви. Могла ли я думать, что это вниманіе и мелкія любезности будутъ превратно поняты, истолкованы въ дурную сторону, вплоть до приданія имъ чудовищнаго вида платы за любовь. Могла ли я думать, что они посыплются не отъ души?

Еслибъ я только заподозрила подобную низость со стороны Секки, я бы моментально разсталась съ нимъ,—я, гордившаяся возвышенностью нашей связи и считавшая полную искренность обязательной съ обѣихъ сторонъ въ свободномъ союзѣ.

Когда моя милая сестра Кандида, утѣшавшая меня въ моемъ горѣ, узнала, какъ гнусно онъ поступилъ со мной, она воскликнула:

— Но вѣдь это убійство души!

А вѣдь она была самой наивной, самой доброй и кроткой изъ монахинь и умѣла только молиться!

Перев. З. Н. Журавская.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Послѣдній святой *).

IX.

Бракъ и дѣвственность яснѣе всего обнаруживаютъ основное противорѣчіе въ метафизикѣ христіанской святости—у Серафима, послѣдняго святого, такъ же какъ у первыхъ.

Однажды, въ началѣ своего подвига, во время литургіи, по перенесеніи Даровъ на Престолъ, когда пропѣта была вторая половина Херувимской, о. Серафимъ приблизился къ Престолу и сказалъ о. Исаіи, строителю Саровской пустыни:

— Батюшка, отецъ строитель, благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женамъ не было входа.

О. Исаія, намѣреваясь читать молитву предложенія, отвѣтилъ на это съ досадою:

— Въ какое время и съ какимъ вопросомъ подошелъ ты, о. Серафимъ?

— *Теперь-то* и благослови, батюшка!—настаивалъ тотъ.

Нечего дѣлать, подали образъ Пресвятой Богородицы, *Блаженное Чрево*, и старецъ Исаія, благословляя о. Серафима иконою, сказалъ:

— Благословляю, чтобы не было женамъ входа на твою гору, а ты самъ охраняй.

Недаромъ выбралъ Серафимъ самую торжественнаю минуту литургіи для своей просьбы: въ этомъ благословеніи совершилось его второе и главное постриженіе—принятіе великаго чина дѣвства.

Онъ имѣлъ на то знаменіе: прежде чѣмъ приступить къ о. Исаіи, молился, чтобы Господь преклоненіемъ древесныхъ вѣтвей указалъ ему волю Свою о невходѣ къ нему женъ. И, дѣйствительно, на слѣдующій де ь оснѣженныя лапы дремучихъ елокъ и сосенъ наклонились, будто бы, к землѣ, заваливъ узкую тропу, которая вела въ пустынь, такъ что онъ и самъ едва пробрался сквозь нихъ. Съ тѣхъ поръ могли проходить къ нему только медвѣди, а женамъ, которыя опаснѣе лютыхъ звѣрей, не было входа.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1907 г.

— Бойся, какъ геенскаго огня, галокъ намазанныхъ!—говорилъ онъ о женщинахъ.

Женщинъ боялся и ненавидѣлъ, а дѣвушекъ любилъ.

— Какъ я и самъ дѣвственникъ, то Царица Небесная благословила, чтобы въ обители моей были однѣ дѣвушки.

Передъ кончиною окопали Дивѣево канавкой съ валомъ: однѣ дѣвушки могли жить за этою канавкою. Недоступная женамъ, киновія дѣвственницъ и есть святое святыхъ Серафимовой святости.

Любовь его къ земнымъ дѣвушкамъ вытекаетъ изъ любви къ Небесной Дѣвѣ.

Этотъ русскій мужикъ въ лаптяхъ, косолапый старичокъ, другъ медвѣдей, самъ похожій на медвѣдя—рыцарь Небесной Дамы, таинственный женихъ Невѣсты Неневѣстной.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму...
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ.

Серафимъ—«Огненный» тоже «сгорѣлъ душою» и умеръ въ пожарѣ любви передъ образомъ своей Владычицы, «всѣхъ радостей Радости».

Вѣчная дѣвственность—«вѣчная женственность», что это значитъ въ христіанской святости?

Изъ трехъ Ѵпостасей Троицы видимъ Ликъ Отца въ Космосѣ, Ликъ Сына въ Логосѣ; но Ликъ Духа нигдѣ не видимъ донынѣ; третье мѣсто Троицы остается пустымъ, и наполнить его не можетъ трепетаніе Крылъ Голубиныхъ, ибо Голубь—не явленіе, а только символъ Духа. Это-то третье мѣсто, рядомъ съ двумя Ѵпостосями Божескими, занялъ смертный человѣкъ—бѣдная дѣвушка изъ Назарета Галилейскаго, земная Мать земного Человѣка Іисуса, Который Самъ какъ бы отрекся отъ Нея, говоря: *Гдѣ матерь Моя?—Кто исполняетъ волю Мою, тотъ Мнѣ—мать.*

Не отвлеченно-созерцательная, а воплощенно-дѣйственная христіанская Троица—Отецъ, Сынъ и Матерь Божья. Въ католическомъ культѣ Мадонны и въ православномъ почитанія Богородицы—уклонъ всего христіанства—отъ религіи Сына къ религіи Матери.

На страшномъ судѣ Мать ходатайствуетъ передъ Сыномъ за осужденныхъ; но и Духъ, Который *ходатайствуетъ за насъ воздыханьями неизрѣченными*, не есть ли тоже Вѣчное Материнство? Первое явленіе Вѣчной Женственности—Матерь Божья въ христіанствѣ; послѣднее—въ Апокалипсисѣ—*Жена, облеченная въ солнце*—откровеніе Духа Святого, Плоти Святой, Церкви, какъ Царства, Богочеловѣка въ Богочеловѣчествѣ. Ликъ Отца открылся въ мірѣ Божьемъ, дочеловѣческомъ; Ликъ Сына—въ Богочеловѣкѣ; Ликъ Духа откроется въ Богочеловѣчествѣ—въ послѣднемъ соединеніи Слова съ плотью міра, Сына съ Отцомъ. Но тутъ уже кончается Второй Завѣтъ, и начинается Третій. Ибо если не двѣ, а три

Ѵпостаси, то и не два, а три Завѣта. Въ христіанствѣ же самомъ, это опять-таки—еще не откровеніе, а чаяніе, не заря, а зарница, не тѣло, а тѣнь.

Какъ относится къ Небесной Дѣвѣ-Матери земное дѣвство, земное материнство, или, другими словами, какъ относится къ подлинно-христіанской, безбрачной святости подлинно-Христова святость брака: *будутъ двое плоть едина*—въ этомъ вопросѣ для христіанства все—загадка, все—недоумѣніе, все—противорѣчіе безъ разрѣшенія.

— Меня въ ту пору, какъ пришла я къ батюшкѣ-то въ первый разъ, все замужъ сватали,—разсказываетъ старица Акулина.—Прихожу это я къ батюшкѣ, а онъ и говоритъ:

— Что, матушка, лучше: рожь или пшеница?

— Какъ можно,—говорю,—за бѣлый-то хлѣбъ скорѣе хватишься.

— То-то, то-то, матушка. Ну, а что лучше: земной или Вѣчный?

— Вѣчный, батюшка, лучше,—говорю.

Это значитъ: небесный бракъ со Христомъ, дѣвство, лучше земного брака. Акулина и осталась въ дѣвушкахъ, предпочла пшеницу ржи, лучшее худшему. Но вѣдь лучше и хуже есть мѣра относительная, человѣческая; въ Богѣ же нѣтъ ничего относительнаго, есть только абсолютное. Или таинство брака вовсе не таинство, или оно есть утвержденіе абсолютной святости брака. И вотъ, однако, дѣвство, безбрачіе—другая столь же абсолютная и противоположная святыня. Какъ могутъ быть двѣ святыни, которыя взаимно исключаются? Можно сравнивать бѣлый хлѣбъ съ чернымъ, но нельзя дѣлать то бѣлый хлѣбъ чернымъ, то черный бѣлымъ. И не то удивительно, что Серафимъ не разрѣшаетъ, а то, что даже не замѣчаетъ этого противорѣчія.

Если спросить его въ упоръ, онъ, разумѣется, скажетъ, что бракъ святъ—и замолчитъ. Но не то, что онъ скажетъ, а то, о чемъ умолчитъ, и будетъ именно то, что дѣлаетъ его святымъ. Это умолчаніе—какъ бы заповѣдная канавка, ограждающая киновію Дивѣевскихъ дѣвушекъ,—какъ бы наклонившіяся вѣтви елокъ и сосенъ, которыя завалили тропу въ Серафимову пустыньку. Тутъ что-то есть, о чемъ нельзя говорить. Одно говорится, но не дѣлается; другое дѣлается, но не говорится; и это послѣднее—самое подлинное, святое святыхъ всей христіанской святости.

Одинъ юноша спросилъ Серафима, благословитъ ли онъ его на поступленіе въ монастырь. Старецъ сказалъ:

— На это *принужденія* отъ Господа нѣтъ. Останься въ мірѣ, женись...

Юноша возвратился домой, но еще сильнѣе воспламенился къ иночеству и черезъ полтора года поступилъ въ Саровскую пустынь.

Серафимъ сказалъ: «женись»,—но сказалъ такъ, что у юноши пропала охота жениться. Сказалъ: иди вправо,—а поманилъ влѣво. И это тайное наговеніе сильнѣе, чѣмъ явное принужденіе. То, что сдѣлалъ Серафимъ, дѣлаетъ и все христіанство: говоритъ о святости брака и молча манитъ къ дѣвству. Бракъ не запрещенъ, но пересталъ быть плѣнительнымъ, соб-

лазняющимъ; а для свободы человѣческой отсутствіе соблазна сильнѣе запрета. Христіанство принимаетъ бракъ, но лишь «концомъ устъ», чтобы не проглотить, а выплюнуть. Громогласно вѣнчаетъ, а потихоньку развѣнчиваетъ. Не топчетъ, не мнетъ цвѣтовъ брака, а только смотритъ на нихъ «дурнымъ глазомъ», какъ бы освѣщаетъ темнымъ лучомъ радія— и цвѣты вянутъ.

Бракъ сначала рожь, потомъ рожки, которыми питаются свиньи, и, наконецъ, та грязная лужа, въ которой полощатся бѣсы, какъ свиньи.

— Бѣдная-то общинка наша въ Дивѣевѣ своей церкви не имѣетъ, а ходить-то имъ въ приходскую, гдѣ крестины да свадьбы, не приходится, вѣдь онѣ—дѣвушки,—жалуется Серафимъ.

«Крестины да свадьбы», то-есть, таинства крещенія и брака, оказываются непристойностью, нечистотою, на которую нельзя смотрѣть чистымъ дѣвушкамъ.

Нечаянно вырвалось у Серафима это слово, даже почти не слово, а мановеніе, движеніе брезгливости, но оно правдивѣе словъ; и если довести смыслъ его до конца, то получится выводъ Л. Толстого, тоже «христіанина»: всякое половое общеніе—«просто гадость»;—или выводъ хлыстовъ и скопцовъ: «бракъ передъ людьми дерзость, а передъ Богомъ мерзость»;—или, наконецъ, выводъ, никѣмъ пока не сдѣланный, но неизбѣжный: дѣвство—отъ Бога, бракъ—отъ діавола.

Будущая Дивѣевская старица Елена Васильевна Мантурова, когда минуло ей семнадцать лѣтъ, вдругъ возненавидѣла жениха своего. «Не знаю почему, не могу понять,—ничего не сдѣлалъ онъ дурного, но вдругъ страшно мнѣ опротивѣлъ».

Вскорѣ послѣ того ей было видѣніе. «Я взглянула вверхъ и увидѣла надъ своей головой огромнаго змія; онъ былъ черенъ, пламя выходило изъ пасти, и она казалась такою большою, что я чувствовала, что онъ поглотитъ меня. Видя, какъ онъ вьется надо мною, спускаясь все ниже и ниже, даже ощущая дыханіе его, я, наконецъ, закричала: «Царица Небесная, спаси! Даю Тебѣ клятву никогда не выходить замужъ и пойти въ монастырь».—Тотчасъ же змій взвился и пропалъ».

А Елена поѣхала въ Саровъ къ о. Серафиму просить о постриженіи. Онъ совѣтовалъ ей выйти замужъ. Она отказывалась, ссылаясь на обѣтъ. Онъ стоялъ на своемъ.—«Что это вы говорите, батюшка, да' я не могу, не хочу я замужъ»...—«Нѣтъ, нѣтъ, радость моя, тебѣ уже никакъ нельзя, ты должна выйти замужъ!»—Споръ длился три года.

— И даже вотъ что еще скажу тебѣ, радость моя,—прибавилъ однажды старецъ.—Когда ты будешь въ тягостяхъ-то, такъ не будь слишкомъ на все скора. Ты слишкомъ скора, радость моя; а это не годится. Будь тогда ты потише. Вотъ, какъ ходить-то будешь, не шагай такъ-то, большими шагами, а все потихоньку, да потихоньку. Если такъ-то пойдешь, благополучно и снесешь.

И пошелъ передъ нею, показывая какъ надо ходить беременной.

— Во, радость моя!... Также и поднимать если что тебѣ случится, не надо такъ, вдругъ, скоро и сразу, а вотъ такъ, сперва понемногу нагибаться, а потомъ точно также все понемногу и разгибаться.

И опять показалъ на примѣрѣ.

Змій, отъ котораго она спаслась обѣтомъ безбрачія, былъ, конечно, *діаволъ брака*. Змій страшенъ; но, можетъ быть, еще страшнѣе святой старецъ, который, юродствуя, ругается во славу Матери Небесной надъ материнствомъ земнымъ.

Однажды какой-то мужичокъ засталъ его въ лѣсу наединѣ съ шестнадцатилѣтней дѣвушкой, красавицей, и соблазнился—испугался, почти такъ же какъ Матрена, заставшая его съ медвѣдемъ. Но, когда мужичокъ подошелъ ближе, о. Серафимъ, указывая на признаки своей глубокой старости, сказалъ:

— Я ко всему мертвъ, а ты что это думаешь?

«Я ко всему мертвъ». Но вѣдь не менѣе мертвы были и древніе отцы, которые совѣтовали: «женщинѣ не позволяй приблизиться къ тебѣ, потому что за нею идетъ буря помысловъ».

— Приди, да обними, да поцѣлуй меня, да не одинъ, а десять разъ поцѣлуй-то, матушка!—говоритъ Серафимъ одной изъ своихъ дѣвушекъ.

— Ахъ, да какъ же это, батюшка, да развѣ я смѣю?

— Да какъ же не смѣешь-то? Вѣдь не къ чужому, ко мнѣ пришла, радость моя, этакъ къ родному не ходятъ!... Да гдѣ бы это ни было, да при комъ бы ни было, хотя бы тысяча тутъ была, должна прійти и поцѣловать!

Какъ это не похоже на того, кто обвилъ руку свою краемъ одежды, когда несъ престарѣлую мать! Да, и тотъ, кто совѣтовалъ: «ни передъ кѣмъ не обнажай ни одного члена своего»,—не предвидѣлъ, разумѣется, что у батюшки Серафима, идущаго по воздуху, чулочки спустятся, а дѣвушки будутъ шептаться: «посмотрите-ка, ножки-то у батюшки какія бѣлыя!»

Женихомъ своихъ дѣвушекъ называетъ себя Серафимъ и ревнуетъ, какъ настоящій женихъ.

Дивѣевскихъ сиротъ, приходившихъ въ Саровъ къ о. Серафиму, приглашалъ иногда о. Нафанаилъ, іеродіаконъ:

— Что старикъ-то моритъ да морозитъ васъ? Чего стоять-то? Когда еще дождешься? Зайдите-ка въ келью ко мнѣ, да обогрѣйтесь.

«Иныя по простотѣ и заходили. И дошло это до батюшки и растревожился же онъ, и страшно разгнѣвался».

— Какъ,—говоритъ,—какъ! Онъ хочетъ сироточкамъ моимъ вредить? Н› діаконъ же онъ послѣ этого нашей обители!

«И что же, вѣдь чудо-то какое! Сталъ вдругъ съ этого времени пить о Нафанаилъ, да все больше и больше. Недѣли черезъ три и выслали е›, отдали подъ начало,—такъ и пропалъ совсѣмъ».

Чѣмъ же собственно бѣдный іеродіаконъ «вредилъ» Серафимовымъ дѣв' ікамъ? Онъ ласковъ съ ними, но вѣдь ужъ, конечно, не до того, чтобы

обнимать и цѣловать ихъ, подобно Серафиму. Онъ только говорилъ съ ними, смотрѣлъ на нихъ—и за то «пропалъ», можетъ быть, не только въ здѣшней жизни, но и въ будущей.

Какъ женщины Востока ни передъ кѣмъ, кромѣ повелителя своего, не смѣютъ поднять покрывало съ лица, такъ и Серафимовы дѣвушки.

Съ одной изъ нихъ, Маріей, заговорила родная сестра ея, Параша, о комъ-то изъ монаховъ Саровскихъ.

— А какіе видомъ-то монахи, на батюшку, что ли, похожи?—спросила вдругъ Марія съ дѣтскимъ любопытствомъ.

— Что ты, Маша! Вѣдь ходишь въ Саровъ—развѣ не видала монаховъ, что спрашиваешь?

— Нѣтъ, Парашенька, вѣдь я ничего не вижу и не знаю: батюшка Серафимъ мнѣ приказывалъ никогда не глядѣть на нихъ, и я такъ повязываю платокъ на глаза, чтобы только видѣть у себя подъ ногами дорогу.

Русоволосая, голубоглазая, съ продолговатымъ лицомъ, бѣлымъ, какъ лиліи Благовѣщенія, эта земная дѣва Марія, можетъ быть, напоминала Серафиму Божію Матерь Умиленія, «всѣхъ радостей Радость»—ту самую, передъ которою онъ и умеръ, стоя на колѣняхъ, «Огненный», въ огнѣ пожара.

— Какъ Господь избралъ Екатерину мученицу Себѣ въ невѣсты, такъ и я изъ двѣнадцати дѣвъ моихъ Дивѣевскихъ избралъ въ невѣсты въ будущемъ—Марію,—говаривалъ Серафимъ, и едва ли простая обмолвка то, что тутъ ставитъ онъ себя самого на мѣсто Жениха Небеснаго.

Сама невѣста различала ли этихъ двухъ своихъ жениховъ—Христа и Серафима?

Тринадцати лѣтъ поступила она въ Дивѣевъ, шесть лѣтъ проходила съ платкомъ на глазахъ, ничего не видя, кромѣ лица батюшки, и девятнадцати лѣтъ умерла. Серафимъ подарилъ ей дубовый круглый выдолбленный гробъ: въ сущности вся ея жизнь была этимъ гробомъ, который приготовилъ для нея батюшка. И теперь лежала она въ гробу съ распущенными волосами, какъ невѣста.

Во время отпѣванія, родной сестрѣ ея, Парашѣ, было видѣніе: въ царскихъ вратахъ алтаря, Матерь Божія съ покойною Маріей, вмѣстѣ стоящія на воздухѣ. Придя въ изступленіе, Параша закричала громко, на всю церковь: «Царица, не остави насъ!» И начала юродствовать, пророчествовать, снимать съ себя и раздавать одежду; наконецъ, ослабѣла и упала замертво. Тогда по всей церкви «бѣсы зашумѣли, закликали».

Что же собственно означаетъ этотъ бѣсовскій кличъ—явное пораженіе или тайное торжество, по поводу соединенія, или только смѣшенія земной дѣвы Маріи съ Небесною? И пока «бѣсы кликали», что же дѣлалъ Серафимъ? Неужели молчалъ?

У старицы Елены, той самой, которой являлся діаволъ брака въ видѣ змія и передъ которой Серафимъ, юродствуя, представлялъ беременную

женщину, былъ братъ, Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, человѣкъ богатый, «благодѣтель» Саровской обители. Однажды Серафимъ призвалъ къ себѣ Елену и сказалъ ей:

— Ты всегда меня слушала, радость моя, и вотъ теперь хочу я тебѣ дать одно послушаніе. Исполнишь ли его, матушка?

— Я всегда слушала васъ, батюшка, и теперь послушаю.

— Во, во, радость моя! Такъ, видишь ли, матушка: Михаилъ Васильевичъ, братецъ-то твой, боленъ у насъ и пришло время ему умирать... Умереть надо ему, матушка, а онъ мнѣ еще нуженъ для обители нашей, для сиротъ-то... *Такъ вотъ и послушаніе тебѣ: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!*

— Благословите, батюшка,—отвѣтила старица Елена смиренно и какъ будто спокойно.

О. Серафимъ послѣ этого еще долго бесѣдовалъ съ нею, утѣшая и приготовляя къ смерти. Она молча все слушала, но вдругъ сказала:

— Батюшка, я боюсь смерти.

— Что намъ съ тобой бояться-то смерти, радость моя?—возразилъ о. Серафимъ.—Для насъ съ тобою будетъ лишь вѣчная радость.

Простилась Елена, пошла, но лишь переступила за порогъ батюшкиной кельи, тутъ же и упала. Подхватили ее, о. Серафимъ приказалъ положить ее на стоявшій въ сѣняхъ гробъ, а самъ принесъ святой воды, окропилъ Елену, далъ ей напиться и такимъ образомъ привелъ въ чувство. Вернувшись домой, Елена заболѣла, слегла въ постель и сказала: «теперь я не встану».—И не встала.

Серафимъ уложилъ въ гробъ Елену, такъ же какъ Марію.

Намъ казалось, что жизнь отнять у человѣка никто не имѣетъ власти, кромѣ Дающаго жизнь. Но вотъ оказывается, что эту власть имѣетъ и Серафимъ. Нечеловѣческая власть, какой нѣтъ у самодержавнѣйшихъ властителей, ибо они могутъ только убить человѣка, а Серафиму не нужно убійства—онъ говоритъ: умри,—и человѣкъ умираетъ. *Отнимется дыханіе свое и въ прахъ своей возвращается*, можно бы сказать о немъ, какъ о Богѣ. Онъ это и говоритъ о себѣ:

— Кто противъ Господа, Царицы Небесной и противъ меня, убогаго, пойдетъ, не дамъ ему житія ни здѣсь, ни въ будущемъ!

Значитъ, не только на временную, но и на вѣчную смерть можетъ осудить Серафимъ? Рядомъ съ Царицей Небесной и съ Господомъ—онъ, «убогій». Но если это—убожество, то гдѣ же величіе, которое посягнуло бы на что-либо подобное? Всѣ человѣческія славы—Александра, Цезаря, Наполеона—не осыпаются ли, какъ одуванчики, подъ легкими ножками батюшки, который идетъ по воздуху?

— Тобою нѣкоторые соблазняются,—сказалъ кто-то Серафиму.

— Но я не соблазняюсь ни тѣмъ, что одни мною пользуются, ни тѣмъ, что другіе соблазняются.

Дѣйствительно ли онъ самъ никогда не соблазнялся?

Одна бѣглая крѣпостная дѣвушка остригла себѣ волосы, надѣла мужскую послушническую ряску и такъ странствовала по міру. На нее донесли, и полиція задержала ее. При допросѣ она показала, будто бы о. Серафимъ благословилъ ее одѣваться мужчиною. Разумѣется, это клевета, такъ же какъ и всѣ прочіе соблазнительные толки объ о. Серафимѣ и Дивѣевскихъ дѣвушкахъ. Но свѣтское начальство всполошилось, приказало духовнымъ властямъ произвести розыскъ, допросить о. Серафима. Началась канцелярская переписка. Вотъ когда, должно быть, дѣйствительно, «бѣсы зашумѣли, закликали». Несказанная тайна христіанской святости, которую дремучія ели и сосны укрываютъ склоненными вѣтвями, становится предметомъ полицейскаго розыска. Дѣло, конечно, вскорѣ замяли, потому что тутъ собственно и не было никакого «дѣла», а было только навожденіе бѣсовское: этотъ крѣпостной андрогинъ кажется не живымъ человѣкомъ, а призракомъ, оборотнемъ, чортовой куклой, нарочно подсунутой для соблазна малыхъ сихъ.

Тѣмъ не менѣе, все это происшествіе такъ сокрушило о. Серафима, что онъ тогда же сказалъ:

— Всѣ сіи обстоятельства означаютъ, что близокъ конецъ моей жизни.

И вскорѣ, дѣйствительно, умеръ. Передъ смертью, «сидя на гробѣ, горько плакалъ».

Повторилъ ли бы онъ и тогда, все съ тѣмъ же неземнымъ спокойствіемъ: «я не соблазняюсь»?

Когда онъ идетъ по воздуху, то кажется, что «сей не рода нашего»; но вотъ согбенный, одиноко сидящій на гробѣ и одиноко плачущій старикъ: этотъ ужъ, во всякомъ случаѣ, *нашего рода*. Нѣкогда, по молитвѣ его, преклонялись до земли вѣковыя деревья; и вотъ, кажется, теперь онъ самъ гнется, могучее дерево, какъ слабый тростникъ, подъ какою-то страшною тяжестью. Эта тяжесть—не то же ли опять-таки вѣчное недоумѣніе всей христіанской святости: «какое это во мнѣ таинство? Не знаю».

«И батюшка Иванушка, и батюшка Аверьянушка, можетъ быть, и батюшка Серафимъ—*самъ Христосъ во плоти*».—Не одинъ, а много Христовъ—вотъ метафизическая ложь хлыстовства. Метафизическая правда его въ томъ, что оно ищетъ Христа Грядущаго. Но въ этихъ исканіяхъ смѣшивается откровеніе Сына съ откровеніемъ Духа, Богочеловѣкъ съ Богочеловѣчествомъ. Явленіе Сына Единороднаго можетъ быть только единымъ и неповторяемымъ въ единомъ и неповторяемомъ Ликѣ Христовомъ. Единство же этого Лика должно повториться въ объединенной человѣческой множественности, какъ ликъ уже не Сына, а Духа. *И Духъ, и Невѣста говорятъ: пріиди!* Первое пришествіе—во плоти человѣка; второе пришествіе—во плоти человѣчества, въ Святой плоти міра, которая есть послѣднее откровеніе послѣдней Ѵпостаси—Духа. Явленіе Сына—въ Богочеловѣкѣ, явленіе Духа—въ Богочеловѣчествѣ.

Безсознательная мистика хлыстовства—новая, бездонно-глубокая; но метафизическое сознаніе—старое и слишкомъ короткое;—вотъ почему, дойдя

до края своей метафизики, мистика срывается и падаетъ въ «глубины сатанинскія».

Срывался ли Серафимъ?—Не знаемъ, хотимъ вѣрить, что нѣтъ; но что идущіе за нимъ срывались, это мы знаемъ.

X.

Въ городѣ Арзамасѣ, въ домѣ купца Королева, падчерица его, Пелагея, маленькая дѣвочка, однажды заболѣла и, пролежавъ сутки въ постели, изъ умнаго ребенка сдѣлалась дурочкой: «уйдетъ, бывало, въ садъ, подниметъ платьице, станетъ и завертится на одной ножкѣ, точно пляшетъ. Уговаривали ее и срамили, даже били, но ничто не помогало—такъ и бросили».

Никто, разумѣется, не училъ Пелагею хлыстовской пляскѣ; но если бы хлысты увидѣли ее, вертящуюся на одной ножкѣ, они рѣшили бы, что она *ходитъ въ Духъ*.

Вся послѣдующая жизнь ея была не чѣмъ инымъ, какъ тою же неистовою пляскою: завертѣлась въ саду, обезумѣла—и продолжала вертѣться, безумствовать, *юродствовать* до самой смерти. Пелагея сдѣлалась «Христа ради юродивою».

Въ христіанствѣ западномъ, католичествѣ, болѣе дѣятельномъ и трезвомъ, почти нѣтъ юродства; оно развивается въ христіанствѣ восточномъ, болѣе мистическомъ, созерцательномъ и опьяненномъ, особенно въ русскомъ православіи, въ соприкосновеніи съ русскимъ народнымъ хлыстовствомъ. Юродство и есть хлыстовство, *христовство* въ самомъ христіанствѣ.

«Пелагея—второй Серафимъ», такъ называли ее всѣ, когда она прославилась.—«Эта женщина будетъ великій свѣтильникъ», предрекъ о ней старецъ, впервые увидѣвъ ее.—«Ты будешь свѣтъ въ міру», сказалъ онъ, будто бы, ей самой. Однажды, на работѣ въ полѣ, снимая со стога сѣна другую «блаженную», Серафимъ привѣтствовалъ ее съ ласковой усмѣшкою: «Ты, радость моя, превыше меня!»—Точно такъ же могъ бы онъ привѣтствовать и Пелагею.

Спрашивается: неужели Пелагая—«второй Серафимъ» и даже «превыше Серафима»—именно потому, что продолжила и завершила главное дѣло Серафимой святости—какъ бы высказала несказанную тайну этой святости въ подвигѣ юродства, на который и благословилъ ее Серафимъ?—«Батюшка Серафимъ разрѣшилъ мнѣ отъ рожденія до успенія», говорила сама Пелагея.

Когда ей минуло 16 лѣтъ—она выросла красавицей—мать поторопилась выдать замужъ «дурочку». Сама Пелагея не хотѣла замужъ, дѣлала все, чтобы отвадить жениха и разстроить свадьбу; но ее выдали насильно. Вскорѣ послѣ свадьбы, съ мужемъ и матерью поѣхала въ Саровъ. Серафимъ долго бесѣдовалъ съ Пелагеей наединѣ—о чемъ, осталось между ними тайною; но бесѣда эта рѣшила ея судьбу.

Съ той поры возненавидѣла она мужа, какъ можетъ ненавидѣть человѣкъ не человѣка, а діавола. *Діаволъ брака*, который являлся Еленѣ въ видѣ змія, явился и Пелагеѣ, только еще въ болѣе страшномъ видѣ собственнаго мужа, арзамасскаго мѣщанина Сергѣя Васильевича Серебрянникова. И началась борьба человѣка съ діаволомъ.

Родился ребенокъ.

— Какого хорошенькаго сынка далъ вамъ Богъ,—говорили родные.

— Далъ-то далъ, да вотъ прошу, чтобы и взялъ. А то что шататься-то будетъ!—отвѣчала Пелагея при мужѣ.

Родился и второй сынъ. Вскорѣ оба мальчика умерли, *«конечно, по молитвѣ блаженной»*,—прибавляетъ Лѣтопись съ простотою: святая простота, отъ которой у насъ, грѣшныхъ, волосы дыбомъ встаютъ.

Мужъ билъ жену. Она стала чахнуть и, наконецъ, рѣшила бѣжать, во что бы то ни стало. Когда, черезъ два года, родилась у нихъ дѣвочка, Пелагея, не глядя на нее, положила въ подолъ, какъ щенка, котораго несутъ на рѣчку топить, принесла къ матери и, бросивъ, сказала:

— Ты отдавала, ты и нянчись теперь; я уже домой больше не приду.

Опять-таки спрашивается: неужели это и есть «христіанскій бракъ» въ своей послѣдней сущности—для не могущихъ вмѣстить—таинство, а для могущихъ — дѣтоубійство? Неужели Пелагея только высказала окончательно то, на что Серафимъ намекалъ, когда, тоже юродствуя, *хлыстовствуя*, представлялъ беременную женщину и ругался, во славу Небесной Матери, надъ материнствомъ земнымъ? На это ли благословилъ онъ ее? Это ли разрѣшилъ ей «отъ рожденія до успенія»: «будешь свѣтъ міру»?

Убѣжавъ изъ дому, Пелагея бродила нищею по улицамъ города, отъ церкви къ церкви. «Мужъ, бывало, поймаетъ ее и бьетъ, чѣмъ ни попало, полѣномъ—такъ полѣномъ, палкою—такъ палкою; запретъ ее, моритъ голодомъ и холодомъ, а она не унимается и твердитъ одно:

— Оставьте, меня Серафимъ испортилъ!

Здѣсь, конечно, «испортилъ» значитъ «исправилъ». Едва ли, впрочемъ, вся метафизика христіанской святости когда-либо разберется, чтò же, въ концѣ-концовъ—«испортилъ» или «исправилъ»?

Доведенный до изступленія, мужъ, согласившись съ матерью Пелагеи, притащилъ ее въ полицію и попросилъ городничаго наказать жену розгами. Это второе вмѣшательство полиціи въ тайны Дивѣевской святости.

Городничій велѣлъ привязать Пелагею къ скамьѣ и такъ высѣкъ, что «клочьями висѣло тѣло, кровь залила всю комнату, а она, моя голубушка, хоть бы охнула», разсказывала впослѣдствіи мать.

На время «дурочка» какъ будто утихла. Но потомъ опять стала буйствовать. Тогда мужъ заказалъ для жены, какъ для дикаго звѣря, желѣзную цѣпь съ кольцомъ, собственными руками заковалъ ее, привинтилъ кольцо къ стѣнѣ и началъ истязать. Но иногда ночью она обрывала цѣпь, потому что была очень сильна, и бѣгала по городу, наводя на всѣхъ ужасъ.

Однажды въ лютую зимнюю стужу, полуголая, спряталась на паперти церкви, въ гробу, приготовленномъ для умершаго отъ холеры солдата, и здѣсь ждала смерти. Завидя церковнаго сторожа, выскочила изъ гроба и бросилась къ нему, моля о помощи. Тотъ, въ ужасѣ отъ привидѣнія, взбѣжалъ на колокольню и, забивъ набатъ, всполошилъ весь городъ.

Тогда мужъ окончательно отрекся отъ жены и выгналъ ее изъ дому. Младшая сестра ея, Авдотья, думая, что ее не берутъ замужъ, потому что боятся, какъ бы и она не сошла съ ума, подобно Пелагеѣ, подговорила негодяя, хорошо умѣвшаго стрѣлять, убить сестру въ то время, когда она будетъ бѣгать за городомъ и юродствовать. Онъ подкараулилъ ее и выстрѣлилъ, но далъ промахъ. Она предсказала ему, что онъ стрѣлялъ не въ нее, а въ себя, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, дѣйствительно, застрѣлился.

«Дурочку» стали возить по святымъ обителямъ, къ чудотворнымъ иконамъ и мощамъ, къ Тихону Задонскому, къ Митрофанію Воронежскому, къ старцу Антонію Смирницкому въ Кіевѣ, не исцѣлитъ ли ее кто-нибудь. Никто не исцѣлилъ. Наконецъ, какъ бы описавъ полный кругъ, вернулись туда, откуда все началось, — къ о. Серафиму въ Саровъ. Ему разсказали все, что произошло съ Пелагіей съ тѣхъ поръ, какъ она у него побывала.

Что же Серафимъ? Ужаснулся, прослезился, хотя бы надъ великою скорбью человѣческою, подобно Господу, надъ гробомъ Лазаря? — Нѣтъ, «*Серафимъ разсмѣялся*». Ужасающій смѣхъ! Пусть мы тутъ чего-то не понимаемъ; пусть хранитъ онъ какую-то послѣднюю тайну святости, которая объяснитъ и оправдаетъ все — даже этотъ смѣхъ; но вѣдь тайну-то эту онъ хранитъ *для себя одного,* молчитъ о ней. А не молчитъ—вопіетъ къ Богу кровь Пелагеи, у которой тѣло виситъ клочьями, кровь дѣтей, умершихъ по молитвѣ матери, или выброшенныхъ, какъ щенята въ воду, кровь мужа, этого жалкаго и страшнаго «Сергушки», который умеръ безъ покаянія, «не зная, кто кого замучилъ, онъ ее или она его, кровь того злодѣя, который изъ-за нея застрѣлился;—и на всю эту вопіющую кровь единственный отвѣтъ—тихій смѣхъ Серафима. Земля залита кровью, а онъ идетъ по воздуху чистыми, бѣлыми ножками. «Тобою нѣкоторые соблазняются».—«А я не соблазняюсь тѣмъ, что мною соблазняются».

Пелагея добилась-таки своего: родные окончательно отступились отъ нея, привели въ Дивѣево и тамъ оставили. Сорокъ лѣтъ «безумная Пага»—такъ звали ее сестры—прожила въ Дивѣевѣ, и эта жизнь—сплошное самоистязаніе, медленное самоубійство, какъ добровольныхъ «осужденниковъ» въ древнемъ Тановѣ.

Теперь, когда другіе не мучили ея, она сама себя стала мучить, и это горое мученіе хуже перваго. Десять лѣтъ «работала съ камнями»—надрываясь, перетаскивала ихъ въ мѣшкѣ съ мѣста на мѣсто, безъ всякой ѣли. «Когда уже старѣть стала,—разсказываетъ ходившая за нею ста-

рица Анна,—помню, какъ сейчасъ, иду я къ вечернѣ, гляжу, подымается и она и говоритъ: «Господи, вотъ ужъ и моченьки нѣтъ!»—вздохнула, а слезы-то, слезы крупныя такъ и катятся по щекамъ. И такъ-то мнѣ ее, голубушку мою, жаль стало». Потомъ придумала «работу съ палками»: «наберетъ большущее беремя палокъ и колотитъ ими о землю изо всей мочи, пока всѣхъ ихъ не перебьетъ, да и себя-то всю въ кровь не разобьетъ». Потомъ—съ кирпичами: бросала ихъ въ яму съ водою нарочно такъ, чтобы вода брызгала и окачивала ее съ ногъ до головы; возвращалась домой ночью поздно, вся грязная, мокрая—«тина тиной». И эта «работа» длилась множество лѣтъ. Наконецъ, въ старости сдѣлалось у нея что-то вродѣ водобоязни: «бывало, нечаянно чуть обрызнешь ее,—разсказываетъ та же сестра Анна,—такъ и всполошится, такъ вся и встрепенется: ужъ больно доняла себя, столько-то лѣтъ водою окачиваясь».

Цѣлые дни просиживала въ ямѣ навозной, которую сама выкопала, и всегда за пазухой платья носила навозъ. Лѣтомъ и зимой ходила босикомъ, становилась ногами нарочно на гвозди и прокалывала ихъ насквозь. Однажды, уже въ глубокой старости, заблудилась на пустыряхъ, осенью ночью, подъ ледянымъ бураномъ, въ одномъ легкомъ сарафанишкѣ; выбилась изъ силъ; вѣтеръ сшибъ съ ногъ; повалилась, сарафанъ примерзъ къ землѣ, и она уже не могла встать; такъ и пролежала 9 часовъ, окоченѣлая; наконецъ, сестры ее нашли и едва отходили.

Иногда бѣгала по монастырю, бросая камни; била стекла въ окнахъ, колотилась головой и руками о стѣны монастырскихъ построекъ. Вызывала всѣхъ на оскорбленія, на побои и, когда ее били, радовалась.

Видъ имѣла страшный: сѣдые, спутанные волосы, голова проломлена, вся въ крови, и кишать въ ней насѣкомыя; на босыхъ ногахъ и рукахъ—длинные когти, подобные когтямъ звѣря.

Когда посѣщали ее другіе «блаженные», то начиналась «война», которая наводила на всѣхъ ужасъ: бывало, на кладбищѣ, между могилами, «бѣгаютъ, гоняются другъ за другомъ, оба большущіе да длинные», безумная Палага съ палкою и безумный Ѳедька съ полѣномъ, бьютъ другъ друга и ругаются непристойною руганью. «Я сижу, еле жива отъ страха,—разсказываетъ Аннушка,—грѣшница я, думаю себѣ: «ой, убьютъ!» Ходила даже нѣсколько разъ къ матушкѣ-игуменьѣ: «Боюсь, говорю, матушка, души во мнѣ нѣтъ,—пожалуй, убьютъ»... А матушка-то, бывало, и скажетъ: «Терпи, Аннушка, дитятко; не по своей-то волѣ, а за святое послушаніе съ ними, Божьими-то дурачками, сидишь. И убьютъ-то, такъ прямо въ царство небесное попадешь».

И мы должны вѣрить, что исполнилось пророчество: «будешь свѣтъ міру»?—Полно, какой это «свѣтъ»! Не свѣтъ ли того чернаго солнца, которое взошло изъ преисподней Таноба, не темный ли свѣтъ убійственнаго радія?

Когда умеръ Серафимъ, Пелагея сдѣлалась въ Дивѣевѣ «вторымъ Серафимомъ». Не игуменья, а «безумная Палага» была для обители матерью:

«ничего безъ нея не дѣлалось; что она скажетъ, то свято—такъ тому уже и быть».

Мало того: въ мудрость безумной вѣрятъ не только Дивѣевскія сестры, но и люди мірскіе, «весь христіанскій народъ». «Къ ней сталъ стекаться народъ,—говоритъ Лѣтопись,—люди разныхъ званій и состояній; всѣ спѣшили увидѣть ее и услышать».—«Съ ранняго утра до поздней ночи нѣтъ намъ отбою, такъ совсѣмъ и замотаютъ: кто о солдатствѣ, кто о пропажѣ, кто о женитьбѣ, кто о смерти, кто о болѣзни—всякъ со своими горями и скорбями идетъ къ ней».—«Она вытащила меня со дна ада»,—сказалъ о ней кто-то и это повторяли многіе. «Голосъ ея, по выраженію автора Лѣтописи, звучитъ надъ народомъ, подобно колоколу—кто разъ услышалъ, тотъ уже никогда не забудетъ».

Что это такое? Какая сила влечетъ къ ней людей? Любовь? Едва ли.—*«Любить особенно, Богъ ее вѣдаетъ, любила ли она кого, я не замѣтила. Ей были всѣ безразличны»*, замѣчаетъ Аннушка, которая прожила съ ней сорокъ лѣтъ. Какая же любовь, для которой «всѣ безразличны», и которой замѣтить нельзя? Если христіанская, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не Христова, ибо эта послѣдняя утверждаетъ всякую отдѣльную личность въ единомъ вселенскомъ ликѣ человѣчества, идетъ отъ человѣка къ человѣчеству, отъ единаго ко всѣмъ—не говоритъ: *да буду я единъ,* а говоритъ: *да будутъ всѣ едино.* Тайна Христовой любви раскрывается міру; въ тайнѣ этой единый сообщается со всѣми, единый пріобщается всѣмъ; каждый человѣкъ через Плоть и Кровь Христа-Богочеловѣка пріобщается Плоти и Крови Христа-Богочеловѣчества.

Пелагея очень рѣдко пріобщалась—просто не чувствовала въ этомъ потребности.

— Что это ты не пріобщишься? Вѣдь всѣ сестры говорятъ, что ты «порченая», говорили ей.

— Ахъ, нѣтъ,—отвѣчала она,—старикъ-то, батюшка Серафимъ, вѣдь мнѣ *разрѣшилъ отъ рожденія до успенія.*

То-есть, разрѣшилъ не пріобщаться.

Со страшною послѣдовательностью метафизики, конечно, безсознательной, она, отрекшись отъ всей вообще плоти, какъ будто отрекается, или, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ достаточнаго основанія, чтобы не отречься и отъ Плоти Христовой. Вѣдь послѣдняя тайна христіанской святости *не въ пріобщеніи, а въ разобщеніи* со всякою плотью, въ утвержденіи духовности, какъ безплотности.

Въ сущности, и «второй Серафимъ», такъ же какъ первый,—*внѣ Церкви,* внѣ послѣдняго соединенія плоти человѣчества съ Плотью Богочеловѣчества, ибо если отрицается одно изъ двухъ соединяемыхъ, то не можетъ не отрицаться и само соединеніе. *Не Серафимъ въ церкви, а церковь въ Серафимѣ.* «Кто пойдетъ противъ меня, убогаго, тотъ пойдетъ противъ Господа»: кто пойдетъ противъ меня, тотъ пойдетъ противъ церкви;—это вѣдь и значитъ: *я—церковь.* Тутъ восточное христіанство

переходитъ въ западное, православіе—въ католичество: всякій святой—первосвященникъ, папа, намѣстникъ Христа. И далѣе, христіанство переходитъ въ *христовство*, хлыстовство: святой—«преподобный», подобный Христу—«самъ Христосъ во плоти».

Но если не Христова любовь, то какая же сила влекла людей къ Пелагеѣ? Не знаемъ и никогда не узнаемъ, пока мы—мы, пока міръ—міръ. Тутъ опять тайна, которую и второй Серафимъ, такъ же какъ первый, сохранилъ для себя одного. Пусть каждый, кто подходилъ къ Пелагеѣ,—что-то видѣлъ, что-то узнавалъ,—но вѣдь тоже *для себя одного*. Каждый навѣки оставался съ нею одинъ, въ тайнѣ—безъ міра, безъ церкви, безъ любви, безъ Христа. Ибо сущность тайны Христовой именно въ томъ, что она открывается міру, какъ «свѣтъ», который «во тьмѣ свѣтитъ» и котораго «тьма не объяла».

Когда зажигаютъ свѣчу, то не ставятъ ее подъ сосудъ, а на столъ, чтобы она свѣтила всѣмъ въ домѣ. Ежели свѣтъ обоихъ Серафимовъ—не тьма, то это всетаки «свѣча подъ сосудомъ». И если бы даже было не два, а десять Серафимовъ, то до скончанія вѣка не смогли бы они поставить свѣчу на столъ—не смогли бы уже потому, что вовсе не хотѣли.

Ко гробу Пелагеи собрались тысячи народа. Всѣ плакали надъ нею, какъ надъ родною матерью. Въ церкви было такъ жарко, что потоки воды текли со стѣнъ, и на холодныхъ папертяхъ было тепло, какъ въ кельяхъ. Она лежала въ гробу, точно живая, даже не холодная, а теплая, «прекрасная, какъ ангелъ», съ ногъ до головы осыпанная свѣжими цвѣтами, которые любила при жизни.

Эти потоки воды, текущіе по стѣнамъ церкви—какъ бы слезы любви человѣческой, которая согрѣваетъ холодное мертвое тѣло. Но какая же связь между этимъ «прекраснымъ ангеломъ, спящимъ въ гробу», и тою уродливою, страшною, старою, скорченною, грязною, зловонною, сидящею въ навозной ямѣ, съ длинными ногтями—когтями на рукахъ и ногахъ? Опять не знаемъ и никогда не узнаемъ.

Пелагея оставила намъ внѣшнюю оболочку свою—юродство, безуміе; а внутреннее ядро—вѣщая мудрость,—если и была въ ней, то исчезла безслѣдно, такъ, какъ бы ея вовсе и не было.

Юродство есть отреченіе отъ человѣческаго разума во имя Божескаго. Но если разумъ человѣческій несоизмѣримъ съ Божескимъ, то какъ возможно явленіе Слова, ставшаго Плотью, Разума Божескаго, ставшаго разумомъ человѣческимъ? Какъ возможно явленіе Христа?

Пелагея любила цвѣты. Ей часто приносили ихъ. Она держала ихъ подолгу въ рукахъ, тихонько перебирая, любуясь и что-то нашептывая.

Когда меня увѣряютъ, будто бы христіанская церковь освящаетъ плоть міра, благословляетъ радости міра, мнѣ вспоминаются эти живые цвѣты въ рукахъ «безумной Палаги», съ когтями звѣря, глазами ангела.

Неужели истинная Церковь, Невѣста Христова, похожа на эту безобра-

пую старуху или даже на ту «прекрасную, какъ ангелъ», спящую въ гробу, согрѣтую теплой любовью темнаго народа, *какъ будто* живую, но всетаки мертвую.

Вѣримъ, чувствуемъ, знаемъ, что нѣтъ.

XI.

Къ тайнѣ Одного—личности, и къ тайнѣ Двухъ—полу, отношеніе Серафима, истинное или ложное, но, во всякомъ случаѣ, глубокое: тутъ есть о чемъ говорить; но къ тайнѣ Трехъ—къ общественности, оно до такой степени плоское, что и говорить почти не о чемъ.

«Не должно входить въ дѣла начальническія и судить оныя: симъ оскорбляется величество Божіе, отъ коего власти поставляются, ибо *нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть.*— Не должно противиться власти, чтобы не согрѣшить передъ Богомъ и не подвергнуться Его праведному наказанію: *противляйся власти Божію повелѣнію противляется*».

Это мы давно знаемъ. Но если утвержденіе: *всякая власть отъ Бога*,— безусловно, не только въ идеальномъ, но и въ реальномъ смыслѣ, не только какъ должное, но и какъ данное,—то почему же христіанскіе мученики не подчинялись власти римскихъ императоровъ, повелѣвавшихъ поклониться своему изображенію, какъ образу Божьему? почему возмутились они противъ этой власти такимъ безпредѣльнымъ возмущеніемъ, что оно сдѣлалось началомъ величайшей изъ всѣхъ революцій—той, которая смела съ лица земли Римскую имперію, совершеннѣйшее воплощеніе власти отъ человѣковѣ, признанной за «власть отъ Бога»? почему признали они эту власть, въ ея религіозномъ средоточіи, въ обожествленіи Кесаря, не силою Божіей, а безбожнымъ насиліемъ—властью Звѣря-Антихриста?

Мнѣ принадлежитъ всякая власть на землѣ и на небѣ,—говоритъ Христосъ.—*Тебѣ дамъ власть надъ всѣми царствами, ибо она предана мнѣ, и я, кому хочу, даю ее*,—говоритъ Діаволъ.

Итакъ, есть власть отъ Бога и власть отъ діавола, есть истинная и ложная власть. Какъ же отдѣлить одну отъ другой? Отвѣтить на этотъ вопросъ: *всякая власть отъ Бога*,—значитъ одно изъ двухъ: или окончательно покориться власти Звѣря, предать Христа Антихристу; или вернуться къ тому недоумѣнію, изъ котораго и возникъ вопросъ, то-есть, начать сказку про бѣлаго бычка. Въ теченіе двухъ тысячелѣтій христіанство только и дѣлало, что начинало эту сказку. Но хорошо ли, дурно ли, оно всетаки что-то начинало, что-то лепетало. А у Серафима единственный отвѣтъ—молчаніе.

«Отъ молчанія никто никогда не раскаивался», говоритъ Серафимъ. Это благоразумно, даже слишкомъ благоразумно; это совсѣмъ не похоже на *безуміе Креста*; съ этимъ согласился бы, пожалуй, и самъ Талейранъ, полагавшій, что слова людямъ даны для того, чтобы скрывать свои мысли. Менѣе благоразумный и менѣе святой предшественникъ Серафима, архі-

епископъ ростовскій, Арсеній Мацѣевичъ, судимый за оскорбленіе величества, на допросѣ передъ Синодомъ, въ присутствіи государыни, Екатерины II, говорилъ съ такой откровенностью о порабощеніи и разореніи русской церкви императорской властью, что Екатерина зажала себѣ уши, а ему заклепали ротъ.

Серафиму не заклепали рта: онъ и такъ молчалъ—и «отъ молчанія никогда не раскаивался».

А вѣдь не могъ не видѣть и онъ, подобно Арсенію, что «русская церковь въ параличѣ съ Петра Великаго», что глава ея—не Христосъ, а русскій самодержецъ, какъ объявилъ о томъ императоръ Павелъ I, что она—«департаментъ дѣлъ духовныхъ», что «Крестъ—казенная поклажа», и что мерзость запустѣнія стоитъ на мѣстѣ святомъ.

Что же дѣлалъ Серафимъ, видя все это?

Спасался въ затворѣ. «Бѣгай, Арсеній, людей и спасешься». Подражая древнимъ подвижникамъ, при встрѣчѣ съ кѣмъ-либо, падалъ лицомъ на землю и до тѣхъ поръ не вставалъ, пока встрѣтившійся не проходилъ мимо.

Вышелъ, однако, изъ десятилѣтняго затвора для того, чтобы благословить пріѣхавшаго въ обитель тамбовскаго губернатора съ женою.

Посѣщали его и другіе сановники. «О. Серафимъ,—повѣтствуетъ Лѣтопись,—относился къ нимъ съ должною честью, обращалъ вниманіе на важность ихъ сана и, указывая на знаки отличія, украшающіе грудь ихъ (то-есть, на ордена и *кресты*), напоминая имъ о Распятомъ на *крестѣ*, говорилъ, что знаки сіи должны служить имъ живою проповѣдью о ихъ обязанности. Болѣе же всего, по нуждамъ того времени, умолялъ охранять православную церковь, сильно колеблемую суетными мудрованіями вѣка. «Этого,—говорилъ онъ,—ждетъ отъ васъ народъ русскій, къ тому должна побуждать васъ совѣсть, для сего избралъ васъ и возвеличилъ государь».

Императоръ Александръ I «избралъ и возвеличилъ» кн. А. Н. Голицына, назначивъ его оберъ-прокуроромъ св. Синода, что̀, по всей вѣроятности, и Серафиму было извѣстно.

«Невѣрственная школа XVIII столѣтія,—разсказываетъ самъ Голицынъ въ своихъ мемуарахъ,—пустила глубокіе корни въ моемъ сердцѣ. Деизмъ, который въ то время былъ признакомъ людей хорошаго тона, составлялъ все мое вѣрованіе». Это значитъ, оберъ-прокуроръ св. Синода во Христа не вѣрилъ; впрочемъ, въ то время не вѣрилъ во Христа и самъ государь, «глава русской церкви».

«Вотъ я отправляюсь въ Синодъ, вхожу въ готическую храмину, вижу синодскій декоръ, вижу на другой сторонѣ зерцала *служебное* Распятіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ глазамъ моимъ встрѣчается какой-то византійскій тронъ изъ позолоченнаго дерева. Входя, крѣплюсь, стараюсь быть важнымъ, степеннымъ, приступаю къ слушанію дѣлъ. Случилось же, что для перваго моего прихода слушаны были такія дѣла, которыя, во всякомъ случаѣ, могли бы служить богатою канвою для самой соблазнительной хроники:

предложены были процессы о прелюбодѣяніяхъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ. Мнѣ тогда показалось, что и святые отцы вовсе не были прочь ихъ выслушивать—что же мнѣ, молодому холостяку?»

Объ этомъ засѣданіи Голицынъ разсказалъ государю за обѣдомъ такъ остроумно, что оба отъ души хохотали.—Надъ чѣмъ? Вѣдь послѣ уничтоженія патріаршества, св. Синодъ—единственное соборное правленіе русской церкви и, слѣдовательно, единственное въ ней «вмѣстилище Духа Святого».

«Въ обществѣ нашихъ знакомыхъ былъ нѣкто князь Тюфякинъ,—продолжаетъ Голицынъ.—Этотъ человѣкъ, котораго нравственность была вовсе не лучше моей, позволялъ себѣ дерзкія выраженія насчетъ религіи, какъ и я самъ; это составляло общую забаву и удовольствіе наше. И вотъ однажды у него въ домѣ, бывши уже оберъ-прокуроромъ Синода, я вымолвилъ такое невмѣстное, такое дерзновенное богохульство, что очень тѣмъ соблазнилъ моего Тюфякина, который даже отъ того встревожился и просилъ его пощадить. Вотъ какого блюстителя имѣлъ во мнѣ святѣйшій Синодъ!»

И такихъ-то людей призываетъ Серафимъ на защиту церкви. И генеральскіе кресты ихъ сравниваетъ съ Крестомъ Господнимъ.—Что это такое? Младенчество? Но вѣдь для кого же, какъ не для святыхъ, сказано: *Не будьте по уму младенцы.*

Серафимъ, говорятъ, обладалъ великимъ даромъ прозорливости. Къ нему приходили крестьяне, у которыхъ украли корову или лошадь, и онъ угадывалъ мѣсто, гдѣ находится краденое.—Знаетъ, кто укралъ у мужика корову, а кто укралъ благодать у церкви—не знаетъ.

У одного генерала, котораго онъ исповѣдывалъ, свалились, будто бы, чудомъ ордена и кресты.—«Это потому, что ты получилъ ихъ незаслуженно», объяснилъ старецъ.

Кажется, дальше этихъ свалившихся генеральскихъ крестиковъ не пошла борьба Серафима съ неправедной властью.

У Елены Мантуровой, одной изъ Дивѣевскихъ дѣвушекъ, была крѣпостная дѣвка Устинья. Вмѣстѣ съ госпожей своей поступила она въ монастырь и жила съ нею въ одной келіи, оставаясь крѣпостною. Устинья заболѣла чахоткою. Ее мучило, что она, больная, занимаетъ мѣсто въ тѣсной келіи и безпокоитъ барыню: «Нѣтъ, матушка, я уйду отъ тебя, нѣтъ тебѣ отъ меня покоя!» повторяла Устинья. Но уйти не успѣла—умерла. И никому изъ нихъ, ни Серафиму, ни Еленѣ, ни самой Устиньѣ, не пришло въ голову, что рабство—мерзость передъ Господомъ. Діаволъ брака является Еленѣ въ видѣ огненнаго змія, а діаволъ рабства остается невидимымъ. *Вы куплены дорогою цѣною: не дѣлайтесь рабами человѣковъ*, это всѣ забыли, а помнятъ только: *рабы, повинуйтесь господамъ вашимъ*, и *нѣтъ власти не отъ Бога*—слѣдовательно, отъ Бога и власть русскихъ помѣщиковъ.

Въ ранней юности Серафимъ былъ свидѣтелемъ Пугачевскаго бунта. Разбойники, которые, напавъ на него въ лѣсу, искалѣчили его, были

крѣпостные, которые могли бы участвовать въ бунтѣ. Серафимъ едва не погибъ отъ ожесточенія рабовъ, но всетаки не задумался о рабствѣ и въ теченіе всей своей жизни ни единымъ словомъ противъ него не обмолвился. Если бы это вообще зависѣло отъ Серафима, отъ христіанскихъ святыхъ, отъ христіанской святости, то крѣпостное право въ Россіи существовало бы и понынѣ. «Лучше тебѣ самому освободиться отъ узъ грѣха, чѣмъ освобождать отъ рабства народы»,—этому завѣту первыхъ святыхъ остался вѣренъ и послѣдній.

Не святой Серафимъ, а грѣшный и безбожный Радищевъ о рабствѣ задумался. Пока святые терпѣли молча, безбожникъ завопилъ отъ святого гнѣва, отъ святого ужаса—и неужели этотъ вопль не дошелъ до Бога? Съ Богомъ—рабство, свобода—безъ Бога: такъ всегда было и есть—неужели такъ всегда будетъ? Во всякомъ случаѣ, христіанская святость пальцемъ не двинула, чтобы этого не было. Самыя кровныя связи разрываются, такъ что «клочьями тѣло виситъ», а цѣпи рабства спаиваются.

Отъ французской революціи до русскаго декабрьскаго бунта—все освободительное движеніе, при которомъ Серафимъ присутствовалъ, для него—только «суетныя мудрованія вѣка сего». «Это все нынѣшній-то вѣкъ, нынѣшніе люди придумали!» шепчетъ онъ съ тихою брезгливостью. Тутъ—не столько проклятіе, сколько «дурной глазъ» на всю міровую культуру—науку, искусство, общественность—на всѣ «труды и дни» человѣческіе; не столько истребить хотѣлъ бы онъ все это, сколько «сглазить».

— Учить ли дѣтей языкамъ и прочему?—спросилъ кто-то.

— Что же худого знать что-нибудь?—отвѣчалъ Серафимъ и тотчасъ прибавилъ:—Гдѣ мнѣ, младенцу, отвѣчать противъ твоего разума? Спроси кого поумнѣе.

И въ этой усмѣшкѣ опять та же тихая брезгливость, тайное неблагословеніе, которое убійственнѣе всякихъ проклятій, опять «дурной глазъ».

Передъ смертью онъ предсказывалъ Дивѣевскимъ сестрамъ торжество ихъ обители.

— Какая великая радость-то будетъ! Колоколъ-то московскій Ивана Великаго самъ придетъ къ вамъ по воздуху. Когда его повѣсятъ, да въ первый-то разъ ударятъ и онъ загудитъ, тогда мы съ вами проспемся. Вся вселенная услышитъ и удивится. О, во, матушки вы мои, какая будетъ радость! Среди лѣта запоютъ Пасху! Пріѣдетъ къ намъ Царь и вся Фамилія!

Итакъ, для Серафима пріѣздъ русскаго царя равняется Пасхѣ Господней, воскресенію мертвыхъ.

«Но эта радость будетъ на самое короткое время,—продолжаетъ онъ.—Что же далѣе, матушки, будетъ... Такая скорбь... чего отъ начала міра не было... Ангелы едва будутъ успѣвать брать души...

«И свѣтлое лицо батюшки вдругъ измѣнилось, померкло; опустя головку, онъ поникъ долу, и слезы струями полились по щекамъ».

Отъ этой же самой скорби плачетъ и «второй Серафимъ», «безумная

Палага», особенно съ 1 марта 1881 г., съ убійства Александра II. «Какъ слышно стало, что у насъ творится на Руси, какія пакости да беззаконія, то ужъ какъ она, сердечная то, бывало плакала-то; ужъ и не скрывалась, и почти не переставала плакать; глаза даже у нея загноились и заболѣли отъ этихъ слезъ.

— Что это значитъ, матушка,—говорю я,—что ты все такъ страшно плачешь?

— Эхъ, говоритъ, если бы ты знала это, весь бы свѣтъ теперь заставила плакать!

Для обоихъ Серафимовъ, и если бы ихъ было не два, а десять, то для всѣхъ одинаково освобожденіе Россіи—«пакость и беззаконіе».

При всякихъ попыткахъ оторвать православіе отъ самодержавія, соединить христіанство съ революціей мнѣ вспоминается опущенная головка, померкшее личико батюшки Серафима и по щекамъ его струящіяся слезы. Не эти ли слезы единственный подлинный отвѣтъ всей русской святости на русское освобожденіе? Свѣтлое лицо Серафима померкло и все больше меркнетъ, темнѣетъ, чернѣетъ, становится страшнымъ лицомъ «черныхъ сотенъ». Христіанство и свобода—вода и огонь: если огонь сильнѣе, то отъ воды остается лишь теплый паръ—церковная реформація; если вода сильнѣе, то отъ огня остается лишь мокрый пепелъ—политическая реставрація.

Для Серафима конецъ самодержавія есть конецъ православія, а конецъ православія—конецъ міра, пришествіе Антихриста.

Въ послѣдній годъ своей жизни началъ онъ рыть заповѣдную канавку съ валомъ вокругъ Дивѣевской обители, чтобы оградить ее отъ Антихриста.

— Канавку вырыть надо. Три аршина глубины, и три аршина ширины, и три аршина вышины. Это та самая тропа, гдѣ прошла Царица Небесная, взявъ въ удѣлъ себѣ обитель. Тутъ стопочки Царицы Небесной прошли!—Такъ бывало и задрожитъ весь, какъ это говоритъ-то.—И кто канавку съ молитвой пройдетъ, да полтораста Богородицъ прочтетъ, тому все тутъ—и Аѳонъ, и Іерусалимъ, и Кіевъ. Когда вѣкъ-то кончится, Антихристъ придетъ, то станетъ съ храмовъ кресты снимать да монастыри разорять и всѣ монастыри разоритъ. А къ вашему-то подойдетъ, а канавка-то и станетъ отъ земли до неба; ему и нельзя къ вамъ взойти-то, нигдѣ не допуститъ канавка—такъ прочь и уйдетъ.

«Такъ какъ очень торопилъ этимъ дѣломъ батюшка, то и лютой зимой, рубя землю топоромъ, копали сестры заповѣдную канавку; и лишь только окончили, скончался тутъ же и нашъ родимый батюшка,—точно бы что этого только и ждалъ».

Дѣйствительно, главное, и можетъ быть, единственное дѣло всей жизни ея и есть эта канавка. Что первые святые начали, то кончилъ послѣдній: невидимую черту, отдѣляющую христіанство отъ міра сдѣлалъ видимой—завершилъ незавершенное въ христіанствѣ противорѣчіе міра и Бога.

По ту сторону канавки—Богъ безъ міра, по сю—міръ безъ Бога; и соединить ихъ нельзя. Трехаршинная канавка углубится до бездны, трехаршинный валъ подымется до неба—и окончательно отдѣлится Богъ отъ міра. Богъ отнятъ отъ міра, міръ преданъ діаволу.

Да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ—это не исполнилось въ христіанствѣ: воля Божія, царствіе Божіе—только на небѣ, а на землѣ—царство діавола.

— Къ концу-то вѣка,—предсказываетъ Серафимъ,—будетъ у васъ на диво соборъ. Подойдетъ къ нему Антихристъ-то, а онъ весь на воздухъ и подымется. Достойные, которые взойдутъ въ него, останутся въ немъ, а другіе, хотя и взойдутъ, но будутъ падать на землю.—На землю, то-есть, въ преисподнюю, ибо земля и есть преисподняя.

Серафимъ, со своимъ соборомъ, въ которомъ заключена «соборная, единая, вселенская церковь»,—возносится, а земля проваливается; Серафимъ святъ, земля проклята; Серафимъ спасся, міръ погибъ.

XII.

Что же—значитъ, христіанство «не удалось»?

Если смотрѣть на него, какъ на послѣднюю религіозную цѣль и завершеніе міра, то оно дѣйствительно «не удалось». Если же христіанство—только путь къ этой цѣли, то оно «удалось» такъ, какъ ни одно изъ дѣлъ человѣческихъ не удавалось, и какъ удаются только дѣла Божіи. Въ этихъ-то именно кажущихся своихъ неудачахъ, несовершенствахъ, паденіяхъ, провалахъ, противорѣчіяхъ, даже преступленіяхъ, христіанство болѣе совершенно, болѣе божественно, чѣмъ въ своемъ человѣческомъ совершенствѣ, человѣческой святости.

Безконечное открывается конечному разуму не иначе, какъ по законамъ этого разума; а глубочайшій изъ нихъ—законъ діалектическаго развитія, по которому совершенное соединеніе двухъ противоположныхъ началъ, синтезъ тезиса и антитезиса, не можетъ произойти прежде, чѣмъ не раскроется совершенная противоположность этихъ началъ.

Первый Завѣтъ, откровеніе Отца—тезисъ; Второй Завѣтъ, откровеніе Сына—антитезисъ; совершенный синтезъ Перваго и Второго Завѣта въ Третьемъ, послѣднее соединеніе Отца и Сына въ Духѣ не могло произойти прежде, чѣмъ не раскрылась совершенная противоположность Отчей и Сыновней Ѵпостаси. Кажущіяся неразрѣшимыми противорѣчія христіанства—вѣчныя антиноміи плоти и духа, земли и неба, міра и Бога—суть въ дѣйствительности не противорѣчія неразрѣшимыя, а только противоположности неразрѣшенныя, но разрѣшаемыя въ послѣднемъ соединеніи Двухъ во Единомъ, въ послѣднемъ откровеніи Троицы. Надо было раскрыть до конца противоположности: христіанство это и сдѣлало, или вѣрнѣе, сама Премудрость Божія сдѣлала это черезъ христіанство.

Мы видѣли, что вся метафизика христіанской святости сводится къ

утвержденію безплотной духовности. Мы видѣли также, въ какомъ зіяющемъ противорѣчіи находятся три величайшія тайны Христовы—начало, продолженіе, конецъ самаго христіанства—Воплощеніе, Причащеніе, Воскресеніе—три тайны Плоти Святой—съ этою безплотною святостью. Но уже не человѣческая, а Божественная святость, Божественная подлинность христіанства, адамантово основаніе Грядущей Церкви Христовой, о которой сказано: *врата адовы не одолѣютъ ее,*—и заключается именно въ томъ, что сквозь всѣ эти бездонно зіяющія противорѣчія, провалы, паденія, даже преступленія, христіанство пронесло неискаженный ликъ Христа, Слова, ставшаго плотью. Въ этомъ смыслѣ христіанство есть подлинное явленіе Христа человѣчеству. Безъ христіанства нѣтъ Христа; безъ Христа, Сына Божія, нѣтъ Отца и Духа. Никто, кромѣ Сына, не приводитъ къ Отцу; никто, кромѣ Отца и Сына, не приводитъ къ Духу. Въ этомъ, повторяю, уже не человѣческая, а Божественная святость, правда и оправданіе христіанства.

Полнота Перваго Завѣта совершилась только во Второмъ; полнота Второго совершится только въ Третьемъ. Первый Завѣтъ пророчествуетъ о первомъ пришествія Сына въ Отцѣ, второй—о Второмъ пришествіи Сына въ Духѣ; Первый—о Богочеловѣкѣ, Второй—о Богочеловѣчествѣ, которое и будетъ послѣднимъ откровеніемъ Духа Святого въ Плоти Святой, послѣднимъ соединеніемъ Духа съ плотью, неба съ землею, міра съ Богомъ—*да будетъ Богъ все во всемъ*. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ заключено христіанство, такъ въ христіанствѣ—религія Св. Духа. И какъ христіанство, откровеніе Сына, не нарушило, а исполнило законъ Отца, такъ откровеніе Духа не нарушитъ, а исполнитъ христіанство. Откровеніе Духа, Третьей Ѵпостаси, которое и есть откровеніе всѣхъ Трехъ Ѵпостасей—откровеніе Троицы—заключено, сокрыто, но не раскрыто въ христіанствѣ. Ученіе о Троицѣ осталось отвлеченнымъ созерцаніемъ, догматомъ, внѣ дѣйственной святости, а христіанская святость, дѣйствіе—внѣ Троицы. Святые говорятъ: во имя Отца и Сына, и Духа,—а дѣлаютъ только во имя Духа. Ликомъ Сына закрытъ ликъ Отца и Духа. Но закрытое должно раскрыться—и уже раскрывается.

Если бы въ христіанствѣ не было чаянія Церкви Вселенской, то не раскинулся бы подобный своду небесному, сводъ константинопольской св. Софіи—первое видѣніе грядущей вселенской соборности.

Если бы въ христіанствѣ не было чаянія Плоти Святой, то не явилась бы Матерь Божія—первое видѣніе Вѣчнаго Материнства.

Если бы въ христіанствѣ не было тайны о Троицѣ, то не открылось бы послѣднее раздѣленіе двухъ міровъ въ современной критикѣ познанія.

Если бы въ христіанствѣ не было тайны о Богочеловѣчествѣ, то не пронеслась бы огненная буря того освобожденія народовъ, только начало котораго мы донынѣ видѣли въ европейскихъ революціяхъ.

Современное человѣчество не подозрѣваетъ, до какой степени остается оно христіанскимъ даже тогда, когда отъ христіанства отрекается. Можно

идти противъ, но мимо христіанства—нельзя. А истинный путь человѣчества—не противъ и не мимо христіанства, а черезъ него—къ тому, что за нимъ.

Въ заключеніе признаюсь: мнѣ трудно было, иногда почти страшно, говорить о Серафимѣ. Какъ бы ни было справедливо то, что я говорю, я все же только говорю о томъ, что надо дѣлать, а Серафимъ сдѣлалъ то, о чемъ говорилъ.

Я скорбенъ, онъ счастливъ; я теменъ, онъ свѣтелъ; я грѣшенъ, онъ святъ.

Что, если бы я увидѣлъ сейчасъ, лицомъ къ лицу, этого маленькаго, сгорбленнаго старичка въ бѣломъ балахончикѣ, бѣлыми и голыми ножками идущаго, какъ бы по воздуху,—посмѣлъ ли бы я поднять на него глаза и сказать ему самому все, что сказалъ о немъ? И что онъ отвѣтилъ бы мнѣ?

«Кто противъ Господа, Царицы Небесной и меня, убогаго Серафима, пойдетъ, тому не дамъ житія ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ».

Я себя не обманываю—знаю, что, если не *тамъ*, въ вѣчности, то *здѣсь*, въ «семъ вѣкѣ», онъ, можетъ быть, и проклялъ бы меня, а если бы не проклялъ, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не благословилъ бы, а промолчалъ, ничего не отвѣтилъ бы на всѣ мои вопросы.

И все таки я вѣрю, что послѣдняя, *нездѣшняя* тайна Серафимовой и всей христіанской святости, когда откроется, будетъ тѣмъ самымъ откровеніемъ, котораго и я жду, котораго ждутъ всѣ, кто ожидаетъ церкви Грядущаго Господа. Всѣ мы вѣримъ и надѣемся, что въ *этой* церкви Серафимъ благословитъ насъ всѣхъ.

Но благословеніе—*тамъ*, а *здѣсь*: «Кто противъ меня пойдетъ, тому не дамъ житія».

И вотъ на это хочется *здѣсь* же отвѣтить:

— Батюшка Серафимъ! Если ты идешь за Бога противъ міра, то мы идемъ противъ тебя съ міромъ и съ Богомъ, ибо истиненъ Богъ нашъ, Христосъ, пришедшій въ міръ, сущій въ мірѣ и грядущій въ мірѣ. Тутъ между нами и тобою, дѣйствительно, бездонная «канавка»—великій рубежъ, отдѣляющій *до времени* явленіе Сына отъ явленія Духа, Второй Завѣтъ отъ Третьяго. Тутъ между нами и тобою, по слову Господа,—*не миръ, но мечъ*—опять, конечно, *до времени*, ибо, когда время исполнится, и тайна всѣхъ Трехъ Завѣтовъ совершится, то будетъ уже—*не мечъ, но миръ*.

Д. Мережковскій.

Соціалъ-демократія на стражѣ русской революціи*).

V.

Читатель уже знаетъ, положимъ, что «для марксиста роль, которую въ опредѣленный историческій періодъ долженъ сыграть данный соціальный слой, опредѣляется объективнымъ значеніемъ историческаго момента въ развитіи общества». Ужъ чего, кажется, принудительнѣе этого объективнаго момента, для того чтобы положеніе о «буржуазной революціи, къ которой мы идемъ» (шли, т.-е. въ мартѣ 1905 г.), звучало «не фразой». И однако, спустя ровнымъ счетомъ только *семь строкъ* вы наталкиваетесь на слѣдующій великолѣпный «скачокъ мысли», свидѣтельствующій о томъ, что область марксистской революціонной соціологіи, это настоящее царство верховнаго умственнаго каприза, ставящаго—по саркастическому выраженію г. Плеханова (о нашей народолюбивой интеллигенціи)—«на мѣсто революціоннаго развитія свою революціонную волю»...

Тамъ чудеса...
Тамъ ступа съ Бабою-Ягой
Идетъ-бредетъ сама собой...

«Крупная роль, которую играетъ и будетъ играть въ россійской революціи пролетаріатъ, дѣлаетъ вполнѣ возможнымъ такое положеніе, когда борьба пролетаріата за дальнѣйшее упроченіе и развитіе революціи *отождествится съ борьбой за непосредственное обладаніе политической властью*». Наступленіе такого момента будетъ, по мнѣнію автора **), «разумѣется, ускорено, если всѣ сильныя буржуазно-революціонныя партіи *отцвѣтутъ, не успѣвши расцвѣсть*». Ну, а за этимъ, конечно, дѣло не станетъ, судя по тому, что еще въ 1902 г. г. Рязановъ, напр., писалъ объ «идеологіи буржуазіи—*либерализмѣ*» уже въ прошедшемъ времени, что въ Россіи онъ «*отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть*». Производство-де у насъ развивается не по днямъ, а по часамъ; неразвитое состояніе средняго класса отошло уже въ область преданій, а между тѣмъ этотъ средній классъ,

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1907 г.

**) *Л. Мартовъ*: „На очереди". *Искра* II, стр. 187.

сирѣчь буржуазія, все еще не хочетъ проникнуться сознаніемъ своей освободительной миссіи *)... Въ сущности и самъ г. Мартовъ не менѣе скептически относится къ своимъ «сильнымъ буржуазно-революціоннымъ партіямъ», когда выражается условно: *если* онѣ отцвѣтутъ. На самомъ дѣлѣ онъ далеко не увѣренъ даже въ простомъ ихъ появленіи, вообще въ наличности у насъ оппозиціоннаго средняго класса. Смѣшно сказать, что все свое убѣжденіе въ неизбѣжности бытія таковаго онъ основываетъ на—логически вполнѣ безукоризненномъ—умозаключеніи: разъ—буржуазная революція, то безъ «сильныхъ буржуазно-революціонныхъ партій» никакъ нельзя. Мы цитировали уже его фразу, точнѣе «не фразу»... «И если не фраза наши слова, что мы идемъ къ буржуазной революціи, то намъ не придется долго смотрѣть въ увеличительное стекло, чтобы найти субъективные факты этой буржуазной революціи»—понимай: разные элементы буржуазной демократіи. Это значитъ: не наличность недовольнаго и оппозиціонно-настроеннаго «средняго класса» убѣждаетъ г. Мартова въ необходимости и неизбѣжности буржуазной революціи, а наоборотъ, апріорная догма буржуазной революціи внушаетъ увѣренность нашему автору, что номинальный герой таковой, «сильная революціонная буржуазія», не заставитъ себя долго ждать, что этотъ «субъективный факторъ» не придется долго высматривать въ увеличительное стекло! Аристотеліанцы эпохи Возрожденія отказывались видѣть въ телескопъ пятна на солнцѣ, о которыхъ ничего не сказано у Аристотеля, новѣйшіе же аристотеліанцы, готовы, напротивъ, воспринимать чрезъ свое увеличительное стекло даже и не существующіе, ибо вполнѣ «субъективные факты». Авторъ ученія о силлогизмѣ первый увидѣлъ бы, безъ сомнѣнія, смѣхотворнѣйшее contradictio in adjecto въ положеніи о буржуазной революціи безъ революціонной буржуазіи; онъ призналъ бы ее закономѣрно-буржуазной въ смыслѣ развѣ извѣстнаго словопроизводства—*lucus a non lucendo*... Такова сила вѣры въ магистра, въ писанную букву! Но понятно, что эта вѣра должна будетъ оказаться въ концѣ-концовъ такой же эфемерной, надуманной, головной, какъ и самая «буква», требовавшая отъ русской буржуазіи обязательнаго и всескорѣйшаго «проникновенія сознаніемъ своей освободительной миссіи...»

И зачѣмъ бы ей было проникаться такимъ сознаніемъ, какая бы у буржуазіи могла быть освободительная миссія въ революціи, долженствующей освободить производительныя силы страны и проложить дорогу безпрепятственному развитію капитала, когда производство идетъ такъ успѣшно (растетъ не по днямъ, а по часамъ) именно подъ заботливой ферулой абсолютизма? Въ чемъ другомъ можно винить русскую, да и всякую буржуазію—казните ее, если угодно, за многократное предательство по отношенію къ народу—но упрека въ пренебреженіи къ своимъ прямымъ обязанностямъ, въ неисполненіи своей основной исторической миссіи, которая заключается лишь въ накопленіи прибавочной стоимости для воспроизве-

---

*) *Н. Рязановъ*: „Къ критикѣ“ и пр., стр. 126.

ленія національнаго производства въ прогрессивно увеличивающемся масштабѣ—этого упрека она никоимъ образомъ не заслуживаетъ. Отбросивъ при благосклонномъ содѣйствіи правительства на надлежащую дистанцію пролетаріатъ, зарвавшійся до требованій, которыя идутъ вразрѣзъ съ интересами нормальнаго капиталистическаго развитія, буржуазія, съ марксистской точки зрѣнія, дѣйствовала въ духѣ прогрессивно-реалистическомъ противъ пролетаріата, который выступалъ на этотъ разъ безусловно-утопически и реакціонно... Понятно, только до тѣхъ поръ, пока мы остаемся на точкѣ зрѣнія марксистской ортодоксіи, покуда мы, вмѣстѣ съ рамками буржуазнаго строя, не прорвали и рамокъ «догмы», согласно строжайшимъ требованіямъ діалектическаго метода мышленія и закону конкретной истины. Но разъ мы благополучно продѣлали эту трудную (только не для діалектиковъ!) діалектическую операцію, то за отсутствіемъ у насъ не то что «сильныхъ буржуазно-революціонныхъ партій», но и просто даже либерально-оппозиціонной буржуазіи въ нашей буржуазной революціи (нашъ буржуазный либерализмъ въ микроскопъ не увидишь!), мы можемъ быть вполнѣ спокойны за непосредственный переходъ политической власти въ руки пролетаріата. «Но разумѣется также, что, получивъ ее въ ходѣ соціальной борьбы, онъ, пролетаріатъ, не сможетъ ограничить себя въ ея пользованіи рамками буржуазной революціи... не сможетъ не повести революціи дальше, не сможетъ не стремиться къ прямой борьбѣ со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ. *Конкретно* это—по словамъ г. Мартова—значитъ либо новое повтореніе парижской коммуны, либо *начало соціалистической революціи* «на Западѣ» и ея переходъ въ Россію. И мы обязаны будемъ стремиться ко второму *).

Какъ бы тамъ ни было, не забудьте, что до такихъ «соціалистически-революціонныхъ конкретностей» договорился «марксистъ», для котораго, всего за нѣсколько строчекъ передъ тѣмъ, объективное значеніе даннаго момента въ историческомъ развитіи Россіи предъявляло именно къ буржуазіи опредѣленныя революціонно-демократическія требованія, и который еще предъ этимъ язвительно высмѣивалъ «идеологическій оптимизмъ нашихъ революціонеровъ» (замѣтьте, изъ с.-демократовъ), растущій настолько быстро, что «не успѣемъ мы еще замѣтить сколько-нибудь выросшаго изъ пеленокъ дѣтища буржуазной демократіи, а передъ нами уже несомнѣнно будетъ куча проектовъ «совпаденія политической и соціалистической революціи» по тому случаю, что «мы» уже переросли (въ собственномъ воображеніи!) всѣ рамки революціи буржуазной и изящнымъ движеніемъ ноги отбросили всѣ тактическія трудности, вытекающія изъ своеобразнаго положенія русскаго пролетаріата въ развертывающейся буржуазной революціи».

Надъ кѣмъ смѣялся тутъ г. Мартовъ?... — Увы! Меньше, чѣмъ чрезъ одну печатную страницу послѣ этого онъ самъ, движимый «своеобраз-

---

*) *Искра*, II, стр. 187.

нымъ положеніемъ русскаго пролетаріата въ развертывающейся буржуазной революціи—этимъ поистинѣ нераскусимымъ орѣхомъ русско-марксистской революціонной теоріи — уже «отбросилъ изящнымъ движеніемъ ноги всѣ проистекающія изъ него тактическія трудности», уже «переросъ (въ собственномъ воображеніи!) всѣ рамки революціи буржуазной», «дѣтище буржуазной демократіи» прямо изъ пеленокъ уже переправилъ въ царство небытія («отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть!»), а къ кучѣ проектовъ «совпаденія политической и соціалистической революціи» успѣлъ прибавить свой проектъ «отождествленія» буржуазной революціи съ «непосредственнымъ» овладѣніемъ пролетаріата политической властью для объявленія борьбы всему буржуазному обществу и начала соціалистической революціи»!... Вотъ что значитъ быть марксистомъ, для котораго законъ развитія общества это—сущее откровеніе, это альфа и омега всего его теоретическаго бытія! И вотъ что еще значитъ шагать въ семимильныхъ сапогахъ по полю исторіософіи! Ибо хотя 9-ое января ничего и не измѣнило въ историческомъ характерѣ революціи, которая и послѣ этой даты продолжала «выдавать себя» за соціальную революцію буржуазіи, оно въ то же время «семимильными шагами приблизило насъ къ побѣдѣ»...

VI.

Образъ дѣйствія г. Мартова по отношенію къ буржуазно-революціоннымъ партіямъ—которыя, напомнимъ, онъ заставляетъ чисто-оранжерейнымъ путемъ «отцвѣсти, не успѣвши расцвѣсть»—долженъ на одинъ мигъ еще привлечь къ себѣ наше вниманіе — собственно не самъ по себѣ, а какъ закономѣрное производное другого болѣе общаго факта, съ которымъ онъ связанъ къ тому же, быть можетъ и не случайно, чисто-словесной ассоціаціей. Дѣло въ томъ, что и самый общественный классъ, упомянутыя партіи питающій, и не только буржуазія, но и весь нашъ капитализмъ проводится точь въ точь чрезъ ту же оранжерейную культуру такимъ теоретическимъ свѣтиломъ русской с.-демократіи, какъ г. Плехановъ (а за нимъ и другими), все съ той же знакомой намъ цѣлью—безпрепятственнаго осуществленія той соціалистической революціи, которая «идетъ-бредетъ сама собой» и вотъ-вотъ должна обрушиться на наши головы въ ближайшемъ же будущемъ. Мы уже упоминали какъ-то о томъ, что наши октябрьскіе революціонеры публично отпраздновали соціалистическое совершеннолѣтіе Россіи, но интересно прослѣдить, какъ эта скоропалительность, продѣланная «въ пылу революціонной горячки», была подготовлена всей с.-демократической теоріей русскаго капитализма, той самой теоріей, въ области которой наши марксисты дали свои генеральныя сраженія и одержали свои самыя блестящія побѣды надъ народнической недалекостью, но только затѣмъ, чтобъ лишній разъ кончить усвоеніемъ для своего, с.-демократическаго, домашняго обихода пародіи ихъ же, народническаго, добра...

По русской с.-д. теоріи капитализма для послѣдняго вообще былъ труденъ только первый шагъ, не прерывающееся же движеніе его отъ Запада къ Востоку совершается съ всевозрастающимъ ускореніемъ. Не только развитіе русскаго капитализма не можетъ быть такимъ же медленнымъ, какъ было оно, напр., въ Англіи, но самое существованіе его не можетъ имѣть такой продолжительности, какая выпала на его долю въ западно-европейскихъ странахъ. *Нашъ капитализмъ отцвѣтетъ, не успѣвши окончательно расцвѣсть* — за это ручается намъ могучее вліяніе международныхъ отношеній. Но что дѣло подвигается, тѣмъ не менѣе, къ его болѣе или менѣе полному торжеству — въ этомъ также невозможно сомнѣваться» *).

Это писалось, замѣтьте, еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, и уже тогда г. Плехановъ провозгласилъ непримиримость интересовъ русской буржуазіи съ интересами абсолютизма, какъ фактъ извѣстный всякому, слѣдившему хоть съ нѣкоторымъ вниманіемъ за ходомъ русской жизни въ послѣднее десятилѣтіе **), т.-е. даже въ 70 годы. Это опять-таки живо напоминаетъ намъ, какъ въ 40 и 50 годы того же вѣка Марксъ уже проповѣдывалъ для Западной Европы непримиримость интересовъ всего тогдашняго міра съ интересами буржуазіи, достигшей якобы кульминаціонной точки своего блеска и классоваго развитія. Но понятно, что въ обоихъ случаяхъ—т.-е. для г. Плеханова, какъ и для Маркса—при этомъ скоропалительно-оранжерейномъ завершеніи цикла буржуазнаго развитія—«умыселъ другой тутъ былъ». Возможно быстрый расцвѣтъ русскаго капитализма нуженъ былъ имъ, конечно, не ради прекрасныхъ глазъ русской буржуазіи, къ «освободительной миссіи» которой всѣ они относятся болѣе, чѣмъ двусмысленно, а изъ-за соображеній совсѣмъ другого порядка, въ интересахъ истинной рабочей политики,—не ради грандіозныхъ завоеваній капиталистической культуры, а для пролетарскаго отпора этой культурѣ, въ этихъ видахъ и обреченной заранѣе «отцвѣсти» во цвѣтѣ лѣтъ, для этой цѣли и надѣленной «съ самаго начала» смертельнымъ недугомъ. Процессъ развитія капитализма, которому, по ученію Маркса, полагалось быть двустороннимъ и противорѣчивымъ, въ томъ смыслѣ, чтобъ параллельно съ буржуазіей порождать и готовый къ роли ея могильщика пролетаріатъ, который будетъ расти и организовываться по мѣрѣ того, какъ означенное развитіе шло бы вширь и вглубь,—этотъ процессъ не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ: для марксизма онъ оказался, напротивъ, скорѣе однобокимъ и одномастнымъ. Замѣчательный вѣдь фактъ, что самая передовая въ промышленномъ отношеніи Англія, которая должна была показывать во всемъ примѣръ болѣе отсталымъ странамъ, достигнувъ высотъ экономическаго развитія, настолько въ то же время отстала въ дѣлѣ классоваго развитія сво-

*) „Наши разногласія", стр. 286—287.
**) Ibidem, стр. 120.

его пролетаріата, что эту соціальную или освободительную миссію рабочаго класса по борьбѣ его со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ должны были, одна за другой, принять на себя все болѣе отсталыя въ промышленномъ отношеніи Франція, Германія, наконецъ, даже Россія... Ясно, что «поправка» должна была подоспѣть на помощь именно въ самомъ слабомъ пунктѣ теоріи, и вотъ дѣйствительно былъ частью открытъ, частью изобрѣтенъ—ad hoc—новый законъ капиталистическаго развитія—о прогрессивномъ ускореніи движенія капитализма съ Запада на Востокъ, законъ, допускающій изъятія или выпаденія цѣлыхъ звеньевъ эволюціонной цѣпи или ступеней эволюціонной лѣстницы... «въ зависимости отъ комбинаціи всѣхъ общественныхъ и международныхъ отношеній данной страны». Такая комбинація давала, правда, великолѣпный синтезъ главнаго закона капиталистическаго развитія, изложеннаго въ «Капиталѣ» и послужившаго краеугольнымъ камнемъ всего зданія экономическаго матеріализма, съ діалектическимъ положеніемъ о конкретной истинѣ. Но какъ случается съ иными химическими соединеніями, и этотъ философскій синтезъ, извѣстный подъ именемъ *діалектическаго матеріализма,* оказывается до послѣдней степени непрочнымъ (въ чемъ, впрочемъ, и главный его raison d'être). Дѣйствительно, вся эфемерность или, такъ сказать, невѣсомость этого конкретнаго комбинаціоннаго момента, съ точки зрѣнія «матеріалистическаго пониманія исторіи», явствуетъ уже изъ того, что «болѣе или менѣе благопріятный для рабочаго класса характеръ такой комбинаціи, въ свою очередь, зависитъ *отъ поведенія людей, понявшихъ смыслъ* предстоящей ихъ странѣ эволюціи», т.-е., зависитъ, иначе сказать, отъ роли «критически-мыслящихъ личностей!»

Иллюстрируя свой новый законъ, г. Плехановъ замѣчаетъ: «Развитіе капитализма въ Германіи *застало* рабочій классъ на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ въ Англіи или во Франціи, а потому и отпоръ капиталистической эксплуатаціи въ этой странѣ былъ быстрѣе и рѣшительнѣе». Мы не спрашиваемъ больше: какъ примирить съ ученіемъ «Капитала» тотъ фактъ, что «развитіе капитализма въ Германіи», по крайней мѣрѣ, на много ступеней уступавшее соотвѣтственному явленію въ Англіи, способно было «застать» германскій рабочій классъ на болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ въ Англіи??!! Мы знаемъ уже, что положеніе о параллелизмѣ между уровнемъ развитія капитализма въ данной странѣ и уровнемъ развитія рабочаго класса этой страны,—параллелизмѣ, при которомъ первый фактъ непосредственно обусловливаетъ, порождаетъ второй, это—догма, абстракція, законъ; положеніе же, вродѣ отмѣченнаго здѣсь г. Плехановымъ, гдѣ насъ «застаетъ» нѣчто діаметрально-противоположное ожидаемому согласно «закону», это—діалектика, осязательный фактъ, благодать,—а извѣстно, что—animus flat ubi vult, *духъ вѣетъ, гдѣ онъ хочетъ.* Но зато насъ ближайшимъ образомъ и интересуетъ здѣсь вопросъ о «вѣющемъ духѣ», и мы спрашиваемъ: въ чемъ же выразился «болѣе быстрый и рѣшительный отпоръ капиталистической эксплуатаціи» въ Германіи—въ

этой странѣ чистаго духа par excellence, когда мы знаемъ, что въ ней и до сего дня «капиталистическая эксплуатація» вовсе и не думала «отцвѣтать», а напротивъ лишь расцвѣтаетъ въ ней все болѣе и болѣе пышнымъ цвѣтомъ, не взирая на наличность рабочаго класса, стоящаго здѣсь на очень даже высокой ступени развитія классоваго самосознанія? Очевидно, «отпоръ», если онъ имѣется налицо, заключается, какъ и подобаетъ феномену духа, въ проповѣди «людей, понявшихъ смыслъ предстоящей ихъ странѣ эволюціи». Мы, дѣйствительно, не ошиблись. «Нѣмецкіе коммунисты,—честью увѣряетъ насъ г. Плехановъ,—и не думали опредѣляться на службу капитализму. Они знали, что болѣе или менѣе близкая побѣда рабочаго класса зависитъ, между прочимъ, отъ вліянія на этотъ классъ людей, понявшихъ смыслъ историческаго развитія. Они дѣятельно взялись за пропаганду въ рабочей средѣ, и успѣхъ превзошелъ ихъ ожиданія. *Почему бы намъ нельзя было послѣдовать ихъ примѣру?*» *).

Да, въ самомъ дѣлѣ, «почему бы и намъ нельзя было послѣдовать ихъ примѣру?» Чьему примѣру?—Замѣтьте, примѣру нѣмецкихъ коммунистовъ 40-хъ годовъ. Въ своемъ «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» **) тотъ же г. Плехановъ въ осторожныхъ выраженіяхъ, развиваетъ ту мысль, что *невозможность остановить развитіе капиталистическаго производства еще не лишало мыслящихъ людей Германіи возможности служить благосостоянію ея народа*. «У буржуазіи—молъ—есть свои неизбѣжные спутники (рабочіе). Чѣмъ развитѣе сознаніе этихъ невольныхъ слугъ, тѣмъ легче ихъ положеніе, тѣмъ сильнѣе ихъ сопротивленіе Колупаевымъ и Разуваевымъ всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ. Марксъ и Энгельсъ и поставили себѣ задачей развивать это самосознаніе: согласно духу діалектическаго матеріализма, они съ самаго начала поставили передъ собой *совершенно, исключительно идеалистическую задачу*».

Мы видимъ, г. Плехановъ правильно оцѣнивалъ смыслъ поставленной себѣ Марксомъ и Энгельсомъ въ 40-хъ годахъ задачи. Сознаніемъ «совершенно, исключительно идеалистическаго» характера этой задачи и продиктована, съ одной стороны, ихъ превосходная, необыкновенно прочувствованная эпитафія капитализму уже въ «Коммунистическомъ манифестѣ», а затѣмъ тамъ же постановка соціалистической революціи на ближайшую очередь дня. «Духъ вѣетъ, гдѣ хочетъ»—за пролетаріатомъ, его зрѣлостью, его готовностью къ производству соціалистическаго переворота остановки никакой не могло быть: онъ не терялъ ничего, кромѣ цѣпей, а выиграть долженъ былъ міръ... И вотъ ту же, «совершенно и исключительно идеалистическую», т.-е. совершенно и исключительно призрачную, *спиритуалистическую* ошибку, «согласно духу діалектическаго матеріализма», повторяетъ г. Плехановъ относительно Россіи въ 80—90-е года, да

*) „Наши разногласія“, стр. 287, курс. нашъ.

**) *Н. Бельтова* (псевдонимъ). Спб., 1875 г., стр. 248, курсивъ вездѣ автора.—[…]орство Плеханова давно ужъ не составляло секрета, а въ послѣднее время раскры[…] напр., въ объявленіяхъ о книгахъ.

еще съ гордой ссылкой (o sancta simplicitas!) на Маркса-Энгельса 40-хъ годовъ. Онъ объявляетъ, что ни развитіе русскаго капитализма не можетъ быть такимъ медленнымъ, ни существованіе его такимъ продолжительнымъ, какъ въ западно-европейскихъ странахъ (не исключая ужъ и Германіи!); подъ зловѣщей для буржуазіи угрозой «международныхъ осложненій» онъ заставляетъ нашъ капитализмъ отцвѣсти, даже не видавъ своего окончательнаго расцвѣта, а на вопросъ о готовности русскаго пролетаріата къ «отпору», отвѣчаетъ, напр., въ слѣдующемъ «совершенно, исключительно идеалистическомъ» духѣ или, что то же, въ «духѣ *діалектическаго* матеріализма»: «Г. Тихомировъ не понимаетъ, что рабочій, неспособный къ классовой диктатурѣ, можетъ ежегодно и ежедневно становиться все болѣе и болѣе способнымъ къ ней, и что ростъ этой способности въ значительной степени зависитъ отъ воздѣйствія людей, понявшихъ смыслъ историческаго развитія» *)... Въ обѣтованной странѣ капитализма—Англіи, болѣе чѣмъ вѣковой блестящій и едва ли превзойденный гдѣ-либо расцвѣтъ крупной промышленности еле-еле въ самые послѣдніе годы привелъ къ образованію чахлой рабочей партіи, которая стремится прежде всего къ соціальнымъ реформамъ и до сихъ поръ противостояла всѣмъ попыткамъ обратить ее въ партію с.-демократическую, а въ Россіи, съ ея, наоборотъ, чахлымъ, тепличнымъ, «самодержавнымъ» капитализмомъ, рабочій классъ «ежегодно и ежедневно становится все болѣе способнымъ къ классовой диктатурѣ», благодаря наличности людей, поставившихъ себѣ «совершенно, исключительно идеалистическую задачу», въ Россіи «возможность экономическаго освобожденія рабочаго класса возрастаетъ прямо пропорціонально быстротѣ и интенсивности процесса усвоенія имъ (съ помощью интеллигенціи) идеи соціализма» **), въ Россіи «мы *уже* должны начать борьбу съ капитализмомъ по всей линіи», и, «нанося *свои* удары капитализму, не считаться съ его «возрастомъ»... Какъ бы, говорятъ русскіе с.-демократы, ни были сильны *наши* удары, они никогда не могутъ ему «повредить», поскольку онъ выполняетъ *свою* историческую миссію. Наоборотъ. Чѣмъ энергичнѣе идетъ борьба пролетаріата съ буржуазіей, тѣмъ скорѣе и лучше послѣдняя выполняетъ свои обязанности» ***),—изъ которыхъ, прибавимъ, главнѣйшей является обязанность—se démettre, устраниться.

При этомъ нетерпѣливомъ, сверхзаконномъ пришпориваніи русской с.-демократіей хода капиталистическаго развитія, при этомъ принудительномъ (до «возраста») «отцвѣтаніи» нашего капитализма (г. Рязановъ повторяетъ о немъ словечко г. Плеханова: отцвѣтетъ, не успѣвши расцвѣсть!), с.-демократія преслѣдуетъ одну лишь положительную задачу: содѣйствовать вызрѣванію того плода, который изъ этого капиталистическаго цвѣтка, по предположенію, долженъ развиться—революціоннаго пролетаріата: только

*) „Наши разногл.“, стр. 200.

**) Ibid., стр. 75.

***) *Рязановъ:* „Къ критикѣ и т. д.“, стр. 109—111, курс. авт.

этотъ плодъ ей и важенъ, только онъ ей дорогъ. Поэтому тамъ, гдѣ с.-демократія въ *немъ* увѣрена,—такъ называемая зрѣлость (или незрѣлость) экономическаго развитія ей совершенно неважна; грандіозныя завоеванія по части науки и техники, которыя по теоріи составляли величайшую историческую заслугу буржуазіи и давали необходимый матеріальный базисъ для зданія соціализма,—оказываются для нея пустымъ звукомъ; и самый вопросъ ликвидируется объявленіемъ процесса капиталистическаго развитія исчерпаннымъ по своему существу. А такъ какъ этотъ желанный плодъ—обездоленныя и жаждущія перемѣнъ народныя массы—вовсе не отъ древа капитализма и происходитъ, и революціонно-соціалистическія стремленія этихъ массъ коренятся въ потребностяхъ иного порядка, для питанія которыхъ исторія человѣчества во всѣ времена давала поистинѣ неизсякаемый матеріалъ, то слѣдствіемъ такого положенія и могло явиться усвоеніе пролетаріату марксизмомъ, за свой собственный счетъ, въ любой моментъ, который покажется подходящимъ, достаточнаго уровня классоваго самосознанія и полной готовности къ совершенію кореннаго соціальнаго переворота... Такъ было на Западѣ, гдѣ, напр., въ объясненіе поведенія нѣмецкихъ коммунистовъ 40-хъ годовъ, Энгельсъ, ссылаясь на тогдашнее приподнятое настроеніе народныхъ массъ, сгруппировавшихся вокругъ пролетаріата—«такъ что послѣ общей побѣды рѣшающимъ факторомъ должны были стать не онѣ, а умудренный опытомъ пролетаріатъ», наивно спрашиваетъ: «возможно ли было тогда сомнѣніе въ томъ, что революція меньшинства превратится въ революцію большинства?» «Правда,—говоритъ онъ,—этому большинству далеко еще было до яснаго сознанія своихъ собственныхъ интересовъ, но ихъ практическое удовлетвореніе, наглядная дѣйствительность вѣдь должны были очень скоро открыть ему глаза!» *). Другими словами, если большинство еще неспособно было къ классовой диктатурѣ въ тотъ именно историческій моментъ, то оно «ежегодно и ежедневно становится все болѣе способнымъ къ ней»: за это ручался уже тогда, въ 40-хъ годахъ, «умудренный опытомъ пролетаріатъ», какъ и вообще воздѣйствіе людей, «понявшихъ смыслъ историческаго развитія». Такъ было на Западѣ, но такъ же было и въ Россіи, гдѣ, по счастливому выраженію г. Плеханова, «наша интеллигенція давно уже привыкла подставлять на мѣсто революціоннаго развитія свою революціонную волю».

VII.

Начало этой дурной «привычки» у русской *соціалъ-демократической* интеллигенціи можно прослѣдить еще въ условіяхъ возникновенія извѣстной группы освобожденія труда, представляющей первый зачатокъ россійской с.-демократіи, подобно тому какъ въ Германіи союзъ коммунистовъ явился эмбріономъ будущей коммунистической, впослѣдствіи с.-демократической партіи. Съ подкупающей искренностью иниціаторы названной груп-

*) *К. Марксъ:* „Классовая борьба во Франціи“ съ введ. Ф. Энгельса, стр. 8.

пы набрасываютъ картину полнаго распада революціоннаго движенія въ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ, когда силы, которыя должны были ниспровергнуть самодержавіе и произвести спасительный общественный переворотъ, либо оказались призрачными и вовсе несуществующими, либо впали въ глубокую душевную прострацію, и такимъ образомъ абсолютизмъ обрѣлъ оплотъ противъ революціи въ умственной отсталости и политическомъ безразличіи крестьянства. Чувству читателя невольно передается весь субъективный трагизмъ положенія, при которомъ необходимость разрушенія твердыни деспотизма вопіетъ къ вамъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ, казалось бы, самая борьба противъ него безнадежнѣе. Но вотъ въ картину сплошного мрака, сплошной безнадежности ворвался яркій лучъ надежды. Въ поискахъ опорныхъ точекъ для новыхъ атакъ и для рѣшительныхъ побѣдъ мятущійся и несдававшійся умъ вдругъ открылъ, какъ ему казалось, цѣлую гору каменную въ лицѣ новаго и мощнаго общественнаго класса—городского пролетаріата, номинально, по теоріи, являющагося неизбѣжнымъ слѣдствіемъ развитія, какъ бы функціей того самаго экономическаго строя, насажденіемъ котораго очень усердно какъ разъ занялся отживающій абсолютизмъ... Положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ, такъ гласитъ самое рѣшительное мѣсто вышедшаго въ 1885 г. проекта программы группы освобожденія труда—«*было бы вполнѣ безнадежно*, если бы движеніе русскихъ экономическихъ отношеній не создавало новыхъ шансовъ успѣха для защитниковъ трудящагося класса. Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспріимчивый, подвижный и развитой, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе... *На этомъ основаніи русскіе соціалъ-демократы считаютъ первой и главнѣйшей своей обязанностью образованіе революціонной рабочей партіи*».

Мы видимъ отсюда, что «основаніе» для образованія россійской с.-демократической партіи было самое солидное, какое себѣ можно представить. И если это былъ единственный путь покончить съ состояніемъ «полной безнадежности», въ которое погрузилась русская революція, то какъ же было, въ самомъ дѣлѣ, не поставить себѣ вступленіе на этотъ путь своей «первой и главнѣйшей обязанностью», какъ было не напоминать о томъ неустанно,—не форсировать, не торопить самаго факта образованія въ Россіи революціонной рабочей партіи? И дѣйствительно, кличъ этотъ становится неизмѣннымъ припѣвомъ всѣхъ литературныхъ продукцій группы, своего рода Carthaginem delendam censeo, къ которому все вновь и опять обращается мысль главарей новаго направленія. Итакъ, еще разъ: *возможно болѣе скорое образованіе рабочей партіи есть единственное средство разрѣшенія всѣхъ экономическихъ и политическихъ противорѣчій современной Россіи*,—не разъ и настойчиво подчеркивается, напримѣръ, въ «Нашихъ разногласіяхъ». На этой дорогѣ насъ ждутъ успѣхъ и побѣда; всѣ же другіе пути ведутъ лишь къ пораженію и безсилію» (стр. 300—1).

Da steh' ich nun, ich armer Thor!
Und bin so klug, als wie zuvor...

Въ принципѣ, постановка вопроса объ образованіи рабочей партіи, какая дана была группой освобожденія труда, буквально, одинаково годится для какой угодно точки пространства и времени, для любой некультурной или малокультурной среды. Напримѣръ, недавно до парижскихъ соціалистовъ дошло выпущенное ихъ *тонкинскими* товарищами воззваніе о предстоящемъ образованіи мѣстной колоніальной группы соціалистической партіи, съ цѣлью пропаганды соціализма среди туземцевъ въ Тонкинѣ. Нѣсколько удивленные и даже какъ будто шокированные нежданнымъ появленіемъ новорожденныхъ дальновосточныхъ братцевъ, парижане, впрочемъ, скоро утѣшились съ помощью такого, буквально, умозаключенія: «Есть соціалисты китайскіе, соціалисты японскіе, которые занимаются успѣшно пропагандой. Рѣшительно не видно, почему бы нельзя было имѣть того же успѣха у аннамитовъ». Не по тому же ли шаблону разсуждалъ въ свое время г. Плехановъ, одинъ изъ основателей группы освобожденія труда, когда отъ предполагаемыхъ успѣховъ соціалистической пропаганды въ средѣ германскихъ рабочихъ 40-хъ годовъ онъ умозаключалъ къ Россіи 80-хъ. «И почему бы намъ нельзя было послѣдовать ихъ примѣру?»—почему бы и намъ нельзя было въ самомъ скоромъ времени сорганизовать побѣдоносную революціонную рабочую партію?

Можетъ быть, скажутъ, что таковы наши личныя впечатлѣнія и заключенія, что мы произвольно навязываемъ основоположникамъ нашей с.-демократіи эту своеобразную постановку вопроса? Приведемъ, въ такомъ случаѣ, свидѣтельство соціалъ-демократическаго писателя, «имѣвшаго счастье,—по собственнымъ его словамъ,—пройти въ рядахъ партіи всѣ фазы, всѣ перипетіи пройденнаго ею пути», свидѣтельство такого человѣка, думаемъ, въ достаточной мѣрѣ компетентно. И вотъ, по словамъ этого-то компетентнаго судьи, уже «при бѣгломъ взглядѣ на программу группы освобожд. труда бросается въ глаза, что написана она не для партіи уже дѣйствующей, а является лишь знаменемъ, выброшеннымъ *небольшой кучкой иниціаторовъ, желающихъ создать партію»* *). «Желающихъ создать партію», такъ и сказано въ оригиналѣ. Но это ничего не значитъ. Г. Лядовъ убѣжденъ, что за всѣмъ тѣмъ все обстоитъ благополучно, что, несмотря на свои дефекты, проектъ программы группы явился громаднымъ шагомъ впередъ сравнительно съ позиціей революціоннаго народничества. «Онъ (проектъ) ясно и опредѣленно поставилъ вопросъ *о неизбѣжной революціонной миссіи рабочаго класса*, о необходимости образованія самостоятельной рабочей партіи, *о нелѣпости и утопичности упованій на совпаденіе политической и соціалистической революціи*, о томъ, что послѣдняя немыслима безъ побѣды первой» и проч., и проч. «Дефекты»,

*) *М. Лядовъ*: „Исторія россійск. соц.-демокр. рабочей партіи", ч. I, стр. 4, 43—44.

положимъ, были, но гдѣ ихъ не бываетъ? Историкъ соціалъ-демократіи отечески журитъ, между прочимъ, групповцевъ за то, что, отколовшись отъ утопистовъ - народниковъ, они продолжаютъ держаться еще ненаучной, утопической точки зрѣнія «по отношенію къ средѣ, къ которой они по преимуществу обращаются, т.-е. къ интеллигенціи», напримѣръ, допуская, что идеологи буржуазіи могутъ превратиться въ идеологовъ пролетаріата... Но только и всего; въ этомъ, точно, ихъ «ненаучность», ихъ «утопичность»,—въ остальномъ же все обстоитъ, какъ нельзя лучше, какъ нельзя «научнѣе»; самое «желаніе небольшой кучки инціаторовъ создать партію» изъ ничего—исходя изъ апріорнаго убѣжденія о неизбѣжной революціонной миссіи рабочаго класса—ничего утопическаго, а тѣмъ болѣе ничего химерическаго въ себѣ не заключаетъ... Достаточно вѣдь топнуть ногой, достаточно лишь сказать: пролетаріи, объединяйтесь—и легіоны пролетаріевъ сплотятся въ могучую, непреодолимую рабочую армію, готовую по первому зову,—хоть водворить соціализмъ. Правда, упованія на совпаденіе политической и соціалистической революціи г. Лядовъ не поколебался заклеймить, какъ «нелѣпыя и утопичныя», и это было справедливо, т.-е. упованія точно оставались таковыми, пока дѣло шло о революціонномъ народничествѣ; при наличности же революціонной рабочей партіи—революціи будутъ дѣлаться «по совершенно новымъ методамъ»: нелѣпое и химерическое сразу станетъ мудрымъ, цѣлесообразнымъ, своевременнымъ. Vernunft wird Unsinn... Возможно скорое образованіе рабочей партіи, какъ функція революціонной воли кучки людей, это своего рода актъ чудеснаго творенія, и ничего удивительнаго въ томъ, что чудо породитъ чудо, и вчерашняя народническая химера единой политически-соціалистической революціи сдѣлается фактомъ сегодняшней буржуазной революціи, совершаемой подъ верховнымъ руководительствомъ соціалъ-демократіи...

Историкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ветеранъ соціалъ-демократіи не можетъ, конечно, не быть самаго лучшаго мнѣнія о своей партіи, но наблюдателю со стороны виднѣй, и такому наблюдателю представляется чѣмъ-то само собой разумѣющимся, что противъ природы не пойдешь, что, стало быть, генетическое родство «кучки инициаторовъ» с.-демократіи съ «чисто-интеллигентскими группами народниковъ-утопистовъ», отъ которыхъ они первоначально откололись, не могло не оставить у нихъ, подъ искусственнымъ налетомъ «научности», ихъ истинно-народническаго, т.-е.—на марксистскую оцѣнку, ихъ чисто-утопическаго нутра. Критеріемъ для этого намъ должно послужить нѣчто высоко-убѣдительное съ точки зрѣнія самого марксизма, а именно, затронутый уже въ предыдущей главѣ вопросъ о коренномъ отношеніи къ капитализму, которое у марксистовъ такъ же, какъ и у народниковъ (по толкованію первыхъ), лишено какъ разъ элемента основательности, момента дѣйствительной вѣры въ необходимость и закономѣрность его существованія.

«Невозможность остановить развитіе капиталистическаго произ-

водства,—выразился раньше Бельтовъ-Плехановъ, говоря о мыслящихъ людяхъ Германіи 40-хъ годовъ (см. предыд. главу),—*еще не лишало послѣднихъ возможности служить благосостоянію народа*». Но въ томъ-то и дѣло, что то представленіе о «служеніи народу», какое имѣлось въ виду здѣсь г. Плехановымъ, согласно съ «мыслящими людьми» Германіи (изъ союза коммунистовъ), предполагало именно обратное—фактическую «возможность остановить развитіе капиталистическаго производства». Эзоповская форма выраженія спасла въ данномъ случаѣ автора «Монистическаго взгляда» отъ того вопіющаго самопротиворѣчія, которымъ должно было бы разить отъ фразы при вполнѣ ясномъ ея построеніи (когда получилась бы приблизительно такая схема: невозможность остановить и пр., еще не лишала мыслящихъ людей возможности, такъ или иначе покончить съ капитализмомъ! *). Оттого въ «Нашихъ разногласіяхъ» это же положеніе обсуждается г. Плехановымъ на иной ладъ, или, лучше сказать, съ другого конца: о знакомой намъ «невозможности» не сказано ничего, зато выдвинута, за счетъ коммунистовъ 40-хъ годовъ, увѣренность въ «болѣе или менѣе близкой побѣдѣ рабочаго класса», въ зависимости отъ постиженія этими «мыслящими людьми Германіи» «смысла историческаго развитія».

И это опять-таки не произвольная наша выдумка.

Изобличая непростительное верхоглядство «нашей интеллигенціи, привыкшей подставлять на мѣсто революціоннаго развитія свою революціонную волю», авторъ «Нашихъ разногласій», съ своей стороны, противополагаетъ ей слѣдующее разсужденіе. «...Она (интеллигенція) апеллируетъ къ вѣроятности *полнаго устраненія* (курс. авт.) одной изъ фазъ общественнаго развитія (т.-е. капитализма) въ значительной степени потому, что не понимаетъ возможности *сокращенія продолжительности* (курс. авт.) этой фазы. *Ей и на мысль не приходитъ, что полное устраненіе даннаго историческаго періода есть лишь частный случай его сокращенія и что доказывая возможность перваго, мы тѣмъ самымъ, и притомъ въ гораздо болѣе сильной степени, подтверждаемъ вѣроятность второго*» (курс. нашъ. «Наши разн.», стр. 286).

Судя по этому, наша народническая интеллигенція своимъ утопическимъ постулатомъ, наприм., о минованіи Россіей стадіи капитализма, за который ей такъ обидно-жестоко доставалось и достается отъ марксистовъ, «тѣмъ самымъ, и притомъ въ гораздо болѣе сильной степени», лишь подкрѣпляла с.-демократическій тезисъ о возможности «*сокращенія продолжительности этой стадіи?!*» Но если такъ, то настолько ли эта разница между двумя тезисами—народническимъ и с.-демократическимъ, т.-е.

*) И то сказать, впрочемъ: противорѣчіемъ, да еще вопіющимъ, это было бы съ точки зрѣнія лишь обыкновеннаго здраваго смысла, но не діалектическаго, который—словами того же автора „Монистич. взгляда“—рекомендуетъ изслѣдователю „не успокаиваться ни на какомъ положительномъ выводѣ, а искать, нѣтъ ли въ предметѣ качествъ и силъ, противоположныхъ тому, что представляется имъ на первый взглядъ“.

между устраненіемъ цѣлой исторической фазы, сведеніемъ ея къ нулю, и простымъ сокращеніемъ продолжительности таковой—значительна, чтобъ въ замѣнѣ одного другимъ мы въ правѣ были видѣть, какъ, напримѣръ, г. Лядовъ, «громадный шагъ впередъ сравнительно съ позиціей утопическаго народничества»? Настаивать на ея значеніи можно только при полномъ пренебреженіи къ положенію о конкретной истинѣ, которое никоимъ образомъ не станетъ мириться съ такого рода заповѣдной гранью. Но дѣло-то въ томъ, что марксистъ-діалектикъ, если присмотрѣться, и не настаиваетъ вовсе на какой-то пропасти между обоими допущеніями, и все это препирательство его съ народникомъ представляется какимъ-то, въ сущности, малоинтереснымъ торгомъ, лишеннымъ даже и отдаленнаго намека на какое бы то ни было принципіальное «разногласіе»...

Въ самомъ дѣлѣ, говорить о «полномъ устраненіи» цѣлой исторической фазы, пожалуй, что и неловко; это, въ научномъ отношеніи, звучитъ не лучше и не хуже, чѣмъ предложеніе—ну хоть, переброситься солнцемъ и луной, зажечь море или перескочить черезъ свою собственную голову; это, словомъ, тема для ѣдкой свифтовской сатиры, а не для сколько-нибудь серьезной, не говоримъ уже научной, а хотя бы только публицистической трактовки... Итакъ, стало быть, *не* «устраненіе» исторической фазы—оно, кромѣ того, что ненаучно, звучитъ какъ-то даже бюрократически (вродѣ устраненія «по третьему пункту»). Но *сокращеніе*, это—другое дѣло: оно—не то, что взять да взвалить себѣ на спину земной шаръ, а только вырвать какую-нибудь гору съ корнемъ; это—не то, что зажечь море, а наполнить его—хотя бы лимонадомъ... Что-жъ, отчего, въ самомъ дѣлѣ, и не наполнить, отчего не «пооперировать (за панибрата) съ категоріей необходимости», какъ любилъ выражаться въ эзоповскія времена Н. Бельтовъ, отчего и не перекувырнуться черезъ собственную голову?... И всетаки, когда нашъ соціологъ скромничаетъ, что «полное устраненіе даннаго историческаго періода есть лишь частный случай его сокращенія», то такъ и чувствуется, что другу-противнику (народнику) достаточно сказать только: *наддай*, и тотъ непремѣнно уступитъ, согласится, что, напротивъ, возможность сокращенія это лишь частный случай полнаго устраненія даннаго историческаго періода, и «что доказывая возможность перваго, мы тѣмъ самымъ, и притомъ въ гораздо болѣе сильной степени, подтверждаемъ вѣроятность второго»...

«Мыслящіе люди въ Германіи 40-хъ годовъ»—и Марксъ съ Энгельсомъ на первомъ мѣстѣ—«мыслили» дѣйствительно—и въ этомъ безспорная *историческая* правота автора «Нашихъ разногласій»—по такому именно упрощенному рецепту, распоряжаясь различными фазами общественнаго развитія или «данными историческими періодами» буквально такъ, какъ департаментскіе начальники отпусками или увольненіемъ подвѣдомственныхъ имъ чиновниковъ... По крайней мѣрѣ, съ капитализмомъ оба—и Марксъ и Энгельсъ—обошлись, можно прямо сказать, «по третьему пункту», объявивъ его, какъ это намъ доподлинно извѣстно, вопреки офи-

ціально признанной «невозможности остановить развитіе капиталистическаго производства», ликвидированнымъ, исчерпаннымъ, устраненнымъ. По этому случаю пережившій Маркса Энгельсъ смиренно и писалъ впослѣдствіи: «Исторія не оправдала нашихъ ожиданій... Она показала, что экономическое развитіе континента *далеко еще не созрѣло для устраненія* («устраненія!») *капиталистическаго производства*. Съ 1848 года весь континентъ пережилъ экономическую революцію: во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ, а затѣмъ и въ Россіи крупная промышленность только съ тѣхъ поръ дѣйствительно получила право гражданства, а Германія стала чисто-промышленной страной, и все это произошло на почвѣ капитализма. *Стало быть*, въ 1848 году капитализмъ обладалъ еще большей способностью къ развитію» *).

Простая и, такъ сказать, психически-элементарная мораль, которая вытекаетъ отсюда, заключается въ томъ, что когда «научному соціалисту» или діалектику-матеріалисту покажется своевременнымъ наступленіе соціалистической эры, онъ, подобно самому заурядному народнику, объявитъ «данный историческій періодъ» завершеннымъ; капиталистическую фазу развитія, обязательную для страны, вступившей на путь товарнаго производства, онъ «сократитъ» (или, что то же, «разъяснитъ») до возможности «полнаго устраненія» и непосредственной замѣны его новымъ и желаннымъ общественнымъ строемъ. Post factum же, когда его декларація разойдется съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей и «исторія не оправдаетъ его ожиданій», онъ заднимъ умомъ рѣшитъ, что «*стало быть*» въ ту пору экономическое развитіе далеко еще не созрѣло для устраненія капиталистическаго производства», а, напротивъ, «капитализмъ еще обладалъ тогда большою способностью къ развитію»... Энгельсъ, замѣтьте, проговаривается еще, что «именно промышленная революція», съ тѣхъ поръ (т.-е. съ 1848 г.) послѣдовавшая на всемъ континентѣ, впервые «создала *дѣйствительную буржуазію и дѣйствительный крупно-промышленный пролетаріатъ* и выдвинула ихъ на первый планъ общественной жизни». Дозволительно спросить въ такомъ случаѣ: съ какимъ же пролетаріатомъ, буржуазіей, вообще капитализмомъ имѣлъ онъ дѣло, когда, за полвѣка до того, бросилъ свой объединительный призывъ «пролетаріямъ всѣхъ странъ», объявивъ все капиталистическое развитіе исчерпаннымъ и «данный историческій періодъ» изжитымъ? И чѣмъ питался вообще современный научный соціализмъ при первомъ своемъ возникновеніи? Мы видѣли, что примѣръ Англіи съ ея мощнымъ капитализмомъ не можетъ считаться убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи **).

Изъ вышесказаннаго мы въ правѣ, кажется, заключить, что основа-

---

*) „Классовая борьба во Франціи", стр. 8—9.

**) То же относится и къ Америкѣ, примѣръ коей показываетъ, что „могучая хозяйственная жизнь, въ которой капитализму принадлежитъ первоклассная роль, все же не порождаетъ необходимо широкаго утопистически-коллективистическаго теченія" (передовая ст. въ *Neue Freie Presse*, № 15330).

тели и корифеи соціалъ-демократіи на Западѣ, какъ и у насъ, проявили то самое отношеніе къ капитализму, какое, по изображенію русскихъ марксистовъ, всегда отличало нашихъ утопическихъ народниковъ. Мы видѣли, что для нихъ существованіе «этой фазы общественнаго развитія» является просто какимъ-то призрачнымъ, лишеннымъ не только закономѣрности любого соціальнаго феномена, но и всякой вообще субстанціальной устойчивости,—символомъ чего и служатъ «зародыши смерти», которые, по діалектическому представленію, «съ самаго начала» носилъ въ себѣ капитализмъ. Оттого и «служеніе благосостоянію народа» на коммунистическомъ языкѣ означаетъ, въ худшемъ случаѣ, «сокращеніе продолжительности» капиталистической фазы общественнаго развитія, если не «полное устраненіе» этой ненавистной фазы. И наоборотъ, то «служеніе», которое предполагаетъ дѣйствительную «невозможность остановить капиталистическое развитіе» и покорно мирится съ послѣднимъ, какъ съ естественнымъ и непреложнымъ фактомъ, носитъ обычно совсѣмъ другую марку, самимъ марксизмомъ квалифицируемую, какъ буржуазная или буржуазно-демократическая,—если, впрочемъ, имъ не прикрываютъ цѣлей и вожделѣній, совершенно чуждыхъ всякому вообще народному служенію и всемѣрно довольствующихся существующимъ капиталистическимъ строемъ, какъ лучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ общественныхъ порядковъ. «Ему непонятно,—пишетъ въ одномъ мѣстѣ г. Плехановъ о противникѣ-народникѣ,—какъ можно признавать полезное дѣйствіе капитализма и въ то же время организовать рабочихъ для борьбы съ нимъ» (ibid., стр. 200). Мы полагаемъ, что г. Плеханову, въ болѣе уравновѣшенномъ состояніи ума, не плѣненнаго заранѣе доктриной, было бы и самому непонятно, какъ можно организовать кого-либо для борьбы съ тѣмъ, что считаешь полезнымъ и покуда считаешь его таковымъ; мы думаемъ, что такой образъ мышленія, навѣрное, и ему показался бы верхомъ растерянности и безпомощности мысли—въ другомъ... Неустойчивость, больше того, неперевваримость, теоретическаго содержанія этой плехановской формулы какъ бы получила живое драматическое выраженіе въ «отступничествѣ» многихъ «легальныхъ» марксистовъ—и среди нихъ такихъ незаурядныхъ «бывшихъ» представителей ученія, какъ гг. Струве, Туганъ-Барановскій, Булгаковъ—въ ихъ переходѣ въ лагерь такъ называемой буржуазной демократіи... И вся вообще эволюція, продѣланная ученіемъ Маркса въ нашемъ отечествѣ, полностью оправдала этотъ взглядъ о противоестественности такого рода претензій: невозможность «борьбы» съ предметомъ, котораго «полезное дѣйствіе» признаешь, имѣла своимъ психологическимъ послѣдствіемъ тотъ фактъ, что нашъ марксизмъ «раздѣлился самъ на себя» и пошелъ по двумъ совершенно различнымъ и противоположнымъ русламъ. Тѣ, которые признали полезное дѣйствіе капитализма (буржуазные марксисты), ничего другого и не восхотѣли; резонно разсудивъ, что отъ добра добра не ищутъ, они совершенно оставили мысль покуситься на устои капитализма.. Напротивъ тѣмъ, которые съ перваго абцуга начали съ

организаціи рабочихъ для борьбы съ капитализмомъ и которыхъ какъ огня боялись власти предержащія съ ихъ приспѣшниками (революціонный марксизмъ)—этимъ съ самаго же начала не было въ сущности никакого дѣла ни до полезнаго непосредственнаго дѣйствія капитализма, ни до его великаго культурно-историческаго значенія: на экранѣ капитализма они только демонстрировали процессъ вылупленія «дѣйствительнаго крупно-промышленнаго пролетаріата», и весь этотъ историческій періодъ, называемый капиталистическимъ и отмѣченный выступленіемъ на арену исторіи «дѣйствительной крупно-промышленной буржуазіи», въ ихъ построеніяхъ играетъ лишь роль ширмы или ярко-расписаннаго занавѣса, который нуженъ и хорошъ до времени, даже пріятно ласкаетъ взоръ зрителей, но въ назначенный часъ по звонку взвивается вверхъ, чтобъ дать мѣсто главному дѣйствію, ради котораго собственно и сошлась публика. Правда, что съ этимъ поднятіемъ занавѣса взвивалась, взлетала вверхъ и исчезала съ горизонтовъ самая доктрина, въ которой раскрашенная декорація капитализма занимала, казалось, такое большое, такое центральное мѣсто.

И потому, что это такъ, потому, что самъ по себѣ этотъ капитализмъ никакой внутренней цѣнности для нихъ не представляетъ, со стороны русскихъ революціонныхъ марксистовъ и неминуемъ былъ шагъ окончательнаго оставленія ими въ рѣшительную минуту позиціи *буржуазной* революціи, т.-е. такой революціи, которая будто бы только имѣла открыть въ Россіи эру «дѣйствительной буржуазіи и дѣйствительнаго крупно-промышленнаго пролетаріата». Съ такого рода idée fixe, выкроенной заранѣе по западно-европейскимъ аналогіямъ и образцамъ, еще можно было носиться, пока сама революція витала въ облакахъ програмныхъ абстракцій, и понятно, что при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, мертвая головная абстракція не могла не уступить тотчасъ же мѣста нутряному убѣжденію въ возможности глубоко-захватывающаго соціальнаго переворота,—убѣжденію, вылившемуся въ другую крайность—въ вѣру въ предстоящую въ болѣе или менѣе близкомъ («возможно скоромъ») времени соціалистическую революцію *).

Къ этой концепціи намъ и необходимо, наконецъ, вернуться, чтобы прослѣдить ея дальнѣйшую судьбу.

VIII.

Въ предшествующихъ главахъ мы не разъ могли констатировать, что въ выкладкахъ и разсужденіяхъ русскихъ соціалъ-демократовъ о русской революціи болѣе или менѣе существенную роль играетъ моментъ «между-

*) Этому, конечно, не противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ академическихъ разсужденіяхъ „легальныхъ" марксистовъ вы и по сію пору еще встрѣтите утвержденія, вродѣ слѣдующаго: „Только въ наши дни пришло время для установленія (у насъ) твердыхъ нормъ капиталистической эксплуатаціи,—отсюда тотъ политическій кризисъ", который переживаетъ Россія" (см. библіографич. замѣтку г. М. Ольминскаго въ журналѣ *Былое*, декабрь, 1906 г., стр. 294).

народныхъ отношеній», для нѣкоторыхъ (какъ, наприм., для гг. Плеханова и Рязанова) настолько даже рѣшающую, что могучее вліяніе именно этихъ отношеній ручалось имъ за преждевременный конецъ русскаго капитализма. Въ другихъ случаяхъ это «иностранное вмѣшательство» sui generis является суррогатомъ недостаточности экономическаго развитія Россіи, тамъ, гдѣ с.-демократу нѣтъ фактической возможности уйти отъ признанія этого щекотливаго для него, какъ «экономическаго матеріалиста», обстоятельства. Фатальная неизбѣжность появленія на сцену какого-нибудь, хотя бы «международнаго», deus ex machina вытекаетъ даже изъ самой сущности русско-марксистской революціонной трагедіи. Русская революція имѣла быть «буржуазной», т.-е. она должна была лишь открыть эру настоящаго капиталистическаго развитія, которой русская промышленность при абсолютизмѣ еще не знала и не могла узнать. А такъ какъ эта самая буржуазная революція, въ силу неисповѣдимыхъ путей діалектическаго матеріализма, съ его «совершенно, исключительно идеалистическими» задачами, подъ рукой обернулась въ борьбу со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ, только что признаннымъ далеко еще не готовымъ, недозрѣлымъ для произведенія соціалистическаго переворота, то отсюда необходимость въ какомъ-нибудь сверхъ-національномъ моментѣ, въ расширеніи тѣсныхъ національныхъ рамокъ, явствуетъ сама собой. И этотъ ходъ мысли мы дѣйствительно прослѣдили въ своемъ мѣстѣ у г. Мартынова. На тотъ случай, если бы національныя условія для осуществленія соціализма еще не назрѣли, послѣдній начерталъ съ свойственной ему рѣшительностью: «...Мы бы не стали пятиться назадъ. Мы бы поставили себѣ цѣлью разбить тѣсныя національныя рамки революціи и толкнуть на путь революціи Западъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ Франція толкнула на этотъ путь Востокъ».

Это же убѣжденіе—тамъ, гдѣ не замѣшаны національныя рамки и удалось обойти ограниченность матеріальной базы для соціалистическаго переворота—чаще высказывается въ болѣе скромной формѣ: что именно русская революція, съ ея наиболѣе революціоннымъ во всей Европѣ рабочимъ классомъ, послужитъ сигналомъ для западно-европейской или всеевропейской революціи. И въ данномъ пунктѣ—въ этой высокой оцѣнкѣ русской революціи и русскаго пролетаріата—съ нашими отечественными с.-демократами давно уже соревнуютъ ихъ западно-европейскіе товарищи, особенно германскіе, подавленные жестокой политической реакціей у себя дома и отчаявшіеся въ своихъ собственныхъ силахъ.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ «Славяне и революція» (переведенной въ № 18 *Искры*), Каутскій написалъ, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя строки: «Россія, воспринявшая столько революціонной иниціативы съ Запада, теперь, быть можетъ, сама готова послужить для него источникомъ революціонной энергіи. Разгорающееся русское революціонное движеніе окажется, быть можетъ, самымъ могучимъ средствомъ для того, чтобы вытравить тотъ духъ дряблаго филистерства и трезвеннаго политиканства, который начинаетъ распространяться въ на-

шихъ рядахъ, и заставитъ вновь вспыхнуть яркимъ пламенемъ жажду борьбы и страстную преданность нашимъ великимъ идеаламъ. Въ 1848 г. славяне были трескучимъ морозомъ, который побилъ цвѣты народной весны. Быть можетъ, теперь имъ суждено быть той бурей, которая взломаетъ ледъ реакціи и неудержимо принесетъ съ собой новую, счастливую весну для народовъ». Во время октябрьскихъ дней 1905 г. Каутскій прямо писалъ уже въ *Neue Zeit:* «Русская революція обѣщаетъ открыть собою эру европейскихъ революцій, которыя закончатся диктатурой пролетаріата и положатъ основаніе соціалистическому обществу». Тогда же въ *Neue Zeit* была помѣщена статья Франца Меринга подъ заглавіемъ «Непрерывная революція», перепечатанная въ № 10 нашего тогдашняго *Начала*. Въ ней авторъ доказывалъ, что славный 1905 г. составитъ въ анналахъ исторіи не менѣе важную эпоху, чѣмъ 1789 г. Даже европейское движеніе 1848 г. было лишь слабымъ отголоскомъ великой французской революціи, и контръ-революція 48—49 годовъ разыгралась съ такой легкостью лишь оттого, что рабочіе устали таскать каштаны изъ огня для буржуазіи, которая неизмѣнно ихъ обманывала, пользуясь недостаточнымъ развитіемъ классоваго самосознанія пролатаріата. Но то, что было слабостью европейской революціи 1848 г., стало силой русской революціи 1905 г. Носитель ея— пролетаріатъ, усвоилъ себѣ ту «непрерывную революцію», которую тщетно проповѣдовала когда-то марксовская *Neue Rhein. Zeitung,* и въ томъ обстоятельствѣ, что руководитъ ею сознавшій свои интересы пролетаріатъ, и заключается огромное отличіе великой русской революціи отъ великой французской, дѣлающее изъ 1905 г. начало новой эры въ міровой исторіи: на болѣе или менѣе длительный промежутокъ времени русская революція такъ же мало можетъ быть сдержана въ предѣлахъ русскихъ границъ, какъ не могла быть сдержана французская революція въ предѣлахъ Франціи. Рабочіе Россіи стали передовыми борцами европейскаго пролетаріата, выступивъ на революціонное поприще съ накопленнымъ опытомъ, ясной, глубокой и широкой теоріей, и отъ костра русской революціи яркія искры упали въ рабочій классъ каждой европейской страны.

Если таковы были отзывы иностранныхъ «товарищей» въ самомъ разгарѣ русской революціи 1905 г., во время тѣхъ знаменитыхъ «пятидесяти дней», когда развертывалъ свою дѣятельность петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ,—то вотъ что писалъ уже въ 1906 г. французскій соціалистъ Поль Луи (авторъ недавно появившейся «Исторіи синдикальнаго движенія во Франціи») въ статьѣ о всемірномъ значеніи русской революціи:

Эта статья—такъ и начинаетъ авторъ—не имѣла бы за себя никакихъ оправ-даній, если бы авторъ ея не вѣрилъ въ полное и окончательное торжество русской революціи». При этомъ подъ полнымъ торжествомъ ея Луи понимаетъ не только учрежденіе конституціи,—введеніе всеобщаго избирательнаго права, коренное преобразованіе политическаго режима и уничтоженіе самодержавія, но также и побѣду соціалистическихъ идей, завоеваніе пролетаріата, новую организацію труда и новое распредѣленіе земель. А о

таковомъ же всемірномъ значеніи этой революціи свидѣтельствуетъ уже одно заглавіе статьи Поля Луи *). Статья эта помѣщена въ соціалъ-демократическомъ (меньшевистскомъ) сборникѣ *Итоги и перспективы*, изданномъ въ 1906 г. въ Москвѣ. Редакторъ сборника г. Вл. Громанъ, видимо, нѣсколько смущенъ чрезмѣрной восторженностью французскаго товарища, онъ не раздѣляетъ взгляда Поля Луи, что наша теперешняя революція *уже* носитъ соціалистическій характеръ, но охотно цитируетъ отзывъ Розы Люксембургъ, что русская революція представляетъ «*совершенно новый типъ* революціи, по своему содержанію заходящій гораздо дальше прежнихъ революцій», что «вмѣстѣ съ русской революціей исторія вступаетъ въ эпоху *переходную отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому*» (с. XVI).

Въ конечномъ итогѣ, этотъ щекотливый вопросъ далеко нельзя считать порѣшеннымъ для партіи, и для нашей соціалъ-демократической мысли на распутьи всего характернѣе, съ разсматриваемой стороны, анкета, съ которой Г. В. Плехановъ въ концѣ 1906 г. обратился къ выдающимся представителямъ европейскаго соціализма. Не мѣшаетъ замѣтить, что за годъ передъ этимъ и онъ, Плехановъ, до извѣстной степени раздѣлялъ всеобщее увлеченіе, когда писалъ: «... россійскій пролетаріатъ... прокладывалъ путь для соціалистической революціи всемірнаго пролетаріата». Правда, самому Плеханову это не мѣшало, въ теченіе годовъ и даже десятковъ лѣтъ, «въ то же время прокладывать путь» ортодоксальному представленію о русской «буржуазной революціи»... И вотъ онъ теперь, въ тяжкомъ раздумьѣ, допрашиваетъ заграничныхъ товарищей: «Какимъ представляется общій характеръ русской революціи. *Присутствуемъ ли мы при буржуазной революціи или революціи соціалистической?*» Каутскій отвѣтилъ на предложенный Плехановымъ вопросъ статьей въ *Neue Zeit*, озаглавленной: «Движущія силы и перспективы русской революціи», поспѣшно переведенной и изданной по-русски подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Ленина (Москва, 1907)... Отъ прежнихъ восторговъ Каутскаго осталось, повидимому, очень мало, его одолѣваетъ не меньшее раздумье, чѣмъ самого г. Плеханова, онъ бродитъ по тому же распутью, что и тотъ. Совершенно въ тонъ своему вопрошателю, Каутскій отвѣчаетъ, что это—ни революція буржуазная въ обычномъ смыслѣ этого слова, ни соціалистическая, а «совершенно своеобразный процессъ, совершающійся на границѣ буржуазнаго и соціалистическаго общества, способствующій ликвидаціи перваго, подготовляющій условія для образованія второго и т. д.»—словомъ, от-

*) Въ своемъ родѣ интересенъ и отзывъ Поля Лафарга въ статьѣ о парижской коммунѣ, въ *Humanité* отъ 18 марта (1907 г.). Онъ питаетъ самые оптимистическіе виды насчетъ близости соціалистическаго переворота на Западѣ, въ частности во Франціи; по его мнѣнію, нужно лишь, чтобъ какое-нибудь событіе—экономическое или политическое, національное или иностранное—потрясло страну, и тогда разразится революція. „Можетъ статься (il se pourrait),—прибавляетъ онъ,—что *банкротство русскихъ финансовъ дастъ этотъ рѣшительный толчокъ*".

вѣтъ, нѣсколько въ духѣ гоголевскаго описанія фигуры Чичикова: не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ и т. д.—безпощадно обнажающій, какъ этого не могъ бы сдѣлать и врагъ, всю безпомощность и безсиліе соціалъ-демократической политической мысли! Это, впрочемъ, не помѣшало г. Ленину тутъ же прійти въ положительный восторгъ отъ отвѣта Каутскаго и попутно передразнить товарища Плеханова съ его «неумно поставленными вопросами»: «Либо буржуазная, либо соціалистическая революція, да—да, нѣтъ—нѣтъ, а что сверхъ того, то отъ лукаваго»... Впрочемъ, въ одномъ отношеніи рѣшеніе редактора *Neue Zeit* было все жъ-таки мудрое рѣшеніе. Каутскій призналъ, въ концѣ-концовъ, наилучшимъ отвѣтить сократовскимъ: я знаю, что я ничего не знаю...

«Мы *не знаемъ,* какъ долго еще продолжится русская революція... Мы *не знаемъ* также, какое вліяніе она окажетъ на Западную Европу и какъ она оплодотворитъ тамошнее пролетарское движеніе. Наконецъ, мы *совершенно уже не можемъ знать,* какъ въ свою очередь отзовутся, явившіеся слѣдствіемъ ея вліянія, успѣхи западно-европейскаго пролетаріата на пролетаріатѣ русскомъ. Намъ необходимо усвоить себѣ мысль, что мы идемъ навстрѣчу *совершенно новымъ* ситуаціямъ и проблемамъ, къ которымъ не подходитъ *ни одинъ изъ старыхъ шаблоновъ*» *).

Сравните это, какъ мы выразились, чисто-сократовское сужденіе о «движущихъ силахъ и перспективахъ русской революціи», вынесенное компетентнымъ судьей, въ извѣстномъ смыслѣ, post factum, т.-е. *послѣ* того, какъ наша революція описала уже замѣтную часть своей революціонной траекторіи,—съ гордыми и категорическими заявленіями автора «Революціонныхъ перспективъ» о томъ, какъ перспективы эти рисовались марксистамъ задолго *до* нашей революціи (заявленія г. Мартынова были полностью приведены нами во II главѣ): «Русская соціалъ-демократія съ самаго начала предвидѣла... съ самаго начала предсказала... намѣтила роль, которую сыграетъ въ революціи пролетаріатъ и т. д.»—и контрастъ получится въ высшей степени разительный и въ такой же мѣрѣ поучительный: вы будете имѣть предъ собой какъ бы мысленную діаграмму русской революціи въ пониманіи—было бы, можетъ быть, правильнѣе сказать: въ непониманіи стоящей на стражѣ ея с.-демократіи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что такое впечатлѣніе выносится и къ такому заключенію приходятъ соц.-демократы не только о русской революціи, такъ какъ вышеприведенное, напримѣръ, Каутсковское «не знаемъ», касательно хода и дальнѣйшихъ судебъ революціи въ Россіи, находитъ себѣ вполнѣ достойный pendant въ признаніяхъ другого вождя нѣмецкой с.-демократіи, Августа Бебеля, о полной неизвѣстности, которою окружены условія будущаго соціалистическаго переворота въ самой Западной Европѣ: «Мы не знаемъ, когда наступитъ этотъ моментъ, мы даже не знаемъ момента, когда, быть

*) „Движущія силы и пр.“, с. 32.

можетъ, по частямъ парціально овладѣемъ властью и получимъ возможность провести свою программу, по крайней мѣрѣ, частично» и проч. и проч. Мы видимъ теперь, что оба «незнанія» имѣютъ общій интимный источникъ, что они тѣсно переплетаются между собою въ одномъ клубкѣ—томъ самомъ взаимодѣйствіи между русскимъ революціонно-пролетарскимъ движеніемъ и успѣхами западно-европейскаго пролетаріата, въ виду котораго мы оказываемся предъ «совершенно новыми ситуаціями и проблемами, къ коимъ ни одинъ изъ старыхъ шаблоновъ не подходитъ»...

Въ частности, одинъ—попутно уже затрагивавшійся нами—пунктъ вышеупомянутой мысленной діаграммы русской революціи заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія. Съ самаго возникновенія с.-демократической партіи въ Россіи, въ идейный обиходъ ея членовъ вошло и прочнымъ образомъ укоренилось въ немъ положеніе—формулированное въ вполнѣ категорической формѣ г. Плехановымъ—что русское революціонное движеніе можетъ одержать верхъ только, какъ рабочее движеніе, что революцію у насъ «совершатъ рабочіе, или она вовсе не совершится». И вотъ теперь та же с.-демократія должна была сознаться—устами, напримѣръ, г. Троцкаго (и не одного его),—что слабость совѣта рабочихъ депутатовъ, т.-е., другими словами, слабость всей октябрьской *рабочей* революціи, «не была его собственной слабостью, это была *слабость чисто-городской революціи»* *)... Равнымъ образомъ и Каутскій въ цитированной уже статьѣ опредѣленнымъ образомъ утверждаетъ—это единственное теперь категорическое утвержденіе Каутскаго относительно «движущихъ силъ» нашей революціи,—что русской с.-демократіи *невозможно будетъ добиться побѣды одними только силами пролетаріата* безъ помощи какого-либо иного класса (Каутскій разумѣетъ крестьянство)—что нынѣшнее революціонное движеніе никоимъ образомъ не можетъ привести пролетаріатъ къ единоличному господству, къ диктатурѣ. «*Для этого русскій пролетаріатъ слишкомъ слабъ и неразвитъ*» (ib. 30). Если сопоставить это признаніе съ тѣми восторгами, съ тѣмъ апоѳеозомъ по адресу русскаго пролетаріата, «выступившаго на революціонное поприще съ накопленнымъ опытомъ, ясной, глубокой и широкой теоріей»—которые Каутскимъ и его сотрудниками изливались въ той же *Neue Zeit* въ октябрьско-ноябрьскіе дни, то мы получимъ довольно точную копію съ ситуаціи, бывшей налицо предъ Марксомъ-Энгельсомъ въ 1848 году. Тогда тоже охваченный революціоннымъ энтузіазмомъ и «умудренный опытомъ пролетаріатъ», располагавшій уже теоріей Маркса, послѣ неуспѣха движенія, тотчасъ же былъ развѣнчанъ въ «безпомощныя, неразвитыя массы, объединенныя только чувствомъ общихъ страданій», взамѣнъ чего капитализмъ, упокоенный было навѣки въ «манифестѣ коммунистической партіи», post factum «обладалъ еще, *стало быть*, большой способностью къ развитію»...

Въ предшествующемъ мы, можно сказать, прослѣдили всю «совершен-

*) „Исторія сов. раб. деп.", с. 13.

но, исключительно идеалистическую» діалектику соціалъ-демократическаго ученія о русской революціи: ея тезисъ—буржуазную революцію, антитезисъ—соціалистическую революцію, наконецъ синтезисъ—ни буржуазная, ни соціалистическая революція, или же и буржуазная, и соціалистическая,—словомъ, революція, движущаяся «на границѣ буржуазнаго и соціалистическаго общества» и отмѣчающая «переходную эпоху отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому». Первая часть тріады—надѣемся—уяснилась читателю вполнѣ, или, лучше сказать, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это представленіе о русской буржуазной—malgré elle—революціи вообще доступно уясненію, послѣдняя часть—синтезисъ—далеко не опредѣлилась еще, повидимому, и для самихъ с.-демократовъ, а для насъ и подавно. Съ другой стороны, безспорно самымъ интереснымъ и для марксизма наиболѣе характеристичнымъ изъ этихъ трехъ моментовъ тріады является средній—антитезисъ, въ которомъ наша буржуазная революція уже обернулась въ соціалистическую и стала—настоящимъ «буржуа въ дворянствѣ». Этотъ замѣчательный моментъ совпалъ съ знаменитыми октябрьско-ноябрьскими днями 1905 г. и по своей важности заслуживаетъ спеціальнаго изученія.

М. Н. Лежневъ.

Письмо изъ Германіи.

Культурные дикари и дикіе «культуртрегеры».

Въ нѣмецкихъ романахъ, дозволенныхъ къ чтенію для «благородныхъ» дѣвицъ или, какъ онѣ здѣсь называются, «höhere Töchter», среди излюбленныхъ мѣщанской публикой типовъ гвардейскаго поручика-рыцаря, добродѣтельнаго лѣсничаго и молодого владѣльца бывшаго феодальнаго имѣнія—Rittergut, встрѣчается, особенно въ послѣднія десятилѣтія, еще одна фигура, заставляющая трепетать всѣ наивныя дѣвичьи сердца, поскольку владѣлицы этихъ сердецъ имѣютъ свое мѣстожительство между Рейномъ и Вислой, Альпами и Балтійскимъ моремъ. Фигура эта представляетъ собой чистѣйшую культуру мужественности, благородства, учености. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она и физическимъ строеніемъ своимъ, конечно, значительно отличается отъ средняго германца новѣйшей формаціи. Она красива, здорова, сильна, не заражена хилостью городской жизни и вялостью, пріобрѣтенной обыкновенными людьми, благодаря успѣхамъ растлевающей человѣчество современной европейской культуры. Таковъ типъ «путешественника по Африкѣ», Afrikareisender. Но помимо всѣхъ этихъ качествъ, во всей полнотѣ ихъ присущихъ развѣ опернымъ тенорамъ, и многихъ другихъ, «національная» нѣмецкая дѣвушка узнаетъ изъ этихъ романовъ, что излюбленный ею типъ однимъ своимъ призваніемъ творитъ еще высокое дѣло. Онъ провозитъ въ среду дикарей Африки и другихъ странъ высшую европейскую цивилизацію, т.-е., конечно, нѣмецкую, онъ завоевываетъ германскому оружію громадныя площади земли, превосходящія величиной своей германскую имперію; благодаря ему продуктъ германской изобрѣтательности и труда находитъ себѣ сбытъ въ отдаленныхъ краяхъ; благодаря ему въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ цѣлыя полчища голыхъ дикарей, въ невѣжествѣ своемъ не имѣвшія понятія о существованіи нѣмцевъ, становятся подданными германскаго народа и научаются уважать и... бояться черно-бѣло-краснаго знамени. Однимъ словомъ, «путешественникъ по Африкѣ»—это національный герой въ квадратѣ, человѣкъ, передъ которымъ должны пасть ницъ всѣ люди, начиная чуть ли не съ императора и кончая послѣднимъ пролетаріемъ, подающимъ свой голосъ на выборахъ за Бебеля или

Зингера, если бы дѣло шло по желаніямъ сентиментальной нѣмецкой барышни, или же менѣе сентиментальныхъ, но зато болѣе «реальныхъ» политиковъ всенѣмецкаго шовинизма—Арендта, генерала Либерта и другихъ, имъ же нѣсть числа.

Къ счастью, Германская имперія населена не только романическими дѣвицами, читающими романы Марлиттъ, Вернеръ и графини Аблерсфельдъ-Баллестремъ, и всенѣмцами, поющими кстати и некстати, хоромъ и въ одиночку на «пивномъ вечерѣ» своего «Kriegerverein»—«Deutschland, Deutschland uber Alles!» Къ счастью, нѣмецкій народъ въ громадномъ своемъ большинствѣ состоитъ изъ работниковъ, знающихъ жизнь и глубоко проникнутыхъ истиннымъ, а не пивнымъ патріотизмомъ. Одни изъ этихъ дѣйствительныхъ патріотовъ полагаютъ, что заморская колонизація есть не что иное, какъ глупая и безцѣльная затѣя, другіе—придерживаются того мнѣнія, что Германія вынуждена колонизовать и пріобрѣтать колоніи, принося этому дѣлу даже большія матеріальныя и человѣческія жертвы, дабы избытокъ населенія имѣлъ возможность селиться не въ чужихъ краяхъ, а на собственной германской территоріи, и дабы все развивающаяся германская промышленность имѣла обезпеченные рынки, не отдѣленные отъ отечества таможенными стѣнами. И о самомъ способѣ колонизаціи и управленія пріобрѣтенныхъ колоній мнѣнія сильно расходятся. Здѣсь мы не намѣрены останавливаться на этомъ вопросѣ, ставшемъ очень острымъ за послѣднее полугодіе, послѣ того какъ рейхстагъ былъ распущенъ по вопросу о колоніяхъ, и послѣ того, какъ вся избирательная кампанія протекла подъ лозунгомъ: «за колоніи» и «противъ современнаго способа управленія колоніями». Необходимо замѣтить, что отмѣченный выше типъ «африканца» въ избирательной кампаніи игралъ, если не выдающуюся, то весьма крикливую роль. Почти не было предвыборнаго собранія, на которомъ не выступалъ бы въ роли докладчика или оппонента пресловутый «путешественникъ» по Африкѣ въ качествѣ знатока вопроса о колоніяхъ. Не знаю, какъ на юныхъ читательницъ сентиментальныхъ романовъ, но на меня эти господа, съ удивительной дерзостью и циничностью выступавшіе въ качествѣ ораторовъ, каждый разъ производили отталкивающее впечатлѣніе, коль скоро они начинали распространяться о необходимости жестокихъ тѣлесныхъ наказаній по отношенію къ неграмъ, уличеннымъ въ мелкихъ проступкахъ. «Негры совершенно другіе люди, ихъ нельзя сравнивать съ европейцами, что за бѣда, если иногда и приходилось пороть нещадно чернаго туземца». При этомъ ораторъ-африканецъ приводилъ рядъ логическихъ доводовъ. Но какова бы ни была логика, доводами ея нельзя побороть чувства тошноты омерзѣнія!

Теперь въ Мюнхенѣ закончился судебный процессъ, въ которомъ главную роль игралъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся германскихъ «культуртрегеровъ» въ Африкѣ, а именно д-ръ Карлъ Петерсъ. Это тотъ самый Петерсъ, который, начиная съ 1884 года, сперва въ качествѣ служащаго частнаго коммерческаго общества, а потомъ и правительственнаго коммис-

сара завоевалъ и пріобрѣлъ для Германской имперіи цѣлый рядъ областей, въ совокупности своей составляющихъ нынѣшнюю восточно-африканскую колонію. Завоеванія эти совершались имъ совмѣстно съ выдающимися изслѣдователями Африки Виссманомъ и Эминъ-Пашой (д-ръ Шнитцеръ). Заслуга въ этомъ направленіи за д-ромъ Петерсомъ несомнѣнна. Но начиная приблизительно съ 1892 г., въ Германію начинали проникать слухи о томъ, что образъ дѣйствій Петерса по отношенію къ туземцамъ далеко не безупреченъ. Свѣдѣнія эти сперва проникли въ англійскую печать. Въ германскомъ рейхстагѣ забили тревогу, и депутатъ Бебель внесъ цѣлый рядъ интерпеляцій по этому вопросу. Имъ были добыты свѣдѣнія, что Петерсъ крайне жестоко обращался не только съ находящимися съ нимъ на военномъ положеніи туземцами, но также и съ неграми, находящимися въ услуженіи у него. Такъ, напримѣръ, онъ за мелкіе проступки повѣсилъ слугу своего, обставивъ эту казнь чѣмъ-то вродѣ предшествующаго военнаго суда, въ составъ котораго вошли его же служащій фонъ-Пехманъ и фельдфебель подчиненнаго ему отряда. Въ тотъ же день Петерсъ велѣлъ повѣсить негритянскую дѣвушку Ягодія, подаренную ему предводителемъ негритянскаго племени въ качествѣ наложницы. Петерсъ заподозрилъ Ягодію въ интимныхъ сношеніяхъ съ слугой Мабрука, также имъ повѣшеннымъ, а кромѣ того и въ попыткѣ къ побѣгу. Объ этихъ казняхъ, которымъ предшествовало обильное сѣченіе какъ Мабруки, такъ и Ягодіи, Петерсъ сдѣлалъ ложное донесеніе начальству. Кромѣ того, его обвиняли въ томъ, что сѣченіе и казнь Ягодіи совершались при обстоятельствахъ, достаточно указывающихъ на садистскія наклонности Петерса. Петерсъ и друзья его сидѣли на крыльцѣ дома. Въ 50—60-ти шагахъ отъ этого крыльца подчиненные Петерсу солдаты повѣсили Ягодію. Трупъ женщины, якобы для острастки, висѣлъ послѣ «казни» еще въ теченіе сутокъ. Вообще было указано на то, что производимыя надъ туземцами тѣлесныя наказанія всегда совершались въ присутствіи Петерса и т. д. Въ результатѣ Петерсъ былъ привлеченъ къ дисциплинарному суду, который призналъ Петерса виновнымъ въ превышеніи власти и въ ложномъ донесеніи начальству и постановилъ уволить его со службы. Высшій имперскій дисциплинарный судъ, въ апелляціонной инстанціи, подтвердилъ рѣшеніе перваго суда. Мотивы, по которымъ суду пришлось признать Петерса виновнымъ, въ частностяхъ широкой публикѣ остались неизвѣстными, и, казалось, что болѣе или менѣе удовлетворенное общественное мнѣніе могло бы успокоиться, если бы въ этомъ возмутительномъ дѣлѣ не было бы еще два момента. Какъ бы то ни было, Петерсъ, по глубокому убѣжденію своихъ враговъ, совершилъ преступленіе убійства, и потому долженъ былъ быть преданъ уголовному суду. Особенно въ этомъ направленіи сильно работала соціалъ-демократическая фракція рейхстага, въ первую голову вождь ея, депутатъ Бебель. Изъ года въ годъ изъ среды фракціи возбуждался этотъ вопросъ на засѣданіяхъ рейхстага, правда, съ результатомъ отрицательнымъ. За спиной Петерса стояли сильные, пользующіеся громаднымъ влія-

ніемъ друзья, члены небольшой, но вліятельной партіи свободныхъ консерваторовъ, или имперской, Арендтъ, Кардорфъ и др. Во время распущенія рейхстага въ декабрѣ 1906 г. много говорилось о парламентской камарильѣ партіи центра, особенно вліятельной въ дѣлахъ колоніальнаго вѣдомства. Теперь весь политическій міръ Германіи знаетъ, что эта камарилья и ея вліяніе были ничтожны въ сравненіи съ кликой свободныхъ консерваторовъ, во что̂ бы то ни стало добивавшейся реабилитаціи д-ра Петерса, и использовавшей всѣ пути для того, чтобы скомпрометированнаго протеже ея снова поставить не только на прежнюю должность имперскаго коммиссара, но даже и губернаторомъ африканской колоніи. Дѣятельность этой клики имѣла однако только частичный успѣхъ, выразившійся въ помилованіи Петерса императоромъ. Насколько вся эта клика была дерзка и вліятельна, видно изъ того, что ея проискамъ приписывается паденіе наиболѣе дѣльнаго германскаго директора колоній—Кайзера, по отношенію къ которому депутатъ Арендтъ не стѣснялся примѣнять угрозы съ намекомъ, что отъ него зависитъ—быть или не быть Кайзеру во главѣ управляемаго имъ вѣдомства.

Какъ бы то ни было, дѣло д-ра Петерса и страшное воспоминаніе о чинимыхъ имъ въ восточной Африкѣ звѣрствахъ было уже на пути окончательнаго погруженія въ забвеніе, если бы не роспускъ рейхстага въ 1906 г., и притомъ именно по вопросу о дальнѣйшемъ развитіи германской колоніальной политики. Прожившій это время въ Германіи отлично помнитъ, какъ широкіе слои населенія, оставшіеся, правда, въ меньшинствѣ, были объяты какимъ-то furor colonialis. Все вертѣлось около этого вопроса. Казалось, что въ Германіи нѣтъ другихъ задачъ и нуждъ, требовавшихъ немедленнаго разрѣшенія, какъ именно вопросъ о необходимости продолженія колоніальной дѣятельности въ усиленныхъ размѣрахъ. Обаянію этого вопроса поддались даже круги и личности, обладавшіе широкими политическими горизонтами и стоящими на столь различныхъ политическихъ платформахъ, какъ крайніе аграріи и южно-германскіе демократы. На знаменитомъ собраніи въ берлинской консерваторіи въ началѣ января текущаго года съ удивительной страстностью высказывались спокойные, уравновѣшанные профессора университета, извѣстные своими либеральными воззрѣніями, какъ политико-экономъ Ястровъ, рядомъ съ оправдывающимъ смертные приговоры и тѣлесныя наказанія за мелкіе проступки по отношенію къ туземцамъ—«африканцемъ» Шиллингсъ. На воззваніи, выпущенномъ друзьями колоніальной политики, подписались профессора Вагнеръ (Адольфъ), Шмоллеръ, Листъ, Каль, композиторъ Рихардъ Штраусъ, историкъ живописи Мутеръ, директоръ театра Брамъ, Гергардтъ Гауптманъ, однимъ словомъ, весь цвѣтъ берлинской науки, литературы и искусства. Понятно, что при подобномъ положеніи дѣла настало время для «африканцевъ». Какъ уже было отмѣчено, эти бывшіе дѣятели въ Африкѣ бросились въ агитацію, выступали въ предвыборныхъ собраніяхъ въ качествѣ якобы безстрастныхъ знатоковъ колоній и коло-

ніальной политики; эти люди, по общему впечатлѣнію значительно одичавшіе въ Африкѣ, внесли въ избирательную кампанію скверный духъ, и по моему глубокому убѣжденію значительно содѣйствовали пониженію уровня общественной нравственности въ Германіи. Они не только оправдывали звѣрства бѣлыхъ колонизаторовъ и служащихъ въ Африкѣ, но даже выставляли эти дѣянія, какъ единственно правильные и цѣлесообразные пріемы. Передъ слушателями они развивали взгляды на черныхъ туземцевъ, достойные развѣ рабовладѣльца. Они хвастали своими подвигами, и самые мерзкіе выходки озвѣрѣвшихъ въ тропикахъ бѣлыхъ культуртрегеровъ, «африканскіе» агитаторы снабжали ореоломъ благородства и мужественности, достойные не судебнаго преслѣдованія, а офиціальнаго награжденія. На всѣ доводы оппонентовъ у нихъ имѣлся всегда одинъ готовый стереотипный отвѣтъ: «Вы не были въ Африкѣ, вы не знакомы съ тамошними условіями, вы не знаете негровъ, они уважаютъ европейца только тогда, когда онъ жестокъ, вамъ легко разсуждать здѣсь, въ культурной Германіи, въ то время, когда мы, окруженные дикими безчеловѣчными ордами черныхъ, которые подчасъ хуже животныхъ, прокладывали пути для нашихъ соотечественниковъ и завоевывали во славу нѣмецкаго оружія неизмѣримыя пространства земли и творили великое національное дѣло. Вы не въ правѣ судить о поступкахъ нашихъ, т.-е. о поступкахъ храбрыхъ патріотовъ, точно также какъ не въ правѣ судить о нихъ ни тайные совѣтники правительства, весь вѣкъ свой просидѣвшіе въ берлинскихъ канцеляріяхъ, ни депутаты рейхстага, вообще ничего не понимающіе въ дѣлѣ обращенія съ неграми и колоніальной политики. Только мы, африканцы, понимаемъ это дѣло. Къ чорту съ европейскими понятіями о правѣ и нравственности! У насъ въ Африкѣ они неумѣстны и даже вредны и опасны».

Во главѣ этихъ политическихъ агитаторовъ-африканцевъ, гастролировавшихъ на предвыборныхъ собраніяхъ «національныхъ» партій, наиболѣе видную роль играли Петерсъ и генералъ-лейтенантъ Либертъ, бывшій губернаторъ восточно-африканской колоніи. Этотъ же Либертъ, впрочемъ, довольно плохо освѣдомленный даже въ географіи находившейся подъ его начальствомъ области, сталъ и во главѣ такъ называемаго имперскаго «союза для борьбы съ соціалъ-демократіей», ведшей избирательную кампанію такими недоступными путями и средствами, что онъ на нѣмецкомъ политическомъ жаргонѣ удостоился названія «имперскаго союза лжи». Весьма понятно, что въ пылу борьбы какъ «африканцы», такъ и противная сторона, въ особенности соціалъ-демократы, не были особенно разборчивы въ пріемахъ. Особенно остро борьба протекла въ Мюнхенѣ, и достигла своего апогея въ тотъ день, когда на одномъ собраніи, въ которомъ выступили Петерсъ и статсъ-секретарь колоній Дернбургъ, первый съ обычной развязностью, дерзостью и циничностью не только восхвалялъ свои дѣянія въ Африкѣ, выставляя ихъ, какъ національные подвиги, но и обрушился на соціалъ-демократическую партію со всевозможными оскор-

бленіями и инсинуаціями. Тогда въ отвѣтъ мюнхенскій органъ рабочей партіи въ передовой статьѣ выставилъ Петерса во всей его наготѣ, повторивъ печатно всѣ обвиненія по адресу африканскаго дѣятеля, и назвалъ его не только трусливымъ убійцей, но также и убійцей-садистомъ. При этомъ *Münchener Post* привела цѣлый рядъ ссылокъ изъ книги, написанной самимъ Петерсомъ. Такъ, напримѣръ, Петерсъ разсказываетъ, что онъ спрятавшихся въ деревьяхъ безоружныхъ негровъ собственноручно подстрѣливалъ, какъ воробьевъ; далѣе, что онъ, съ цѣлью найти виновника мелкой домашней кражи, велѣлъ выпороть всю прислугу подъ рядъ и т. д. Петерсъ возбудилъ противъ редактора газеты обвиненіе въ клеветѣ и оскорбленіи въ печати, и, наоборотъ, редакторъ Груберъ привлекъ Петерса къ отвѣту за тѣ же проступки.

Сущность процесса и исходъ его, выразившійся въ оправданіи Петерса и въ присужденіи Грубера къ штрафу въ пятьсотъ марокъ, насъ особенно интересовать не можетъ. Стоитъ остановиться на двухъ-трехъ моментахъ этого суда, рѣшеніе котораго въ концѣ-концовъ *морально* осудило какъ Петерса, такъ и всю клику «африканцевъ». Самый интересный моментъ былъ, несомнѣнно, тотъ, когда Петерсъ послѣ многократнаго требованія противной стороны, наконецъ, согласился представить суду подлинныя рѣшенія дисциплинарнаго суда какъ первой, такъ и апелляціонной инстанцій, осудившаго его въ свое время. И что же оказалось? Въ мотивахъ дисциплинарнаго суда говорится о томъ, что Петерсъ, повидимому, изъ побужденій половыхъ, незаконно расправился какъ со слугой Мабрукъ, такъ и велѣлъ совершить смертную казнь надъ наложницей своей Ягодіей, что онъ кромѣ того сдѣлалъ ложное донесеніе по начальству. Далѣе судъ вообще находитъ не соотвѣтствующимъ достоинству бѣлаго, цивилизованнаго европейца, а тѣмъ болѣе представителя власти, чтобы онъ держалъ у себя наложницъ-рабынь, хотя бы даже подаренныхъ ему туземнымъ предводителемъ. Однимъ переходомъ въ руки бѣлаго подаренныя ему рабыни стали свободными, и Петерсъ не имѣлъ права судить ихъ за побѣгъ, а тѣмъ болѣе подвергнуть смертной казни, хотя бы даже обставленной подобіемъ военнаго суда. По газетнымъ отчетамъ чтеніе этого характернаго приговора дисциплинарнаго суда произвело очень странное впечатлѣніе на присутствующихъ въ мюнхенской залѣ засѣданія африканцевъ, и тутъ намъ придется отмѣтить второй интересный моментъ этого знаменательнаго процесса. Самъ Петерсъ,—что весьма понятно,—заявилъ тутъ же, что приговоръ этотъ только можетъ смѣшить его, какъ человѣка, пробывшаго цѣлый рядъ лѣтъ въ Африкѣ. Иначе отнесся къ нему вызванный обвинителемъ въ качествѣ «эксперта» упомянутый уже генералъ-лейтенантъ Либертъ. «Приговоръ этотъ является позорнымъ пятномъ на фонѣ нашего правосудія; я не допускаю и мысли, что его могли вынести безпристрастные судьи». Такъ отзывается о судѣ, состоявшемъ изъ десяти высокопоставленныхъ, незаинтересованныхъ лицъ, генералъ германской службы, «консервативный столпъ государства», депутатъ рейхста-

га! Одно то, что подобное лицо позволило себѣ критиковать такимъ образомъ судебное присутствіе, осмѣлившееся обвинить дикаря въ роли европейскаго «цивилизатора», указываетъ на силу клики «африканцевъ» и на вліяніе ихъ въ высшихъ сферахъ.

Размѣры статьи не позволяютъ мнѣ остановиться на показаніяхъ вызванныхъ Петерсомъ свидѣтелей. Длинной вереницей потянулись они, эти морально обанкротившіеся германцы, дворяне, бывшіе офицеры, нашедшіе выходъ своимъ звѣрскимъ инстинктамъ въ Африкѣ. Какая путаница понятій о чести, нравственности, гуманности! Это тѣ самые господа, которые, почуявъ въ рукахъ своихъ власть, хотя бы только надъ горстью негровъ, возомнили себя сверхчеловѣками! По вѣрному замѣчанію защитника Грубера, это люди, которые полагаютъ, что для нихъ нація должна беречь и почести, и славу, и знаки благодарственные, и, конечно, награды матеріальныя, для націи же, по ихъ крайнему разумѣнію, умѣстенъ кнутъ и висѣлица...

Среди свидѣтелей была вызвана и дама, знавшая Петерса въ Африкѣ. Она характеризуетъ этого національнаго героя, какъ «человѣка, будто рожденнаго къ властвованію, какъ рыцаря безъ страха и упрека». Какая страшная путаница понятій, какой нравственный декадансъ среди якобы цивилизованныхъ и культурныхъ людей, когда человѣкъ, нравственныя качества котораго дѣлаютъ его пригоднымъ развѣ къ завѣдыванію сворой охотничьихъ собакъ или командой палачей, производится въ «цвѣтъ націи». И эта свидѣтельница не есть представительница подонковъ общества, она претендуетъ на принадлежность къ кастѣ, въ жилахъ которой течетъ «синяя» кровь; каста эта, по увѣренію многихъ, *строила* отечество, а сыновья ея составляютъ единственную опору этого отечества и современнаго общества! Свидѣтельница эта носитъ небезызвѣстное имя—фонъ-Бюловъ!...

Такова одна изъ страничекъ германскаго культуртрегерства современности. Невольно вспоминается стихотвореніе нѣмецкаго поэта Зейме, въ которомъ индѣецъ по адресу европейца-колонизатора произноситъ знаменательныя слова:

Wir Wilden sind doch bess're Menschen!“

Владиміръ Левентонъ.

Элементы политическаго движенія и ихъ взаимоотношенія *).

Годъ назадъ, быть можетъ, было невозможно взяться за работу подведенія итоговъ и анализа событій послѣдняго времени—теперь только безуміе можетъ удерживать отъ обязанности заняться этой работой, такъ какъ сегодня уже совершенно очевидно то, что исторія и событія пошли и пойдутъ совсѣмъ несогласно «эрфуртской программѣ». Правда, эту несогласованность программы и движенія можно было предвидѣть и много раньше, но говорить объ этомъ было совершенно безполезно; мы не были бы особенно удивлены даже и тѣмъ, что и сейчасъ найдутся весьма много общественно-политическихъ группъ, считающихъ всякій анализъ безусловно вреднымъ для движенія и готовыхъ заклеймить его именемъ измѣны народу, принципамъ, объясняя эту измѣну мотивами чуть ли не личной корысти.

Но время идетъ, то «настроеніе», которое культивировалось такъ долго, исчезло, бумажные драконы quasi-революціи перестали пугать правительство и отошли въ арсеналъ прокурорскаго краснорѣчія на «предметъ» запугиванія судей или превратились въ жупелъ реакціонныхъ газетчиковъ въ цѣляхъ того же запугиванія всѣхъ и каждаго. Для всякаго, связавшаго свою судьбу съ политическимъ движеніемъ, необходимъ анализъ, нужна новая оріентировка, безъ которой дальше идти нельзя; у насъ и такъ довольно выбитыхъ изъ сѣдла, потерявшихъ всякую способность найтись среди обломковъ крушенія прежнихъ отношеній и несбывшихся надеждъ.

Внутренняя работа анализа во всякомъ случаѣ идетъ, а разъ такъ, то и пересмотръ событій съ цѣлью извлечь практическую мораль необходимъ и полезенъ, быть можетъ, онъ полезнѣе всѣхъ другихъ видовъ дѣятельности, за исключеніемъ той, которая можетъ привести къ непосредственному и принципіальному измѣненію даннаго политическаго положенія. Впрочемъ, два ли есть налицо силы, способныя произвести подобное измѣненіе, и всѣ шансы за то, что у насъ будетъ время для долгаго и всесторонняго разбора элементовъ нашего политическаго движенія; тотъ «сдвигъ

*) Настоящая статья написана до роспуска Государственной Думы и изданія новаго избирательнаго закона. *Ред. Русской Мысли.*

вправо», о которомъ радикальные журналисты даже пишутъ, какъ о фактѣ неоспоримомъ, прежде всего заставляетъ заняться не ламентаціями, а именно отдѣленіемъ существеннаго отъ случайнаго, развитого отъ эмбріональнаго, наивнаго и фантастическаго отъ трезваго и реальнаго. Въ настоящее время совершенно необходимо опредѣлить, что мы потеряли и что мы пріобрѣли—быть можетъ, если мы и не утѣшимся въ потеряхъ людьми, то всетаки перестанемъ оплакивать иллюзіи просто потому, что онѣ не стоятъ слезъ. Быть можетъ, намъ удастся показать, что очень значительная часть катастрофы воображаема и что положеніе правительства не лучше нашего. Но для доказательства, для вывода практической морали прежде всего нужно опредѣлить тѣ problèmes à resoudre, которыя были поставлены событіями, начавшимися японской войной и смертью Плеве.

Эти проблемы были поставлены какъ передъ правительствомъ, такъ и передъ общественными дѣятелями; отъ способовъ ихъ рѣшенія первымъ и вторыми зависѣло самое движеніе и положительные его результаты. Мы сперва разсмотримъ ту сторону problèmes à resoudre, которая была обращена къ правительству, такъ какъ такой методъ разсмотрѣнія, во-первыхъ, очень удобенъ для сравненія дѣятельности правительства и его противниковъ, а во-вторыхъ, онъ необходимъ для выясненія того «образа мыслей» (mentalité), какой былъ присущъ различнымъ противоположнымъ силамъ къ моменту ихъ столкновенія.

Съ точки зрѣнія этого метода первая изъ проблемъ, вставшая передъ правительствомъ, была военная. Такъ какъ японская война вскрыла не только чисто боевую непригодность нашей арміи, но и негодность всей системы постановки военнаго дѣла во всѣхъ его службахъ и подраздѣленіяхъ, то и поставленная на очередь военная реорганизація ни въ какомъ случаѣ не могла ограничиться измѣненіемъ уставовъ дѣйствія одного изъ трехъ видовъ оружія, а должна была охватить всю систему управленія страной, въ виду указанной непригодности буквально всѣхъ службъ. Боевая подготовка арміи въ тѣсномъ и спеціальномъ значеніи этого понятія оказалась также плоха, какъ и система образованія кадровъ, призывъ ихъ къ комплектованію, мобилизація, способы перевозки и т. д. Совершенно неудовлетворительна оказалась и интендантская часть—не только въ зависимости личной нечестности персонала интендантскихъ чиновъ, но и въ зависимости технической, т.-е. въ самой системѣ организаціи магазиновъ, ихъ территоріальнаго распредѣленія и методовъ питанія и обмундировки арміи. Наконецъ, пути сообщенія тоже были и недостаточны, и плохо оборудованы, даже спеціальная часть, т.-е. вооруженіе арміи, включая въ нее и морскія силы, не выдержало конкуренціи противника. Само собою разумѣется, что реорганизація всѣхъ этихъ службъ далеко выходила за предѣлы частичной военной реформы, а наоборотъ, охватывала всѣ отрасли государственной дѣятельности, т.-е. находилась въ тѣснѣйшей связи и зависимости отъ системы финансовъ и гражданскаго управленія.

Тотъ же военный погромъ обнаружилъ и чисто дѣтское, фетишистское воспитаніе арміи въ смыслѣ развитія и укрѣпленія ея духа. Намъ, за время войны, постоянно приходилось читать мнѣнія и отзывы иностранныхъ военныхъ корреспондентовъ, всегда полные изумленія передъ этой фетишистско-дѣтской системой воспитанія и солдатъ, и офицеровъ нашей арміи. Всегда этихъ корреспондентовъ поражалъ внѣшне-молодцоватый—даже martial, какъ писали французскіе корреспонденты — видъ русской арміи и невѣроятно быстрое ея превращеніе въ толпы вооруженныхъ крестьянъ. Вся парадная часть была налицо вплоть до распѣванія нецензурныхъ пѣсенъ, отвѣтовъ съ удареніемъ или безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ при прощаніи или привѣтствіи всякаго рода начальства; безконечныя церковныя службы, иконы, окропленіе св. водой—однимъ словомъ все то, что соотвѣтствуетъ фетишистскому, т.-е. дѣтскому складу ума; на-ряду съ этимъ полное отсутствіе единенія между солдатами и офицерами, объясняемое, главнымъ образомъ, тѣмъ, что русскій офицеръ не только военный начальникъ, т.-е. тотъ же солдатъ, но исполняющій высшую функцію, а и «баринъ». Для поверхностнаго наблюденія эта фетишистская сторона воспитанія арміи можетъ казаться не особенно важной, но въ дѣйствительности и въ моменты кризиса она должна была превратиться въ роковую сторону войны.

Мы знаемъ, что такъ это и случилось, и именно своей позорной стороной тяжка для національнаго самосознанія послѣдняя война, обнаружившая преступную связь еще крѣпостного режима съ современной Россіей.

Не говоря о битьѣ солдатъ, достаточно и того, что даже простой и незлобный разговоръ офицера съ нижнимъ чиномъ не можетъ быть переведенъ—ну хотя бы на французскій языкъ, такъ какъ онъ нерѣдко пересыпается ругательными словами, вродѣ: дуракъ, сволочь, подлецъ и т. д.

Получалось одно изъ безсмысленнѣйшихъ противорѣчій: порученіе арміи осуществленія высшей національной задачи и въ то же время абсолютное пригнетеніе индивидуальнаго духа, послѣдовательное и большею частью безсознательное проведеніе принципа, въ силу котораго нижній чинъ просто «скотина».

Офицерство, лишенное притока умственныхъ силъ, тоже оказалось несостоятельно какъ въ спеціально военномъ, такъ и въ моральномъ смыслѣ тѣхъ требованій, которыя должны предъявляться къ людямъ, представляющимъ вооруженную націю. Уничтоженіе военныхъ гимназій, превращеніе ихъ въ *дворянскіе* корпуса, пониженіе программъ, танцовально-парадное воспитаніе, основанное на различіи *бѣлой* кости отъ *черной*—все это сказалось трагическимъ образомъ въ японскую войну и поставило передъ правительствомъ вышеуказанную проблему всесторонней реорганизаціи арміи, а вмѣстѣ съ ней и гражданскаго управленія страной. Ниже мы увидимъ, что и какъ сдѣлало правительство изъ этой великой національной задачи обновленія арміи—теперь только подчеркнемъ еще разъ, что эта сторона дѣла была первой и громадной проблемой обновленія Россіи; она входила очень

существенной частью въ реформаторскую дѣятельность всѣхъ силъ, направленныхъ къ реорганизаціи государственнаго строя и умѣлое пользованіе ею могло обезпечить крупную долю успѣха той или иной общественной группѣ. Къ сожалѣнію, мы увидимъ также, что этой силой не сумѣлъ воспользоваться никто: ни правительство, ни его противники, и на этомъ неумѣніи можно будетъ обосновать кое-какія предвидѣнія будущаго развитія нашей общественности.

Между тѣмъ военная и связанная съ нею общегосударственная реорганизація была далеко не единственной и не самой важной проблемой, поставленной передъ правительствомъ, такъ какъ главныя изъ нихъ были: крестьянско-аграрная и интеллигентско-политическая.

Поясн имъ сущность той и другой въ нашемъ пониманіи. Говоря крестьянско-аграрная, мы имѣемъ въ виду тѣ реформы, которыя вытекали какъ въ силу объективной необходимости, явившейся слѣдствіемъ матеріально-экономическаго развитія Россіи, такъ и въ силу субъективнаго развитія правосознанія крестьянъ. Объективно для правительства нужно было разрѣшить крестьянско-аграрный вопросъ уже потому, что наши земельныя отношенія превратились въ механическій тормозъ экономическаго развитія. Въ средѣ двухъ сословій, существованіе которыхъ связано съ землей, т.-е. въ средѣ крестьянской и дворянской, обнаружился громадный излишекъ рукъ, не могущихъ найти приложенія въ естественной для нихъ профессіи. Вѣчно вести политику дворянскаго банка нельзя хотя бы только съ финансовой точки зрѣнія; поддерживать за счетъ государства «невытанцовывавшихся» дворянъ или дѣйствительно голодающихъ крестьянъ ни для одного государственнаго казначейства невозможно, если эта поддержка превращается въ параметръ финансоваго уравненія, разрѣшаемаго ежегоднымъ бюджетомъ. Съ этой объективной точки зрѣнія нужно было освободить землю, даже не людей, отъ тѣхъ, которые ничего кромѣ пустырей не могли поддерживать на ея поверхности, пустырей, тамъ и сямъ покрытыхъ Неѣловками, похожими на погосты.

Крестьянство и дворянство разорялись въ экономическомъ смыслѣ одинаково, но финансовыя послѣдствія для тѣхъ и другихъ были при старомъ порядкѣ совершенно различныя. Дворяне, разоряясь экономически, субсидировались правительствомъ и за чужой счетъ поддерживали привычный и болѣе или менѣе традиціонный standard of life; крестьяне просто разорялись, кое-какъ подкармливались, но въ экономическомъ смыслѣ переставали быть производителями, оставаясь, однако, въ соціальномъ тѣми *паріями*, на долю которыхъ выпадаетъ максимумъ всяческихъ страданій. Для устраненія язвъ пауперизма въ современной деревнѣ и паразитизма дворянства правительство могло идти двумя путями: первый наиболѣе легкій и традиціонный вообще для всѣхъ правительствъ—онъ состоялъ въ усиленіи денежно-буржуазныхъ отношеній въ деревнѣ, т.-е. въ политикѣ поддержки относительно сильныхъ хозяйствъ и въ предоставленіи хозяйствъ разоряющихся ихъ естественной судьбѣ. Въ деревню нужно было бы съ этой точки

зрѣнія ввести принципъ: enrichissez vous, а кто не можетъ, пусть подчиняется неизбѣжному, т.-е. въ худшемъ случаѣ вымиранію, въ лучшемъ— обращенію въ батрака. Эта политика, проведенная съ извѣстною послѣдовательностью, могла бы въ экономически жизнеспособномъ и политически спокойномъ организмѣ привести даже и къ положительнымъ результатамъ, т.-е. къ образованію сильныхъ хозяйствъ, не нуждающихся въ систематической поддержкѣ государственнаго казначейства.

Отлагая оцѣнку мѣръ, предпринятыхъ въ этомъ отношеніи правительствомъ, мы еще разъ подчеркнемъ, что для проведенія этой политики прежде всего нужно было политическое спокойствіе, такъ какъ иначе эта политика изъ «игры» экономическихъ силъ должна превратиться въ карательныя экспедиціи и въ принудительное вколачиваніе въ головы населенія принциповъ laissez faire, что, конечно, является довольно существеннымъ нарушеніемъ этихъ самыхъ принциповъ.

Политика совершенно иного рода состояла бы не столько въ національизаціи земли въ соціалистическомъ смыслѣ этого понятія, сколько въ *этатизаціи*, огосударствленіи земельной ренты и въ превращеніи ея въ источники государственнаго дохода. Само собою разумѣется, что эта политика требуетъ отъ государства прежде всего наличности вполнѣ пригоднаго административно-техническаго персонала, реорганизаціи мѣстнаго самоуправленія, уничтоженія его оппозиціи центральной власти, реформы налоговой системы и рѣшимости провести данную систему, не взирая на оппозицію, а вѣроятно и открытое сопротивленіе весьма многочисленныхъ группъ населенія. Для насъ въ настоящей статьѣ нѣтъ надобности останавливаться на детальномъ развитіи системы государственнаго земельнаго хозяйства, но мы считаемъ необходимымъ оговориться, что ничего похожаго на систему военныхъ поселеній мы не предполагаемъ; наоборотъ, мы имѣемъ въ виду самую широкую реорганизацію мѣстнаго самоуправленія и за государствомъ оставляемъ только функцію надзора и права собственника на земельную ренту.

Мы говоримъ о различныхъ способахъ разрѣшенія аграрнаго вопроса, а съ нашей точки зрѣнія ихъ только два, т.-е. или laissez faire, или государственная рента, но не бумажно-заемная, а земельно-производительная; всѣ соціалистическія или quasi-соціалистическія рѣшенія аграрнаго вопроса мы считаемъ совершенно не реальными, не опирающимися на требованія или интересы ни одного изъ борющихся классовъ, ни одной изъ конкурирующихъ общественныхъ силъ. Происхожденіе соціалистическихъ системъ рѣшенія соціальныхъ вопросовъ у насъ совершенно иное и мы выяснимъ его при разборѣ проблеммы интеллигентско-политической, поставленной на очередь современнымъ кризисомъ; что же касается вопроса аграрнаго, то объективно онъ можетъ разсматриваться только съ указанныхъ точекъ зрѣнія. Конечно, въ немъ есть и громадная доля субъективнаго элемента, т.-е. зависимаго отъ правосознанія крестьянъ и дворянъ, и что касается послѣднихъ, то они удовлетворились бы status quo ante

bellum и, слѣдовательно, никакого самостоятельнаго рѣшенія они не имѣютъ; для нихъ всякое рѣшеніе хорошо или плохо въ прямой и непосредственной зависимости ихъ положеніе рентьеровъ не системы земельнаго хозяйства, а государственнаго казначейства. Готовность, проявленная дворянствомъ ликвидировать свои хозяйства по «приличной» цѣнѣ, совершенно опредѣленно указываетъ на то, что его роль какъ земледѣльческаго класса кончена; ему нужно «отступное», чтобы хотя на время и не сразу попасть въ положеніе, дѣйствительно незавидное, людей никогда не извлекавшихъ средствъ жизни изъ личнаго труда. Затрудняя всякое рѣшеніе аграрнаго вопроса, дворянство не облегчаетъ ни одного, даже простѣйшаго, т.-е. основаннаго на принципахъ laissez faire, такъ какъ послѣдовательное проведеніе и этихъ принциповъ для нихъ равносильно «конфискаціи»; для государства и для общества весь дворянскій земельный вопросъ сводится къ его простѣйшему выраженію: сколько?

Далеко не такъ упрощено ни правосознаніе, ни реальныя отношенія крестьянской среды. Состоя изъ различныхъ по экономическому облику группъ, крестьянство сходится только на одномъ: на томъ, что дворянскому землевладѣнію нужно положить конецъ и, конечно, если можно, то ликвидировать его безъ всякой уплаты бывшимъ владѣльцамъ. Всякая система, основанная на безденежномъ для крестьянства рѣшеніи аграрнаго вопроса будетъ одобрена крестьянствомъ, хотя бы она была чисто-соціалистическая, но въ умѣ и разсчетѣ крестьянина его одобреніе относится только къ безплатности, а вся остальная ея часть или не понимается, или игнорируется. Намъ извѣстны случаи, въ которыхъ инниціаторами и подстрекателями аграрныхъ безпорядковъ были именно зажиточные крестьяне, прекрасно понимавшіе, что освобожденная отъ помѣщиковъ земля отнюдь не будетъ «Божья», а именно ихъ. Такіе крестьяне будутъ поддакивать до поры до времени соціалистическимъ ораторамъ и первые передадутъ ихъ въ руки полиціи, какъ только земля перейдетъ къ нимъ. Нужно признать, что въ опредѣленіяхъ «духа» крестьянъ весьма многіе реакціонные дѣятели ближе къ истинѣ, чѣмъ дѣятели революціи, хотя эта ихъ близость для нихъ ничего утѣшительнаго не содержитъ; ненависть крѣпкаго собственника-крестьянина къ *partageur'y* всетаки еще дѣло будущаго, да и кромѣ того эта ненависть въ значительной степени обезвредится будущимъ правовымъ устройствомъ государства; не то ненависть крестьянина къ помѣщику—это величина данная, дѣйствующая и часто дѣйствительно страшная въ ея приложеніи.

Мы не можемъ не передать одной въ высокой степени типичной сцены недавняго прошлаго. Она разыгралась въ предвыборный періодъ, а участниками оказались крестьяне и ораторы партіи; дебатировался аграрный вопросъ и, конечно, вопросъ о выкупѣ—по этому вопросу всѣ крестьяне были единогласны, т.-е. не только безъ выкупа, но даже безъ пенсіона на дожитіе и воспитаніе дѣтей. Всѣ аргументы въ пользу пенсій разбивались о совершенно логичный отвѣтъ: у насъ нѣтъ пенсій, не желаемъ

платить и господамъ, у насъ тоже дѣти. Такъ и пришлось замолчать по этому пункту—по всѣмъ остальнымъ разногласіе было полное, точнѣе тотчасъ же образовалась группировка по интересамъ; общинники охотно принимали ограниченную націонализацію, приравнивая ее къ бывшимъ отношеніямъ государственныхъ крестьянъ, конечно, безъ прежняго ихъ лично правового положенія; болѣе зажиточные признавали право контроля государства системы хозяйства, въ тайнѣ надѣясь на отобраніе участковъ у маломощныхъ или нерадивыхъ, тогда какъ подворники и хуторяне видимо склонялись къ реформамъ, направленнымъ лишь къ ограниченію крупнаго землевладѣнія, къ введенію его максимума и усиленнаго налогового обложенія съ большей разностью прогрессіи съ возрастаніемъ валовой доходности, дабы этимъ путемъ заставить парцеллироваться крупныя хозяйства.

Такимъ образомъ, отношенія крестьянства къ аграрному вопросу и крайне сложны, и крайне многообразны; правительство могло стать или на широкую *національную* точку зрѣнія и вмѣшаться сознательно-устрояюще въ земельныя отношенія, или оставить все образовываться спокойно; во всякомъ случаѣ, въ основѣ своей аграрный вопросъ ясенъ и сводится къ уничтоженію дворянскаго землевладѣнія, переходу земли въ руки крестьянства съ *временнымъ* увеличеніемъ площади земельныхъ участковъ каждаго крестьянина и потомъ къ обратной мобилизаціи земельной собственности въ рукахъ уже не сословно, а экономически сильныхъ; этому второму обратному процессу мобилизаціи могло помѣшать государство системой огосударствленія. Впрочемъ, требованіе увеличенія площади крестьянскаго участка, безъ всякаго отношенія къ раціональности или ирраціональности подобнаго увеличенія въ хозяйственномъ смыслѣ, превратилось въ политически-соціальное требованіе и всякому правительству придется его осуществить въ томъ или другомъ видѣ, хотя совсѣмъ не безразлично въ какомъ размѣрѣ и въ какой долѣ участія правительственной власти будетъ осуществлена крестьянская реформа какъ въ области чисто-земельныхъ, такъ и въ области правовыхъ отношеній. Послѣднія, т.-е. правовыя, должны быть реформированы въ прямой зависимости отъ исчезновенія дворянскаго сословія и какъ землевладѣльческаго класса, и какъ «первенствующаго» сословія; крестьянство, становясь на его мѣсто, должно будетъ получить и его права; новый трансфертъ земельной собственности долженъ быть юридически закрѣпленъ за новымъ классомъ, а то политическое представительство и соціальная роль, которыя основываются на владѣніи, должны быть отверждены новымъ политическимъ правомъ.

Для насъ особенно важно указать на то, что рѣшеніе аграрнаго вопроса является тою областью, въ которой больше всего могъ проявиться національный характеръ правительства не только въ политическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ оригинальности и творчества соціальной мысли, въ ой *самобытности,* которая,—увы! не выдержала столкновенія даже съ трко. То, что сдѣлало изъ аграрной реформы правительство, мы охарак-

теризуемъ ниже и по необходимости сжато въ виду спеціальной задачи нашей статьи, но мы не можемъ не сказать того, что слабость и ненаціональность правительственной политики нигдѣ не сказались съ такой силой, какъ именно въ аграрномъ вопросѣ; нигдѣ полумѣры, ихъ вынужденность, отсутствіе творческой мысли и даже просто дерзанія въ намѣреніи ничего не сдѣлать, кромѣ обезпеченія 130,000 дворянскихъ семей, не сказалось такъ ярко и послѣдовательно, какъ именно въ области крестьянскаго законодательства. Правительство отчасти и особенно въ началѣ движенія не понимало его, затѣмъ боялось и, наконецъ, кое-какъ принялось спасать то, что и спасать-то не слѣдовало,—но объ этомъ послѣ, такъ какъ намъ нужно разобрать роль и значеніе слѣдующаго элемента нашей революціи, т.-е. проблему интеллигентско- политическую.

Если бы развитіе Россіи въ политическомъ отношеніи было похоже на таковое же западно-европейскихъ странъ, то сущность реформъ въ этой области была бы до-нельзя проста, такъ какъ она сводилась бы къ октроированію политическаго представительства и уничтоженію запретительно-политической системы въ области развитія интеллектуальной дѣятельности, т.-е. въ области печатнаго и устнаго слова прежде всего, затѣмъ въ научно-педагогически просвѣтительной и т. п. Однако, въ Россіи этого простого рѣшенія примѣнить оказалось невозможно и невозможно по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, уже со времени декабристовъ русская интеллигенція оказалась «ensocialpestée», выражаясь терминомъ Консидерана, а во-вторыхъ, разноплеменный составъ интеллигенціи далъ въ руки правительства и реакціи сильное и новое средство обороны, такъ какъ позволилъ играть quassi-національную роль. По этому вопросу мы обязаны откровенностью не только своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, но и объективной истинѣ и обязаны vider la question безъ всякой утайки, какъ бы ни шли вразрѣзъ съ традиціонными взглядами наши собственныя положенія. Дѣло въ томъ, что мы неуклонно исходимъ изъ одной мысли, изъ одного основного тезиса, въ силу котораго всякое народное движеніе, до сихъ поръ имѣвшее мѣсто въ исторіи всѣхъ западно-европейскихъ странъ, должно быть прежде всего *національнымъ*, если оно желаетъ и стремится къ реальному успѣху *). Однако, само собою разумѣется, что прилагательное *національный* мы понимаемъ не въ узко-этническомъ смыслѣ, не въ расовомъ даже, хотя его элементъ и не исключается, а въ широко-политическомъ и исторически культурномъ. Исторія современныхъ народовъ знаетъ два прекрасныхъ политическо-національныхъ движенія: польское, трагическое и глубоко-печальное, и итальянское, побѣдоносное и почти эпическое въ лицѣ Маццини и Гарибальди. Въ обоихъ случаяхъ національное движеніе перешагнуло за этнографическіе предѣлы, отошло отъ эле-

*) Самымъ бѣглымъ образомъ мы затронули вопросъ о національности нашей quassi-революціи въ 1-мъ № *Полярной Звѣзды*, издававшейся подъ редакціей П. Б. Струве.

мента расы, эволюціонировало въ зависимости отъ соціально-политическихъ измѣненій—но всегда оставалось политически-національнымъ и, слѣдовательно, *государственнымъ*. Конечно, слѣдовало бы упомянуть и о великой французской революціи, которая первая поставила національный вопросъ на современную политическую почву, создавъ теорію національнаго суверенитета въ ея классическомъ видѣ, но такъ какъ во Франціи конца XVIII вѣка нація сразу оказалась у власти, то ея примѣръ для насъ не убѣдителенъ.

Позднѣе, т.-е. въ европейскія революціи 40-хъ годовъ принципъ національности движенія игралъ громадную роль, и всего интереснѣе было бы прослѣдить его въ коммунистическихъ германскихъ организаціяхъ, до мозга костей проникнутыхъ идеей единаго и великаго нѣмецкаго отечества; эта идея была воспринята и нѣмецкой соціалъ-демократіей, о чемъ, на нашъ взглядъ, ярко свидѣтельствуетъ книга Меринга—«Исторія нѣмецкой с.-демократіи». Не то у насъ—идея національности присуща, правда, и нашимъ крайнимъ партіямъ народническаго происхожденія, но, во-первыхъ, въ виду внѣшней государственной независимости и мощи Россіи этой идеѣ не приходилось превращаться въ дѣйственную политическую и общественную силу, а во-вторыхъ, правительство классически отучило націю быть не только господиномъ, но даже простымъ зрителемъ ея судебъ. Фраза императора, написавшаго на докладѣ одного изъ министровъ о томъ, что русское общество недовольно веденіемъ военныхъ операцій въ Крыму: а ему-то что за дѣло?—представляетъ изъ себя аутентичное выраженіе сущности внутренней политики правительства въ области развитія національной идеи.

Понятно, что такое воспитаніе должно было принести плоды—они и обнаружились въ послѣднюю японскую войну. Къ отсутствію національнаго пониманія, за исключеніемъ развѣ дурацкаго шовинизма, нужно присоединить и то, что русское правительство всѣми оппозиціонными партіями разсматривалось, какъ прямо враждебное и угрожавшее самому существованію народа; оно ему противополагалось, оно разсматривалось какъ препятствіе грядущему счастью, и это противоположеніе, благодаря отвычкѣ націи располагать своею судьбой, благодаря полному отсутствію національно-культурнаго воспитанія, приводило къ тому, что всякій врагъ правительства сталъ считаться другомъ оппозиціи въ силу принципа les ennemis de nos ennemis sont nos amis.

Если бы вся русская интеллигенція была однородна по племенному составу, если бы указанный принципъ не могъ бы искажаться съ видимой очевидностью, основанной на частичной правдѣ, то противники новаго порядка не имѣли бы очень сильнаго аргумента моральнаго характера, въ пользу ихъ имморальныхъ вожделѣній.

Но въ дѣйствительности русская интеллигенція, состоя изъ разныхъ племенныхъ группъ, несомнѣнно имѣющихъ свои собственныя историко-политическія цѣли, выросшихъ въ другой культурной обстановкѣ, должна была вызвать какъ разъ ту оппозицію, которая въ настоящее время из-

вѣстна подъ именемъ «истинно-русской». Въ области политическихъ соображеній совершенно безразлично указывать на то, что эта оппозиція состоитъ изъ gens sans aveu, для которыхъ всякая патріотическая идея имѣетъ только рыночную цѣну, такъ какъ подобное указаніе впередъ не пріемлется именно потому, что, по увѣреніямъ «истинно русскихъ», для всѣхъ другихъ ихъ аргументація и ихъ чувства непонятны. Между тѣмъ разноплеменный составъ интеллигенціи—фактъ, различіе политическихъ идеаловъ разныхъ народностей, входящихъ въ составъ населенія Россіи—тоже фактъ, а то обстоятельство, въ силу котораго это различіе идеаловъ не мѣшаетъ, до извѣстной степени, общности по нѣкоторымъ политическимъ вопросамъ какъ разъ-то и составляетъ слабый пунктъ союза, впередъ объявленнаго анти-національнымъ. То анти-конституціонное движеніе, которое получило, и по справедливости, названіе черносотенства, было бы лишено всякаго значенія, если бы оно не драпировалось, безъ всякаго на то права, въ патріотическую тогу. По существу нѣтъ движенія болѣе анти-патріотическаго, болѣе анти-національнаго въ политическомъ значеніи и пониманіи этого термина, но существо дѣла въ политической борьбѣ не играетъ абсолютно рѣшающей роли; въ данномъ случаѣ это возраженіе по существу ослабляется еще и указаннымъ фактомъ разноплеменности состава и различія въ политическихъ идеалахъ разныхъ группъ интеллигенціи. Поляки не только не могутъ, но и не хотятъ отказаться отъ своихъ историческихъ завѣтовъ, еврейская интеллигенція не можетъ не имѣть своихъ нуждъ, своихъ спеціальныхъ цѣлей, даже интеллигенція окраинъ, напр., кавказская, и интеллигенція другихъ покоренныхъ народцевъ не откажется отъ своихъ надеждъ и мечтаній. Этого факта не могло не учесть, не использовать правительство и реакція. Доктрина Монроэ должна была сдѣлаться, въ силу политическаго разсчета, боевымъ кличемъ и въ Россіи; безобразію «истинно русскаго» дебоша нужно было дать идеалистическую душу—и идея національности, хотя и понимаемая въ грубомъ расовомъ смыслѣ, въ смыслѣ породы, должна была превратиться въ лозунгъ реакціи; это превращеніе облегчалось еще и тѣмъ, что къ идеѣ національности была присоединена идея государственности, и сторонниковъ новаго порядка начали выставлять, во-первыхъ, врагами русскаго народа, а во-вторыхъ, врагами его государства, мечтающими о раздѣлѣ Россіи. Даже такая культурная страна, какъ Франція, совершенно однородная и по племени, и главное, по политическимъ идеаламъ ея населенія—и то знаетъ «истинно-французское» движеніе, ничѣмъ не отличающееся отъ истинно-русскаго, вплоть до погромовъ евреевъ въ Алжирѣ и постоянной ихъ травлѣ въ печати. Само собою понятно, что у насъ это движеніе должно было получить гораздо болѣе полное и яркое выраженіе; удивительно не его появленіе, а его слабость, показывающая, что даже такіе существенные элементы быта народа, какими являются государственность и національность, не въ состояніи оказать рѣшительнаго измѣненія во мнѣніяхъ большинства населенія по отношенію къ правительству, являюще-

куся естественнымъ носителемъ двухъ указанныхъ идей. До сихъ поръ у насъ боязнь правительства сильнѣе тревоги за нашъ національно-государственный бытъ, и въ этомъ явленіи заключается максимумъ исторической вины самого правительства.

Но всетаки указанный фактъ разноплеменнаго состава нашей интеллигенціи былъ первымъ козыремъ даже и этого правительства, тѣмъ рубищемъ, которое хоть немного прикрывало его собственную наготу. Вторымъ козыремъ является соціалистическое міровоззрѣніе нашей интеллигенціи.

Соціализмъ русской интеллигенціи—и именно преимущественно *русской*—фактъ чрезвычайной важности, какъ исторической, такъ и политической; въ наши обязанности не входитъ подробный анализъ развитія соціалистическаго міровоззрѣнія интеллигенціи; намъ достаточно указать на то, что она должна была быть соціалистической по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что воспитывалась на западно-европейской мысли и со времени возникновенія кружка Бѣлинскаго, С. Симонъ и Фурье были нашими учителями,—во-вторыхъ, русская интеллигенція не могла своими силами, т.-е. силами имущественныхъ и образованныхъ классовъ, справиться съ самодержавіемъ; на борьбу съ нимъ потребовалось привлечь силу народа, т.-е. массъ обездоленныхъ и къ чисто политической идеѣ равнодушныхъ; надо было двинуть эти массы, сообщивъ имъ тотъ интересъ, который, по принципу французскаго гражданскаго права, fait l'action; не трудно догадаться, что этимъ интересомъ было соціальное положеніе сперва обездоленныхъ массъ крестьянства, потомъ, съ развитіемъ промышленности, городского рабочаго класса. Конечно, отъ соціальныхъ вопросовъ до соціализма еще далеко, но принимая во вниманіе умственное воспитаніе русской интеллигенціи и отношеніе правительства, травившаго мысль, какъ травятъ краснаго звѣря—легко, даже необходимо было, нашей разночинной интеллигенціи стать соціалистической. Такого явленія, какъ боязнь политическихъ свободъ буржуазной конституціи, не знала ни одна интеллигенція западно-европейскихъ странъ. «Штурмана будущей бури»—по прекрасному и картинному выроженію Герцена—были выучены правительствомъ брать быка за рога, и эра политической свободы, начавшаяся, хоть сколько-нибудь реально, подъ громъ непріятельскихъ пушекъ, при свѣтѣ лопающихся бомбъ и всеобщей забостовкѣ, не могла отучиться отъ мысли однимъ ударомъ и par l'action directe покончить съ старымъ не только порядкомъ, но и буржуазнымъ строемъ. Эта мысль не только не разрушалась модной за предъ-революціонный періодъ теоріей марксизма, но наоборотъ—«выступленіе» рабочаго класса, кончившее манифестомъ 17 октября, какъ бы доказывало торжество и вѣрность идеи, положенной въ основу марксизма. Никогда, быть можетъ, логическая ошибка—post hoc ergo propter hoc—не была наказана съ такою безжалостною грубостью. Свои «истинно-русскіе» Кавеньяки могли потирать руки, такъ какъ они всетаки знали, т.-е. научились понимать, силу и слабость

проявившагося движенія. Соціализмъ, соединенный съ доктриной интернаціонализма, въ свою очередь подкрѣпленной разноплеменнымъ составомъ интеллигенціи — былъ такой находкой въ рукахъ правительства, пустивъ которую въ оборотъ оно у себя дома могло сойти за охранителя дѣйствительно необходимыхъ началъ національности и государственности—а за границей, т.-е. на парижской, лондонской и берлинской биржахъ, охранителемъ буржуазнаго порядка; здѣсь была даже доля искренности, такъ какъ несомнѣнно въ Россіи революціонеры пытались поставить на очередь уничтоженіе началъ буржуазнаго строя, мечтая и о международной революціи. Безсмысленное требованіе уничтоженія постоянной арміи, безсмысленное даже въ финансовомъ смыслѣ, такъ какъ ничего такъ дорого не стоитъ, какъ народная милиція и всеобщее вооруженіе, уничтоженіе всѣхъ косвенныхъ налоговъ, т.-е. и пошлинъ, плюсъ «требованіе», написанное на бумагѣ, о передачѣ кассы государственнаго банка въ руки пролетарской организаціи—всего этого нельзя было выдумать и злѣйшему врагу соціалистическаго движенія. Разбирать по существу эти «требованія»—не стоитъ, да и не въ этомъ наша задача—намъ хочется только указать, что правительству эти требованія были манной небесной въ пустынѣ его идейной безоружности. Поставленное противъ этихъ «требованій», оно сразу стало большимъ и нужнымъ, т.-е. сильнымъ, и не матеріально, а духовно; всѣ государственные кредиторы, весь дѣйствительно буржуазный классъ, т.-е. владѣющіе, почти сразу, вульгарно выражаясь, очухались—понятно, что они ни синдикалистами, ни даже соціалистами не были—а г. Гучковъ далъ ту моральную санкцію, которой до сихъ поръ никогда не имѣли дѣйствія правительства. Услуга, оказанная правительству союзомъ 17 октября при тогдашнихъ обстоятельствахъ, драгоцѣнна и, конечно, еще не оплачена правительствомъ. Съ однимъ изъ элементовъ революціоннаго движенія— съ соціалистической интеллигенціей, правительство, на время, сладило— проблема, названная нами, интеллигентско-политическая—могла считаться отчасти рѣшенной къ значительной выгодѣ правительства; здѣсь оно могло развернуться во всю, и дѣйствительно нигдѣ репрессія не достигла такихъ «сентябрьскихъ» размѣровъ, какъ именно въ сферѣ подавленія традиціонной сущности русской интеллигентской мысли. Отъ разгона интеллигентныхъ силъ Россія не скоро оправится и, во всякомъ случаѣ, рабочіе классы на долго потеряли кадры его преданнѣйшихъ защитниковъ. Въ связи съ разгромомъ соціалистической интеллигенціи нужно поставить и само рабочее движеніе. Въ этой области у правительства руки были развязаны; никакой особой національной проблемы на его разрѣшеніе въ сферѣ соціальныхъ вопросовъ промышленности наше революціонное движеніе для него не поставило, да и не могло поставить, такъ какъ, во-первыхъ, соціальный вопросъ общъ всѣмъ западно-европейскимъ правительствамъ, а во-вторыхъ, несомнѣнная эмбріональность рабочаго вопроса въ Россіи совершенно очевидна.

То, что вопросъ объ уничтоженіи у насъ капиталистическаго произ-

водства не стоитъ на очереди—настолько очевидно, что доказывать это такъ же нелѣпо, какъ и оспаривать.

Если за два года до японской войны стачечное движеніе въ Россіи пріобрѣло значительное распространеніе, то это настолько присущій промышленной эволюціи фактъ, что въ худшемъ случаѣ онъ можетъ грозить временнымъ и частичнымъ нарушеніемъ порядка, требуя кое-какихъ мѣръ со стороны фабричнаго законодательства, и, конечно, это явленіе по существу отнюдь не угрожаетъ не только капиталистическому производству, но даже государственному порядку. Въ Россіи невозможно городское возстаніе рабочихъ классовъ на почвѣ соціальныхъ требованій—оно было бы подавлено безъ всякаго напряженія вооруженною силой и только присоединеніе буржуазіи и военной силы обезпечивало бы успѣхъ возстанія, но чисто политическаго. Конечно, рабочій классъ нигдѣ не сказалъ еще своего послѣдняго слова, конечно, какъ говорилъ Герценъ, «штурмана будущей бури отвлеченно правы», но эта правота настолько элементарна, настолько примитивна—въ той ея части, которая относится къ критикѣ капиталистическаго производства, и настолько наивна въ той, которая относится къ построенію «будущаго общества», что никакого практическаго вывода изъ нея сдѣлать нельзя даже при умѣньи ею пользоваться въ качествѣ политическаго метода; при томъ же неумѣньи въ пользованіи этой «отвлеченной правотой», которое было обнаружено вожаками рабочаго класса, она превратилась въ оружіе противъ освободительнаго движенія, такъ какъ способствовала культиваціи идеи классовой ненависти, которой и безъ теоретической муштры полна наша исторія. Далекое будущее вообще слабое утѣшеніе, а для практическихъ политиковъ даже и совсѣмъ не утѣшеніе, такъ что трагедія нашего рабочаго движенія ближайшимъ своимъ результатомъ имѣла лишь укрѣпленіе правительства. По ходу историческаго развитія, по порядку постепенности разрѣшенія соціально-политическихъ проблемъ рабочее движеніе должно было отступить почти на задній планъ національнаго сознанія, а его, наоборотъ, усиленно пытались выдвинуть даже впередъ крестьянской реформы, т.-е. именно той, которая цѣликомъ исчерпываетъ разрѣшимый соціальный вопросъ нашей эпохи, нашихъ поколѣній.

Правительство въ этой области оріентировалось очень быстро, и проблема рабочаго вопроса, тотъ элементъ, который онъ внесъ въ революціонное движеніе, уже давно не давитъ на его рѣшенія, а между тѣмъ болѣе умѣлое расходованіе этого резерва дало бы, несомнѣнно, гораздо болѣе значительные положительные результаты. Мы не станемъ настаив[...]ь на томъ, что въ дѣйствительности могло бы быть иначе, нѣтъ, русс[...]я интеллигенція была величина данная, измѣнить ее могла только со[...]шенно другая реальная обстановка, да и то измѣненіе могло бы расп[...]страниться лишь на извѣстную ея часть—другая должна просто умер[...]ь—и въ этомъ умѣньи ей не откажутъ даже ея враги. Столько индив[...]уальнаго геройства духа, сколько проявила русская интеллигенція, п[...]тавленная одинъ на одинъ, противъ всей соціальной безжалостности

естественно-историческаго развитія человѣчества, ни одна интеллигенція не проявляла.

Весь закалъ нашего духа, воспитаннаго на рахметовской метафизикѣ матеріализма, выразился въ полномъ объектѣ, во всемъ блескѣ—интеллигенція умираетъ, какъ античный герой, и дѣло будущихъ поколѣній найти русскаго Тита Ливія для описанія ея подвиговъ...

Но это лирика, а политика гораздо болѣе безжалостна, чѣмъ самыя ядовитыя діатрибы, и съ точки зрѣнія политики по рабочему вопросу ставка проиграна, и правительство только въ служебныхъ цѣляхъ можетъ вызывать прокурорско-полицейскими рѣчами опасности «краснаго спектра»—въ дѣйствительности этой опасности нѣтъ и передъ правительствомъ никакихъ проблемъ, могущихъ поставить его въ затрудненіе по этому вопросу, тоже нѣтъ. Рабочимъ вопросомъ вообще замыкается кругъ проблемъ, поставленныхъ революціоннымъ движеніемъ, и, разсмотрѣвъ ихъ въ порядкѣ послѣдовательной важности, мы можемъ закончить эту часть нашего анализа.

Мы установили какъ число, такъ и содержаніе problèmes à resoudre, о которыхъ говорили въ началѣ статьи; мы видѣли, что передъ правительствомъ были поставлены въ высшей степени сложныя задачи, и мы старались опредѣлить, какъ могло и какъ должно было отнестись правительство къ нимъ. Раскрывая содержаніе поставленныхъ проблемъ для правительства, мы не могли не затронуть и другихъ общественныхъ силъ и, говоря о крестьянской или рабочей реформѣ, мы должны были указать на отношеніе дворянъ и буржуазіи къ обѣимъ реформамъ. Конечно, сказаннаго далеко не достаточно для полнаго анализа пережитаго, но пока что—мы устанавливаемъ только вѣхи пройденнаго съ единственною цѣлью не сбиться съ пути и найти утерянный востокъ. У насъ сколько угодно попытокъ подбодрить, сколько угодно телеграммъ и извѣстій, ни чѣмъ по ихъ внутренней правдѣ не отличающихся отъ телеграммъ главнаго штаба во время войны, но у насъ еще нѣтъ реальнаго, т.-е. просто истиннаго и соотвѣтствующаго объективному положенію дѣлъ, изложенія событій. А это дѣйствительное положеніе таково, что старыми пріемами борьбы почти ничего сдѣлать нельзя, передъ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ встали если и не новыя проблемы, то новая ихъ постановка и иная среда.

Революціонное движеніе оставило совершенно внѣ своего воздѣйствія первую изъ указанныхъ нами проблемъ—военную организацію—точнѣе оно и за нее взялось такъ, что опять-таки правительство только выигрывало отъ такого почина. Между тѣмъ и правительство тоже ничего или почти ничего для реорганизаціи арміи не сдѣлало. Трехлѣтній срокъ дѣйствительной службы, введенный на спѣхъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ солдатскихъ бунтовъ, кое-какое улучшеніе въ пищевомъ довольствіи и обмундированіи нижнихъ чиновъ, слабыя попытки измѣненія въ порядкѣ аттестаціи офицеровъ и смѣшныя реформы барабановъ и цвѣта офицерскихъ кителей въ счетъ не идутъ. Всѣ основные вопросы остались незатронутыми, а воспитаніе и боевое обученіе арміи, наоборотъ, значительно ухудшилось,

такъ какъ армія все это время играла роль полиціи. Раздѣленіе на гвардію и армію сохранено, штабная служба не реформирована, объ упраздненіи кадетскихъ корпусовъ или хотя бы о ихъ всесословности и повышеніи образовательнаго ценза будущихъ офицеровъ ничего не слышно; уставы боя и тѣ не мѣняются, а тактика попрежнему базируется на quasi-духовныхъ началахъ быстроты и натиска, при чемъ старые драгомировскіе взгляды на огнестрѣльное оружіе консервируются генералами, побитыми во всѣхъ битвахъ и сохранившими всѣ ихъ отличія, командованія и жалованія.

Какъ ни страннымъ покажется, быть можетъ, нашимъ читателямъ настаиваніе на необходимости обратить значительную долю общественнаго вниманія и дѣятельности на военную реформу—но мы будемъ продолжать настаивать на этомъ, такъ какъ отъ поведенія арміи, отъ состоянія умовъ не только нижнихъ чиновъ, но и прежде всего офицерства зависитъ національный прогрессъ, а тѣмъ самымъ и успѣхъ движенія къ свободѣ. Натравливаніе солдатъ на офицеровъ, даже если бы оно пользовалось успѣхомъ, дѣла освобожденія не подвинетъ; вся армія должна понять, что національная мощь неразрывно связана съ упроченіемъ новаго государственнаго порядка.

Мы понимаемъ, что наша мысль находится въ очевидномъ противорѣчіи съ традиціоннымъ образомъ мышленія и ничего въ извѣстной средѣ кромѣ насмѣшекъ не встрѣтитъ, но мы убѣждены въ томъ, что для насъ антимилитарное движеніе такая же непозволительная роскошь, какъ и антипарламентарное; то и другое могутъ существовать у насъ только въ качествѣ политическаго снобизма или изувѣрства доктрины, не имѣющей никакихъ шансовъ на успѣхъ. Если эта задача, т.-е. сліяніе арміи съ освободительнымъ движеніемъ на принципахъ обще-національныхъ и глубоко-патріотическихъ, не удастся нынѣшнему поколѣнію, за него примутся другіе, но всетаки примутся, такъ какъ это совершенно и объективно необходимо и именно потому, что въ этой области правительствомъ не сдѣлано ничего, или почти ничего, общественному мнѣнію предстоитъ громадная и плодотворная во всѣхъ отношеніяхъ работа. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что политика, которая воспитываетъ преторіанцевъ, подготовляетъ второй военный погромъ; общественная мысль должна заняться вопросомъ о созданіи національной арміи подъ страхомъ военнаго упадка націи.

Вторая проблема, аграрная, пользовалась исключительнымъ вниманіемъ всей Россіи, всѣхъ классовъ, всѣхъ общественныхъ организацій и дѣятелей. Такое всеобщее вниманіе въ объясненіи не нуждается, его достаточно констатировать и указать, что сдѣлало правительство и общество для разрѣшенія этой проблемы. Мы уже сказали, что въ области аграрной реформы дѣятельность правительства непланомѣрна, неполна и даже противорѣчива. Иногда можно было думать, что правительство понимаетъ исключительную важность аграрной проблемы, и законы, изданные въ порядкѣ 87 статьи зак. осн., хотя и не отвѣчали ни объективнымъ нуждамъ, ни субъективнымъ требованіямъ крестьянства, но всетаки въ одной своей

части—отчужденіи удѣльныхъ и казенныхъ земель—признавали необходимость увеличенія площади крестьянскаго землевладѣнія. Правительство, видимо тяготѣя къ политикѣ созданія экономически сильныхъ крестьянскихъ хозяйствъ путемъ свободной конкуренціи, не можетъ въ то же время не реагировать на требованія, на этотъ разъ подкрѣпленныя реальной силой крестьянскихъ волненій и объективнымъ фактомъ разоренія земледѣльческаго промысла какъ самихъ крестьянъ, такъ и извѣстной части общества. Оно то разрушаетъ указами общинное землевладѣніе, то циркулярами отнимаетъ отъ этихъ указовъ значительную часть ихъ силы. Желая во что бы то ни стало избѣжать аграрныхъ бунтовъ и зная, что старый порядокъ въ деревнѣ окончательно рухнулъ, оно не можетъ въ то же время разстаться со старой идеей особливаго покровительства дворянамъ и, не имѣя источниковъ уплатить имъ отступное, хочетъ въ скрытомъ видѣ создать выкупъ въ формѣ платежей банку. Кромѣ того, ему страшно и передъ исчезновеніемъ помѣстнаго дворянства, тѣхъ 100,000 полицеймейстеровъ, которые плохо ли, хорошо ли, но всетаки образовывали естественный оплотъ стараго порядка и политической реакціи. Конечно, крѣпкій землѣ новый соціальный классъ тоже революціоннымъ не будетъ, но его консерватизмъ совершенно иного характера, такъ какъ раньше чѣмъ стать консервативнымъ, онъ будетъ весьма требователенъ по всѣмъ вопросамъ и мѣстнаго самоуправленія и государственнаго управленія вообще. То, что будетъ консервировать классъ будущихъ земельныхъ собственниковъ, еще надо создать, а на процессъ политическаго творчества ни одно правительство такъ не скупо, какъ наше.

Такимъ образомъ, позиція правительства въ аграрной реформѣ все время отличается измѣнчивостью, колебаніями и тѣми отклоненіями, которыя дѣлаютъ позицію правительства непріемлемою ни для одной группы, ни для одной партіи. Та скрытая мысль, которая руководитъ правительствомъ—максимумъ выгодъ или минимумъ невыгодъ для дворянъ въ рѣшеніи аграрной проблемы—даетъ надежду реакціи окончательно склонить правительство на свою сторону, а тѣ девіаціи и тѣ отступленія, которыя характеризуютъ его дѣятельность вообще, заставляютъ партіи умѣренныя и конституціонныя искать возможности союза съ правительствомъ путемъ компромисса въ области практической политики при сохраненіи программъ, какъ идеала болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго.

Однако, какъ бы ни была неясна и нетверда дѣятельность правительства по аграрному вопросу, она всетаки уже создала такія объективныя измѣненія въ постановкѣ всей проблемы, какія очень сильно видоизмѣняютъ ее и заставляютъ искать иного рѣшенія, чѣмъ годъ назадъ. Разнородность крестьянскихъ интересовъ, разслоеніе современной деревни и здѣсь помогли правительству въ дѣлѣ его самоутвержденія; фактъ мобилизаціи земли въ силу дѣятельности крестьянскаго банка, громадный выпускъ банковскихъ свидѣтельствъ, т.-е. концентрація въ кассахъ банковъ этихъ свидѣтельствъ, наконецъ, несомнѣнное желаніе многихъ общинниковъ выйти

изъ общины,—вотъ въ чемъ заключаются объективныя измѣненія въ постановкѣ аграрной проблемы, вызванныя дѣятельностью правительства. Оно еще ничего окончательно не устроило, но несомнѣнно разстроило и осложнило всѣ первоначальныя и простыя рѣшенія. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ настоящее время невозможно никакое однообразное рѣшеніе аграрнаго вопроса, такъ какъ не можетъ образоваться никакой достаточно сильной группы, могущей провести свою аграрную программу. Элементъ стихійности въ процессѣ новообразованія земельныхъ отношеній въ значительной степени усиленъ дѣятельностью правительства, и простого выхода изъ запутаннаго положенія нѣтъ. Кое-гдѣ, несмотря на весь ужасъ карательныхъ экспедицій, съ дворянскимъ землевладѣніемъ будетъ покончено очень быстро и очень радикально,—куда радикальнѣе, чѣмъ даже во Франціи *); въ другихъ мѣстностяхъ будетъ длиться долгая и упорная гражданская война, въ третьихъ произойдетъ, сравнительно, очень немного перемѣнъ, въ четвертыхъ возникнетъ новый типъ сильнаго и денежнаго земельнаго хозяйства.

Вотъ, по нашему мнѣнію, вкратцѣ дѣйствительное положеніе вещей въ сферѣ аграрныхъ отношеній; къ этому, разумѣется, нужно добавить финансовыя затрудненія, такъ какъ по мѣрѣ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія путемъ банковской реформы будетъ возрастать недоимка по уплатѣ и %%, и капитальнаго долга, что потребуетъ займовъ въ виду гарантіи платежа правительствомъ и значительнаго, на извѣстный періодъ лѣтъ, пониженія рыночной цѣны земель.

Общественной энергіи придется имѣть дѣло уже не столько съ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса, сколько съ послѣдствіями многихъ его рѣшеній; громадная чисто культурная работа залѣчиванія нанесенныхъ ранъ, развитія правосознанія, школъ, дѣятельность въ реформируемомъ мѣстномъ самоуправленіи,—вотъ что̀ составитъ сущность дѣятельности общественной; правительство оказалось слишкомъ слабымъ для проведенія единообразной системы рѣшенія аграрнаго вопроса, но достаточно сильнымъ, чтобы никому не позволить этого сдѣлать, а въ результатѣ—почти первозданный хаосъ и рѣшенія «своими средствами», т.-е. очень плохія и требующія годовъ работы для уничтоженія ихъ вредна. Во всякомъ случаѣ и по этому пункту придется отказаться отъ традиціонныхъ взглядовъ, отъ впередъ принятыхъ програмныхъ рѣшеній. То, что составляло соціальный моментъ въ теперешнемъ революціонномъ движеніи, т.-е. замѣщеніе дво-

---

*) Не можемъ не воспользоваться случаемъ, чтобы не отмѣтить общераспространен[illegible]ой ошибки, въ которую одинаково впадаютъ и представители крайнихъ, и предста[illegible]тели умѣренныхъ партій, говоря о рѣшенія аграрнаго вопроса во Франціи въ эпо[illegible] вел. революціи,—именно и тѣ, и другіе предполагаютъ, что во Франціи земли дво[illegible]нъ были конфискованы, въ дѣйствительности этого не было, такъ какъ конфиско[illegible]лись только имущества церковныя и дворянъ эмигрантовъ. Еще недавно въ эту оши[illegible]ку впалъ и депутатъ Шингаревъ, возражая крайнимъ и стараясь примѣромъ Фра[illegible] доказать невыгоду конфискацій.

рянскаго сословія новымъ безсословнымъ элементомъ, фактически же бывшимъ крестьянскимъ классомъ,—фактъ почти завершившійся; теперь идетъ ликвидація, трудная, мучительная, но совершенно очевидная. Крестьянство начало съ соціальнаго момента и оно ограничилось бы, на довольно продолжительное время, только экономическими требованіями, если бы правительство оказалось въ состояніи рѣшительно стать на его сторону,—но, связанное непосредственно съ дворянствомъ, оно этого сдѣлать не могло и ввело сильный политическій элементъ въ соціальное крестьянское движеніе, т.-е. сдѣлало его для себя гораздо опаснѣе *). Но эта опасность чисто политическая, случайная, хотя она и можетъ быть катастрофической для даннаго правительства, если оно не пойдетъ на политическія уступки, что въ общемъ мало вѣроятно, хотя дальнѣйшее сопротивленіе абсолютно не нужно, такъ какъ все равно главное, т.-е. соціальное положеніе дворянскаго сословія безвозвратно проиграно. Въ этомъ смыслѣ и въ этомъ объемѣ аграрная проблема рѣшена, а вмѣстѣ съ ней рѣшена и соціальная сторона нашей революціи; разумѣется, что эпизодическая сторона революціоннаго движенія еще не окончена, но какъ во Франціи сущность великой революціи въ ея соціальной обстановкѣ исчерпывалась принципами 1789 года и конституціей 1790 года, такъ и въ Россіи соціальная сторона исчерпывается указаннымъ процессомъ замѣщенія дворянства новымъ аграрнымъ классомъ. Разумѣется, что возможны и попытки реставраціи, и попытки болѣе радикальнаго въ политическомъ смыслѣ закрѣпленія за новымъ классомъ его положенія,—но и то и другое, хотя и очень важно для будущаго развитія Россіи, всетаки не принципіально, а случайно. На осуществленіе этой случайности, т.-е. болѣе радикальнаго въ политическомъ смыслѣ закрѣпленія гегемоніи новаго класса въ системѣ управленія страной,—шансы съ каждымъ днемъ падаютъ, и это паденіе находится въ прямой зависимости отъ указаннаго выше разгрома интеллигентныхъ силъ и происшедшаго въ силу этого измѣненія въ постановкѣ проблемы интеллигентско-политической.

Говоря объ этой послѣдней, мы сказали по существу почти все, что надо было сказать, но кое-какія поясненія нужно сдѣлать, такъ какъ иначе наша мысль можетъ быть понята неправильно. Дѣло въ томъ, что настоящее положеніе дѣлъ въ странѣ вытекаетъ изъ двухъ источниковъ, изъ которыхъ одному придется на довольно долгое время скрыться подъ новымъ соціальнымъ наслоеніемъ, другому наоборотъ предстоитъ разлиться до его естественнаго русла. Первый источникъ вытекаетъ изъ поведенія правительства, продолжающаго удерживать manu militari старый порядокъ даже и послѣ того, какъ въ немъ проиграно самое существенное, т.-е.

*) Въ изданной нами брошюрѣ „Крестьянскіе наказы Самарской губерніи“ мы по первоисточникамъ, т.-е. по самимъ наказамъ, старались еще въ прошломъ году показать это постепенное наростаніе политическаго элемента въ крестьянскомъ міровоззрѣніи—оно совершенно несомнѣнно и, конечно, чревато послѣдствіями, могущими въ полной мѣрѣ сказаться только черезъ извѣстный промежутокъ времени.

соціальное положеніе дворянства. И самъ новый классъ, и его идеологи, т.-е. крестьянство вмѣстѣ съ защитниками его интересовъ, въ правовомъ отношеніи и вопреки смысла указа объ уничтоженіи бывшихъ податныхъ сословій попрежнему остаются фактически столь же безправными, какъ и раньше. Въ извѣстномъ смыслѣ они получили всѣ права, но одновременно почти полное ограниченіе дѣеспособности, что̀ въ результатѣ должно было привести къ безчисленнымъ и кровавымъ столкновеніямъ. Колебанія правительственной политики, ея внутренняя противорѣчивость и ея внѣшніе административно-полицейскія пріемы не могли не вызвать тѣхъ ужасовъ взаимоистребленія, которыя характеризують послѣдніе два года. Репрессія тѣмъ болѣе вызываетъ отпоръ, тѣмъ больнѣе затрагиваетъ достоинство, чѣмъ сильнѣе сознаніе нарушаемаго права, чѣмъ она безцѣльнѣе, ненужнѣе. Политическій терроръ, вытекающій изъ несоотвѣтствія происшедшей соціальной революціи и ея правового выраженія,—правительству никакой репрессіей не прекратить; конечно, физическое уничтоженіе террористовъ задерживаетъ и ослабляетъ терроръ, но въ то же время создаетъ и новые поводы, заставляетъ террористическое движеніе, въ самыхъ опасныхъ его формахъ для правительства, быть осторожнѣе, сконцентрированнѣе и выбирать для своихъ ударовъ наиболѣе сильныхъ въ политическомъ смыслѣ противниковъ. Въ области политическихъ отношеній террористическое движеніе нельзя остановить ни полицейской репрессіей, ни словеснымъ осужденіемъ; его можетъ прекратить только соотвѣтствіе правового устройства происшедшему въ странѣ соціальному сдвигу. Конечно, этотъ терроръ, эта катастрофическая часть русскаго революціоннаго движенія случайна,—она по существу ничего не измѣняетъ, но, для физическихъ лицъ извѣстной политической системы и даже для самой системы далеко не безразлично наткнуться на бомбу или на дуло браунинга.

Этотъ пробѣгъ революціи еще не завершенъ, и когда онъ кончится—сказать очень трудно.

Другое дѣло терроръ соціальный, или направленный противъ безопасности имущества частныхъ лицъ: этотъ быстро пойдетъ на убыль; въ этой области не только благоразумное, но и всякое правительство встрѣтитъ широкую общественную помощь въ видѣ и самосуда, и даже полицейской самоорганизаціи населенія. Такая помощь, безсильная по отношенію къ политическому террору, будетъ по отношенію къ соціальному весьма дѣйствительна.

Во всякомъ случаѣ, за истекшій трехлѣтній періодъ Россія вышла изъ с ідіи теоретической подготовки революціи и не только перешла къ ея р альному осуществленію, но и осуществила самое существо ея, т.-е. тотъ с ціальный моментъ, который состоялъ въ ликвидаціи соціальнаго значенія д орянства. Эта ликвидація должна была бы имѣть мѣсто еще въ 60-ые г ды, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ,—но исторія долженствованія л гическаго не признаетъ, и царствованіе Александра III было реставра-ц нной попыткой, построенной, однако, очень непрочно, такъ какъ,

направленная противъ крестьянъ, она должна была считаться, во-первыхъ, съ необходимостью развитія промышленности, а во-вторыхъ, съ тѣмъ процессомъ, который съ 60-хъ годовъ непрерывно происходилъ въ крестьянской и дворянской средахъ. Весьма вѣроятно, что и теперь, какъ въ 60-е годы, правительство остановится на полпути, но тѣмъ хуже для него и тѣмъ больше поле дѣятельности для общественной иниціативы. За послѣднее время много жалуются на упадокъ «настроенія» и на возрастающую силу полицейскаго гнета, но вѣдь дѣло въ томъ, что уже весьма многое сдѣлано, уже нѣтъ основаній затрачивать ту же степень энергіи и, главное,—въ тѣхъ же формахъ, пріемахъ. Прежнія проблемы теперь поставлены иначе, и нужно признать, что по существу больше всѣхъ выиграло крестьянство, т.-е. именно тотъ классъ, о которомъ больше всего болѣла и пеклась русская интеллигенція. Эта послѣдняя, безъ сомнѣнія, много проиграла—и прежде всего свои иллюзіи, свои золотыя мечты о золотомъ вѣкѣ; «царство свободы и разума» оказалось lente à venir, говоря языкомъ Бодлера, и для многихъ нереализація второго пришествія равносильна смерти; въ этомъ состоитъ трагическая сторона нашего движенія, ее за Францію пережилъ еще въ пятидесятыхъ годахъ великій русскій изгнанникъ, никогда не могшій примириться съ іюньскими днями и царствованіемъ Луи Бонапарта. И никто такъ полно и ясно не понималъ всего объема освобожденія человѣчества и никто такъ вѣрно не опредѣлялъ ограниченности освободительныхъ проблемъ отдѣльной эпохи, какъ это сдѣлалъ Герценъ,—онъ зналъ, что для интеллигенціи революція идетъ по принципу: sic vos non vobis. Правда, какъ мы сказали, и онъ не могъ примириться, ни умственно, ни морально съ гибелью февральскихъ иллюзій; не примирятся съ этой гибелью и нашихъ иллюзій очень многіе дѣятели послѣднихъ событій, но исторія отъ этого не остановится, не пойдетъ назадъ. А это главное, и старикъ Суворинъ правъ, когда говоритъ, что положеніе правительства не лучше положенія его противоборцевъ,—вся послѣдующая работа, хотя и на новыхъ основахъ, снова перейдетъ къ общественной иниціативѣ, и попрежнему мы можемъ сказать гордыми словами Герцена: «работы полны руки, такъ какъ будущее зависитъ и отъ васъ, и отъ меня, т.-е. отъ насъ».

А. Васильевъ.

Статья 87-я и условія ея примѣненія.

§ 87-й основныхъ государственныхъ законовъ! Въ великой хартіи россійскихъ вольностей нельзя указать другой статьи, пользующейся столь широкой и заслуженной извѣстностью, какъ эта. Цѣлый рядъ тезисовъ, въ которыхъ изложены гражданскія права населенія, долженъ былъ бы, разумѣется, всѣхъ безконечно больше интересовать. Но общество наше давно уже убѣдилось въ ультра-теоретическомъ характерѣ своихъ конституціонныхъ гарантій и очень рѣдко теперь о нихъ вспоминаетъ. «Жилище каждаго неприкосновенно». «Россійскіе подданные имѣютъ право устраивать собранія въ цѣляхъ, не противныхъ закону». «Каждый можетъ въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать устно и письменно свои мысли». Все это звучитъ въ условіяхъ окружающей насъ дѣйствительности такъ философски-отвлеченно, что никому и въ голову не приходитъ знакомиться ближе съ самимъ текстомъ §§, въ которыхъ упомянутыя права обозначены. И лишь очень немногіе знаютъ, подъ какими номерами отдѣльныя постановленія нашего *habeas corpus* включены въ отечественную конституцію.

Другое дѣло ст. 87-я. Россійскимъ подданнымъ никогда не забыть, какъ она была использована въ періодъ бездумья. Именно съ нею связано неразрывно въ умахъ представленіе о скорострѣльныхъ судахъ. «Страшная статья!» До содержанія ея не добираются. Но заголовокъ помнятъ твердо.

§ 87-й формулируетъ ограниченное точно указанными признаками исключеніе изъ общаго правила. Но пока что онъ цѣликомъ почти вытѣснилъ правило, которое примѣнялось до сихъ поръ только въ видѣ исключенія... Безъ малаго два года отдѣляютъ насъ отъ манифеста 17 октября, а созданный › новый *законодательный* порядокъ существуетъ по сей день лишь на агѣ. Обо всемъ, что сдѣлано, въ противоположность этому, при по- ıи ст. 87 говорить не приходится.

Увы, въ данномъ случаѣ оправдались цѣликомъ тѣ опасенія, которыя .казаны были многими уже вслѣдъ за опубликованіемъ манифеста 20 фев- я. Подтверждая основное начало, согласно которому никакой законъ ıожетъ воспріять силу иначе, какъ съ одобренія народныхъ предста-

вителей, манифестъ присовокупилъ къ нему слѣдующую оговорку: «но *во время прекращенія занятій Государственной Думы*, если *чрезвычайныя обстоятельства* вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ министровъ представляетъ Намъ о ней *непосредственно...*» Въ принципѣ здѣсь, какъ извѣстно, ничего новаго выражено не было. Обставленныя опредѣленными гарантіями чрезвычайныя полномочія принадлежатъ исполнительной власти согласно большинству европейскихъ конституцій. На практикѣ порядокъ этотъ нигдѣ не приводилъ къ какимъ-либо особеннымъ осложненіямъ. И всетаки у насъ противъ него заявленъ былъ сразу сильнѣйшій протестъ. Анализомъ самаго постановленія, вошедшаго затѣмъ въ ст. 87-ю основныхъ законовъ, никто и не думалъ заняться. Вопросъ о размѣрѣ полномочій, дѣйствительно предоставленныхъ кабинету министровъ, остался совсѣмъ не разсмотрѣннымъ. Господствовала всеобщая увѣренность,—вполнѣ подтвердившаяся,—что при помощи цитированной оговорки подорвано будетъ фактически то коренное начало, побѣдѣ котораго мы такъ радовались въ октябрьскіе дни 1905 г.

Государственно-правовая точка зрѣнія уступила, такимъ образомъ, мѣсто узко-политической. И не удивительно. Inter arma silent leges. Это положеніе остается вѣрнымъ и въ томъ случаѣ, когда существующіе законы сохраняютъ формально свою силу. Въ атмосферѣ карательныхъ экспедицій и легализованныхъ погромовъ, посреди слуховъ о готовившихся вооруженныхъ возстаніяхъ, *правовая* оцѣнка отходила естественно на задній планъ. Принимались въ разсчетъ однѣ только общія тенденціи. Дѣлался прогнозъ вѣроятныхъ практическихъ результатовъ. Намѣчались необходимыя измѣненія. Но дозволенное и безусловно недопустимое *de lege lata* мало кого интересовало, такъ какъ въ прочность самого порядка, закономъ установленнаго, никто почти не вѣрилъ.

I.

Россія встрѣтила 1906 г. въ анти-юридическомъ,—если можно такъ выразиться,—настроеніи. Первая Дума, съ ея волшебными мечтами и вытекавшими изъ нихъ учредительными тенденціями, не только не ослабила, но еще обострила его. Внезапный роспускъ парламента менѣе всего опять-таки способенъ былъ привести къ какому-либо въ этомъ смыслѣ повороту. Воюющія стороны связывали свои надежды не съ борьбою на почвѣ *дѣйствующаго* права, а съ обстоятельствами, лежащими далеко по ту сторону его. Такъ называемыя руководящія сферы дожидались признаковъ общественнаго утомленія, намѣреваясь воспользоваться имъ въ цѣляхъ частичной реставраціи. Демократическая интеллигенція разсчитывала въ свою очередь на подъемъ народныхъ «низовъ», результатомъ котораго должно было явиться дальнѣйшее развитіе и окончательное торжество новаго политическаго строя.

Въ теченіе послѣдняго полугода замѣчается, однако, въ этомъ отношеніи весьма серьезный переломъ. Теперь уже оппозиціоннымъ элементамъ населенія приходится дѣлать все отъ нихъ зависящее для того, чтобы вдвинуть жизнь въ легальныя рамки и обезпечить фактически за страною признанныя на бумагѣ минимальныя публично-правовыя гарантіи.

Нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что попытка эта не разобьется объ упорство и близорукость правящихъ круговъ. Успѣхъ она можетъ во всякомъ случаѣ имѣть не иначе, какъ при условіи ознакомленія передовой части общества не съ одной только оболочкой, но и съ внутренней сущностью возникающихъ на практикѣ политическихъ контроверзъ. Долженъ быть прежде всего точно установленъ объемъ полномочій, принадлежащихъ правительству согласно нашей октроированной конституціи. § 87, съ которымъ уже связано столько ассоціацій, касается наиболѣе чувствительной стороны названнаго вопроса и представляетъ поэтому особенный интересъ.

II.

Обратимся же къ самой нашумѣвшей статьѣ. Текстъ ея гласитъ: «Во время прекращенія занятій Государственной Думы, если *чрезвычайныя обстоятельства* вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ, которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ министровъ представляетъ о ней Государю Императору *непосредственно.* Мѣра эта не можетъ, однако, вносить измѣненіе ни въ основные государственные законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, *ни въ постановленія о выборахъ* въ Совѣтъ или въ Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ».

Мы видимъ, что преданный анаѳемѣ параграфъ посвященъ въ значительной своей части огражденію конституціонныхъ гарантій вообще и законодательныхъ полномочій палаты въ частности. Каково бы ни было положеніе дѣлъ, какая бы опасность, по мнѣнію совѣта министровъ, странѣ ни угрожала, предпринять тотъ или иной шагъ, посягающій на самыя основы существующаго политическаго строя, исполнительная власть не въ правѣ. И какими бы мотивами послѣдовавшая въ отсутствіи парламента мѣра ни была вызвана, чтобы сохранить свою силу она должна быть представлена въ опредѣленный срокъ на одобреніе Думы.

Громадной важности этихъ ограничительныхъ условій нельзя отрицать и теперь, послѣ закона 3-го іюня. Вѣдь только будущее покажетъ послѣдствія этого закона. Припомнимъ примѣръ Пруссіи. Прусскій избирательный законъ 1849 г. явился источникомъ упорнѣйшаго недовѣрія къ бюрократіи, которое отлилось въ началѣ 60-хъ гг. въ форму чрезвычайно

тяжелаго политическаго конфликта. Только послѣдующая героическая эпоха способна была положить ему конецъ. Правящіе круги должны были выдвинуть для этого изъ своей среды двухъ такихъ людей, какъ Бисмаркъ и Мольтке...

Но вернемся къ § 87-му. Онъ устанавливаетъ, какъ мы знаемъ уже, опредѣленный кругъ предметовъ, до которыхъ правительство не въ правѣ дотрогиваться въ отсутствіи парламента ни при какихъ обстоятельствахъ. Эта идея является уже результатомъ извѣстнаго политико-историческаго развитія. Старѣйшимъ европейскимъ конституціямъ она совсѣмъ была чужда. Возможности административныхъ злоупотребленій противопоставлялся въ нихъ обыкновенно принципъ министерской отвѣтственности передъ палатою. Но *expressis verbis* онѣ никакихъ рамокъ иниціативѣ органовъ исполнительной власти не ставили.

Извѣстнѣйшая изъ дореволюціонныхъ нѣмецкихъ конституцій, *баденская* (1818 г.), говоритъ лишь о правѣ великаго герцога принимать мѣры «по характеру своему подлежащія разсмотрѣнію парламента, но долженствующія быть ради блага государства неотложно принятыми, такъ какъ всякая проволочка сдѣлала бы ихъ преходящую цѣль неосуществимою» (§ 66). Вюртембергская конституція (1819 г.) ограничивается указаніемъ на право короля принимать «въ неотложенныхъ случаяхъ необходимыя для безопасности государства мѣры» (§ 89). Статья эта дословно воспринята § 73 конституціи великаго герцогства Гессенскаго (1820 г.). Съ нѣкоторыми варіаціями мы встрѣчаемъ ее въ относящихся къ тому же періоду времени основныхъ законахъ другихъ германскихъ государствъ.

Прямое ограниченіе этого исключительнаго полномочія королевской власти введено нѣсколько болѣе позднимъ *саксонскимъ* правомъ (1831 г.). Здѣсь повторяется почти буквально редакція баденскаго законодательства, но уже съ оговоркою, что «ни конституція, ни избирательная система никакимъ измѣненіямъ не подлежатъ».

На такомъ приблизительно уровнѣ находятся и соотвѣтствующія постановленія послѣреволюціонной эпохи (прусск. конст. § 68, датск. § 25 и т. д.). Повсюду указывается, что принятыя въ отсутствіе палаты временныя мѣры не должны противорѣчить конституціи. Выражается требованіе, чтобы онѣ вносились обязательно на разсмотрѣніе ближайшей сессіи парламента. Къ этой группѣ относится и наша 87-я ст. Особнякомъ стоитъ знаменитый *австрійскій* § 14-й, ограждающій отъ посягательствъ провизорнаго законодательства не только самую конституцію, но еще государственное имущество и казенные финансы: «Если во время прекращенія занятій парламента обнаруживается неотложная необходимость въ такихъ мѣрахъ, на которыя требуется, согласно конституціи, одобреніе рейхсрата, то онѣ могутъ быть осуществлены, подъ отвѣтственностью всѣхъ министровъ, при помощи королевскаго указа, съ тѣмъ только, чтобы посредствомъ нихъ не измѣнялся основной государственный законъ, не создавалось длительное обремененіе казны, не отчуждалось государственное имущество»

III.

Своя «ст. 87-я» имѣется, такимъ образомъ, въ конституціяхъ очень многихъ европейскихъ государствъ. Устанавливаемый ею порядокъ идетъ навстрѣчу неотложной потребности органовъ исполнительной власти въ извѣстной долѣ свободы усмотрѣнія. Государственная жизнь не всегда одинаково интенсивна. Но она не знаетъ перерывовъ. И каждую минуту можетъ возникнуть острая необходимость въ такихъ мѣропріятіяхъ, для которыхъ обязательна въ принципѣ санкція парламента. Но палата депутатовъ не всегда бываетъ въ сборѣ. А правительство никогда не должно отсутствовать. Встрѣчая лицомъ къ лицу всякую угрожающую государству опасность, оно обязано позаботиться немедленно объ ея предотвращеніи. Въ быстротѣ и энергіи дѣйствія скрывается нерѣдко здѣсь секретъ успѣха. Какъ на войнѣ, такъ и въ политикѣ порой бываетъ дорогъ каждый часъ. А нѣсколько потерянныхъ дней могутъ иногда въ конецъ погубить далеко само по себѣ не безнадежное дѣло. На случай такихъ, не подлежащихъ конкретному предвидѣнію, надобностей, конституція и снабжаетъ правительство экстраординарными полномочіями.

Самый вопросъ о предѣлахъ компетенціи органовъ исполнительной власти въ принятіи мѣръ, проводимыхъ, согласно общему порядку, законодательнымъ путемъ, пріобрѣтаетъ практическую цѣнность только въ странахъ съ представительнымъ образомъ правленія. При абсолютномъ режимѣ, закономъ является все, чему сообщаетъ соотвѣтствующую силу монархъ. Конституціонное устройство проводитъ напротивъ рѣзкую разграничительную черту между кругомъ дѣйствій, осуществляемыхъ по соглашенію парламента съ верховной властью, и сферою, въ которой Государю и его министрамъ предоставляется полная самостоятельность. Въ именномъ высочайшемъ указѣ, которымъ сопровождался опубликованный 25 апрѣля 1906 года постатейный текстъ нашей октроированной конституціи, вполнѣ основательно подчеркнуто было, что обновленный строй требуетъ точнаго разграниченія области «принадлежащей Намъ (монарху) *нераздѣльно* власти верховнаго управленія отъ власти законодательной». *Законодательную* власть осуществляютъ совмѣстно Государь и народные представители. Законами являются только акты, разсмотрѣнные и одобренные палатами и монархомъ. Порядокъ этотъ безусловно, при нормальныхъ обстоятельствахъ, для обѣихъ сторонъ обязателенъ. Отступленіе отъ него допустимо лишь при наличности извѣстныхъ, охарактеризованныхъ какимъ—бо общимъ признакомъ въ самой конституціи, чрезвычайныхъ причинъ, да правительству предоставляется издавать собственною властью указы такимъ вопросамъ, которые подлежатъ принципіально предварительному ужденію въ палатахъ. И указамъ этимъ принадлежитъ, впредь до перетра ихъ собравшимся парламентомъ, такая же сила, какъ если бы сожаніе ихъ проведено было обычнымъ въ конституціонныхъ странахъ ›одательнымъ порядкомъ.

Въ литературѣ право исполнительной власти издавать, въ извѣстныхъ случаяхъ и съ соблюденіемъ опредѣленныхъ гарантій, *провизорные* законы, имѣетъ особенно горячихъ и убѣжденныхъ защитниковъ въ лицѣ нѣмецкихъ ученыхъ. Со времени знаменитаго труда *Лоренца ф.-Штейна* «Die vollziehende Gewalt»—утвердилось мнѣніе, что, при отсутствіи такого полномочія исполнительная власть можетъ оказаться порою обреченной на полный параличъ. *Георгъ Іеллинекъ* находитъ, что компетенція издавать «указы въ замѣну законовъ» («gesetzvertretende Verordnungen») вытекаетъ «изъ самой природы государства и правительства», и ссылается для иллюстраціи своего тезиса на положеніе этого вопроса въ германскомъ государственномъ правѣ. Особаго института вызванныхъ чрезвычайными обстоятельствами указовъ тамъ нѣтъ. Но навстрѣчу существующей потребности идутъ отдѣльные имперскіе законы, которые и отводятъ правительству соотвѣтствующія полномочія, «необусловленныя даже состояніемъ крайней необходимости». Въ силу «спеціальной делегаціи исполнительная власть имѣетъ, такимъ образомъ, и здѣсь возможность принимать въ неотложныхъ случаяхъ, посредствомъ указовъ, мѣры, разсчитанныя на послѣдующую санкцію отсутствующаго рейхстага» *).

Можно быть, конечно, увѣреннымъ, что всякій парламентъ одобритъ, при нормальныхъ условіяхъ, образъ дѣйствій правительства, вышедшаго за предѣлы своей компетенціи ради удовлетворенія срочной и безусловно необходимой потребности государства. Но нельзя не согласиться съ *Конрадомъ Борнгакомъ*, что было бы *политически* въ высокой степени неразумно ставить исполнительную власть, хотя бы на короткое только время, въ положеніе нарушительницы существующаго правового строя **). И слѣдуетъ къ этому прибавить, что именно тамъ, гдѣ идея народовластія слишкомъ далека отъ своего осуществленія, гдѣ между палатою и правительствомъ постоянно происходитъ болѣе или менѣе острая борьба, еще тщательнѣе слѣдуетъ избѣгать всякихъ конституціонныхъ конфликтовъ, чѣмъ въ странахъ, гдѣ министры только творятъ волю даннаго парламентскаго большинства, съ которымъ они находятся въ постоянномъ контактѣ и образуютъ извѣстнаго рода единое цѣлое. Этимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, и объясняется наличность соотвѣтствующихъ нашему § 87 оговорокъ въ основныхъ законахъ очень многихъ европейскихъ государствъ.

IV.

Противъ порядка, спеціально уполномочивающаго правительство издавать въ извѣстныхъ случаяхъ собственной властью указы законодательнаго характера, можно было бы, конечно, привести и серьезныя возраженія ***). Но намъ хотѣлось только отмѣтить, что русская полуконституція

---

*) „Gesetz und Verordnung“, Freiburg, 1887, s. 278.

**) „Wörterbuch des deutschen Verwaltungsrechtes“. B. II, s. 698.

***) Отрицательное отношеніе къ нему мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у *Коркунова* въ его извѣстной книгѣ: „Указъ и законъ“.

не представляетъ въ этомъ смыслѣ чего-либо исключительнаго, а воспроизводитъ лишь,—съ извѣстными варіаціями,—господствующій на Западѣ шаблонъ... У ст. 87 есть, правда, и свои специфическіе дефекты. Ея редакція не вполнѣ ясна. Кругъ предметовъ, на которые правительство ни при какихъ условіяхъ не должно налагать свою руку, опредѣленъ въ ней недостаточно широко. Двухмѣсячный срокъ, въ теченіе котораго мѣры, принятыя въ отсутствіи Думы, остаются послѣ ея созыва въ силѣ, слишкомъ длиненъ. Но бѣда заключается опять-таки и не въ *конкретномъ* содержаніи интересующей насъ статьи. Подвергая ее юридическому анализу, мы убѣждаемся, напротивъ, что большинство предпринятыхъ со ссылкой на нее шаговъ является въ дѣйствительности несомнѣннымъ ея нарушеніемъ.

V.

Два конститутивныхъ признака бросаются въ глаза при самомъ бѣгломъ просмотрѣ ст. 87. Одинъ формальный—«прекращеніе занятій Государственной Думы». Другой—матеріальный: «чрезвычайныя обстоятельства». О мѣрѣ, «которая требуетъ обсужденія въ порядкѣ законодательномъ», совѣтъ министровъ представляетъ непосредственно монарху только въ томъ случаѣ, когда *оба* эти условія налицо.

Вопросъ о «прекращеніи занятій Государственной Думы» спора вызвать не можетъ. Центръ тяжести ст. 87 сводится, такимъ образомъ, ко второму моменту. Что слѣдуетъ разумѣть подъ «чрезвычайными обстоятельствами» и на что онъ исполнительную власть уполномочиваетъ?

Раскрыть содержаніе самаго понятія помогаетъ намъ прежде всего аналогія. Иностранныя конституціи говорятъ, какъ мы знаемъ уже, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ о «срочной необходимости» (австрійскій § 14), о «необычайной нуждѣ» (прусскій § 63), о «нетерпящихъ отлагательства мѣрахъ» (норвежскій § 25, баденскій § 66), объ «опасности для государства» (вюртембергскій § 89) и т. д. То исключительное положеніе, которымъ провизорные законы только и могутъ быть оправданы, охарактеризовано здѣсь, при всемъ разнообразіи оттѣнковъ, совершенно одинаково. Рѣчь идетъ повсюду о томъ, что на языкѣ юристовъ опредѣляется словами *periculum in mora*. Промедленіе должно угрожать невознаградимыми потерями. Ничѣмъ инымъ вмѣшательство правительственныхъ органовъ въ сферу компетенціи парламента не извиняется... Эту мысль очень удачно выражаетъ укоренившійся въ нѣмецкой литературѣ специальный терминъ—«Nothverordnungen». Человѣку, который очутился въ состояніи крайней необходимости (Nothstand), разрѣшено защищать свои интересы недозволенными въ нормальной обстановкѣ способами. Когда то самое случается съ государствомъ, оно прибѣгаетъ, въ цѣляхъ самозащиты, къ недопустимому въ обычныхъ условіяхъ порядку изданія законовъ.

Теоретики подчеркиваютъ, разумѣется, элементъ неотложности съ особенной энергіей. Какъ ни различны отдѣльныя конституціи, изслѣдователи

ихъ сходятся всѣ на томъ, что достаточнымъ основаніемъ къ принятію на себя исполнительной властью существеннѣйшей функціи парламента является не простая цѣлесообразность, а лишь безусловная срочность мѣры. «Слѣдуетъ ли, спрашиваетъ *Робертъ ф. Молль*,—такъ ограничительно понимать это исключеніе, что интересы *всеобщаго блага* не оправдываютъ изданія провизорныхъ законовъ?» И онъ отвѣчаетъ на свой вопросъ утвердительно не потому только, что распространительное толкованіе правовыхъ изъятій въ самомъ принципѣ недопустимо, но и потому, что оно «могло бы привести на практикѣ къ весьма тяжелымъ злоупотребленіямъ». Вюртембергская конституція говоритъ о «необходимыхъ для безопасности государства мѣрахъ». Ея авторитетный комментаторъ объясняетъ намъ, что собравшійся парламентъ компетентенъ въ силу этого поставить на свое разсмотрѣніе два вопроса: «a) угрожала ли дѣйствительно государству опасность; b) представлялись ли въ самомъ дѣлѣ обстоятельства настолько неотложными, что не было возможности дождаться ближайшей сессіи палаты». Только при утвердительномъ отвѣтѣ на *оба* вопроса, съ министровъ снимается отвѣтственность за провизорные законы. Въ противномъ же случаѣ возникаетъ дѣло о нарушеніи конституціи *).

Ульбрихъ устанавливаетъ относительно Австріи, что мѣра законодательнаго характера можетъ быть тамъ въ отсутствіи рейхсрата правительствомъ принята лишь въ виду безусловной «*необходимости*», но ни въ коемъ случаѣ не по соображеніямъ обыкновенной «*полезности*» **).

Съ этимъ выводомъ совпадаютъ вполнѣ и тѣ общіе мотивы, которые теорія кладетъ въ основу самаго института чрезвычайныхъ указовъ. «Nothverordnungen»—это, по опредѣленію *Людвига Гумпловича*, «законы, въ изданіи которыхъ обнаружилась необходимость въ такое время», когда парламента «нѣтъ налицо и онъ не можетъ быть собранъ» ***).

Георгъ Мейеръ говоритъ о распоряженіяхъ, послѣдовавшихъ «въ виду острой нужды, требующей быстроты законодательнаго вмѣшательства» ****).

Борнгакъ находитъ, что «существованіе такихъ указовъ оправдывается... невозможностью вступить на сложный путь законодательства, вслѣдствіе того вреда, которымъ угрожаетъ проволочка» *****).

Іеллинекъ указываетъ на то, что моментъ иногда «повелительно требуетъ принятія мѣры, издаваемой, согласно общему правилу, въ законодательномъ порядкѣ, который не можетъ быть однако съ необходимой быстротою примѣненъ» ******).

---

*) *Rob. v. Mohl*: „Das Staatsrecht des Königreichs Württemberg", Tübingen, 1840. B. I, S. 199—200; cp. *O. Sarwey*: „Das Staatsrecht des Königreichs Würtembe[rg]" Tübingen, 1883. B. II, S. 21.

**) Das Staatsrecht der oesterreichisch-ungarischen Monarchie" im „Handbuch [d]es oeffentlichen Rechts der Gegenwart" herausg. von *H. Marquardsen*. B. IV, S. 20.

***) „Das oesterreichische Staatsrecht", S. 18.

****) „Lehrbuch des deutschen Staatsrechts", 4-е Auflage, S. 501.

*****) Ibid., S. 698.

******) Ibid., S. 376.

Такую же приблизительно мотивировку мы встрѣчаемъ и у другихъ авторовъ *). Предпосылки, цѣль и самый объемъ предоставленныхъ правительству на случай острой нужды экстраординарныхъ полномочій рисуются въ общемъ совершенно сходными чертами. Raison d'être изслѣдуемаго правового института всѣ усматриваютъ въ томъ, что извѣстныя дѣйствія должны быть предприняты именно въ данную минуту, что всякое промедленіе сопряжено было бы съ невознаградимыми потерями.

Къ *неотложности* сводится въ конечномъ счетѣ и понятіе «чрезвычайныхъ обстоятельствъ» отечественнаго § 87. Это вытекаетъ не изъ того только, что названный § занимаетъ въ русской конституціонной системѣ мѣсто, вполнѣ соотвѣтствующее разобраннымъ сейчасъ иностраннымъ постановленіямъ. Заключеніе наше могло бы быть сдѣлано и простымъ логическимъ путемъ, безъ всякихъ ссылокъ на политическій опытъ и государственно-правовую доктрину Европы. Мы считали полезнымъ указать на полное единодушіе, обнаруживаемое въ этомъ вопросѣ учеными. Но исчерпывающій аргументъ заключается уже въ томъ, что всякій иной выводъ заставилъ бы насъ неизбѣжно признать за исполнительной властью въ области провизорнаго законодательства такую же широкую свободу усмотрѣнія, какая правительству принадлежитъ въ сферѣ административной. А это равносильно было бы фактической отмѣнѣ провозглашеннаго въ манифестѣ 17 октября и цѣликомъ перешедшаго въ октроированную конституцію, принципа, согласно которому никакой новый законъ не можетъ въ Россіи послѣдовать безъ предварительнаго одобренія его народными представителями.

Въ порядкѣ ст. 87 могутъ быть, такимъ образомъ, регулируемы только тѣ вопросы, разрѣшенія которыхъ нельзя отложить до момента созыва ближайшей Думы.

VI.

Вспомогательный характеръ § 87 и его мѣсто въ конституціонной системѣ позволяютъ намъ опредѣлить,—если не положительными, то отрицательными по крайней мѣрѣ признаками,—и самое содержаніе тѣхъ мѣропріятій, которыя могутъ быть при его помощи правомѣрно осуществлены. Назначеніе провизорнаго законодательства—заполнить пустоту, образуемую отсутствіемъ въ критическій для государства моментъ парламента. Матеріальныя границы, изъ которыхъ оно не должно выходить, повелительно эт[illegible]ю цѣлью указуются. То, что народными представителями въ соотвѣтст[illegible]ющей обстановкѣ отвергнуто, то, что *a priori* для нихъ *непріемлемо*, не можетъ быть проведено и во время прекращенія занятій Государствен[illegible] Думы. Допустивъ иное, мы признали бы *eo ipso* за исполнительной

*) См., напримѣръ, *Rönne*: „Das Staatsrecht der preussischen Monarchie", 1856. B. [illegible]. 153; *Schulze*: „Das preussische Staatsrecht, 1872. B. II, S. 233.

властью право разогнать въ любой моментъ палату именно для того, чтобы провести въ ея отсутствіи мѣру, противъ которой категорически высказался старый парламентъ, и на принятіе которой новымъ точно такъ же нѣтъ никакихъ шансовъ.

Мы предполагаемъ, конечно, нормальное положеніе вещей, при которомъ ни одинъ изъ факторовъ государственной власти не вторгается сознательно въ сферу компетенціи другого. Но внѣ этой предпосылки не можетъ быть вообще рѣчи о какихъ-либо устойчивыхъ юридическихъ критеріяхъ. Исторія полна примѣровъ, когда правительства открыто выходили изъ отмежеванныхъ имъ основными законами границъ. Въ однихъ случаяхъ подобные эксперименты производились совершенно безнаказанно, въ другихъ они, напротивъ, кончались весьма печально. Возможны, разумѣется, съ перемѣннымъ опять-таки успѣхомъ, и спеціальныя злоупотребленія въ области чрезвычайныхъ указовъ. Оставаясь на почвѣ закона, мы лишь опредѣляемъ мѣсто изслѣдуемаго института въ общей системѣ основаннаго на представительномъ началѣ государственнаго строя, и дѣлаемъ изъ своего анализа соотвѣтствующіе обязательные выводы... Правительство уполномочено на принятіе такихъ только мѣръ, которыя, согласно предвидѣнію, санкціонировала бы сама Дума, если бы она была налицо. Никакія «чрезвычайныя обстоятельства» не даютъ административнымъ органамъ права подрывать результаты прошедшей и производительность будущей парламентской работы. Только при такомъ пониманіи ст. 87 остаются юридически и фактически въ силѣ *законодательныя* функціи народнаго представительства.

VII.

Эта исходная точка зрѣнія помогаетъ разобраться и во всѣхъ остальныхъ контраверзахъ, относящихся къ интересующему насъ исключительному порядку. Необходимость охраны отдѣльныхъ факторовъ государственной власти отъ возможныхъ посягательствъ на ихъ компетенцію—вотъ чего не слѣдуетъ здѣсь ни на одинъ моментъ упускать изъ виду. Исполнительная власть не должна развязывать себѣ обходнымъ путемъ руки. Покуда парламентъ налицо, всякая нужда, требующая законодательнаго вмѣшательства, удовлетворяется не иначе, какъ по предварительному съ нимъ соглашенію. И нельзя прервать занятія народныхъ представителей для того, чтобы присвоить себѣ на извѣстный промежутокъ времени принадлежащія имъ полномочія... «Не соотвѣтствовало бы духу конституціи,—говоритъ австрійскій государствовѣдъ, *проф. Лусткандль*,—отсрочить сессію рейхсрата съ цѣлью использовать заключающееся въ § 14 право» *). Эта не-

*) *Mischler und Ulbrich*: „Oesterreichisches Staatswörterbuch“. B. II, 2, S. 1709; vgl. *Lustkandl*: „Ungarisch-Oesterreichiches Staatsrecht“. 1863, S. 388; *Ulbrich*: „Staatsrecht u. s. w.“, S. 20.

оспоримая мысль является только частнымъ выводомъ изъ руководящаго, общаго принципа: *недопустимы никакія дѣйствія, клонящіяся къ искусственному ограниченію законодательныхъ функцій парламента.* Съ формальной же стороны мѣра, ради изданія которой была предварительно распущена Дума, не отвѣчала бы прежде всего признакамъ § 87 и аналогичныхъ ему постановленій, которыя имѣютъ въ виду «крайнюю необходимость», «необычайную нужду» или «чрезвычайныя обстоятельства», наступившія уже «*во время* прекращенія занятій» палаты.

Провизорный законъ долженъ быть непосредственно вызванъ какими-либо «чрезвычайными обстоятельствами»,—находиться съ ними, иначе говоря, въ неразрывной логической связи. Отсюда явствуетъ, что о такой *общей причинѣ*, которая открывала бы правительству въ этой сферѣ полную свободу дѣйствій, не можетъ быть и рѣчи. Ненормальность политическихъ условій, какихъ бы она ни достигла размѣровъ, не создаетъ, поэтому, права неограниченнаго пользованія ст. 87. *Конституціонная допустимость проектируемаго шага должна быть особо устанавливаема въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.*

Эти оба признака—прекращеніе занятій Думы и наличность «чрезвычайныхъ обстоятельствъ», конкретно обосновывающихъ предпринятое дѣйствіе—являются, какъ мы знаемъ уже, равно обязательными. Изданіе *провизорнаго закона*, не вызваннаго неотложною потребностью момента, столь же противоконституціонно, какъ осуществленіе *во время самой сессіи* подлежащей вѣдѣнію парламента мѣры помимо народныхъ представителей.

VIII.

Громадной практической важности исполненъ вопросъ о моментѣ и послѣдствіяхъ потери провизорнымъ закономъ своей силы. Въ цѣли настоящей статьи, которая имѣла лишь въ виду установить границы примѣнимости *чрезвычайныхъ указовъ*, не входитъ, однако, его разсмотрѣніе. Наиболѣе простымъ представляется, очевидно, тотъ случай, когда исполнительная власть не вноситъ своего мѣропріятія въ Думу, а палата не возбуждаетъ сама вопроса объ его отмѣнѣ. Но какъ быть тогда, когда парламентъ подвергается до истеченія двухъ мѣсяцевъ роспуску; когда собравшіеся народные избранники заявляютъ *немедленно* свой рѣшительный протестъ противъ сдѣланнаго въ ихъ отсутствіе шага; когда кабинетъ входитъ со своими предложеніями хотя и въ назначенный срокъ, но уже во время перерыва занятій Думы *); когда «соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ» не вполнѣ съ нею совпадаетъ; когда отклоненный

*) У насъ, напримѣръ, срокъ дѣйствія нѣкоторыхъ провизорныхъ законовъ истекал .0 апрѣля, а первая половина думской сессіи окончилась 17 апрѣля. Въ распоряж ·іи правительства оставалось еще, такимъ образомъ, три дня.

парламентомъ *провизорный актъ* успѣлъ уже рѣзко измѣнить господствующія правовыя отношенія и т. д., и т. д.?

Разборъ всѣхъ этихъ случаевъ выходитъ, какъ уже сказано, за предѣлы нашей задачи. Отвѣчаетъ ей только одно общее указаніе, которымъ мы и ограничимся.—Пользуясь ст. 87, правительство дѣйствуетъ какъ бы отъ имени законодательной власти, два фактора которой отсутствуютъ, а третій—монархъ—даетъ свою санкцію. Въ тотъ моментъ, стало быть, когда парламентъ заявитъ въ лицѣ одной изъ своихъ палатъ, что послѣдовавшая мѣра абсолютно для него непріемлема, она теряетъ, по смыслу конституціи, свою силу.

«Страшная статья» за нами. Анализъ ея достаточно, кажется, обнаружилъ, какъ мало она повинна во всемъ томъ, что съ наивною ссылкою на нее было предпринято. Стоитъ только вспомнить объ указѣ 9 ноября и другихъ, посвященныхъ земельному вопросу, провизорныхъ законахъ, чтобы выяснилось сразу глубоко безразличное отношеніе исполнительной власти къ совершенно очевиднымъ требованіямъ конституціи. Отъ подобнаго образа дѣйствій нельзя себя оградить никакими *юридическими* гарантіями, какъ нельзя ничего съ ихъ помощью сдѣлать противъ всей вообще правительственной политики. Устраненіе спеціальныхъ недостатковъ, присущихъ самой статьѣ, было бы, конечно, настолько же безполезно, какъ и полная отмѣна ея. Острота вопроса здѣсь явно не въ самомъ законѣ, а въ его примѣненіи. Въ другой обстановкѣ «§§ 87-ые» не нарушаютъ нормальнаго теченія конституціонной жизни.

Законодательнымъ порядкомъ можно, разумѣется, значительно ограничить сферу примѣненія чрезвычайныхъ указовъ какъ въ объемѣ, такъ и во времени. Мы видѣли, напримѣръ, что австрійскій § 14 идетъ въ этомъ направленіи гораздо дальше нашей ст. 87.

Но попытка изобрѣсти *формально-юридическое* противоядіе отъ всѣхъ вообще могущихъ на практикѣ возникнуть злоупотребленій, потерпѣла бы полную неудачу и только бы затемнила самую сущность стоящаго передъ Россіей на очереди основного вопроса. Есть только одно средство успѣшной борьбы съ подобными злоупотребленіями. Это—неустанная забота о торжествѣ права. Въ эту именно сторону зрѣлымъ элементамъ русскаго общества и слѣдуетъ сейчасъ направить всѣ свои усилія. И откуда бы ни исходила помѣха этому стремленію, она должна быть сознательной частью демократіи рѣшительнѣйшимъ образомъ осуждена.

Г. Н. Штильманъ.

Воспоминанія чайковца.

(Посвящаю моей женѣ Ларисѣ Васильевнѣ Синегубъ).

I.

Во всемъ арестантскомъ облаченіи и въ кандалахъ привезли меня въ обыкновенной извозчичьей каретѣ на вокзалъ николаевской желѣзной дороги.

Два сопровождавшіе меня жандарма повели не въ зданіе вокзала, а обвели меня, брящавшаго на ходу кандалами, сторонкой въ вагонъ, стоявшій гдѣ-то во тьмѣ кромѣшной, далеко отъ дебаркадера. Введенный въ этотъ арестантскій вагонъ, я пережилъ радостныя и счастливыя минуты. Здѣсь оказалась моя жена, по волѣ пожелавшая слѣдовать за мною на каторгу и давшая подписку въ губернскомъ правленіи, что она будетъ подчиняться всему тому режиму, какому подчиняются и лишенные права на каторгѣ.

Мы оба были очень счастливы, полагая, что теперь больше ужъ насъ не разлучать, что окончился, наконецъ, нашъ искусъ, и всѣ предстоящія невзгоды мы съ этого дня будемъ переживать вмѣстѣ, а не порознь.

Правда, отбирая подписку отъ моей жены, въ губернскомъ правленіи рисовали будущее ея положеніе довольно мрачно. Говорили, что она будетъ жить внѣ предѣловъ мѣста каторги въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ разстоянія, что свиданія со мной будутъ очень рѣдки, что переписка ея будетъ контролироваться, какъ и моя, что облегчать мое положеніе ей будетъ невозможно и пр. Но она взглянула на эти рѣчи, какъ на застращиванія, и полагала, что на самомъ дѣлѣ мы будемъ жить вмѣстѣ. Такъ взглянулъ и я, и потому мы были безконечно рады, что между нами нѣтъ уж тюремной стѣны.

Кромѣ моей жены, изъ женщинъ въ этомъ вагонѣ оказалась Брешковская, жена Чарушина и жена Квятковскаго съ сынишкой. Но наши жены, прежде чѣмъ попасть въ этотъ вагонъ, пережили не малую тревогу за участь своихъ мужей. Дѣло въ томъ, что мы, мужья,—были уж назначены къ отправкѣ въ Сибирь, и наши жены, слѣдовавшія за

нами на каторгу, были приглашены начальствомъ собраться въ дорогу и пожаловать въ Литовскій зàмокъ, чтò онѣ и выполнили. Но послѣ двухъ или трехъ дней пребыванія въ Литовскомъ зàмкѣ, нашихъ женъ вдругъ попросили оставить сей гостепріимный пріютъ и возвратиться вспять домой, такъ какъ начальство раздумало отправлять насъ на каторгу въ Сибирь, а порѣшило отправить насъ въ централку, куда слѣдовать женамъ за мужьями не полагалось.

Дѣло по отношенію къ намъ приняло такой неожиданный оборотъ вслѣдствіе того, что власти, разозлившись, вздумали вымещать и на насъ дерзость тѣхъ, которые учинили попытку освободить Войнаральскаго при перевозкѣ его изъ Харькова въ централку.

Наши жены, выдворенныя изъ Литовскаго зàмка обратно домой, огорченныя и взбудораженныя начальническими каверзами, принялись съ энергіей и упорствомъ любящихъ женщинъ за отстаиваніе нашихъ правъ на сибирскую каторгу.

Общая знакомая Чарушиной и моей жены, генеральша Гернероссъ, уже много лѣтъ посвятившая себя заботѣ о заключенныхъ, какъ уголовныхъ, такъ и политическихъ и, по отзывамъ знавшихъ ее людей, дѣйствительно, очень добрый и христіански настроенный человѣкъ, приняла участіе въ судьбѣ нашихъ женъ и направила ихъ къ фрейлинѣ императорскаго двора, графинѣ Толстой, съ просьбой оказать свое содѣйствіе, чтобы рѣшеніе отправить насъ въ Сибирь на каторгу не отмѣнялось.

Чарушина и жена моя отправились къ графинѣ Толстой, пользовавшейся большимъ расположеніемъ императора Александра II, а также шефа жандармовъ Мезенцева. Она приняла просительницъ и, обнаруживъ во время разговора съ ними самое нелѣпое представленіе о нигилистической средѣ, состоявшей по ея представленію изъ людей, не могущихъ питать ни истинной любви, ни родственныхъ привязанностей, ни чувства самоотверженія,—была чрезвычайно поражена тѣмъ, что двѣ представительницы этой среды, передъ ней, не оказались чудищемъ облымъ и озорнымъ. Наоборотъ, и по наружности обѣ оказались такими, что и многія аристократки могли бы позавидовать, да и со стороны духовной оказалось, напр., что Чарушина не только не попирала родственныхъ чувствъ, а находилась въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и съ отцомъ, и съ матерью, и съ братьями, а обѣ нигилистки-жены отказывались отъ всѣхъ правъ своихъ и ото всего привлекательнаго, чтò могла имъ, молодымъ и красивымъ, сулить въ будущемъ жизнь, добивались одного—раздѣлить участь терзаемыхъ насиліемъ ихъ мужей. Тронутая графиня обѣщала употребить все свое вліяніе, чтобы доставить эту возможность. Она назначила имъ время, когда онѣ должны были придти за полученіемъ отвѣта. Но когда Чарушина и моя жена пришли къ ней во второй разъ, гр. Толстая съ сожалѣніемъ заявила имъ, что она безсильна что-либо сдѣлать для насъ, такъ какъ Мезенцевъ до такой степени озлобленъ попыткой освободить Войнаральскаго, что никакихъ ни доводовъ, ни просьбъ и слушать не хочетъ.

Въ концѣ-концовъ гр. Толстая посовѣтовала попытать счастія и написать прошенія на имя наслѣдницы престола и передать эти прошенія черезъ личнаго секретаря наслѣдницы г. Ома, такъ какъ едва ли возможно будетъ добиться для нихъ личнаго свиданія съ самой наслѣдницей. Съ Омомъ же гр. Толстая бралась переговорить сама. Наши жены такъ и поступили. Написавъ прошенія, онѣ вручили таковыя г. Ому, а онъ доложилъ ихъ наслѣдницѣ, которая, какъ говорили потомъ, прочитавъ прошенія, наложила на нихъ свою резолюцію: «прошу исполнить».

Въ этихъ хлопотахъ прошло дней десять. И вотъ наши жены получили вновь повѣстки явиться въ контору Литовскаго зáмка, собравшись въ дорогу.

И на этотъ разъ наши жены попали снова въ ту часть Литовскаго зáмка, въ которой сидѣли изъ осужденныхъ въ тюрьму по процессу 50-ти Топоркова и Геся Гельфманъ, въ одной камерѣ съ которой помѣстилась и Лариса.

Впрочемъ, въ оба раза, какъ Топоркова и Геся, такъ и наши жены, а также (кажется) и перевезенная изъ дома предварительнаго заключенія въ Литовскій замокъ Брешковская, только ночи проводили въ камерахъ, располагавшихся по обѣ стороны корридора, а днемъ чаевали, обѣдали и проводили время въ этомъ корридорѣ всѣ вмѣстѣ. Лариса изъ знакомства съ Гесей вынесла о ней самое свѣтлое воспоминаніе, какъ о дѣвушкѣ необычайно доброй души, веселой, не дававшей права унынію и нытью водворяться въ сердцахъ людей ни при какихъ гоненіяхъ судьбы. Тѣ дни, которые наши жены провели въ Литовскомъ зáмкѣ, запечатлѣлись въ памяти моей жены, какъ свѣтлые и хорошіе дни, благодаря именно присутствію Геси, неистощимому источнику бодрости и веселости.

Во второй разъ нашимъ женамъ пришлось пробыть въ Литовскомъ зáмкѣ сутокъ двое и затѣмъ онѣ были препровождены въ тотъ арестантскій вагонъ, въ которомъ отправляли нашу партію.

Партія наша состояла изъ ссыльно-каторжныхъ—Брешковская, Чарушинъ, Квятковскій и я,—изъ ссыльно-поселенца Стаховскаго и изъ шедшаго на житье въ Тобольскую губ. Нафанаила Скворцова. Всѣ были осуждены по одному процессу 193-хъ. Какъ я уже сказалъ выше, за мной, Чарушинымъ и Квятковскимъ, шли на каторгу и наши жены, слѣдовала жена и за Скворцовымъ.

Изъ Питера партію нашу сопровождали жандармы, чуть ли не по парѣ жандармовъ на каждаго члена партіи, не исключая и женъ. Выходило изрядное воинство подъ начальствомъ жандармскаго поручика Петрова. Жандармы, назначенные къ намъ, каторжанамъ, должны были сопровождать насъ до самаго мѣста каторги, а назначенные къ Стаховскому и Скворцову только до Тюмени, гдѣ Стаховскаго и Скворцова съ женой поручикъ Петровъ долженъ былъ сдать въ распоряженіе мѣстнаго начальства, которое и обязывалось отправить ихъ въ назначенные пункты ссылки подъ своей мѣстной охраной.

Такой способъ отправки въ ссылку изъ Питера при помощи питерскихъ жандармовъ былъ, какъ кажется, примѣненъ къ нашей партіи уже въ послѣдній разъ и больше этотъ способъ не практиковался,—очевидно, какъ способъ очень дорого стоящій и для казны убыточный. И, дѣйствительно,—всѣ жандармы, сопровождавшіе партію ссыльныхъ, получали суточныя и поверстныя по разсчету на лошадей и изъ нихъ ѣхавшіе, напримѣръ, отъ Питера до Кары, получали довольно крупныя суммы.

При отправкѣ нашихъ женъ изъ Литовскаго зàмка въ арестантскій вагонъ отъ нихъ потребовали, чтобы онѣ сверхъ своихъ платьевъ обязательно облачились въ арестантскіе халаты, а Брешковскую нарядили въ полную арестантскую аммуницію: въ нанковую съ бѣлыми и синими полосами юбку, въ арестантскіе башмаки, на голову надѣли бѣлый холщевый платокъ, а на плечи—сѣрый арестантскій халатъ. Собственныя деньги отъ нашихъ женъ были отобраны въ конторѣ Литовскаго зàмка и, при нихъ же сосчитанныя, были переданы поручику Петрову, который и позволялъ намъ дорогой улучшать и пополнять свое продовольствіе на эти деньги, такъ какъ намъ кормовыхъ полагалось очень мало (точной цифры не помню, но, кажется, не больше 10 к. въ день на человѣка).

Изъ Питера по желѣзной дорогѣ насъ провезли до Нижняго-Новгорода. Здѣсь нашу партію перевели въ вагонъ же на пароходную пристань, причемъ помню хорошо, что это былъ черепашій переѣздъ. Почему-то паровозъ съ нашимъ вагономъ ползъ очень тихо, накреняясь то на одну, то на другую сторону. Нашъ поѣздъ плелся такъ тихо, что какая-то старушонка безъ труда догнала нашъ вагонъ и протягивала руку съ какой-то серебряной монетой, какъ подаяніе намъ—«несчастненькимъ», которыхъ она видѣла высматривавшими изъ окна вагона. Кто-то изъ насъ, или изъ жандармовъ,—взялъ монету. Кажется, эту монету отдали первому же попавшемуся нищему.

На пристани насъ водворили на арестантскую баржу, на которой были и уголовные, но только уголовные помѣщались въ передней, а мы въ кормовой части баржи и мы были совершенно изолированы отъ нихъ. Буксирный пароходъ дотащилъ нашу баржу до Казани, а отъ Казани до Перми. Въ Перми насъ вывели на берегъ и повезли въ городъ на почтовую станцію.

При проѣздѣ черезъ каждый губернскій городъ, въ которомъ былъ губернаторъ, нашъ поручикъ Петровъ обязанъ былъ являться къ губернатору съ докладомъ и, совершивъ эту формальность, немедленно слѣдовать дальше. Поэтому и въ Перми онъ, оставивъ насъ подъ надзоромъ нашихъ жандармовъ, отправился въ городъ съ докладомъ къ губернатору. По его возвращеніи, мы на почтовыхъ тройкахъ отправились изъ Перми на Екатеринбургъ въ Тюмень.

Въ кибитку насъ помѣщали такъ: я садился посрединѣ, съ одной стороны меня помѣщалась жена, съ другой—жандармъ, на козлахъ вмѣстѣ съ ямщикомъ помѣщался еще жандармъ; такимъ образомъ въ нашу

кибитку помѣщались не всѣ 4 жандарма, назначенные для насъ съ женой, а они чередовались отъ станка до станка. Также разсаживались по кибиткамъ и другiе женатые ссыльные. Брешковская же ѣхала въ одной кибиткѣ съ поручикомъ, а Стаховскiй съ тремя жандармами въ отдѣльной кибиткѣ. Но и послѣ такого размѣщенiя оставались еще въ запасѣ жандармы, для которыхъ требовалась тоже отдѣльная кибитка. Въ каждую кибитку запрягалось по тройкѣ лошадей, такъ что нашъ поѣздъ до Тюмени состоялъ никакъ не меньше, какъ изъ шести троекъ. Весьма естественно, что такой удивительный поѣздъ, проносясь по улицамъ встрѣчныхъ селъ и деревень, вызывалъ волненiе въ ихъ обитателяхъ, которые и выскакивали со дворовъ, съ любопытствомъ и удивленiемъ глазѣя на несущiяся почтовыя тройки.

II.

Нашъ начальникъ партiи поручикъ П., высокаго роста брюнетъ, съ роскошными усами, съ большими черными глазами, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, былъ бы, что называется, красавецъ мужчина, если бы не попорченная нѣсколько на макушкѣ шевелюра и не выраженiе лица, свидѣтельствовавшее о крайне скудномъ содержимомъ души и о большомъ самомнѣнiи. Мня себя, съ одной стороны, красавцемъ, онъ былъ очень занятъ собой, почему при каждой болѣе или менѣе продолжительной остановкѣ на станцiи онъ, какъ говорятъ хохлы, «чепурился»: умывался, причесывался, душился, помадился и, словомъ, наводилъ красоту; съ другой стороны, онъ вообразилъ, что, возложивъ на него обязанность доставить насъ въ мѣста ссылки, власть препоручила ему государственную миссiю чрезвычайной важности. Вслѣдствiе этого, онъ отравилъ своимъ поведенiемъ наше путешествiе. Нашу поѣздку онъ обставилъ такими аллюрами, что, со стороны глядя, можно было бы подумать, будто и впрямь онъ везъ огромной важности преступниковъ, общенiе съ которыми кого бы то ни было и даже простое лицезрѣнiе ихъ не могло быть допущено безъ крупнаго нарушенiя интересовъ государства. При въѣздѣ въ какой-нибудь городъ наши кибитки, всегда крытыя, задергивались кожаными фартуками, такъ что сидѣвшихъ внутри нельзя было видѣть. Каждую станцiю онъ обращалъ въ тюрьму, разъ ужъ мы ее заняли.

У входа на станцiю ставились часовые, на обязанности которыхъ было не пропускать на станцiю рѣшительно никого. Ни подъ какимъ видомъ насъ не вводили на станцiю, пока оттуда не выдворялись другiе прiѣз-а ющiе.

Помню, какъ въ какомъ-то городѣ насъ, прiѣхавшихъ вечеромъ и въ в ду того, что станцiя была вся занята прiѣзжающими и ихъ некуда было д вать, нашъ поручикъ повезъ въ гостинницу, гдѣ и занялъ на время, п ка приготовляли для партiи лошадей, залъ для табль-д'ота съ примык шей къ нему небольшой комнаткой. Мы расположились въ маленькой

комнаткѣ пить чай, а послѣ чая перешли въ залъ, среди котораго стояли прекрасно сервированные столы. Надъ столами висѣли люстры.

По стѣнамъ высились роскошныя трюмо, въ которыя мы и созерцали свои фигуры, разгуливая по залу въ своихъ арестантскихъ халатахъ и побрякивая кандалами. Никто изъ постороннихъ не былъ сюда допущенъ, такъ какъ у двухъ входовъ въ этотъ залъ стояли жандармы. Поручикъ П. даже властямъ не довѣрялъ и не допускалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ намъ на станцію.

Въ Канскѣ мы заняли станцію и, по обыкновенію, у входа былъ поставленъ жандармъ. И вотъ, въ то время какъ поручикъ, расположившись въ комнаткѣ станціоннаго писаря, наводилъ красоту, а мы въ станціонной комнатѣ пили чай и закусывали, на станцію заявился канскій исправникъ, довольно тучный, съ сѣдыми усами и добродушной физіономіей жгутоносецъ. На часахъ въ это время стоялъ жандармъ—унтеръ-офицеръ Бухарцевъ, приближенный П. и его наушникъ, какъ говорили о немъ нѣкоторые другіе жандармы, сблизившіеся дорогой съ нами. Хотя онъ и не посмѣлъ не пропустить явившееся начальство, и исправникъ прошелъ къ намъ въ комнату, усѣлся за столъ и добродушно вступилъ съ Анной Дмитріевной въ бесѣду, но Бухарцевъ тотчасъ же шмыгнулъ въ комнатку, гдѣ чепурился П., и доложилъ ему, что къ намъ явился исправникъ. Поручикъ П. моментально выскочилъ изъ своей комнатушки въ одной жилеткѣ и вскочилъ въ нашу комнату.

Повелительнымъ жестомъ указуя на дверь, онъ начальнически произнесъ, обращаясь къ исправнику:

— Прошу выйти!

Бѣдный исправникъ крайне смутился, но заявилъ:

— Помилуйте! я здѣшній исправникъ!...

— Я вамъ повторяю: прошу выйти!—сверкая грозно своими черными глазами и не перемѣняя повелительной позы съ указаніемъ перстомъ на дверь, неумолимо повторилъ П.

Исправникъ, видя такую настойчивость и замѣтивъ, что въ передней появилось нѣсколько жандармскихъ фигуръ, торопливо схватилъ свою фуражку и, крайне смущенный, поспѣшилъ оставить негостепріимную станцію, не удовлетворивъ своего любопытства узнать, кто мы и куда ѣдемъ.

Само собою разумѣется, что, оберегая насъ не только отъ близкаго общенія съ людьми, но даже отъ взоровъ людскихъ, поручикъ П. не могъ разрѣшать намъ при проѣздѣ черезъ города или большія села выходить на базаръ или въ лавочку, чтобы самимъ купить что-нибудь изъ продуктовъ. На тѣ наши деньги, которыя находились у него на рукахъ, онъ по нашему заявленію посылалъ за покупками, обыкновенно, у.-оф. Бухарцева, который и не упускалъ случая при этомъ заработать небольшую толику, показавъ на купленные предметы цѣну выше дѣйствительной.

Справедливость требуетъ сказать, что въ продолженіе нашего путешествія, отъ 22 іюля по 12 сентября, онъ всетаки разрѣшилъ намъ два раза

выйти изъ кибитокъ и пройтись близъ дороги по лѣсу, въ то время, какъ кибитки наши шагомъ ѣхали по дорогѣ. Въ первый разъ мы совершили прогулку въ Уральскихъ горахъ и въ этотъ разъ подходили даже къ тому столбу, на которомъ съ одной стороны написано «Европа», а съ другой—«Азія», разсматривали надписи (преимущественно имена и фамиліи), которыя оставлялись на немъ проѣзжающими вольными и невольными, и наслаждались чуднымъ горнымъ воздухомъ и очаровательной красотой мѣста. Въ другой разъ намъ была разрѣшена прогулка въ лѣсу вскорѣ послѣ выѣзда изъ Екатеринбурга. Помнится, что было тогда хорошее, уже не раннее, утро, и мы, въ растянувшемся полукругѣ жандармовъ, шли по лѣсу, срывали попадавшіеся и давно невидѣнные нами лѣсные цвѣты; но прогулка эта была непродолжительна. Вдругъ, почему-то, поручикъ П. встревожился и торопливо началъ усаживать насъ въ кибитки, и затѣмъ кибитки понеслись.

Пріятели жандармы потомъ пояснили намъ, что поручикъ, увидя нагонявшую насъ сзади тройку, испугался—не погоня ли это съ цѣлью освободить кого-либо изъ насъ. Жандармамъ было приказано быть на-готовѣ и даже въ случаѣ надобности стрѣлять. Я не знаю, былъ ли подобный режимъ по отношенію къ нашей партіи установленъ самимъ П. и являлся, такъ сказать, плодомъ его личнаго творчества, или ему еще въ Питерѣ были предписаны принципы режима, и онъ въ мѣру ума своего примѣнялъ ихъ на практикѣ, но знаю, что другихъ такъ жандармы не везли. Передъ нашей партіей провезли на Кару Союзова и Шишко. Везъ ихъ жандармскій офицеръ Ивановъ съ жандармами, но они могли въ любомъ городѣ подъ стражей выходить и покупать для себя все необходимое. Такъ же везъ безъ нарочитыхъ стѣсненій и штабсъ-капитанъ Л—ъ ту партію, въ которой былъ Петръ Маркеловичъ Макаревичъ (съ которымъ я до сихъ поръ состою въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ), сосланный по нашему дѣлу на житье въ Тюкалинскъ, Тобольской губерніи. Л—ъ непрестанно заливалъ за галстукъ, и иногда сопровождаемому имъ ссыльному приходилось хлопотать о безчувственно наклюкавшемся начальствѣ.

Изъ жандармовъ нашей партіи, относившихся къ намъ дружески, я помню рядового Ишутина и у.-оф. Грибанова. Ишутинъ съ ун.-оф. Бухарцевымъ сторожили меня, а Грибановъ съ рядовымъ Кузнецовымъ мою жену.

Ишутинъ, огромнаго роста дѣтина, былъ назначенъ ко мнѣ съ самаго Питера, но только сначала съ у.-оф. Юдинымъ, котораго въ Тюмени поручикъ замѣнилъ Бухарцевымъ. Юдина онъ отправилъ изъ Тюмени обратно въ числѣ 4 жандармовъ, освободившихся за сдачею Стаховскаго и Дворцова мѣстному начальству. Ишутинъ довезъ меня до Кары. Это былъ наиболѣе пріятный для насъ съ женой жандармъ, и, когда была его очередь сидѣть съ нами внутри кибитки, мы были всегда рады его сообществу. Отъ него мы узнали, что поручикъ П. былъ сначала служащимъ въ

Зимнемъ дворцѣ,—надсмотрщикомъ за клозетами; прослуживъ тамъ нѣсколько лѣтъ, онъ однажды попался на глаза Александру II и обратилъ на себя своимъ ростомъ и всею своею внѣшностью царское вниманіе. Царь вступилъ съ нимъ въ разговоръ и, узнавъ, что онъ уже давно служитъ во дворцѣ, спросилъ: не желаетъ ли онъ перемѣнить родъ службы и куда бы онъ желалъ поступить? П. изъявилъ желаніе быть жандармомъ, куда его и перевели по распоряженію царя.—За вѣрность этого разсказа я, конечно, не ручаюсь: быть можетъ, тутъ есть доля выдумки со стороны Ишутина, который вообще относился къ поручику довольно иронически, а быть можетъ, это только легенда, циркулировавшая въ средѣ жандармовъ о П.

Отъ Ишутина же мы узнали и о Бухарцевѣ, о томъ, что онъ фаворитъ П. и его наушникъ, и какъ онъ надуваетъ поручика при покупкахъ намъ всего, что мы заказываемъ. Онъ же намъ передалъ извѣстіе объ убійствѣ Мезенцева, послѣ того, какъ въ какомъ-то городѣ (въ Тюмени?) поручикъ получилъ о томъ телеграфное извѣщеніе и сообщилъ всѣмъ нашимъ жандармамъ объ этомъ несчастіи въ жандармскомъ мірѣ. Самъ Ишутинъ былъ крестьянинъ Ярославской губерніи, если не измѣняетъ мнѣ память, изъ того мѣста этой губерніи, гдѣ главный промыселъ у крестьянъ огородничество. Съ большой охотой онъ разсказывалъ мнѣ о разведеніи капусты, о разныхъ ея сортахъ, о томъ, какъ вообще надо обращаться съ капустнымъ огородомъ. По выслугѣ солдатскаго срока онъ мечталъ возвратиться къ своимъ капустникамъ. Среди нашихъ жандармовъ самой отвратительной фигурой былъ унт.-оф. Бухарцевъ, юркая, округлая, предательская; наушникъ и холопъ, выслуживавшійся передъ П., но въ то же время эксплоатировавшій не безъ ироніи его ограниченность. Также возбуждалъ во мнѣ невольную антипатію почему-то жандармъ Матютя (хохолъ!). Этотъ послѣдній во время нашей поѣздки на баржѣ, буксировавшейся пароходомъ изъ Тюмени до Томска, садился зачастую въ одиночку въ сторонѣ отъ остальной публики и, устремивъ свои глупые глаза въ даль, начиналъ крякать по утиному,—и проводилъ въ этомъ идіотскомъ занятіи довольно долгое время. Помню, какъ разъ онъ поразилъ меня невольно выслушаннымъ мною разсказомъ о томъ, какъ однажды въ его хохлацкой деревнѣ, они—парни—поймали конокрада-цыгана и какъ они привязали его къ колесамъ двухъ телѣгъ за руки и за ноги, предварительно раздѣвъ до гола, затѣмъ при помощи этихъ колесъ вытянули и натянули «якъ струну»; вытянутаго такимъ образомъ человѣка они начали полосовать батогами такъ, «що шкура репалась». Когда кто-то изъ слушавшихъ жандармовъ, которымъ онъ разсказывалъ это, замѣтилъ: «ну, и живодеры же вы, хохлы окаянные», Матютя со спокойнымъ убѣжденіемъ отвѣтилъ: «а нехай не воруить! Вінъ собачои смерти достоинъ»! Помню послѣ этого такую сцену на станціи. Надо замѣтить, что Брешковская не могла выносить ни разсказовъ о всякаго рода фактахъ мучительства, ни описанія ихъ. Такъ, напримѣръ, она не могла поэтому ч

тать «Кудеяра» Костомарова. И вотъ я сталъ было на станціи въ ея присутствіи передавать разсказъ жандарма Матюти. Брешковская замахала руками, произнеся: «не надо! не надо»! Я смѣясь взялъ и якобы заткнулъ ей пальцами уши. Этотъ жестъ замѣтилъ нашъ поручикъ и тотчасъ вызвалъ меня въ переднюю и, упорно глядя на меня, попросилъ объяснить, что̀ означало, что я къ ушамъ Брешковской подносилъ свои пальцы. Очевидно, въ этомъ онъ усмотрѣлъ какое-то конспираторство. Я расхохотался и успокоилъ его взволнованную душу.

III.

Изъ Перми до Тюмени мы ѣхали на тройкахъ, а изъ Тюмени на арестантской баржѣ, на буксирѣ парохода, по р. Турѣ, Иртышу, Оби и Томи ѣхали до Томска. На этой баржѣ носовая часть палубы была въ видѣ огромной клѣтки, въ которую выпускали на прогулку уголовныхъ ссыльныхъ, ѣхавшихъ на этой же баржѣ. Такъ какъ среди людной партіи уголовныхъ оказались пѣвцы, то иногда во время прогулокъ въ этой клѣткѣ они составляли очень недурной хоръ и распѣвали популярныя между арестантами пѣсни. Припѣвы къ нѣкоторымъ пѣснямъ они сопровождали своеобразнымъ аккомпанементомъ оковъ. Это выходило очень эффектно и очень трогательно. Я былъ какъ-то особенно пораженъ, когда въ первый разъ услыхалъ этотъ аккомпанементъ оковъ.

Въ Томскъ мы пріѣхали вечеромъ. Поручикъ не счелъ нужнымъ везти насъ въ городъ и рѣшилъ переночевать на пристани, куда къ утру были потребованы тройки.

Въ Томскѣ жила мать Тимофея Александровича Квятковскаго, шедшаго на каторгу въ нашей партіи съ женой и съ маленькимъ сыномъ Шуркой. Отецъ Квятковскаго былъ когда-то городничимъ гор. Томска, но въ то время, когда насъ провозили, его уже не было въ живыхъ; мать же Квятковскаго жила съ дочерью въ Томскѣ, гдѣ у нея былъ свой домъ. Не помню, какъ случилось, что мать Квятковскаго узнала о пребываніи сына Тимофея на пристани въ партіи арестантовъ-каторжниковъ, но она въ этотъ вечеръ явилась на пристань и съ разрѣшенія П. (а предварительно, вѣроятно, томскаго губернатора) имѣла свиданіе съ сыномъ, съ невѣсткой и внукомъ.

На другой день, когда на пристани были поданы для насъ лошади и насъ повели подъ конвоемъ жандармовъ къ кибиткамъ, среди немногочисленной публики стояла и мать Квятковскаго съ дочерью. Бѣдная мать, видя своего сына днемъ въ арестантскомъ нарядѣ и въ кандалахъ, уходящаго отъ нея далеко на каторгу, съ истерическимъ рыданіемъ кинулась къ проходившему мимо сыну, чтобъ въ послѣдній разъ обнять его и прижаться своей старой головой къ его груди.

Жандармъ, конвоировавшій Квятковскаго, со всей грубой силой оттолкнулъ бѣдную женщину, и она, вѣроятно, упала бы, еслибъ ее не под-

хватилъ кто-то изъ стоявшей публики. Другой жандармъ схватилъ Квятковскаго и потащилъ его въ другую сторону. Получилась безобразная сцена! П. сталъ торопить насъ къ кибиткамъ, и подъ раздававшіяся рыданія матери Квятковскаго насъ торопливо усадили въ нихъ и погнали лошадей (Т. А. Квятковскій, осужденный на каторгу по процессу 193-хъ,—родной братъ Александра Алек-ча Квятковскаго, казненнаго въ 1880 году за взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ).

Изъ Томска лихо везли насъ на тройкахъ. Въ моемъ представленіи осталась именно эта лихая ѣзда на сибирскихъ почтовыхъ тройкахъ отъ Томска до Иркутска. Однажды при спускѣ троекъ съ довольно крутой горки ямщикъ, ѣхавшій сзади нашей тройки, не сдержалъ лошадей и налетѣлъ на нашу кибитку съ такой силой, что оглоблей со всего розмаха былъ пробитъ кузовъ нашей кибитки, и конецъ оглобли просунулся между моей головой и головой рядомъ сидѣвшаго со мной жандарма Кузнецова. Долго ахалъ жандармъ послѣ этого и благодарилъ Господа за спасеніе отъ неминучей смерти, основательно полагая, что если бы конецъ оглобли тронулъ его или меня въ затылокъ, то и духъ вонъ вылетѣлъ бы изъ насъ. Въ другой разъ ночью наша кибитка заѣхала въ ровъ и опрокинулась набокъ, причемъ при ея паденіи досталось пуще всего у.-оф. Бухарцеву, на сторону котораго свалилась кибитка, и на него навалились я, вещи и Лариса. Бухарцевъ жаловался послѣ этого на то, что его здорово придавило, такъ что онъ чуть не задохся. Мы съ Ишутинымъ, что грѣха таить, злорадствовали такому приключенію съ Бухарцевымъ, ненавистнымъ для насъ наушникомъ. Кромѣ этихъ двухъ незначительныхъ событій, длинный путь отъ Томска до Иркутска мы проѣхали безъ приключеній. Везли насъ до Иркутска день и ночь, не давая намъ передыху. Летѣли мы по всему тракту довольно импозантно и шумно, такъ какъ на свое требованіе лошадей поручикъ П. не принималъ отъ станціонныхъ смотрителей никакихъ отказовъ: «чтобъ были лошади и—шабашъ». И вообще онъ держалъ себя всю дорогу, по меньшей мѣрѣ, генералъ-губернаторомъ.

При проѣздѣ по Енисейской губерніи меня поразило однажды то, что ямщикъ настилалъ намъ въ кибитку не сѣно, а—невымолоченный овесъ. Я съ удивленіемъ спросилъ его, почему онъ не жалѣетъ такое добро.

— Некуда съ нимъ дѣваться,—отвѣчалъ ямщикъ.

Оказалось, что въ тотъ годъ былъ такой урожай овса, что часть собраннаго овса крестьяне не вымолотили, а повернули на сѣно. Поражали меня и попадавшіеся намъ по дорогѣ въ Енисейской губерніи чудные лѣса. Какія росли тамъ грандіозныя деревья, а еще болѣе грандіозныя валялись и гнили въ кучахъ валежника по бокамъ дороги! Запечатлѣлся мнѣ въ памяти переѣздъ на паромѣ черезъ необычайно чистую и прозрачную воду «золотоносной» р. Бирюсы, какъ пояснилъ мнѣ тогда Квятковскій, у семьи котораго въ Енисейской губерніи были свои небольшіе золотые пріиски.

29 августа (какъ мнѣ помнится) мы въѣхали въ Иркутскъ. Тутъ вышла маленькая комичная сцена. Поѣздъ нашъ остановился на улицѣ, гдѣ находилось губернское правленіе,—и пока посланный разыскивалъ это правленіе, чтобы завести насъ во дворъ его для выясненія въ губернскомъ правленіи—куда насъ дѣвать на время пребыванія нашего въ Иркутскѣ, изъ церковной ограды на другой сторонѣ улицы вышелъ попъ. По обыкновенію, кибитки наши при въѣздѣ въ городъ были задернуты кожаными фартуками, такъ что насъ, сидящихъ внутри, не было видно. На козлахъ же каждой кибитки сидѣлъ ямщикъ и жандармъ. Попъ, видя такой страшный поѣздъ, въ удивленіи остановился и спросилъ, обращаясь къ жандарму (Грибанову), сидѣвшему на козлахъ нашей кибитки: «это что везете»?

Жандармъ сверху козелъ кинулъ въ отвѣтъ: «Дрова»!

— Какія дрова?!—наивно удивленно переспросилъ попъ. Но въ это время поѣздъ двинулся и тройки стали въѣзжать во дворъ какого-то дома. Попъ, какъ будто вдругъ смекнувъ что-то, воскликнулъ: «А! вотъ оно что!», и, удовлетворенный тѣмъ, что разгадалъ загадку, пошелъ своей дорогой.

Въ этомъ дворѣ мы пробыли недолго и оттуда насъ повезли въ пересыльную тюрьму, гдѣ мы заняли двѣ не особенно обширныя камеры. Въ одной изъ нихъ помѣстились, кажется, мы съ Квятковскими, въ другой Брешковская съ Чарушиными.

Въ Иркутскѣ мы пробыли почти трое сутокъ. Къ вечеру 31 августа мы выѣхали, оставивъ въ иркутской тюрьмѣ Чарушиныхъ. Дѣло въ томъ, что за нѣсколько дней до нашего прибытія въ Иркутскъ Чарушинъ началъ серьезно недомогать и пріѣхалъ въ Иркутскъ уже совсѣмъ больнымъ, съ повышенной температурой, съ нестерпимой головной болью, съ временной потерей сознанія. У него начался брюшной тифъ. Здѣсь пришлось Аннѣ Дмитріевнѣ вынести нѣкоторую борьбу съ П., который почему-то настойчиво не желалъ оставить Чарушина въ Иркутскѣ. Нелѣпый поручикъ убѣждалъ Чарушиныхъ ѣхать дальше, обѣщая, гдѣ только возможно по пути—въ Верхнеудинскѣ, въ Читѣ,—предоставлять Чарушину доктора, но согласиться на это, значило бы везти Чарушина на вѣрную смерть. Съ помощью иркутскихъ властей Аннѣ Дмитріевнѣ удалось добиться того, чтобы тяжко заболѣвшаго мужа ея оставили въ Иркутскѣ до выздоровленія, хотя, насколько мнѣ помнится, она не смогла добиться, чтобы съ больного Николая Аполлоновича были сняты на время болѣзни кандалы. Такъ онъ въ кандалахъ и выболѣлъ брюшнымъ тифомъ.

Въ Иркутскѣ насъ, ссыльныхъ, водили въ фотографію и сняли съ насъ карточки. (Эта именно, снятая съ меня въ этотъ разъ въ Иркутскѣ карточка и помѣщена въ сентябрьской книжкѣ *Былого* за 1906 г.).

И это сниманіе обошлось не безъ курьеза.

Въ этотъ день нашъ поручикъ съ утра уѣхалъ зачѣмъ-то въ городъ. Всѣ жандармы, кромѣ двухъ, оставленныхъ дежурить при нашихъ ка-

мерахъ, тоже съ разрѣшенія поручика отправились въ городъ. Въ это время отъ иркутскаго начальства пришло въ тюрьму распоряженіе (кажется, изъ канцеляріи генералъ-губернатора бар. Фридерикса) отправить насъ въ фотографію для снятія карточекъ.

Огромный и по росту, и по размѣрамъ головы, рукъ и ногъ, смотритель иркутской тюрьмы, во исполненіе полученнаго приказанія, не дожидая нашего поручика, вывелъ Квятковскаго, Брешковскую, меня и Чарушину, такъ какъ и она, какъ ссылаемая административно въ мѣсто ссылки мужа, тоже должна была сняться. Наши карточки нужны были начальству для приложенія ихъ къ нашимъ статейнымъ спискамъ, откуда потомъ, долго спустя, одинъ изъ чиновниковъ Читинскаго обл. правленія, нашъ пріятель, и похитилъ карточки мою, Семяновскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Брешковская, Квятковскій и я были въ своихъ арестантскихъ нарядахъ, въ халатахъ съ бубновыми тузами, въ чиркахъ, а мы съ Квятковскимъ и въ кандалахъ. Чарушина же нарядилась не въ арестантскій халатъ, а въ приличное пальто и шляпку. Кажется, что повели съ нами и Чарушина, такъ какъ вопросъ объ его оставленіи въ Иркутскѣ властями до этого дня еще не былъ вырѣшенъ. Да и повели насъ въ фотографію или въ тотъ же день, какъ привезли въ Иркутскъ, или на другой день утромъ.

Подъ конвоемъ мѣстныхъ солдатъ, отбывавшихъ караулъ въ тюрьмѣ, и подъ надзоромъ двухъ нашихъ жандармовъ гигантъ смотритель отправилъ насъ въ фотографію.

Мы шли довольно людными улицами, и наша необычная арестантская партія обращала на себя вниманіе и прохожихъ, и жителей многихъ домовъ, каковые или выходили за ворота, или выглядывали въ окна, и созерцали интересное для нихъ шествіе. И звонъ кандаловъ, и арестанты, и прилично одѣтая среди нихъ дама невольно возбуждали любопытство.

Мы вошли уже въ ту улицу, гдѣ находилась знаменитая въ то время въ Иркутскѣ фотографія Данесса, до которой оставалось не болѣе трехъ кварталовъ, какъ насъ нагналъ на извозчикѣ нашъ поручикъ, за которымъ ѣхало еще два или три извозчика съ жандармами.

Поручикъ П. былъ сильно разгнѣванъ тѣмъ, что мы были отправлены въ фотографію безъ него и совсѣмъ не тѣмъ порядкомъ, какой онъ признавалъ наиболѣе соотвѣтствующимъ государственнымъ интересамъ.

Гнѣвъ свой онъ прежде всего сорвалъ на Аннѣ Дмитріевнѣ, тутъ же на улицѣ накинувшись на нее за то, что она осмѣлилась не надѣть арестантскаго халата и отправилась съ нами въ приличномъ одѣяніи. Тотчасъ же онъ усадилъ насъ на извозчиковъ съ жандармами, самъ усѣлся съ Анной Дмитріевной и, отпустивъ солдатскій конвой, оставшимися кварталами до фотографіи провезъ насъ тѣмъ порядкомъ, какой онъ считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ.

Въ фотографіи онъ настоялъ, чтобы Анна Дмитріевна снялась въ

арестантскомъ халатѣ, для чего она и воспользовалась халатомъ Брешковской.

Какъ я уже сказалъ выше, Чарушинъ съ женой былъ оставленъ въ Иркутскѣ, чего такъ не хотѣлось поручику П. Какъ потомъ говорили, поручикъ такъ жаждалъ во что бы то ни стало самому везти и довезти до Кары Чарушиныхъ потому, что будто бы за всякаго исправно доставленнаго до мѣста ссыльнаго сопровождавшій партію получалъ особую денежную награду.

31 августа мы прибыли изъ Иркутска въ Лиственичное, и было уже темно, когда мы съ почтовой станціи пѣшкомъ направились къ берегу Байкала къ пароходной пристани, гдѣ насъ и посадили въ какую-то маленькую пароходную каюту. За темнотою ночи мы такъ и не видѣли величественнаго Байкала, полюбоваться которымъ мнѣ и женѣ удалось только черезъ двадцать два года.

Переѣхали мы Байкалъ вполнѣ благополучно. «Священное море» было совершенно спокойно, и насъ черезъ нѣсколько часовъ высадили на противоположный берегъ, гдѣ снова насъ подхватили тройки и повезли къ Срѣтенску на р. Шилкѣ.

До Иркутска мы не знали, куда собственно насъ везутъ. Не знали и везшіе насъ жандармы, кромѣ, быть можетъ, одного П., такъ какъ иначе мы отъ нихъ непремѣнно бы узнали объ этомъ. И до Иркутска мы предполагали—не везутъ ли насъ на Сахалинъ. Въ Иркутскѣ же, кажется, отъ иркутскаго жандармскаго офицера Бурлея, зашедшаго не помню зачѣмъ къ намъ въ тюрьму, мы узнали, что насъ везутъ на Кару.

Въ Срѣтенскѣ (большая казачья станица на р. Шилкѣ) насъ посадили на большую почтовую лодку и спустили внизъ къ Шилкинскому селенію на лѣвомъ берегу Шилки, откуда на почтовыхъ тройкахъ доставили сначала на Усть-Кару, а съ Усть-Кары на Нижне-Карійскую тюрьму, въ мѣсто нашей каторги.

IV.

Усть-Кара это — въ то время полусвободное селеніе на берегу рѣки Шилки, при впаденіи въ нее р. Кары. Въ наше время здѣсь находилась уголовная тюрьма для ссыльно-каторжныхъ женщинъ и карійскіе цехи, т.-е. мастерскія, въ которыхъ изготовлялась для арестантовъ обувь, шились халаты и бѣлье, изготовлялась мебель и деревянная посуда. Тутъ же находился небольшой, плохо работавшій, кожевенный заводъ, а также главные продовольственные для каторги магазины.

Хотя обувь и одежда (какъ и продовольствіе: мясо, мука, жиръ, крупа, соль, а также и сальныя свѣчи) заготовлялись для Кары съ помощью подрядчиковъ и все заготовленное хранилось въ усть-карійскихъ складахъ, и въ цехахъ всетаки была работа по изготовленію въ случаѣ недостатка обуви или одежды, а также по удовлетворенію служащихъ на Карѣ мебелью,

сбруей, какъ и обстановкой для тюремъ и казармъ. Всѣ эти работы выполнялись ссыльно-каторжными.

На Усть-Карѣ было и свое тюремное начальство, — смотритель тюрьмы, цеховъ и складовъ и его помощникъ.

Въ наше время смотрителемъ на Усть-Карѣ былъ ненавистный для арестантовъ и арестантокъ — «старая собака» С., чуть ли еще не остатокъ Разгильдѣевскихъ временъ. Но помощника у него, насколько помнится, тогда еще не было; его назначили ему уже въ годъ нашего отъѣзда.

На-ряду съ подневольными обитателями на Усть-Карѣ были и вольные, торговцы и просто крестьяне, занимавшіеся огородничествомъ, сплавомъ лѣса внизъ по р. Шилкѣ, ремесленники и пріисковые рабочіе, работавшіе какъ на Карійскихъ, такъ и на другихъ ближайшихъ къ Карѣ казенныхъ пріискахъ (Урюмскихъ, Чернорѣчинскихъ и др.).

На Усть-Карѣ были почтовая станція, телеграфъ и пароходная пристань. Тутъ были и разные склады, принадлежавшіе кабинетскимъ промысламъ, управленіе которыми принадлежало горному вѣдомству, и сосредоточивалось въ рукахъ главнаго управляющаго золотыми пріисками особо назначаемаго горнаго инженера (въ наше время—горн. инж. Шостока) съ особымъ штатомъ служащихъ. Это вѣдомство никакого почти касательства къ ссыльному элементу не имѣло, кромѣ лишь того, что съ разрѣшенія тюремнаго начальства могло нанимать на разныя пріисковыя работы и ссыльно-каторжанъ, выпущенныхъ въ вольную команду. Такимъ ссыльно-каторжнымъ, нанятымъ горнымъ вѣдомствомъ на пріисковыя работы, Карійское тюремное правленіе вело учетъ и разсчеты за нихъ съ нанимателями, при чемъ извѣстный процентъ изъ заработной платы такихъ рабочихъ удерживался въ поселенческій капиталъ.

Уголовные же ссыльно-каторжные, сидящіе въ тюрьмахъ, хотя и работали лѣтомъ на карійскихъ пріискахъ, но они снимали только такъ называемые торфа (верхній не золотоносный пластъ), а до работъ на пескахъ и на промывку песковъ они не допускались. Эти пріисковыя работы совершались вольными рабочими да небольшимъ процентомъ нанятыхъ, съ вѣдома тюремнаго начальства, изъ вольной команды ссыльно-каторжныхъ. Горный инженеръ жилъ на Средней-Карѣ.

Главное же управленіе надъ нерчинскими ссыльно-каторжными находилось на Нижней-Карѣ, въ 17 верстахъ отъ Усть-Кары, вверхъ по р. Карѣ.

Вдоль всей р. Кары располагались на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи тюрьмы для ссыльно-каторжныхъ и въ этихъ тюремныхъ пунктахъ образовались своего рода поселки, состоявшіе изъ жилищъ для тюремной администраціи, изъ казармъ для казаковъ, несшихъ обязанности по караулу и надзору за арестантами, и, наконецъ, изъ избушекъ, безъ особаго порядка расположенныхъ, въ которыхъ ютились семьи ссыльно-каторжныхъ, пришедшія за своими отцами, и тѣ ссыльно-каторжные, которые, отбывши

срокъ «испытуемыхъ» и перешедши въ разрядъ «исправляющихся», выпускались изъ тюремъ, въ такъ называемую «вольную команду».

Такимъ образомъ, насъ съ Усть-Кары должны были доставить на Нижнюю Кару, гдѣ находилось главное управленіе ссыльно-каторжными и гдѣ жилъ завѣдывающій нерчинскими ссыльно-каторжными, въ то время полковникъ Владиміръ Осиповичъ Кононовичъ.

Везли насъ съ Усть-Кары въ открытыхъ телѣгахъ, и мы могли свободно любоваться прекрасной горной мѣстностью, по которой шла руками каторжанъ проложенная довольно сносная дорога, по долинѣ р. Кары.

На этомъ пути меня поразила своей красотой гряда утесовъ, пересѣкавшая нашъ путь и отодвигавшая нашу дорогу въ сторону на лишнихъ три или четыре версты отъ Нижней Кары. Гряда только на ширину нашей дороги не подходила вплоть къ лѣвому берегу бѣшено мчавшейся быстроводной Кары, которая въ этомъ мѣстѣ съ сердитымъ рокотомъ перескакивала черезъ попадавшіеся ей на пути камни во тьмѣ густыхъ зарослей ольховника и мелкаго лиственничника. Съ этой стороны дороги утесы обрывались и представляли изъ себя во многихъ мѣстахъ совершенно отвѣсныя сѣрыя стѣны, высокія и зубчатыя.

Кое-гдѣ между зубцами этихъ стѣнъ были площадки,—и на одной изъ нихъ, у воздвигнутаго тамъ кѣмъ-то деревяннаго креста, стоялъ человѣкъ, опиравшійся на свою верховую лошадь и глядѣвшій внизъ на проѣзжавшій нашъ кортежъ. Это было поразительно красиво и картинка эта навсегда врѣзалась въ мою память.

Оказалось, что верхомъ и пѣшкомъ можно было легко перебраться черезъ этотъ, казавшійся неприступнымъ, кряжъ скалъ и при этомъ путь сокращался версты на три. Часть нашихъ жандармовъ съ разрѣшенія поручика отправилась пѣшкомъ черезъ эту гряду и скорѣе нашихъ телѣгъ подвинулась впередъ, вышла на дорогу и поджидала насъ, разлегшись на поблекшей уже травѣ или усѣвшись на придорожныхъ камняхъ. Съ противоположной стороны гряда оказалась довольно полого поднимавшейся горою и съ этой стороны забраться на эти скалы не представлялось никакого затрудненія, какъ пришлось потомъ убѣдиться въ этомъ во время свободныхъ прогулокъ по окрестнымъ горамъ.

Красота мѣста, невольно приковывавшая вниманіе, разсѣяла хандру, охватившую было меня на Усть-Карѣ. Въ первый разъ на протяженіи всего пути отъ Питера меня охватила на Усть-Карѣ хандра, послѣ того какъ на предыдущей станціи Шилкинскаго селенія мы всѣ, наоборотъ, были въ чрезвычайно смѣшливомъ настроеніи, и Тимоѳей Квятковскій вызывалъ въ насъ своими комическими изреченіями и выходками неудержимый хохотъ.

Какъ оказалось, на мое мрачное настроеніе даже поручикъ обратилъ вниманіе и, по словамъ жандарма Ишутина, приказалъ ему и унтеру Бухарцеву слѣдить за мной во время дороги, чтобъ я чего-нибудь надъ собой не сдѣлалъ.

Какъ насъ приметъ каторга? Что тамъ ждетъ насъ, людей, надъ че-

ловѣческимъ достоинствомъ которыхъ каждая кокарда могла теперь глумиться сколько и когда угодно? И не обратится ли грядущее въ тяжелую для насъ трагедію?

Мысли и вопросы подобнаго характера невольно возникали въ умѣ на послѣднемъ станкѣ нашего путешествія и, естественно, что они не могли создавать веселаго настроенія.

Но хорошая погода, чудная мѣстность, ядреный осенній горный воздухъ разсѣяли понемногу нахлынувшую было въ душу хандру, и Ишутинъ съ Бухарцевымъ уже видѣли ясно, что со мной никакой бѣды сейчасъ не случится.

Не доѣзжая верстъ двухъ до Нижней-Кары, намъ попалась вправо отъ дороги первая тюрьма для каторжниковъ, окруженная традиціонными палями. Здѣсь, кромѣ зданій подъ квартиру смотрителя тюрьмы и зданій подъ казармы для караула и квартиры казачьяго офицера, никакого еще поселка не было. Тюрьма эта носила названіе «Новой тюрьмы», хотя она уже существовала, какъ оказалось, нѣсколько лѣтъ.

Но вотъ, наконецъ, и Нижняя-Кара.

Прежде всего не болѣе какъ въ верстѣ разстоянія отъ главнаго стана, по правую сторону дороги, которая шла по лѣвой сторонѣ долины р. Кары, виднѣлось длинное бѣлое зданіе, построенное на довольно высокомъ предгорьи, уступами спускавшемся къ дорогѣ; на уступахъ были устроены деревянныя лѣстницы съ перилами. За зданіемъ виднѣлись пристройки, а за пристройками порядочная роща. Это было зданіе пріюта для дѣтей ссыльно-каторжныхъ.

Дальше располагался Нижній станъ въ большой полукруглой раковинѣ, образованной отрогами и извивами горъ, сопровождавшихъ не особенно широкую долину р. Кары по обѣ ея стороны. Помимо построекъ въ глубинѣ этой раковины, въ устьѣ ея располагалось нѣсколько построекъ офиціальнаго, такъ сказать, характера: домъ управленія, домъ подъ квартиру казачьяго сотника, казарма для казаковъ, противъ нея гауптвахта для офицеровъ, далѣе къ рѣкѣ нижне-карійская тюрьма съ копями для уголовныхъ каторжниковъ. Но при въѣздѣ съ Усть-Кары на Нижній станъ, влѣво отъ дороги, фасадомъ на площадь и vis-a-vis дому управленія, находился домъ карійскаго коменданта или, иначе, завѣдывающаго нерчинскими ссыльно-каторжными.

V.

Всѣ наши тройки въѣхали во дворъ комендантскаго дома. Нашъ поручикъ вошелъ въ домъ коменданта. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ въ сопровожденіи нашего поручика комендантъ—полковникъ Кононовичъ. Не старый еще человѣкъ, хорошо сложенный, съ умнымъ интеллигентнымъ лицомъ, въ военномъ мундирѣ съ красныхъ воротникомъ. Полковникъ подошелъ къ нашимъ телѣгамъ и попросилъ насъ, арестантовъ, слѣзть. Онъ окликнулъ насъ по списку. Къ нашему удивленію, во дворѣ появился кузнецъ и по приказанію полковника, уже къ чрезвычайному удивленію на-

шего поручика, расковалъ насъ и, забравши наши цѣпи, унесъ ихъ. Полковникъ на вопросительно удивленный взглядъ П. объяснилъ, что по закону намъ, какъ онъ видитъ изъ представленной поручикомъ бумаги, быть въ кандалахъ не полагается, потому что мы уже числимся въ разрядѣ «исправляющихся», а не «испытуемыхъ» каторжниковъ. Каторжники же, перешедшіе уже въ разрядъ исправляющихся, освобождаются отъ заковки въ кандалы.

Затѣмъ, полковникъ, обращаясь ко мнѣ и къ Квятковскому, сказалъ, чтобы мы пока попрощались со своими женами, такъ какъ онъ отправитъ насъ въ заключеніе, гдѣ уже находятся ранѣе прибывшіе наши товарищи. При этомъ онъ объяснилъ П., что для политическихъ у него тюремнаго помѣщенія нѣтъ и что поэтому ему пришлось занять для нихъ на Нижнемъ стану офицерскую гауптвахту. Я и Лариса были неожиданно обезкуражены тѣмъ, что намъ приказываютъ прощаться, что насъ снова разлучаютъ. Бѣдная Лара тутъ не выдержала и слезы неудержимо полились изъ глазъ. Полковникъ удивился.

— Отчего вы плачете? Неужели вы думали, что васъ помѣстятъ здѣсь въ одну тюрьму съ мужемъ?! Этого и по закону не полагается, да это хуже было бы и для васъ, и для мужа! Живя внѣ тюрьмы, вы можете заботиться о мужѣ; вы будете имѣть свиданіе съ нимъ два раза въ недѣлю; вы можете внѣ тюрьмы кое-что заработать!... Васъ всѣхъ, женщинъ, я вотъ сейчасъ сдамъ на попеченіе женѣ тоже одного политическаго ссыльнаго, г-жѣ Успенской, за которой я послалъ. Съ ея помощью вы устроитесь на первыхъ порахъ.

Полковникъ говорилъ такъ по-человѣчески, совсѣмъ не такъ, какъ можно было ожидать отъ завѣдывающаго ссыльно-каторжными, и мы съ Ларой успокоились, тѣмъ болѣе, что тутъ же, дѣйствительно, подтвердились его слова: во дворъ быстро вошла Александра Ивановна Успенская (урожд. Засуличъ). Она поздоровалась со всѣми нами, какъ съ родными, и наши женщины, Брешковская, жена Квятковскаго и Лариса, были ей сданы на попеченіе.

Поцѣловавшись на прощаніе со своими женами, съ Брешковской и Успенской, и попрощавшись со своими жандармами, которые были для этого выстроены въ рядъ, — подъ конвоемъ уже карійскихъ казаковъ, я и Квятковскій вольными ногами, безъ кандаловъ, къ которымъ уже успѣли было привыкнуть, отправились на ту гауптвахту, которую полковникъ Кононовичъ опредѣлилъ для тѣхъ политическихъ каторжниковъ, которые оставлялись имъ на Нижней Карѣ.

Когда мы прибыли на гауптвахту, то, къ величайшей нашей радости, тутъ оказались уже наши друзья и товарищи—Шишко и Союзовъ, за нѣсколько дней до насъ прибывшіе на Кару. Кромѣ Шишко и Союзова оказался въ это время на гауптвахтѣ еще и Терентьевъ, осужденный по особому процессу вмѣстѣ съ Тевтуломъ. На гауптвахтѣ еще жилъ и Евгеній Степановичъ Семяновскій, но въ моментъ нашего прибытія туда Семя-

новскаго не было; онъ былъ въ это время у Алексѣя Кирилловича Кузнецова (нечаевца), завѣдывавшаго въ это время по порученію полковника Кононовича пріютомъ для дѣтей ссыльно-каторжныхъ, мимо зданія котораго мы проѣзжали.

Вскорѣ, впрочемъ, пришелъ и Семяновскій. Онъ, увидавши наши тройки изъ оконъ пріюта, поторопился вернуться на гауптвахту, интересуясь узнать,—оставятъ ли насъ на Нижней Карѣ.

Немного спустя на гауптвахту явился полковникъ Кононовичъ съ нашимъ поручикомъ П., очень любопытствовавшимъ взглянуть на нашу «каторгу». Какъ потомъ говорилъ намъ полковникъ, поручикъ П. былъ крайне непріятно пораженъ тѣмъ, что увидѣлъ, и замѣтилъ: «Развѣ это каторга? Это—рай, а не каторга!»

Для П., несомнѣнно, все, встрѣченное на Карѣ, было поразительно. Все время, пока онъ насъ везъ, мы были въ кандалахъ, все время онъ тщательно оберегалъ насъ не только отъ общенія съ міромъ людей, но даже отъ глазу людского, и воображалъ, что ужъ, конечно, на каторгѣ намъ никакой поблажки не будетъ! И—вдругъ, прежде всего,—кандалы долой, вмѣсто тюрьмы—гауптвахта офицерская, полковникъ говоритъ каторжникамъ—«вы» и «господа», и не требуетъ отъ нихъ, чтобъ они, какъ полагается каторжникамъ, стояли предъ начальствомъ безъ шапокъ! Оказалось, что для такихъ каторжниковъ, какъ мы, даже работъ никакихъ не полагается! Ну, какъ же не рай?!

П. всего этого, конечно, не одобрилъ и по прибытіи въ Питеръ доложилъ объ этомъ, кому слѣдуетъ, въ соотвѣтствующемъ освѣщеніи, какъ предполагалъ Кононовичъ. Но полковникъ Кононовичъ былъ человѣкъ умный и самостоятельный, и прекрасно умѣлъ отгрызаться передъ начальствомъ, пока только была возможность.

VI.

Гауптвахта наша состояла изъ средней комнаты, вдоль всего зданія, съ одной выходной наружу дверью, по обѣимъ сторонамъ которой было по окну. Эта комната служила кордегардіей. Въ ней пребывали сторожившіе насъ казаки (обязанности по караулу несли забайкальскіе казаки, въ количествѣ батальона, наряжавшіеся на Кару изъ призванныхъ на дѣйствительную службу казачьихъ полковъ). Стѣна, противоположная той, въ которой была дверь, была глухая и безъ оконъ. Здѣсь были скамьи, на которыхъ сидѣли или лежали наши стражники. Другія двѣ стѣны были снабжены дверьми,—одна изъ нихъ была съ двумя, а другая—съ одной дверью. Каждая дверь вела въ отдѣльныя комнаты, и стѣна съ одной дверью отдѣляла отъ кордегаріи довольно большую комнату, состоявшую изъ двухъ частей. Небольшая часть этой комнаты, отдѣленная перегородкой, перегораживалась еще на двѣ небольшія комнатки, съ маленькими въ квадратную четверть окошечками съ рѣшетками. Эти комнатки, по всей вѣроятности, служили карцерами при гауптвахтѣ. Изъ каждой комнатушки была

дверь въ большую комнату. Эта послѣдняя была довольно свѣтлая; въ ней было два окна, одно на югъ, другое на западъ, тоже съ не густыми желѣзными рѣшетками.

Въ этой большой комнатѣ съ маленькими клѣтушками поселили меня и Шишко, а когда пріѣхалъ Чарушинъ (въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ), то и онъ поселился съ нами. Я занималъ одну маленькую клѣтушку, Чарушинъ и Шишко занимали другую большую клѣтушку. Большая же комната была нашей общей столовой, чайной и нѣкоторымъ образомъ, клубомъ, въ которомъ по вечерамъ мы собирались попѣть, почитать вслухъ или, какъ выражался Шишко, «поразводить бобы». Въ эту комнату сходились и тѣ товарищи, Семяновскій и Квятковскій, Союзовъ и Терентьевъ, которые были поселены въ двухъ остальныхъ комнатахъ. Союзову одно время было позволено заниматься здѣсь столярствомъ (онъ былъ прекрасный, чрезвычайно талантливый столяръ-художникъ).

Въ этой же комнатѣ, гдѣ жили Союзовъ и Терентьевъ, на первыхъ порахъ, пока мы не устроились съ обѣдами внѣ тюрьмы, мы готовили пищу сами, какъ умѣли. Поварствовалъ преимущественно я, варя для братіи супъ и жаря котлеты не столько въ мѣру умѣнья своего, сколько въ мѣру своего вдохновенья. Впрочемъ, публика ѣла кушанья моей стряпни всегда съ аппетитомъ, и я помню хорошо, какъ даже Семяновскій однажды весьма похвалилъ мои котлеты, а Алекс. Григор. Квятковская, пришедшая на свиданье къ мужу во время нашего обѣда, очень одобрила мой супъ.

Моя жена и жена Квятковскаго, а также и Брешковская, устроились съ помощію нечаевцевъ Кузнецова и Успенскаго и ихъ женъ довольно сносно. Брешковская и Квятковская съ сынишкой, пока послѣдняя не купила для себя отдѣльнаго домишка, поселились у Алексѣя Кирилловича Кузнецова, которому полагалась даровая квартира при дѣтскомъ пріютѣ, а моя жена у Успенскихъ, у которыхъ былъ свой домъ, съ довольно большимъ огородомъ.

Во дворѣ Успенскаго была еще заброшенная маленькая банька, которую Успенскій предложилъ моей женѣ и Брешковской передѣлать въ избушку. Съ помощью полковника Кононовича, давшаго рамы для оконъ и кирпича для голландской печи, банька была передѣлана на маленькую хибарку въ одну комнату, съ двумя окошками, съ кладовой («казёнкой» по-сибирски) и съ сѣнями. Выбѣленная внутри, съ простымъ некрашенымъ поломъ, теплая, невысокая хибарка представляла изъ себя довольно сносное жилье. Въ ней поселилась Лариса съ Брешковской.

Наша жизнь на гауптвахтѣ, хотя была монотонна и однообразна, но собой тягостности не заключала. Работъ намъ никакихъ не давали и даже грппня обѣдовъ очень скоро прекратилась, такъ какъ жена Квятковскаго ялась кормить всѣхъ насъ, и, нанявъ стряпку въ складчину, готовила я насъ обѣды, которые и присылала намъ со стряпкой. Два раза въ дѣлю ко мнѣ, Чарушину и Квятковскому приходили на свиданіе наши ны. Свиданья были въ нашихъ камерахъ, никакихъ постороннихъ со-

глядатаевъ при этомъ не было, и въ этихъ свиданіяхъ принимали участіе всѣ заключенные.

Союзовъ съ участіемъ Терентьева, жившаго съ нимъ въ одной камерѣ, занимался столярничаньемъ. Квятковскій, поселившійся съ Семяновскимъ, занимался переплетничествомъ. Семяновскій по цѣлымъ днямъ поѣдомъ ѣлъ журналы, газеты и книги, читалъ въ это время въ подлинникѣ Дюринга (новинка тогдашняя), изучалъ англійскій языкъ (французскій и нѣмецкій онъ зналъ прекрасно).

Хуже всего приходилось Шишко, такъ какъ онъ еще въ крѣпости сталъ сильно страдать глазами, а на Карѣ его глаза совсѣмъ отказывались ему служить. Чрезвычайная раздражительность сѣтчатки была такова, что малѣйшій блескъ искры, свѣтъ зажженной спички причинялъ ему нестерпимое физическое страданіе, не говоря уже о болѣе сильныхъ и продолжительныхъ источникахъ свѣта. Это заставляло его всячески ограждать свои глаза отъ свѣта. Онъ жилъ въ полутемнотѣ, носилъ очень темныя дымчатыя очки и зеленый козырь при шапкѣ. Словомъ, судьба, а вѣрнѣе, тюремное заключеніе, свело его на положеніе слѣпого: о чтеніи и писаніи онъ не могъ и помышлять.

Какъ это ни странно, а такое горестное для Шишко обстоятельство, для меня явилось сущею благодатью! Дѣло въ томъ, что Шишко человѣкъ съ огромнымъ умомъ, съ неутомимою жаждою знанія и умственной работы, могъ удовлетворять теперь своимъ умственнымъ потребностямъ только съ помощью кого-либо другого. А это и было мнѣ на-руку. Я сталъ читать ему вслухъ книги, а что самое для меня главное, я сталъ изучать съ нимъ французскій и англійскій языки, читая ему книги вслухъ на томъ и на другомъ языкѣ. Такимъ образомъ судьба послала мнѣ въ лицѣ Шишко знающаго, терпѣливаго и настойчиваго учителя. Говорю настойчиваго, ибо въ часы, положенные на чтеніе англійской или французской книги, Шишко неизмѣнно заявлялъ: А теперь почитаемъ Пардэ или «Misérables» Гюго». И ужъ отъ положеннаго возможно было уклониться лишь при самыхъ, дѣйствительно, неустранимыхъ причинахъ.

Думается, что если бы онъ могъ обходиться безъ помощи другого въ умственныхъ занятіяхъ, онъ, навѣрняка, не могъ бы удѣлять столько времени на занятія со мною, такъ какъ по своимъ склонностямъ онъ погрузился бы въ самостоятельныя систематическія изученія, а я стѣснялся бы слишкомъ злоупотреблять его добротою для себя. Курьезно и достойно замѣчанія наше изученіе англійскаго языка. Дѣло въ томъ, что какъ по-французски, такъ и по-англійски мнѣ приходилось читать вслухъ. По-французски дѣло шло довольно гладко, такъ какъ я произносилъ по-французски болѣе или менѣе правильно,—но гладко шли занятія и по англійскому языку! Я, занимавшійся англійскимъ языкомъ въ Петропавловской крѣпости по самоучителю и никогда не слыхавшій англійскаго говора, естественно не могъ правильно произносить англійскія слова, потому читалъ вслухъ съ такимъ произношеніемъ англійскихъ словъ, что

ни одинъ слушатель со стороны, знающій англійскій языкъ, никогда не догадался бы безъ предупрежденія, на какомъ языкѣ происходитъ чтеніе. Шишко же безпрепятственно понималъ почти все, что я произносилъ по-англійски, со смѣлостью настоящаго англичанина. Лишь иногда, когда я такъ произносилъ слово, что Шишко не могъ даже догадаться, изъ какихъ буквъ оно состоитъ, онъ спрашивалъ меня, какъ слово написано. И несмотря на столь неблагопріятное обстоятельство, какъ мое тарабарское чтеніе, я при помощи Шишко,—ходячаго словаря по французскому и англійскому языку,—прочелъ на англійскомъ языкѣ не только какую-то книгу изумительной писательницы Пардэ, доставлявшей намъ съ Шишко своими ханженско-елейными благоглупостями иногда минуты неподдѣльнаго веселья,—но и Пиквика, и Барнаби-Роджъ Диккенса.

Съ пріѣздомъ Чарушина, котораго вмѣстѣ съ женой доставилъ изъ Иркутска на Кару иркутскій жандармскій офицеръ Халтуринъ (кажется, бывшій потомъ начальникомъ карійской политической тюрьмы)—Шишко поселился вмѣстѣ съ Чарушинымъ въ одной изъ комнатушекъ-карцеровъ и сталъ и съ нимъ заниматься, насколько помнится, нѣмецкимъ языкомъ.

Разъ въ сутки насъ выводили подъ конвоемъ казаковъ на прогулку. Мы прохаживались по дорогѣ отъ нашей гауптвахты по направленію къ Средней Карѣ, мимо большой такъ называемой Костылевской сопки, получившей свое названіе отъ могилы жены открывателя карійскихъ золотыхъ площадей Костылева, виднѣвшейся съ ея оградою на самой вершинѣ сопки. Далеко по этой дорогѣ мы не заходили, и эти безсмысленныя и неинтересныя прогулки намъ надоѣли. Мы попросили полковника Кононовича назначить для насъ какія-нибудь работы. Онъ далъ распоряженіе смотрителю нижне-карійской тюрьмы, неимовѣрному силачу Барину выводить насъ ежедневно на колку острожныхъ дровъ, сложенныхъ недалеко отъ нашей гауптвахты въ кубическія сажени. Стали насъ выводить подъ конвоемъ къ этимъ саженямъ, но мы такъ старательно кололи лиственичныя дрова, что изъ нашей колки, по мнѣнію Барина, получались не полѣнья, а щепки. Онъ, завѣдывавшій хозяйствомъ тюрьмы, взвылъ отъ нашей колки и обратился къ Кононовичу съ просьбой объ отмѣнѣ этой работы. Насъ снова перевели на прогулку.

Такъ тянулось до пріѣзда на Кару въ мартѣ мѣсяцѣ забайкальскаго военнаго губернатора Педашенка, послѣ отъѣзда котораго мы были выпущены изъ тюрьмы въ «вольную команду».

Нѣкоторыя изъ нашихъ женщинъ, какъ Успенская, Чарушина и Бибергаль (мужъ которой, осужденный на 15 л. каторги за демонстрацію на Казанской площади въ декабрѣ 1876 г., сидѣлъ одинъ въ тюрьмѣ на Средней Карѣ; лишь въ 1879 году къ нему посадили въ компанію приговореннаго Бобохова,—юношу лѣтъ 18), познакомились съ женой Кононовича, доброй интеллигентной женщиной, томившейся въ карійскомъ захолустьѣ безъ соотвѣтствующей интеллигентной среды. Елизавета Николаевна была очень рада прибывшимъ интеллигентнымъ женщинамъ,—и не оправ-

дывая гоненій за мнѣнія и прогрессивныя стремленія, она постаралась привлечь нашихъ женщинъ въ свой домъ, искренно ихъ полюбила и считала ихъ всегда своими лучшими гостями, съ которыми она могла дружески и со взаимнымъ пониманіемъ жить духовными интересами и дѣлиться задушевными мыслями.

Моя жена—человѣкъ мало-общительный, признававшій только «свою среду» и тоже принадлежавшій къ разряду «молчальниковъ» и «про себя живущихъ»—,а также и Брешковская, въ силу своего положенія ссыльно-каторжной, да Ал. Гр. Квятковская, больше занятая своимъ хозяйствомъ, не бывали у Елизаветы Николаевны, хотя послѣдняя и къ намъ, Синегубамъ, и къ Квятковскимъ всегда относилась съ полнымъ доброжелательствомъ. Кромѣ того, мою жену удерживало отъ близости съ m-е Кононовичъ еще и то, что эта близость подвергала бы постоянному испытанію искренность отношеній; не обо всемъ, касающемся жизни ссыльныхъ, можно было вести рѣчь у Кононовичей и постоянно въ такихъ случаяхъ дипломатничать было бы очень непріятно. И такія отношенія были не по душѣ Ларисѣ.

Былъ въ это время на Карѣ нечаевецъ Алексѣй Кирилловичъ Кузнецовъ. Принадлежа къ типу тѣхъ особей, которыя не могутъ жить среди себѣ подобныхъ безъ того, чтобъ ихъ не будоражить, чтобъ не нарушать сна и бездѣйствія окружающаго болота, онъ, будучи выпущенъ въ вольную команду еще задолго до моего прибытія на Кару, перезнакомился съ кѣмъ только могъ изъ свободной карійской публики и началъ ихъ по-своему шевелить. Вѣря въ облагораживающее и развивающее дѣйствіе всевозможныхъ культурныхъ затѣй, онъ и на Карѣ началъ привлекать публику къ устройству литературныхъ вечеровъ, спектаклей, елокъ для дѣтей.

Живой и заражавшій своею живостью окружающихъ, художникъ по натурѣ, съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, талантливый человѣкъ,—все, что онъ ни затѣвалъ, онъ выполнялъ превосходно, что называется, артистически. Объ этомъ человѣкѣ я, вѣроятно, еще скажу впослѣдствіи.

И въ декабрѣ 1878 г., когда я съ товарищами еще сидѣли на гауптвахтѣ, по его инициативѣ была затѣяна большая ёлка для всѣхъ ребятишекъ служащихъ въ тюремномъ и горномъ вѣдомствѣ на Карѣ. Къ устройству этой елки были приглашены полковникомъ Кононовичемъ и нѣкоторыя изъ нашихъ женъ.

Онѣ согласились принять участіе въ украшеніи елки, въ раздачѣ дѣтямъ подарковъ и въ принятіи мѣръ, чтобы дѣтямъ было весело.

Онѣ уже приступили было къ приготовленію этого праздества, какъ наканунѣ назначенной елки умеръ въ карійскомъ лазаретѣ Ишутинъ, многострадальный каракозовецъ, который въ то время, какъ насъ привезли на Кару, былъ уже при смерти. Его навѣщали въ лазаретѣ и пытались ухаживать за нимъ наши женщины, но онъ относился недоброжелательно къ женскому уходу; женщины его стѣсняли и, насколько помнится, онъ примирился только съ уходомъ за нимъ Брешковской, которая, кажется, и закрыла ему глаза.

Смерть Ишутина хотя и не была неожиданностью и была только прекращеньемъ многолѣтнихъ тяжелыхъ страданій, выпавшихъ на его долю, но на всѣхъ насъ, ссыльныхъ, подѣйствовала тяжело. Кончилъ свой многострадальный путь товарищъ по судьбѣ, далеко отъ родной стороны, отъ близкихъ и родныхъ, побывавшій и въ смертномъ саванѣ подъ висѣлицей, перенесшій что-то ужасное въ Шлиссельбургской крѣпости, о чемъ онъ, по словамъ Успенскаго, не могъ говорить и убѣгалъ отъ собесѣдника съ безумнымъ ужасомъ во взорѣ и съ крикомъ «не могу! не могу!», какъ только подходилъ въ своемъ разсказѣ о прошломъ къ этому пункту своей жизни,—истерзанный и въ сибирской каторгѣ, гдѣ его однажды еще до карійской тюрьмы, за отказъ идти по болѣзни на работу, на которую его гоняли вмѣстѣ съ уголовными арестантами, его, больного, буквально вытолкали караульные казаки и столкнули съ лѣстницы такъ, что онъ при паденіи сломалъ ребро, съ котораго и начался каріозный процессъ въ его ребрахъ, не поддававшійся тюремному лѣченію.

Понятно, что намъ, ссыльнымъ, было не до веселья въ день смерти замученнаго товарища. Наши женщины заявили черезъ Кузнецова полковнику Кононовичу, что принимать участіе въ елкѣ въ эти дни онѣ не могутъ, не только потому, что на ихъ долю выпали хлопоты о томъ, чтобъ схоронить усопшаго товарища и почтить его память возможнымъ трауромъ, но и потому, что душевное настроеніе ихъ слишкомъ тягостно, чтобъ возможно было какое-либо участіе въ празднествѣ.

Полковникъ Кононовичъ, впослѣдствіи ставшій дѣйствительнымъ нашимъ доброжелателемъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго моего разсказа, на этотъ разъ не оказался на высотѣ должного пониманія совершившагося. Узнавъ объ отказѣ нашихъ женщинъ отъ участія въ елкѣ и увидя тутъ демонстрацію, онъ страшно разсвирѣпѣлъ. Досада за то, что разстраивался общій семейный праздникъ всѣхъ его сослуживцевъ—ради смерти ссыльного, что подняло бы и нежелательные недобрые толки, вызвала съ его стороны, при вспыльчивости его характера, неистовыя и неразумныя угрозы по адресу ссыльныхъ на тему, что они-де не знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, что онъ поставитъ ихъ въ такое положеніе, которое дастъ имъ почувствовать, что они такое и т. п.

Но полковникъ только неистовыми рѣчами и ограничился и никакихъ репрессій съ его стороны не послѣдовало. Правда, мы, еще не знавшіе, что представлялъ изъ себя полковникъ, узнавъ о его свирѣпыхъ угрозахъ, приготовились претерпѣть.

На самомъ же дѣлѣ полковникъ Кононовичъ оказался далеко не такъ страшенъ, какъ могъ показаться. Елка прошла безъ участія нашихъ женщинъ. Кононовичъ успокоился и, успокоившись, устыдился своей выходки, которая и по его собственному сознанію не соотвѣтствовала человѣческому достоинству.

С. Синегубъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Налогъ съ наслѣдства.

Рѣчь на диспутѣ *).

Мм. гг. Моя диссертація посвящена вопросу о налогѣ съ наслѣдства въ Англіи. Едва ли мнѣ придется оправдываться въ выборѣ темы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что податныя реформы стучатся у насъ въ дверь не въ меньшей степени, чѣмъ давно стучатся другія настоятельныя реформы въ государственной и соціальной жизни Россіи. Ни для кого не тайна, что потребность въ подоходномъ и наслѣдственномъ налогахъ сдѣлалась у насъ совершенно неотложной. Я остановился на примѣрѣ Англіи, которая испробовала самыя разнообразныя системы наслѣдственнаго налога, и ея вѣковой опытъ въ этомъ дѣлѣ тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что англійскій наслѣдственный налогъ еще почти совершенно не изслѣдованъ въ научной литературѣ. Такимъ образомъ, выборъ именно Англіи объясняется какъ высокими техническими достоинствами организаціи этого налога, такъ и чисто финансовыми результатами его въ этой странѣ. Послѣдняя въ данномъ отношеніи, безспорно, стоитъ впереди другихъ государствъ, и только, пожалуй, Франція можетъ еще похвалиться болѣе или менѣе удачными результатами наслѣдственнаго налога. Но давая монографическое изученіе интересовавшаго меня вопроса на примѣрѣ одной только Англіи, я руководствовался слѣдующими соображеніями. Изслѣдователь не долженъ выдѣлять наслѣдственнаго налога изъ сферы другихъ прямыхъ налоговъ, а долженъ разсматривать его въ связи со всей финансовой системой страны. Налогъ съ наслѣдства, какъ обременяющій имущіе классы, естественно получаетъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ болѣе усиливается политическое вліяніе широкихъ, малоимущихъ слоевъ населенія. Однако, нерѣдко при этомъ ту роль, какую въ демократическомъ бюджетѣ выполняетъ наслѣдственный налогъ, выполняетъ при тѣхъ или иныхъ общественныхъ условіяхъ подоходный налогъ. Въ германскихъ государствахъ демократическія

*) Эта рѣчь была произнесена 23 мая 1907 г. при защитѣ въ Московскомъ университетѣ диссертаціи: „Налогъ съ наслѣдства въ Англіи. Изслѣдованіе по исторіи англійскихъ финансовъ", XXIV+654 стр. Москва, 1907 г.

теченія въ податной области повели къ значительному развитію подоходнаго обложенія, а наслѣдственный налогъ остался въ загонѣ; вліяніе аграріевъ побудило направить прямое обложеніе въ сторону подоходнаго налога. То же самое не въ малой степени приложимо къ Австріи и Италіи. Наоборотъ, во Франціи, гдѣ крупное вліяніе принадлежитъ буржуазіи, серьезное вниманіе было удѣлено какъ разъ наслѣдственному налогу, тогда какъ подоходный налогъ не получилъ признанія. Словомъ, я хочу подчеркнуть, что надлежащій анализъ условій развитія наслѣдственнаго налога требуетъ изученія всей области прямого обложенія и, даже болѣе, всего бюджета даннаго государства. Вотъ почему мнѣ казалось необходимымъ изслѣдовать исторію англійскаго наслѣдственнаго налога въ тѣсной связи съ развитіемъ другихъ формъ прямого обложенія и вообще всей финансовой системы Англіи. Конечно, такая постановка вопроса сильно увеличила объемъ моей книги, но это окупается, быть можетъ, болѣе широкимъ освѣщеніемъ непосредственно интересовавшей меня темы.

Между подоходнымъ и наслѣдственнымъ налогами въ Англіи существуетъ тѣснѣйшая связь: можно безъ преувеличеній сказать, что исторія налога съ наслѣдства въ этой странѣ есть просто исторія борьбы за выборъ между подоходнымъ и наслѣдственнымъ налогами и исторія попытокъ замѣны одного изъ нихъ другимъ. Когда въ началѣ XIX вѣка въ минуту острой финансовой нужды былъ введенъ подоходный налогъ, то по минованіи военныхъ дѣйствій противъ Франціи этотъ налогъ былъ отмѣненъ, но это не помѣшало одновременно увеличить наслѣдственныя пошлины. Правда, политическое преобладаніе аграріевъ повело къ тому, что усиленіе наслѣдственнаго налога коснулось исключительно движимаго капитала, и проектъ обложенія наслѣдствъ, состоящихъ изъ недвижимости, потерпѣлъ неудачу. Въ 1842 г. Робертъ Пиль, осуществляя свои знаменитыя коммерческія реформы, ввелъ подоходный налогъ взамѣнъ отмѣняемыхъ въ большомъ числѣ таможенныхъ пошлинъ. Пиль не воспользовался для своихъ реформъ наслѣдственнымъ налогомъ, хотя и въ парламентѣ, и въ публикѣ, и въ прессѣ горячо предлагали развить именно наслѣдственныя пошлины. Пиль опирался на аграрную партію, а потому орудіемъ для проведенія коммерческихъ реформъ онъ избралъ подоходный налогъ, представлявшій для аграріевъ бо́льшую выгоду. Одиннадцать лѣтъ спустя Гладстонъ проводитъ реформу наслѣдственныхъ пошлинъ съ цѣлью отмѣнить постепенно подоходный налогъ за счетъ предполагавшагося увеличенія дохода отъ наслѣдственныхъ пошлинъ. Однако, крупный ростъ расходовъ по случаю крымской кампаніи опрокинулъ всѣ эти расчеты. Тѣмъ не менѣе въ началѣ 1870-хъ годовъ Гладстонъ опять пытается отмѣнить подоходный налогъ за счетъ увеличенія наслѣдственныхъ пошлинъ; но осуществить этотъ проектъ не удалось въ виду усилившагося тогда политическаго вліянія низшихъ классовъ населенія, особенно послѣ расширенія избирательнаго права въ 1867—68 гг.

Итакъ, эти примѣры подтверждаютъ мысль, что исторія налога съ на-

слѣдства въ Англіи въ значительной степени сводится къ борьбѣ за выборъ между подоходнымъ и наслѣдственнымъ налогами. Демократизація народнаго представительства и усиленіе политическаго вліянія широкихъ слоевъ населенія въ новѣйшее время побуждаютъ все болѣе усиливать прямое обложеніе, т.-е. какъ подоходный, такъ и наслѣдственный налоги. Борьба обѣихъ большихъ партій англійскаго парламента, одной—представляющей по преимуществу интересы аграрнаго класса, а другой—интересы торгово-промышленныхъ сферъ, вертится за усиленіе то одного, то другого изъ этихъ налоговъ.

Между подоходнымъ и наслѣдственнымъ налогами установилась, такимъ образомъ, тѣснѣйшая связь, и, вообще налогу съ наслѣдства все болѣе придавали въ Англіи характеръ какъ бы суммированнаго подоходнаго налога, уплачиваемаго разъ въ жизни, а не періодически, каждый годъ. На самомъ дѣлѣ, не все ли равно взимать каждый годъ нѣкоторую сумму подъ видомъ подоходнаго налога, или попросту отложить взиманіе подоходнаго налога на конецъ жизни владѣльца имущества и тогда уже взыскать съ него въ усиленномъ размѣрѣ. Какъ извѣстно изъ наблюденій, въ среднемъ смѣна поколѣній происходитъ каждые 33 года, т. е. сынъ наслѣдуетъ отцу, отецъ—дѣду, дѣдъ—прадѣду и т. д., черезъ промежутки въ 33 года, въ среднемъ. Дѣло сведется на одно, если мы будемъ взимать подоходный налогъ ежегодно въ теченіе 33 лѣтъ, или же взамѣнъ взыщемъ въ концѣ жизни плательщика налогъ въ 33-хъ кратномъ размѣрѣ противъ ежегодной ставки. Таково теоретическое обоснованіе наслѣдственнаго налога, какъ единовременнаго и суммированнаго подоходнаго налога. Въ представленіи англичанъ наслѣдственный налогъ носитъ именно такой характеръ: это, въ сущности,—deferred income tax («отсроченный подоходный налогъ»; это теперь общепринятая въ Англіи кличка наслѣдственнаго налога). Даже англійскіе монахи XIII вѣка понимали близкое сродство подоходнаго и наслѣдственнаго налоговъ. Въ церковномъ законодательствѣ Англіи церковный налогъ съ наслѣдства или такъ называемый мортуарій (обычай платежа лучшей штуки скота или лучшей вещи изъ наслѣдства умершаго прихожанина) фигурируетъ именно какъ замѣна церковнаго подоходнаго налога—десятины *).

Къ чему приводитъ насъ подобная точка зрѣнія? Съ этой точки зрѣнія наслѣдственный налогъ теоретически есть *прямой* налогъ. Если это—налогъ и не ежегодный, то все же налогъ періодически повторяющійся. И, что особенно важно, наслѣдственный налогъ получаетъ то научное оправданіе, что онъ удовлетворяетъ основному правилу финансовой науки: онъ падаетъ на *доходъ*, онъ сообразуется съ *доходомъ*, приносимымъ имуществомъ. По внѣшнему виду наслѣдственный налогъ разрушаетъ капиталъ, но по существу дѣла онъ post factum утилизируетъ въ налоговыхъ цѣляхъ тѣ сбереженія дохода, которыя образовались вслѣдствіе невзиманія подо-

*) См. главу III моей книги.

ходнаго налога. Фискъ могъ бы облагать доходъ плательщика каждый годъ, но, отказываясь отъ этого, онъ въ концѣ жизни плательщика присваиваетъ себѣ сбереженія, пощаженныя въ свое время фискомъ.

Итакъ, въ представленіи англичанъ наслѣдственный налогъ есть прямой налогъ, которому присущъ характеръ подоходности. А поэтому вполнѣ послѣдовательно, въ Англіи, по крайней мѣрѣ, въ новѣйшее время, совершенно отбрасываютъ принципъ варіаціи ставокъ наслѣдственнаго налога сообразно степени родства между наслѣдодателемъ и наслѣдникомъ. Какъ извѣстно, существующія системы наслѣдственнаго налога представляютъ собою два типа: французскій и англійскій. Во Франціи варіируютъ ставки его, смотря по степени родства между наслѣдодателемъ и наслѣдникомъ; такъ, наприм., нисходящіе, получающіе небольшое наслѣдство, уплачиваютъ въ казну 1%, братья $8\frac{1}{2}$%, племянники 10%, неродственники 15% съ суммы полученнаго ими наслѣдства. Въ Англіи же эстэтъ дьюти (такъ называется тамъ основной наслѣдственный налогъ) совершенно игнорируетъ то, кому достается наслѣдство—близкимъ или далекимъ родственникамъ; фискъ смотритъ исключительно на сумму наслѣдства, и чѣмъ больше она, тѣмъ прогрессивно выше ставка наслѣдственнаго налога. Если оставленное наслѣдодателемъ имущество равно 10,000 ф. ст., то налогъ составляетъ 4%, при 100,000 ф. наслѣдственный налогъ составляетъ 6%, а при милліонномъ наслѣдствѣ уже 8%. Совсѣмъ недавно, въ апрѣлѣ 1907 г., англійскій канцлеръ казначейства Asquith внесъ проектъ новаго увеличенія прогрессивныхъ ставокъ эстэтъ дьюти (для наслѣдствъ свыше 150,000 £) именно до 15% *), такъ что наслѣдство въ 30 милл. руб. будетъ отнынѣ уплачивать эстэтъ дьюти въ размѣрѣ 4 милл. руб., безъ различія кому оно достается, дѣтямъ или дальнимъ родственникамъ. Вообще же, какъ я склоненъ думать, полная отмѣна «скáлы родства», т.-е. варіаціи ставокъ по степени родства, представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ наслѣдственнаго налога, къ какому пришли англичане послѣ испробованія различныхъ системъ взиманія его. На самомъ дѣлѣ, французскій способъ приводитъ къ тому, что племянникъ бездѣтнаго рабочаго, скопившаго небольшую сумму, уплачиваетъ значительно бóльшій процентъ налога за наслѣдство послѣ своего дяди, чѣмъ богатый сынъ за милліонное наслѣдство послѣ своего отца.

Вѣдь во Франціи считаютъ, что племянникъ долженъ платить больше, чѣмъ сынъ, ибо онъ находится въ болѣе отдáленной степени родства; поэтому, нынѣ во Франціи по закону 1902 г. племянникъ, наслѣдующій сто франковъ послѣ своего дяди-рабочаго, уплачиваетъ 10% налога, а сынъ, наслѣдующій десять милліоновъ франковъ послѣ своего отца, уплачиваетъ только $3\frac{1}{2}$%. Несообразность—очевидная! Говорятъ, что облагать

*) Ставки составляютъ: съ перваго милліона ф. ст.—10%, а съ каждыхъ послѣдующихъ 500,000 ф. с.—прибавляется по 1% (но надбавка—максимумъ 5%), такъ что наслѣдство въ 3 милл. ф. ст. уплатитъ 10% съ перваго милліона, а съ остальной суммы—15%.

дальняго родственника сильнѣе, чѣмъ близкаго, вполнѣ справедливо и цѣлесообразно. Сторонники этого взгляда ссылаются на то, что наслѣдство послѣ дальняго родственника есть случайное, просто конъюнктурное обогащеніе, а такое обогащеніе, конечно, можетъ подвергнуться усиленному обложенію: не даромъ же, наприм., повсемѣстно горячо ратуютъ въ пользу усиленнаго обложенія земельной ренты въ городахъ, гдѣ конъюнктурное обогащеніе выступаетъ особенно ярко. Однако, это—аргументъ не вполнѣ убѣдительный. Уподоблять конъюнктурное обогащеніе при наслѣдованіи обогащенію земельнаго владѣльца въ быстро растущемъ городѣ можно только съ большой натяжкой: землевладѣлецъ обогащается за счетъ общества, онъ выгадываетъ отъ дѣятельности муниципальнаго управленія и городского населенія. Облагать въ усиленныхъ размѣрахъ такое «незаслуженное» обогащеніе вполнѣ справедливо, такъ какъ этимъ путемъ городъ возвращаетъ себѣ то, что онъ самъ создалъ. Наоборотъ, въ наслѣдованіи происходитъ лишь перемѣна владѣльца имущества, и нѣтъ никакой новой цѣнности. Далѣе, самое понятіе конъюнктурнаго обогащенія въ наслѣдованіи крайне условно. Всякій признаетъ, что случаи, когда дядя наслѣдуетъ племяннику, очень рѣдки (въ противоположность случаямъ наслѣдованія племянниковъ послѣ дяди); можно сказать, что это едва ли не самое «случайное» обогащеніе при наслѣдованіи, такъ какъ почти ни одинъ дядя не имѣетъ шансовъ получить наслѣдство послѣ своего племянника. А между тѣмъ было бы крайне странно назначать разныя ставки наслѣдственнаго налога для случаевъ наслѣдованія племянниковъ послѣ дядей и дядей послѣ племянниковъ.

Въ конечномъ результатѣ, варіація ставокъ по степени родства приводитъ къ тому, что крупныя имущества сплошь и рядомъ несутъ сравнительно меньшее податное бремя, тогда какъ мелкіе завѣщательные отказы подвергаются усиленному—относительно въ 5—10 разъ большему обложенію *). Вѣдь при французской системѣ наслѣдственнаго налога законодатель наказываетъ наслѣдодателя за то, что онъ раздаетъ свое имущество дальнимъ родственникамъ и чужимъ, ибо за такую вещь фискъ требуетъ усиленныхъ жертвъ—повышенныхъ ставокъ налога, выплачиваемаго, конечно, за счетъ наслѣдства (вѣдь всегда наслѣдственный налогъ выплачивается за счетъ наслѣдства, ибо уплатить наслѣдственный налогъ можетъ и нищій). Другими словами, если милліонеръ все имущество оставляетъ однимъ лишь своимъ дѣтямъ, то налогъ будетъ сравнительно не великъ, но налогъ вздуется до огромныхъ размѣровъ, если нашъ милліонеръ вздумаетъ раз-

*) Отъ этого не спасаетъ ни свободный отъ обложенія экзистенцминимумъ (послѣдній, вообще, неудобоприменимъ во французской системѣ, а потому и не признается во Франціи, ибо часто получателемъ небольшого наслѣдства является весьма богатый человѣкъ; ср. мою книгу, стр. 478), ни голландская система, по которой дальніе родственники, если они призываются въ качествѣ законныхъ наслѣдниковъ, т.-е. за отсутствіемъ болѣе близкихъ родственниковъ, уплачиваютъ пониженныя ставки.

дать свое имущество дальнимъ родственникамъ и чужимъ. Слѣдовательно фискъ попросту наказываетъ за диффузію богатства...

Впрочемъ, съ точки зрѣнія податной политики безразлично, какъ наслѣдственный налогъ распредѣляется среди сонаслѣдниковъ. Фиску важно возможно полнѣе использовать налогоспособность наслѣдодателя, а вопросъ о томъ, какъ въ концѣ-концовъ податное бремя распредѣлится среди сонаслѣдниковъ, фискъ предусмотрѣть не можетъ. И, дѣйствительно, все будетъ зависѣть отъ воли наслѣдодателя: если послѣдній не доволенъ, что фискъ требуетъ слишкомъ большой процентъ налога съ нисходящихъ, то онъ сократитъ сумму завѣщательныхъ отказовъ въ пользу дальнихъ родственниковъ и чужихъ, заставивъ такимъ образомъ послѣднихъ расплачиваться за нисходящихъ наслѣдодателя; наоборотъ, если завѣщатель противъ того, чтобы фискъ тяжело обременялъ легатаріевъ-неродственниковъ, то онъ попросту увеличиваетъ завѣщательные отказы въ пользу этихъ легатаріевъ, уменьшая тѣмъ самымъ доли ближайшихъ наслѣдниковъ и, слѣдовательно, перенося на нихъ бремя налога. Вотъ почему необходимо организовать наслѣдственный налогъ такъ, чтобы наслѣдодатель не могъ произвольно мѣнять *общую* сумму налога, на которую въ правѣ разсчитывать фискъ, а вопросъ о томъ, какъ распредѣлится налогъ среди сонаслѣдниковъ, теряетъ значеніе. Какъ разъ этому-то условію и не удовлетворяетъ французская система наслѣдственнаго налога: благодаря варіаціи ставокъ по степени родства, наслѣдства одинаковыхъ размѣровъ несутъ совершенно различную сумму налога, только въ зависимости отъ того, какимъ лицамъ досталось наслѣдство. Это имѣетъ и то неудобство, что введеніе прогрессивныхъ ставокъ затрудняется или, вѣрнѣе, мало достигаетъ цѣли: совокупность богатства того или иного наслѣдодателя вовсе не улавливается (т.-е. отпадаетъ главный raison d'être прогрессіи), потому что наслѣдство дробится, когда оно достается нѣсколькимъ лицамъ, и слѣдовательно понижаются прогрессивныя ставки.

Такимъ образомъ, полная отмѣна «скáлы родства» вполнѣ цѣлесообразна *). Англія послѣ вѣкового опыта взиманія наслѣдственныхъ пошлинъ пришла къ выводу, что единственно правильнымъ критеріумомъ въ обло-

*) Конечно, вслѣдствіе существующихъ предразсудковъ на практикѣ трудно отказаться отъ „скалы родства". Люди привыкли считать ее наиболѣе совершеннымъ средствомъ обложенія случайныхъ обогащеній, а потому „притѣсненіе" ближайшихъ родственниковъ встрѣтятъ крайне несочувственно, хотя, какъ мы видѣли, фискъ при этой системѣ зависитъ отъ воли наслѣдодателя. Слѣдовательно, при существованіи „ск лы родства" высоту налога съ наслѣдства надо оцѣнивать исключительно въ раз ѣрѣ ставокъ для наслѣдниковъ въ первой степени родства, ибо обложеніе въ ост льныхъ степеняхъ становится, въ сущности, почти добровольнымъ: наслѣдодатель мо ѣтъ ограничить здѣсь чрезмѣрные аппетиты фиска. Называть же обложеніе по сте ени родства прогрессіей, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, по меньшей мѣрѣ неосновател но, такъ какъ иначе вносятъ большую путаницу понятій и даже явное противорѣ і (скала родства и прогрессія, въ настоящемъ смыслѣ слова, лишь трудно совмѣсти ы).

женіи наслѣдствъ можетъ быть лишь сумма наслѣдства, а не степень родства между наслѣдодателемъ и наслѣдникомъ *). Что система обложенія по скалѣ родства неудовлетворительна, начинаютъ сознавать во Франціи; указанія на неудобства ея мы находимъ и въ итальянской литературѣ. Наконецъ, въ соціалистической литературѣ Германіи рѣшительно подчеркивается въ послѣднее время мысль, что эта система обложенія вовсе не соотвѣтствуетъ интересамъ пролетаріата. Довольно характернымъ подтвержденіемъ служитъ то обстоятельство, что повсюду именно консервативныя партіи отстаиваютъ скалу родства въ наслѣдственныхъ пошлинахъ. Особенно часто требуютъ ея аграріи. Оно и неудивительно, ибо изъ всѣхъ видовъ имущества какъ разъ недвижимыя имущества передаются по наслѣдству почти исключительно ближайшимъ родственникамъ, нисходящимъ, для которыхъ ставки ниже всего.

Въ современномъ государствѣ наслѣдственный налогъ получаетъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ болѣе усиливается политическое вліяніе низшихъ классовъ населенія. Но въ данномъ случаѣ важенъ фактъ, что развитіе налога съ наслѣдства идетъ параллельно съ измѣненіями въ «соціальномъ» распредѣленіи государственныхъ расходовъ, т.-е. расходы государства начинаютъ все болѣе идти на пользу массъ; безъ этого послѣдняго обстоятельства увеличеніе наслѣдственнаго налога само по себѣ представлялось бы мертвой буквой для широкихъ слоевъ населенія. На самомъ дѣлѣ, государственный бюджетъ не есть резервуаръ, въ которомъ застаиваются капиталы, собираемые путемъ налога съ наслѣдствъ, а только каналъ, по которому расходится казенный доходъ немедленно по полученіи его. Отсюда съ полной очевидностью выясняется выдающееся значеніе перестройки государственнаго бюджета въ цѣломъ, совершающейся подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ и экономическихъ условій. Замѣчательно то, что наслѣдственный и подоходный налоги, получающіе теперь повсюду все большее развитіе, принадлежатъ къ числу самыхъ древнихъ, какія знаетъ финансовая исторія. Первый былъ въ ходу еще у египтянъ за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х. и являлся значительнымъ источникомъ казеннаго дохода въ древнемъ Римѣ; второй—практиковался, правда, скорѣе въ зачаточномъ видѣ, по законамъ Ману и былъ извѣстенъ, какъ отмѣчалъ еще Вобанъ, три тысячи лѣтъ тому назадъ.

Въ античномъ мірѣ налогъ съ наслѣдствъ служилъ преимущественно на удовлетвореніе прихотей деспота или на веденіе войнъ. Въ средніе вѣка этотъ источникъ дохода идетъ на обогащеніе клира и феодальныхъ сеньоровъ **). И совершенно новая роль выпадаетъ на него въ новѣй-

*) Я не касаюсь вовсе вопроса объ ограниченіи круга законныхъ наслѣдниковъ, ибо это имѣетъ лишь скромное практическое и ничтожное финансовое значеніе. Дѣло въ томъ, что предлагавшіеся до сихъ поръ проекты подобнаго рода не ограничиваютъ соотвѣтственно завѣщательнаго права вообще.

**) См. въ моей книгѣ гл. II и III. Обложеніе наслѣдствъ достигало въ средніе вѣка столь крупныхъ размѣровъ, до которыхъ далеко современнымъ налогамъ съ наслѣдствъ.

шее время: онъ становится орудіемъ борьбы труда противъ капитала. Рабочій классъ отвоевалъ уже крупную долю какъ въ смыслѣ участія въ продуктахъ своего труда, такъ и въ отношеніи податныхъ тягостей.

То обстоятельство, что ростъ наслѣдственнаго налога долженъ идти параллельно съ измѣненіями въ соціальномъ распредѣленіи государственныхъ расходовъ, нельзя упускать изъ виду и при предстоящихъ у насъ въ Россіи податныхъ реформахъ. Положимъ, у насъ будетъ введенъ сильно прогрессивный наслѣдственный налогъ; но если одновременно расходный бюджетъ не будетъ въ большей степени склоняться въ интересахъ широкихъ слоевъ русскаго населенія, то какая будетъ польза отъ реформы наслѣдственнаго налога? Вѣдь новый доходъ отъ преобразованнаго налога опять пойдетъ на многія непроизводительныя цѣли, на изобилующія у насъ синекуры, на сомнительные подряды и поставки. Одно лишь увеличеніе прямого обложенія далеко не рѣшаетъ вопроса, а нужно, чтобы и расходы государства приняли новое направленіе. Опытъ Запада съ полной очевидностью подтверждаетъ, что прогрессъ въ этой области возможенъ лишь подъ условіемъ демократизаціи народнаго представительства и повышенія культурнаго уровня и политическаго вліянія низшихъ классовъ. Конечно, мы не можемъ возлагать большихъ надеждъ на то, чтобы у насъ, въ Россіи, подоходный и наслѣдственный налоги сразу стали главнымъ источникомъ государственнаго дохода; но вѣдь важно не столько, чтобы во что бы то ни стало возросли прямые налоги, а важно, чтобы былъ прогрессъ въ соціальномъ распредѣленіи доходовъ *и расходовъ*. Пусть *расходный* бюджетъ Россіи склонится въ интересахъ массъ, и этого одного уже будетъ достаточно, чтобы въ скоромъ времени поднять наше обнищавшее и изстрадавшееся крестьянство на невиданную высоту. Да, въ настоящее время не только наше крестьянство и рабочій классъ несутъ почти все многомилліонное податное бремя, но и весь получаемый казною доходъ растрачивается крайне непроизводительнымъ образомъ и далеко не въ интересахъ главныхъ плательщиковъ русскихъ податей. Поворотъ въ соціальномъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ наступитъ у насъ лишь по мѣрѣ укрѣпленія народоправства, по мѣрѣ усиленія политическаго вліянія широкихъ слоевъ населенія и поднятія культурнаго уровня массъ. Пожелаемъ же поскорѣе добиться этого нашей многострадальной родинѣ!

П. Гензель.

Нашъ государственный бюджетъ въ 1907 году *).

III.

Успѣшное поступленіе въ казну обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, конечно, не можетъ еще, само по себѣ, служить показателемъ того, что бремя налоговъ переносится населеніемъ легко, что финансовая система не дѣйствуетъ на страну разорительно. С. Ю. Витте въ своемъ извѣстномъ всеподданнѣйшимъ докладѣ о росписи на 1897 годъ пытался изъ факта «блестящаго» выполненія своихъ росписей вывести заключеніе объ общемъ улучшеніи благосостоянія населенія въ Россіи, въ частности о подъемѣ не только отдѣльныхъ группъ, но даже и «нѣкоторомъ улучшеніи» общаго положенія крестьянскихъ массъ **).

С. Ю. Витте утилизируетъ здѣсь модное въ то время «марксистское» объясненіе характера эволюціи русскаго народнаго хозяйства. Поскольку дѣло идетъ о «возрастаніи общей суммы прибытковъ населенія»—разсу-

---

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1907 г.

**) Любопытно напомнить это разсужденіе. „Поскольку приходится дѣлать общія, конечныя заключенія о хозяйственномъ положеніи многомилліонной массы населенія, исполненіе бюджетовъ можетъ служить вполнѣ надежнымъ показателемъ... Именно потому, что главнѣйшая масса нашего населенія обладаетъ сравнительно низкимъ уровнемъ зажиточности и не располагаетъ значительнымъ имуществомъ или сбереженіями, бюджетъ нашъ долженъ проявлять особенную чуткость въ отношеніи роста или упадка текущихъ прибытковъ населенія... И если въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ населеніе Россіи регулярно увеличиваетъ расходъ свой на потребленіе предметовъ обложенія и на пользованіе услугами казенныхъ предпріятій, то можно съ полною достовѣрностью утверждать, что общая сумма прибытковъ населенія ея возрастаетъ. Конечно, это не отвѣчаетъ еще на вопросъ, получается ли возрастающая сумма прибытковъ путемъ равномѣрнаго подъема уровня благостоянія всѣхъ классовъ, или же путемъ болѣе быстраго хозяйственнаго прогресса лишь нѣкоторыхъ группъ населенія. *Нужно думать, что мы имѣемъ дѣло съ процессомъ второго рода,* какъ это имѣло мѣсто и во всѣхъ другихъ странахъ при переходѣ отъ чисто-сельскохозяйственнаго періода экономической жизни и системы натуральнаго хозяйства къ періоду промышленному и системѣ денежнаго хозяйства“ (*Вѣстн. Фин.*, 1897 г., № 1 стр. 5).

жденіе основано на явныхъ софизмахъ. Но констатированіе хозяйственнаго разслоенія, конечно, правильно, и, несомнѣнно, политика Витте была ферментомъ, рѣзко ускорившимъ процессъ капиталистическаго броженія, пересоздающаго на нашихъ глазахъ всю экономику русской и сельскохозяйственной и торгово-промышленной жизни. Однако и здѣсь фатальная огромность страны лишала автора нашей новой финансовой эры чувства надлежащей перспективы. Поскольку его политика не только наркотизировала, а дѣйствительно оживляла производительныя силы Россіи— она была безоглядно расточительна, и эта расточительность компенсировалась только огромностью Россіи. «Широкій размахъ» имперіалистической политики С. Ю. Витте, неразрывно связанной съ его финансовыми мѣропріятіями *), не только усиливалъ процессы экономической диференціаціи, но усиливалъ ихъ несомнѣнно на счетъ безжалостнаго принесенія въ жертву слишкомъ широкихъ массъ народныхъ. Этому въ сильнѣйшей степени содѣйствовала общая политическая реакція, парализовавшая и обезпложивавшая и то, что дѣйствительно созидалось.

Политика, которая, сохраняя масштабъ своего «размаха», относилась бы иначе къ живымъ силамъ страны, опираясь на признаніе ихъ политическихъ правъ, на просвѣщеніе, на нестѣсняемую хозяйственную самодѣятельность, вмѣсто этого процвѣтанія меньшинства, за счетъ жестокаго расточенія производительныхъ силъ большинства, могла бы въ результатѣ создать дѣйствительную эру экономическаго расцвѣта Россіи, дѣйствительную огромную финансовую мощь ея. Тогда этотъ успѣхъ могъ бы быть цѣликомъ поставленъ въ активъ его создателю, а нынѣ мы должны сказать, подводя итогъ высказаннымъ выше соображеніямъ: процессъ капиталистической диффеенціаціи только при условіяхъ необъятной огромности Россіи помогъ ей снести бремя неудачной войны, даетъ ей возможность выдерживать ея двухмилліардный бюджетъ, несмотря на состояніе общественной анархіи, несмотря на политическую, соціальную и экономическую деградацію огромныхъ массъ, несмотря на расточительность имперіалистской политики, несмотря на безумную близорукость реакціи.

---

*) Мысль о неразрывной связи нашей внѣшней политики и внутренней реакціи съ финансовой политикой Витте ярко выражена С. Н. Булгаковымъ въ его бюджетной рѣчи. „Вся эта наша имперіалистическая политика—сосредоточеніе въ рукахъ безотвѣтственнаго и могущественнаго правительства огромной военной и финансовой мощи—должна была неизбѣжно натолкнуть на путь внѣшнихъ завоеваній, не оправ-аемыхъ ни экономической, ни политической необходимостью... Русское прави-ьство, развивая производительныя силы страны въ цѣляхъ поднятія русскихъ фи-ковъ могло пойти только по пути централизма, развитія крупной промышленно- и для него были закрыты дѣйствительные пути поднятія народныхъ силъ...

Пусть же поэтому не думаютъ господа справа, что политика Витте является -имъ-то противорѣчіемъ, какой-то какъ бы измѣной этому общему теченію; на-тивъ, это была—я скажу—единственно возможная при данныхъ условіяхъ по-ка, я скажу—это была виртуозная политика, я скажу—это была замѣчательная -тика, но политика ложная въ своей основѣ... (Гос. Дума. Засѣданіе 17, стр. 1250).

Проф. Озеровъ въ цитированной нами выше главѣ его книги осторожно замѣчаетъ: «авторъ не исключаетъ, конечно, финансоваго банкротства, онъ только утверждаетъ, что такъ, какъ дѣло обстоитъ сейчасъ, это банкротство непосредственно не угрожаетъ, но если возникнутъ какія-либо внутреннія серьезныя осложненія—картина можетъ измѣниться» *).

Мы могли бы прибавить: такія осложненія были въ концѣ 1905 и началѣ 1906 г. Усиленію ихъ дѣйствія способствовала тогдашняя паника правительства, но и при такихъ обстоятельствахъ русское государственное хозяйство, хотя съ большими потерями, съ расшатаннымъ кредитомъ, съ огромнымъ увеличеніемъ бумажнаго обращенія—все же оказалось слишкомъ эластичнымъ и выносливымъ.

Конечно, всякая выносливость имѣетъ предѣлъ. Но видѣть въ достиженіи его нѣкоторую экономическую неизбѣжность, тѣмъ болѣе—строить на этой неизбѣжности какіе-либо политическіе разсчеты или основывать на этомъ свою тактику политической борьбы—было бы ошибочной и близорукой односторонностью. Подобные взгляды—отзвукъ отжившей свое время Verelendungstheorie, въ сущности противорѣчащей болѣе глубокимъ основамъ той же Марксовой теоріи исторической эволюціи. Гораздо болѣе вѣроятный прогнозъ будущихъ судебъ Россіи долженъ былъ бы опирать упроченіе ея новаго политическаго строя не на доведеніи страны до невозможности нести ея финансовое бремя, а наоборотъ на положительныхъ сторонахъ развитія нашего капитализма. Для стараго режима, напримѣръ, тотъ типъ экономически самостоятельнаго зажиточнаго крестьянства, который усиленно насаждается имъ въ цѣляхъ оплота противъ революціи, можетъ въ концѣ-концовъ оказаться гораздо болѣе стойкимъ и опаснымъ врагомъ, чѣмъ нынѣшнія безсмысленно-бунтовщическія пауперизованныя массы.

Игравшая доселѣ столь плачевную роль наша крупная промышленная буржуазія, когда создадутся прочные устои для ея развитія, можетъ оказаться серьезнымъ противовѣсомъ оплоту стараго режима—земельной и чиновной аристократіи раньше, чѣмъ какое-либо «государственное банкротство» станетъ непосредственно угрожать финансамъ русскаго правительства.

Мы мимоходомъ коснулись чрезвычайно сложной темы, которую конечно здѣсь можно только намѣтить.

Вернемся къ бюджету.

Доходный бюджетъ послѣ войны, какъ мы указали, сталъ довольно правильно возрастать. Тѣмъ не менѣе 1906 годъ былъ законченъ съ огромнымъ дефицитомъ, равнаго которому не было въ исторіи нашихъ финансовъ.

Въ новѣйшее время въ росписяхъ дефицитъ получилъ у насъ деликатное наименованіе «дохода отъ предстоящихъ кредитныхъ операцій». Въ

---

*) Op. cit., стр. 251.

отчетахъ же объ исполненіи росписи 1906 г. онъ даже совсѣмъ исчезъ и замѣнился избыткомъ доходовъ въ 63,5 мил. р. *).

Эта цифра получается такимъ образомъ:

Обыкновенныхъ расходовъ 1906 г. исполнено и подлежитъ выполненію	2.050.398.000 руб.
Чрезвычайныхъ расходовъ (кромѣ вызванныхъ войною)	170.362.620 „ **)
Чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войною	919.476.560 „ ***)
На покрытіе дефицита 1905 г.	157.990.820 „
Всего	3.298.228,000 „

Этотъ небывалыхъ размѣровъ расходный бюджетъ въ его чрезвычайной части только на 221,5 мил. руб. покрывается избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ (2.273,5 мил.) надъ обыкновенными расходами. На 16,2 м. онъ покрытъ былъ экономіей въ расходахъ, на которой настояла первая Государственная Дума ****). 5,5 мил. дали спеціальные капиталы, обращенные въ казну, 1,6 м.—вѣчные вклады. Вся же остальная огромная сумма въ 1.075.929,683 р. получилась отъ займовъ *****).

Исключая изъ разсчета дефицитъ 1905 г., мы получаемъ для 1906 г.

Расходовъ	3.140,2 милл. руб.
Доходовъ	2.285,8 » »
Дефицитъ	854,4 милл. руб.

*) И здѣсь и раньше мы цитируемъ цифры исполненія росписи 1906 года, гдѣ только возможно, не по объяснительной запискѣ министра финансовъ, а по болѣе позднимъ, хотя все же только предварительнымъ „кассовымъ свѣдѣніямъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1906 годъ" (см. *Вѣст. Фин.*, 1907 г., № 15). Но въ этихъ „свѣдѣніяхъ" отсутствуютъ сколько-нибудь расчлененныя данныя о государственныхъ расходахъ.

**) Въ томъ числѣ: 110,0 м. р. пособія пострадавшимъ отъ неурожая; 41 мил. на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ: 11,2 мил. ссудъ нефтепромышленникамъ; 8,0 мил. ссудъ землевладѣльцамъ, пострадавшимъ отъ безпорядковъ. Остальныя на выдачу ссудъ частнымъ желѣзнымъ дорогамъ (0,2 м.) и операціонные расходы по выпуску ренты и серій (0,04).

***) На расходы, связанные съ войною и ея послѣдствіями 467,6 мил. руб. (въ рубрику „послѣдствій войны" включенъ между прочимъ и расходъ въ 7,6 мил. руб. на „возмѣщеніе военному министерству дополнительныхъ расходовъ по содержанію и мобилизаціи войскъ, привлекаемыхъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ", на основаніи закона 6 декабря 1905 г.); операціонные расходы по выпуску займовъ 1905 и 1906 гг. и краткосрочныхъ обязательствъ 7,0 мил.,—погашеніе краткосрочн. обязательствъ 1905 г.—144,2 м. р. и 1906 г. 300,7 м. р.

****) Обращено на продовольственную помощь: 6,5 мил. по обыкновеннымъ смѣ- [illegible]тъ, 5,2 по чрезвычайнымъ и 4,5 остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ [illegible]тъ, согласно Высочайше утвержденному журналу сов. министровъ 13 сентября [illegible]06 г. во исполненіе перваго русскаго „одобреннаго Государственною Думою и [illegible]сударственнымъ Совѣтомъ" закона 3 іюля 1906 г. Въ вышеприведенный разсчетъ [illegible]эсурсовъ покрытія дефицита 1906 г. при сложеніи нашихъ цифръ должно входить [illegible]ько 4,5 мил., остальныя вошли уже въ соотвѣтственныя рубрики расходовъ.

[illegible]**) 35 мил. руб. ренты, выпущенной въ августѣ 1906 г.; 704,5 мил. руб. отъ [illegible]ѣльскаго внѣшняго займа и 336,4 мил. р. отъ реализаціи краткосрочныхъ обя[illegible]зательствъ въ 1906 г. за учетомъ процентовъ и коммиссіи.

Это—дѣйствительный результатъ сведенія росписи 1906 г. Удивляться ему, конечно, нѣтъ причинъ, но чтобы вмѣсто него за покрытіемъ 158 милл. дефицита 1905 получить показанный въ отчетѣ министерства финансовъ избытокъ доходовъ въ 63,5 милл. руб., нужно къ доходамъ прибавить всю указанную выше сумму (1.075,9 милл.), полученную путемъ займовъ. Однако показанная цифра дефицита еще не полна. Къ ней надо прибавить 18 милл. руб. перерасхода по винной монополіи, взамѣнъ которой выпущены были векселя или квитанціи государственнаго казначейства, учитывавшіеся въ государственномъ банкѣ. Существованіе такихъ непредусмотрѣнныхъ закономъ отношеній между банкомъ и казначействомъ министръ финансовъ отрицалъ въ Государственной Думѣ *), но его словамъ депутатъ Родичевъ противопоставилъ свое «свидѣтельское показаніе» **), не оставляющее сомнѣнія въ томъ, что подобныя сдѣлки совершались. Впрочемъ, и самъ г. Коковцевъ не отрицалъ ихъ въ приложеніи къ требованіямъ контрагентовъ казны при перерасходахъ по желѣзнымъ дорогамъ, но сумма этихъ послѣднихъ перерасходовъ для 1906 г. осталась невыясненной. По газетнымъ свѣдѣніямъ ***) она достигла 30.910,000 руб., въ росписи 1906 г. на эту статью ассигновано 14 милл. руб., но министръ финансовъ отрицалъ, что эта сумма назначена на перерасходы 1906 г. На чьей сторонѣ истина—объ этомъ можно будетъ судить лишь по появленіи соотвѣтственныхъ «свѣдѣній государственнаго контроля о желѣзныхъ дорогахъ» ****).

Какъ бы однако ни было, въ 1906 г. былъ ликвидированъ весь указанный выше дефицитъ, и бюджетъ 1907 г. открывался формально даже при нѣкоторой «свободной наличности» государственнаго казначейства въ 63,5 м. р. Въ дѣйствительности, какъ только что указано, вмѣсто этой наличности былъ небольшой дефицитъ, который не представлялъ существеннаго значенія.

Но обсужденіе новой росписи должно было происходить въ условіяхъ совершенно необычныхъ. Роспись должна была впервые имѣть въ виду встрѣчу съ критикой и запросами народнаго представительства.

Отразилось ли это и чѣмъ именно на цифрахъ ея? Что новаго внесло министерство въ свое отношеніе къ бюджету? Отвѣтъ на это можетъ быть весьма краткій—ничего.

Съ живымъ нетерпѣніемъ всѣ ожидали того дня, когда русскій министръ финансовъ впервые разовьетъ передъ представителями населенія свои за-

---

*) Государственная Дума. Засѣданіе 13, стр. 849.

**) Государственная Дума. Засѣданіе 14, стр. 974.

***) *Рѣчь*, 23 декабря 1906 г. и 18 января 1907 г.

****) Здѣсь мы должны исправить еще одну неточность бюджетной рѣчи г. министра финансовъ. Отвѣчая депутату Кутлеру, онъ увѣрялъ Думу, что краткосрочныя обязательства на 53 милл. руб., давшія возможность показать при сведеніи росписи 1906 г. избытокъ доходовъ вмѣсто мелкаго дефицита, выпущены были въ октябрѣ. Офиціальное разъясненіе министерства финансовъ, дающее „полныя и точныя свѣдѣнія“ о всѣхъ выпущенныхъ по 8 ноября 1906 года крат. обязательствахъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ III выпускѣ ихъ въ германской валютѣ. И дѣйствительный срокъ ихъ выпуска донынѣ остается никому не извѣстнымъ.

мыслы въ области финансовыхъ реформъ, свои творческія идеи въ дѣлѣ преобразованія нашего бюджета, свое profession de foi, свою финансовую программу.

Но выступилъ г. Коковцевъ, сказалъ одну рѣчь, другую, третью—и разочарованное недоумѣніе палаты выразилось въ горько-саркастическихъ словахъ Ѳ. И. Родичева.

«Тѣ разъясненія, которыя мы здѣсь получили,—такъ формулировалъ депутатъ свою мысль,—это не тѣ разъясненія, которыя впервые созванному народному представительству для разсмотрѣнія бюджета, представительству, созванному во время крутого перелома всего правового уклада, должны быть приносимы, какъ основанія бюджета... Въ трудное время финансоваго кризиса мы ждали указанія тѣхъ путей, по которымъ правительство поведетъ народное хозяйство. Намъ прохаживались съ ироніей насчетъ «послѣдней копейки», о которой министръ слышалъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ тому назадъ и которая все еще до сихъ поръ не взята съ народа. Это не провокація, господа, я въ этомъ убѣжденъ, но это то непониманіе, съ которымъ боги тщетно боролись и съ которымъ трудна будетъ борьба Думы. Это врагъ самый опасный. Непониманіе правителей не разъ доводило страну до разрушенія» *).

Ни финансовой программы, ни плана проведенія какихъ-либо общихъ реформъ не оказалось у русскаго министра финансовъ, и вмѣсто критики ихъ намъ поэтому приходится ограничиться лишь констатированіемъ ихъ отсутствія. Рядъ не связанныхъ между собою внесенныхъ въ Думу законопроектовъ о новыхъ налогахъ, хотя бы въ нихъ фигурировалъ даже подоходный налогъ—не можетъ, конечно, считаться выраженіемъ какой-либо общей программы.

Единственной общей идеей было, повидимому, какъ мы видѣли выше, забронировать бюджетъ и предоставить палатѣ иниціативу его измѣненій, занявши позицію оборонительную, а въ случаѣ отверженія бюджета—перейти въ наступленіе. Но эта программа скорѣе стратегическая, чѣмъ финансовая.

Посмотримъ, что намъ даетъ проектъ росписи, внесенный въ Думу. Общіе итоги его таковы (въ милл. руб.).

	Доходовъ.	Расходовъ.
Обыкновенныхъ . . .	2.175,06	2.173,1
Чрезвычайныхъ . . .	10,5 **)	245,6 **)
Итого . . .	2.185,5	2.418,7
Дефицитъ .	233,2	

*) Государственная Дума. Засѣданіе 14, стр. 967, 972—973.

**) Наши цифры отличаются отъ офиціальныхъ: 1) 53,0 милл. руб. краткосроч. зательствъ выключены изъ доходовъ и расходовъ какъ чисто оборотныя суммы. Превышеніе доходовъ 1906 г. надъ расходами за указаннымъ отчисленіемъ при-чо согласно цифрѣ данной въ кассовыхъ свѣдѣніяхъ (*Вѣст. Фин.*, 1907 годъ,

Дума, какъ извѣстно, ассигновала еще 23,5 милл. руб. на продовольственную помощь. Такимъ образомъ, сумма дефицита должна еще возрасти. Для покрытія его были выпущены 4% рента: на 70 милл. въ январѣ и на 50 милл. въ іюнѣ. Январскій выпускъ, по курсу 72 за сто, далъ 50,5 милл. руб., іюньскій (вѣроятно, по 70 за 100) — 35,0 милл., а за вычетомъ процентовъ (2,8+1,25 м.)—всего около 81,5 милл.

Остается, такимъ образомъ, непокрытаго дефицита, по исчисленіямъ министра финансовъ, свыше 170 милл. руб., и, сколько извѣстно, въ послѣднее время ведутся какіе-то переговоры о соотвѣтственномъ внѣшнемъ займѣ. Однако цифра, опредѣленная министромъ финансовъ, подлежитъ большимъ сомнѣніямъ. Она въ значительной мѣрѣ является результатомъ системы преуменьшеннаго исчисленія доходовъ, практикуемой министерствомъ финансовъ со временъ Витте. Въ самомъ дѣлѣ, сумма обыкновенныхъ доходовъ проектомъ росписи опредѣлена въ 2,175 милл. руб., т.-е. *на 98,5 м. р.* менѣе дѣйствительнаго поступленія 1906 года. Между тѣмъ изъ недавно опубликованныхъ предварительныхъ свѣдѣній о поступленіи доходовъ за 4 первые мѣсяца 1907 года видно, что за этотъ періодъ поступило *болѣе* 1906 г. на 9,8 милл. руб. *). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дефицитъ по росписи сведется къ довольно скромной цифрѣ. Къ сожалѣнію, детальныя вычисленія по отдѣльнымъ рубрикамъ доходной росписи превысили бы предѣлы, допустимые въ журнальной статьѣ, и потребовали бы наличности матеріаловъ, мало доступныхъ для частнаго лица. Бюджетная коммиссія Государственной Думы, закончивши разсмотрѣніе большинства расходныхъ смѣтъ, незадолго до момента роспуска избрала подкоммиссію подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Кутлера для общаго разсмотрѣнія смѣтъ доходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, которое и должно было бы дать въ результатѣ болѣе точные и менѣе тенденціозные выводы о размѣрахъ ожидаемыхъ доходовъ. Подкоммиссія не успѣла приступить къ работѣ, и намъ приходится ограничиться лишь нѣсколькими иллюстраціями къ разсчетамъ министра финансовъ въ области доходнаго бюджета.

Такъ, въ одной изъ наиболѣе крупныхъ рубрикъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ допущенъ такой разсчетъ. Расходы по эксплоатаціи ихъ въ послѣднія 5 лѣтъ по отношенію къ валовому доходу составляли:

1902 года		73,8%
1903 »		68,1%
1904 »		71,5%
1905 »		77,4%
1906 »		75,6%
роспись 1907 »		*81,5%*

№ 15). 3) Часть дефицита, уже погашенная выпускомъ ренты 24 января (47,7 м. р.) присоединена къ непокрытой его части, обозначенной какъ „доходъ отъ предстоящихъ кредитныхъ операцій“ (186,6 м. р.).

*) *Вѣст. Фин.* 1907 г., № 30. А мы видѣли выше, что именно въ первые мѣсяцы 1906 г. поступленія были ненормально высоки. По краткимъ и не совсѣмъ полнымъ свѣдѣніямъ за 6 мѣсяцевъ 1907 г., сообщаемымъ *Торг. Промышл. Газетой,* превышенія поступленій сравн. съ 1906 г. опредѣляются уже въ суммѣ до 28 милл. руб.

Вычисленіе расходовъ эксплоатаціи по росписи на 4% превышаетъ наивысшую цифру изъ пяти послѣднихъ лѣтъ. Эти 4% доходности составляютъ около 19,5 милл. руб., и, по крайней мѣрѣ, на эту сумму должна быть исправлена смѣта. Тотъ же самый результатъ мы получимъ, если обратимъ вниманіе на то, что на непредвидѣнные расходы на случай увеличенія движенія въ 1907 году назначено 14 милл., а пропорціональное этому увеличеніе валовой доходности не включено. Если примемъ, какъ и выше, норму для расходовъ эксплоатаціи въ 77% доходности, то прибавка должна составить также около 19 милл. *).

По даннымъ за четыре первыхъ мѣсяца 1907 года казенныя дороги уже дали излишекъ въ 17,1 милл. надъ поступленіями 1906 г. Эта цифра даетъ намъ основаніе предполагать, что наша поправка въ 19,5 милл. для цѣлаго года достаточно осторожна **), тогда какъ способъ составленія смѣты доходовъ по этой статьѣ прямо ошибоченъ.

---

*) Впрочемъ, указанные 14 милл. фигурируютъ въ росписи подъ названіемъ „покрытіе перерасходовъ предыдущихъ лѣтъ", и послѣдняя часть нашего разсчета имѣетъ значеніе только въ томъ случаѣ, если мы согласимся съ приведеннымъ выше объясненіемъ министра финансовъ въ Государственной Думѣ по поводу этой цифры.

Здѣсь небезынтересно будетъ привести общій подсчетъ результатовъ нашего желѣзнодорожнаго хозяйства, поскольку о немъ можно судить по цифрамъ росписей. Мы включаемъ въ наше вычисленіе исключительно только обыкновенные доходы и расходы, исключая чрезвычайные (вызванные войною, постройка новыхъ дорогъ и т. п.).

	1906 г.	1907 г.
	Милл. руб.	
Доходы.		
§ 23. Эксплоатація каз. жел. дорогъ	442,7	471,5
§ 13. Сборъ съ пассажировъ и грузовъ	18,0	18,2
§ 31. Обязательные платежи обществъ жел. дорогъ	10,8	8,2
§ 26. Прибыли отъ участія казны въ доходахъ частныхъ жел. дорогъ	1,8	0,7
Итого	473,3	498,6
Расходы.		
№№ 202—207. Казенныя жел. дороги	448,4	447,0
№№ 413—416. Платежи по желѣзнодор. займамъ .	*135,6*	*135,6*
№№ 126—128. Деп. желѣзнодор. дѣлъ	23,5	30,3
№№ 410—412. Желѣзнодорожный контроль	ок. *3,7*	ок. *3,7*
Итого	611,2	646,6
Дефицитъ	137,9	148,0

Цифры, набранныя курсивомъ—по послѣднему отчету гос. контроля (за 1905 г.).

Согласно сказанному въ текстѣ мы можемъ этотъ дефицитъ для 1907 г. умень- и ь на 19 милл. руб., а для 1906 г. дѣйствительное исполненіе росписи также дало в істо 473,3 милл. руб.—517 милл., т.-е. на 43,7 милл. больше, чѣмъ было предп оложено по смѣтѣ. Но здѣсь вошла часть доходовъ, которая по существу должна б принадлежать концу 1905 г.

**) По краткимъ свѣдѣніямъ за 6 мѣсяцевъ 1907 года, превышеніе доходовъ по к . жел. дорогамъ надъ уровнемъ прошлаго года составляетъ 17,1 милл., несмотря н исключительно высокую цифру поступленій по каз. жел. дор. въ апрѣлѣ про- ...го года (48,0 милл. противъ 38,7 милл. 1906 г. и 35,6 милл. 1905 г.).

Въ нѣсколько иномъ положеніи находится другая первенствующая у насъ отрасль доходнаго бюджета—винная монополія. Необыкновенно сильное поступленіе питейнаго дохода въ 1906 г. (на 129,1 милл. руб. противъ росписи и на 88,2 милл. р. противъ 1905 г.) къ концу его стало замѣтно замедляться. Въ виду этого роспись 1907 г. исчислила его всего въ 673 милл. руб.—на 24,6 милл. менѣе дѣйствительнаго дохода 1906 г. (697 милл.). И въ самомъ дѣлѣ, за 6 мѣсяцевъ валовой доходъ 1907 г. оказался на 0,5 милл. руб. ниже прошлогодняго, хотя въ первые 3 мѣсяца онъ далъ избытокъ надъ соотвѣтственными періодами прошлаго года въ 5,8 милл. руб., т.-е. на 5,6%.

Благодаря разсчетамъ на повышеніе потребленія и сильному повышенію цѣнъ на спиртъ, побудившему министерство финансовъ даже къ закупкѣ 1 милл. пуд. спирта за границей, потребовалась добавочная ассигновка, которая и дана была думской бюджетной коммиссіей въ сокращенномъ размѣрѣ 3.910,000 руб.

Преждевременно дѣлать заключенія объ окончательныхъ результатахъ монопольнаго хозяйства въ текущемъ году; во всякомъ случаѣ, если и можно ожидать сокращенія потребленія и дохода, то не столь сильнаго, какъ предположено по росписи, болѣе же вѣроятенъ нѣкоторый избытокъ.

Что касается остальныхъ рубрикъ доходной росписи, то рядъ ихъ, по которымъ ожидалось уменьшеніе дохода противъ дѣйствительнаго поступленія 1906 года, обнаружилъ, по крайней мѣрѣ въ первые три мѣсяца 1907 г., повышеніе его. Таковы налоги поземельные, съ недвижимостей и податей, сборы съ питей, портовые, пошлины гербовыя, судебныя, канцелярскія и съ застрахованныхъ имуществъ, лѣсной доходъ, казенные заводы.

По другому ряду рубрикъ повышеніе, разсчитанное на цѣлый годъ, было превзойдено уже въ 3 мѣсяца. (Прибыль отъ капиталовъ и банковыхъ операцій, нефтяной доходъ, оброчныя статьи и промыслы, монетный доходъ, крѣпостныя и наслѣдственныя пошлины [за 5 мѣсяцевъ]). Иные виды доходовъ, по которымъ предположено было слабое повышеніе, повысились уже за первые мѣсяцы непропорціонально высоко (промысловый налогъ). Многіе, по которымъ было предположено сильное пониженіе, понизились несоотвѣтственно слабо (сахарный, таможенный, табачный, спичечный, пошлины разныхъ наименованій). По отмѣненнымъ выкупнымъ платежамъ за 5 мѣсяцевъ недоимокъ поступило непонятнымъ для насъ образомъ вдвое больше, чѣмъ предположено на цѣлый годъ (4,997 тыс. р. вмѣсто 2,500 тыс.).

И лишь весьма немногія рубрики обнаружили, насколько можно судить за 3 мѣсяца, соотвѣтствіе смѣтнымъ предположеніямъ.

Имѣющіяся данныя недостаточны, чтобы можно было выводить какіелибо цифровые итоги для цѣлаго года, но всѣ элементы ихъ указываютъ, что доходныя предположенія смѣты составлены совершенно несоотвѣтственно съ доступной предвидѣнію вѣроятностью. Исчисленный на осно-

ваніи ихъ дефицитъ долженъ будетъ въ дѣйствительности сильно сократиться.

Тенденціозная система составленія русскихъ доходныхъ смѣтъ, дававшая при Витте возможность министерству финансовъ широкаго, нестѣсненнаго ничьимъ контролемъ, распоряженія «непредусмотрѣнными» избытками, теперь имѣетъ въ виду или какую-то иную цѣль и смыслъ, или же, что наиболѣе вѣроятно, не имѣетъ никакихъ и практикуется просто по бюрократической инерціи. Для иллюстраціи можно здѣсь противопоставить англійскую практику. Тамъ «каждое вѣдомство отвѣтственно за цифры, передаваемыя имъ канцлеру казначейства,—говорилъ Гошенъ въ своей бюджетной рѣчи въ палатѣ общинъ въ 1890 г.,—таможня, департаментъ внутреннихъ доходовъ исчисляютъ вѣроятное поступленіе каждаго отдѣльнаго источника доходовъ и гордятся, если не сдѣлаютъ ошибокъ». И на самомъ дѣлѣ, исчисленія англійской администраціи бываютъ обыкновенно точны *). Такъ, напр., исполненіе бюджета Гаркорта на 1903—4 г. отклонилось отъ смѣтныхъ предположеній всего на $^1/_2$%.

У насъ, наоборотъ, министръ финансовъ тѣмъ болѣе считаетъ возможнымъ гордиться, чѣмъ менѣе точны его исчисленія, чѣмъ болѣе они лишены всякаго соотвѣтствія съ дѣйствительностью.

Мы не будемъ здѣсь касаться критики нашего доходнаго бюджета съ точки зрѣнія нераціональности нашей финансовой системы. Объ этомъ достаточно писалось уже. Налоговая часть бюджета 1907 г. осталась безъ всякихъ измѣненій сравнительно съ предыдущимъ годомъ.

Что касается разработки расходной части новой росписи, она составила главную и наиболѣе трудную часть работы думской бюджетной коммиссіи, тѣмъ болѣе трудную, что на отстаиваніе своихъ позицій въ этой области реакція направила главныя изъ своихъ мѣропріятій. «Въ той массѣ смѣтныхъ книжекъ, которыя предстали передъ нами,—говорилъ въ Думѣ П. Б. Струве,—мы увидѣли воочію въ одной изъ самыхъ важныхъ областей государственной жизни цѣлые пласты, цѣлыя ужасающія наслоенія стараго порядка, и во имя осады стараго порядка мы будемъ всѣми доступными намъ средствами бороться за то, чтобы эти наслоенія были сорваны, чтобы они были расчищены въ интересахъ народнаго кошелька и въ интересахъ государственнаго хозяйства» **).

Но именно здѣсь осаждающіе наткнулись на бронированные форты основныхъ законовъ и бюджетныхъ правилъ, и въ свою очередь были подвергнуты безпримѣрной блокадѣ, лишившей ихъ и важнѣйшихъ вспомо[...]тельныхъ матеріаловъ, и возможности содѣйствія въ работѣ со сторо[...] [...] какихъ бы то ни было частныхъ лицъ, кромѣ спеціально аккредит[...]ванныхъ министерствомъ. A la guerre comme à la guerre, и мы можемъ съ [...]стетической точки зрѣнія искренно восхищаться дипломатическимъ ис-

———

*) Р. *Стурмъ*: „Бюджетъ", Спб., 1907 г., стр. 159.

**) Засѣд. 13, стр. 864.

кусствомъ П. А. Столыпина, отдававшаго, согласно своей декларацiи, въ распоряженiе Думы «всѣ силы и средства правительства» въ видѣ полицейскихъ чиновъ, поставленныхъ у входа, чтобы не пропустить въ засѣданiя коммиссiй кн. Г. Е. Львова и профессоровъ Петражицкаго и Озерова. Для англiйскаго парламента, какъ извѣстно, невозможно только одно—обратить мужчину въ женщину. П. А. Столыпинъ для русскаго парламента мечталъ достигнуть почти этого, предлагая въ своемъ классическомъ письмѣ къ предсѣдателю Думы для надобностей думскихъ коммиссiй превращать указываемыхъ Думою лицъ въ нѣчто, если не женскаго, то, во всякомъ случаѣ, средняго рода, прикомандированное къ соотвѣтственному министерству.

Въ такой постановкѣ эта эпопея не имѣетъ прецедентовъ въ парламентской исторiи Запада *). Можно надѣяться, конечно, что съ наступленiемъ болѣе нормальныхъ временъ эта недостойная политическая игра отойдетъ въ область преданiя, но для перваго дебюта она, конечно, существенно затруднила работу коммиссiи, огромное дѣло изученiя русскаго бюджета. Надо однако понимать, что обычныя ежегодныя бюджетныя коммиссiи совершенно не могутъ брать на себя этой задачи во всемъ ея объемѣ. Для подготовки реформы нашего бюджета необходима одна, или вѣрнѣе цѣлый рядъ спецiальныхъ парламентскихъ коммиссiй, организованныхъ или въ законодательномъ порядкѣ, или въ порядкѣ, указываемомъ регламентомъ; коммиссiй, съ опредѣленнымъ уставомъ, точно обозначенными спецiальными цѣлями, съ опредѣленной компетенцiей, на которую никто не могъ бы посягать, съ правомъ требовать всѣ нужные матерiалы, приглашать свидѣтелей для дачи показанiй и экспертовъ для техническихъ справокъ,—однимъ словомъ, парламентскiя коммиссiи западно-европейскаго типа, безъ которыхъ немыслима подготовка и постановка на очередь сколько-нибудь крупныхъ реформъ.

О такой парламентской коммиссiи для изученiя бюджета, организованной въ законодательномъ порядкѣ, заходила уже рѣчь въ средѣ членовъ думской бюджетной коммиссiи, и постановка на очередь этого вопроса должна бы принадлежать ближайшему будущему.

Что касается движенiя нашего обыкновеннаго расходнаго бюджета, то за послѣднiе годы онъ возрасталъ такимъ образомъ (въ милл. руб.).

Годы.	Израсходовано.	Увелич. сравн. съ предыд. год.	
1902 . . .	1.802,1	—	—
1903 . . .	1.883,0	+ 80,9	+4,5%
1904 . . .	1.906,8	+ 23,8	+1,3%
1905 . . .	1.925,2	+ 18,4	+1,0%
1906 **) . .	2.050,4	+125,2	+6,5%
1907 ***) . .	2.173,1	+122,7	+6,0%

*) См. статьи В. М. Гессена и М. Я. Острогорскаго въ газетѣ *Рѣчь* въ апрѣлѣ 1907 года.

**) По предварительнымъ свѣдѣнiямъ.

***) По проекту росписи.

Расходы, сдерживавшіеся экономіей во время войны, съ окончаніемъ ея вновь стали возрастать.

По отдѣльнымъ вѣдомствамъ эти измѣненія идутъ въ такомъ порядкѣ.

	Увелич. противъ предыд. года. 1906 г.	1907 г.
Министерство финансовъ	+33,0	+50,7
Въ т. числѣ винная монополія .	+ *6,5*	+*51,4*
Платежи по займамъ.	+28,2	+45,6
Министер. путей сообщенія . . .	+25,7	+28,2
Въ т. числѣ каз. жел. дор. . .	+*27,6*	+*28,8*
Министерство военное.	+ 0,1	+11,8
Главн. управленіе земледѣлія . .	+ 3,8	+10,3
Министерство внутрен. дѣлъ . .	+18,8	+ 6,9
Министерство народн. просвѣщенія	+ 1,3	+ 6,7

Наоборотъ, расходы по морскому министерству, какъ извѣстно, должны были уменьшиться: (—12,6 и —23,1 м. р.). Остальныя вѣдомства остались почти безъ перемѣнъ.

Этихъ измѣненій нельзя признать особенно значительными, исключая трехъ первыхъ рубрикъ, изъ которыхъ платежи по долгамъ—наслѣдіе войны, а остальныя—отрасли хозяйства, гдѣ расходы необходимы для полученія доходовъ. При выработкѣ новой росписи совѣтъ министровъ въ виду труднаго положенія государственнаго казначейства, по предложенію г. министра финансовъ, постановилъ, чтобы министры и главноуправляющіе приняли всѣ мѣры къ сокращенію государственныхъ расходовъ, «безотлагательно вошли бы въ соображеніе вопроса о томъ, какія изъ подвѣдомственныхъ имъ должностей или учрежденій могли бы подлежать упраздненію, какъ не представляющіяся безусловно необходимыми» и чтобы со стороны ихъ «были приняты всѣ мѣры къ сокращенію отпускавшихся уже по смѣтамъ ассигнованій хотя бы съ нѣкоторымъ ущербомъ въ менѣе важныхъ отрасляхъ дѣятельности вѣдомствъ. Въ частности должно быть обращено особое вниманіе на уменьшеніе строительныхъ расходовъ и на отсрочку строительныхъ и ремонтныхъ работъ» *). Такое стремленіе къ экономіи, конечно, вынуждено. Оно, повидимому, выполняется и на дѣлѣ, ибо по свѣдѣніямъ за 4 мѣсяца 1907 г. обыкновенныхъ расходовъ произведено всего только 615,8 мил. — на 87,5 мил. руб. меньше, чѣмъ за соотвѣтственный періодъ прошедшаго года.

Но не надо забывать, что подобная экономія можетъ имѣть лишь вт ростепенное значеніе, пока остаются въ прежнемъ видѣ самыя основы ст раго расходнаго бюджета.

А расходный бюджетъ непосредственно связанъ со всей системой уп звленія. Та часть его, которая касается содержанія административн ъ учрежденій, можетъ быть кореннымъ образомъ реформирована лишь

*) Выс. утвержд. 19 сентября 1906 г. особый журналъ совѣта министровъ.

путемъ ослабленія централизма, перенесенія цѣлаго ряда функцій, гипертрофирующихъ административную іерархію, на органы мѣстнаго самоуправленія. Только при этомъ могутъ быть реформированы и существующіе штаты государственныхъ учрежденій.

Другая часть бюджета—расходы хозяйственно-операціонные—можетъ быть приведена въ состояніе дѣйствительной бережливости и хозяйственности только путемъ радикальной реформы государственнаго контроля и пересмотра архаическихъ узаконеній, опредѣляющихъ различныя нормы, установленныя для хозяйственныхъ операцій и системы подрядовъ, и поставокъ для казны.

Но за всѣмъ тѣмъ нашъ расходный бюджетъ отнюдь не можетъ остановиться въ своемъ ростѣ. Напротивъ, давно назрѣвшая необходимость культурныхъ реформъ, политики дѣйствительнаго развитія производительныхъ силъ страны, должна требовать огромныхъ затратъ.

Расшатанное желѣзно-дорожное хозяйство по послѣднимъ даннымъ министерства путей сообщенія требуетъ для своего обновленія затраты до 916 м. р. Докладъ предсѣдателя бюджетной коммиссіи Государственной Думы о нуждахъ водныхъ путей содержитъ въ себѣ программу ихъ развитія съ разсчетомъ на 400 милл. руб. Планъ системы народнаго просвѣщенія въ развитомъ видѣ можетъ быть осуществленъ не иначе какъ съ затратами сотенъ милл. руб. ежегодно. Новая судостроительная программа имѣетъ дѣло съ милліардомъ.

Крупная аграрная реформа требовала бы еще бо̀льшихъ средствъ. И такъ въ каждой отрасли государственнаго хозяйства управленія и соціальнаго законодательства. Въ виду всего этого можно говорить о сокращеніи бюджета, конечно, лишь въ томъ смыслѣ, чтобы этимъ открывалась возможность новаго и еще гораздо болѣе сильнаго его расширенія въ другихъ направленіяхъ, подъ контролемъ представительнаго учрежденія.

IV.

Посильно ли для Россіи поднять на себя все это бремя? Безъ этихъ огромныхъ затратъ ея обновленіе немыслимо. Между тѣмъ министръ финансовъ рисовалъ положеніе госуд. хозяйства годъ тому назадъ въ весьма мрачныхъ, на нашъ взглядъ преувеличенно мрачныхъ, краскахъ *).

*) „Состояніе русскаго государства грозитъ самыми тяжелыми осложненіями и въ случаѣ продолженія переживаемаго нашимъ отечествомъ поистинѣ смутнаго времени, можетъ не хватить средствъ даже на совершенно неотложныя потребности... Измѣненіе политическаго положенія обязываетъ Россію къ усиленію вооруженныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ, къ преобразованію арміи, къ обновленію ея матеріальной части и къ выполненію въ ближайшемъ будущемъ обширной судостроительной программы. Въ виду изложеннаго сведеніе росписи на 1907 годъ представляетъ величайшія трудности. Съ другой стороны, послѣдній заемъ 1906 года былъ заключенъ съ величайшими затрудненіями и на весьма невыгодныхъ условіяхъ. Однако, несмо-

На приведенной въ выноскѣ характеристикѣ отразилась, конечно, неизбѣжная борьба министра финансовъ съ притязаніями вѣдомствъ. Трудность положенія заключается не въ финансовомъ кризисѣ страны, а въ неумѣніи правительства, поставленнаго между Сциллой реакціи и Харибдой анархіи, справиться съ возложенною на него исторіей дѣйствительно колоссальной задачей и въ развившихся отсюда всеобщемъ недовѣріи и неувѣренности. Для неотложныхъ расходовъ и преобразованій необходимы огромныя средства, существенно необходимы крупные внѣшніе займы, а угнетенное состояніе общественной психики и беззастѣнчивый разгулъ реакціи преграждаютъ выходъ изъ финансоваго тупика, въ который заведено наше отечество. И вмѣсто рѣшительнаго и быстраго обновленія его можно предвидѣть лишь медленный и тягостный процессъ постепеннаго выздоровленія трудно-больного.

Реформа расходнаго бюджета, сказали мы, есть оборотная сторона совокупности всѣхъ реформъ во всѣхъ областяхъ государственной жизни. Въ отношеніи къ задачѣ парламентскихъ бюджетныхъ коммиссій наша мысль здѣсь заключается въ томъ, что если реформа расходнаго бюджета въ существѣ своемъ можетъ быть лишь производнымъ результатомъ преобразованій иного порядка, то и ежегодная работа бюджетныхъ коммиссій парламентскихъ учрежденій сама по себѣ можетъ быть лишь палліативною, даже внѣ зависимости отъ тѣхъ стѣснительныхъ условій, въ какихъ эта работа протекала для бюджетной коммиссіи второй Думы.

Для иллюстраціи результатовъ работы этой послѣдней мы можемъ взять два изъ ея докладовъ—одинъ уже цитированный выше, интересный, разработанный спеціалистомъ-теоретикомъ докладъ подкоммиссіи по министерству иностранныхъ дѣлъ—вѣдомству, гдѣ главную, почти исключительную роль играетъ содержаніе учрежденій и лицъ, другой—по смѣтѣ, гдѣ доминирующее значеніе имѣютъ хозяйственно-операціонные расходы—по главному управленію неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.

Небольшая смѣта министерства иностранныхъ дѣлъ опредѣлена на 1907 г. въ размѣрахъ 6-ти съ небольшимъ милл. руб.

Изъ этой общей суммы составляютъ:

тря на значительность занятой суммы, выручка отъ займа недостаточна для полнаго покрытія дефицита за 1905 годъ; заключеніе же новаго займа въ 1906—1907 гг. какъ за границей, такъ и внутри страны является для насъ недоступнымъ, какъ по общимъ условіямъ денежнаго рынка, такъ и въ особенности по неопредѣленности —ьшего внутренняго положенія... Поэтому единственнымъ средствомъ является уменьшеніе всѣхъ расходовъ до такихъ предѣловъ, чтобы обыкновенными доходами были покрыты какъ всѣ обыкновенные, такъ въ предѣлахъ возможнаго и чрезвычайные расходы будущаго года. Для этой цѣли необходимо не только отказаться отъ всякаго увеличенія кредитовъ противъ росписи 1906 года, за исключеніемъ случаевъ безусловной неотложности, но и подвергнуть пересмотру въ цѣляхъ самаго рѣшительнаго сокращенія расходы всѣхъ вѣдомствъ" (см. цитированный выше особый журналъ совѣта министровъ 15 августа 1906 г., Высоч. утв. 19 сентября).

Кредиты «подзаконные» («забронированные»). .	4.924,895 р.	=79,3%
» сметные (не основанные на законахъ, штатахъ, Высоч. повел. и проч.). .	1.017,515 »	=16,4%
» основанные на узаконеніяхъ, изданныхъ после открытія первой Думы *) . .	127,150 »	= 2,0%
» условные	142,867 »	= 2,3%

Какъ мы видимъ, въ этой отрасли Дума сколько-нибудь свободно могла распорядиться лишь $^1/_5$ всей суммы кредитовъ—$^4/_5$ оказались «забронированными».

По проверке массы титуловъ, на которыхъ основывались эти последнія назначенія, некоторые изъ нихъ, однако, оказались вызывающими сомненія съ точки зренія какъ права, такъ и целесообразности.

1. Содержаніе гражданскаго агента въ Македоніи (Всеп. докл. 12 іюля 1905 г.) 26,820 р.—Оказалось, что въ упоминаемомъ докладе сумма испрошена лишь временно на одинъ 1906 годъ.

2. Ассигнованіе на помощника секретаря посольства въ Берлине (Всеп. докл. 7 мая 1891 г.) 3,000.—Ассигнованіе также было временное по случаю тогдашняго перерыва дипломатическихъ сношеній съ Болгаріей, и возложенія сношеній съ нею на германское министерство иностранныхъ делъ. Съ техъ поръ должность 11-й годъ существуетъ вопреки точному смыслу Высочайшаго повеленія, на которомъ она якобы основывается.

3. Личная прибавка тайному советнику Мартенсу (Всеп. докл. 5 мая 1905 г.) 2,500 р. «за занятія по разработке важнейшихъ вопросовъ международнаго права». Оказалось, что т. с. Мартенсъ за эти занятія получаетъ дважды: одинъ разъ 2,500, а другой 1,500 руб., на что не сделано было ссылки при испрошеніи Всеп. доклада **).

4. Кредитъ на наемъ дома для церкви въ Лондоне (Всеп. докл. гос. канцлера 13 ноября 1856 г.) 662 р. Докладъ касался продленія контракта на 36 летъ, стало быть, съ конца 1892 г., въ теченіе 14 летъ, расходъ производится внезаконно.

5. Кредитъ на содержаніе въ училищахъ воспитываемыхъ въ Россіи южныхъ славянъ (Всеп. докл. 19 января и 3 ноября 1857 г.) 3,500 р. Въ обоихъ докладахъ говорится, что расходъ не долженъ ассигновываться изъ особыхъ средствъ государственнаго казначейства, а только изъ остатковъ отъ сметы по министерству иностранныхъ делъ.

---

*) Такіе кредиты, конечно, нуждаются въ апробаціи Думы, но въ смете они скрыты въ числе другихъ „подзаконныхъ" кредитовъ.

**) Лично намъ, впрочемъ, представляется допустимымъ назначеніе двойного содержанія за сугубо важныя „занятія проф. Мартенса по разработке вопросовъ международнаго права". Жаль только, что онъ въ своей известной статье въ *Times*, провоцировавшей нарушеніе избирательнаго закона, не упоминалъ, что получаетъ субсидію отъ русскаго правительства, а заявлялъ себя совершенно частнымъ человекомъ.

6. Мелкія пособія славянамъ (Всеп. докл. 21 августа 1863 г.) 1,500 р. Ассигнованіе должно было производиться изъ суммъ кредитовъ, нынѣ закрытыхъ.

7. Награды и пособія чинамъ министерства (Всеп. докл. 12 іюня 1856 г.) 2,000 р. Въ докладѣ также говорится объ ассигнованіи изъ остатковъ отъ смѣтныхъ суммъ министерства. Вотъ образчикъ кропотливой работы по провѣркѣ основаній кредитовъ, раскрытія мелочныхъ неправильностей, на которыя десятки лѣтъ никто не обращалъ вниманія— хотя это прямая функція государственнаго контроля. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ большинство отмѣченныхъ неправильностей свидѣтельствуетъ лишь о бюрократической неряшливости и канцелярской халатности, а не о какихъ-либо умышленныхъ злоупотребленіяхъ.

Всѣ правильно мотивированные «подзаконные» кредиты подкомиссія должна была признать, но для освѣщенія ихъ не только съ точки зрѣнія законности, а и со стороны ихъ цѣлесообразности она выработала рядъ вопросныхъ пунктовъ министерству, отвѣтить на которые послѣднее изъявило согласіе.

Главные пункты этихъ вопросовъ таковы: болѣе правильная постановка работы въ центральныхъ учрежденіяхъ; реорганизація учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ; сокращеніе штатовъ на такъ называемыхъ «чиновниковъ особыхъ порученій» при генералъ-губернаторахъ; сокращеніе расходовъ на телеграфныя сношенія и необычайно большихъ кредитовъ на «путевое довольствіе»; реформа вопроса объ изданіяхъ министерства; сокращеніе «секретныхъ расходовъ»; уменьшеніе необычайно крупныхъ жалованій, получаемыхъ послами—главный изъ расходовъ смѣты *), замѣна кое гдѣ пословъ—посланниками и сокращеніе ненужныхъ дипломатическихъ и консульскихъ постовъ, реформа церковныхъ учрежденій при посольствахъ и миссіяхъ; экономія въ расходахъ на наемъ и содержаніе помѣщеній и, наконецъ, реформа вопроса о нештатныхъ агентахъ. Для образца разработки этихъ вопросовъ докладъ приводитъ любопытныя соображенія о реформѣ штатовъ церквей при посольствахъ и миссіяхъ. На нихъ тратится до 270 тыс. руб. въ годъ и не говоря о высотѣ и несоразмѣрности большинства этихъ ассигнованій, здѣсь попадаются курьезы вродѣ «придворныхъ» церквей въ Лондонѣ и Штутгартѣ (при чьихъ дворахъ и не упразднены ли уже давно эти дворы?). Надъ гробницами разныхъ особъ

*) Нѣкоторые изъ пословъ получаютъ по 75 тыс., большинство по 60 тыс., должность посланника въ Дрезденѣ можетъ быть безъ всякаго ущерба для дѣла замѣнена должностью министра резидента, и если должность посланника въ Мексикѣ уже десятки лѣтъ можетъ быть исполняема повѣреннымъ въ дѣлахъ (сбереженіе 24,600 р. въ годъ), то возникаетъ вопросъ, для чего нужны посланники въ Ріо-Жанейро, въ Лиссабонѣ и Штутгартѣ и министръ резидентъ въ Абиссиніи? Что дѣлаютъ министры-резиденты въ Карлсруэ и Дармштадтѣ? Для чего существуетъ вице-консулъ въ Кальѣ, взимающій 90 р. консульскихъ пошлинъ въ годъ, а тратящій на одну только переписку (?) 750 р. въ годъ? (Докладъ, стр. 47.)

стоитъ 4 церкви (въ Веймарѣ, Гаагѣ, Висбаденѣ и Иромѣ (?), на содержаніе которыхъ тратится 33,600 р. ежегодно и т. д.

Что касается 1.017 тыс. «смѣтныхъ» кредитовъ, то они исчислены по среднимъ расходамъ за предшествующіе годы, по большей части за три года, иногда за пятилѣтіе. Это обычный установившійся въ нашихъ смѣтахъ способъ опредѣленія «нештатныхъ» расходовъ. Опирается онъ не на законъ, а на обычай, санкціонированный между прочимъ Выс. утв. журналомъ деп. гос. экономіи 19 ноября 1898 г. Здѣсь сказано по поводу частнаго случая: «со своей стороны, департаментъ не могъ не раздѣлить заключенія финансоваго и контрольнаго вѣдомствъ о томъ, что разсматриваемый кредитъ, *какъ и всѣ назначенія нештатнаго характера*, долженъ опредѣляться *по силѣ дѣйствующаго смѣтнаго законодательства* по соображенію съ дѣйствительными издержками за предшествующее время».

Въ дѣйствительности дѣйствующее смѣтное законодательство, конечно, не закрѣпляетъ такого техническаго пріема никакою обязательной нормой, и такъ какъ мотивировка, ссылающаяся лишь «на примѣръ прежнихъ лѣтъ», нисколько не выясняетъ дѣйствительной цѣлесообразности даннаго размѣра расходовъ (напр., 370 тыс. «разъѣздныхъ»), то подкомиссія затребовала отъ министерства подробныя свѣдѣнія по существу дѣла. Какъ отнеслось къ этому министерство—намъ неизвѣстно.

Два изъ условныхъ кредитовъ комиссія одобрила, третій (на учрежденіе консульствъ въ Манджуріи) постановила сократить и предложить министру войти съ особымъ представленіемъ о такомъ сокращеніи общихъ штатовъ, которое позволило бы покрыть весь расходъ на штаты консульствъ въ Манджуріи (по представленію министерства 121,600 р., по заключенію подкомиссіи 110,350 р. въ годъ) безъ новаго обремененія работы государственнаго казначейства.

Вотъ образчикъ работы одной изъ подкомиссій бюджетной комиссіи.

По главному управленію неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, результаты работы бюджетной комиссіи таковы. Предположено:

1. Исключить кредиты на незамѣщенныя должности по центральному управленію .	12,700 р.
2. Сократить расходъ на мѣстный акцизный надзоръ (по разсчету на второе полугодіе) на	500,000 »
3. Возбудить вопросъ объ упраздненіи корчемной стражи и особыхъ чиновниковъ министерства финансовъ по вывозу за границу предметовъ, обложенныхъ акцизомъ	
4. Сократить вооруженіе сидѣльцевъ винныхъ лавокъ на	37,000
5. Пересмотрѣть законъ о пособіяхъ Александровскому комитету о раненыхъ	

(646 тыс. руб.) изъ доходовъ главнаго управленія (вопросъ поднятъ былъ уже раньше министерствомъ финансовъ, но рѣшенъ въ Государственномъ Совѣтѣ отрицательно по настоянію великаго князя Михаила Николаевича)		
6. Сохранить кредитъ на ежегодныя награды и пособія служащимъ по казенной продажѣ питей только для рабочихъ и низшихъ служащихъ и поэтому сократить кредитъ на		1.000,000 »
7. Предполагаемое вѣдомствомъ увеличеніе расхода на оплату личнаго состава служащихъ въ винныхъ лавкахъ (1.500,000 р.) сократить до	750,000 р.	—
8. Сократить число химическихъ лабораторій съ трехъ до одной (вмѣсто 116,800 р.) .		?
9. Пересмотрѣть вопросъ о системѣ заготовки спирта, въ виду полной неудовлетворительности современной системы разверстки (128,$_9$ мил. руб.)		
10. Увеличить дополнительный кредитъ на заготовку спирта, вмѣсто испрашиваемыхъ 8.790,000 на	3.910,000 р.	
а на перевозку вмѣсто 948,000 на . .	474,000 »	
11. Впредь до пересмотра вопроса объ упраздненіи попечительствъ о народной трезвости и передачи ихъ земствамъ и городамъ сократить кредитъ на		500,000 »
12. Пересмотрѣть узаконенія о безакцизныхъ отчисленіяхъ, а выдачу премій за вывозъ спирта за границу предложить пріостановить безотлагательно		
13. Въ виду отсутствія особаго представленія исключить временно кредитъ на вознагражденіе забайкальскому казачьему войску, за ущербъ бл. введенію казенной продажи питей (268 т. р.)		
1 Уплату за право пропинаціи, какъ основанную на сомнительныхъ данныхъ, отсрочить до пересмотра вопроса объ отмѣнѣ существующаго закона		3.300,000 »

Такимъ образомъ въ результатѣ работы коммиссіи смѣта должна была сократиться на 5.350 тыс. руб. Одобренное же коммиссіей увеличеніе

ея на 5 милл. руб. въ разсчетѣ на увеличеніе потребленія компенсировалось бы соотвѣтственнымъ увеличеніемъ доходовъ.

Нѣкоторыя проектированныя коммиссіей мѣры врядъ ли можно признать цѣлесообразными (наприм., упраздненіе корчемной стражи). Первый пересмотръ смѣтъ парламентской коммиссіей, кромѣ непосредственныхъ сокращеній нѣкоторыхъ кредитовъ, послужилъ, какъ мы видимъ, къ выдѣленію ряда крупныхъ и мелкихъ вопросовъ, изученіе которыхъ въ трудахъ будущихъ коммиссій поведетъ, конечно, къ постановкѣ на очередь ряда бюджетныхъ реформъ. Таковъ въ разсматриваемой смѣтѣ центральный вопросъ о способахъ заготовленія спирта (расходъ въ 129 милл. руб.), о попечительствахъ трезвости и т. д.

Общій цифровой результатъ сокращеній и измѣненій кредитовъ по проектамъ бюджетной коммиссіи можетъ быть опредѣленъ лишь по выходѣ въ свѣтъ предположеннаго частнаго своднаго изданія докладовъ ея.

По Выс. утв. въ началѣ августа положенію Совѣта министровъ вѣдомствамъ «вмѣнено въ неуклонную обязанность при выполненіи смѣтныхъ работъ принять въ соображеніе замѣчанія, сдѣланныя въ бюджетной коммиссіи Государственной Думы и въ финансовой коммиссіи Государственнаго Совѣта съ ихъ отдѣлами и подкоммиссіями».

Только что сказанное относится къ смѣтамъ будущаго года, хотя можно предполагать, что и для текущаго бюджета работа коммиссій законодательныхъ учрежденій не останется вполнѣ безплодной.

Но въ результатѣ роспуска второй Думы Россія цѣлый годъ, и даже болѣе, обречена жить изъ мѣсяца въ мѣсяцъ на основаніи «временныхъ кредитовъ».

Свѣдѣнія о распредѣленіи этихъ кредитовъ по вѣдомствамъ не публикуются, вопреки офиціальному обѣщанію министерства финансовъ *). Теперешнее положеніе цѣликомъ отдаетъ распоряженіе кредитами въ руки министерства, лишая страну даже той гарантіи, какую представляло раньше разсмотрѣніе росписи Государственнымъ Совѣтомъ. При двусмысленности редакціи 116 ст. осн. зак. возникаютъ опасенія, что Совѣтъ министровъ, подъ тѣмъ или инымъ давленіемъ, иногда можетъ счесть себя въ правѣ руководствоваться не предѣлами отдѣльныхъ параграфовъ смѣты 1906 г., а передвигать кредиты безъ стѣсненія, руководствуясь лишь «общей совокупностью» временныхъ кредитовъ, которая не должна превышать $^{1}/_{12}$ росписи 1906 г. въ мѣсяцъ. Система временныхъ кредитовъ представляетъ огромныя техническія неудобства для самихъ вѣдомствъ, и въ то же время, по выраженію извѣстнаго французскаго министра финансовъ барона Louis, «она дѣлаетъ въ нѣкоторомъ родѣ иллюзорнымъ конституціонный контроль палатъ надъ государственными расходами» **).

---

*) *Правительственный Вѣстникъ* 1 января 1907 г. „Свѣдѣнія о назначенныхъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ временныхъ кредитахъ будутъ опубликованы въ непродолжительномъ времени".

**) *Стурмъ*: „Бюджетъ", стр. 276.

Докладъ г. Коковцева Совѣту министровъ (см. цитированный журналъ Совѣта министровъ) указываетъ, что статьѣ 116 основныхъ законовъ, „имѣющей характеръ исключенія изъ общаго законодательнаго правила, можетъ быть придаваемо только ограничительное толкованіе». Поэтому въ въ росписи 1906 г. (лежащей въ основаніи временныхъ кредитовъ) подлежатъ сохраненію лишь тѣ расходы, пріостановленіе которыхъ невозможно безъ нарушенія государственныхъ интересовъ и правъ кредиторовъ казны; съ другой стороны, должны быть исключены, конечно, всѣ расходы, надобность въ которыхъ миновала, также всѣ временныя ассигнованія. Равнымъ образомъ не должны быть открываемы кредиты на новыя работы и предпріятія, не утвержденныя въ порядкѣ законодательномъ. Увеличеніе же ассигнованныхъ по росписи 1906 г. кредитовъ можетъ быть допущено лишь на основаніи послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній».

Сила обстоятельствъ видимо заставляетъ наше министерство быть весьма сдержаннымъ въ расходахъ, но нѣтъ никакой гарантіи въ томъ, что, съ согласія Думы или вопреки ея волѣ, реакція не навяжетъ странѣ, наприм., какую-нибудь грандіозную судостроительную программу для немедленнаго ея осуществленія во что бы то ни стало. Если въ принципѣ нельзя быть противъ возрожденія нашего флота, гибель котораго была едва ли не наиболѣе болѣзненнымъ ударомъ за всю минувшую войну; флота, который существенно необходимъ для защиты нашихъ тихоокеанскихъ окраинъ,—то вопросы о способахъ выполненія этого плана, о своевременности его, о коренномъ преобразованіи морского вѣдомства, на отвѣтственности котораго цѣликомъ лежитъ гибель тихоокеанскихъ эскадръ, всѣ эти вопросы должны быть разрѣшены не самовластными и безотвѣтственными сферами, а представителями населенія, каковы бы ни были способы ихъ избранія.

Между тѣмъ не такъ давно сообщалось, что на основаніи статьи о временныхъ кредитахъ уже положено начало новому судостроенію ассигнованіемъ условнаго кредита въ 2.700,000 р. по смѣтѣ морского вѣдомства на 1906 годъ, и отпускомъ 31 милл. ежегодно на то же дѣло въ ближайшіе годы, хотя на послѣдній расходъ правительство, повидимому, разсчитываетъ получить одобреніе Думы, созванной по новому закону.

Но кромѣ этихъ дѣйствительныхъ или только возможныхъ злоупотребленій, въ сущности, политическаго характера, бюджетная неурядица создаетъ на каждомъ шагу рядъ чисто дѣловыхъ затрудненій и неудобствъ какъ для вѣдомствъ, такъ и для обывателей, тормозя осуществленіе давно назрѣвшихъ потребностей, нарушая нормальный ходъ хозяйственной жизни и чѣмъ дальше отъ центра—тѣмъ больше.

Въ такое необычное положеніе попалъ бюджетъ 1907 года. Но даже кратковременное соприкосновеніе его съ народнымъ представительствомъ не же оставило, повидимому, слѣдъ, который не долженъ заглохнуть. Общественныя силы получили доступъ къ изученію дѣла, донынѣ скрытаго отъ ихъ взоровъ, и, несмотря на всѣ стѣсненія, сдѣлали многое. Помимо прак-

тическихъ результатовъ въ видѣ нѣкоторыхъ сокращеній ненужныхъ расходовъ начинаетъ опредѣляться рядъ бюджетныхъ узаконеній, подлежащихъ пересмотру и отмѣнѣ.

Донынѣ общественное мнѣніе о нихъ въ большинствѣ случаевъ почти не знало и потому не могло настаивать на необходимыхъ реформахъ съ достаточною опредѣленностью.

Между прочимъ, сколько извѣстно, благодаря думскимъ преніямъ достигнуто было согласіе представителей вѣдомства Императрицы Маріи подчиниться общимъ узаконеніямъ въ обсужденіи его смѣты и контролѣ его расходовъ. По послѣднему отчету особаго контроля этого вѣдомства (за 1904 годъ) бюджетъ его опредѣляется по доходамъ въ 24.191,766 руб., по расходамъ — въ 23.114,216 руб. Эти суммы донынѣ не включались въ общую роспись и не подлежали ни ревизіи государственнаго контроля, ни обсужденію законодательныхъ установленій. Есть свѣдѣнія—хотя въ достовѣрности ихъ можно усомниться—о подчиненіи гос. контролю также удѣльнаго вѣдомства и тѣхъ отраслей управленія св. Синода, которыя теперь изъяты отъ общей отчетности.

Если эти извѣстія вѣрны хотя бы отчасти—и то уже реальный успѣхъ— въ денежномъ отношеніи, быть можетъ, скромный, но важный принципіально, въ смыслѣ сокращенія типичныхъ для стараго порядка привилегированныхъ учрежденій и усиленія общественнаго контроля. А вѣдь въ этомъ основная задача народнаго представительства, и область его бюджетной работы, какъ ни ограждена она полицейскими рогатками, скрываетъ въ себѣ особыя специфическія свойства воздѣйствія на власть, совершенно не совпадающія съ формальными поставленными ей рамками.

Именно благодаря этимъ особымъ свойствамъ бюджетной работы мы и позволяемъ себѣ надѣяться, что даже переломъ 3 іюня не отразится особенно замѣтно на преемственности ея, и отъ наступающаго года и новаго представительства, которое, быть можетъ, уже нельзя назвать народнымъ, нужно будетъ ждать дальнѣйшихъ шаговъ въ дѣлѣ расширенія общественнаго контроля какъ надъ поступающими въ распоряженіе власти средствами, такъ и надъ самими учрежденіями и властями, ими распоряжающимися.

Л. Яснопольскій.

Наступленіе синдикализма*).

I.

Соціализмъ, родившійся, какъ утопія, въ головахъ отдѣльныхъ благородныхъ мыслителей, превращенный въ научную систему трудами Карла Маркса, на практикѣ подъ знаменемъ соціалъ-демократіи организовалъ милліонныя народныя массы на платформѣ парламентскихъ выборовъ. Но по мѣрѣ того, какъ множились избирательные успѣхи соціалъ-демократіи, въ рядахъ ея идейныхъ вождей, особенно чуткой и талантливой молодежи, усиливалось какое-то смутное недовольство, подымалось броженіе, находившее еще болѣе смутный оттолосокъ и въ рабочей массѣ. Анархизмъ, какъ коммунистическій, такъ и индивидуалистическій, давно рѣзко нападалъ на соціалъ-демократію. Соціалъ-демократія всегда довольно легко и успѣшно отражала эти нападки, но съ нѣкотораго времени стало чувствоваться, что оборонительная сила соціалъ-демократіи слабѣетъ, а наступательныя силы коммунистическаго анархизма растутъ. Точно послѣдній нащупалъ въ жизни какія-то народныя силы, изъ которыхъ билъ родникъ животворящей его влаги. Затѣмъ выступилъ Бернштейнъ, поднялъ голову ревизіонизмъ, началась разнаго рода «критика», слово столь ненавистное для всѣхъ правовѣрныхъ соціалъ-демократовъ (ортодоксальныхъ марксистовъ), что они не пишутъ его иначе, какъ въ кавычкахъ. И справа и

*) Въ послѣднее время на русскомъ книжномъ рынкѣ появилось нѣсколько переводныхъ книгъ о синдикализмѣ: *Лягардель*: „Революціонный синдикализмъ", изд. Шиповника, Спб., 1906 г., *А. Лабріола*: „Реформизмъ и синдикализмъ", подъ редакціей и съ послѣсловіемъ А. Луначарскаго, Спб., 1907 г., *Ж. Сорель*: „Размышленія о насиліи", Москва, 1907 г. Въ 1907 г. въ Москвѣ вышла и сводная работа о синдикализмѣ *Л. Козловскаго*: („Очерки синдикализма во Франціи"), въ которой указана главнѣйшая литература.

Въ упомянутой книжкѣ Лягарделя даны краткія свѣдѣнія о Всеобщей Конфедераціи Труда.

Желая прослѣдить синдикализмъ „въ движеніи", въ продолжающемся еще процессѣ его выработки группой практиковъ и теоретиковъ, мы пользовались, главнымъ образомъ, послѣдними книжками французскаго синдикалистскаго ежемѣсячника *Mouvement Socialiste*.

слѣва на «ортодксію» была поведена безпощадная аттака. Сначала еще могло казаться, что это случайныя, незначительныя явленія, нѣчто въ родѣ соціально-политическаго fait divers. Но по мѣрѣ развитія «критики» это оптимистическое предположеніе улетучивалось.

Теперь уже нѣтъ больше сомнѣнія, что мы переживаемъ глубокій и серьезный кризисъ соціализма. Его господствовавшая до послѣднихъ дней форма претерпѣла рядъ жестокихъ ударовъ слѣва и справа, отъ которыхъ ей не оправиться. Уже идутъ на смѣну преемники. На одномъ изъ нихъ, молодомъ, сильномъ и буйномъ, мы и остановимся подольше. Революціонный синдикализмъ родился во Франціи и пока наибольшимъ успѣхомъ пользуется среди романскихъ народовъ. Любители расовой психологіи уже говорятъ, что и въ области соціализма, гдѣ до сихъ поръ безраздѣльно царилъ германскій геній, беретъ реваншъ геній французскій. Во Франціи революціонный синдикализмъ не только нашелъ когорту талантливыхъ и образованныхъ писателей и философовъ, но и глубоко проникъ въ рабочія массы, встрѣтивъ сильную поддержку со стороны руководителей рабочихъ союзовъ, Гриффюэля, Пужэ, Ивто, Пато, Бледа, Мерэ и друг. Вліяніе синдикализма среди рабочихъ массъ до того сильно, что и умѣренный вождь объединенной французской соціалистической партіи Жоресъ вынужденъ кокетничать съ новымъ движеніемъ. Идейнымъ руководителемъ и основоположникомъ французскаго революціоннаго синдикализма является Жоржъ Сорель. Рядомъ съ нимъ въ области синдикалистской мысли работаютъ Гюберъ Лягардель, Эдуардъ Бэртъ, Эмиль Пужэ и нѣкоторые другіе. Въ Италіи синдикализмъ выдвинулъ Артура Лабріолу. Въ другихъ странахъ синдикализмъ еще не имѣетъ сколько-нибудь замѣтныхъ идейныхъ вождей. Движеніе и по сію пору остается преимущественно французскимъ и его главнымъ органомъ является парижскій ежемѣсячникъ *Mouvement Socialiste.*

II.

Когда вы знакомитесь съ литературой революціоннаго синдикализма, васъ прежде всего поражаетъ боевой, ликующій, торжественный тонъ его руководителей. Съ такимъ же подъемомъ бодраго оптимизма выступалъ въ свое время русскій марксизмъ, ликвидируя идейную реакцію 80-хъ годовъ. И въ этомъ ликующемъ тонѣ вы не чувствуете нестерпимыхъ нотъ бахвальства и хлестаковщины. Напротивъ, ощущается молодая, свѣжая сила, не вполнѣ, правда, познавшая сама себя, но жадная къ жизни, смѣлая, во все проникающая, всего касающаяся. Нѣтъ той области жизни и мысли, куда бы она не хотѣла заглянуть, до которой бы ей не было дѣла. Величайшая ошибка думать, будто синдикалисты интересуются только рабочими союзами и борьбой рабочаго класса съ капиталистами. Ихъ идейные вожди—европейски образованные люди. Вопросы экономическіе, юридическіе, философскіе, религіозные, моральные—все это занимаетъ ихъ,

обо всемъ этомъ они хотятъ сказать свое новое слово. И хотя это новое слово часто оказывается старымъ, но та общая точка зрѣнія, на которой стоятъ синдикалисты, придаетъ этому слову нѣкоторый новый оттѣнокъ, заставляетъ читателей обращать бóльшее вниманіе на такія стороны предмета, которыя до сихъ поръ оставались въ тѣни.

«Вездѣ, гдѣ появлялись новыя идеи,—говоритъ Лягардель про синдикализмъ—наступало какъ бы омоложеніе соціалистической мысли, какъ бы свѣтлое пробужденіе послѣ догматическаго сна» *). «Изъ этой массы,—пишетъ Сержіо Паннунціо съ Римскаго конгресса итальянскихъ соціалистовъ—выдѣлились только синдикалисты, которые не дали себя загипнотизировать ни прошлымъ, ни традиціями, ни страхомъ передъ подавляющимъ большинствомъ. Они одни представляютъ жизнь, свѣжесть, молодость соціализма, которому суждено найти себѣ подкрѣпленіе въ другой психологической средѣ, питаться другими соками, покрыться новымъ цвѣтеніемъ и произвести новые румяные плоды. Синдикалисты по-истинѣ проявили себя какъ предтечи и какъ авангардъ современнаго соціалистическаго движенія». «Заслуга синдикализма,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ—секретъ его будущности всецѣло въ томъ фактѣ, что онъ представляетъ не столько провозглашеніе *новыхъ* соціальныхъ принциповъ, сколько созданіе новой формы мышленія (forma mentis) у соціалистовъ. Синдикализмъ—это предварительное внутреннее, психологическое условіе дальнѣйшаго развитія соціализма. Его значеніе главнымъ образомъ гносеологическое. Онъ могучъ, поскольку онъ ломаетъ старую кору предразсудковъ, разрушаетъ старые осадки догмъ и традицій. Онъ разрушаетъ «соціалистическій клерикализмъ», онъ обозначаетъ побѣду свободнаго изслѣдованія и утвержденіе превосходства критической мысли даже въ области соціалистической доктрины и практики» **).

Апостолы новаго ученія не согласны однако свести заслуги синдикализма только къ производимой имъ огромной критической работѣ. По ихъ утвержденіямъ, революціонный синдикализмъ производитъ столь же большую и всеобъемлющую положительную, творческую работу.

III.

«Нечего больше создавать себѣ иллюзіи: массы идутъ къ этой доктринѣ и пролетаріатъ окончательно двинулся на новую дорогу»,—говоритъ Эмиль Пужэ и пытается дать возможно конкретное описаніе этой дороги. Соціализмъ онъ считаетъ движеніемъ политическимъ, синдикализмъ—экономическимъ. Они несравнимы. Первый представляетъ собой нѣчто внѣшнее, какъ и цѣль имъ преслѣдуемая. Второй, т.-е. синдикализмъ, имѣетъ глубокіе корни, запущенные въ самое сердце первоначальныхъ интересовъ

*) *Mouvement Socialiste*, juillet 1907, № 188, p. 49.
**) *M. S.*, février 1907, № 183, pp. 145 et 146.

работниковъ. Въ синдикализмѣ, какъ и въ его врагѣ, которому онъ противостоитъ,—капитализмѣ, жизнь царитъ повсюду. Централизаціи не существуетъ, но есть согласованіе усилій. Синдикаты, биржи труда, корпоративныя федераціи—это собраніе мыслящихъ и дѣйствующихъ личностей. Работа, совершаемая въ синдикатѣ, столь реальна и такъ важна, она быстро даетъ столь ощутимые результаты, что работники, отдающіеся ей, силою вещей начинаютъ проводить сравненіе между дѣйствіями синдиката и политической группы. Естественно,—говоритъ Пужэ,—что убѣдившись въ безспорномъ превосходствѣ синдиката, они покидаютъ политическую партію. Въ синдикатѣ рабочіе окружены атмосферой борьбы противъ капитализма. Тутъ они утрачиваютъ узость своихъ взглядовъ, освобождаются отъ соперничества сектъ и мелкой ненависти, чѣмъ пропитываетъ ихъ политическая атмосфера. Среда экономическая рождаетъ согласіе и сердечность. Различія мнѣній сглаживаются, создается новая психологія (mentalité), являющаяся выраженіемъ общности стремленій. Въ руслѣ экономической борьбы разные политическіе элементы сливаются другъ съ другомъ и враждующіе между собой въ политикѣ анархисты, аллеманисты, бланкисты, гэдисты и т. д. въ синдикалистской средѣ идутъ дружно рука объ руку *).

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ синдикалистовъ-практиковъ Гриффюэль на амьенскомъ конгрессѣ 1906 г. такъ опредѣлялъ задачи синдикализма: «Въ своей ежедневной боевой работѣ синдикализмъ добивается согласованія усилій рабочихъ, увеличенія благосостоянія работниковъ путемъ осуществленія немедленныхъ улучшеній, какъ, напр., уменьшенія часовъ труда, увеличенія заработной платы и т. д. Но это только одна сторона задачи синдикализма. Онъ подготовляетъ полное освобожденіе, которое можетъ осуществиться только путемъ экспропріаціи капиталистовъ; какъ средство дѣйствія онъ проповѣдуетъ всеобщую стачку и признаетъ, что синдикатъ, въ настоящее время являющійся организаціей для отпора, въ будущемъ сдѣлается организаціей производства и распредѣленія, фундаментомъ соціальнаго переустройства» **).

Такимъ образомъ, синдикализмъ не только критическое орудіе, измѣняющее способъ мышленія соціалиста, такъ сказать стрѣлка, переставляющая его на другой путь. Это въ то же время и объективная основа для будущаго соціальнаго переустройства и элементъ, видоизмѣняющій уже въ настоящее время психику пролетаріата, который произведетъ это переустройство. Передъ нами отвѣтъ на вопросъ, какъ и при помощи какихъ силъ произойдетъ соціалистическое переустройство общества, новый отвѣтъ, появленіе котораго вызвано, очевидно, «банкротствомъ» парламентскаго соціализма.

---

*) *Mouvement Socialiste*, janvier, 1907, № 182, pp. 27, 28.

**) Ibid., p. 48.

IV.

То, что парламентарный соціализмъ и германская соціалъ-демократія, какъ типичнѣйшее его выраженіе, обанкротились, составляетъ глубочайшее убѣжденіе всѣхъ синдикалистовъ. Соціалъ-демократія—есть политическій соціализмъ, соціализмъ партій, тогда какъ синдикализмъ—это соціализмъ экономическій, соціализмъ учрежденій. Въ современномъ соціализмѣ, по мнѣнію Бэрта, двѣ тенденціи. Одна «буржуазная, парламентарная, демократическая и реформистская» («всѣ эти выраженія синонимы»—замѣчаетъ онъ для ясности), она видитъ въ соціализмѣ только продолженіе демократіи и можетъ привести лишь къ государственному соціализму, этой каррикатурѣ на соціализмъ. Другая тенденція—«рабочая, синдикалистская, во-истину революціонная» *). Германская соціалъ-демократія и идетъ по дорогѣ къ этой «каррикатурѣ».

По словамъ Лягарделя она «обнаруживаетъ ослѣпленіе великихъ имперій: она вознеслась слишкомъ высоко, чтобы видѣть, что дѣлается тамъ внизу». «Соціалъ-демократія,—вторитъ ему Бэртъ,—уже походитъ на эти огромныя тѣла, еще живыя, конечно, еще стоящія, но въ которыхъ жизнь уже течетъ такъ медленно, точно она разрѣжена, и которыя кажутся здоровыми только поверхностному, плохо освѣдомленному взору. Наоборотъ, они подточены въ самомъ источникѣ жизни, дряхлость близка; они уже не сіяютъ и не притягиваютъ къ себѣ, какъ во время настоящей жизни; скоро наступятъ одряхлѣніе и заброшенность, когда они вмѣсто чувства зависти будутъ возбуждать къ себѣ только сожалѣніе» **). Огромное большинство нашихъ парламентарныхъ соціалистовъ,—иронизируетъ Жоржъ Сорель,—только тѣмъ и отличаются отъ радикаловъ, что обладаютъ идеаломъ, ненаходящимся ни въ какомъ соотношеніи съ ихъ практической дѣятельностью; они вотируютъ, какъ и радикалы, но въ своемъ карманѣ всегда держатъ коллективистскій катехизисъ» ***).

Нѣмецъ Михельсъ подтверждаетъ мнѣніе объ угасаніи германской соціалъ-демократіи. Мангеймскій конгрессъ былъ собраніемъ «удовлетворенныхъ важныхъ шишекъ, маскирующихъ свое отступленіе громкими словами о своемъ величіи». Германская соціалъ-демократія дѣйствительно гигантская партія (свыше 400,000 платящихъ членовъ). Но такая организація требуетъ и соотвѣтствующей бюрократіи, порядка, дисциплины. Организація средствъ для достиженія цѣли нечувствительно превращается въ самодовлѣющую цѣль. И притомъ, несмотря на всю свою силу, соціалъ-демократическая организація существуетъ рядомъ съ буржуазной организаціей, все еще въ тысячу разъ болѣе сильной, а слѣдовательно и зависитъ отъ ея доброй воли. На практикѣ мы и замѣчаемъ полное безсиліе этой «образцовой организаціи». «По мѣрѣ того, какъ эта организація расши-

---

*) *M. S.*, janvier, № 182, p. 86.

**) *M. S.*, mai, № 186, p. 484.

***) *M. S.*, avril, № 185, p. 325.

ряется, чѣмъ болѣе пролетаріевъ забираетъ она въ свою бюрократическую машину, превращая ихъ въ маленькихъ буржуа, чѣмъ большимъ числомъ мелкихъ мѣстъ и мелкихъ должностей она располагаетъ, тѣмъ болѣе она ослабѣваетъ, тѣмъ полнѣе отдаетъ она себя во власть врага, тѣмъ быстрѣе исчезаетъ въ ней революціонное чувство, тѣмъ быстрѣе парализуется ея дѣйствіе и тѣмъ рѣшительнѣе тухнетъ въ ней пламя соціализма» *).

Синдикалистская критика соціалъ-демократіи не остановилась на этихъ довольно-таки поверхностныхъ соображеніяхъ. Она пошла глубже.

V.

Соціалъ-демократія утверждаетъ,—говорятъ синдикалисты,—что она основывается на марксистскомъ ученіи, что она твердо держится почвы борьбы классовъ. «Но борьба классовъ и всеобщее избирательное право другъ съ другомъ не согласуются. Это два вида различныхъ предметовъ. Всѣ народные классы заинтересованы въ завоеваніи всеобщаго избирательнаго права, какъ и въ осуществленіи политической демократіи. Это—общее поле дѣйствія для различныхъ категорій населенія. Въ силу вещей значитъ необходимо идти одной дорогой вмѣстѣ съ сосѣдними партіями, вступать въ союзы, въ коалиціи съ сосѣдними демократами».

Лягардель вскрываетъ, по его мнѣнію, основную ошибку всѣхъ парламентскихъ соціалистовъ, какъ революціонеровъ, такъ и реформистовъ, состоящую въ иллюзіи, будто «партіи являются политическимъ выраженіемъ классовъ, а послѣдніе имѣютъ въ парламентѣ механизмъ, регистрирующій ихъ соотвѣтственныя силы». Опытъ показываетъ, что партія, вовсе не будучи слопкомъ класса, представляетъ разнообразное смѣшеніе элементовъ, взятыхъ изо всѣхъ соціальныхъ категорій. Между политическимъ вліяніемъ соціалистическихъ партій и реальнымъ могуществомъ рабочаго класса нѣтъ соотвѣтствія. Парламентскій соціализмъ не только не произвелъ непреодолимаго раскола между пролетаріатомъ и буржуазіей, но сдѣлался однимъ изъ конститутивныхъ факторовъ государства, однимъ изъ агентовъ работы демократіи, направленной на установленіе солидарности классовъ.

Синдикализмъ, наоборотъ, захватываетъ рабочій классъ въ его боевыхъ рядахъ. Онъ считаетъ пролетаріатъ единственнымъ классомъ, могущимъ по условіямъ своей жизни и велѣніямъ своего сознанія, обновить міръ, но только въ томъ случаѣ, если рабочій останется чуждъ буржуазному обществу. Синдикализмъ беретъ производителей въ рамкахъ самой мастерской, въ тѣхъ организаціяхъ, которыя служатъ ея продолженіемъ: въ синдикатахъ, федераціяхъ, биржахъ труда и т. д. Здѣсь онъ организуетъ ихъ возстаніе противъ власти патрона. Отрицая власть закона, усиливая

*) *M. S.*, janvier, № 182, pp. 20, 21.

функціи рабочихъ учрежденій, онъ разлагаетъ государство и лишаетъ его прерогативъ. При помощи стачки, при помощи пропаганды всеобщей стачки, онъ разрушаетъ часъ за часомъ «лживую работу единенія классовъ, производимую демократіей». Онъ воплощаетъ, наконецъ, специфическія идеи пролетаріата, т.-е. совокупность юридическихъ чувствъ, зародившихся во время борьбы и составляющихъ базу новаго права, права общества, не имѣющаго болѣе господъ *).

Выше мы уже изложили, какую роль, по мнѣнію синдикалистовъ, призваны играть рабочія организаціи при переустройствѣ общества. Тутъ тоже у синдикалистовъ пунктъ расхожденія съ соціалъ-демократами. Послѣдніе, по утвержденію, наприм., Бэрта, приписываютъ синдикатамъ только временную, подчиненную роль и то лишь при существованіи капиталистическаго общества. На другой день послѣ переворота синдикаты поглощаются государствомъ, «обширнымъ централизованнымъ организмомъ коллективистскаго производства». Соціалъ-демократы,—говоритъ Бэртъ,—хотятъ лишь дать современному централизованному государству якобы рабочее, якобы соціалистическое содержаніе, а синдикалисты хотятъ передать функціи государства синдикатамъ, свободнымъ отъ всякой, какъ государственной, такъ и хозяйской, опеки **).

По ученію синдикалистовъ государство поглощается синдикатами.

VI.

Итакъ, главный пунктъ расхожденія синдикалистовъ и соціалистовъ заключается въ ихъ отношеніяхъ къ политической власти. Синдикалисты особенно энергично напираютъ на свой а-политизмъ. Но какъ мы увидимъ ниже, этотъ а-политизмъ составляетъ наиболѣе слабое мѣсто синдикалистовъ, не уяснившихъ еще и самимъ себѣ, чего собственно они хотятъ и какъ ихъ противогосударственныя, но соціалистическія стремленія будутъ осуществляться въ жизни...

Марксъ училъ, что переходъ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому произойдетъ посредствомъ «диктатуры пролетаріата». Эта «диктатура» постепенно перерождалась въ захватъ политической власти, затѣмъ въ завоеваніе государственныхъ должностей и, наконецъ, въ реформистское проникновеніе соціалистовъ во всѣ общественныя и государственныя учрежденія. Синдикалисты въ своей полемикѣ противъ соціалистовъ не разбираются въ тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя въ ходѣ исторіи претерпѣла идея захвата политической власти.

Ортодоксальные соціалъ-демократы, напримѣръ, Каутскій, и по сію пору существенное различіе между реформами и революціей видятъ въ томъ, что революціоннымъ преобразованіямъ, которыя по существу могутъ быть

*) *M.* S., juillet, № 188, pp. 47, 48.

**) *M. S.*, janvier, № 182, pp. 89, 90, 91.

нисколько не шире иныхъ «реформъ», предшествуетъ «завоеваніе политической власти новымъ классомъ». Свое право на званіе «революціонной» партіи соціалъ-демократія на томъ и основываетъ, что если не на дѣлѣ, то хоть на словахъ, она провозглашаетъ необходимость «завоеванія политической власти». При сохраненіи старой власти она не можетъ признать удовлетворительнымъ ни одно мѣропріятіе.

Вотъ противъ этого центральнаго пункта, противъ «революціонности» соціалъ-демократіи революціонный синдикализмъ и направилъ свое оружіе. Соціалъ-демократическую революціонность онъ не считаетъ вовсе революціонной. «Соціализмъ ставитъ на первый планъ завоеваніе государственной власти и утверждаетъ, что овладѣніе ею необходимо для того, чтобы могло совершиться овладѣніе общественнымъ богатствомъ. Синдикалисты смотрятъ совсѣмъ иначе: вдумываясь въ соціальные факты, они утверждаютъ, что экспропріація капиталистовъ, совершонная производителями на экономической почвѣ, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ поглощеніе и крушеніе буржуазнаго государства» *).

Ничего болѣе яснаго и болѣе опредѣленнаго по данному вопросу, чѣмъ эти слова Эмиля Пужэ, вы и не встрѣтите у синдикалистовъ. Тутъ ихъ языкъ заплетается, и ихъ критическая мысль, въ общемъ довольно острая и смѣлая, начинаетъ безпомощно биться, какъ подстрѣленная птица. Что это за экспропріація на экономической почвѣ? Возможно ли даже такое дикое сочетаніе взаимно исключающихъ другъ друга словъ? Экспропріація есть во всякомъ случаѣ не экономическое, а юридическое, политическое понятіе. Она—дѣло силы. Не могутъ же синдикалисты не понимать, что мало «экспропріировать» зданія фабрикъ и машины, надо «экспропріировать» и сбытъ продуктовъ, и эквивалентъ за нихъ, и доставку сырого матеріала, и кредитъ, и проч., и проч. Анализируя синдикалистскую «всеобщую стачку», мы еще встрѣтимся съ тѣми же недочетами синдикалистской мысли.

VII.

При такомъ отношеніи и къ основнымъ идеямъ, и къ практикѣ современнаго соціализма, синдикализмъ, казалось бы, долженъ былъ занять непримиримо враждебную противъ него позицію. На самомъ же дѣлѣ мы этого не замѣчаемъ. Недовѣріе и враждебность, конечно, существуютъ, но чрезмѣрной остроты они достигаютъ только у отдѣльныхъ лицъ, играющихъ второстепенную роль въ движеніи. Даже во Франціи вожди синдикализма поддерживаютъ сношенія съ парламентскими лидерами соціалистической партіи и сотрудничаютъ въ *Humanité*, редакторъ которой Жоресъ отвелъ имъ особый отдѣлъ «Tribune syndicaliste». Въ Италіи же синдикалисты состоятъ формальными членами партіи, образуя ея крайнее лѣвое крыло.

*) *M. S.*, janvier, № 182, p. 35.

Лягардель характеризуетъ синдикализмъ не какъ «противопарламентское», а какъ «внѣпарламентское» движеніе. Онъ требуетъ только, чтобы соціалистическая партія удовлетворилась скромной ролью докладчика рабочихъ требованій.

Объясняется это тѣмъ, что синдикалисты сознаютъ историческія условія нарожденія новаго направленія и ясно видятъ тѣ задачи, которыя осуществляетъ и должна еще осуществить соціалистическая партія. У насъ въ Россіи нерѣдко переносятъ съ Запада теоріи и ученія, не взирая на разницу историческихъ условій. Синдикалисты настолько культурные люди, что протестуютъ противъ такой операціи, энергично отрицаютъ спасительность своихъ теорій повсюду и при всякихъ условіяхъ. Они всегда подчеркиваютъ, что обязательными предпосылками синдикализма являются самая полная демократизація государственнаго строя страны и достаточно широкое развитіе капитализма. Зарожденіе синдикализма во Франціи они и объясняютъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Франція единственная страна въ Европѣ, въ которой принципъ демократизма осуществленъ въ полной мѣрѣ. Только пролетаріатъ той страны, которая завоевала себѣ безусловное гражданское равенство и всѣ буржуазныя свободы, можетъ серьезно выставлять синдикалистскіе принципы и вести а-политическую агитацію. Это не мѣшало бы помнить тѣмъ русскимъ юношамъ, которые, въ погонѣ за послѣднимъ новымъ словомъ, спѣшатъ насадить и у насъ новое ученіе.

Роль и современное значеніе соціалистической партіи такъ опредѣляется виднымъ итальянскимъ синдикалистомъ Лабріолой: «Соціалистическая партія по мѣрѣ своего участія въ жизни современныхъ учрежденій, становится въ отношеніи этихъ учрежденій элементомъ консерватизма. Она не можетъ входить въ составъ министерства или парламентскаго большинства, не защищая государства. Опытъ, впрочемъ, показываетъ, что нѣтъ злѣйшихъ реакціонеровъ, какъ соціалисты, добравшіеся до власти. Въ томъ, что этимъ участіемъ въ жизни современныхъ учрежденій соціализмъ способствуетъ ихъ демократизаціи, уменьшенію ихъ тягости для пролетаріата, заключается положительная сторона дѣятельности соціалистической партіи, и вотъ почему, несмотря ни на что, я остаюсь въ Италіи въ этой партіи. Но неоспоримо, что по мѣрѣ развитія своей демократической дѣятельности соціалистическая партія вступитъ въ противорѣчіе съ революціонными тенденціями рабочаго движенія, т.-е. со своими собственными теоретическими принципами... Мы (синдикалисты) нашли необходимымъ укрѣпить борьбу классовъ, взятую въ ея наиболѣе общемъ и революціонномъ смыслѣ, въ самостоятельныхъ профессіональныхъ соединеніяхъ—синдикатахъ, а а соціалистической партіей оставить представительство извѣстныхъ избирательныхъ и демократическихъ интересовъ рабочаго класса» *).

Тотъ же Лабріола дѣлаетъ относительно партіи очень характерное замѣчаніе: «чѣмъ въ большей степени станетъ она партіей демократической.

*) M. S., juillet, № 188, pp. 55, 56, 57.

тѣмъ большаго политическаго успѣха она достигнетъ». Въ этомъ революціонный синдикалистъ сошелся съ Бернштейномъ...

VIII.

Въ теоретическомъ отношеніи синдикализмъ—порожденіе марксизма. Онъ сознаетъ свое происхожденіе, гордится имъ. Можно съ увѣренностью сказать, что до появленія синдикализма идеи Маркса никогда не пользовались во Франціи такой популярностью, да пожалуй и такимъ пониманіемъ. Какъ это ни звучитъ парадоксально, но для Франціи синдикализмъ, хоть и воюющій съ такъ называемымъ «ортодоксальнымъ марксизмомъ», хотя и стоящій «подъ знакомъ критики», есть въ сущности «воскресеніе марксизма».

Синдикализмъ весь пропитанъ Марксовой идеей классовой борьбы, онъ дышитъ марксовской концепціей грядущаго соціалистическаго переворота. И надо признать, что синдикалистскія воззрѣнія мѣстами ближе къ истинному Марксову духу, чѣмъ толкованія патентованныхъ признанныхъ «учениковъ», даже самого Энгельса, черезчуръ часто вносившихъ различные оттѣнки въ пониманіе теоріи въ зависимости отъ временныхъ тактическихъ комбинацій.

Итальянскій синдикалистъ Паннунціо называетъ революціонный синдикализмъ «историческимъ эквивалентомъ марксизма», а Эдуардъ Бэртъ доказываетъ, что «Марксъ понималъ соціальную революцію по плану и въ томъ ритмѣ, которые очень аналогичны съ представленіями синдикализма». «У насъ нѣтъ ни догмъ, ни готовыхъ идеаловъ, подлежащихъ осуществленію,—замѣчаетъ Лабріола,—единственная реальность, которую мы признаемъ, это—существованіе борьбы классовъ». «Классовая борьба, которая и составляетъ всю сущность соціализма,—какъ учитъ Лягарделль,—подразумѣваетъ полный разрывъ между пролетаріатомъ и буржуазіей, между двумя мірами, имѣющими противоположныя представленія о жизни. Она предполагаетъ, что рабочій классъ, проникнутый духомъ вѣчнаго возмущенія противъ господъ какъ въ экономической, такъ и въ политической областяхъ, добился того, что изолировалъ себя въ своихъ естественныхъ рамкахъ и создалъ свои собственныя учрежденія и идеологію. Только при этомъ условіи соціализмъ классовой борьбы считаетъ осуществимымъ переходъ отъ порабощеннаго къ свободному обществу» *).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Лягарделль справедливо утверждаетъ, что «марксизмъ есть только методъ мышленія, приспособляющій движеніе идей къ движенію вещей». Міровоззрѣніе синдикализма, доказываетъ онъ, согласуется съ основной мыслью Маркса. «Согласно марксизму соціальное преобразованіе можетъ быть только дѣломъ рабочаго класса, вполнѣ развернувшаго свои силы, т.-е. подготовленнаго и своей организаціей и своимъ воспитаніемъ для продолженія дѣла капитализма. Марксизмъ предпо-

---

*) *M. S.*, juillet, № 188, p. 47.

лагаетъ не только то, что капиталистическая экономія достигла высшаго пункта своего развитія, но въ особенности то, что пролетаріатъ создалъ совокупность учрежденій и идей, достаточныхъ для установленія новыхъ порядковъ жизни». Необходимо поэтому, заключаетъ онъ,—и здѣсь его мысль дѣлаетъ явный логическій скачекъ въ сторону,—чтобы пролетаріатъ ничего не заимствовалъ у буржуазіи... разрывъ между міромъ рабочимъ и міромъ капиталистическимъ есть первое условіе для соціализма классовой борьбы» *).

IX.

Идейный глава синдикализма Жоржъ Сорель, котораго Артуръ Лабріола называетъ «величайшимъ соціалистическимъ мыслителемъ современной Европы», безъ всякой запинки говоритъ о синдикализмѣ, какъ о «новой марксистской школѣ». Но, конечно, синдикалистовъ нельзя смѣшивать съ «ортодоксальными» марксистами. Они принимаютъ, главнымъ образомъ, ту сторону ученія Маркса, которая характеризуется, какъ «историческій матеріализмъ». Они признаютъ необходимость критическаго истолкованія доктрины и, несмотря на всю свою революціонность, часто сходятся въ этой критикѣ съ Бернштейномъ, продолжая только, вопреки ему, оставаться историческими матеріалистами.

«Право имѣетъ твердый базисъ въ производственныхъ отношеніяхъ»,— говоритъ Сорель, и эту идею онъ, дѣйствительно, кладетъ въ основу своихъ работъ. Не только право, и мораль тоже имѣетъ «твердый базисъ въ производственныхъ отношеніяхъ», хотя, конечно, синдикалисты не смотрятъ на эти вопросы такъ упрощенно, какъ нѣкоторые вульгарные ортодоксы, отрицающіе самостоятельное развитіе моральныхъ и философскихъ идей.

Христіанство, напримѣръ, энергично боролось противъ римскихъ игръ. Христіане, оставаясь вѣрующими людьми, продолжали, однако, увлекаться языческими играми. Почему это происходило? «Такъ какъ переходъ общества въ христіанство не измѣнилъ глубоко условій индивидуальныхъ существованій, то не было могущественныхъ эмоціональныхъ двигателей». Между метафизическими принципами религіозной морали и правилами практической жизни существовало расхожденіе. Полное преобразованіе чувствъ и привычекъ христіанъ было невозможно. «Реформой, воздѣйствующей на массу средняго населенія, могла быть только экономическая реформа. Но въ этой области церковь слѣдовала за римлянами, поэтому она не могла революціонизировать нравы и вынуждена была примѣняться къ нимъ». Не таково,—утѣшаетъ насъ синдикалистъ Габріэль Бобуа,—положеніе революціоннаго синдикализма по отношенію къ буржуазному обществу. Революціонный синдикализмъ обладаетъ такими средствами, какихъ совершенно не было у церкви. «При помощи «*непосредственнаго дѣйствія*» (action

*) *M. S.*, mars, № 184, pp. 225—224.

directe—о немъ, какъ и о синдикалистской всеобщей стачкѣ у насъ будетъ рѣчь впереди), при помощи рождаемой «*непосредственнымъ дѣйствіемъ*» «*всеобщей стачки*» синдикализмъ можетъ породить могущественные эмоціональные двигатели, обновить психологію производителей, развить новыя чувства самоотреченія и самопожертвованія, создать энтузіазмъ, способный преодолѣть всѣ предразсудки, всѣ препятствія, всѣ эгоистическіе инстинкты» **). Этотъ процессъ и происходитъ въ синдикатахъ. «Здѣсь, въ нѣдрахъ своей *классовой организаціи*, производители вырабатываютъ свою классовую идеологію. Новыя юридическія и моральныя понятія, составляющія пролетарскую политику, формируются постепенно, чтобы лечь впослѣдствіи въ основу общества свободныхъ производителей. Теперь пролетаріатъ вполнѣ сознаетъ, что не побѣдить ему буржуазіи, пока онъ не станетъ способнымъ замѣстить капиталистическую организацію и идеологію новой организаціей и идеологіей. Будущая судьба рабочаго класса связана нераздѣльно съ судьбой его собственныхъ институтовъ» ***). Нетрудно замѣтить, что это—послѣдовательно марксистская теорія, гораздо болѣе марксистская, чѣмъ ученіе соціалъ-демократовъ, предоставляющее выработку пролетарской идеологіи соціалистамъ-политикамъ, выходцамъ изъ буржуазной среды...

X.

Синдикалистамъ пришлось встрѣтиться съ Марксовымъ ученіемъ о диктатурѣ пролетаріата, какъ о средствѣ соціальнаго переворота. Мы уже говорили, что изъ этого понятія развилась вся соціалъ-демократическая политика. Соціалъ-демократы, полемизируя съ анархистами, пытались нѣсколько скрасить непріятное впечатлѣніе, производимое словомъ «диктатура», и нерѣдко именовали ее «безличной». Но это существа дѣла не мѣняетъ. Реально диктатура пролетаріата можетъ выразиться только въ учрежденіи временнаго правительства, снабженнаго диктаторской властью и составленнаго изъ виднѣйшихъ вождей соціалъ-демократической партіи. Въ признаніи этой истины сходятся Бернштейнъ и революціонные синдикалисты. Диктатуру пролетаріата они отвергаютъ. Какъ же быть съ марксизмомъ?

Эдуардъ Бэртъ пытается хитрить. Конечно,—говоритъ онъ,—трактуя о диктатурѣ пролетаріата, Марксъ видимо держался какой-то теоріи, болѣе или менѣе родственной бланкизму, но все дѣло въ томъ, какъ понимать эту диктатуру. Конечно, вначалѣ Марксъ былъ подъ вліяніемъ воспоминаній о французской революціи и сочинилъ рабочую революцію по образцу буржуазной. Но скоро онъ сталъ удаляться отъ такого представленія и

*) „Размышленія о насиліи", русскій переводъ подъ редакціей Фриче, стр. 16 и друг.

**) *M. S.*, mars, № 184, pp. 215—216.

***) *Гюберъ Лягардель*: „Революціонный синдикализмъ", стр. 44—45.

терминъ «диктатура пролетаріата» получилъ у него болѣе специфически-пролетарскій характеръ. Презрѣніе Маркса ко всякой идеологіи, постоянныя издѣвательства надъ якобинцами-демократами, классовая теорія и историческій матеріализмъ—все это, по мнѣнію Бэрта, свидѣтельствуетъ, что иначе Марксъ и не могъ думать. «Мысль о рабочей революціи, совершаемой черезъ посредство случайной и посторонней пролетаріату группы, которая установитъ якобы именемъ пролетаріата свою временную диктатуру, особый видъ государства, отъ котораго необходимо ждать самоуничтоженія, эта мысль черезчуръ поверхностна, слишкомъ идеалистична, слишкомъ противорѣчитъ грозному реализму того, кого Кроче назвалъ «самымъ знаменитымъ продолжателемъ Маккіавели», чтобы не быть въ нѣдрахъ марксизма пережиткомъ, допускаемымъ и хранимымъ по оплошности» *).

Жоржъ Сорель гораздо послѣдовательнѣе и прямѣе Бэрта. Синдикализмъ не можетъ признать, что историческая миссія пролетаріата въ томъ, чтобы подражать буржуазіи. «Новая школа не желаетъ слѣпо держаться положеній Маркса: если онъ не создалъ другой теоріи, кромѣ теоріи воцаренія буржуазіи, это для нея еще не есть основаніе строго подражать воцаренію буржуазіи. Во время революціонной своей дѣятельности Марксъ часто вдохновлялся идеями, которыя относились къ прошлому; въ его произведеніяхъ иногда проскальзываютъ устарѣлые взгляды, заимствованные у утопистовъ. Новая школа не считаетъ себя обязанной благоговѣть передъ иллюзіями, ошибками и заблужденіями того, кто такъ много сдѣлалъ для выработки революціонныхъ идей; она старается разграничить то, что искажаетъ труды Маркса, и то, что должно обезсмертить его имя; она поступаетъ какъ разъ противоположно офиціальнымъ соціалистамъ, которые цѣнятъ въ Марксѣ все не марксистское» («Размышленія о насиліи», стр. 96).

Чтобы покончить съ отношеніемъ синдикалистовъ къ марксизму, замѣтимъ еще, что «новая школа» упорно стремится оторвать Маркса отъ Энгельса. Послѣдній, по ея мнѣнію, исказилъ марксизмъ, сдѣлалъ изъ него добычу политикановъ; онъ отвѣтственъ за «превращеніе марксизма въ пошлый и вульгарный эволюціонный реформизмъ».

XI.

Рѣзко отрицательное отношеніе синдикалистовъ къ парламентскимъ политикамъ и къ государству навлекло на нихъ обвиненіе въ анархизмѣ. Конечно, здѣсь рѣчь идетъ только объ анархистахъ-коммунистахъ, ученикахъ Кропоткина, Реклю, Жана Грава. Къ анархистамъ-индивидуалистамъ синдикалисты относятся съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и соціалисты. Безспорно, много анархистовъ-коммунистовъ участвуютъ въ синдикалистскомъ движеніи и ведутъ не безъ успѣха свою пропаганду среди рабочихъ. Особенно во время послѣдней антимилитаристской кампаніи, въ походѣ син-

*) *M. S.*, juillet, № 188, p. 85.

дикалистовъ противъ идеи отечества, въ пропагандѣ всеобщей стачки и солдатскаго мятежа въ случаѣ войны сильно сказалось вліяніе анархизма. Но если анархистскія идеи и впитываются синдикализмомъ и перерабатываются имъ, то все же, пока синдикализмъ не утратитъ своихъ основныхъ чертъ, своего смысла существованія, онъ ни на практикѣ, ни въ теоріи не можетъ сдѣлаться анархичнымъ. Между ними лежитъ непереходимая грань: понятіе классовой борьбы. «Анархистскій соціализмъ,—замѣчаетъ Лягарделль,—несмотря на свои смѣлыя возмущенія, не создалъ яснаго представленія ни о классахъ, ни о классовой борьбѣ. Въ своемъ незнаніи экономическихъ вопросовъ онъ обращался ко всѣмъ людямъ безразлично и свои главныя усилія направилъ на преобразованіе индивидовъ при помощи иллюзорнаго средства, литературнаго, научнаго и раціоналистическаго воспитанія. Но абстрактное, вызванное соображеніями человѣколюбія, отрицаніе принципа государства неспособно устранить давящую силу всѣхъ органовъ принужденія, которые будутъ уничтожены только конкретнымъ творчествомъ революціоннаго пролетаріата. Въ силу этого многіе анархисты, опьяненные идеологической культурой и книжными суевѣріями, помимо своего вѣдома напитались интеллектуальнымъ духомъ буржуазіи и своими идеями привязали себя къ тому міру, отъ котораго оторвали себя энергіей своихъ дѣйствій» *).

Слова Лягарделля вѣрно опредѣляютъ взаимныя отношенія. Поскольку анархисты строятъ свои теоріи на представленіи о естественномъ человѣкѣ и о его нуждахъ, поскольку они въ своей разрушительной дѣятельности вдохновляются идеей всеобщаго счастья и блага всѣхъ людей, они въ корнѣ расходятся съ синдикалистами, стоящими на точкѣ зрѣнія классовой борьбы и признающими нужды и идеологію только пролетаріата, даже только передовой его части, организовавшейся въ синдикаты. Зато синдикалисты съ распростертыми объятіями принимаютъ анархистовъ, какъ энергичныхъ и безстрашныхъ разрушителей буржуазнаго міра. Идейный вождь синдикализма Жоржъ Сорель выпустилъ даже книжку, посвященную апологіи «насилія», которое онъ отличаетъ отъ «силы»: «сила хочетъ стать властью, стараясь добиться покорности, насиліе хочетъ уничтожить эту власть». Изъ этого уже видно, что насиліе есть понятіе чисто-анархическое, ничего творческаго въ себѣ не заключающее. Нечего поэтому удивляться, если въ *Mouvement Socialiste* въ концѣ очень серьезной статьи о союзахъ американскихъ рабочихъ вы прочтете восхваленіе того, какъ ежегодно «членами союзовъ убиваются сотни и ранятся тысячи враждебныхъ рабочихъ, какъ пускаются въ ходъ и публично одобряются союзами всѣ легальныя мѣры, чтобы сдѣлать такимъ рабочимъ жизнь невозможной» (№ 187, p. 543).

---

*) *M. S.*, juillet, № 188, p. 48. Л. Козловскій въ своей брошюрѣ „Очерки синдикализма во Франціи“ обстоятельно излагаетъ пункты различія между синдикалистами и анархистами-коммунистами, но не касается вопросовъ тактики.

XII.

Въ синдикалистскомъ движеніи участвуютъ представители самыхъ разнообразныхъ партій, лишь бы только они стояли на почвѣ классовой борьбы. Поэтому отъ имени синдикализма сплошь и рядомъ высказываются самыя противоположныя мнѣнія. На столбцахъ синдикалистской прессы вы можете встрѣтить и безусловное отрицаніе всякаго представительства и ядовитые вопросы Михельса: «а въ основѣ синдикатовъ не лежитъ ли тотъ же самый принципъ представительства?—синдикатовъ безъ представителей мы еще не видали» (*M. S.*, № 184, p. 282). Одни синдикалисты ведутъ ожесточенную, безпощадную войну противъ интеллигенціи (intellectuels), другіе саркастически замѣчаютъ: рабочее движеніе абсолютно не можетъ обойтись безъ интеллигентовъ. Марксизмъ анти-иллектуаленъ, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Лягарделль, наиболѣе близкій по духу къ Сорелю; вмѣшательство въ рабочее движеніе элементовъ постороннихъ пролетаріату свидѣтельствуетъ только о незрѣлости пролетарской организаціи, доказываетъ, что рабочій классъ еще недостаточно силенъ, чтобы уберечь себя отъ буржуазныхъ инфильтрацій (*M. S.*, № 184, pp. 224, 225). И тотъ же Лягарделль въ другомъ мѣстѣ возлагаетъ на интеллигенцію задачу «помогать пролетаріату выдѣлить самому его классовую идеологію... такъ какъ даже самые развитые изъ рабочихъ неловки въ обобщеніи результатовъ движенія и въ опредѣленіи руководящихъ нитей соціалистической дѣятельности» («Рев. синдикализмъ», стр. 48—49). Итакъ, «самые развитые рабочіе» все еще не созрѣли...

Чтобы понять всѣ эти внутреннія противорѣчія синдикалистскаго движенія, надо вспомнить о видномъ участіи въ немъ обыкновенныхъ соціалистовъ-политиковъ, желающихъ выдавать себя въ данный моментъ за наиболѣе крайнихъ, т.-е. людей, напоминающихъ русскихъ большевиковъ. Къ типу такихъ синдикалистовъ принадлежитъ нѣмецъ Михельсъ и чуть ли не вся «итальянская школа». По крайней мѣрѣ, глава ея, Артуръ Лабріола, восторженный отзывъ котораго о Сорелѣ мы приводили, не обинуясь восклицаетъ: «Отдѣленію политики отъ экономики въ средѣ соціализма долженъ быть положенъ конецъ; необходимо, чтобы партія и классъ составляли одно цѣлое и нераздѣльное» («Реформизмъ и синдикализмъ», стр. 205). Лабріола точно и не подозрѣваетъ, что его пожеланіе сводится къ полному уничтоженію синдикализма. Неудивительно, что русскіе большевики (Базаровъ, Луначарскій) поспѣшили привѣтствовать синдикализмъ... въ его итальянской формѣ. Но всѣ эти симпатіи основаны на курьезномъ недоразумѣніи. Въ своемъ «послѣсловіи» къ только что указанному сочиненію Лабріолы г. Луначарскій пишетъ: «Крупной заслугой автора является остроумное разграниченіе реформистскаго и революціоннаго метода. Революціонной является та партія, которая стремится *вырвать власть* изъ рукъ нынѣшнихъ обладателей ея. Реформа можетъ идти очень далеко, но она *оставляетъ власть* въ рукахъ прежнихъ властелиновъ» (стр. 260). Но

вѣдь г. Луначарскій не можетъ же не знать, что это «остроумное разграниченіе» сдѣлано еще лѣтъ 15 тому назадъ «безгранично уважаемымъ имъ учителемъ» Каутскимъ и разработано въ его брошюрѣ «Соціальная революція». Крупная же заслуга Лабріолы заключается только въ повтореніи словъ Каутскаго. Что же касается синдикалистовъ, то они смотрятъ на вопросъ нѣсколько иначе. Вырвать власть, значитъ взять власть въ свои руки—съ этой именно концепціей и борются синдикалисты, признавая ее годной лишь для буржуазныхъ революцій!...

XIII.

Не трудно было бы, набравъ десятки примѣровъ такихъ противорѣчій и не только между работами различныхъ писателей-синдикалистовъ, но и между различными частями писаній одного и того же автора, раскритиковать все движеніе и провозгласить его «смутнымъ хаосомъ въ головахъ незрѣлыхъ, но честолюбивыхъ людей». Такая критика нерѣдко и пускается въ ходъ по партійнымъ соображеніямъ, когда главнѣйшей задачей ставятъ дискредитированіе противника. Наша критика чужда партійныхъ соображеній. Мы задаемся цѣлью уяснить характеръ «новаго движенія» и выдѣлить то, что есть въ немъ новаго. Мы должны поэтому указать на всѣ эти противорѣчія и объяснить, что корень ихъ въ цѣпкомъ сплетеніи двухъ теченій въ синдикализмѣ. На-ряду съ попытками создать нѣчто новое, уловить идеологію пролетаріата, въ синдикализмѣ наблюдается, какъ это ни кажется страннымъ, политическое движеніе. Часть соціалистовъ-политиковъ ухватились за популярное въ рабочихъ массахъ направленіе и успѣли внести въ него много своихъ идей. Добросовѣстная критика и должна поставить себѣ, между прочимъ, задачей отдѣлить идеи «синдикалистскія» отъ идей политиковъ-соціалистовъ крайняго лагеря, отъ большевистскихъ идей, выражаясь по-русски. Особенно это важно при анализѣ основныхъ идей синдикализма: непосредственнаго дѣйствія (action directe) и всеобщей стачки (grève générale).

Непосредственное дѣйствіе есть понятіе видовое, которое объединяетъ и всеобщую стачку. Оно противополагается представительству, но подъ этимъ невиннымъ терминомъ могутъ скрываться самыя разнообразныя дѣйствія вплоть до нападеній на фабрики, порчи машинъ, избіенія и убійства нарушителей стачки, динамитныхъ взрывовъ и т. д. Непосредственное дѣйствіе должно быть таковымъ и субъективно и объективно. Оно должно осуществляться непосредственно самимъ рабочимъ безъ какой бы то ни было передачи полномочій другому лицу. Затѣмъ оно должно направляться непосредственно на то лицо или на то явленіе, которыхъ имѣетъ въ виду поставленная цѣль: на патрона, на служащихъ, на нарушителей стачки, на вредную машину, вредную мастерскую, на носителя власти. Парламентаризмъ, конечно, является полной противоположностью непосредственному дѣйствію. Тутъ рабочій, во-первыхъ, передаетъ свои полномочія депутату

и дѣйствуетъ черезъ него, а во-вторыхъ, и цѣлей своихъ достигаетъ не непосредственно, а путемъ распоряженій, осуществляемыхъ органами власти. Въ непосредственномъ дѣйствіи синдикалисты видятъ единственный истинно-революціонный методъ и незамѣнимое воспитательное средство. Пужэ смѣется надъ увѣреніями гэдистовъ, что «существенно-революціонное» дѣйствіе совершается въ нѣдрахъ соціалистической партіи при помощи избирательнаго бюллетеня. Я не зналъ, пишетъ онъ, что являться разъ въ четыре года въ секцію для подачи голоса, значитъ совершать «дѣйствіе, осуществляющееся внѣ предѣловъ капиталистической системы». Всѣмъ разсуждающимъ рабочимъ, навѣрное, покажется, что подрывать привилегіи капитала стачкой, сопровождаемой или несопровождаемой насиліемъ, значитъ совершать дѣло куда болѣе дѣйствительное и на сей разъ поистинѣ «существенно-революціонное» (*M. S.*, № 182, p. 26). Мы видѣли, что Михельсъ доказывалъ невозможность веденія стачки безъ представительства. Это справедливо, но все же элементы «непосредственнаго дѣйствія» тутъ очень сильны: каждый стачечникъ терпитъ нужду.

XIV.

Наиболѣе важнымъ «непосредственнымъ дѣйствіемъ» пролетаріата является стачка и, какъ вѣнецъ борьбы, всеобщая стачка. Всеобщая стачка понятіе не новое. Впервые этотъ методъ борьбы былъ выдвинутъ чартистами. Какъ свидѣтельствуетъ Гаммеджъ въ своей «Исторіи чартизма», 28 мая 1838 г. на митингѣ въ Глазго Атвудъ провозгласилъ «торжественную и священную стачку во всѣхъ отрасляхъ труда», которою должно было закончиться чартистское движеніе. Впослѣдствіи съ этой идей долго носились во Франціи аллеманисты, построившіе цѣлую теорію «революціи со скрещенными руками», которую Аллеманъ довольно забавно развивалъ на рабочихъ митингахъ. Въ настоящее время «всеобщая стачка» принята почти всѣми соціалистическими партіями, какъ одно изъ средствъ политической и соціальной борьбы, пускаемое въ ходъ смотря по обстоятельствамъ. Соціалисты болѣе или менѣе откровенно сознаются, что всеобщая стачка можетъ служить только средствомъ для дезорганизаціи существующаго строя съ цѣлью или добиться отъ правящихъ классовъ уступокъ, или совершенно сломить ихъ господство. Въ послѣднемъ случаѣ всеобщая стачка служитъ только переходной ступенью къ вооруженному возстанію и захвату власти революціонерами.

Синдикалисты утверждаютъ, что всеобщая стачка, о которой они говорятъ, совсѣмъ не то, что до сихъ поръ подразумѣвалось подъ этимъ словомъ. О революціи со скрещенными руками они не могутъ говорить безъ ироніи: это—просто глупость. Никогда невозможно будетъ дождаться такого времени, когда буквально *всѣ* рабочіе оставятъ работу. Забастуютъ одни, принудятъ къ забастовкѣ другихъ, станутъ добывать себѣ хлѣбъ, будутъ нападать на работающихъ и на патроновъ. Всеобщая стачка безъ

насилій немыслима. Но что же представляетъ собой эта *синдикалистская* всеобщая стачка? Вотъ какъ характеризуетъ ее Бэртъ:

«Завоеваніе политической власти? Но для рабочаго класса дѣло идетъ не столько о завоеваніи государства, сколько о разрушеніи его, рѣчь идетъ не о томъ, чтобы одну іерархію замѣнить другой, но чтобы уничтожить всякую іерархію. Завоеваніе власти, осуществленное черезъ представителей, неизбѣжно возстановило бы внѣ и надъ корпораціей работниковъ новую іерархію—вотъ почему синдикалисты противополагаютъ завоеванію власти идею всеобщей стачки, то-есть идею огромнаго возстанія пролетаріата, какъ самостоятельной и нераздѣльной массы, дѣйствующей безъ делегаціи и представительства, однимъ ударомъ разрушающей политическую надстройку, сносящей всю офиціальную крышу для того, чтобы экономическое общество могло предстать во всей своей ясности и независимости. При захватѣ власти буржуа могутъ проскочить во главѣ соціалистическаго движенія и сохранить политическую гегемонію; при всеобщей стачкѣ ipso facto устраняется всякое вмѣшательство посторонней организаціи; революція остается рабочей» *). Это типично-анархическое пониманіе всеобщей стачки. Цѣль ея—разрушеніе государства, этимъ объясняется и та готовность, съ которой синдикалисты бросились въ анти-милитаристскую агитацію, надѣясь парализовать такимъ путемъ военную силу общества. Такое пониманіе стачки противорѣчитъ всему, что было уже въ исторіи. Самый слабый пунктъ всего построенія—это невозможность для странъ съ современной промышленностью существовать безъ центральнаго органа, безъ государства. Разрушеніе государства вовсе не поведетъ за собой «выявленія въ чистомъ видѣ» созрѣвшаго подъ этой «крышей» «экономическаго общества».

XV.

Мы можемъ себѣ представить, что стачечники «непосредственнымъ дѣйствіемъ» разрушатъ всѣ центральные органы современнаго государства, что тѣмъ же дѣйствіемъ они разграбятъ булочныя и на первое время накормятъ голодныхъ. Но какъ они возстановятъ въ странѣ правильное движеніе, привезутъ за тысячи верстъ уголь, муку, матеріалы для производства, какъ организуютъ заграничный обмѣнъ? Безъ центральной организаціи все это невозможно, а центральная организація немыслима безъ «представителей», безъ оплаты ихъ, а оплата означаетъ установленіе налоговъ и т. д. и т. д. Разрушивъ государство при помощи всеобщей стачки, пролетаріатъ на завтра же вынужденъ будетъ создать его вновь, измѣнивъ, быть можетъ, для очистки совѣсти названіе. На практикѣ синдикалистская всеобщая стачка есть не что иное, какъ отрицаемый синдикалистами захватъ политической власти.

*) *M. S.*, janvier, № 182, p. 92.

Понимая это, крупнѣйшій синдикалистскій теоретикъ Жоржъ Сорель переноситъ вопросъ о всеобщей стачкѣ совсѣмъ въ иную область, въ область интеллектуально-эмоціональную. «Всеобщая стачка,—говоритъ онъ,—есть именно та миѳологическая концепція, въ которой заключается весь соціализмъ». («Размышленія о насиліи, стр. 58»). «Для насъ совершенно неважно, есть ли всеобщая забастовка нѣчто реально осуществимое, или только плодъ народнаго воображенія... Даже въ томъ случаѣ, если бы революціонеры во всемъ ошибались, рисуя себѣ фантастическую картину всеобщей забастовки, эта картина можетъ быть факторомъ великой силы во время подготовки къ революціи» (стр. 57).

Такимъ образомъ, всеобщая стачка синдикалистовъ—вовсе не реальность, это—миѳъ, это вѣрованіе, которое владѣетъ душами рабочихъ, формируетъ изъ нихъ особый типъ людей и толкаетъ ихъ на великія дѣла. «Если бы идея всеобщей забастовки только сдѣлала соціалистическое міровоззрѣніе болѣе героическимъ, то и въ такомъ случаѣ ея значеніе было бы огромно». (Ib. стр. 67).

Вполнѣ послѣдовательно Сорель сравниваетъ такъ понимаемую идею всеобщей стачки съ представленіемъ первыхъ христіанъ о Страшномъ Судѣ, пришествіи Христа и послѣдней битвѣ съ Сатаной. Эти вѣрованія опредѣляли все міровоззрѣніе первыхъ христіанъ, они толкали ихъ на самопожертвованіе, они сформировали въ римскомъ обществѣ христіанъ и на много столѣтій дали имъ прочную основу для моральныхъ оцѣнокъ.

Въ настоящее время рабочій ведетъ неустанную борьбу съ буржуазнымъ, капиталистическимъ міромъ. Надо обострять, а не затушевывать эту борьбу, надо идти дальше и борьбу классовъ превратить въ войну классовъ. Рабочіе должны образовать въ современномъ обществѣ государство въ государствѣ, (такъ буквально и говоритъ Лягарделль—M. S. N. 183 р. 109) и объявить себя воюющей стороной. Отдѣльныя стачки, отдѣльныя насилія—все это только аванпостныя стычки. Вступая въ нихъ, надо всегда помнить и готовиться къ генеральному, окончательному сраженію, которымъ и будетъ «всеобщая стачка». «Чѣмъ больше разовьется и распространится синдикализмъ, освобождаясь отъ старыхъ предразсудковъ—идущихъ отъ стараго режима и католической церкви черезъ посредство писателей, профессоровъ философіи и историковъ революціи—тѣмъ больше и больше соціальные конфликты будутъ носить характеръ чистой борьбы, вполнѣ аналогичной борьбѣ двухъ враждебныхъ армій». (Сорель, стр. 49).

XVI.

Нужно оговориться, что Сорелевскія идеи о всеобщей стачкѣ не могутъ считаться господствующими среди синдикалистовъ, но онѣ вскрываютъ [illegible]хъ синдикалистскаго движенія. Едва ли много рабочихъ не только раздѣляютъ, но даже понимаютъ ихъ. На всей концепціи лежитъ ясный оттѣнокъ ницшеанскихъ идей. Бутада Ницше, что «хорошая война освящаетъ всякую цѣль», видимо, произвела глубокое впечатлѣніе на Сореля. Совре-

менный міръ, по его мнѣнію, вырождается. Буржуа—безсильные, безвольные люди, лишенные какихъ бы то ни было моральныхъ устоевъ. Безсиліе буржуазіи ярко выражается въ ея интеллектуализмѣ, творчески совершенно безплодномъ. У буржуа нѣтъ «инстинкта», нѣтъ ничего, что бы устояло отъ критики, они все разбираютъ, все примиряютъ и потому совершенно неспособны къ дѣйствію.

Но безъ людей способныхъ къ дѣйствію, къ творчеству, міръ погибнетъ. Только милліардеры-работники въ Америкѣ и пролетаріи, совершенно обособившіеся отъ всего буржуазнаго, и являются людьми, отъ которыхъ можно ждать возрожденія общества. Но для этого пролетаріатъ долженъ рѣшительно оградить себя отъ всякой буржуазной инфильтраціи. Замкнувшись въ свои «синдикаты», (синдикалисты часто сравниваютъ ихъ съ тѣми городскими коммунами, въ которыхъ созрѣвало третье сословіе), пролетаріатъ долженъ вести постоянную борьбу съ буржуазіей и въ то же время воспитывать себя и своихъ дѣтей, готовить свою особую идеологію, свои особыя учрежденія. Вся мораль пролетаріата должна вырабатываться этой борьбой. Только классовая война и сдѣлаетъ изъ пролетаріевъ смѣлыхъ, стойкихъ людей, революціонеровъ съ твердыми моральными устоями. Классовая борьба, все обостряясь и обостряясь, должна вести ко всеобщей стачкѣ, этому послѣднему бою, сопровождающемуся разрушеніемъ буржуазнаго государства. Когда эта крыша будетъ снесена, передъ изумленнымъ міромъ выступитъ во всей его красотѣ новый соціалистическій міръ, до того времени зрѣвшій и складывавшійся въ нѣдрахъ буржуазнаго общества. Мысль объ этомъ послѣднемъ боѣ, идея всеобщей стачки («миѳъ») и должна служить эмоціональной основой всѣхъ дѣйствій пролетаріата. «Мы можемъ допустить, что соціализмъ вполнѣ революціоненъ, даже въ случаѣ лишь непродолжительныхъ и немногочисленныхъ конфликтовъ, разъ только эти послѣдніе имѣютъ достаточную силу вылиться въ идею всеобщей стачки: всѣ событія предстанутъ тогда въ увеличенномъ видѣ и, сохраняя характеръ катастрофы, вызовутъ представленіе о полномъ обособленіи классовъ».

Читатель, нѣсколько знакомый съ соціалистической литературой, навѣрно уже сопоставилъ эти Сорелевскія мысли съ знаменитыми словами Лассаля: «Ничто не налагаетъ на сословіе такого исполненнаго достоинства и глубоконравственнаго отпечатка, какъ сознаніе, что ему суждено быть господствующимъ сословіемъ, что оно призвано сдѣлать свою идею руководящей идеей всего общества... Высокая всемірно-историческая честь такого предназначенія должна преисполнить собой всѣ ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немыслящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ—все это теперь недостойно васъ. Вы скала, на которой созиждется церковь настоящаго! Пусть эта мысль с страстной исключительностью овладѣетъ вашими умами, пусть она наполнитъ вашъ духъ и пусть вся ваша жизнь будетъ достойна ея, сообразна съ нею и всегда проникнута ею»...

XVII.

Теперь мы можемъ возсоздать общую концепцію «новаго» синдикализма. Развитіе промышленности въ современныхъ обществахъ породило пролетаріатъ, который ведетъ безпощадную и непрерывную классовую борьбу съ буржуазіей. Демократизація общества только способствуетъ обостренію и выясненію этой борьбы. Въ этой борьбѣ пролетаріатъ совершенно обособляется отъ буржуазіи. Онъ замыкается въ свои спеціальныя классовыя учрежденія, синдикаты, развиваетъ ихъ, готовитъ изъ нихъ учрежденія будущаго соціалистическаго строя, какъ буржуазія въ «коммунахъ» подготовляла современный капиталистическій порядокъ. Вѣчная борьба съ буржуазіей служитъ источникомъ моральнаго развитія пролетаріата. Отдѣльныя стычки, ожесточаясь и усиливаясь, должны привести къ генеральному сраженію, къ «всеобщей стачкѣ», которая уничтожитъ государство и поддерживаемый имъ буржуазный строй. Мысль о неминуемости всеобщей стачки должна проникать все существо пролетарія, питать и поддерживать его революціонный энтузіазмъ. Въ то самое время, когда всеобщая стачка разрушитъ старый міръ, пролетарскія учрежденія, созрѣвавшія подъ кровомъ синдикатовъ, возьмутъ въ свои руки завѣдываніе производительными силами. Нечего поэтому бояться гибели культуры, хотя, понятно, треній и замѣшательствъ придется пережить не мало, но безъ нихъ не обходится никакая революція.

Итакъ въ синдикализмѣ двѣ главныхъ идеи: подготовка при помощи синдикальнаго движенія учрежденій для новаго соціалистическаго міра и накопленіе при помощи обостренія классовой борьбы революціонной энергіи для низверженія стараго государственно-капиталистическаго міра. Идея «подготовки», «созрѣванія пролетаріата» присуща всѣмъ синдикалистамъ. «Въ синдикализмѣ—говорилъ Артуръ Лабріола на парижской конференціи—нѣтъ мѣста для византійскихъ споровъ относительно концентраціи собственности, усиленія нищеты, катастрофическаго или иного окончанія кризисовъ. Мы ограничиваемся утвержденіемъ, что тамъ, гдѣ есть капиталистическая фабрика, есть возможность синдикализма, возможность мастерскихъ безъ хозяевъ. Но мы прибавляемъ, что этотъ идеалъ будетъ достигнутъ только тогда, когда рабочій классъ окажется достаточно сильнымъ морально и интеллектуально, чтобы осуществлять функціи, отправляемыя до сихъ поръ буржуазнымъ классомъ, и достаточно могущественнымъ матеріально, чтобы низвергнуть организацію силы, защищающую капиталистическую фабрику и называемую государствомъ». (M. Soc. juillet, № 188, p. 56).

Синдикалистскія учрежденія призваны, такимъ образомъ, съ одной стороны оберегать пролетаріатъ отъ вреднаго вліянія буржуазнаго духа и накалять его революціонный энтузіазмъ, а съ другой—готовить ячейки будущаго строя. Нельзя сказать, чтобы обѣ эти идеи всегда уживались мирно. Недаромъ Сорель сознается, что «синдикализму угрожаетъ большая опас-

ность впасть въ подражаніе демократіи, для него было бы лучше нѣкоторое время удовольствоваться слабыми и хаотическими организаціями, чѣмъ подпасть вліянію синдикатовъ, подражающихъ политическимъ формамъ буржуазіи» (стр. 97). Опасность эта очень реальна. Лѣвый изъ лѣвыхъ, итальянскій «большевикъ» Лабріола, развивая мысль, что «автономное руководство производствомъ со стороны рабочаго класса будетъ достигнуто лишь путемъ послѣдовательнаго вторженія профессіональныхъ организацій въ экономическій процессъ», (стр. 200) договорился до «мелкобуржуазной утопіи», что это будетъ осуществлено «въ формѣ аренды орудій производства синдикатомъ (аренды, которая весьма быстро превратилась бы въ чистую экспропріацію) или въ видѣ выкупа съ вознагражденіемъ» (Реф. и синд., стр. 202).

Вмѣсто революціи—обыкновенное банкротство, буржуазная «ломка рубля» или выворачиваніе шубы!...

XVIII.

На почвѣ «подготовки ячеекъ будущаго соціалистическаго строя» въ синдикализмѣ возникло очень интересное педагогическое движеніе, представляющее въ сущности простое возвращеніе къ идеямъ Карла Маркса въ этой области. Какъ это ни странно, педагогическія идеи Маркса пользовались до сихъ поръ успѣхомъ скорѣе среди реакціонныхъ, чѣмъ прогрессивныхъ, въ томъ числѣ и соціалистическихъ, круговъ. По довольно правдоподобному объясненію синдикалистовъ, буржуазный интеллектуализмъ, плодъ классическаго воспитанія, «развратилъ» и соціалистовъ.

Парижскій конгрессъ «федераціи биржъ» 1900 г. постановилъ, чтобы синдикаты вмѣшались въ борьбу изъ-за школы, которая велась между церковью и государствомъ, и взяли въ свои руки все образованіе рабочаго класса. Конгрессъ нашелъ, что профессіональное образованіе не можетъ удовлетворительно вестись государствомъ вдали отъ мастерскихъ, но что и первоначальное образованіе дѣтей рабочихъ должно быть вырвано изъ рукъ какъ церкви, такъ и государства. Организуя собственными силами образованіе своихъ сыновей, пролетаріатъ — говорилъ конгрессъ — хочетъ отнять у государства одно изъ главныхъ его орудій: онъ хочетъ передать рабочимъ организаціямъ одинъ изъ самыхъ важныхъ буржуазныхъ институтовъ, и оградить молодежь отъ вліянія буржуазной идеологіи. Офиціальное образованіе, абстрактное и далекое отъ жизни, ведется безъ всякой заботы какъ о техникѣ производства, такъ и о мастерской. Молодые рабочіе, которые должны будутъ играть въ жизни трудную роль производителя, не получаютъ для этого въ школѣ ни малѣйшей подготовки. Однѣ рабочія организаціи, благодаря знанію условій труда, благодаря зрѣлости пониманія классовыхъ отношеній, могутъ уничтожить расколъ между школой и мастерской и преобразовать первую въ преддверіе второй (см. объ этомъ вопросѣ Лягарделля «Революціонный синдикализмъ», стр. 75 и 76).

Примкнувшіе къ синдикализму учителя выпустили прокламацію, въ которой заявляютъ о своемъ намѣреніи замѣнить «абстрактное, идеологическое, енциклопедическое государственное образованіе» «практическимъ конкретнымъ, отвѣчающимъ дѣйствительнымъ потребностямъ различныхъ слоевъ населенія», основаннымъ на любви къ труду (M. S. № 185, р. 320).

Вспомнимъ педагогическія идеи Карла Маркса. «Изъ фабричной системы возникаетъ зародышъ будущаго воспитанія, которое соединитъ для всѣхъ дѣтей опредѣленнаго возраста производительный трудъ съ ученіемъ и гимнастикой и это не только способъ увеличенія общественнаго производства, но и единственный способъ произведенія всесторонне-развитыхъ людей (Капиталъ, т. I, изд. 1898 г., стр. 423). Если фабричное законодательство—эта первая съ трудомъ вынужденная уступка капитала—соединяетъ только элементарное образованіе съ фабричнымъ трудомъ, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что неизбѣжный захватъ политической власти рабочимъ классомъ завоюетъ для школъ рабочаго класса и техническое образованіе, какъ теоретическое, такъ и практическое» (Ibidem, стр. 427).

Анти-иллектуалистическая проповѣдь синдикалистовъ, заходящихъ при этомъ иной разъ черезчуръ далеко, до насмѣшекъ надъ «наукой» и «научнымъ духомъ», несомнѣнно имѣетъ успѣхъ среди рабочихъ, по крайней мѣрѣ, французскихъ. Л. Козловскій въ своей книжкѣ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что на наиболѣе развитыхъ французскихъ рабочихъ ораторскій талантъ уже не производитъ прежняго обаянія. Ораторъ уже не является первымъ лицомъ въ рабочемъ движеніи. Этотъ фактъ чрезвычайно характеренъ и бросаетъ любопытный свѣтъ на будущее развитіе человѣчества. Что касается Франціи, то тамъ лучшіе ораторы всегда были порожденіемъ классическаго духа и намъ, русскимъ, знакомымъ лишь съ толстовскимъ классицизмомъ, едва ли оцѣнить всю силу духовной революціи, которую вызоветъ во Франціи крушеніе классическаго образованія.

XIX.

На почвѣ подготовки «ячеекъ будущаго» революціонный синдикализмъ вплотную подходитъ къ реформистскому синдикализму. Кромѣ синдикатовъ революціонныхъ, постоянно мечтающихъ о «всеобщей стачкѣ», о сокрушеніи государства, дѣятельно участвующихъ въ анти-милитаристской и анти-патріотической агитаціяхъ, существуютъ рабочіе синдикаты и другого типа. Они тоже стоятъ на почвѣ классовой борьбы, тоже вѣрятъ, что будущее принадлежитъ пролетаріату, призванному реорганизовать буржуазный строй. Но реформистскіе синдикаты убѣждены, что это произойдетъ не сразу, а постепенно, путемъ долгой борьбы и медленной эволюціи. Не отрицая всеобщей стачки, они не придаютъ ей такого большого, ни реальнаго, ни «миѳическаго» значенія, какъ революціонные синдикалисты. Относясь съ подозрѣніемъ къ профессіональнымъ политикамъ и ставя на

первый планъ экономическую, синдикалистскую работу, они не отрицаютъ и политики и не прочь пользоваться услугами парламентскихъ соціалистовъ, только бы послѣдніе не накладывали своей руки на профессіональное рабочее движеніе и не требовали себѣ преобладающей роли. Въ жизни реформистскіе синдикалисты очень вліятельны, такъ какъ обладаютъ наилучше организованными учрежденіями и самыми богатыми кассами. Къ нимъ примыкаютъ тѣ англійскіе тредъ-юніоны, которые участвуютъ въ международныхъ соціалистическихъ конгрессахъ. Такого же направленія придерживаются 1.300,000 объединенныхъ германскихъ рабочихъ, руководимыхъ Легіеномъ, тогда какъ число членовъ революціонныхъ синдикатовъ въ Германіи не превышаетъ 20,000. Во Франціи вліяніе реформистскихъ синдикатовъ значительно слабѣе вліянія революціонныхъ, но все же они не выходятъ изъ всеобщей конфедераціи труда и обладаютъ сильной организаціей типографскихъ рабочихъ, руководимой Кейферомъ. Въ Бельгіи реформистское теченіе сильно среди рабочихъ и на синдикатскомъ конгрессѣ типографщикъ Штордеръ не побоялся открыто заявить: «Мы думаемъ, что синдикатъ не революціонное учрежденіе и не долженъ имъ быть. Мы стоимъ за улучшеніе общества, а не за ниспроверженіе его» (*M. S.* № 184, p. 256).

Каково же отношеніе революціонныхъ синдикалистовъ къ реформистскимъ? Оно двойственное. На этомъ вопросѣ удобнѣе всего наблюдать борьбу въ синдикализмѣ анархистскаго и чисто-синдикалистскаго теченій. Мы видѣли, что Сорель боится сильныхъ рабочихъ синдикатовъ и предпочитаетъ хаотическіе, безсильные синдикаты англійскимъ и нѣмецкимъ. Михельсъ не находитъ ни одного мягкаго слова для германскихъ синдикатовъ и—высшая брань въ устахъ синдикалиста!—предпочитаетъ имъ соціалъ-демократическую партію. Лягарделль и Бэртъ, наоборотъ, предпочитаютъ синдикаты и не теряютъ надеждъ на ихъ исправленіе. «Нейтральный синдикализмъ современныхъ германскихъ синдикалистовъ — пишетъ Бэртъ—гораздо лучше, чѣмъ ихъ подчиненіе партіи, т.-е. политическимъ революціонерамъ». Путанный Артуръ Лабріола на одной страницѣ говоритъ одно, на другой—другое.

Это разнорѣчіе не случайно. Оно объясняется той борьбой, которую ведутъ въ нѣдрахъ самого синдикализма два главныхъ элемента доктрины: подготовка ячеекъ будущаго строя и революціонное ниспроверженіе существующаго порядка. Подготовленіе будущаго требуетъ созданія сильныхъ синдикатовъ, а сильные, богатые синдикаты угашаютъ революціонный духъ. Въ маломъ видѣ повторяется исторія превращеній христіанства въ павліанство и соціалъ-демократіи въ бернштейніанство...

XX.

Попробуемъ сдѣлать нѣкоторые выводы.

Переживаемый нами процессъ превращенія буржуазнаго, капиталистическаго общества въ демократическое и соціалистическое есть процессъ

медленный, трудный, вѣковой, какимъ былъ и процессъ видоизмѣненія феодальнаго общества, построеннаго на натуральномъ хозяйствѣ. Въ этомъ процессѣ организованному пролетаріату предстоитъ, очевидно, первая, главенствующая роль, какъ самой сильной и прочной общественной организаціи, поставленной самими условіями производства въ особо благопріятное положеніе для коллективныхъ дѣйствій. Но если синдикализмъ думаетъ, что онъ открылъ новое могущественное средство для немедленнаго и скораго ниспроверженія существующаго строя и замѣны его новымъ, то онъ переживаетъ тѣ же самыя иллюзіи, какія переживались другими революціонными теоріями. Точно такъ же иллюзорна его борьба съ государствомъ. Современныя общества немыслимы безъ централизованной государственной машины и осуществленіе творческихъ задачъ синдикализма безъ государства тоже невозможно.

Главнѣйшее значеніе революціоннаго синдикализма лежитъ въ области психологической. Онъ свидѣтельствуетъ о ростѣ сознанія среди пролетаріата, о подъемѣ классоваго самочувствія. Поскольку синдикализмъ является произведеніемъ интеллигенціи, онъ лишній разъ подчеркиваетъ переживаемый современнымъ обществомъ моральный и идейный кризисъ, недовольство интеллектуализмомъ, парализовавшимъ и силы и способности образованныхъ людей. Поскольку синдикализмъ проникаетъ въ рабочія массы, онъ продолжаетъ и усиливаетъ дѣло соціализма, поднимаетъ самочувствіе массъ, готовитъ пролетаріатъ къ роли господствующаго класса.

Революціонный синдикализмъ несомнѣнно льетъ воду на колеса реформистскаго синдикализма. Онъ позволяетъ послѣднему освобождаться изъ-подъ опеки политическихъ дѣятелей буржуазнаго происхожденія, готовитъ кадры пролетарской интеллигенціи, набирающейся изъ синдикатскихъ секретарей, выходящихъ изъ рабочей среды, оберегаетъ эту пролетарскую интеллигенцію отъ «растлевающаго» вліянія буржуазной идеологіи...

Побѣды революціоннаго синдикализма пойдутъ на пользу только реформистскому синдикализму, который и будетъ главной соціальной силой въ новомъ обществѣ.

А. С. Изгоевъ.

Литературныя замѣтки.

По поводу новаго изданія сочиненій Достоевскаго.

Въ послѣдніе годы оживился въ нашей литературѣ интересъ къ Достоевскому, и рядъ изслѣдованій трактуетъ его какъ религіознаго мыслителя, какъ «пророка русской революціи»,—вообще, какъ писателя темныхъ человѣческихъ глубинъ. Несомнѣнно, что этой внимательности къ его мрачному генію много способствовалъ психологическій характеръ нашей эпохи,—кровавый кошмаръ теперешнихъ русскихъ дней. Уже одно то, что Достоевскій пережилъ смертную казнь, всѣ ея единственныя въ мірѣ ощущенія,—уже одно это дѣлаетъ его не только человѣкомъ инфернальнымъ, какъ бы вышедшимъ изъ могилы и въ саванѣ блуждающимъ среди людей живыхъ, но и зажигаетъ вокругъ него, на современномъ празднествѣ палачей, какой-то зловѣщій ореолъ; и часто, когда приходитъ столь обычная нынѣ вѣсть о смертной казни, невольно вспоминаешь, какой страшный моментъ составляла она въ его внутреннемъ мірѣ и какъ неотступно возращался онъ къ ней въ своихъ произведеніяхъ. Онъ не только въ праведныя уста князя Мышкина вложилъ эти потрясающія рѣчи о «судорогахъ», до какихъ доводятъ на эшафотѣ человѣческую душу, о безмѣрномъ «надругательствѣ» надъ нею («нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать!»),—онъ, не боясь смѣшного, заставилъ и пьянаго, плутоватаго чиновника Лебедева молиться за упокой души графини Дюбарри (казалось бы, что̀ ему эта Гекуба?) и изъ всячески далекой для Лебедева французской исторіи приблизилъ къ его сознанію и совѣсти ту сцену, какъ подталкиваютъ Дюбарри къ ножу гильотины, а она, «на потѣху пуасардокъ парижскихъ», кричитъ: encore un moment, monsieur le bourreau, encore un moment! «Что и означаетъ: «минуточку одну еще повремените, господинъ буро, всего одну!» И вотъ за эту-то минуточку ей, можетъ, Господь и проститъ, ибо дальше этакого мизера съ человѣческою душой вообразить невозможно... Отъ этого графининаго крика объ одной минуточкѣ, я какъ прочиталъ, у меня точно сердце захватило щипцами». И собственное сердце Достоевскаго было защемлено этими щипцами людской муки,

и нельзя его понять, если мы забудемъ, что въ самой жизни испыталъ онъ смерть и что онъ—единственный писатель, который творилъ послѣ того, какъ видѣлъ міръ и слушалъ душу съ высоты эшафота.

Да, подъ чернымъ знакомъ Достоевскаго, въ его стилѣ, движется наше время, Достоевскаго имѣетъ оно своимъ патрономъ, потому что безумныя содроганія и ужасъ, которые здѣсь и тамъ переживаетъ теперь человѣческое существо,—они-то и образуютъ стихію творца «Бѣсовъ». Вѣдь именно революцію, немолчную тревогу и смуту, душевный хаосъ считаетъ онъ нашей первичной природой. Писатель катастрофъ, психологъ метаній, онъ не рисуетъ себѣ человѣка спокойнымъ и благообразнымъ, однажды навсегда устроеннымъ: нѣтъ, глаза его раскрыты на роковую незаконченность, на постоянное безпокойство и волненіе тоскующаго духа. Человѣкъ для него вовѣки неготовъ и неопредѣлимъ; какъ и для Тютчева, міръ для него не миренъ: правду моря и сердца можно узнать только въ бурю. Смута кажется ему обычнымъ состояніемъ души; болѣзнь, это—норма. Нельзя говорить, что герои его романовъ—натуры исключительныя, патологическія: самъ онъ ихъ такими не признаетъ, самъ онъ думаетъ, что именно въ этой исключительности—правило, что въ этой недужной обостренности и возбужденности переживаній и состоитъ жизнь каждаго нормальнаго сердца, если только оно бьется не для того, чтобы отсчитывать механическій пульсъ существованія, не для того, чтобы служить мѣрнымъ маятникомъ безчисленныхъ дней и ночей. Достоевскому ненавистенъ буржуа, который готовъ, у котораго «запасено готовыхъ мыслей какъ дровъ на зиму»; Достоевскому ненавистенъ и прототипъ Кармазинова, за то, что онъ слишкомъ изященъ и складенъ, похожъ на новеллу своихъ сочиненій и внѣшне разрѣшаетъ трудныя проблемы жизни,—напримѣръ, отъ скорбей и болей Россіи уѣзжаетъ изъ Россіи. Авторъ «Преступленія и наказанія» самъ ни отъ чего не уѣдетъ и мимо жизни не пройдетъ. Все коснется, болѣзненно коснется его души, и ничто не достанется ему легко и непринужденно. Онъ не знаетъ граціи, и жизнь для него—тяжелая ноша. Онъ относится къ ней слишкомъ серьезно, онъ трудно живетъ. На немъ, наслѣдникѣ грѣха, больше, чѣмъ на комъ бы то ни было, почило исконное проклятіе человѣчества: онъ не только въ потѣ лица своего добываетъ свой хлѣбъ,—онъ зарабатываетъ себѣ и душу. И она ему дается очень дорого. Поэтому въ другихъ онъ не переноситъ легкости. Въ нигилизмѣ, напримѣръ, его возмущаетъ не самое отрицаніе, а то, что оно лишено трагедіи. Противъ выстраданнаго, противъ религіознаго безбожія онъ не возстаетъ, онъ даже покланяется ему и воплощаетъ его въ героическую фигуру Кириллова; но нигилизмъ, который съ легкимъ сердцемъ, походя, разрушаетъ и опустошаетъ, который дѣлаетъ жизнь плазной и плоской, безъ препятствій и безъ глубины,—такое міровоззрѣніе вызываетъ у него только злобу и насмѣшку. Самъ Достоевскій могъ бы позволить себѣ мучительную роскошь невѣрія, потому что самую вѣру созда..ъ онъ себѣ кровавымъ потомъ. Онъ не просилъ пощады, не хотѣлъ

жизненнаго удобства, готовыхъ тропинокъ и равнины; ему претилъ соціализмъ; онъ не бѣжалъ страданія, и не было для него высшимъ благомъ все то, что облегчаетъ труды и дни человѣчества. Его характерная ненависть къ адвокатамъ объясняется не только тѣмъ, что у нихъ—«нанятая совѣсть», но и тѣмъ, главное, что они мелки, что они—поверхностные защитники человѣческой души и снимаютъ съ нея преступленіе, какъ шапку. Въ своей профессіональности они механизируютъ человѣка и никогда не видятъ, въ чемъ истинная преступность и правота. Можно себѣ представить, какую личную вражду долженъ былъ питать судорожный Достоевскій, терзающійся проблемой преступленія и наказанія,—къ законченной, аккуратной, нарядной фигурѣ защитника по профессіи. И если онъ такъ часто, и въ качествѣ публициста, и въ качествѣ художника, выступаетъ противъ присяжныхъ засѣдателей съ ихъ оправдательными приговорами, то это тоже имѣетъ своей причиной поверхностную легкость оправданія. Кто возьметъ себѣ право, кто дерзнетъ сказать человѣку, что онъ не виноватъ? И между тѣмъ это говорятъ, и оправданный спокойно поднимается со своей скамьи подсудимыхъ и уходитъ, уходитъ, разрывая кругъ круговой отвѣтственности и поруки, не обращая вниманія на то, что вездѣ клокочетъ общая безмѣрная вина и всякій виноватъ во всемъ. И какъ глубоко, какъ мудро правы тѣ засѣдатели-мужички изъ «Братьевъ Карамазовыхъ», которые за себя постояли и вынесли Димитрію обвинительный приговоръ! Это ничего не значитъ, что фактически не онъ убилъ отца: достаточно, что онъ хотѣлъ его убить. И во всякомъ случаѣ, невыносима для Достоевскаго та поспѣшность и легкомысленность, съ которой оправдываютъ отъ вѣка виноватую человѣческую душу. И безспорно, что на своей мистической высотѣ онъ съ проклятіемъ отвергъ бы знаменитый гуманный афоризмъ Екатерины и, не задумываясь, предпочелъ бы десять невинныхъ осудить, чѣмъ одного виновнаго оправдать: до такой степени былъ онъ проникнутъ сознаніемъ человѣческой вины. Въ то же время онъ, конечно, не принималъ и суда, который тоже не идетъ за предѣлы факта и для его установленія роется въ чужой душѣ. Судъ безстыденъ, и слѣдователь въ своемъ выпытываніи истины, мнимой истины, грубо вторгается въ помыслы своей жертвы. Вообще, всѣ эти обвинители и защитники, судьи и даже сами подсудимые—всѣ они вращаются въ области внѣшняго и продѣлываютъ свое жизненное дѣло равнодушно и неусердно. Они слишкомъ здоровы и уравновѣшены. Между тѣмъ истинное человѣчество, то, которымъ только и интересуется нашъ писатель, неисцѣлимо-больно; да и не надо его лѣчить, подобно тому какъ чеховскій Ковринъ, герой «Чернаго монаха», жаждалъ безумія, искалъ миража, противился выздоровленію. Нашъ міръ не таковъ, чтобы въ немъ можно было жить благополучно. Поскольку человѣкъ здоровъ, постольку онъ, для Достоевскаго, непричастенъ къ событіямъ духа: только больной, одержимый, достоинъ званія человѣка. Наше трепетное существо, брошенное въ міровую пучину, не въ силахъ сохранить покой и равновѣсіе, даже если оно не испытало особыхъ потрясеній и несчастій: ...ю-

сто, жизнь какъ такая, самый потокъ жизненныхъ впечатлѣній, уже пугаетъ и волнуетъ насъ, и только душа плоская и безучастная останется въ отвѣтъ на эти впечатлѣнія не встревоженной и не смущенной. Человѣкъ у Достоевскаго слишкомъ чувствуетъ жизнь, онъ рѣдко можетъ ее выдержать, и дѣйствительность для него запутаннѣе, богаче, сложнѣе, чѣмъ это кажется другимъ. Правда, кроткая тишина можетъ воцариться въ душѣ и сдѣлать изъ иного бунтовщика старца Зосиму или божьяго странника Макара Ивановича («Подростокъ»), но раньше надо пережить великую тревогу, моральное нестроеніе. Это очень знаменательно, что самое спокойное, самое здоровое и мягкое произведеніе Достоевскаго—«Записки изъ мертваго дома»: не потому ли это, что здѣсь передъ нами люди, уже отбывшіе свое жизненное событіе, уже пережившіе свое пареніе и преступленіе и теперь нашедшіе покой, хотя бы и мертвый? Но пока не достигнута эта пристань, всѣ потенціально больны, всѣ взволнованы, и міръ представляетъ собою какой-то грандіозный Бедламъ. Мы еще не знаемъ свѣта нормальнаго, мы еще не видѣли естественнаго человѣка. Хаосъ не кончился. Если бы даже были усмирены и устроены стихіи,—не готовы души. Универсальное сумасшествіе, безуміе вселенной, раздробляется на отдѣльные умы и вспыхиваетъ здѣсь и тамъ зловѣщими искрами, которыя разгораются въ пожаръ злодѣянія и несчастія. Если въ людяхъ, которые на первый взглядъ нормальны, хоть нѣсколько продлить или отклонить ихъ душевныя линіи, то въ результатѣ и получится то безуміе, тѣ дантовскіе круги нравственныхъ болей и надрывовъ, которые развертываются въ книгахъ Достоевскаго. Онъ какъ никто умѣетъ приподнимать безмятежную завѣсу, скрывающую иныя душевныя организаціи, и показываетъ, что подъ нею «хаосъ шевелится». Трудно представить себѣ такого человѣка, хотя бы и тишайшаго, въ сердечной глубинѣ котораго онъ не подмѣтилъ бы зародышей безумія и возмущенія. Ибо безумное, это и есть нормальное.

При такомъ общемъ взглядѣ на человѣка и его жизнь естественно, что романы Достоевскаго представляютъ зрѣлище, которому нѣтъ равнаго во всей міровой литературѣ. Они до такой степени исполнены страданія и недуга, что какъ-то совѣстно было бы прилагать къ нимъ чисто-эстетическое мѣрило, хотя онъ и великій художникъ, рѣдкій мастеръ изобразительности, хотя онъ и сочетаетъ въ себѣ нервную стремительность письма съ удивительной силой разсчета, такъ что хитро и искусно сплетаетъ онъ всѣ тонкія петли своего изломаннаго повѣствованія, самъ нигдѣ не запутается, ничего не забудетъ и увѣренно сведетъ одно къ одному, всѣ многочисленные концы съ концами. Но пишетъ онъ такъ, будто ни на минуту не допускаетъ въ своихъ читателяхъ мысли, что онъ сочиняетъ, выдумываетъ; онъ искренне забываетъ, что онъ—только беллетристъ, и самъ не повѣрилъ бы, удивился бы, если бы ему сказали, что его персонажи вымышлены. Это потому, что у него гораздо больше, чѣмъ у другихъ писателей, всѣ лица и сцены представляютъ лишь объективацію, воплощеніе его собственныхъ внутреннихъ состояній. Все это—психологія, его собственная пси-

хологія въ лицахъ; все это—больное откровеніе его безпримѣрной души. Братъ братьевъ Карамазовыхъ, соубійца своихъ убійцъ, онъ только себя самого, свое солнце и свою ночь, свою Мадонну и свой Содомъ, выявлялъ въ запутанной, сложной, причудливой ткани своихъ сочиненій. Вьется по нимъ какая-то змѣиная интрига, и любая семейная исторія свивается въ неразрѣшимый узелъ съ тайнами и приключеніями; на каждомъ шагу—неожиданности, превращенія и скрещенія чувствъ, психологическія авантюры, психологическіе скандалы, и вихрь событій и водоворотъ рѣчей подхватываетъ васъ какъ щепку и кружитъ, кружитъ, какъ бы смѣясь надъ вашими содроганіями и трепетомъ обезумѣвшаго ума, ошеломленной впечатлительности. Его страницы, по изобилію метаморфозъ и случайностей,—какой-то внутренній Рокамболь, но именно внутренній, потому что внезапныя сцѣпленія происшествій, этотъ пестрый фараонъ фактовъ и катастрофъ, эти столкновенія героевъ и явленій только соотвѣтствуютъ трепетанію его извилистой и богатой событіями души. У него не обычное теченіе жизни, не мирныя встрѣчи людей, а почти исключительно сцены; онъ не боится писательскихъ трудностей и нарочно создаетъ такія коллизіи, передъ которыми у другого автора замерло бы въ безсиліи перо. У него часты нравственные поединки дѣйствующихъ лицъ, и когда онъ сталкиваетъ, напримѣръ, Свидригайлова съ Дуней, Кириллова съ Верховенскимъ, вы чувствуете, что это уже предѣлъ человѣческой напряженности, что большаго душа не могла бы уже выдержать. Вы точно взобрались на какой-то Монбланъ психологіи, и объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое сердцебіеніе, физическое и моральное, которымъ сопровождается ваше слѣдованіе за Достоевскимъ и которое отвѣчаетъ на лихорадочные перебои его собственнаго сердца, бьющагося въ его книгахъ. Проницательный, зоркій, подавленный грудой ощущеній, которая валится на него отъ людей и событій, онъ все замѣчаетъ, остро и болѣзненно, онъ видитъ каждое мѣсто, чувствуетъ каждый часъ—и мало того, ни одна минута не проходитъ для него безслѣдно и блѣдно; каждое мгновеніе важно, значительно, тревожно. Онъ не теряетъ времени даромъ, и душа его никогда не отдыхаетъ. Одинъ день тянется у него ужасно долго, и на его длинномъ протяженіи столько случается! Полный событій, чреватый драмами, въ какихъ-то незамѣтныхъ складкахъ своихъ скрывающій зародыши поразительныхъ происшествій, этотъ день Достоевскаго, черный, трагическій, безумный, завершается ночью, когда не сновидѣнія грезятся, а душатъ кошмары—эта лошадь, которую сѣкутъ по глазамъ, по самымъ глазамъ, это «дите», которое плачетъ отъ голода, на рукахъ у голодной матери, эта отвратительнѣйшая гадина, которая ползаетъ по комнатѣ. И днемъ, и ночью люди живутъ усиленно, слишкомъ живутъ. Авторъ смотритъ на нихъ сквозь нѣкое увеличительное психологическое стекло, и потому въ его глазахъ все разрастается, принимаетъ чудовищные размѣры, и каждая душевная линія, какъ бы мала она ни была сама по себѣ, оказываетъ могучее вліяніе на общее построеніе жизненнаго цѣлаго. Люди все принимаютъ близко къ

сердцу, вонзают въ него дѣла, и мелкія, и крупныя, подвергають мукамъ себя и другихъ. Житейскіе факты не проносятся для нихъ мирной чередой; жизнь вся, цѣликомъ, глубоко захватываетъ человѣка. Это характерно, что Лиза изъ «Бѣсовъ» хочетъ издавать книгу, въ которой просто регистрировались бы событія и случаи за годъ русской жизни. Сдѣлать опись того, что происходитъ, вникнуть въ газетныя сообщенія, которыя мы обыкновенно читаемъ глазами разсѣянными,—вотъ что было бы самое важное и краснорѣчивое. И Достоевскій, пробираясь по душѣ какими-то темными, запутанными ходами, въ то же время и въ неразрывной связи съ этимъ взволнованно и страстно интересуется внѣшними фактами, выходками жизни. О, внимательно читаетъ онъ газеты, жадно слѣдитъ за судебными процессами! Особенно занимаютъ его убійства, насилія, казни,—и онъ до галлюцинацій живо представляетъ себѣ смертный страхъ убиваемаго, надъ которымъ склоняется убійца, безумное трепетаніе жертвы, ея ужасъ и тоску. Всѣ эти замученные, зарѣзанные, задушенные теперь молчатъ; они никому не разскажутъ, что испытали въ свои послѣднія мгновенія, и предсмертные стоны ихъ заглушены рокотомъ бурлящей жизни. Среди шума и разговора живыхъ кто думаетъ о нихъ, кто слышитъ молчаніе мертвыхъ? Одинъ Достоевскій внемлетъ ему, и звучатъ въ его сердцѣ отголоски всѣхъ человѣческихъ драмъ, и онѣ никогда не становятся для него прошлыми. Онъ бродитъ по всѣмъ кладбищамъ міра, онъ заглядываетъ во всѣ морги.

Именно потому, что онъ такъ много знаетъ, такъ остро воспринялъ всѣ крики и боли дѣйствительности, ему есть что разсказать, и этимъ объясняется то лихорадочное, торопливое многословіе, которое отличаетъ его страницы. Только съ внѣшней стороны это свойство его писаній можетъ быть отнесено просто къ архитектонической неумѣлости, къ недисциплинированности его поспѣшнаго пера,—но болѣе глубокое основаніе здѣсь заключается въ томъ, что ему надо высказаться, раскрыть до конца свою чрезмѣрно содержательную душу. Онъ задыхается въ словахъ, онъ ищетъ все новыхъ и новыхъ, онъ часто употребляетъ превосходную степень прилагательныхъ, онъ комбинируетъ фразы въ необычныхъ сочетаніяхъ,—онъ говоритъ, говоритъ, онъ такъ много словъ произнесъ на своемъ страдальческомъ вѣку. Усиленный, горячечный темпъ внутренней жизни, неисчерпаемость мысли и чувства онъ отъ себя удѣляетъ и своимъ персонажамъ, такъ что опять и опять увлекаетъ читателя въ какой-то горячій водоворотъ изступленія и отчаянія. Да еще и потому говорятъ у Достоевскаго много, что говорятъ многіе. Такъ какъ—мы уже это знаемъ—всѣ его сочиненія даютъ лишь панораму его души, въ людяхъ и событіяхъ выражаютъ ея мрачно-роскошную сущность, то ему и нужны многочисленные герои. Онъ и создаетъ живой узелъ человѣческихъ сердецъ, клубокъ душъ, и связываетъ переплетающимися нитями очень различныхъ и, повидимому, далекихъ другъ отъ друга людей. Кого разъ онъ захватитъ въ это человѣческое сплетеніе, кто однажды попадется въ шестерню его интриги, тотъ уже никогда изъ

нея не выпадетъ. И опять, это не просто техника, искусная разработка людского узора,—нѣтъ, герои Достоевскаго внутренне влекутся одинъ къ другому, они какъ бы намагничены другъ для друга, и каждый ищетъ каждаго на всѣхъ перекресткахъ міра, и вдругъ они оказываются живущими на одной квартирѣ или неожиданно попадаются другъ другу на улицахъ, на площадяхъ, въ поѣздѣ желѣзной дороги. Мудрый идіотъ прямо изъ вагона попалъ въ жизнь, въ петербургскія гостиныя, и ужъ кончено, ужъ ни одинъ посѣтитель ихъ не избѣгнетъ его на своей жизненной тропѣ. Въ трагическомъ хороводѣ людей всякому есть дѣло до всякаго, все перекрещивается, — въ мірѣ человѣческомъ нѣтъ параллельныхъ линій; больная общительность заставляетъ ихъ исповѣдоваться другъ передъ другомъ, и даже свои романы продѣлываютъ они на людяхъ, даже при любовномъ объясненіи чаще бываютъ трое, чѣмъ двое, и стрѣляются они въ обществѣ,—по крайней мѣрѣ, въ чьемъ-нибудь присутствіи. Они не дорожатъ уединеніемъ, они охотно высказываются. Они безконечно разговариваютъ—на десяткахъ страницъ, и каждый разговоръ страшно значителенъ, представляетъ собою грозное событіе: нѣтъ, не о погодѣ говорятъ у Достоевскаго. Но эти высказыванія по самому существу дѣла не могутъ всетаки разрушить непроницаемость чужого сознанія, освѣтить душевныя потемки, и потому всѣ усилія прилагаются къ тому, чтобы одержать эту побѣду надъ природой, войти соглядатаемъ въ другую душу. Недаромъ у Достоевскаго такъ часто подслушиваютъ за дверями, и даже люди хорошіе,—не до этики тогда. Недаромъ его интересуетъ сыщикъ, который живетъ во многихъ его герояхъ. И потому же разговоръ у него обыкновенно—пытка или, по меньшей мѣрѣ, испытаніе; не психологическая ли игра въ кошки и мышки бесѣда слѣдователя съ Раскольниковымъ? У Гоголя есть выраженіе «чокнуться сердцами»: это можно встрѣтить и у Достоевскаго, но болѣе типиченъ для него разговоръ-столкновеніе.

Хотя и много у него героевъ, но замѣчательно, что онъ всетаки психологъ не толпы, а личности. Слаба, невыразительна массовая сцена въ «Бѣсахъ», когда убиваютъ Лизу. Ему въ концѣ-концовъ нужно не человѣчество, а человѣкъ. Единый, Робинзонъ, даетъ ему уже слишкомъ значительный матеріалъ, и въ одну душу можно вмѣстить міръ; да и вообще все психическое, что разлито во вселенной, сосредоточивается въ одинокой человѣческой душѣ, и не нуждается Достоевскій въ панпсихизмѣ,—за излишекъ бы почелъ онъ его. Въ этомъ смыслѣ и два человѣка въ мірѣ, это уже много; можно было бы обойтись и однимъ.

И это тѣмъ болѣе, что человѣческимъ все у Достоевскаго насыщено имъ исчерпано, такъ что космическое у него значительно отступаетъ природой онъ не занимается. Было бы однако ошибкой думать, будто он къ ней равнодушенъ, будто ея не чувствуетъ и совсѣмъ заслонилъ е кошмаромъ Петербурга, Минотавромъ огромнаго города. Онъ, правда, рѣдк ее описываетъ, пейзажемъ не дорожитъ, чаще всего замѣчаетъ въ не тоны и тяжесть свинца; но Алеша Карамазовъ сталъ цѣловать землю

обливать ее «слезами радости своей»—именно тогда, когда онъ какъ бы лицомъ къ лицу увидѣлъ природу и «надъ нимъ широко, необозримо опрокинулся небесный куполъ, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ», и «тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною».

И вотъ съ такими пріемами, такъ понимая всю исключительность и неизсякаемость индивидуальнаго человѣческаго духа, проникая въ самыя подполья его, онъ развертываетъ передъ нами ту картину страданія и скорби, которая дѣлаетъ его книги такими страшными. Всѣ противорѣчія жизни и души, все невыносимое, все вопіющее дано у него въ своей предѣльной потенціи, и не только, въ угоду беллетристикѣ, въ угоду читательской пугливости, не скрыты всѣ выступы и пропасти существованія, но они еще болѣе обострены и углублены,—ничего не смягчено, ничего не сглажено. Онъ, при всемъ романтизмѣ иныхъ его страницъ, ничего не стѣсняется, не боится никакихъ низинъ,—не всякій бы рѣшился заговорить о Смердяковѣ и его матери Лизаветѣ. Онъ не даетъ оправиться отъ одного впечатлѣнія, какъ уже истязаетъ насъ другимъ, онъ не допускаетъ передышки, онъ взгромождаетъ Пеліонъ на Оссу и нарочно ставитъ своихъ героевъ не только въ самыя трагическія, но и въ самыя конфузныя, стыдныя, нестерпимыя положенія. Онъ усиливаетъ житейскія трудности. Нормальное страданіе любви онъ увеличиваетъ тѣмъ, что любящее сердце его героевъ не можетъ разобраться, кого же оно собственно любитъ, и въ мучительномъ недоумѣніи рвется на части. И великое терзаніе переживаютъ соперники, иногда—отецъ и сынъ. Двѣ женщины, двѣ львицы, борьба ожесточенная, и сфинксъ любви, на потѣху Достоевскому, заостряетъ свои когти. Онъ безпощаденъ и неумолимъ, онъ изобрѣтателенъ въ своихъ мукахъ, этотъ «жестокій талантъ», и можетъ быть, это—единственный писатель, котораго хочется и можно ненавидѣть, котораго боишься, какъ привидѣнія. Это—писатель-дьяволъ.

И потому его трудно читать, какъ трудно жить. Онъ представляетъ собою ночь русской литературы, полную тягостныхъ призраковъ и сумбурныхъ видѣній. Ночь объяла Достоевскаго, и страшно грезилъ, и безумно бредилъ этотъ одержимый духъ. Солнце заглядывало въ его произведенія, чтобы освѣтить умиленіе, чистую любовь Лизы къ Алешѣ Карамазову, «дѣтей играющихъ, возлюбленныхъ дѣтей», но оно скоро уходило, и еще тяжелѣе и гуще опускалась тьма. Онъ, помимо всего прочаго, былъ замѣчательный каррикатуристъ, онъ былъ очень способенъ къ остроумію и шуткѣ, и порою онѣ вспыхиваютъ у него радостными, сверкающими искрами; онъ умѣетъ быть ласковымъ и шутливымъ, онъ любитъ этого пятнадцатилѣтняго прогрессиста Сашеньку, который хочетъ жениться на ...денькѣ и, какъ честный человѣкъ, собирается ее обезпечить: онъ, прав..., самъ получаетъ на службѣ въ конторѣ двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, ... въ самый день свадьбы выдаетъ невѣстѣ вексель на себя въ сто тысячъ ...блей...—но гаснутъ и онѣ, эти свѣтлыя искры, и остается лишь тяжкій юморъ ...адъ бездной, и если разсказывается анекдотъ, то непремѣнно скверный.

Онъ все отравляетъ, онъ все губитъ кругомъ себя, и если нѣтъ вокругъ него природы, зелени, то это потому, что все блекнетъ и чахнетъ отъ его проклятаго приближенія.

Но трагедія пушкинскаго анчара, который въ пустынѣ чахлой и скупой стоитъ одинъ во всей вселенной, заключается въ томъ, что онъ не только другихъ убиваетъ своимъ ядомъ, но и самъ, первый, изнываетъ отъ него въ своемъ страшномъ одиночествѣ. Такъ и Достоевскій, истязая насъ бичомъ своего злого дарованія, терпитъ и самъ отъ своихъ зрѣлищъ и жертвъ невыносимую пытку. Мучитель и мученикъ, Іоаннъ Грозный русской литературы, онъ казнитъ насъ лютой казнью своего слова и потомъ, какъ Іоаннъ Грозный, этотъ человѣческій анчаръ, ропщетъ и молится, и зоветъ Христа, и Христосъ приходитъ къ этому безумцу и мудрецу, къ этому юродивому, и тогда онъ плачетъ кровавыми слезами и упоенно терзаетъ себя своими веригами, своими каторжными цѣпями, которыя наложили на него люди и которыхъ онъ уже никогда не могъ сбросить со своей измученной души. Вспомните его блѣдное, изможденное лицо, въ чертахъ котораго затаились больныя страсти, эти горящіе глаза, полные муки и мучительства, и вы еще болѣе убѣдитесь, что въ его собственной личности произошла та роковая встрѣча Христа съ великимъ инквизиторомъ, о которой онъ разсказалъ въ своей знаменитой легендѣ. Въ немъ самомъ, въ его бездонной душѣ, боролись за него Богъ и Діаволъ. Доброе и злое сплетались въ немъ такъ тѣсно, какъ ни у кого изъ людей. Онъ жаждалъ замиренія, онъ хотѣлъ тишины, онъ надъ Евангеліемъ склонилъ головы убійцы и блудницы, онъ плакалъ надъ тѣмъ страданіемъ, которое онъ вызвалъ изъ жизни и сгустилъ въ ядовитый туманъ *).

Но трепещущій жалостью, онъ всетаки, однажды испытавъ страданіе, возлюбилъ его какой-то изувѣрской любовью, не могъ безъ него обходиться. Если бы изъ его внутренняго міра и міра внѣшняго исчезло страданіе, Достоевскій былъ бы еще несчастнѣе, чѣмъ онъ былъ, и онъ не зналъ бы, что дѣлать съ собою, о чемъ писать. Это, конечно, далеко отъ кротости; въ этомъ есть нѣчто больное и злое. Христосъ не хотѣлъ страданія и молился, чтобы его миновала эта чаша. Достоевскій объ этомъ не просилъ; онъ зналъ какое-то сладострастіе страданія и жадно припадалъ къ геѳсиманской чашѣ, извиваясь отъ боли. Торквемада, великій инквизиторъ собственной и чужой души, онъ исповѣдовалъ, что «человѣкъ до безумія любитъ страданіе», что «кромѣ счастья, человѣку, такъ же точно и совершенно во столько же, необходимо и несчастье». Онъ воплощаетъ собою инквизиціонное начало міра, тотъ внутренній ужасъ, который только и порождаетъ всѣ боли и терзанія внѣшнія. Но весь сотканный изъ противорѣчій, болѣя ими, онъ не только нуждался въ страданіи и жегъ себя на его медленномъ огнѣ,— онъ и страстно ненавидѣлъ его. Ненависть должна питаться, и потому онъ

*) Ср. нашу біографическую замѣтку о Достоевскомъ въ изданіи Гросмана и Кнебеля: „Портреты русскихъ писателей“.

не можетъ разлучить себя съ ея предметомъ. И стоитъ оно, страданіе, передъ нимъ, неотразимое, непобѣдимое, человѣку нужное, человѣка давящее. Раскольниковъ въ лицѣ Сони поклонился не ей, а всему страданію человѣческому,—Достоевскій не хочетъ ему кланяться умиленнымъ поклономъ: съ открытой грудью идетъ онъ ему навстрѣчу,—и впиваются змѣи въ эту грудь, и не щадитъ ни себя, ни близкихъ новый Лаокоонъ.

Оттого на всемъ его творчествѣ и лежитъ глубокій отпечатокъ двойственности и разлада. Онъ порождаетъ въ читателѣ нестерпимую жалость, отъ которой разрывается сердце; онъ съ неотразимой человѣчностью рисуетъ бѣдныхъ людей, забитыя души, униженныхъ и оскорбленныхъ; и эта оторвавшаяся пуговица на вицмундирѣ Макара Дѣвушкина, и эта нужда безпросвѣтная, безнадежная, этотъ старикъ Смитъ съ своей внучкой Нелли, со своей собакой Азоркой, голодные, холодные, обиженные, эта дѣвушка Оля изъ «Подростка», которая повѣсилась вслѣдствіе недовѣрія къ міру, къ обманывающимъ людямъ, эта драдедамовая шаль Сони Мармеладовой,—все это составляло бы уже предѣльную грань и человѣческаго несчастія, и состраданія къ нему, если бы за нею не виднѣлись еще излюбленные «маленькіе герои» Достоевскаго—страдающія дѣти, тѣ, кто по преимуществу не долженъ бы страдать, тѣ, «черезъ кого душа лѣчится». Не шалящія, неслышныя дѣти, тихо удивившіяся горестной жизни и такъ и оставшіяся безмолвно удивленными; этотъ мальчикъ, затравленный собаками; эта дѣвочка, которая жестомъ взрослаго отчаянія ломаетъ себѣ руки, та самая, на чьемъ страданіи Иванъ Карамазовъ не хотѣлъ бы построить грядущаго счастія вселенной; эта дѣвочка-проститутка, которую видѣлъ Достоевскій въ Лондонѣ и которая приснилась Свидригайлову въ его предсмертномъ кошмарѣ; эти стоптанные старенькіе сапожки съ заплатками умершаго мальчика Илюши Снегирева,—ихъ увидѣвъ передъ опустѣвшей постелькой, отецъ такъ и бросился къ нимъ, палъ на колѣни, схватилъ одинъ сапожокъ и, прильнувъ къ нему губами, началъ жадно цѣловать его, выкрикивая: «батюшка, Илюшечка, милый батюшка, ножки-то твои гдѣ?»; этотъ другой мальчикъ, утопившійся, потому что онъ разбилъ фарфоровую лампу, но прежде чѣмъ броситься въ воду, заглядѣвшійся на ежика въ рукахъ у дѣвочки; и этотъ сирота, который, одиноко умирая въ больницѣ, попросилъ сторожа, чтобы тотъ его поцѣловалъ; и эта дѣвочка, на глазахъ у которой вѣшается мать, не выдержавшая истязаній мужа, и которая говоритъ ей: «мама, на что ты давишься?»; и другіе, и еще другіе, и безъ конца, и въ ужасающемъ разнообразіи—все это страдающее безъ вины, наказанное безъ преступленія причиняетъ читателю почти физическую, острую боль, отъ которой лѣчишься только слезами, и больше чѣмъ всѣ писатели собралъ Достоевскій горькую дань человѣческихъ слезъ...

Однако онъ не щадитъ не только сострадающаго, но и самого страдальца. Онъ заставляетъ его бередить свои раны, растравлять свою душевную скорбь. Онъ свою человѣчность всегда обращаетъ острымъ кон-

цомъ. Онъ любитъ показывать, какъ люди, переживъ глубокое униженіе и обиду, съ больнымъ наслажденіемъ, съ какою-то подлостью лелѣютъ ихъ и еще сильнѣе, еще сосредоточеннѣе бичуютъ себя или прикрываютъ свою боль шутовствомъ. Онъ много вниманія отдалъ человѣку-шуту и охотно выискиваетъ въ каждомъ черты презрительнаго Терсита, и въ этихъ поискахъ забирается въ самые сокровенные изгибы чужого духа. Онъ пьянаго чиновника Мармеладова написалъ такъ, что Мармеладовъ отказался бы отъ его и нашего сочувствія, лишь бы Достоевскій его не трогалъ, не обнажалъ, не заглядывалъ ему въ сердце съ такимъ проникновеніемъ и съ такимъ дерзновеніемъ, на которое человѣкъ по отношенію къ человѣку не имѣетъ права. Развѣ можно такъ нецѣломудренно выворачиватъ человѣческую душу? И въ томъ, кто, не щадя стыда и наготы своего брата, осмѣливается на это, развѣ можно провести границу между его любовью и его злобой?

Онъ такъ несчастенъ въ своей прозорливости, Достоевскій, что не въ силахъ себѣ представить, какъ можно любить ближняго. Для любви ему необходимо разстояніе. Каждый человѣкъ облеченъ въ тайну, которую писатель, на горе себѣ, прозрѣваетъ. Въ жизни и въ душѣ всякаго, въ біографіи и помыслахъ, гдѣ-то въ тайникахъ сознанія, есть дурное, постыдное, какой-то нетопырь, который вылетаетъ по ночамъ. Въ каждомъ есть секретъ, за каждымъ слѣдуетъ его двойникъ, и міръ содрогнулся бы, если бы люди всецѣло раскрыли свое существо. И вотъ прежде всего замѣчая это нравственное подполье, провидецъ тьмы, какъ могъ Достоевскій въ одной любви и любовномъ умиленіи растворить свою грѣхами изборожденную и грѣха взыскующую душу? Онъ хотѣлъ бы и самъ быть у́же и болѣе узкими видѣть другихъ. Его угнетала человѣческая широта (особенно въ русской натурѣ подмѣчалъ онъ это свойство), та трагическая широта, при которой въ одномъ лицѣ совмѣщаются идеалъ Мадонны и идеалъ Содома, которая поднимаетъ на свѣтозарныя вершины, гдѣ сіяетъ чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ, и оттуда сразу, насмѣшливо и грубо, низвергаетъ въ бездну, гдѣ любовно обнимаютъ человѣка отвратительные гады и торжествуетъ надъ нимъ природа извратившаяся, пошедшая противъ самой себя, естество, ставшее противоестественнымъ, потому что вѣдь нашъ авторъ-инквизиторъ всегда думаетъ именно о Содомѣ: не легкая или радостная чувственность горитъ въ крови Свидригайлова или Ставрогина, не ликованіе молодого тѣла слышится въ нихъ, и зловѣще вспыхиваетъ этотъ «разожженный уголекъ». Для Достоевскаго огонь сладострастія не былъ угасимъ, для него оно было геенна огненная зажженная діаволами и, быть можетъ, больше, чѣмъ для кого бы то и было, уготованная для него самого. О Wollust! о Hölle!—восклицалъ и Шопенгауэръ...

Святыня и Содомъ,—это самое яркое, но не единственное противорѣчіе въ душѣ. Она для Достоевскаго антиномична по самому существу своему. Она отъ вѣка безумна, она беззаконна и безсмысленна, и велика

иррацiональность проникаетъ всю жизнь. Властвуетъ абсурдъ, и смѣшны тѣ, кто логиченъ и изъ логики хотѣлъ бы построить мiръ. Такой генiальный психологъ, Достоевскiй часто смѣялся надъ всякими притязанiями приводить душу въ систему, и для него психологiю разбиваетъ психика. Прихотливы стремленiя души. И любитъ она эпизоды. Въ своемъ анархизмѣ и безумiи, въ своей экстравагантности, она вовсе не потворствуетъ, напримѣръ, инстинкту самосохраненiя, и человѣкъ любитъ дѣлать себѣ на зло, любитъ ужасъ, боль, оскорбленiе, не хочетъ покоя и безмятежнаго дыханiя, хочетъ смерти, и каждый—потенцiальный самоубiйца (ихъ много показалъ Достоевскiй!). Можетъ быть, вся жизнь есть не что иное какъ борьба съ инстинктомъ самоуничтоженiя, не что иное какъ уклоненiе отъ самоубiйства. Вообще, прямое и правое создано не для человѣка, и онъ, въ глазахъ нашего автора,—прирожденный преступникъ, и самыя сочиненiя Достоевскаго—какiя-то эриннiи, которыхъ онъ выпустилъ изъ преисподней и которыя своими окровавленными бичами настигаютъ въ ужасѣ бѣгущаго отъ нихъ злодѣя. Это невѣрно, будто въ началѣ мiра былъ невиненъ человѣкъ и только потомъ его столкнули въ пропасть грѣха. На самомъ дѣлѣ преступное искони таится и бродитъ въ глубинѣ нашего духа. Внутреннiй преступникъ, Раскольниковъ, съ топоромъ въ трепещущихъ рукахъ, подъ гостепрiимнымъ кровомъ душевной ночи, ждетъ, безпощадно ждетъ удобнаго мгновенья, чтобы совершить свое кровавое дѣло. И самый рокъ нашъ состоитъ въ томъ, что мы встрѣчаемъ на своей дорогѣ того, надъ кѣмъ разразится наша преступность. Мы сами не знаемъ, какъ мы страшны и какое преступленiе держимъ въ себѣ наготовѣ. И это не только потому, что роковое сплетенiе жизненныхъ обстоятельствъ можетъ легко разорвать паутину нашей призрачной праведности, какъ это было съ бѣлокурой дѣвушкой гётевской трагедiи, но и потому, что надъ нами вообще тяготѣютъ чары зла, обаянiе преступности. Несчастные обитатели мертваго дома, это—далеко не худшiе изъ насъ. Они случайно отброшены въ сторону отъ жизни, въ темь и тоску своихъ рудниковъ,—но мы не должны зарекаться отъ неволи и гордиться своей временной свободой. Ибо удавъ зла смотритъ на насъ околдовывающими глазами, и бездна преступленiя тянетъ къ себѣ, и кружится у насъ голова. Этотъ соблазнъ Достоевскiй показалъ съ силой никѣмъ не превзойденной, и явно изъ его страницъ, какъ смирный дѣлается преступнымъ. Въ особенности тревожила его проблема убiйства. Какъ много крови въ его произведенiяхъ, сколько смертей! На первый взглядъ можно подумать, что это странное бопытство къ убiйству не поднимается у него надъ плоскостью уголовго романа; но скоро вы приходите къ другому выводу—страшному въ ей правильности: Достоевскiй какъ будто думаетъ, что всякiй долженъ только дать кому-нибудь жизнь, но и кого-нибудь убить. Каждый — йца не случайно, а въ силу внутренней необходимости. Убiйство, это нь продолженiе и психологическое завершенiе нашей вражды, нашего зкорыстiя, нашей злобы. Взгляды и помыслы убiйственны у всѣхъ, и

значитъ, всѣ способны на пролитіе крови. Мы не случайно убиваемъ, а случайно не убиваемъ. Вопросъ о томъ, кто убилъ, громко звучитъ на страницахъ Достоевскаго, и съ особенной настойчивостью возвращается онъ къ убійству отца. Пусть возмущается онъ рѣчью защитника Димитрія Карамазова, но въ глубинѣ-то души онъ знаетъ, что въ убіеніи отца есть какая-то мистическая необходимость. Рождающій, дающій жизнь отнимаетъ ее этимъ у себя; дѣти—убійцы. Опять-таки не въ томъ главное, будетъ ли реально завершена эта психологическая наклонность къ убійству или нѣтъ,—но трагическая сущность остается одинаковой. Интересно, что эта страшная проблема убійства отца давно уже знакома русской литературѣ, и Достоевскій своеобразно наслѣдуетъ здѣсь Пушкину. Развѣ Скупой рыцарь, пожаловавшійся герцогу, что сынъ покушался его убить, оклеветалъ Альбера? Вѣдь послѣдній, дѣйствительно, не только хотѣлъ, страстно хотѣлъ смерти отца и торопилъ ее въ помыслахъ, но своимъ появленіемъ и своими словами у герцога и вправду убилъ старика. Оказался правымъ отецъ, и это глубоко-символично. Такъ и у Достоевскаго: мало того, что Димитрій только случайно не убилъ своего отца,—вѣдь и фактически убилъ стараго Карамазова его сынъ: былъ же сыномъ ему убившій его Смердяковъ. Такъ въ таинственную глубину, въ общій трагическій смыслъ претворяетъ Достоевскій уголовное.

Преступное служитъ для него только самымъ яркимъ проявленіемъ человѣческой способности къ протесту и свободѣ. Преступное слабѣе или сильнѣе въ насъ соотвѣтственно тому, насколько проникаетъ нашу жизнь внутренняя смѣлость. Изъ послушанія и дерзновенія сотворенъ человѣкъ. Въ этомъ именно смыслѣ произвелъ надъ собою потрясающее испытаніе Раскольниковъ и не выдержалъ его,—не совѣсть мучила убійцу, а то, что онъ теоретизировалъ свое преступленіе, размышлялъ о немъ и этимъ обнаружилъ въ себѣ робость, этимъ оказался далекъ отъ своего идеала—отъ неразсуждающаго Наполеона. Да и каждый вообще измѣритъ себя только въ томъ случаѣ, если онъ пойметъ, гдѣ кончается его повиновеніе и гдѣ начинается его дерзновеніе. Это всю жизнь мучило Достоевскаго, и недаромъ великій дерзкій нашего времени, Фридрихъ Ницше, такъ поклонялся творцу «Преступленія и наказанія» и больше всего чтилъ его за это пониманіе человѣческой дерзновенности, которая создаетъ и Прометея, и преступника.

Такъ всю жизнь зіяла передъ нашимъ писателемъ эта бездна противорѣчій, сомнѣній и ужаса, разыгрывался міръ, какъ нѣкій «діаволовъ водевиль», и онъ изнемогалъ подъ этой тяжестью, потому что нѣтъ вѣдь бо́льшей муки, чѣмъ понимать человѣка такъ, какъ понималъ его Достоевскій. Всю жизнь безъ иллюзій, безъ возвышающаго обмана созерцать подполье, «огорошивать Шиллера» и чувствовать неотразимую власть тьмы, которая не можетъ быть разсѣяна никакими внѣшними лучами, которую надо побѣдить только напряженіемъ собственнаго нравственнаго существа; еще до смерти познать адъ и проводить въ немъ свою духовную жизнь,

глядѣть въ лицо Медузѣ и не окаменѣть, не застыть въ страданіи, а вѣчно трепетать и корчиться отъ боли, ужасать людей, и изъ этой пропасти поднимать руки ко Христу—именно это было суждено Достоевскому.

Пушкинъ тоже хотѣлъ жить, чтобы мыслить и страдать, но его страданіе было запечатлѣно свѣтлостью, которой не пришлось испытать Достоевскому, рыцарю чернаго духа, страстотерпцу черной болѣзни. И это знаменательно, и это трогательно, что всю свою жизнь тяготѣлъ онъ къ Пушкину, хранилъ къ нему благоговѣйное чувство и, самъ изнывая отъ внутреннихъ дисгармоній, молился на его цѣломудріе, на дивную гармоничность его красоты. Къ ногамъ Татьяны склонилъ онъ свою преступную голову, и въ пушкинскихъ герояхъ увидѣлъ ту всечеловѣчность, которую приписывалъ всей Россіи, считая Россію міровой категоріей. «Несчастный скиталецъ», «историческій русскій страдалецъ», который не примирится на меньшемъ, чѣмъ счастіе всѣхъ людей, и ради этого большого будущаго счастія приноситъ въ жертву свою собственную скромную радость, всю свою маленькую жизнь,—этотъ герой примирилъ Достоевскаго съ нигилистомъ, и можетъ быть послѣ знаменитой рѣчи его на пушкинскомъ празднествѣ именно тѣ юноши плакали отъ волненія и падали въ обморокъ, которымъ онъ же объяснилъ, въ чемъ заключается высшій смыслъ ихъ служенія и страданія. Именно страданіе, это и есть то, что нужно Достоевскому, и когда приближался къ нему человѣкъ измученный, тогда ужъ онъ не спрашивалъ о его міросозерцаніи, о его политическихъ взглядахъ,—тогда рисовалъ онъ и нигилизмъ въ аспектѣ трогательномъ. Онъ вообще не Лѣсковъ, онъ и въ смѣшномъ Лебезятниковѣ, поборникѣ коммуны, подмѣтитъ благородное. Или вспомните жену Шатова и вообще всѣ эти нестерпимо-жалостныя, мучительныя, но полныя ласки и участія страницы, гдѣ описано ея возвращеніе къ мужу и какъ она, уже для Достоевскаго не нигилистка, а просто бѣдная странница и страдалица, все повторяетъ: «охъ, устала!... охъ, только я устала!»,—и видятся за этими восклицаніями долгія человѣческія дороги, женская обида и неисчерпаемое горе...

Отъ своихъ и чужихъ страданій Достоевскій искалъ спасенія въ Богѣ, и онъ страстно о Немъ говорилъ, глубоко Его доказывалъ,—но сквозь всѣ эти убѣжденныя рѣчи все же слышится незаглушенная тревога, мучительная, безумная, — тревога о томъ, что, можетъ быть, Бога и нѣтъ; можетъ быть, вѣчность представляетъ собой лишь нѣчто вродѣ предбанника съ затканными паутиной стѣнами... Впрочемъ, Достоевскій, какъ религіозный мыслитель, требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, которое здѣсь, гдѣ мы намѣчаемъ лишь самые общіе контуры его души, было бы неумѣстно. Скажемъ только, что если для насъ и сомнительно, нашелъ ли самъ Достоевскій Бога, рѣшилъ ли онъ для себя вѣковѣчный вопросъ Геодицеи, подавилъ ли въ себѣ бунтъ Ивана Карамазова и успокоился на томъ, что зло заслужено, что всѣ виноваты за все и даже «дите» не страдаетъ безвинно; если мы пока рѣшаемся только сказать, а не доказать,

что Достоевскій—великій атеистъ, не христіанинъ, а именно антихристъ— то ужъ во всякомъ случаѣ и навѣрное можно признать, что чужую вѣру, чужое благочестіе и умиленіе онъ понималъ глубоко и входилъ въ душу вѣрующую. Ему понятно было и касаніе мірамъ инымъ, и то благоволеніе и благословеніе, которое посылаетъ этому, нашему, міру человѣкъ примиренный и просвѣтленный. И такой божьей и человѣческой красотою вѣетъ отъ этихъ словъ Макара Ивановича: «Травка растетъ—расти травка Божія; птичка поетъ—пой птичка тоже; ребеночекъ у женщины на рукахъ пискнулъ—Господь съ тобою, маленькій человѣчекъ, расти на счастіе, младенчикъ». Всепобѣждающая любовь осѣняла своимъ крыломъ и Достоевскаго. И это онъ далъ глубокое опредѣленіе, что «адъ есть страданіе о томъ, что нельзя уже больше любить». Такому аду созданіе Достоевскаго, праведникъ Зосима, никогда не будетъ подверженъ, и вотъ именно эта неизсякаемость любви дѣлаетъ образъ благодушнаго старца едва ли не самой чистой и примирительной звѣздою на темномъ горизонтѣ Достоевскаго, на этомъ «черномъ, какъ будто тушью залитомъ куполѣ петербургскаго неба». Зосима понялъ, что̀ такое Богъ для людей: Богъ, это—великій собесѣдникъ. Всѣ заняты, всѣ спѣшатъ, каждому некогда,— но вотъ есть въ мірѣ Существо, у котораго есть для всѣхъ время и вниманіе и которому каждая «вѣрующая баба» и послѣдній поденщикъ на землѣ можетъ повѣдать свое горе, принести свои слезы и заботу и все разсказать. Есть нѣкто, кто всегда слушаетъ, и уже за это почіетъ на немъ благословеніе человѣчества. Пусть и не помогаетъ Онъ, но среди мірского равнодушія и уединенности безмѣрно то благодѣяніе, что Онъ— всеобщій собесѣдникъ, и какъ много уже выслушалъ Онъ на своемъ долгомъ вѣку! Вотъ это великое вниманіе Божества, никогда не заполнимое, никогда не устающее, и выражаетъ собою, въ возможной, человѣческой степени, старецъ Зосима, и за это къ нему стекаются толпы недужныхъ и страдающихъ людей. Онъ не творитъ чудесъ, но развѣ они нужны? развѣ недостаточно того, что эта крестьянка съ горящими глазами, видимо, преступница, довѣрчиво подходитъ къ нему и—«постой, сказалъ старецъ, и приблизилъ ухо свое прямо къ ея губамъ»?

Приблизилъ ухо свое и Достоевскій ко всему страданію и ко всему преступленію міра, но отозвались они въ душѣ не покойной и мирной, какъ у Зосимы. Къ ней онъ только съ мукой и страстью тяготѣлъ, но самая жизнь его сложилась не такъ, чтобы онъ могъ взойти на высоту всепрощенія и кротости. Синтеза въ немъ не произошло, не исцѣлилась его растерзанная душа.

Тусклое, сѣрое, однообразное дѣтство подъ эгидой требовательнаго отца, который слишкомъ тяжело и серьезно переносилъ жизнь; больничный садъ, гдѣ первыми собесѣдниками ребенка явились больные; ненавистная школа, крѣпость, позорный столбъ, ожиданіе казни, наступающей съ минуты на минуту, каторга, недугъ, нужда, смерть жены, смерть ребенка—таковы впечатлѣнія, которыя приняло его впечатлительное сердце

Могло ли оно создать другія произведенія, чѣмъ тѣ, какія лежатъ передъ нами,—произведенія ночныя и надломленныя, отбросившія огромную тѣнь на все пространство русской словесности?

Тяжкой поступью, съ блѣднымъ лицомъ и горящимъ взглядомъ, прошелъ этотъ великій каторжникъ, бряцая цѣпями, по нашей литературѣ, и до сихъ поръ она не можетъ опомниться и придти въ себя отъ его безумнаго шествія. Какіе-то еще неразобранные сигналы показалъ онъ на вершинахъ русскаго самосознанія, какія-то вѣщія и зловѣщія слова произнесъ онъ своими опаленными устами, и мы ихъ теперь безъ него разгадываемъ. И гнетущей загадкой встаетъ онъ передъ нами, какъ олицетворенная боль, какъ черное солнце страданія. Были доступны ему страшныя мистеріи человѣческаго, и не случайное явленіе, не миражъ Чернаго монаха представляетъ онъ собою, а неизбывную категорію души, такъ что каждая душа должна переболѣть Достоевскимъ и, если можно, его преодолѣть. Труденъ этотъ подвигъ, ибо самъ онъ былъ какъ живая Божественная Комедія; въ ней же нѣтъ сильнѣе и страшнѣе—Ада.

Ю. Айхенвальдъ.

Журнальное обозрѣніе.

Партійныя организаціи и печать отмѣчаютъ упадокъ общественной энергіи, характеризующій переживаемый нами историческій моментъ. Послѣ двухлѣтняго лихорадочнаго подъема политической жизни, послѣ радужныхъ ожиданій, безмѣрнаго оптимизма и рѣшительныхъ требованій наступилъ періодъ безграничной апатіи, тягостнаго унынія и тревожнаго раздумья. Первая эра освободительнаго движенія, окрашенная надеждой на его близкую и окончательную побѣду, закончилась и закончилась тѣмъ, что русское общество оказалось отброшеннымъ назадъ—почти въ прежнюю полосу «мертвой зыби». Это чувствуется особенно болѣзненно теперь, когда мы уже не можемъ оцѣнивать вещи и событія тѣмъ масштабомъ, который былъ у насъ до 17 октября, теперь, когда даже въ темное царство народныхъ массъ проникъ лучъ свѣта, совершилась или совершается полная переоцѣнка всѣхъ историческихъ цѣнностей. Мы попрежнему поставлены передъ глухой стѣной безграничнаго произвола, но уже не только съ сознаніемъ невозможности мириться съ этимъ положеніемъ, но и съ необходимостью искать изъ него практическій исходъ, приложить въ томъ или иномъ направленіи наши усилія. Выборы въ третью Думу идутъ до извѣстной степени какъ бы по инерціи; приходится слышать утвержденіе о томъ, что реакція страшна не въ Думѣ, а внѣ Думы.

Для лѣвыхъ партій оцѣнка настоящаго положенія не представляетъ трудностей. Всеобъемлющій фетишъ—«соотношеніе общественныхъ силъ», голая формула, повидимому, имѣетъ магическое дѣйствіе. Для тѣхъ, которые мнятъ себя вождями русской демократіи, а на самомъ дѣлѣ являются только рупорами якобинства, все представляется совершенно яснымъ и простымъ. Лѣвая печать (*Образованіе*) высказываетъ искреннюю радость по поводу торжества реакціи. Это торжество, по ея мнѣнію, очищаетъ воздухъ отъ зловредныхъ тумановъ конституціонныхъ иллюзій и посрамляетъ ненавистныя буржуазныя партіи. Но для тѣхъ, для кого «соотношеніе силъ» является не только результатомъ классовой борьбы и усложняющейся экономической жизни страны, для кого ясны психическіе факторы русской революціи—позоръ національнаго пораженія, первоначальное един-

дущіе, дальнѣйшій расколъ оппозиціи и отчасти политика правительства— для тѣхъ во всей широтѣ встаетъ вопросъ не только о тактикѣ того или иного момента освободительной борьбы, о заблужденіяхъ той или иной партіи, но о самыхъ основныхъ идеяхъ, психологическихъ предпосылкахъ этой борьбы. Только уясненіе этого вопроса, только усвоеніе его правильнаго рѣшенія можетъ спасти теперь русское оппозиціонное движеніе отъ разгрома, смягчить остроту переходнаго времени.

Вопросъ этотъ затрагиваетъ *Вѣстникъ Народной Свободы*, пытаясь освѣтить причины общественной реакціи, тѣ причины, которыя привели къ неожиданному и печальному исходу народнаго движенія (Шифъ: «Объ общественной реакціи»).

Главный смыслъ революціи, пишетъ авторъ статьи, ея сущность заключалась въ глубокомъ психическомъ переворотѣ въ народныхъ массахъ, въ пріобщеніи ихъ къ активной политической жизни, въ яркомъ и единодушномъ выраженіи большинствомъ населенія непримиримо враждебнаго отношенія къ старому порядку. Наступившее въ октябрьскіе дни измѣненіе соотношенія силъ имѣло не матеріальный, а чисто моральный смыслъ. Примѣненіе населеніемъ «явочнаго порядка», «захватнаго права», самочинное осуществленіе свободы собраній и слова не означали реальной, физической побѣды населенія надъ властью. Психически потрясенная власть, дискредитированная военнымъ пораженіемъ и дезорганизованная неожиданнымъ всенароднымъ возмущеніемъ, совершенно растерялась. Она лишилась въ своихъ дѣйствіяхъ прежней увѣренности и послѣдовательности, психологически возможныхъ лишь при наличности опоры въ лицѣ сильной и вліятельной общественной группы или хотя бы при условіи пассивности и безразличія значительныхъ слоевъ населенія. Встрѣтившись лицомъ къ лицу съ открыто и смѣло выраженнымъ общественнымъ мнѣніемъ, почувствовавъ себя совершенно изолированной, власть не рѣшалась первое время прибѣгать къ репрессіямъ при полной объективной возможности. Она ощутила нестерпимость такого вопіюще-ненормальнаго положенія, не выдержала неслыханнаго давленія общественнаго мнѣнія и пошла навстрѣчу насущнѣйшимъ народнымъ требованіямъ.

Актъ 17 октября былъ добытъ совокупными усиліями всѣхъ слоевъ населенія, но онъ не былъ объективно необходимъ, онъ не былъ вырванъ у власти въ томъ прямомъ значеніи этого слова, какое любили придавать факту народной побѣды. Этотъ актъ былъ психологически необходимъ въ силу совершенно моральнаго банкротства бюрократіи, въ силу раскрывшейся м ѣду нею и всѣмъ населеніемъ пропасти.

Всѣ послѣдовавшія за октябрьскими днями событія были логическимъ с ідствіемъ чисто психической основы октябрьской революціи. Реакція, о тупившая передъ нравственной силой единодушнаго протеста, съ легкимъ с дцемъ расправлялась со всѣми попытками оппозиціи прямого физическаго в дѣйствія на ходъ вещей. Бюрократическая организація, лишившаяся о ы въ лицѣ покорнаго населенія, можетъ значительное время сохранять

свою силу, ибо обладаетъ самостоятельнымъ механическимъ бытіемъ. Только въ логическомъ отвлеченіи, въ далекой исторической перспективѣ устанавливается необходимое соотвѣтствіе между основнымъ общественнымъ содержаніемъ эпохи и ея формами, но въ каждую данную эпоху такое соотвѣтствіе отнюдь не обязательно. Власть при дружномъ содѣйствіи неосмысленной тактики сторонниковъ активныхъ выступленій стала быстро оправляться отъ психическаго потрясенія, отъ гипноза первой всероссійской демонстраціи. Въ сознаніи своей физической силы она стала мириться съ фактомъ своей нравственной отверженности и изолированности. Демонстраціонная тактика массъ, достигнувъ крайней высоты напряженія, естественно должна была пойти на убыль. И тѣмъ не менѣе психическій переворотъ, сдвигъ общественной жизни въ сторону непримиримой оппозиціи остался въ прежней силѣ. Объективно революція, подчиняясь своей внутренней діалектикѣ, неуклонно продолжаетъ свой путь. Та общественная реакція, которая существуетъ, носитъ чисто субъективный характеръ: наступило разочарованіе, какъ результатъ неправильной оцѣнки соотношенія силъ, оставшагося объективно неизмѣннымъ и если измѣнившагося, то во всякомъ случаѣ не въ пользу реакціи.

Статья г. Шифа, по нашему мнѣнію, не отвѣчаетъ на поставленный ею вопросъ или отвѣчаетъ на него въ высшей степени односторонне. Остается неяснымъ, почему же всетаки колоссальный размахъ взволнованной до дна политической жизни привелъ къ ничтожнымъ практическимъ результатамъ? Почему психологическая необходимость акта 17 октября противополагается его объективной неизбѣжности? И что, наконецъ, объясняетъ то положеніе, согласно которому психическій подъемъ массъ, «достигнувъ крайней высоты напряженія, естественно долженъ былъ пойти на убыль?»

Вполнѣ справедливо указывая на психическую основу освободительнаго движенія, авторъ статьи, повидимому, остается всетаки загипнотизированнымъ сакраментальной «внутренней діалектикой» революціи и таинственнымъ «соотношеніемъ силъ».

Соотношеніе это, вопреки его утвержденію, не могло оставаться и не оставалось неизмѣннымъ во время процесса борьбы. Двѣ грозныя арміи, изъ которыхъ на сторонѣ одной были моральныя, а на сторонѣ другой— физическія силы, имѣли каждая свои побѣды и пораженія. И поскольку оцѣнка историческаго процесса предполагаетъ для участвующихъ въ немъ его ирраціональность, постольку мы съ полнымъ правомъ можемъ утверждать, что соотношеніе силъ вылилось бы въ иную, болѣе благопріятную жизненную формулу, если бы въ рядахъ одной изъ этихъ армій не заг. рѣлась братоубійственная война, если бы моральныя силы ея оставалис до конца непоколебленными, неразстроенными. Иначе говоря, и «разочарован въ силахъ освободительнаго движенія было бы вполнѣ законно лишь в томъ случаѣ, если бы мы признали, что въ способахъ и формахъ испол зованія этихъ силъ не было никакихъ неправильностей и ошибокъ» (К зеветтеръ: *Русскія Вѣдомости*, № 193).

«Вопросъ о неправильномъ использованіи народнаго движенія,—замѣчаетъ г. Шифъ,—нисколько не относится къ вопросу о собственной силѣ движенія и его потенцій. Осуждая нецѣлесообразность той или иной тактики, мы тѣмъ самымъ даемъ оцѣнку объективной силѣ движенія, ибо тактика была основана именно на преувеличенной оцѣнкѣ размаха общественныхъ силъ».

О какой собственной силѣ движенія говоритъ г. Шифъ? Что эта за таинственная скрытая въ себѣ сущность, которая проявляется внѣ зависимости отъ дѣятельности тѣхъ или иныхъ слоевъ населенія, внѣ зависимости отъ ихъ надеждъ и чаяній, отъ ихъ вѣры и разочарованія? Враждебность правительства демократическимъ требованіямъ, его инстинктъ самосохраненія, а также грозная экономическая дѣйствительность, въ желѣзныхъ тискахъ нищеты держащая народныя массы и обостряющая борьбу классовъ—есть величина для даннаго историческаго періода болѣе или менѣе постоянная, уже вполнѣ учтенная и сознанная участниками освободительнаго движенія.

Но, такъ какъ г. Шифъ не сторонникъ теоріи экономическаго матеріализма, то онъ долженъ былъ бы понимать, что всеобщее субъективное негодованіе, обостренное позорнымъ исходомъ войны, дало именно объективную силу движенія, и что дальнѣйшая тактика партій и различныхъ общественныхъ организацій создавала «собственную» силу движенія. Что касается того, что сама тактика была основана на преувеличенной оцѣнкѣ размаха общественныхъ силъ, то хотя это и вѣрно по отношенія къ отдѣльнымъ моментамъ освободительной борьбы, но мы думаемъ, что неправильности этой тактики коренятся гораздо глубже, въ прошломъ, въ той психологіи, которая была принесена уже готовой и брошена въ кипящій котелъ русской революціи.

Мы думаемъ, что ничтожность достигнутыхъ практическихъ результатовъ—вопросъ, могущій наиболѣе интересовать реальнаго политика—въ значительной мѣрѣ объясняется той основной идеей, которая руководила и руководитъ русскимъ радикализмомъ, которой диктовались тѣ или иныя неправильности и ошибки, и которую интеллигенціи удалось до извѣстной степени привить народнымъ массамъ. Это та идея, которая выражается въ формулѣ пастора Бранда—все или ничего—въ абсолютной непримиримости, въ презрѣніи къ относительнымъ, условнымъ цѣнностямъ жизни и въ вытекающей отсюда формулѣ—«чѣмъ хуже, тѣмъ лучше».

Качества ибсеновскаго Бранда, пишетъ Е. Н. Трубецкой (№ 32 *Моск. еженед.* «Максимализмъ») плѣняютъ насъ сами по себѣ. «Или все или ничего»—вотъ лозунгъ, который мы слышимъ уже восемь слишкомъ лѣтъ, самаго начала освободительнаго движенія, съ той самой поры, когда студенчество выступило въ роли его авангарда. И конецъ этого лозунга, практическій результатъ—всегда одинъ и тотъ же—ничего: у Бранда—снѣжная лавина, погребающая вмѣстѣ съ нимъ всѣ его надежды, а у насъ—разбитое корыто—единственно вѣрный спутникъ нашихъ освободи-

тельныхъ начинаній. И странное дѣло: этотъ конецъ у насъ мало кого смущаетъ. Въ Брандѣ русская интеллигенція находитъ себѣ не осужденіе, а оправданіе: да, онъ терзалъ другихъ и самого себя, ища добро, сѣялъ зло, другихъ губилъ и самъ погибъ. Но онъ до конца жизни остался вѣренъ своей формулѣ, ни въ чемъ не поступился своимъ радикализмомъ. Итакъ, будемъ продолжать въ томъ же духѣ. Что изъ этого выйдетъ на практикѣ, не все ли равно: мы не примирились, мы сохранили чистоту нашей формулы; а для насъ она безотносительно дорога, независимо отъ ея практическаго результата».

«У насъ самая реакція,—пишетъ далѣе Трубецкой,—вызываетъ меньше раздраженія, нежели половинчатыя уступки со стороны правительства. Реакція отказываетъ освободительному движенію рѣшительно во всемъ: не давая ему ничего, она не противорѣчитъ второму термину брандовской дилеммы и никому не мѣшаетъ требовать всего. Напротивъ, уступки, умѣренныя, либеральныя преобразованія, не укладываются въ дилемму, нарушаютъ священную формулу, а потому приводятъ въ ярость. «Ни все, ни ничего, а кое что»—этого русскій радикалъ перенести не можетъ; на это онъ скорѣе всего отвѣтитъ взрывомъ ненависти, а то и взрывомъ въ прямомъ, буквальномъ значеніи этого слова».

Развѣ ликующій тонъ нашей немногочисленной теперь лѣвой печати не подтверждаетъ словъ кн. Трубецкого? Ясность создавшагося положенія, разсѣяніе иллюзій вызываютъ едва сдерживаемый восторгъ. Половинчатыя реформы могли бы успокоить буржуазію и часть народныхъ массъ, реакція же накопляетъ недовольство—вотъ дѣйствительно тотъ лозунгъ, которымъ движется русскій радикализмъ. «Пока могло казаться, что революція даетъ кое-что, радикалы выходили изъ себя. Теперь, когда стало вѣроятнымъ, что она не даетъ ничего, ихъ негодованіе утратило силу. Зачѣмъ имъ волноваться: они спасли свою формулу!»

Кн. Трубецкой отмѣчаетъ, что фанатизмъ русской радикальной интеллигенціи тѣсно связанъ съ ея безсознательной религіозностью. Всякую соціальную утопію она принимаетъ, какъ религіозный догматъ, какъ откровеніе, коего каждая буква священна. Всякая русская революціонная партія имѣетъ тенденцію превратиться въ секту, которая мнитъ себя единой спасающей церковью, а потому ненавидитъ всѣ прочія секты, какъ еретическія. У всякой—свое евангеліе,—отъ Маркса или отъ кого-либо другого, свои революціонные святцы, мученики и праздники, когда полагается воздерживаться отъ труда и предаваться недѣланію. И всѣмъ имъ свойственно присущее религіознымъ сектамъ стремленіе къ дробленію. Самыя крайнія партіи кажутся части ихъ сторонниковъ недостаточно крайними, оппортюнистическими. И въ поискахъ за абсолютнымъ радикализмомъ рождаются новыя партійныя образованія: большевики среди соціалъ-демократовъ, максималисты, въ тѣсномъ смыслѣ слова, среди соціалъ-революціонеровъ.

Всѣ они говорятъ не отъ себя, а какъ бы «отъ Бога», въ каждо...

революціонерѣ сидитъ непогрѣшимый папа, всѣ мыслятъ свой соціальный идеалъ не иначе, какъ въ формѣ безусловнаго. Отсюда рождается то самомнѣніе, которое носитъ готовыя истины въ жилетномъ карманѣ, та страстная нетерпимость къ инако-мыслящимъ, которая разбила ряды нѣкогда сплоченной и стройной оппозиціи.

Въ послѣдней книгѣ *Вопросы Философіи и Психологіи* выясненію психологическихъ предпосылокъ подобной нетерпимости, подобной монополизаціи истины посвящена интересная статья г. Котляревскаго. Статья эта близко соприкасается съ выводами изложенной выше статьи Трубецкого, разсматривая вопросъ о томъ, на какой умственной и нравственной почвѣ заповѣдь «будь терпимымъ» наиболѣе способна принести плоды и гдѣ она осуждена быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Есть два умственныя состоянія,—пишетъ г. Котляревскій,—повидимому противоположныя, но въ одинаковой мѣрѣ неблагопріятныя для развитія терпимости. Одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ мыслитъ себя обладателемъ полной истины, а не согласныхъ—рабами столь же полнаго заблужденія. Другое характеризуется, напротивъ, полнымъ скептицизмомъ: въ глазахъ человѣка истина есть вообще вещь совершенно условная; всѣ мнѣнія являются въ равной степени субъективными состояніями, ни одно изъ нихъ не можетъ претендовать на большую достовѣрность, чѣмъ другія; ни одно изъ нихъ въ концѣ-концовъ не стóитъ большаго, чѣмъ другія. Что касается перваго состоянія, то психологическая трудность совмѣщенія съ нимъ терпимости особенно ярко сказалась въ области религіозной. Но и въ области научной и политической мысли легко понять нетерпимость тѣхъ ученій, которыя признаютъ единый вѣрный путь къ человѣческому счастью, единую, всеспасающую формулу. Какъ сильно въ самомъ дѣлѣ искушеніе сдѣлать людей счастливыми, хотя бы и помимо ихъ воли!

Только представивъ себѣ эту убѣжденность соціалъ-демократіи въ теоретической достовѣрности и практической безконечной важности ея положеній, какъ извѣстнаго обязательнаго условія,—пишетъ далѣе авторъ статьи,—мы можемъ понять и этотъ такъ непріятно поражающій партійный фанатизмъ. Только тогда можно вскрыть психологическую подкладку этой борьбы противъ бернштейніанства, соціальнаго реформизма и т. д. Только тогда мы поймемъ это чрезвычайное ожесточеніе, которое въ глазахъ идеологовъ партіи возбуждаютъ даже чисто отвлеченныя теченія мысли, вродѣ теоріи потребительной цѣнности, разъ они грозятъ предпосылкамъ этой партійной идеологіи.

«Конечно, здѣсь очень многое зависитъ отъ степени, но всетаки какъ цее правило остается то положеніе, что догматизмъ—тяготѣніе къ нему агопріятно развитію духа нетерпимости. Какъ бы ни доказывалось и ни изнавалось право человѣка заблуждаться, но разъ область истины и луждения раздѣлены абсолютной гранью, разъ между свѣтомъ и полмъ мракомъ нѣтъ переходовъ, у человѣка всегда останется стремленіе дѣйствовать достаточно энергическими мѣрами на себѣ подобныхъ, дабы

заставить ихъ принять истину. Онъ всегда бы могъ ссылаться на аргументы отъ принципа общаго блага, которые обладаютъ, надо это признать, значительной соблазнительностью».

Наглядной иллюстраціей подобнаго рода нетерпимости является статья г. Е. Смирнова въ августовской книгѣ *Современнаго Міра* («Исторія кадетская и исторія дѣйствительная»). Мы привыкли къ рѣзкимъ и несправедливымъ нападкамъ, къ мелкому заподозриванью со стороны «лѣвыхъ» всѣхъ «инако мыслящихъ». Но признаемся, тонъ и содержаніе статьи г. Смирнова побиваетъ своеобразный рекордъ въ этой тоже своеобразной области «полемической» литературы.

Разбирается дѣятельность кадетской партіи во второй Думѣ и выпущенный недавно партіей отчетъ. На сцену опять выплываютъ укоры кадетамъ въ томъ, что главною цѣлью ихъ тактики является соглашеніе съ власть имущими. Г. Смирновъ, соревнуя съ оффиціозной *Россіей*, спрашиваетъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи кадетами, и слѣдующимъ образомъ поучаетъ читателя: «Что какіе-то переговоры велись—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію,—къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало освѣдомлены на этотъ счетъ. Но боюсь, что когда общественное мнѣніе страны узнаетъ, наконецъ, то, что имѣло право знать въ свое время, то окажется, что кадетскіе лидеры играли такую же глубоко-комическую роль, какъ тѣ четверо, казалось, умныхъ людей, надъ которыми Столыпинъ, вѣроятно, такъ зло, такъ оскорбительно смѣялся въ душѣ въ ночь роспуска Думы. Кое-что, напримѣръ, дошло до насъ о послѣднемъ днѣ роспуска».

Въ этомъ отрывкѣ, какъ въ зеркалѣ, сказалась та нетерпимость, которая заранѣе вѣритъ во все то, во что ей хочется вѣрить, которая направляетъ на всѣхъ несогласныхъ отравленное жало какихъ-то темныхъ слуховъ, которая «намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто», старается превратить въ тяжелыя, хотя и не ясныя обвиненія. Идолъ максималистическаго строя души требуетъ отъ своего поклонника всяческой жертвы: онъ пожираетъ его самого, убиваетъ въ немъ человѣческое чувство, уничтожаетъ всякую общественность.

Легко раздѣлавшись съ кадетами, г. Смирновъ развиваетъ свою положительную программу дѣйствій. «Взоры всѣхъ оппозиціонныхъ партій,—пишетъ онъ,—должны быть направлены, главнымъ образомъ и прежде всего въ сторону общественнаго мнѣнія страны, въ сторону народныхъ массъ. Ихъ политическое воспитаніе, ихъ организація—вотъ главная задача этихъ партій». Что это значитъ? Развѣ г. Смирновъ забылъ, что во все время второй предвыборной кампаніи выставленный имъ теперь ло зунгъ былъ именно лозунгомъ ненавистныхъ ему кадетъ, лозунгомъ, над которымъ издѣвались лѣвыя партіи. Политическое воспитаніе массъ, орга низація общественнаго мнѣнія въ странѣ и законодательная работа въ Думѣ, какъ одно изъ многихъ средствъ этого воспитанія—такова была по стоянно общая точка зрѣнія к.-д. «Лѣвые» противопоставили ей органи

зацію общественныхъ силъ, глумились надъ безсиліемъ «общественнаго мнѣнія», проводили рѣзкіе, хотя и схоластическія границы между этими двумя понятіями. И теперь г. Смирновъ, въ первой половинѣ статьи обрушиваясь на партію народной свободы, становится самъ на кадетскую точку зрѣнія и пишетъ тѣ строки, подъ которыми съ удовольствіемъ готовъ подписаться любой правовѣрный кадетъ. И далѣе г. Смирновъ правильно замѣчаетъ, что «русское освободительное движеніе было сильно въ октябрьскіе дни, потому что оно объединяло подъ своимъ общенаціональнымъ знаменемъ самые разнообразные слои населенія.

Здѣсь мы вплотную подходимъ къ той точкѣ зрѣнія, которая должна бы сдѣлаться господствующей въ ближайшемъ будущемъ, которая только и можетъ теперь спасти русское освободительное движеніе отъ разгрома. Объединеніе оппозиціи, вынесеніе за общую скобку всего того, что составляетъ въ главнѣйшей основѣ требованіе осуществленія конституціонализма при всемъ разнообразіи политическихъ и соціальныхъ программъ различныхъ конституціонныхъ партій и организацій—такова настоятельная задача переживаемаго нами историческаго момента. Эгоизмъ партійный, классовый и національный должны уступить мѣсто ясному сознанію общности этой задачи, необходимости сдѣлать первый шагъ въ области конституціонной жизни и закрѣпить его за собой. Но, конечно, объединеніе это требуетъ цѣлаго ряда предварительныхъ условій, безъ которыхъ всякая практическая попытка въ этомъ направленіи окажется по меньшей мѣрѣ безплодной. Такой безплодной попыткой, наприм., были извѣстныя статьи кн. Трубецкого, настаивавшаго на предвыборномъ блокѣ между партіей народной свободы и октябристами. «Въ страстномъ желаніи найти исходъ изъ кризиса, переживаемаго въ настоящій моментъ молодымъ русскимъ конституціонализмомъ,—пишетъ г. Кузьминъ-Караваевъ въ августовской книжкѣ *Вѣстника Европы* («Идейный октябризмъ»),—кн. Трубецкой не замѣчаетъ, что онъ требуетъ отъ кадетовъ сближенія съ несуществующей партіей».

Идейнаго октябризма, иначе говоря консервативнаго конституціонализма, какъ сильнаго и широкаго общественнаго теченія, у насъ нѣтъ. У насъ есть отдѣльныя лица, держащіяся принциповъ консервативнаго конституціонализма. Но образованіе изъ нихъ крупной политической партіи—дѣло будущаго. Нужно, чтобы конституціонализмъ сталъ неоспоримымъ жизненнымъ фактомъ.

Пока этого нѣтъ, пока охрана конституціонныхъ началъ—гражданской ободы и народнаго представительства въ истинномъ смыслѣ понятія—ставляетъ задачу борьбы и протеста, до тѣхъ поръ конституціоналисмъ нечего охранять, и нѣтъ почвы, на которой могъ бы вырасти въ ироких слояхъ общества консервативный конституціонализмъ. Все, что зютъ теперь о союзѣ 17 октября—это неопредѣленность его состава и ипатіи къ крайнимъ правымъ, *все́*, что можно утверждать—это его при-

верженность къ послѣднему правительственному распоряженію, все, что можно предполагать—это измѣнчивость его характера.

«Союзъ 17 октября, несмотря на двухлѣтнее почти существованіе,—пишетъ внутренній обозрѣватель *Вѣстника Европы*,—все еще представляетъ изъ себя какую-то неопредѣленную величину... Неужели они все еще не видятъ, до какой степени имъ вредилъ и вредитъ ихъ колеблющійся образъ дѣйствій по отношенію къ правымъ сосѣдямъ? Мы не можемъ себѣ представить такой комбинаціи условій, при которой искренніе конституціоналисты могли бы, не впадая въ противорѣчіе сами съ собой и не отрекаясь отъ своего символа вѣры, идти рука объ руку съ прислужниками абсолютизма. Пока союзъ 17 октября хоть сколько-нибудь оправдываетъ свое названіе, для него логически и нравственно невозможна совмѣстная дѣятельность съ правыми партіями—и вполнѣ естественно нѣкоторое сближеніе съ партіей народной свободы и примыкающими къ ней группами конституціоннаго центра».

Къ сожалѣнію, жизнь совершенно опредѣленно говоритъ намъ иное, и заключительныя слова статьи г. Кузьмина-Караваева: «Октябристы наканунѣ сліянія съ правыми и поглощенія правыми»—кажутся болѣе соотвѣтствующими дѣйствительности.

Ѳ. Арнольдъ.

Законодательство и жизнь.

Подготовка къ выборамъ.—Дѣятельность различныхъ партій.—Вопросъ о бойкотѣ и о соглашеніяхъ.—Значеніе духовенства въ предстоящихъ выборахъ.—Предвыборная дѣятельность правительства.—Аграрныя мѣропріятія.—Урожай и продовольственное дѣло.—Земскій съѣздъ и мелкая единица.

Нѣкоторая апатія, охватившая русское общество за послѣднее время, повидимому, не особенно сильно отразилась на руководящихъ элементахъ политическихъ партій, которыя начинаютъ довольно дѣятельно готовиться къ новой избирательной кампаніи. Заявляютъ о себѣ даже такія партіи, о которыхъ за послѣднее время совсѣмъ не было слышно, какъ партія мирнаго обновленія. Къ началу сентября выборное дѣло состояло такъ. Изъ трехъ имѣющихся у насъ соціалистическихъ партій, партія соціалистовъ - революціонеровъ высказалась за бойкотъ выборовъ. Вопросъ этотъ обсуждался еще въ началѣ іюля петербургской областной конференціей, на которой присутствовали, кромѣ петербургскихъ, также нижегородскіе, псковскіе, рижскіе и друг. делегаты. Рѣшеніе это было принято послѣ горячихъ преній; возражали особенно крестьяне, но и они въ концѣ-концовъ согласились. Совѣтъ партіи, собраніе котораго окончилось 7 іюля и въ которомъ участвовали представители всѣхъ отдѣловъ ея и делегаты изъ провинціи, формулировали свое рѣшеніе: бойкотировать выборы, участвовать въ избирательной кампаніи только лишь для пропаганды идеи бойкота; но агитируя за бойкотъ, не прибѣгать ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ; никакихъ кандидатуръ не поддерживать, даже и кандидатуръ выставленныхъ другими соціалистическими группами или трудовиками. Что въ средѣ партіи по вопросу о бойкотѣ выборовъ нѣтъ, однако, полнаго единодушія, доказывается тѣмъ, что на бывшемъ уже послѣ того областномъ поволжскомъ съѣздѣ этой партіи рѣшеніе о бойкотѣ прошло лишь большинствомъ одного голоса. Отказъ отъ активнаго участія въ выборахъ и въ дѣятельности будущей Думы не указываетъ, однако, на намѣреніе партіи выступить съ какими-нибудь прямо революціонными и въ особенности насильственными дѣйствіями. Напротивъ, центральный комитетъ партіи счелъ нужнымъ высказаться въ особомъ заявленіи, что онъ признаетъ абсолютно недопустимымъ терроръ аграрный и фаб-

ричный, предпринимаемый какъ средство въ борьбѣ труда съ капиталомъ; совершенно недопустимо также примѣненіе террора противъ идейныхъ вдохновителей реакціи, хотя бы сами они призывали къ убійствамъ и погромамъ; истребленіе и порча имущества, какъ средство экономической борьбы, тоже не можетъ быть дозволено. Такимъ образомъ, устраняясь отъ выборной и парламентской дѣятельности, а также и отъ насильственныхъ дѣйствій, партія, повидимому, сохраняетъ за собой лишь пропаганду въ народѣ своего ученія, служащую подготовкой для болѣе активнаго выступленія въ неопредѣленномъ будущемъ. Въ этихъ видахъ совѣтъ обратилъ особое вниманіе на профессіональныя организаціи и постановилъ усилить работу по организаціи, распространенію и усиленію профессіональныхъ союзовъ, для чего образовать при центральномъ комитетѣ партіи особое бюро по профессіональному дѣлу. Совѣтъ нашелъ, что цѣль будетъ лучше всего достигаться безпартійностью профессіональныхъ союзовъ, но что дѣятельность послѣднихъ не должна ограничиваться одной «экономикой», такъ какъ въ рабочей жизни экономическая сторона неотдѣлима отъ политической. Относительно крестьянскаго союза на конференціи высказывался тотъ взглядъ, что на него слѣдуетъ смотрѣть не какъ на особую партію, а какъ на организацію тоже профессіонально-политическую, въ какомъ смыслѣ и надо ее поддерживать. Общій партійный съѣздъ при настоящихъ условіяхъ признанъ невозможнымъ.

Иначе отнеслась къ выборному вопросу другая соціалистическая партія—соціалъ-демократовъ. По уставу партіи, принятому на послѣднемъ лондонскомъ съѣздѣ, для обсужденія наиболѣе важныхъ вопросовъ черезъ три-четыре мѣсяца созываются общія конференціи изъ представителей областныхъ союзовъ и отдѣльныхъ организацій, примыкающихъ къ партіи. Въ силу этого въ концѣ іюля была созвана такая обще-россійская конференція, на обсужденіе которой и былъ поставленъ вопросъ объ отношеніи партіи къ выборамъ въ Думу. На конференціи присутствовало 26 человѣкъ съ рѣшающимъ голосомъ и одинъ съ совѣщательнымъ. Бойкотъ Государственной Думы былъ отвергнутъ 15 голосами противъ 9, причемъ голоса распредѣлились почти соотвѣтственно раздѣленію партіи на такъ называемыхъ большевиковъ и меньшевиковъ. Первыхъ было восемь человѣкъ, и изъ нихъ лишь одинъ подалъ голосъ за участіе въ Думѣ; напротивъ, изъ 16 меньшевиковъ только двое были за бойкотъ. Изъ національныхъ группъ за участіе въ выборахъ и въ Думѣ высказались всѣ представители «Бунда» въ числѣ пяти человѣкъ, три поляка и одинъ латышъ. На происходившемъ раньше московскомъ областномъ собраніи, гдѣ большинство принадлежало большевикамъ, постановлено было не принима[ть] участія ни въ выборахъ, ни въ работѣ Думы. Такимъ образомъ по этому вопросу, какъ и по многимъ другимъ, двѣ фракціи, на которыя распадается соціалъ-демократическая партія, имѣютъ совершенно противоположн[ые] взгляды, несмотря на то, что формально партія сохраняетъ свое единств[о]. Постановленія обще-россійской конференціи утверждены были централ[ьнымъ]

нымъ комитетомъ партіи, которымъ выработана, въ соотвѣтствіи съ принятой конференціей резолюціей, и избирательная платформа. Основныя положенія этой резолюціи заключались въ томъ, что индиферентность народныхъ массъ къ выборамъ въ третью Думу свидѣтельствуетъ о разрушеніи въ народѣ прежнихъ конституціонныхъ иллюзій; тактика же бойкота только и нужна для борьбы съ этими иллюзіями, которыя поддерживались кадетами. Новый избирательный законъ, вѣроятно, дастъ и Думу открыто октябристскую, относительно которой не можетъ быть никакихъ иллюзій. Поэтому, рѣшая принять участіе въ избирательной кампаніи и въ самой Думѣ, соціалъ-демократы должны распространять и укрѣплять въ сознаніи народныхъ массъ свои идеи и противодѣйствовать какъ реакціи, такъ и преобладанію кадетовъ въ освободительномъ движеніи вообще и въ Думѣ въ частности. Согласно съ этими положеніями центральный комитетъ партіи выпустилъ избирательную платформу, въ которой, признавая разрушеніе «конституціонныхъ иллюзій», указываетъ на необходимость для партіи «содѣйствовать организаціи народныхъ массъ всѣми доступными ей средствами, а стало быть и участіемъ въ выборахъ и въ самой Думѣ».

Далѣе въ платформѣ удѣлено много мѣста оцѣнкѣ тактики различныхъ оппозиціонныхъ партій во второй Думѣ и въ особенности полемикѣ противъ кадетовъ. Собственная же тактика соціалъ-демократической партіи въ 3-й Думѣ опредѣляется такъ: «Устами своихъ представителей она будетъ говорить всю правду народу, всѣми силами будетъ содѣйствовать экономическимъ и политическимъ реформамъ, бороться съ контръ-революціоннымъ вліяніемъ кадетовъ и разоблачать лицемѣрность законопроектовъ, которые будутъ вноситься въ Думу «въ интересахъ черносотенно-буржуазнаго гнета». Рѣшаясь участвовать въ избирательной агитаціи, партія должна была, конечно, рѣшить и вопросъ о соглашеніяхъ съ другими партіями. По этому поводу центральный комитетъ, основываясь также на резолюціи конференціи, установилъ, что «при избирательныхъ соглашеніяхъ съ другими партіями с.-демократія отдаетъ предпочтеніе партіямъ болѣе демократическимъ, располагая партіи по степени демократичности въ слѣдующемъ порядкѣ: с.-р., н.-с., трудовики и кадеты. Соглашеніе съ послѣдними при перебаллотировкахъ не допускается и возможно лишь во второй стадіи выборовъ. Въ городахъ съ прямой подачей голосовъ рѣшено ни въ какія соглашенія не вступать. Однако противъ послѣдняго рѣшенія по слухамъ сильно возражаютъ петербургскіе меньшевики; большевики же настаиваютъ на самостоятельномъ выступленіи партіи въ первой стадіи вы(бо)ровъ въ Петербургѣ.

Кромѣ выборовъ, въ дѣятельности с.-д. партіи обратили на себя вни(ман)іе общества и газетъ состоявшіяся недавно резолюціи кіевскаго и (к)авирскаго комитетовъ, осуждающія террористическіе акты и экспро(пri)аціи. При этомъ кіевскій комитетъ высказалъ «горячее убѣжденіе, что (ед)инственнымъ способомъ борьбы съ разбоями и всякаго рода экспро(при)аціями и экономическимъ терроромъ служитъ установленіе въ Россіи

политической свободы, законности и проведеніе въ жизнь радикальныхъ реформъ по улучшенію экономическаго положенія рабочихъ массъ, а также утвержденіе права ихъ на свободу политическихъ и экономическихъ организацій, свободу собраній, стачекъ, свободу устнаго и печатнаго слова. Естественно, что соціалъ-демократическая партія не могла тоже не обратить серьезнаго вниманія на профессіональные союзы. Въ центральный комитетъ поступила резолюція меньшевиковъ по этому вопросу, въ которой указывается на важное значеніе предполагаемаго всероссійскаго съѣзда профессіональныхъ союзовъ какъ для ихъ объединенія идейнаго и организаціоннаго, такъ и для рабочаго движенія вообще. Исходя изъ этого, составители резолюціи призываютъ членовъ партіи принять энергическое участіе въ подготовкѣ и организаціи съѣзда.

Третья соціалистическая партія: народныхъ соціалистовъ, возникшая лишь недавно, гораздо позже двухъ другихъ, и сильная не численностью, но скорѣе идейнымъ значеніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ вождей, тоже имѣла свою конференцію, обсуждавшую вопросъ объ участіи партіи въ выборной кампаніи. Въ конференціи, кромѣ членовъ организаціоннаго комитета, участвовали нѣсколько депутатовъ первой и второй Государственныхъ Думъ, представители петербургской группы и рядъ делегатовъ изъ провинціи. Очень интересны были сообщенія отъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ группъ о настроеніи, господствующемъ по отношенію къ вопросу о бойкотѣ въ различныхъ губерніяхъ. Въ Тверской и Саратовской губерніяхъ населеніе склонно къ бойкоту. Крестьяне Саратовской губерніи, по словамъ тамошняго делегата, недовѣрчиво относятся къ новой Думѣ, и губернскій партійный съѣздъ подавляющимъ большинствомъ высказался за активный бойкотъ. Сходныя заявленія были высказаны представителями Псковской и Екатеринославской губерній: крестьяне относятся къ выборамъ равнодушно вслѣдствіе потери довѣрія къ Думѣ. Совершенно противоположные отзывы шли изъ губерній Вятской, Воронежской, Люблинской, Кубанской области, изъ Одессы. Въ самой конференціи вопросъ этотъ возбуждалъ большіе споры. Различіе взглядовъ распространялось и на составъ организаціоннаго комитета, который лишь незначительнымъ большинствомъ высказался за участіе въ Думѣ, и на лидеровъ партіи, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Н. Ф. Анненскій и А. В. Пѣшехоновъ, стояли за участіе, а В. А. Мякотинъ и А. П. Петрищевъ за бойкотъ. Первые въ особенности указывали на то, что сочувствующими бойкоту могутъ оказаться вовсе не тѣ, кто сознательно признаетъ его необходимость, а слабые, усталые, можетъ быть, и трусливые люди, на которыхъ партія ни въ какомъ случаѣ не можетъ опираться. Не бѣда, что соціалисты будутъ въ Думѣ въ меньшинствѣ: они тѣмъ свободнѣе могутъ въ ней говорить и дѣйствовать. Бойкотисты говорили, что такъ какъ третья Дума будетъ только служить правительству для возстановленія стараго порядка, то участіе въ ней лишь дискредитируетъ партію, которая, напротивъ, выиграетъ въ глазахъ народа, когда выяснится правильность ея пониманія и тактики. Въ результатѣ

преній конференція постановила принять участіе въ предстоящей выборной кампаніи. Что же касается до соглашеній, то партія должна рѣзко отмежеваться отъ всѣхъ партій и организацій, склонныхъ считать третью Думу органомъ истиннаго народнаго представительства, соглашенія на первоначальныхъ выборахъ при прямомъ голосованіи и на первой стадіи при многостепенномъ допускаются лишь съ соціалистическими партіями и трудовыми организаціями,—на дальнѣйшихъ стадіяхъ и перебаллотировкахъ—съ партіями не правѣе кадетовъ. На высшихъ стадіяхъ, если выяснится полная невозможность дальнѣйшей борьбы, можно и отказаться отъ выборовъ, но слѣдуетъ дѣлать это демонстративно. Организаціонный комитетъ былъ пополненъ на конференціи новыми членами и въ новомъ своемъ составѣ изготовилъ избирательное воззваніе. Въ немъ кратко разъясняется послѣдній избирательный законъ и дѣлается выводъ, что выбранная на основаніи его Дума будетъ помѣщичьей. Тѣмъ не менѣе, оппозиціонные элементы населенія не должны уклоняться отъ выборовъ; участіе оппозиціонныхъ депутатовъ въ Думѣ будетъ полезно для оппозиціи, которая получитъ возможность путемъ думскихъ преній разоблачать реакцію. Воззваніе не подвергаетъ критикѣ другія оппозиціонныя партіи и не приглашаетъ населеніе ко вступленію въ партію народныхъ соціалистовъ, но рекомендуетъ ему вообще организоваться въ союзы и партіи.

Изъ примыкающихъ къ соціалистическимъ партіямъ отдѣльныхъ организацій слѣдуетъ упомянуть о еврейскомъ Бундѣ, организовавшемъ въ концѣ іюля свою южно-русскую конференцію, на которой присутствовали представители Одессы, Кишинева, Житомира, Бердичева, Кіева и Полтавы, а также делегатъ отъ центральнаго комитета бунда. Конференція рѣшила принимать участіе въ выборахъ, примѣняя бойкотъ лишь тамъ, гдѣ организація бунда не пользуется вліяніемъ. По вопросу о соглашеніяхъ, конференція признала возможныхъ допускать ихъ со всѣми лѣвыми партіями до кадетовъ включительно, но только на перебаллотировкахъ; лишь тамъ, гдѣ угрожаетъ черносотенная опасность, можно вступать въ соглашеніе съ кадетами на всѣхъ стадіяхъ избирательной кампаніи; тамъ же, гдѣ такая опасность совершенно отсутствуетъ, бундисты организуютъ блокъ съ лѣвыми партіями противъ кадетовъ.

Послѣ цѣлаго ряда партійныхъ районныхъ и областныхъ совѣщаній, польская партія соціалистовъ тоже приняла рѣшеніе объ участіи въ предстоящихъ выборахъ. Партія выпустила воззваніе къ рабочимъ, въ которомъ изложены причины и мотивы, заставившіе партію отказаться отъ идеи бойкота, и рабочіе призываются къ дѣятельному участію въ выборахъ.

Далѣе слѣдуетъ трудовая группа, занимающая мѣсто между соціалистическими и конституціонными партіями. Образовалась она въ самой Думѣ изъ болѣе сознательныхъ представителей безпартійныхъ крестьянъ и другихъ депутатовъ, не принадлежавшихъ къ опредѣленнымъ соціалистическимъ партіямъ, но считавшихъ себя по довольно обычному, хотя и не отличавшемуся точностью, выраженію «лѣвѣе кон.-демократовъ». Границы этой

группы никогда не были точно опредѣленными, равно какъ и ея программа; но не образовавши ясно отграниченной партіи, она, тѣмъ не менѣе, постепенно формируясь, получила довольно стройную организацію. Въ концѣ іюля состоялась конференція этой группы, на которой присутствовало до 50 человѣкъ, преимущественно изъ провинціи, бывшіе депутаты первой и второй Думы, принадлежавшіе въ ней къ этой группѣ, члены центральнаго комитета и мѣстныхъ организацій. Главнымъ вопросомъ и на этой конференціи былъ вопросъ объ отношеніи къ будущей выборной кампаніи, и на ней обнаружились по этому поводу также сильныя разногласія: 15 членовъ высказались рѣшительно за бойкотъ, 12—также рѣшительно противъ, но остальные 20 заняли среднее положеніе: одни стояли за участіе въ выборахъ, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно явно безнадежно, другіе, напротивъ, въ принципѣ были за бойкотъ, но съ оговоркой, что при особенно благопріятныхъ условіяхъ можно и участвовать въ выборахъ. Тѣ и другіе ставили также принятіе той или иной тактики въ зависимость отъ настроенія мѣстнаго населенія, но сообщенія мѣстныхъ делегатовъ объ этомъ настроеніи были крайне разнообразны; нѣкоторые говорили, что крестьяне склонны къ бойкоту, но большинство утверждало лишь то, что въ населеніи существуетъ апатія и индиферентность къ выборамъ, но что всетаки крестьяне выбирать будутъ. Наконецъ, принята была такая резолюція: участіе трудовой группы въ выборахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куріяхъ и стадіяхъ выборнаго производства, гдѣ имѣются шансы на успѣхъ или на агитаціонное значеніе, и бойкотъ тамъ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ настроенію широкихъ народныхъ массъ. Послѣ конференціи центральный комитетъ группы разослалъ мѣстнымъ отдѣламъ ея циркуляръ, въ которомъ обращаетъ ихъ вниманіе на ясно выразившееся на конференціи теченіе въ смыслѣ участія въ избирательной кампаніи; при этомъ комитетъ выясняетъ, что задачей трудовой группы, хотя она и образовалась въ Думѣ, должна быть не только думская работа, но и организація внѣ Думы; предстоящая избирательная кампанія должна быть использована и съ этой цѣлью и вмѣстѣ съ тѣмъ и для проведенія выборщиковъ лѣваго направленія. Поэтому тамъ, гдѣ исключена возможность успѣха трудовиковъ на выборахъ и гдѣ участіе ихъ не можетъ содѣйствовать сплоченію и организаціи народныхъ массъ, гдѣ, наоборотъ, неучастіе можетъ быть истолковано, какъ демонстрація, слѣдуетъ уклониться отъ выборовъ; но въ общемъ, однако, желательно участіе въ выборахъ сторонниковъ трудовой группы; въ пяти большихъ городахъ съ прямыми выборами это участіе должно считаться почти предрѣшеннымъ. Относительно соглашеній въ циркулярѣ нѣтъ опредѣленныхъ указаній, но господствующее въ центральномъ комитетѣ мнѣніе таково, что надо стремиться въ первую очередь къ соглашеніямъ съ лѣвыми группами и партіями, а при наличности черносотенной опасности и съ партіей народной свободы, и съ партіями и группами къ ней примыкающими. Согласно съ такимъ взглядомъ петербургская организація трудовой группы вступила въ пере

говоры съ руководящими центрами соціалистическихъ партій. Соціалисты-революціонеры, какъ рѣшительно отказавшіеся отъ участія въ выборахъ, рѣшительно отказались и отъ всякихъ выборныхъ соглашеній. Соціалъ-демократы, имѣя въ виду, что дѣло идетъ о Петербургѣ, гдѣ, какъ во всѣхъ городахъ съ прямыми выборами, соціалъ-демократическая партія рѣшила выступить самостоятельно, отклонила предложеніе трудовой группы, не отказываясь, однако, вступить съ нею въ соглашеніе при перебаллотировкѣ. Народно-соціалистическая партія, сколько извѣстно, находитъ возможнымъ войти въ соглашеніе съ трудовой группой. По вопросу о внѣпарламентской дѣятельности трудовой группы на конференціи была принята резолюція, въ которой признается, что самодѣятельность и широкая организація народныхъ массъ въ формѣ внѣпартійныхъ трудовыхъ союзовъ для непосредственной борьбы за свои экономическіе, политическіе и культурные интересы является основнымъ условіемъ преобразованія Россіи, а потому и дѣятельность трудовой группы должна быть преимущественно направлена въ эту сторону; для достиженія этой цѣли и согласованія своей дѣятельности съ другими организаціями, трудовая группа должна войти въ сношенія съ ними и, если окажется возможнымъ, созывать вмѣстѣ съ ними и областные съѣзды мѣстныхъ дѣятелей. Такимъ образомъ, трудовая группа и во время выборной кампаніи, и въ своей постоянной дѣятельности проявляетъ стремленіе сдѣлаться связующимъ звеномъ между лѣвыми партіями, и, можетъ быть, именно ея сравнительно мало опредѣленныя очертанія дѣлаютъ ее способною къ этой роли цемента между другими лѣвыми партіями, позволяя ей легче, чѣмъ прочно установленнымъ партіямъ, ассимилировать людей, довольно различныхъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ и сходныхъ лишь въ своемъ общемъ освободительномъ и демократическомъ направленіи.

Напротивъ, партія народной свободы является едва ли не наиболѣе опредѣленно организованной. Партія эта, вполнѣ господствовавшая въ первой Думѣ и въ значительной мѣрѣ направлявшая дѣятельность второй Думы, несмотря на свое умѣренное и строго конституціонное направленіе, или, можетъ быть, правильнѣе сказать, именно благодаря такому направленію, не пользуется въ настоящее время благосклонностью правительства. Она не получила легализаціи, съѣздъ ея былъ не дозволенъ. Все это, конечно, препятствовало ея правильной дѣятельности и поневолѣ заставляло прибѣгать къ конспиративнымъ пріемамъ, вовсе не согласнымъ съ ея характеромъ и вовсе для нея нежелательнымъ. Многіе изъ ея членовъ, въ особенности состоящіе на службѣ, принуждены были изъ самосохраненія отказаться отъ участія въ партіи, по крайней мѣрѣ явнаго. Многія провинціальныя изданія, служившія ея органами, должны были закрыться. Съ другой стороны, будучи въ центрѣ между правыми и лѣвыми партіями, партія народной свободы подвергалась настойчивымъ нападеніямъ и съ той и съ другой стороны. Затѣмъ, актъ 3 іюня и новый избирательный законъ, поставившій всѣ оппозиціонныя партіи въ очень невы-

годныя условія, необходимо должны были удручающимъ образомъ дѣйствовать на многихъ членовъ партіи и даже побуждать ихъ ставить передъ собой вопросъ о бойкотѣ или объ уклоненіи отъ выборовъ. Такъ какъ основнымъ принципомъ тактики партіи было вести борьбу на почвѣ исключительно конституціонно-легальной, то для нихъ этотъ вопросъ получалъ еще особое значеніе, являясь въ такой формѣ: если новый избирательный законъ изданъ внѣ основныхъ конституціонныхъ законовъ, то участіе въ выборахъ, происходящихъ на основаніи этого новаго закона, не будетъ ли отступленіемъ отъ конституціонныхъ принциповъ? Всѣ эти сомнѣнія, которыя могли разрѣшаться отдѣльными членами партіи болѣе или менѣе разнообразно, подавали поводъ къ предположеніямъ о возможномъ расколѣ въ средѣ партіи, причемъ правое ея крыло могло бы примкнуть къ другимъ партіямъ, стоящимъ правѣе, къ октябристамъ или къ партіи мирнаго обновленія. Однако, ничего подобнаго не случилось: никакого раскола въ партіи народной свободы не произошло и она не отступилась ни отъ одного изъ пунктовъ своей програмы. На происходившемъ во второй половинѣ августа пленарномъ совѣщаніи партіи при обсужденіи предвыборной декларація обнаружилось единство взглядовъ большинства съѣхавшихся делегатовъ и центральнаго комитета на основные политическіе вопросы. Выработанная съ общаго согласія декларація высказываетъ сначала, что послѣ манифеста 17 октября 1905 года страна прониклась твердой надеждой, что старому произволу бюрократіи будетъ положенъ конецъ и что законодательная власть народнаго представительства, въ единеніи съ Государемъ, дастъ народу законы, которые положатъ прочныя основы его матеріальному и духовному благосостоянію. Однако эта надежда не осуществилась вслѣдствіе противодѣйствія тѣхъ, существованіе кого связано съ неограниченнымъ произволомъ бюрократіи и несправедливыми привилегіями высшихъ классовъ; имъ удалось помѣшать проведенію необходимыхъ реформъ и даже лишить народъ значительной части уже пріобрѣтенныхъ имъ правъ. Такимъ образомъ прервана была и работа первой и второй Думы, въ которыхъ партія народной свободы, поддержанная большинствомъ, стремилась провести широкія политическія и соціальныя реформы, намѣченныя въ ея програмиѣ. Теперь тяжелая опасность грозитъ странѣ. Если выборы отдадутъ законодательную власть въ руки привилегированныхъ общественныхъ группъ, то Дума будетъ не народной, а господской. Ее могутъ тогда сдѣлать послушнымъ орудіемъ сословныхъ и владѣльческихъ интересовъ, или даже попытаться и вовсе уничтожить. Указавъ затѣмъ на тяжелое современное положеніе Россіи и на невозможность вывести ее изъ этого положенія путемъ репрессій или полумѣръ, декларація заявляетъ, что для дѣйствительнаго успокоенія или обновленія страны есть только одинъ путь, на который съ самаго начала указывала партія народной свободы,—утвержденіе конституціоннаго порядка и рѣшительное проведеніе демократическихъ реформъ. Поэтому, твердо вѣря въ окончательный успѣхъ начатаго дѣла,

партія народной свободы идетъ въ Государственную Думу подъ тѣмъ же знаменемъ, подъ которымъ она работала въ первой и второй Думѣ, ни въ чемъ не измѣняя своей программы, важнѣйшіе пункты которой и перечисляются затѣмъ въ декларацін. Прочное утвержденіе народной свободы и народнаго благосостоянія, говорится въ заключеніе ея, можетъ быть достигнуто только упорной борьбой, въ которой участіе въ выборахъ и парламентская дѣятельность, даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, являются сильнымъ орудіемъ. Если даже при этихъ условіяхъ удастся провести въ Думу защитниковъ народныхъ интересовъ, тогда станетъ очевидно, что у сторонниковъ стараго строя нѣтъ никакой поддержки въ народѣ; но если бы даже это и не удалось, то все же поборники народной свободы будутъ знать, что и за немногочисленными представителями ихъ въ Думѣ стоитъ огромное большинство страны. Опираясь на его сочувствіе, они серьезной критикой правительственныхъ законопроектовъ и другими парламентскими средствами будутъ раскрывать передъ страной истинныя цѣли реакціи и противопоставятъ имъ отъ имени народа рѣшительный протестъ.

Центральный комитетъ партіи уже приступилъ къ организаціи избирательной кампаніи; рѣшено было немедленно приступить къ устройству областныхъ съѣздовъ и совѣщаній, въ программу которыхъ между прочимъ вошли: выясненіе положенія на мѣстахъ, тактика избирательнаго періода, опредѣленіе выборныхъ шансовъ партіи въ разныхъ куріяхъ и группахъ, вопросы о блокахъ и соглашеніяхъ съ другими партіями и группами и задачи партійной дѣятельности на мѣстахъ внѣ выборнаго времени. Такіе областные съѣзды дѣйствительно происходили въ Казани, въ Кіевѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Всюду было признано недопустимымъ соглашеніе съ октябристами. Казанскій областной съѣздъ напротивъ призналъ вполнѣ желательнымъ предвыборный блокъ съ мусульманами, а также съ тѣми профессіональными союзами, которые не были захвачены другими партіями. Возобновились работы и въ губернскихъ комитетахъ, и въ районныхъ комитетахъ большихъ городовъ. Въ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетахъ выяснилось, что шансы партіи на предстоящихъ выборахъ довольно значительны. Такъ, напримѣръ, во Владимірѣ комитетъ пришелъ къ заключенію, что по крайней мѣрѣ три депутата въ губерніи будутъ прогрессивные, въ томъ числѣ несомнѣнно одинъ членъ партіи народной свободы: остальные три неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ они не будутъ рѣзко черносотенные. Землевладѣльческая курія, въ виду небольшого числа крупныхъ землевладѣльцевъ и преобла-[illegible]ющаго количества уполномоченныхъ отъ духовенства, должна навѣрное [illegible]ть выборщиковъ—священниковъ, которыхъ общая политическая окраска [illegible]огрессивнѣе дворянской. По вопросу о предвыборныхъ соглашеніяхъ [illegible]гановлено было лишь то ограниченіе, что соглашенія допустимы только [illegible] истинно-конституціонными блоками и партіями. Интересныя свѣдѣнія [illegible]ли изъ Риги, гдѣ въ концѣ іюля было пленарное засѣданіе городского [illegible]митета партіи при участіи одного изъ членовъ центральнаго комитета.

Вопросъ о бойкотѣ былъ рѣшенъ единогласно въ отрицательномъ смыслѣ. Вопросъ же о блокѣ съ другими партіями разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что допускается лишь техническое избирательное соглашеніе съ мѣстными прогрессивными національными партіями еврейской и латышской. Несомнѣнно, что за послѣднее время к.-демокр. партія въ провинціи вновь стала проявлять довольно значительную энергію. Въ Петербургѣ и Москвѣ городскими комитетами рѣшено прежде назначенія партійныхъ кандидатовъ произвести анкету между городскими избирателями всѣхъ партій и безпартійными для выясненія возможныхъ шансовъ каждаго кандидата, а затѣмъ плебисцитъ въ средѣ партіи для опредѣленія наибольшей въ партійномъ смыслѣ желательности проведенія въ Думу извѣстныхъ лицъ. Возбуждавшій сомнѣніе вопросъ о возможности успѣшнаго воздѣйствія партіи на первую избирательную курію рѣшенъ въ обоихъ городахъ въ смыслѣ энергической агитаціи и въ этой куріи.

Изъ національныхъ партій близко стоятъ къ партіи народной свободы мусульманская группа и группа коренныхъ прибалтійскихъ національностей—не нѣмцевъ, т.-е. латышская и эстонская. На совѣщаніи членовъ мусульманскаго союза, происходившемъ во второй половинѣ августа въ Нижнемъ-Новгородѣ, было рѣшено образовать при центральномъ комитетѣ союза особое бюро, которое должно функціонировать въ Петербургѣ. Цѣль союза—защищать права мусульманъ на національное самоуправленіе, но по тактической своей программѣ онъ близко примыкаетъ къ партіи народной свободы.

Недалеко отъ нея стоитъ и партія мирнаго обновленія и даже не совсѣмъ ясно, для чего она старается сохранить свою отдѣльность: собственныя ея силы очень не велики, такъ что въ избирательной кампаніи она не можетъ играть самостоятельной роли. Тѣмъ не менѣе она сочла нужнымъ заявить о своемъ выступленіи, но въ качествѣ элемента главнымъ образомъ примиряющаго и объединяющаго звена между партіями народной свободы и 17 октября. Бывшее въ концѣ августа собраніе, въ которомъ участвовали центральный комитетъ и делегаты мѣстныхъ комитетовъ, пришло къ заключенію, что усилившаяся реакція, какъ общественная, такъ и правительственная, создаетъ грозную опасность для конституціоннаго строя, а избирательный законъ 3 іюня, даже независимо отъ способа его изданія, усиливаетъ эту опасность, обостряя классовый и національный антагонизмъ, чѣмъ создается новое препятствіе для мирнаго обновленія родины.

Исходя изъ этихъ началъ, совѣщаніе опредѣляетъ задачу партіи какъ охраненіе конституціоннаго строя и дѣйствительное проведеніе мирным и законнымъ путемъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября. Д сихъ поръ со всѣмъ этимъ могла бы, вѣроятно, согласиться и парті народной свободы. Но дальше идутъ характерныя для партіи мирнаг обновленія разсужденія о томъ, что «образъ дѣйствій обѣихъ парті (к.-демокр. и 17 октября) въ Думѣ второго созыва изгладилъ значител ную часть тактическихъ разногласій между ними и партіей мирнаго обно

вленія, разногласія же програмныя въ настоящій историческій моментъ не могутъ имѣть первенствующаго значенія. Эти разсужденія едва ли могутъ быть пріемлемы для партіи народной свободы, во-первыхъ, потому, что она крѣпко держится за свою програму, считая, что сохраненіе внѣшнихъ конституціонныхъ формъ еще далеко не достаточно и что въ ея цѣли никакъ бы не входило такое формально-народное представительство, которое бы дѣйствовало въ направленіи противоположномъ програмѣ партіи; во-вторыхъ, потому что существуетъ коренное разногласіе между партіей мирнаго обновленія и партіей народной свободы въ оцѣнкѣ партіи 17 октября. Первая вѣритъ въ искренность конституціоннаго ея направленія, а вторая нѣтъ. На этой почвѣ соглашеніе, очевидно, невозможно, и совѣщаніе само признало это, почему и постановило «въ случаяхъ невозможности объединить избирателей на кандидатурѣ партіи мирнаго обновленія, содѣйствовать всѣми зависящими отъ нея способами мѣстнымъ соглашеніямъ для избранія общими силами въ третью Думу искреннихъ конституціоналистовъ, независимо отъ принадлежности ихъ къ партіямъ, при условіяхъ строгаго отмежеванія отъ партій и организацій, допускающихъ революціонный образъ дѣйствій и антиконституціонныхъ, какъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ». Въ сущности это заявленіе сводится къ отреченію отъ своей партійной индивидуальности; оцѣнка избираемыхъ дѣлается не по принадлежности ихъ къ той или другой партіи, а по ихъ личнымъ качествамъ, лишь бы они не были ни революціонерами, ни черносотенцами. При этомъ за одну скобку берутся такія различныя по своему политическому образу дѣйствій группы, какъ кадеты и октябристы; слѣдовательно, политическое міровоззрѣніе избираемаго является довольно безразличнымъ—взглядъ, свойственный, напримѣръ, безпартійнымъ крестьянамъ, избирающихъ просто «хорошихъ людей», но никакъ не имѣющей опредѣленный характеръ партіи.

Партія 17 октября, къ которой такъ довѣрчиво относится партія мирнаго обновленія, по своей програмѣ и по заявленіямъ нѣкоторыхъ своихъ членовъ должна бы считаться конституціонною, если бы въ ней не проявлялась постоянно тенденція къ сближенію съ крайними правыми, причемъ граница съ союзомъ русскаго народа иногда совсѣмъ исчезаетъ. Эта легкость сближенія съ элементами, явно противоконституціонными, дѣлаетъ крайне труднымъ различать между членами партіи 17 октября, кто изъ нихъ искренно исповѣдуетъ свою програму, кто нѣтъ, и даетъ возможность при выборахъ и внѣ выборовъ проходить подъ флагомъ этой партіи несомнѣннымъ черносотенцамъ. Приближеніе выборовъ заставило и деровъ союза начать болѣе энергичную подготовку къ нимъ. Мѣстные ѣлы открыли избирательную кампанію разсылкой воззванія къ избирателямъ, въ которомъ жалуются на равнодушіе къ общему дѣлу «людей рядка и законности», взываютъ къ ихъ любви къ родинѣ и умоляютъ помощи деньгами, которыхъ нѣтъ у партіи. Однако, сколько извѣстно, воззванія не дали большихъ результатовъ. Одной изъ причинъ индиентизма, проявляемаго членами партіи, служитъ, повидимому, слабая

органическая связь между собою разныхъ входящихъ въ нее группъ и направленій, вслѣдствіе чего отношенія между такъ называемыми правыми и лѣвыми октябристами крайне обострились, такъ что партіи можетъ грозить расколъ передъ самымъ началомъ избирательной кампаніи. Въ происходившихъ по этому поводу совѣщаніяхъ лидеры лѣвой стороны настаивали на необходимости выступить съ открытымъ заявленіемъ отрицательнаго отношенія къ крайнимъ правымъ партіямъ и безусловной невозможности блока съ ними на какой бы то ни было стадіи. Но, такъ какъ въ числѣ провинціальныхъ отдѣловъ есть такіе, которые уже вступили въ соглашеніе съ правыми партіями, то лѣвые октябристы требовали объявленія объ отдѣленіи таковыхъ отъ союза. Между тѣмъ сдѣлать это крайне трудно, не ослабляя значительно силъ октябристской партіи въ провинціи, такъ какъ во многихъ мѣстахъ самая принадлежность къ ней понималась главнымъ образомъ въ смыслѣ отграниченія отъ болѣе лѣвыхъ партій, въ особенности отъ партіи народной свободы, и противодѣйствія имъ, безъ какого бы то ни было размежеванія справа. Разногласіе между правыми и лѣвыми октябристами приняло даже такой острый характеръ, что послѣдніе, совѣщаясь отдѣльно, обсуждали вопросъ о томъ, что дѣлать, если имъ придется совершенно отдѣлиться отъ правыхъ октябристовъ, причемъ высказывались предположенія или соединиться съ партіей мирнаго обновленія, или образовать партію съ такимъ характеромъ, который союзъ 17 октября имѣлъ при своемъ основаніи, когда во главѣ его стояли, наприм., такіе люди, какъ Д. Н. Шиповъ. Несмотря на такую опасность раскола, центральный комитетъ союза предположилъ начать активную предвыборную агитацію, причемъ важная роль въ ней отведена устройству большихъ агитаціонныхъ собраній. Затѣмъ, по примѣру партіи народной свободы, рѣшено произвести въ Москвѣ анкету среди членовъ союза для выясненія желательныхъ кандидатовъ въ депутаты Государственной Думы. Изъ провинціальныхъ отдѣловъ поступили въ центральный комитетъ сообщенія о томъ, что они приступаютъ къ агитаціонной дѣятельности и устройству предвыборныхъ собраній, но также и о томъ, что многіе изъ мѣстныхъ отдѣловъ вступаютъ въ предвыборныя соглашенія съ крайними правыми партіями. Неудержимая наклонность вправо выступаетъ, впрочемъ, не только въ провинціальныхъ отдѣлахъ союза, но и въ петербургскомъ городскомъ комитетѣ, въ которомъ, сколько извѣстно, присутствуютъ многіе, если не большинство лѣвыхъ октябристовъ. Имъ было выпущено на-дняхъ предвыборное воззваніе, въ которомъ въ особенности подчеркивается, что «господство к-товъ, трудовиковъ и разныхъ инородческихъ группъ въ первой и второй Государственной Думѣ только усилило смуту въ странѣ» и что «если такой же неудачный составъ окажется и въ третьей Думѣ, то народному представительству грозитъ серьезная опасность». Выводъ тотъ, что надо выбирать въ Думу октябристовъ и не выбирать болѣе лѣвыхъ конституціоналистовъ, чтобы сохранить народное представительство, а что будетъ дѣлать такая Дума, составленная изъ октябристовъ, это остается

неяснымъ. Указаніе на смуту, производимую инородческими элементами, очевидно, разсчитано на тотъ же эффектъ, на который разсчитываютъ и воззванія союза русскаго народа и опять-таки сближаютъ октябристовъ съ послѣднимъ. И однако же воззваніе смѣло заявляетъ, что изъ всѣхъ политическихъ партій только одинъ союзъ 17 октября всегда твердо стоялъ на почвѣ великаго манифеста и всегда отвергалъ всякое сочувствіе революціи и реакціи». По своей общеполитической окраскѣ довольно близко къ союзу 17 октября стоитъ, повидимому, торгово-промышленная партія, имѣющая, впрочемъ, свой спеціальный характеръ, опредѣляемый въ выпущенномъ ею воззваніи къ избирателямъ: «Цѣль торгово-промышленной партіи,—говорится въ немъ,—стремиться къ экономическому содружеству торгово-промышленныхъ классовъ и ихъ служащихъ на почвѣ взаимнаго уваженія къ личнымъ и имущественнымъ интересамъ обѣихъ сторонъ» и къ представительству этого содружества въ Государственной Думѣ и во всякихъ общественныхъ организаціяхъ. Партія энергично принялась за пропаганду среди приказчиковъ, стараясь отвлечь ихъ отъ партіи народной свободы, которой большая часть ихъ содѣйствовала при прежнихъ выборахъ.

Далѣе слѣдуютъ чисто реакціонныя партіи. Ихъ довольно много, но господствующее положеніе между ними занимаетъ «союзъ русскаго народа». Въ преддверіи реакціи стоитъ партія правового порядка. Въ августѣ въ Петербургѣ было предвыборное собраніе этой партіи. Оно происходило въ одной изъ чайныхъ «союза русскаго народа» и на немъ присутствовали, кромѣ членовъ партіи, также и члены союза и члены «общества активной борьбы съ революціей». По вопросу о выборныхъ соглашеніяхъ обсуждались предложенія: о вступленіи въ блокъ съ союзомъ русскаго народа и съ торгово-промышленной партіей; первое было принято, второе отвергнуто, чѣмъ и опредѣлился явно реакціонный характеръ партіи. Другія реакціонныя партіи не имѣютъ значенія, такъ что партійная организація реакціонныхъ силъ представлена главнымъ образомъ союзомъ русскаго народа. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ по отношенію къ правительству и къ мѣстнымъ властямъ, онъ за послѣднее время выступалъ не только въ смыслѣ партійной организаціи, дѣйствующей, подобно другимъ партіямъ, посредствомъ распространенія партійной литературы, собраній и т. п., но и болѣе активными способами, между прочимъ, принимая подъ свое покровительство, и не безуспѣшно, своихъ членовъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ и безпорядкахъ. Особенность союза состоитъ ...кже въ стремленіи дѣйствовать не столько на общество, сколько на прави...ьство, обращаясь со своими ходатайствами непосредственно къ предста...телямъ правительства и даже къ верховной власти. Что касается до отно...енія къ союзу правительственныхъ властей, то для характеристики его мо...тъ служить, напримѣръ, циркуляръ начальника главнаго управленія желѣз...хъ дорогъ по поводу того, что поступаютъ заявленія о запрещеніи началь...омъ служащимъ вступать въ члены союза. Циркуляръ по приказанію ми-

нистра путей сообщенія указываетъ, «что, согласно разъясненію министерства внутреннихъ дѣлъ, означенный союзъ является законно-зарегистрированной организаціей вполнѣ легальнаго характера и въ виду государственной пользы заслуживаетъ поддержки со стороны начальствующихъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ и по вольному найму». Далѣе циркуляръ грозитъ увольненіемъ со службы тѣмъ начальствующимъ лицамъ, дѣйствія которыхъ будутъ идти вразрѣзъ съ указаніями министерства. При такомъ отношеніи къ союзу представителей правительства весьма естественно, что онъ и самъ себя сталъ считать какъ бы облеченнымъ нѣкоторой правительственной властью. Такъ, мѣстный казанскій совѣтъ союза опубликовалъ слѣдующее постановленіе: вмѣнить въ обязанность членамъ союза «не допускать въ своемъ присутствіи поношенія св. церкви, вѣры, святыни, непочтительнаго отношенія къ особѣ Государя Императора и членовъ царствующаго дома и издѣвательства надъ людьми, преданными вѣрѣ, Царю и отечеству». Виновныхъ въ этомъ слѣдуетъ «задерживать при свидѣтеляхъ, при помощи полиціи требовать составленія протокола и возбуждать судебныя преслѣдованія противъ виновныхъ; если полиція откажетъ въ составленіи протокола, то сообщать совѣту номеръ городового или фамилію не оказавшаго содѣйствія». Такимъ образомъ, члены союза прямо присваиваютъ себѣ полицейскія, или даже сверхполицейскія функціи. Увѣренность въ благосклонномъ отношеніи начальства даетъ союзу смѣлость выступать иногда и съ такими самостоятельными дѣйствіями, какъ бывшія въ послѣднее время избіенія евреевъ въ Одессѣ, участіе въ которыхъ членовъ союза является несомнѣннымъ. Но представляя собою извѣстную силу, союзъ почерпаетъ ее исключительно изъ своего привилегированнаго положенія и благосклонности начальства. Популярностью въ народѣ онъ не пользуется, и поэтому выборная его сила была бы не велика, если бы не предстояла возможность, что администрація будетъ при самыхъ выборахъ оказывать свое содѣйствіе проведенію его кандидатовъ. Впрочемъ, союзъ, понимая, что безъ поддержки крестьянъ онъ будетъ совершенно изолированъ и безсиленъ, счелъ необходимымъ попытаться пріобрѣсти ихъ сочувствіе включеніемъ въ свою программу мысли о пріобрѣтеніи крестьянами земли. На засѣданіи главнаго совѣта въ Петербургѣ, бывшемъ 23 августа, заслушаны были донесенія провинціальныхъ дѣятелей союза о томъ, что главнымъ препятствіемъ къ распространенію въ народѣ его воззрѣній служитъ аграрная программа его, неудовлетворяющая требованіямъ даже самыхъ консервативныхъ крестьянъ. Одинъ изъ ораторовъ высказалъ, что крестьянство само по себѣ консерi ватипно, но нуждается въ землѣ, и если его надѣлить землей по справедливой оцѣнкѣ, то оно перейдетъ на сторону правыхъ. Постановлене было представить докладъ объ измѣненіи аграрной программы съѣзду «монархическихъ» организацій, который долженъ состояться въ октябрѣ въ Петербургѣ. Едва ли только такое запоздалое и, очевидно, неискреннее заявленіе измѣнитъ расположеніе крестьянъ по отношенію къ союзу. В-

средѣ самаго союза, какъ выяснилось на засѣданіи главнаго совѣта 2 августа, замѣчается расколъ, обусловленный преимущественно недовольствомъ значительнаго числа членовъ руководителями союза. Нѣсколько такихъ недовольныхъ были тогда же постановленіемъ совѣта исключены изъ числа членовъ союза.

Таково настоящее положеніе главныхъ существующихъ въ Россіи политическихъ партій и ихъ отношеніе къ выборной кампаніи. Конечно, въ ежемѣсячномъ обозрѣніи невозможно изобразить такую картину, которая бы соотвѣтствовала положенію дѣлъ въ моментъ выхода книжки журнала, такъ какъ это положеніе безпрерывно мѣняется и окончательно выяснится только во время выборовъ, когда можно будетъ судить и о результатахъ выборной кампаніи. Поэтому въ настоящее время безполезно загадывать о томъ, каковы будутъ эти результаты, тѣмъ болѣе, что помимо силы различныхъ партій и бóльшаго или меньшаго довѣрія народа къ партіямъ и ихъ кандидатамъ, результатъ выборовъ будетъ въ очень большой мѣрѣ зависѣть отъ тѣхъ условій, въ которыя они будутъ поставлены распоряженіями правительства. Мы говоримъ, главнымъ образомъ, о техническихъ условіяхъ, такъ какъ большее или меньшее стѣсненіе предвыборной агитаціи едва ли въ настоящее время будетъ имѣть большое значеніе. Разсчитывать на полный просторъ агитаціи въ литературѣ и въ предвыборныхъ собраніяхъ совершенно невозможно. То же, что можетъ быть сказано при существующихъ условіяхъ, уже достаточно извѣстно не только болѣе сознательнымъ, но и болѣе широкимъ слоямъ населенія. Предвыборной подготовкой было все, что происходило въ русской жизни за послѣдніе три года. То, что было прочитано, услышано, а главное пережито за это время, сложилось въ пониманіи каждаго избирателя въ концепціи достаточно прочныя, чтобы онѣ не могли измѣниться въ теченіе какихъ-нибудь полуторыхъ мѣсяцевъ предвыборнаго времени. Такимъ образомъ, можно съ большой вѣроятностью сказать, что политическое міровоззрѣніе народа, высказавшееся въ выборахъ первой и второй Думы, едва ли много измѣнилось по существу; другое дѣло видимое его выраженіе. Здѣсь помимо новаго избирательнаго закона имѣютъ, конечно, большую важность и его разъясненія и дополненія. Уже самый законъ, какъ извѣстно, внесъ большое различіе въ права избирателей отъ разныхъ курій. Наименьшими правами, по вычисленію г. Смирнова въ *Рѣчи*, пользуются избиратели второй городской куріи, гдѣ на 1,410 избирателей приходится одинъ выборщикъ. Гораздо больше права избирателей по первой городской и по ...лко-землевладѣльческой куріямъ—одинъ выборщикъ на 178 и 179 из...рателей. Наибольшія же права предоставлены крупнымъ землевладѣль...мъ, у которыхъ 28 человѣкъ выбираютъ одного выборщика, а въ нѣ...торыхъ мѣстахъ число выборщиковъ назначено даже больше, чѣмъ ...олько имѣется всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Но это неравенство ...жетъ быть еще болѣе закрѣплено системой раздѣленія избирательныхъ ...ѣздовъ, устанавливаемой циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ ...ернаторамъ, которымъ предоставляется послѣднимъ, по соглашенію съ

предводителями дворянства, предсѣдателями земскихъ управъ и другими мѣстными дѣятелями по выбору самихъ губернаторовъ, составлять предположенія о раздѣленіи какъ предварительныхъ, такъ и избирательныхъ съѣздовъ, даже съ отступленіями отъ основныхъ указаній министерства съ представленіемъ ихъ на его утвержденіе. Общія же правила, изложенныя въ циркулярѣ, состоятъ, главнымъ образомъ, въ раздѣленіи предварительнаго съѣзда для выбора уполномоченныхъ отъ землевладѣльцевъ на три куріи: одна отъ настоятелей церквей, другая отъ лицъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ въ размѣрѣ не менѣе пятой части полнаго ценза, и третья отъ остальныхъ самыхъ мелкихъ владѣльцевъ. Избирательный съѣздъ землевладѣльцевъ можетъ быть раздѣленъ на два отдѣленія въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ имѣется много землевладѣльцевъ не русскаго происхожденія: тамъ устанавливается два съѣзда: одинъ отъ русскихъ, другой отъ инородцевъ. Такое же правило устанавливается и для городскихъ избирателей, въ городахъ, избирающихъ болѣе одного выборщика, и для крестьянскихъ избирателей въ уѣздахъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Опредѣленіе того, кто долженъ признаваться русскимъ, кто инородцемъ, предоставлено самимъ губернаторамъ, которые на практикѣ не могли иначе выйти изъ затрудненія, какъ замѣнивъ происхожденіе вѣроисповѣданіемъ, причемъ по своему усмотрѣнію причисляли, напр., въ западныхъ губерніяхъ лютеранъ къ русскимъ, а католиковъ къ инородцамъ. Циркуляръ совершенно ясно опредѣляетъ и цѣль раздѣленія предварительныхъ съѣздовъ по размѣрамъ имущества; цѣль эта—«оградить интересы землевладѣльцевъ, которые въ случаѣ образованія одного общаго для всѣхъ предварительнаго съѣзда подавились бы численнымъ превосходствомъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ». Достаточно сама по себѣ ясная цѣль раздѣленія по національностямъ поясняется еще по отношенію къ крестьянскимъ волостямъ указаніемъ, что такое раздѣленіе должно дѣлаться особенно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ преобладаютъ по числу инородческія волости. Насколько разнообразны результаты раздѣленія предварительныхъ съѣздовъ въ зависимости отъ усмотрѣнія губернатора, видно изъ примѣра Московской губерніи, въ которой по нѣкоторымъ уѣздамъ отдѣлены въ особые съѣзды владѣльцы, имѣющіе менѣе 17½ десятинъ, въ другихъ менѣе 20, въ третьихъ менѣе 40 дес.; въ Волоколамскомъ и Можайскомъ уѣздахъ съѣздъ остался одинъ, безъ раздѣленія; напротивъ, по Бронницкому, Коломенскому, Дмитровскому и Звенигородскому назначено по три съѣзда, такъ какъ особо выдѣлены владѣльцы не земельнаго имущества, соединенные по другимъ уѣздамъ съ мелкими землевладѣльцами. Изъ другихъ «разъясненій» министра внутреннихъ дѣлъ обращаетъ на себя вниманіе данное московской городской управѣ по поводу второстепеннаго вопроса о томъ, какъ должна производиться въ губернскомъ съѣздѣ баллотировка уполномоченныхъ отъ рабочихъ: шарами или записками. Министръ разъяснилъ, что рабочіе фабрично-заводскихъ предпріятій, расположенныхъ въ Москвѣ, не участвуютъ въ выборѣ уполномоченныхъ для губернскаго съѣзда. Согласно этому разъясненію московскіе рабочіе, а слѣдовательно и другихъ городовъ, поль-

зующихся, подобно Москвѣ, самостоятельнымъ представительствомъ, оказываются вовсе лишенными избирательныхъ правъ, кромѣ тѣхъ, очень немногихъ, которые имѣютъ квартирный или какой-нибудь другой цензъ. Такимъ образомъ, независимо отъ избирательнаго закона распоряженіемъ министра устраняется отъ выборовъ цѣлая обширная категорія избирателей-рабочихъ, принадлежащая къ числу наиболѣе сознательныхъ въ этой средѣ. На-дняхъ министерствомъ издана предвыборная инструкція, касающаяся технической стороны выборнаго производства, но она не представляетъ чего-либо новаго, могущаго имѣть значеніе для результата выборовъ. Въ ней устранены нѣкоторыя стѣсненія, бывшія въ прежней инструкціи, наприм., требованіе, чтобы избиратели пользовались только бюллетенями, заготовленными управами. Попрежнему строго запрещается всякая агитація во время самыхъ выборовъ.

Резюмируя сказанное о подготовкѣ къ выборамъ какъ правительственной, такъ и партійной, можно, какъ намъ кажется, придти къ такому заключенію, что результаты выборовъ въ значительной степени будутъ искусственными и не соотвѣтствующими дѣйствительному распредѣленію въ народѣ различныхъ политическихъ направленій. Представительство лѣвыхъ партій будетъ сокращено, представительство правыхъ будетъ усилено. Изъ крайнихъ партій соціалисты-революціонеры вовсе отказываются отъ избирательной борьбы и парламентской дѣятельности; соціалъ-демократы желаютъ дѣйствовать отдѣльно, но вліяя преимущественно на рабочихъ, которымъ предоставлены ничтожныя избирательныя права, они будутъ поставлены въ самое невыгодное положеніе. Больше шансовъ имѣютъ трудовая партія и кадеты. Октябристы и крайніе правые сами по себѣ не имѣютъ за собой ни численной силы, ни популярности въ населеніи, но такъ какъ къ нимъ принадлежитъ значительная часть землевладѣльческаго класса, то искусственное усиленіе избирательныхъ правъ послѣдняго новымъ закономъ и дальнѣйшимъ содѣйствіемъ правительства, даетъ имъ на практикѣ выгодное положеніе и силу, не соотвѣтствующую ни численному, ни идейному ихъ содержанію. Слѣдуетъ ли, однако, изъ такого положенія дѣлъ, что, какъ высказывалось въ крайнихъ лѣвыхъ партіяхъ и даже между кадетами, надо бойкотировать Думу? Конечно, нѣтъ. Во-первыхъ, активный, демонстративный бойкотъ,—а только онъ одинъ и имѣлъ бы нѣкоторый смыслъ,—невозможенъ въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ; простое же уклоненіе отъ выборовъ будетъ демонстрировать только слабость уклоняющихся. Во-вторыхъ, въ случаѣ преобладанія въ Думѣ правыхъ, для другихъ партій остается важная задача организовать въ ней такую оппозицію, которая бы, внося свои прогрессивные законопроекты и подвергая критикѣ противоположные, разъясняла бы народу и укореняла въ его сознаніи причины, препятствующія удовлетворенію его дѣйствительныхъ нуждъ. Это не значитъ, что оппозиціонные депутаты будутъ заниматься разговорами; они могутъ и должны будутъ употребить всѣ усилія для проведенія практическихъ мѣропріятій, поскольку это окажется возможнымъ. Извѣстно, что эта возможность не особенно будетъ велика даже и въ томъ случаѣ, если бы

въ Думѣ оказалось прогрессивное большинство. Но, во всякомъ случаѣ, большая и сильная оппозиція будетъ имѣть большее даже и практическое значеніе какъ для правительства, такъ и для общественнаго мнѣнія, чѣмъ если она будетъ состоять изъ немногихъ лицъ. Поэтому слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, попытаться провести туда сколько возможно болѣе прогрессивныхъ депутатовъ. Впрочемъ, несмотря на новый законъ и другія невыгодныя для нихъ условія, прогрессивныя партіи, можетъ быть, дадутъ и значительное число депутатовъ. Настроеніе крестьянства едва ли измѣнилось съ послѣднихъ выборовъ. Несомнѣнно, что въ сознаніи крестьянъ исчезли многіе призраки, имѣвшіе ранѣе очень большую силу. Очень неопредѣленно также положеніе духовенства, которое раньше считалось твердымъ оплотомъ консерватизма и, конечно, на этомъ основаніи получило на основаніи новаго закона видное и вліятельное мѣсто на выборахъ. Реакціонные круги раньше тоже возлагали надежду на духовенство, но теперь взглядъ ихъ на него значительно измѣнился. Дворянскіе публицисты все чаще восхваляютъ московскаго священника Арсеньева, мотивированно уклонившагося отъ участія въ выборахъ. Вмѣстѣ съ этимъ идутъ усиленныя репрессіи противъ отдѣльныхъ представителей духовенства, которыя, какъ думаетъ газета *Рѣчь,* имѣютъ своею цѣлью устранить отъ выборовъ наиболѣе нежелательныхъ кандидатовъ изъ этой сферы. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ духовенство на мелкихъ землевладѣльческихъ съѣздахъ составляетъ четверть, треть и даже половину всѣхъ избирателей, такъ что при разрозненности послѣднихъ, если бы оно дѣйствовало солидарно, то могло бы на выборахъ играть рѣшающую роль. Вообще нѣтъ причины, почему бы проявившееся на двухъ прошлыхъ выборахъ оппозиціонное настроеніе народа могло бы теперь измѣниться. Правда, теперь нѣтъ прежнихъ надеждъ, прежней живости настроенія, но изъ этого можетъ произойти лишь то, что меньшее число избирателей будетъ принимать участіе въ выборахъ, политическіе же взгляды ихъ отъ этого не измѣнятся. Въ общемъ большинство всетаки остается недовольнымъ и неспокойнымъ, и нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы утѣшили и умиротворили его и такимъ образомъ повліяли бы черезъ болѣе радостное чувство и на его политическія воззрѣнія, придавъ имъ болѣе свѣтлый колоритъ. И это относится не только къ разнымъ неполученнымъ свободамъ, на мѣсто которыхъ продолжаетъ царить административный произволъ, но и къ такимъ немудрымъ и безспорнымъ требованіямъ, какъ требованія желудка или минимальнаго физическаго благосостоянія. Правда, въ нынѣшнемъ году нѣтъ такого широко распространеннаго неурожая и голода, какой былъ въ прошломъ году; но мѣстами неурожай не меньше, только онъ не захватываетъ такихъ обширныхъ пространствъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ по продовольственной части министерство внутреннихъ дѣлъ къ 1 августу озимая пшеница была неудовлетворительна въ юго-западныхъ губерніяхъ, Бессарабской, Херсонской и частію въ малороссійскихъ. Рожь была не хороша въ юго-западныхъ губерніяхъ, кромѣ Кіевской, и мѣстами въ малороссійскихъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, озимые и яровые хлѣба г

вполнѣ удовлетворительны въ Тверской и отчасти Костромской губерніяхъ, а также на югѣ въ Ставропольской, Кубанской, Черноморской и отчасти въ Черниговской губерніяхъ. Безпрерывные дожди, шедшіе въ іюлѣ и августѣ въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, очень мѣшали уборкѣ хлѣба, а также затрудняли и посѣвъ озимыхъ, такъ какъ на поляхъ стояла вода. Паводки уносили снопы и сѣно. Кромѣ того, нынѣшній годъ отличался частыми и сильными градобитіями. Такъ, имѣются свѣдѣнія о сильныхъ градобитіяхъ въ Кубанской области, въ Петровскомъ уѣздѣ, Саратовской губ., въ Котельническомъ и Глазовскомъ уѣздахъ, Вятской губ., въ Свіяжскомъ уѣздѣ, Казанской губ.; въ послѣднемъ градомъ уничтожено 5,000 десятинъ. Въ общемъ выводѣ по Россіи урожай однако представляется благопріятнымъ; но надо сказать, что офиціальныя свѣдѣнія основывались на осмотрѣ хлѣбовъ, бывшихъ еще на корню; между тѣмъ, по многимъ сообщеніямъ оказывается, что рожь съ виду хорошая давала нерѣдко очень плохой умолотъ и неудовлетворительнаго качества зерно. Такія свѣдѣнія идутъ преимущественно изъ сѣверо-восточной Россіи; причины неудовлетворительнаго качества ржи явились страшные жары и засухи въ іюнѣ и ливни въ іюлѣ, которые уже не поправили плохо налившагося зерна, но спутали рожь и прибили ее къ землѣ. Къ метеорологическимъ причинамъ недорода въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ былъ неурожай въ прошломъ году, присоединились и экономическія: сокращеніе площади посѣва, неудовлетворительная обработка земли и недостатокъ удобренія вслѣдствіе неимѣнія скота. Такъ, наприм., изъ Бузулукскаго уѣзда пишутъ (*Русск. Вѣдом.*, № 195, статья свящ. Кедрова): «Хорошій урожай палъ на долю зажиточныхъ крестьянъ, а бѣднота и въ нынѣшнемъ году будетъ нуждаться въ насущномъ кускѣ хлѣба, потому что ими была засѣяна небольшая полоска земли и то, безъ скотинки, плохо воздѣлана. Хлѣбъ взошелъ рѣдковатый, къ довершенію и тотъ уничтоженъ былъ сусликомъ». Въ Оренбургскомъ уѣздѣ есть волости, гдѣ площадь посѣва уменьшилась почти наполовину; поэтому даже и хорошій урожай не покроетъ прошлогоднихъ убытковъ. Вообще въ мѣстностяхъ прошлогодняго неурожая положеніе крестьянъ, за которыми состоитъ еще продовольственная недоимка, таково, что они не только не въ состояніи собственными силами исправить свое разоренное хозяйство, но едва ли просуществуютъ до января безъ новой продовольственной помощи. Между тѣмъ, правительство, имѣя офиціальныя свѣдѣнія о сравнительно хорошемъ урожаѣ нынѣшняго года, едва ли будетъ склонно къ новымъ жертвамъ на продовольственное дѣло. Да и частныя средства истощены: ...къ называемая общеземская организація прекращаетъ свою дѣятельность. ...четъ по прошлогодней продовольственной дѣятельности правительства до ...хъ поръ еще не готовъ, хотя на составленіе его ассигновано 200 т. р. ...лагаютъ однако, что онъ будетъ представленъ третьей Думѣ. Интересный ...ктъ изъ продовольственной исторіи тотъ, что по постановленію губерн...аго правленія уголовное дѣло объ извѣстномъ поставщикѣ Каземъ-Бекѣ ...кращено, съ чѣмъ вмѣстѣ пріостановленъ и гражданскій искъ въ 170 тыс.,

возбужденный противъ него казанскимъ земствомъ. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ признаковъ сколько-нибудь радикальнаго улучшенія нашего продовольственнаго дѣла, не только въ смыслѣ государственной помощи въ случаѣ неурожая и голода, но и въ смыслѣ такого улучшенія крестьянскаго земледѣлія и общаго экономическаго положенія земледѣльца, которое дало бы ему возможность противостоять собственными силами случайностямъ, вытекающимъ изъ атмосферическихъ неблагопріятныхъ условій, какъ это дѣлается въ болѣе культурныхъ странахъ. Для этого нужно два условія: чтобы этотъ земледѣлецъ имѣлъ достаточный основной капиталъ, доходомъ съ котораго онъ не только могъ бы существовать со дня на день, но и дѣлать нѣкоторые запасы на случай неурожая. Этотъ основной капиталъ не можетъ быть пріобрѣтенъ иначе, какъ единовременнымъ увеличеніемъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, такъ какъ другой путь,—улучшенія земледѣльческой культуры, есть путь медленный, съ котораго нельзя начинать, такъ какъ улучшеніе культуры само возможно лишь тогда, когда имѣется нѣкоторый основной и оборотный капиталъ. Понятна важность стоящаго теперь на очереди аграрнаго вопроса и невозможность полумѣръ при его рѣшеніи. Между тѣмъ правительство до сихъ поръ не только упорно отстаивало свою точку зрѣнія, отрицающую принудительное отчужденіе помѣщичьихъ земель, но довольно слабо выполняло даже и свое рѣшеніе о надѣленіи крестьянъ изъ казенныхъ земель. Такъ, по 1 августа лѣснымъ департаментомъ разрѣшены къ отчужденію для нуждъ крестьянъ изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ въ 31 губерніи Европейской Россіи всего 16,038 десятинъ. Правительство, повидимому, считаетъ, что лучшимъ средствомъ для поднятія крестьянской земледѣльческой культуры будетъ не увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія и даже не техническія улучшенія въ способахъ обработки крестьянами своей земли, такъ какъ хотя о послѣднихъ много говорилось, противополагая ихъ увеличенію количества земли, однако никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ общихъ мѣръ въ этомъ направленіи не принималось; лучшимъ средствомъ, по мнѣнію правительства, является измѣненіе формы землевладѣнія, т.-е. устройство пресловутыхъ хуторовъ. Мы не будемъ здѣсь входить въ разборъ громадныхъ неудобствъ и затрудненій, связанныхъ съ переходомъ къ хуторскому хозяйству. О нихъ уже много говорилось въ литературѣ, между прочимъ, и на страницахъ нашего журнала. Но нельзя не указать на тотъ фактъ, что, несмотря на особыя льготы, предоставляемыя тѣмъ, кто покупаетъ землю отъ крестьянскаго банка въ отрубное владѣніе, льготы, состоящія въ томъ, что при этомъ условіи не требуется доплатъ, все же хуторское и отрубное владѣніе устанавливается большею частью лишь тамъ, гдѣ и до сего времени было подворное владѣніе, т.-е. въ юго-западныхъ губерніяхъ и малороссійскихъ. Только въ Орловской (35,000 десят.) и въ Курской (6,000 десят.) подъ хутора и отрубы отошло въ первой до 93%, а во второй 57% проданной земли. Напротивъ, въ губерніяхъ Воронежской (10,000 десят.), Саратовской (12,000 десят.) и Тамбовской (3,000 десят.)

съ обычнымъ общиннымъ землевладѣніемъ вся земля поступила въ общее владѣніе сельскихъ обществъ и товариществъ безъ всякаго упоминанія о хуторахъ. Тамъ, гдѣ хуторскія хозяйства пытаются образоваться путемъ выхода отдѣльныхъ домохозяевъ изъ общины, сельскія общины крайне неохотно даютъ свое согласіе на такой выходъ. Такъ, въ Херсонской губ. на 2,647 поданныхъ заявленій о выходѣ, только 16 получили согласіе. Это упорство крестьянъ въ нежеланіи дозволять выдѣленія изъ общины выражается иногда приговорами и ходатайствами и почти всегда враждебнымъ отношеніемъ всего общества къ выдѣляющемуся, черезъ что въ общественную среду вносится постоянный источникъ раздора и смуты, доводящій иногда до кровавыхъ столкновеній, какъ это было, напримѣръ, въ Краснинскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи. Но даже, если вопреки очевидности признать за выдѣленіемъ въ хутора приписываемыя ему цѣлительныя свойства, то ясно, что такимъ путемъ улучшеніе крестьянскаго хозяйства можетъ идти лишь крайне медленно, что имъ воспользуется лишь та часть крестьянъ, которая и безъ того экономически сильнѣе, а большинство, бѣднота, останется на неопредѣленное время въ томъ же неудовлетворенномъ и безпомощномъ положеніи и будетъ все болѣе укрѣпляться въ своемъ недовольствѣ. Помимо высказаннаго нами перваго условія, необходимаго для улучшенія крестьянскаго благосостоянія, экономическаго обезпеченія землевладѣльца, существуетъ еще и второе—это пробужденіе въ немъ самостоятельной иниціативы. Но оставляя даже въ сторонѣ общее положеніе государства, въ которомъ всякая свободная иниціатива подавлена исключительными репрессивными мѣрами, даже попытки создать такія условія, которыя бы позволяли населенію сколько-нибудь свободно заняться своими ближайшими хозяйственными нуждами, встрѣчаютъ въ реакціонной средѣ упорное сопротивленіе. Такъ, собиравшійся недавно вторично такъ называемый общеземскій съѣздъ, поговоривши о мелкой земской единицѣ, закончилъ свои собесѣдованія резолюціей: «мелкая земская единица должна быть введена въ законодательномъ порядкѣ, но не одновременно, а постепенно, по ходатайству губернскихъ земскихъ собраній». Другими словами, право мѣстнаго населенія распоряжаться своими насущными потребностями даже въ самой узкой хозяйственной сферѣ поставлено въ зависимость отъ немногихъ привилегированныхъ лицъ, направленіе которыхъ, какъ достаточно выразилось на обоихъ общеземскихъ съѣздахъ, прямо противоположно интересамъ и желаніямъ большинства населенія. При такихъ условіяхъ послѣднее въ дѣлѣ улучшенія своего положенія, можетъ, конечно, надѣяться только на себя. Легально осуществленіе этой надежды можетъ послѣдовать только въ формѣ выборовъ въ Государственную Думу представителей прогрессивныхъ элементовъ. Надо думать, что это будетъ ясно понято и самимъ населеніемъ и выражено имъ въ соотвѣтственныхъ вотумахъ.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Римская курія.

Нынѣшнимъ лѣтомъ общественное мнѣніе католическаго міра было взволновано событіемъ, пролившимъ яркій свѣтъ на то, въ какомъ направленіи глава церкви желаетъ вести свою паству. Мы разумѣемъ новый силлабусъ, т.-е. списокъ теорій, положеній и мнѣній, которыя отнынѣ признаются запрещенными для вѣрующаго католика; списокъ этотъ, изданный въ формѣ декрета «святой инквизиціи», 4 іюля утвержденъ Піемъ X, т.-е. какъ бы облеченъ всѣмъ авторитетомъ папской непогрѣшимости. Слово «силлабусъ» вызываетъ въ умѣ католиковъ естественную ассоціацію, напоминая имъ о знаменитомъ актѣ Пія IX, изданномъ въ 1864 г. Тогда съ высоты папскаго престола осуждены были всѣ основныя положенія современной свѣтской гражданственности, была какъ бы объявлена война новому обществу. Католики хорошо помнятъ, какъ много пришлось потомъ употребить труда на доказательство, что энциклика и силлабусъ Пія IX не имѣютъ того смысла, какой имъ приписывается. «Не оставляйте безъ опроверженья,—писалъ своему клиру въ пастырскомъ посланіи тогда архіепископомъ Тулузскій,—тѣхъ, которые даютъ преувеличенный смыслъ предписаніямъ папы, чтобы имѣть предлогъ не подчиниться имъ, и смотрятъ на каждое предложеніе силлабуса, какъ на догматъ вѣры, о которомъ нельзя даже разсуждать, не впадая въ ересь. Одинаково непозволительно утрировать истину, какъ и скрывать ее». Создалась цѣлая литература, которая стремилась доказать, что, осуждая свободу совѣсти, свободу печати, свѣтскую школу, секуляризацію гражданскаго права, отдѣленіе церкви и государства,—глава католической церкви не угрожалъ тому, что въ современной Европѣ признается очевидной истиной. И всетаки слѣдъ остался, и всетаки дано было новое и достаточно сильное оружіе въ руки всѣхъ антиклерикальныхъ и даже антикатолическихъ партій и группъ. Въ одномъ не можетъ быть сомнѣнія: силлабусъ 1864 г. не принесъ счастья церкви.

Съ того времени прошло болѣе 40 лѣтъ, и въ теченіе ихъ католическая церковь пережила много побѣдъ и много пораженій. Въ какую сто-

рону склоняется ихъ балансъ? Наканунѣ XX вѣка органъ іезуитскаго ордена, бросая взглядъ на пройденный въ XIX столѣтіи церковью путь, считалъ возможнымъ охарактеризовать его, какъ путь славы и торжества. Онъ не отрицалъ проявленій враждебности къ католицизму со стороны свѣтскихъ правительствъ и извѣстной части общества, не отрицалъ матеріальныхъ, такъ сказать, потерь, но утверждалъ, что все это съ избыткомъ покрывается ростомъ нравственнаго авторитета. Сколько разочарованныхъ, сколько вновь обращенныхъ уже пришли къ вратамъ церкви, и сколько еще придутъ, когда современное общество убѣдится, что лишь ставъ на незыблемую почву церковнаго преданія, оно найдетъ силу бороться съ надвигающейся моральной анархіей: «мы сильнѣе, чѣмъ когданибудь».

Такіе историческіе балансы, безспорно, чрезвычайно трудны, и, разсуждая объективно, мы не можемъ, отвергая эту фантастическую характеристику, противопоставить ей категорическое признаніе безповоротнаго упадка католицизма. Несомнѣнно, однако, что католицизмъ, далеко не владѣетъ той властью надъ умами, которую ему приписываютъ его офиціозы.

Достаточно указать на реформу отдѣленія церкви и государства во Франціи. Она вовсе не сопровождалась тѣмъ внутреннимъ потрясеніемъ въ жизни страны, котораго ожидали; не оправдалось и предсказаніе о гражданской войнѣ, которое одни дѣлали съ искреннимъ страхомъ, другіе, вѣроятно, съ тайной надеждой. Французское правительство, слѣдуя въ этомъ отношеніи приговору, вынесенному всеобщимъ голосованіемъ на выборахъ 1902 и 1906 гг., могло безпрепятственно отмѣнить традиціонный режимъ конкордата и докончить процессъ государственной секуляризаціи,—процессъ, который еще былъ начатъ въ эпоху великой революціи. Кажется, сбываются слова, которыя нѣкогда сказалъ епископъ Альби Льву XIII: «во Франціи дѣло не дойдетъ до раскола, тамъ слишкомъ мало интересуются религіей».

Во всякомъ случаѣ, всматриваясь въ исторію новѣйшаго католицизма, мы можемъ придти къ одному выводу: его моральныя побѣды, ростъ его авторитета были обычно связаны съ тѣмъ, что онъ шелъ навстрѣчу новымъ жизненнымъ потребностямъ, признавалъ ихъ; напротивъ, когда онъ замыкался въ безнадежное отрицаніе этой жизни, когда онъ противопоставлялъ ей «non possumus», все его вліяніе оказывалось безсильнымъ пересоздать окружающую атмосферу. Могутъ возражать ссылкой на вати...скій соборъ 1870 г., провозгласившій принципъ папской непогрѣши...сти. Католическій міръ призналъ эту непогрѣшимость, и агитація старо...оликовъ увлекла лишь ничтожную часть вѣрующихъ. Это обстоятель...о, конечно, еще не рѣшаетъ вопроса, насколько благодѣтеленъ былъ ...ый догматъ для внѣшняго положенія и внутренняго состоянія церкви. ...мѣ того ватиканскій соборъ былъ лишь завершеніемъ процесса, пере...аго католической іерархіей въ теченіе многихъ вѣковъ и особенно въ ...чіе XIX столѣтія,—процесса ея централизаціи, освобожденія отъ на-

ціональныхъ и территоріальныхъ моментовъ, и созданія папскаго суверенитета; ватиканскій соборъ выполнилъ эту программу, которую въ началѣ вѣка выставилъ въ своей книгѣ «De Pape»—Де Местръ.

Но въ то же время мы видимъ, съ какой гибкостью приспособлялся католицизмъ къ условіямъ жизни новаго конституціоннаго государства и росту демократіи. Когда въ 20-хъ годахъ Ламеннэ заговорилъ, что для церкви свобода предпочтительнѣе покровительства свѣтской власти, что она болѣе пріобрѣтаетъ, чѣмъ теряетъ отъ свободы совѣсти, слова, союзовъ, преподаванія, эти мнѣнія казались абсурдными и еретическими. Теперь католическая церковь, защищая свои интересы, гораздо чаще ссылается на декларацію правъ человѣка и гражданина, чѣмъ на декреталіи, она готова примириться даже не съ той «умѣренной и честной свободой», которую рекомендовалъ ей принять подъ свое покровительство Монталамберъ; она не отвергаетъ и народоправства; достаточно указать на вышедшую въ 1896 году книгу французскаго доминиканца Момюса (Maumus), бывшаго, какъ говорятъ, въ дружескихъ отношеніяхъ съ Вальдекомъ-Руссо, гдѣ съ неоспоримой логической силой и теплотою убѣжденія отстаивается естественность союза церкви съ либерализмомъ и демократіей. Это движеніе церкви въ сторону новыхъ политическихъ и общественныхъ формъ было настолько исторически неизбѣжно, что многіе представители свѣтскаго либерализма убѣждали придавать больше значенія именно этой исторической необходимости, чѣмъ официальнымъ заявленіемъ самой церкви. «Папа и теологи,—пишетъ по поводу силлабуса 1864 г. Анатоль Леруа Болье,—которые выставляютъ эти принципы, разсуждаютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ абстрактно, имѣя въ виду общество, которое сохранило единство вѣры и связано сыновнимъ почтеніемъ съ папскимъ авторитетомъ. Они создаютъ, если можно такъ выразиться, своего рода утопію или республику Платона, излагая по своимъ принципамъ законы совершеннаго общества и не занимаясь временными и реальными условіями. Это не мѣшаетъ имъ нисколько принимать во вниманіе такія условія въ практикѣ и приспособляться къ обстоятельствамъ».

«Если бы эти идеальные принципы находились въ явномъ противорѣчіи съ принципами нашего публичнаго права, было ли бы основаніе правительствамъ и народамъ серьезно тревожиться? Нѣтъ, конечно, по крайней мѣрѣ во Франціи; у насъ лишь фанатики и иллюзіонеры, которые мечтаютъ воздвигнуть на землѣ подобіе небеснаго Іерусалима, одни способны видѣть въ этихъ принципахъ правило поведенія, примѣнимое къ нашему времени и нашему соціальному строю. Другіе, не только католики, которые при соприкосновеніи съ вѣкомъ болѣе или менѣе восприняли либеральныя идеи, но всѣ тѣ, кто сколько-нибудь не лишенъ здраваго смысла и политическаго пониманія, чувствуютъ безуміе подобныхъ мечтаній и стараются отъ нихъ избавиться. Они стараются успокоить монарховъ и народы, напоминая имъ, что фактически церковь не осуждала никогда никакой формы правленія, никакой политической конституціи»

Дѣйствительно, въ самой Франціи церковь въ лицѣ папы Льва XIII признала республику, т.-е. провозгласила, что нѣтъ противорѣчія между этой формой правленія, противъ которой такъ ожесточенно боролись католическія партіи, и основами вѣры. Быстрые успѣхи католицизма въ Соединенныхъ Штатахъ возможны лишь въ виду того, что церковь не переноситъ за Атлантическій океанъ никакого предубѣжденія противъ политической демократіи. Этотъ процессъ мы видимъ всюду, гдѣ политическая свобода установлена достаточно прочно и широко.

Другая особенность новѣйшаго католицизма—это его отношеніе къ соціальному вопросу. Какая сила сосредоточилась бы въ рукахъ церкви, если бы ей удалось стать между имущими и неимущими, между трудомъ и капиталомъ. И эта необходимость занять здѣсь новую позицію признана въ знаменитой энцикликѣ Льва XIII: Rerum novarum. Эта энциклика была въ выраженіяхъ широкихъ и неопредѣленныхъ, несвободныхъ отъ противорѣчій; она отвергала экспропріацію и обобществленіе собственности, и рѣшенія соціальнаго вопроса ожидала отъ развитія коопераций, обязательныхъ или добровольныхъ—это было не совсѣмъ ясно,—и отъ государственнаго вмѣшательства, предѣлы котораго, однако, оставались неопредѣленными. Важны были, впрочемъ, не ея отдѣльные параграфы, составленные самымъ тонкимъ языкомъ римской дипломатіи, важно было признаніе, въ какую сторону церковь должна направить свои силы. И это признаніе было услышано: во всѣхъ католическихъ странахъ началось движеніе, поставившее на своемъ знамени извѣстную программу соціальной политики, расходящуюся въ болѣе или менѣе существенныхъ пунктахъ съ принципами буржуазнаго либерализма. Трудно сказать, какая доля въ этомъ движеніи должна быть отнесена къ инстинкту самосохраненія церкви, и что можно приписать болѣе безкорыстнымъ альтруистическимъ побужденіямъ; нельзя ставить на одну доску грубой антисемитической демагогіи Люгера и его австрійскихъ друзей, играющихъ на невѣжествѣ и забитости мелкой буржуазіи, и благородныя усилія такихъ людей, какъ кардиналъ Маннингъ въ Англіи, епископъ Айрлэндъ въ Америкѣ, придти на помощь страждущему человѣчеству. Несомнѣнно одно, что вліяніе на массы можно пріобрѣсти, лишь принимая болѣе серьезно, чѣмъ это дѣлала католическая церковь въ первой половинѣ XVIII вѣка, матеріальныя нужды этой массы. Время всюду создаетъ запросъ на демократію, и традиціи іерархическаго подчиненія должны ей уступать. Мы видѣли, какъ на послѣднихъ австрійскихъ выборахъ клерикалы должны были идти за христіанскими соціалистами.

Иногда у этихъ группъ элементъ демократическій и соціальный даже безусловно перевѣшиваетъ ихъ вѣроисповѣдныя связи, какъ это мы видѣли на примѣрѣ «христіанской демократіи» аббата Данса въ Бельгіи, къ которому съ такой непримиримой враждебностью относились клерикалы-консерваторы, пока властный голосъ изъ Рима не заставилъ его отказаться отъ начатаго пути.

Значеніе Льва XIII въ исторіи католической церкви опредѣляется прежде

всего тѣмъ, что папа понималъ неизбѣжность «новаго курса». Главная трудность лежала въ томъ, чтобы примирить его съ догматической непогрѣшимостью, которая должна отличать церковь. Что бы ни говорили о раздѣленіи «временнаго» и «вѣчнаго», эти двѣ сферы слишкомъ связаны, да и самъ католицизмъ всегда стремился къ тому, чтобы обнять и опредѣлить всѣ жизненныя отношенія. Требовалась не только полная преданность дѣлу церкви, требовался огромный политическій тактъ, полная воспріимчивость къ окружающей духовной атмосферѣ, глубокое знаніе политической и соціальной среды. Всѣмъ этимъ въ высокой мѣрѣ обладалъ папа Левъ XIII; въ немъ жилъ виртуозъ дипломатическаго искусства, что не мѣшало ему быть искреннимъ христіаниномъ. Онъ понималъ, что нельзя возлагать бременъ слишкомъ тяжкихъ на совѣсть вѣрующихъ. И онъ несомнѣнно умѣлъ находить здѣсь правильный путь. Правда, въ вопросѣ объ отношеніи къ Италіи онъ не протянулъ руку примиренія и не оставилъ взгляда на занятіе Рима, какъ на чистую узурпацію, но здѣсь еще слишкомъ свѣжи были воспоминанія о 1870 г.; во всякомъ случаѣ пропасть, отдѣлявшая Ватиканъ и Квириналъ, не расширилась. Съ другой стороны, достигнуто было примиреніе съ Германіей, во Франціи католики получили разрѣшеніе быть истинными республиканцами, сочувствіе и поддержку встрѣтили смѣлыя начинанія американскаго католицизма.

Во всякомъ случаѣ наслѣдіе, которое было принято Львомъ XIII отъ Пія IX, было болѣе тяжелое, чѣмъ то, которое онъ передавалъ Пію X. Конечно, Франція вступала въ стадію рѣзко выраженной антиклерикальной борьбы, конечно, за закономъ объ ассоціаціяхъ 1901 г., слѣдовало якобинское примѣненіе этого закона министерствомъ Комба, но всетаки при спокойствіи и тактѣ, при уступкахъ неизбѣжной реформѣ можно было выйти изъ кризиса безъ пораженія. И, наконецъ, моральный авторитетъ церкви могъ выдержать и не такія испытанія.

Къ несчастью для дѣла, которому посвятилъ свои силы Левъ XIII, его преемникъ былъ ни въ чемъ на него не похожъ и, повидимому, не хотѣлъ быть похожимъ.

Нѣтъ возможности проникнуть въ тайны конклава, который избралъ Пія X; настойчивые слухи утверждали, что кандидатура кардинала Рамполлы была снята подъ давленіемъ Австріи, которая опасалась слишкомъ ярко выраженныхъ симпатій кардинала къ Франціи. Несомнѣнно, здѣсь было извѣстное пораженіе той традиціи, которую хотѣлъ установить Левъ XIII. Новый папа, принявшій имя Пія X, повидимому, съ самаго начала рѣшилъ взять за образецъ непримиримаго «ватиканскаго плѣнника». Онъ желалъ прежде всего очистить католическую церковь отъ тлетворнаго духа модернизма и привести ее къ идеямъ силлабуса 1864 г. Отсюда энциклика, направленная противъ движенія христіанской демократіи. Отсюда осужденіе дѣятельности аббата Данса въ Бельгіи, аббата Мурри Фогацарро въ Италіи. Отсюда недовѣрчивое и враждебное отношеніе к

католическому движенію въ Соединенныхъ Штатахъ, которое все запечатлѣно новымъ духомъ. Въ своей политической дѣятельности папа предпочитаетъ ставить вопросы болѣе рѣзко и непримиримо.

Нельзя сказать, чтобы эта политика сопровождалась особыми успѣхами. Недавнее вмѣшательство папы въ римскіе муниципальные выборы, повидимому, только содѣйствовало побѣдѣ антиклерикальнаго списка. Особенно ярко сказываются послѣдствія этой нетерпимости во Франціи, гдѣ папа, положивъ запрещеніе на associations cultuelles, которымъ законъ объ отдѣленіи церкви и государства поручаетъ завѣдываніе церковными зданіями и культами, лишилъ католическое населеніе Франціи безпрепятственно удовлетворять свои религіозныя потребности. Онъ требуетъ, чтобы оно шло навстрѣчу «гоненію», и это въ ту минуту, когда потеря бюджетовъ культами ставитъ, какъ оказывается, католическую церковь Франціи въ совершенно критическое положеніе. Даже самые лояльные католики склонны не скрывать своего изумленія передъ неосвѣдомленностью главы церкви.

Но особенно рѣшительно Пій X стремится изгнать «модернизмъ» изъ области теоретической мысли и преподаванія. Тутъ папа долженъ былъ подойти къ одной изъ величайшихъ проблемъ существованія католической церкви: какъ примирить ея авторитетъ съ современнымъ научнымъ развитіемъ? Не надо забывать, что здѣсь католическая церковь особенно ревниво охраняла свои права; она никогда не примирилась бы съ раздѣленіемъ области авторитета и области, гдѣ высшимъ судьей остается испытующій человѣческій разумъ. Католицизмъ скорѣе могъ бы примириться со свѣтской политикой, чѣмъ со свѣтской наукой; недаромъ самъ Левъ XIII счелъ необходимымъ установить особую католическую философію,—философію Ѳомы Аквината: средневѣковая схоластика здѣсь освящалась авторитетомъ религіозной непогрѣшимости. Какъ относится ортодоксальное католическое міросозерцаніе къ схоластикѣ, насколько эта послѣдняя остается для него объективной истиной, можно видѣть хотя бы изъ исторіи средневѣковой философіи Штёкля. Для ученаго автора пять послѣднихъ столѣтій въ развитіи западно-европейской мысли прошли какъ бы безслѣдно.

Съ другой стороны, католицизмъ, не оставившій мысли о духовномъ правленіи современнымъ человѣчествомъ, борющійся съ государственной властью за школу, стремящійся преодолѣть это государство на почвѣ свободы преподаванія, не можетъ, конечно, отвергнуть en bloc современное знаніе. Въ лувенскомъ католическомъ университетѣ преподается цѣлый рядъ курсовъ, которые стоятъ на уровнѣ съ образцовыми нѣмецкими. Никогда церковь не допускала признанія законовъ Коперника и Галилея, вѣроятно, недалеко то будущее, когда она примирится съ эволюціонной теоріей. Дѣло здѣсь, конечно, не только въ либерализмѣ или фанатическомъ упорствѣ того или другого руководителя церкви; дѣло здѣсь прежде всего въ непреодолимомъ духѣ времени. Но именно здѣсь соглашеніе этихъ двухъ силъ, этихъ двухъ психологическихъ стихій, можно сказать, достигается особенно болѣзненно.

Изо всѣхъ отраслей научнаго знанія есть одна, съ которой исклю-

чительно трудно примиряется авторитетъ церкви: я разумѣю дисциплины, которыя стараются освѣтить религіозное развитіе человѣчества вообще и въ частности выясняютъ тѣ данныя, которыя могутъ быть добыты научнымъ методомъ для исторіи христіанства. Здѣсь уже наука какъ будто подходитъ вплотную къ догмѣ. Между тѣмъ можетъ ли католическая церковь противопоставить простое отрицаніе библейской критикѣ и экзегезѣ? Можетъ ли она остаться простой свидѣтельницей блестящихъ успѣховъ, достигнутыхъ на этомъ поприщѣ протестантской наукой—успѣховъ, связанныхъ съ именами Велльгаузена, Пфлейдерера, Гарнака и т. д. Можно было апріори предсказать, что изъ среды католическаго міра будутъ дѣлаться все больше и больше попытки воспользоваться результатами этой ученой работы. Но именно къ этимъ попыткамъ римская курія относится совершенно отрицательно. Она осудила самаго выдающагося представителя этихъ отраслей знанія, котораго выставилъ современный французскій католицизмъ, аббата Луази. Она недвусмысленно дала понять, что меньше всего она была бы готова мириться съ либерализмомъ въ стѣнахъ католической школы—низшей, средней или высшей. Именно здѣсь и должно быть внушаемо признаніе первенства авторитета надъ разумомъ.

Съ этой стороны ея особое вниманіе за послѣднее время привлекаетъ извѣстная либеральная тенденція среди нѣмецкихъ католиковъ, принадлежащихъ къ преподавательскому персоналу. Извѣстно, съ какимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ папа и окружающіе его на дѣятельность виднаго представителя этого направленія—недавно умершаго вюрцбургскаго профессора Шелля. (Широкой извѣстностью пользовались его сочиненія: «Католицизмъ, какъ принципъ прогресса» и «Христосъ».) Когда его коллега по университетскому преподаванію, весьма мало, впрочемъ, извѣстный въ ученомъ мірѣ, прелатъ Коммеръ выпустилъ брошюру объ умершемъ Шеллѣ съ рѣзкимъ изобличеніемъ его дѣятельности, то папа счелъ нужнымъ обратиться къ нему съ выраженіемъ благодарности. Извѣстіе это произвело весьма тяжелое впечатлѣніе въ университетскомъ католическомъ мірѣ; неужели папа такъ плохо разбирается въ людяхъ? Слишкомъ бросалась здѣсь въ глаза и научная несоизмѣримость Шелля и Коммера. И это извѣстіе еще оттѣнялось чрезвычайной рѣзкостью, можно сказать, беззастѣнчивостью полемики, которая была направлена противъ нѣмецкихъ либеральныхъ католиковъ на страницахъ «Osservatore Romano». Въ самыхъ законныхъ попыткахъ создавать союзы вѣрующихъ католиковъ, въ которые входили бы и міряне и клиръ, союзы, преслѣдующіе интересы религіозной культуры, ватиканскій органъ усматривалъ стремленіе къ расколу, онъ говорилъ о «католическихъ массонахъ». Если нѣмецкіе католики готовились въ самой почтительной формѣ обратиться къ папѣ съ просьбой, дабы на будущее время авторы книгъ, вносимыхъ въ Index, получили возможность лично представить свое оправданіе, то здѣсь усматривалось дерзкое и недопустимое притязаніе. Нѣмецкіе католики отвѣчали, выражая сожалѣніе о той гибельной роли, которую играютъ безотвѣтственные совѣтники,

толпящіеся въ Ватиканѣ, совѣтники, которымъ довѣряютъ больше, чѣмъ нѣмецкимъ епископамъ! Куда приведетъ эта политика, стремящаяся изгнать изъ католическаго міра всякую самодѣятельность и самостоятельность?

Опасенія были справедливы. Roma locuta est и его отвѣтъ устранялъ всякія недоразумѣнія. Когда опубликованъ былъ силлабусъ, то естественно, первое движеніе было сравнить его съ силлабусомъ 1864 г. Различіе между ними и по содержанію и по формѣ значительное, но едва ли не важнѣе этого различія было несомнѣнное сходство по духу.

Что касается до формы, то силлабусу 1864 г. была придана большая внѣшняя торжественность и авторитетность; ему предпосылалась папская энциклика «quanta cura», гдѣ Пій IX объяснялъ, такъ сказать, мотивы изданія силлабуса: «есть люди, которые не колеблются принимать мнѣніе столь же ложное, сколь гибельное для католической церкви и спасенія душъ, будто свобода совѣсти и религіи есть право, принадлежащее каждому человѣку, которое должно быть признано и провозглашено во всякомъ устроенномъ государствѣ, будто граждане имѣютъ полную свободу публично и открыто выражать свои мнѣнія, какія бы они ни были, въ печати или устно, причемъ власть не можетъ ихъ ограничивать. Утверждая это заблужденіе, они лишь проповѣдуютъ свободу погибели (libertatem perditionis)». Самый силлабусъ только подробнѣе перечислялъ эти заблужденія, указанныя въ энцикликѣ. Новый силлабусъ вышелъ безъ энциклики; онъ представлялъ изъ себя постановленіе инквизиціи, лишь одобренное папой, но не исходящее отъ него. Здѣсь есть извѣстная разница съ точки зрѣнія каноническаго права.

Содержаніе перваго силлабуса охватывало гораздо болѣе широкую область; онъ осуждалъ всѣ основы современнаго свѣтскаго правового государства. Въ числѣ заблужденій, отмѣченныхъ имъ, мы находимъ слѣдующія: «Каждый человѣкъ свободенъ принимать и исповѣдывать религію, которую по своему усмотрѣнію онъ признаетъ за истинную» (15). «Церковь не имѣетъ права употреблять силу; у нея нѣтъ никакой свѣтской власти, прямой или косвенной» (24). «Католики могутъ одобрять систему воспитанія внѣ католической вѣры и авторитета церкви,—систему, которая имѣетъ единственной и главной цѣлью познаніе естественныхъ вещей и земную жизнь» (49). «Церковь должна быть отдѣлена отъ государства и обратно» (55). «Въ нашу эпоху не представляется болѣе полезнымъ, чтобы католическая религія разсматривалась какъ единственная государственная религія, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ культовъ» (44). «Римскій первосвященникъ можетъ и долженъ примириться и вступить въ согласіе съ прогрессомъ, либерализмомъ и новѣйшей цивилизаціей» (80). Этотъ списокъ есть какъ бы орудіе борьбы съ враждебнымъ міромъ, окружающимъ церковь; онъ хочетъ воздвигнуть вокругъ нея неприступныя стѣны, черезъ которыя не пройдетъ никакая духовная зараза.

Новый силлабусъ направленъ противъ извѣстныхъ тенденцій, возникшихъ въ самой церкви среди людей, которые никогда не сомнѣвались въ

своемъ правовѣріи. «Несчастье нашего времени,—говорится во введеніи къ нему,—составляетъ его чрезмѣрная склонность, изслѣдуя первичныя истины, стремиться къ новизнѣ, бросая, такъ сказать, наслѣдіе человѣческаго рода, и впадать такимъ образомъ въ самыя тяжкія ошибки». «Въ особенности прискорбно, что нѣкоторые католическіе писатели выходятъ за предѣлы, положенные св. отцами и самой церковью, и подъ предлогомъ критики и историческаго анализа стремятся внести въ положенія вѣры мнимый прогрессъ, который на самомъ дѣлѣ является ихъ извращеніями». Эти слова какъ будто направлены противъ новшествъ въ чисто догматическихъ вопросахъ; оказывается однако, что запрещенныя положенія по общему признанію всецѣло относятся къ наукѣ.

На первое мѣсто среди осуждаемыхъ заблужденій поставлено мнѣніе, будто бы предварительная цензура, установленная для богословскимъ книгъ, не простирается на критику и научную экзегезу Ветхаго и Новаго завѣта. Здѣсь очевидно подразумѣваются вышеуказанныя попытки нѣмецкихъ теологовъ защититься отъ произвола римской цензуры. При господствующемъ настроеніи въ правящей церкви предварительная цензура можетъ уничтожить всякое свободное изслѣдованіе. Далѣе осуждается мысль, что истолкованіе священныхъ книгъ церковью не можетъ связывать изслѣдователя и критику ихъ, что, осуждая эти изслѣдованія, церковь какъ бы признаетъ противорѣчіе между своими догматами и данными исторіи; вообще, по мысли новаторовъ, церковная іерархія не компетентна устанавливать истинный смыслъ Библіи: церковь есть хранительница положеній вѣры и не должна посягать на область знанія. Другое связанное съ этимъ заблужденіе представляетъ церковь учащую (docens) и учащуюся (discens)—клиръ и міряне, какъ бы равноправными элементами въ опредѣленіи истинъ вѣры. Отсюда выводили, будто вѣрующіе не грѣшатъ, игнорируя постановленіе конгрегаціи Index'а и другихъ римскихъ конгрегацій.

Многочисленныя заблужденія связаны съ библейской критикой. Вѣра въ ихъ непосредственное божественное происхожденіе начинаетъ казаться наивностью, своеобразіе этихъ книгъ начинаютъ объяснять особенностями еврейскихъ письменъ, божественное вдохновеніе не предохранило будто бы этихъ послѣднихъ отъ отдѣльныхъ ошибокъ. Вообще любители новизны полагаютъ, что экзегетика должна отказаться отъ всякаго предвзятаго взгляда на сверхъестественное происхожденіе священнаго писанія и истолковывать его такъ же, какъ это она дѣлаетъ со всѣми историческими документами. Само Евангеліе, по ихъ взгляду, подверглось переработкѣ: ее можно найти въ расположеніи притчъ, которыя должны объяснить, почему проповѣдь Христа не имѣла успѣха среди іудеевъ, есть мѣста, введенныя съ цѣлью исключительно наставительной; вообще пока Евангелія не вошли въ церковный канонъ, они подверглись многочисленнымъ наслоеніямъ, изъ которыхъ не такъ легко выдѣлить подлинное ученіе Христа. Въ особенности Евангеліе отъ Іоанна не можетъ считаться историческимъ разсказомъ, это мистическая спекуляція, лишь воплощенная въ соотвѣт-

ствующіе образы. Авторъ Евангелія говоритъ о себѣ, какъ о свидѣтелѣ жизни, дѣлъ и проповѣди Христа, въ дѣйствительности онъ могъ быть лишь свидѣтелемъ событій, которыя происходили въ церкви въ концѣ I вѣка. Вообще библейская критика, исходившая отъ протестантовъ, лучше установила истинный составъ священнаго писанія, чѣмъ католическіе ученые. Она поняла, что самое откровеніе есть сознаніе въ человѣкѣ его связи съ Богомъ. То, что церковь понимала подъ своимъ догматомъ, есть результатъ не мгновеннаго откровенія, а долгой работы человѣческаго духа, поэтому вполнѣ вѣроятно и дѣйствительно существуетъ разногласіе между фактами, переданными священнымъ писаніемъ, и нѣкоторыми догматами католической церкви. И вѣрующему католику не должно ставиться въ вину, если онъ предлагаетъ общія посылки, изъ которыхъ можно вывести заключеніе объ исторической или философской недостовѣрности церковныхъ догматовъ, лишь бы онъ прямо не отрицалъ эти послѣдніе. Вообще догматы должны быть принимаемы въ практическомъ смыслѣ, какъ заповѣди предписывающія и запрещающія, а не какъ требованія вѣрить или не вѣрить во что-нибудь.

Эти общія положенія примѣняются новаторами къ основной проблемѣ христіанства—вопросу о божественности Христа. Она не вытекаетъ изъ Евангелія, она выведена человѣчествомъ изъ мессіанистской идеи. Самъ Христосъ не проповѣдовалъ своего божественнаго качества и творимыя Имъ чудеса не имѣли цѣли доказать его; слова «сынъ Божій» имѣютъ въ Евангеліи лишь символическій смыслъ, и изъ нихъ нельзя вывести богочеловѣчества Христа. Вообще есть разница между тѣмъ, что Христосъ училъ и что было установлено, какъ его ученіе, апостолами и соборами—нельзя даже примирить естественнаго смысла евангельскихъ текстовъ съ ученіемъ католической церкви о Христѣ, о его всевѣдѣніи и т. д.: или Христосъ ошибался, говоря о близкомъ пришествіи мессіанистскаго царства, или значительная часть Евангелія не подлинна. Самое Воскресеніе Христа не есть фактъ въ порядкѣ историческомъ, а въ порядкѣ сверхъестественномъ; его нельзя доказать, и человѣческое сознаніе постепенно вывело его изъ другихъ фактовъ; первоначально христіане вѣрили не столько въ самое событіе Воскресенія, сколько въ безсмертную жизнь Христа въ Богѣ; ученіе же объ искупительной смерти Христа основано не на Евангеліи, а на ап. Павлѣ.

Точно такъ же церковная догма расходится съ современной наукой въ вопросѣ о происхожденіи таинствъ. Послѣднія суть результаты истолкованія, которыя дѣлали апостолы и ихъ преемники различнымъ событіямъ, стараясь извлечь изъ нихъ религіозную идею; цѣль таинства заключается лишь въ воспоминаніи о постоянномъ присутствіи Христа. Крещеніе было введено христіанской общиной, какъ символъ принятія въ свою среду, соединенный съ обязательствомъ исповѣдывать христіанскую вѣру; лишь постепенно установился обычай крестить дѣтей въ связи съ раздѣленіемъ первоначально единаго таинства на два: крещенія и исповѣди, первоначально церкви это послѣднее было неизвѣстно. Миропомазаніе имѣетъ болѣе

позднее происхожденіе и не примѣнялось апостолами. Установленіе евхаристіи, какъ оно изображено у апостола Павла, имѣетъ не историческій, а догматическій смыслъ. Слова ап. Іакова о помазаніи болящихъ елеемъ имѣютъ смыслъ установленія простого благочестиваго обряда. Точно также историческое развитіе пережила церковная служба, общая трапеза превратилась въ литургію, а руководитель ея получилъ священный санъ. Вообще въ раннемъ христіанствѣ вовсе не было такого рѣзкаго раздѣленія іерархіи и міранъ и рукоположеніе не имѣло характера таинства, не былъ таковымъ и бракъ. Самъ Христосъ не имѣлъ въ виду основывать церковное общество, которое должно существовать вѣка: тогда мысль была слишкомъ подъ властью представленія о близкой кончинѣ міра.

Являясь сама результатомъ историческаго развитія, церковь не можетъ имѣть неизмѣннаго устройства: послѣднее всегда должно согласоваться съ потребностями времени. Самые догматы, таинства, іерархія—все это плодъ христіанской мысли, и пережило долгую эволюцію, параллельную съ эволюціей самой церкви. Римская церковь не является здѣсь исключеніемъ: ея основной догматъ—о приматѣ ап. Петра—поздняго происхожденія; апостолъ никогда не думалъ, что этотъ приматъ ему врученъ. Вообще римская церковь сдѣлалась главой другихъ въ силу чисто политическихъ обстоятельствъ, а не божественнаго велѣнія. Между тѣмъ церковь показываетъ себя враждебной прогрессу знаній теологическихъ и естественныхъ; она игнорируетъ, что истина такъ же измѣнчива, какъ человѣкъ, который ее изслѣдуетъ и находитъ. Она забываетъ, что Христосъ не преподалъ опредѣленной доктрины, обязательной для всѣхъ временъ и народовъ; Онъ далъ только толчокъ религіозному движенію; христіанство первоначально было отпрыскомъ еврейства, послѣ оно запечатлѣлось духомъ ап. Петра и ап. Іоанна; наконецъ, оно пріобрѣло характеръ эллинистическій и универсальный. Это видно уже изъ того, что между всѣми книгами, входящими въ канонъ, существуютъ коренныя различія въ той доктринѣ, которую онѣ даютъ. Безсиліе церкви въ ея защитѣ евангельской морали и слѣдуетъ приписать болѣе всего ея упорству, съ которымъ она держится за устарѣлыя ученья, несовмѣстимыя съ духовнымъ прогрессомъ времени; этотъ прогрессъ требуетъ пересмотра смысла христіанскаго ученія о Богѣ, созданіи, откровеніи, искупленіи и т. п. Вообще современный католицизмъ можетъ стать въ гармонію съ знаніемъ только тогда, когда онъ преобразуется въ христіанство, освобожденное отъ догмы, т.-е. въ широкій и свободный протестантизмъ.

Таковы взгляды, которые католическая церковь признаетъ подлежащими осужденію. Первое, что поражаетъ въ новомъ силлабусѣ—это всѣ разбираемые тезисы поставлены, такъ сказать, въ одну плоскость. Неужели въ глазахъ церкви сомнѣнія въ основныхъ догматахъ, напримѣръ, божественности Христа, или предложеніе католицизму обратиться въ широкій и свободный протестантизмъ имѣютъ равную важность со спорами о времени, когда введено было крещеніе дѣтей, или даже о наслоеніяхъ въ

библейской традиціи? Мыслимо ли обязательное католическое міросозерцаніе, какъ единый блокъ, отъ котораго въ равной степени нельзя оторвать ни единой части? Но такое пониманіе все равно противорѣчитъ дѣйствительности. Полнаго единства, полной неизмѣнности церковь достичь не можетъ. Какъ ни консервативна католическая школа, все же тамъ учатъ иному и иначе, чѣмъ учили 100 лѣтъ назадъ! Если силлабусъ имѣетъ цѣлью возстановить тѣ основныя положенія католицизма, которыя должны быть недоступны для критическаго разбора, то слѣдовало бы прежде всего выдѣлить ихъ, и уже за предѣлами дать извѣстный просторъ свободѣ изслѣдованія, между тѣмъ въ разбираемомъ актѣ такой перспективы совершенно не соблюдено.

Еще важнѣе то чрезвычайно широкое представленіе о церковной догматикѣ, которое лежитъ въ основѣ силлабуса. Что общаго у догмы съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ первоначальной церкви іудастическія вліянія предшествовали эллинистическимъ? Можно ли вообще ставить въ зависимость объективную истину даннаго положенія вѣры отъ того или другого историческаго объясненія? Слишкомъ расширяя область догмы, дѣлаютъ ее тѣмъ болѣе уязвимой. Между тѣмъ едва ли даже католицизмъ нуждается въ такой постановкѣ. Католическіе теологи, писавшіе въ защиту ватиканскаго собора 1870 г., указывали, что принципъ папской непогрѣшимости имѣетъ одну цѣнную сторону: онъ создаетъ органъ, одобренный безусловнымъ авторитетомъ, который является источникомъ догматическаго творчества; благодаря ему церковь не привязана къ буквѣ догмы, не осуждена на вѣчную косность, которая должна бы составить удѣлъ послѣдовательнаго ортодоксальнаго протестантизма, въ глазахъ коего мертвыя буквы выше живого авторитета. Неужели папская непогрѣшимость нужна только для потвержденія общепризнаннаго?

Если къ этому прибавить, что многія критикуемыя ученья изложены въ силлабусѣ въ высшей степени неточно, что нигдѣ главное не отдѣлено отъ второстепеннаго, то со стороны формы, надо признать, послѣднее произведеніе римской инквизиціи стоитъ ниже знаменитаго силлабуса Пія IX. И важенъ, конечно, вновь изданный памятникъ болѣе всего какъ симптомъ. Въ той неразборчивости, съ которой предается осужденію все, что ищетъ новыхъ путей въ мысли и жизни, сказывается не только страхъ данныхъ опредѣленныхъ перемѣнъ, страхъ передъ распространеніемъ въ католическомъ мірѣ взглядовъ Луази или Шелля; здѣсь сказывается тотъ инстинктъ неподвижности и духовнаго покоя à tous prix, который какъ-то періодически сказывается въ дѣятельности римской куріи—точно будто она подавлена тяготѣющимъ надъ нею наслѣдіемъ вѣковъ.

Въ одномъ отношеніи силлабусъ отличается отъ подобныхъ актовъ, исходившихъ отъ предшественниковъ Пія X; въ осужденіи нѣтъ обычной рѣзкости и горячности. Изъ среды, близкой къ Ватикану, даже дѣлались заявленія, что всѣ прошлыя заблужденія будутъ прощены. Но эта примирительная нота не измѣнила отношенія католическихъ круговъ, которые имѣлъ

въ виду силлабусъ, къ папскому приговору. Цѣнный ли подарокъ—прощеніе въ глазахъ тѣхъ, кто не чувствовалъ за собой никакой вины? Они оплакивали торжество вліянія наиболѣе реакціонныхъ кардиналовъ—Вивесъ, Туто, Штейнгубера, Респиги; они оплакивали, что рѣшеніе Рима заставитъ поднять голову всѣ самыя темныя силы нѣмецкаго и особенно австрійскаго клерикализма, начиная съ его разсадника иннсбрукскаго факультета, до сихъ поръ наиболѣе сохранившаго средневѣковый пошибъ. По мнѣнію вѣнскаго профессора Пальтауфъ, силлабусъ долженъ сильнѣе отразиться именно въ Германіи, гдѣ новыя вѣянія довольно широко распространились среди образованныхъ католическихъ круговъ и гдѣ вообще живо интересуются вопросами религіи, тогда какъ въ Австріи господствуетъ или суевѣрная набожность, безпрекословно повинующаяся авторитету, или полный индиферентизмъ къ религіи. Съ точки зрѣнія политическаго разсчета появленіе силлабуса именно въ эту минуту вызываетъ еще большее недоумѣніе. Католическая церковь переживаетъ слишкомъ трудный кризисъ, чтобы его осложнять новыми преніями и конфликтами. Не говоря уже о Франціи, въ самой Италіи подымаются и растутъ антиклерикальныя настроенія весьма аггресивнаго характера — достаточно вспомнить недавнія нападенія на монастыри около Генуи—и Пію X это не можетъ быть неизвѣстнымъ. Въ такую ли минуту бросать новый вызовъ? И это не говоря уже объ общей переоцѣнкѣ цѣнностей, которая совершается теперь глубже и напряженнѣе, чѣмъ это было въ 1864 г.

Вѣроятно, авторитетъ католической церкви такъ великъ, что такія ошибки не оказываются для нея непоправимыми. Она найдетъ послушныхъ сыновъ еще для нѣсколькихъ силлабусовъ. Но отсрочить проблему—значитъ ли разрѣшить ее? А эта проблема—какъ можетъ создаться гармонія традиціонной вѣры и культуры—есть одна изъ величайшихъ историческихъ загадокъ, передъ которой съ недоумѣніемъ отступаетъ безстрастный изслѣдователь и безпомощность, разрѣшить которую мучительно чувствуетъ мыслящій вѣрующій; какая же можетъ быть цѣль—еще искусственно заострять ее?

С. Котляревскій

ПОПРАВКА.

Въ статью П. Струве „Тактика или идеи?" (*Русская Мысль*, августъ) вкрались слѣдующія грубыя опечатки. На стр. 233, 15 строка сверху вмѣсто „*малыхъ*" слѣдуетъ читать „*львыхъ*". На стр. 235, 5 строка сверху вмѣсто „*путемъ передѣла земли*" слѣдуетъ читать „*путемъ передачи земли*".

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Сентябрь 1907 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.— Исторія.— Правовѣдѣніе, соціологія, политическая экономія.— Народное образованіе.— Публицистика.— Естествознаніе.— Библіографія. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го августа по 1-е сентября 1907 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Литературно-художественные альманахи „Шиповникъ". Книга вторая.—*Н. Олигеръ.* Разсказы. Т. I.—*Шарль ванъ-Лербергъ.* Панъ. Сатирич. комедія въ 3-хъ дѣйств. Перев. С. А. Полякова.—*Θедоръ Сологубъ.* Мелкій бѣсъ. Романъ.—*Ив. Новиковъ.* Изъ жизни духа. Романъ.

Литературно-художественные альманахи „Шиповникъ". Книга вторая. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Тѣ литературные сборники, которые до сихъ поръ обращали на себя вниманіе публики, обыкновенно были объединены или общей идеей, или общимъ литературнымъ направленіемъ. Беря въ руки сборникъ „Знанія", читатель отлично зналъ, что онъ въ немъ ищетъ, и большею частью находилъ именно то, что ему нужно.

Въ послѣднее время, когда померкла слава этихъ сборниковъ, когда самый ихъ видъ началъ наводить всеобщее уныніе и разочарованіе, когда плеяда писателей во главѣ съ М. Горькимъ перестала привлекать къ себѣ общественный интересъ,—на книжномъ рынкѣ явились самые разнообразные сборники, представлявшіе собою отголосокъ различныхъ литературныхъ теченій нашего символизма. Сборники эти въ свою очередь отличаются единствомъ художественнаго направленія и среди множества напыщенныхъ и бездарныхъ произведеній въ нихъ все сильнѣе и сильнѣе пробивается струя настоящаго художественнаго творчества, зрѣютъ новыя силы и дарованія.

Все, что имѣетъ успѣхъ, вызываетъ подражаніе. Издательство „Шиповникъ" выпускаетъ въ свѣтъ уже вторую книгу своихъ „Альманаховъ" гдѣ въ прихотливомъ сочетаніи встрѣчаются самыя разнохарактерныя литературныя имена и литературныя направленія. Въ идеѣ этого соединенія на первый взглядъ есть много заманчиваго: произведенія, принадлежащія различнымъ литературнымъ школамъ, могутъ имѣть одинаковую художественную цѣнность, и что за дѣло, въ самомъ дѣлѣ, читателю до художественнаго направленія писателя, лишь бы налицо былъ дѣйствительный талантъ и дѣйствительное произведеніе искусства. И первая книга „Альманаховъ", въ свое время сочувственно отмѣченная *Русскою Мыслью*, повидимому, вполнѣ справилась съ трудностями поставленной ею задачи. Но уже второй сборникъ, лежащій передъ нами, представляетъ изъ себя подобіе литературной окрошки. Послѣ разсказа Муйжеля „Пока", который недуренъ самъ по себѣ, нѣсколько странно чи-

тать разсказъ Койранскаго „Холодъ“, который также самъ по себѣ имѣетъ извѣстный интересъ. Очевидно, условная литературная цѣнность этихъ произведеній не выдерживаетъ отсутствія привычныхъ рамокъ. Очевидно, при чтеніи разсказовъ Муйжеля въ *Русскомъ Богатствѣ* и разсказовъ Койранскаго въ различныхъ „декадентскихъ“ сборникахъ, предъявляешь къ нимъ невольно особыя, если такъ можно выразиться, мѣстныя требованія, внѣ которыхъ эти вещи въ значительной степени утрачиваютъ свой смыслъ. Изъ всѣхъ прозаическихъ произведеній въ сборникѣ рѣзко выдѣляется только прекрасный, глубоко-художественный разсказъ Б. Зайцева „Май“. Безмѣрной радостью жизни, вѣчной весной и молодостью вѣетъ отъ него, словно пролетаетъ красный май „легкимъ летомъ и напѣваетъ на людскихъ душахъ, какъ на ясныхъ свирѣляхъ, свои пѣсни: пѣннорозовѣющія и любовныя“.

Отдѣлъ поэзіи въ сборникѣ производитъ грустное впечатлѣніе; обидно становится за даровитыхъ молодыхъ поэтовъ, быть можетъ, главнымъ недостаткомъ которыхъ является эта неразборчивость, это полное отсутствіе самокритики, то, что ихъ дѣйствительно прекрасныя стихотворенія тонутъ въ морѣ невѣроятно плохихъ виршей. Слабы въ сборникѣ стихи Блока; странно читать стихотвореніе Городецкаго „Русь“:

Русь, что больше и что ярче?
Что сильнѣй и что смѣлѣй?
Гдѣ сіяетъ солнце жарче?
Гдѣ сіять ему милѣй?

Что можетъ быть хуже этой жалкой и безвкусной риторики? Или она, такъ сказать, эстетически-преднамѣренна? Во всякомъ случаѣ, она непріятна у поэта, еще такъ недавно своей „Ярью“ открывшаго неисчерпаемый родникъ русскаго миѳотворчества.

Слѣдуетъ отмѣтить въ сборникѣ три интересные рисунка Бенуа.

Ѳ. Арнольдъ.

Н. Олигеръ. Разсказы. Т. I. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Потрясающія событія послѣднихъ лѣтъ служили и служатъ неисчерпаемой темой для злободневной беллетристики. Какъ изъ рога изобилія, сыплются всѣ эти повѣсти и разсказы, полные описаній крестьянскихъ волненій, забастовокъ, смертныхъ казней и проч. И у всѣхъ этихъ произведеній есть одно только общее—это полное отсутствіе художественнаго значенія, которое не въ состояніи замѣнить возмущенное и взволнованное чувство писателя. Смѣсь самыхъ разнородныхъ впечатлѣній, которыя несетъ съ собой взбаломученное житейское море, не даетъ, очевидно, устоять ни одному цѣльному художественному образу, ни одной цѣльной художественной картинѣ.

Разсказы г. Олигера являются счастливымъ исключеніемъ. Несмотря на нѣкоторую поверхностность воспроизведенія, несмотря на то, что авторъ какъ будто бы намѣренно не хочетъ углубиться въ описываемыя имъ событія и характеры, отворачивается ото всего, что лежитъ за предѣлами изображаемаго имъ кусочка жизни, этотъ маленькій кусочекъ жизі
встаетъ передъ вами ярко и выпукло, производитъ ту полноту впеч
тлѣнія, какую можетъ произвести только художественное произведені
Заброшенная гдѣ-то на краю свѣта угрюмая долина, плывущіе по могу
чей сѣверной рѣкѣ ссыльные, телеграфистъ, скрывающійся въ степи
голоднаго киргиза отъ карательнаго поѣзда—все это живетъ сво
жизнью, которая шире вызвавшихъ ее хотя бы и ужасныхъ, но време
ныхъ злоключеній.

Небольшой талантъ автора производитъ пріятное впечатлѣніе своей простотой, искренностью и живымъ чувствомъ внутренней правды.

Ѳ. А.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Сатирическая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Перев. С. А. Полякова. (Журналъ „Вѣсы". 1907 г., № 4.) Цѣлый выпускъ *Вѣсовъ* занятъ переводомъ этой пьесы, которая не должна бы пройти безслѣдно для читающей публики. Комедія Лерберга отличается такой оригинальностью и остротой, вѣетъ отъ нея такой свободой и смѣлостью духа, въ ней поэзія и тончайшая сатира такъ соединились въ одно художественное цѣлое, что въ современной литературѣ она представляетъ выдающееся и прекрасное явленіе. Она разсказываетъ о томъ, какъ Панъ, великій Панъ воскресъ изъ мертвыхъ, явился въ хижину пастуха и дочь его, прелестную юную Паниску, взялъ въ свои объятія. Онъ, оказывается, не умеръ, онъ только спалъ и вотъ проснулся въ одну весеннюю ночь, среди изобилія цвѣтовъ и плодовъ, которые отъ его пробужденія чудно созрѣли до срока. И первые ученики его, простые сердцемъ, самою жизнью обученные пантеизму, услышали „музыку, колокола, птицъ, море, весь міръ". Въ своей нагорной проповѣди онъ сказалъ очарованнымъ людямъ: „Я пришелъ, чтобы возвратить вамъ радость жизни, веселость, здоровую и чистую любовь. Я—Юность и здравый Разумъ древнихъ; я принесъ вамъ новыя пѣсни, или, скорѣе, старыя пѣсни, которыя знали ваши отцы, а вы забыли. Я васъ вновь научу имъ, какъ-нибудь вечеромъ, при свѣтѣ луны, послѣ дневного труда; ибо я принесъ съ собой мою флейту, и, подъ звуки моей божественной флейты, запляшутъ ваши юноши и дѣвы". Конечно, воскресенію давно и, казалось бы, невозвратно умершаго Пана ужаснулись начальство и духовенство, которыя приняли его за Сатану, и они были шокированы его наготою и сіяющей наготой его избранницы Паниски. Негодовалъ аббатъ, волновался бургомистръ, сѣтуя на безпорядокъ (вѣдь „чудо, это—безпорядокъ"); природой хотѣлъ было все объяснить просвѣщенный учитель, но ему внушительно заявили, что природа, это—скандалъ и что „ничего нѣтъ естественнаго въ природѣ, потому что все зависитъ отъ воли Божьей, которая законамъ естества не подвластна". И рѣшили вогнать діавола, т.-е. Пана, въ тѣло свиньи или черной кошки, или жабы, или совы. Но... но Панъ рѣшительно отказался войти куда бы то ни было, и даже молитвы нисколько не помогли. Суровый аббатъ указывалъ, что его съ самаго начала слѣдовало посадить въ тюрьму, что въ прежнія времена его сожгли бы или колесовали,—„а теперь колеблются... составляютъ протоколъ! Міръ больше не съ Богомъ". Но бургомистръ, который стоялъ на уровнѣ вѣка и либерализма, поговоривъ съ Паномъ, нашелъ, что это—богъ благовоспитанный, очень мягкій, вполнѣ приличный, и высказался противъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ нему. „Всѣ боги,—говорилъ онъ,—равны передъ закономъ. Я возстаю противъ ре[ли]гіозныхъ преслѣдованій. Ихъ времена прошли. Мы живемъ въ эпоху [ве]ротерпимости для всѣхъ, даже для боговъ". И, по иниціативѣ про[свѣ]щеннаго учителя, постановили заключить съ Паномъ конкордатъ. Въ [об]стоятельной рѣчи (которую авторъ пьесы какъ бы напиталъ убій[ствен]ннымъ ядомъ своей ироніи) капуцинъ доказывалъ, что хотя Церковь [ни]когда не эволюціонировала и всякое преобразованіе было бы для нея [ги]белью, но въ то же время она всегда матерински принимала во вни[ма]ніе нужды общества и умѣла приспособляться къ нему. Отчего же и не

заключить соглашенія, modus vivendi съ Паномъ, разъ ужъ онъ воскресъ? „Церковь основала христіанскую науку, христіанскую философію, христіанское искусство, христіанскій соціализмъ, всѣ эти славныя побѣды нашей эпохи. Такъ вотъ, господа, я васъ спрашиваю, почему бы ей не могла быть предоставлена честь, въ нашемъ вѣкѣ, основать *христіанское язычество?*“ И составили текстъ конкордата, причемъ въ первую очередь потребовали отъ Пана, чтобы онъ и Паниска одѣлись и немедленно сочетались законнымъ бракомъ. Другіе пункты конкордата (а всѣхъ ихъ было тринадцать) требовали отъ Пана, между прочимъ, чтобы онъ носилъ одѣяніе, подобное одѣянію францисканцевъ, чтобы онъ принялъ возрастъ между девяноста годами самое меньшее и ста годами самое бóльшее, чтобы онъ былъ ограниченъ въ своихъ разговорахъ, ничего не одобрялъ, ничего не порицалъ и сохранялъ строжайшій нейтралитетъ между всѣми мнѣніями, прошедшими, настоящими или будущими, чтобы онъ не дѣлалъ чудесъ, не пѣлъ, не танцовалъ, не игралъ, чтобы онъ занялъ мѣсто хранителя коммунальнаго козла, но притомъ никогда не говорилъ о вышеуказанной должности, чтобы онъ былъ покоренъ и почтителенъ по отношенію къ властямъ духовнымъ и гражданскимъ,—а взамѣнъ того, онъ будетъ имѣть право, но подъ надзоромъ полиціи, передвигаться свободно по территоріи коммуны, за исключченіемъ земель, принадлежащихъ церкви. И всѣ эти условія были предъявлены Пану какъ непремѣнныя, sine qua non; въ противномъ случаѣ онъ долженъ покинуть коммуну въ кратчайшій срокъ. Но... но Панъ отказался отъ всего, отъ всѣхъ условій и даже не выслушалъ договора. И подъ звуки гимна, подъ звонъ колоколовъ приближается шествіе Пана—увѣнчанные цвѣтами, ликующіе, обнаженные люди. Напрасно иные взываютъ къ полиціи—тріумфальное шествіе идетъ, близится, близится, и вотъ уже Паниска, нагая, устремляется на сцену и порывистымъ движеніемъ отбрасываетъ назадъ свои длинные рыжіе волосы, перевитые цвѣтами и красными листьями. И слышны паническіе крики, и всѣ славятъ воскресшаго Пана—жизнь, радость, свѣтъ, и онъ грядетъ на колесницѣ своей, влекомой пантерами...

Трудно воспроизвести въ сухомъ пересказѣ все утонченное изящество этой пьесы,—изящество, цвѣтами своими прикрывающее глубину и серьезность міросозерцанія.

Ю. Айхенвальдъ.

Ѳедоръ Сологубъ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Изданіе „Шиповника“. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 75 к. Читателямъ, вѣроятно, извѣстенъ этотъ романъ, нѣсколько лѣтъ назадъ появлявшійся въ журналѣ *Вопросы Жизни*. На немъ лежитъ печать яркаго и оригинальнаго дарованія, которому доступны самыя далекія вершины духа. Однако въ этомъ именно произведеніи авторъ сходитъ съ нихъ въ грязную тину мелкихъ бѣсовъ. Какъ разъ небрезгливость Сологуба прежде всего бросается въ глаза. Онъ умѣло, слишкомъ умѣло отыскиваетъ въ человѣкѣ жадное, гадкое, мерзкое; онъ спускается гораздо ниже Гоголя,—туда, гдѣ удручаютъ какія-то моральныя каракатицы, такъ плотно облѣпившія душу, что изъ нея не прорывается ни единый лучъ свѣта. И подъ властью мелкаго бѣса, одержимый имъ учитель Передоновъ мало-по-малу лишается разсудка, и уже не реальныя силы, а фантастическія недотыкомки направляютъ его, дальняго наслѣдника Каина, къ убійству и гибели. На послѣдней страницѣ романа передъ вами—сумасшедшій, но въ своемъ сумасшествіи какъ бы самъ виноватый; постепенно доходилъ онъ до этой патологіи, отправляясь отъ пошлости, такъ сказать, нормальной. Сначала съ

рая, она въ концѣ вспыхнула краснымъ огнемъ поджога и крови. Можно посѣтовать на Сологуба за то, что мелкое онъ показалъ въ мелкомъ,— былъ бы интереснѣе мелкій бѣсъ на фонѣ чего-либо крупнаго; Передоновъ же собою, своей личностью, такого фона не создаетъ, потому что онъ весь, онъ самъ мелокъ, и иные бѣсы и не могли бы угнѣздиться въ его плоскомъ духѣ: similia similibus. Оттого читателю подчасъ становится душно и тошно въ этомъ болотѣ мелкаго, на которое повелъ его небрезгливый авторъ. Но характерно, что и послѣднему, тоже какъ Гоголю, невмоготу стали его собственные персонажи и, задыхаясь въ ихъ средѣ, отъ этого самоупоенія безсмыслицы, онъ находитъ себѣ облегченіе раньше всего въ томъ прекрасномъ лиризмѣ, который вдругъ прорываетъ невыносимую пелену низменности и показываетъ свѣтлыя, эѳирныя, солнечныя перспективы. Онъ разсѣиваетъ свою тоску, Сологубъ, этими лирическими вздохами: „О, смертная тоска, оглашающая поля и веси, широкіе родные просторы! ...О, смертная тоска! О, милая, старая русская пѣсня, или и подлинно ты умираешь?“ Онъ не удерживается, къ счастью, на строгой высотѣ объективности и, подойдя къ Передонову, клеймитъ его, осуждаетъ, выдаетъ его съ головою на общее позорище. Вотъ въ церкви своею пошлостью мысленно облекаетъ Передоновъ церковные обряды и таинства, и хочется ему изорвать ризы, изломать сосуды; и не выдержалъ этого писатель, и говоритъ: „Таинство вѣчнаго претворенія безсильнаго вещества въ расторгающую узы смерти силу было передъ нимъ навѣкъ занавѣшено. Ходячій трупъ! Нелѣпое совмѣщеніе невѣрія въ живого Бога и Христа Его съ вѣрою въ колдовство“. Или онъ не прощаетъ Передонову, что и во всей природѣ подозрѣвалъ онъ только мелкія человѣческія чувства. „Ослѣпленный обольщеніями личности и отдѣльнаго бытія, онъ не понималъ діонисическихъ, стихійныхъ восторговъ, ликующихъ и вопіющихъ въ природѣ. Онъ былъ слѣпъ и жалокъ, какъ многіе изъ насъ“. Есть что-то примиряющее и трогательное въ этомъ отношеніи художника къ своему герою, въ томъ, что онъ беретъ его въ серьезъ,—въ этой діонисійской точкѣ зрѣнія, съ которой разсматривается—кто же? Передоновъ! И даже то осиное гнѣздо, тотъ мелкій городокъ, въ которомъ раздолье находили себѣ мелкіе бѣсы, авторъ сумѣлъ подмѣтить не только въ его натуралистическомъ аспектѣ, но и въ его мистикѣ и вечернемъ мечтаніи: „Перегибъ улицы межъ двухъ лачугъ рисовался на синемъ, вечерѣющемъ и печальномъ небѣ. Тихая область бѣдной жизни замкнулась въ себѣ и тяжко грустила и томилась“. Такъ самую пошлость преображаютъ идеалистическіе порывы.

Кромѣ этого лирическаго освобожденія души, удрученной и обреченной на то, чтобы идти вослѣдъ Передонову „по нечистой и безсильной землѣ“,—Сологубъ вдохнулъ въ свои тягостныя страницы какое-то нѣжное дыханіе просыпающейся, пока еще невинной любви, и освѣтилъ ихъ свѣтомъ дѣтскаго и дѣвичьяго. Только дѣти, еще не подчиненныя отуляющей силѣ косности, „какого-то безликаго и незримаго чудища“,— только дѣти, говоритъ онъ, „вѣчные, неустанные сосуды Божьей радости надъ землею, были живы“. И потому, на-ряду съ отвратительными романами Передонова, разыгрывается нѣкая мистерія „расцвѣтающей плоти“, и снится, какъ у Пушкина, „пылкій отрока, восторговъ полный сонъ“. Среди этихъ восторговъ, какъ обычно у Сологуба, есть и муки, боли: часты упоминанія о гибкихъ вѣтвяхъ, о бичеваніи... Все вмѣстѣ создаетъ, быть можетъ, больную, но плѣнительную остроту и тонкость ощущеній, сладкое страданіе страсти. И Людмила поэтическіе гимны

поетъ духамъ и опрыскиваетъ ими обнаженное тѣло мальчика, „строка богоравнаго“, и цѣлуетъ его „голыя плечики“, и онъ цѣлуетъ ея теплую, благоуханную ладонь, и не знаетъ мальчикъ въ нѣжной истомѣ, „какъ принести свою кровь и свое тѣло въ сладостную жертву ея желаніямъ, своему стыду“? Авторъ видитъ, что такія сцены нарушаютъ общій реалистическій духъ романа; но ему нужно уйти въ этотъ вымыселъ, чтобы забыться и забыть о Передоновѣ. Недолго будетъ длиться поэтическое отдохновеніе, потому что это самое языческое зрѣлище полуобнаженныхъ Людмилы и Саши, съ другого угла жизни, предстанетъ уже не какъ эллинское, а какъ пошлое и порочное; и даже самая эта Людмила, вакханка, язычница,—она, если взглянуть на нее иначе, покажется и окажется развращенной дѣвушкой, которая лжетъ, лжетъ съ „неотразимой убѣдительностью неправды“ и губитъ цѣломудренные помыслы мальчика: стоитъ только посмотрѣть на все это глазами передоновскими. А въ чьи глаза не вторгались мелкіе бѣсы Передонова, или ибсеновскіе злые духи — тролли, кто взглядомъ своимъ не осквернялъ наготы?...

Такъ внутреннимъ свѣтомъ души по разному освѣщается жизнь, и въ этой игрѣ и смѣнѣ освѣщеній жизнь часто является тусклая, болотная, сѣрая,—такая, какой только и можетъ видѣть ее несчастный и тупой Передоновъ. И не къ тому ли сводится вся внутренняя драма и писателя, и читателя, чтобы избыть въ себѣ Передонова, чтобы свергнуть съ себя это проклятіе, тяготѣющее на насъ со временъ потеряннаго Эдема?...

Ю. А.

Ив. Новиковъ. Изъ жизни духа. Романъ. Изд. С. Скирмунта. Спб., 1906 г. Ц. 1 р. Романъ г. Новикова имѣетъ очень интересную и драматическую фабулу; въ немъ есть трогательныя страницы о судьбѣ и смерти оскорбленной дѣвушки. Но проникнуть во все это крайне трудно,— до такой степени мѣшаетъ литературная манера или, вѣрнѣе, манерность автора. Въ цѣляхъ, повидимому, сжатости онъ пишетъ безъ подлежащихъ, вродѣ Пшибышевскаго, такъ что вы долго не знаете, читая его фразы, о комъ собственно идетъ рѣчь, и уже съ первыхъ страницъ вы рѣшительно отказываетесь понять, кто Огневъ, кто Игнатовъ, кто Безсоновъ, кто Гагаринъ (правда, въ данномъ случаѣ виновата не только своеобразная фразеологія г. Новикова, но и недостаточная яркость его кисти и суммарность его психологическаго анализа, сдѣлавшая почти всѣхъ героевъ какими-то нравственными близнецами). Свой стиль, который могъ бы быть простымъ и хорошимъ, который иногда возвышается до поэтичности, авторъ какъ бы нарочно испортилъ разными вычурами; напримѣръ, про поцѣлуй говоритъ онъ такъ: „нечаянный, всталъ во весь ростъ изъ этой бездонности покоя и мира. Онъ обнялъ плечи ея“ и т. д.,—впрочемъ, *онъ* по смыслу долженъ относиться здѣсь къ герою, а не къ поцѣлую, вставшему во весь ростъ (стр. 22). Прибавьте къ этому растянутость и однообразіе тона, счастливо нарушающееся только въ описаніи студенческой сходки,—и вы поймете, что читать романъ г. Новикова не легко. А жаль! Въ центрѣ произведенія находится важный и вѣчный моментъ: борьба съ чувственностью. Властныя требованія молодого тѣла смущаютъ героевъ и героинь автора; въ своемъ стремленіи къ духу они жаждутъ „чистоты, одной чистоты“ и до самоубійства тяготятся тѣмъ самымъ влеченіемъ, которое Шекспира вдохновило на „Ромео и Джульету“. Чувственность пугаетъ ихъ и оскорбляетъ не только передоновская, въ своемъ обособленіи, не только отдѣленная отъ чувства, но и

тамъ, гдѣ она преображается въ одинъ общiй могучiй порывъ, къ которому неприложимо обычное и неглубокое раздѣленiе человѣка на душу и тѣло. Они прозираютъ инстинктъ и думаютъ, что если въ немъ правда, то жизнь не стоитъ жизни. Они все болѣе и болѣе склоняются къ мысли, что идеалъ святости можетъ быть осуществленъ только въ томъ случаѣ, если ликвидировать мiръ. Поколѣнiе смѣняется поколѣнiемъ, и трагическая сказка человѣчества начинается все сызнова, и не видно ей конца, и потому не видно и начала царству духа.

Если бы эта мысль была воплощена въ образы живые, въ фигуры правдоподобныя, то романъ г. Новикова представлялъ бы значительный художественный интересъ, и былъ бы неотразимъ конечный выводъ автора о „великой тайнѣ преображенiя", о примиренiи двухъ путей въ единой „сiяющей Правдѣ",—но, къ сожалѣнiю, блѣдны лица, написанныя нашимъ романистомъ, и сочиненныя рѣчи вложилъ онъ въ ихъ безкровныя уста.

Ю. А.

ИСТОРIЯ.

Ипполитъ Тэнъ. Происхожденiе общественнаго строя современной Францiи. Т. I. Старый порядокъ. Перев. Германа Лопатина.

Ипполитъ Тэнъ. Происхожденiе общественнаго строя современной Францiи. Томъ I. Старый порядокъ. Переводъ съ 3-го французскаго изданiя Германа Лопатина. Изд. М. В. Пирожкова. Спб., 1907 г. Ц. 2 р. 50 к. Тридцать два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тэнъ выпустилъ первый томъ своего труда. Съ этого только времени (если исключить генiальную книгу Токвиля) и началось научное изученiе Французской Революцiи. Партiйныя декламаторскiя исторiи были убиты и водворены начала соцiологическаго изученiя. Правда, и Тэна обвиняли въ партiйности и предвзятости, но обвиняли въ этомъ всѣ партiи. Когда вышелъ „Старый порядокъ", на историка косились и крайнiе лѣвые и крайнiе правые. Когда появились томы, посвященные якобинскому „завоеванiю", французскiе радикалы предали Тэна проклятiю, а монархисты и бонапартисты раскрыли ему свои салоны. Но увлеченiе продолжалось недолго, и первый же томъ, посвященный Наполеону, побудилъ бонапартистскую принцессу Матильду показать Тэну дверь своего дома. Несомнѣнно въ указанiи, что Тэнъ партiенъ, есть доза правды. Непартiйныхъ людей вообще нѣтъ: это были бы люди внѣ времени и пространства. Свою работу Тэнъ задумалъ, исходя изъ политическихъ соображенiй. Первая мысль о ней возникла у него въ 1849 году послѣ бурной революцiи, которой онъ, видимо, не симпатизировалъ. Отвращенiе къ формамъ революцiи и было несомнѣнно той эмоцiей, на которой, какъ на фундаментѣ, Тэнъ воздвигъ свое монументальное зданiе. И тѣмъ не менѣе у Тэна хватило мужества и прямоты признать происшедшiй въ концѣ XVIII вѣка во Францiи переворотъ „плодотворнымъ". Дѣло въ томъ, что партiйность Тэна довольно широкая. Она вращается въ области эволюцiи, противополагаемой революцiи. Если Тэнъ партiенъ, то онъ партiенъ, какъ историкъ, имѣющiй дѣло съ массами, съ соцiальными организмами, а не какъ злободневный публицистъ, понаторѣвшiй въ личныхъ схваткахъ со своими политическими врагами (напримѣръ, Луи-Бланъ).

За истекшiе тридцать лѣтъ архивное изученiе Французской Революцiи сдѣлало огромные успѣхи. Пользуясь отчасти этими матерiалами, а

отчасти и исходя изъ общихъ соображеній, цѣлый рядъ французскихъ историковъ пытались опровергнуть и ниспровергнуть Тэна, низвести его трудъ съ того пьедестала, на которомъ онъ такъ быстро укрѣпился. Въ этомъ направленіи особенно усердно работалъ неутомимый изслѣдователь и лучшій современный знатокъ вопроса Оларъ, заподозрѣвшій даже научную добросовѣстность Тэна, будто бы неправильно ссылавшагося на первоисточники. И хотя нѣкоторыя указанія Олара по справкамъ съ архивными матеріалами подтвердились, хотя ему и удалось разоблачить рядъ ошибокъ Тэна, тѣмъ не менѣе великое значеніе громаднаго Тэновскаго труда осталось непоколебленнымъ. До сихъ поръ Тэнъ читается и изучается во всѣхъ культурныхъ странахъ. До сихъ поръ французская историческая наука не дала ничего такого, что хотя бы до нѣкоторой степени могло соперничать съ „Les origines". Характерно, что самые радикальные писатели, когда имъ приходится научно анализировать революцію, какъ историческій и соціальный процессъ, ссылаются не на кого иного, какъ на Тэна (послѣдній примѣръ: революціонный синдикалистъ Артуръ Лабріола). Характерно, что когда русская читающая публика, вспугнутая революціей въ родномъ краю, бросилась изучать революціи, ей сразу предложили чуть ли не четыре перевода Тэновскаго труда, причемъ наилучшій изъ нихъ принадлежитъ перу ветерана народовольчества Германа Лопатина. Кому-кому, а народовольцу Лопатину, одному изъ лучшихъ представителей героическаго періода русской интеллигенціи, „реакціонныя" тенденціи Тэна не должны были прійтись по душѣ, и если старый народоволецъ счелъ переводъ этой книги полезнымъ для русскаго общества, значитъ онъ почувствовалъ, что научныя достоинства Тэновской исторіи съ избыткомъ покрываютъ субъективность тѣхъ или иныхъ оцѣнокъ. Тэновскія бутады можно почти всегда легко отдѣлить отъ сути его работы, заключающейся въ поразительномъ раскрытіи условій, приведшихъ къ гибели старый порядокъ, механизма, совершившаго эту операцію, и элементовъ, изъ которыхъ сложился новый „современный" порядокъ, въ наше время тоже начинающій клониться къ упадку.

Въ Россіи на сочиненіе Тэна было обращено вниманіе довольно скоро послѣ его выхода въ свѣтъ. Первый переводъ былъ напечатанъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ полу-реакціонномъ журналѣ Евг. Маркова, называвшемся, кажется, *Русской Рѣчью*. Напечатаны были только три тома.—Журналъ погибалъ, и послѣднія двѣ книжки были заполнены исключительно переводомъ работы Тэна. Въ отдѣльномъ изданіи появился только переводъ перваго тома „Старый порядокъ", хотя и встрѣченный печатью довольно сочувственно, но расходившійся туго. Русская Революція сильно подняла спросъ на книги по исторіи революцій, и почти одновременно, какъ мы уже сказали, вышло четыре перевода перваго тома „Les origines".

Большинство переводовъ очень дешевые, Лопатинскій—самый дорогой, но несомнѣнно, что интеллигентный читатель, желающій имѣть серьезный научный переводъ, не долженъ зариться на дешевизну, а оказать предпочтеніе болѣе дорогому. Переводъ Лопатина—добросовѣстный трудъ, сдѣланный со знаніемъ дѣла и съ чувствомъ нравственной отвѣтственности. Конечно, мы можемъ указать немало мѣстъ, въ передачѣ которыхъ расходимся съ г. Лопатинымъ. Непонятно, почему переводчикъ отказывается отъ терминовъ, уже пріобрѣвшихъ прочное право гражданства въ русскомъ языкѣ. Слово cahiers онъ переводитъ „инструкціи", тогда какъ это—знаменитые „наказы". Вмѣсто Генеральныхъ Штатовъ

фигурируетъ собраніе государственныхъ чиновъ. Попадаются такія фразы: полное и частное освобожденіе отъ податей (слѣдовало бы сказать частичное). Транскрипція иностранныхъ именъ не всегда удачна и не всегда одинакова: Arthur Young—передается Артуръ Йонгъ и съ перваго раза трудно догадаться, что это знаменитый англійскій агрономъ, извѣстный русскимъ читателямъ, какъ Артуръ Юнгъ. Одна и та же мѣстность именуется то Гено, то Гэйно и т. д. Неправильно передано и заглавіе: Les origines de la France contemporaine обозначаетъ происхожденіе всей Франціи, какъ политическаго и общественнаго строя, такъ и духовнаго облика, а не только „общественнаго строя", какъ перевелъ г. Лопатинъ.

Но всѣ эти частности—повторяемъ—не мѣшаютъ переводу въ общемъ оставаться очень хорошимъ. Большой благодарности заслуживаетъ переводчикъ и за поясненіе въ выноскахъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ французскихъ терминовъ, совершенно незнакомыхъ среднему русскому читателю.

А. С. Изгоевъ.

ПРАВОВѢДѢНІЕ, СОЦІОЛОГІЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Перев. подъ редакц. проф. П. Г. Виноградова.—*К. Фромс.* Монархія или республика. Перев. В. В. Задлера.—*П. Гере.* Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Перев. М. Б. М.

А. В. Дайси. Основы государственнаго права Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Переводъ, дополненный по 6-му англійскому изданію подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова. Изданіе второе „Библіотеки Самообразованія". М., 1907 г. Ц. 2 р. Книга А. В. Дайси, собственно говоря, выходитъ въ Россіи не вторымъ, а третьимъ изданіемъ, такъ какъ еще до „Библіотеки Самообразованія" она была издана въ началѣ 90-хъ годовъ. По этой книгѣ уже не одно поколѣніе русскихъ людей знакомилось съ сущностью англійской конституціи. Въ Россіи, главнымъ образомъ благодаря Дайси, разсѣялось невѣрное, внушенное Монтескье, представленіе объ англійской конституціи, какъ объ органическомъ зданіи, построенномъ на строго проведенномъ началѣ раздѣленія властей. Изящный, строго юридическій и фактически обоснованный анализъ Дайси вскрылъ совсѣмъ иныя пружины англійскаго конституціоннаго права: гибкость конституціи, всемогущество парламента, а главное господство права, обыкновеннаго права во всѣхъ отрасляхъ публичной жизни. По Дайси главную оригинальность англійской жизни составляетъ то, что первый министръ за свои поступки по должности (о частной жизни нечего и говорить) отвѣчаетъ въ такомъ же порядкѣ, какъ любой рабочій или лавочникъ. Этой черты англійской конституціи долгое время не могли уловить континентальные юристы, какъ и по сейчасъ многіе англійскіе юристы не способны понять, въ чемъ сущность европейскаго административнаго права. Въ Англіи административное право есть законъ *для* извѣстнаго класса, устанавливающій привилегіи или ограниченія только для чиновниковъ, а никакъ не для всего народа, тогда какъ, напримѣръ, французское droit administratif основывается на двухъ идеяхъ, „совершенно чуждыхъ англійскому праву". Первая изъ нихъ та, что отношенія частныхъ лицъ къ государству опредѣляются принципами совершенно не сходными съ тѣми

нормами частнаго права, которыя опредѣляютъ права частныхъ лицъ по отношенію къ ихъ сосѣдямъ; вторая идея—что вопросы, касающіеся примѣненія этихъ принциповъ, не подлежатъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ, но должны рѣшаться спеціальными трибуналами болѣе или менѣе государственнаго характера. Въ Англіи—говоритъ Дайси—полномочія короны и ея служителей могутъ отъ времени до времени увеличиваться или уменьшаться. Но эти полномочія, каковы бы они ни были, должны осуществляться согласно принципамъ обыкновеннаго общаго права, которыми регулируются отношенія англійскихъ гражданъ другъ къ другу (см. стр. 612—615 и друг.). Правда, при такомъ пониманіи англійскаго конституціоннаго права, заимствованія и перенесенія его на другую почву становятся гораздо труднѣе, чѣмъ когда господствующее представленіе объ англійской конституціи опиралось на Монтескье, зато пониманіе общественныхъ процессовъ сильно прояснилось.

Съ 1885 года, когда книга Дайси впервые появилась въ Англіи, она выдержала шесть изданій и каждое изданіе обогащалось большими и важными дополненіями. Русскому читателю даны всѣ эти добавленія и онъ можетъ ознакомиться по книгѣ Дайси съ послѣднимъ пріобрѣтеніемъ англійскаго государственнаго права: австралійскимъ федерализмомъ.

Русское изданіе, исполненное подъ руководствомъ такого спеціалиста, какъ проф. Виноградовъ, выполнено во всѣхъ отношеніяхъ прекрасно и цѣна сравнительно съ изяществомъ изданія весьма невелика.

А. С. Изоевъ.

К. Фроме. Монархія или республика? Переводъ со 2-го нѣмецкаго изд. В. В. Задлера. Книгоиздательство Т-ва „Просвѣщеніе". Спб. (безъ обозначенія года). Стр. VI + 497. Цѣна 1 р. К. Фроме очень ясно поставилъ вопросъ, привелъ довольно много аргументовъ противъ монархіи, очень мало въ пользу республики и совсѣмъ не разрѣшилъ имъ же предложенной дилеммы. На протяженіи слишкомъ пятисотъ страницъ убористаго шрифта онъ обосновываетъ положеніе, въ силу котораго „монархизмъ не въ состояніи надолго (?) затормозить развитіе человѣческаго духа и общественныхъ отношеній — такова его судьба" (стр. 5), но обоснованіе этого положенія нуждается не столько въ описательной аргументаціи и экскурсіяхъ въ область даже доисторическую, сколько въ ясныхъ и принципіальныхъ положеніяхъ системы права, исповѣдуемой самимъ авторомъ, и въ анализѣ эволюціи монархизма. Этой ясности и этого анализа нѣтъ у К. Фроме; правовѣрный соціалъ-демократъ—онъ долженъ относиться съ одинаковымъ презрѣніемъ и къ монархіи, и къ *буржуазной* конституціонной формѣ правленія, и къ еще болѣе буржуазной формѣ правленія республиканской.

При такомъ смѣшеніи всѣхъ формъ, при раскрытіи всѣхъ скобокъ какого-либо опредѣленнаго юридическаго воззрѣнія мы напрасно искали бы въ работѣ К. Фроме; онъ не только не далъ своей юридической системы, но даже не останавливался ни на одной изъ существующихъ, заимствуя юридическіе аргументы въ пользу своей точки зрѣнія у всѣхъ понемногу—Фроме поразительно эклектиченъ: Пэнъ, Ад. Смитъ, Макіавели, Мильтонъ, К. Марксъ, св. отцы, іезуиты, гусситы, Лютеръ, Кальвинъ, С. Жюстъ, Кавуръ, Криспи и еще буквально легіонъ именъ, школъ и доктринъ—все и вся служатъ К. Фроме аргументами въ пользу нѣсколько странной и трудно уловимой тезы—почти одинаковой непригодности всѣхъ нормъ публичнаго права, на которыхъ держится современная государственная власть.

Однако, даже соціалъ-демократическій доктринаризмъ не спасаетъ автора отъ „буржуазной пошлости“ при малѣйшихъ попыткахъ объяснить, не говоря уже происхожденіе религіозныхъ идей, но даже такія явленія, какъ распространеніе исламизма, возникновеніе реформаціи, наконецъ, республики.

Впрочемъ, такъ какъ Фроме все время цитируетъ, все время ссылается на „буржуазныхъ“ ученыхъ, то, понятно, что и ходъ его идей и способъ ихъ выраженія становятся шаблонными и банальными, а „матеріалистическо-экономическое“ пониманіе подставляется только для заполненія пробѣловъ и безъ всякаго ущерба, а даже съ извѣстнымъ выигрышемъ въ ясности, могло бы и не упоминаться, какъ ровно ничего не объясняющее по вопросамъ, къ объясненію которыхъ направлены усилія Фроме.

Онъ, с.-демократъ, не можетъ раздѣлять теорію естественныхъ правъ, какъ очевидно противорѣчащую матеріалистическому пониманію, но онъ, какъ политическій демократъ, не можетъ не говорить о „неотъемлемыхъ и прирожденныхъ“ человѣку правахъ, такъ какъ цѣль его состоитъ въ доказательствѣ попранія этихъ правъ монархіей и справедливости афоризма Грегуара, сказавшаго, что „исторія королей есть исторія несчастій народа“.

Онъ не можетъ не считать конституцію, точнѣе ограниченную монархію, „жалкой комедіей“, такъ какъ онъ цѣликомъ раздѣляетъ Лассалевскій взглядъ на „сущность конституціи“, но не можетъ и не признать, что ограниченная монархія совсѣмъ не то, что монархія абсолютно-самодержавная.

Коренной ошибкой и странной, въ трудѣ соціалъ-демократа, данью идеализму является стремленіе К. Фроме отыскать современный политическій демократизмъ въ древне-германскихъ общинахъ, представляемыхъ институтомъ „свободолюбиваго“ германскаго народа. К. Фроме этими поисками современнаго демократизма въ сѣдой старинѣ обнаруживаетъ полное непониманіе сущности современной демократіи; въ дѣйствительности эта послѣдняя совершенно немыслима безъ индивидуальной свободы, а не только германская древность, но и античный республиканскій міръ этой свободы не знали, т.-е. не были демократичны. Эта свобода родилась только въ XVIII вѣкѣ и только съ ней появился современный демократизмъ.

Заключительныя главы работы Фроме, посвященныя идеѣ „соціальной монархіи“, не только не вносятъ ясности въ предшествующія разсужденія, но еще больше затемняютъ ихъ, такъ какъ послѣ цѣлаго ряда вылазокъ противъ монархіи вообще,—вылазокъ, предпринятыхъ съ чужимъ и всегда взятымъ напрокатъ оружіемъ, Фроме приходитъ къ неожиданному заключенію о возможности „просвѣщенному и великодушному государю, отказавшись отъ своихъ собственныхъ династическихъ интересовъ, воспользоваться своей властью, чтобы содѣйствовать устраненію препятствій, стоящихъ на пути соціальнаго переустройства и демократизаціи общества“ (497 стр.).

Заключеніе, не только не вытекающее изъ міровоззрѣнія Фроме, но даже изъ цитатъ, надерганныхъ имъ отовсюду и, во всякомъ случаѣ, продиктованное политикой, а не наукой. Конечно, содержаніе всѣхъ правовыхъ институтовъ и въ томъ числѣ монархіи мѣняется на протяженіи исторіи, и Францъ Іосифъ, „октроирующій“ всеобщее избирательное право, не тотъ Францъ Іосифъ, который былъ въ началѣ своего царствованія—но тогда зачѣмъ же ссылки на Саула и Грегуара?

Впрочемъ, самъ Фроме на стр. 384, говоря о политическомъ устройствѣ Италіи со словъ одного нѣмецкаго соціалъ-демократа, замѣчаетъ, съ полнымъ сочувствіемъ идеямъ, развиваемымъ его корреспондентомъ, „что признаніе народнаго суверенитета и парламентскій режимъ позволяютъ итальянскимъ соціалистамъ совершенно иначе и гораздо настойчивѣе вліять на правительственныя мѣропріятія, чѣмъ это возможно въ Германіи“.

Но противорѣчивые выводы объясняются не только несамостоятельностью политической мысли автора, а и внутреннею несогласованностью его доктрины отчасти съ дѣйствительностью, отчасти съ теоріей, а такъ какъ самъ Фроме не далъ ни одного элемента для построенія новой и еще „имѣющей быть“ системы права, основанной на матеріалистической доктринѣ, то и избѣжать противорѣчій онъ не могъ. Одной полемики съ принципомъ монархіи „Божьей милостью“ далеко не достаточно, чтобы заставить читателей вотировать за измѣненіе формы правленія, такъ какъ подобная полемика-критика не рѣшаетъ ни теоретическихъ, ни практическихъ вопросовъ права. Съ этой точки зрѣнія трудъ Фроме, главнымъ образомъ состоящій изъ безчисленныхъ цитатъ отовсюду понемножку, представляетъ ходячую и вульгарную критику положеній, уже давно потерявшихъ практическое значеніе и творческую силу.

Переводъ сдѣланъ удовлетворительно.

А. Васильевъ.

П. Гёре. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Переводъ съ нѣмецкаго М. Б. М. Цѣна 75 коп. Интересъ этой небольшой книжки обусловленъ не только той важностью, которую имѣетъ вообще всякое добросовѣстное изслѣдованіе въ области рабочаго вопроса, но и тѣмъ, что авторъ преимущественно старается освѣтить въ ней ту сторону этого вопроса, которая, какъ намъ кажется, сравнительно менѣе разработана и, въ особенности, менѣе извѣстна у насъ въ Россіи. Авторъ, главнымъ образомъ, желаетъ уяснить отношенія, существующія между нѣмецкой соціалъ-демократической партіей, ея политической дѣятельностью, ея пропагандой, избирательной и парламентской борьбой, съ одной стороны, и міросозерцаніемъ, и стремленіями самого рабочаго класса— съ другой. Если дѣятельность соціалъ-демократической партіи достаточно хорошо извѣстна, то гораздо менѣе извѣстна общественная психологія рабочихъ массъ и то, съ какой силой и въ какихъ конкретныхъ формахъ выражаются въ нихъ идеи, проповѣдуемыя соціалъ-демократами. Между тѣмъ отъ рѣшенія этого вопроса въ значительной мѣрѣ зависитъ и правильная оцѣнка значенія самой соціалъ-демократической партіи. Авторъ сдѣлалъ попытку получить отвѣтъ на этотъ вопросъ путемъ непосредственнаго изученія рабочихъ, преимущественно со стороны ихъ духовной жизни. Для этого онъ самъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ на фабрикахъ въ качествѣ простого рабочаго, стараясь по возможности ближе сойтись со своими товарищами-рабочими. Въ то время Гёре еще принадлежалъ къ партіи христіанскихъ соціалистовъ, и это обстоятельство придаетъ до нѣкоторой степени односторонній оттѣнокъ его изслѣдованію, но въ то же время присоединяетъ къ нему спеціальный интересъ изученія религіозной стороны рабочей психологіи, которая, какъ бы ни смотрѣть на нее по существу, и какъ бы значеніе ея ни уменьшилось за послѣднее время, все же и теперь занимаетъ еще довольно значительное мѣсто въ личной жизни отдѣльныхъ членовъ рабочаго класса, а вслѣдствіе того и въ общей жизни рабочихъ массъ. Впрочемъ Гёре въ настоящее время уже вышелъ изъ христіанско-соціалистической

партіи и примкнулъ къ соціалъ-демократамъ, между которыми, какъ живой и дѣятельный человѣкъ, скоро занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ, пользуясь и большой личной популярностью въ рабочей средѣ. Въ началѣ книги авторъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ нанялся на фабрику и познакомился съ рабочими, потомъ описываетъ матеріальныя условія жизни рабочихъ, далѣе говоритъ объ организаціи фабричныхъ работъ и объ отношеніи другъ къ другу различныхъ категорій рабочихъ. Все это изложено очень живо, на основаніи личныхъ наблюденій, и иллюстрировано конкретными примѣрами, такъ что читается легко и интересно. Но еще болѣе интересны наблюденія, касающіяся вліянія на рабочихъ соціалъ-демократіи и вообще ихъ соціальныхъ и политическихъ воззрѣній. Хемницкій округъ, гдѣ работалъ авторъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ соціалъ-демократическая партія дѣйствуетъ уже давно и достигла прочныхъ результатовъ. Изъ своихъ личныхъ наблюденій авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что руководителями планомѣрной, организованной партійной агитаціи была небольшая кучка отборныхъ соціалъ-демократовъ, около которой группировались остальные. Большинство же сторонниковъ партіи агитировали другимъ способомъ, который можно назвать добровольной, неправильной, случайной агитаціей, въ которой самую главную роль играло личное вліяніе. По своему содержанію соціалъ-демократическая агитація не ограничивалась распространеніемъ новыхъ политическихъ и экономическихъ принциповъ, а имѣла своей цѣлью и осуществляла полное преобразованіе прежней образованности, религіозныхъ убѣжденій и нравственнаго характера нѣмецкихъ рабочихъ. Авторъ даже приходитъ къ тому заключенію, что вліяніе этой агитаціи было менѣе важно по отношенію къ политическому и экономическому образу мыслей рабочихъ, чѣмъ къ ихъ духовному образованію, ихъ религіознымъ убѣжденіямъ и ихъ нравственности. Лишь очень небольшая часть рабочихъ были хорошо освѣдомлены относительно принциповъ и программы с.-д. партіи, подавляющее же большинство не имѣло законченнаго и яснаго политическаго и соціальнаго образа мыслей, представляя собою смѣсь самыхъ разнообразныхъ мнѣній всѣхъ оттѣнковъ, причемъ ни офиціальный демократическій республиканизмъ, ни экономическій коммунизмъ особенно популярны не были; точно также огромное большинство знакомыхъ автору рабочихъ не думали ни о какой насильственной революціи. Общій выводъ автора таковъ, что знакомое ему рабочее населеніе не слѣдуетъ разсматривать, какъ однообразную массу, а скорѣе, какъ пирамиду, всѣ части которой скрѣплены, какъ цементомъ, соціалъ-демократической агитаціей, вершину которой образуютъ отборные, вполнѣ сознательные и дѣятельные соціалъ-демократы, а отъ нихъ, идя къ низу, мы доходимъ до массы тѣхъ, которые лишь потому называются соціалъ-демократами, что вмѣстѣ съ ними подаютъ голоса на выборахъ. Въ послѣднихъ двухъ главахъ авторъ останавливается на отношеніи рабочихъ къ религіи и нравственности. По его наблюденіямъ формальное церковное христіанство подъ вліяніемъ соціалъ-демократической пропаганды, завладѣвшей народнымъ образованіемъ, замѣнилось у большинства рабочихъ полунаучной философіей, почерпнутой изъ литературы, популяризирующей сочиненія Дарвина, Геккеля, Фейербаха, Шопенгауэра, Штрауса, Ренана. Поэтому и нравственность отдѣлилась отъ религіи, и хотя по существу содержаніе ея осталось прежнимъ, но основаніе ея лежитъ уже не въ Божескомъ законѣ, а въ земныхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, наблюденія автора подтверждаютъ тотъ взглядъ, что соціалъ-демократическая агитація не

есть просто партійно-политическая агитація, но своего рода религіозное ученіе,—религіозное не въ смыслѣ его божественности, но въ томъ, что оно замѣняетъ религію, охватывая собою весь внутренній міръ человѣка. Вообще книжка Ґёре можетъ назваться содержательной и интересной. Переводъ, не считая нѣкоторыхъ шероховатостей слога, вполнѣ удовлетворителенъ.

В. Линдъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Джонъ Дьюи. Школа и общество.—*В. В. Петровъ.* Вопросы народнаго образованія въ Московской губ. Вып. V. Наглядность обученія въ земскихъ школахъ Московской губ.

Джонъ Дьюи. Школа и общество. Перев. съ англійскаго (изъ серіи изданій: Свободное воспитаніе и образованіе). 1907 г. Ц. 30 к. Въ этой брошюркѣ много хорошихъ пожеланій и очень мало указаній, какимъ образомъ эти пожеланія могутъ получить конкретное выраженіе и реальное осуществленіе. Поэтому неясно, какое практическое значеніе можетъ имѣть эта брошюра, въ особенности для русскихъ читателей. Основное положеніе автора состоитъ въ томъ, что школа должна находиться въ связи съ жизнью,—положеніе, пожалуй, вѣрное, но въ извѣстныхъ границахъ, такъ какъ сама жизнь-то совсѣмъ не идеальна; не соотвѣтствуетъ она и идеаламъ автора. Существенныя условія дѣйствительной жизни суть для огромнаго большинства людей тяжелый трудъ и борьба за существованіе. Но авторъ не желаетъ переносить этихъ условій въ проектируемую имъ школу. Поэтому его школа, устраняющая всѣ тяжелыя условія жизни, не только недоступна для всѣхъ, какъ этого желаетъ авторъ, но даже и для немногихъ, богатыхъ людей, которые бы могли ею пользоваться. она очень далека отъ дѣйствительной жизни. Что школа съ паркомъ, библіотекой, лабораторіями и мастерскими въ условіяхъ нашей жизни можетъ быть доступна только богатымъ людямъ—это очевидно. Можно, пожалуй, сказать, что это есть лишь идеальное изображеніе того, чѣмъ школа для всѣхъ должна быть въ будущемъ. Но и идеальные образы имѣютъ цѣну лишь постольку, поскольку они указываютъ на цѣль, приближеніе къ которой, хотя бы медленное и постепенное, можетъ начаться теперь же. Этого-то въ данномъ случаѣ и нѣтъ, такъ какъ всякое приближеніе школы къ намѣченному авторомъ идеалу сдѣлается возможнымъ лишь тогда, когда самая жизнь, т.-е. общественныя условія, совершенно измѣнится. При теперешнихъ же условіяхъ жизни ни пользованіе такой школой не возможно для большинства, ни требованіе о связи этой школы съ жизнью не выполнимо даже и для немногихъ. Въ самомъ дѣлѣ, одно ужъ то, что дѣти должны жить въ школѣ (хотя прямого указанія на это нѣтъ, но оно вытекаетъ изъ всей постановки школьнаго дѣла),—одно ужъ это ставитъ дѣтей въ условія, далекія отъ дѣйствительной жизни, удаляя ихъ отъ семьи. Затѣмъ и всѣ сельско-хозяйственныя и ремесленныя работы, которымъ дается такое важное мѣсто въ школѣ, будутъ всегда непохожи на дѣйствительность, для богатыхъ потому, что въ дѣйствительной жизни все это исполняется для нихъ и для ихъ семьи наемными рабочими или прислугой, а для бѣдныхъ потому, что условія, въ которыхъ исполняются въ дѣйствительной жизни необходимыя домашнія работы—тоже не похожи на тѣ, какія предполагаются въ школѣ, гдѣ всегда

будетъ и достаточный по количеству и хорошій по качеству матеріалъ, и сколько нужно свободнаго времени—именно то, чего у бѣдныхъ людей не бываетъ. Изъ этого получается ясно сознаваемая въ томъ и другомъ случаѣ и самими дѣтьми разница такъ называемыхъ практическихъ школьныхъ занятій отъ настоящей работы, состоящая въ томъ, что послѣднія исполняются не для удовольствія ихъ дѣлать, а по необходимости, а потому и въ понятіи дѣлающихъ ихъ онѣ представляютъ собою серьезное дѣло, а первыя—суть лишь игра, ни къ какой цѣли, кромѣ самой игры, не ведущія, что, впрочемъ, признаетъ и самъ авторъ, говоря (стр. 13): „Цѣль ея (работы въ школѣ) не экономическая стоимость продукта, а развитіе общественныхъ наклонностей въ дѣтяхъ и сообщеніе имъ попутно знаній". Такая же „попутность" проводится и при научныхъ занятіяхъ. Такъ, желая сдѣлать всякое преподаваніе нагляднымъ, авторъ приходитъ, напримѣръ, къ такимъ рискованнымъ утвержденіямъ, что, „исходя изъ ручного прядѣнія и тканья, ребенокъ можетъ прослѣдить шагъ за шагомъ прогрессъ „человѣчества" или, что сдѣлавши опытъ осажденія изъ воды углекислой извести, дѣти получаютъ понятіе о геологіи и даже поймутъ связь между геологическими процессами и трудомъ человѣка. Очевидно, что разсказъ о геологическихъ процессахъ и значеніи ихъ въ исторіи человѣчества будетъ самъ по себѣ, а опытъ съ известью самъ по себѣ и что связь ихъ чисто искусственная. Между тѣмъ требованіе соединенія науки непремѣнно съ конкретными фактами ведетъ къ отсутствію системы и къ случайности въ научномъ преподаваніи. Такимъ образомъ сама брошюрка проф. Дьюи можетъ служить примѣромъ того, какъ хорошія пожеланія, удаленныя отъ дѣйствительности, превращаются въ неисполнимыя и безплодныя мечтанія.

В. Линдъ.

В. В. Петровъ. Вопросы народнаго образованія въ Московск. губ. Вып. V. Наглядность обученія въ земскихъ школахъ Моск. губ. Изд. моск. губ. земства. М., 1907 г. Ц. 25 к. Если обученіе направлено къ тому, чтобы ученикъ пріобрѣлъ разумныя знанія, а не просто сдѣлалъ свою память хранилищемъ многочисленныхъ словесныхъ опредѣленій, то обученіе должно быть *предметнымъ*: ученикъ изучаетъ предметы и явленія, а книги служатъ для него только учебными пособіями. Отъ такой „предметности", являющейся идеаломъ обученія, надо отличать „наглядность" обученія, гдѣ основою служатъ всетаки книги, но гдѣ книжные уроки иллюстрируются предметами, а чаще—ихъ изображеніями. „Наглядность" есть только суррогатъ „предметности", суррогатъ, съ которымъ, можетъ быть, надо пока мириться, но который, по сравненію съ исключительно книжнымъ обученіемъ, является лишь меньшимъ зломъ, а не положительнымъ благомъ. Эти мысли, предпосланныя авторомъ его спеціальной работѣ о наглядности обученія въ земскихъ школахъ Московской губерніи, заслуживаютъ того, чтобы ихъ постоянно помнили дѣятели по народному образованію, такъ какъ именно онѣ ставятъ вопросы обученія въ правильную перспективу.

Свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ обезпечены наглядными пособіями и какими именно земскія школы Московской губерніи, могутъ быть интересны, разумѣется, только для мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, показывая имъ, какъ далека постановка школьнаго дѣла у нихъ не только отъ идеала, но и отъ его суррогата. Болѣе общій интересъ представляетъ глава о музеяхъ наглядныхъ пособій, показывающая, что устройство такихъ музеевъ, даже съ филіальными отдѣленіями (этой цѣлью

задавалось въ послѣдніе годы не одно московское земство), очень мало способствуетъ увеличенію наглядности обученія въ школахъ, такъ какъ послѣднія никогда не могутъ получать пособій изъ музеевъ въ достаточномъ количествѣ и въ надлежащее время.

Не въ этомъ однако центръ тяжести настоящей работы, какъ и прежнихъ работъ того же автора. Приводимые имъ десятки учительскихъ отзывовъ—это вопль живой души, приставленной къ живому дѣлу, которое она губитъ по принужденію, погибая сама при этомъ. Народное просвѣщеніе, безъ котораго нѣтъ пути къ новой жизни, старый строй душитъ со всѣхъ сторонъ, и можно ли говорить о наглядности обученія и о чемъ бы то ни было здоровомъ въ этой области, пока, по истинно-классическому опредѣленію одного изъ учительскихъ отзывовъ, въ основу дѣла положено „требованіе учить такъ, чтобы ученики ничего не знали“.

А. Громбахъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Кіевскій и одесскій погромы въ отчетахъ сенаторовъ Турау и Кузминскаго.

Кіевскій и одесскій погромы въ отчетахъ сенаторовъ Турау и Кузминскаго. Книгоиздательство „Лѣтописецъ“. Стр. 220. Спб. Ц. 70 к. Здѣсь—офиціальные документы, лѣтопись фактовъ, полная жгучаго и трагическаго интереса. Высокое назначеніе отчетовъ должно ручаться за достовѣрность сообщеннаго. На обложкѣ изображена смерть, которая подноситъ свою лампаду къ трупу еврея, пронзеннаго гвоздями. Какъ извѣстно, эта деталь—не мрачная фантазія художника: это—наша дѣйствительность, и вотъ именно о ней, о жестокомъ сладострастіи погромовъ, говоритъ компетентными устами сенаторовъ эта страшная книжка. Она страшна не только потому, что развертываетъ картины стихійнаго человѣческаго озвѣрѣнія, отъ которыхъ цѣпенѣетъ кровь въ жилахъ, но и потому, что рисуетъ людей, которые имѣли всю возможность и всю обязанность прекратить смертоубійство, но этого не дѣлали, а спокойно смотрѣли на него какъ на зрѣлище и сочувствовали ему, и потомъ оправдывали убійцъ и громилъ. Преступленіе офиціальное, злодѣяніе, прошедшее черезъ юридическія формы, звѣрство казенное—вотъ самое удручающее впечатлѣніе отъ разслѣдованій гг. Турау и Кузминскаго. Хотя въ докладахъ на всѣ потрясающія сцены старательно наброшена дымка, которая должна щадить чужіе нервы, но и сквозь нее слишкомъ достаточно проступаютъ кровь, ужасъ и низость. Мы тоже пощадимъ читателей и не будемъ цитировать всѣхъ страницъ, гдѣ описано, какъ одни убивали, а другіе поощряли къ убійству. Достаточно сказать, что во всеподданнѣйшемъ отчетѣ сенатора Кузминскаго (стр. 171) приведена знаменитая рѣчь генерала Каульбарса къ полицейскимъ чинамъ Одессы,—рѣчь, начинающаяся классическими словами: „Будемъ называть вещи ихъ настоящими именами. *Нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуемъ этому погрому*“. Г. Кузминскій нѣжно называетъ эти слова „едва ли умѣстными“, и съ нимъ трудно не согласиться, тѣмъ болѣе, что на 157 стр. самъ же г. сенаторъ разсказываетъ, какъ одинъ громила ударомъ по головѣ свалилъ замертво дѣвочку, какъ выбрасывали дѣтей внизъ на мостовую со второго и третьяго этажа, какъ одного ребенка убійца схватилъ за ноги и, ударивъ головой объ стѣну, размозжилъ ему эту голову. Кто же повѣритъ генералу Каульбарсу

что онъ всему этому въ душѣ сочувствовалъ? Кто не признаетъ, что онъ оклеветалъ самого себя? Но, оказывается, многіе ему повѣрили, его мнимое сочувствіе предчувствовали, и оттого, по его собственному заявленію, „чины полиціи не только не принимали мѣры къ прекращенію погромовъ и насилій, но и сами, переодѣваясь, принимали въ нихъ участіе“. Многіе ему повѣрили, и оттого сенаторъ Кузминскій долженъ былъ разсказать Государю Императору, какъ „солдаты убили двухъ студентовъ, мирно проѣзжавшихъ на извозчикѣ, приколовъ одного изъ нихъ штыкомъ, а другому разбивъ камнемъ голову; какъ пять человѣкъ солдатъ на Полицейской улицѣ, отдѣлившись отъ патруля, разстрѣляли проходившаго по улицѣ молодого учащагося человѣка, объяснивъ потомъ, что убили его „за то, что онъ еврей“ (стр. 162). Многіе полагались на сочувствіе генерала Каульбарса и статскаго генерала Нейдгарта и разныхъ другихъ генераловъ, и оттого, напримѣръ, задержанныхъ евреевъ въ полиціи избивали до смерти, до сумасшествія, такъ что г. Кузминскій рѣшился даже возбудить уголовное преслѣдованіе противъ виновныхъ полицейскихъ; впрочемъ, дѣло это потомъ, какъ извѣстно, было прекращено. А г. Нейдгартъ былъ сенатомъ оправданъ, и даже того не вмѣнили ему въ вину, что на вопли о помощи онъ иронически совѣтовалъ обращаться въ университетъ (стр. 199). Это для него хорошо, что онъ оправданъ сенатомъ; но еще важнѣе было бы для него, если бы онъ могъ оправдаться передъ своей совѣстью и на судѣ исторіи.

Сочувствіе было или предполагалось не только въ Одессѣ, но и въ Кіевѣ, гдѣ во главѣ полиціи стоялъ Цихоцкій, по аттестаціи своего начальства достойный не полицеймейстерскаго мѣста, а каторги. Г. Турау приводитъ слова генерала Безсонова, что „если бы онъ хотѣлъ, погромъ окончился бы въ полчаса, но евреи приняли слишкомъ большое участіе въ революціонномъ движеніи и потому должны поплатиться“ (стр. 63). И генералъ Безсоновъ достигъ своей цѣли: они, дѣйствительно, поплатились; впрочемъ, не тѣ, кто принималъ участіе въ революціонномъ движеніи, а совсѣмъ другіе—тѣ, которые не помышляли ни о какой революціи и въ нищетѣ проводили свои черные дни, и всю свою жизнь думали только о томъ, какъ бы накормить себя и своихъ дѣтей,—тѣхъ самыхъ дѣтей, которымъ, изъ-за сочувствія генераловъ, потомъ разбивали головы объ стѣну: вѣдь именно на эту голодную массу всегда обрушивалась лава погрома, всѣ эти процессіи убійства, которыя, по свидѣтельству г. Турау и Кузминскаго, выступали кощунственно—съ царскими портретами и иконами впереди, подъ звуки „Спаси Господи люди твоя“.

Неслыханное сочувствіе, въ силу котораго какъ бы сочетались генералы и громилы, принесло свои плоды. Но вотъ авторы всеподданнѣйшихъ докладовъ пытаются освѣтить и болѣе глубокія причины погромовъ. Оба они указываютъ на революціонное движеніе и на участіе въ немъ евреевъ. При этомъ г. Турау, вообще болѣе объективный, чѣмъ г Кузминскій, дѣлаетъ очень важное замѣчаніе, что „во главѣ бунзщиковъ“ народъ всегда видѣлъ евреевъ, которые, благодаря своей ключительной впечатлительности, нервности, легкой возбудимости, являсь наиболѣе виднымъ элементомъ митинговъ, манифестацій и забастокъ, хотя на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, представляли меньшинство ди другихъ участниковъ сборищъ и шествій“ (стр. 71). Сенаторъ рау революціонную дѣятельность евреевъ объясняетъ ихъ безправіемъ идитъ въ ней нѣчто естественное. „Дѣйствующіе понынѣ исключиьные законы, значительно ограничивающіе права евреевъ, естественно жны были среди нихъ вызвать недовольство своимъ настоящимъ по-

ложеніемъ и стремленіе всѣми мѣрами достигнуть уравненія въ общихъ правахъ. Часть еврейской молодежи примкнула къ революціонному движенію... Установленная процентная норма учащихся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ создала необходимость для евреевъ воспитывать своихъ дѣтей за границей, главнымъ образомъ въ Швейцаріи. Тамъ еврейская молодежь представляла благодарную почву для агитаціи главарей русскаго революціоннаго движенія" (стр. 72). Эту мысль сенаторъ Турау могъ бы развить. Онъ имѣлъ бы право сказать Государю, что нѣтъ болѣе ревностнаго монархиста, чѣмъ еврей. Это подлежитъ разной оцѣнкѣ, но это—фактъ. Вѣроятно, г. Турау не знаетъ, что религія повелѣваетъ еврею при видѣ Царя произносить молитву и благословеніе. И типичный еврей, тотъ самый, котораго за типичность убивали, свято блюдетъ эту заповѣдь. Такъ вотъ спрашивается: прежде чѣмъ выдѣлить изъ своей среды кадры революціонеровъ, что долженъ былъ перенести отъ государства такой народъ, который не за страхъ, а за совѣсть, изъ глубины своего религіознаго міросозерцанія, вынесъ традиціонную любовь къ Государю и молитвенно благословляетъ его присутствіе? И къ великой трагедіи погромовъ присоединяется еще и та трагическая иронія, что царскіе портреты въ убійственныхъ процессіяхъ были той самой эмблемой, которая была священна и для убиваемыхъ.

Я былъ весною на еврейскомъ кладбищѣ въ Одессѣ и видѣлъ эту братскую могилу, въ которой похоронены триста пятнадцать убитыхъ людей—старики, женщины, дѣти. Мнѣ разсказывалъ кладбищенскій сторожъ, что, когда ихъ опускали въ землю, на лицахъ у нихъ была застывшая маска ужаса и безумнаго недоумѣнія—за что? Если бы они могли услышать отвѣтъ, что за революцію,—они бы не поняли его, потому что тамъ, въ предмѣстьяхъ большого города, въ своихъ нищенскихъ лачугахъ, они вели тихую, обиженную, голодную и холодную жизнь и даже не мечтали о какомъ-нибудь насильственномъ выходѣ изъ нея, мистически покорные своей многовѣковой долѣ. Но если бы имъ, какъ тѣ солдаты изъ патруля, сказали, что ихъ убили за то, что они евреи,—тогда бы они поняли. Ибо, очевидно, какъ разъ для того и прошли евреи сквозь строй тысячелѣтій, чтобы ихъ убивали. И они къ этому привыкли. И потому, когда еврейскій канторъ въ тишинѣ весенняго дня пропѣлъ на братской могилѣ заупокойную молитву и просилъ Бога, чтобы эти старики и женщины, юноши и дѣти были уже послѣдней искупительной жертвой еврейства, я зналъ, что его молитва не будетъ услышана. И въ ходѣ исторической жизни развѣ не заглушатъ его рыдающихъ моленій увѣренныя слова генерала Каульбарса: „нужно признаться, что всѣ мы въ душѣ сочувствуетъ этому погрому"?

Ю. Айхенвальдъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Эдуардъ Гартманъ. Міровоззрѣніе современной физики. Перев. съ нѣм. С. В. Контовта.—*Б. П. Вейнбергъ.* Люди жизни, думайте о грядущихъ поколѣніяхъ.

Эдуардъ Гартманъ. Міровоззрѣніе современной физики. Переводъ съ нѣмецкаго С. В. Контовта. Астрахань, 1906 г. Эд. Гартманъ принадлежитъ къ числу извѣстныхъ современныхъ философовъ, и книга его должна, несомнѣнно, вызвать большой къ себѣ интересъ со стороны русской читающей публики. Вопросы, затрагиваемые нѣмецкимъ философомъ, настолько важны, настолько близки современному физи-

скому ученію, что можно было ожидать проявленія живѣйшаго интереса къ появившемуся переводу книги Гартмана. Дѣйствительно, всѣ наиболѣе интересные вопросы физики затронуты авторомъ книги: энергія, ея превращенія, энтропія, движеніе, электромагнитная теорія свѣта и эеиръ, строеніе матеріи—все это разобрано на страницахъ труда Гартмана съ присущимъ ему тонкимъ анализомъ. Таково было наше впечатлѣніе, когда передъ нами лежалъ оригинальный трудъ Эд. Гартмана на нѣмецкомъ языкѣ. Пусть не думаетъ русскій читатель, что русское изданіе имѣетъ много общаго съ книгой Эд. Гартмана. Различіе настолько велико, что мы беремъ на себя смѣлость назвать русскій переводъ „обработкой оригинала" но никакъ не переводомъ. („Степень обработки" будетъ видна изъ нижеслѣдующаго).

Первое впечатлѣніе, когда вы открываете книгу, это—опечатки. Количество ихъ безпримѣрно велико: на книжку въ 202 страницы—3 страницы опечатокъ, замѣченныхъ переводчикомъ, а сколько имъ еще пропущено, про то вѣдаетъ только читатель! Исправить всѣ опечатки - довольно кропотливый трудъ, но, наконецъ, это сдѣлано и можно приступить къ чтенію книги.

Первыя же строки „перевода" повергаютъ васъ въ неподдѣльное изумленіе: на какомъ языкѣ пишетъ переводчикъ? Не на нѣмецкомъ, хотя похоже; но и не русскомъ, такъ какъ строй рѣчи совсѣмъ не русскій. Уже на 16 строкѣ „предисловія автора" вы встрѣчаете „чисто" русскую фразу: „если... теоретическая физика... приближается къ истинѣ только *черезъ заблужденіе*... или на 3 страницѣ: „со всѣми этими относительными противниками, *кажется, требуется болѣе точное изъясненіе*". Чѣмъ больше читатель старается углубиться въ книгу, чѣмъ болѣе онъ желаетъ „постичь" г. Контовта, тѣмъ сложнѣе становится эта задача, тѣмъ меньше надеждъ достигнуть желанной цѣли. Можно было ожидать, что предисловіе самого г. переводчика будетъ болѣе понятно, но,—„увы", и здѣсь мы встрѣчаемъ фразы, полныя особеннаго, таинственнаго смысла. Вотъ, напр., финальная фраза предисловія г. Контовта: „Такимъ образомъ, если „люди" и не будутъ страдать вѣчно, то вѣчно будетъ страдать міръ, обнимающій и энергію моего „я", которое неуничтожаемо, какъ энергія, но не какъ метафизическая сущность".

„Oui, le mal éternel est dans sa plénitude" (Leconte de Lisle). Да не подумаетъ читатель, что мы измѣнили хотя бы одну букву этой знаменательной фразы; она передана вполнѣ точно.

Мы не будемъ утомлять читателя дальнѣйшими выписками изъ „обработки" сочиненія Эд. Гартмана, но скажемъ еще нѣсколько словъ относительно примѣчаній г. переводчика. Въ этихъ примѣчаніяхъ г. Контовтъ старается объяснить нѣкоторые физическіе термины, встрѣчающіеся въ книгѣ. Даже и эти невинныя объясненія лучше было не приводить,—столько въ нихъ погрѣшностей: ассимптота—это всякая кривая, неопредѣленно приближающаяся къ прямой и т. д.

Г. Контовтъ забылъ, вѣроятно, о трехъ крайне важныхъ правилахъ, существующихъ для переводчиковъ. Недостаточно знанія нѣмецкаго языка, требуется знаніе русскаго и предмета перевода, т. е. физики и философіи. Къ сожалѣнію, оба послѣднія требованія не подходятъ къ г. Контовту, чѣмъ и объясняется „обработка", но не переводъ труда Эд. Гартмана.

А. Лѣтникъ.

Б. П. Вейнбергъ. Люди жизни, думайте о грядущихъ поколѣніяхъ! Соціальныя задачи опытныхъ наукъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1907 г. Современное человѣчество всецѣло занято житейскими дѣлами; научные вопросы какъ-то отошли на второй планъ, ими интересуются только люди науки, ея адепты, всецѣло думающіе только о ней, о великомъ свѣточѣ знанія.

Вопросы: права, политика, аграрныя и т. п. всецѣло поглотили все вниманіе „людей жизни", не давая имъ времени внимательно вслушаться въ неумолчную, непрерывную работу, творящуюся въ стѣнахъ храмовъ науки. А между тѣмъ законы природы неумолимо движутъ человѣчество впередъ, ставя ему на пути все новыя и новыя преграды. „Люди жизни" озабочены вопросомъ о голодѣ; аграрный вопросъ живо интересуетъ все человѣчество, это самое больное его мѣсто. Но еще болѣе страшенъ другой голодъ,—голодъ всего человѣчества—отсутствіе кислорода для дыханія! Вотъ тотъ неумолимый бичъ, который надвигается на человѣчество, и его-то провидѣли „люди науки", о немъ и говоритъ авторъ маленькой брошюрки, лежащей передъ нами!

Дѣло въ томъ, что послѣдніе годы посвящены были тщательному изслѣдованію запасовъ кислорода въ природѣ. По самымъ точнымъ изысканіямъ этотъ запасъ все скорѣе и скорѣе приходитъ къ концу, благодаря непомѣрному увеличенію всего количества людей, населяющихъ землю. Лѣса мало-по-малу вырубаются, осушиваются въ землѣ пространства и все это съ цѣлью дать новымъ отпрыскамъ человѣчества мѣсто для жилья, возможность дышать воздухомъ. Параллельно съ этимъ увеличеніемъ числа людей на землѣ уменьшается запасъ кислорода, и нашимъ потомкамъ грозитъ кислородный голодъ. „Когда этотъ голодъ начнетъ давать себя чувствовать — черезъ 200, 400, 600 лѣтъ — предсказать трудно. Несомнѣнно, однако, что эпоха, когда законодателямъ придется подумать объ этомъ вопросѣ, не за горами: сотня лѣтъ—мгновеніе въ жизни человѣчества, а человѣчество быстрыми шагами приближается къ этому роковому моменту, который долженъ рѣзко перевернуть всю систему людскихъ отношеній" (стр. 7). Достаточно взять цифры потребленія кислорода въ годъ и рядомъ съ тѣмъ цифры его полученія, чтобы понять эту громадную убыль, которая такъ быстро происходитъ въ запасахъ кислорода. Каждыя 85 лѣтъ, по точнымъ статистическимъ даннымъ, происходитъ удвоеніе населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удвоеніе потребленія кислорода; въ то же время количество свободной земли уменьшается, иначе говоря, становится менѣе легкимъ полученіе новыхъ запасовъ кислорода, котораго потребляется въ годъ 400 милліардовъ пудовъ. „Лѣтъ черезъ 400—500 должно наступить хроническое недоѣданіе всего человѣчества, если химія и физика не научатъ усвоивать азотъ воздуха и приготовлять пищу безъ помощи растеній" (стр. 35). Выводъ изъ такихъ вычисленій чрезвычайно печаленъ для человѣчества. „Наибольшій срокъ существованія человѣчества при нынѣшнихъ условіяхъ жизни и нынѣшнемъ процентѣ размноженія никакъ не превышаетъ 1000 лѣтъ" (стр. 36).

Такова-то опасность, противъ которой предупреждаетъ авторъ „людей жизни". Одинъ изъ способовъ предупреждать этотъ страшный „воздушный голодъ", это устройство особаго учрежденія, дающаго возможность желающимъ практически работать въ немъ съ цѣлью изученія окружающихъ явленій природы и главнымъ образомъ для усвоенія азота и разложенія углекислоты, вопросовъ непосредственно дающихъ намъ возможность добыванія кислорода. Институты такого рода существуютъ

въ Америкѣ, и въ Англiи, и въ Швецiи; въ этихъ учрежденiяхъ работаютъ люди для счастiя всего человѣчества". Россiя должна послѣдовать этому примѣру и путемъ добровольной подписки собрать необходимый капиталъ на постройку и оборудованiе „Русскаго института опытныхъ наукъ".

Вопросъ, затронутый г. Вейнбергомъ чрезвычайно важенъ, и нужно надѣяться, что онъ не будетъ обойденъ молчанiемъ, а наоборотъ будетъ поддержанъ всѣми, желающими „счастiя человѣчеству".

Намъ кажется нѣсколько тенденцiознымъ заглавiе брошюрки; вопросы затрагиваемые въ ней слишкомъ важны, чтобы нужно было обращать на нихъ вниманiе общества такимъ заглавiемъ. Думаемъ, что пожеланiе Б. П. Вейнберга не долго будетъ оставаться однимъ пожеланiемъ, а скоро перейдетъ на болѣе практическую почву, давъ Россiи новый „Институтъ опытныхъ наукъ".

А. Лѣтникъ.

БИБЛIОГРАФIЯ.

1) Критическое обозрѣнiе. Серiя перiодическихъ сборниковъ, издаваемая при коммиссiи по организацiи домашняго чтенiя. Вып. I и II. 2) Новая книга. Критико-библiографическiй еженедѣльникъ. № 1 и 2.

1) Критическое обозрѣнiе. Серiя перiодическихъ сборниковъ, издаваемая при коммиссiи по организацiи домашняго чтенiя. Подъ редакцiей прив.-доц. Н. Виноградова (философскiй отдѣлъ), М. О. Гершензона (литературно-журнальный отдѣлъ), прив.-доц. I. М. Гольдштейна (экономическiй отдѣлъ), Б. А. Кистяковскаго (юридическiй отдѣлъ), прив.-доц. Н. К. Кольцова (естественно-научный отдѣлъ), проф. Д. М. Петрушевскаго (историческiй отдѣлъ). Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова. Вып. I. Стр. 128. Вып. II. Стр. 122. М., 1907 г. 2) Новая книга. Критико-библiографическiй еженедѣльникъ. Книгоиздательство „Паллада". Редакторъ К. Л. Вейденюллеръ. Издатель В. А. Енько. №№ 1 и 2. Спб., 1907 г. Отмѣна цензуры въ революцiонную эпоху повлекла за собой цѣлый книжный потопъ. Если и раньше ни на одинъ языкъ не переводилось столько книгъ, какъ на русскiй, то послѣ 17 октября наша переводная литература неимовѣрно разрослась. Выросла также, хотя въ гораздо меньшей мѣрѣ, и литература оригинальная. Неудивительно, что явились попытки облегчить читателямъ обозрѣнiе и оцѣнку всей той массы „книжнаго товара", которая появляется на рынкѣ и ищетъ покупателя. Увы!— часто это дѣйствительно только товаръ и притомъ скверной выдѣлки. Затопленiе нашего книжнаго рынка переводной литературой, нерѣдко плохой и почти всегда плохо переведенной, представляетъ съ литературной и, даже общѣе, съ культурной точки зрѣнiя почти бѣдствiе...

Рядомъ съ библiографическимъ изданiемъ книжной фирмы *М. О. Вольфъ* не такъ давно возникъ критико-библiографическiй журналъ *Книга*. Вначалѣ во главѣ этого изданiя стоялъ г. *М. К. Лемке* и ему удалось навербовать довольно значительный контингентъ фактическихъ сотрудниковъ; еще большее число лицъ значилось въ спискѣ сотрудниковъ. Однако, вскорѣ журналъ *Книга* принялъ довольно странный характеръ; повидимому, въ основу его редактированiя былъ положенъ такой принципъ: книги и брошюры социалъ-демократическiя рецензировались преимуществу с.-демократами, социалъ-революцiонныя—по-преимуществу

с.-революціонерами. Получалось нѣчто, выражаясь деликатно, весьма несообразное. Рецензіи лицъ, не держащихся въ области науки и литературы „партійныхъ“ взглядовъ, были весьма немногочисленны.

Журналъ *Книга* прекратился, и теперь на сцену появилась *Новая Книга*. Это откровенно *марксистскій* органъ, поднявшій знамя „діалектическаго матеріализма“. Но такъ какъ редакція признаетъ, что міросозерцаніе діалектическаго матеріализма не вполнѣ закончено и нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ и что „всѣ тѣ практическіе выводы, какіе дѣлаются изъ этихъ принциповъ“, не „неизбѣжно вѣрны“, то изъ этого для нея слѣдуетъ дальнѣйшій торжественно объявляемый выводъ: «*Поэтому мы допускаемъ свободу въ пониманіи деталей и внѣпартійны въ политическомъ отношеніи*» (№ 1, отъ редакціи). Это довольно курьезное, по своей наивной формулировкѣ, заявленіе въ значительной мѣрѣ характеризуетъ журналъ *Новая Книга* и его содержаніе. Мы находимъ въ лежащихъ передъ нами номерахъ, прежде всего, полезные въ справочномъ смыслѣ и мало интересные въ другихъ отношеніяхъ библіографическіе обзоры такихъ областей литературы, какъ „аграрный вопросъ въ европейской соціалистической литературѣ“ (№ 1) и „страхованіе рабочихъ“ (№ 2). Интереснѣе статьи, попадающіяся въ первыхъ двухъ номерахъ. Такъ, статья г. П. Юшкевича „о философскихъ направленіяхъ въ марксизмѣ“ заключаетъ нѣсколько признаній, которыя стоитъ отмѣтить. Авторъ указываетъ, что исторія аграрнаго вопроса въ „марксистской“ (соц.-демократической. П. С.) литературѣ „просто неудобосказуема. Она — сплошной рядъ замаскированныхъ отступленій, облегчавшихся, конечно, всеобщей сумятицей, вызванной неожиданнымъ размахомъ революціи. На людяхъ и смерть оказалась красна—но это всетаки была смерть, а не жизнь. Наши аграрныя блужданія, не закончившіяся и понынѣ, не способствовали прославленію нашего имени. Но самое, быть можетъ, тяжелое во всей этой исторіи, это — повальная неподготовленность къ обсужденію подобныхъ вопросовъ, это—почти поголовное отсутствіе иниціативы, инертность, съ которою широкіе круги работниковъ, точно галчата съ раскрытыми ртами, ждали цѣликомъ готоваго рѣшенія отъ двухъ-трехъ лицъ, посвятившихъ себя занятію этимъ вопросомъ“. Авторъ безпощадными штрихами рисуетъ далѣе окаменѣніе мысли въ русскомъ марксизмѣ: „Приверженцы ученія, прогрессивнаго по существу, ученія, видящаго принципъ всего сущаго въ динамизмѣ его, въ діалектизмѣ, текучести его, мы сами отличаемся *рѣдкимъ консерватизмомъ* (курсивъ нашъ, П. С.) и статизмомъ мышленія. Всякое новшество мы заранѣе встрѣчаемъ насторожившись, ощетинившись; какъ старыя дѣвы, мы во всякомъ намекѣ, всякомъ предложеніи видимъ уже покушеніе на наше марксистское цѣломудріе... Характерно, что въ нашихъ устахъ слова „критикъ“, „критика“ пріобрѣли особое, почти ругательное значеніе“.

Въ этихъ признаніяхъ содержатся довольно неблагопріятныя предзнаменованія для марксистскаго „критическаго“ журнала!

Кромѣ обзоровъ литературы, критическихъ статей и отдѣльныхъ рецензій (отмѣтимъ невѣроятно малограмотную рецензію на книгу Рёскина „Послѣднему, что и первому“), есть въ журналѣ отдѣлъ „литературная хроника“, распадающійся на рубрики: „дѣйствія правительства“, „печать“ (о конфискаціяхъ, запрещеніяхъ, судебныхъ дѣлахъ и т. п.), „книжныя новости“, „въ литературномъ мірѣ“, „среди рабочихъ печатнаго дѣла“, „библіотечное дѣло“ и нѣкоторыя другія.

Когда отъ *Новой Книги* переходишь къ *Критическому Обозрѣнію*, то изъ душной атмосферы діалектической схоластики, въ которой терпимо только свободное пониманіе деталей, вырываешься на свѣжій воздухъ дѣйствительно свободной научной мысли. Въ вышедшихъ двухъ №№ данъ цѣлый рядъ обстоятельныхъ обзоровъ, написанныхъ спеціалистами. Отмѣтимъ особенно напечатанные во второй книжкѣ обзоры по исторіи русской литературы (А. Е. Грузинскаго) и „Конституцій“ (Б. А. Кистяковскаго).

. Рядомъ съ обзорами идутъ рецензіи, написанныя тоже спеціалистами. Если въ *Новой Книгѣ* пишутъ люди только одного философскаго и научнаго направленія, то въ *Критическомъ Обозрѣніи* мы встрѣчаемъ рядомъ съ гг. Канелемъ и Боровымъ академика И. И. Янжула и прив.-доц. М. М. Богословскаго.

Можно спорить о качествѣ тѣхъ или иныхъ рецензій, но въ принципѣ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что только та свобода, которая господствуетъ въ *Критическомъ Обозрѣніи*, соотвѣтствуетъ достоинству науки и ея идеѣ.

Изумленіе—иначе нельзя выразить этого впечатлѣнія — вызываетъ въ двухъ выпускахъ только одна рецензія, на книгу Бюхнера „Сила и матерія“ (вып. II, стр. 102—105). Во-первыхъ, почему-то рецензія на эту книгу напечатана не въ философскомъ, а въ естественно-научномъ отдѣлѣ. Не потому ли что въ философскомъ ее невозможно было бы помѣстить? Для того, чтобы читатель могъ оцѣнить эту рецензію по существу, слѣдовало бы ее привести здѣсь цѣликомъ, но это, конечно, невозможно. Удовольствуемся двумя выписками, характерными и въ стилистическомъ отношеніи. „*Какъ* развитіе философской мысли въ Англіи можно понять, *какъ* послѣдовательное примѣненіе ко всѣмъ областямъ мысли и знанія принципа свободнаго опытнаго изслѣдованія, такъ дальнѣйшее развитіе французскаго міровоззрѣнія конца XVIII и начала XIX столѣтія (sic! П. С.) можно разсматривать, *какъ* послѣдовательное проведеніе по всѣмъ областямъ человѣческой мысли и знанія того принципа, который легъ въ основу измѣненія политическихъ убѣжденій, т.-е. принципа демократической республики. Мы можемъ спросить, чѣмъ можетъ быть демократическій республиканецъ въ религіи, ученіи о нравственности и познаніи, и мы получимъ въ общихъ чертахъ то міровоззрѣніе, которому дано названіе французскаго матеріализма“. Откровенно говоря, все это мѣсто есть наборъ несообразностей, интересныхъ для демонстрированія въ философскомъ семинаріи. Достаточно указать, что для развитія „республиканскаго духа“ во Франціи XVIII вѣка наибольшее значеніе имѣли произведенія Руссо, и затѣмъ спросить: причемъ Руссо въ развитіи французскаго матеріализма? И, наоборотъ, развѣ типичные французскіе матеріалисты XVIII вѣка были всѣ республиканцами? Если исторія философскихъ ученій чему-нибудь учитъ, такъ это тому, что между метафизическими и гносеологическими воззрѣніями съ одной, и воззрѣніями морально-политическими, съ другой стороны, возможны самыя различныя комбинаціи. Достаточно рядомъ съ Фейербахомъ и Марксомъ н звать такихъ матеріалистовъ, какъ Гоббсъ и Давидъ Фр. Штраусъ, ч обы понять это.

Рецензентъ *Критическаго Обозрѣнія* пишетъ далѣе: „Одинаковыя п ичины вызываютъ одинаковыя дѣйствія. Великое освободительное движ чіе, которое мы переживаемъ, неизбѣжно должно отразиться и на об м мъ развитіи русской мысли. Не трудно предугадать то направленіе.

которое оно приметъ и уже принимаетъ. Освобожденіе отъ политическаго гнета должно имѣть своимъ слѣдствіемъ освобожденіе отъ старыхъ догматовъ: паденіе самодержавія неизбѣжно повлечетъ за собой крушеніе старыхъ идоловъ. Новому строю общественной жизни, воздвигнутому на правахъ гражданской свободы, необходимо должна соотвѣтствовать перестройка общаго міровоззрѣнія на основахъ свободнаго изслѣдованія и доступнаго для всѣхъ опыта. Такое міровоззрѣніе всегда (?! П. С.) принимаетъ болѣе или менѣе (sic! П. С.) матеріалистическій характеръ. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе въ русскомъ переводѣ книги Бюхнера"...

Можно подумать, что въ исторіи русской мысли не было ни Чернышевскаго, ни Писарева, не было Базарова, съ образомъ котораго у всякаго русскаго навсегда ассоціирована книга Бюхнера, словомъ не было той эпохи, когда—по крылатому выраженію Вл. Соловьева—катехизисъ Молешотта и Бюхнера въ умахъ русскихъ людей побѣдоносно вытѣснилъ катехизисъ митрополита Филарета!

Рецензіи, подобныя вышеразобранной, не должны появляться въ изданіи, цѣль котораго *„поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы"*.

Петръ Струве.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 августа по 1 сентября 1907 г.

Атлантикусъ. Марксизмъ. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.
Бейлинъ, С. Странствующія, или всемірныя повѣсти и сказанія въ древнераввинской письменности. Иркутскъ, 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.
Водянскій, А. Духоборцы. Харьковъ, 1907 г. Ц. 50 к.
Бѣлоконскій, И. Разсказы. Т. IV. Ростовъ на-Дону, 1907 г. Ц. 85 к.
Бѣляевъ, И. Практическій курсъ изученія древней русской скорописи. М., 1907 г. Цѣна 1 р.
Вандаль, А. Армяне и турецкія реформы. Спб., 1908 г.
Vademecum. (Иди за мной!) Сборникъ правилъ и условій поступленія въ учебныя заведенія. Вып. I. М., 1907 г. Ц. 75 к.
Weber, H. Энциклопедія элементарн. математики. Въ 3-хъ т. Т. I. Одесса, 1907 г. Ц. 3 р. 50 к.
Вихертъ, проф. Введеніе въ геодезію. Одесса, 1907 г. Ц. 35 к.
Гольденбергъ, И. На трудовомъ пути. Одесса, 1907 г. Ц. 3 к.
Грушевскій, М., проф. Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Ц. 1 р.
— Изъ польско-украинск. отношеній Галиціи. Ц. 30 к.
— Вопросъ объ украинск. каѳедрахъ. Цѣна 20 к.
— Движеніе политич. и обществ. украинской мысли въ XIX в. Ц. 8 к.
Украинскій вопросъ. Ц. 15 к.
Національный вопросъ и автономія. Цѣна 8 к.
Единство или распаденіе Россіи. Ц. 8 к.
Про старі часи на Україині. Ц. 20 к.
утьяръ, Н. М. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ, 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.
оio, Ивъ. Соціальныя ученія христіанства. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.
Дайси, А. В. Основы государственнаго права Англіи. 2-е изд. М., 1907 г. Цѣна 2 р.
Дроздовъ, I. Какъ современ. земство облагаетъ мѣстное населеніе. Черниговъ, 1907 г. Ц. 14 к.
Жоресъ, Жанъ. Исторія великой французской революціи. Т. I. Учредительное собраніе. Изд. Глаголева. Спб., Ц. 2 р. 50 к.
Задачи соціалистической культуры. Сборникъ статей. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.
Ковалевскій, Мих. Русская исторія для средней школы. М., 1907 г. Цѣна 1 р.
Кольцовъ, А. Стихотвореніе. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.
Котляревскій, Н. Старинные портреты. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.
Кюрзенъ, М. Систематическ. курсъ ариѳметики. Спб., 1908 г. Ц. 80 к.
Кутшеба, С. Очеркъ исторіи обществен. госуд. строя Польши. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Кіевскій и одесскій погромы въ отчетахъ сенаторовъ Турау и Кузьминскаго, съ предисловіемъ И. Непомнящаго. Спб. К-во „Лѣтописецъ".
Лакуръ, П. и Аппель, Я. Историческая физика. Одесса, 1907 г. Ц. за 2 тома 5 р. 50 к.
Лаппо, Д. Е. Степное земское положеніе. Красноярскъ, 1907 г.
Марковъ, В. Личность въ правѣ. Спб., Ц. 25 к.
Мирбо, О. Себастьянъ Рокъ. М., 1907 г. Ц. 1 р.
На что государству нужны средства. Владиміръ, 1907 г. Ц. 20 к.
Отчетъ о состояніи народнаго здравія. Спб., 1907 г.
Первовъ, П. Педагогическая хрестоматія. М., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Помощь голоднымъ. Собраніе автографовъ и факсимиле. Изданіе Зензинова. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Плехановъ, Г. Замѣтки публициста. Новыя письма о тактикѣ и безтактности. Изд. Н. Глаголева. Спб. Ц. 80 к.

Проза въ стихахъ. М., 1907 г.

Рашковичъ, М. Краткій курсъ естествознанія и гигіены. Т. I. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ренанъ, Э. Христіанск. церковь. Ц. 1 р. — Маркъ Аврелій. Ц. 80 к. Спб., 1907 г.

Рославлевъ, А. Въ башнѣ. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Руссо, Ж. Ж. Объ общественномъ договорѣ. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Святловскій, В. Профессіональное движеніе въ Россіи. Спб., 1907 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Синегубъ, С. Стихотворенія. Ростовъ на-Дону, 1907 г. Ц. 10 к.

Станюковичъ, В. Пережитое. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Степановъ, Н. Новый стиль и православная пасхалія. М., 1907 годъ. Ц. 1 р. 25 к.

Schnirer, M. T., D-r, и Vierordt. H., D-r. Энциклопедія практической медицины. Переводъ съ нѣмецк. Съ дополненіями подъ редакціей проф. В. В. Подвысоцкаго и д-ра Л. Я. Якобзона. Т. I, вып. I и II.

Трубецкой, С. Н., кн. Собр. соч. Т. I. М., 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тулуповъ, Н. В., и Шестаковъ, П. М. Новая школа. Книга для обученія русскому языку въ школѣ и дома. Часть III. Ц. 60 к.

Тэнъ, Ипполитъ. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Спб., 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Франсъ, Ан. Перламутровый ларчикъ. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Чупровъ, А. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Шмелевъ, И. Служители правды. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Шмидъ, В. Философская хрестоматія. Одесса, 1907 г. Ц. 1 р.

Шнитцлеръ, А. Хороводъ. М., 1907 г. Ц. 65 к.

Щекинъ, А. А. Моя исповѣдь. М., 1907 г.

Экъ, Екатерина. На досугѣ. Т. I. М., 1907 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ
БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.
I. Книги.

Стр.

Беллетристика; Литературно-художественные альманахи „Шиповникъ". Книга вторая.—*Н. Олигеръ*. Разсказы. Т. I.—*Шарль ванъ-Лерберга*. Панъ. Сатирич. комедія въ 3-хъ дѣйств. Перев. С. А. Полякова.—*Өедоръ Сологубъ*. Мелкій бѣсъ. Романъ.—*Ив. Новиковъ*. Изъ жизни духа. Романъ. . . . 167

Исторія: *Ипполитъ Тэнъ*. Происхожденіе общественнаго строя Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Перев. Германа Лопатина. 173

Правовѣдѣніе, соціологія, политическая экономія: *А. В. Дайси*. Основы государственнаго права Англіи. Перев. подъ редакц. проф. П. Г. Виноградова.—*К. Фроме*. Монархія или республика. Перев. В. В. Задлера.—*П. Гере*. Три мѣсяца фабричнымъ рабочимъ. Перев. М. Б. М. 175

Народное образованіе: *Джонъ Дьюи*. Школа и общество.—*В. В. Петровъ*. Вопросы народнаго образованія въ Московской губ. Вып. V. Наглядность обученія въ земскихъ школахъ Московской губ. 180

Публицистика: Кіевскій и одесскій погромы въ отчетахъ сенаторовъ Турау и Кузьминскаго. 182

Естествознаніе. *Эдуардъ Гартманъ*. Міровоззрѣніе современной физики. Перев. съ нѣм. С. В. Контовта.—*Б. П. Вейнбергъ*. Люди жизни, думайте о грядущихъ поколѣніяхъ. 184

Библіографія: 1) Критическое обозрѣніе. Серія періодическихъ сборниковъ, издаваемая при коммиссіи по организаціи домашняго чтенія. Вып. I и II. 2) Новая книга. Критико-библіографическій еженедѣльникъ. № 1 и 2 . . . 187

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 августа по 1 сентября 1907 г.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНЫЕ КУРСЫ.

Открытые въ 1903 году, Курсы эти состоятъ въ вѣдѣніи двухъ отдѣловъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества. Одинъ изъ нихъ, во главѣ съ тайнымъ совѣтникомъ А. Г. Неболсинымъ, имѣетъ цѣлью развитіе профессіональнаго образованія вообще и другой (желѣзнодорожный), подъ предсѣдательствомъ главнаго инспектора россійскихъ желѣзныхъ дорогъ министерства путей сообщенія, тайнаго совѣтника А. Н. Горчакова, на ряду съ другой спеціальной своей дѣятельностью, озабоченъ дать желѣзнымъ дорогамъ хорошо подготовленныхъ и сознательныхъ агентовъ для занятія должностей по службамъ: движенія, телеграфа, коммерческой, сборовъ и контрольной, т.-е. такихъ агентовъ, отъ которыхъ главнымъ образомъ зависитъ правильная, безопасная и своевременная перевозка пассажировъ, багажа и грузовъ.

Съ цѣлью поднять уровень развитія желѣзнодорожныхъ служащихъ, на Курсы принимаются лица съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ: мужчины не моложе 16 лѣтъ, окончившіе не ниже городскихъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія по Положенію 1872 года, или уѣздныя училища, или духовныя училища, или 5-классныя среднія учебныя заведенія, или выдержавшіе испытаніе на отбытіе воинской повинности вольноопредѣляющимся по 2 разряду, и женщины не моложе 18 лѣтъ, окончившія среднія учебныя заведенія или 6-классныя епархіальныя училища.

Лица обоего пола, не вполнѣ удовлетворяющія этимъ требованіямъ, въ зависимости отъ ихъ подготовки, принимаются вольнослушателями.

Курсъ обученія одногодичный съ 1-го по 1-е октября каждаго года, вмѣстѣ съ трехмѣсячной лѣтней практикой, по возможности, на желѣзной дорогѣ. Занятія вечернія, и это даетъ возможность, сравнительно за небольшую плату (150 руб. за весь курсъ), прослушать Курсы и усовершенствоваться въ знаніи желѣзнодорожнаго дѣла лицамъ, исполняющимъ въ теченіе дня ту или другую службу, а также обучающимся въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Прослушать Желѣзнодорожные Курсы весьма полезно не только лицамъ съ указаннымъ образовательнымъ цензомъ, но и студентамъ, или лицамъ, ожидающимъ вакансій въ высшія учебныя заведенія, готовящимся къ практической дѣятельности по желѣзнымъ дорогамъ, даже въ качествѣ администраторовъ по соотвѣтствующимъ отраслямъ желѣзнодорожной службы, юрисконсультовъ и др., а также воинскимъ чинамъ, желающимъ служить по передвиженію войскъ.

С.-Петербургскіе Желѣзнодорожные Курсы являются единственнымъ доступнымъ учрежденіемъ въ Россіи такого типа, гдѣ возможно изучить желѣзнодорожное дѣло наглядно и основательно, подъ личнымъ руководствомъ практиковъ-начальниковъ соотвѣтствующихъ желѣзнодорожныхъ службъ и отдѣловъ ихъ по лекціямъ, составляемымъ преподавателями, въ качествѣ учебныхъ пособій.

Желѣзныя дороги, сильно нуждаясь въ хорошо подготовленныхъ агентахъ, весьма сочувственно относятся къ Курсамъ и принимаютъ ихъ слушателей какъ на практику, такъ и на службу послѣ успѣшнаго окончанія ими Курсовъ. Такимъ образомъ почти всѣ слушатели прежнихъ выпусковъ уже служатъ по разнымъ желѣзнымъ дорогамъ, а около 200 слушателей текущаго года въ настоящее время отбываютъ лѣтнюю практику и возвратятся на Курсы къ 1-му сентября на выпускные экзамены, которые будутъ производиться въ присутствіи приглашенныхъ представителей отъ желѣзныхъ дорогъ.

Инспекторъ Курсовъ, на мѣсто назначеннаго Начальникомъ Движенія Екатерининской желѣзной дороги инженера п. с. Л. М. Щербакова, приглашенъ бывшій Начальникъ Движенія Николаевской желѣзной дороги, нынѣ Правительственный Директоръ отъ Министерства Путей Сообщенія въ Правленіи Общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги, инженеръ п. с. Ѳ. Ѳ. Дараганъ.

Курсы помѣщаются въ С.-Петербургѣ, Галерная ул., № 5, гдѣ пріемъ прошеній будетъ продолжаться до 1-го октября.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ОКТЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**К. Д. Бальмонта**	1
II.	ПЕРИНА.—**Ѳедора Сологуба**	3
III.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Эразма Штейна**	8
IV.	БРАТЪ.—**А. М. Ѳедорова**	10
V.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Ѳедора Сологуба**	39
VI.	БРАКЪ. Повѣсть.—**Вацлава Сѣрошевскаго**	41
VII.	РАЗСКАЗЫ. **Люсьена Декава**.—Перев. съ франц. **С. С. Нестеровой**	80
VIII.	ДОГОРАЮЩІЯ ЛАМПЫ. Разсказъ.—**М. К. Первухина**	99
IX.	ИЗАИЛЬ. Романъ **Генниха Бергера**.—Перев. съ нѣмецк. **Ал. Чеботаревской**	134
X.	ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ.—Перев. съ итальянск. **З. Н. Журавской**. *Продолженіе*	158
XI.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ивана Бунина**	196
XII.	КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.—**А. А. Кауфмана**	1
XIII.	ВОСПОМИНАНІЯ ЧАЙКОВЦА.—**С. С. Синегуба**. *Продолженіе*	29
XIV.	ИЗЪ ФИНЛЯНДІИ О ФИНЛЯНДІИ.—**Д. Д. Протопопова**	50
XV.	НОВАЯ КНИГА О ПУШКИНѢ. (**В. Сиповскій**: „Пушкинъ. Жизнь и творчество“. Спб., 1907 г.).—**А. Е. Грузинскаго**	63
XVI.	НОВОЕ СЛАВЯНСКОЕ ИЗДАНІЕ.—**В. М. Лаврова**	75
XVII.	ПАМЯТИ МЭТЛАНДА.—**А. Н. Савина**	80
XVIII.	ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНІИ. Международный соціалистическій конгрессъ.—**К. Дверницкаго**	107
XIX.	СПОРЪ ЖОРЕСА И КЛЕМАНСО	130
XX.	ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**Ѳ. К. Арнольда**	158
XXI.	ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—**В. Н. Линда**	170
XXII.	ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—**С. А. Котляревскаго**	191
XXIII.	ПЕРЕДЪ ТРЕТЬЕЙ ДУМОЙ.—**А. С. Изгоева**	206
XXIV.	FACIES HIPPOCRATICA. Къ характеристикѣ кризиса въ современномъ соціализмѣ.—**Петра Струве**	220
XXV.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги**: **Беллетристика**.—Исторія, исторія литературы.—Соціологія, правовѣдѣніе, политическая экономія.—Публицистика.—II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 сентября по 1 октября 1907 г.**	193
XXVI.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Фото-сепія и фото-сангвинъ. Ладвеза. Руков. для любителей-фотографовъ. Ц. 35 к.

Фотоминіатюра. E. Blin. Упрощенный способъ раскрашиванія фотограф. карточекъ. Руковод. для любителей ремесла, искусства и научныхъ примѣненій. 2 изд. Ц. 50 к.

Цвѣтная фотографія. Дюмулена. Способы Бекереля, Кроса, Дюкоса, Липмана и др. (Воспроизведеніе красокъ фотографіей.) Ц. 70 к.

Альбомъ писанныхъ и печатныхъ шрифтовъ для чертежниковъ и учениковъ техническихъ школъ. Собралъ М. А. Нетыкса. 52 таблицы. Ц. 3 р. 75 к.

Курсъ проекціоннаго черченія. M. Kleiber. Руководство для техническихъ училищъ, ремесленныхъ и художественно-промышленныхъ профессіон. школъ, а также для самообученія. Съ 50 + 5 чертежами въ краскахъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакц. М. А. Нетыкса. Ц. 5 р.

Машиностроительное черченіе. А. Ридлера. Наглядное изложеніе раціональныхъ основъ исполненія чертежей въ связи съ потребностями практики машиностроенія. Перев. съ нѣмецк. инженеръ-механика Н. К. Пафнутьева. Съ 256 фиг. въ текстѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Техника черченія. Счетная линейка. Правила размѣтки. М. А. Нетыкса. 3-е совершенно переработанное и значительно увеличенное изданіе. Съ 757 политипажами въ текстѣ и 7 литографированными таблицами. Ц. 3 р. 50 к.

Архитектура. В. Г. Залѣсскаго, адъюнктъ-проф. Краткій курсъ построенія частей зданій, читанный въ Императорск. Московскомъ Техническомъ училищѣ. Съ дополненіемъ популярнаго изложенія способовъ провѣрочнаго расчета и опредѣленія размѣровъ конструкцій. Съ 655 чертежами въ текстѣ и отдѣльнымъ атласомъ частей зданій въ 27 хромолитографированныхъ таблицъ. Цѣна текста съ атласомъ на простой бумагѣ 5 р., съ атласомъ въ папкѣ па веленев. бумагѣ—5 р. 50 к., съ атласомъ въ коленкоровой папкѣ на веленев. бумагѣ и текстомъ въ коленкоровомъ переплетѣ—6 р. 80 к.

Школа дешеваго огнестойкаго сельскаго и городского строительнаго искусства. А. Пороховщикова. Цѣна съ атласомъ чертежей, состоящимъ изъ 39 таблицъ, въ обложкѣ—1 р. 50 к., въ прочномъ переплетѣ—1 р. 75 к. Содержаніе книги: Предисловіе.—Отдѣлъ воспитательный.—Программа и ея исполненіе. Отдѣлъ учебный: „Подросткамъ наставленье, какъ избы старыя и прочее строенье несгораемыми сдѣлать“... „Пожарный букварь“. Высочайшая благодарность.—Русская печь.—Сердце русской избы.—Корсунская печь.—Строительные матеріалы и работы.—Чертежи.

Художественный сборникъ работъ русскихъ архитекторовъ и инженеровъ. Съ рисунками и чертежами. Всѣ выпуски 1891—1894 г. включительно. Ц. кажд. вып. 3 р. 50 к.

Валы и приводы. M. P. Bale. Современное ихъ устройство для выгодной передачи силы. Пер. съ англ. инж.-технол. Л. А. Боровичъ. Ц. 1 р. 75 к.

Водяныя турбины. А. И. Астрова, проф. Атласъ конструктивныхъ чертежей, исполненныхъ турбинныхъ установокъ, турбинъ и главнѣйшихъ ихъ деталей. 95 таблицъ. Ц. 11 р.

Газовые, нефтяные и прочіе двигатели внутренняго сгоранія, ихъ конструкція и работа; ихъ проектированіе. Г. Гюльднера, инжен. Переводъ съ нѣмецкаго инжен.-механ. Н. К. Пафнутьева и К. В. Кирша, подъ редакц. Б. И. Гриневецкаго, ад.-профес. Императорскаго Московскаго Техническаго училища. 2 выпуска. Ц. 11 р.

Канатныя передачи. J. Flather. Съ атласомъ чертежей въ 15 таблицъ. Ц. 2 р. 60 к.

Механизмы и трансмиссіи. Лекціи, читанныя на химическомъ отдѣленіи Императорскаго Техническаго училища. П. С. Страхова. Съ отдѣльнымъ атласомъ изъ 167 чертежей. Ц. 4 р.

Мѣднолитейное дѣло. Ф. Вюста, д-ра. (Плавка и формовка.) Съ 255 рисунк. Перев. съ нѣмецк. инжен.-механика А. К. Вессель. Ц. 2 р. 50 к.

Подборъ шестеренъ при нарѣзкѣ винтовъ на самоточкѣ. Г. Лукасевича. (Рѣзаніе винтовъ и расчетъ смѣнныхъ шестеренъ.) Практическое руководство для лицъ, имѣющихъ дѣло съ самоточкою. Переводъ съ нѣмецкаго инжен.-механика А. К. Вессель. Ц. 1 р. 50 к.

Пріемы шаблонной формовки, устраняющей изготовленіе моделей для многихъ чугунныхъ отливокъ, какъ, напрнм., махови-

---

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА X.

МОСКВА.

1907.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**К. Д. Бальмонта** 1

II. ПЕРИНА.—**Өедора Сологуба** 3

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Эразма Штейна** 8

IV. БРАТЪ.—**А. М. Өедорова** 10

V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Өедора Сологуба** 39

VI. БРАКЪ. Повѣсть.—**Вацлава Сѣрошевскаго** 41

VII. РАЗСКАЗЫ. Люсьена Декава.—Переводъ съ французскаго **С. С. Нестеровой** 80

VIII. ДОГОРАЮЩІЯ ЛАМПЫ. Разсказъ.—**М. К. Первухина** 99

IX. ИЗАИЛЬ. Романъ Геннинга Бергера.—Перев. съ нѣмецкаго **Ал. Чеботаревской** 134

X. ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ. Пер. съ итал. **З. Н. Журавской**. *Продолженіе* 158

XI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ив. Бунина** 196

XII. КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.—**А. А. Кауфмана** 1

XIII. ВОСПОМИНАНІЯ ЧАЙКОВЦА.—**С. С. Синегуба**. *Продолженіе*. 29

XIV. ИЗЪ ФИНЛЯНДІИ О ФИНЛЯНДІИ.—**Д. Д. Протопопова** . . . 50

XV. НОВАЯ КНИГА О ПУШКИНѢ. (*В. Сиповскій*: «Пушкинъ. Жизнь и творчество». Спб., 1907 г.).—**А. Е. Грузинскаго** . 63

XVI. НОВОЕ СЛАВЯНСКОЕ ИЗДАНІЕ.—**В. М. Лаврова** 75

XVII. ПАМЯТИ МЭТЛАНДА.—**А. Н. Савина** 80

Стр.

XVIII. ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНІИ. Международный соціалистическій конгрессъ.—К. Дверницкаго 107

XIX. СПОРЪ ЖОРЕСА И КЛЕМАНСО 130

XX. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Ѳ. К. Арнольда 158

XXI. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда 170

XXII. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго 191

XXIII. ПЕРЕДЪ ТРЕТЬЕЙ ДУМОЙ.—А. С. Изгоева 206

XXIV. FACIES HIPPOCRATICA. Къ характеристикѣ кризиса въ современномъ соціализмѣ.—Петра Струве 220

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Соціологія, правовѣдѣніе, политическая экономія.—Публицистика.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1907 г. 193

XXVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

Стихотворенія К. Д. Бальмонта.

1. Тихая повѣтерь.

Тихая повѣтерь въ Бѣломъ дышитъ морѣ.
Тихая повѣтерь. Можно плыть въ просторѣ.
Мы моленье Вѣтру вслухъ произносили:—
Не серчай. Дай льготу. Будь потише въ силѣ.—
На Востокъ смотрѣли. Западу шептали.
Напекли блиновъ мы, наварили каши.
Бросили лучинки, и поплыли въ валѣ.
За крестомъ лучиннымъ. Въ Вѣтрѣ лодки наши.
Тихая повѣтерь, вѣй, Праматерь Моря,
Рыбарей баюкай, съ блѣдными не споря.

2. Осенній бусенецъ.

Осенній бусенецъ обмочливѣй дождя,
Затѣмъ что дождь пойдетъ, и вмигъ свое проплящетъ,
А этотъ бисерникъ, ужъ разъ изъ тучъ пойдя,
Какъ будто каплями такую пашню пашетъ,
Въ которой бороздамъ нѣтъ счета, нѣтъ конца.
Сидите по домамъ—и бойтесь бусенца.

3. Серебряный путь.

Снѣгъ былъ за ночь. Убѣлилась верея.
Удорожилась дороженька моя.
Отъ пороши самой первой—санный путь.
Въ осребренность! Сердце, есть на что взглянуть.

Снѣгомъ бѣлымъ все прикрыла намъ Зима.
Лѣсъ—какъ сказка. Звѣздной ночью свѣтитъ тьма.
И не знаешь, звѣзды-ль, снѣгъ ли весь въ лучахъ,
Или это—что-то здѣсь, въ моихъ глазахъ.

4. Въ снѣжной замети.

Въ снѣжной замети кружиться,—
Оснѣжишься только весь.
Ужъ покуда ночь продлится,—
Мы въ лѣсу побудемъ здѣсь.
Утромъ Солнце загорится,
Намъ сверкнетъ алмазомъ-льдомъ,
Будетъ настъ, и снѣгъ сплотится,—
Какъ по мосту мы дойдемъ.

5. Улети.

Изъ остроговъ, изъ затворовъ,
Отъ косыхъ холодныхъ взоровъ,
Отъ напрасныхъ разговоровъ,—
Улети.

Птицей вольной, птицей бѣлой,
Изъ темницы застарѣлой,
Унесись на подвигъ смѣлый,—
Есть пути.

Въ мигъ одинъ свершится диво,
И свободно и красиво
Засіяетъ лугъ и нива,—
Захоти.

Плѣннымъ—крючья, плѣннымъ—пилья,
Но мечтой умножь усилья,
И растутъ, бѣлѣютъ крылья,—
Что-жъ, лети.

Камень тяжкій отвалился,
Душный сводъ тюрьмы раскрылся,
Прахомъ твой порогъ затмился,—
Отмети.

Будь же съ нами, съ голубями,
Въ голубомъ воздушномъ храмѣ,
Мы помчимся облаками,—
Улети.

ПЕРИНА.

I.

Наборщикъ Проходимцевъ и его жена Наталья Петровна ужинали. Они только на прошлой недѣлѣ повѣнчались, и теперь устраивали свое хозяйство. Наталья Петровна говорила:

— Я удивляюсь на мамашу, что онѣ, будучи при такихъ деньгахъ, не только не пускаютъ ихъ въ оборотъ, но даже не положатъ въ банкъ, а держатъ ихъ подъ собою. Хоть бы вы имъ посовѣтовали, Демьянъ Степанычъ.

— Это я могу,—отвѣтилъ Проходимцевъ, тощій черноволосый человѣкъ съ очень серьезнымъ лицомъ,—я имъ разъясню ихъ невѣжество. Но я не понимаю того, Наталья Петровна, что вы говорите, что маменька свой капиталъ подъ собой содержатъ. Въ какихъ собственно смыслахъ это слѣдуетъ понимать?

Наталья Петровна оглянулась вокругъ опасливо и, понизивъ голосъ, хотя слушать было некому, сказала:

— Это собственно, Демьянъ Степанычъ, секретъ, но какъ говорится, что мужъ да жена—одна сатана, то, и надѣясь на вашу скромность, что вы никому не разскажете, я вамъ открою, что маменька держатъ свои капиталы въ перинѣ. Въ той самой перинѣ, на которой онѣ спятъ.

Проходимцевъ ничего не отвѣтилъ. Уже когда прошло много времени, и уже Наталья Петровна начала стлать постель, онъ все еще думалъ. Наконецъ сказалъ:

— Мнѣніе мое объ этомъ предметѣ такое, что надо маменьку пригласить къ намъ на постоянное пребываніе, а то ихъ тамъ при ихъ одиночествѣ всякій можетъ ограбить и даже лишить возможности жизни.

— Маменька къ намъ не пойдутъ,—сказала Наталья Петровна,—онѣ очень берегутъ свою перину, и не рѣшатся ее перевозить.

Но Проходимцевъ, какъ бы не слушая, продолжалъ:

— И даже я такъ полагаю, что надо маменьку пригласить сегодня же, а то ноньче ночью ихъ могутъ ограбить и порѣшить, а это намъ съ вами будетъ непріятно и даже невыгодно. А что маменька откажутся, это я и самъ знаю, но только я ихъ приглашу такъ, что и съ отказомъ онѣ къ намъ переѣдутъ. Согласитесь сами, Наталья Петровна, что намъ надобно не согласіе маменькино, а маменькина перина.

И съ этими словами Проходимцевъ аккуратно одѣлся, сказалъ женѣ:

— До пріятнаго со мною свиданья.

И ушелъ. Жена равнодушно посмотрѣла за нимъ, зѣвнула, и сѣла у окна, сложа руки, ждать мужа.

II.

Проходимцевъ, пройдя улицы двѣ, постучался въ окошко маленькаго одноэтажнаго домика. Взлохмаченная голова высунулась въ окно, и хриплый тенорокъ проговорилъ:

— А, Проходимцевъ, другъ любезный, что такъ поздно?

— Господину Раскосову почтеніе,—отвѣтилъ Проходимцевъ,—и прошу выйти на улицу по важному и неотложному дѣлу.

— Немедленно?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ г. Раскосовъ.

— Немедленно, и даже сію секунду,—отвѣчалъ Проходимцевъ.

Господинъ Раскосовъ зѣвнулъ, подумалъ, скрылся и скоро вышелъ изъ воротъ.

Это былъ рослый и дюжій молодецъ съ пухлымъ рябымъ лицомъ и свѣтлой трепаной бородкой лопатой, одѣтый въ синюю блузу и пиджакъ.

— Другъ ты мнѣ или нѣтъ?—спросилъ Проходимцевъ.

— Демьянъ, мнѣ ли не повѣришь?—воскликнулъ Раскосовъ.

— И сверхъ того рубль цѣлковый заработать желаешь?—продолжалъ Проходимцевъ.

Раскосовъ просіялъ и воскликнулъ:

— Это очень даже можно. Рубъ цѣлковый—монета уважительная. Это я могу.

— Ноньче ночью мнѣ надо важное дѣло сдѣлать,—объяснилъ Проходимцевъ,—тещу къ себѣ домой водворить желаю, а какъ она своего согласія не дастъ, то я намѣреваюсь переселить ее къ любезной дочери, а моей законной женѣ, на жительство скорымъ манеромъ.

Но какъ для такого дѣла нуженъ товарищъ, то я и приглашаю господина Раскосова.

— А въ полицію не возьмутъ?—освѣдомился Раскосовъ.

Проходимцевъ покачалъ головой.

— Возлагаю надежду на крѣпость рукъ и скорость ногъ.

И пріятели отправились, соблюдая молчаніе.

III.

Было тихо и тепло; въ садахъ за изгородями пахло свѣжо и нѣжно, луна подымалась на востокѣ, за домами звучно и скоро лепетала рѣка у плотины,—городъ спалъ.

Тещинъ домъ стоялъ у выгона, второй отъ конца улицы. Проходимцевъ и Раскосовъ остановились подъ окнами. Проходимцевъ разсудительно сказалъ:

— Теперь главное затрудненіе состоитъ въ томъ, какъ попасть, никого не обезпокоивъ.

Потрогалъ рамы—всѣ окна заперты, толкнулъ калитку—задвинута. Постоялъ, подумалъ, и полѣзъ черезъ заборъ. За нимъ Раскосовъ. Въ будкѣ у воротъ яростно залаяла собака, но узнала Проходимцева и успокоилась,—свой. Проходимцевъ подошелъ къ дому, заглянулъ въ кухню.

— Мареушка спитъ,—сказалъ онъ,—надо ее вызвать.

И принялся громко мяукать, и скрести пальцами стекло окна. Кто-то зашевелился за окномъ. Проходимцевъ спрятался за уголъ, Раскосовъ послѣдовалъ его примѣру. Окно открылось, Мареа, молодая дѣвица, въ одной рубашкѣ, высунулась въ окно, и сказала, зѣвая:

— Машка подлая, чего ты скребешься?

Проходимцевъ выглянулъ изъ-за угла.

— Мареушѣ наше почтеніе,—сказалъ онъ.

За нимъ высунулся и Раскосовъ.

Мареа вздрогнула.

— О, лѣшій, испугалъ,—крикнула она.—Что вамъ тутъ надо, полуночники?

Свѣжо и молодо во влажной темнотѣ прозвучалъ ея голосъ.

— Мы къ вамъ по дѣлу, прекрасная дѣвица Мареа,—сказалъ Проходимцевъ.—Потому, какъ ваша барыня, а наша любезнѣйшая маменька желаетъ переѣхать къ намъ на жительство, но опасается огласки, чтобы сосѣди не помѣшали, а кромѣ того у нашей маменьки причуды, какъ у малаго ребенка, то маменька намъ ноньче и гово-

рятъ: не хочу я къ вамъ ни пѣшомъ идти, ни конью ѣхать, а несите вы меня, какъ Ольга перемудрая Игоревыхъ пословъ, на моей собственной трехспальной перинѣ. Вотъ мы и пожаловали, а вы, Мареа прекрасная, извольте отворить намъ двери.

Мареа засмѣялась.

— Придумаете тоже,—сказала она,—нашли дуру, такъ я вамъ и отворила.

— Извѣстное дѣло, нашли,—отвѣчалъ Проходимцевъ,—извѣстное дѣло, отворишь,—семьдесятъ пять копеекъ получить желаешь?

— Обманете?—живо спросила Мареа.

Проходимцевъ вынулъ кошелекъ, отсчиталъ семьдесятъ пять копеекъ и подалъ Мареѣ.

— У насъ деньги вѣрныя, какъ въ казначействѣ,—укоризненно сказалъ онъ,—мы не затѣмъ, чтобы обманывать.

Мареа сосчитала деньги.

— Да мнѣ что-жъ,—сказала она,—я, пожалуй, и отворю. Мнѣ-то что же!

Она отошла отъ окна и, тяжело ступая, пошла къ двери. Звякнулъ запоръ, съ тихимъ скрипомъ раскрылась дверь, и, вся бѣлая на ея зіяющей темнотѣ, выглянула Мареа.

Проходимцевъ и Раскосовъ вошли.

Мареа захохотала, пряча лицо въ платокъ. Всѣ трое отправились въ спальню къ старухѣ.

IV.

Анна Прохоровна спала, свернувшись комочкомъ на своей широкой перинѣ. Пріятели взяли перину, Раскосовъ въ головахъ, Проходимцевъ въ ногахъ, и понесли. Старуха проснулась. Забезпокоилась.

— Что такое?—закричала она.—Мареушка, подлая, куда меня волокутъ? Нешто пожаръ?

— Ничего, маменька, не безпокойтесь,—отвѣтилъ Проходимцевъ,—мы съ нашею супругою приглашаемъ васъ къ намъ на пребываніе.

— Озорники, да что вы дѣлаете?—кричала старуха, межъ тѣмъ какъ ее проворно, почти бѣгомъ, вынесли на дворъ, а потомъ на улицу.—Пустите меня, я домой пойду.

— Никакъ невозможно, маменька, потому какъ вашъ костюмчикъ дома остался, и кромѣ того не извольте кричать, а то сосѣди увидятъ васъ въ такомъ безпорядкѣ, и вамъ будетъ зазорно.

Старуха захныкала:

— Разбойникъ ты, креста у тебя на вороту нѣтъ.

Но пріятели не слушали и быстро мчались со своей ношей по тихимъ улицамъ безмолвнаго городка.

Скоро принесли и положили перину со старухой на полъ.

— За вашимъ костюмчикомъ, маменька, пойду,—объявилъ Проходимцевъ.

Разсчитался честно съ Раскосовымъ, и пошелъ за старухиной одеждой. Старуха плакала. Дочь говорила ей:

— Такъ какъ мы васъ, маменька, очень любимъ, то и нѣтъ нашего желанія жить съ вами отдѣльно. Вамъ у насъ будетъ, какъ у Христа за пазухой.

Ѳедоръ Сологубъ.

Гамлетъ и три актера.

Итакъ, друзья, сыграйте пьесу,
Въ ней будетъ все необычайно.
Вы приподнимете завѣсу
Надъ неразгаданною тайной!

Свой духъ затеплите отвагой,
Пусть засверкаетъ взоръ лучистый;
Ты будешь герцогомъ Гонзаго,
А ты—женой его, Баптистой.

Убійство происходитъ въ Вѣнѣ.
Вы на помостъ взойдете оба;
Ты, опустившись на колѣни,
Клянешься вѣрной быть до гроба.

Онъ засыпаетъ сномъ желаннымъ.
Кругомъ пустынно все и глухо...
Вдругъ ты (ты будешь Луціаномъ!)
Вливаешь ядъ Гонзаго въ ухо.

Онъ умираетъ безъ испуга,
Сраженъ убійцей недостойнымъ.
Вбѣгаетъ блѣдная супруга
И горько плачетъ надъ покойнымъ.

Вниманье! Выходъ самый яркій!
Ты, Луціанъ, какъ бѣсъ нечистый,
Несешь вѣнчальные подарки
И просишь сердца у Баптисты.

Даришь ей кольца, серьги, вазы...
Она кичится. «Грѣхъ. Въ обитель».
Ну, тутъ двѣ-три избитыхъ фразы,
И... торжествуетъ обольститель.

Трупъ герцога забросивъ въ яму,
Къ вѣнцу спѣшитъ моя плутовка.
Вотъ эту маленькую драму
Мы озаглавимъ «Мышеловка».

Эразмъ Штейнъ.

БРАТЪ.

I.

Сева недоумѣвалъ, почему братъ требовалъ выслать на станцію не шарабанъ, а коляску. Дорога была весенняя, еще не вполнѣ установившаяся послѣ обильныхъ снѣговъ, выпавшихъ такъ неожиданно въ мартѣ. А коляска тяжела.

— Видно, гостей изъ города везетъ на Пасху. Ну, что-жъ, коляску такъ коляску, — весело рѣшилъ онъ вмѣстѣ съ управляющимъ.—Я и самъ поѣду встрѣчать его.

Онъ уже начиналъ здѣсь скучать. И собственно, не потому, что давно не видѣлъ брата: просто—домъ представлялся ему теперь опустѣлымъ и печальнымъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ умерла Вѣра Николаевна, жена Вячеслава, съ которой они были очень дружны. И не только домъ, но какъ будто и весь хуторъ утратилъ послѣ ея смерти свою кроткую, улыбающуюся душу. Домъ теперь походилъ на ея рояль: все въ немъ было цѣло; но струны, звенѣвшія по вечерамъ, молчали, и дни въ домѣ чередовались безжизненные, какъ клавиши: бѣлыя—черныя... черныя... бѣлыя.

Выкатили изъ сарая коляску, впрягли тройку лошадей; лошади поотвыкли за зиму отъ упряжи и неохотно становились въ оглобли.

Кривой кучеръ Семенъ сѣлъ на козлы, и тройка, сначала плохо налаживаясь, неровно и недружно, пошла знакомой дорогой.

Спѣшить было некуда. До станціи верстъ пятнадцать всего, а выѣхали больше чѣмъ за два часа. Поѣздъ приходитъ на закатѣ.

Свѣтило солнце. Степь дымилась легкимъ душистымъ паромъ, и съ неба, въ которомъ стояли неподвижно облака, падали пѣсни жаворонковъ. Золотились озими, и на душѣ у Севы было легко, какъ въ облакахъ.

Мѣстами на дорогахъ еще не просохли зажоры, лошади хлюпали по водѣ, обрызгивая морды и недовольно фыркая; колеса вязли и тяжелѣли отъ грязи. А то вдругъ дорога шла почти окрѣпшая, посвѣтлѣвшая отъ солнца, и жаль было, когда грязныя колеса оставляли на ней грубый слѣдъ и липкіе черные комья.

Вдали слышался журчащій клекотъ.

— Посмотрите, панычъ, — обратилъ вниманіе Севы Семенъ, обернувшись съ козелъ и указывая впередъ кнутовищемъ. И въ то время какъ кривой глазъ его тускло оловянѣлъ, другой дружелюбно подмигивалъ.

За лошадьми ничего нельзя было разглядѣть. Сева поднялся въ коляскѣ и увидѣлъ аистовъ. Они собрались въ кружокъ на самой дорогѣ. Посрединѣ круга стоялъ одинъ изъ аистовъ, вѣроятно старшій, и, важно поднявъ голову, выслушивалъ остальныхъ.

Сева попросилъ попридержать лошадей и вылѣзъ изъ коляски, чтобы лучше видѣть эту знакомую ему, но всегда удивительно забавную сцену.

Лишь только онъ ступилъ на землю, какъ ему захотѣлось вдругъ прыгнуть, громко запѣть, засмѣяться, даже просто грудью лечь къ землѣ и поцѣловать ее. И не сдѣлалъ этого, потому что не хотѣлъ уронить себя въ глазахъ Семена, и изъ боязни смутить аистовъ.

Они были всего шагахъ въ пятидесяти отъ него, такъ что можно было ясно видѣть ихъ красныя ноги. Занятыя своимъ важнымъ совѣтомъ, дикія птицы даже не замѣтили близости постороннихъ. Изящные на своихъ высокихъ ногахъ и какъ будто одѣтые въ изысканные фраки, аисты переговаривались между собою, поводили головами и, вообще, проявляли необыкновенную солидность и важность.

— Чистые министры!—со смѣхомъ одобрилъ ихъ Семенъ.—И умная же птица. Помните, какъ покойная барыня нашла одного такого съ перебитымъ крыломъ, вылѣчила его, такъ онъ за ней, какъ женихъ за невѣстой, ходилъ.

Это напоминаніе на минуту заволокло радостное настроеніе Севы печалью. Какъ ей было не отнестись съ состраданіемъ къ раненой птицѣ! Она сама походила на птицу съ переломленнымъ крыломъ. И онъ почувствовалъ глубокую нѣжность къ ея памяти.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, на холмѣ, похожемъ на могилу, бѣлѣли цвѣточки подснѣжника. Сева подошелъ къ нимъ. Легкіе, воздушные, съ граціозно закрученными лепестками, первоцвѣты поражали своей чистотой и трогательной безпомощностью.

Воспоминаніе о ней такъ слилось съ впечатлѣніемъ отъ цвѣтка,

что у него выступили на глазахъ слезы отъ одного прикосновенія цвѣтка къ щекѣ.

— Милая, милая,—прошепталъ онъ, закрывая глаза отъ беззавѣтнаго восторга и тихой печали. На мгновеніе онъ забылъ о небѣ, о землѣ и объ аистахъ,—но въ ту же минуту почувствовалъ, что краснѣетъ отъ освѣтившаго его сознанія: стало неожиданно ясно, что онъ любилъ жену своего брата не такъ, какъ родную, а въ это чувство вливалось другое, о которомъ онъ самъ не подозрѣвалъ даже за часъ передъ тѣмъ. Изъ земли, гдѣ тлѣлъ ея прахъ, она дала ему постичь смыслъ и особенность его любви къ ней. Любовь раскрылась въ теплыхъ душистыхъ испареніяхъ, въ вѣнчикахъ безуханныхъ слабыхъ, но не боящихся заревого холодка цвѣтовъ, въ сіяніи неба, которое льется въ самую кровь. И оттого ему хотѣлось поцѣловать землю. Это откровеніе сначала испугало его самого. Не было ли оно грѣховнымъ и оскорбительнымъ для ея памяти?

Онъ оглянулся вокругъ, спрашивая небо и землю и весну: такъ ли?

Все улыбнулось ему въ отвѣтъ весело и ясно, и на душѣ сразу стало легко, какъ въ облакахъ.

Курлы... курлы... бесѣдовали аисты, и ихъ голоса мягко и печально журчали въ степной тишинѣ.

Теперь они уже не стояли такъ важно, какъ раньше, а плавно переступали съ ноги на ногу, не нарушая круга, точно танцовали, и средній былъ дирижеромъ.

— Трогай, Семенъ, потихоньку—я рядомъ пройдусь,—обратился Сева къ кучеру и сдѣлалъ нѣсколько легкихъ движеній впередъ, разминая на ходу руки.

— Посмотрю я на васъ, панычъ,—совсѣмъ вы, какъ тая птица. И совсѣмъ ну, какъ надо—человѣкъ. Такой длинноногій стали. А всего годъ тому назадъ этакій кнышъ были.

Севѣ это признаніе его «какъ надо человѣкомъ» очень польстило. Онъ подергалъ себя за еле пробивающійся пушокъ на губѣ и солидно произнесъ:

— Да, tempora mutantur.

Семенъ засмѣялся.

— Вотъ же, развѣ я неправду говорилъ, что вы, какъ тая птица. И говорите по ихнему.

Аисты замѣтили постороннихъ, заклекотали тревожнѣе и оставили свой танецъ.

Средній аистъ неторопливо кивнулъ окружающимъ, и вся стая, сдѣлавъ нѣсколько кружковъ въ одну сторону, распустила крылья

и, точно взвѣшивая ими воздухъ, поджавъ ноги и вытянувъ шеи, плавно полетѣли вдаль. И красивъ, строенъ и важенъ былъ полетъ мирныхъ свободныхъ птицъ.

Сева вздохнулъ, глядя имъ вслѣдъ, какъ будто жалѣлъ, что дѣйствительно не птица.

— Теперь ѣдемъ, Семенъ,—пора.

Сѣлъ въ коляску, и лошади побѣжали рысцой.

II.

Станція стояла одинокая, каменная, красная, и по обѣ стороны отъ нея разбѣгались рельсы и телеграфныя проволоки; имъ-то и была обязана станція своимъ существованіемъ. Станція имѣла два входа, для двухъ разныхъ міровъ: внѣшній для того, который чаще всего лишь на минуту заглядывалъ сюда, мчась изъ невѣдомаго далека въ противоположную даль съ громыхающимъ поѣздомъ—и другой—для того міра, который тихо и смиренно жилъ вокругъ на этихъ безконечныхъ трудовыхъ поляхъ.

Изъ глубины ихъ робко шли къ станціи степныя дороги; по нимъ чаще всего подвозили хлѣбъ, который глотали желѣзные вагоны.

Иногда къ станціи подъѣзжали экипажи, принимая кого-нибудь изъ того міра, или вводя въ него. И въ томъ и въ другомъ случаѣ люди какъ будто измѣнялись, проходя изъ однихъ дверей въ другія.

Коляска подкатила къ крыльцу какъ разъ тогда, когда сигнальный звонокъ трещалъ о выходѣ поѣзда съ сосѣдней станціи.

Сева выпрыгнулъ изъ коляски и лишь только ступилъ на обтертыя и грязныя каменныя ступени, какъ сразу почувствовалъ ту знакомую скуку, стѣсненіе и тревогу, которыя проникали въ него каждый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ на станцію.

Онъ получилъ газеты, *Ниву,* накладную на жатвенную машину, выписанную братомъ изъ-за границы. Телеграфистъ Мизгиревъ, длинный молодой человѣкъ, мечтавшій поступить на сцену и потому ежедневно брившій лицо и очень рѣдко подстригавшій волосы, вышелъ къ Севѣ, привѣтствуя его королевскими жестами.

— Привѣтъ, о, другъ Горацio, привѣтъ. Ну, какъ живете?

— Благодарю. Какъ вы?

— Да все разучиваю Гамлета. Пойдемте.

Онъ обнялъ Севу за талію и повелъ его за водокачку, тамъ сталъ передъ нимъ въ позу и началъ декламировать:

Но едва онъ дошелъ до словъ:

О, небо! Звѣрь безъ разума, безъ слова
Грустилъ бы долѣе.—

засвистѣлъ приближающійся поѣздъ, и Сева заволновался.

Телеграфистъ съ раздраженіемъ плюнулъ въ сторону поѣзда и трагически выкрикнулъ:

— Вотъ такъ всегда!

Но, однако, первый пустился на платформу, чтобы пройтись передъ окнами вагоновъ, за которыми красуются молодыя женскія лица.

Едва Сева успѣлъ дойти до платформы, какъ поѣздъ уже подошелъ къ ней, и станція сразу ожила и зашумѣла.

Сева растерянно сталъ искать брата глазами. Обыкновенно тотъ ѣздилъ во второмъ классѣ, но за однимъ изъ стеколъ вагона перваго класса ему показалось знакомое лицо.

«Не можетъ быть»—почему-то подумалъ онъ. Но однако, изумило его что-то другое, что онъ скорѣе почувствовалъ, чѣмъ увидѣлъ.

Изъ вагона прежде всего выпорхнула пышно разодѣтая дама въ красной шляпѣ; она быстро оглянулась направо, налѣво, улыбаясь привычно-выжидательно, какъ будто разсчитывала на многолюдную и веселую встрѣчу, вмѣстѣ съ тѣмъ удивляясь всему, что было въ дѣйствительности. Обернулась назадъ, и Сева увидѣлъ выходящаго изъ вагона брата.

— А, Севка!—преувеличенно громко воскликнулъ старшій братъ.

Сева бросился къ нему. Но въ рукахъ у того были картонки. Отставляя неловко руки и какъ будто стѣсняясь чего-то, онъ поцѣловалъ Севу и тутъ же поспѣшилъ представить его дамѣ въ красной шляпкѣ:

— Мой братъ—Всеволодъ.

Та блеснула глазами, сощурилась, потомъ подняла брови и протянула ему руку, улыбаясь съ видомъ радостнаго удивленія:

— Какъ это хорошо! Вы такъ похожи другъ на друга, точь-точь двѣ капли воды...

Она еще хотѣла что-то сказать, но Вячеславъ перебилъ ее съ неестественной внимательностью, обращаясь къ Севѣ:

— А это баронесса Эмма Ѳедоровна Гиммель-Штернъ. Она пріѣхала къ намъ погостить. Ну, что ты тамъ возишься съ вещами!—крикнулъ онъ въ вагонъ носильщику, въ то время, какъ тотъ уже выходилъ изъ вагона съ нѣсколькими изящными баулами и чемоданомъ.—Вотъ тебѣ еще квитанція. Возьмешь багажъ.

Но такъ какъ у носильщика руки были заняты, онъ сунулъ ему квитанцію прямо въ ротъ, и тотъ схватилъ ее зубами.

Сева подумалъ, что прежде никогда его братъ не сдѣлалъ бы этого, а если бы и сдѣлалъ, то въ видѣ шутки.

— Ты, конечно, въ коляскѣ?—вскользь спросилъ онъ Севу. Тотъ утвердительно кивнулъ.—Ну, какъ у васъ—все благополучно?

— Да, все благополучно,—уныло отвѣтилъ Сева.

Братъ искоса взглянулъ на него. Тогда Сева, чтобы не огорчать его, рѣшилъ побороть въ себѣ эту тягость, такъ неожиданно откуда-то свалившуюся на него, и ласково взглянулъ на брата, машинально коснувшись пальцемъ верхней губы, тѣмъ жестомъ смущенія, который былъ и у Всеволода. Но тотчасъ же почувствовалъ запахъ духовъ, которыми, казалось, насквозь была надушена эта женщина въ красной шляпкѣ.

Онъ опустилъ руку, и въ ту же минуту ощутилъ легкое головокруженіе, точно выпилъ ароматъ ихъ, и даже ему ясенъ былъ вкусъ духовъ, приторный безъ сладости и въ то же время горьковатый. Онъ сразу почувствовалъ непріязнь къ ней и, какъ ему казалось, больше всего за эти духи, какъ будто они шли отъ нея.

Ловкимъ движеніемъ ноги она отбросила путавшіяся юбки, которыя даже свистнули отъ взмаха, затѣмъ подхватила ихъ правой рукой, плотно обтягивая широкія бедра, какъ бы переливавшіяся отъ отчетливыхъ и легкихъ движеній ея ногъ въ сѣрыхъ мохнатыхъ калошахъ, и пошла...

Шла она такъ, какъ будто съ гордостью несла въ себѣ что-то, что было ото всѣхъ скрыто, но составляло ея сущность и соблазнъ для всѣхъ.

Несмотря на суету на платформѣ, на нее всѣ сразу обратили вниманіе.

Сева при взглядѣ на телеграфиста Мизгирева, стоявшаго невдалекѣ съ разочарованно-горделивымъ выраженіемъ въ лицѣ, вдругъ вспомнилъ слова, которыми тотъ оборвалъ свой монологъ.

Эти слова, запавшія въ его память безъ всякаго чувства нѣсколько минутъ тому назадъ, задѣли его теперь какъ-то особенно сложно. Точно зацѣпились за что-то въ памяти, какъ это иногда бываетъ съ какимъ-нибудь обрывкомъ стиха, мотива, и теперь неотвязно станутъ качаться въ головѣ и проситься на языкъ:

О, небо! Звѣрь безъ разума, безъ слова
Грустилъ бы долѣе.

III.

Багажная корзина Эммы, похожая на гробъ, оказалась слишкомъ большой для коляски. Но у станціоннаго буфетчика была лошадь и телѣга. Ему и поручили ее для доставки на хуторъ.

Теперь можно было ѣхать.

Лишь только Эмма сошла наружу съ другого крыльца, съ нея, такъ же, какъ это было со всѣми пріѣзжими, какъ будто спала часть того, что такъ важно ей было тамъ, въ иномъ мірѣ. Это было и неуловимо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясно. Въ движеніяхъ, въ улыбкѣ, въ глазахъ какъ будто погасли искорки какого-то напряженнаго искусственнаго свѣта, ненужнаго здѣсь, передъ строгой наготою и кроткимъ величіемъ земли, полной святого смиренія и покоя.

Даже красная шляпа ея какъ будто потускнѣла иароматъ духовъ ея затаилъ свои настойчивые призывы въ этомъ чистомъ весеннемъ воздухѣ, влажномъ и сочномъ на закатѣ, какъ запахъ спѣлаго плода.

Кто-то огненно свѣтлый и невыразимо печальный стоялъ здѣсь всюду, куда обращались глаза, въ лучахъ весенняго прозрачнаго свѣта и благословлялъ всю землю и все живущее на ней.

Эмма какъ-то вдругъ притихла. И, какъ всегда, когда видишь что-нибудь истинно прекрасное, чистое и великое, ей казалось, что она видѣла это въ дѣтствѣ; она даже безотчетно вздохнула, но не привыкшая молчать ни при какихъ впечатлѣніяхъ жизни, поспѣшила выплеснуть то, что еще не успѣло отстояться въ ней:

— Ахъ, я очень рада, что вы привезли меня сюда! Здѣсь такъ чудно... тихо, и я... Ну, совсѣмъ какъ будто маленькая дѣвочка во время конфирмаціи.

И Эмма, пожавъ плечами, засмѣялась, довольная тѣмъ, что она сказала: это должно всѣмъ понравиться. Но она взглянула главнымъ образомъ на Севу и замѣтила, что онъ искоса посмотрѣлъ на нее послѣ этихъ словъ, въ то время, какъ передъ тѣмъ совсѣмъ избѣгалъ глядѣть, чтобы не выдать своего враждебнаго чувства. Она это чувство отлично угадала и поняла въ немъ сразу: обязанность угождать всѣмъ развила въ ней лисью наблюдательность и чутье.

Помимо всего, она не терпѣла, чтобы кто-нибудь питалъ къ ней иное чувство, кромѣ желанія, или, по крайней мѣрѣ, вниманія къ ея особѣ. Она почти заискивающе обратилась къ нему, стараясь поднять своимъ настойчивымъ взглядомъ его потупленные глаза.

— Я хочу быть вамъ товарищъ. Но вы такой юный, что я для васъ, пожалуй, покажусь старуха.

Подошелъ братъ, довольный ея явнымъ намѣреніемъ сразу приучить этого звѣрка.

Чтобы не огорчать его, Сева поспѣшилъ отвѣтить, краснѣя:

— Нѣтъ, отчего же... я радъ.

— Ну, вотъ и отлично. По рукамъ,—выкрикнула она, подмигнувъ Вячеславу, какъ бы заранѣе торжествуя свою побѣду, и протянула Севѣ руку, быстро содравъ съ нея перчатку.

Онъ подалъ свою, чувствуя въ ея длительномъ пожатіи теплоту и холеную мягкость кожи, только что освободившейся изъ плѣна, ароматъ духовъ и даже—слѣды швовъ перчатки.

Эмма сѣла рядомъ съ старшимъ братомъ, а Сева—противъ нихъ, спиной къ лошадямъ.

Онъ любилъ во время ѣзды слѣдить за лошадьми и по одному этому ужъ предпочелъ бы сидѣть рядомъ съ Семеномъ на козлахъ. Но это обидѣло бы брата.

У Семена какъ будто заоловянѣлъ и другой глазъ, когда онъ утвердился на козлахъ.

Лошади охотно побѣжали домой по остывшей дорогѣ, которая отъ заката казалась лиловой, въ то время какъ вся степь, за исключеніемъ озимыхъ, мягко темнѣла, какъ фіолетовый бархатъ съ золотисто-зелеными вставками полей.

Зато лужи сверкали блѣдно-зелеными полированными зеркалами, отражая высокое водянистое небо. Облака сверху всѣ сползли къ закату, какъ бы затѣмъ, чтобы проводить солнце и погрѣться около его блекнувшаго тепла. Они впитали въ себя его пышный цвѣтъ и долго послѣ заката удерживали золотые и пурпурные тона, какъ воспоминаніе.

Жаворонки, точно притягиваемые землей, спускались къ ней здѣсь и тамъ, стараясь трепещущими крылышками удержаться за воздухъ. Но земля тянула все сильнѣе, и, спѣша допѣть послѣднія пѣсни, они, наконецъ, сливались съ землею, замолкая при первомъ прикосновеніи къ ней.

— Какъ называются эти птички?—спросила Эмма Севу.

Онъ былъ почти оскорбленъ ея незнаніемъ.

— Жаворонки.

— Жаворонки. Ахъ, да! Да, вспомнила.

— Die Lerche,—перевелъ братъ.

— Да, да... die Lerche,—подхватила она, дѣлая видъ, что вспомнила эту птицу. И основательно добавила:—Изъ нея у насъ дѣлаютъ хорошій паштетъ.

— А у насъ грѣхъ эту птицу ѣсть,—строго и съ сознаніемъ превосходства отозвался съ козелъ Семенъ, не оборачиваясь назадъ.

Вячеславъ недовольно повелъ на кучера глазами за его фамильярное вступленіе въ бесѣду, но Эмма заинтересовалась этимъ сообщеніемъ.

— Почему грѣхъ?

— Потому что эта птица своимъ клювомъ шипы изъ чела Христова отъ терноваго вѣнца вынимала. Добрая птица, и урожай предсказываетъ: много жаворонковъ когда поналетитъ,— безпременно Богъ урожай пошлетъ.

Эмма всплеснула руками.

— Ну, что вы скажете! Я теперь ни за что не стану ѣсть паштетъ изъ этихъ птичекъ.

Вячеславъ разсмѣялся.

— Браво, Эмма Өедоровна. Такъ вы живой на небо попадете.

— О, я еще не думаю о небѣ... А вы?...—обратилась она къ Севѣ.—Простите... Вячеславъ Викторовичъ зоветъ васъ...

— Сева.—подсказалъ Вячеславъ.

— Сева... Позвольте и мнѣ такъ звать васъ.

— Конечно, зовите!... Чего тамъ,—рѣшилъ за него старшій братъ.—Онъ мальчикъ еще.

— А сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцатый.

— О, шестнадцатый. Это уже не мальчикъ,—молодой человѣкъ. И потомъ, вы такого высокаго роста... почти, какъ вашъ братъ.

— Да, онъ не нынче-завтра сравнится со мной. А вѣдь я чуть ли не на двадцать лѣтъ старше его.

Онъ не безъ достоинства сказалъ это, зная, что на видъ ему едва-едва можно дать тридцать лѣтъ. Бѣлокурая, хорошо подстриженная бородка и усы очень молодили его.

Вѣроятно, и Эммѣ было около этого. Но она, повидимому, была очень здорова, свѣжа отъ природы и не прибѣгала внѣ эстрады къ косметикамъ.

Полное лицо ея съ пышными рыжеватыми волосами не выдавало опухлостей щекъ и морщинокъ около глазъ и носа. Только губы ея казались нѣсколько поблекшими и помятыми. Она, конечно, это знала и потому часто облизывала ихъ и закусывала бѣлыми, непріятно ровными зубами.

Закатъ тускнѣлъ. Тускнѣло небо и воздухъ и земля, какъ будто изъ нихъ кто-то невидимый постепенно выпивалъ все сіяніе и тепло. Сразу засвѣжѣло, и лошади теперь уже не такъ мягко ступали по дорогѣ: стукъ ихъ копытъ раздавался все отчетливѣе и звончѣе. И лу-

жицы затягивались тонкимъ совсѣмъ бѣлымъ ледкомъ, который съ трескомъ фарфора разбивался подъ копытами. Холодный, слегка стаявшій мѣсяцъ засіялъ на холодномъ небѣ, и звѣзды, дрожа, какъ задуваемыя вѣтромъ свѣчи, затеплились такъ высоко, что мѣсяцъ какъ будто и не касался ихъ своимъ сіяніемъ.

Казалось, что путь будетъ дологъ, дологъ, и также долго будутъ бѣжать лошади и свѣтить звѣзды и пахнуть раскрывающей душу землей.

Было какъ-то странно подъѣхать къ дому изъ свѣжаго мрака этой тихой весенней ночи.

Севу охватывало при этомъ приближеніи жуткое, почти болѣзненное чувство. Вотъ за этимъ холмомъ, который кажется при лунномъ свѣтѣ большой могилой, поворотъ къ усадьбѣ и сейчасъ—конецъ.

Чему? Онъ самъ себѣ еще не отдавалъ яснаго отчета, но мучительно чувствовалъ, что наступаетъ конецъ чему-то блаженно-дорогому для него. Онъ уже больше никогда не увидитъ такими, какъ сейчасъ, землю и небо и ночь. Все кончено.

Откуда-то сверху стали падать таинственные трогательные звуки: перекликались журавли.

Всѣ подняли головы, но ничего не было видно, кромѣ мѣсяца и звѣздъ, и это сообщало особое очарованіе ночнымъ голосамъ дикихъ птицъ. Звуки ихъ падали въ сумракъ и на землю, придавая всѣмъ чувствамъ и мыслямъ невыразимо сладостный, сказочный подъемъ.

Сева уже началъ было нѣсколько примиряться съ ней за ея молчаніе, служившее какъ бы выраженіемъ уваженія къ этой великой ночи, когда она вдругъ, неожиданно спросила:

— А что, тутъ нѣтъ разбойниковъ?

— Разбойниковъ?—удивился старшій братъ,—повидимому такъ же, какъ и Сева, внутренно оскорбленный этимъ вопросомъ, и принужденно разсмѣялся.—Слышишь, Сева, Эмма Ѳедоровна боится, какъ бы ее не убили здѣсь, въ нашей степи.

Сева ничего не отвѣтилъ. Но она по-своему поспѣшила загладить свою оплошность.

— О, нѣтъ. Я не сомнѣваюсь ни на минуту, что если бы и напали на насъ разбойники,—вы бы защитили меня. Но мой багажъ, который идетъ за нами...

— Не безпокойтесь, и багажъ будетъ въ цѣлости.—Отвѣтилъ онъ, и неестественнымъ голосомъ, точно ободряя самого себя, воскликнулъ:—Ну, вотъ мы и дома.

Было ясно, что онъ самъ чувствуетъ себя не совсѣмъ ловко.

Залаяли собаки. Семенъ протяжно свистнулъ,—лай смѣнился радостнымъ визгомъ.

— Ахъ, ахъ!—заволновалась гостья.—Это чудесно. Я не видала ничего подобнаго.

Она захлопала въ ладоши, выражая съ явнымъ преувеличеніемъ свой восторгъ и настроеніе.

Хуторскіе рабочіе въ этотъ часъ уже спали, но прислуга встрѣтила пріѣзжихъ съ большимъ оживленіемъ и услужливостью.

Сева поспѣшилъ первый выпрыгнуть изъ коляски и вбѣжать въ домъ, чтобы не видѣть впечатлѣнія, которое произведетъ и здѣсь на всѣхъ пріѣздъ этой особы: вѣдь всѣ сразу поймутъ, кто она и зачѣмъ пріѣхала. Было еще что-то, что заставляло его опередить гостью, но и это было безсознательное: онъ боялся и вмѣстѣ желалъ, чтобы бѣлый нѣжный призракъ встрѣтилъ его и брата на порогѣ вмѣстѣ съ нею, и поднявъ руку, какъ свѣтящееся крыло, сказалъ:

— Нѣтъ. Я еще здѣсь.

Но они уже всходили по ступенькамъ подъ руку. Вячеславъ держался какъ-то особенно прямо и разсѣянно отвѣчалъ на привѣтствія прислуги, какъ бы всецѣло занятый своей спутницей. Очевидно, сразу желалъ внушить всѣмъ уваженіе къ ней.

Она тоже инстинктивно прониклась его настроеніемъ и шла совсѣмъ не такъ, какъ на платформѣ—два часа тому назадъ.

Въ столовой былъ приготовленъ ужинъ, и хозяинъ былъ доволенъ, что все въ порядкѣ.

— И окна выставили... Отлично.

Она созналась, что голодна. Но прежде чѣмъ сѣсть за столъ, выразила желаніе осмотрѣть домъ.

— Пойдемъ, Сева, покажемъ гостьѣ нашу хижину,—снисходительно, но опять съ той же опаской произнесъ старшій братъ, и снова подалъ ей руку.

Со времени смерти жены спальня была заперта. Тамъ и оконъ не выставляли. Онъ спалъ у себя въ кабинетѣ. Севу коробило при одной мысли, что братъ прикажетъ отпереть спальню для нея. Онъ покуда не сдѣлалъ этого.

Въ кабинетѣ она прежде всего обратила вниманіе на большой портретъ Вѣры Николаевны.

Вѣра Николаевна была вся въ бѣломъ, такая прекрасная и чистая, что Эмма какъ-то потерялась передъ ней. Хотя то, что та совсѣмъ не показалась ей красивой, удержало ее отъ ревности и злости.

Она сразу догадалась, что это покойная жена Вячеслава, и не могла устоять отъ искушенія сказать хоть нѣсколько словъ:

— Это, вѣроятно, портретъ, когда ваша жена была невѣстой

У Севы забилось сердце. Да, да, она именно казалась всегда невѣстой.

Есть женщины, которыя всю свою молодость производятъ такое впечатлѣніе, хотя бы были замужемъ, даже имѣли дѣтей.

И опять Сева повторилъ про себя настойчивую фразу:

О, Боже! Звѣрь безъ разума и чувства
Грустилъ бы долѣе.

— Нѣтъ, это черезъ два года послѣ брака,—сухо отвѣтилъ братъ и поспѣшилъ увести гостью въ ея комнату.

Это и въ самомъ дѣлѣ была комната для гостей, какъ разъ рядомъ съ кабинетомъ Вячеслава. Туда уже внесли ея вещи.

— Окна отсюда выходятъ въ садъ. Прямо передъ окнами—сирень, и когда она цвѣтетъ, кисти сирени лѣзутъ прямо въ комнату.

— О, какая прелесть!—воскликнула она.—Но сирень еще будетъ цвѣсти не такъ скоро.

Вячеславъ только многозначительно повелъ на нее глазами. Она обѣщающе улыбнулась въ отвѣтъ, попутно задѣвъ своей улыбкой и Севу.

У него упало сердце. Такъ и есть, она останется здѣсь надолго. Быть можетъ, навсегда.

— По другую сторону вашей комнаты—спальня Севы. Какъ видите, здѣсь нечего бояться.—Снова успокоилъ ее Вячеславъ.—Вотъ развѣ проберется къ вамъ когда-нибудь особый разбойникъ—мышка. Вы не боитесь мышей?

— О, нѣтъ, я къ нимъ совсѣмъ хладнокровна,—гордо заявила она, насмѣшивъ этимъ оборотомъ даже Севу, и сама обрадовалась ихъ смѣху.

— Если что-нибудь будетъ нужно вамъ, позвоните вотъ здѣсь, и явится прислуга,—она у насъ въ другомъ флигелѣ.

— О, merci... Тутъ есть все, что необходимо.

И она стала суетливо перебирать всѣ вещи, дотрогиваясь до нихъ руками, и, не успѣвъ осмотрѣть одну, брала въ руки другую, охая и ахая отъ удивленія и восторга при видѣ всѣхъ изящныхъ мелочей, къ которымъ она не привыкла, скитаясь изъ города въ городъ по номерамъ среднихъ гостиницъ.

— Вы, можетъ быть, хотѣли бы освѣжиться, переодѣться съ дороги?—предложилъ ей Вячеславъ.

— Нѣтъ, это уже послѣ ужина. Вотъ я только вымою руки.

И она тутъ же протянула руки обоимъ братьямъ, чтобы они разстегнули ей манжеты рукавовъ.

Вячеславъ принялся за это тотчасъ же, а Сева, точно не замѣтивъ, отвернулся.

— О, какъ это странно, что я не слышу за стѣной чьихъ-то шаговъ, голосовъ, брани, какъ всегда въ гостиницѣ, и этихъ звонковъ, звонковъ въ коридорѣ... Игры на роялѣ. Ахъ, да! А у васъ есть рояль?

— Есть.

— Вотъ чудесно. А къ вамъ ѣздятъ гости? Устраиваютъ вечера, танцы? Нѣтъ? Ахъ, да... я забыла...

Она болтала, и вода, журча и всплескивая, падала ей на руки и изъ чашки умывальника въ ведро. И въ этихъ всплескахъ и переливахъ воды было что-то общее съ ея говоромъ, столь же однообразное, утомительное, скучное.

Тѣмъ, что она умывалась при нихъ, она сразу устанавливала свою интимность съ этимъ домомъ, хотя, конечно, дѣлала это неумышленно. И, вытирая свои полныя, бѣлыя руки, глядѣла то на одного, то на другого брата, фамильярно улыбаясь обоимъ, какъ будто давно сжилась съ ними и увѣрена, что они считаютъ ее своею.

IV.

На Пасху пріѣзжали сосѣди, но безъ женъ. Значитъ, уже знали все. Это, видимо, раздражало Вячеслава. Онъ держался съ ними сухо, почти вызывающе. Представляя Эмму, какъ гостью, онъ не хотѣлъ скрывать своихъ отношеній съ нею. Представляя ей гостей, онъ съ особеннымъ удареніемъ называлъ ее баронессой, и всѣ отвѣшивали ей почтительные поклоны, даже исправникъ, который не могъ не знать, какая она баронесса.

И въ этотъ вечеръ, за столомъ, гости не стѣснялись пить въ ея присутствіи такъ, какъ мужчины пьютъ только въ своей компаніи; скоро забывали двусмысленную почтительность и явно злоупотребляли ея титуломъ, особенно, когда просили чокнуться съ ними.

Вячеславу краснорѣчивыми намеками и взглядами старались высказать одобреніе и зависть. То и дѣло впивались въ ея пухлыя руки жадными всасывающими губами.

Все это оскорбляло Севу, и онъ мучился и за себя, и за покойную, и за брата, а впереди ждалъ еще худшаго и еще болѣе мучительнаго.

За ужиномъ она держала себя хозяйкой и это также коробило Севу и мучительно вызывало сравненіе съ прошлымъ, когда это мѣсто, еще такъ недавно, занимала другая, и все при ней было такъ

чисто, такъ легко. Минутами у него поднималась неутолимая злоба къ Эммѣ. Но онъ тутъ же старался убѣдить себя, что неправъ. Она покуда не сдѣлала ничего дурного и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, безкорыстно относится къ брату. Но поведеніе брата, все съ довольной улыбкой принимавшаго изъ ея рукъ, волновало его и снова вызывало раздраженіе и злобу, но не къ брату, а все къ ней же, и она становилась ему ненавистнѣе. Особенно его мучила ея манера ѣсть: она какъ будто ѣла не только ртомъ, но и глазами и дѣлала это какъ-то торопливо и разбросанно, какъ и все: ткнетъ вилкой въ одно, потомъ въ другое, и тутъ же забываетъ о томъ, чего хотѣла.

Сева былъ радъ, когда съ ѣдой было окончено. Онъ могъ уйти и остаться наединѣ съ собою. Нужно было что-то обдумать, что-то рѣшить безповоротно.

Но онъ все медлилъ уйти, точно для его злобы нехватало еще нѣсколькихъ капель и ихъ надо было впитать въ себя. Онъ продолжалъ сидѣть за столомъ.

Эмма въ этотъ вечеръ много выпила вина. Вино ее возбудило: лицо поблѣднѣло, глаза стали красными; она чаще дѣлала ошибки въ разговорѣ, сама смѣялась надъ ними и то и дѣло взглядывала на Севу.

Одинъ разъ ему показалось, что она дотронулась до его ноги своей ногой подъ столомъ, онъ почувствовалъ волнующую дрожь отъ прикосновенія и всталъ. Но, можетъ быть, это только показалось?...

Тогда она, прищурясь, бросила на него взглядъ, шумно встала и, неожиданно захвативъ руку Севы, двинулась въ гостиную.

Гости пошли за ней. Теперь она не откажется имъ сыграть и спѣть что-нибудь веселенькое, о чемъ они все время умоляли ее.

Рояль стоялъ покрытый сѣроватымъ чехломъ. Вячеславъ распорядился снять чехолъ, и чехолъ содрали, какъ кожу. Послышался запахъ пыли и тонкая дрожь потревоженныхъ струнъ.

Еще прежде, чѣмъ сѣсть на стулъ, Эмма уже ткнула пальцами въ клавиши, и рояль вскрикнулъ, какъ отъ боли.

Сева посмотрѣлъ на брата.

Тотъ за ужиномъ пилъ много вина, и лицо его стало краснымъ. И какъ всегда, когда онъ много пилъ, онъ становился сосредоточеннымъ и злымъ. Но Сева объяснилъ бы себѣ его настроеніе по-своему, если бы братъ не смотрѣлъ на нее такими пристальными, несытыми глазами.

Она заиграла какой-то вальсъ, потомъ перешла на другое, опять бросила это и стала играть шансонетку, подпѣвая нѣмецкіе куплеты.

Во время ея пѣнія гости, не понимая словъ, тоже подпѣвали ей и подмигивали другъ другу.

Севѣ хотѣлось подойти къ ней, ударить ее, повалить на землю и бить и царапать это пышное душистое тѣло до тѣхъ поръ, пока оно не обольется кровью.

Онъ былъ очень силенъ. Это было у нихъ въ роду. И въ эту минуту ощущалъ въ себѣ почти звѣриную силу, и это ощущеніе опьяняло его. Оно какимъ-то непонятнымъ образомъ связывалось съ ея затылкомъ, отягченнымъ пышными волосами, и особенно съ этими раздражающими завитками у нея на шеѣ. Сева впился въ эти завитки взглядомъ. Его кулаки сжимались, а въ глазахъ начинало рябить, когда онъ почувствовалъ на себѣ тяжелый вопросительный взглядъ брата.

Сева пошелъ къ выходу. Братъ его не останавливалъ, а нагнулся въ это время къ Эммѣ и, криво улыбаясь, что-то шепнулъ ей. Она кивнула головой.

Сева стоялъ на крыльцѣ и тяжело дышалъ.

Легкая бѣлая борзая, Пурга, безшумно подошла къ нему и прижалась къ ногамъ упругимъ сухопарымъ бокомъ и, вытянувъ длинную тонкую морду, замерла.

Сева машинально погладилъ ее: она не шевельнулась. Онъ думалъ о томъ, какъ покойная любила эту собаку, и собака какъ-то особенно шла къ ней. Онѣ вмѣстѣ всегда Севѣ напоминали картину, которую онъ гдѣ - то когда-то видѣлъ. Можетъ быть, въ раннемъ дѣтствѣ, когда путешествовалъ съ матерью за границей.

Зачѣмъ у него теперь нѣтъ никого, къ кому бы онъ могъ пойти сейчасъ и разсказать все, что такъ томитъ и мучитъ... Разсказать все? Нѣтъ, всего онъ бы не могъ разсказать и не сумѣлъ.

Ночь взглянула на него далекими чужими глазами, дохнула въ лицо влажнымъ сумракомъ.

Онъ всѣмъ чужой. Былъ братъ,—онъ какъ будто похоронилъ его. Что теперь дѣлать? Умереть? Убить ее? Убѣжать отсюда?

Послышались шаги: это шелъ Вячеславъ. Сева хотѣлъ уйти спрятаться въ степь, но собака, какъ стальная, стояла на пути. Онъ весь сжался, ушелъ въ себя и стиснулъ зубы, точно ждалъ нападенія, даже удара.

Братъ подошелъ почти вплоть къ нему, такъ что слышно было, какъ онъ сопѣлъ носомъ, и ясно ощущался запахъ вина.

— Вотъ что, Всеволодъ:—заговорилъ онъ зло, не раскрывая рта,—это ты оставь.

Сева молчалъ.

Тотъ перевелъ духъ и заговорилъ сдержаннѣе, даже мягче.

— Ты уже не мальчикъ... не ребенокъ, хотѣлъ я сказать. Стало быть, пускаться съ тобою въ объясненія я не стану. Понимаешь?

Сева хотѣлъ кротко возразить брату, напомнить ему о его покойной женѣ, растрогать его. Онъ уже мысленно мирился съ нимъ, оба они даже плакали, а Эмму на другой день отправляли обратно. Но слова не шли на языкъ.

Тогда Всеволодъ заговорилъ, все болѣе и болѣе распаляясь отъ своихъ же словъ:

— Это никого не касается, кромѣ меня, и, если я привезъ ее сюда, значитъ, у меня были причины... основанія. Она—артистка!—съ неестественнымъ удареніемъ произнесъ онъ,—и я заставлю ее уважать.—Да, артистка! Своимъ трудомъ, зарабатывающая себѣ хлѣбъ.

Но тутъ же онъ впалъ въ раздраженіе на себя за то, что унизился до этой фальши передъ младшимъ братомъ, передъ мальчикомъ, который не въ правѣ судить и осуждать его.

— Наконецъ, кто бы она ни была, никто не смѣетъ относиться къ ней дурно.

Тогда искусственно кроткое состояніе покинуло Севу, и онъ загорилъ совсѣмъ такъ же, какъ братъ, но съ мальчишеской запальчивостью:

— А я буду относиться къ ней такъ. А я буду... буду. Да, да, да...

Словъ у него нехватало. Онъ почти задыхался отъ волненія, но чтобы не дать брату перебить себя, выпалилъ первое, что пришло ему на умъ:

О, Боже! Звѣрь безъ разума, безъ чувства
Грустилъ бы долѣе.

И вдругъ почувствовалъ, какъ слезы прилили къ глазамъ, и сначала гдѣ-то глубоко въ груди, какъ птицы, забились рыданія. Онъ оттолкнулъ собаку и бросился съ крыльца въ калитку, оттуда въ степь.

Тутъ, не помня ничего, рыдая и колотя себя въ грудь, онъ пустился бѣжать впередъ, туда, гдѣ красный поникшій мѣсяцъ блѣдѣлъ надъ высокимъ бугромъ такъ близко, что походилъ на мѣдный щитъ на груди уснувшаго великана.

Сева бѣжалъ, спотыкаясь, охватываемый сумракомъ, который будто хотѣлъ удержать его. Наконецъ, онъ сталъ уставать, задыхаться отъ бѣга, и еще больше—отъ рыданій.

И тутъ ему показалось, что кто-то бѣлый, безшумный слѣдуетъ за нимъ по пятамъ. Онъ боялся оглянуться и только искоса взглянулъ въ сторону и задрожалъ съ головы до ногъ... Сбоку, дѣйствительно, мелькнуло что-то бѣлое. Онъ вскрикнулъ и, закрывъ лицо руками, почти теряя сознаніе, повалился на землю.

Очутившись на землѣ, онъ почувствовалъ странную легкость, блаженное ощущеніе безплотности. Пурга, все время бѣжавшая за нимъ, склонилась надъ его лицомъ и, поднявъ голову къ мѣсяцу, завыла такъ, что отъ ея воя задрожалъ мракъ и далеко передалъ этотъ вой по степи.

Хотѣлось ничего не видѣть, не слышать, не ощущать, даже безбольно, безсознательно умереть. Но при одномъ прикосновеніи его груди къ землѣ, вернулись не только силы, но и жажда жизни. Онъ услышалъ издали крикъ:

— Сева, Сева!

Голосъ былъ мало похожъ на голосъ брата, но это былъ онъ.

И опять Севѣ захотѣлось, чтобы братъ нашелъ его бездыханнымъ и раскаялся и образумился, наконецъ.

Пурга насторожилась и метнулась съ отрывистымъ призывнымъ лаемъ въ сторону. Но Сева не всталъ, хотя его желаніе умереть оставалось гдѣ-то внѣ его. Все его тѣло слышало быстрые шаги брата и какъ бы вибрировало отъ нихъ. Но онъ только тѣснѣе прижимался къ землѣ, какъ будто хотѣлъ войти въ нее, слиться съ ней.

— Сева!—услышалъ надъ собой онъ голосъ Вячеслава.—Ну, что съ тобой? Вотъ еще чепуха, ей-Богу.

Онъ совсѣмъ склонился надъ нимъ, взялъ его за плечи и сталъ трясти.

— Да будетъ, перестань. Какого чорта, въ самомъ дѣлѣ!

Сева ощутилъ около уха его прерывистое дыханіе и запахъ вина. Стиснулъ зубы и впился руками въ землю.

Вячеславъ захохоталъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Фу, чортъ, вотъ тяжелый! Не ожидалъ. А еще такъ недавно я носилъ тебя на рукахъ. Помнишь, Севка? Э-эхъ, братъ.

Севѣ вдругъ стало страшно жаль брата, особенно послѣ этого послѣдняго восклицанія: столько въ немъ было безсилія и рабской покорности. Не поднимая головы, Сева скосилъ на него глаза и увидѣлъ большую, согнутую фигуру. Онъ сидѣлъ на землѣ, съ опущенной головой, обнявъ высоко поднятыя колѣни и напоминалъ какую-то огромную птицу со связанными крыльями. И казалось, что онъ никогда, никогда не увидитъ его такимъ, какимъ онъ зналъ его раньше: веселымъ, бодрымъ, способнымъ пьянѣть отъ работы, бѣ-

шенно скакать съ борзыми, ругаться и вмѣстѣ съ тѣмъ по-братски жить съ мужиками.

Уже послѣ смерти Вѣры онъ замѣтилъ въ немъ этотъ роковой надрывъ. Братъ замкнулся, часто ѣздилъ въ городъ и сталъ много пить съ людьми совсѣмъ чужими, даже мало знакомыми, и одинъ. Должно быть, и эта женщина была для него тѣмъ же виномъ.

И вдругъ, Сева услышалъ, какъ братъ его нѣсколько разъ всхлипнулъ. Въ немъ что-то дрогнуло. Онъ поднялся и хотѣлъ прижаться къ нему, но тотъ заговорилъ какъ-то неряшливо, точно во снѣ. И Севѣ послышалось нѣсколько разъ имя Эммы, которое тотъ произносилъ цинично, безъ уваженія къ ней. Но все же Сева понялъ, что возврата къ прошлому не будетъ.

V.

Въ концѣ Святой Вячеславу пришлось поѣхать по дѣламъ въ городъ.

Отсутствіе его должно было продлиться не болѣе сутокъ-двухъ.

Эмма сначала было выразила желаніе поѣхать вмѣстѣ.

— Зачѣмъ это?—ревниво спросилъ Вячеславъ.—Уже наскучило у насъ?

— О, нѣтъ. Тутъ такъ хорошо.

Въ самомъ дѣлѣ ей, повидимому, пришлась по душѣ жизнь на хуторѣ. Она охотно подчинялась ея распорядку и обычаямъ: даже три оставшіеся дня страстной ѣла постное, несмотря на то, что Вячеславъ хотѣлъ для нея измѣнить столъ.

Только никакъ не могла рано ложиться спать и рано вставать, какъ ни старалась. Ночь, по крайней мѣрѣ первая половина ея, была неодолима. Какъ только зажигались огни, Эмма становилась совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ днемъ: возбужденнѣе, веселѣе, даже интереснѣе. Она переходила изъ комнаты въ комнату, бренчала на роялѣ, распѣвала шансонетки, дурачилась съ Вячеславомъ и пыталась втравить въ эти дурачества Севу.

Наканунѣ отъѣзда старшаго брата, въ сумеркахъ, она затѣяла игру въ жмурки и припудила играть и Севу.

Завязали глаза Вячеславу, и онъ сначала снисходительно, а потомъ съ азартомъ сталъ ловить ихъ, причемъ она со смѣхомъ дергала его то съ одной, то съ другой стороны. А когда онъ кидался къ ней, она, выше икръ подпимая юбки, какъ кошка, отскакивала въ сторону Севы и какъ будто безотчетно жалась къ нему всѣмъ своимъ пышнымъ тѣломъ, хохоча и изгибаясь, точно ее щекотали, и подни-

мала руки, съ которыхъ сползали широкія рукава, обнажая ихъ до самыхъ плечъ.

Тепло и ароматъ ея прикосновенія обдавали Севу жаромъ, отъ котораго становилось жутко. Онъ сжималъ вѣки, чтобы не видѣть ея и придти въ себя, и отвращеніе къ ней боролось въ немъ съ неопредѣленными жадными броженіями, поднимавшимися наперекоръ всему въ его крови.

Но вотъ завязали ей глаза, и она стала гоняться за обоими. Сева отлично видѣлъ, что у нея между платкомъ и глазами есть маленькая щелочка и она притворяется, что не видитъ.

Она метнулась прямо къ Севѣ. Тотъ въ испугѣ шарахнулся прочь отъ нея, тяжело дыша, съ бьющимся сердцемъ. Она опять бросилась за нимъ. Онъ снова едва успѣлъ ускользнуть отъ нея. Теперь ей уже, очевидно, даже не нужно было стараться увидѣть его. Онъ не ускользнетъ; она знала, гдѣ онъ не только по производимому имъ шуму, но и по чутью, и какъ будто уже умышленно играла съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

И они стали носиться по комнатѣ, наталкиваясь на мебель, останавливаясь на мгновеніе, чтобы побороть охватывающую ихъ усталость и странную дрожь.

Глядя на эту гонку, Вячеславъ сталъ громко, безудержно хохотать, довольный тѣмъ, что она такъ ловко приручаетъ его брата.

И Сева чувствовалъ это, и на этотъ смѣхъ ему хотѣлось крикнуть брату что-нибудь рѣзкое и оскорбительное и злобно разсмѣяться самому.

Но она какъ бы поняла этотъ моментъ. Кралась, кралась назадъ, и вдругъ стремительно бросилась бокомъ въ сторону Севы. Онъ очутился за ея спиною, задѣвъ ее, но въ ту же минуту она перевернулась какъ вихрь. Онъ хотѣлъ проскользнуть подъ руками, но она схватила его за плечи.

Онъ едва не вскрикнулъ. Хотѣлъ вырваться, но она его не отпускала, близко касаясь его груди своей грудью; и въ лицо ему ударялъ запахъ теплаго, разгоряченнаго женскаго тѣла.

— Довольно,—злобно выкрикнулъ Сева, рванувшись отъ нея

Она опустилась на диванъ, вытянувъ ноги въ золотистыхъ туфляхъ и закрывъ глаза.

Все вокругъ обволокло густыми сумерками. Голоса замолкли, слышно было, какъ гдѣ-то на кустикѣ первый соловей несмѣло пробовалъ свою трель.

— А я въ городъ не поѣду,—заговорила она, все еще не откры

вая глазъ.—Вы поѣзжайте одинъ. А я не поѣду... Тутъ такъ хорошо. Я попрошу только купить мнѣ кое-что... Я запишу вамъ на бумажкѣ.

VI.

Сева дурно спалъ эту ночь. Заснулъ сразу въ непонятномъ утомленіи, но скоро проснулся: часы били одиннадцать. Онъ что-то видѣлъ во снѣ: не то экзамены, не то смертную казнь. Было томительно и жутко. И наяву это состояніе не покидало его. Онъ скоро понялъ его причину: была гроза, первая весенняя гроза. Протяжно и сдержанно грохоталъ громъ, какъ будто кто-то тяжелый пробѣгалъ по крышѣ, а въ промежуткахъ, сквозь щели ставней въ сумракъ комнаты прорывался мгновенными струями свѣтъ молніи. Потомъ пошелъ дождь. Сначала на черепичную крышу падали только капли, потомъ пошелъ крупный ровный дождь, и весь домъ наполнился шумомъ, похожимъ на шумъ ссыпаемаго хлѣба.

— Золото, золото падаетъ съ неба,—

съ улыбкой прошепталъ Сева. Но улыбка тотчасъ пропала. Сразу необыкновенно ярко предстала передъ его глазами золотистая туфля Эммы и черные съ золотыми стрѣлками чулки.

Она спала здѣсь, за стѣной. Ихъ кровати стояли бокъ-о-бокъ. Стѣна была толстая, но ему всетаки казалось, что и сквозь камень оттуда проникаетъ къ нему ея дыханіе.

Онъ въ мучительномъ томленіи вытягивался въ кровати и ясно чувствовалъ, что въ эти минуты растетъ и дѣлается зрѣлѣе. Это непонятно пугало его и вмѣстѣ съ тѣмъ наполняло волнующей жаждой, ожиданіемъ чего-то сладкаго, но зловѣщаго.

Сквозь гулъ дождя сталъ пробиваться новый шорохъ... голоса... Это за стѣной. Сева похолодѣлъ и весь превратился въ слухъ. Сердце билось. Трудно было дышать. Нѣтъ, это журчаніе и всплески воды въ желобахъ... шорохъ дождя въ вѣткахъ деревьевъ.

Онъ подошелъ къ окну, ступая по полу босыми ногами и съ радостью чувствуя ночной холодъ дерева. Осторожно открылъ ставни, окно.

Влажный ночной воздухъ облилъ его, какъ водой. Онъ съежился, потомъ съ радостью подставилъ ему всего себя и сталъ вдыхать его глубокими глотками, падавшими въ грудь, какъ что-то сочное и живое.

Онъ сталъ дышать еще глубже, еще настойчивѣе. Вмѣстѣ съ запахомъ дождя и земляной сырости пахло еще чѣмъ-то особенно прі-

ятнымъ и тонкимъ. Онъ скоро догадался, что пахло почками, лопнувшими отъ грома, и въ этомъ было что-то до такой степени прекрасное, что хотѣлось плакать.

И вдругъ, дождь сразу остановился, и выглянули звѣзды, какъ будто расцвѣтшія послѣ грозы.

Сева съ напряженіемъ сталъ всматриваться въ глубь темноты, какъ сѣтями опутанной стволами и вѣтками. Вѣра такъ любила гулять ночью въ саду, всегда бѣлая, легкая во мракѣ, какъ видѣніе, какъ отблескъ луннаго свѣта. Ея нѣтъ и никогда не будетъ.

Это воспоминаніе заставило его почувствовать холодную пропасть между нею и собою, и сознаніе вины своей заволокло душу мутью.

Онъ закрылъ окно и снова легъ въ постель. Подъ одѣяломъ его охватилъ такой холодъ, какъ будто ночная сырость залила все тѣло, и въ головѣ поднялся шумъ, похожій на шумъ дождя. Сжался въ комокъ, силясь выдавить изъ себя этотъ холодъ: удалось, стало жарко и какъ-то безпомощно, и оттого невыразимо пріятно.

«Я, кажется, боленъ... боленъ»... радостно думалъ онъ. Сталъ задремывать, и опять передъ нимъ понеслись путанные сны, на этотъ разъ въ какихъ-то радужныхъ переливахъ и искрахъ.

Проснулся онъ поздно, чувствуя легкое лихорадочное состояніе, но въ полномъ сознаніи. Дрожащая полоса солнца, какъ свѣтящаяся паутина, потянулась отъ щели ставни черезъ комнату, и въ ней шевелились и трепетали пушистыя оранжевыя пылинки, какъ будто пойманныя этой живой паутиной свѣта.

Братъ несомнѣнно уже уѣхалъ.

Эта мысль напугала его. Какъ онъ не догадался уѣхать вмѣстѣ съ нимъ! Вѣдь все равно ему оставаться здѣсь два дня...

Но развѣ въ этомъ дѣло? Развѣ это измѣнило бы что-нибудь? Уничтожило бы хоть часть того ужаса, который тяготѣлъ надъ ихъ домомъ, давилъ прошлое, грозилъ будущему! Ему стало такъ страшно жаль брата, что хотѣлось какого-нибудь подвига для его избавленія, и въ этомъ лихорадочномъ состояніи пріятно было думать о возможности такого подвига, о жертвѣ, о самопожертвованіи и, хотя ничего опредѣленнаго въ этихъ мысляхъ не было, но они возбуждали и укрѣпляли его.

Непріятно было умываться холодной водой, но онъ все же умылся, одѣлся и только тогда открылъ окно.

День веселый, какъ молоденькая дѣвушка, сіялъ смѣющейся свѣжестью, чистотой и лаской. Земля дымилась паромъ, свѣтъ и тѣни между деревьевъ съ свѣтившимися отъ влаги вѣтками, жались другъ

къ другу, какъ влюбленныя, и двѣ бабочки, трепеща въ солнечныхъ лучахъ, гнались одна за другой, то почти сцѣпляясь вмѣстѣ, то разлетаясь въ притворномъ испугѣ.

Онъ выставилъ голову на солнце. Тепло лучей охватило все лицо, и дыханіе захватило отъ остраго ощущенія полноты и сладости жизни.

Но это ощущеніе тотчасъ же померкло. Онъ провелъ рукой по волосамъ: спереди волосы уже успѣли нагрѣться отъ солнца и были теплы, а съ затылка ладонь ясно чувствовала ихъ холодокъ.

Ему хотѣлось пить и именно горячаго чая. Для этого надо было только выйти въ столовую. Но онъ долго не рѣшался переступить порогъ своей комнаты, останавливался передъ дверью, глубоко переводилъ духъ, и все это объяснялъ своимъ нездоровьемъ. Только когда часы пробили девять, онъ разсердился на себя за эту нерѣшительность: навѣрное, Эмма еще не встала, она встаетъ позже. Притомъ же, конечно, они вчера ночью не скоро разстались.

Сева поежился и закусилъ губу.

Онъ былъ пораженъ, когда, войдя въ столовую, увидѣлъ Эмму. Она тамъ на спиртовкѣ подогрѣвала кофе, одѣтая на этотъ разъ въ голубой капотъ, и при видѣ Севы весело улыбнулась ему и закивала головой.

— Я хотѣла нынче сама напоить васъ кофе,—отвѣтила она на его изумленный взглядъ,—и потому такъ рано проснулась.

— Братъ уѣхалъ?

— Да, давно... Рано утромъ, въ шесть часовъ.

— Вы провожали брата?

— Нѣтъ. Но я сказала себѣ проснуться въ семь часовъ, и проснулась въ семь часовъ. Для того я вчера раньше легла спать и такъ крѣпко спала, что не слышала грозы.

Она разсмѣялась.

— Я такъ боюсь грозы. Ахъ, если бы я слышала, что гроза, я бы не спала всю ночь. Вы не боитесь грозы?

— Нѣтъ. Я люблю грозу...

Она широко раскрыла глаза и какъ-то по дѣтски выпятила губы.

— Э, нѣтъ, я люблю, когда небо не сердитое, а веселое, какъ сейчасъ. Я сама веселая и люблю смѣяться. Ну, садитесь, я вамъ буду наливать кофе.

— Благодарю. Я хочу только чаю.

— Но вы утромъ всегда пьете кофе.

— Сегодня мнѣ хочется чаю... Чай вѣдь есть? Вы не безпокойтесь, я самъ себѣ налью.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я хочу поить васъ. Вашъ братъ сказалъ мнѣ,

чтобы я за вами ухаживала, и я буду ухаживать. Не хотите кофе, я налью чай.

Она потушила спиртовку на мраморномъ столикѣ и перешла къ чайному столу, гдѣ стоялъ самоваръ, въ который солнце какъ будто выстрѣлило свѣтомъ, и брызги разбились объ его никелированныя грани.

— Я не понимаю, зачѣмъ братъ васъ принуждаетъ...

— Принуждаетъ? О, нѣтъ, меня никогда нельзя принуждать. Я привыкла дѣлать только то, что мнѣ нравится. Мнѣ нравится здѣсь жить, я живу. Перестанетъ нравиться, уѣду. Нравится наливать вамъ чай, наливаю. Перестанетъ нравиться... Нѣтъ, это мнѣ навѣрное не перестанетъ нравиться,—весело поправилась она и снова разсмѣялась, такъ что Сева не зналъ, смѣется ли она надъ нимъ, или говоритъ искренно.

Но въ это утро она казалась совсѣмъ не та, что вчера, и его стала обезоруживать ея простота и чистосердечіе: въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, она говоритъ правду. Можетъ быть, ей скоро надоѣстъ жизнь здѣсь, и она уѣдетъ.

«Нѣтъ, все это хитрость, уловка и больше ничего,—пытался онъ съ упорствомъ опровергнуть примирительное чувство.—Вѣдь она не любитъ брата. Это видно ясно. Просто, опутала его и хочетъ женить на себѣ и женитъ, въ концѣ-концовъ».

Ему удалось постепенно вызвать въ себѣ раздраженіе къ ней, но вмѣстѣ съ этимъ раздраженіемъ и съ увѣренностью въ ея нечистыхъ замыслахъ, въ немъ поднималось и то волненіе, которое онъ испыталъ вчера, ощущая ея близость. И теперь, когда и безъ того въ головѣ у него шумѣло и лихорадочно бился пульсъ, это волненіе отзывалось въ немъ особенно ѣдко. Принимая изъ ея рукъ чай, онъ вздрогнулъ отъ одного вида ея полуобнаженныхъ рукъ, такихъ здоровыхъ, бѣлыхъ и полныхъ.

Вообще, она въ это утро вся казалась посвѣжѣвшей и какъ бы вымытой заодно съ землей грозой и ливнемъ, промчавшимися ночью. Особенно молоды были ея волосы, переливавшіеся на солнцѣ, какъ живая вода.

Онъ почти физически чувствовалъ на своемъ лицѣ, на губахъ прикосновеніе ея взгляда. Это его стѣсняло. Онъ хотѣлъ скорѣе проглотить чай и уйти куда-нибудь, но въ то же время сознавалъ, что не уйдетъ. Онъ пилъ горячій чай и въ то время, какъ внутри чувствовалъ теплоту, тѣло его ощущало ознобъ. Потянуло погрѣться на солнцѣ. Онъ поблагодарилъ Эмму и всталъ, стараясь больше всего не выказать своего состоянія.

— Вы куда?

— Такъ... На воздухъ...

— Вотъ и прекрасно. Я хотѣла попросить васъ поѣхать со мной верхомъ.

— Ну, что же, поѣдемъ,—равнодушно отвѣтилъ Сева, едва стоя на ногахъ отъ усталости и изнеможенія.

На крыльцѣ онъ остановился, ослѣпленный солнечнымъ свѣтомъ, хлынувшимъ въ лицо, и опустился на ступеньку. Казалось, кто-то съ головы окатилъ его тепломъ, и оно стекало даже за воротъ рубашки живыми грѣющими струями, отъ которыхъ холодъ уходилъ внутрь и тамъ вызывалъ непріятную дрожь.

Послѣ ночного дождя все свѣтилось: стѣны, черепицы красныхъ крышъ, даже какъ будто сама земля, а стекла открытыхъ оконъ въ людской прямо-таки ослѣпительно сверкали и оттуда слышались голоса и дѣтскій плачъ. Развѣшенное около людской бѣлье на веревкахъ, пронизанное солнечнымъ свѣтомъ насквозь, въ бѣломъ—сіяло перламутромъ, въ красномъ пылало огнемъ. Земля успѣла просохнуть, и только отъ людской до барскаго дома шла влажная дорожка: слѣдъ только что снятыхъ досокъ, настланныхъ рано по утру, чтобы не пачкать половъ барскаго дома. Трещали скворцы, гдѣ-то лаяли собаки, ржала лошадь и за домомъ кудахтала курица, снесшая яйцо. По двору прошла экономка къ погребу, съ недовольнымъ, злымъ лицомъ. Изъ людской вышелъ Семенъ, уже вернувшійся со станціи, и направился въ конюшню: вѣрно, ему уже дали распоряженіе сѣдлать верховыхъ лошадей.

Сева посмотрѣлъ въ степь, гдѣ былъ вчера, и ему такъ захотѣлось уйти сейчасъ туда, въ эту даль, подернутую паромъ, которымъ дышала не только земля, но и пушистая озимь зеленовато-желтая вблизи и синеватая вдали. Отяжелѣли вѣки, хотѣлось спать. Онъ закрылъ глаза.

Послышался запахъ знакомыхъ духовъ, и Сева очнулся.

Она сразу замѣтила необычное выраженіе его лица.

— Вы больны?

— Нѣтъ. Я только очень хочу спать. Я не спалъ всю ночь. Мнѣ мѣшала гроза.

— Такъ идите спать. Вотъ дитя! Мы поѣдемъ послѣ обѣда.

Онъ послушно отправился въ свою комнату, хотя ему именно хотѣлось уснуть на солнцѣ, здѣсь или тамъ, въ степи. Войдя къ себѣ, онъ, какъ былъ одѣтый, повалился на еще не убранную постель. Закрылся съ головой одѣяломъ, сжался въ комочекъ и сталъ прислу-

шиваться къ этому необыкновенному колющему звону, который разливался по его тѣлу, и тѣло тяжелѣло и все погружалось куда-то глубоко, глубоко внизъ.

VI.

Что-то свѣтлое, похожее на облако, вошло въ его комнату и стало приближаться къ кровати.

Ему и прежде во время забытья или сна казалось, что порой отворяется тихо дверь и бѣлое облако появляется на порогѣ. Но онъ смыкалъ рѣсницы, и облако исчезало.

Теперь оно приблизилось. Это была не та. Онъ узналъ—кто это.

— Вы спите, Сева?—услышалъ онъ вкрадчивый голосъ.—Вы спали такъ много, что я стала безпокоиться.

Въ комнату черезъ открытое окно проникалъ голубоватый свѣтъ ночи, и Сева, какъ во снѣ, видѣлъ яркія дрожащія звѣзды на небѣ.

— Вы нездоровы?

— Я здоровъ... Я сейчасъ...

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы подняться на ноги.

— Вы спали, не раздѣваясь. Что съ вами?

И, прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь предпринять, ея мягкая нѣжная рука прижалась къ его лбу.

— Да у васъ, кажется, жаръ.

Испуганными глазами она теперь лицомъ къ лицу смотрѣла въ его глаза, сухіе и блестящіе отъ заливавшаго ихъ внутренняго зноя.

— Зачѣмъ же вы не хотѣли мнѣ сказать раньше. О, mein Gott! Здѣсь даже нѣтъ доктора. Я сейчасъ напою васъ малиной. А теперь раздѣньтесь и лягте въ постель... Я помогу вамъ.

И она разстегнула его гимназическій поясъ.

Кровь бросилась ему въ лицо, застучала въ головѣ и заволокла глаза. Онъ схватилъ ее за кисти рукъ и отвелъ ихъ въ сторону.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я самъ.

— Ну, хорошо, сами. А я сдѣлаю вамъ горячій глинтвейнъ. Это всегда помогаетъ.

Онъ глубоко вздохнулъ, когда она исчезла. Что дѣлать? Вотъ сейчасъ она придетъ къ нему, къ его кровати и станетъ касаться его своими руками, которыя онъ не въ силахъ будетъ оттолкнуть. Убѣжать отсюда? Выпрыгнуть въ окно и убѣжать въ степь.

Но онъ все же продолжалъ дѣлать начатое ею. Въ одну минуту раздѣлся и снова очутился въ постели, дрожа мелкой дрожью въ жуткомъ ожиданіи чего-то страшнаго, но неизбѣжнаго.

Кровать казалась ему зыбкой, какъ волна. Она покачивала его и, по временамъ, какъ будто несла стремительно куда-то впередъ. Ему страстно хотѣлось забыться, но забытье не приходило и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаніе находилось на той границѣ, когда воля уже почти не повинуется ему.

Губы были сухи. Иногда казалось, что онѣ покрыты известкой, и известковая маска захватываетъ все лицо и даже тонкимъ прозрачнымъ слоемъ ложится на глаза. Время представлялось совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно. То казалось, что оно ползетъ прямо по тѣлу, тяжелое и медлительное, то однимъ взмахомъ пролетаетъ цѣлую вѣчность.

Запахло чѣмъ-то теплымъ, душистымъ, необыкновенно пріятнымъ, тѣмъ, чего именно просилъ языкъ, и губы, и все внутри.

— Вотъ глинтвейнъ. А это малина. Хорошо одно и другое. Сначала глинтвейнъ, а потомъ малина.

Обхвативъ одной рукой его шею, она приподняла его на кровати.

Онъ сѣлъ, держа одѣяло на плечахъ, и сталъ съ радостью пить горячій, пахнущій всякими специями глинтвейнъ. Но скоро вкусъ его сталъ ему противенъ.

— Теперь малину.

Онъ съ отвращеніемъ отказался. Но тепло напитка уже проникло въ него и разлилось въ крови опьяняющей истомой и какъ будто растворило тяжесть, давившую все тѣло и особенно голову.

А она говорила:

— Бѣдный, бѣдный мальчикъ. Вы простудились... Вы совсѣмъ больной.

Онъ хотѣлъ сказать: «Я совсѣмъ здоровъ теперь», но не сказалъ этого. Наоборотъ, притворился совершенно безсильнымъ и покорнымъ.

— Вы будете отъ глинтвейна потѣть. Вамъ необходимо будетъ перемѣнить бѣлье: обсушить вамъ тѣло.

— Нужно будетъ позвать экономку, Марѳу Никоновну

— А я? Развѣ я не могу этого сдѣлать? Тѣмъ болѣе, что она [с]питъ. Всѣ уже спятъ. Очень поздно. Мы одни въ цѣломъ домѣ.

Послѣднія слова ея наполнили его сердце новымъ смятеньемъ и [тр]евогой.

— Вы мнѣ не довѣряете... Вы меня совсѣмъ не любите.

И она сѣла къ нему на кровать, и проводила нѣжной ладонью [п]о шеѣ, пробуя нѣтъ ли на ней влаги; разстегнула воротъ рубахи, [и] рука уже касалась его груди...

Отъ этихъ прикосновеній огненныя искры, враждебныя и вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимыя, призывно задрожали въ его крови. Теперь онъ уже зналъ навѣрное, что все кончено, и не смѣлъ и не могъ противиться.

Она совсѣмъ низко наклонилась своимъ лицомъ къ его лицу, такъ что онъ уже чувствовалъ ея дыханіе... губы ея покрыли его губы, и какой-то радужный смерчъ захватилъ его и закружилъ въ стремительномъ, буйномъ движеніи.

VII.

Прошли часы короткой ночи. Наступалъ новый день. Сѣрымъ, еще неувѣреннымъ свѣтомъ наполнилъ онъ сумракъ комнаты сквозь щели ставней.

Еще свѣча горѣла на исходѣ, но пламя ея уже утратило всякій смыслъ и представлялось холоднымъ и ненужнымъ.

Уже обезсиленная изступленными ласками, но все еще не утоленная, она говорила ему:

— Ты меня не любишь... Ты меня не хочешь больше любить...

И обхватывала его объятіями, какъ птица крыльями.

Зубы его стучали отъ ужаса, или, можетъ быть, у него снова начиналась лихорадка. Между тѣмъ, близость ея пышнаго тѣла, ея щекочущіе поцѣлуи опять возбуждали его желанія. То приливали, то отливали... И ему хотѣлось впиться въ нее зубами, кусать и царапать ее.

Онъ закрывалъ глаза, но въ ту же минуту снова чувствовалъ, какъ ея проникающіе поцѣлуи пылали въ немъ.

Больше, чѣмъ къ ней, онъ начиналъ чувствовать отвращеніе къ самому себѣ. Безсильно и безмолвно рыдающее раскаяніе билось внутри и требовало исхода.

На этотъ разъ онъ долго противился ея желаніямъ. Она ласкалась къ нему, какъ кошка, и присасывалась къ его губамъ съ длительными, впивающимися въ кровь поцѣлуями, возбуждавшими еще бо́льшее ожесточеніе и упорство, вмѣстѣ съ изсушающей жадностью страсти.

Открывая глаза, онъ видѣлъ неживое пламя свѣчи и мутный, начинающійся разсвѣтъ, укоряющій и безмолвный, кроткій, какъ та, которую онъ такъ низко предалъ въ эту ночь.

Его упорство все болѣе раздражало ее.

— Ты меня не любишь... Не хочешь больше любить...—без-

смысленно повторяла она одни и тѣ же слова.—Не хочешь больше любить... больше любить... любить...

Онъ снова закрылъ глаза и упалъ на жаркую зыбкую волну, въ которой терялось все его существо. Жадное ожесточеніе овладѣвало имъ безудержными приливами.

Руки такъ сильно начали сжимать ее, что она вскрикивала, вдавливая головой подушку къ напрягшейся шеей, все же нѣжно бѣлой посреди золотистыхъ волосъ.

Эта шея возбуждала въ немъ желаніе впиться въ нее зубами. Лишь только онъ ея коснулся, она сдѣлала судорожное движеніе всѣмъ тѣломъ, но все еще не понимала настоящаго, и боль только сильнѣе разжигала ея страсть.

Онъ страшно испугался, что она вырвется, и стиснулъ ее еще сильнѣе, и шеей своей прижалъ ея шею къ подушкѣ.

Она забилась. Подушка отъ ея движенія закрыла ей половину лица: подбородокъ, ротъ.

Но тутъ глаза его встрѣтили ея глаза, все еще беззавѣтно-довѣрчивые и счастливо-страстные.

Ярость упала. Силы покинули его.

Если бы она испугалась... стала бороться съ нимъ!...

Но этотъ довѣрчивый взглядъ... Онъ не могъ. Сердце билось, какъ загнанный въ уголъ мышенокъ; а она, разметавшаяся, изнеможенная, все еще тяжело дыша, сквозь застывшую улыбку еле пропускала слова:

— О, какой ты безумный... Безумный мальчикъ... Чуть не задушилъ меня... мой мальчикъ... мальчикъ мой...

Держа его руку въ своей рукѣ, она дышала все ровнѣе. Слова путались... рѣсницы слабо вздрагивали, и только улыбка не сходила съ ея пересохшихъ губъ.

Она заснула.

Онъ дернулъ свою руку, она не просыпалась.

Обнаженное упругое тѣло ея даже не пошевелилось и казалось скользкимъ, какъ тѣло змѣи.

Онъ содрогнулся отъ ужаса и ненависти къ себѣ.

Онъ хотѣлъ убить ее? Но развѣ онъ не безконечно хуже, не ...зрѣннѣе ея!

Издалека на него взглянули другіе глаза. Онъ весь сжался, точ... ...тѣлъ спрятаться отъ нихъ. Потомъ вдругъ выпрямился, ахнулъ ...зарившей его мысли и сталъ искать глазами по комнатѣ.

увидѣлъ обнаженное тѣло, и уже безъ всякой злобы, почти машинально прикрылъ ее простыней.

Послѣ этого на мгновеніе разсѣянно остановился посреди комнаты. Сѣроватый свѣтъ все внимательнѣе глядѣлъ въ щели ставень. Прокричалъ пѣтухъ, раздирая крикомъ остатки жуткой ночной тишины. Скрипнула калитка и, какъ выстрѣлъ, щелкнулъ кнутъ: пастухъ выгонялъ скотину.

Онъ вспомнилъ и почти радостно взглянулъ на стѣну, но не сразу подошелъ.

Прислушался къ шуму и мычанію выгоняемой скотины, къ голосамъ пробуждавшейся жизни.

Начинался трудовой день, но все казалось ему страшно далекимъ и прошедшимъ, какъ свѣтъ звѣзды, угасшей сотни лѣтъ тому назадъ.

Бездонный провалъ открылся передъ нимъ, и въ него упала цѣлая вѣчность. Можетъ быть, это было мгновеніе. Но, казалось, огромная жизнь прожита, и старость, скудная, безнадежная, давитъ тѣло и душу.

Сева тщательно одѣлся. Спокойно и даже какъ будто дѣловито вынулъ изъ кармана записную книжечку, раскрылъ ее, досталъ перочинный ножичекъ и, тоненько очинивъ карандашъ, четко написалъ, что такъ часто приходилось слышать и читать въ газетахъ:

«Въ смерти моей прошу никого не винить». Затѣмъ подумалъ, мусля карандашъ, хотѣлъ еще что-то написать, объяснить, но вмѣсто всего добавилъ только: «Прощай, милый братъ. Не жалѣй обо мнѣ: я не достоинъ».

Подъ этими строками аккуратно, полностью подписалъ свое имя и фамилію.

Затѣмъ положилъ книжечку на видное мѣсто раскрытой, подошелъ къ стѣнѣ, снялъ заряженное ружье, поднялъ курокъ, поставилъ ружье на полъ и, всунувъ дуло въ ротъ, ударомъ носка спустилъ курокъ.

Вмѣстѣ съ выстрѣломъ раздался страшный женскій крикъ. Полунагое тѣло поднялось на кровати и съ раскрытымъ ртомъ, съ глазами, налитыми ужасомъ, глядѣло на полъ.

Запахло порохомъ и чадомъ отъ догоравшей свѣчи. Уже не сѣрый, а золотистый свѣтъ растворялъ полумракъ въ комнатѣ, и щели ставней свѣтились рубиновыми полосами.

А. Өедоровъ.

---

* *
*

Живы дѣти, только дѣти,—
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свѣтѣ
И махаетъ, словно плетью,
Уплетенной туго сѣтью
Возлѣ каждой головы.

Хоть и дастъ она отсрочку—
Годъ, недѣлю или ночь,
Но поставитъ все же точку
И укатитъ въ черной тачкѣ,
Сотрясая въ дикой скачкѣ,
Изъ земного міра прочь.

Торопись дышать сильнѣе,
Жди,—придетъ и твой чередъ.
Задыхайся, цѣпенѣя,
Леденѣя передъ нею.
Срокъ пройдетъ,—подставишь шею,—
Ночь, недѣля или годъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

---

* * *

Все было безпокойно и стройно как всегда,
И чванилися горы, и плакала вода,
И булькалъ смѣхъ дѣвичій въ воздушный океанъ,
И басомъ объяснялся съ мамашей грубіянъ.
Пищали сто песчинокъ подъ дамскимъ башмакомъ,
И тысячи пылинокъ врывались въ каждый домъ.
Трава шептала сонно зеленыя слова.
Лягушка увѣряла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что гдѣ-то есть куку,
И этимъ нагоняла на барышенъ тоску,
И, пачкающій лапки играющихъ дѣтей,
Побрызгалъ дождь на шапки гуляющихъ людей,
И красили ужъ небо въ берлинскую лазурь,
Чтобъ дѣти не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, какъ прежде, думалъ, что я—большой поэтъ,
Что міру будетъ явленъ мой незакатный свѣтъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

БРАКЪ.

Повѣсть.

I.

Политическій ссыльный, Степанъ Мирскій, положилъ только что полученное и прочитанное письмо на столъ и поникъ головой. Мгновеніе онъ, какъ бы исподлобья глядя на что-то, слѣдилъ за обрывками собственныхъ мыслей, мгновеніе боролся съ подымавшимся въ немъ волненіемъ...

Но это продолжалось недолго. Вскорѣ онъ поднялся, встряхнулся, выпрямился во весь ростъ, пачку нераспечатанныхъ газетъ положилъ высоко на балку юрты, а снялъ оттуда косу. Глазами знатока онъ осмотрѣлъ ее, попробовалъ лезвее ногтемъ, уперъ его концомъ въ землю и нажалъ. Благородное орудіе согнулось и, отпущенное, сейчасъ же выпрямилось не хуже клинка шпаги. Тогда Степанъ взялъ изъ угла рукоятку косы—новую, чистую, хорошо просушенную, осмотрѣлъ ее не менѣе внимательно и связалъ вмѣстѣ съ завернутой въ бумагу косой.

Послѣ того онъ вытащилъ потертыя переметныя сумы, уложилъ въ нихъ мѣшокъ съ мукой, пузырь съ солью, мѣдный котелокъ, чайникъ, полкирпича чаю, свертокъ бѣлья, мыло, полотенце, коробочку съ иглами и нитками... Словомъ—все необходимое человѣку въ пустынѣ! Затѣмъ онъ вынулъ изъ подполья большой берестяной туёсъ, полный топленаго масла, вскинулъ двустволку на спину, черезъ одно плечо перевѣсилъ переметныя сумы, через другое—свернутую валикомъ постель, ловко подхватилъ рукою дужку туёса и, опираясь на косище, зашагалъ широко по тропинкѣ мимо трясины и лиственичной рощицы къ рѣкѣ.

На берегу онъ отыскалъ спрятанный въ тальникахъ стружекъ, спихнулъ его по илистому откосу на воду, сложилъ въ него всѣ свои

вещи, оружіе, да пару сѣтей, которыя сушились тутъ же, развѣшенныя на кустахъ, усѣлся, наконецъ, самъ и оттолкнулся отъ берега. Нетерпѣливо вздрагивающее суденышко плавно ушло на зеленыя струи, отражавшія зеленыя, кудрявыя вѣтви нависнувшихъ кругомъ ивъ. Очутившись среди шумящей протоки, онъ сразу повеселѣлъ; вновь заблестѣли потускнѣвшіе было глаза его и расправились насупленныя брови. Широкій, зеркальный плесъ рѣчной несъ его и уходилъ передъ нимъ въ блѣдно-синюю даль, гдѣ синѣли блѣдныя и неясныя очертанія горъ. Снѣга ихъ вершинъ смѣшивались съ грядами бѣло-пушистыхъ облаковъ и отбрасывали на небеса и далекія воды нѣжныя, серебристыя тѣни.

Мощная рѣка уносила челнокъ все дальше и дальше съ мягкимъ журчаніемъ. Степанъ чуть трогалъ своимъ двулопаточнымъ весломъ ея поверхность. Быстро проносились мимо пологія, кудрявыя плави злако-образныхъ тальниковъ, вѣчно трепещущихъ подъ ласками вѣтровъ и теченія. Грузно проходили одинъ за другимъ крутые обрывы высокихъ, матерыхъ острововъ, увѣнчанныхъ черными сибирскими пихтами, мѣдно-пѣнными соснами съ изсѣра-зеленой хвоей, бѣлыми березами и кружево-тканными лиственницами. Все это отражалось въ бирюзовой водѣ, которую тамъ и самъ низко и тонко прорѣзывали ярко-желтыя песчаныя отмели, похожія на тихія, золотыя зарницы.

Немного спустя, Степанъ выбрался изъ лабиринта острововъ и протокъ на широкій материкъ, гдѣ рѣка собрала въ трубу безчисленныя свои развѣтвленія.

На кряжистомъ подъемѣ берега, гдѣ красный старолѣсъ, разступаясь, образовалъ обширную выемку, изъ-за ширмы кудрявыхъ тальниковъ и березняка забѣлѣла церковная колокольня и засверкали стеклянныя окна небольшого поселка.

Степанъ заколебался, задумался и только, когда снесло его теченіемъ довольно далеко, онъ вдругъ рѣшительно забуравилъ весломъ и повернулъ челнокъ къ перевозу. Тамъ на пескѣ дремали на припекѣ двѣ обернутыя вверхъ дномъ душегубки, да на скатахъ стоялъ большой «карбасъ», отбрасывая синюю тѣнь. У воды сидѣла длинноволосая «личность» въ смѣшанномъ европейско-якутскомъ костюмѣ и съ большимъ увлеченіемъ удила рыбу.

— Мое почтеніе, Анастасій Серафимовичъ!... Желаемъ вамъ полнаго успѣха!... Не соблаговолите ли обратить вниманіе на мои вещи?.. Я скоро вернусь...

— Куда собрались?

— На луга. Пора косить!

— Самая пора!... Что-жъ, я не прочь уважить вамъ... Степанъ Ѳомичъ!... Почему не посмотрѣть?... У васъ тамъ однако запрещеннаго нѣтъ ничего?... Хэ-хэ!... Знаю, знаю... я такъ только... Я шутю!... Идите, идите!...

Степанъ выскочилъ на берегъ, а «личность» дьячка ловко подрѣзала плотву и выбросила ее на песокъ. Пока рыбакъ возился со своей добычей, Степанъ быстро прошелъ по дорожкѣ къ небольшой юрточкѣ, стоявшей на краю поселка. Когда онъ очутился на ея порогѣ и осмотрѣлъ темную пустую ея внутренность, пріятное оживленіе оставило его загорѣлое лицо.

— Нѣтъ дома... Ушла!...—шепнулъ онъ разочарованно.

Онъ собрался было уходить, но... разбросанныя на столѣ газеты, недопитая чашка чаю на столѣ, шаль, брошенная небрежно на полу, наконецъ какой-то чуть уловимый шорохъ остановили его.

— Соня!?—сказалъ онъ громко.—Софья Николаевна!...—добавилъ онъ уже тревожно, разглядѣвши влажныя, расплывшіяся точки и пятна на развернутыхъ бумагахъ.

Ситцевая занавѣска надъ кроватью чуть заколыхалась, и маленькія ножки, обутыя въ рваные башмаки, мелькнули у ея края. Вслѣдъ затѣмъ оттуда вышла молодая свѣтловолосая, свѣтлолицая женщина съ грустными глазами цвѣта пармской фіалки, въ черной оправѣ пушистыхъ бровей и длинныхъ, темныхъ рѣсницъ.

— Это вы, Степа!? Здравствуйте!...

— Собираюсь на свой островъ... Не поѣдете ли со мной?

Дѣвушка чуть зардѣлась.

— Нѣ-ѣ-тъ!... Не... сегодня!

— А я думаю, что именно сегодня!...—рѣзко перебилъ онъ, скользя вмѣстѣ съ ней взглядомъ по разбросаннымъ газетамъ.—Погода чудесная... Тихо... Рѣка—какъ зеркало... Поплывемъ!...

Дѣвушка колебалась и краснѣла все больше.

— Безъ возраженій... Ѣдемъ и баста... Я не оставлю васъ сегодня одну... Останусь и потеряю рабочій день... А день такой славный, да!... Но вижу я, къ чему все это клонится!... Опять хандра, опять... мигрень... или что-нибудь похуже!—онъ мотнулъ головой въ сторону стола.

— Самъ получилъ...—добавилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Что такое?...—спросила Софья, подымая потемнѣвшіе отъ испуга глаза.

Степанъ повелъ раздраженно рукою.

— Все то же...—шепнулъ онъ съ кривой усмѣшкой...—Не люблю всей этой кислятины... Я солдатъ... я плѣнный солдатъ... Я ни на

минуту не долженъ падать духомъ... сомнѣваться и отчаиваться, чтобы, когда прійдетъ мое время, я оказался достаточно бодрымъ, вѣрующимъ и способнымъ къ борьбѣ... А это что?... Это какой-то вѣчный надрывъ... Ржа, которая проѣстъ самую твердую сталь... Ну такъ: мы въ капканѣ, на самомъ днѣ каменнаго колодца...

— Увы!... Не на самомъ еще днѣ!...

— Ну, это уже какіе-то аптекарскіе разсчеты... Я чувствую себя практически безсильнымъ. Я хочу жить... И думать я согласенъ или о совсѣмъ житейскихъ, дѣлахъ, или о... совсѣмъ отвлеченныхъ вопросахъ. Нелѣпо, прямо даже возмутительно, предаваться вреднымъ и безплодныиъ занятіямъ... Кому отъ этого польза, а? Прежде всего врагу... Поэтому ѣдемъ, Софья Николаевна!... Собирайтесь!... Вечеромъ доставлю васъ обратно... Полный стружекъ цвѣтовъ привезете... Увидите... Тамъ красиво!... Не пожалѣете!

Она поддалась его настояніямъ и вдругъ повеселѣла, какъ будто громадная тяжесть свалилась съ нея. Оживленно она привела въ порядокъ разбросанные по юртѣ предметы, надѣла на голову соломенную шляпу и перебросила черезъ плечо шаль...

— Да, да!... Чуть не забыла. Оставлю записку Зеровичу. Не найдетъ меня и подниметъ шумъ!...

Она быстро начертила нѣсколько словъ на листкѣ бумаги и, заклеивши его въ конвертъ, воткнула въ щелку дверного косяка. Потомъ она обернулась довѣрчиво къ Степану, который ждалъ ее въ нѣсколькихъ шагахъ на тропинкѣ.

Анастасій Серафимовичъ торчалъ добросовѣстно на томъ же мѣстѣ, хотя плотвы набралось у него уже полное ведро. Замѣтивши даму, онъ привсталъ, смущенный, и застегнулъ жакетъ на единственную уцѣлѣвшую пуговицу.

— Здравствуйте, Софья Николаевна. Куда собрались? Не за красной ли смородиной?...

Софья промолчала и кивнула ему въ отвѣтъ головой.

— Бѣ-ѣ-лая женщина!... А онъ... тоже женолюбъ однако!... Ну и блудливы теперь стали люди. Кто бы и подумалъ, какъ доспѣлъ?— вздохнулъ почти вслухъ дьячокъ, когда они отчалили отъ берега, и втиснулъ задорно на голову свою измятую поярковую шляпу.

Софья усѣлась на носу стружка, прямо на его дно, выстланное пахучими вѣтками лиственницы. Позади нея у кормы помѣстился Степанъ. Дѣвушка его не видѣла, такъ какъ боялась оглянуться— даже пошевелиться, напуганная шумомъ воды у бортовъ и верткимъ колебаніемъ стружка. Но она чувствовала его близость постоянно, слышала его усиленное, мѣрное дыханіе, совпадающее съ крѣп-

кими ударами длиннаго весла, ощущала вздрагиваніе его тѣла, передающееся утлому суденышку. Они вдвоемъ вмѣстѣ съ челнокомъ представляли одно цѣлое, самодовлѣющее, спаянное единствомъ полета и движенія... Узкія лопатки весла опускались и подымались поперемѣнно то съ той, то съ другой стороны, бороздили струи, сверкали каплями воды, точно длинныя крылья летящей надъ рѣкой стрекозы... И всякій разъ при ударѣ челнокъ прибавлялъ ходу, и, вспѣниваясь, бурлило у его носа теченіе.

Обаяніе полета и простора охватило пловцовъ. Кругомъ, внизу и вверху ширилась безпредѣльная синева. Рѣка сверкала на солнцѣ, какъ дорогой сапфиръ. Лазоревыя тѣни, серебряныя и золотыя стрѣлки неустанно скользили по ней чуть замѣтными призраками, мѣняя ея дискъ, точь въ точь какъ улыбка и восторгъ мѣняютъ ласкаемое лицо. Изумрудные букеты острововъ подымались изъ сверкавшей водяной глади, сплетаясь въ кружевную ленту лѣсныхъ извилинъ, мысовъ и заливовъ, изваянныхъ свѣтомъ и тѣнью. А вездѣ кругомъ—синій воздушный океанъ, уходящій за темные лѣса, за лиловыя далекія горы, за лебяже-бѣлыя, пушистыя облака... Изрѣдка высоко пролетала пара дикихъ гусей или проносилась стая утокъ... Изрѣдка розовая мева-рыболовъ свертывалась низко надъ водой, и тутъ же вблизи всплескивала испуганная рыба...

Челнокъ мѣрно покачивался, послушный ударамъ весла. У бортовъ бурлило теченіе...

Они рѣзали материкъ рѣки наискось и только посрединѣ русла повернули къ островамъ. Зеленый сумракъ и прохлада охватили ихъ въ узкихъ, излучистыхъ, быстрыхъ протокахъ..-

— Вы бы набросили шаль!—крикнулъ весело Степанъ, замѣтивъ, какъ вдругъ побѣлѣла и съежилась розовая шея дѣвушки.

— Боюсь пошевелиться...

— Напрасно. Впрочемъ, я причалю.

Онъ присталъ къ берегу и вбилъ глубоко весло въ рѣчное дно по другую сторону стружка. Тотъ сталъ неподвижно, зажатый точно въ тискахъ между берегомъ и веслищемъ.

— Теперь вы можете безопасно встать и поправиться. А можетъ быть, вы повернетесь лицомъ ко мнѣ?—добавилъ онъ съ затаенной просьбой.

— Ну, нѣтъ! Мнѣ и такъ хорошо!...—отвѣтила Софья, отворачиваясь, чтобы скрыть краску на лицѣ.

Опять понеслись они извилистыми протоками, то плещущими тихо сонно, точно озерные лиманы, то льющимися бурно въ водоворо-

тахъ, шиверахъ и пѣнистыхъ перекатахъ... Сонмы острововъ, большихъ и малыхъ, обступили ихъ кругомъ, затѣняя имъ горизонтъ.

Челнокъ, пущенный вольно по теченію, двигался почти безъ содроганія. Неожиданные повороты серебряной ленты протокъ, быстрые сдвиги и отступленія лѣсистыхъ стрѣлокъ и мысовъ, пески, горящіе точно кучи золота, сизые дальніе лѣса, жемчужные перекаты, ревущіе на каменистыхъ порогахъ—все это яркое, живое, какъ настоящая быль, а между тѣмъ исчезающее быстро, точно сонное марево, опьянили дѣвушку, которая никогда до тѣхъ поръ не соприкасалась такъ близко и непосредственно съ дѣвственной природой глуши.

— Сказка...—шептала она въ упоеніи.—Сказка!

Она чувствовала себя лишенной воли и силъ и съ замираніемъ слѣдила, какъ утлое ихъ суденышко несется стремглавъ прямо къ обвалу лѣса, который свалился съ подмытаго берега и, цѣпляясь корнями за его края, погрузилъ косматыя верхушки свои въ бурныя волны. Корявые пни и рыжіе сучья образовали надъ водой низенькій сводъ.

Степанъ туда именно направилъ свой стружокъ. Тамъ «быстерть» переливалась длинными волнами, между тѣмъ какъ рядомъ за прозрачной стѣной вѣтвей кипѣлъ настоящій водопадъ. Комочки черной земли падали на головы и суденышко пловцовъ; бахрома травъ и спутанныхъ кустовъ, жгуты змѣевидныхъ корней свѣшивались къ нимъ сверху, точно щупальца земноводныхъ чудовищъ; обломки сучьевъ и пней торчали кругомъ остро и враждебно, какъ копья стражей, спрятанныхъ въ зеленомъ сумракѣ...

— Теперь, смотрите, не шевелитесь... Не бойтесь ничего... Склонитесь къ лодкѣ и не шевелитесь,—предостерегалъ дѣвушку Степанъ.

Онъ ловко и осторожно велъ лодочку просвѣтомъ, узкой полосой свободной воды. Когда теченіе слишкомъ прижимало ихъ къ берегу, онъ ловко отталкивался наискось весломъ; когда оно увлекало ихъ подъ сводъ деревьевъ, онъ цѣплялся за вѣтви руками.

— Зачѣмъ вы поплыли сюда?—спросила Софья, когда они вновь очутились среди зеркальной, голубой глади.

— Нѣтъ другой дороги,—отвѣтилъ Степанъ, указывая на протоку, сплошь изрытую мелкими бурунами и концами деревьевъ торчмя застрявшихъ въ днѣ.—Мы уже на мѣстѣ!—добавилъ онъ погодя и ловко выбросилъ до половины челнокъ на небольшую отмывину подъ крутымъ обрывомъ. Тутъ же изъ щели широко лопнувшаго берега, изъ густой чащи красной смородины и терновника струился маленькій ручеекъ. Рядомъ, карнизомъ обрыва подымалась вверхъ слаб

протоптанная тропинка.—Вы идите наверхъ. Я сейчасъ туда приду!—сказалъ Степанъ и принялся вытаскивать на берегъ вещи.

Когда Софья поднялась на край обрыва, она остановилась въ нѣмомъ восхищеніи.

Обширный лугъ—зеленый отъ буйныхъ травъ, фіолетовый отъ колокольчиковъ, румяный отъ зрѣлыхъ кистей метлицы—лежалъ межъ двумя пропастями голубого воздуха. Желтыя чашки яскирей, золотыя звѣзды цикорія густо просвѣчивали сквозь мглу зелени, точно драгоцѣнныя пряжки дорогого убора. Полевые льны глядѣли оттуда бирюзовыми очами. Бѣлая кашица и медовникъ привлекали хороводы пестрыхъ бабочекъ, складывающихъ и раскрывающихъ яркія крылышки сладострастнымъ, граціознымъ движеніемъ. Стройныя либеллы сверкали двойными стеклянными крыльями. Мухи, осы, зеленыя пчелы да шершни загорались тамъ и сямъ алмазными искорками въ потокахъ солнечнаго свѣта и волнахъ зелени. Вдали, за впадиной, откуда выглядывали верхушки темной широколистой смородины и блѣдныя нефритовыя елочки высокихъ нѣжныхъ хвощей, гдѣ въ ямкахъ синѣли кучи незабудокъ, гдѣ цвѣли розовые шиповники и бѣлый лютикъ развѣшивалъ свои сказочныя сѣти—повыше нихъ кудрявилась рощица молодыхъ березъ и частякъ перистыхъ лиственницъ.

Опьяняющій запахъ меда и смолы несся оттуда.

Я пойду горою, я пойду горою,
А ты долиной...
. . . .

запѣла дѣвушка, склоняясь къ цвѣтамъ, чтобы ихъ рвать и цѣловать.

Останусь я парнемъ, останусь я парнемъ,
А ты дѣвушкой!

отвѣтилъ ей снизу бархатный мужской голосъ. Онъ зазвучалъ совершенно не въ той сторонѣ, гдѣ она его ожидала; поэтому дѣвушка бросилась поглядѣть къ краю обрыва, падающаго круто въ воду. Тутъ же, у берегового уступа, Степанъ стоялъ въ лодочкѣ и забрасывалъ сѣти.

— Это зачѣмъ?

— На ваше счастіе!—отвѣтилъ онъ весело, подымая къ ней загрѣлое лицо. Темныя кудри нависали низко надъ его бѣлымъ лбомъ, соединяясь съ черной бородой и усами въ одну курчавую, пушистую тѣму. Черные глаза его красиво блестѣли, стройныя руки метали [illegible]и широкимъ и плавнымъ движеніемъ. Стружокъ плясалъ подъ

нимъ, какъ легкій древесный листокъ. Со смутно-волнующимъ, непонятнымъ любопытствомъ, точно она замѣтила его впервые, глядѣла дѣвушка на крѣпкія, мускулистыя плечи Степана, на гладкую шею, выступавшую изъ разстегнутаго ворота сѣрой блузы, будто бѣлый, мраморный столбъ.

Вскорѣ молодой человѣкъ появился съ вещами на лугу, но Софьи тамъ не нашелъ. Только послѣ многократныхъ окликовъ зазвенѣлъ въ яру ея молодой смѣхъ.

— Да идите сюда!... Здѣсь пропасть ягодъ!... Прохладно... Чудесно...

Въ яру было дѣйствительно прохладно, и дѣйствительно груды красныхъ гроздей свѣшивались съ тонкихъ, покрытыхъ рѣчнымъ иломъ вѣтвей. Изъ чащи темныхъ лапчатыхъ листьевъ выглядывало смѣющееся женское лицо, ясное какъ лѣтнее утро, свѣтловолосое, какъ цвѣтокъ хризантемы, въ соломенной шляпѣ на макушкѣ. Дѣвушка обѣими руками рвала красныя ягоды и подносила ихъ къ своимъ не менѣе краснымъ, чѣмъ онѣ, губамъ. Степанъ раздвинулъ кусты руками и потонулъ въ зелени.

Нѣкоторое время они молчали, занятые ягодами, и только ручей журчалъ гдѣ-то внизу.

— Не кажется ли вамъ, что мы на каникулахъ и сидимъ въ малинникѣ?... Развѣ съ вами это не случалось, а?

— Н-дда!...—пробурчалъ значительно Степанъ.—Вы, я думаю, здорово шалили!

— Не совсѣмъ! Я не столько была шалунья, сколько сластеха... Я ужасно любила плоды и такъ объѣдалась ими, что обѣдать уже не была въ состояніи. Матушка все удивлялась, что я при отсутствіи аппетита полнѣю и полнѣю... А про плоды и заикнуться ей нельзя было... У насъ все свирѣпствовали разныя эпидеміи, и къ плодамъ насъ близко не подпускали... Ну, довольно!... Выходите!... Вы забыли, что сегодня намъ еще обратный предстоитъ путь... Боюсь я этого вашего обвала... ухъ! Да и цвѣтовъ нарвать хочу!...

— А чай?... Я безъ чаю не поѣду!...

— Въ томъ-то и дѣло!... Я это знаю!... Разводите же поскорѣе огонь... Я схожу за водою и пройдусь по лугу.

— Ухъ, какая вы торопыга! Развѣ вамъ здѣсь худо? Посмотрите—какая кругомъ прелесть!? А главное... никакая мамаша не стоитъ надъ душою! Что хотимъ, то сдѣлаемъ... Воля!... Все докучное, злобное, глупое, все нелѣпо-людское осталось далеко позади. Надъ нами небо, подъ нами земля—бархатная, живая, тепла, устланная цвѣтами и пахучими травами... Я нарочно избралъ это

отдаленный уголокъ, трудно-достижимый, чтобы никто, никто ко мнѣ не проникъ... Замѣтьте, какъ здѣсь тихо... Только ручей бурлитъ!

— И надолго сюда?—спросила дѣвушка, срывая цвѣты.

Онъ шелъ рядомъ и подавалъ ей лучшіе экземпляры.

— Какъ вамъ сказать! На мѣсяцъ, на два... Чѣмъ дольше, тѣмъ лучше... Это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ... Я закортомилъ весь островъ за шесть рублей въ неограниченное, такъ сказать, владѣніе. Съ одной стороны, стережетъ меня быстрина материка, съ другой—береговой обвалъ. Лѣтомъ сюда и воронъ не залетаетъ... Я могу на нѣсколько недѣль уйти отъ всего, отрѣшиться отъ всѣхъ проклятыхъ вопросовъ, отъ прошлаго и будущаго... Могу и совѣсть и сознаніе утопить въ трудѣ, трудѣ полезномъ и безобиднымъ, могу мечтать, что міръ уже исправленъ, что онъ населенъ уже одними добрыми, что исчезли хищники, насильники и лжецы... Развѣ вамъ не улыбается такая мечта, скажите пожалуйста? Вѣдь и у извозчичьей лошади бываетъ праздникъ?!

Она слушала его внимательно и, не подымая глазъ, бережно складывала цвѣты; онъ замѣтилъ, что грудь ея слегка волновалась.

— Вы слышите, какъ реветъ пучина?... Не хуже тигровъ Нерона!... Птица сюда не залетаетъ!... Я спрашивалъ...—повторилъ онъ.

Онъ умолкъ и сталъ прислушиваться, Софья сдѣлала невольно то же. Задувалъ вѣтерокъ, и несмолкаемый грохотъ прибоя доносился особенно явственно.

— А тутъ все подъ рукой. На томъ островѣ есть озерца и болота... Утки тамъ выводятъ птенцовъ... Дальше, вотъ на этихъ отмеляхъ, ночуютъ гуси и даже лебеди... Рыбы въ протокахъ—тьма тьмущая, и ýлова близко. Не думайте, что будетъ скучно!... Ничуть! Только нужно чуть попривыкнуть къ природѣ и научиться подмѣчать кругомъ... Здѣсь что ни минута, то новость... Свои радости и свои драмы... Милліоны впечатлѣній, хорошихъ впечатлѣній, не оставляющихъ въ сердцѣ ни горечи, ни злобы, самое большее—тихую грусть... Развѣ это не высочайшая роскошь,—подумайте: нѣсколько недѣль жизни, не возбуждающихъ ни въ комъ ни зависти, ни алчности, ни гнѣва?! Многимъ ли это дано?!

— Да, это дано немногимъ, и въ этомъ все горе!...

— Но причемъ тутъ я?... Развѣ я все это устроилъ?... Впрочемъ, дѣло здѣсь не въ политической программѣ, а въ отдыхѣ!... Я сказалъ, что когда будетъ нужно и возможно для меня, я опять пойду... Я силенъ увѣренностью въ этомъ... Дѣло теперь въ коротенькой передышкѣ... Имѣю ли я на нее право? Я не искалъ ея, она сама

пришла,—и благо ей!... Забыть, все забыть на одно мгновеніе... Закрыть глаза и вообразить себѣ, что мы уже въ лучшемъ будущемъ... Развѣ это не заманчиво?...

— Очень даже заманчиво, и поэтому... пора собираться домой!

— Что такъ?! Посидите еще немного.

— Путь длинный... Я не желаю, чтобы вы ночью переплывали черезъ эти ужасные буруны.

— Ночи свѣтлыя. Вы не опасайтесь за меня.

Онъ взглянулъ внимательно и ласково въ ея милое разгорѣвшееся лицо. Она быстро отвела глаза и потянулась за новой связкой цвѣтовъ.

— Вы обѣщались огонь развести.

— Сію минуту... На одной ножкѣ... какъ листъ передъ травой!

Онъ разсмѣялся и прыгнулъ на одной ногѣ, веселый, ловкій, какъ молодой фавнъ, схватилъ топоръ и принялся рубить ивнякъ въ сосѣднихъ кустахъ.

Частый острый лязгъ рубящаго желѣза распугалъ птицъ и покрылъ на мгновеніе рокотъ рѣки.

— Пришелъ человѣкъ, а съ нимъ разрушеніе!—замѣтила сентенціозно Софья, глядя, какъ Степанъ обдиралъ влажную, нѣжную кору съ длиннаго шеста.

— Болѣе простоты, Софья Николаевна, болѣе простоты!... Иначе... погибнемъ!

Онъ воткнулъ шестъ наискось въ землю, затѣмъ у свободнаго конца его развелъ костеръ изъ сухой травы и хворосту. Дымъ заструился и поплылъ надъ травами и цвѣтами, отбрасывая на нихъ свою темную подвижную тѣнь.

Вскорѣ повисъ на шестѣ закоптѣлый чайникъ и котелокъ съ рыбой, которая благополучно попалась въ сѣти.

Степанъ насадилъ косу и обкосилъ кругомъ огня широкую площадь. Затѣмъ воткнулъ дугообразно въ землю рядомъ нѣсколько тальниковыхъ прутьевъ, переплелъ ихъ поперечными и образовавшійся такимъ образомъ остовъ шалаша обложилъ сверху свѣже-скошенной травой.

— Вотъ и «my home, my castel!»—замѣтилъ онъ, смѣясь.— Пока я положу туда на сохраненіе свою добычу!

— Не такъ скоро завянетъ!—отвѣтила въ томъ же тонѣ Софья и положила внутрь шалаша цвѣты.—Прохладно, въ самомъ дѣлѣ, и хорошо пахнетъ!... Надѣюсь, что комары не оставятъ васъ своими попеченіями.

— Здѣсь ихъ нѣтъ... Опи не смѣютъ сюда залетать... Я нарочно выбралъ мѣсто на юру... Здѣсь всегда продуваетъ.

Онъ указалъ на двѣ голубыя пропасти по обоимъ сторонамъ своего стойбища.

Дѣвушка задумчиво взглянула въ ту сторону, гдѣ внизу струились широко разлившіяся, бѣлесыя воды, гдѣ виднѣлись сонмы зеленыхъ острововъ, гдѣ небо обнимало все спокойнымъ сводомъ. Тишину нарушалъ только непокорный ропотъ рѣчного теченія. Даже жуки, осы и мушки, даже кузнечики перестали жужжать, стрекотать, даже бабочки исчезли, спугнутыя вечерней прохладой.

Молодые люди были совершенно одни, отдѣленные отъ всего міра струями быстрой воды, закрытые отъ людскихъ глазъ сотнями пустынныхъ островокъ и ширмами глухихъ лѣсовъ. И это сознаніе полнаго одиночества безпокоило ихъ и сладко возбуждало.

Степанъ дрожащими руками поставилъ тарелку съ вареной рыбой на разостланные листья лопуха, налилъ въ чашки чаю, досталъ изъ мѣшка сухарей и открылъ крышку «туёса», полнаго топленаго масла, желтаго и прозрачнаго, какъ сотовый медъ. Но ему видимо было не по себѣ, и онъ то и дѣло взглядывалъ на затихшую, задумавшуюся дѣвушку.

— О чемъ такъ?

Она очнулась и улыбнулась.

— Знаете, что я вамъ посовѣтую?... Вы все это оставьте, отбросьте... Теперь какъ разъ подошелъ такой моментъ, рѣдкій въ жизни человѣка, когда вы это можете сдѣлать вполнѣ и безнаказанно... Будьте собою... Отдайтесь безъ оглядки тому, что вамъ нравится, что зоветъ и манитъ васъ... если только манитъ васъ что-нибудь...—добавилъ осторожно.—Осмѣльтесь быть тѣмъ, чѣмъ вы въ дѣйствительности есть—лугомъ, цвѣткомъ, вольнымъ вѣтеркомъ, дарящимъ радость сердцамъ.

Она съ удивленіемъ и испугомъ слушала его страстную рѣчь, полную необычныхъ для него поэтическихъ выраженій и трепетавшую глубокой, новой для нея внутренней дрожью. И дрожь эта передалась ей, разливаясь по ея жиламъ сладкою нѣгой.

— Слышите, какъ журчитъ рѣка? Это время, это жизнь уходитъ въ океанъ небытія!... Жизнь личности—это одинъ день, крохотный мигъ, одинъ звукъ, заключающій въ себѣ громадную роскошь или громадное страданіе.

— Ѣдемъ!... Пора!—сказала она, вдругъ подымаясь.

— Это рѣшено?

— Рѣшено!

Онъ не двигался и, лежа на землѣ, глядѣлъ снизу вверхъ въ ея слегка поблѣднѣвшее лицо; въ то же время онъ видѣлъ всю ея изящную фигуру, спрятанную въ складкахъ скромнаго платья. Смѣлыя признанія настойчиво жгли ему губы.

— Останься!...—вдругъ шепнулъ онъ какимъ-то чужимъ голосомъ,—такъ тихо, какъ тихо шелеститъ только травка весной отъ дуновеній теплаго вѣтерка.

Казалось, она не могла разслышать его; но розовое пламя, вдругъ разлившееся по поблѣднѣвшему лицу ея, убѣдило его, что она и услышала, и поняла.

Онъ быстро приползъ къ ея ногамъ.

— Нѣтъ... нѣ-ѣ-тъ!...—шептала она, пятясь и блѣднѣя опять.

— Никогда?

— Не знаю... Я... не... я... Потомъ!... Не теперь!...

Она положила свою дрожащую руку на его курчавую голову и пробовала удержать его вдали отъ своихъ колѣнъ.

— По-слѣ... Ко-гда... нибудь!.. Вы пріѣдете...—шептала она безсвязно.

Вдругъ она почувствовала, что рука его точно пламя обняла ея талію, что знойныя губы цѣлуютъ ея шею, щеки, ищутъ ея губъ... Рокотъ рѣки, блескъ солнца, сіяніе неба потонули въ еще болѣе сильномъ шумѣ и блескѣ ея собственной крови. Тѣло ея дрогнуло, и губы раскрылись, какъ лепестки расцвѣтающаго граната, принимая поцѣлуй.

Но она скоро опомнилась и вырвалась.

— Ѣдемъ, ѣдемъ!... Сейчасъ ѣдемъ... Завтра!—повторяла она жалобно.

Степанъ молча ушелъ отъ нея и дрожащими руками принялся собирать посуду и тушить огонь. Затѣмъ онъ поднялъ шаль Софьи, и они пошли, не говоря другъ другу ни слова, къ лодкѣ. Только у самаго спуска онъ вдругъ неожиданно сталъ передъ ней:

— Милая! Зачѣмъ завтра?... Зачѣмъ отдалять на нѣсколько дней... даже на нѣсколько мгновеній... минуты счастія... Или... если даже... несчастія!... Останься, милая!... Я поѣду одинъ и привезу все нужное!

Она опустила голову и, казалось, поколебалась.

— Только теперь, когда я далъ себѣ волю, я понялъ, какъ люблю васъ!... Вы та, которую я жадно искалъ въ сонмѣ женщинъ, существованіе которой предугадывали мои чувства и мои влеченія.. Когда я увидѣлъ васъ впервые, свѣтлую, тихую и грустную въ глубинѣ темной якутской юрты, сердце мое сжалось отъ тревоги, близкс

къ ужасу... Я созналь, что вы та желанная, та единственная, которая жизнь мою круто обратитъ или къ счастію, или къ вѣчному, глубокому страданію... Нѣтъ ничего хуже, мучительнѣе сознанія, что счастіе возможно, но недоступно!... Если вы думаете, что я подстроилъ вамъ западню, что я заманилъ васъ сюда нарочно, то вы глубоко ошибаетесь... Я не зналъ, что это такъ кончится... Я откладывалъ объясненіе до осени, до зимы, когда матеріальное мое положеніе окрѣпнетъ... Случилось иначе... я поступилъ неблагоразумно, можетъ быть, даже нехорошо... Но вы не мучьте меня за это и если... Не отталкивайте меня даже на мигъ, не ввергайте въ горчайшія сомнѣнія... даже на одну ночь!... Останься, желанная, не уходи!...

Онъ протянулъ къ ней руку. Она продолжала слушать съ поникшей головой, съ полузакрытыми глазами и не замѣтила его движенія.

— Нѣтъ!...—отвѣтила она вдругъ рѣшительно.—Не сегодня! Я должна подумать, я должна разобраться. Мнѣ кажется, что я... возможно... люблю васъ!—добавила она тихо, удерживая его жестомъ.—Но все это случилось такъ вдругъ, такъ неожиданно, что я смущена... Я хочу узнать, не минутное ли это увлеченіе... на фонѣ... нашей дружбы?... Не просто ли это... вліяніе чудеснаго дня и нашей сегодняшней прогулки... Развѣ не было бы для тебя, Степа, больно и унизительно, если бы оказалось, что это именно такъ?

Онъ молча поцѣловалъ ея руку и затѣмъ эту же блѣдную руку прижалъ крѣпко къ своей груди.

Молча понеслись они въ легкомъ челнокѣ по синимъ волнамъ съ розовымъ вечернимъ блескомъ въ чешуяхъ мягкихъ зыбей. За ними солнечный день тонулъ въ богатомъ огненномъ закатѣ. Впереди темнѣли небеса, мерцали рѣдкія, нѣжныя звѣзды, и сумрачно дымились глубокіе, дремучіе лѣса.

Только на пристани Степанъ поднялъ робко и въ то же время лукаво глаза и шепнулъ съ улыбкой:

— Только, ради Бога, не приговаривайте къ смерти... Вашъ рабъ лукавый дѣйствительно влюбленъ!...

Дѣвушка улыбнулась. Она была очень благодарна ему, что онъ не принялъ ея приглашенія и не зашелъ къ ней въ домъ, а съ подъема тропинки вернулся къ лодочкѣ.

Это было хорошо еще потому, что во дворѣ юрты она застала ...еровича.

— Я какъ разъ прочелъ ваше посланіе и собрался обратно. Хорошо ли съѣздили? Не качало ли?—спрашивалъ онъ ее съ изысканной вѣжливостью, держа шляпу въ рукѣ на высотѣ груди.

Его высокая, тонкая фигура, съ маленькой, склоненной набокъ головой очень напоминала тщедушный полевой макъ.

— Прогулка удалась великолѣпно... Такъ чудесно!... Видите мою добычу!...

Она говорила черезчуръ торопливо и избѣгала встрѣчаться съ взглядомъ его сѣрыхъ проницательныхъ глазъ. Онъ сразу подмѣтилъ это, и ротъ его чуть перекосился.

— Цвѣты!... Черезчуръ много цвѣтовъ!...—промолвилъ онъ пѣвуче, какъ въ опереткѣ.

— Не совсѣмъ!... Кромѣ цвѣтовъ я, кажется, привезла начало мигрени... Солнце жгло немилосердно!...

— Tiens!...—шепнулъ онъ.

— Но... вы заходите, напьемся чаю!...

— Поздно!...—пробормоталъ, не спуская съ нея глазъ.

— Такъ что-жъ?! На минуту...

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ входу, но онъ остался на мѣстѣ съ шляпой на груди.

— Пожалуйте мнѣ цвѣтокъ, а сами примите пожеланіе спокойной ночи!

— Да вѣдь девять верстъ вы прошли безъ отдыха!...

— И не чувствую утомленія. Пространство не больше, какъ субъективная категорія! Вѣдь мы съ этимъ согласны? Приду на-дняхъ, если позволите?...

Софья смутилась окончательно.

— Да не чудите! Заходите сейчасъ... Пришли газеты...

— Вы ихъ просмотрѣли?

— Не совсѣмъ, но я ихъ вамъ отдамъ!

Несмотря на ея настоянія, онъ заупрямился, въ юрту не вошелъ и со шляпой въ рукахъ, въ той же позѣ, съ склоненной набокъ головой дождался газетъ у порога. Когда дѣвушка исчезла, по лицу его опять прошла непріятная гримаса, и въ глазахъ затеплилась задумчивая скорбь.

— Значитъ, завтра или послѣ-завтра вы придете?—спрашивала Софья, передавая ему пачку газетъ.

— Непремѣнно. Развѣ что случится что-нибудь экстренное...

— Напримѣръ, что такое? Пусть лучше ничего не случается, а то можете меня... не застать!

— Вотъ какъ?

— Да. Я вѣдь тоже могу пойти гулять или за ягодами...

— За ягодами?... Такъ пойдемъ вмѣстѣ.

— Это мы тамъ посмотримъ... А теперь вы точно обозначьте время?...

— Зачѣмъ же? Не застану васъ, такъ вернусь.

— Нѣтъ!... я бы хотѣла...

— ?

— Поговорить съ вами... еще... раньше...

Она оборвала, и густой румянецъ залилъ ея щеки. Онъ прикоснулся къ протянутой рукѣ и поклонился преувеличенно холодно.

— Въ такомъ случаѣ приду непремѣнно. До свиданія!

Дѣвушка вернулась въ юрту сердитая и разстроенная. Все происходящее показалось ей вдругъ пустой, ненужной и нелѣпой ложью. Зачѣмъ она все это дѣлаетъ?... Кого она хочетъ обмануть и испытать? Себя самое? Вѣдь она уже знаетъ, она еще тамъ, на островѣ, знала, чтò она сдѣлаетъ?... Эта отсрочка и размышленіе наврядъ ли нужны были? Зачѣмъ она поступаетъ такъ и что все это значитъ? Неожиданно для себя она залилась слезами и упала на постель. Жгучая сладость недавнихъ поцѣлуевъ потрясла ее страстнымъ воспоминаніемъ...

II.

Красное марево вечерней зари, фіолетовая дымка тучъ, столбы золотого сіянія, оставленные исчезнувшимъ солнцемъ, ласкающая нѣжность желтыхъ топазовъ заката, розовый румянецъ зардѣвшагося неба, дрожаніе немеркнущихъ звѣздъ въ синевѣ высотъ, струя алой крови надъ зубчатой гранью темныхъ лѣсовъ—яркая, рѣжущая, точно соединенный крикъ нѣги и страданія кисея тумановъ, рѣющихъ надъ темнѣющей и затихающей землей, фіалъ умирающихъ цвѣтовъ и скошенныхъ травъ, немолчный рокотъ бѣгущей рѣки: таковы были краски и звуки, окутавшіе первыя мгновенія ихъ любви.

На своемъ пустынномъ солнечномъ островѣ они позабыли вскорѣ весь міръ.

Послѣ темныхъ, бархатныхъ ночей наступали чудные, жаркіе дни, рождая новыя желанія. Точно крылья бабочекъ, раскрывались часы роскошныхъ впечатлѣній, чтобы опять сомкнуться въ ласкахъ нѣжныхъ сумерекъ, потонуть въ тихомъ шопотѣ вечера, въ жемчужномъ туманѣ теплыхъ, росистыхъ аметистовыхъ ночей.

Мужчина всегда просыпался первымъ и съ радостнымъ удивленіемъ, съ восторженнымъ любопытствомъ смотрѣлъ на женщину, спавшую рядомъ въ зеленоватомъ мракѣ покрытаго сѣномъ шалаша.

Сквозь незамѣтныя отверстія крыши пробирались внутрь лучи

солнца и цѣловали бѣлыя, круглыя руки спящей, закинутыя манящe за голову, дрожали золотыми стрѣлками на мраморѣ ея молодой груди, которая мѣрно колыхалась, точно сомкнутые бутоны лотоса на неумирающей волнѣ жизни,—символы вѣчнаго бытія...

Съ хитрымъ разсчетомъ опытнаго хозяина, оберегая лишнюю минуту отдыха возлюбленной, Степанъ осторожно выбирался наружу изъ шалаша, спускался внизъ къ челноку, осматривалъ сѣти, возвращался наверхъ съ трепещущей добычей и ведромъ зачерпнутой по пути воды, разводилъ огонь, подвѣшивалъ на шестѣ чайникъ, мѣсилъ ячменную лепешку, оставлялъ ее на деревянномъ вертелѣ печься надъ горячими угольями и только тогда сбрасывалъ свою легкую рабочую одежду и съ размаха прыгалъ въ воду съ высокаго берега. Когда онъ плылъ, разгребая теченіе сильными руками, солнце обыкновенно всходило, и косые лучи его золотили впереди пловца водную гладь и далекіе зеленые острова. Когда Степанъ возвращался на берегъ, Софья обыкновенно уже не спала и, сидя въ отверстіи шалаша, глядѣла сонными глазами на сѣдой еще отъ росы лугъ, на коралловую кучу сгорѣвшаго костра, на рыжеватый дымъ, струящійся неровной лентой въ голубую высь, которую исподволь наполнялъ золотомъ восходъ, льющійся снизу изъ-за края обрыва.

Степанъ бралъ косу и, чтобы согрѣться, проходилъ наскоро одинъ прокосъ. Софья одѣвалась, напѣвая тихонько въ тактъ ударамъ косы, а затѣмъ приготовляла завтракъ. Если Степанъ, удалившись черезчуръ, не слышалъ ея зова, она шла къ нему. Она любила постоять немного, опершись на его крѣпкія плечи, глядѣть, какъ мало-по-малу разгорается день, какъ огненное солнце подымается надъ сверкающей рѣкой, надъ рдѣющими островами, какъ въ лучахъ его начинаетъ сверкать алмазная радуга въ капляхъ росы, висящей на травахъ.

— Прелестно косить по росѣ!...

— Дай, попробую...

Онъ передавалъ ей косу, училъ держать ее и двигать ею.

— Тяжело... Я бы не осилила... не смогла бы долго!

— Не забирай такъ много. Захватывать слѣдуетъ по мѣрѣ силъ... Коса должна двигаться ровно, безъ задержекъ и натуги, какъ въ водѣ... Въ томъ все искусство... Косьба ничуть не тяжелѣе другихъ работъ... Это предразсудокъ, и ты скоро отлично будешь косить... Увидишь!

Дѣйствительно, Софья исподволь привыкала къ физическому труду и знакомилась съ его тайнами, съ его радостями и страданіями.

Члены ея окрѣпли, щеки загорѣли и зарумянились, руки привыкли крѣпко сжиматься, ноги—крѣпко упираться въ землю. Гибкая, молодая спина не уставала больше, какъ это было въ нача-

лѣ. Жара заставляла ее сбрасывать все лишнее, всѣ украшенія и добавки. Она работала, какъ крестьянка, въ одной сорочкѣ и юбкѣ. Ея тѣло пріобрѣло много новыхъ, красивыхъ, свободныхъ движеній.

Она не соглашалась только сбросить шляпы и перчатокъ.

— Зачѣмъ? Я совсѣмъ не желаю превратиться въ негритянку... И какая кому польза, что мои руки загрубѣютъ и почернѣютъ какъ уголь?!

— Да вѣдь жарко!

— Дѣло навыка. Не сбрасываемъ вѣдь мы ради этого всей одежды?

Въ движеніяхъ она сохранила прежнюю сдержанность и изящество, которыя поражали его и пріятно волновали. Онъ не разъ наблюдалъ ее исподтишка, уставшую, съ растрепанными волосами, сгребающую сѣно не хуже всякой деревенской дѣвушки въ бѣлесомъ зноѣ полуденнаго солнца.

— Смотри, милая, не растеряй своей міровой скорби!... Скоро въ конецъ омужичишься!

— Я и такъ уже... ни о чемъ не думаю!

— Какъ жаль, что нашъ лугъ не продолжается въ безконечность!

— А, вы начинаете думать? Строго воспрещается.

— Совершенно вѣрно. Лучше взгляните и улыбнитесь!

— Многаго желаете!...

Они часто смѣялись громко и непринужденно, безъ видимой причины. Иногда для этого достаточно было «показать палецъ», какъ выражался Степанъ.

— Глупо, а хорошо!—замѣчала Соня.

— Милая моя,—говорилъ тогда Степанъ, обнимая ее,—если я заслужилъ какую-либо награду за то, что я боролся за счастіе и освобожденіе другихъ, то я вполнѣ награжденъ тѣмъ, что ты существуешь, что я цѣлую и ласкаю тебя!...

Она молча протягивала ему губы и закрывала на мгновеніе васильковые глаза, въ которыхъ только тогда совершенно исчезала глубоко затаенная печаль.

Печали этой она боялась и стыдилась, и появлялась она открыто на ея молодомъ лицѣ только въ минуты полнаго одиночества, когда Степанъ отправлялся на сосѣдній островъ добыть пару утятъ или адился въ «засѣдку» на дальней песчаной отмели поохотиться на ерелетныхъ гусей.

Но въ одиночествѣ не разъ также охватывало дѣвушку и непобѣимое безпокойство, суевѣрный страхъ первобытныхъ женщинъ. Она огда боялась уйти на шагъ отъ шалаша и, сидя подъ его навѣсомъ, матривалась остановившимися глазами въ выкошенный наполовину

лугъ, гдѣ въ косыхъ лучахъ заката чернѣли ряды непригожихъ копенъ, гдѣ грубо просвѣчивала корявая земля изъ-подъ выбритыхъ низко прокосовъ, гдѣ сиротливо кружились бабочки и мушки, разыскивая недавно колыхавшіеся здѣсь цвѣты и травы. Рыжіе шмели и земляныя пчелы съ гнѣвнымъ жужжаніемъ влетали и вылетали изъ своихъ неожиданно обнаженныхъ ямокъ, полевыя мыши робко высовывали усатыя мордочки изъ обнаруженныхъ норъ и поспѣшно бѣжали въ нетронутую еще гущу злаковъ, гдѣ пестрѣли тысячи цвѣтовъ, гдѣ стрекотали еще полчища кузнечиковъ, суетились полчища братскихъ существъ, увѣренныхъ въ своемъ правѣ на жизнь. Тамъ чирикали птицы, и цвѣткокрылыя бабочки справляли свои любовныя пляски... Тамъ собралось все, что ушло и уцѣлѣло отъ безжалостнаго косца. Тамъ даже роса садилась гуще и обильнѣе.

Вся красота нетронутой, дѣвственной, беззаботной жизни, поразившая ее въ первый день ея пріѣзда, вставала передъ ней, усиливая ея тоску и безпокойство.

— Что это онъ такъ долго не возвращается?... Не утонулъ ли?... Не повстрѣчался ли съ медвѣдемъ?...

Съ возрастающимъ ужасомъ она вслушивалась въ глухое гудѣніе земли. Рокотала близко и равномѣрно рѣка, ревѣли далекіе буруны, шумѣли въ кустахъ порывы вѣтра... Изрѣдка съ темнѣющихъ острововъ, съ высокихъ рдѣющихъ алымъ сполохомъ небесъ, отъ дальнихъ горъ, отъ уходящихъ водъ доносились мощные, отдѣльные вздохи, зовъ грозный, хотя невнятный, пѣснь безличная, непонятная и неотразимая...

Ей казалось, что нѣчто могучее и безжалостное идетъ къ ихъ острову изъ невѣдомыхъ предѣловъ и сулитъ гибель... Идетъ тихо ли, скоро ли, но все приближается. Особенно пугали ее тѣ рѣдкіе и слабые человѣческіе звуки, которые приносили сильнѣйшія дуновенія вѣтра: восклицанія, позвякиваніе косъ, напѣвы...

Ближайшіе острова медленно заселялись косцами. Страхъ молодой женщины достигалъ крайняго предѣла, когда сумерки сгущались надъ островомъ и блескъ костра былъ границей ея одинокаго убѣжища...

— Не оставляй меня одну!... Вѣдь такъ уже недолго мы жить будемъ исключительно для себя!... Даже когда уходишь на охоту, бери меня съ собою!...

— Отлично. Но тамъ комары!

— Пустяки. Я накрою голову платочкомъ.

III.

Для перваго раза онъ свезъ ее на желтые пески, врѣзывающіеся длинной, острой стрѣлкой въ синюю воздушно-водяную даль. Тамъ было сухо, удобно; тамъ вечерами, случалось, пролетали стаи крупныхъ птицъ, устремляясь къ тому берегу, синѣвшему на горизонтѣ, точно длинная туча.

Степанъ посадилъ Соню въ маленькой «засѣдкѣ» изъ воткнутыхъ въ землю ивовыхъ вѣтокъ, уже завядшихъ и почернѣвшихъ. Самъ онъ помѣстился рядомъ съ двустволкой въ рукахъ.

— Прошу не разговаривать и по возможности не двигаться, а то въ наказаніе останемся безъ обѣда!

— А видомъ любоваться можно?

— Любоваться? Сколько угодно!... Хотя я просилъ бы оставить тамъ кой-что и для меня!...

— Чего: глазъ или восхищенія?

— Пусть бы хоть... глазъ!

Онъ взялъ бережно ея руку и прижалъ по обыкновенію къ груди.

Легкій вѣтерокъ тянулъ къ нимъ съ голубой глади рѣки, широко разлившейся и дрожавшей отъ постояннаго бѣга. Тихій плескъ сталкивающихся и ударяющихъ въ берегъ водоворотовъ наполнялъ вечернюю тишину мелодическимъ рокотомъ.

Степанъ двустволку съ взведенными курками положилъ, какъ ребенка, на согнутое плечо и устремилъ взоръ въ воздушный океанъ. Сидѣвшая немного позади него Софья глядѣла въ ту же сторону. Но такъ какъ тамъ долго ничего не было видно, кромѣ синей воды, да синяго неба, да повиснувшихъ между ними туманныхъ береговъ, то она стала наблюдать за мятущимися вблизи нея рѣчными струями. Онѣ ничуть не были однообразны. То и дѣло всплывали на нихъ, точно перси зеленыхъ нереидъ, большіе, вздутые бугры, повороты глубокихъ теченій, задѣвшихъ за подводные камни. Воронки водоворотовъ бѣжали съ легкимъ шипѣніемъ, похожіе на скользкихъ водяныхъ ужей. Серебристыя быстрины дробились на каменныхъ меляхъ мелкой чешуей...

Софьѣ казалось, что цѣлая толпа, сонмище водяныхъ многоликихъ чудовищъ наступаетъ на утлые пески ихъ убѣжища, что вотъ-вотъ они размоютъ, разнесутъ тонкую косу и поглотятъ ее и ихъ.

Она взглянула на Степана, который внимательно то однимъ, то другимъ ухомъ прислушивался къ нѣмымъ для нея звукамъ.

Золотой блескъ дня быстро тускнѣлъ, сокращался, блѣднѣлъ. Закатъ солнца сдунулъ его окончательно съ поверхности рѣки и зажегъ вмѣсто него отраженіе алой зари.

...Красное вечернее марево... Фіолетовая дымка тучъ... Столбы золотого сіянія... Ласкающая нѣжность желтыхъ топазовъ заката... Розовый румянецъ неба... Дрожаніе немеркнущихъ звѣздъ... Полоса алой крови надъ зубчатой гранью лѣсовъ...

Какъ тогда... какъ въ тотъ вечеръ!...

Вырвали ее изъ задумчивости странные звуки, несшіеся откуда-то съ небесныхъ высотъ. Степанъ схватилъ двустволку кошачьимъ движеніемъ и повернулся лицомъ къ темнѣющимъ позади «засѣдки» тальникамъ. Раньше чѣмъ Софья поняла, что случилось, пара лебедей забѣлѣла тутъ же надъ ними въ розовомъ воздухѣ, и въ то же время снизу сверкнула къ нимъ кровавая молнія. Одна изъ птицъ свернулась, упала внизъ, какъ комокъ снѣга, и ударилась грудью о песокъ... Затѣмъ она вспорхнула и, волоча широко расхрестанныя крылья, устремилась къ водѣ; но въ тотъ же мигъ загремѣлъ второй выстрѣлъ, и лебедь замеръ неподвижно. Другой между тѣмъ нѣсколькими сильными взмахами крыльевъ поднялся выше выстрѣла и поплылъ къ темнѣющимъ лѣсамъ.

— Ушелъ!—проворчалъ Степанъ, заряжая поспѣшно ружье и не спуская разгорѣвшихся глазъ съ птицы.

— Соня, ты поймай его, онъ уйдетъ!...—добавилъ онъ, кивая головой въ сторону подстрѣленнаго лебедя, и, когда остолбенѣвшая женщина не двинулась съ мѣста, самъ быстро прыгнулъ къ добычѣ и, не переставая прибивать шомполомъ зарядъ, придавилъ ногою извивавшуюся шею птицы. Бѣлоснѣжная грудь судорожно вздулась, широкія крылья забились о песокъ, черные, выпуклые глаза затуманились...

— Ужасъ!—прошептала блѣдная, какъ полотно, дѣвушка.

— Божественная штука!... Самка!...—проговорилъ Степанъ, не замѣчая ея волненія.—Думаю, что это была пара и что у нихъ здѣсь недалеко выводки!

Онъ поднялъ птицу за шею вытянутой рукой и съ восхищеніемъ глядѣлъ на царственное созданіе. Лебедь еще жилъ и, распустивши крылья, дрожалъ на воздухѣ, какъ бѣлый большой крестъ, перебиралъ красными лапками...

— А тотъ... ушелъ... какъ ни въ чемъ не бывало!—шептала Софья.

— Ну, нѣтъ! Я думаю, что онъ вернется!—отвѣтилъ Степанъ, указывая дуломъ ружья на темный небосклонъ, гдѣ далеко подъ кровавыми тучами чуть мелькало бѣлое видѣніе и откуда неслись жалобные, отрывистые крики.

— Соня, Соня... нагнись!... Онъ возвращается!—вдругъ лихо-

радочно воскликнулъ Степанъ, самъ быстро приникая къ тальникамъ «засѣдки».

Женщина, казалось, не слышала его, глядѣла на летящаго къ смерти лебедя и протянула къ нему руку, какъ бы желая предостеречь его...

— Вотъ видишь! Я говорилъ, что это не для тебя!—съ раздраженіемъ проговорилъ мужчина.

— Да, это не для меня... Вернемся!

— Хорошо бы мы устроились, еслибъ и я...—бормоталъ Степанъ. Пріятное ощущеніе удачи вдругъ оставило его. Онъ злобно бросилъ лебедя на дно стружка и ни словомъ не нарушилъ въ пути воцарившагося между ними молчанія.

По возвращеніи на островъ Софья немедленно забралась въ шалашъ и легла на постель. Она не отвѣтила, когда Степанъ позвалъ ее ужинать, и тотъ, обиженный, молча проползъ на свое мѣсто и попробовалъ заснуть безъ обычныхъ ласкъ и разговоровъ. И это ему не удалось, и онъ долго пролежалъ навзничь съ открытыми глазами, наблюдая заглядывающія въ шалашъ звѣзды.

Поздно ночью теплыя руки неожиданно обхватили его шею, и мокрое отъ слезъ лицо прижалось къ его груди.

— Я знаю, что иначе... невозможно, но это ужасно! Я долго не въ силахъ буду проглотить кусочка мяса!

— Это значительно сократитъ наше пребываніе здѣсь!...

Она промолчала, прижалась къ нему крѣпче всѣмъ тѣломъ, и слезы попрежнему струились у нея изъ глазъ.

По утру, когда Софья еще спала, Степанъ бросилъ въ воду уже полуочищеннаго и общипаннаго лебедя.

И они больше не упоминали о происшествіи.

Но блѣдное видѣніе окровавленной птицы осталось между ними, точно легкое, смутное облачко. Степанъ съ досадой подмѣчалъ пугливый и выжидательный взоръ Софьи, обращенный на него, когда онъ невольно слѣдилъ за полетомъ стаи утокъ или ключа гусей, проносившихся подъ сводомъ вечернихъ небесъ. Софья съ грустью замѣчала извѣстную сдержанность и принужденность въ обращеніи Степана, чего раньше не было. Въ мірѣ впечатлѣній, думъ и чувствъ, которыми раньше они дѣлились такъ беззавѣтно, уже образовалось маленькое «табу».

Случались и раньше у нихъ часы молчанія—отъ полноты чувствъ, отъ сладкаго упоенія любви... Тогда они безъ словъ понимали другъ друга и другъ другу не мѣшали.

Теперь они тяготились молчаніемъ.

Женщина съ безпокойствомъ подмѣчала новыя для ней черты въ характерѣ и внѣшности мужчины.

— Ты уже не любишь меня!... Ты чувствуешь ко мнѣ отвращеніе!... Сознайся!—прошепталъ онъ однажды съ волненіемъ, подымая голову съ груди Софьи.

— Что за нелѣпость! И откуда такое заключеніе!? Люблю тебя, какъ любила раньше и какъ вѣчно буду любить!

Она разсмѣялась и погрузила длинные пальцы въ его вьющіеся волосы.

— Не обѣщай!... Не мы управляемъ нашими чувствами, а они управляютъ нами. Я слышалъ, что иногда даже страстно влюбленныхъ женщинъ охватываетъ неодолимое отвращеніе къ ихъ мужьямъ и возлюбленнымъ... Ничто не въ состояніи воскресить разъ умершей страсти!... Твои объятія не раскрываются для меня съ прежней радостью и полнотой... Тогда ты казалась мнѣ всякій разъ цвѣткомъ, тронутымъ утреннимъ солнцемъ, развертывающимъ свой вѣнчикъ для ласкъ... Я надоѣлъ тебѣ!...

Она слушала его внимательно со строгимъ лицомъ и взглядомъ, какъ бы обращеннымъ внутрь.

— Нѣтъ!—отвѣтила она спокойно.—Такой перемѣны я не замѣчаю... Я, должно быть, просто... устала! А ты скажи мнѣ, почему ты не ставишь больше сѣтей?

— Я опасался, что...

— Вотъ видишь: ты неискрененъ со мной!—быстро вставила Софья.—Рыба совсѣмъ другое... Она такъ сильно отличается отъ насъ... Она почти какъ растеніе... Совершенно иное дѣло... птица! Я до сихъ поръ вижу глаза этого лебедя...

— Именно, именно!... Вотъ почему...

Она закрыла ему ладонью ротъ.

— Знаешь, что мы сдѣлаемъ? Не знаешь, такъ слушай... Мнѣ здѣсь скверно купаться... Берегъ илистый и черезчуръ глубоко. Ты каждое утро будешь отвозить меня на песчаную отмель, гдѣ забрасываешь сѣти, и пока ты будешь возиться съ ними, я выкупаюсь... Хорошо, а?! Такимъ образомъ ты не будешь терять времени, а я не останусь одна. Ты не повѣришь, какъ я теперь всего стала бояться! Ты не замѣтилъ, какъ близко уже къ намъ подошли люди?!

— Да вѣдь все это якуты... Я ихъ хорошо знаю, и они знаютъ меня... Ты можешь не опасатья!—добавилъ онъ немного рѣзко.

Рука Софьи, покопвшаяся въ его кудряхъ, слегка дрогнула.

— Я знаю. Но ты понимаешь, что я боюсь не лицъ, а... собы-

тій... Боюсь перемѣнъ... Мы искали здѣсь одиночества... Мы желали жить для себя... Не такъ ли?

— О, такъ! Забыться и уснуть,—вздохнулъ онъ, опять кладя голову на ея трепещущую грудь.

Она засмѣялась тихимъ, жемчужнымъ смѣхомъ.

— Поэтому-то я и боюсь всякой перемѣны!... Мы разъ, только на мгновеніе, вышли изъ привычнаго круга и уже...

— Мука у насъ кончается, и мнѣ необходимо будетъ отправится за ней.

— Тогда мы поговоримъ. А теперь... эту недѣлю, эти нѣсколько дней... Пусть, Степа, вернутся прежніе хорошіе дни!—просила она вкрадливо, ласкаясь къ нему.

Ночью прошла надъ островомъ гроза съ ливнемъ, громомъ и молніями. Вѣтеръ сорвалъ часть крыши съ шалаша, и струи холодной воды разбудили ихъ. Въ то время какъ Степанъ старался починить поврежденіе и удержать на мѣстѣ положенное сѣно при помощи цѣлой системы жердей и поленицъ, Софья собирала подмоченныя вещи и постель въ сухой уцѣлѣвшій уголъ. Кругомъ въ темнотѣ все гудѣло и клокотало. Кровавый блескъ молніи то и дѣло прорѣзывалъ небосклонъ, и видны было тогда въ небесахъ безконечные валы катящихся, мутныхъ, разорванныхъ тучъ, а внизу бѣлая, пѣнистая волнующаяся рѣка и лѣса, погнувшіеся и судорожно трепыхающіеся въ дуновеніяхъ бури. Все кругомъ сѣкли немилосердно струи дождя, съ мѣрнымъ и стальнымъ звономъ.

Несмотря на то, имъ было весело.

— Бре-кэ-кэксъ!... Воистину Потонувшій колоколъ!—смѣялся Степанъ, вползая подъ сводъ шалаша.—Согласись, русалочка, что никакой водяной не намокалъ водою въ такой мѣрѣ!

— Дѣйствительно. Да ты не садись на постель. Надѣнь раньше сухое бѣлье!

— Не поздоровится нашему сѣну... Копны вѣрно опрокинуло...

— Пожалуй, что такъ. Придется ихъ разбрасывать и сушить.

— Вѣтеръ уже ихъ поразбрасывалъ; не скатились бы только въ рѣку!

— Завтра посмотримъ!

Они долго проспали послѣ ночного приключенія. Чудесное, ведреное утро уже переходило въ знойный день, когда они вышли, наконецъ, изъ своего убѣжища.

Рѣка вся зыбилась серебряной волной. Поникшіе отъ ливня травы и цвѣты осторожно подымали къ небу обсыхающія головки. Надъ взъерошенными, какъ вымокшія вороны, копнами сѣна дрожало влаж-

ное горячее марево. На чистомъ, прозрачномъ небосклонѣ горѣло яркое солнце и стояли гряды бѣлыхъ, пушистыхъ облаковъ.

— Работы прибавилось порядочно!—замѣтилъ Степанъ, обводя сѣнокосъ глазами.—Ну, да раньше всего позавтракаемъ и выкупаемся! Хорошо?... Затѣмъ я поставлю сѣти, коль скоро барыня разрѣшаетъ!... Рыба должна сегодня попадаться!...

Софья улыбнулась и весело кивнула головой. Когда Степанъ вывезъ ее и оставилъ одну на песчаной отмели, она застыдилась и испугалась, что ей придется раздѣваться въ такомъ открытомъ мѣстѣ. Но она преодолѣла себя и, подождавши, пока Степанъ исчезъ за поворотомъ берега, быстро раздѣлась. Холодныя, прозрачныя струи роскошно обвились кругомъ ея стройныхъ ногъ и, по мѣрѣ того какъ она погружалась все глубже, ласкали ея тѣло. Когда большая, серебристая рыба мелькнула вблизи, она не могла удержать громкаго крика испуга.

— Что случилось?—спросилъ Степанъ, появляясь у воды.

— Ничего, ничего! Уходи!...

Между тѣмъ онъ и не думалъ слушаться, сѣлъ на пескѣ, обнялъ руками колѣни и глядѣлъ на нее восторженными глазами.

— Какъ ты прекрасна!... Да будетъ благословенъ міръ, природа и жизнь, создавшіе тебя! Да будутъ почтены страданіе и тоска, черезъ которыя мнѣ пришлось узнать и залучить тебя!... Благо— страхъ твоей утраты, обостряющій чувства и утончающій страсти!... Благо—самая тлѣнность существованія, создающая жадность желаній.

— Что это? Плагіатъ изъ Веды?—спросила она смѣшливо.

Но слушала она, зардѣвшаяся и счастливая, эту незатѣйливую пѣсню любви, и прежнее беззаботное настроеніе, казалось, возвращалось къ ней.

— Уходи уже, уходи!—шепнула она, наконецъ.—Холодно, хочу выйти.

Она собрала въ горсть свои разсыпавшіяся на спинѣ золотыя косы, выжала ихъ и свернула въ большой узелъ на макушкѣ. Онъ все не двигался, а когда она, не обращая уже на него вниманія, вышла на берегъ и наклонилась къ брошенной на пескѣ рубашкѣ, онъ придвинулся къ ней. Она спохватилась только тогда, когда горячая рука его коснулась ея. Она быстро уклонилась.

— Что ты?... Съ ума сошелъ?... Здѣсь?...

Она встряхнула головой, и глаза ея блеснули гнѣвно и сурово.

— Что-жъ такое? Вѣдь нѣтъ... свидѣтелей... кромѣ рѣки и неба!—попробовалъ онъ пошутить съ неловкой улыбкой.

Она торопливо надѣла платье и, не глядя на него, направилась къ лодкѣ.

Молча они переправились на ту сторону.

Молча проработали они полдня, наблюдая за собой издали украдкой.

Къ обѣду они сошлись у огня. Она тяжело опустилась на землю, а рядомъ съ ней онъ сталъ на колѣни, поцѣловалъ ея руки и положилъ ихъ себѣ на склоненную низко голову. Когда она слегка погладила ее, Степанъ поднялъ на нее молящій взглядъ. Слезы висѣли на ея рѣсницахъ.

— Ты сердишься?

Она покачала головой.

— Значитъ—миръ?

— Миръ... только... и у меня... есть... свои настроенія!

Онъ вздохнулъ.

— Знаю. Суть въ томъ, какъ угадать ихъ?

Она быстро взглянула на него и затѣмъ перевела глаза на пламя костра.

— Возможно, что способность угадывать ихъ составляетъ сущность любви,—разсуждалъ онъ вслухъ.—Тогда, дорогая, ты скоро меня бросишь, такъ какъ у меня нѣтъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго таланта... А между тѣмъ, мнѣ кажется, что я люблю тебя сильно и глубоко!...

Онъ ждалъ съ ея стороны отвѣта, протеста, но она молчала, склонивши голову, подобно надломленному бутону.

Мирскій вздохнулъ.

Пришли дни раздумья и грусти.

Супруги работали такъ же прилежно, но безъ прежней беззаботной веселости, безъ объясненій и прежнихъ любовныхъ проказъ, безъ шумныхъ, смѣшливыхъ отчетовъ о маленькихъ событіяхъ ихъ крошечнаго мірка. Тяжелое, сѣрое, непонятное имъ самимъ настроеніе, не соотвѣтствующее ничтожеству своего повода, точно траурная паутина, оплело имъ души. Тщетно они силились разорвать, разрушить его. Они даже пѣли пѣсни и улыбались теперь иначе, чѣмъ вначалѣ.

— Откуда все это? И что все это значитъ?—размышляли они т евожно, но врозь.—Неужели любовь уже отошла?

Они все подозрительнѣе и чутче слѣдили другъ за другомъ и вник ли въ суть своихъ словъ и поступковъ.

На горизонтѣ тоже ежедневно собирались сѣрыя тучи, предвѣщая п иближеніе дождливой погоды. Пока что, онѣ стояли высоко, образ я пасмурный, безобразно вздутый вѣнокъ кругомъ все еще чистаго з чта. Молодой мѣсяцъ серебрилъ ихъ сверху нѣжнымъ зеленова-

тымъ блескомъ, а снизу закатъ или разсвѣтъ обрызгивалъ ихъ причудливо алымъ заревомъ. Все крѣпче шумѣли вѣтрà въ тальникахъ, а на рѣкѣ синіе валы перекатывали все выше свои пѣны, розовыя отъ зорь. Пламя костра то подымалось высоко—яркое, золотое, то низко шипѣло у земли, точно змѣя—дымчатое, кровавое, высылая далеко на лугъ облака черной копоти, вьющіяся неуклюже среди копенъ сѣна.

Издали отъ снѣговыхъ горныхъ вершинъ несся пронзительный холодъ.

Былъ вечеръ. Соня натянула шаль на плечи и возможно близко подсѣла къ костру. Степанъ усѣлся рядомъ и длинной талиной поправлялъ разбрасываемые вѣтромъ уголья. Чайникъ качался въ дыму, шипѣлъ, пуская клубочки пара, но не закипалъ.

— Ну и сквозитъ!... Три дня подуетъ, а то и больше... Этотъ низовый никогда меньше не дуетъ. Между тѣмъ, нѣтъ муки, мѣшокъ показалъ дно. Придется съѣздить.

— Ты меня возьмешь!

— Конечно. Пусть бы только поутихло немного. Что бы ты здѣсь одна дѣлала? Мнѣ тамъ придется побыть дня два... Есть дѣла...

— Немного муки и чаю осталось у меня.

— Что это значитъ!... Скоро уловъ рыбъ прекратится. Масла у насъ нѣтъ ни крупинки... Попробую попу или князю продать наше сѣно...

— Теперь?... Задаромъ отдашь!

— Что-жъ дѣлать! Отдамъ за что придется. Нѣтъ другого исхода. А то не уберемъ и того, что накосили.

Соня взглянула съ сожалѣніемъ на ряды потемнѣвшихъ копенъ—плодъ труда ихъ солнечныхъ дней. И Степанъ взглянулъ туда же, и глаза ихъ встрѣтились на обратномъ пути.

— Вотъ видишь, Степа, нехорошо, что ты привезъ меня сюда.

— Что такъ?—спросилъ онъ тревожно.

— Да такъ!—вздохнула она.

— Неужели ты, дѣйствительно, сожалѣешь?... Неужели ты не была счастлива ни минуты, ни одного дня?

— Нѣтъ. Я была счастлива!—отвѣтила она искренне.

— Была?... Значитъ теперь...

— Послушай, дорогой! Ты самъ говорилъ, что дѣвушка должна привыкнуть къ браку... Я во всемъ подчинюсь тебѣ... Хочешь?...

— Конечно, хочу, я всегда хочу тебя!...

Она грустно разсмѣялась.

— Другая тебѣ нужна жена, чѣмъ я... Нужна тебѣ женщина сильная, здоровая, страстная...

— Не знаю. Возможно... Но случилось такъ, что полюбилъ я и люблю тебя...

— Себѣ на горе!... Я вижу, что ты страдаешь и это мучитъ меня... Хочешь, попробуемъ, какъ другіе?

— Другіе? Другіе никогда не справляются о настроеніи своихъ женъ... Самое большее—спрашиваютъ ихъ о здоровьи!

— Я согласна. Какъ хочешь!

Онъ улыбнулся.

— Пріучила ты меня уже къ другому. Кто привыкъ къ чистому и крѣпкому вину, тотъ не станетъ пить сахарной водицы.

Софья забросила ему руки на шею.

— Такъ что же, наконецъ, тебѣ нужно, противный ворчунъ?

— Я и самъ не знаю... Я тоскую и мечтаю о томъ, что создать могутъ только усилія многихъ поколѣній... Но мнѣ отъ этого сознанія не легче...

— И мнѣ не легче!... Но... дать тебѣ этого я тоже не могу. Ты это понимаешь!

Онъ обнялъ ее и сталъ вдругъ покрывать потокомъ бурныхъ поцѣлуевъ ея лицо, шею и грудь. Она поддавалась имъ безъ отвращенія, но и безъ замѣтнаго удовольствія.

— Главный мой порокъ... это... неодолимая, безусловная искренность! — шепнула она тихонько.

Степанъ выпустилъ ее изъ объятій и отвернулся съ скрытой досадой.

— Просто-напросто, ты меня не любишь!

— На другую любовь я не способна.

— Если такъ, то почему все это началось съ той несчастной охоты?

Софья промолчала смущенно.

— Сознайся, что ты уступила мнѣ изъ сожалѣнія, отчасти по добротѣ сердечной, отчасти... отъ скуки!

— Нѣтъ, этого я не понимаю! Я никогда не сошлась бы ни съ кѣмъ по какимъ-либо... побочнымъ побужденіямъ!

— Значитъ, я тебѣ понравился?

Она кивнула головой.

— Ну, да! Надо полагать, что я не былъ тебѣ противенъ... Тѣмъ не менѣе чувство не достигло, очевидно, степени настоящей любви, той любви, которая не боится смерти и страданія, которая сильнѣе разсудка, разсчета, стыда и прочихъ препятствій!... А я такъ меч-

талъ именно о такомъ чувствѣ!... Еслибъ на моемъ мѣстѣ былъ кто-нибудь другой... личность болѣе яркая, болѣе прекрасная и подходящая для тебя,—размышлялъ онъ вслухъ.

— Оставь меня!... Не мучь, нехорошій!—воскликнула Софья, падая лицомъ на землю.

IV.

Пришло ненастье. Небо плотно затянулось свинцовыми грозными тучами, изъ которыхъ вдругъ хлынули потоки воды—сначала проливные, тяжелые, затѣмъ мелкіе, разсыпчатые, моросистые. Ненастье въ видѣ холоднаго мокраго тумана неслось въ порывахъ вѣтра сплошнымъ потокомъ между рваными мокрыми тучами и темной, влажной землей.

Степанъ и Софья покинули стоянку на островѣ послѣ перваго же ливня.

Предстоялъ имъ непріятный и опасный переѣздъ. На материкѣ рѣки чуть ихъ не захлестнуло волненіе. Чтобы немножко переждать непогоду, они причалили къ берегу и, иззябшіе, промокшіе, долго блуждали по тропинкамъ среди убраныхъ уже покосовъ и пестрящихъ ихъ копенъ и кустовъ, пока, наконецъ, не попали въ маленькую юртешку, якутскій лѣтникъ, размокшій и грязный, не меньше бугровъ окружавшаго его навоза.

Въ темной внутренности юрты у краснаго огонька камина столпилось полтора десятка большихъ и малыхъ, полуголыхъ, изжелта бронзовыхъ туземцевъ.

Они немолчно галдѣли и ссорились. Въ углу за каминомъ сопѣли и стонали коровы, хлюпая ногами въ водѣ и собственномъ пометѣ. Кошки, собаки и дѣти визжали и дрались на размокшемъ, тинистомъ полу. Удушливая вонь затрудняла дыханіе.

Но у путниковъ не было выбора—ночь темная и бурная продолжала изливать на землю струи дождя.

Въ юртѣ всѣ углы были биткомъ набиты сбѣжавшимися сюда косцами. На жердяныхъ нарахъ спали рядомъ безъ разбору мужчины и женщины. Для почетныхъ гостей, «нучча», хозяева съ большими хлопотами приспособили крохотный уголочекъ. Съ трудомъ удалось Степану уговорить Соню прилечь. Онъ самъ, къ большому изумленію якутовъ, просидѣлъ всю ночь, подремывая, на низенькомъ стульчикѣ у огня.

— Боится, что ли? Насъ, якутовъ, боится?...

— Какъ бояться не станетъ?... Развѣ мы такъ уже любимъ ихъ пріѣзжихъ, что ли?!

— Э-е! Чего можетъ бояться вооруженный человѣкъ? Развѣ мы осужденные судомъ преступники?! Я думаю, что онъ такъ хозяйку свою уважаетъ... Чтобы ей попросторнѣе было... У нихъ другой оборотъ съ женщинами, чѣмъ у остальныхъ людей... У нихъ баба—господинъ!... Если что-нибудь нужно нести, то мужчина на себѣ тащитъ, а женщина рядомъ идетъ съ зонтикомъ... Я видѣлъ въ городѣ не разъ... Право!...

— Хэ-хэ!...—смѣялись якуты.

Степанъ слышалъ эти разговоры и самъ ухмылялся. Подъ конецъ онъ забылся и чуть не свалился на землю.

Такъ прошла ночь.

Софья тоже не спала. Ей не дали милліарды насѣкомыхъ. Поутру оказалось, что ко всему этому имъ угрожаетъ голодъ. У бѣдныхъ хозяевъ лѣтника ничего не оказалось, кромѣ небольшого количества пропахнувшаго навозомъ молока.

Продать его они не соглашались, но гостепріимно предложили немного путникамъ. Софья не въ силахъ была даже поднести къ губамъ грязной чашки, Степанъ преодолѣлъ отвращеніе и, поблагодаривши, пригубилъ отвратительный напитокъ.

— Пей!... Сытъ будешь!... Ждетъ тебя тяжелый путь!... Слышишь, какъ свиститъ!?—поощрялъ его хозяинъ—старикъ, темный, корявый, какъ собственная его юрта.

Какъ только вѣтеръ немного пріутихъ, путники поспѣшили къ лодочкѣ. Дождь все падалъ, и сѣрая, чуть ровняющаяся поверхность рѣки казалась оспенной отъ частыхъ ударовъ дождевыхъ капель. Полегчавшій вѣтеръ несуразно путался и вздыхалъ въ отягченныхъ влагою прибрежныхъ тальникахъ. Вверху такія же, какъ раньше, грязныя и взбаломученныя тучи неслись съ сѣвера на югъ съ прежней быстротой.

— Торопись, торопись, Соня! Это долго не продлится... Лишь бы перебраться за материкъ!... — поторапливалъ спутницу Степанъ.

Соня выбивалась изъ силъ, спѣшила, но не особенно успѣвала за нимъ въ размокшей обуви на грязной, скользкой тропинкѣ. Мок ая юбка путалась назойливо кругомъ ея ногъ.

— Да, пустыня не всегда бываетъ поэтична!

— Этотъ дождь сильно повредитъ сѣну, но для хлѣба онъ—благ[о]дать!—утѣшалъ ее Степанъ.

Вскорѣ они очутились среди несущейся стремглавъ водяной равн[и]ны чугуннаго цвѣта, плещущей подъ ливнемъ. Туманъ и подвижн[ая] сѣть ненастья скрыли отъ нихъ берега. Торопливо, точно кра-

дучись, они пробирались мрачной горизонтальной щелью межъ низко нависшими сѣдыми облаками и не менѣе сѣдою рѣкой. Степанъ поглядывалъ тревожно на небо и усиленно гребъ; Софья, надвинувши на лицо платочекъ, тоскливо всматривалась въ бѣлесый просвѣтъ въ туманахъ, куда уходилъ змѣй напруженной грязно-чешуйчатой рѣки и куда мчались они.

«А вѣдь недавно здѣсь сіяло солнце и синѣла лазурная ширь—воздуха и воды!... И опять они вернутся, засинѣютъ точь въ точь такіе же, какъ раньше... Не вернется только ничто въ жизни человѣка!»—размышляла Соня, покачиваясь ритмично вмѣстѣ съ челнокомъ. И безсознательно она тихонько запѣла тоскливую народную пѣсенку:

Охъ, въ садочкѣ листья падаютъ,
Замужъ люди меня сватаютъ!...

. . . .

Наконецъ, зачернѣли вблизи желанные берега, и челнокъ повернулъ въ узкую протоку.

— Ухъ!...—вздохнулъ облегченно Степанъ и бросилъ на минуту весло.—Пусть теперь дуетъ себѣ на здоровье... Дождь немного поразгонитъ!...

— Далеко еще?

— Нѣтъ, не особенно!... Какъ твои дѣла, дорогая?... Жива? А?

— Жива-то, жива!... Но совсѣмъ лишена возвышенныхъ стремленій... Все отдамъ за сухой и теплый уголъ!...

Онъ вздохнулъ и вытеръ вспотѣвшій лобъ. Затѣмъ онъ присталъ къ берегу, воду изъ стружка повычерпалъ, на дно положилъ свѣжихъ лиственничныхъ вѣтокъ, посадилъ на нихъ «свою бабу», одѣлъ, окуталъ ее, такъ какъ холодный вѣтеръ опять поднялся и донималъ не на шутку.

Подъ защитой высокихъ береговъ они безъ приключенія добрались до управской пристани, гдѣ чернѣла на пескѣ большая склизкая отъ дождя перевозная лодка.

Ненастье затихло. Упавшая дождевая вода съ громкимъ журчаньемъ стекала внизъ и бороздила безчисленными рытвинами размякшую землю да порывы вѣтра по временамъ сбрасывали съ облаковъ на гудѣвшіе поля и лѣса хлопья холоднаго, росистаго тумана.

Софья почти съ дѣтской радостью привѣтствовала свою дѣвичью квартиру.

— Теперь я похозяйничаю, а васъ просимъ погостить, посидѣть

и отдохнуть!—обратилась она съ дѣланной важностью къ Степану. Она ловко развела огонь и принялась варить чай да жарить оладьи.

— Чѣмъ такъ сидѣть, пойду я лучше въ управу, авось пришли газеты и письма...

— Прекрасно!... Ты иди, а тѣмъ временемъ чай поспѣетъ!

Она кружилась по юртѣ, напѣвая, довольная минутой полнаго и безбоязненнаго одиночества. Она перемѣнила бѣлье, надѣла сухое и чистое платье, чулки и туфельки. И вмѣстѣ съ ними какъ-будто вернулись къ ней прежнія привычки благовоспитанной, культурной барышни.

Горячая краска стыда и смущенія залила ей лицо, когда она вспоминала пережитое, и странный, жуткій огонь пронизалъ ея мысли и тѣло. Она сѣла, подперла голову рукой и задумчиво глядѣла въ огонь.

Она думала о многомъ, но во всемъ этомъ не было... его.

— Неужели я разлюбила его?...—спросила она себя вдругъ съ холоднымъ ужасомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... я его люблю!...

Она страшно обрадовалась, когда сердце ея опять сладко забилось на шумъ его шаговъ.

— Какъ несчастенъ онъ былъ и пристыженъ, когда я тогда оттолкнула его!

Вошелъ Степанъ съ охапкой газетъ, журналовъ и писемъ. Софья лихорадочно вскрывала конверты и пожирала глазами блѣдные листочки. Лицо ея заострилось, поблѣднѣло, ноздри раздулись, черты пріобрѣли прежнее выраженіе рѣшимости и энергіи.

— А ты, что такой печальный?

— Э-э! Пустое!... Князь сѣна не беретъ; говоритъ, что оно, пожалуй, сгніетъ еще, что лѣто будетъ дождливое, что у самого сѣна много!...

— Такъ что изъ этого?

— Да... то, что... не вернемся на островъ... Пищи у насъ не будетъ!

— Разъ будутъ лить такіе дожди, такъ понятно, что останемся.

— Гдѣ?...

Софья задумалась. Вопросъ объ огласкѣ и закрѣпленіи ихъ отношеній впервые подошелъ къ ней такъ близко. Она зардѣлась и сдвинула брови.

— Допустимъ... у меня!—сказала она тихо.

— Не позволятъ. Здѣсь мѣсто считается лучше.

— Такъ... у тебя!

Лицо у него прояснилось.

— Только... придется подать прошеніе!

Теперь она омрачилась.

— Зачѣмъ подавать?... Подождемъ, пока станутъ насъ безпокоить!

— А... если... ребенокъ?

— Пока его нѣтъ!

Онъ замолчалъ и углубился въ газеты, но вскорѣ поднялся и зашагалъ мѣрно по юртѣ. Софья быстро просматривала столбцы и страницы, сообщая вскользь прочитанныя извѣстія. Печальныя, давящія, подчасъ ужасныя, они собирались отовсюду, точно грозныя, траурныя тучи... Соня не выдержала, оживленіе ея ослабѣло, голова низко опустилась. Наконецъ, она уткнулась лицомъ въ раскрытыя газеты, и сдавленныя рыданія, «политическія рыданія», какъ нѣкогда, опять потрясли ея тѣло.

— То-то и есть!... И зачѣмъ?... Кому это нужно и кому отъ этого польза?... Имъ же!... Ты удивляешься, что я такъ хлопочу о сѣнѣ, что меня такъ печалитъ неудача?! А это—единственное средство вырваться еще на нѣкоторое время изъ круга тщетныхъ, вредныхъ и болѣзненныхъ размышленій!... Развѣ не пугаетъ тебя предстоящее ихъ возвращеніе... Они, какъ черные вороны, прилетятъ вслѣдъ за бездѣліемъ. Они обязательно придутъ, здѣсь завладѣютъ нами и раздавятъ насъ... Отравятъ жизнь, ослабятъ волю... А между тѣмъ мы должны все перенести, все стерпѣть и сохранить...

— Что сохранить?

— Себя. Развѣ это мало?

— Сохранить нашу шкуру, хочешь сказать!... Не такъ ли? Сдѣлаться живыми мертвецами, повапленными гробами?...

— Живые мертвецы могутъ возродиться, мертвые или безумные—никогда! Развѣ я совѣтую отреченіе или компромиссъ?... Соня, какъ мало ты знаешь меня!... И какъ ты можешь любить меня, если такъ думаешь обо мнѣ? Но я благоразумно стремлюсь избѣжать ненужныхъ потерь... Не хочу бередить собственныхъ ранъ... Придетъ время, и я явлюсь на зовъ судьбы свѣжій и сильный, а вы... Трудъ, какой ни на есть трудъ!... Въ немъ только спасеніе и убѣжище!

— Я не обращусь къ нимъ ни съ чѣмъ, ни съ чѣмъ!

— А я обращусь. Когда дѣло идетъ о твоемъ спокойствіи, доб-

ромъ имени, о нашемъ счастіи… я обращусь! Какое мнѣ дѣло до ихъ мнѣній?!

— Сегодня то, завтра другое… Придетъ нужда… Жена да дѣти, сахаръ да свѣчи!… Все для меня… Удобства, переводы, возвращеніе и прочее тоже для меня!

— Зачѣмъ преувеличиваешь?! Существуютъ границы, какъ есть прошенія и прошенія!…

Долго ночью они спорили на эту тему, тщетно разыскивая способъ уберечь отъ гибели и униженія свои изстрадавшіяся души.

Дождь немилосердно сѣкъ плоскую крышу и косыя стѣны ихъ маленькой избушки. Вѣтеръ хлопалъ размокшимъ пузыремъ въ окошкѣ; сквозь широкое отверстіе камина врывались его порывы и выбрасывали далеко за шестокъ искры и дымъ догоравшаго огня.

Разстались они примиренные, но постель постлала она ему на этотъ разъ отдѣльно.

V.

Когда черезъ нѣсколько дней, послѣ тщетныхъ поисковъ купца на свое сѣно, Степанъ вновь заговорилъ съ Соней о ихъ будущемъ сожительствѣ, она съ живостью отвѣтила ему:

— Нѣтъ, Степа: мы не подадимъ прошенія! И знаешь, даже не измѣнимъ ничего въ нашей теперешной жизни… Пусть наша любовь останется возможно долго нашей исключительной тайной, согласно съ тѣмъ будущимъ идеаломъ, о которомъ ты говорилъ… Никакихъ узъ, никакихъ публичныхъ обѣтовъ!… Ничего, кромѣ желанія нашихъ собственныхъ сердецъ! Хорошо, а? Ты будешь посѣщать меня какъ раньше… Или я наймусь у тебя жать, полоть, копать въ огородѣ… Хорошо? Вѣдь ходятъ же на заработки крестьянки?

— Это другое дѣло. А про тебя станутъ сейчасъ болтать… Навѣрно болтаютъ уже и теперь!

— Все равно. Пусть болтаютъ. Пересудовъ не избѣжимъ, даже еслибъ между нами ничего не было… Вѣдь болтали съ самаго начала. Но это совсѣмъ не то, что торжественная огласка нашихъ отношеній. Не находишь ли ты грубыми всѣ эти свадьбы, сватовства, жениханія?… Остатки варварскихъ временъ, сложившіеся въ періодъ захвата и порабощенія женщины. Тогда община, родъ, семья считали себя въ правѣ вмѣшиваться во все… Тогда самыя тайныя и интимныя отношенія считались публичнымъ достояніемъ! Возьмемъ хотя бы недавніе еще на свадьбахъ проводы молодыхъ въ опочивальню… Я бы сгорѣла отъ стыда и не въ силахъ была бы

отвѣтить поцѣлуемъ на поцѣлуй, еслибъ знала, что тутъ же за стѣной сидитъ орава женщинъ и мужчинъ, разгоряченныхъ ѣдой и напитками... Или на слѣдующій день... торжественный выходъ! Не то же ли всѣ эти послѣсвадебные визиты? Отвращеніе, досаду и страхъ все это возбуждаетъ во мнѣ, и я никогда не подчинилась бы имъ... Все мое тѣло какъ-то съеживается при мысли объ этихъ испытаніяхъ, объ этихъ взглядахъ, словечкахъ, улыбочкахъ, шуточкахъ... И я понимаю въ нѣкоторыхъ случаяхъ уходъ въ монастырь... А вѣдь ты знаешь, что я не такая ужъ недотрога!... Вѣдь не стыжусь же я тебя, дорогой!... Если мы безъ разрѣшенія поселимся вмѣстѣ, конечно, сейчасъ начнутся недоразумѣнія съ полиціей. Такъ лучше пусть останется какъ было... Согласись, милый, не ворчи!...

Она по своему обыкновенію забросила ему руки на шею и, прижавшись лицомъ къ его лицу, шептала тише вѣтерка:

— Никто посторонній, никто третій пусть не вмѣшивается межъ насъ, какъ ты говорилъ тогда! Хорошо?!

— А ребенокъ?... Если онъ явится?...

— Когда явится, тогда посмотримъ... Возможно, что мы принесемъ ему въ жертву нашу свободу, но теперь его нѣтъ?—Зачѣмъ опережать событія!...—повторила она.

Степанъ вынужденъ былъ согласиться и въ тотъ же день отправился къ себѣ въ усадьбу.

Явился онъ туда какъ разъ во-время. Картошка уже цвѣла, и необходимо было окопать ее вторично. Вѣтеръ кой-гдѣ расшаталъ изгороди, и сосѣдскій скотъ могъ легко проникнуть на поля и причинить большіе убытки. Наконецъ, ёврашки произвели формальный набѣгъ на его хлѣба и прочно основались на нихъ. Степанъ съ ужасомъ замѣтилъ множество великолѣпныхъ норъ съ двойными и тройными ходами, съ горами желтаго песку надъ ними,—точь въ точь крѣпостные валы. Желтые ихъ хозяева воинственно становились на этихъ укрѣпленіяхъ на заднія лапки и при приближеніи Степана грозно посвистывали на него... Очевидно, они считали себя господами захваченнаго въ силу давности. Тамъ, гдѣ зерно затвердѣло, Степанъ замѣтилъ уже маленькія зловѣщія плѣши среди хлѣбовъ, пригнутыхъ къ землѣ и обобранныхъ съ колосьевъ. Всему посѣву грозила серьезная опасность.

Степанъ громко выругался и отправился къ сосѣду якуту, который обязался въ его отсутствіе досматривать поля. Якутъ отнесся довольно философски къ упрекамъ Степана.

— Ихъ такъ много, что всѣхъ не прогонишь!

— Но вѣдь ты взялъ полкирпича чаю?!

— Взялъ!... Такъ что же?... Зачѣмъ не взять?

— Ты подрядился забивать норы...

— Что толку! Забью одну, такъ она сейчасъ же выкопаетъ другую...

— И эту другую ты долженъ былъ забить... И слѣдующую... Каждые два дня ты обѣщался ходить осматривать поля... А ты, я вижу, ни разу не былъ...

— А вотъ неправду ты сказалъ... Я былъ, ей-Богу былъ...

Якутъ качалъ неодобрительно головой.

— И богатырь раньше усталъ бы, чѣмъ они. Они копаютъ лапками очень быстро. Впрочемъ, такого уговору не было, чтобы одну нору по три раза забивать... Ты сказалъ просто: забивай норы!... А какую и сколько разъ, этого ты не говорилъ...

Степанъ махнулъ съ досадой рукою.

— Ладно. Пойдемъ теперь!

— Теперь дождь...

— Что изъ этого? Я иду...

— Ты идешь на свое, а я на чужое!... Нѣтъ такого закона, чтобы работать въ дождь на чужомъ...

Съ трудомъ удалось Степану уговорить якута помочь ему за особую надбавочную плату.

На вѣтрѣ и дождѣ они проработали до поздней ночи. Необходимо было разыскать и забить норы не только на краю полей, но и осмотрѣть самые посѣвы, не основали ли тамъ хитрые звѣрки свои опасные магазины. Якута онъ пустить туда не рѣшался, такъ какъ тотъ навѣрно навралъ бы ему безсовѣстно. Пришлось ходить самому по поясъ среди мокрыхъ, густыхъ хлѣбовъ. Послѣ того Степанъ вернулся въ избу такой усталый, что оставилъ намѣреніе сходить къ Сонѣ.

На слѣдующій день повторилось то же самое. Съ ранняго утра уже безъ якута осматривалъ Степанъ свои поля. Холодный вѣтеръ несъ облака пронизывающей насквозь ненастной пыли. Перепадывалъ временами дождь. Ноги работающаго мокли въ травахъ и хлѣбахъ, напитанныхъ водою не хуже водорослей. Затѣмъ ему пришлось отправиться въ не менѣе мокрый лѣсъ за жердями и кольями для изгороди, требовавшей неотлагательной починки. Наступила темная, холодная, вѣтреная и ненастная ночь, а Степанъ все еще толокся въ полѣ.

— Эхъ! Къ чорту всѣ эти обычаи будущаго!... Совсѣмъ она меня не поняла. Вѣдь я говорилъ, помню, о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда хозяйственныя условія измѣнятся, когда матеріальныя препятствія исчезнутъ... Люди будутъ свободны и обезпечены... А такъ,

что?!... Нѣтъ ея, и когда увижу ее, неизвѣстно. Всѣ обычаи данной эпохи связаны между собою ея необходимой и желѣзной логичностью...— размышлялъ онъ вечеромъ у камина, просушивая мокрую одежду.

— Не любитъ меня и все тутъ!... Развѣ такъ было бы, еслибъ она была теперь здѣсь...

Сердце его сжалось, и онъ съ болью вспоминалъ все прочитанное о той «настоящей» любви, не знающей боязни и препятствій...

— Не любитъ!... Я воспользовался моментомъ ея слабости, одиночества, скуки... Проще говоря,—соблазнилъ ее... Она сама того не знаетъ, и ей кажется, что она любитъ меня... Она очевидно не ощущаетъ того неугасимаго пожара, который горитъ во мнѣ. Ей незнакомы то безпокойство и тоска, которыя мучатъ меня въ ея отсутствіе? Не любитъ и все тутъ!... Такъ ли было бы, еслибъ любила?!...

Полный самыхъ скверныхъ предчувствій и предположеній, онъ сидѣлъ на низенькомъ стульчикѣ у огня и вслушивался въ стукъ дождя о крышу и косыя стѣны юрты. Въ крохотное окошечко глядѣла непроглядная тьма.

— Дождитъ!... Конца не видно!... Совсѣмъ лягутъ хлѣба, сѣно сгніетъ... Завтра опять сходить не удастся!... Можетъ быть, и лучше... Пусть потоскуетъ немного... Чего добраго она и рада, что меня нѣтъ... Отдыхаетъ... Размышляетъ... Можетъ быть, поняла, что ошиблась...

Горечь, тоска и страхъ охватили его съ новой силой. Онъ вскочилъ и зашагалъ по юртѣ.

— Что тогда?... Что сдѣлаю я?!

Онъ опять сѣлъ и задумчиво повѣсилъ голову.

Вдругъ кто-то слегка постучалъ въ двери. Взволнованный Степанъ вскочилъ, но раньше, чѣмъ успѣлъ спросить, двери тихо открылись, и вошелъ гость въ длинномъ, черномъ, непромокаемомъ плащѣ. Въ рамкѣ остроконечнаго капора блеснуло свѣтлое, дорогое лицо.

— Ты... ты?!... Пришла?... Одна?... Какъ же это?—повторялъ онъ несвязно.

— Соскучилась. Ты не шелъ. Вѣстей никакихъ!

Онъ между тѣмъ-то бурно цѣловалъ ей руки, губы, мокрое лицо, волосы, стаскивалъ плащъ, промоченные башмаки, цѣловалъ ей ноги.

— Скажи: какъ это случилось!?... Тьма, слякоть!...

— Да, боялась я таки изрядно. Вѣтеръ по лѣсу лопочетъ... Темно, хоть глазъ выколи!... Все мнѣ казалось, что кто-то таится въ кустахъ... Боялась, что дорогу спутала, боялась, что попаду въ трясину... Всего боялась... Зато теперь ничего не боюсь... Должно

быть, надбавила много пути, такъ какъ вышла въ сумерки, лишь только убѣдилась, что не придешь...

— Не дѣлай этого... Я не хочу, слышишь!... А что, еслибъ я отправился къ тебѣ и мы разошлись бы... Или бы ты дѣйствительно сбилась съ пути, попала въ трясину, или заблудилась въ лѣсу... Ты не знаешь, что тебѣ угрожало... Ты могла повстрѣчаться съ бродягами. Разъ я не пришелъ, значитъ, не могу... Вообрази себѣ: Баксанъ совсѣмъ не преслѣдовалъ еврашекъ, не забивалъ норъ...

Онъ повѣдалъ ей подробно о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ. Чайникъ весело кипѣлъ на угляхъ, рядомъ пеклась свѣжая лепешка, распространяя пріятный запахъ. Молодые люди непринужденно болтали; слегка спорили и шутили, разсказывали другъ другу забавныя происшествія своей коротенькой разлуки. Но все, что дѣлали и говорили они, было пронизано трепетомъ страсти, ожиданіемъ счастія, украшено взглядами, очаровательными улыбками, неожиданными встрѣчами рукъ,—легкими, капризными, возбуждающими, какъ прикосновенія цвѣтовъ и листьевъ, охваченныхъ тѣмъ же порывомъ горячаго вѣтра.

Наконецъ, огонь догорѣлъ, красный отблескъ потухающихъ углей долго освѣщалъ мутнымъ заревомъ опустѣвшую середку юрты; плескъ дождя и вой вѣтра врывался явственнѣе въ ея затихшую внутренность.

VI.

Опять долгій рядъ дней Соня прожила у него.

Она или помогала ему работать въ полѣ, или, если дождь особенно донималъ, приготовляла дома пищу, чинила одежду, чистила и убирала посуду. Онъ продолжалъ воевать съ еврашками да съ заборами. Наконецъ, немного прояснилось, и блѣдное солнце выглянуло изъ-за тучъ. Софья немедленно собралась въ путь и даже не позволила ему проводить себя.

— И у меня есть свои маленькія хозяйственныя дѣла... Я должна вернуться, но я не хочу, чтобы отъ этого пострадали твои занятія!...

— Вотъ видишь, насколько лучше все упростилось бы, насколько меньшились бы трудъ и издержки, еслибъ мы поселились вмѣстѣ...

— Да, да: согласно высочайшему повелѣнію политической экомін!...

— Да нѣтъ же!... Мнѣ жалко каждой минуты, прожитой безъ бя!... Развѣ тебѣ не жалко?!

— Да, мнѣ жалко... Но еще болѣе мнѣ жалко... перестать ковать!

Онъ шелъ рядомъ съ ней и доказывалъ чрезвычайно послѣдовательно и логично, что раньше или позже имъ придется зажить вмѣстѣ, что тысячи причинъ и обстоятельствъ толкаютъ ихъ неизбѣжно къ этому.

— Какъ это ни непріятно, но экономическая подкладка лежитъ въ основѣ всякаго, даже самаго тонкаго, духовнаго явленія... Развѣ мыслимо, напримѣръ, полное сліяніе мужчины и женщины, если у нихъ есть свои особыя дѣла, особыя хозяйства? Между тѣмъ цѣльная личность,—вполнѣ законченный, самодовлѣющій духовный и физическій міръ—это двое, это пара!... Самый сильный мужчина, самая оригинальная и самостоятельная женщина—только дроби какого-то цѣлаго... Отсюда горечь и неудовлетворенность холостой жизни... Твоя, Соня, теорія хороша въ рамкѣ всеобщей гармоніи, солидарности и благоденствія. Послѣ освобожденія отъ матеріальныхъ узъ... Я думалъ объ этомъ!... Теперь она немыслима...

— Какъ жаль!—вздохнула она.

— Какъ ни несовершенна современная семья, но она даетъ громадное сбереженіе труда и энергіи... въ борьбѣ за существованіе и воспитаніе потомства.

— Точно такъ же Аристотель оправдывалъ въ древности рабство...

— Да, но тутъ все смягчаетъ любовь!...

Она опять вздохнула тихо и сдержанно, но онъ этого не замѣтилъ.

— Наконецъ—безопасность! Безпокойство ни на минуту не покидаетъ меня, когда я не знаю, что съ тобою и гдѣ ты... Мнѣ мерещатся самыя ужасныя вещи... Я вижу поселенцевъ или воровъ, пробирающихся къ тебѣ ночью...

— Это можетъ случиться и при тебѣ.

— Ну, не совсѣмъ!

— Какъ? А ты забылъ несчастныхъ Дуткевичей?! Впрочемъ, у меня есть защитникъ!...—она показала ему маленькій револьверъ.

— Откуда онъ у тебя?

— Мнѣ...—Отъ Зеровича.

— Развѣ онъ былъ?

— Да, былъ.

— Что же ты не сказала?

— Нечего было разсказывать. Былъ, взялъ газеты и ушелъ.

— И... оставилъ револьверъ...

— И... оставилъ револьверъ!...

— А еслибъ я попросилъ тебя вернуть ему его...

— То я не послушалась бы... Зеровичъ хорошій товарищъ, другъ

мой, и у меня нѣтъ повода оскорблять его... А револьверъ мнѣ нуженъ...

Они остановились. Совсѣмъ близко виднѣлась управская церковь. Степанъ жалостливо взглянулъ на Соню, но та разсмѣялась и, протягивая ему для поцѣлуя свои губы, шепнула съ изящной мольбой:

— Будь благоразуменъ и благороденъ и дозволь мнѣ возможно долго быть твоей... возлюбленной. Все, что ты сказалъ, вѣрно и раньше или позже исполнится... но теперь, теперь я хочу, чтобъ ты любилъ меня безъ... экономическихъ и соціологическихъ добавленій... Понялъ... До свиданія, до скораго свиданія, дорогой!

Онъ тоже разсмѣялся, крѣпко обнялъ ее и долго стоялъ на томъ же мѣстѣ, дожидаясь, не обернется ли она. Она дѣйствительно обернулась у самой рощи, послала ему воздушный поцѣлуй и исчезла за поворотомъ тропинки.

Степанъ взглянулъ на кровавую полосу заката, прорѣзавшую надъ горизонтомъ свинцовыя тучи, на отяжелѣвшую отъ дождей тайгу, вспыхнувшую вдругъ огненнымъ блескомъ, на сверкавшія вдали мѣдно-красныя озера,—на кочковатыя болота, на стаю утокъ, прошумѣвшую надъ нимъ и упавшую въ темные камыши,—поправилъ нерѣшительно ружье на плечѣ и побрелъ въ ту же сторону...

Вацлавъ Сѣрошевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

РАЗСКАЗЫ.

Люсьенъ Декава.

(Съ французскаго).

Хозяева.

I.

Зели едва исполнилось десять лѣтъ, когда у нея въ первый разъ въ жизни появился хозяинъ—отецъ.

Онъ работалъ на аспидныхъ ломкахъ, расположенныхъ вблизи пригорода, и желалъ, чтобы потеря жены не внесла никакихъ перемѣнъ въ его привычки.

Это былъ эгоистичный и грубый хозяинъ, но особенной злобой онъ не отличался. Если супъ бывалъ готовъ къ его приходу, то онъ больше ничего не требовалъ и даже пошучивалъ иногда. Колотилъ онъ Зели только по воскресеньямъ, возвратившись изъ кабака. Но по воскресеньямъ онъ колотилъ ее непремѣнно. Для нея вопросъ заключался только въ томъ, въ какое именно время начнетъ онъ ее бить. Иногда это происходило утромъ, а иногда вечеромъ; лишь изрѣдка—послѣ обѣда.

Зели смирилась, вспоминая о матери, которую отецъ также колотилъ и которая также смирилась. Она не дрожитъ подъ ударами. Она боится только приставать къ отцу съ просьбами, чтобы вытянуть у него нѣсколько франковъ, необходимыхъ для ихъ пропитанія.

«Куда она дѣваетъ деньги? Она, кажется, думаетъ, что стоитъ только попросить, чтобы деньги сами свалились съ неба? Она больше не получитъ ни копейки!»—слышитъ она въ отвѣтъ.

И Зели находитъ утѣшеніе въ воспоминаніи о матери, которая также выслушивала подобные отвѣты и также боялась ихъ.

— Обойдись...

И она обходится.

Когда ея отецъ женится, это причиняетъ ей большое горе. Новая жена не допускаетъ, чтобы въ домѣ были лишніе рты. Пятнадцатилѣтняя Зели должна покинуть родительскій домъ и сама зарабатывать свой хлѣбъ. Для нея пріискиваютъ у богатаго сосѣдняго фермера мѣсто.

И въ одно прекрасное утро она покидаетъ мѣста, гдѣ протекло ея дѣтство. Отецъ ея уже ушелъ на работу, мачиха—въ полѣ. Она оборачивается. Надъ крышей вьется легкій дымокъ, какъ будто посылая ей вслѣдъ грустный прощальный привѣтъ. Зели уходитъ съ сердцемъ, исполненнымъ печали, жалѣя объ отцѣ.

II.

Ея второй хозяинъ—коренастый сангвиникъ лѣтъ пятидесяти. У него было шестеро дѣтей отъ жены, молодой еще женщины, которая не можетъ оправиться послѣ послѣднихъ тяжелыхъ родовъ. Она всегда хвораетъ и часто не покидаетъ постели; кажется, что въ ней не осталось ни одной капли крови.

Зели няньчитъ дѣтей. Старшему восемь лѣтъ, самому младшему восемь мѣсяцевъ. Ея служба хлопотлива, но легка. Отца по цѣлымъ днямъ не бываетъ дома, возвращается онъ только къ ночи. Мать говоритъ только глазами, еле слышными вздохами, движеніями пальцевъ. Зели приходится имѣть дѣло какъ будто съ глухонѣмой.

Но здоровье фермера и его дѣтей переполняетъ и оживляетъ весь домъ. Иногда рука больной приподнимается и снова безсильно падаетъ на простыни, напоминая собой крыло заброшенной среди деревни мельницы, крыло, на движенія котораго уже никто больше не обращаетъ вниманія.

Бѣдная женщина умираетъ вмѣстѣ съ осенью; ее хоронятъ вмѣстѣ съ листьями. Зели продолжаетъ няньчить дѣтей, выбиваясь изъ силъ, чтобы хозяинъ былъ доволенъ ею и не разсчиталъ ея подъ предлогомъ, что служба превышаетъ ея силы и она слишкомъ молода для нея.

Вскорѣ она убѣждается, что можетъ быть покойна на этотъ счетъ. За столомъ фермеръ слѣдитъ за нею взглядомъ, полнымъ снисходительнаго любопытства. Онъ никогда не дѣлаетъ ей выговоровъ и, если онъ хорошо пообѣдалъ, то удостоиваетъ даже потрепать ее по щекѣ. Впрочемъ, дома онъ бываетъ только въ часы ѣды. Онъ живетъ внѣ дома и тамъ растрачиваетъ тотъ избытокъ энергіи, о которомъ говорятъ цвѣтъ его лица, бычья шея и маленькіе, живые глазки, глядящіе съ непріятной настойчивостью.

Однажды ночью Зели просыпается отъ того, что на нее наваливается грузное тѣло мужчины. Рука его, зажавшая ей ротъ, заглушаетъ только крикъ боли. Она неспособна была бы издать крикъ, выражающій возмущеніе, такъ какъ узнаетъ хозяина, отъ котораго зависитъ ея судьба. Онъ приказываетъ, она повинуется. Она засыпаетъ позже и болѣе усталой, чѣмъ обыкновенно; вотъ и все. Ея рабочій день сталъ часомъ длиннѣе, но зато фермеръ увеличиваетъ ея заработную плату на сто су въ мѣсяцъ; онъ—справедливый хозяинъ.

Когда онъ замѣчаетъ, что она беременна, у него не является никакихъ колебаній или сомнѣній. Онъ завладѣлъ своею служанкой у колыбели, гдѣ спалъ самый младшій изъ дѣтей; но несмотря на это, онъ ей заявляетъ: «Ты понимаешь, что твое присутствіе теперь среди моихъ дѣтей становится невозможнымъ. Ты должна уйти. Мнѣ это очень непріятно, но ты благоразумная дѣвушка; ты сумѣешь подчиниться необходимости. Не вздумай вернуться къ своимъ; лучше будетъ, если они не узнаютъ о твоемъ паденіи; таково мое мнѣніе. Я тебѣ совѣтую лучше отправиться въ Парижъ. Смѣлая женщина всегда сумѣетъ тамъ пробить себѣ дорогу. Не думай, что я ничего не хочу сдѣлать для тебя. Вотъ сто франковъ, и я возьму тебѣ желѣзнодорожный билетъ».

Онъ самъ провожаетъ ее на вокзалъ. Она сидитъ на своемъ сундучкѣ въ глубинѣ повозки. И когда дѣти фермера кричатъ ей вслѣдъ съ порога дома: «до свиданія, Зели!»—ея глаза наполняются слезами; она оплакиваетъ свое первое материнство, оплакиваетъ все и даже хозяина, сидящаго впереди нея и погоняющаго лошадь щелканьемъ бича и языка, чтобы «не опоздать къ единственному поѣзду, въ которомъ есть третій классъ».

III.

Хозяева... Развѣ она можетъ запомнить, сколько ихъ перебывало у нея съ того дня, какъ она вышла изъ больницы, держа на рукахъ крошечнаго сына и не имѣя ни средствъ, ни пристанища?

Чтобы воспитать ребенка, заплатить за его содержаніе, она переносила всевозможныя обиды, несла каторжный трудъ, претерпѣва[ла] всяческія униженія. У нея въ теченіе двадцати лѣтъ не было ни м[и]нуты отдыха; она поступала на самыя сомнительныя мѣста, въ по[тѣ] лица своего ѣла свой хлѣбъ, поблѣднѣла и посѣдѣла отъ одино[че]ства и людской неблагодарности. Она узнала все безобразіе чело[вѣ]ческой души, она все узнала и все простила. Она не злопамят[на]. Она забывала обо всемъ дурномъ, когда сталкивалась съ добро[мъ].

Одинъ хорошій и человѣчный хозяинъ изглаживалъ изъ ея памяти воспоминаніе о десяти злыхъ и жестокихъ, а надежды, которыя она возлагала на своего дорогого сына, поддерживали ея энергію, какъ поддерживаетъ растеніе живительная влага.

Этотъ сынъ подрасталъ. Послѣ окончанія школы онъ поступилъ въ мастерскую. Онъ выйдетъ оттуда хорошимъ ремесленникомъ.

Эта увѣренность вызываетъ иногда на уста матери и служанки, у которыхъ однѣ и тѣ же заботы, трогательныя по своей наивности слова: «Я тогда смогу хворать!»

Для бѣдняковъ даже отдыхъ среди страданій кажется радостью.

Но вотъ сыну Зели восемнадцать лѣтъ, и изъ всѣхъ бывшихъ у нея хозяевъ онъ оказывается самымъ требовательнымъ. Онъ требуетъ, чтобы она по его усмотрѣнію поступала на мѣста и покидала ихъ, онъ вѣчно осаждаетъ ее просьбами дать ему денегъ, и она истратила уже на него всѣ свои жалкія сбереженія.

Но несмотря на то, что этотъ мальчишка, который могъ бы скрасить ея тяжелую жизнь, высосалъ изъ нея всѣ соки, она сохранила къ нему въ своей душѣ слѣпую и нѣжную привязанность. И когда ножъ какого-то товарища по кутежу поражаетъ его въ убогой каморкѣ Менильмонтана, эта любовь, полная прощенія и сожалѣнія, цвѣтетъ еще и надъ его могилой.

IV.

Когда Зели, оставшись одинокой, поступаетъ экономкой къ своевольной и сумасшедшей старой дѣвѣ, разбитой параличомъ, то это является для нея счастьемъ.

Гдѣ могла бы она найти болѣе подходящее мѣсто, чтобы лѣчить свои раны и отдохнуть, чѣмъ эта молчаливая квартира, гдѣ однообразно текутъ дни, гдѣ часы, отмѣчая убѣгающее время, кажутся источникомъ его, скрытымъ среди искусственной зелени, сдѣланной изъ зеленой шерсти? Это безпрерывное тикъ-такъ успокаиваетъ больное сердце Зели. Она благодаритъ судьбу, что среди жизненныхъ невзгодъ дотащилась до этой тихой пристани. Всю свою любовь и преданность она переноситъ на свою хозяйку, старую дѣву. Чтобы пополнить коллекцію перенесенныхъ ею страданій, недоставало еще преслѣдованій больной, ея постояннаго ворчанья, ея вздорной тираніи. Кажется, что немощное тѣло хочетъ отомстить за свою безпомощность, присвоивъ себѣ исключительное право на пользованіе силами и временемъ здоровыхъ людей.

Зели переноситъ съ терпѣніемъ также и это испытаніе, и когда,

процарствовавши надъ нею десять лѣтъ, разбитая параличомъ больная умираетъ и оставляетъ ей пожизненную ренту въ тысячу двѣсти франковъ, богатство и свободу,—для нея это сперва кажется лишней заботой, а не облегченіемъ. Она жаждетъ подчиненія, ей необходима зависимость отъ кого-либо или чего-либо.

Передъ нею открытыя двери церкви, она входитъ туда, она спасена.

Тамъ она снова находитъ хозяина, Божественнаго Учителя, послѣднее прибѣжище для тѣхъ, кто боленъ неизлѣчимымъ стремленіемъ къ подчиненію. Она можетъ быть увѣрена, что ярмо, наложенное Имъ, она будетъ нести вѣчно, и за это она Его обожаетъ. И какъ знать? Быть можетъ, она обожала бы Его еще больше, если бы, обѣщая послѣ этой жизни другую, Онъ далъ ей увѣренность, что вторая жизнь во всемъ будетъ похожа на первую.

Выходной день.

Соблазненная однажды послѣ танцевъ своимъ кавалеромъ, Флорентина, какъ множество другихъ дѣвушекъ, отправилась въ Парижъ, чтобы тамъ скрыть живое доказательство своего паденія. Она произвела на свѣтъ ребенка въ родильномъ домѣ. Когда она вышла оттуда, ея рѣшеніе было принято.

Нечего было и думать о томъ, чтобы вернуться съ ребенкомъ на родину. Женщина, на которой былъ вторымъ бракомъ женатъ ея отецъ, успѣла погасить въ немъ всякое желаніе быть опорой и защитникомъ дочери, а что касается соблазнителя, то онъ исчезъ, чтобы вѣрнѣе избѣжать отвѣтственности за свой поступокъ. Вражда съ одной стороны, и забвеніе—съ другой.

Къ довершенію несчастія она не могла разсчитывать на мѣсто кормилицы, гдѣ немедленно могла бы получать хорошее жалованье, такъ какъ у нея не было молока. Изъ-за всего этого она чувствовала себя такой слабой, несчастной, безсильной и больной, что ей казалось, будто дѣвочка, которой она дала жизнь, уже сирота. Не безразлично ли поэтому, придется ли ей очутиться на попеченіи общества немного раньше или позже! Первый долгъ всякой матери, лишенной возможности прокормить своего ребенка,—найти для него убѣжище и пріютъ, пользуясь при этомъ всѣми способами, которые великодушно, подъ видомъ благотворительности, предоставляетъ общество своимъ жертвамъ.

Возмущенное чувство, правда, подсказывало еще другое рѣшені

вопроса: Сена или жаровня для нихъ обѣихъ въ какихъ-нибудь меблированныхъ комнатахъ.

И эта мысль приходила въ голову Флорентинѣ, когда она совершала короткій путь изъ улицы Здравія въ улицу Данферъ-Рошеро. Но потому ли, что вообще старались предупредить подобныя рѣшенія, продиктованныя отчаяніемъ, или потому, что за нею былъ установленъ особенно бдительный надзоръ, но ее покинули лишь послѣ того, какъ она покончила съ короткими формальностями по сдачѣ ребенка и очутилась на тротуарѣ одна съ пустыми руками и залитымъ слезами лицомъ.

Мимо проходилъ трамвай, и у нея явилось желаніе броситься подъ него. Что помѣшало ей? Быть можетъ, прохожій, вѣжливо попросившій извиненія за то, что онъ нечаянно толкнулъ ее. Вѣдь часто такъ ничтожны и полны тайны бываютъ препятствія, мѣшающія выполненію нашей воли! Кромѣ того она, вспомнила послѣдніе отвѣты чиновника на ея настойчивые вопросы:

— Значитъ, когда я поправлюсь и буду въ состояніи взять ее обратно, мнѣ ее навѣрно отдадутъ?

— Несомнѣнно.

— А за нею будутъ хорошо ходить? Куда пошлютъ ее на воспитаніе?

— Объ этомъ я ничего не знаю, но если бы я даже зналъ,—мнѣ запрещено сообщать вамъ объ этомъ.

— Но я, по крайней мѣрѣ, могу освѣдомляться о ней...

— Да, черезъ каждые три мѣсяца, улица Викторіи. Чтобы получить о ней свѣдѣнія, вамъ стоитъ только предъявить вотъ это...

И онъ всунулъ ей въ руку маленькую бумажку, похожую на номеръ омнибуса.

О! она никогда не забудетъ своего перваго посѣщенія этой справочной конторы!

Передъ ней у окошечка стояли три женщины въ узкомъ пространствѣ, отгороженномъ рѣшеткой, какая въ театрахъ сдерживаетъ длинный хвостъ публики. Но ждать ей пришлось недолго.

Чиновникъ бралъ номеръ, перелистывалъ списокъ, лежавшій у него передъ глазами, и отпускалъ несчастныхъ, произнося только одно слово: «живъ».

Онѣ довольствовались этимъ, благодарили и уходили, подобно нищимъ, которымъ въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ не принято давать больше, выбрасываютъ копейку.

Передъ Флорентиной оставалась только нѣкая милая дѣвица, простоволосая, покрытая лохмотьями, съ какой-то рванью, вмѣсто обу-

ви, на ногахъ. Она робко протянула свой билетъ, и ея взоръ униженно слѣдилъ за движеніями чиновника; она вмѣстѣ съ нимъ поворачивала страницы, старалась ихъ прочесть со своего мѣста, продѣлывая все это съ трогательнымъ и совершенно безплоднымъ усердіемъ.

Наконецъ, онъ поднялъ голову и сказалъ только: «умеръ».

Она замерла отъ неожиданности, оглушенная этимъ словомъ, какъ бы въ ожиданіи чего-то—но чего? Что чиновникъ ошибся? Что ей сообщатъ подробности? Хотя бы названіе болѣзни, отъ которой умеръ ея ребенокъ? Мѣсто, гдѣ онъ похороненъ? Или, быть можетъ, она ждала хоть одного слова самаго банальнаго участія...

Но чиновникъ ограничился только сочувственнымъ жестомъ, какъ будто долгая привычка къ подобнымъ сценамъ внушила ему не быть слишкомъ расточительнымъ въ выраженіи своего участія, и бѣдная женщина, это вьючное животное, привыкшее таскать на себѣ всевозможныя тяжести, унесла съ собой, рыдая, еще и эту тяжелую ношу...

Очередь была за Флорентиной. Она питала смутную надежду, что для перваго раза отвѣтъ не будетъ такъ лаконичецъ. Но, словно автоматъ, въ распоряженіи котораго имѣются только два слова: «живъ» и «умеръ», исполнительный чиновникъ произнесъ первое изъ нихъ и замолчалъ.

Флорентина настаивала:

— Вы увѣрены, что она не больна?

Молчаніе.

— Въ такомъ случаѣ, скажите мнѣ, куда слѣдуетъ написать, чтобы узнать объ этомъ... Мнѣ все равно; я могу обратиться прямо къ кормилицѣ...

Онъ понялъ, что имѣетъ дѣло съ неопытной дебютанткой, и отвѣтилъ, наконецъ, чтобы объяснить ей положеніе вещей и отвязаться отъ нея:

— Намъ запрещено входить въ объясненія. Это повело бы къ чрезмѣрнымъ требованіямъ и злоупотребленіямъ. Мы имѣемъ право сообщать матери только, живъ или нѣтъ ея ребенокъ. Вашъ живъ. Развѣ это не главное?

Уходя, она подумала:

«Однако, возможны вѣдь ошибки въ ихъ отчетности, какъ бы аккуратно ни велась она».

И она мысленно представляла себѣ слѣдующее: умеръ ея ребенокъ, а ребенокъ той женщины живъ... Она ушла, рыдая отъ того, что ей сказали, что ея ребенокъ живъ, какъ рыдала женщина, которой сказали, что ея дитя умерло.

Она стала приходить въ эту контору черезъ трехмѣсячные промежутки въ первыхъ числахъ мѣсяца. Какъ билось у нея сердце, когда она приближалась къ знакомой рѣшеткѣ, показывала свой билетъ и искала отвѣта на свой нѣмой вопросъ на непроницаемомъ лицѣ чиновника, какъ будто на этой холодной маскѣ можно было прочесть желанное слово, прежде чѣмъ его произнесли уста!

«Живъ!» Теперь она уже больше ничего не спрашивала и уходила съ сердцемъ, исполненнымъ рабской благодарности. Чиновникъ совершенно не нуждался въ ней, а такъ какъ она не могла поблагодарить тѣхъ людей, которымъ общество поручило ея ребенка, то избытокъ своей признательности она расточала всѣмъ встрѣчнымъ, также неизвѣстнымъ ей.

Такъ проводила она свой единственный выходной день, о которомъ попросила господъ: это была ея мука и ея развлеченіе.

Для чего еще могло ей понадобиться свободное время, когда у нея не было ни семьи, ни друзей, ни денегъ? Она старалась избѣгать лишнихъ расходовъ, чтобы скопить небольшую сумму денегъ, которая дала бы ей возможность выполнить материнскій долгъ. Но за два года она едва только собрала шестьдесятъ франковъ. Она была не изъ сильныхъ; тяжелая работа слишкомъ изнуряла ее, и ей два раза пришлось лечь въ больницу съ распухшими ногами, лихорадкой и бронхитомъ. Весь ея организмъ разрушался и тихо стоналъ среди осенняго тумана, какъ заброшенное, покинутое зданіе. Послѣ болѣзни было не легко снова найти мѣсто. Видъ ея не говорилъ въ ея пользу; наоборотъ, онъ указывалъ на то, что она еще не вполнѣ выздоровѣла и что постоянно можно ожидать повторенія болѣзни. Ей отказывали или брали на одинъ мѣсяцъ, чтобы испробовать ея силы и окончательно изнурить ее. Поставщики прислуги относились къ ней равнодушно, конторы предлагали ей мѣсто въ самыхъ ужасныхъ домахъ, гдѣ съ прислугой обращаются, какъ съ рабочей лошадью, откуда она бѣжитъ съ проклятіемъ, какъ съ каторги.

Но, наконецъ, ея мытарства кончились. Она получила мѣсто, гдѣ не требуется тяжелой работы; она отдохнула, окрѣпла и вздохнула свободно. Служитъ она у стариковъ, тихихъ и нетребовательіхъ, получаетъ приличное жалованье, и кажется, что въ этой кварірѣ, гдѣ царитъ тишина и забота другъ о другѣ, не только время, и шумъ измѣряется слабымъ тиканьемъ стѣнныхъ часовъ. Это — хая пристань. И здѣсь работаетъ Флорентина, чтобы вернуть себѣ ою дочь.

И вотъ снова наступаетъ день, когда она аккуратно отправляет- «навѣстить» ее, какъ она выражается мысленно. Барыня охотно

отпускаетъ ее, тѣмъ болѣе охотно, что она обѣщаетъ вернуться домой для приготовленія обѣда. И она вѣрна своему слову; въ пять часовъ она уже при исполненіи своихъ обязанностей. Но за столомъ барынѣ не терпится, и она съ любопытствомъ спрашиваетъ мужа:

— Ты не замѣтилъ, какой у Флорентины разстроенный видъ? Я застала ее съ передникомъ у глазъ... Навѣрно у нея какія-нибудь непріятности, скорѣе всего...

— Виноватъ какой-нибудь саперъ, заронившій въ ея сердце огонь любви,—говоритъ баринъ, маленькій, розовенькій старичокъ, остроуміе котораго отдаетъ временами второй имперіи.

— Или ея пожарный, не явившійся на свиданіе,—подхватываетъ барыня, менѣе отсталая въ этомъ отношеніи.

И удалившіеся на покой и скучающіе старики стараются использовать эту неисчерпаемую тему для болтовни, ниспосланную имъ Провидѣніемъ.

Они украдкой наблюдаютъ за своей прислугой и преслѣдуютъ ее своимъ шопотомъ и жужжаньемъ, словно надоѣдливыя мухи въ жару.

За пересоленнымъ супомъ баринъ насмѣшливо замѣчаетъ:

— Право, можно подумать, что она нароняла въ супъ своихъ слезъ!

И, соглашаясь съ нимъ, барыня прибавляетъ отъ себя:

— Правда, сегодня во всѣхъ блюдахъ чувствуется вкусъ слезъ.

Нищіе.

Въ одинъ печальный и голодный снѣжный вечеръ я забрелъ послѣ долгихъ скитаній въ пустынную улицу одного изъ эксцентричныхъ кварталовъ. Налѣво гордо возвышалась колокольня, направо стояло въ ожиданіи сѣдоковъ нѣсколько извозчичьихъ пролетокъ противъ трактира, блестящія окна котораго, сохраняя для себя свѣтъ и теплоту, смотрѣли на тротуаръ, покрытый бѣлой пеленой, холоднымъ, стеклянным взглядомъ. Черезъ извѣстные промежутки на фонѣ сплошной снѣжной завѣсы вырисовывались одинокія фигуры затерявшихся прохожихъ.

Я зашелъ въ трактиръ, чтобы обсохнуть и поѣсть.

Казалось, что узкая и низкая комната освѣщалась скорѣе красными физіономіями извозчиковъ, обѣдавшихъ за маленькими столиками, чѣмъ двумя жалкими газовыми рожками. Они передавали другъ другу наполненные виномъ литры, горлышки которыхъ блестѣли краснымъ воскомъ, и ворочали въ соусѣ зажаренные съ кровью куски

мяса. Ихъ лица были похожи на распустившіеся среди толстыхъ, шерстяныхъ шарфовъ малиновые цвѣты.

Я усѣлся за дальній столъ и молча принялся за свою несчастную вареную говядину, такъ какъ отсутствіе денегъ не позволяло мнѣ заказать что-либо иное, какъ вдругъ въ харчевню проскользнулъ ободранный субъектъ, извиняясь, что вмѣстѣ съ нимъ въ комнату ворвался сильный порывъ вѣтра. Онъ весь дрожалъ отъ стужи въ своемъ легкомъ не по сезону, жалкомъ и вмѣстѣ смѣшномъ костюмѣ. Съ его бороды свѣшивались длинныя ледяныя сосульки, и казалось, что это—тонкія нити, продѣтыя въ невидимыя игольныя ушки, скрытыя въ затасканной подушечкѣ для иголокъ. И подъ сѣнью ненужныхъ рѣсницъ о чемъ-то тосковали и на что-то жаловались его глаза.

Онъ подошелъ къ хозяину, попросилъ у него о чемъ-то, получилъ разрѣшеніе и запѣлъ, стоя у прилавка.

Онъ пѣлъ о любви, о веснѣ, о весельѣ, о пѣнящемся винѣ, о счастьѣ... Онъ, словно старая кумушка, разсказывалъ о томъ, чего никогда не видалъ самъ и чего не видали тѣ, отъ кого онъ слышалъ обо всемъ этомъ.

Наступила оттепель. Съ несчастнаго ручьями стекала вода, а онъ продолжалъ пѣть дрожащимъ, срывающимся голосомъ, причемъ его безпрестанно толкалъ половой, проносившій мимо него различныя блюда. Онъ жадно вдыхалъ ихъ запахъ, стараясь захватить его какъ можно больше, а потомъ выдыхалъ его обратно, и около его рта, изъ котораго лилась одна пѣсня за другой, образовывался густой паръ.

Благодушно настроенные и еще болѣе покраснѣвшіе, благодаря сытному обѣду, извозчики отбивали тактъ и улыбались другъ другу, съ состраданіемъ взирая на пѣвца.

Когда онъ подошелъ къ нимъ со шляпой въ рукѣ, они всѣ стали бросать въ нее деньги. Забравъ свои грѣлки, большинство изъ нихъ вышло послѣ этого изъ трактира, съ кнутомъ въ рукѣ и съ трубкой во рту.

А человѣкъ между тѣмъ подсчитывалъ свою выручку. Повидимому, онъ остался доволенъ ею, такъ какъ, замѣтивъ мой столикъ, смѣло усѣлся за него и потребовалъ того же кушанья, которое доканчивалъ я. Ему его подали; но когда онъ принялся за обѣ щеки уписывать мясо, второй бѣднякъ проскользнулъ въ двери и, занявъ только что покинутое мѣсто посрединѣ комнаты, запѣлъ, подобно своему предшественнику, обо всемъ высокомъ и прекрасномъ, услаждая себя при этомъ ароматомъ проносимыхъ мимо блюдъ.

Онъ казался еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ первый. Истощенный и одѣтый въ лохмотья, онъ весь былъ покрытъ медленно таявшимъ снѣгомъ; верхней части его лица совсѣмъ не было видно, а изъ широко раскрытаго рта вылетали, свистя, почти совершенно неясные звуки.

Выложивъ весь свой репертуаръ, онъ направился въ нашу сторону. Тогда мой сосѣдъ, не проронившій за все время ни одного слова, поднялъ голову и сказалъ мнѣ:

— Неужели вамъ доставляетъ удовольствіе слушать пѣніе этого попрошайки? Что касается меня, то я терпѣть не могу, когда мнѣ мѣшаютъ во время ѣды. И зачѣмъ сюда пускаютъ всякаго съ улицы?

Нищіе, нищіе,—это несчастные, не любящіе другъ друга!

Три ареста.

Старый революціонеръ разсказывалъ слѣдующее:

— Въ первый разъ меня арестовали послѣ государственнаго переворота. Однажды утромъ, когда я еще лежалъ въ постели, къ намъ позвонили. Моя жена, готовившая какъ разъ нашъ скромный завтракъ, пошла отворять; но не успѣла она пріотворить дверь, какъ два тюремныхъ надсмотрщика оттолкнули ее, ворвались въ комнату и захватили меня въ кровати. Позади нихъ выступалъ толстый и румяный полицейскій коммиссаръ, держа въ одной рукѣ зонтъ, а въ другой шляпу. Онъ старался успокоить этихъ животныхъ:

— Ну, ну... потише! Вы же видите, что господинъ не думаетъ оказывать сопротивленія... онъ готовъ, напротивъ, облегчить нашу задачу... и безъ этого достаточно непріятную. Пусть господинъ одѣвается спокойно, а вы сдѣлайте маленькій обыскъ... тоже непріятная формальность, но, къ сожалѣнію, ея никакъ не избѣжишь,— прибавилъ онъ, усаживаясь съ усталымъ видомъ, какъ бы выполняя тяжелую обязанность.

Замѣтивъ на столѣ чашки съ дымящимся кофе, онъ обратился къ моей женѣ:

— Вашъ супругъ, сударыня, можетъ передъ уходомъ позавтракать: время у него есть, мы не торопимся...

Когда моя вѣрная подруга жизни, вся блѣдная и перепуганна[я], пролепетала въ отвѣтъ нѣсколько словъ благодарности, онъ, вид[и]мо ободренный, притянулъ къ своимъ колѣнямъ одного изъ наши[хъ] дѣтей, пятилѣтняго мальчика, сталъ ласкать его и спросилъ:

— Это вашъ сынокъ, сударыня? Какъ тебя зовутъ, мой др[у]жокъ? Пьеръ?... Смотрите-ка! Онъ совсѣмъ не дичится и не боит[ся]

меня! Я обожаю дѣтей. У меня также ихъ двое. Старшій, которому шесть лѣтъ, гораздо меньше вашего. У насъ съ нимъ было много хлопотъ этой зимой. Но тѣмъ не менѣе я не могу себѣ представить дома безъ дѣтей.

Господь, храни меня и всѣхъ моихъ любезныхъ,
Родныхъ, друзей и недруговъ моихъ
Отъ зла, котораго ничто не можетъ быть страшнѣй:
Узрѣть весну безъ пестраго ковра цвѣтовъ,
Иль улей безъ пчелы, иль осень безъ плодовъ,
Иль встрѣтить домъ безжизненный, унылый безъ дѣтей!—

чудесно сказалъ нашъ великій поэтъ, Викторъ Гюго. Прекрасные стихи! Я люблю поэзію, если она говоритъ нашему сердцу. Что такое?...

Во время своихъ поисковъ сыщики нашли старое ружье, нѣсколько патроновъ и заржавѣвшую саблю.

— Ладно, несите все это въ карету,—сказалъ имъ коммиссаръ,—больше ничего? Вы хорошенько обыскали всѣ углы? Смотрѣли ли вы подъ мебелью и подъ тюфяками?... Клянусь честью, все это не имѣетъ никакого значенія. Какъ я и былъ заранѣе увѣренъ, вся исторія не стоитъ выѣденнаго яйца.

Вся эта комедія, продолжавшаяся слишкомъ долго, становилась для меня совершенно невыносимой. Я постарался по возможности сократить сцену прощанія и сдѣлалъ полицейскому знакъ, что я готовъ слѣдовать за нимъ. Онъ поднялся, поклонился моей женѣ, потрепалъ по щекамъ моихъ дѣтей, любезно освѣдомился, не забылъ ли я чего-нибудь, и вышелъ вмѣстѣ со мной. Внизу насъ ожидала извозчичья карета, мы усѣлись въ нее, и коммиссаръ моментально сталъ продолжать свои изліянія.

— Вы ошибаетесь, если думаете, что мнѣ не внушаетъ отвращенія та роль, которую меня заставляютъ разыгрывать. Я понимаю,— необходимо забирать преступниковъ! Но въ наше вѣдѣніе не входятъ и не должны были бы входить политическія дѣла. Возьмите меня, напримѣръ; въ моей семьѣ есть «красные», и въ глубинѣ души я несомнѣнно такой же добрый республиканецъ, какъ и вы. Я прекрасно сознаю, что въ настоящее время я выступаю въ защиту . общества, а новаго правительства... Вы спросите, что заставляетъ пя нести обязанности, которыя я презираю? Господи! просто жена, ›ти и старая безпомощная мать... Это мой священный долгъ. Челоѣкъ не въ правѣ поступаться имъ ради своихъ убѣжденій... Вы, ночно, понимаете, какъ страстно желаю я выслужить пенсію. Она детъ скромной, и я буду жить въ провинціи. Я могу тамъ заняться ѣскимъ хозяйствомъ; это мечта моей жизни! Я страстно люблю

лѣсъ, цвѣты, рыбную ловлю... Охота мнѣ не такъ нравится. Мнѣ внушаетъ отвращеніе пролитая кровь, даже кровь животныхъ!... Какое счастье проснуться утромъ при пѣніи птичекъ! Открыть ставни и выставить лицо навстрѣчу солнцу и чистому воздуху! Развѣ вы не согласны, что это высшее счастье?

Мы пріѣхали. Коммиссаръ первый выскочилъ изъ кареты и понесъ самъ, словно трофей, найденное въ моей квартирѣ оружіе, послужившее затѣмъ поводомъ къ моему осужденію.

Причиной моего второго ареста послужило дѣло 31 октября. Черезъ нѣсколько дней послѣ него въ одно прекрасное утро ко мнѣ явились полицейскіе агенты и коммиссаръ, какъ родной братъ похожій на своего коллегу, арестовавшаго меня въ 1851 году: тотъ же ростъ, та же толщина, та же почти приторная вѣжливость. Онъ утѣшалъ мою жену и дружески бесѣдовалъ съ нами, пока его помощники производили обыскъ. Они уже отчаивались найти что-либо, когда, наконецъ, имъ попался черновикъ «Воззванія къ Парижанамъ», проредактированный мною.

— Этотъ документъ не имѣетъ никакого значенія,—сказалъ, забирая его, коммиссаръ.

— Зачѣмъ же вы его берете?—спросилъ я.

— О, только затѣмъ, чтобы не явиться съ пустыми руками!—воскликнулъ онъ, смѣясь.

Въ каретѣ онъ измѣнилъ тонъ и открылъ мнѣ свою душу:

— Въ какое время мы живемъ! Развѣ у насъ есть правительство? Кому мы повинуемся? Когда подумаешь, политическая месть—удивительная вещь; если бы нѣсколько дней тому назадъ побѣдили вы, то сегодня мнѣ пришлось бы арестовать вашихъ противниковъ. Но что отсрочено, то еще не потеряно,—не правда ли? Никто не знаетъ, что будетъ завтра. Но всетаки удивляешься, когда видишь, что старые республиканцы, какъ вы, совершившіе государственный переворотъ... не спорьте, не спорьте, это сдѣлали вы... когда видишь, говорю я, какъ этихъ республиканцевъ преслѣдуютъ люди, также ссылающіеся на свое прошлое, на свою борьбу съ правительствомъ, на жертвы, принесенныя дѣлу... Кого они обманываютъ? Именно вы, сударь, говорите правду: нами управляютъ неспособные и лживые люди. Сдача Меца, которую сперва отвергали, а потомъ признали, планъ Трошю, объявленіе перемирія... О! Куда мы идемъ, сударь! Бѣдная Франція! Несчастная республика! Такая юная и уже измѣннически преданная! Къ счастью, я черезъ три года выхожу въ отставку. Я не заплѣсневѣю въ Парижѣ. Я куплю себѣ гдѣ-либо въ деревнѣ домикъ и буду сажать капусту. Боже! Ѣсть овощи и фрук-

ты, посаженные собственными твоими руками, выросшіе и созрѣвшіе на собственныхъ твоихъ глазахъ! Жить среди полей здоровой и покойной жизнью земледѣльца!... Ничего лучшаго я не желаю!...

Эту ночь я провелъ въ заключеніи... меня выпустили бы черезъ нѣсколько дней на свободу, если бы воззваніе къ Парижанамъ, найденное у меня, не явилось уликой, послужившей поводомъ къ продленію моего заключенія.

Въ третій разъ меня арестовали наканунѣ 1 мая, просто въ видѣ мѣры предосторожности. Развѣ я могъ сомнѣваться въ этомъ, когда предо мной въ необычайно вѣжливой позѣ предсталъ полицейскій коммиссаръ, съ любезнымъ видомъ почтальона, приносящаго заказное письмо, и подалъ мнѣ приказъ о моемъ арестѣ?

Мнѣ кажется даже, что онъ извинился передъ моей женой за причиняемое безпокойство и за безпорядокъ, который придется произвести въ такой чистой и уютной квартирѣ, совершая обыскъ... Я долженъ замѣтить, что его кривлянье на этотъ разъ не подѣйствовало на мою жену, проученную горькимъ опытомъ, и что ея недовѣріе, совершенно законное, еще возросло, когда она увидала, что этотъ господинъ забираетъ... «о! повѣрьте, только для очистки совѣсти!...» связку брошюръ Реклю, Кропоткина и Грава.

У моихъ дверей насъ ожидала карета, располагающая, повидимому, къ интимнымъ разговорамъ и сердечнымъ изліяніямъ. И я опять не могъ избѣжать ни того, ни другого.

— Я не смѣшиваю васъ,—началъ коммиссаръ,—съ вредными преступниками, подвергающими опасности общество. Вы являетесь жертвой недоразумѣнія, которое быстро разсѣется. Несомнѣнно, что настоящій общественный строй является несовершеннымъ, и осужденіе его не лишено справедливости; но насиліе внушаетъ отвращеніе всѣмъ честнымъ людямъ, какъ вы и я. Зачѣмъ мы работаемъ? Чтобы достигнуть скромнаго благосостоянія и мирно пользоваться имъ. Я въ будущемъ году получаю право на пенсію... И знаете, что я сдѣлаю?

— Знаю,—отвѣтилъ я,—вы проведете остатокъ своей жизни въ уединеніи, вдали отъ Парижа; у васъ будетъ сторожевая собака, вы будете разводить куръ, кроликовъ, голубей, вы будете ѣсть свои собственные овощи, разбивать сами свои цвѣтники, такъ какъ вы любите цвѣты и животныхъ; и я увѣренъ, что вы уже заранѣе наслаждаетесь мыслью, что вы будете ѣсть зелень изъ *своего* сада, молоко отъ *своей* коровы, яйца отъ *своихъ* куръ... Вамъ опротивѣла политика и тѣ обязанности, которыя она на васъ возлагаетъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ вы мечтаете только о покоѣ и о рыбной ловлѣ.

Коммиссаръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Какъ вы меня хорошо знаете! Вы, дѣйствительно, высказали всѣ мои желанія!

Вечеромъ меня посадили въ тюрьму... и въ виду захваченныхъ этимъ любезнымъ господиномъ брошюръ меня выпустили оттуда только черезъ три недѣли.

Вы поймете теперь, почему я, словно чумы, боюсь всѣхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ разряду тѣхъ страшныхъ слѣдователей, которыхъ всегда восхваляютъ за ихъ мягкость и вѣжливость обвиняемые, пока они не убѣдятся, что вырванное у нихъ по легковѣрію признаніе послужило противъ нихъ грозной уликой и поводомъ къ ихъ осужденію. Никогда власть не внушаетъ мнѣ большаго недовѣрія, чѣмъ когда она притворяется нашимъ другомъ.

И хотите знать, въ чемъ заключается мое честолюбіе, моя мечта? Прежде чѣмъ я умру, встрѣтивъ такого полицейскаго комиссара, который грубо ворвался бы въ мою квартиру, схватилъ бы меня за горло и, выполняя такимъ образомъ откровенно и безъ лицемѣрія свою двусмысленную роль, далъ бы мнѣ возможность выполнить свою, т.-е. разбить ему физіономію.

Ихъ сыновья.

Послѣ завтрака полицейскій коммиссаръ мирно дремалъ надъ бумагами, лежавшими передъ нимъ для подписи, когда кто-то стремительно, безъ доклада, вбѣжалъ въ контору, захлопнулъ за собой дверь и безъ чувствъ упалъ въ объятія кресла подъ портретомъ президента республики, торжественно и покровительственно смотрѣвшаго со стѣны.

Коммиссаръ подскочилъ отъ изумленія, открылъ глаза и сказалъ:

— Ахъ, это вы, докторъ? Что такое? Вы ужасно блѣдны; что съ вами? Что такое случилось?

Сперва посѣтитель не могъ отвѣчать и прикладывалъ только ко лбу и вискамъ платокъ, словно пропускную бумагу, стараясь этимъ стереть съ лица слѣды недавняго волненія. Наконецъ онъ успокоился настолько, что снова обрѣлъ даръ слова и сказалъ:

— Что со мной?... Со мной... въ меня... въ меня только го стрѣляли изъ револьвера...

— Гдѣ?

— Въ моемъ кабинетѣ.

— Паціентъ? Сумасшедшій?

— Нѣтъ... Женщина... О, я долженъ былъ бы знать... Проб г-

тая! Но виноватъ и лакей, не узнавшій ея... За это я его вышвырну за дверь, негодяя!

— Слушайте,—успокойтесь и разскажите, что случилось.

— Хорошо. Былъ мой пріемный часъ, и я принялъ уже нѣсколько паціентовъ, когда мой лакей впустилъ въ кабинетъ женщину подъ вуалью и во всемъ черномъ. О, я не успѣлъ предупредить ея преступнаго замысла! Я не успѣлъ оглянуться, какъ она направила на меня револьверъ и выстрѣлила два, три, четыре раза... Я уже не помню... Къ счастью, присутствіе духа не покинуло меня въ эту критическую минуту. Вы только что видѣли меня разстроеннымъ, но это была уже реакція. Когда я услыхалъ выстрѣлы, я упалъ сперва на диванъ, а уже съ дивана на полъ, чтобы не ушибиться при паденіи, а эта подлая женщина, думая, что я убитъ, оставила меня и убѣжала. По совѣсти говоря, я не былъ увѣренъ въ ту минуту, цѣлъ ли я и невредимъ... Я поднялся на ноги и ощупалъ себя: ничего ровно, даже царапины нѣтъ! Существуетъ Провидѣніе, какъ видите! А женщина... мой лакей видѣлъ, какъ она удирала, какъ сумасшедшая. Когда я бросился за нею, было уже поздно: она исчезла.

— Но вы ее знаете...

— Знаю ли я ее? Слишкомъ даже хорошо! Мы въ теченіе шести лѣтъ прожили вмѣстѣ.

— Значитъ, это ваша прежняя возлюбленная?

— Да, и она подобныя штуки продѣлываетъ не въ первый разъ. Какъ я не остерегся! Но въ прошломъ году она покушалась на свою жизнь. Я не думалъ, что моя жизнь въ опасности: для этого Мари слишкомъ любила меня. Она всегда говорила:

— Когда ты бросишь меня, я умру!—Она не говорила:—Ты умрешь...—Поэтому я не безпокоился. Ахъ, зачѣмъ она промахнулась, когда стрѣляла въ себя?

Нервы его успокоились, и онъ выразилъ свое сожалѣніе по этому поводу безъ волненія, завязывая бантъ своего бѣлаго галстука, вытягивая изъ рукавовъ манжеты и, вообще, оправляя свой костюмъ, необычайный безпорядокъ котораго совершенно не соотвѣтствовалъ требованіямъ его профессіи.

— Причиной этой драмы, навѣрно, послужилъ вашъ разрывъ?—росилъ коммиссаръ.

— Да, разрывъ; но я долженъ разсказать вамъ все сначала, чтобы я васъ стала понятной эта исторія.

Докторъ снова опустился на кресло, вставилъ въ глазъ свой монль, бережно разгладилъ бороду, какъ нѣчто очень цѣнное, и прожалъ:

— Когда я пріѣхалъ для изученія медицины въ Парижъ, мнѣ, понятно, нужна была любовница. Выборъ былъ весьма затруднителенъ изъ-за моихъ очень скромныхъ средствъ и моей семьи, у которой есть извѣстные принципы. Хотя мои родители и пользуются тѣмъ, что въ провинціи принято называть «приличнымъ достаткомъ», но на мое содержаніе они выдавали мнѣ денегъ въ обрѣзъ—не столько изъ экономіи, какъ говорили они, сколько въ моихъ собственныхъ интересахъ.—Тебѣ будетъ очень пріятно получить послѣ нашей смерти деньги, которыхъ ты не успѣешь промотать теперь,—прибавлялъ отецъ. И это вѣрно. Въ двадцать лѣтъ мы готовы проклинать родителей, говорящихъ подобныя вещи и придерживающихъ карманъ, но позже мы преклоняемся предъ ихъ мудростью. Къ похвалѣ нынѣшнихъ молодыхъ людей я долженъ даже сказать, что они больше насъ слушаются этихъ совѣтовъ, продиктованныхъ опытомъ, и устраиваютъ, сообразуясь съ ними, съ молоду свою жизнь. Впрочемъ, мой отецъ прямо объявилъ мнѣ, что онъ лишитъ меня совсѣмъ содержанія, если я не буду себя хорошо вести и не сдамъ во-время и успѣшно экзаменовъ. При такихъ условіяхъ я долженъ былъ, понятно, быть крайне осторожнымъ. Тѣмъ болѣе я обрадовался, когда вскорѣ встрѣтилъ Мари, отвѣчавшую, какъ мнѣ казалось, всѣмъ моимъ требованіямъ. Благодаря своей красотѣ, уму и порядочности она возвышала меня во мнѣніи моихъ товарищей, пользовавшихся продажной любовью, любовью дѣвушекъ изъ пивныхъ. Трудолюбивая по природѣ, она сама содержала себя, работая въ магазинѣ, и, слѣдовательно, она не была мнѣ въ тягость; въ шесть лѣтъ она стоила мнѣ приблизительно триста франковъ. Въ этомъ отношеніи я былъ безупреченъ, и мой отецъ это признаетъ. Замужняя женщина стоила бы мнѣ больше и кромѣ того заставила бы меня потерять гораздо больше времени. Встрѣтилось лишь одно затрудненіе: Мари жила со своей семьей. Это было неудобно. Мой отецъ могъ неожиданно пріѣхать и застать ее у меня; слѣдствіемъ могли быть разныя непріятности... Поэтому я безъ труда уговорилъ Мари уѣхать отъ родителей и нанять комнату, отъ которой она мнѣ дала ключъ. И съ этихъ поръ я могъ быть вполнѣ спокоенъ. Мы видѣлись почти каждый вечеръ; она была мнѣ вѣрна и сильно привязана ко мнѣ и даже подготовка къ экзаменамъ не казалась скучной, благодаря ея стараніямъ облегчить мой трудъ нѣжной заботливостью любовницы и хорошей хозяйки.

— Она знала, что вы не женитесь на ней?—прервалъ его комиссаръ.

— Она знала это, не зная. О такихъ вещахъ не говорится фор-

вально; это—молчаливый договоръ. То, что воинскій уставъ запрещаетъ подпоручику, здравый смыслъ запрещаетъ студенту—медику или юристу. Ихъ обѣщанія жениться ни къ чему не ведутъ. Если бы они пожелали ихъ сдержать, имъ пришлось бы пожертвовать всѣмъ своимъ будущимъ. Посудите сами: ихъ положеніе и желаніе добиться уваженія общества заставляютъ ихъ искать приданаго, чтобы не прозябать, а устроиться и имѣть успѣхъ въ свѣтѣ. Объ этомъ отлично знаютъ ихъ любовницы, и какъ бы онѣ ни были достойны своихъ друзей, онѣ обыкновенно смиряются и вносятъ въ эти кратковременныя связи много благороднаго самоотреченія.

— Вродѣ наемныхъ кормилицъ, выкормившихъ чужого ребенка въ неблагодарномъ семействѣ.

— Вотъ именно. Такова неизбѣжная необходимость, но я долженъ признаться, однако, что Мари этого не предвидѣла. Я замѣтилъ это послѣ того какъ, выдержавъ экзамены, поселился въ этомъ участкѣ въ ожиданіи, когда оправдаются надежды, возлагаемыя на меня роднымъ городкомъ. Я сталъ рѣже бывать у Мари, что сильно встревожило ее и привело къ объясненію, слѣдствіемъ котораго явилось ея покушеніе на самоубійство. Совершенно напрасно я позволилъ себѣ расчувствоваться и возобновилъ изъ состраданія отношенія, въ которыхъ любовь не играла уже никакой роли. Какъ я жалѣю объ этомъ теперь! Отецъ, узнавшій о возобновленіи этой связи и пришедшій въ совершенно справедливое негодованіе вслѣдствіе умоляющаго письма, которое Мари имѣла дерзость написать ему, положилъ этой исторіи конецъ, предложивъ мнѣ тономъ, не допускающимъ возраженій, прекрасную партію, о которой онъ, полный нѣжной заботы обо мнѣ, давно ужъ мечталъ. Молодая дѣвушка, которая должна стать моей женой, принадлежитъ къ одному изъ лучшихъ семействъ нашей мѣстности. Ея отецъ—главный совѣтникъ... Крупное состояніе... Пока я тамъ буду заниматься практикой, но высокое положеніе, занимаемое моимъ будущимъ тестемъ, должно въ скоромъ времени открыть мнѣ доступъ къ карьерѣ на политическомъ поприщѣ. Да! Вотъ какъ теперь! Прежде доктора занимались исключительно врачеваньемъ организма человѣческаго, а въ наше время большинство изъ нихъ врачуетъ также и общественный организмъ.

— Вотъ почему онъ такъ боленъ!...

— Не стану спорить.—Могъ ли я колебаться? Подобнаго случая, по всей вѣроятности, больше не представилось бы. И я послушался отца, объявивъ Мари, что я без-по-во-ротно рѣшилъ жениться. Я избавлю васъ отъ описанія тѣхъ упрековъ, которые посыпались на меня послѣ этого. Я ожидалъ этого заранѣе. Напрасно обра-

щался я къ здравому смыслу Мари,—она проливала только потоки слезъ. Ея привязанность опротивѣла мнѣ. Неужели она должна была испортить мнѣ жизнь? Я грубо сбросилъ съ себя это невыносимое иго. «Не пытайтесь видѣться со мною,—написалъ я Мари;—перестаньте надоѣдать мнѣ. Ваша настойчивость безпримѣрна; не вынуждайте же меня къ принятію такихъ мѣръ, на которыя даетъ мнѣ право законъ. Я готовъ простить вамъ оскорбленіе, которое вы нанесли моимъ родителямъ, приглашая ихъ въ посредники въ нашемъ дѣлѣ, хотя вы такимъ образомъ могли лишить меня ихъ любви и нѣжности, но забудьте меня, какъ я забываю васъ, а то кончится тѣмъ, что я стану смотрѣть на васъ не только какъ на чужого мнѣ человѣка, но и какъ на врага». Отвѣтомъ на это письмо послужили направленные въ меня только что револьверные выстрѣлы. Чаша моего терпѣнія переполнена.

— Итакъ,—сказалъ коммиссаръ,—вы пришли съ обвиненіемъ противъ вашей бывшей любовницы и желаете, чтобы дѣлу былъ данъ законный ходъ.

— Конечно! Я успокоюсь только тогда, когда она будетъ арестована. Она заслуживаетъ этого урока. Въ противномъ случаѣ она способна начать опять сызнова.

— Но вы, однако, въ душѣ сознаете, что судъ присяжныхъ вынесетъ ей оправдательный вердиктъ.

— Я совсѣмъ этого не думаю. О, если бы защитникъ и обвиняемая могли разжалобить судей видомъ ребенка на рукахъ покинутой матери, то ваше замѣчаніе имѣло бы основаніе! Но наша связь была безплодной. Я не такой дуракъ!... Нѣтъ, нѣтъ, невозможны никакія уловки—все служитъ доказательствомъ того, что жертвой являюсь въ этомъ случаѣ я. Какой вредъ причинилъ я этой женщинѣ? Никакого.

— Но вы повредите ей, если она потеряетъ черезъ этотъ громкій процессъ мѣсто, дающее ей возможность существовать.

— А развѣ ее удержало это соображеніе? Я не отвѣчаю за ея поступки; вотъ и все!

— Хорошо, но если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, я побоялся бы, что слухи объ этомъ дѣлѣ помѣшаютъ также и моимъ проектамъ относительно женитьбы и будущаго.

Докторъ улыбнулся и воскликнулъ:

— Напротивъ! Вы не знаете провинціи. Всѣ порядочные люди станутъ на мою сторону.

Это предположеніе придало ему увѣренность, и это животное въ человѣческомъ образѣ рѣшило настаивать на своемъ обвиненіи.

Перевела **С. Нестеров**.

ДОГОРАЮЩІЯ ЛАМПЫ.

Разсказъ.

Треть годового платежа за купленную въ разсрочку у Касьяновыхъ землю «Касьяновщину» вейделевскіе мужики привозятъ Касьяновымъ въ началѣ осени, вслѣдъ за уборкою хлѣба.

Въ городъ пріѣзжаютъ мужики рано, часовъ въ шесть, потому что ночуютъ въ подгороднемъ селѣ Безлюдовкѣ; между городомъ и Безлюдовкою «шалятъ», и мужики избѣгаютъ дѣлать эту часть пути ночью.

И когда они утромъ въѣзжаютъ по разъѣзженному и пыльному шоссе въ городъ, и когда ихъ телѣга, запряженная двумя лошаденками, дребезжа и подпрыгивая по камнямъ мостовой, катится по улицамъ, — городъ еще спитъ, улицы безлюдны, у домовъ закрыты ставни.

И чувство смутной жути охватываетъ мужиковъ и заставляетъ ихъ пугливо и сторожко озираться вокругъ, подозрительно оглядывать немногочисленныхъ прохожихъ и жаться другъ къ другу. Имъ кажется, что въ городѣ всѣ знаютъ о деньгахъ, которыя они везутъ Касьяновымъ, о деньгахъ за землю. И они чаще, чѣмъ нужно, покрикиваютъ на отощалыхъ, мелкихъ, низкорослыхъ, съ кривыми, мохнатыми, толстыми, словно покрытыми опухолями и облѣпленными засохшею грязью ногами лошаденокъ, и чаще дергаютъ вожжи. Но при этомъ ихъ голоса звучатъ какъ-то сдавленно, робко, и въ звукахъ покрикиваній сквозитъ что-то тревожное.

Кажется, это чувство жути отъ людей передается лошадямъ, лошади стригутъ облѣзлыми ушами, нервно помахиваютъ жидкими хвостами, пугливо косятся на городскіе дома и часто шарахаются въ сторону и начинаютъ неуклюже скакать, припадая къ землѣ отвислыми пухлыми, словно мякиною набитыми животами, и тогда телѣга

гремитъ и грохочетъ, грозя развалиться, а у мужиковъ, сидящихъ на ней, какъ-то мутнѣютъ испитыя лица.

Шаповаловскій дворъ, гдѣ живутъ уже нѣсколько лѣтъ Касьяновы въ первомъ этажѣ старой постройки запущеннаго, грязнаго и неуклюжаго бѣлаго дома,—этотъ дворъ еще спитъ, когда мужики подъѣзжаютъ къ воротамъ и останавливаютъ разскакавшихся лошаденокъ, ворота на запорѣ, уличная калитка на цѣпи. Всѣ окна, выходящія на улицу, закрыты ставнями. Во дворѣ не видно ни души.

Остановившись у воротъ, мужики нѣсколько мгновеній словно не рѣшаются слѣзть съ телѣги и пытливо озираютъ спящій домъ, глядя исподлобья на закрытыя ставни. Они молчатъ. Потомъ нѣсколько нестройныхъ голосовъ раздается разомъ:

— Слѣзай, что ли, Митька! Чего сидишь? Вставай, вставай! Нечего!

И тогда отъ жмущейся въ кучку группы нехотя отдѣляется сѣрая фигура. Митька—это молодой еще парень, безусый, безбровый, съ обвѣтреннымъ скуластымъ худымъ лицомъ, соскакиваетъ съ телѣги неловко и неуклюже, словно боясь оторваться отъ своихъ, топчется на тротуарѣ, дѣлая видъ, что оправляется, чешется, оглядывается нерѣшительно вокругъ.

— Чего сталъ? Ну, чего сталъ? Иди, иди!—звучитъ съ телѣги,—валяй въ калитку, тамъ направо!

— На чѣпи она!—робко откликается Митька.

— Не пролѣзешь? Иди, иди! Не прохлаждайся. Дворницкую поспрошай! Слышишь? Скажи дворнику, мужики вейделевскіе. Къ Касьяновымъ господамъ. Съ деньгами, молъ...

— Молчи про деньги, Митька! И вовсе не надо! Просто, доложи—по дѣлу.

— Ай нельзя про деньги?—спохватывается проговорившійся.—Ну, и не надо, ну, и не надо...

Митька ныряетъ подъ цѣпь, стараясь не коснуться ея спиною, стараясь не затронуть самой калитки. Но это не удается ему: цѣпь звенитъ, калитка скрипитъ, и тогда Митька вздрагиваетъ и застываетъ въ позѣ ожиданія, что за поднятый не во-время шумъ ему непремѣнно достанется.

Онъ испуганными глазами озираетъ пустой пыльный дворъ, озираетъ спящіе дома. Его рука невольно сжимаетъ длинное, тонкое, гибкое кнутовище засунутаго за голенище кнута, его глаза тревожно и опасливо ищутъ, не сорвется ли изъ какого-нибудь закоулка пестрый или желтый лохматый комокъ, не кинется ли изъ-подъ чьего-нибудь крыльца или изъ-за сарая шарикомъ дворовый песъ, собирающійся

пронзительнымъ лаемъ возвѣстить, что—пусть всѣ спятъ—онъ, песъ, не дремлетъ и знаетъ свое дѣло.

И Митька, вынырнувшій внутрь двора изъ-подъ колыхающейся и слабо позванивающей цѣпи, опять нерѣшительно, полусогнувшись, топчется на одномъ мѣстѣ. Будь его воля, онъ нырнулъ бы обратно на улицу, къ своимъ. Пусть другіе ищутъ въ этомъ, кажущемся ему огромнымъ и страннымъ, дворѣ дворника. Вѣдь они тоже... добрые: сами сколько разъ здѣсь были, все знаютъ, а не идутъ. А онъ въ первый разъ, и его посылаютъ...

Но изъ-за воротъ доносится похрапыванье усталыхъ лошаденокъ и громкій окрикъ:

— Опять застрялъ? Иди, что ли! Постучись къ дворнику! Слышишь?

И Митька трогается въ глубь двора странными, неловкими шагами. Весь онъ напоминаетъ въ эту минуту большого, запуганнаго, захудалаго деревенскаго пса, голоднаго, но сильнаго, забредшаго въ чужія мѣста, гдѣ на него каждую минуту могутъ кинуться другіе псы и потрепать его, и онъ не посмѣетъ огрызаться...

Покуда Митька бродитъ по сонному двору, разыскивая дворника, остальные мужики молча сидятъ на телѣгѣ, сгрудившись около старика сборщика и счетчика Анкудинова, словно загораживая его своими тѣлами, такъ что прохожимъ видна только голова старика, шапка сѣдыхъ, желтѣющихъ волосъ, безжизненное пергаментное лицо, мутные водянисто-голубые глаза, застывшая, отдающая чѣмъ-то дѣтскимъ старческая улыбка.

И въ то время какъ остальные мужики—всѣмъ своимъ существомъ, душою и тѣломъ, тутъ, на безлюдной улицѣ, у запертыхъ воротъ спящаго дома,—старикъ здѣсь только тѣломъ, его душа гдѣ-то далеко, его выцвѣтшіе глаза не видятъ ничего изъ окружающаго, но зато видятъ что-то, чего не видитъ никто... Какія-то только ему одному видимыя дали...

За воротами слышны шаги. Гремитъ отмыкаемая цѣпь калитки. На улицѣ показывается дворникъ шаповаловскаго двора, высокій, угрюмый мужчина въ ватномъ картузѣ и рубашкѣ навыпускъ, въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу. При его появленіи мужики шевелятся.

— Опять приперли?—слышится раздраженный голосъ дворника,—ѣхали бы на постоялый. Чего сюда прете? Поди, опять сутки проваландаетесь? Одного сору сколько будетъ...

Мужики кланяются, говорятъ вперебой, просятъ, обѣщаютъ «отблагодарить». Дворникъ, не отвѣчая, исчезаетъ за калиткою, во-

зится, отпирая огромный, глухо брякающій по дереву замокъ, отодвигаетъ тяжелый ржавый засовъ.

Кто-то чмокаетъ. Кто-то посвистываетъ.

Лошаденки сразу дергаютъ телѣгу и, натужившись, вволакиваютъ ее во дворъ.

Телѣга останавливается всегда въ одномъ и томъ же углу шаповаловскаго двора, образованномъ уличнымъ заборомъ и облупленною кирпичною слѣпою стѣною сосѣдняго дома, гдѣ мѣстами изъ потрескавшейся, изсохшей земли щетками торчатъ запыленные, жесткіе кустики сухой, колючей травы, гдѣ послѣ дождей иногда вдругъ начинаетъ пахнуть запахомъ грибовъ, и показываются рыхлыя, проточенныя червями шляпки Богъ вѣсть какимъ образомъ зародившихся шампиньоновъ. И черезъ полчаса послѣ того, какъ вейделевскіе мужики прибыли, въ этомъ углу земля взбита, встоптана, тутъ насорено блѣдно-желтыми, хрупкими трескучими соломинками, зернами просыпаннаго овса. Въ воздухѣ стоитъ облачко тончайшей, напоминающей сѣрую муку пыли. Надъ двумя лошаденками, застывшими въ безнадежно унылой позѣ, вьются тучи налетѣвшихъ отовсюду мелкихъ юркихъ мухъ, роемъ садящихся на натруженныя, покрытыя липкимъ потомъ костлявыя лошадиныя спины.

Мухи собираются кучами около какихъ-то сочащихся кровью ссадинъ, натертыхъ жесткими хомутами, быть можетъ, около ранъ или болячекъ. Мухи копошатся въ ранахъ, щекочутъ больное тѣло, онѣ кусаютъ.

Но лошади терпятъ.

Только поминутно пробѣгающая волною по спинѣ дрожь выдаетъ, что животное чувствуетъ что-то. Да изрѣдка, очень, очень рѣдко, какая-нибудь изъ лошадей вдругъ наберется смѣлости, отмахнется жидкимъ, словно мышами объѣденнымъ хвостомъ и тихо, тихо заржетъ тусклымъ усталымъ ржаньемъ, задравъ вверхъ большую лохматую неуклюжую голову, а другая подберетъ толстую отвисшую нижнюю губу, тоже подниметъ голову и, вздохнувъ, при чемъ вздуваются, какъ мѣха, ея бока и обрисовываются ребра, переступитъ съ ноги на ногу, а потомъ понурится и стоитъ не шевелясь.

И когда которая-нибудь изъ лошадей ржетъ, звукъ хрипл ржанья не уносится далеко: онъ умираетъ тутъ же, въ углу, у рившись о высокую каменную стѣну, о сѣрый заборъ и падае вмѣстѣ съ тонкою, какъ мука, сѣрою пылью на встоптанную земл

Мухъ это ржанье не пугаетъ. Оно только полошитъ, да и то на долго, дерзкихъ взъерошенныхъ воробьевъ, комочкомъ падающ съ домовыхъ карнизовъ, съ гребня забора, съ вѣтвей чахлаго

стриженнаго дерева туда, гдѣ валяются пыльныя зерна овса. И эти воробьи вдругъ взвиваются стайкою, шумно несутся, усаживаются неподалеку на заборъ и оттуда что-то кричатъ. Кажется, они допрашиваютъ лошаденокъ.

— Чьи вы? Чьи вы?

Тѣмъ временемъ вейделевскіе мужики сидятъ въ подвалѣ у шаповаловскаго дворника Игната и пьютъ чай въ ожиданіи, когда встанутъ Касьяновы.

И тутъ, въ комнатѣ, они, какъ и на улицѣ, держатся гурьбою, сгрудившись около стараго счетчика. Ближе всѣхъ держится рослый, съ бревнообразными руками, съ странно скошенными внизъ плечами и маленькою головою Савка, никогда почти не вмѣшивающійся въ разговоръ, потому что говорить не его дѣло, онъ долженъ стеречь, оберегать мірскія деньги, хранимыя за пазухою у старика Анкудинова. И по пути отъ Вейделевки онъ все время сидитъ около Анкудинова, держа въ рукѣ увѣсистый желѣзный шкворень или толкая ногою обухъ лежащаго на днѣ телѣги топора. И тутъ, въ подвалѣ, у него рука за пазухою. Тамъ, должно быть, другой шкворень, поменьше, или булыжникъ, завязанный въ грязный, пропахнувшій потомъ платокъ. А, можетъ быть, тамъ, за пазухою, и длинный, толстый, корявый, скованный въ деревенской кузницѣ ножъ.

Дворникъ Игнатъ все время заговариваетъ съ мужиками, разспрашивая, что новаго въ деревнѣ, каковы овсы, какова была дорога, какъ проѣхали мимо кирпичныхъ заводовъ подъ самымъ городомъ, гдѣ постоянно «шалятъ».

Мужики отвѣчаютъ немногословно, нехотя. И они, и Игнатъ избѣгаютъ говорить о томъ, что занимаетъ всѣ ихъ мысли, о томъ, что они съ деньгами, съ деньгами—за касьяновскую землю. Что они боятся и успокоятся только тогда, когда деньги будутъ сданы «Касьяновской барынѣ» у нотаріуса подъ расписку. И что этотъ страхъ оставитъ ихъ всѣхъ не на долго, завтра же вступитъ въ права забота, какъ собраться съ силами для новаго платежа, какъ благополучно доставить деньги и сдать ихъ.

Вѣсть о томъ, что вейделевскіе мужики пріѣхали, поднимаетъ К сьяновыхъ отъ сна раньше времени; эту вѣсть приноситъ имъ г ничная, которая шустрою ящерицею, напѣвая что-то вполголос , сбѣгала черезъ улицу въ булочную или въ мелочную лавочку в клянчить для своихъ господъ въ кредитъ, до пріѣзда мужиковъ съ п атежомъ за землю, чаю, сахару, булокъ, дешевой колбасы, масла, и на обратномъ пути забѣжала въ дворницкую, отзываясь на окрикъ д ника Игната:

— Барышня Марья Савишна!... Пожалуйте-ка сюда!... Дѣльце есть до васъ!

Горничная,—ее зовутъ Ксеніею, Марусею или Женею, или какимъ-либо другимъ, но непремѣнно красивымъ именемъ, хотя въ ея паспортѣ стоитъ совсѣмъ иное, простое, обыкновенное имя,—молодая,—старыхъ Касьяновы не держатъ,—всегда миловидная, съ бойкими бѣгающими глазенками и тонкою таліею, всегда простоволосая, но съ модною прическою и разрозненными высокими, черепаховой имитаціи, гребешками, всегда вертлявая. Всегда она какая-то чуть измятая и растрепанная, словно она только что вырвалась изъ укромнаго темнаго угла, гдѣ чьи-то дерзкія руки тискали и комкали ея молодое, сильное и распутное тѣло, трепали ея прическу, пытались разстегнуть пуговицы на узкой кофточкѣ и оборвали застежки у самаго горла, гдѣ поэтому видна «душка» съ просвѣчивающими голубоватыми жилками.

Ксенія останавливается, не спускаясь въ полутемный подвалъ, на порогѣ наверху скрипучей лѣстницы, держась худощавою стройною рукою за дверной косякъ, покачивается на высокихъ каблучкахъ стоптанныхъ и изуродованныхъ, но когда-то дорогихъ «французскихъ» туфель, изгибается, колышетъ грудью и бедрами и кричитъ весело; кричитъ, какъ будто обращаясь къ женѣ дворника, худой, усталой, почему-то напоминающей загнанную лошадь женщинѣ, ноги которой подгибаются подъ непомѣрною тяжестью огромнаго живота.

— Здрасьте, Поличка! Какъ поживаете? А вы уже встали? Какъ вы спали, почивали, что вы видѣли во снѣ?

И потомъ звонко хохочетъ и поправляетъ кѣмъ-то растрепанную прическу и пытается застегнуть воротъ кофточки у «душки».

И всѣ въ подвалѣ чувствуютъ какъ-то разомъ, что Ксеніи нѣтъ никакого дѣла до «Полички», что если бы не было тутъ же мужчинъ, Ксенія говорила бы совсѣмъ инымъ голосомъ, и не смѣялась бы, и не поправляла бы свои волосы, не колыхала бы грудью и бедрами...

Дворничиха, непріязненно поджимая тонкія безкровныя губы, молчитъ и отходитъ отъ стола въ уголъ, гдѣ стоитъ большая двухспальная кровать за изодраннымъ и грязнымъ ситцевымъ пологомъ и гдѣ слышится слабый безсильный, напоминающій хриплый лай крошечной собачки дѣтскій удушливый кашель.

— Здравствуйте, здравствуйте, Ксеничка!—отвѣчаетъ за жену дворникъ.—Пожалуйте къ намъ.

— Ахъ, у васъ гости?—какъ будто смущенно говоритъ Ксенія, охватывая однимъ взглядомъ сѣрыя фигуры сгрудившихся за столомъ мужичковъ.

— Не къ намъ гости, а къ вамъ, Ксеничка!—отвѣчаетъ Игнатъ.

— Какіе такіе? Будто незнакомые всѣ!—опять озираетъ Ксенія пытливыми, дерзкими смѣющимися глазами мужиковъ. И у нея выпячивается впередъ пухлая нижняя губа и измятое курносое лицо принимаетъ выраженіе брезгливаго высокомѣрія, а въ прищуренныхъ острыхъ, колючихъ глазкахъ проглядываетъ любопытство.

— Жениха вамъ выписали господа ваши!—шутитъ дворникъ,—вотъ, они и привезли. Вотъ онъ... Хорошъ?

И дворникъ показываетъ пальцемъ въ сторону впившагося взглядомъ въ молодую женщину безусаго и безброваго Митьку, лицо котораго багровѣетъ, потомъ блѣднѣетъ.

— Очень нужно,—фыркаетъ горничная, сверкнувъ взглядомъ на смущеннаго и на секунду потупившаго свой взоръ Митьку.

— Не... я женатый!—глухо бормочетъ сконфуженно, словно признавая себя виноватымъ и считая своею обязанностью извиниться парень.

И ему безконечно, безумно жаль того, что онъ уже женатъ, что онъ... связался... что онъ не знаетъ, куда дѣвать руки и ноги, что на немъ затрепанный, залатанный, сѣрый отъ пыли и грязи зипунъ, и хотя бы не такой же пиджакъ, какой виситъ на стѣнѣ у ситцеваго полога.

И у него нехватаетъ силъ отвести, оторвать свой взоръ отъ этого блѣднаго, измятаго, кажущагося ему прекраснымъ женскаго лица, отъ этой стройной фигуры, съ узкою перетянутою таліей, выпяченною корсетомъ грудью и пышными бедрами.

Дворникъ смѣется:

— Что-жъ, что женатый? Разженить можно. Развѣ въ деревнѣ по правиламъ женятся? Пригонятъ пять паръ барановъ, постановятъ въ рядъ, окрутятъ. Осподи... поми... да осподи... поми... Вотъ и все... А по настоящему только въ городѣ женятъ... Такъ я говорю?

Никто не отвѣчаетъ ему.

Тогда онъ обращается къ горничной, все попрежнему стоящей на верхней ступенькѣ, у порога.

— Такъ я говорю, Ксеничка? Такъ, такъ!... вы только соглашайтесь. Мы все устроимъ. Полька—посаженною матерью. Она охочая... Сначала разженимъ, потомъ поженимъ. Потомъ опять разженить можно.

И онъ подмигиваетъ молодой женщинѣ. И потомъ, сразу мѣняя тонъ голоса, говоритъ дѣловито и сухо:

— Однако, языками наляпали довольно... А вы вотъ что ба-

рышня! Вы бы, между прочимъ, побѣжали бы, да своихъ господъ разбудили бы.

— Это для какой надобности? Пожаръ, что ли? У меня самоваръ еще не готовъ.

— Обойдутся и безъ самовара... Какъ услышатъ, что вейделевскіе мужики пріѣхали... вонъ они... деньги привезли,—такъ и про вашъ самоваръ забудутъ.

— Ахъ, съ деньгами, значитъ?—взвизгиваетъ, всею фигурой подаваясь впередъ, Ксенія, и уже совсѣмъ другимъ, пытливымъ, настойчивымъ взоромъ впивается въ сумрачныя, землистыя лица мужиковъ, словно пытаясь разгадать, гдѣ, въ чьемъ карманѣ, за чьею пазухой лежатъ деньги, и сколько ихъ, и какъ онѣ, деньги, выглядятъ.

И когда горничная, стремительно вильнувъ всѣмъ тѣломъ, собирается выскочить изъ дворницкой, Игнатъ кричитъ ей вслѣдъ:

— Сердце взыграло?... Деньгами запахло!... Эй, барышня, турнюръ потеряли, подвязки посѣяли!

Она скрывается, рѣзко хлопнувъ дверью.

Тогда дворникъ обращается къ молча пьющимъ чай мужикамъ и говоритъ искоса, насмѣшливо поглядывая на чувствующаго себя почему-то виноватымъ потнаго Митьку.

— Хороша кралечка?

Мужики молчатъ. Но это не останавливаетъ дворника. Онъ продолжаетъ:

— Деревенскою была—коровъ пасла... Сопливою была. Въ городъ попала—вонъ какая стала... Между прочимъ, изъ-за этой Аксютки вчера въ полпивной шкандалъ былъ: человѣка чуть не пришили... Теперь одинъ есть, самостоятельнаго характера и даже свою мастерскую открываетъ. Распалила она его, хоть сейчасъ жениться. Даромъ, что она двухъ щенковъ въ пріютъ подкинула... Ну, а еще одинъ есть... Каторжная душа. И того распалила... И вчера сцѣпились изъ-за Аксютки.

За ситцевымъ пологомъ, куда скрылась беременная дворничиха слышится возня, глубокій, нарочито громкій, выражающій негодующій протестъ вздохъ.

— О, Господи...

Дворникъ обрывается и круто поворачивается къ пологу.

— Ты чего завздыхала, а? Не нравится?

За пологомъ все стихаетъ. Потомъ слышно слезливое сморкан

И въ это время дверь со двора быстро распахивается, на порс

появляется фигура Ксеніи и звонкій, немножко тронутый хрипотою прерывистый женскій голосъ кричитъ:

— Барыня встала... Просятъ очень...

Мужики, держа счетчика въ серединѣ, одновременно поднимаются изъ-за стола. Всѣ истово крестятся на уголъ, кладя размашистые большіе кресты, потомъ почти одновременно кланяются дворнику.

— Спасибо вамъ!

— Не за что!

— За чай, за сахаръ.

— Не за что!

— За хлѣбъ, за соль, за вашу ласку.

— Не за что, не за что!—твердитъ дворникъ, угрюмо поглядывая на тихо колышащійся ситцевый пологъ, гдѣ опять слышатся какіе-то странные звуки, какъ будто тихое всхлипываніе.

Мужики гурьбою идутъ, грузно ступая, поднимаются, толкая другъ друга и бережно поддерживая старика-счетчика за плечи и подъ локоть.

Ксенія идетъ впереди нихъ, показывая дорогу, шибко перебирая длинными сильными ногами и на ходу шелестя шелковою юбкой. И звукъ ея мелкихъ, частыхъ, словно дерзкихъ, будто кого-то дразнящихъ, надъ кѣмъ-то смѣющихся шажковъ, не смѣшивается съ грубымъ топотомъ еле отрывающихся отъ пола тяжелыхъ мужицкихъ сапогъ. На ходу ея зоркіе, бѣгающіе глаза на мгновеніе впиваются въ глаза потнаго, робко, большими шагами шагающаго Митьки, и Митькѣ кажется, что эти сѣрые глаза кричатъ ему, но кричатъ такъ, что только одинъ онъ слышитъ:

— Вотъ если бы у тебя... у тебя были эти деньги... много денегъ... всѣ, которыя вы, мужики, привезли... Понимаешь?

И Митька смущенно опускаетъ свой взоръ долу, спотыкается, а въ мозгу вихремъ разлетаются безпорядочныя мысли, цѣпляющіяся одна за другую, переплетающіяся, свивающіяся въ пестрый клубокъ мысли.

Мысли о деньгахъ, о кучѣ разноцвѣтныхъ, распухшихъ, съ зашаршавившимися краями бумажекъ и о шкворнѣ угрюмаго, жмущагося къ счетчику Савки. Мысли о тонкой, морщинистой, темной шеѣ [illegible]кудинова, такой тонкой и слабой, что... Мысли о далекой Вейделев[illegible]ѣ, о его собственной, Митьки, старой избѣ, о женѣ, плоскогрудой ря[illegible]ой Агафьѣ, о томъ, что въ деревнѣ женятся не по правиламъ... [illegible]ьше для хозяйства, и не живутъ, а мучаются... и что у счетчика [illegible]кудинова оттопыривается пазуха, гдѣ лежатъ деньги, и что у [illegible]еніи бѣлое горло съ голубыми жилками и что рукавъ ея кофточки

подъ мышкою разорвался и въ прорѣху сквозитъ молочно-розовое молодое тѣло.

— Обождите тутъ!—командуетъ Ксенія мужикамъ, проведя ихъ по каменной лѣстницѣ мимо чулана, изъ щелей подъ дверьми котораго вырывается запахъ затхлой муки и чего-то кислаго, черезъ прихожую, на стѣнѣ которой виситъ груда платья, въ большой залъ съ паркетнымъ поломъ и украшеннымъ лѣпными розетками и пыльнымъ потолкомъ.

Мужики останавливаются по серединѣ зала, словно не рѣшаясь подойти къ стѣнамъ. И залъ кажется имъ огромнымъ, и потолокъ неимовѣрно высокимъ, какъ въ церкви. И странное чувство, въ которомъ есть элементъ неловкости, элементъ жути, охватываетъ ихъ, заставляетъ робко, неувѣренно переступать съ ноги на ногу, какъ-то искоса поглядывать по сторонамъ.

Потомъ они разглядываютъ, что блестящій паркетный полъ грязенъ, что всюду валяются окурки брошенныхъ кѣмъ-то вчера папиросъ, что на грязныхъ подоконникахъ валяются обрывки, клочки запыленной бумаги, на черной полированной крышкѣ рояла, занявшаго треть комнаты, стоятъ опорожненныя и полуопорожненныя бутылки темнаго стекла, недопитый стаканъ съ чаемъ, валяется какая-то цвѣтная изодранная тряпка. И имъ дѣлается все какъ-то понятнѣе, ближе, легче; они разсаживаются на разбѣжавшихся въ полномъ безпорядкѣ по стѣнамъ вѣнскимъ стульямъ, поджимая ноги, и прислушиваются къ гудящимъ за дверью женскимъ голосамъ.

— Слава Богу! Довезли деньги-то! Теперь сдать бы и шабашъ!—говорилъ кто-то вполголоса.

— Тысьча двѣсти восемьдесятъ...

— А ты, Савка, и сюда шкворень приволокъ?—говоритъ еще кто-то, глядя на Савку, попрежнему жмущагося около счетчика и держащаго руку за пазухой.

А за дверью попрежнему все громче и громче звучатъ раздраженные женскіе голоса. Тамъ идетъ какая-то непонятная мужикамъ крикливая перебранка, кто-то плачетъ, кто-то швыряетъ чѣмъ-то о полъ. И потомъ отворяются двери, и въ комнату входитъ высокая, тучная, рыхлая, простоволосая женщина, съ растерянной слащавой улыбкой на увядшихъ устахъ.

Это—хозяйка, Анна Павловна Касьянова. Та, чью землю когда-то купили обществомъ вейделевскіе мужики.

Она замѣтно взволнована, и, пожалуй, взволнована пріятно: мужики, наконецъ-то пріѣхали. Мужики, наконецъ-то привезли долго

жданныя деньги. Вѣдь Богъ же ихъ знаетъ? Могли и не привезти къ сроку... И что было бы тогда?

Столько недѣль, пожалуй, мѣсяцевъ, вся семья сидитъ безъ гроша.

Отовсюду теребятъ, требуя денегъ, денегъ и денегъ. Всюду только непріятности.

Послѣднее время неловко изъ дому показываться: должны всѣмъ кругомъ, и никто ждать не хочетъ, и всякій и каждый такъ дерзко требуетъ денегъ, денегъ и денегъ... И кажется, всѣ извѣрились въ то, что мужики пріѣдутъ когда-нибудь, что они должны же привезти денегъ.

Пожалуй, не вѣрятъ даже въ самое существованіе мужиковъ.

И такъ тяжело, такъ трудно, такъ неприлично быть безъ гроша въ карманѣ, и такъ нелѣпо складывается все.

Торопясь выйти къ мужикамъ, Анна Павловна еле успѣла одѣться. Какъ-нибудь, что-нибудь. Вѣдь все равно же мужики! Они ничего не понимаютъ.

И какъ нарочно, подъ руку попадалось не то, что нужно. Пуговицы и крючки оказывались оборванными. То, что считалось чистымъ, оказывалось на повѣрку совершенно заношеннымъ. Вмѣсто цѣлыхъ вещей подвертывалась какая-то рвань.

Это волновало Анну Павловну и выводило ее изъ себя.

И потому, когда она вышла изъ спальни къ мужикамъ, ея короткія красныя руки, съ пухлыми, словно жиромъ налитыми пальцами, замѣтно дрожали, на низкомъ бѣломъ лбу залегли глубокія морщинки, круглыя жидкія черныя брови сердито и удивленно поднялись вверхъ, на скулахъ выступили розовыя пятна, еще больше подчеркнувшія, что у рта, въ уголкахъ, давно залегла желтизна и отъ глазъ къ вискамъ побѣжали «гусиныя лапки».

— Здравствуйте, господа!—говоритъ Анна Павловна вейделевцамъ пѣвучимъ голосомъ, дѣлая видъ, что она кланяется имъ.

— Здравствуйте, барыня! Здравствуйте, матушка!—отвѣчаютъ вперебой мужики, поднимаясь съ занятыхъ стульевъ.

— Ксенія мнѣ сказала, что вы тутъ. Ну, вотъ... Спала я...

Анна Павловна спутывается и останавливается. Она не знаетъ, что̀, въ сущности, говоритъ мужикамъ. И зачѣмъ? Каждый разъ повторяется это: они привезли деньги. Надо только съѣздить къ нотаріусу, оформить. Но какъ-то неловко ничего не говорить.

И она говоритъ, сама не зная, что̀ именно. И она, дѣлая видъ, что это ее интересуетъ, разспрашиваетъ мужиковъ, какъ они доѣхали, что въ деревнѣ, какъ идутъ дѣла. Она разспрашиваетъ о дере-

венскихъ бабахъ, которыхъ когда-то давно знала, но чьи имена уже перезабыла и безбожно путаетъ. Она сладко улыбается и въ то же время прикрываетъ зѣвокъ пухлою рукой. И чутко прислушивается къ тому, что творится за дверью, къ какой-то вознѣ, дѣтскимъ крикамъ, дѣтскому плачу.

Ей хочется оборвать ненужный, тягучій разговоръ, приступить прямо къ дѣлу, заговорить о деньгахъ. Но... Но, въ то же время, ей какъ будто страшно: а что если мужики пріѣхали только сказать, что отъ земли они отказываются, что больше платить они не будутъ, что сегодня они денегъ не привезли и больше не привезутъ никогда, ни одной копейки?

И мужикамъ томительно скучны эти предварительные разговоры; сдать бы деньги, и баста...

Томительно скучно тянется этотъ ненужный разговоръ, но онъ неожиданно прерывается: возня и крики за дверью усиливаются. Потомъ все какъ-то обрывается, и слышенъ капризный звонкій дѣтскій голосъ, выкрикивающій громко:

— Вы всегда такъ. Всѣ вы—одинаковыя. И мама, и тетя, и Олька... Сами все покупаете, а меня только надуваете. Мошенничаете, мошенничаете...

— Замолчи, Володька!

— Не замолчу. Буду кричать!... Чтобы не мошенничали! Кто мнѣ велосипедъ обѣщалъ? А? У всѣхъ есть велосипеды. И голуби есть. А у меня нѣту. Вы и Надькѣ все покупаете, а мнѣ...

— Да замолчи же!

— Сама замолчи... А только если вы и теперь меня надуете и велосипеда мнѣ не купите... я знаю, я знаю, что я сдѣлаю...

Анна Павловна путается, сбивается, смолкаетъ. И она, и мужики невольно прислушиваются къ дѣтскому полуистерическому крику тамъ, за полуотворенною дверью.

— А я вотъ что сдѣлаю: когда вы всѣ спать будете, я соберу щепокъ, положу подъ рояль, оболью керосиномъ, возьму спичекъ...

Анна Павловна растерянно смотритъ на мужиковъ, попрежнему слащаво улыбаясь.

— Сынишка бунтуетъ?—говоритъ одинъ изъ мужиковъ вполголоса.

Анна Павловна что-то хочетъ сказать, но не успѣваетъ: за дверью поднимается возня, кто-то кого-то тащитъ отъ двери, кто-то упирается, цѣпляясь за все, попадающееся подъ руку. Потомъ слышенъ звукъ удара рукою по живому тѣлу, отчаянный вопль, отъ котора

вздрагиваетъ спертый, застоявшійся воздухъ, опять возня, дѣтскій плачъ, крикъ.

Двери распахиваются, и въ залъ стремительно влетаетъ молодая дѣвушка съ высоко поднятой красивою, словно выточенною головою, съ гнѣвно блестящими черными глазами, съ раздувающимися ноздрями тонко очерченнаго носа.

Она въ небрежно накинутой вылинявшей и грязной, мѣстами порванной шелковой кофточкѣ съ широкими ажурными рукавами, позволяющими видѣть ея тонкую, стройную руку почти до плеча. На ней длинная, путающаяся и шелестящая юбка и растоптанныя мягкія туфли, готовыя свалиться съ небольшой, крѣпкой ноги при каждомъ неосторожномъ движеніи.

Она вихремъ врывается въ комнату и, не обращая вниманія на поднявшихся со своихъ мѣстъ мужиковъ, показываетъ Аннѣ Павловнѣ свою обнаженную до плеча странно бѣлѣющуюся нѣжную руку.

— Вотъ, полюбуйся, мама, что твой Володька сдѣлалъ?! Ты о деньгахъ услышала и все позабыла... Хоть весь домъ сгори!... Ты не слышала, что онъ вытворялъ? Нѣтъ, ты не слышала? А когда я хотѣла прекратить это безобразіе...

— Ахъ, Ольга,—безпомощно и недовольно озираясь вокругъ, отвѣчаетъ Анна Павловна.—Ахъ, Ольга... Надо же покончить съ... мужичками? Ты же видишь...

— Нѣтъ, мама, ты посмотри, что твой Володька сдѣлалъ! Пусть и другіе видятъ. Пусть всѣ знаютъ. Мнѣ все равно. Я терпѣла, покуда терпѣніе не лопнуло... Володька—твой любимчикъ. И ты все, все позволяешь. Онъ вонъ домъ обѣщаетъ поджечь, если велосипеда ему не купишь.

— Глупости, Ольга! Ребенокъ болтаетъ...

— Хорошъ ребенокъ! Воровать научился... Въ карты играетъ... И еще... Ты взгляни, какъ онъ укусилъ меня. Нѣтъ, ты не отворачивайся! Вотъ, здѣсь, посмотри... Посмотрите, господа!

И Ольга протягиваетъ ближайшему мужику обнаженную руку. Тотъ испуганно пятится и что-то бормочетъ, увидѣвъ на атласистой кожѣ руки слѣдъ сочащагося капелькою алой крови укуса.

— Володька—это братъ мой!—поясняетъ Ольга.—И мама позволяетъ ему все, все...

— Ольга, Ольга! Иди сюда!—слышится изъ-за двери окрикъ.

— Убирайся, тетя! Я хочу до конца довести эту исторію! Слуй же, мама...

Дверь опять растворяется. Въ залъ выплываетъ третья женская гура: дама неопредѣленныхъ лѣтъ, приземистая, располнѣвшая,

такъ что грудь стала ниже, площе вспучившагося, трясущагося, какъ груда желе, живота. У нея такіе же живые, черные глаза, какъ у Ольги и ея матери, такіе же черные волосы. Что-то общее, родственное въ лицѣ, въ голосѣ, въ каждомъ движеніи. И она такъ же, какъ и первыя двѣ, одѣта наскоро, во что-то затасканное, растерзанное, крикливое, во что-то зашпиленное небрежно первыми попавшимися подъ руку шпильками или булавками.

Она шепчетъ молодой дѣвушкѣ что-то хрипловатымъ шопотомъ, мѣшая русскія фразы съ французскими, она тащитъ Ольгу за руку, какъ раскапризничавшагося полуребенка, смѣется, улыбаясь губами и глазами мужикамъ, словно прося у нихъ извиненія за нелѣпую сцену, разыгранную Ольгою, и, наконецъ, уговоривъ, уводитъ дѣвушку изъ зала, бросивъ съ порога:

— Пардонъ, господа! Анюта! Кончай скорѣе! Ты же знаешь...

И когда за дверью все стихаетъ, Анна Павловна набирается смѣлости и выговариваетъ:

— Что же насчетъ денегъ, мужички?

— Пожалуйте къ нотаріусу! Съ рукъ на руки! Все передадимъ!— отвѣчаетъ, по дѣтски улыбаясь, счетчикъ Анкудиновъ.

— Привезли?

— Тысяча двѣсти восемьдесятъ. Полностью...

— Послушайте, господа! Право, неловко мнѣ... Но... такъ ужъ приходится,—говоритъ Анна Павловна, смущенно улыбаясь.

Мужики настораживаются.

— Вотъ, вы привезли деньги... спасибо вамъ! Значитъ, сейчасъ къ нотаріусу?

— По правилу, сударыня... Чтобы крѣпко было...

— Хорошо, хорошо!... Но, видите ли... У меня экстренный случай, право. Вы не вѣрите? Но право же... До зарѣзу деньги нужны...

— Пожалуйте, сударыня, къ нотаріусу...

— Да мнѣ сейчасъ надо. Поймите, сію минуту надо!... Ну, какихъ-нибудь триста рублей всего... Я расписку напишу. Наконецъ, вы же всѣ—свидѣтели... А у меня въ ломбардѣ вещи заложены. Сегодня аукціонъ. Если не успѣю внести процентовъ—вещи пропадутъ... Право, дали бы триста?

Но мужики неумолимы: до ноторіуса они не дадутъ ни копейки. Ни гроша...

И Анна Павловна смущенно смолкаетъ и минуту сидитъ, неровно и тяжело дыша, сложивъ короткія, налитыя нездоровымъ жиромъ руки на выпятившемся горою животѣ и безпокойно перебирая пальцами.

— Ахъ, какіе вы... упрямые!—шепчетъ она.

Но ей никто не отвѣчаетъ: мужики угрюмо молчатъ.

И покуда Анна Павловна, собираясь къ нотаріусу, переодѣвается, мужики сидятъ терпѣливо въ залѣ, разглядывая ея убранство: ажурныя грошовыя гардины на пыльныхъ окнахъ, огромную нелѣпую картину масляными красками на стѣнѣ, купленную въ шальную минуту обилія полученныхъ и еще не растраченныхъ денегъ у какого-то табачнаго торговца, умирающую медленною, томительною смертью перистую пальму въ углу, похожій на какой-то странный гробъ рояль съ грудой нотъ на крышкѣ.

Теперь мужики уже освоились, приглядѣлись, посмѣлѣли.

По временамъ они вдругъ разомъ начинаютъ говорить что-то, не сдерживая голосовъ, громко отхаркиваются. Кто-то достаетъ изъ кармана кисетъ и пробуетъ скрутить «чортову ножку»—папиросу, но потомъ прячетъ кисетъ въ карманъ, нагибается, подбираетъ валяющійся на полу чуть притоптанный окурокъ, разглядываетъ его, расправляетъ пальцами и прячетъ въ тотъ же карманъ.

— Дядя Никита! А дядя Никита! Что это за штука?—шепчетъ въ первый разъ наблюдающій касьяновскую жизнь Митька, подталкивая локтемъ своего сосѣда, бородатаго, степеннаго мужика, и показывая глазами на рояль.

Но ему никто не отвѣчаетъ: мужики переговариваются о привезенныхъ деньгахъ, высчитываютъ, сколько уже уплачено Касьяновымъ за землю, сколько осталось еще уплатить, горячатся, дѣлаютъ выкладки на пальцахъ, галдятъ.

Странно бѣлѣющіяся и чернѣющіяся клавиши рояля магнетизируютъ парня. Митька нѣсколько разъ нерѣшительно приподнимается со стула, покашливая въ горсть, потомъ осторожными, неуклюжими, неувѣренными шагами, ступая на носки, бочкомъ подходитъ къ роялю, трогаетъ потною ладонью верхнюю доску, сдвигаетъ въ сторону закорузлымъ, чернымъ пальцемъ листы нотъ.

Потомъ онъ нечаянно притрагивается къ одной изъ клавишъ. Клавиша опускается, что заставляетъ Митьку моментально отдернуть руку. Внутри рояля молоточекъ бьетъ о какую-то струну, изъ груди потревоженнаго инструмента вырывается кажущійся гнѣвнымъ, ропчущимъ, жалующимся на какую-то обиду низкій, гудящій сердито звукъ баса.

Митька застываетъ и мучительно краснѣетъ.

— Оставь, оставь, парень!—окликаютъ Митьку мужицкіе голоса.—Ну тебя къ ляду... Испортишь еще что... Иди, сядь!...

И Митька на цыпочкахъ отходитъ къ своему стулу и садится. И

думаетъ объ этой огромной, черной, блестящей машинѣ, о томъ, что въ избѣ она заняла бы все пространство; что Ксенія, навѣрное, умѣетъ на ней играть и играетъ, когда господъ нѣту...

Полчаса спустя мужики идутъ вмѣстѣ съ Анной Павловною Касьяновою къ нотаріусу.

И когда они спускаются по каменной, пыльной лѣстницѣ мимо чулана, откуда пахнетъ затхлою мукою, имъ долго-долго вслѣдъ смотритъ все населеніе касьяновской квартиры.

Евфросинья Павловна съ вѣеромъ въ голой, мускулистой рукѣ, высунувшись изъ двери, кричитъ сестрѣ:

— Анюта... Перметтэ!... Не забудь у Дунаева или у Отто Грина... чудесный медвѣжій окорокъ. Прелесть, прелесть!... А если будешь заказывать тортъ—у Пока, а не у Дирберга... Потомъ, послушай, Анюта! Не забудь про папетри... Ахъ, да, еще: ломбардъ! Аукціонъ, кажется, сегодня? Слышишь?

Мужики уже на дворѣ. Тогда съ лѣстницы кубаремъ скатывается мальчикъ, лицомъ напоминающій Анну Павловну, протискивается между ними, хватаетъ Касьянову за руку:

— Ты, мама, помни: если не купишь мнѣ велосипеда... и... еще пушку. Такъ ты помни: ей-Богу, я куплю керосину, наложу щепокъ... Украду у Ксеньки... Ей-Богу. Подъ вашъ отвратительный рояль... и зажгу...

— Краснаго пѣтуха подпустить хочетъ барчукъ?—удивляются мужики.

— Богъ знаетъ, что говоритъ. Маленькій еще... Въ этомъ году въ гимназію поступитъ. Вотъ, подготовить только надо!—отвѣчаетъ Анна Павловна.

— Подготовляется!...—замѣчаетъ кто-то неопредѣленнымъ тономъ.

А вслѣдъ идущей группѣ съ какимъ-то страннымъ, жаднымъ вниманіемъ глядятъ глаза растрепанной Ксеніи.

Мужики ночуютъ въ шаповаловскомъ дворѣ. За это они платятъ по гривеннику съ человѣка.

Могли бы переночевать на постояломъ дворѣ, но опасаются за свои сдѣланныя вечеромъ послѣ разсчета за землю покупки и предпочитаютъ спать около лошадей, стоящихъ въ углу.

Спать ложатся скоро послѣ того, какъ отгоритъ зорька и на небѣ высыплютъ звѣзды. До этого сидятъ въ дворницкой и толкуютъ. И теперь, когда дѣло покончено, деньги за землю уплачены, съ души какъ камень скатился, они гораздо разговорчивѣе. Они даже пускаются въ

споры между собою и особенно съ дворникомъ Игнатомъ. И рѣчь почти исключительно идетъ о землѣ.

Игнатъ твердитъ, что онъ самъ «отбился отъ земли». Давно еще. Когда отбылъ солдатчину и не захотѣлъ возвращаться въ деревню, а остался въ городѣ, куда выписалъ молодую тогда еще жену. И онъ увѣряетъ, будто онъ ничуть, вотъ, ужъ ни капельки не жалѣетъ о томъ, что у него земли нѣту и не будетъ, что онъ никогда не возвратится въ деревню.

— Трудно въ городѣ-то!—оппонируютъ ему мужики.—Жутко какъ-то. Жулья много... Дѣла всякія...

Игнатъ громко хохочетъ.

— Деревенщина вы! Потому и жутко. Потому и боитесь! Заборъ увидали—страшно. Собака на васъ залаяла—жутко. Городовой закричитъ—такъ вы съ перепугу помереть можете... Ахъ, вы! Трудно въ городѣ? Конечно, кто дуракъ да семью себѣ на шею посадилъ, да дѣтьми обсѣялся, тому вездѣ тошно... Никуда не повернешься...

Изъ-за занавѣски, гдѣ копошится блѣдная беременная Поля и кричатъ дѣти, слышится вздохъ, потомъ слезливое бормотанье:

— Какъ будто силою кто жениться заставилъ? Да спите вы, дьяволы! Мочи моей нѣту. Ни днемъ, ни ночью покою... Пропасти на васъ нѣтъ. Хоть бы передохли, вотъ ужъ ни чуточки не пожалѣла бы...

А Игнатъ, раздражаясь все больше и больше, почти кричитъ на мужиковъ.

— Думаете, я не знаю? Была у меня земля, говорятъ вамъ!... А только держался я за нее, покуда свѣта не увидѣлъ... Вотъ какъ и вы. Зубами держался. Какъ вошь въ овчинѣ, такъ я въ землѣ зарывался... И душу мою она вымотала, земля ваша! Выѣла. Одну скорлупку оставила! Пропади она пропадомъ и земля ваша, и кто ее выдумалъ...

Мужики не соглашаются съ Игнатомъ. Они упорно твердятъ на разные лады:

— Нѣтъ, ужъ это что? Развѣ безъ земли можно? Развѣ мыслимое дѣло? Земля, братъ, всему голова. Земля—основа. И что зубами з . нее держаться надо—правильно. Потому, который оторвется—пропасть можетъ...

— Вотъ не пропалъ же я?—кричитъ, багровѣя, Игнатъ.—Живу н ı хуже васъ, идоловъ! А можетъ и получше...

— Это кто какъ понимаетъ. Для одного—одно, для другого—д угое. А только что-жъ это за жизнь, когда угла своего нѣтъ, чуть ч › погонятъ и зацѣпиться не за что...

Ударъ мѣтко попадаетъ въ цѣль. Игнатъ запинается, потомъ схватывается съ новою силою.

— Меня погонять? Да я тысячу мѣстовъ сейчасъ найду... меня куда хочешь... Мнѣ, вонъ, швейцаромъ сдѣлаться—разъ плюнуть. Только ваканція не выходитъ. Шапку съ галунами носить буду... Пятаки загребать... Понимаете?

— Твое счастье, милый человѣкъ. А только со своею землею не въ примѣръ прочнѣе... Какъ можно? Земля, братъ, святое дѣло... Ты, милый человѣкъ, землю не хули... Она—мать родная. Она всѣхъ кормитъ...

— Да дурьи вы головы!—разражается Игнатъ, стуча кулакомъ по столу.

— Почему дурьи? Нѣтъ, ты скажи, почему? Облаять не долго! Каждый можетъ... А ты докажи, какъ и почему...

— Доказать? Ладно... Вы касьяновскую землю взяли?

— Взяли. Потому что намъ безъ ихней земли было—ни тебѣ туда, ни тебѣ сюда...

— За сколько взяли?

— По восемьдесятъ пять десятину.

— Такъ. А ея мужъ покойный по сколько заплатилъ? По двадцати? Что? Прикусили языки? Въ животъ втянуло языкъ-то?

— Такъ то сколько лѣтъ было!

— Земля, стало быть, теперь лучше стала? Поправилась?

— Да чудакъ ты человѣкъ...

— Стой! Вы сколько лѣтъ Касьяновымъ деньги платите? Я у Шаповалова три года служу—вы все возите. А еще сколько лѣтъ осталось?

— Два съ половиною...

— Врете! Ей возить не будете—другимъ повезете? У другихъ купите. По сто двадцать заплатите... До скончанія вѣка! Возить вамъ, не перевозить. Таскать вамъ, не перетаскать... Крѣпостные вы!

— Ты такъ не говори! Какіе же мы крѣпостные?—обижаются мужики.

— Кто Володькѣ велосипедъ купилъ сегодня?—кричитъ Игнатъ, стуча кулакомъ по столу,—двадцать цѣлковыхъ за игрушку отдали. Вы купили! Вашими деньгами заплатили... Кто пушку тому же Володькѣ купилъ? Вы купили... А кто барышнѣ, Ольгѣ Михайловнѣ, сегодня тряпокъ накупилъ на сто двадцать! Вы купили, черти оголтѣлые!... А кто касьяновскіе долги по лавочкамъ заплатилъ? И еще заплатятъ? Берите, господа Касьяновы! Будьте такіе добрые, набирайте побольше, мы все заплатимъ. Потому что мы—дурьи головы... Потому что

мы въ землю, какъ черви, впились, головы свои въ дырки позасовывали, только спинки снаружи. Чтобы съ насъ шкуру драть господамъ Касьяновымъ было поудобнѣе... Сволочи вы, вотъ что. И земля ваша—сволочная!... У меня угла нѣту. Такъ я для сволочей, по крайности, ничего не покупаю. Вольный я! А вы—крѣпостные!

Кто-то изъ мужиковъ, робко озираясь, говоритъ тусклымъ, испуганнымъ голосомъ:

— А ты бы, дядя, такихъ словъ... не того!... Не ровенъ часъ!

— Никого не боюсь!—кричитъ Игнатъ.—Потому, правду я говорю. Чистую правду. Да вы что меня останавливаете? Полегче, полегче. Не ровенъ, молъ, часъ... Да вы сами-то что корежитесь? Я васъ развѣ насквозь не вижу? Я развѣ вашихъ думокъ не знаю? Ваша думка одна: кабы можно было бы, вы бы... этихъ самыхъ Касьяновыхъ... до корня! Безъ остатка порѣшили бы... Такъ я говорю?

Мужики молчатъ, опустивъ головы въ землю и избѣгая глядѣть другъ на друга. И только чей-то затаенный вздохъ при словѣ «порѣшили бы» выдаетъ, что Игнатъ разгадалъ ихъ спрятанныя на дно души думки.

Игнатъ смолкаетъ, словно испугавшись своей откровенности, потомъ, мгновеніе спустя, оборачивается къ Митькѣ, смотритъ на него въ упоръ блестящими злыми глазами и говоритъ:

— Зашибся, парень?

— Какъ это, дядя?—смущается тотъ.

— За дѣвку зацѣпился, которая потаскуха? Зашибла?

Митька краснѣетъ.

— Поди, и земля ваша хваленая опротивѣла? Зубы разжались? Поди, и хозяйство бросилъ бы, за дѣвкинымъ хвостомъ собачкою побѣжалъ бы? Ха-ха-ха!... А ну васъ всѣхъ къ идоламъ! И съ хозяйствомъ вашимъ, и съ землею...

И Игнатъ, хлопнувъ сердито дверью, уходитъ изъ дворницкой и бродитъ по двору. А когда онъ черезъ полчаса возвращается, дворницкая уже пуста; мужики, напившись чаю, выбрались на дворъ и укладываются спать, разостлавъ прямо на землѣ, подъ красною кирпичною стѣною дома, возлѣ стреноженныхъ лошадей, солому и поверхъ—попонки и зипуны.

Игнатъ проходитъ къ столу, стоитъ минутку противъ иконъ въ углу, передъ которыми теплится лампадочка, насыщающая воздухъ сладкою гарью. Потомъ, не раздѣваясь, онъ усаживается на лавку, на которой всегда спитъ, и закуриваетъ папироску.

— Игнатъ Иванычъ!—слышится изъ-за занавѣски тихій женскій голосъ.—Вы не спите, Игнатъ Иванычъ?

— Чего тебѣ?

— Игнатъ Иванычъ... что я васъ спросить хотѣла?

— Не знаю!

— Только вы не сердитесь, Игнатъ Иванычъ!... Право, я вѣдь ничего... Только такъ.

— Да ты говори. Нечего подъѣзжать! Выкладывай прямо!

— Игнатъ Иванычъ! А вы вправду сказали, что у насъ съ вами земельки нѣту?

Дворникъ молчитъ.

— Вотъ слышала я... Говорятъ, которые мужики — надѣлять будутъ.

— Ну? Еще что?

— У господъ, говорятъ, поотберутъ все, одѣлятъ мужикамъ. На каждую, значитъ, семью... Сколько кто сможетъ...

Игнатъ рѣзко поворачивается.

— Я тебѣ давно морду колотилъ?—говоритъ онъ зловѣще спокойнымъ голосомъ.

— Игнатъ Иванычъ....

— Нѣтъ, я давно тебѣ показывалъ?

Женщина не отвѣчаетъ. Она только тихо-тихо, чуть слышно плачетъ. А Игнатъ лежитъ навзничь на скрипучей лавкѣ и упорно смотритъ на темный потолокъ. И что-то думаетъ. И къ этимъ думамъ примѣшиваются другія думы, думы о томъ, что у Касьяновыхъ сегодня гости, что тамъ, наверху, въ касьяновской квартирѣ гремитъ музыка, полъ ходитъ ходуномъ подъ ногами танцующихъ господъ гостей.

И съ потолка дворницкой медленно осѣдаетъ осыпающаяся пыль, отъ времени до времени гдѣ-то откалывается крошечный осколочекъ штукатурки и съ слабымъ, но четкимъ трескомъ падаетъ на полъ.

А наверху опять двигаютъ стулья. Что-то уронили. Это что-то катится въ уголъ. Опять гремитъ музыка и опять трясется полъ.

Въ самомъ дѣлѣ, у Касьяновыхъ, по случаю полученія денегъ отъ вейделевскихъ мужиковъ за землю—вечеръ. И тамъ танцуютъ.

Играетъ гдѣ-то наскоро отысканный таперъ, приземистый, широкоплечій пожилой человѣкъ съ блѣднымъ одутловатымъ лицомъ рѣдкими, припомаженными бѣлесыми волосами и прячущимися между припухшихъ толстыхъ красныхъ вѣкъ слезящимися усталыми больными глазами.

Онъ играетъ безъ нотъ, по памяти. Играетъ марши, польки, вальсы, мазурки, шаконы, кадрили. Играетъ отчаянно, колотя по кла

вишамъ обрубкообразными, распухшими, словно остеклѣвшими пальцами.

Танцующимъ тѣсно, они часто налетаютъ на тапера, толкаютъ локтями его въ голову—онъ отклоняется, нагибается и все колотитъ по клавишамъ. Его толкаютъ въ бокъ, въ плечо, онъ играетъ, покуда не откажутся работать остеклѣвшіе пальцы. Тогда онъ бастуетъ. Ему приносятъ стаканами пиво, чай, на блюдечкахъ—колбасу, бутерброды, ножку курицы. И онъ сидитъ, повернувшись лицомъ къ роялю, и медленно, автоматически пережевываетъ поданное. И тупо смотритъ слезящимися красными глазами въ уголъ, гдѣ медленно-медленно умираетъ зачахшая перистая пальма.

Когда рояль смолкаетъ, большинство гостей разбредается. Въ комнатахъ душно. Пахнетъ крѣпкими дешевыми духами. Пахнетъ пролитымъ пивомъ, дымомъ папиросъ, пылью и человѣческимъ потомъ.

Усталыхъ, разгоряченныхъ танцами людей тянетъ на воздухъ. Они, то въ одиночку, то группами, спускаются во дворъ по каменной лѣстницѣ, тускло освѣщенной заплывшимъ огаркомъ стеариновой свѣчи, задуваемой сквознымъ вѣтромъ. Кое-кто выбирается за ворота и усаживается тамъ на калиткѣ, освѣщенной сосѣднимъ фонаремъ. Другіе разбредаются по пустынному тихому двору, ходятъ, толкуя, мимо спящихъ темныхъ флигелей, подъ угрюмыми сараями, садятся гдѣ-нибудь на кучѣ догнивающихъ старыхъ досокъ или балокъ, тамъ, гдѣ въ какомъ-то закоулкѣ торчатъ запыленныя, почти безлиственныя деревца.

И говорятъ. Говорятъ громко, иногда возбужденно. И громко смѣются. И этотъ смѣхъ кажется такимъ страннымъ въ этомъ спящемъ дворѣ, въ этомъ неподвижномъ, насыщенномъ медленно осѣдающею пылью тепломъ ночномъ воздухѣ.

Этотъ смѣхъ тревожитъ деревенскихъ лошаденокъ, дремлющихъ у телѣги, вокругъ которой спятъ вейделевскіе мужики. Лошади настораживаются, переступаютъ, гремя цѣпями, съ ноги на ногу, фыркаютъ, потомъ опять поникаютъ къ землѣ, выдѣляющей выпитый ею днемъ зной, большими косматыми уродливыми головами и опять дремлютъ.

Среди касьяновскихъ гостей большинство—мужчины. Есть только двѣ-три барышни. Но онѣ не играютъ никакой роли, это какія-то незамѣтныя, безцвѣтныя существа, совершенно стушевывающіяся по сравненію съ Ольгою. И онѣ какъ-то молчаливы, подавлены. Онѣ торопятся уйти домой, но Ольга деспотически удерживаетъ ихъ, и у нихъ нехватаетъ смѣлости самимъ себѣ сознаться, что здѣсь онѣ—

лишнія, что никому онѣ не нужны, что ихъ пригласили для декораціи и что мужчины только изъ вѣжливости говорятъ съ ними.

Сама Ольга гуляетъ по двору съ Борисовымъ.

Онъ—высокій, стройный, выхоленный, съ мягкимъ вкрадчивымъ пѣвучимъ голосомъ, полнымъ вкрадчивыхъ, ласковыхъ нотокъ.

Рядомъ съ нимъ Ольга—тоненькая, стройная, въ свѣтломъ кружевномъ платьѣ, трэнъ котораго волочится по пыли.

Борисовъ чувствуетъ себя нѣсколько странно: онъ вчера только познакомился съ Касьяновыми, а сегодня за нимъ прислали на отдѣльномъ извозчикѣ посыльнаго съ требованіемъ во что бы то ни стало пожаловать на сегодняшній вечеръ. Записка была написана на роскошной бумагѣ, по-французски, но съ массою ошибокъ и совсѣмъ дѣтскимъ почеркомъ.

Борисову не хотѣлось къ Касьяновымъ. Но отказаться было неловко, и онъ поѣхалъ. Все общество, собравшееся у хозяевъ, казалось ему какимъ-то страннымъ, дикимъ, что ли. И онъ, мелькомъ наблюдая за этимъ пестрымъ обществомъ, думалъ, что онъ окреститъ сегодняшній вечеръ—экскурсіею въ Касьяновщину. Положительно, собраніе монстровъ. Выдѣливъ только изъ компаніи Ольгу, которая ему нравилась, съ особой, конечно, стороны. Онъ чувствовалъ, что она еще дѣвушка. Но что она знаетъ все, и, быть можетъ...

Въ сущности, въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго. Во всякомъ случаѣ, необходимо быть очень, очень осторожнымъ. И ничѣмъ не рисковать, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

Они много танцовали. Теперь—отдыхаютъ, болтая. Разговоръ перескакиваетъ съ одного предмета на другой. И, разговаривая, Борисовъ какъ-то полуинстинктивно выспрашиваетъ Ольгу, освѣдомляясь у нея обо всемъ, что такъ или иначе касается ея.

Разъ или два онъ пробовалъ вставлять въ разговоръ французскія фразы, но Ольга тотчасъ же обрывала его:

— Перестаньте! Я не понимаю, ей-Богу! Что вы такъ смотрите на меня? Ахъ, да, записка... Ее тетя Фрося писала. Смѣху было—пропасть можно. Потому что тетя была въ институтѣ при царѣ Горохѣ... И все изъ ея головы вылетѣло... А ни я, ни мама по-французски—ни слова... И кто хочетъ быть со мною въ дружбѣ...

— Я очень хотѣлъ бы стать вашимъ другомъ, Ольга Михайловна!—говоритъ Борисовъ и осторожно прижимаетъ къ груди довѣрчиво лежащую на его рукѣ руку Ольги.

— Тотъ пусть не куражится... Ха-ха-ха!... Конечно, надо бы знать французскій...и еще нѣмецкій...и еще много кой-чего... Но... но вѣдь меня изъ третьяго класса гимназіи съ трескомъ выгнали!

— Вы вышли?

— Выгнали, выгнали!... Выперли самымъ форменнымъ образомъ. На всѣ четыре стороны. Отъ воротъ-поворотъ. Поцѣлуйте пробой и вернитесь, мамзель, домой!... За глупости всякія выгнали. Конечно, больше всего мама виновата, никогда вò-время денегъ не платила... Тамъ терпѣли, терпѣли, а потомъ у нихъ терпѣнье лопнуло, и меня поперли... А теперь—поздно! Правда, вѣдь, поздно? Когда дѣвушкѣ шестнадцать лѣтъ... и когда я уже два форменныхъ предложенія имѣла...

— Выйти замужъ?

— Не на содержаніе поступить! Видѣли вы студента того, лохматаго? Ну, пьянаго? Его всѣ «дикимъ» зовутъ... Вы знаете, онъ по уши былъ въ меня влюбленъ. И все пытался просвѣтить меня. Книжки таскалъ. Толковалъ со мною. Тоска одна. А потомъ онъ— чуть не повѣсился. Не то отъ любви, не то съ пьяныхъ глазъ... И пьетъ и теперь. И мы не знаемъ, какъ отъ него отдѣлаться, боимся, что онъ можетъ что-нибудь устроить... У него мать есть. Письма пишетъ. Домой зоветъ. Домъ у нихъ есть свой гдѣ-то. И денегъ ему прислали на выѣздъ. А онъ, знаете, что сдѣлалъ? Онъ на половину цвѣтовъ накупилъ. Зимою было. Самыхъ дорогихъ цвѣтовъ. И поднесъ мнѣ. А остальную половину—пропилъ!

Борисовъ морщится. Ему хочется перевести разговоръ на какую-нибудь другую тему.

— А въ другой разъ кто же дѣлалъ вамъ предложеніе, Ольга?

— А офицеръ несчастный! Крупа армейская! Храмцовъ... Ну, тотъ, который теперь все съ «дикимъ» ходитъ вмѣстѣ... Только я его отшила, я ревнивыхъ терпѣть не могу. И нотаціи мнѣ надоѣли. Будетъ! Мнѣ и то голову прогрызли. И мама, и тетя. Я только жду, не дождусь, когда я вырвусь!...

— То-есть, какъ вырветесь?

— Ну, замужъ выйду. Всѣ вѣдь выходятъ. Только рожи остаются и въ учительницы поступаютъ... А я же не гожусь въ учительницы! Вы согласны?

Борисовъ мягкимъ голосомъ удостовѣряетъ, что онъ, дѣйствительно, не находитъ карьеру учительницы подходящею для Ольги.

— Вы такъ хороши и такъ изящны...

— Оставьте ваши комплименты!—перебиваетъ его Ольга.

Потомъ она вдругъ говоритъ:

— Я всѣхъ въ домѣ ненавижу... всѣхъ, всѣхъ! Маму, тетю, больше всѣхъ Володьку!... Всѣ считаютъ, что онъ мой братъ. Но

папа умеръ девять лѣтъ назадъ, а Володькѣ—шесть съ половиною. Поняли?

— Ольга Михайловна!—мягко протестуетъ Борисовъ, пораженный этою непрошенною откровенностью.

— Вы удивлены? Но я не хочу обманывать. Я такая... Я говорю все, что есть. Берите меня такою, какова я на самомъ дѣлѣ. Не хотите—не надо. А притворяться—покорно благодарю... И я не стану лгать и вывертываться, какъ мама. Противно! И маму я ненавижу, ненавижу... Знаете, за что? Прежде всего за то, что она совершенно безхарактерная. Тряпка! И что она дѣлаетъ съ нами? Нѣтъ, вы спросите, что она дѣлаетъ? Напримѣръ, къ чему мы идемъ? Вы знаете, у насъ была земля. Большой хуторъ «Касьяновщина». Можно было отдать въ аренду и на доходъ всю жизнь жить. Но мама не хотѣла: она продала мужикамъ. Вотъ этимъ, что спятъ здѣсь въ углу. Это наши мужики. Они намъ сегодня деньги привезли. Тысячу триста, что ли... И три раза въ годъ привезутъ, а мы сейчасъ же все спустимъ. Расшвыряемъ, размотаемъ. И я помогаю, потому что я знаю: все равно ни копейки не останется. Такъ пусть же я хоть свое удовольствіе получу... А когда все выплатятъ мужики, а мы все спустимъ при помощи тети, мы на мостовой очутимся... И тетю я ненавижу, ненавижу, ненавижу. Она еще хуже мамы. Мама—вдова хоть, свободная женщина. И она можетъ дѣлать, что хочетъ. А тетя—замужняя. Знаете, она полковница. И это съ нею былъ тотъ скандалъ. Помните? Когда кто-то въ газетахъ напечаталъ, что по случаю продается старая, пѣгая, полковая кобыла «Фрося». И адресъ указанъ—квартира дяди...

Ольга хохочетъ, и ея смѣхъ звучитъ почти истерически.

Ошеломленный Борисовъ сначала нѣсколько отстраняется отъ Ольги, потомъ что-то толкаетъ его ближе къ ней. Онъ прижимаетъ сильнѣе ея руку, касаясь локтемъ ея молодой, еще только что формирующейся упругой груди и плечомъ—ея круглаго, крѣпкаго плеча и начинаетъ дышать быстро и неровно.

Они бредутъ нѣсколько мгновеній молча, тѣсно прижавшись другъ къ другу и держась подальше отъ раскрытыхъ оконъ, изъ которыхъ ложатся на землю полосы свѣта.

Борисову хочется вести Ольгу дальше, дальше, гдѣ потемнѣе, гдѣ никто не увидитъ. И тамъ рискнуть: обнять Ольгу, искать губами ея губъ, цѣловать ея холодное лицо, ея влажные, черные глаза съ загадочнымъ взглядомъ, ея странно бѣлѣющійся лобъ, пышные подвитые волосы, отъ которыхъ отдѣляется запахъ одуряющихъ

духовъ. Ему хочется сжимать ея полудѣтскій станъ дрожащими отъ волненія руками.

И онъ оглядывается вокругъ.

«Неловко! Быть можетъ, слѣдятъ... Увидятъ... Наконецъ, и она-то сама . чортъ ее знаетъ, въ сущности... Наивность ли? Или вѣшается на шею? Надо быть осторожнѣе, осторожнѣе... Спѣшить нечего»...

Кто-то вблизи сухо кашляетъ.

Борисовъ вздрагиваетъ, останавливается, потомъ мягко, но рѣшительно поворачиваетъ въ сторону и уводитъ молча идущую и смотрящую загадочными, прекрасными глазами Ольгу въ другую сторону. И, идя, хвалитъ себя за то, что сумѣлъ во-время сдержаться.

Когда Ольга и Борисовъ уже далеки и опять слышатся неясные звуки ихъ разговоровъ, щебетанье Ольги, мягкій, ласкающій, словно цѣлующій голосъ Борисова, тамъ, гдѣ слышалось сухое покашливаніе, раздается легкій, саркастическій смѣхъ, потомъ раздраженныя слова:

— Видѣлъ, «Дикій?» Нѣтъ, ты скажи: видѣлъ?

— Ну, видѣлъ! Да намъ-то съ тобою какое дѣло? Вѣдь меня она давно прогнала. Тогда еще... когда я не пилъ. Только собирался запить. А тебя недавно... Вѣдь прогнала же?... Выкинула?

— Прогнала, выкинула... Но какое намъ дѣло, говоришь ты? Какое намъ дѣло, что человѣкъ погибаетъ, въ омутъ со слѣпу лѣзетъ?

— Конечно, намъ нѣтъ дѣла! Потому что она насъ прогнала. И мы можемъ сидѣть, курить папироски, разсуждать...

«Дикій» смѣется страннымъ, тихимъ, пьянымъ смѣшкомъ.

— Не смѣйся ты ради Бога!—прерываетъ его собесѣдникъ.

— Запрещаешь?

— Нѣтъ, не запрещаю. Прошу только... Какъ друга... Слушай. Ну, можетъ быть, правъ ты. Дрянь она. Бездушная, красивая кукла. И вотъ вѣшается на шею ко всякому. Вѣшалась тебѣ...

— Немного!

— Вѣшалась мнѣ, когда никого болѣе подходящаго не было и когда я могъ швырять деньгами... Помнишь? Ну, когда я хуторъ продалъ... Вѣдь форменную подлость сдѣлалъ: не мужикамъ продалъ,—кулаку. Какъ мужики просили?!... Но имъ—въ разсрочку. А кулакъ—сразу все. Полцѣны—а все. И я отдалъ за грошъ... И все, все расшвырялъ. Какъ и сами Касьяновы швыряютъ. И по временамъ совѣсть точитъ: изъ-за кого я эту гадость сдѣлалъ? И вотъ... Но вѣдь что-то есть въ ней?

— Ничего нѣту.

— Есть, есть... Послушай, почему ты съ ума сходишь? Вѣдь и ты такую же подлость дѣлаешь: послѣдній грошъ пропиваешь. У твоей матери куска хлѣба нѣтъ, а ты курса не кончаешь, изъ дому тянешь, уѣхать не можешь, прилипъ къ Касьяновымъ...

— Прилипъ. Скоро отлипну...

— Не отлипнешь... И я... вотъ, самъ видишь. Все бросилъ. Опустился. Хуторъ, землю продалъ... Вѣдь какой уголокъ былъ! Маленькій, крошечный, но свой. Пойми, свой! Пойми ты это сознаніе, что у тебя есть свой уголъ, откуда никто не выгонитъ. Прудъ тамъ. Мельничка. Садъ старый. Домъ... И я продалъ. За грошъ продалъ... Почему? Значитъ, есть что-нибудь въ этой дѣвушкѣ, что тянетъ насъ съ тобою... почему же? Дрянь. Кукла раскрашенная. Ладно! Но я-то люблю ее. И для меня нѣту лучшей. И не будетъ, не будетъ. Я знаю! Вѣдь не ребенокъ: таскался, распутничалъ. Теперь тоже таскаюсь, тоже распутничаю. Отъ тоски. И если бы я зналъ, что когда-нибудь, не теперь, послѣ, черезъ годы я буду нуженъ ей, я бросилъ бы все. Не пилъ бы, не распутничалъ бы, выбивался...

— Успокойся: будешь нуженъ.

— Ты думаешь?

— Думаю! Ибо... предугадываю ея судьбу: выйдетъ замужъ, расплывется въ бабеху, какъ ея мать. Сбѣжитъ отъ мужа, какъ ея тетка. Поселится съ матерью, и у нея будетъ ребенокъ, какъ теперь Володька. И свою мать она будетъ прятать отъ гостей, какъ теперь прячутъ отъ насъ бабушку...

— Перестань!

— Хорошо, перестану.

— Пойдемъ въ комнаты?

— Не хочется. Тутъ спокойнѣе. Я съ собою бутылку захватилъ. Не знаю, съ чѣмъ,—кажется, съ коньякомъ. Хочешь?

— Въ сущности—нѣтъ. Но давай, выпью. Слушай, «Дикій», ты умнѣе меня... Постой! Дай папиросу. Итакъ, ты умнѣе меня.

— Однимъ миромъ мазаны...

— Нѣтъ, не говори: что я и что ты? Я—армейскій офицеръ. На что я нуженъ. На что я гожусь? Ни на что, ни на что... Въ пьяномъ видѣ скандалъ устроить. Денщику зубы расквасить, а потомъ терзаться. Съ досады, что Ольга меня не хочетъ—на Ксеніи жениться. Спиться до канцура. Пулю въ лобъ пустить. И больше ни на что, ни на что... Я вѣдь юнкерское училище только окончилъ. Знаешь? Ихъ лошадиными университетами называютъ... А ты—умный. Глубокій какой-то... А вотъ же сошлись на одномъ. И сидимъ оба опальные.

И оба чѣмъ-то связанные... И ты думай объ Ольгѣ, что хочешь. Твое дѣло. Да я-то такъ о ней думаю: молиться мнѣ на нее и за нее хочется. Вотъ сейчасъ... ты, чортъ знаетъ, чего о ея будущемъ наговорилъ. А мнѣ ничего это. Не вижу ничего, кромѣ ея. И вотъ сижу и думаю... Стихи въ голову лѣзутъ. Не помню, какая скотина написала ихъ.

— Скажи. Подумаемъ, сообразимъ.

— Слушай:

Ты спросила сегодня съ укоромъ,
Отчего я при встрѣчѣ молчу?
Оттого, что пустымъ разговоромъ
Я тебя оскорбить не хочу.

— Слышишь? Понимаешь? Вотъ, я не умѣю этого высказать. Но я это чувствую. Надо, надо найти другія слова, какой-то другой разговоръ. Не пустой. Потому что пустымъ разговоромъ я ее, Ольгу, оскорбить могу... Слышишь? Постой. Есть спичка? Папироса гаснетъ. Пойдемъ, «Дикій». Играютъ что-то.

Они поднимаются и идутъ. Ихъ двое. Одинъ въ бѣломъ, узкомъ кителѣ, съ блестящими, золочеными пуговицами. Другой въ чемъ-то сѣромъ. И оба двигаются по темному, сонному двору, не по прямой, а по какой-то колеблющейся, чуть ли не зигзагообразной линіи.

Они идутъ по направленію къ парадному ходу мимо хмурыхъ, сонныхъ флигелей и угрюмыхъ сараевъ. Они идутъ мимо угла, гдѣ стоятъ стреноженныя лошади и гдѣ спятъ вейделевскіе мужики. И когда они подходятъ къ лѣстницѣ, имъ слышны голоса сидящихъ на скамейкѣ за воротами у калитки.

Тамъ слышна какая-то возня, бормотанье, взрывъ принужденнаго смѣха. Потомъ вырывается капризный голосъ Ксеніи:

— Да что это, право? Пустите, студэнтикъ. Сейчасъ пустите. Барынѣ Аннѣ Павловнѣ скажу. Пустите!

— А вотъ и не пущу! Что вы дѣлать будете, Ксенія?

— А я караулъ закричу. Скандалъ будетъ...

— Не боюсь!

— Пустите! Ай! Что это вы, право?

— Въ самомъ дѣлѣ, пусти ее, Бжезицкій. Неловко, въ сущности...

— Ни за что!

— Барышня послала просить ихъ, а они... Пустите!

Бѣлый китель срывается съ мѣста и уже болѣе увѣренными шагами направляется къ калиткѣ. Фигура въ сѣромъ спокойно и мед-

ленно слѣдуетъ за нимъ. Оба они останавливаются передъ группою, собравшеюся у калитки.

На скамейкѣ сидятъ трое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ—это высокій студентъ съ матово-блѣднымъ выхоленнымъ лицомъ и длинными лихими усами—держитъ за обѣ руки притворно вырывающуюся, притворно сопротивляющуюся Ксенію и тянетъ ее къ себѣ, какъ будто собираясь ее поцѣловать. Ксенія рвется и съ нервнымъ капризнымъ смѣшкомъ отворачиваетъ лицо. И усъ студента щекочетъ ея бѣлую шею. И ея грудь упирается въ его плечо, колѣни соприкасаются.

Храмцовъ останавливается около борющихся, размашистымъ жестомъ хватаетъ за руку усатаго студента и говоритъ полнымъ бѣшеной, безумной злобы голосомъ:

— Ты, какъ тебя?! Пусти! А то... убью!

Ксенія вырывается и исчезаетъ за калиткою. Студентъ стряхиваетъ съ себя руку офицера и угрожающе приподнимается. Другіе вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, оттаскиваютъ офицера, усаживаютъ студента, что-то кричатъ. И въ вихрѣ безтолковаго гомона можно разобрать только доминирующія фразы:

— Оставьте, оставьте, господа! Что за вздоръ? Изъ-за какого-то пустяка... Ну, успокойся, Храмцовъ! Бжезицкій! Вы же видите, что Храмцовъ... не въ себѣ...

Бѣлый китель и сѣрая фигура колеблющимися шагами удаляются въ глубь двора.

— Дай еще папиросу! — говоритъ, понемногу успокаиваясь, офицеръ.—Слушай! Скажи: какая скотина написала эти стихи:

— Ты сегодня спросила съ укоромъ,
Отчего я упорно молчу?
Потому что пустымъ... пустымъ разговоромъ
Я тебя... я тебя... оскорбить...

Слышишь? Оскорбить не хочу! Я пьяный, я опустившійся. Слышишь? А вы? Вы, которые на меня свысока смотрите? Вы, такіе... развитые? Какъ вы къ Ольгѣ относитесь? Жалѣете? Да! О томъ жалѣете, что ее нельзя такъ безнаказанно, какъ эту ящерку, Ксенію, въ темномъ углу притиснуть, облапить. Фу, гадость, гадость!

— Не сходи съ ума!

— Было бы съ чего. Ну, къ чорту! Пойдемъ, можетъ быть, воды зельтерской добудемъ. Или квасу. Дай папироску!

И они поднимаются по лѣстницѣ.

Ихъ голоса, ихъ возбужденный крикъ, звукъ ихъ шаговъ ра-

дили спящихъ у лошадей мужиковъ. Первымъ поднялся могучій Савка, спящій, не выпуская изъ рукъ шкворня. Савка сбрасываетъ съ себя лежащую сверху попону, садится, озираясь осторожно вокругъ, звучно чешется. Сплевываетъ. И потомъ говоритъ куда-то въ темноту, гдѣ копошится другая человѣческая фигура:

— Тю, Митька? Ты чего не спишь?

— Не спится что-то!—тоскливымъ шопотомъ отвѣчаетъ парень.

И оба долго сидятъ неподвижно, вглядываясь во мглу и прислушиваясь къ доносящимся съ верхняго этажа звукамъ, къ звукамъ музыки, хохота, пѣнья, топота ногъ танцующихъ, звону посуды.

А у Касьяновыхъ опять танцуютъ.

Усталый, полупьяный таперъ, заложившій за раскисшій отъ пота галстукъ грязный платокъ и разстегнувшій половину пуговицъ затрепаннаго жилета, съ какимъ-то тупымъ ожесточеніемъ, съ холоднымъ отчаяніемъ колотитъ размашисто остеклѣвшими пальцами клавиши рояля, играя по памяти, безъ нотъ, немилосердно фальшивя.

Гремитъ мазурка. Пара за парою несутся по залу, сталкиваются, расходятся. Полъ дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ, и гдѣ-то забытый въ уголкѣ, незримый стаканъ жалобно вызваниваетъ, дребезжа, тоскливую монотонную пѣсенку.

Пара за парой. Колонна. Цѣпь.

Дирижируетъ Бжезицкій, веселый, развязный, изысканно вѣжливый. Онъ ведетъ цѣпь по залу, въ прихожую, въ гостиную. Тамъ—столовая. Дальше — полупритворенная дверь дѣтской. На минуту Бжезицкій пріостанавливается, потомъ подъ общій хохотъ врывается въ дѣтскую и тянетъ за собою остальныхъ.

Танцующіе проносятся черезъ дѣтскую. Передовые вылетаютъ въ какую-то полупустую комнату съ голыми ошарпанными стѣнами, потомъ опять въ прихожую, въ залъ. Хвостъ тянется. И когда послѣдняя пара, давнымъ-давно сбившись съ такта, пробѣгаетъ мелкими торопливыми шажками мимо завѣшенной пологомъ кровати Володьки,— пляшущій неистово на кровати и привѣтствующій всѣхъ криками Володька не выдерживаетъ: онъ вылетаетъ изъ кровати, волоча за собою подушку, одѣяло и купленную сегодня и уже сломанную пушку, цѣпляется потною липкою грязною рукою за платье послѣдней дамы, тщетно пытающейся отогнать его, и скачетъ, шлепая звонко босыми ногами по полу, извиваясь всѣмъ своимъ тощимъ, костлявымъ тѣломъ и волоча, какъ саванъ по полу, бѣлое длинное одѣяло.

За нимъ, какъ безумная, вскакиваетъ съ другой постели дур-

нушка Надя, одиннадцатилѣтняя дѣвочка, которую Касьяновы почему-то избѣгаютъ показывать гостямъ и всегда держатъ въ темныхъ углахъ. Она хватается за конецъ волочащагося одѣяла, кричитъ страннымъ, тонкимъ, пронзительнымъ голоскомъ:

— А-а-а-а...

и пробѣгаетъ по инерціи нѣсколько шаговъ, покуда ей не удается оторвать извивающагося, захлебывающагося отъ смѣха Володьку отъ танцующихъ. И они свиваются въ клубокъ. Они осыпаютъ другъ друга ударами, они борются, тиская другъ друга.

А въ залѣ все громче, все крикливѣе звучитъ мазурка. Все отчаяннѣе колотитъ полупьяный таперъ расхлябанныя клавиши стонущаго рояля. И ходуномъ ходитъ затоптанный полъ, и тамъ, внизу, въ подвалѣ, осыпается на спящихъ и неспящихъ незримая сѣрая ѣдкая пыль...

Свѣтаетъ.

Гости Касьяновыхъ уже разошлись по домамъ, но не всѣ: остались «Дикій» и Храмцовъ. Храмцовъ, вытрезвившійся, блѣдный, хмурый, съ мучительно болящею головою сидитъ въ столовой, не выпуская фуражки съ испачканнымъ чехломъ изъ дрожащихъ рукъ и отъ времени до времени порывается уйти, но Ольга, на которой прошедшая ночь не оставила никакихъ слѣдовъ, властно удерживаетъ его.

«Дикій», молчаливый, какъ-то странно сосредоточенный, ушедшій въ себя отъ окружающаго, сидитъ въ залѣ за маленькимъ столикомъ, на которомъ стоятъ какія-то бутылки. Эти бутылки пусты, но когда Ксенія, сонная, пошатывающаяся отъ усталости, безцеремонно зѣвающая, пыталась принять ихъ, «Дикій» запротестовалъ.

— Оставьте, Ксенія!...

— Да онѣ пустыя.

— Не ваше дѣло! Иная пустая бутылка лучше, чѣмъ полная какой-нибудь дрянью.

И Ксенія ушла, пожимая презрительно плечами, а «Дикій» остался съ пустыми бутылками въ пустомъ полутемномъ уже залѣ.

Ольга, Анна Павловна, Храмцовъ и «тетя» Евфросинья Павловна сидятъ въ столовой и пьютъ холодный чай изъ давно потухшаго самовара. Сестры усѣлись на мягкомъ клеенчатомъ широкомъ диванѣ, уйдя тучными усталыми тѣлами въ его глубь и расположившись въ небрежной позѣ людей, чувствующихъ себя среди своихъ и потому не находящихъ ни малѣйшей необходимости стѣсняться. Онѣ обѣ устали, но это—пріятная усталость, почти сладкая истома. И обѣ

не то бодрствуютъ, не то дремлютъ, и когда онѣ говорятъ, то и говоръ какой-то усталый, томный, полусонный, обволакивающій слушающаго думою о снѣ.

— Чудно, чудно прошелъ вечеръ!—говоритъ медленно, вяло, улыбаясь полусонною, полусознательною сладкою улыбкою Анна Павловна, прикрывая украшенною десяткомъ колецъ пухлою рукою полузѣвокъ и поеживаясь пухлыми плечами.—Чудно, чудно!... Борисовъ такой милый... Всѣ милые... И когда будутъ мои именины... Нѣтъ, мои—далеко. Мы на Володичкины именины опять устроимся... Если мужики денегъ не задержатъ...

— А я вами, мосье Храмцовъ, недовольна!—наставительно оборачивается къ блѣдному и хмурому офицеру Евфросинья Павловна, грозя ему жирнымъ пальцемъ.—И я намѣрена вамъ сдѣлать выговоръ!

— Слушаю!—смущенно-небрежно отвѣчаетъ Храмцовъ, поднося руку къ нестерпимо болящему виску.

— Да, недовольна, недовольна!... Знаете, за что?... За Бжезицкаго! За что вы оскорбили его? Онъ всегда такой корректный.. И всѣмъ готовъ услужить... И вдругъ... Я хорошо не поняла, но у васъ, очевидно, вышло какое-то нелѣпое недоразумѣніе...

Храмцовъ молчитъ, криво улыбаясь. И ему вспоминается «недоразумѣніе» тамъ, на улицѣ, эти двѣ фигуры—Ксеніи и студента, и ему дѣлается какъ-то не по себѣ. Словно стыдно, что онъ вмѣшался въ грязь чужихъ, его не касающихся отношеній.

Анна Павловна опять сладко зѣваетъ, жмурится, поеживается и говоритъ, повидимому, не вслушавшись въ объясненія сестры съ офицеромъ:

— Да, онъ хорошій, онъ милый, этотъ Бжезицкій. Право, милый!...

Ольга, сидящая рядомъ съ матерью, съ трескомъ отодвигаетъ стулъ и громко, насмѣшливо и злобно фыркаетъ.

И въ этомъ есть что-то всѣмъ понятное, всѣхъ смущающее, всѣхъ волнующее.

Анна Павловна отрываетъ свое тучное тѣло отъ спинки дивана, роняетъ сердито сложенныя на выпятившемся животѣ руки и почти кричитъ, но кричитъ слезливымъ, обиженнымъ, жалующимся всѣмъ и на все голосомъ:

— Не смѣешь, не смѣешь, Ольга!

— Чего не смѣю?—полнымъ звенящихъ дерзкихъ нотокъ голосомъ отвѣчаетъ дѣвушка, смотря на мать горящими гнѣвомъ и презрѣніемъ глазами.

— Осуждать мать не смѣешь! Да, не смѣешь, не смѣешь!... Ты моя дочь, я твоя мать, а не кто-нибудь. И ты живешь—я тебѣ не мѣшаю... И я хочу... я хочу...

— Чего ты хочешь, мама? Можетъ, чаю съ лимономъ?

— Я?—теряется Анна Павловна.—Я?—повторяетъ она, безпомощно переводя сладкіе круглые испуганные глаза съ одного на другого.

Всѣ молчатъ.

Тогда она безсильно, разслабленно опускается въ глубь дивана, складываетъ пухлыя руки на животѣ.

— Викторъ Сергѣичъ!—говоритъ она слезливо, обращаясь къ Храмцову.

— Чѣмъ могу служить?

— Слушайте. Вотъ, вы—конечно, посторонній. Но вы—какъ свой. Какъ родной... И вы—безъ предразсудковъ. Правда? Ну, вотъ... Скажите: развѣ это справедливо? Развѣ я должна замуроваться? Всю жизнь ничего хорошаго не видѣла... Ничего, ничего! Замужемъ была. Что я видѣла? Въ деревнѣ, въ «Касьяновщинѣ» сидѣли—свѣту не видѣли. Мужиками сами стали... Мужъ пьянствовалъ... Дѣти пошли... Нѣтъ, что я видѣла? А теперь, когда я свободный человѣкъ... Что я должна дѣлать? Отъ всего отказаться, ни съ кѣмъ добрымъ словомъ не перекинуться? И если даже мнѣ кто-нибудь нравится, то я должна...

Вспыхиваетъ ссора. Всѣ три женщины вмѣшиваются въ нее. Онѣ почти кричатъ, попрекая другъ друга мелочами, уличаютъ другъ друга во лжи, взводятъ другъ на друга чудовищныя обвиненія. И весь этотъ споръ какой-то безтолковый, безсмысленный, дряблый, какъ потныя жирныя тѣла хозяекъ, грубый и пошлый, вскрывающій до дна всю мелочность, всю ненужность, всю безцѣльность ихъ женскаго существованія.

И всѣ трое, споря, ссорясь, попрекая другъ друга, обращаются, какъ къ третейскому судьѣ, къ блѣдному Храмцову.

Ольга стоитъ посреди комнаты со стиснутыми зубами и сжатыми кулаками и кричитъ:

— Да, правда! Вѣшаюсь на шею. Всѣмъ вѣшаюсь! «Дикому» и то вѣшалась... Теперь, къ Борисову. Правда твоя, мама! Ко всѣмъ прилипаю... Только бы изъ болота вашего касьяновскаго уйти, вылѣзти...

— Скажите, пожалуйста! Изъ болота? На чистое захотѣлось?

— Можетъ, и не на чистое... А уйду, уйду! Если не женитс-

никакой дуракъ, такъ уйду. На содержаніе поступлю. Шансонеткою стану. Или въ сестры милосердія... Или въ монастырь... Уйду, уйду, и не удержите.

Ольга срывается и убѣгаетъ въ залъ.

Секунду спустя оттуда она возвращается съ страннымъ, испуганнымъ, встревоженнымъ лицомъ, идетъ на цыпочкахъ и говоритъ шопотомъ:

— Господа. Я... я боюсь!

— Что случилось?—приподнимается испугано Храмцовъ, мгновенно почему-то вспоминающій, что тамъ, въ залѣ, долженъ находиться «Дикій». Что-нибудь съ нимъ... Какое-нибудь непоправимое несчастье...

— Я боюсь! Я боюсь!—твердитъ таинственно Ольга. И вдругъ разражается еле сдерживаемымъ хохотомъ.

— Ха-ха-ха!... Представьте себѣ... Нѣтъ, вы идите сюда. Всѣ, всѣ! Мама! Вставай и ты. Тетя! Да идите же! Ничего страшнаго нѣтъ. Только нашъ «Дикій»... И больше ничего. Онъ... держитъ въ рукахъ пустую бутылку, а самъ разговариваетъ что-то. Про какую-то лампу...

Анна Павловна сонливо машетъ рукою.

— Богъ съ нимъ. Поговоритъ и перестанетъ. Заснетъ, и все тутъ...

Но Храмцовъ поднимается и подходитъ къ двери. И онъ слышитъ монотонное бормотанье «Дикаго»... И ему дѣлается невыносимо тяжело и жутко.

— Такъ вы хотите, чтобы я вамъ разсказалъ сказку? Сказку про лампу? Хорошо!—бормочетъ «Дикій».

— Жила была одна лампа. И она была полна керосину. И былъ новый фитиль. И она... горѣла яркимъ пла-ме-немъ... И всѣ твердили, что это—отличная лампа. Но никто не думалъ, что въ ней керосинъ можетъ выгорѣть. Потомъ, когда керосину было уже на донышкѣ,—лампа стала чадить. И люди шли... и твердили, что какъ они ошиблись: лампа-то, кажется, плохая. Порча есть... Потомъ лампа совсѣмъ потухла. Только потому, что въ ней уже не было керосина. Только, только потому! А люди твердили, что лампа никуда не годна... Хотите, я еще разскажу вамъ одну сказку? Глупую, нелѣпую сказку? Ну, слушайте... Кажется, про лампу я уже разсказалъ? Теперь будетъ сказка объ одной... пальмѣ. Пальмѣ, которая была въ дубовой кадкѣ...

Ольга, оттаскивая Храмцова отъ полупритворенной двери, слу-

шаетъ пьяный бредъ «Дикаго» съ какимъ-то жаднымъ болѣзненнымъ любопытствомъ, и на ея красивомъ, нѣжномъ, чуть поблѣднѣвшемъ отъ безсонной ночи молодомъ лицѣ рисуется странное, загадочное выраженіе, что-то придающее ей какое-то особое, чуть не мистическое значеніе, какую-то глубину.

Разсвѣтаетъ.

У Басьяновыхъ уже всѣ спятъ.

На дворѣ уже просыпаются.

Савка и Митька запрягаютъ отдохнувшихъ лошадей, укладываютъ на телѣгу немудрый мужицкій багажъ, бережно пряча сдѣланныя вчера покупки—подарки для домашнихъ.

Счетчикъ Анкудиновъ, кряхтя и что-то пришепетывая безкровными губами, разсчитывается съ соннымъ, угрюмымъ дворникомъ Игнатомъ, вышедшимъ проводить мужиковъ и запереть за ними ворота.

Мужики усаживаются на телѣгу. Готовы тронуться.

Тогда откуда-то появляется странная фигура: это—«Дикій». Онъ полуодѣтъ, съ непокрытою лохматою головою, съ полузакрытыми глазами.

Онъ подходитъ къ телѣгѣ, смотритъ, какъ-будто высокомѣрно, задравъ голову, но на самомъ дѣлѣ только потому, что ему больно смотрѣть иначе.

— Мужики?—говоритъ онъ, ни къ кому не обращаясь:—въ деревню? На землю?

— Шли бы вы, господинъ студентъ, спать!—раздраженно говоритъ ему Игнатъ.

— Помолчи! Не твое дѣло! Можетъ, и я въ деревню хочу?... На землю? Слушайте, господа! Знаете, что? Возьмите вы меня съ собой. Право, возьмите! Въ деревню. На землю!...

Мужики смущенно и враждебно переглядываются.

— Право, возьмите! Вы скажете, что я вамъ не нуженъ? Но я скажу, я могу быть нуженъ. Мы будемъ ѣхать, и я разскажу вамъ сказку. Хотите, я разскажу сказку объ одной лампѣ? Или о мужикахъ, которые привозили одной семьѣ деньги, которыя эта семья швыряла на вещи, которыя...

Игнатъ беретъ студента подъ руку и отводитъ въ сторону.

— Трогай!—говоритъ онъ рѣшительно.

Телѣга трогается, сначала по мягкому грунту двора почти беззвучно, съ чуть слышнымъ шуршаньемъ, потомъ переднія колеса

въѣзжаютъ на камни замощеннаго лотка въ воротахъ и катятся съ грохотомъ и скрежетомъ. Телѣга подпрыгиваетъ. Мужики цѣпляются другъ за друга.

— Съ Богомъ. До свиданьица!—кричитъ придерживающій за локоть не сопротивляющагося студента Игнатъ.

— Прощенья просимъ!—чуть слышно доносится въ отвѣтъ. Но мужики не оборачиваются. Они сидятъ, сгрудившись вокругъ стараго дремлющаго счетчика Анкудинова. Только одинъ Митька сидитъ на задкѣ телѣги, лицомъ назадъ, и упорно смотритъ почему-то вверхъ, на окна касьяновской квартиры, немигающими красными глазами.

М. Первухинъ.

ИЗАИЛЬ.

Романъ Геннинга Бергера.

(Съ нѣмецкаго.)

Буря.

Однажды, въ сентябрѣ, къ вечеру надъ сѣверною частью Чикаго нависла громадная грозовая туча.

Она появилась изъ-за Парка Линкольна, зелень котораго была ярко освѣщена косыми лучами заходившаго солнца, затѣмъ надвинулась на высокій, узкій, многоэтажный остовъ отеля La Plaza, горѣвшій кирпично-краснымъ вечернимъ свѣтомъ, и поднялась гигантскимъ сѣро-сизымъ конусомъ, рѣзко выступавшимъ на холодномъ блѣдно-зеленомъ осеннемъ небѣ. Очертанія тучи, напоминавшія собою также молотокъ въ гигантскомъ сжатомъ кулакѣ, словно предвѣщали бѣду, грозили и придавали всей перспективѣ улицъ загадочный, призрачный и величественный видъ. На далекомъ разстояніи, у грязной, покрытой масломъ рѣки, надъ которою висѣли разводные мосты и подъ которой проходили безчисленные подземные туннели, словно въ стереоскопѣ виднѣлись лошади, повозки, автомобили и человѣческія фигуры, медленно направлявшіяся ко входу въ паркъ. Поѣзда электрической и воздушной желѣзныхъ дорогъ, дома и деревья, высокіе столбы дуговыхъ фонарей вырисовывались, словно крошечныя игрушки на фонѣ надвигавшейся тучи; и картина окрестныхъ улицъ все болѣе и болѣе походила на кукольный театръ.

Туча ползла медленно, окутывая свинцовыми тѣнями далекія части улицъ. Надъ прибрежными переулками еще свѣтило низкое солнце, перекидывая черезъ Кларкстритъ словно широкія ленты свѣта. На углу улицы Огіо собралась толпа людей. Вагоны городской желѣзной дороги, шедшіе съ юга и биткомъ набитые фабричными рабочими и работницами, возвращавшимися домой, столкнулись на перекресткѣ съ цѣлымъ рядомъ телѣгъ, высокихъ какъ дома и вык[illegible]а-

шенныхъ въ яркую краску, какъ повозки походнаго цирка или звѣринца. Телѣги были запряжены тройками огромныхъ, какъ слоны, сѣрыхъ въ яблокахъ лошадей, и занимали много мѣста. А такъ какъ туннель продолжалъ выбрасывать длинные поѣзда, кишѣвшіе народомъ, то южный конецъ Кларкстритъ вскорѣ превратился въ живую блокаду, которая тянулась до самаго берега рѣки. Словно чтобы увеличить замѣшательство и прекратить всякое сообщеніе, въ эту минуту медленно повернулся мостъ и прѣзалъ электрическіе провода уличной желѣзной дороги. Скопленіе и давка достигли неслыханныхъ размѣровъ. По сѣверную сторону моста скользилъ по рѣкѣ рядъ нагруженныхъ кукурузою лодокъ, въ то время какъ сквозь своды желѣзной дороги, проходившей по мосту, были видны два черныхъ отъ копоти буксирныхъ парохода, тащившихъ за собою на двойныхъ цѣпяхъ суда, груженые хлопкомъ. Вѣтеръ, дувшій съ юга, доносилъ отвратительный запахъ громадныхъ боенъ Union Stock Yards,—запахъ крови и мяса, стоявшій въ неподвижномъ воздухѣ, надъ рѣкою.

Теперь туча закрыла все небо между крышами длинной улицы. Близъ Парка Линкольна, зелень котораго слилась уже съ тучей, казалось, что она покоилась на домахъ. Солнце исчезло; одна за другой крупныя капли дождя тяжело упали на сѣрый асфальтъ.

Гуго Нордлингъ покинулъ свое мѣсто на тормозѣ вагона уличной желѣзной дороги, гдѣ, цѣпляясь за тонкую колонку, поддерживавшую крышу, онъ висѣлъ между небомъ и узкою подножкой,—и спрыгнулъ на мостовую. Дождь усилился. А повозки, кэбы, автомобили, велосипеды и вагоны желѣзныхъ дорогъ все прибывали. Уплативъ за проѣздъ половину своего наличнаго состоянія—десять центовъ—и не имѣя передъ глазами опредѣленной цѣли, Нордлингъ разсудилъ, что прекрасно можетъ остаться и здѣсь, гдѣ все, что обычно двигалось, въ эту минуту было обречено на внезапный перерывъ пульса и на двухминутный отдыхъ для больныхъ, усталыхъ членовъ.

Съ минуту Нордлингъ простоялъ въ нерѣшимости на тротуарѣ. Дождь усилился. Это пробудило его снова къ жизни.

Онъ увидѣлъ передъ собою стѣну зеленыхъ, сѣрыхъ, кирпично-красныхъ и грязно-бѣлыхъ домовъ. Въ нижнемъ этажѣ каждаго изъ нихъ помѣщались аптеки, табачныя лавки, билліардные залы, пивныя. Противъ него находился большой ресторанъ. Выпуклыми, деревянными вызолоченными буквами по черному фону было написано надъ створчатою стеклянною входною дверью имя Вослика. Грубо вырѣзанные, окрашенные въ желтый хромъ пивные стаканы по обѣимъ сторонамъ вывѣски говорили о безмѣрномъ количествѣ пива, которое отпускалось въ этой пивной.

Нордлингъ тупо смотрѣлъ на вывѣску, затѣмъ скользнулъ взоромъ направо и увидѣлъ черную грифельную доску съ заманчивою надписью: устрицы, колбаса и кислая капуста при стаканѣ пива безплатно!

Гуго Нордлингъ не могъ оторвать глазъ отъ черной доски... И въ теченіе двухъ минутъ стоя передъ нею, онъ пережилъ мысленно, словно видѣлъ въ синематографѣ, все свое недавнее прошлое...

Онъ вспомнилъ свой пріѣздъ въ большой незнакомый городъ поздно вечеромъ. Полуживой отъ усталости, бродилъ онъ съ толпою эмигрантовъ по улицамъ Чикаго, съ чемоданомъ въ рукѣ, спотыкаясь на каждомъ шагу о длинныя полы своего стараго пальто. Вспомнилась ему и грязная переполненная гостиница, и дурная пища, и жесткая постель. Съ дрожью припомнилъ онъ ужасную ночь, когда въ темномъ переулкѣ на него напали и отняли серебряные часы и бумажникъ, скуднаго содержанія котораго должно было хватить ему на кровъ и пропитаніе въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Далѣе слѣдовалъ длинный ужасный рядъ утреннихъ часовъ, когда, дрожа отъ стужи, онъ выстаивалъ въ хвостѣ среди нищихъ и безработныхъ у гигантскихъ фабрикъ, напрасно моля о работѣ. По вечерамъ, какъ воръ проскальзывалъ онъ въ ссудныя кассы, оставляя тамъ мало-помалу и то немногое, чѣмъ обладалъ: одежду, книги, мелкія бездѣлушки, которыя хранилъ на память о разоренномъ родительскомъ гнѣздѣ. Онъ припомнилъ ночи, когда въ отчаяніи, безъ крова, онъ блуждалъ по безконечнымъ улицамъ или спалъ по нѣскольку часовъ подъ кустами какого-либо парка. Мелкая работа, перепадавшая случайно и приносившая ему время отъ времени нѣсколько долларовъ, неожиданная помощь отъ друзей съ родины и небольшія суммы, одолжаемыя ему болѣе счастливо устроившимися товарищами, облегчали ему борьбу съ гибелью. Но теперь наступала осень, а за нею зима—что было дѣлать? И несмотря на все это онъ словно ощущалъ какой-то свѣтъ, дыханіе близкой свободы обвѣвало его пылающій лобъ, онъ видѣлъ зарю, сулившую ясное утро...

На родинѣ онъ не сдалъ экзамена ни на какую ученую степень. Инженеръ по призванію, онъ былъ сначала ученикомъ въ одномъ частномъ учрежденіи, а затѣмъ чертежникомъ на механическомъ заводѣ въ провинціи. И несмотря на это, несмотря на все это,—онъ вѣрилъ въ то, что должно было дремать въ немъ: въ идеи, въ мечты, въ геній изобрѣтателя, прославившіе многихъ изъ его соотечественниковъ. Правда, смерть отца развѣяла эти надежды... И тогда, съ двумя талерами въ карманѣ, онъ отправился въ путь на поиски...

Съ быстротою молніи пронеслись въ его головѣ эти мысли... Онъ

поднялъ глаза кверху. Въ воздухѣ сдѣлалось тихо и молчаливо. Дождь пересталъ; было нестерпимо душно. Толпа народу позади него внезапно смолкла. Молодыя дѣвушки потупили красивыя, блѣдныя лица подъ крикливыми, дешевыми шляпами и машинально перебирали пальцами свои пустые мѣшечки для завтрака. Онѣ походили на евреекъ, съ волнами черныхъ волосъ надъ тонкимъ, нездорово-блѣднымъ оваломъ лица. Мужчины съ особенно сильно развитою мускулатурою верхней части туловища, выдававшей въ нихъ рабочихъ по желѣзу, покусывали длинные усы и читали измятыя засаленныя газеты. На всемъ лежала печать утомленія, смѣшаннаго съ равнодушіемъ, въ которыхъ было нѣчто неподвижное, нѣчто общее съ машинами, нѣчто свойственное приведеннымъ въ состояніе покоя машиннымъ частямъ, маховымъ колесамъ и валамъ.

Внезапно въ рядѣ стоявшихъ другъ за другомъ вагоновъ произошло движеніе. Препятствіе было удалено, и люди снова торопливо занимали свои мѣста. Медленно приходила въ движеніе извивающаяся змѣя, и вагонъ за вагономъ, биткомъ набитые одинакими и типичными фигурами, двигались мимо. Казалось, имъ не будетъ конца. Мимо проскальзывали тысячи рабочихъ. Тѣ же согбенныя широкія плечи, тѣ же впалыя груди у мужчинъ, тѣ же блѣдныя, красивыя лица у женщинъ, съ черными, миндалевидными глазами. Пронзительно кричали сигнальные свистки, гремѣли рычаги, жужжали электрическіе провода, и голубыя искры съ трескомъ и шипѣньемъ вылетали изъ-подъ колесъ. Вагонъ за вагономъ, грузъ за грузомъ, проходили все быстрѣе и быстрѣе, такъ что только свистѣло въ воздухѣ. А въ противоположную сторону спѣшилъ потокъ экипажей, летѣли велосипеды, толпа пѣшеходовъ напирала на устье висячаго моста. Артерія возобновила свою дѣятельность. Огромные глаза-фонари переднихъ вагоновъ ярко освѣщали черныя спины впереди бѣгущихъ товарищей. Усталые мужчины и женщины сидѣли и тѣснились внутри вагоновъ, висѣли на подножкахъ, между буферами, почти до самой крыши, вездѣ, гдѣ только можно было ухватиться за желѣзный брусъ или за кожаный ремень. Подъ непрерывный грохотъ и звонъ мелькалъ поѣздъ за поѣздомъ и уходилъ по Кларкстриту, исчезая въ концѣ улицы.

Стало почти темно. Сумерки, еще болѣе тоскливыя отъ того, что въ ту минуту зажигались большіе дуговые фонари, спускались между домовъ. Зажигался фонарь за фонаремъ, зигзагами вспыхивали внезапные огни. Вскорѣ безконечная лента ихъ меланхолически горѣла въ умирающемъ свѣтѣ дня. Дождь пошелъ снова сильнѣе.

Молодой путникъ рѣшительно обернулся ко входу въ ресторанъ.

Въ карманѣ у него оставалось еще пять центовъ. На мелкую никелевую монетку онъ могъ выпить стаканъ пива и съѣсть нѣкоторое количество безплатной закуски вмѣсто ужина. Сверхъ того онъ могъ укрыться отъ дождя; его электрическій поѣздъ давно уже ушелъ. А гроза будетъ сильная! Ну, ночь-то ужъ, безъ сомнѣнія, придется ему провести подъ открытымъ небомъ...

Въ ту минуту, какъ онъ шагнулъ къ двери, взоръ его былъ прикованъ зеркаломъ, стоявшимъ въ витринѣ цырюльника. Сначала оно отражало лишь одно хмурое небо, по которому гнались другъ за другомъ облака; но сдѣлавъ еще шагъ, молодой человѣкъ увидѣлъ на отдаленномъ, безпокойномъ фонѣ неба собственное лицо. Невольно онъ улыбнулся: великолѣпная голова на широкихъ плечахъ, отрѣзанная рамою зеркала, словно для поясного портрета. Лобъ мыслителя надъ сѣро-голубыми мечтательными глазами, длинные свѣтлые волосы и короткая бѣлокурая бородка. Мягкая нижняя часть лица, и, несмотря на это, какое-то выраженіе упрямства и рѣшимости въ линіяхъ рта. Но до чего онъ былъ худъ! Ни одинъ человѣкъ на родинѣ не узналъ бы его! И какъ загорѣлъ! Волосы и борода отдѣлялись, словно искусственные, отъ темной бронзы лица.

Улица была пустынна, и Нордлингъ только теперь понялъ, что вагоны исчезли въ послѣднюю минуту передъ грозой. Дождь началъ лить, какъ безумный, и смѣшанный съ градомъ, разсыпался дробью по тротуару; асфальтъ побѣлѣлъ отъ плясавшихъ по немъ зеренъ. Вдали тьма выростала въ черную, все быстрѣе и быстрѣе надвигавшуюся стѣну; лошадь поскользнулась и упала на углу переулка; испуганные люди спасались въ ближайшіе дома.

Свистящій звукъ, за которымъ послѣдовалъ подземный ударъ, прогремѣлъ и прокатился, словно невидимая волна вдоль дрогнувшихъ стѣнъ домовъ. Вдругъ гигантская туча расщепилась сотнями молній, которыя, подобно огненнымъ змѣямъ, сверкали и извивались внизъ и вверхъ. Буря,—торнадо западной Америки,—бушевала надъ его головою, и оглушенный, обезсиленный, еле переводя духъ, онъ ухватился за металлическую ручку двери.

Въ эту минуту на пустынной и залитой потоками улицѣ онъ вдругъ увидалъ женскую фигуру, шедшую прямо на него.

Тонкое платье облипало тѣло; вокругъ черноволосой, непокрытой головы сверкали молніи, образуя словно діадему. Въ одной рукѣ нея была гитара; казалось, что она прямымъ путемъ спустилась на землю изъ струившей потоки тучи.

Погребокъ Вослика.

Гуго Нордлингъ толкнулъ передъ собою дверь. Въ эту минуту молодая дѣвушка проскользнула мимо него въ то же помѣщеніе. На порогѣ появился низенькій, рыжій нѣмецъ, безъ пиджака, въ бѣломъ или скорѣе сѣромъ фартукѣ. Остатки различнаго кушанья, печеночной колбасы и лимбургскаго сыру, оставили многочисленные слѣды на его одеждѣ, о которую онъ, повидимому, имѣлъ обыкновеніе вытирать свой ножъ. Онъ выглядѣлъ мясникомъ, но былъ, безъ сомнѣнія, кельнеръ.

— Входи,—закричалъ онъ,—или выходи вонъ! Чего стоишь? Скорѣй входи или выходи, чортъ побери!

Нордлингъ вскочилъ внутрь залы.

Маленькій кельнеръ продолжалъ хриплымъ отъ алкоголя и отъ страха голосомъ, распространяя вокругъ себя запахъ чеснока:

— Намъ надо бы запереть дверь of course въ такую погоду! Взгляните-ка на полъ! Ну, ужъ нечего сказать, вотъ такъ стаканъ пива!

Громъ гремѣлъ, молнія сверкала, казалось, что горитъ вся дверь.

Изъ глубины помѣщенія раздался грубый низкій голосъ: «запирай, свинья, задвинь засовъ, чтобъ никто не входилъ!»

— Вотъ тебѣ и стаканъ пива!—прошепталъ кельнеръ. Онъ закрылъ вторыя двери- ставни, сходившіяся посерединѣ, и Нордлингъ уперся плечомъ въ доски, надавливая въ то же время большой желѣзный засовъ, который маленькій нѣмецъ едва могъ держать въ рукахъ. Наконецъ, засовъ защелкнулся, и, еле дыша, оба выпрямились. Полъ у входной двери, затоптанный и грязный, походилъ на небольшое озеро мутной воды, въ которой плавали опилки.

Шведъ оглянулся. Помѣщеніе походило на вокзалъ; оно было огромно, какъ зданіе рынка, съ высокимъ потолкомъ, поддерживаемымъ двойнымъ рядомъ узкихъ колоннъ. Направо отъ входа, у стѣны стоялъ засаленный, темный буфетъ, за которымъ поднимались деревянныя полки съ бутылками всѣхъ возможныхъ формъ и цвѣтовъ, стаканы, тарелки, фаянсовыя и стеклянныя кружки для пива. Три никелевыя кассы блестѣли надъ длиннымъ рядомъ пивныхъ бочекъ, изъ мѣдныхъ крановъ которыхъ безпрестанно сочилась пѣна въ два стоявшихъ на полу сосуда. Полутьма, напоминавшая дневной свѣтъ при солнечномъ затменіи, царила въ залѣ. Въ высокія окна хлесталъ градъ, изрѣдка они освѣщались блестѣвшею молніей.

Въ этой полутьмѣ сидѣло и стояло группами человѣкъ пятьдесятъ. Въ глубинѣ, у буфета, стоялъ внушительнаго вида человѣкъ,

высокаго роста, одѣтый въ черное пальто, наглухо застегнутое на широкой и нѣсколько полной фигурѣ. Возлѣ него на столѣ между пустыми стаканами и бутылками стоялъ довольно хорошо вычищенный, блестящій, хотя и нѣсколько потертый цилиндръ. Въ шляпу былъ опущенъ свертокъ пожелтѣлой бумаги. Гладко выбритое лицо человѣка было одутловато и блѣдно, вокругъ низкаго лба, какъ улитки, вились мелкія, черныя кудри. Глаза свѣтились изъ-подъ тяжелыхъ припухшихъ вѣкъ страннымъ, почти безумнымъ блескомъ, который словно отражался и въ рѣзкихъ складкахъ вокругъ рта. Что-то напоминало во всей фигурѣ свергнутаго императора; голова была прямо маской Нерона.

Взглядъ Нордлинга остановился на необыкновенномъ человѣкѣ; эта внѣшность одновременно и привлекала его къ себѣ и вызывала въ немъ какое-то безпокойство. Нервное предчувствіе близкой бѣды охватило его, сдѣлало его дыханіе тяжелымъ и прерывистымъ, словно ему предстояло задохнуться въ этой насыщенной электричествомъ атмосферѣ.

Помѣщеніе погружено было теперь въ полный мракъ. Тихій ропотъ разговора сопровождался раскатистыми ударами грома.

Служитель подошелъ къ Нордлингу съ большимъ стаканомъ пива; пѣна бѣжала у него поверхъ пальцевъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ.—А тамъ ты получишь безплатную закуску. Сосиски еще не остыли.

За одимъ изъ столовъ потребовали пива; вокругъ него сидѣли четыре человѣка, имѣвшихъ видъ биржевыхъ маклеровъ или букмекеровъ. Шляпы у нихъ были сдвинуты на затылокъ, во рту они держали сигары; въ засаленныя и засиженныя мухами карты они играли въ покеръ. Нѣмецъ промчался дальше.

Нордлингъ подошелъ къ каменному столу у стѣны, на которомъ подъ котломъ горѣло голубое пламя газа. На столѣ, несмотря на жужжавшую на немъ механическую трещалку для отпугиванія мухъ, покрытомъ цѣлою стаею мухъ, стояли тарелки съ остатками колбасы и кислой капусты, съ корками хлѣба и ломтями томатовъ. Среди нихъ—огромное блюдо съ тертымъ хрѣномъ, въ другомъ—въ водѣ съ уксусомъ лежало множество грязныхъ вилокъ съ поломанными ручками. Въ высокомъ стаканѣ были сельдерей и свѣжій лукъ. Возлѣ огромнаго, круглаго и вонючаго лимбургскаго сыра стояло блюдо съ простоквашей, надъ котелкомъ съ сосисками словно облако носился паръ. Нордлингъ не сталъ раздумывать.

Онъ взялъ тарелку, помѣшалъ вилкой въ водѣ съ уксусомъ и ...ожилъ себѣ четыре сосиски, пару стеблей сельдерея и хрѣну

Ножомъ отрѣзалъ кусокъ сыру и уложилъ его между двумя толстыми ломтями черного хлѣба. Свой стаканъ съ пивомъ онъ поставилъ на сосѣдній столикъ, вблизи одной изъ колоннъ; за него онъ и сѣлъ.

Онъ ѣлъ съ жадностью безработнаго, проголодавшагося человѣка. Благодаря сильнымъ приправамъ, узнать первоначальный вкусъ блюдъ было невозможно. Ротъ жгло, когда онъ заливалъ ихъ глоткомъ пива.

Тепло и ѣда на минуту разслабили его. Въ сотый разъ перебиралъ онъ въ мозгу мысль о работѣ, преслѣдовавшую его, какъ призракъ. И по обыкновенію, онъ видѣлъ передъ собою множество людей, обладавшихъ этимъ сокровищемъ, котораго онъ такъ долго и такъ тщетно жаждалъ.

Какъ бы ни были утомлены рабочіе, которыхъ онъ только что встрѣтилъ въ поѣздѣ, но они ѣхали домой, къ своимъ семьямъ, въ свою квартиру, гдѣ ихъ ожидалъ дымящійся ужинъ—главная ѣда американцевъ. За тяжелыми днями наступала суббота—день разсчета; они могли разрѣшить себѣ тогда нѣсколько лишнихъ стаканчиковъ, пойти въ театръ или на простой балъ. Какъ долго онъ рисовалъ себѣ въ воображеніи эту правильную жизнь, которую будетъ вести въ первые годы на чужой сторонѣ, пока не сбережетъ достаточно денегъ, чтобы предпринять что-либо на свой собственный страхъ, найметъ себѣ маленькую комнатку, будетъ ѣсть три раза въ день, будетъ покупать себѣ одежду, выпивать ежедневно свой стаканъ пива, выкуривать свою трубку! Свои сбереженія будетъ класть въ банкъ: ему чудилось, что онъ уже подсчитываетъ и складываетъ въ своей книжечкѣ. Съ какимъ вниманіемъ изучалъ онъ столбцы объявленій въ гигантскихъ воскресныхъ нумерахъ газетъ; какъ много онъ бѣгалъ, искалъ, выстаивалъ въ хвостѣ, ходилъ по конторамъ! И въ концѣ-концовъ онъ отдался бездѣйствію, все возраставшему равнодушію, легкомыслію. Лишь бы только прожить день, а на утро въ немъ просыпались снова безумныя мечты о неожиданномъ, которое должно совершиться. Жизнь на улицѣ, отдыхъ по трактирамъ... И снова опасная жизнь въ грезахъ и сновидѣніяхъ, которая однажды его уже чуть-чуть не погубила на родинѣ. Старыя, безумныя мечты объ изобрѣтеніи, а пока—постепенное превращеніе въ бродягу!

Да, въ бродягу! Развѣ онъ не сидитъ здѣсь, съ пустымъ стаканомъ, готовый заказать себѣ второй, а за нимъ третій, хотя послѣ этого у него не останется ни копейки на ночлегъ и на завтра. Развѣ онъ не утѣшается уже тѣмъ, что какъ только погода станетъ лучше, онъ будетъ проводить всѣ ночи подъ открытымъ небомъ, вмѣсто того, чтобы вымаливать себѣ ночлегъ на диванѣ у друзей изъ предмѣстья? Развѣ онъ не повторяетъ ежедневно, что съ наступленіемъ

октября онъ непремѣнно найдетъ работу? Нужно только перебиться въ теченіе лѣта! И все это, несмотря на то, что онъ съ дрожью ужаса думаетъ о зимней стужѣ, о снѣгѣ, о сердитыхъ завываніяхъ холоднаго вѣтра, дующаго съ озера...

Молодой шведъ стукнулъ рукою по столу. Вслѣдъ за этимъ онъ вспомнилъ, что у него уже нѣтъ десяти центовъ, а всего лишь пять. Онъ позабылъ, что уплатилъ за проѣздъ кондуктору передъ тѣмъ, какъ вагоны остановились. Еще стаканъ, и у него не останется ни цента... Но нѣмецъ уже несъ пиво.

Вдругъ наступила полная темнота. Затѣмъ вспыхнулъ лучъ серебряно-бѣлыхъ молній, и трескъ, словно отъ взрыва динамита, потрясъ все зданіе. Стаканы зазвенѣли за прилавкомъ, нѣсколько человѣкъ громко вскрикнули. Между этими голосами можно было различить высокій голосъ женщины. Затѣмъ опять все смолкло, слышно было, какъ дождь и градъ, словно свинцовыя пули, барабанили въ стекла. Въ концѣ-концовъ трескотня перешла словно въ непрерывный стукъ молотковъ. Къ этому присоединился шумъ водяного потока на улицѣ; онъ бушевалъ, какъ водопадъ.

— Зажги скорѣе газъ!—раздался голосъ хозяина.

— Да, да. Если только сейчасъ не опасно...—безпокойно отвѣтилъ слуга.

Дрожа, засвѣтилъ онъ огонь и, балансируя на цыпочкахъ, съ трудомъ зажегъ всѣ восемь рожковъ, которые шли отъ колоннъ. Пламя слабо освѣтило огромное помѣщеніе; оно казалось плавающимъ въ туманѣ и горѣло вяло и безпокойно трепещущими голубыми и желтыми языками. Удары грома не прекращались и отдавались въ пустыхъ переулкахъ и дворахъ.

Одинъ изъ игроковъ въ покеръ отбросилъ карты и загребъ со стола нѣсколько монетъ. Онъ былъ блѣденъ.

— Я больше пока не играю,—сказалъ онъ.

Остальные не возражали. Позѣвывая, надвинули они широкія шляпы и потянулись, поднявъ руки надъ головою.

То здѣсь, то тамъ спрашивали пива или виски. Хозяинъ сидѣлъ, хмуро нагнувшись надъ газетой, курилъ и зорко поглядывалъ за кассами. Человѣкъ, съ лицомъ Нерона, стоялъ неподвижно, какъ статуя.

Нордлингу подали стаканъ какъ разъ въ ту минуту, когда раздался ударъ грома. Намѣренно или нѣтъ, но служитель не взялъ никелевой монеты, лежавшей на столѣ.

«Что мнѣ дѣлать?—подумалъ шведъ.—Осмѣлюсь ли я взять деньги обратно?»

Другой служитель распахнулъ дверь въ глубь помѣщенія. Холодная струя воздуха влилась въ залу, и шлепанье дождя стало слышнѣе; казалось, вода падаетъ не на асфальтъ, а на пустыя бочки. Затѣмъ онъ вошелъ съ ведромъ устрицъ, которое и поставилъ на столъ съ закусками. Двое людей подошли къ столу и стали ихъ класть на тарелки.

Нордлингъ тоже всталъ. Но вставая и опираясь одною рукою о доску стола, такъ что могъ незамѣтно большимъ пальцемъ придвинуть къ себѣ монету въ пять центовъ, онъ вдругъ увидѣлъ группу людей, которая до сихъ поръ была отъ него скрыта близъ стоявшею колонною. Эта группа такъ приковала къ себѣ его вниманіе, что онъ застылъ въ неподвижной позѣ, какъ человѣкъ, съ лицомъ императора, въ углу у буфета.

За круглымъ столомъ, съ пустыми стаканами и разсыпанными по нему костьми, сидѣло нѣсколько мужчинъ, закутанныхъ въ плащи, въ широкополыхъ шляпахъ на кудрявыхъ головахъ. Они курили глиняныя трубки, въ ушахъ носили серьги, и цвѣтъ кожи у нихъ былъ необычайно темный. У старшаго, въ курчавой бородѣ котораго вились уже серебряныя нити, ноги отъ ступни до колѣна были крестъ на крестъ обвиты широкими полосками изъ голубой шерсти. На одеждѣ вмѣсто пуговицъ у него былъ двойной рядъ старыхъ серебряныхъ монетъ.

Но не это, хотя и живописное, общество приковало къ себѣ вниманіе шведа. Его взглядъ съ быстротою молніи охватилъ и разглядѣлъ фигуры, оцѣнилъ ихъ живописность и мысленно какъ бы сфотографировалъ ихъ. Но вся эта картина отступила на заднiй планъ передъ другою—передъ образомъ молодой дѣвушки, сидѣвшей у стола, прямо, безъ движенія, съ застывшимъ выраженіемъ ужаса на прекрасномъ лицѣ.

Это была та самая женщина, которая бросилась въ дверь ресторана, когда разразилась буря.

Она сидѣла на низкомъ стулѣ, словно богиня на олимпійскомъ тронѣ. Гитара лежала на полу, у ея ногъ. Смуглое молодое лицо было блѣдно и носило печать той серьезности, которая напоминала выраженіе сфинкса. Освѣщеніе сверху отбрасывало тѣнь тонкаго, прямого носа надъ плотно сжатымъ ртомъ, который, несмотря на узкіе лиловатыя губы, былъ безупречнаго рисунка. Черные, тяжелые волосы, туго сплетенные въ косы, наподобіе змѣй, въ которыхъ блестѣли двѣ голубыя каменныя шпильки, придавали лбу такое выраженіе, словно на головѣ была надѣта діадема, строгая корона, выкованная невѣдомымъ грознымъ кузнецомъ. Глаза были широко

раскрыты, миндалевидной формы и, несмотря на это, имѣли много общаго съ расширенными зрачками кошки, караулящей свою добычу. Сейчасъ въ нихъ было выраженіе безпредѣльнаго ужаса. Обнаженную шею обвивало ожерелье изъ янтарей.

Словно очарованный, смотрѣлъ Нордлингъ на это явленіе. То была картина, передъ которою не могъ не остановиться его врожденный артистическій вкусъ. Ему казалось, что онъ грезитъ.

Молодая дѣвушка сидѣла прямо, словно чужая, посреди окружавшихъ ее лицъ. Ея скромное платье и простой, выцвѣтшій отъ погоды бумажный платокъ падали прямыми складками и въ то же время рѣзко обрисовывали молодую грудь, стройную талію, слегка округлыя линіи бедръ. Выступали и очертанія покатыхъ плечъ и рукъ, словно онѣ были голыя, а освѣщеніе сверху придавало имъ еще бо̀льшій рельефъ. Рѣшетчатое окно, напоминавшее собою о кельѣ, позади чудесной головки придавало. всей сценѣ характеръ картины.

Но всего болѣе восхитило зрителя и даже какъ бы загипнотизировало его выраженіе ея глазъ. Ихъ цвѣтъ, напоминавшій собою свѣтлое вино, отражалъ одновременно мимолетный отблескъ непогоды, и служилъ зеркаломъ ея нѣмого ужаса передъ непонятнымъ. То были глаза судьбы, темные, напоенные жизнью смерти.

Въ эту минуту внезапный смѣхъ пронесся по залѣ. Всѣ вздрогнули. Молодая дѣвушка затрепетала, словно охваченная ознобомъ, ея глаза еще расширились, затѣмъ вспыхнули гнѣвомъ, и съ неописуемо - простымъ и выразительнымъ жестомъ отвращенія она встала. Глаза сощурились въ узкія щелки, въ которыхъ горѣли мрачныя искры, а тонкія, словно кистью выведенныя брови слились и нахмурились въ грозную темную складку.

Смѣхъ повторился; Нордлингъ, чувствовавшій, какъ сердце у него сжималось отъ долго сдерживаемаго нервнаго страха, растерянно оглянулся кругомъ.

— Что это?—пролепеталъ онъ,—ради Бога!

Одинъ изъ игроковъ указалъ на столъ съ закусками.

Смѣялось лицо Нерона. Онъ стоялъ съ запрокинутой головой и выпяченною впередъ грудью, въ позѣ оратора на трибунѣ, со сжатыми кулаками, которыми время отъ времени заученнымъ пластическимъ жестомъ размахивалъ надъ головой. Одна нога, какъ у скрипача, была выдвинута впередъ.

— Ха-ха,—кричалъ онъ,—ха-ха-ха!

И между раскатами смѣха онъ вплеталъ непонятныя слова.

— Должно быть, безумный,—прошепталъ Гуго.

— Сумасшедшій! — отвѣтилъ молодой человѣкъ, игравшій въ покеръ, наставительнымъ тономъ, словно говорилъ о томъ, что было извѣстно всему міру.—Вѣдь это О'Нейль, адвокатъ.

Было однако же нѣчто величественное въ этомъ явленіи, хотя бы то было величіе безумія. Черныя кудри вились вокругъ блѣднаго лба; и когда онъ однимъ движеніемъ разстегнулъ сразу пуговицы пальто и отбросилъ назадъ его полы, то могучее сложеніе его выступило еще сильнѣе. Торсъ напоминалъ статуи греческихъ боговъ. Онъ схватилъ свертокъ бумагъ и потрясъ имъ надъ головою. Голосъ поднялся до дрожащаго крика, хотя и сохранилъ извѣстную звучность:

— Милостивые государрри... милостивые государрри.

— Тише,—шепнулъ хозяинъ.

— Молчи, Восликъ, трактирщикъ и сводня, бывшій членъ городского управленія и грабитель городскихъ средствъ,—мнѣ-то это всего лучше извѣстно, мнѣ, который своею ложью добился твоего оправданія,—молчи!

Всѣ поднялись съ мѣстъ; группы разсѣялись. Даже вокругъ стола съ закусками было пусто. Слуги пересмѣивались втихомолку со знакомыми посѣтителями и обмѣнивались хитрыми взглядами и гримасами; зрители составили около адвоката полукругъ.

Но круглое красное лицо хозяина лишь улыбалось. Двѣ торчавшія кверху пасмы волосъ, сильно напомаженныхъ и раздѣленныхъ великолѣпнымъ проборомъ, слегка дрожали. Онъ перекатывалъ сальную, черную, веретонообразную сигару изъ одного угла рта въ другой. И оглядываясь кругомъ своими свиными глазками, уходившими въ складки толстой, лоснившейся кожи, бормоталъ, словно ожидая сочувствія:

— Ахъ, этотъ О'Нейль, удивителенъ! Онъ прямо величественъ, великолѣпенъ!

— Да, онъ великолѣпенъ—wonderful! —пропищалъ маленькій кёльнеръ-нѣмецъ.

— Раскошеливайся, не скупись, О'Нейль!—крикнулъ игрокъ.

— Молчи!—рявкнулъ адвокатъ.

И вслѣдъ затѣмъ онъ продолжалъ, размахивая руками:

— Милостивые государи! Вы слышите, какъ гремитъ великій и грозный судія? Не правда ли? Судія, со строгимъ взоромъ и величіемъ на челѣ, какъ выразился давно умершій, къ счастью, поэтъ. Въ минуту этого бѣшенства стихій,—да, милостивые государи, я отлично знаю, что это —избитая фраза, но она подходитъ данному случаю,—

мы всѣ очутились здѣсь вмѣстѣ. Мнѣ представляется, что я вижу передъ собою однихъ только обвиняемыхъ: и судей, и присяжныхъ, и адвокатовъ... Ибо, клянусь звѣзднымъ знаменемъ, я никогда не видѣлъ среди этихъ людей ни одного честнаго человѣка! Нѣтъ! Во всякомъ случаѣ мнѣ удалось содѣйствовать тому, чтобы бѣдную, покинутую женщину, убившую ребенка, не знавшаго отца, приговорили къ пожизненной каторгѣ,—знаете ли вы, что это значитъ? Я добился также оправданія отравителя,—онъ былъ милліонеръ... Понимаете ли вы, что это значитъ? Это еще цвѣточки, друзья мои, не что иное, какъ цвѣточки! Ахъ, какъ я говорилъ! Господи, Боже, какъ я говорилъ! О'Нейль—серебряный языкъ, милостивые государи! Вотъ какъ меня прозвали! И остряки нашихъ газетъ повторяли это на разные лады, понимаете ли: се-ре-бря-ный языкъ!... Это вовсе не такъ глупо,—въ серебрѣ дѣйствительно нѣтъ недостатка! Вѣрно, трактирщикъ? Ну, бывшій членъ городского управленія, Восликъ, кивни же хоть головой! Кто будетъ возражать противъ этого? Молодой человѣкъ, молодой шуллеръ, вниманіе! Пусть тебя повѣсятъ или дадутъ тебѣ хорошій толчокъ въ четыре тысячи вольтовъ въ спеціальномъ креслѣ, я сочувствую тебѣ при всякихъ обстоятельствахъ! Повѣрь мнѣ, мой дорогой, мы всѣ одинаковы, мы всѣ сидимъ на одной и той же скамьѣ... Всѣ идемъ по одной и той же дорогѣ—всѣ! Да, конечно, я пьянъ и безуменъ, ха-ха! безумнымъ я былъ всегда, но, но я не всегда бываю пьянъ! Правда, я кажется иду къ тому, чтобы быть всегда пьянымъ!... Господа присяжные, напоминаю вамъ въ заключеніе: не о вашихъ товарищахъ и соучастникахъ, это дѣло закона, а.. а о томъ, что всѣ вы—отцы семействъ, что у васъ есть свой очагъ, маленькія дѣти... Подумайте о нихъ, готовясь произнесть вашъ приговоръ... Я требую для преступницы пожизненнаго заключенія въ каторжной тюрьмѣ!...

Адвокатъ оглянулся кругомъ дикимъ и безумнымъ взглядомъ. Онъ захрипѣлъ и быстрымъ движеніемъ сорвалъ съ себя воротникъ. Черный галстукъ развязался и одинъ конецъ его повисъ вдоль жилета. Затѣмъ О'Нейль прокричалъ:

— Воры, сбродъ, сволочь и разбойники—братья мои, чего вы хотите? Я за всѣхъ плачу! Выбирайте самыя дорогія закуски! Эй, Восликъ!

Опустивъ руку въ карманъ, онъ вытащилъ пригоршню бумажекъ и серебряныхъ монетъ, которыя и бросилъ на прилавокъ. Затѣмъ сжатымъ кулакомъ ударилъ нѣсколько разъ по массивной доскѣ, словно желая вколотить въ дерево крупные доллары. Хозяинъ попытался его успокоить.

Буря одобренія привѣтствовала послѣднія слова адвоката. Служители перебѣгали отъ одного стола къ другому:

— Чего прикажете?

— Вы слышали, онъ сказалъ: самаго дорогого?

Въ залѣ поднялось движеніе. Безсвязная рѣчь адвоката словно оказала разрѣшающее дѣйствіе на ту тягостную атмосферу, которою всѣ были охвачены, благодаря грозѣ. Теперь всѣ двигались, ходили взадъ и впередъ, жестикулировали, болтали. Громъ гремѣлъ, но уже въ отдаленіи. Дождь шелъ равномѣрнѣе; вѣтеръ завывалъ тихо, словно осенняя трава свистѣла въ преріяхъ. Въ этихъ звукахъ природы была своя музыка—протяжные аккорды, конецъ сильной и бурной симфоніи.

Нордлингъ глубоко вздохнулъ. Проглоченная имъ пища не оставила въ немъ обычнаго чувства сытости и тупого довольства. Отъ острыхъ приправъ перцу и чесноку горло сжигала жажда. Дико, словно пробужденный отъ сна, взглянулъ онъ на служителя, стоявшаго передъ нимъ:

— Подай мнѣ водки и содовой воды, — сказалъ Нордлингъ,— и сигару, но самую лучшую, если имѣется, понимаешь?

Кругомъ шумѣли дѣти ночи, несчастная накипь, люди внѣ закона, игроки и воры, бродяги, безработные. Нордлингъ вдругъ почувствовалъ себя солидарнымъ со всѣми ними, хотѣлъ что-то сдѣлать, что-то сказать... Ему пришло въ голову подойти къ сумасшедшему адвокату и пожать ему руку. «Почему бы нѣтъ»? подумалъ онъ. «Что онъ такое говорилъ? На одной дорогѣ, какъ это просто и какъ вѣрно». Но когда Гуго захотѣлъ пробраться между столовъ, гдѣ бѣгали взадъ и впередъ кёльнеры съ бутылками въ одной рукѣ, съ подносами, уставленными стаканами—въ другой и съ ящиками сигаръ подъ мышкой, то увидалъ, что О'Нейль играетъ въ кости съ хозяиномъ ресторана.

Тутъ Гуго вспомнилъ о цыганахъ. Онъ быстро взглянулъ въ ихъ сторону.

Они сидѣли приблизительно, какъ прежде. Мужчины пили вино и горячо бесѣдовали другъ съ другомъ, двое набивали глиняныя трубки, остальные свертывали грязными пальцами папиросы. Но дѣвушка сидѣла къ залѣ спиною, опустивъ голову на скрещенныя на столѣ руки. Платокъ на ея плечахъ стоялъ прямо, какъ трехугольный капюшонъ.

Нордлингъ направился къ группѣ.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ,—добрый вечеръ! Пріятный вечеръ, не правда ли?

Одинъ изъ людей, одѣтый лучше другихъ, поднялъ голову. Онъ улыбнулся, зубы сверкнули сквозь густую бороду.

Дѣвушка не двигалась.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ.—Добрый вечеръ. Добрый другъ, любимъ Америка. Добрый другъ, веселый малый...

Нордлингъ почувствовалъ себя вдругъ неловко. «Что я скажу имъ?» подумалъ онъ, не спуская глазъ съ затылка женщины.

Въ глазахъ человѣка съ серебряными монетами пробѣжали искры. Онъ легко коснулся плеча дѣвушки.

— Изаиль,—сказалъ онъ,—спой-ка что-нибудь.

Дѣвушка выпрямилась.

— Спой, Изаиль,—просилъ мужчина. И добавилъ нѣсколько словъ на незнакомомъ языкѣ.

Она встала.

Одинъ изъ мужчинъ тоже всталъ. Онъ взялъ съ полу гитару и съ поклономъ подалъ ее дѣвушкѣ, отодвинувъ назадъ одну ногу и слегка согнувъ колѣно. Затѣмъ онъ снялъ шапку и сталъ обходить залу, останавливаясь передъ разными группами, гримасничая, болтая и смѣясь. Мало-по-малу около группы подъ рѣшетчатымъ окномъ образовался кругъ. У большинства гостей въ рукахъ были пустые стаканы; и снова Нордлингу почудилась картина изъ театральной пьесы. Даже хозяинъ вылѣзъ изъ-за прилавка. Два игрока и маленькій нѣмецъ-кёльнеръ стояли на стульяхъ. Только адвокатъ оставался, мрачный, съ опущенной головой, на своемъ мѣстѣ. Гроза замолкла.

Дѣвушка ударила по струнамъ гитары. Глаза ея были полузакрыты, голова склонилась внизъ. Нѣсколько прядей волосъ выбилось изъ прически и, словно мягкіе стебли цвѣтовъ, упали ей на щеки.

Изаиль запѣла.

Дрожащая, протяжная нота понеслась вдаль и разсыпалась. Потомъ она поднялась снова, и непонятныя слова зазвучали и затрепетали, какъ брызги, ей вслѣдъ. Голосъ сдѣлался рѣзкимъ, почти жесткимъ. Она подняла голову, широко раскрыла глаза, и испустила крикъ, вздохъ, рыданіе, пронизавшее ночь. Она пѣла еще—о чемъ она пѣла? Ея лицо было блѣдно и серьезно, почти строго. Глаза были устремлены вдаль. Изрѣдка звучали струны гитары.

Гуго Нордлингъ смотрѣлъ на странную пѣвицу съ такимъ напряженіемъ, что глаза его раскрывались все шире и шире, а зрачки были неподвижны, какъ у человѣка, погруженнаго въ гипнотическій сонъ. Словно сквозь туманъ, видѣлъ онъ свое прошлое, и въ глубо-

кой дали грезилось ему его будущее. Образъ издали двигался къ нему навстрѣчу, какъ недавно на улицѣ, среди тучъ и молній.

Гроза промчалась. Лишь капли тающаго града, сбѣгавшія съ выступовъ дома и изъ водосточныхъ трубъ, звучали въ тактъ съ пѣснью цыганки.

Молчаливы, съ полуоткрытыми ртами и застывшими взглядами стояли гости—подонки улицы. На короткій мигъ они позабыли и виски, и ночь, и жизненныя бури. Даже животное лицо нечестнаго хозяина выражало тупое довольство. А изъ груди перетолкователя законовъ, человѣка съ больною совѣстью—адвоката О'Нейля—вырвался глубокій вздохъ. Онъ прозвучалъ словно «аминь» отчаянія послѣ излитыхъ имъ жалобъ о загубленной жизни.

Чуждая, никому не извѣстная дѣвушка взяла трель, ударила три раза по гитарѣ и закончила громкимъ вскрикомъ. Она выпрямилась, тѣсно сжавъ колѣни и откинувшись назадъ всѣмъ тѣломъ, такъ что подъ тканью ея платья рѣзко обозначилась грудь, и подняла гибкія руки высоко надъ головою, держа въ нихъ свою гитару. Голова была запрокинута, и загадочная улыбка играла на тонкихъ губахъ. Глаза, смотрѣвшіе неподвижно впередъ, поверхъ публики, сверкали желтымъ огнемъ, какъ янтари ожерелья. Въ эту минуту позади Изаили озарилось окно, и широкая волна луннаго свѣта проложила серебристо-зеленый путь сквозь туманную полутьму. На освѣщенномъ квадратѣ пола рѣзко рисовалась рѣшетка; тѣнь отъ нея захватывала и кусокъ платья дѣвушки...

Лунная ночь.

Ропотъ одобренія пронесся по залѣ, какъ только дѣвушка вышла изъ состоянія, походившаго на трансъ. Она вздрогнула, покачала головой, опустила безсильно руки и вслѣдъ за этимъ снова упала на стулъ. Въ то время какъ мужчина со шляпой обходилъ гостей, выпрашивая деньги, Восликъ приказалъ подать каждому за счетъ ресторана по стакану пива. Одни изъ гостей хлопали въ ладоши, другіе направлялись къ выходу. Нордлингъ разсѣянно смотрѣлъ кругомъ—его охватила снова какая-то тяжесть. О чемъ она пѣла? Въ пѣснѣ ея звучали тоска и ненависть, и именно эти чувства наполняли его грудь. Повинуясь внезапному импульсу, онъ вышелъ на улицу. Воздухъ былъ чистъ, и въ его свѣжести было что-то бодрящее, словно молодое вино. На землю лился зеленый лунный свѣтъ изъ небесной чаши, малахитовый сводъ которой казался безконечнымъ надъ темными домами города. Деревянная мостовая уже всосала въ себя воду; послѣ

грозы съ градомъ наступила одна изъ чудеснѣйшихъ американскихъ лѣтнихъ ночей.

«Куда я пойду»?—спрашивалъ себя шведъ. Онъ не чувствовалъ усталости и рѣшилъ дойти до парка. Но перейдя на противоположный тротуаръ, обернулся, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на ресторанъ Вослика.

Двери были отворены настежь. Волна желтаго свѣта, въ которой танцовали пылинки, падала вкось на освѣщенный луною асфальтъ. Фигуры людей, походившія на взъерошенныхъ ночныхъ птицъ, выходили тяжелымъ шагомъ. Они свертывали въ узкіе неосвѣщенные переулки, сливались съ темнотою, исчезали во мракѣ.

Наконецъ показалась группа цыганъ. На той сторонѣ улицы, гдѣ стоялъ Нордлингъ, лежала глубокая тѣнь. Мужчины (онъ насчиталъ ихъ теперь шесть) и молодая женщина стояли, облитые луннымъ свѣтомъ. Монеты на одеждѣ начальника поблескивали.

Поговоривъ немного между собою, мужчины, къ удивленію Нордлинга, покинули Изаиль. Она осталась у входа въ ресторанъ, въ то время какъ остальные направились къ мосту.

Но вдругъ она крѣпко натянула на голову платокъ. Прижимая къ себѣ гитару, полуприкрытую шалью, она быстро направилась къ сѣверу. Она почти прыгала и, не доходя Эристритъ, свернула влѣво. Нордлингъ пошелъ за нею.

Кларкстритъ лежала пустынная, залитая луннымъ свѣтомъ. Посреди улицы искрился двойной рядъ рельсовъ. Переулокъ былъ теменъ, какъ гробъ. Ярко выдѣлилась на углу фигура цыганки. Сдѣлавъ нѣсколько большихъ шаговъ, Гуго догналъ ее. Она обернулась.

— Чего вамъ угодно?—спросила она.

Нордлингъ недолго думалъ. Онъ отвѣтилъ ей товарищескимъ тономъ:

— Идти съ тобою. Позволишь, да? Я не знаю, куда я дѣнусь сегодня ночью. Я былъ также у Вослика...

Она подняла брови.

— Что говорить ты? Ты быть сумасшедшимъ?

— Нѣтъ,—послушай меня. Ты такъ прекрасно пѣла. Какъ тебя зовутъ?

Она улыбнулась.

— Какъ звать? Ты не выговорить можешь. Звать Изаиль.

Она произнесла имя шопотомъ. Оно прозвучало, словно жужжанье или шелестъ змѣи.

— Прекрасное имя,—сказалъ Нордлингъ.—Откуда ты родомъ?

Она пошла медленно впередъ и искоса взглянула на него.

— А ты? Откуда?

— Изъ Швеціи. Далеко отсюда, знаешь, на сѣверѣ, въ снѣгахъ.

— Ахъ, да, знаю. Ты—изъ Россіи.

— Нѣтъ, но это все равно... Какъ здѣсь темно!

Улица тонула въ полномъ мракѣ. Не горѣлъ ни одинъ фонарь. Лунный свѣтъ освѣщалъ лишь крыши и кое-гдѣ верхніе этажи. Они подошли къ лѣвому рукаву рѣки—худшему изъ кварталовъ города. Дѣвушка остановилась.

— Не ходить дальше,—сказала она.—Опасно.

— Но я хочу, я хочу,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ—глупо! Спокойной ночи.

Нордлингъ охватилъ ея талію. Она боролась съ нимъ и произнесла что-то на своемъ языкѣ. Затѣмъ вдругъ стала очень тихой, прижалась къ нему и прошептала, видимо стараясь говорить возможно правильнѣе по-англійски:

— Оставь меня или я буду звать. Ты можешь Изаиль у Вослика видѣть, въ другой разъ. Слушайся!

Онъ попытался ее поцѣловать и слышалъ, какъ при объятіи струны гитары задрожали, словно отъ боли или жалобы. Но она вырвалась, поспѣшно перебѣжала черезъ улицу и исчезла.

Гуго прислушался. Въ рѣкѣ у свай плескалась вода. Неясно виднѣлся въ темнотѣ силуэтъ моста. На него напалъ страхъ. Ему казалось, что вокругъ него въ темной пустотѣ скользятъ какія-то тѣни. То была худшая часть города, притонъ грабителей и убійцъ. Онъ выскочилъ на средину улицы и поспѣшно пошелъ къ западу.

Вдали блестѣла лента дуговыхъ фонарей на Кларкстритѣ. Съ каждой улицей, по которой онъ шелъ, становилось свѣтлѣе. Ларрабэ,—Сэджвикъ—Маркетъ—Уэльсъ—Лассаль—и, наконецъ, Кларкстритъ. Онъ остановился. Вывѣска часовщика показывала половину второго.

Имъ овладѣло отчаяніе. Онъ посмотрѣлъ вдоль улицы; передъ нимъ была словно безконечная дорога, тамъ и сямъ искрящаяся бриліантами, звенья двойного ожерелья, и затѣмъ длинныя пространства, окутанныя черными тѣнями. Что случится съ нимъ въ концѣ концовъ, если онъ постоянно будетъ блуждать въ средѣ отверженныхъ, по сверкающей тропинкѣ жемчужинъ, утопая въ тѣняхъ деревьевъ?

Половина второго,—два, четыре, шесть, восемь, ахъ, по крайней мѣрѣ, семь часовъ долженъ онъ ходить, ходить, ходить, пока не наступитъ утро. А затѣмъ, что затѣмъ? Развѣ не лучше... Нѣтъ, пусть это и непонятно... но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Нѣтъ еще!...

Онъ хотѣлъ пробраться въ паркъ и, не взирая на полицію, отыскать себѣ тамъ мѣстечко для ночлега.

Онъ проходилъ кварталъ за кварталомъ. Узкіе дома стояли, какъ призраки. Зеленыя деревянныя сторы закрывали часть оконъ, кривыя, поломанныя. Тамъ и здѣсь въ лунномъ свѣтѣ зіяли однѣ дыры— стекла были выбиты градомъ. Иногда почти цѣлый кварталъ являлъ рядъ такихъ оконъ и всегда на одной и той же сторонѣ. Громадныя крыши, подпертыя столбами, простирали свои своды надъ улицами, гдѣ лавки съ питьевыми продуктами выставляли бочки и корзины, прикрытыя холстомъ. Передъ табачными лавками стояли деревянныя изображенія индѣйцевъ, съ головными уборами изъ перьевъ и поднятымъ томагавкомъ. Стеклянные шары аптекъ, наполненные цвѣтною жидкостью, свѣтились слабымъ блескомъ въ темныхъ окнахъ. Изъ тщательно запертыхъ изнутри кабаковъ, игорныхъ притоновъ и домовъ веселья слышались шумъ, говоръ, пѣніе, проклятія и звонъ стакановъ. Луна освѣщала кое-гдѣ мостовую, стекло, выступъ, дверную ручку, или окрашивала зеленымъ цвѣтомъ вывѣски, отдѣльныя части афишъ, фронтоновъ телеграфныхъ и желѣзно-дорожныхъ столбовъ.

Нордлингъ вышелъ на Честнатстритъ. Вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ улицы. Изъ задней двери французскаго кафе вышли шатаясь двѣ фигуры. Распахнутые плащи открывали блестѣвшія груди рубашекъ, обрамленныя вырѣзомъ фрака. Люди кивали безпріютному, безсмысленно грозили ему палкой. Одинъ запнулся объ уличный рельсъ и уронилъ цилиндръ. Другіе спотыкаясь подняли дикій вой, который долженъ былъ изображать воинственный крикъ индѣйцевъ...

Немного дальше находился ресторанъ Энгельса. Кэбы, наемные экипажи, извозчики и автомобили останавливались передъ нимъ. Высокіе электрическіе фонари придавали чернымъ силуэтамъ лиловый фонъ. Изъ ресторана раздавалась музыка, окна отеля надъ нимъ свѣтились желтымъ свѣтомъ. Обезсиленный усталостью, Гуго остановился и прислонился къ красному столбу, стоявшему на улицѣ для пріема бандерольныхъ посылокъ.

Повозка, запряженная лошаками, тихо спускалась по улицѣ. Она походила на омнибусъ, была ярко освѣщена, въ ней былъ каминъ, надъ которымъ поднимался дымъ; запахъ жаренаго носился надъ нею. Съ кучерского мѣста голосъ повторялъ безпрерывно:

— Горячая томала, свѣжая колбаса, блины! Томала горячая...

Нордлингъ прислушался. Ему захотѣлось мексиканскаго лакомства, томалы, горячихъ лепешекъ съ кайенскимъ перцемъ. Но тотчасъ же онъ вспомнилъ, что это стоило десять центовъ. У него не

всего было пять. Не лучше ли взять кофе съ пирожнымъ изъ кукурузы?

Повозка остановилась. Два кучера подошли къ ней. Приковыляли еще двѣ старыя продавщицы цвѣтовъ, изломанныя корзины которыхъ были полны полузавядшихъ розъ. Одна изъ женщинъ плакала и громко жаловалась на то, что «онъ» избилъ ее, такъ какъ она ничего не продала. Выдыхая алкоголь, она бормотала:

— Онъ меня избилъ, yes, he did. Эта рыжая Бесси отнимаетъ у насъ покупателей. Она дѣлаетъ все, что захочетъ... Слѣдовало бы ее проучить...

Нордлингъ подошелъ къ одному изъ оконъ вагона.

— Кофе,—сказалъ онъ,—и пирожное изъ кукурузы, горячее!

Ему пришло въ голову, что кофе—средство противъ сна. Ему подали сѣрую чашку безъ ручки. На картонномъ подносикѣ лежали три маленькихъ дымящихся круглыхъ булочки. Изъ-за облака дыма раздался голосъ:

— Ну, живо, выкладывай деньги!

Гуго подалъ свою монету въ пять центовъ.

Затѣмъ дрожащею рукою онъ поставилъ обратно пустую чашку на спущенную передъ окошечкомъ доску. Рукавомъ сюртука вытеръ себѣ ротъ—движеніе, съ которымъ онъ до сихъ поръ не былъ знакомъ. По другую сторону повозки слышенъ былъ вой пьяной уличной торговки:

— Онъ меня избилъ, yes, he did...

А мѣсяцъ все свѣтилъ...

Нордлингъ пошелъ дальше. Вскорѣ онъ очутился у входа въ паркъ со статуей Линкольна, стоявшаго передъ президентскимъ стуломъ, и съ полукруглой баллюстрадой, которая, какъ серпъ, обнимала пьедесталъ статуи. Далѣе, позади нея, по обѣ стороны покоились залитые луннымъ свѣтомъ сфинксы; словно вѣеромъ сходились сюда важнѣйшія улицы квартала.

Гуго остановился. Вблизи круглой башни гостиницы Ла-Плаца стояли двое полицейскихъ и помахивали палками.

Шведъ повернулъ и пошелъ по направленію къ озеру, поверхность котораго блестѣла въ концѣ широкой аллеи парка. Тамъ онъ снова остановился.

На берегу озера Мичигана, у маленькой бухты росли деревья. Широкая бѣлая каменная тропинка вилась вплоть до гигантской конной статуи генерала Гранта. О берегъ, словно обложенный фаянсомъ, какъ край гигантскаго блюда, плескался тихій прибой. Мелкіе, пѣнящіеся гребни волнъ блестѣли золотомъ. Вплоть до узкой полоски

бѣлаго, какъ мѣлъ, мола, гдѣ вертѣлся красный фонарь маяка, вода лежала словно малахитовая мозаика. Круглый огромный и ослѣпительный мѣсяцъ освѣщалъ озеро, берегъ, лѣсъ и рядъ виллъ, тянувшихся вдоль озера.

Гуго Нордлингъ чувствовалъ себя безконечно уставшимъ. Ноги у него болѣли, бока одеревенѣли, руки, плечи и шея были разбиты. Глаза слезились и поминутно смыкались. Шатаясь, искалъ онъ опоры и ухватился за стволъ дерева. Неужели же здѣсь нельзя прилечь? Въ мягкой тѣни никто его не увидитъ. Онъ нагнулся. Трава была еще сыра отъ дождя.

До сихъ поръ онъ противился сну; но теперь чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Ему казалось, что онъ не можетъ уже держать прямо голову. Онъ пробирался все дальше—тамъ стояла скамья. Онъ легъ на спину; лучи луннаго свѣта облили его сверху. Онъ закрылъ глаза; но лунный свѣтъ продолжалъ литься. Затѣмъ онъ видѣлъ Изаиль, слышалъ шумъ деревьевъ. Шумъ листвы и взоры Изаили усыпили его. Онъ заснулъ.

Проснулся Гуго отъ удара въ бокъ. Ему показалось, словно съ лица у него стаскиваютъ черную шапку. Что это? Чего отъ него хотятъ? Его глаза снова закрылись, тяжелые отъ сна... Затѣмъ онъ почувствовалъ два сильныхъ удара по подошвамъ и вскочилъ. Полицейскій, въ каскѣ, надвинутой на глаза, стоялъ передъ нимъ. Въ сущности у него было добродушное лицо, съ глазами вѣрной собаки и съ сѣдѣющей бородой. Рука его играла револьверомъ, висѣвшимъ на узкомъ кожаномъ ремнѣ, украшенномъ кистью.

— Эй!—крикнулъ онъ.—Wake up—спать нельзя! Всегда на ногахъ! Живо!

Гуго протеръ глаза.

— Какая изъ того бѣда?—сказалъ онъ.

— Предписаніе, товарищъ! Надо повиноваться. Впередъ!... move on!

Нордлингъ поднялся и, потрясаемый ознобомъ, попытался вытянуться. Все его тѣло окоченѣло послѣ короткаго сна.

Спотыкаясь, побрелъ онъ по дорогѣ, гдѣ одна рѣшетка за другою отдѣляла замкоподобныя виллы милліонеровъ. Внезапно онъ остановился, протеръ глаза и смущенно посмотрѣлъ передъ собою. Въ лунномъ свѣтѣ блестѣла рѣшетка, острія которой, наподобіе копій, были бронзированы и подножіе которой составлялъ высѣченный гранитъ. За нею разстилались гладко выстриженныя лужайки овальной, круглой и треугольной формы, среди которыхъ змѣились бѣлыя песчаныя дорожки. Налѣво по мягкой темной поверхности были раз-

бросаны клумбы и кусты, до тщательно подстриженныхъ изгородей, зелень которыхъ казалась въ темнотѣ черною. Два огромныхъ красныхъ цвѣтка поднимали къ мѣсяцу свои головки. Свѣтъ былъ такъ ослѣпителенъ, что Нордлингъ могъ ясно различить дрожавшія нити тычинокъ въ чашечкахъ.

За изгородью поднимался замокъ въ фантастическомъ стилѣ. Стѣны, выведенныя вперемежку изъ гранита и песчаника, были покрыты вьющимися растеніями, взбѣгавшими вплоть до балконовъ, а иногда и до самой крыши. Желѣзныя украшенія, зеркальныя стекла и шпили башенъ сверкали въ лунномъ свѣтѣ.

За одною изъ балконныхъ дверей, ведшихъ на террасу, горѣла красная лампа. Въ остальныхъ частяхъ громаднаго зданія было темно, и казалось, что оно дремало въ эту прекрасную ночь со сказочнымъ освѣщеніемъ.

Но вниманіе Гуго, заставившее его на минуту забыть усталость, было приковано не ко дворцу; посреди двора, въ тѣни, падавшей отъ конюшни, походившей въ свою очередь на маленькій замокъ, стоялъ человѣкъ. Въ синей фуфайкѣ, въ фартукѣ и въ картузѣ, сдвинутомъ на затылокъ, онъ выглядѣлъ садовникомъ.

Онъ стоялъ у края бассейна съ водою; съ цементнаго края змѣился гутаперчевый рукавъ съ наконечникомъ, край котораго мужчина держалъ въ рукѣ. Легкое журчаніе давало знать, что кишка была въ дѣйствіи, а струя воды (и это было всего удивительнѣе) была направлена на третій этажъ дворца.

Нордлингъ взглянулъ вверхъ. Касалось ли дѣло гашенія маленькаго, неопаснаго пожара, возникшаго внезапно, который надо было потушить возможно болѣе тихо, не пугая спавшихъ обитателей дома? Немыслимо! Или же то была ночная поливка какого-нибудь необыкновеннаго ползучаго растенія, которое требовало ея въ этой чуждой для себя обстановкѣ? Гуго посмотрѣлъ на серебряный лучъ, гдѣ онъ выступалъ изъ тѣни и разсыпался тонкимъ дождемъ, наподобіе жемчужной пѣны. Нѣтъ, лучъ ударялъ въ зеркальныя стекла и, разбившись на сверкающія брызги, сбѣгалъ по лѣпному карнизу окна и дальше по поверхности стѣны внизъ. Было совершенно тихо, зубчатыя башни поднимались къ небу, ночныя тѣни деревьевъ лежали, словно нарисованныя на поверхности травы, а человѣкъ съ кишкою стоялъ неподвижно, какъ статуя, и безостановочно направлялъ струю воды на окно въ третьемъ этажѣ. Было слышно лишь слабое журчанье воды, мягкій свистъ наконечника и паденіе струи на стекло, напоминавшее прибрежный плескъ моря.

Въ эту минуту чья-то рука опустилась Нордлингу на плечо.

— Надѣюсь, ты не имѣешь намѣренія перелѣзть туда, а?

Нордлингъ вздрогнулъ. За нимъ стоялъ полицейскій.

— Что же это означаетъ?

Ирландецъ помедлилъ.

— Вы этого не знаете?

— Нѣтъ.

— Здѣсь живетъ Пальмеръ-Гудзонъ, мясной король, милліонеръ.

— Ну, и что же?

Полицейскій былъ успокоенъ.

— Ты—молодецъ, all rihgt,—сказалъ онъ.—Ты навѣрное скоро получишь работу. Ну, старикъ Пальмеръ не можетъ спать, понимаешь. Все лѣто онъ проводитъ на пароходахъ, совершающихъ рейсы черезъ Атлантическій океанъ, и долженъ постоянно слышать шумъ воды—волны, которыя бьются о стѣны корабля, видишь ли... Вѣчно путешествуетъ. Но осенью онъ возвращается на родину для скупки свиней. Не можетъ спать,—безсонница. Черезчуръ много денегъ—потому и спать не можетъ. Поэтому Джимъ Блэклей не спитъ всю ночь и пускаетъ воду въ окно стариковой спальни. Это напоминаетъ ему море, и старикъ засыпаетъ на нѣсколько часовъ... смѣхъ...

Онъ говорилъ ворчливо и въ то же время добродушно. Оба тихо стояли рядомъ и смотрѣли на дворецъ.

Человѣкъ на дворѣ остановился. Онъ бросилъ кишку въ траву и ждалъ.

Черезъ минуту отворилось балконное окно, и показалась голова старика. Луна освѣщала блѣдное, истощенное лицо.

— Еще! еще!—крикнулъ онъ.—Не бросай, Джимъ, more, Jim!

И Джимъ снова принялся за работу.

Нордлингъ оглянулся. Онъ шатался. Снова ощутилъ онъ страшную усталость во всѣхъ членахъ.

— Гдѣ бы мнѣ переночевать?—вырвалось у него съ тоскою, и голосъ его напоминалъ голосъ плачущаго ребенка.

Полицейскій тупо взглянулъ на него. Въ его глазахъ появилось выраженіе, которое Гуго въ смутномъ изумленіи сравнивалъ со взглядомъ ужаса у Изаили во время грозы въ ресторанѣ. То была странная смѣсь испуга и сострdaнія, родъ покорнаго изумленія передъ чѣмъ-то непонятнымъ.

Затѣмъ ирландецъ сказалъ кратко:

— Я больше не пройду обходомъ здѣсь сегодня. И никто не пойдетъ. Покойной ночи.

И онъ поспѣшно удалился по направленію къ городу.

Шведъ съ минуту смотрѣлъ ему вслѣдъ. Затѣмъ, спотыкаясь и пошатываясь, побѣжалъ къ деревьямъ на берегу озера. Напрягши послѣднія силы, онъ добрался до ближайшей скамьи между стволами. Тамъ онъ легъ на спину и видѣлъ, какъ лунные лучи просачивались сквозь зеленый сводъ. Вскорѣ у него потемнѣло въ глазахъ, лучи и листья заплясали, какъ мелкія волны; онъ крѣпко заснулъ.

Онъ спалъ долго. Ему грезилось, что онъ ѣдетъ въ длинномъ поѣздѣ; поѣздъ, переполненъ рабочими, выходитъ изъ туннеля. Тысячами спѣшатъ домой утомленныя рабочимъ днемъ человѣческія машины. Давка невообразимая. Ему пришлось взять мѣсто въ вагонѣ съ бою. Но въ концѣ-концовъ онъ долженъ былъ податься, и съ крикомъ упалъ съ тормоза подъ колеса. Въ эту минуту онъ проснулся. Онъ упалъ со скамейки и лежалъ на землѣ. Солнце свѣтило, было, должно быть, около полудня. Голова болѣла, но онъ основательно выспался. Онъ всталъ. Медленно пошелъ онъ вверхъ по главной аллеѣ. Дворецъ Пальмера-Гудзона стоялъ залитый солнцемъ, со спущенными на всѣхъ окнахъ маркизами. За рѣшеткою бѣгали взадъ и впередъ двое людей и стригли траву. Негръ чистилъ мѣдный приборъ одной изъ дверей, ведшихъ на террасу. Подъ крытымъ порталомъ главнаго входа въ гигантскомъ, роскошномъ блестѣвшемъ автомобилѣ ожидалъ шофферъ...

Гуго направился къ Кларкстриту. На углу онъ повстрѣчалъ поѣздъ городской желѣзной дороги, набитый рабочими. Итакъ, еще не было черезчуръ поздно. Изъ одного вагона его окликнули. То былъ знакомый столяръ шведъ.

— Эй, Гуго,—крикнулъ онъ,—иди въ пансіонъ, у мистрисъ Остремъ есть для тебя заказное письмо...

Поѣздъ прогремѣлъ дальше.

Перев. **Ал. Чеботаревская.**

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ *).

XXI.

Болѣзнь Ческо.

Въ 1900 году Ческо уѣхалъ во Флоренцію продолжать слушать лекціи въ университетѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы не видались, но, по его желанію, я черезъ день писала ему о дѣтяхъ и каждый разъ, какъ ему случалось проѣзжать черезъ Болонью, посылала ихъ къ нему въ гостиницу. Потомъ ему пришла охота видѣть и меня, и я нѣсколько разъ была у него вмѣстѣ съ дѣтьми, хотя эти наши встрѣчи были для меня невыносимо тягостны.—Да и могло ли быть иначе?

Порой онъ бывалъ милъ, любезенъ, добродушенъ (тогда и я старалась быть съ нимъ ласковѣе, чтобъ вознаградить его), но чаще грубъ, насмѣшливъ, и третировалъ меня свысока. Впрочемъ, таковъ онъ былъ всегда...

Порой у него являлось желаніе снова сойтись со мной, и тогда онъ становился вкрадчивъ, мягокъ; порой же онъ накидывался на меня, какъ бѣшеный, съ бранью, упреками, угрозами,—и я не знаю, что̀ было хуже. На его новыя претензіи я отвѣчала все болѣе рѣшительнымъ отказомъ; угрозы пугали меня, такъ какъ онѣ всегда касались дѣтей—онъ зналъ, гдѣ уязвить меня всего больнѣе!

Несмотря на все это, я продолжала относиться къ нему дружески, жалѣть его, и старалась выказать ему свое доброе расположеніе вниманіемъ и мелкими заботами: приводила въ порядокъ его бѣлье, помогала ему устроиться поуютнѣе, интересовалась его занятіями. А главное, воспитывала дѣтей въ прямо-таки благоговѣйной любви къ нему. Постоянно говорила съ ними о немъ, любовно, ласково, не жалѣя похвалъ; такъ что они издали больше любили отца, чѣмъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1907 г.

когда онъ бывалъ дома... И это вполнѣ понятно: его запальчивость и властная грубая рѣчь пугали бѣдняжекъ; въ отсутствіи же его они забывали несправедливую брань, щипки и толчки и думали о немъ съ той же почтительной нѣжностью, съ какой я говорила съ ними о немъ.

Обѣщаніе, что къ нимъ пріѣдетъ ихъ милый папа, было для дѣтей лучшей наградой. И самымъ тяжкимъ укоромъ—сказать имъ: «Папа очень огорчится, когда узнаетъ, какія вы нехорошія».

Его пріѣзду они радовались, какъ празднику, осыпали его ласками. И онъ, бѣдный, должно быть, грустилъ въ разлукѣ съ ними; онъ привозилъ имъ игрушки и сласти, и привязанность между отцомъ и дѣтьми все росла.

Въ октябрѣ 1900 года онъ увезъ дѣтей на мѣсяцъ къ себѣ, въ Каварцере. Я страшно тосковала по нихъ, и единственнымъ моимъ утѣшеніемъ были письма Ческо, гдѣ онъ разсказывалъ мнѣ о дѣтяхъ. Чувствуя, что на мнѣ лежитъ двойная отвѣтственность, я вкладывала въ ихъ воспитаніе всю свою душу, и лучшей моей наградой было то, что они росли добрыми и хорошими—Марія живая, веселая, съ практическимъ трезвымъ умомъ, Нино—вдумчивый, серьезный, съ нѣжнымъ, любящимъ сердечкомъ, всегда готовый отдать послѣднее и, несмотря на свою застѣнчивость, вступиться за обиженнаго. Нинетто поражалъ своей ангельской добротой, Марія — своей сообразительностью и тактичностью, которой могли бы позавидовать взрослые. Она всегда угадывала, когда что можно сказать, когда нельзя, всегда умѣла лаской разогнать дурное настроеніе. Дядя и отецъ открыто предпочитали ее брату: Ческо совсѣмъ не понималъ моего бѣднаго мальчика, принимая за дерзость и капризъ порывы чувства и наивность.

Марія знала, напримѣръ, что ея отецъ недолюбливаетъ дѣда съ бабкой, и никогда не передавала имъ того, что̀ онъ говорилъ о нихъ. Нинетто же проявлялъ въ этомъ отношеніи опасную наивность. Такъ, напримѣръ, онъ получилъ отъ отца въ подарокъ новенькую саблю и вдругъ заявляетъ дѣду:

— Папа сказалъ, что этой саблей надо бы тебя въ сердце, дѣдка!

А когда я за ужиномъ у дѣда, сидя съ нимъ рядомъ, толкала его подъ столомъ, чтобы во̀-время сдержать его отъ какого-нибудь промаха, онъ невинно спрашивалъ меня вслухъ:

— Мамочка, зачѣмъ ты жмешь мнѣ ножку?

Когда же я объясняла ему, что того или этого не слѣдуетъ говорить, онъ удивлялся:

— Но вѣдь это же правда, мамочка. Папа же самъ это сказалъ. Всякій разъ, какъ мы шли гулять, я давала имъ понемногу мелкихъ денегъ для нищихъ, и, если у нихъ оставалось что-нибудь, они покупали мнѣ цвѣты или открытки отцу, или же клали остатокъ въ копилку—на рождественскіе подарки бѣднымъ дѣтямъ. Въ копилку, я, конечно, подкладывала кое-что и отъ себя. И сколько восторговъ было по этому поводу, сколько заботъ и совѣщаній со мной и съ гувернанткой о томъ, какъ распорядиться этимъ маленькимъ капиталомъ!... Если мнѣ случалось во время прогулки купить имъ игрушекъ или сластей, и передъ витриной оказывался какой-нибудь бѣдный мальчикъ, съ завистью глядѣвшій на выставленные предметы, я покупала то же и ему, и мои ангельчики больше радовались его радости, чѣмъ собственнымъ подаркамъ.

О мои дѣтки! сколько радости, истинной, глубокой, святой, вы доставили мнѣ!... Помню, разъ Нинетто вернулся съ прогулки озабоченный, серьезный; я сразу по его личику поняла, что съ нимъ случилась крупная непріятность. Дѣйствительно, какъ только Марія съ гувернанткой ушли въ другую комнату, онъ съ плачемъ кинулся ко мнѣ на шею:

— Мамочка! Какъ онѣ огорчили меня; и всетаки я думаю, что я былъ правъ. Слушай!

И онъ разсказалъ мнѣ, какъ вышутили его сестра и гувернантка за то, что онъ снялъ шляпу въ отвѣтъ на поклонъ старика-нищаго, которому онъ всегда подавалъ милостыню. Я обняла его и крѣпко прижала къ груди; я чувствовала, что онъ весь мой, душой и тѣломъ. Я уже представляла его себѣ въ мечтахъ взрослымъ и великодушнымъ, посвятившимъ всю свою жизнь на служеніе добру. О, родной мой мальчикъ, хоть бы эта мечта твоей бѣдной матери сбылась на дѣлѣ! Тогда я забыла бы возлѣ тебя все свое горе; мнѣ кажется, если я даже буду лежать мертвая въ гробу, отъ такого счастья радостно забьется мое замолкшее сердце.

Любили они меня оба несказанно; когда я хворала, они только и мечтали о моемъ выздоровленіи и не отходили отъ меня ни на шагъ, всячески стараясь «услужить мамусѣ», т.-е. дать мнѣ напиться, позвонить, спустить шторы, убавить свѣту въ лампѣ и т. п. И наперерывъ хвалились мнѣ, какъ они меня любятъ.

— Я тебя люблю, какъ всѣ дома въ городѣ,—начнетъ бывало одинъ.

А другой:—Какъ всѣ дома и всѣхъ людей.

А первый опять:—Какъ всѣ дома и всѣхъ людей и всѣ города...

И т. д., и т. д. И потомъ спрашиваютъ:

— Кто больше сказалъ, мамуля?

А я имъ: — Оба больше. Ужъ столько наговорили, что и не счесть.

И оба въ восторгѣ.

Всѣ восхищались ихъ умомъ, привѣтливостью, хорошими манерами; многія матери завидовали ихъ любви ко мнѣ. Но я не могла считать эту любовь незаслуженной, ибо если Богъ ввѣрилъ мнѣ двѣ отъ природы чистыхъ и добрыхъ души, то и я, въ свою очередь, вкладывала въ ихъ воспитаніе все лучшее, что было во мнѣ самой. Я не жалѣла для нихъ ни времени, ни заботъ. Мои пріятельницы трунили надо мной, что боннѣ у меня нечего дѣлать, такъ какъ я сама состою бонной при своихъ дѣтяхъ. А мнѣ именно хотѣлось, чтобъ они поняли, что истинная любовь не боится никакихъ жертвъ и трудовъ. И они сами всегда готовы были пожертвовать собою для меня: отказаться отъ шумной игры, чтобъ не потревожить меня, когда я хворала, или отъ какого-нибудь удовольствія, чтобъ посидѣть со мною.

Съ самаго рожденія Маріи у нея не было другой швеи и портнихи, кромѣ меня. Я шила ей все бѣлыя батистовыя платьица, со множествомъ мелкихъ складочекъ и прошивокъ, что̀ требуетъ большого терпѣнія, но для моей дѣвочки никакая работа не казалась мнѣ трудной. Она сама, бѣдняжка, бывало проситъ: — Мамуся милая, не утомляйся ты изъ-за меня!

Однажды отецъ засталъ ее любующейся на себя въ зеркало и разбранилъ. Когда онъ ушелъ, она бросилась въ мои объятія, со слезами увѣряя:

— Право же, мамулинька, я смотрѣла не на себя, а на новое платьице, которое ты мнѣ сшила.

Мама, бывало, возмущалась, что я готова бросить самую спѣшную работу, когда дѣти попросятъ меня сшить платьице для ихъ куколъ; но я всегда при этомъ давала имъ понять, что только изъ любви къ нимъ исполняю ихъ желаніе и жду того же отъ нихъ. Словомъ, всѣ наши отношенія были основаны на любви, а не на авторитетѣ, и даже когда нужно было примѣнить власть, я ссылалась на старшинство лѣтъ и опыта, а не на свои материнскія права.

Я никогда не устала бы разсказывать о нихъ... Мнѣ такъ сладко отдыхать душой на этихъ воспоминаніяхъ... Пусть этотъ дневникъ когда-нибудь разскажетъ моимъ бѣднымъ дѣтямъ, сколько радостныхъ минутъ они мнѣ доставили, сколько искренней, чистой радости, безъ всякой примѣси горечи и сожалѣнія. Пусть это хоть немного утѣшитъ ихъ!

На Рождество 1900 года въ то время, какъ мои ребятки съ полдюжиной знакомыхъ дѣтей плясали вокругъ роскошной елки, устроенной на 200 лиръ, присланныхъ мнѣ къ празднику Ческо, пришло извѣстіе, что отецъ ихъ, перебравшійся въ Римъ, чтобы прослушать тамъ послѣдній курсъ, серьезно заболѣлъ. Я ничего не сказала дѣтямъ, чтобъ не встревожить ихъ—они уже приготовили подъ елкой подарокъ своему папочкѣ, —но тотчасъ же послала телеграмму и убѣдила отца съѣздить къ Ческо. Знакомые врачи ежедневно телеграфировали мнѣ о его здоровьи; точнаго діагноза еще нельзя было поставить, но жаръ усиливался. Я хотѣла сейчасъ же ѣхать въ Римъ, но врачи мнѣ отсовѣтовали, а профессоръ Транквилли писалъ отцу:— «Графъ такъ раздражителенъ, что пріѣздъ вашей дочери въ Римъ врядъ ли можетъ быть ему полезенъ». Но когда мнѣ сообщили, что бѣдный Ческо самъ зоветъ меня, я выѣхала въ тотъ же день и со мною мой отецъ,—отчасти потому, что я въ это время сильно страдала почечными коликами, отчасти потому, что я умоляла его еще разъ навѣстить больного.

Мы застали Ческо не столько ослабленнымъ физически, сколько напуганнымъ своей болѣзнью, такъ какъ онъ вообще былъ мнителенъ и не привыкъ хворать. Отецъ мой добросовѣстнѣйшимъ образомъ изслѣдовалъ его и не нашелъ ничего опаснаго. Я прямо съ вокзала въ 8 часовъ утра отправилась къ больному и оставалась до одиннадцати; потомъ, послѣ завтрака, въ два опять пришла къ нему и просидѣла до пяти, когда за мной зашелъ отецъ, и еще передъ обѣдомъ зашла къ нему пожелать ему спокойной ночи; а на другой день утромъ передъ отъѣздомъ съѣздила къ нему проститься, посмотрѣть, какъ онъ себя чувствуетъ, и купить отъ его имени подарки для дѣтей.

Все это я разсказываю такъ подробно только для того, чтобъ опровергнуть еще одну гнусную клевету. Правда, въ этотъ вечеръ я дѣйствительно была въ театрѣ, на *премьерѣ* оперы Масканьи. Но что же въ томъ дурного? Папа совершенно успокоилъ меня насчетъ здоровья Ческо и самъ вызвался сопровождать меня. Это было такъ просто и невинно, что я сама на другой день утромъ разсказала объ этомъ Ческо.

Въ продолженіе всей его болѣзни я писала ему часто и длинныя письма, чтобы немного развлечь его, и каждый день заставляла дѣтей писать ему, и каждый вечеръ—молиться за него. Я сама сочинила имъ на этотъ случай краткую молитву, которую они охотно повторяли. И Нинетто, всегда старавшійся все понять и уяснить себѣ, и не понимавшій ни слова въ *Ave Maria* по-латыни и Отче Нашъ по-нѣмецки, которые его заставилъ выучить отецъ, говорилъ мнѣ:

— Мамуля, придумай намъ еще молитву, какъ ты придумала за папу. Она такая хорошая, а этой, гдѣ *mulieribus*—этой я не понимаю.

Мой бѣдный мальчикъ! Знай это наши обвинители, они бы и его обвинили въ безбожіи!

Ческо выздоровѣлъ и просилъ меня пріѣхать къ нему на мѣсяцъ въ Римъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Мнѣ не хотѣлось огорчать его, но, съ одной стороны, я такъ ослабѣла отъ почечныхъ коликъ и морфія, который мнѣ постоянно приходилось впрыскивать, чтобъ утишить жестокую боль, что едва въ состояніи была двигаться; съ другой—я боялась вернуться къ мучительному существованію, какое было въ 99-мъ году...

Отецъ мой, изо дня въ день наблюдавшій за мной, видя, что я совсѣмъ превратилась въ скелетъ, предложилъ мнѣ для отдыха съѣздить съ нимъ въ Сицилію, предоставивъ Ческо закончить свое выздоровленіе, гдѣ ему заблагоразсудится, вмѣстѣ съ дѣтьми. Такъ мы и порѣшили, повидимому, къ общему удовольствію.

Дѣти, обыкновенно неохотно разстававшіяся со мной, на этотъ разъ были въ восторгѣ, что ѣдутъ къ «папочкѣ», что «папочка» выздоровѣлъ, надѣясь, что и я поправлюсь, отдохнувъ въ Сициліи. Они, бѣдненькія, все время плакали, что я такъ больна, и Марія говорила:

— Еслибъ я могла тебѣ дать немножко моего жирку. Бѣдная мамуся, ты такая худенькая!

А Нинетто:

— Не умирай, мамуля; если ты умрешь, умру и я, потому что безъ тебя я жить не могу.

Не понимая хорошенько, что̀ значитъ умереть, онъ спрашивалъ у меня объясненія, и когда я сказала ему, что тѣло будетъ лежать въ землѣ, ничего не чувствуя, душа же, если она была хорошей, пойдетъ къ Богу, онъ нашелъ, что было бы отлично умереть всѣмъ вмѣстѣ:

— Потому что я хочу всегда быть съ тобою, мамочка,—и на тебѣ тоже.

XXII.

Почти слѣпая.

Мы выѣхали съ отцомъ 22 марта, передохнули два дня въ Неаполѣ, потомъ двинулись дальше въ Мессину. Я радовалась, какъ ребенокъ. За четыре дня мнѣ казалось, что я уже набралась силъ;

помню, изъ Мессины я написала одной пріятельницѣ, что уже много лѣтъ на душѣ у меня не было такъ легко. Я всегда любила путешествовать, въ особенности въ обществѣ отца.

26 марта мы пріѣхали въ Таормину.

Ни одна мѣстность, видѣнная мною, не производила на меня такого глубокаго и сильнаго впечатлѣнія, какъ этотъ *рай земной*. Солнце свѣтило такъ ярко; весна была въ полномъ расцвѣтѣ. Въ отелѣ Санъ-Доменико намъ дали двѣ комнатки, словно двѣ монашескія кельи, но изъ оконъ былъ такой чудесный видъ. Мои выходили на крутой спускъ долины, походившей больше па ущелье и сплошь заросшей миндальными деревьями. Передо мной вставало все незабвенное величіе Этны, казавшейся такой близкой, словно насъ раздѣляла только эта миндальная роща, высокій густой столбъ дыма и вѣчные снѣга, розовѣющіе съ сѣвера. Слѣва передъ глазами моими раскинулось глубокое лазурное море съ черной грядой утесовъ вдали, на фонѣ которыхъ еще красивѣе выдѣлялся его чарующій цвѣтъ. И надъ всѣмъ этимъ—чистое, безъ единаго облачка, небо и прозрачный воздухъ, весь пронизанный солнечнымъ свѣтомъ. Дѣйствительно, рай! Ни звука, ни шума. Самый несклонный къ мечтательности человѣкъ передъ лицомъ всей этой красоты не могъ бы мыслью не унестись къ Творцу.

Я сидѣла на подоконникѣ, смотрѣла и думала о горькомъ контрастѣ моей жизни съ этой небесной тишиной. Передъ закономъ людей—жена одного, передъ тѣмъ закономъ, который я считала Божьимъ, начертаннымъ въ сердцахъ,—жена другого, вѣчно сомнѣвающаяся, вѣчно неутѣшная.

— Зачѣмъ—молилась я—Ты, сотворившій неодушевленный міръ такимъ прекраснымъ, величественнымъ и спокойнымъ, вложилъ столько противорѣчій въ мятущуюся душу человѣка. Ниспошли мнѣ хоть малую частицу того мира, которымъ здѣсь дышатъ небо и земля. Зачѣмъ Ты наполнилъ страданіемъ, скорбью, тревогой жизнь человѣка, словно въ насмѣшку именуемаго царемъ вселенной?

На мигъ мнѣ показалось (вы, конечно, посмѣетесь надъ такой галлюцинаціей), что голосъ въ сердцѣ моемъ произнесъ: «*Молись и надѣйся!*» И такъ явственно я услыхала этотъ голосъ, такъ взволновалась, такъ онъ запалъ мнѣ въ душу, что много разъ потомъ въ грядущіе скорбные дни воспоминаніе объ этой минутѣ придавало мнѣ силъ молиться и надѣяться.

Въ послѣдній разъ бѣдные глаза мои видѣли, какъ можетъ быть прекрасенъ Божій міръ. На слѣдующій день, на пути въ Катанью, въ то время какъ я, стоя у открытаго окна, любовалась очаров-

тельнымъ ландшафтомъ, мнѣ въ лѣвый глазъ попалъ кусочекъ угля или лавы. Глазъ сразу воспалился; на почвѣ общаго истощенія организма возникли осложненія, вызвавшія страшную болѣзнь, которая терзала меня девять мѣсяцевъ и совершенно погубила одинъ мой глазъ, сильно повредивъ другой.

Мы поѣхали въ Палермо, въ надеждѣ, что воспаленіе скоро пройдетъ, но отъ солнца и пыли, глазу стало еще хуже. Пришлось вернуться въ Болонью, гдѣ я цѣлыхъ полтора мѣсяца терпѣла такія муки, что думала сойду съ ума. Дѣти вернулись въ Болонью съ отцомъ; но я уже никого не могла видѣть, никого не узнавала; не могла ни разговаривать, ни ѣсть, ни спать, ни даже положить голову на подушку; только сильныя впрыскиванія морфія приносили мнѣ успокоеніе—вѣрнѣе, на время гасили жизнь и съ нею боль.

Острый періодъ болѣзни миновалъ, но я оставалась такой же измученной, безсильной, полуслѣпой. Но всетаки могла вставать съ постели и часами лежала въ креслѣ, смертельно тоскуя. Единственной моей отрадой въ это время были дѣти и мой братъ. Только ихъ ласка и любовная забота помогали мнѣ терпѣливо сносить нестерпимую боль.

Доктора Секки я не видала уже около трехъ мѣсяцевъ и не могла ни написать ему, ни прочесть его писемъ. Тиза приходила два раза въ день узнавать о моемъ здоровьѣ, и, когда я въ состояніи была принять ее, говорила мнѣ, что *онъ* постоянно думаетъ обо мнѣ, болѣетъ моей болью, страстно желаетъ увидать меня.

Эти вѣсточки, передаваемыя черезъ Тизу, были для меня большимъ утѣшеніемъ, и когда потомъ меня корили за то, что я приблизила къ себѣ *прислугу* и говорила ей: *«люблю тебя почти какъ сестру»*, я могла отвѣтить только, что моя признательность къ этой *«прислугѣ»* не уменьшалась отъ того, что на мнѣ было шелковое платье, а на ней—холстинковое. Мое изболѣвшее сердце привязалось къ тому, кто пожалѣлъ его, не считаясь съ разницею положеній и воспитанія.

Мнѣ и въ голову не приходило, что она можетъ *жалѣть* меня изъ-за тѣхъ грошей, которые я время отъ времени давала ей въ знакъ моей признательности. Ея хозяинъ сказалъ мнѣ, что она *хорошая;* я не видѣла въ ней ничего, что бы этому противорѣчило—какъ же я могла сомнѣваться?

Въ этотъ періодъ моей болѣзни братъ навѣщалъ меня три раза въ день. Онъ часто встрѣчалъ у меня Тизу, и, наконецъ, освѣдомился, кто она такая. Съ минуту я колебалась, потомъ сказала ему правду. Нино зналъ, что я любила Секки; онъ зналъ и о нашей встрѣчѣ, какъ знали о ней и мои родители, и мужъ. Потомъ насталъ

разрывъ съ Рускони, послѣ котораго братъ мой, ни о чемъ не спросивъ меня и не предупредивъ, послалъ ей обидное письмо. Послѣ того одинъ разъ онъ спросилъ меня:

— Мнѣ говорили, что видѣли тебя на улицѣ съ какимъ-то господиномъ. Это правда?

Я сказала ему, что это правда, и что я была съ Секки; больше онъ ни о чемъ не разспрашивалъ. Должно быть, зная мои идеальные взгляды на любовь, онъ впалъ въ ту же ошибку, что и мой отецъ, и счелъ меня ангеломъ, а не просто женщиной... Бѣдный Нино не зналъ, какъ безпредѣльна женская любовь.

Даже и теперь, узнавъ отъ меня, кто такая Тиза и зачѣмъ она ходитъ ко мнѣ, онъ ничего не сказалъ—должно быть, у него нехватило духу читать мнѣ наставленія теперь, когда я была такъ больна и такъ печальна. Онъ проводилъ со мною много времени, старался развлечь меня, читалъ мнѣ вслухъ, особенно Евангеліе, перемежая чтеніе своими примѣчаніями, которыя мнѣ бы хотѣлось привести здѣсь всѣ, такъ какъ они даютъ самое правильное представленіе о его характерѣ. Но мнѣ придется ограничиться немногими чертами, которыя снова и снова приходятъ мнѣ на память, бросая зловѣщій свѣтъ на драму его бѣдной души.

Такъ, напримѣръ, Нино, въ противоположность отцу и мнѣ, всегда доказывалъ, что насиліе законно, когда оно является протестомъ противъ злоупотребленій и несправедливости. Читая мнѣ о томъ, какъ Христосъ изгналъ торгующихъ изъ храма, онъ убѣжденно восклицалъ:

— Ну, развѣ я не правъ? Вы съ папой хотите быть добрѣе и справедливѣе Христа, который въ теченіе девятнадцати вѣковъ неизмѣнно остается идеаломъ человѣческаго совершенства. А Христосъ— со мной! Когда онъ увидѣлъ, что слова не дѣйствуютъ, онъ взялъ бичъ и выгналъ негодяевъ изъ святого мѣста, хлеща направо и налѣво.

Кто бы предсказалъ мнѣ, что этотъ принципъ можетъ породить такую извращенность мысли, стать источникомъ столькихъ бѣдъ!

Бѣдный Нино! И подумать только, что при такомъ разсудочномъ пристрастіи къ насилію, онъ былъ деликатенъ и нѣженъ, какъ ребенокъ. Онъ разсказывалъ мнѣ очаровательныя вещи о моихъ милыхъ дѣткахъ, о ихъ умѣ и добротѣ и никогда не разсказывалъ объ ихъ капризахъ, зная, что это огорчитъ меня. Порою, заставъ меня въ угнетенномъ состояніи, онъ смѣшилъ меня забавнѣйшими анекдотами и разсказами о собственныхъ курьезныхъ приключеніяхъ, повергавшихъ въ священный трепетъ добродѣтельныхъ матронъ. И

разсказывалъ такъ блестяще, съ такимъ дьявольскимъ лукавствомъ, что, при всемъ желаніи пожурить его, я умирала со смѣху. Пожалуй, эти добродѣтельныя дамы еще больше будутъ скандализованы такимъ признаніемъ. А я и теперь благодарна брату за то, что онъ тѣмъ или инымъ способомъ не давалъ мнѣ умереть отъ тоски.

Онъ приходилъ всегда въ тѣ часы, когда мнѣ приносили ѣсть, въ надеждѣ, что въ его присутствіи я проглочу лишній кусокъ; онъ зналъ, какъ мнѣ непріятно ѣсть изъ чужихъ руки и зналъ, что теперь, почти ослѣпнувъ, не видя, что ѣмъ, я все время боюсь проглотить что-нибудь нечистое.

Ни отецъ мой, ни мать, хоть они и любили меня и отдали бы все на свѣтѣ, чтобъ увидѣть меня опять здоровой, неспособны были на такую любовную заботливость. Ради меня братъ измѣнилъ своимъ привычкамъ, излюбленному строю жизни, политикѣ, любви, забылъ о развлеченіяхъ и безъ театральныхъ жестовъ, безъ красныхъ словъ, съ улыбкой на губахъ, цѣлыми днями сидѣлъ возлѣ слѣпой, принося мнѣ свою жизнерадостность въ обмѣнъ на мою тоску, всю бьющую ключомъ жизнь своей молодой души, чтобъ подкрѣпить мою усталую душу. Я не помню, чтобъ онъ когда-нибудь пришелъ съ пустыми руками: всегда онъ приносилъ мнѣ что-нибудь въ подарокъ—книгу, цвѣтокъ, лакомство—и усаживался въ темной комнатѣ возлѣ измученной и грустной больной такъ же весело и просто, какъ будто онъ явился на какую-нибудь *partie de plaisir*.

О, если бы тѣ, кто такъ строго судилъ эту бѣдную душу, знали, сколько въ ней было нѣжности и доброты, и ангельскаго милосердія, они судили бы ее совсѣмъ иначе. Наши тогдашнія бесѣды сказали бы имъ больше, чѣмъ самая блестящая защита адвоката,—столько въ нихъ было деликатности и доброты.

Онъ, улыбаясь, говорилъ мнѣ: «Кушай, кушай!» Или: «Какъ ты исхудала, бѣдняжка!»—Или съ той же улыбкой:—«Еслибъ можно было склеить насъ вмѣстѣ и потомъ опять разъединить».

Коротенькія спокойныя фразки, но озаренныя улыбкой, которую я чувствовала въ его голосѣ. Онъ никогда не увѣрялъ меня въ своей привязанности, не говорилъ, какъ онъ жалѣетъ меня, цѣловалъ меня рѣдко и вскользь, но я была его другомъ, его повѣренной, онъ шелъ ко мнѣ за совѣтомъ, и никто чаще меня не бранилъ его за расточительность. Онъ терпѣливо выслушивалъ мои нотаціи и, улыбаясь, говорилъ:

— Какъ ты права!—такимъ тономъ, что я не знала, шутитъ онъ или мнѣ, дѣйствительно, удалось его убѣдить; но неизмѣнно отвѣтъ его сопровождался ласковой улыбкой.

Помню, наибольшимъ выраженіемъ любви съ его стороны были слова:

— Еслибъ я встрѣтилъ другую такую разумную женщину, какъ ты, Линда, я бы сейчасъ женился.

Но тотчасъ же онъ поправился:

— Впрочемъ, тебѣ недостаетъ одной вещи, отсутствіе которой раздражало бы меня въ женѣ. Ты не интересуешься политикой. Какъ это можно быть интеллигентнымъ и добрымъ и не интересоваться политикой!

Не имѣя возможности ничѣмъ инымъ отблагодарить Нино, я ходатайствовала за него передъ отцомъ—и хорошо бы еслибъ наши адвокаты такъ же горячо защищали насъ, какъ я его!...

Когда отецъ отказывалъ Нино въ деньгахъ, говоря, что онъ не хочетъ поощрять склонностей, которымъ не можетъ сочувствовать, я говорила ему:

— Папочка, вѣдь это эгоизмъ! Ты сдѣлалъ все, что могъ для того, чтобъ сынъ твой выросъ хорошимъ человѣкомъ, и вотъ, онъ *хорошій*. Совѣсть твоя можетъ быть спокойна. Для того, чтобъ чувствовать себя счастливымъ, ему недостаетъ только немного денегъ. Почему же тебѣ не дать ихъ ему? Счастіе—такая рѣдкость въ этомъ мірѣ. Пусть бѣдный Нино беретъ его, гдѣ можетъ, и наслаждается имъ въ мирѣ.

И отецъ, побѣжденный, давалъ мнѣ денегъ для Нино. Послѣ этого приходилось выдерживать еще другую борьбу—съ братомъ, чтобы онъ принялъ деньги. Онъ никогда вѣдь не просилъ меня похлопотать за него у отца—я сама угадывала его нужды—и очень смущался моимъ посредничествомъ.

Когда я уже перешла съ кровати на кресло, со мною много времени проводили дѣти, въ особенности Нинетто, у котораго не было, какъ у Маріи, постоянной потребности прыгать, играть, быть въ движеніи. Онъ садился возлѣ меня, цѣловалъ мнѣ руки—голова моя была вся въ повязкахъ—и говорилъ:

— Бѣдная моя мамочка! Ты не видишь меня, правда? Но это я, твой Нинетто.

Потомъ, когда я немного окрѣпла, хотя все еще сидѣла въ темной комнатѣ и съ повязкой на глазахъ, мой мальчикъ садился ко мнѣ на колѣни, клалъ головку ко мнѣ на грудь и говорилъ мнѣ ласковыя милыя слова—тихонько, чтобъ не утомить, не раздражить меня. Потомъ, истощивъ весь свой запасъ нѣжныхъ словъ, говорилъ

— Теперь ты, мамочка, разскажи мнѣ что-нибудь.

И я начинала разсказывать ему про Христофора Колумба, п

Христа, котораго онъ больше всѣхъ любилъ и не уставалъ слушать о Немъ. И его вопросы, его собственныя разсужденія были такъ восхитительны, что я иногда восклицала:

— Какой онъ милый!

Тогда мой мальчикъ оборачивался назадъ, дѣлая видъ, будто ищетъ кого-то глазами, и спрашивалъ меня:

— Кому ты это говоришь, мамуся?

— Тебѣ!—отвѣчала я, прижимая его къ своему сердцу.

— Тогда надо было сказать: «Какой *ты* милый!»—Ему такъ пріятно было слышать это отъ меня.

Порой мнѣ становилось жаль держать его возлѣ себя въ темной комнатѣ, и я говорила:

— Иди, Нинетто, иди, мой мальчикъ, поиграй немножко. Что же тебѣ скучать тутъ со мной.

— Нѣтъ, мамуся, позволь мнѣ посидѣть съ тобой. Я здѣсь, какъ въ раю, ты разсказываешь мнѣ все такое хорошее, и я такъ тебя люблю!...

И цѣловалъ меня такъ нѣжно, ласково, съ такою добротою, что, кажется, если бы я сошла съ ума и все забыла, этого мнѣ не забыть никогда.

Когда я, все еще съ повязкой на глазахъ, начала бродить по дому, мои дорогія дѣтки никому другому не позволяли водить меня и такъ слѣдили за тѣмъ, чтобы я не споткнулась обо что-нибудь, или не ушиблась. Разъ, когда я сняла повязку, Нинетто заглянулъ мнѣ въ лицо и вдругъ воскликнулъ:

— Мамуся, что же это? у тебя одинъ глазикъ совсѣмъ бѣленькій, какъ у слѣпыхъ!

— Правда?—испугалась я.—Дай-ка мнѣ зеркало, мальчикъ.

Онъ принесъ мнѣ зеркало, и я увидѣла, что лѣвый глазъ мой дѣйствительно былъ слѣпъ, погибъ навѣки. Но ничего не сказала сыну и старалась не выдать своего горя передъ дѣтьми, чтобы не огорчать ихъ.

Но однажды моя Марія, вернувшись отъ дѣдушки, кинулась ко мнѣ съ отчаяннымъ плачемъ. Я цѣловала ее, утѣшала, спрашивала, о чемъ она плачетъ, но она только рыдала:

— Не могу сказать, мамуся. Это будетъ тебѣ слишкомъ непріятно!

— Скажи, моя дѣтка, скажи! Мнѣ больше всего непріятно видѣть, какъ ты плачешь, и не знать, чѣмъ тебя утѣшить.

Наконецъ, просьбами и поцѣлуями я побѣдила ея нерѣшительность, и она призналась мнѣ, что плачетъ потому, что изъ разговора

дѣда съ бабкой она поняла, что я никогда уже не буду видѣть больнымъ глазомъ. И оба, она и Нинетто, говорили мнѣ:

— Еслибъ мы могли дать тебѣ каждый по глазку, мамуся, какъ бы мы были счастливы!

Когда, наконецъ, мнѣ позволили совсѣмъ снять повязку, Нинетто, какъ маленькій профессоръ, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы я не совершила какой-нибудь неосторожности и, когда я бралась за книгу, кротко выговаривалъ мнѣ:

— Мамочка, нельзя же. Вѣдь тебѣ же вредно.

Я нарочно дѣлала огорченное лицо и говорила:

— Не брани меня. Я немножко.

— Ну, хорошо, читай, но только одну страничку. Я не стану бранить тебя, мамочка, будь спокойна.

Или бѣжалъ вымыть ручонки, пальчиками приподымалъ мнѣ вѣки, какъ дѣлали на его глазахъ окулисты, смотрѣлъ, не усилилось ли воспаленіе, и высказывалъ свое сужденіе, всегда правильное:

— Эге, мамуся, это мнѣ не нравится. Глазикъ красненькій, лучше ужъ ты не читай. Я посижу съ тобой.

Или:

— Хорошо, глазикъ не красный, можешь читать. Ты довольна, мамуся?

И его собственные милые глазки пятилѣтняго профессора свѣтились радостью, когда онъ могъ сообщить мнѣ что-нибудь пріятное.

Я никогда, никогда не кончу. Когда я окунусь въ эти отрадныя воспоминанія, мнѣ чудится,—я вижу личики дѣтей, слышу ихъ голоса, чувствую ихъ поцѣлуи. «Нѣтъ бо́льшей горести, какъ въ дни печали о счастіи минувшемъ вспоминать». Это правда, но правда и то, что, какъ ни горьки эти воспоминанія, я черпаю въ нихъ вѣру въ то, что ни разлука, ни несправедливость и клевета не могутъ убить безъ остатка такой любви, какая была между нами.

Невыразимо больно мнѣ переходить отъ этихъ святыхъ воспоминаній къ разсказу о своемъ проступкѣ, но, какъ ни горько и ни стыдно, надо сказать и объ этомъ. Итакъ, въ началѣ іюля мы поѣхали въ Санъ-Марцелло, а немного погодя туда пріѣхалъ д-ръ Секки, и жили мы уже не такъ, какъ въ прошломъ году—онъ въ гостиницѣ, а я на виллѣ, но оба на одной и той же виллѣ. Конечно, это было ошибкой, но вѣдь вся наша любовь въ этотъ періодъ проявлялась съ его стороны—въ дружескомъ участіи и заботахъ, съ моей—безконечной благодарностью. Съ 21 марта до 17 іюля мы только дважды могли перекинуться нѣсколькими словами, когда онъ

пришелъ навѣстить меня, еще не снявшую повязки, подъ другимъ именемъ, подъ видомъ гостя.

Въ августѣ я отвезла дѣтей въ Римини, къ дѣду и бабкѣ, сама же осталась на нѣсколько дней въ Болоньѣ, ибо глазъ все не переставалъ болѣть. Поэтому 1 сентября я вмѣстѣ съ отцомъ поѣхала въ Швейцарію, къ профессору Гаабу, но и онъ не могъ подать мнѣ надежды; потомъ, когда дѣти переселились къ Ческо въ Баварцере, я, опять-таки въ сопровожденіи отца, побывала въ Туринѣ, у д-ра Реймонда, и онъ въ свою очередь констатировалъ полную потерю зрѣнія въ лѣвомъ глазу. Вдобавокъ я здѣсь убѣдилась, что больна нефритомъ, проявившимся сильнымъ кровоизліяніемъ въ почкахъ.

XXIII.

Новая борьба.

Еще съ весны 1901 года мои душевныя тревоги возобновились, какъ будто мало было однихъ физическихъ страданій, чтобъ доканать меня! Червесато передалъ мнѣ, что Ческо порѣшилъ, окончивъ университетъ, возобновить борьбу со мной и добиться вновь совмѣстной жизни, или же отобрать у меня дѣтей и отдать ихъ въ коллегію. Какъ раньше Червесато настаивалъ на необходимости намъ разъѣхаться и развестись законнымъ порядкомъ, такъ и теперь онъ совѣтовалъ мнѣ не уступать,—какъ потому, что разладъ между моимъ мужемъ и мною казался ему непримиримымъ и сулящимъ постоянныя огорченія дѣтямъ и мнѣ, такъ и потому, что изъ разговоровъ съ Ческо онъ понялъ, что тотъ желаетъ примиренія вовсе не изъ миролюбія, а лишь затѣмъ, чтобъ взять реваншъ и отстоять передъ обществомъ свои мужнины права. Съ своей стороны Ческо, съ которымъ мы постоянно переписывались, въ каждомъ письмѣ болѣе или менѣе прозрачно выражалъ желаніе вновь соединиться со мною, причемъ, зная мою слабость, выдвигалъ самое для меня страшное оружіе—воспитаніе дѣтей.

«Неужели ты думаешь, Ческо,—писала я ему въ отвѣтъ,—что наши дѣти были бы такими, какъ они есть, еслибъ они росли среди всѣхъ нашихъ ссоръ? О насъ они, когда выростутъ большими, скажутъ: «Папа хорошій, мама тоже хорошая. Если они при всемъ томъ не могли ужиться вмѣстѣ, значитъ, они ужъ очень не подошли другъ къ другу характерами. Ты не знаешь, Ческо, какой ужасъ для добрыхъ дѣтей видѣть постоянное взаимное раздраженіе, постоянныя ссоры родителей. Это не только огорчало бы ихъ, но воспитало бы въ нихъ недовѣрчивое отношеніе ко всякой поэзіи чувства. А теперь,

смотри, какъ они любятъ и уважаютъ насъ обоихъ. И такъ будетъ всегда».

И вотъ, однажды осенью, къ великому моему изумленію и негодованію, является ко мнѣ Червесато совсѣмъ съ другими мыслями и взглядами, такъ что прямо не узнать его. И заявляетъ, что хочетъ поговорить со мною откровенно, что онъ много думалъ о насъ обоихъ, что мы съ Ческо, конечно, не родныя души, но можно же найти какую-нибудь почву для соглашенія, и мой долгъ, какъ женщины— уступить. Все равно, раньше или позже придется покориться, такъ ужъ лучше сдѣлать это теперь же и по доброй волѣ.

Такая перемѣна фронта въ Червесато мнѣ очень не понравилась. Мнѣ, по моей неопытности, и въ голову не приходило, что можно бывать у человѣка чуть не каждый день, увѣрять его въ самой искренней дружбѣ, а потомъ вдругъ взять и заговорить съ нимъ неискренно.

Тогда я еще не успѣла извѣдать на собственномъ опытѣ, что слова *дружба, правда, справедливость*—на устахъ у всѣхъ, но въ сердцѣ—у очень немногихъ.

О Червесато я знала, что онъ очень друженъ съ Ческо, но не знала того, что̀ выяснилось впослѣдствіи. Я считала его умнымъ и хорошимъ, надѣялась, что онъ даетъ и мужу моему добрые совѣты, и вполнѣ довѣряла ему. «Онъ—другъ моего мужа и мой,—думала я. Оба мы говоримъ съ нимъ совершенно искренно. Онъ насъ прекрасно знаетъ,—кто же можетъ быть въ нашемъ дѣлѣ лучшимъ судьей?»

Когда Ческо присылалъ мнѣ ласковыя письма, волновавшія меня, я ихъ показывала Червесато, совѣтовалась съ нимъ, открывала ему мое горе, мои сомнѣнія, укоры совѣсти. Тогда онъ, сжимая мои руки, говорилъ буквально слѣдующее:

— Умоляю васъ, не давайте себя растрогать! Ческо пишетъ вамъ такъ, потому что знаетъ, какъ вы добры, и старается растрогать васъ. Вѣдь вы же знаете его: онъ прикидывается простакомъ, а самъ хитритъ. Мнѣ онъ твердитъ совсѣмъ иное, и вы очень раскаетесь, если повѣрите ему.

И вотъ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ этотъ несравненный дру[г] самъ начинаетъ мнѣ твердить совсѣмъ иное: онъ преисполненъ нѣ[ж]ности къ Ческо и строгъ ко мнѣ. Я не скрыла отъ него ни свое[го] удивленія, ни своей досады, и сказала ему:

— Одно изъ двухъ: или теперь, или тогда вы были неискрен[ни]. Ибо если тогда Ческо могъ сдѣлать меня только несчастной, то к[…]

же это теперь онъ сталъ образцовымъ мужемъ? Съ чего же это онъ вдругъ такъ перемѣнился?

Червесато обидѣлся, но, съ обычной своей *нерѣшительностью,* которую всѣ въ немъ замѣчали и которую я, знающая его лучше всѣхъ другихъ, не колеблясь назову *двуличіемъ,* не подалъ виду... Онъ не оправдывался, не возражалъ, только сталъ рѣже бывать у меня, извиняясь подъ разными предлогами и черезъ общихъ знакомыхъ постоянно передавая мнѣ увѣренія въ самой горячей дружбѣ. А я, поставившая себѣ за правило быть очень снисходительной къ человѣческимъ слабостямъ, терпѣть не могла сомнѣваться въ чьей бы то ни было правдивости и всегда боялась даже мысленно несправедливо обидѣть человѣка. Поэтому я искала объясненія съ Червесато, чтобы заставить его высказаться начистоту—вслѣдствіе какихъ причинъ такъ измѣнилось его поведеніе, и передала ему это черезъ общихъ знакомыхъ, но онъ все время ускользалъ отъ меня, какъ угорь.

Его ужъ нѣтъ на свѣтѣ, поэтому я не хочу бранить его. Но, если правда, что *тамъ* за все придетъ расплата, его душа отвѣтитъ передъ Богомъ за свое поведеніе относительно меня.

Когда мой адвокатъ сказалъ мнѣ, что Червесато умеръ, я первое время даже не *могла* молиться за него, не могла побѣдить въ своей душѣ раздраженія противъ него. А между тѣмъ, въ то время я еще не знала всего того, что̀ выяснилось потомъ на судѣ.

Какъ я уже говорила, изъ Турина я вернулась тяжко больной нефритомъ и вновь оказалась прикованной къ постели, безъ Нино, безъ дѣтей и даже безъ возможности читать и писать, изъ-за боли въ глазахъ. Братъ мой уѣхалъ, чтобы прослушать курсъ въ одномъ изъ баварскихъ университетовъ; дѣти все еще гостили у своего отца въ Каварцере. Условленное время—мѣсяцъ, почти уже прошло, но Ческо въ письмахъ и не заикался о возвращеніи. Зато нѣмка-гувернантка писала мнѣ, что мужъ мой намѣревается прочно основаться въ Болоньѣ. Дѣйствительно, у Ческо явилась новая фантазія—онъ забралъ себѣ въ голову непремѣнно сдѣлаться ассистентомъ моего отца. Для него это, конечно, было бы очень лестно, но я, зная своего отца, знала и то, что его очень трудно было бы подвинуть на такую *несправедливость:* взять себѣ въ помощники Ческо, малообразованнаго, нахватавшаго вершковъ, когда подъ рукою есть столько опытныхъ и знающихъ врачей, гораздо болѣе достойныхъ. Можно себѣ представить, какъ огорчало меня это его намѣреніе въ связи съ намеками и замаскированными угрозами Червесато, особенно при томъ состояніи нервнаго угнетенія, въ какое я была при-

ведена своими вѣчными недугами. Я жаждала возвращенія дѣтей, своей единственной отрады. Мужъ мой зналъ, что я больна, на словахъ жалѣлъ меня, и въ то же время лишалъ меня моего единственнаго блага, держалъ его у себя заложникомъ, съ тѣмъ, чтобы вернуть его мнѣ только тогда, когда отецъ мой дастъ ему желанный, благопріятный отвѣтъ.

Объ этомъ намѣреніи Ческо—поселиться въ Болоньѣ, у насъ съ нимъ былъ разговоръ еще въ прошломъ году. И тогда же я ему сказала, безъ всякой враждебности, но откровенно, что, по-моему, это не сулитъ ничего добраго ни ему, ни мнѣ. Наше положеніе разведенныхъ супруговъ въ провинціальномъ городѣ, въ небольшомъ кружкѣ, гдѣ всѣ насъ отлично знали, вызывало бы массу сплетенъ, пересудовъ и шпіонства, которые отравляли бы жизнь намъ обоимъ. Тѣ же доводы я приводила потомъ и Червесато, но видя, что Ческо стоитъ на своемъ, я примирилась. Его претензія на ассистентство гораздо больше взволновала меня, ибо я не знала, какъ убѣдить отца и даже не смѣла заговорить съ нимъ объ этомъ. Но въ одинъ прекрасный день отецъ пришелъ ко мнѣ и самъ заговорилъ:

— Ты понимаешь, милая Линда, что, пока длится этотъ раздоръ между тобой и твоимъ мужемъ, я не могу допустить его въ свою клинику. Ради тебя, ради твоего спокойствія я готовъ сдѣлать все, въ томъ числѣ и пожертвовать соображеніями, которыя тебѣ легко понятны. Ческо пишетъ мнѣ, прося взять его въ ассистенты, обращаясь при этомъ къ моей честности и добротѣ. Ему достаточно было бы обратиться къ моему отцовскому сердцу. Я напишу ему, чтобъ онъ пріѣхалъ, и, если онъ сумѣетъ помириться съ тобой, я удовлетворю его желаніе.

Эти слова моего отца наполнили сердце мое благодарностью и въ то же время страшно взволновали меня. Опять этотъ колючій вопросъ о примиреніи, опять сомнѣнія и страхи; съ одной стороны, совѣты Червесато и другихъ—уступить, съ другой—мучительный опытъ прошлаго. Одно рѣшеніе прочно укоренилось въ моемъ умѣ и сердцѣ: я никогда не буду для своего мужа ничѣмъ инымъ, кромѣ заботливой сестры.

Черезъ полтора мѣсяца Ческо, наконецъ, привезъ мнѣ дѣтей, и радость свидѣться съ моими дорогими вызвала и во мнѣ желаніе придти къ какому-нибудь соглашенію, которое бы сдѣлало сносной жизнь и для ихъ отца, и для меня.

Я сообщила объ этомъ папѣ, и онъ, бѣдный, боясь, какъ бы меня не подвели, особенно при теперешнемъ ухудшившемся состояніи мо-

его здоровья, поручилъ вести переговоры отъ моего имени адвокату Бальдини.

Ческо, повидимому, былъ этимъ доволенъ; онъ объявилъ, что вполнѣ довѣряетъ Бальдини и самъ не станетъ приглашать другого адвоката. Я сказала Бальдини, что готова на всякія уступки, но только не въ вопросѣ о нашихъ супружескихъ отношеніяхъ, и онъ посовѣтовалъ мнѣ отстоять уже завоеванное мной въ этомъ смыслѣ право и для этого не уничтожать разводной, выданной мнѣ судомъ и устроить примиреніе только *pro forma*, т.-е. поселиться на одной квартирѣ, но на разныхъ половинахъ.

Ческо вмѣстѣ съ моимъ отцомъ пришелъ ко мнѣ, все еще не встававшей съ постели послѣ нефрита, и мой повѣренный предъявилъ мои условія. Ческо, очень довольный, горячо благодарилъ адвоката, наговорилъ любезностей отцу и мнѣ, и неожиданно выразилъ желаніе поселиться во дворцѣ Росси, на *via* Санъ-Стефано, очень подходящемъ для такой комбинаціи. Такъ все устраивалось къ общему удовольствію, и Бальдини составилъ примѣчаніе къ разводной, формулировшей новыя условія. Но и тутъ точно какой-то дьяволъ поспѣшилъ нарушить наступавшее доброе согласіе. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось мнѣ, ибо въ этотъ моментъ всѣ: и отецъ, и Ческо, были настроены очень миролюбиво.

Не успѣлъ Ческо выйти изъ дому, какъ ему, по натурѣ лукавому и недовѣрчивому, уже захотѣлось тайно посовѣтоваться съ своимъ собственнымъ повѣреннымъ, и онъ помчался въ Падую. Повѣренный же, должно быть обидѣвшись, что дѣло сладилось безъ него, настроилъ Ческо совсѣмъ иначе, задѣвъ его самолюбіе громкими фразами о его оскорбленномъ достоинствѣ и попранныхъ правахъ и отсовѣтовалъ ему принимать мои условія, подучивъ его требовать или общей квартиры, т.-е. фактическаго уничтоженія разводной, или же продолженія раздѣльной жизни, какой мы жили до тѣхъ поръ. Такъ, за нѣсколько часовъ (Ческо уѣхалъ въ два часа ночи, а вернулся на другой день утромъ въ 2 ч. 40 м.) разсѣялась опять надежда на примиреніе и новую жизнь, которая, несомнѣнно, была бы менѣе печальной для всѣхъ.

Когда, на другой день, Ческо пришелъ сказать мнѣ, что онъ перерѣшилъ, я не удивилась, ибо слишкомъ хорошо знала его, но, конечно, вознегодовала и не хотѣла сразу принимать никакихъ рѣшеній. На всѣ его просьбы я только отвѣчала:

— Дай мнѣ время подумать.

А пока—онъ бывалъ у насъ ежедневно, проводилъ много времени съ дѣтьми и на минутку заходилъ ко мнѣ, все еще прикованной къ

постели нефритомъ, каждый разъ возобновляя свои мольбы и увѣренія. Онъ давалъ мнѣ слово, что, если я соглашусь жить въ одной квартирѣ и разорвать разводную, онъ уважитъ мое требованіе касательно нашихъ интимныхъ отношеній. Но, на-ряду съ этимъ, у него вырывались и другія слова, пугавшія меня; въ его голосѣ, въ его глазахъ было что-то, заставлявшее меня бояться, что онъ говоритъ неискренно и что, если я пойду на компромиссъ, выйдетъ совсѣмъ обратное. Баттиста съ своей стороны предостерегалъ меня; поэтому я все больше охладѣвала къ этимъ планамъ примиренія, и наконецъ вовсе перестала думать о нихъ.

Но если Ческо и примирился съ мыслью о нашей разлукѣ, то онъ всетаки не отложилъ надежды сдѣлаться ассистентомъ моего отца, и въ одинъ изъ своихъ приходовъ заявилъ мнѣ, что онъ подаетъ офиціальное прошеніе черезъ ректора. Я отговаривала его, какъ только могла, зная, что отецъ ему откажетъ, какъ потому, что наши отношенія остались прежними, такъ и потому, что отцу моему опротивѣли его увертки и измѣнчивость рѣшеній. Вдобавокъ, кто-то передалъ отцу, что Ческо (по старой привычкѣ) направо и налѣво честитъ его и всю нашу семью. Но Ческо не послушался меня, подалъ прошеніе и, какъ я предсказывала ему, получилъ отказъ. Такъ порвалась послѣдняя связь, придававшая дружественную окраску нашимъ встрѣчамъ.

Бѣдный Ческо счелъ себя жестоко оскорбленнымъ, зашелъ ко мнѣ въ послѣдній разъ, чтобы, какъ всегда, когда онъ злился, наговорить мнѣ гадостей о моемъ отцѣ и обо мнѣ, и больше такъ ужъ не появлялся. Зато онъ принималъ всѣ мѣры, чтобы какъ можно чаще попадаться навстрѣчу отцу и, когда это ему удавалось, пристально глядѣлъ отцу въ глаза, не кланяясь и не снимая шляпы. Нашлось, какъ водится, достаточно друзей, передававшихъ намъ все то дурное, что говорилъ о насъ Ческо, нерѣдко прибавляя и выдумывая отъ себя, а потомъ оказывая такую же услугу другой сторонѣ. Благодаря этому, мужъ мой все больше ожесточался, и дѣти, возвращаясь отъ него, въ простотѣ души повторяли весьма нелестныя для всѣхъ насъ рѣчи и угрозы ихъ отца по нашему адресу.

Несмотря на всѣ эти огорченія, я понемногу поправлялась и уже подумывала о томъ, чтобы еще разъ съѣздить къ Гаабу и продѣлать надъ собой предложенную имъ операцію, которая помогла бы мнѣ, по крайней мѣрѣ, сохранить хоть и не видящій глазъ. Итальянскіе же окулисты совѣтовали мнѣ удалить больной глазъ, чтобъ устранить всякую опасность для здороваго, и на мѣсто его вставить искусственный. Но мнѣ и самой противно было, и не хотѣлось дѣлать

этого ради дѣтей, которыя спали вмѣстѣ со мной и которымъ непріятно было бы видѣть, какъ я вынимаю и вставляю искусственный глазъ.

Словомъ, на это у меня нехватило мужества. Девятнадцатаго февраля я поступила въ лѣчебницу доктора Гааба и за три недѣли выдержала три прокола и иридектомію, увѣнчавшуюся полнымъ успѣхомъ. При самой первой и послѣдней операціяхъ Гааба ассистировалъ д-ръ Секки, нарочно для этого пріѣзжавшій изъ Болоньи 17-го марта; чуднымъ, совсѣмъ уже весеннимъ днемъ я вернулась домой; операція удалась настолько, что лицо не было обезображено, хотя лѣвый глазъ и погибъ безвозвратно. И какъ радостно было мнѣ возвращеніе, какой праздникъ мнѣ устроили мои дѣтишки!

Передъ отъѣздомъ въ Цюрихъ я черезъ своего повѣреннаго справилась у Ческо, какъ быть, во время моего отсутствія, съ дѣтьми, и онъ рѣшилъ брать ихъ на день къ себѣ, а на ночь отвозить къ дѣдушкѣ. Такъ и сдѣлали, но узнавъ, что я вернусь въ ночь съ шестнадцатаго на семнадцатое, дѣти захотѣли непремѣнно спать въ моей комнатѣ, чтобы сразу увидѣть меня. Дѣдъ съ бабкой удовлетворили ихъ желаніе, но ребятки, боясь, что прислуга не разбудитъ ихъ, когда я пріѣду, выдумали слѣдующую хитрость: Марія улеглась на моей кровати, а Нинетто, облачившись, шутки ради, въ фуфайку, которую я всегда надѣвала на ночь, взялъ съ сестренки слово, что, когда я разбужу ее, ложась въ постель, она, въ свою очередь, разбудитъ и его. Онъ, конечно, думалъ, что мнѣ и самой придется разбудить его, когда мнѣ понадобится моя фуфайка.

Моя дѣвочка, кромѣ того, положила мнѣ на столикъ премило нацарапанное ею ласковое письмецо, въ которомъ она выражала свою «безумную» радость по поводу моего возвращенія, и цвѣты, купленные ею вмѣстѣ съ братомъ на карманныя деньги, подаренныя дѣдомъ.

Кровать Нинетто и моя стояли рядомъ, а между ними—небольшой комодикъ съ ночникомъ. Я тихонько подошла полюбоваться ими, спящими, потомъ поцѣловала ихъ, сначала едва касаясь, потомъ все горячѣе, и разбудила ихъ. Какъ сейчасъ вижу ихъ сидящими въ постелькахъ, съ просонокъ еще съ закрытыми глазками и сонными голосками восклицающими:

— Вернулась, мамочка, вернулась наша Езитени! *).

Это было ласкательное, придуманное ими для меня послѣ одного

---

*) Юбка, капотъ по-итальянски sottana—отсюда Eziteni.

эпизода: мои утренніе кофточки и капоты висѣли всегда на вѣшалкѣ въ коридорѣ, и ребятишки, пробѣгая мимо, зарывались въ нихъ и цѣловали ихъ. Однажды я поймала ихъ за этимъ и, смѣясь, спросила:

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Цѣлуемъ твои капотики, потому что они пахнутъ тобой.

Проснувшись, наконецъ, взаправду, они задушили меня ласками и поцѣлуями, потомъ притащили лампу, чтобъ разсмотрѣть мой глазъ, и пришли въ восторгъ, что «глазикъ сталъ красивѣе», т.-е. не такимъ гадкимъ. Потребовалось все мое краснорѣчіе, чтобы убѣдить ихъ вернуться въ свои кроватки, такъ какъ они *для праздника* хотѣли непремѣнно оба спать вмѣстѣ со мной, какъ мы иногда въ шутку это дѣлали,—я посрединѣ, раскинувъ руки, а они—подъ крылышкомъ справа и слѣва.

Это было сладкое, счастливое распятіе, но въ этотъ вечеръ я была слишкомъ утомлена и не уснула бы отъ страха, что они могутъ упасть съ кровати.

XXIV.

Событія развиваются.

Итакъ, я возвратилась: состояніе моего глаза очень улучшилось и въ эстетическомъ, и въ органическомъ смыслѣ; нефтитъ—тоже прошелъ; словомъ, я опять ожила и расцвѣла; но мнѣ не суждено было долго наслаждаться спокойствіемъ, и это была лишь передышка, дарованная судьбой.

Въ день св. Іосифа мы съ дѣтьми рѣшили отпраздновать мое возвращеніе и отправились ѣсть мороженое въ сопровожденіи еще двухъ дѣвочекъ, дочерей моей кузины; потомъ всѣ вмѣстѣ пошли завтракать къ графинѣ Кавацца. Уже около года—долгаго года тяжкой болѣзни,—я не ходила по улицамъ моего родного города. Въ потеплѣвшемъ воздухѣ уже носилось дыханіе весны; тамъ и сямъ женщины продавали фіалки, солнце золотило сѣрыя стѣны старинныхъ домовъ, и вся Болонья смотрѣла какъ-то по-праздничному. Мнѣ дышалось легко, сердце билось какой-то новой надеждой: я здорова, на воздухѣ, дѣти со мной, мнѣ казалось, что все это—сонъ.

Но, прощаясь, графиня попросила меня зайти къ ней на другой день, безъ дѣтей, чтобы потолковать на свободѣ. Дѣйствительно, я пошла къ ней на другой день, 20 марта, и она съ первыхъ же словъ спросила меня:

— Линда, какъ ты думаешь быть съ твоимъ мужемъ?

— А что?—спросила я, и сердце мое сжалось предчувствіемъ.—Продолжать въ томъ же духѣ, пока возможно.

— Но вѣдь онъ задумалъ судомъ отобрать у тебя Нинетто,—развѣ тебѣ дома не сказали? Я знаю это отъ его повѣреннаго, Пигоцци, онъ—мой пріятель; да и съ Бальдини онъ, вѣроятно, говорилъ уже.

То былъ ударъ грома изъ яснаго неба. Сердце мое забилось, какъ безумное, потомъ вдругъ замерло; я вся затрепетала, у меня потемнѣло въ глазахъ.

— Пусти меня, пусти,—бросила я Линѣ и помчалась къ адвокату Бальдини, жившему неподалеку.

Адвокатъ былъ занятъ; на мой испуганный вопросъ онъ отвѣтилъ нѣсколько разсѣянно, съ плохо скрытымъ нетерпѣніемъ:

— Ну да, объ этомъ были разговоры, пока вы лѣчились въ Швейцаріи... Короче говоря, вашъ мужъ хочетъ или полнаго примиренія, или же отобрать Нинетто.

Я не могла сдержать рыданій и убѣжала, не слушая, что онъ кричалъ мнѣ вслѣдъ, чтобъ успокоить меня. И такъ, плача, бѣжала домой глухими переулками, чтобы люди не видѣли, что я плачу на улицѣ. Какъ померкло вдругъ солнце, и дыханіе весны вѣяло на меня зимнимъ холодомъ. Прибѣжала домой и забилась въ жестокомъ нервномъ припадкѣ. Отъ страшнаго потрясенія у меня опять повторилось кровоизліяніе въ почкахъ, и я почувствовала себя такъ скверно, что послала въ клинику—произвести анализъ и сообщить результатъ мнѣ, чтобъ не огорчать отца. Но врачи клиники св. Урсулы, испуганные нежданнымъ рецидивомъ, наоборотъ, послали за отцомъ, чтобы предупредить его объ опасности, по мнѣнію ихъ, неотвратимой. Пока я дома, обливаясь слезами, разсказывала мамѣ свои грустныя новости, неожиданно вошелъ отецъ, напуганный результатами анализа, сразу уложилъ меня въ постель и предписалъ серьезное лѣченіе. Я повиновалась, совершенно обезсилѣвшая; достаточно сказать, что на этотъ разъ физическая боль была ничто въ сравненіи съ болью души. Я плакала цѣлыми днями и такъ устала отъ непрестаннаго гоненія судьбы и повторенія прежнихъ бѣдъ, отъ увѣренности, что и впереди всю жизнь будетъ то же, что, по совѣсти говорю, убила бы себя, если бы не любила такъ своихъ бѣдняжекъ. Мой отдыхъ длился всего только три дня!

Я пролежала съ недѣлю, не видя Бальдини и не имѣя возможности разспросить его о томъ, что такъ тревожило меня. Все время

я была въ какомъ-то отупѣніи, изъ котораго пробуждалась только для того, чтобы заплакать. Однажды утромъ мой мальчикъ, по обыкновенію, пришелъ ко мнѣ «досыпать на маминой постелькѣ». Я обняла его, онъ весь горитъ; посмотрѣла ему горло, увидала красноту и бѣлыя точки и тотчасъ же послала за лѣчившимъ меня профессоромъ Сильвани; а съ нимъ пришелъ и мой отецъ. Они вдвоемъ очень внимательно осмотрѣли ребенка и успокоили меня, заявивъ, что это простая ангина. Разумѣется, я сейчасъ же встала, чтобы самой ходить за нимъ, и немедленно послала Марію съ гувернанткой извѣстить отца.

Ческо я не видала съ того дня, какъ онъ получилъ письменный отказъ отъ отца. Все это время онъ нещадно ругалъ меня и моихъ родителей, всячески проявляя свое враждебное отношеніе къ намъ... И въ этотъ разъ онъ мнѣ прислалъ назадъ Марію съ обидными словами по моему адресу. Между прочимъ онъ сказалъ, что мальчикъ боленъ по моей винѣ, потому что я плохо смотрѣла за нимъ, и совѣтовалъ мнѣ молиться Богу, чтобъ это былъ не дифтеритъ, ибо тогда *онъ самъ* явится лѣчить сына, но прежде велитъ полиціи убрать меня, ибо встрѣчаться со мною онъ не хочетъ ни за что на свѣтѣ. Въ заключеніе, онъ приказалъ мнѣ позвать д-ра Червесато, ибо никому другому онъ не довѣряетъ, и меньше всѣхъ—моему отцу.

Меня уязвили въ самое сердце эти дерзкія слова, такъ грубо переданныя черезъ ребенка, но и тутъ я послушалась и пригласила Червесато. Тотъ прибѣжалъ немедленно, изслѣдовалъ больного и предположилъ—дифтеритъ. Всякій знаетъ, какъ страшно это слово для матерей, и легко пойметъ, что̀ испытала я, больная и энервированная до послѣдней степени всѣмъ предыдущимъ и рецидивомъ нефрита... Червесато успокаивалъ меня, предлагая сдѣлать Нинетто впрыскиваніе антидифтеритной сыворотки. Но я уже многое слыхала объ опасностяхъ этого метода лѣченія и не могла рѣшиться, тѣмъ болѣе, что отецъ мой и Сильвани оба поставили другой діагнозъ.

Я стала просить Червесато подождать немного, убѣдиться хорошенько, не простая ли это ангина. Онъ обидѣлся и возразилъ, что, если онъ находитъ болѣзнь Нинетто болѣе серьезной, чѣмъ наши другіе, долгъ его—заявить объ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ является представителемъ отсутствующаго отца. Ему очень горько, что я могу сомнѣваться въ его искренности, тогда какъ онъ мой вѣрнѣйшій другъ... Наговорилъ мнѣ всякихъ хорошихъ словъ, на которыя я не знала, что̀ отвѣтить, и въ заключеніе объявилъ, что онъ уходитъ, такъ какъ его достоинство не позволяетъ ему лѣчить тамъ, гдѣ ему не довѣряютъ. Онъ можетъ только сообщить о своихъ предпо[illegible]

ніяхъ отцу ребенка, который ждетъ въ страшной тревогѣ, и пусть ужъ онъ рѣшаетъ самъ.

Трудно передать въ двухъ словахъ тысячи мыслей, страховъ, противорѣчивыхъ чувствъ, боровшихся въ моей душѣ во время этой отповѣди, произнесенной съ видомъ оскорбленнаго достоинства и взволнованнымъ голосомъ. Я отъ природы не была недовѣрчивой,—напротивъ, часто слишкомъ охотно вѣрила хорошему, и чужое волненіе легко передавалось мнѣ... Червесато казался искреннимъ, я вспомнила его старую дружбу и забыла его недавнія вины... Потомъ взглянула на блѣдное измученное личико Нинетто, и страхъ за него, жалость къ нему пересилили всѣ сомнѣнія, всѣ доводы разсудка, толкнули меня на роковой шагъ, который долженъ былъ затянуть петлю на моей шеѣ.

— Если правда,—сказала я,—что вы еще питаете ко мнѣ дружескія чувства, помирите меня какъ-нибудь съ Ческо. Я въ конецъ измучена этой непрерывной войной, больше мнѣ не въ моготу.

Роковое слово было сказано.

Червесато мгновенно успокоился, какъ бы по волшебству, и обѣщалъ устроить примиреніе, по возможности, безъ обиды для меня, хотя теперь это довольно трудно, такъ какъ Ческо очень раздраженъ противъ всѣхъ насъ, и для того, чтобы добиться толку, ему придется дѣйствовать какъ бы отъ себя, по личной своей инициативѣ друга, огорченнаго тревогой отца за сына. Я, конечно, была этимъ очень довольна, такъ какъ боялась, что Ческо, при своемъ тщеславіи и властномъ характерѣ, станетъ еще больше издѣваться надо мной, когда увидитъ, какъ я смирилась, подъ вліяніемъ испуга.

На другой день Нинетто стало лучше, температура спала, и я поняла, что опасенія Червесато были, невольно или умышленно, преувеличены. Когда прошелъ испугъ, я припомнила всѣ свои слова, и мнѣ показалось, что во мнѣ говорила только моя слабость... Внезапно сцена съ Червесато представилась мнѣ въ новомъ свѣтѣ. Я испугалась—не было ли это ловушкой. Если Червесато увѣдомилъ моего мужа объ опасности, которой, по его мнѣнію, подвергался мальчикъ, почему же Ческо тотчасъ не явился къ намъ, какъ угрожалъ мнѣ. Отъ страха во мнѣ застыла кровь, я уже раскаивалась въ данномъ обѣщаніи. Но что же я могла сдѣлать? Взять ихъ назадъ? Состояніе моего здоровья и непрерывныя напасти повергли меня въ такую нервную прострацію, что у меня совершенно не было силъ ни мыслить, ни дѣйствовать, и при этомъ подъ вліяніемъ нервности я склонна была видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ. Какія у меня были доказательства недобросовѣстности Червесато? А если мои подозрѣнія

несправедливы? Поэтому я ничего не взяла назадъ, только написала Червесато, что готова вступить въ переговоры лишь на слѣдующихъ двухъ условіяхъ: Ческо даетъ обѣщаніе относиться съ полнымъ уваженіемъ и къ моему отцу, и ко мнѣ, и жить мы будемъ въ Болоньѣ.

Про себя я думала:

— Если Ческо пойдетъ на это, значитъ, онъ искрененъ и съ нимъ можно сговориться; если же онъ не согласится и на это, тогда я въ правѣ буду взять свое слово назадъ.

Червесато пришелъ сказать мнѣ, что Ческо ничего лучшаго и не желаетъ, какъ помириться съ моимъ отцомъ и попросить у него прощенія за прежнія обиды. Что же касается до жительства въ Болоньѣ, онъ самъ этому радъ, такъ какъ чувствуетъ себя здѣсь отлично и завязалъ много знакомствъ въ средѣ аристократіи. Словомъ, если я согласна, онъ сейчасъ же примется искать хорошую просторную квартиру, гдѣ мы и поселимся всѣ вмѣстѣ.

Это немного разсѣяло мои сомнѣнія, и я продолжала переговоры въ надеждѣ изобрѣсти такую комбинацію, которая бы успокоила меня, по крайней мѣрѣ, насчетъ дѣтей, такъ какъ у меня уже не было силъ ни бороться за нихъ, ни примириться съ отдачей ихъ отцу. Червесато, записавъ эти два главныхъ условія, попросилъ меня письменно изложить всѣ остальныя мои требованія; и я, во избѣжаніе всякаго лицемѣрія и недоразумѣній между нами, заявила, что супружескихъ отношеній между нами быть не должно, и я требую для себя полной свободы, каковую, съ своей стороны, предоставляю и мужу. Ческо, повидимому, согласился и на это, и тотъ же Червесато написалъ нашъ договоръ.

Но въ то время, какъ я сама не то что примирилась, а относилась пассивно къ этой новой перемѣнѣ въ моей судьбѣ, отецъ мой самымъ рѣшительнымъ образомъ отговаривалъ меня отъ этого примиренія, уничтожавшаго разводъ. Д-ръ Секки также былъ противъ всей этой комбинаціи, боясь, какъ бы я опять не устроила себѣ нестерпимаго существованія, еще худшаго, чѣмъ было до сихъ поръ. Секки напомнилъ мнѣ, что еще въ 1901 году мой адвокатъ отговаривалъ меня отъ такого примиренія, во всѣхъ отношеніяхъ опаснаго, и совѣтовалъ мнѣ лучше ужъ примириться съ помѣщеніемъ дѣтей въ коллегію.

Но и тѣ, кто прочелъ мою печальную исторію, имѣютъ лишь слабое представленіе о томъ, чѣмъ была до сихъ поръ моя жизнь, отравленная физическими и моральными страданіями; единственное, что скрашивало ее и придавало мнѣ силы противиться желанію смерти,

была моя любовь къ этимъ двумъ ангельчикамъ. Я не могла и слышать о разлукѣ съ ними, безъ того, чтобы не разрыдаться даже когда такое предложеніе исходило отъ человѣка, искренно любившаго меня и желавшаго мнѣ добра. Я знала, что для меня эта разлука будетъ смертью. Къ тому же я подозрѣвала, что въ Секки до извѣстной степени говоритъ ревность и эгоизмъ влюбленнаго.

Мой братъ, снова превратившійся въ мою сидѣлку, когда я опять свалилась отъ нефрита, часто навѣщалъ меня и во время болѣзни сына и видѣлъ всѣ мои сомнѣнія и колебанія. Онъ лучше всякаго другого понималъ, что безъ моихъ малютокъ для меня нѣтъ жизни, что я умру отъ горя, и, какъ всегда, старался утѣшить меня, придать мнѣ мужества.

— Повѣрь,—говорилъ онъ мнѣ,—что и Ческо за это время долженъ былъ измѣниться, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. Онъ узналъ жизнь, отполировался, сталъ менѣе рѣзокъ; если онъ такъ жаждетъ примиренія, то конечно для того, чтобъ вамъ обоимъ успокоиться и начать новую жизнь.

Такъ, съ своимъ обычнымъ практическимъ чутьемъ, которое въ данномъ случаѣ,—увы!—обмануло его, Нино убѣждалъ меня помириться съ мужемъ, находя, что и для дѣтей это будетъ лучше. И я больше всѣхъ вѣрила ему, зная, что его совѣтъ безпристрастенъ.

Отецъ, напротивъ, возмущался неустойчивостью Ческо, и когда я, отъ имени моего мужа, передавала ему просьбы о прощеніи, онъ говорилъ, что, прежде чѣмъ отвѣтить, онъ посмотритъ, какъ Ческо поведетъ себя со мной. Онъ тоже находилъ, что лучше для меня отдать дѣтей въ коллегію, чѣмъ снова поселиться съ человѣкомъ, котораго онъ безусловно не могъ уважать.

И вотъ, въ это время, ко мнѣ неожиданно является Червесато съ предложеніемъ разсчитать мою камеристку Фанчини, прослужившую у меня четыре года и безусловно изъ всей прислуги самую преданную мнѣ. Она всегда была заботлива и внимательна ко мнѣ, ухаживала за мной во время болѣзни и всячески выражала мнѣ свою привязанность. При всемъ томъ я никогда не давала ей секретныхъ порученій, не обращалась къ ней за тайными услугами, и не хотѣла довѣриться ни ей и никому изъ моихъ слугъ.

Въ мартѣ 99-го года, когда мы разъѣхались съ мужемъ, я отпустила двухъ прислугъ изъ пяти и оставила Фанчини старшей горничной, такъ какъ она была толковѣе другихъ и во время моихъ болѣзней умѣла распорядиться по хозяйству. За четыре года Витторія ни разу не просила отпуска, ни разу не дала мнѣ повода къ неудовольствію. Но мужъ мой терпѣть ея не могъ, ибо, съ своей обычной по-

дозрительностью, онъ въ каждомъ, кто выказывалъ мнѣ преданность и дружбу, видѣлъ своего личнаго врага. Еще въ декабрѣ 1901 года онъ, придя ко мнѣ однажды, обвинилъ Фанчини въ томъ, что она украла у него чемоданъ съ бѣльемъ, когда пріѣзжала къ нему съ дѣтьми въ Каварцере, и Витторія изъ сосѣдней комнаты слышала этотъ разговоръ. Тогда мнѣ съ большимъ трудомъ удалось разубѣдить мужа. Но Ческо былъ злопамятенъ и не разъ послѣ того дурно говорилъ о Фанчини, и конечно, многое изъ его обвиненій доходило до Фанчини и черезъ кухарку, и черезъ нѣмку гувернантку. Она даже хотѣла подать на Ческо въ судъ за диффамацію, и только ради меня отказалась отъ этого намѣренія, такъ какъ я убѣдила ее, что мое доброе отношеніе къ ней и то, что она продолжаетъ служить у меня, лучшее доказательство тому, что я не вѣрю клеветѣ.

Поэтому приказъ разсчитать Фанчини, переданный черезъ Червесато, былъ мнѣ чрезвычайно непріятенъ. Онъ свидѣтельствовалъ о возвращеніи властнаго хозяина, и при мысли, что я, уничтоживъ разводную, окажусь цѣликомъ въ его власти, меня бросало въ жаръ и холодъ. Мнѣ была также весьма не по душѣ подобная несправедливость къ бѣдной женщинѣ, расплачивавшейся такъ жестоко за свою преданность ко мнѣ.

Я не хотѣла уступить и оживленно спорила объ этомъ съ Червесато, когда неожиданно пришелъ Нино и, съ своимъ обычнымъ добродушіемъ и снисходительностью къ другимъ, посовѣтовалъ мнѣ исполнить и это желаніе моего мужа, вознаградивъ Витторію Фанчини хорошимъ подаркомъ. И я опять-таки послушалась его. Такимъ образомъ наши переговоры при посредствѣ Червесато закончились, и мы рѣшили пойти къ кардиналу,—подтвердить клятвой нашъ новый договоръ и съ 16 апрѣля начать жить вмѣстѣ.

Еще до этого я отправилась къ кардиналу Свампа вмѣстѣ съ моимъ отцомъ и открыла свое сердце этому доброму прелату, утаивъ отъ него лишь часть своего горя. Онъ посовѣтовалъ мнѣ терпѣніе и снисходительность—прекрасныя христіанскія добродѣтели, которыя однако не всѣмъ дано соединить съ самопожертвованіемъ. 7 апрѣля мы опять пошли къ кардиналу, уже вмѣстѣ съ моимъ мужемъ и Червесато, для присяги.

Разумѣется, на душѣ у меня было грустно, но спокойно; я д мала, что мнѣ удалось примирить двѣ главныя потребности мое сердца: женское достоинство и материнскую любовь. Дѣти останут со мной, интимной близости между нами не будетъ; каждый сохр няетъ за собой полную свободу куда угодно ходить, ѣздить, путеш ствовать...

Пуритане и моралисты были скандализованы такимъ условіемъ и въ то же время называли меня притворщицей и лицемѣркой. Скажите же, будьте добры, вы, пуритане и моралисты, какой могла я избрать болѣе честный путь при томъ общественномъ укладѣ, въ которомъ мы живемъ, и съ такой душой, какъ моя (а не съ той, какую мнѣ приписываютъ), презирающей дѣлежъ и компромиссы. Вы, быть можетъ, скажете, что мнѣ надо было, изъ милосердія, отдать своему мужу и самое себя. Ну, такъ этого я не могла.

Я боялась только одного: какъ бы мужъ мой опять не вздумалъ примѣнять къ дѣтямъ свои варварскіе, нераціональные методы воспитанія. Но я надѣялась, что Богъ поможетъ мнѣ, въ виду искренности моихъ добрыхъ намѣреній.

Когда состоялось наше примиреніе, Ческо нанялъ себѣ камердинера, а я, согласно его желанію поставить домъ опять на прежнюю ногу, взяла себѣ камеристку и гардеробянку, причемъ, не желая имѣть дѣла съ совершенно незнакомыми людьми, выбрала себѣ въ камеристки Адель Каццони, прослужившую нѣсколько мѣсяцевъ у моей матери, а въ завѣдующія гардеробомъ—Розину Бонетти. Эту несчастную я знала еще съ 97-го года, братъ не разъ передавалъ мнѣ ея грустную исторію. Я знала, что она живетъ въ нуждѣ, слаба здоровьемъ, знала и ея безграничную привязанность къ Нино.

Въ 98 году, во время политическаго движенія, возникшаго болѣе или менѣе одновременно во всей Италіи, братъ мой, скомпрометированный своими передовыми взглядами, избѣжалъ тюрьмы только потому, что скрывался у Розины Бонетти. Хотя она была что называется потерянная женщина, Нино, изъ благодарности, очень привязался къ ней; и вся наша семья оцѣнила самоотверженіе и преданность бѣдняжки, была признательна ей, познакомилась съ ней, давала ей работу. Можетъ быть, и это дурно? Пожалѣть бѣдную женщину недалекаго ума, но съ чуднымъ сердцемъ, покинутую, больную... можетъ быть, и это нарушеніе такъ называемыхъ общественныхъ законовъ? Я умолкаю, зная, что спорить безполезно, и продолжаю свой разсказъ.

Розина Бонетти, юная и хрупкая, не была красива, но все же бладала кроткимъ симпатичнымъ личикомъ; въ Нино она была страшно влюблена и, несомнѣнно, безкорыстно, такъ какъ онъ, поглощенный своими свѣтскими и иными обязательствами, удѣлялъ ей чень мало времени. Онъ уже въ 1902 году тяготился связью съ ею, да, я думаю, и никогда ея не любилъ по настоящему. Слишкомъ ни разнились между собой душою и, въ особенности, умомъ. Но изъ лости, изъ благодарности онъ не рѣшался бросить ее. Она же

очень ревновала его, и они постоянно ссорились, но всетаки тянули канитель.

Въ 1900 году Нино попробовалъ было бросить ее, но все время тогда говорилъ мнѣ, что мучается угрызеніями совѣсти и что ему тяжело думать, что она терпитъ черную нужду. Она же писала ему, что не можетъ утѣшиться и намѣрена покончить съ собой. То тотъ, то другой изъ насъ нерѣдко помогали ей деньгами; мама однажды сама снесла ей 100 лиръ; я же, страшно жалѣя бѣдняжку, умоляла отца, чтобы онъ назначилъ ей регулярную ежемѣсячную пенсію, которая избавила бы ее отъ лишеній, а Нино отъ угрызеній совѣсти. Но отецъ, хотя и готовъ былъ помочь ей, не хотѣлъ брать на себя подобныхъ обязательствъ.

Между тѣмъ сама Розина не оставляла въ покоѣ брата; она писала, умоляла, плакала, умышленно встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ. Все это возымѣло свое дѣйствіе, и братъ вернулся къ ней. Это было очень непріятно всѣмъ намъ, въ особенности мнѣ, знавшей, какъ надоѣла Нино ея все возраставшая требовательность и ревность. Наше общее желаніе было, чтобы онъ женился, остепенился и зажилъ иной, серьезной жизнью, болѣе достойной его. И мы уже нашли ему невѣсту—милую, хорошенькую, добрую. Но пока длилась связь его съ Бонетти, конечно, этотъ бракъ былъ невозможенъ.

Я часто думала, что самое лучшее было бы найти ей хорошее мѣсто, въ домѣ, гдѣ бы къ ней хорошо относились и не заставляли ее слишкомъ много работать. Я не прочь была и взять ее къ себѣ, но въ горничныя она, по слабости здоровья, безусловно не годилась, хотя братъ и предлагалъ мнѣ взять ее вмѣсто Франчини. Но теперь обстоятельства измѣнились, и я могла взять ее къ себѣ, такъ какъ завѣдующей гардеробомъ, въ сущности, почти нечего дѣлать. Я считала, что будетъ добрымъ дѣломъ обезпечить этой несчастной вѣрный кусокъ хлѣба, да и Нино скорѣе разойдется съ ней, когда будетъ знать, что она не терпитъ нужды. Меня смущала только возможность сплетенъ по поводу того, что я взяла себѣ въ наперсницы и приближенныя любовницу моего брата. Но братъ одно за другимъ разбилъ всѣ мои возраженія, и мы условились, что дома у меня Розина не заикнется о своихъ отношеніяхъ къ Нино, а своимъ знакомымъ не будетъ хвастать, что поступила ко мнѣ въ гардеробянки. А для того чтобы другіе слуги не узнали, кто она, мы дали ей другое имя, ибо о связи моего брата съ Розиною Бонетти знала вся Болонья, так какъ сама Розина никогда не скрывала этого.

Я всегда относилась снисходительно къ грѣшникамъ въ любви когда была чиста сама—потому что считала ихъ увлеченными ро

вою силой, въ которой я и тогда видѣла права души; когда перестала быть чистой—потому что не могла примѣнять къ другимъ иной морали, чѣмъ та, какую примѣняла къ себѣ. Я возмущалась только тѣми, которые, въ особенности, будучи возвышены судьбой, зовутъ *любовью* порокъ, чувственное наслажденіе, и переходятъ изъ однихъ объятій въ другія, не испытывая чувства. Вотъ это для меня потерянныя женщины, не имѣющія никакого оправданія, въ противоположность тѣмъ, кого толкаетъ на грѣхъ нищета и невѣдѣніе моральныхъ и божественныхъ законовъ. Я знала, что до Нино у Бонетти былъ другой возлюбленный, но знала и то, что вотъ ужъ 5—6 лѣтъ она неизмѣнно вѣрна моему брату, и только изъ любви, такъ какъ братъ ничуть не дорожитъ ею и предоставляетъ ей полную свободу. Эта искренняя привязанность, по-моему, искупала всю ея прошлую жизнь. Вотъ почему я хотѣла пріютить ее и въ то же время помочь брату выяснить ихъ отношенія, съ цѣлью освободить его отъ тягостной связи.

Я, кажется, ужъ говорила, что мы рѣшили перемѣнить квартиру. Ческо нашелъ одну, но съ переѣздомъ надо было обождать, пока я оправлюсь отъ нефрита. Поэтому я отвела ему лучшую комнату въ своей квартирѣ, устроила ее какъ можно уютнѣе и поставила новую мебель въ надеждѣ, что Ческо останется доволенъ этимъ временнымъ помѣщеніемъ.

Но квартира моя была не велика, и ни для Бонетти, ни для камердинера моего мужа нехватало мѣста, такъ что они заходили ночевать къ себѣ домой. Это мнѣ весьма не нравилось, какъ какъ при такихъ условіяхъ связь Нино могла продолжаться, но я надѣялась, что съ теченіемъ времени все устроится иначе. Однако Бонетти, поступившая къ намъ 16 апрѣля, одновременно съ камердинеромъ и Аделью Каццони, уже 30-го неожиданно отказалась отъ мѣста подъ предлогомъ, что она слишкомъ устаетъ гладить и служить не можетъ.

XXV.

Примиреніе.

Послѣдніе мѣсяцы непрестанной войны между мною и Ческо, затѣмъ это искусственное примиреніе создали такую натянутость въ нашихъ отношеніяхъ, которую намъ первое время очень трудно было разбить. Я предвидѣла это и предупредила Червесато, что, устроившись, я поѣду погостить на нѣсколько дней къ графинѣ Каваццо, проводившей весну на Сальсомаджіоре. Дѣйствительно, 23 апрѣля, устроившись на новой квартирѣ и пополнивъ штатъ прислуги, я по-

ѣхала къ графинѣ и прожила у нея съ недѣлю. Я уже одѣвалась, чтобы ѣхать на вокзалъ, когда пришла телеграмма отъ моего отца, совѣтовавшаго мнѣ, въ виду отвратительной погоды и моего слабаго здоровья, отложить отъѣздъ. Я послушалась совѣта и телеграфировала отцу, прося дать знать ко мнѣ домой, что я пріѣду позже. Но мои родные не могли или не успѣли вò-время передать телеграмму, и она была получена только въ восемь часовъ, а я должна была пріѣхать къ двумъ, и Ческо съ Маріей напрасно просидѣли на вокзалѣ. Мужъ мой, какъ всегда, рѣшилъ, что я нарочно устроила ему такую непріятность, и, вернувшись на слѣдующій день, я застала его мрачнымъ и сердитымъ, но причины онъ мнѣ не объяснилъ.

Такъ началась новая жизнь, не особенно благопріятными симптомами, съ первыхъ же дней отравленная недовѣріемъ и холодностью.

Еще до примиренія съ мужемъ я искала дачи въ окрестностяхъ Болоньи, такъ какъ папа находилъ, что намъ съ Нинетто необходимъ чистый воздухъ. Червесато зналъ объ этомъ и говорилъ мнѣ, что и Ческо ничего не имѣетъ противъ того, чтобы я послѣдовала совѣту отца. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ Сальсомаджіоре, Ческо, прочитавъ въ газетахъ объявленіе о дачѣ, сдававшейся въ наймы близъ Санъ Лаццаро, поѣхалъ смотрѣть ее съ дѣтьми и бонной, говоря, что если дача имъ понравится, тогда и я съѣзжу посмотрѣть. Вернулись они всѣ въ полномъ восторгѣ отъ дачи, но Ческо находилъ, что она слишкомъ дорога—800 лиръ, поэтому онъ не взялъ ея.

На другой день я пошла къ своимъ и, между прочимъ, разсказала мамѣ объ этой дачѣ; мама заинтересовалась и изъ любопытства, а также для того, чтобы найти предлогъ для прогулки, предложила мнѣ поѣхать посмотрѣть ее. Поѣхали. Дача намъ очень понравилась; она была хорошенькая, уютная, чистенькая, но хозяинъ соглашался сбавить не болѣе пятидесяти лиръ. Я уже готова была отказаться, когда мама, видя, какъ дача мнѣ нравится, и желая доставить удовольствіе мнѣ и дѣтямъ, предложила 200 лиръ взять на себя. Я рѣшила, что 550 лиръ за такую прелестную дачу—это и Ческо не покажется дорого, и, страшно признательная мамѣ, сказала, что дача за мной.

Но, къ удивленію моему, Ческо, узнавъ объ этомъ, очень разсердился, объявилъ, что жить весной на дачѣ—это совершенно излишняя роскошь и что онъ постарается сдать дачу отъ себя, чтобы вернуть деньги. Когда, черезъ два дня, владѣлецъ дачи пріѣхалъ подписать контрактъ, Ческо тутъ же заставилъ его подписать разрѣшеніе на передачу нанятой нами виллы третьему лицу.

Разумѣется, мнѣ это было очень непріятно и мамѣ тоже. У меня пропала всякая охота ѣхать на дачу,—такъ противна была мнѣ скупость моего мужа. Но весна, торжествуя, вступала въ свои права; теплый воздухъ, безоблачное небо рождали въ душѣ желаніе уйти изъ душныхъ стѣнъ, такъ хотѣлось видѣть дѣтей на воздухѣ, среди зелени. Охотниковъ переснять дачу не оказывалось; за что же было лишать дѣтишекъ этой радости?

Итакъ, мы переѣхали на дачу. Но два дня спустя явились наниматели, осмотрѣли дачу, она пришлась имъ по вкусу, и они рѣшили нанять ее. Я не противилась, мужъ согласился, и пришлось перекочевать обратно въ городъ изъ тихаго уголка, который мнѣ такъ нравился и гдѣ я надѣялась вздохнуть свободнѣе.

Привожу этотъ эпизодъ только для того, чтобы дать понятіе о томъ, чѣмъ съ самаго начала была наша совмѣстная жизнь послѣ примиренія. Не то, чтобы настоящія ссоры, но во всемъ противорѣчіе, противодѣйствіе, вѣчное раздраженіе и недовольство. Я заставила себя молчать, видя въ этомъ единственную возможность сдѣлать отношенія сколько-нибудь сносными, но какъ я огорчалась, какъ часто плакала!...

Такъ прошло два мѣсяца, въ теченіе которыхъ я не разъ пожалѣла о своей утраченной свободѣ и все больше убѣждалась въ полной безплодности попытокъ заставить моего мужа и меня жить общей жизнью.

Вдобавокъ, Ческо сталъ опять добиваться мѣста ассистента. Но отецъ мой за эти два мѣсяца не имѣлъ причины перемѣнить мнѣніе о своемъ зятѣ. Хоть я и молчала, онъ видѣлъ, что между нами попрежнему идетъ глухая немолчная вражда. Ческо не посылалъ больше дѣтей обѣдать къ дѣдушкѣ; они теперь рѣдко бывали у него и все же всякій разъ передавали дѣду какое-нибудь злое слово, сказанное про него «папочкой». Несмотря на это, бѣдный Ческо требовалъ не только, чтобы отецъ мой сдѣлалъ его своимъ ассистентомъ, но чтобы онъ еще, «во искупленіе прошлаго», самъ ввелъ Ческо въ клинику и въ лестныхъ выраженіяхъ представилъ его другимъ врачамъ. Я совѣтовала ему попробовать задобрить отца, почаще посылая къ нему внуковъ и поселившись лѣтомъ въ Римини, гдѣ были прекрасныя морскія купанья. Но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; а отецъ мой, хоть и былъ милѣйшимъ человѣкомъ съ друзьями, при дурныхъ отношеніяхъ былъ рѣзокъ и крутъ, тѣмъ болѣе теперь, когда онъ убѣдился, что мужъ мой не стоилъ того, чтобъ я вернулась къ нему.

Я мало видѣла отца и брата, такъ какъ рѣдко обѣдала у нихъ. Но съ мамой мы видались чаще, и ей я все разсказывала безъ утайки—слишкомъ ужъ я огорчалась, не находя покоя въ новой жизни, стоившей мнѣ столькихъ жертвъ. Слишкомъ много было позади тягостныхъ лѣтъ и обманутыхъ надеждъ; новое разочарованіе вызывало во мнѣ только бурный протестъ противъ судьбы, такъ безжалостно угнетавшей меня... Теперь, перебирая прошлое, я вижу, что мнѣ слѣдовало быть сдержаннѣе, тверже, найти въ себѣ мужество страдать молча. Но тогда я не видѣла ничего дурного въ своей откровенности съ мамой, которая стала очень добра ко мнѣ теперь, когда она видѣла меня такой несчастной. Да и развѣ не естественно было мнѣ искать прибѣжища и утѣшенія на родной груди? Вѣдь я же не жаловалась чужимъ; я не преувеличивала винъ моего мужа; я плакалась не на него, а на жестокую судьбу, которая не давала мнѣ пощады, на разность натуръ моей и мужа, на безплодность всѣхъ моихъ усилій устроить себѣ сколько-нибудь спокойную жизнь.

Конечно, я и не надѣялась на безоблачное счастіе. Я знала, что треніе будетъ неизбѣжно при этой разницѣ характеровъ и особенностяхъ нашего сближенія, но зачѣмъ же я и шла на миръ, если не въ надеждѣ успокоиться, по крайней мѣрѣ, насчетъ дѣтей. Не тутъ-то было: угроза отдать дѣтей въ коллегію повторялась ежеминутно, по самому ничтожному поводу. Стоило бѣдняжкамъ пошумѣть, расхохотаться слишкомъ громко, какъ отецъ ихъ говорилъ, что они гадкіе, дурно воспитаны, ведутъ себя, какъ въ трактирѣ. Однако и самые строгіе мои обвинители пощадили этихъ двухъ ангельчиковъ, найдя, что они хорошіе и хорошо воспитаны.

Если раньше намъ трудно было ужиться, то теперь и подавно. Ческо въ то время велъ дневникъ, куда онъ заносилъ всѣ мои, какъ онъ выражался, *издѣвательства,* отмѣчая съ необычайной тщательностью даже такія мелочи, какъ то, на разстояніи сколькихъ шаговъ я пожелала ему спокойной ночи, какъ я протянула ему руку, какимъ тономъ говорила съ нимъ. Онъ все время наблюдалъ меня какъ бы въ моральный микроскопъ, и однако же за эти два съ половиной мѣсяца вы не найдете въ его дневникѣ ни одной дѣйствительно оскорбительной фразы, ни одной умышленной обиды, злого слова или сквернаго отношенія къ нему. А ужъ онъ, конечно, отмѣтилъ бы ихъ въ своемъ дневникѣ, еслибъ было что отмѣтить—онъ такъ старался поймать меня на чемъ-нибудь дурномъ.

Впрочемъ, уже одинъ тотъ фактъ, что онъ (такой не охотникъ писать, что онъ всегда поручалъ мнѣ составлять для него черновыя

неотложныхъ писемъ) послѣ нашего примиренія началъ вести дневникъ—уже одно это доказываетъ, съ какимъ недоброжелательствомъ онъ ко мнѣ относился, какъ чувствовалъ непрочность этихъ искусственныхъ отношеній и близость разрыва и заранѣе готовился къ защитѣ, на случай, если наша ссора дойдетъ до суда, подбирая аргументы, которые могли бы дать ему абсолютную власть надъ дѣтьми, рожденными мною—плоть отъ плоти моей и кость отъ костей!

Въ числѣ обвиненій, посыпавшихся на мою злополучную голову, было, между прочимъ, и обвиненіе въ томъ, что мужъ мой будто бы подозрѣвалъ тогда, что я замышляю отравить его, или вообще какимъ-нибудь способомъ избавиться отъ него, и потому боялся меня. Но развѣ этотъ самый дневникъ, развѣ письма Ческо—не лучшая моя защита? Нѣтъ, никогда онъ не могъ заподозрить въ этомъ меня, которую онъ звалъ *доброй,* хотя и увѣрялъ иногда, что я какой-то *физіо-патологическій ублюдокъ.*

Могу поклясться, что всѣ тѣ издѣвательства, о которыхъ онъ говоритъ и которыя онъ, конечно, искренно считалъ таковыми, не только не были умышленными, но что у меня никогда не было и намѣренія обидѣть его.

Если ужъ людская низость и злоба не могутъ повѣрить, что я была искренна въ своихъ обѣщаніяхъ, когда подписывала нашъ договоръ (еще бы, мало ли какую вздорную ложь вздумаетъ валить обвиняемая на несчастнаго человѣка, который уже не можетъ защитить себя!), если мнѣ не вѣрятъ, что я никогда не питала отвращенія къ моему мужу (въ чемъ же? въ какомъ фактѣ моей жизни оно выразилось?), то вѣдь, по крайней мѣрѣ, дурой-то меня не считали и мои обвинители—такъ развѣ же не въ моихъ интересахъ было упрочить установившіяся отношенія? Вѣдь я же сама согласилась на нихъ, сама вырабатывала условія. Дѣти были при мнѣ, домъ былъ поставленъ на гораздо болѣе широкую ногу, чѣмъ раньше, я могла пользоваться абсолютной свободой, не идя ни на какіе компромиссы, такъ какъ фактически я не принадлежала своему мужу и не сходилась съ нимъ—чего же я могла еще желать?

Вдобавокъ, раньше я видалась съ Секки только по ночамъ, и то рѣдко, такъ какъ онъ опасался, что лишеніе сна можетъ быть мнѣ вреднымъ, при моемъ слабомъ здоровьѣ; теперь же, когда я уже не боялась оставить дѣтей на нѣсколько часовъ только съ прислугой, я не только могла видѣться съ нимъ въ любое время на дому у Тизы, но могла и уѣзжать изъ Болоньи, безъ всякихъ оправданій и предлоговъ, согласно уговору, оставляя дѣтей на попеченіи ихъ отца.

Итакъ, мнѣ самой выгоднѣе было жить въ мирѣ и въ ладу съ своимъ мужемъ. Но, конечно, не изъ-за этого, главнымъ образомъ, я была съ нимъ внимательна и любезна, учила дѣтей угождать ему и сама занималась хозяйствомъ, чтобы сдѣлать ему пріятное. Нѣтъ, я вела себя съ нимъ такъ, потому что такова была моя натура, потому что мнѣ хотѣлось тихой, спокойной жизни, которая бы давала намъ обоимъ всѣ выгоды брака, устранивъ изъ него лишь то, что становилось унизительнымъ и нестерпимымъ при отсутствіи духовнаго единенія.

Я заблуждалась. Теперь я понимаю, что мнѣ не слѣдовало идти на примиреніе, построенное на такихъ шаткихъ основаніяхъ. Бѣдный Ческо, конечно, не слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ самъ относится ко мнѣ. Еслибъ я вздумала тогда, подобно ему, вести дневникъ и заносить туда всѣ его слова и жесты,—сколько бы мнѣ пришлось отмѣтить оскорбленій сердцу и здравому смыслу, сколько сознательныхъ издѣвательствъ, жестокихъ несправедливостей и язвительныхъ, жгучихъ уколовъ въ самыя больныя мѣста.

Послѣ нашей ужасной трагедіи, послѣ страшной смерти бѣднаго Ческо я уже почти не въ состояніи говорить объ этой эпохѣ нашей жизни; мнѣ кажется оскорбленіемъ его памяти вспоминать о его грубыхъ вспышкахъ гнѣва, ребяческихъ капризахъ, придиркахъ и постоянномъ стараніи *показать себя*, дать мнѣ почувствовать свой авторитетъ, свое господство... Увы! онъ не перемѣнился, вопреки предсказаніямъ Нино; жизнь не научила его ничему хорошему. Напротивъ, казалось, вся его наклонность къ чудачествамъ, все дурное, что таилось въ глубинѣ его души, разрослось и пробилось наружу, какъ дурное сѣмя въ благопріятной средѣ. При всемъ моемъ желаніи, при полной моей готовности оправдать его атавистическими склонностями, дурнымъ воспитаніемъ, неудачнымъ выборомъ совершенно не подходящей къ нему подруги жизни, должна сказать, что онъ игралъ со мной, какъ кошка съ мышью, зная, что я связана съ нимъ крѣпкой цѣпью, которой я не могу и не смѣю разорвать. Мое разстроенное здоровье, то, что я была изъ почтенной семьи, моя система воспитанія дѣтей, мои мысли и взгляды—всѣмъ этимъ онъ пользовался, чтобы язвить меня нещадно, и, какъ я полагаю, только для того, чтобы показать, что онъ хозяинъ и можетъ дѣлать и говорить все, что вздумается.

Понятно, я молчала, по обыкновенію, но не могла же я смотрѣть спокойно на такое нарушеніе всѣхъ нашихъ договоровъ, да еще съ видомъ человѣка, который въ своемъ правѣ.

Кто читалъ письма этого несчастнаго человѣка, въ которомъ наслѣдственность и воспитаніе развили болѣзненную манію власти, тотъ не сочтетъ его дурнымъ и скажетъ, что онъ хорошо относился ко мнѣ и дѣтямъ. Нѣтъ, онъ не былъ *дурнымъ человѣкомъ*, ибо дуренъ тотъ, кто сознаетъ, что поступаетъ дурно. Ческо *не сознавалъ этого*. Онъ любилъ меня... но какъ любилъ! Этого я, женщина, не могу разсказать. Эта любовь была исключительно желаніемъ физическаго обладанія, усиліями подчинить меня всецѣло своему желанію...

Выходя замужъ, я не знала, въ чемъ состоитъ сущность брака; мать сказала мнѣ только, что мужу надо повиноваться *во всемъ*. И я повиновалась, порою неохотно, когда требованія мужа оскорбляли мою стыдливость, но тѣмъ не менѣе убѣжденная, что любовь всегда такова—груба и деспотична. Лишь позже я узнала, что и въ любви надо соблюдать достоинство и что не все дозволено, а главное—что жена *не все обязана* выносить. Чѣмъ больше я убѣждалась, что мы чужіе душой, тѣмъ унизительнѣе мнѣ казалось поступаться своимъ тѣломъ ради чужого наслажденія, которое для меня было пыткой. Ческо же стремился вернуть обладаніе женщиной, которую отдали ему законъ и церковь; ему опротивѣли легкія побѣды и купленныя ласки. Да и съ какой стати отказываться отъ *своего добра,* отъ того, что принадлежитъ ему по праву? Вотъ какъ онъ любилъ меня, вотъ чего хотѣлъ отъ меня, не считаясь съ моимъ отвращеніемъ къ физической близости съ нимъ. Это послѣднее еще больше разжигало его, потому что въ немъ была надменность и тщеславіе, но ни на іоту чувства собственнаго достоинства и уваженія къ чужому.

Думали, что мужъ мой наскучилъ мнѣ потому, что онъ былъ недалекъ и мало образованъ. Нѣтъ, это не правда! Разница въ образованіи и воспитаніи не оскорбляла меня. Я видѣла въ немъ мальчика, изъ котораго я надѣялась сдѣлать человѣка—благороднаго, интеллигентнаго, добраго.

Боже мой! Благородное происхожденіе только развило въ немъ манію величія, безмѣрный эгоизмъ, не признававшій ничьей личности, кромѣ своей, да еще манію преслѣдованія, вслѣдствіе которой онъ ко всѣмъ относился подозрительно и нерѣдко самъ бывалъ очень грубъ, особенно съ низшими и болѣе слабыми.

За послѣдніе годы медицина и свѣтская жизнь пріучили его быть опрятнѣе, заботиться о своемъ костюмѣ. Внѣшность его улучшилась, запасъ знаній расширился; онъ сталъ держать себя болѣе *по барски* въ отношеніи слугъ и расходовъ; исчезла гадкая скупость, которая

такъ возмущала меня прежде. Но внутренно онъ остался, чѣмъ и былъ, *феодальнымъ сеньоромъ*, съ средневѣковыми взглядами, *самодержавнымъ властелиномъ*, требующимъ безпрекословнаго повиновенія. Но прежде онъ изъ привязанности ко мнѣ, или по слабости характера, никогда не оскорблялъ меня умышленно и тотчасъ же просилъ прощенія за причиненную боль. Теперь же онъ только и старался, какъ бы показать свою власть надо мной—приказывалъ, взыскивалъ, бранилъ. Даже когда ему случалось, изрѣдка, быть милымъ, или сдѣлать мнѣ подарокъ, онъ и это дѣлалъ, какъ *хозяинъ*, который властенъ казнить и миловать. Должно быть, его раздражало мое молчаніе; онъ и въ немъ видѣлъ упорство и обиду. Я же молчала потому, что, по совѣсти, считала это за лучшее и не хотѣла ссориться съ мужемъ при дѣтяхъ, которыя уже начинали понимать и болѣть душой за меня. Они, бѣдняжки, и такъ дивились, слыша обидныя рѣчи о своихъ дѣдушкѣ съ бабушкой, которыхъ они привыкли любить и уважать. Но еще больше колола ихъ и смущала ихъ дѣтскія души угроза разлучить ихъ со мной, отдать въ коллегію.

Помню, разъ вечеромъ Нинетто хотѣлось непремѣнно сѣсть за ужиномъ возлѣ меня. Отецъ не позволялъ, сердился, крикнулъ:

— Погоди ужд! Вотъ отдамъ въ коллегію, такъ забудешь эти телячьи нѣжности!

Въ постели, когда няня уже ушла, и я осталась одна съ дѣтьми, мой мальчуганъ вдругъ расплакался, вспомнивъ слова отца. Я утѣшала его, говоря:

— Старайся быть умникомъ, Нинетто, и папа не отдастъ тебя въ коллегію.

Марія, понятливая и чуткая не по лѣтамъ, также успокаивала его:

— Не плачь, Нинетто, когда папа захочетъ отдать тебя въ коллегію, я буду такъ упрашивать его, чтобъ онъ этого не дѣлалъ!

Милая дѣвочка отлично все подмѣчала и когда видѣла, что отецъ ворчитъ и хмурится, принималась всячески ласкаться къ нему, чтобъ разогнать его досаду, а потомъ говорила мнѣ:

— Ты довольна, мамочка? Я такъ цѣловала папу, потому что люблю его. Но еще и затѣмъ, чтобъ онъ не огорчалъ мою бѣдную мамусю. *Не любитъ онъ тебя!*

Нино пересталъ плакать и возразилъ сестрѣ:

— Нѣтъ, Марія, я придумалъ другое. Знаешь что, мамуся,—давай напишемъ королю, чтобъ онъ помогъ намъ!

Пораженная этой мыслью, я притворилась, что нахожу ее очень удачной.

— Ты правъ. Какъ же ты написалъ бы?

— А вотъ какъ: «Милый синьоръ король! Помоги намъ—ты вѣдь можешь, чтобъ нашъ папа не огорчалъ такъ нашу маму и не отдавалъ насъ въ коллегію!»

Бѣдный мой голубенокъ!

И мы всѣ трое—они съ этой надеждой, а я съ утѣшительной мыслью объ ихъ добротѣ и любви ко мнѣ—уснули, послѣ многихъ разговоровъ и ласковыхъ словъ.

Перев. З. Н. Журавская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Каинъ.

Баальбекъ, Храмъ Солнца, воздвигъ въ безуміи Каинъ.

Сирійск. преданія.

Родъ приходитъ, уходитъ,
  А земля пребываетъ во вѣкъ...
Нѣтъ, онъ строитъ, возводитъ
  Храмъ безсмертныхъ племенъ—Баальбекъ.

Онъ—убійца, проклятый,
  Но изъ Рая онъ дерзко шагнулъ.
Страхомъ Смерти объятый,
  Все же первый въ лицо ей взглянулъ.

Жадно ищущій Бога,
  Первый бросилъ проклятье Ему.
И, достигнувъ порога,
  Палъ, сраженный, увидѣвши—тьму.

Но и въ тьмѣ онъ возславитъ
  Только Знаніе, Разумъ и Свѣтъ—
Башню Солнца поставитъ,
  Вдавитъ въ землю незыблемый слѣдъ.

И глаза великана
  Красной кровью свирѣпо горятъ,
И долины Ливана
  Подъ великою ношей гудятъ.

Синекудрый, весь бурый—
  Изъ пустыни и зноя литой—
Опоясанъ онъ шкурой,
  Шкурой льва золотой и густой.

Онъ спѣшитъ, онъ швыряетъ,
  Онъ скалу на скалу громоздитъ.
Онъ дрожитъ, умираетъ...
  Но Творцу отомститъ, отомститъ!

Иванъ Бунинъ.

Къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины.

I.

Что такое русская земельная община, со свойственными ей уравнительными формами? Исконная ли это характерная черта русскаго, вообще славянскаго племени, вытекающая изъ «первоначальной идеи единства общины и равенства права каждаго члена на соотвѣтственную долю земли»? Или же эта, нѣкогда существовавшая, первобытная община на Руси была безповоротно разрушена вторженіемъ посторонних индивидуалистическихъ элементовъ, современная же русская община «устроена правительствомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ»? Вотъ уже полвѣка, какъ длится этотъ споръ, и посейчасъ противоположные, взаимно исключающіе другъ друга, взгляды находятъ одинаково многочисленныхъ и авторитетныхъ сторонниковъ. Одни попрежнему думаютъ, что «происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній», возникновеніе уравнительныхъ формъ—естественною эволюціей, при которой захватный способъ постепенно «превращался въ общинное землевладѣніе со свойственными ему краткосрочными и долгосрочными передѣлами» (Лаппо-Данилевскій); по убѣжденію другихъ «не только нѣтъ возможности вывести современную общину изъ какихъ-либо первобытныхъ общественныхъ формъ, но даже есть полная возможность показать ея позднее сравнительно происхожденіе и раскрыть создавшія ее причины»: современная русская община—не что иное, какъ навязанная крестьянству извнѣ «принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія платежей и повинностей, поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія» (Милюковъ).

Но на-ряду съ этимъ, несомнѣнно основнымъ, вопросомъ приходится поставить еще и другой вопросъ: *что̀ такое, въ сущности, сама община*, и въ какомъ отношеніи она стоитъ къ общинному праву, въ частности—къ общинно-уравнительному землепользованію? На первый взглядъ тутъ нѣтъ

и не можетъ быть никакого вопроса, а поскольку можетъ быть вопросъ, онъ разрѣшается съ безспорною ясностью: конечно, *общинное* право—это продуктъ *общины*, община есть нѣчто предшествующее общинному праву,—*она* творитъ и развиваетъ это право. И въ связи съ этимъ взглядомъ изслѣдователи, стоящіе на точкѣ зрѣнія самопроизвольнаго развитія общины и общиннаго землевладѣнія, стараются, во что бы то ни стало, найти доказательства существованія общины даже и тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ признаковъ существованія общиннаго права, — даже тамъ, гдѣ безраздѣльно царитъ первобытный захватъ. Даже и тамъ они констатируютъ «полное и всеобщее сознаніе и признаніе общиннаго права», объясняемое именно тѣмъ, что «лично захваченные участки представляютъ только островки среди обширнаго района захвата, общее, равное для всѣхъ общинниковъ право на который для всѣхъ безусловно и твердо»; уже при такомъ первобытномъ захватѣ «міръ», выступающій формально только въ качествѣ судьи при взаимныхъ столкновеніяхъ, въ дѣйствительности «фигурируетъ уже и хозяиномъ земли» *). Община, творящая общинное право, община, предшествующая этому послѣднему, имѣетъ свои корни въ сѣдой старинѣ. Первобытная форма общежитія—это родовая группа, въ основаніи которой лежала «кровная связь, вытекавшая изъ происхожденія данной группы лицъ отъ одного дѣйствительнаго или воображаемаго родоначальника»; современная община—продуктъ разложенія такого рода первобытныхъ формъ: этотъ процессъ разложенія «создавалъ въ однихъ случаяхъ такъ называемыя семейныя общины, въ другихъ—общины все менѣе и менѣе родовыя, все болѣе и болѣе территоріальныя,—путемъ созданія новыхъ дворовъ по сосѣдству съ стариннымъ получала начало обыкновенная сельская община» **). Процессъ разложенія, такимъ образомъ, переплетается съ процессомъ сложенія—но *какое мѣсто, какая роль* принадлежитъ тому и другому процессу, это остается темнымъ и загадочнымъ.

И нельзя не признать, что вопросъ о генезисѣ общины—разсматривать ли его съ точки зрѣнія взаимоотношенія между самопроизвольной эволюціей исконныхъ бытовыхъ формъ и внѣшними вліяніями, или съ точки зрѣнія самой сущности этой самопроизвольной эволюціи—представляетъ огромныя трудности для своего разрѣшенія; рѣшеніе его, можетъ быть, никогда не послѣдуетъ въ окончательной формѣ, устраняющей всѣ сомнѣнія и контроверзы. Въ чемъ коренной источникъ этой трудности и, можетъ быть, неразрѣшимости вопроса—на этомъ я имѣю въ виду остановиться въ концѣ предлагаемаго вниманію читателя очерка: въ данную минуту мнѣ достаточно констатировать эту огромную трудность вопроса, поскольку таковой не выходитъ изъ предѣловъ историческаго изученія: и несомнѣнно, стоимъ передъ наглухо закрытою дверью, пока изучаемъ

*) *Качоровскій:* „Русская община“, изд. 1-е, стр. 125—129.

**) *И. Н. Миклашевскій*, въ *Энцикл. Словарь* Брокгауза, полут. 47, стр. 186—1

лекое прошлое русскаго крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, и если намъ и удается напасть на узкую трещину въ этой наглухо закрытой двери,—мы видимъ чрезъ нее только расплывчатыя, неясныя и сбивчивыя очертанія.

И вотъ, на помощь намъ, при установленіи генезиса русской земельной общины и русскаго общиннаго права, является «методъ переживаній»,—является «живая исторія общины», изученіе типовъ и эволюціи землевладѣнія и землепользованія, какъ эти типы могутъ быть наблюдаемы въ настоящее время, какъ эта эволюція происходитъ на нашихъ глазахъ. Я затрудняюсь сказать, дастъ ли эта «живая исторія» ключъ, при помощи котораго окажется возможнымъ настежь открыть закрытую наглухо дверь, или говоря проще—позволитъ ли она дать безспорный, неопровержимый отвѣтъ на вопросъ о генезисѣ русской земельной общины; но не можетъ подлежать сомнѣнію, что она дастъ или даже уже даетъ возможность пріотворить закрытую дверь, заглянуть въ довольно широкую щелку и сформулировать болѣе или менѣе опредѣленныя догадки о томъ, какова историческая истина.

Но если изученіе «живой исторіи» общинныхъ формъ представляетъ огромный интересъ, то мы, русскіе, поставлены въ этомъ отношеніи въ особенно благопріятныя условія. То, за чѣмъ западно-европейскому изслѣдователю приходится отправляться къ индусамъ или американскимъ краснокожимъ, къ готтентотамъ или ботокудамъ; то, чего имъ приходится доискиваться въ первомъ вѣкѣ до или послѣ Рождества Христова, то у насъ, въ Россіи, можетъ быть наблюдаемо воочію или изучаемо по свѣжимъ воспоминаніямъ. На необъятномъ пространствѣ нашей страны еще посейчасъ можно наблюдать всевозможные бытовые и хозяйственные типы, начиная отъ бродячихъ охотниковъ и рыболововъ или отъ типичныхъ скотоводовъ-кочевниковъ и переходя къ первобытному земледѣлію, отъ первобытнаго земледѣлія—къ тому типу земледѣльческаго и земледѣльческо-промыслового хозяйства, которое сейчасъ доживаетъ послѣдніе свои дни въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. У насъ, въ Россіи, и посейчасъ можно наблюдать всѣ степени густоты населенія, начиная отъ мѣстностей, гдѣ одна душа населенія приходится на десятки квадратныхъ верстъ, и кончая такими, гдѣ десятки людей приходятся уже на одну квадратную версту. И въ связи съ этимъ у насъ можно наблюдать воочію или изучать по самымъ свѣжимъ слѣдамъ всѣ тѣ фазисы сложенія, по мнѣнію нѣкоторыхъ—и разложенія общины, всѣ тѣ моменты длиннаго процесса развитія общиннаго землевладѣнія и землепользованія, какіе западно-европейскому ученому приходится наблюдать среди первобытнаго населенія заморскихъ странъ или разыскивать въ преданіяхъ минувшихъ тысячелѣтій. Познакомить читателя съ тѣми указаніями, какія можно извлечь изъ этой нашей «живой исторіи» общины—такова задача настоящаго краткаго очерка.

Я начну съ неиспользованныхъ еще пока въ нашей спеціальной литературѣ данныхъ о землевладѣніи и землепользованіи у кочевого и полукочевого населенія, въ изобиліи добытыхъ, за послѣднія два десятилѣтія, мѣстными изслѣдованіями въ Сибири, въ средне-азіатскихъ степяхъ, отчасти въ Закавказскомъ краѣ; эти данныя—читатель увидитъ—представляютъ огромный интересъ, и ближайшее ихъ изученіе, несомнѣнно, должно сильно способствовать раскрытію какъ самаго процесса эволюціи общинныхъ формъ, такъ и движущихъ пружинъ этой эволюціи.

Я не могу, конечно, вдаваться здѣсь въ сколько-нибудь подробную характеристику кочевого быта и хозяйства—мимоходомъ замѣчу только, что и въ этомъ отношеніи новѣйшія русскія изслѣдованія даютъ неоцѣненный, по своему богатству и значенію, матеріалъ. *Чисто*-кочевой бытъ—это такой, гдѣ хозяйство зиждется исключительно на одномъ скотоводствѣ, гдѣ притомъ скотъ содержится круглый годъ на подножномъ корму, и слѣдовательно—гдѣ не существуетъ не только земледѣлія, но даже и сѣнокошенія; а отсюда съ необходимостью вытекаетъ кочевой образъ жизни—правильныя періодическія передвиженія кочевниковъ и ихъ скота, въ зависимости отъ состоянія кормовъ, въ разное время, въ разныхъ частяхъ используемой кочевниками территоріи; отсюда вытекаетъ и отсутствіе постоянныхъ жилищъ,—единственное обиталище типичнаго кочевника, идеально приспособленное къ своей цѣли,—это переносная, обыкновенно войлочная юрта. Скотоводство, я сказалъ, единственный источникъ благосостоянія типичнаго кочевника; надзоръ и уходъ за скотомъ—единственный извѣстный ему видъ производительнаго труда,—трудъ, вопреки общепринятому мнѣнію, далеко не легкій и не простой; скотъ—единственный извѣстный ему видъ богатства, единственная форма капитала; на этой почвѣ среди кочевого населенія развивается рѣзко выраженное соціальное расчлененіе, облекающееся, въ значительной мѣрѣ, въ формы родового быта, а по существу носящее въ себѣ ясно выраженные элементы феодально-крѣпостническихъ отношеній.

Таковы существеннѣйшія черты чисто-кочевого быта; но изучать его приходится въ настоящее время уже не столько по непосредственнымъ наблюденіямъ, сколько по свѣжимъ воспоминаніямъ; отъ чисто-кочевого быта, въ настоящее время, сохранились лишь незначительные остатки; то, что̀ мы можемъ непосредственно наблюдать въ настоящее время, — это разнообразнѣйшія переходныя, полукочевыя формы быта и хозяйства, характеризуемыя появленіемъ и болѣе или менѣе значительнымъ развитіемъ земледѣлія и сѣнокошенія, наличностью постоянныхъ зимнихъ жилищъ и сокращеніемъ какъ времени, такъ и размаха кочеванія; это—разнообразнѣйшіе моменты эволюціи, начиная отъ уже исчезающаго чисто-кочевого быта, отъ первыхъ зачатковъ земледѣлія, сѣнокошенія, отъ первыхъ зародышей постояннаго жилища, и кончая такими формами, гдѣ отъ кочевого быта сохранились лишь жалкіе слѣды, или даже такими, которыя всецѣло могутъ быть подведены подъ понятіе осѣдло

земледѣльческаго быта и хозяйства, но въ то же время—безъ затрудненій могутъ быть прослѣжены, какъ конечный результатъ многовѣковой эволюціи полукочевыхъ формъ.

И параллельно съ этою эволюціей формъ быта и хозяйства наблюдается крайне постепенная эволюція формъ землевладѣнія и землепользованія; въ тѣсной связи съ появленіемъ и упроченіемъ хозяйственныхъ формъ, предполагающихъ болѣе или менѣе прочную, во всякомъ случаѣ длительную связь хозяйствующаго субъекта съ землею, происходитъ постепенный переходъ отъ свойственной чисто-кочевому быту безусловной неопредѣленности и общности землепользованія, отъ полнаго, можно сказать, *отсутствія землевладѣнія* къ все болѣе и болѣе ясно выраженному и строгому обособленію этого послѣдняго и къ все болѣе и болѣе выработаннымъ формамъ землепользованія, носящимъ все яснѣе выраженный общинно-уравнительный характеръ.

Типъ первобытнаго, чисто-кочевого землевладѣнія—это, повторяю, полное «отсутствіе землевладѣнія», полное отсутствіе какихъ-либо границъ: «Границъ спрашиваешь,—отвѣчали якуты на разспросы Сѣрошевскаго,—а кто ихъ знаетъ! а мы думаемъ такъ: наши земли тамъ, гдѣ наши люди...» Да и откуда при чисто-кочевомъ хозяйствѣ было взяться границамъ, когда самое пользованіе угодьями отличалось полною неустойчивостью: смотря по состоянію погоды, кочевники въ одинъ годъ двигались въ одномъ направленіи, въ другой годъ—въ другомъ, не стѣсняясь притомъ не только административными, но даже государственными границами: наши средне-азіатскіе кочевники нерѣдко откочевываютъ въ хивинскія владѣнія, буряты—въ китайскую Монголію, а китайскіе кочевники, случалось, прикочевывали въ нашу киргизскую степь. Но и въ обыкновенные годы, при кочеваніи, такъ сказать, по нормальному маршруту, какъ остановки на тѣхъ или другихъ урочищахъ, такъ и время пребыванія на нихъ постоянно, изъ года въ годъ, мѣняются въ зависимости отъ измѣненія въ разные годы условій погоды. «Въ одномъ году извѣстные кочевники стоятъ на урочищѣ, положимъ, Джантыръ-куль 2 мѣсяца,—въ слѣдующемъ году тѣ же кочевники могли простоять на томъ же урочищѣ только одинъ день, потому что они задержались въ другихъ мѣстахъ, или потому, что въ моментъ ихъ прихода сюда здѣсь скопилось много кочевниковъ и другимъ не было мѣста»; въ то же время урочище, на которомъ проводила лѣто одна кочевая группа, осенью или зимою сплошь и рядомъ служитъ мѣстомъ стоянки или пастбищемъ другой; при такихъ условіяхъ «въ этотъ періодъ кочевого хозяйства у населенія не возникало и не могло возникнуть понятія о поземельной собственности, даже не появлялось понятія объ исключительномъ правѣ владѣнія. Въ древнія времена, когда китайцы требовали отъ киргизъ подати, они отвѣчали: Небо производитъ траву и воду; скотъ есть даръ неба, пасемъ его и себя пропитываемъ сами, за что же будемъ давать другому?» *).

*) „Матеріалы" экспедиціи по изслѣдов. Степной области, Кустанайскій уѣздъ, стр. 9—10.

Итакъ, чисто-кочевому быту сопутствуетъ безусловная неопредѣленность и общность землепользованія; вся степь общая, каждый можетъ кочевать и дѣйствительно кочуетъ, гдѣ ему угодно и удобно. И такая общность и свобода кочеванія превосходно уживается съ существованіемъ издавна установившихся, обычныхъ кочевыхъ путей и обычныхъ стоянокъ, которыхъ изъ года въ годъ придерживается каждая родовая группа, за исключеніемъ случаевъ исключительной безкормицы, вообще ненормальнаго распредѣленія урожая кормовъ по территоріи степи. Такіе обычные пути существуютъ не только у отдѣльныхъ, мельчайшихъ кочевыхъ группъ, но и у цѣлыхъ родовъ или болѣе обширныхъ родовыхъ подраздѣленій: вся степь какъ бы разбита на длинныя и узкія полосы, вытянувшіяся на сотни верстъ, въ направленіи либо съ юга на сѣверъ, либо отъ жаркихъ долинъ къ нагорнымъ лѣтнимъ пастбищамъ,—и каждая такая полоса представляетъ собою обычный кочевой путь или районъ кочевокъ той или иной родовой группы. И такое чисто-фактическое, обычное обособленіе кочевыхъ путей и стоянокъ между родовыми группами, при безусловной юридической свободѣ пользованія, было дѣломъ чисто-хозяйственной необходимости: «отдѣльные кочевые аулы, состоящіе обыкновенно изъ 2—5 кибитокъ и составляющіе въ сущности одну большую семью, путешествуя на протяженіи сотенъ верстъ по безлюднымъ и дикимъ мѣстностямъ, естественно должны были придерживаться тѣхъ путей, гдѣ они чаще могли встрѣтить или настигнуть своихъ родственниковъ, которые въ случаѣ какой-либо опасности—нападенія крупныхъ хищниковъ или грабителей изъ другихъ ордъ или племенъ, могли бы оказать помощь или защиту; при обширности пространствъ, находившихся нѣкогда въ пользованіи кочевого населенія, и при относительно ничтожной численности его, интересы всѣхъ и каждаго заставляли поддерживать родственныя связи, какъ единственное средство самозащиты» *).

Повторяю—обособленіе кочевыхъ путей и стоянокъ—первоначально чисто-фактическое, хозяйственное, безъ всякаго юридическаго значенія: каждая кочевая группа, въ виду своего же удобства, передвигается своимъ путемъ, но *можетъ* передвигаться и какимъ угодно другимъ, и эта теоретическая возможность претворяется въ дѣйствительность, когда этого требуетъ мѣстная безкормица и т. д.

Болѣе опредѣленное обособленіе появляется, прежде всего, на зимнихъ стоянкахъ. Но и здѣсь обособленіе это, въ теченіе долгаго времени, сохраняетъ чисто-фактическій, хозяйственный характеръ; обособляется притомъ не какая-либо опредѣленная, отграниченная территорія, а только *стоянка*—пунктъ, на которомъ воздвигается юрта, и при ней «орысъ»—пространство, служащее для выпаса мелкаго скота. «Признакомъ принадлежности стоянки аулу служитъ пометъ зимовавшаго здѣсь скота, откуда и самое названіе такихъ зимнихъ стоянокъ—«коунъ», т.-е. уплотненный, растоптанный

*) Тамъ же, стр. 10.

нометъ; если киргизъ проведетъ на какомъ-либо мѣстѣ зиму со своимъ скотомъ, оставитъ тамъ коунъ, такъ на будущую зиму онъ имѣетъ право считать эту стоянку своею. По величинѣ «коуна» можно судить о количествѣ спавшаго на немъ скота, а слѣдовательно можно приблизительно опредѣлить и пространство окружающихъ пастбищъ, которыя используются этимъ скотомъ («орысъ»), что̀ въ свою очередь опредѣляетъ мѣстности, гдѣ могутъ быть основаны новыя стоянки («коуны») безъ стѣсненія скота перваго зимовщика и послѣдующихъ.

И уже такое, хотя бы и чисто фактическое, обособленіе зимнихъ стоянокъ является отклоненіемъ отъ первоначально господствовавшаго принципа безграничной свободы пользованія степью,—является слѣдствіемъ надвигающагося «утѣсненія»: «потребность въ такомъ регулированіи землепользованія явилась только тогда, когда значительно сократились зимнія кочевки и многіе хозяева начали ежегодно приходить на одно и то же мѣсто и проводить на немъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ»; первый шагъ къ обособленію землевладѣнія сопутствуетъ, значитъ, первому шагу на длинномъ пути перехода къ осѣдлымъ формамъ быта и хозяйства; «ранѣе, когда зимнія кочевки были обычнымъ, господствующимъ явленіемъ, «коуны» не имѣли такого значенія»...

Но вотъ, на мѣстѣ, облюбованномъ для каждогодной зимней стоянки, появляется постоянное зимнее жилище. Вмѣстѣ съ нимъ появляется мелкая селидебная группа—у киргизъ аулъ, у бурятъ хоттонъ и т. п.; это—недѣлимое ни во время зимней стоянки, ни во время лѣтняго кочеванія, соединеніе нѣсколькихъ домохозяйствъ, совмѣстно проводящихъ зиму и совмѣстно совершающихъ кочевку; соединеніе, иногда носящее характеръ большой семьи, объединенной родственною связью, обычно не дальше третьяго колѣна; иногда—скрѣпленное не столько родственною связью, сколько экономическою или соціальною,—нѣчто вродѣ патрона съ «состоящими при немъ» кліентами. Эти мелкія группы, я сказалъ, не раздробляются ни лѣтомъ, ни зимою; но лѣтомъ онѣ, въ видѣ правила, соединяются въ болѣе обширныя кочевочныя группы, по нѣскольку ауловъ или хоттоновъ въ каждой—въ «лѣтніе аулы». «Бо̀льшая величина лѣтнихъ ауловъ зависитъ прежде всего, конечно, отъ того, что совмѣстная пастьба большихъ стадъ, конечно до извѣстнаго предѣла, обходится дешевле; во-2-хъ, большему числу людей легче уберечь свои стада какъ отъ звѣря, такъ и отъ человѣка; въ-3-хъ, при совмѣстномъ кочеваніи возможенъ обмѣнъ услугами, необходимыми для однихъ и полезными для другихъ; наконецъ лѣтнее время является до извѣстной степени праздникомъ для киргизъ (и вообще для кочевниковъ. А. К.),—въ это же время они дѣлаютъ разныя общественныя дѣла и пріурочиваютъ различныя торжества, почему и предпочитаютъ быть большими группами» *).

И зимнія жилища, и мелкія селидебныя группы появлялись иногда рань-

*) Усть-Каменогорскій уѣздъ, стр. 13.

ше, чѣмъ сѣнокошеніе, иногда, повидимому, одновременно съ послѣднимъ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ еще очень долго сохраняло и сохраняетъ свое значеніе зимній выпасъ скота—такъ называемое тебеневаніе, очень постепенно уступающее мѣсто содержанію на сѣнѣ все возрастающей части скота. Но разъ кочевникъ всю зиму проводитъ на одномъ мѣстѣ и разъ при этомъ скотъ, въ томъ числѣ и мелкій, не могущій уходить далеко отъ загоновъ, долженъ располагать подножнымъ кормомъ, то первенствующею заботою кочевника, на этихъ первоначальныхъ стадіяхъ его осѣданія, является—обезпечить мелкому скоту возможность тебеневанія на непосредственно-прилегающихъ къ зимовкѣ зимнихъ пастбищахъ. Это обстоятельство, прежде всего, отражается на разселеніи: мелкій скотъ, я сказалъ, не можетъ уходить далеко отъ загоновъ; въ предѣлахъ же небольшого радіуса можетъ найтись кормъ лишь для небольшого количества скота, слѣдовательно—для скота, принадлежащаго очень небольшому числу домохозяйствъ; поэтому начинающимъ осѣдать кочевникамъ приходится разселяться по возможности мелкими группами, и лишь постепенно, когда тебеневаніе постепенно вытѣсняется сѣнокошеніемъ, становится возможнымъ образованіе болѣе крупныхъ селидебныхъ группъ. Цифры съ безусловною правильностью подтверждаютъ эту законосообразность: въ южной части, напримѣръ, Атбасарскаго уѣзда, гдѣ скотъ всю зиму проводитъ на подножномъ корму, зимній аулъ состоитъ, въ среднемъ, всего изъ 4-хъ хозяйствъ; въ сѣверной части того же уѣзда, гдѣ сѣнокошеніе сдѣлало уже довольно значительные успѣхи, средній составъ аула—8, въ Актюбинскомъ уѣздѣ, уже далеко ушедшемъ по пути къ осѣдлымъ формамъ быта и хозяйства—14 хозяйствъ: «когда мелкій скотъ зимою питается преимущественно сѣномъ, большія поселенія представляютъ извѣстныя преимущества передъ маленькими, и во всякомъ случаѣ нѣтъ необходимости селиться подальше другъ отъ друга», тогда какъ тамъ, «гдѣ скотъ и зимою находится на подножномъ корму, необходимо селиться пошире, чтобы не стѣснять пастьбу скота» *).

Важнѣе для насъ другое обстоятельство—обособленіе прилегающихъ непосредственно къ зимовкамъ овечьихъ пастбищъ,—у киргизъ корыковъ или кой-булюковъ: ихъ берегутъ, «какъ мясо въ сōгумъ»—какъ мясо, оставляемое впрокъ отъ осенней забойки скота; на нихъ вся надежда кочевника «на черный день»,—естественно, что каждый, занявшій зимовое стойбище и построившій себѣ на немъ зимовку, старается обезпечить за собой прилегающіе кой-булюки, стремится обратить ихъ въ свое исключительное достояніе. И въ соотвѣтствіи съ огромнымъ, на данной стадіи эволюціи кочевого хозяйства, значеніемъ угодій этого типа, по отношеніи къ нимъ ранѣе всего появляется строгое обособленіе владѣній: кой-булюки смежныхъ ауловъ отдѣляются другъ отъ друга не только условными естественными (камень, сопка, дерево и т. п.), но даже искусственными граничными знаками,

---

*) Атбасарскій уѣздъ, стр. V.

въ видѣ кучекъ камня, ямокъ и т. п.; мало того, кой-булюки обособляются даже внутри хозяйственнаго аула, является *подворное* пользованіе овечьими зимними пастбищами, появляются и попытки уравненія ихъ въ случаѣ слишкомъ рѣзко бросающейся въ глаза неравномѣрности ихъ распредѣленія, или при необходимости надѣленія вновь образующихся и обстраивающихся домохозяйствъ. И что крайне любопытно—при прогрессирующемъ «утѣсненіи» границы между хозяйствами и аулами сплошь и рядомъ исчезаютъ: перестаютъ дѣлить, потому что нечего становится дѣлить. Получается такая схема эволюціи пользованія пастбищами этого типа: «въ общинахъ съ земельнымъ просторомъ границы внутри общины не соблюдаются, хотя бы таковыя и имѣлись; съ ростомъ стадъ является необходимость выдѣлить хотя бы кой-булюки, затѣмъ вообще раздѣлить всю землю между аулами и, наконецъ, когда дѣлается еще тѣснѣе, приходится отказываться отъ соблюденія границъ и переходить къ совмѣстному использованію своихъ пастбищъ» *).

Не остаются безъ измѣненія также способы и порядки пользованія всею остальною массою пастбищъ, не вошедшею въ районы непосредственнаго притяженія зимовокъ. Съ появленіемъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ, съ обособленіемъ прилегающихъ къ нимъ пастбищъ, съ развитіемъ сѣнокошенія, а затѣмъ и земледѣлія, область обособленнаго пользованія, иначе сказать, такъ называемыя призимовочныя площади, все болѣе и болѣе расширяется на счетъ свободно используемыхъ, по преимуществу лѣтнихъ пастбищъ; происходитъ безостановочный процессъ захвата, подъ ту или другую категорію угодій обособленнаго пользованія, все новыхъ и новыхъ площадей, до того составлявшихъ вольное общее пастбище; возникаютъ все новыя зимовки, распахиваются все новыя пашни, захватываются все новые покосы. Новыя осѣдлости образуются по преимуществу при тѣхъ или другихъ, ранѣе использовавшихся во время лѣтняго кочеванія, водныхъ источникахъ—при доступныхъ для водопоя берегахъ рѣкъ, при озерахъ, колодцахъ и т. п.; но благодаря этому, сплошь и рядомъ, становятся недоступными для кочеванія, за безводностью, во много разъ болѣе обширныя пространства, чѣмъ сколько непосредственно занято подъ зимовки и призимовочныя угодья. Прежде единая и безраздѣльная, всѣми вольно использовавшаяся степь испещряется безконечнымъ множествомъ площадей обособленнаго пользованія, закрытыхъ для кочеванія; для характеристики той степени интенсивности, которой, съ теченіемъ времени, достигаетъ этотъ процессъ, достаточно упомянуть о томъ, что при недавнихъ съемкахъ, производившихся на сѣверной окраинѣ Уральской области, оказалось совершенно невозможнымъ выдѣлить на планахъ общія лѣтовки,—до такой степени онѣ уже испещрены всякаго рода угодьями, вообще площадями, по тому или другому основанію изъятыми отъ свободнаго пользованія. Само собою понятно, насколько такимъ способомъ сокращается

*) Каркарал. уѣздъ, стр. 25.

просторъ для кочеванія: вмѣсто прежней, ничѣмъ, кромѣ собственной выгоды кочевниковъ, не ограниченной свободы кочеванія, для послѣдняго въ районахъ осѣданія, остаются открытыми только строго опредѣленные, болѣе или менѣе узкіе кочевые пути; для лѣтнихъ стоянокъ остается доступнымъ все менѣе и менѣе пространствъ, и сплошь и рядомъ кочевники, въ одномъ году лѣтовавшіе со своимъ скотомъ на извѣстномъ урочищѣ, на слѣдующій годъ находятъ здѣсь вновь возникшія зимовки или вновь распаханныя пашни и видятъ себя вынужденными искать какого-нибудь новаго мѣста для лѣтней стоянки. На этой почвѣ не могутъ не возникать и дѣйствительно возникаютъ постоянныя столкновенія между осѣдающимъ населеніемъ и тѣми, кто еще продолжаетъ кочевать; кочевники—мало того, даже скотъ ихъ, не привыкли подчиняться, при пастьбѣ, какимъ-либо ограниченіямъ; удержать стада въ предѣлахъ площадей и проходовъ, оставшихся свободными для кочеванія, чрезвычайно трудно, да кочевники не всегда объ этомъ и заботятся; отсюда—постоянныя потравы, споры и иски изъ-за потравъ, захваты пойманнаго на потравѣ скота, вообще всевозможныя столкновенія, сплошь и рядомъ принимающія болѣе или менѣе острый характеръ. Даже у такого, въ общемъ, мирнаго народа, какъ киргизы, эти столкновенія сплошь и рядомъ ведутъ за собой побоища, угонъ скота и т. п.,—нечего уже и говорить о такомъ краѣ, какъ Кавказъ, съ его всегда вооруженнымъ и привыкшимъ употреблять оружіе населеніемъ, съ его необузданными нравами и съ его традиціями кровной мести: повидимому не можетъ подлежать сомнѣнію, что именно столкновеніе осѣдлаго и кочевого быта создало ту почву, на которой такимъ пышнымъ цвѣтомъ распустились и столь прославившіе Кавказъ разбои, и не менѣе прославившая его племенная и вѣроисповѣдная вражда, въ значительной мѣрѣ сводящаяся къ враждѣ кочевниковъ къ стѣсняющихъ ихъ осѣдлымъ жителямъ и этихъ послѣднихъ—къ нерѣдко разоряющимъ ихъ кочевникамъ. Вѣками выработавшееся, въ условіяхъ чисто кочевого быта, обычное право оказывается безсильнымъ разрѣшать вопросы, возникающіе на почвѣ столкновенія отживающихъ хозяйственныхъ формъ съ новыми, нарождающимися; отсюда неизбѣжность вмѣшательства административной власти, судъ которой, конечно, тоже далеко не всегда оказывается судомъ Соломона.

Параллельно съ такимъ, быстро прогрессирующимъ сокращеніемъ площади свободныхъ пастбищъ идетъ и постепенное ихъ обособленіе. Въ силу чисто хозяйственныхъ потребностей, изъ нерасчлененной прежде общей массы пастбищъ выдѣляются, прежде всего, осенне-весеннія пастбища—у киргизъ кузеу; это площади, гдѣ осѣдающіе кочевники проводятъ время полевыхъ работъ, сѣнокоса и уборки хлѣба, значитъ площади, болѣе или менѣе непосредственно прилегающія къ зимовкамъ и культурнымъ угодьямъ. Но разъ это такъ, то отсюда само собою ясно, что съ возникновеніемъ кузеу они, тѣмъ самымъ, должны исключаться изъ общаго пользованія: кузеу, «по самому своему смыслу, должно быть менѣе свободно

для пользованія, чѣмъ джайляу (лѣтнее пастбище), ибо оно должно удовлетворять такимъ требованіямъ, которыя исключаютъ возможность обращенія многихъ пастбищъ подъ кузеу: кузеу должно быть недалеко отъ призимовочныхъ пастбищъ, чтобы стоя на кузеу можно было бы заниматься приведеніемъ въ порядокъ построекъ на кстау (зимовка), заготовить топливо, а въ иныхъ случаяхъ и сѣно накосить, и хлѣбъ убрать, если покосы и пашни расположены близко кстау; ясно, что далеко не всякое пастбище можетъ служить осеннимъ пастбищемъ»; ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что кузеу только тогда и имѣетъ смыслъ, когда оно становится исключительнымъ достояніемъ того или тѣхъ, къ чьимъ зимовкамъ и культурнымъ землямъ оно расположено достаточно близко; при этомъ «обычное явленіе, что водопои на кузеу—изъ колодцевъ, въ силу чего у каждой группы хозяйствъ, котана или аула, имѣется своя опредѣленная стоянка—джуртъ; отсюда уже недалеко и до разграниченія кузеу на части: ты паси свой скотъ до этихъ поръ, а я буду пасти до тѣхъ» *).

Тѣ же хозяйственныя условія съ необходимостью ведутъ и къ обособленію собственно лѣтнихъ пастбищъ—джайляу или (въ Закавказьѣ) эйлаговъ. Исконный порядокъ, характерный для чисто кочевого быта, это ничѣмъ неограниченное вольное пользованіе: во многихъ мѣстностяхъ лѣтовками и до сихъ поръ «пользуются вольно, безъ всякихъ ограниченій, кромѣ права вольнаго захвата: кто первый захватилъ мѣсто, тотъ ставитъ на немъ свою юрту, не спрашивая ничьего согласія, но на слѣдующее лѣто то же мѣсто можетъ быть захвачено и другимъ, также безъ спроса прежняго хозяина» **). Но съ развитіемъ сѣнокошенія и земледѣлія такой порядокъ становится неудобнымъ: разъ, примѣрно, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая приходится производить посѣвъ, съ конца іюня или съ начала іюля заниматься сѣнокосомъ и уборкой хлѣба, то уже и на лѣто нельзя откочевывать слишкомъ далеко отъ зимовыхъ стойбищъ; значитъ, такъ или иначе, ближайшія къ зимовкамъ пастбища должны, съ развитіемъ земледѣлія и сѣнокошенія, выдѣлиться изъ прежняго общаго пользованія и обособиться въ отдѣльное пользованіе владѣльцевъ зимовокъ. И дѣйствительно— въ рядѣ мѣстностей лѣтовки уже «находятся въ пользованіи отдѣльныхъ родовъ и расположены противъ ихъ зимнихъ пастбищъ»; и хотя «лѣтовочныя площади не имѣютъ отмѣченныхъ живыми урочищами или искусственными знаками границъ, однако каждый родъ изъ года въ годъ пользуется одними и тѣми же пастбищами, и пастухи стараются, чтобы скотъ разныхъ родовъ не смѣшивался» ***). Это—одинъ путь, ведущій къ обособленію пользованія на лѣтовкахъ. Есть и другой путь, наблюдаемый преимущественно въ западной полосѣ киргизскихъ степей: это распредѣленіе тѣхъ все еще обширныхъ общихъ лѣтовокъ, которыми пользуется про-

*) Каркаралинск. у., стр. 36.
**) *С. П. Швецовъ*: „Горный Алтай", стр. 147.
***) Каркаралинск. у., стр. 36.

кочующее совершать дальнія кочевки населеніе, какъ результатъ планомѣрной дѣятельности установленныхъ закономъ и дѣйствующихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и фактически—руководительствомъ администраціи съѣздовъ выборныхъ отъ населенія уѣздовъ и областей; но это—явленіе, лишь слабо связанное съ тѣми естественно-развивающимися, чисто бытовыми формами пользованія, которыя интересуютъ насъ, а потому на этомъ явленіи я здѣсь не буду останавливаться.

Перехожу затѣмъ къ формамъ владѣнія и пользованія культурными угодьями. Здѣсь приходится отмѣтить рѣзкую разницу между пахотными землями и сѣнокосными угодьями: по отношенію къ послѣднимъ формы и землевладѣнія, и землепользованія всегда достигали и сейчасъ достигаютъ несравненно большей напряженности, чѣмъ по отношенію къ первымъ,—разъ только у кочевниковъ появилось сѣнокошеніе, сѣнокосныя угодья обособляются скорѣе всего, и на нихъ главнымъ образомъ развиваются болѣе напряженныя формы землепользованія. И это совершенно понятно. *Самое появленіе* сѣнокошенія, правда, есть признакъ начавшаго обнаруживаться «утѣсненія» *въ пастбищахъ*. Но это утѣсненіе—въ высокой степени относительное: оно, въ видѣ правила, ощущается только по отношенію къ площадямъ, пригоднымъ для зимняго тебеневанія,—и эти послѣднія, какъ было упомянуто, также очень рано становятся объектомъ обособленнаго пользованія. Въ лѣтнихъ пастбищахъ еще очень долго не испытывается никакого недостатка. Земледѣліе, въ видѣ правила, появляется значительно позднѣе, чѣмъ сѣнокошеніе; значительно позднѣе, поэтому, начинаютъ интересоваться пашнями или, точнѣе, площадями, удобными для распашки, и притомъ въ силу чисто топографическихъ условій количество земель, удобныхъ для распашки, въ видѣ правила бываетъ во много разъ больше, нежели количество сѣнокосовъ. Эти послѣдніе въ засушливыхъ степяхъ киргизскаго или бурятскаго края сосредоточиваются въ сравнительно немногихъ и сравнительно необширныхъ урочищахъ,—ими, поэтому, чрезвычайно дорожатъ, что, между прочимъ, находитъ себѣ ясное выраженіе въ существующей у всѣхъ кочевниковъ обычно-правовой нормѣ, запрещающей распахивать покосы; нормѣ, діаметрально противуположной обычному праву, напримѣръ, сибирскихъ крестьянъ, провозгласившему правило: «сохѣ препятствовать нельзя». Вотъ почему вмѣстѣ съ появленіемъ сѣнокошенія появляются сѣнокосныя границы; сѣнокосы очень быстро осваиваются, смотря по размѣрамъ и мѣстоположенію каждаго отдѣльнаго сѣнокоснаго урочища: гдѣ отдѣльными домохозяйствами, гдѣ мелкими селидебными группами, гдѣ болѣе или менѣе обширными соединеніями такихъ группъ. Самое разселеніе осѣдающихъ кочевниковъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется расположеніемъ покосовъ: мѣстами, гдѣ сѣнокосныя угодья разбросаны мелкими клочками среди неудобной для сѣнокошенія степи, при каждомъ такомъ урочищѣ возникаетъ отдѣльная зимовка; гдѣ урочище побольше—небольшая группа зимовокъ, и сѣнокосное урочище въ первомъ случаѣ сразу поступаетъ въ подворное владѣніе осѣвшаго при немъ домо-

хозяйства. Если сѣнокосное урочище или группа олизко лежащихъ урочищъ поступила въ общее владѣніе болѣе или менѣе значительной группы домохозяевъ, формы пользованія принимаютъ крайне разнообразный видъ: гдѣ сѣнокосовъ, сравнительно, много, въ частности—гдѣ запасъ сѣнокосныхъ угодій при данномъ состояніи хозяйства осѣдающихъ кочевниковъ превышаетъ существующую въ нихъ потребность, тамъ пользованіе сѣнокосами вольное: каждый коситъ гдѣ и сколько хочетъ; гдѣ становится тѣснѣе—это вольное пользованіе ограничивается опредѣленнымъ числомъ косцовъ, какое предоставляется выставлять каждому домохозяйству, причемъ, въ видѣ правила, многоскотнымъ предоставляется выставлять лишнихъ косцовъ противъ малоскотной бѣдноты; гдѣ «утѣсненіе» въ сѣнокосахъ стало болѣе ощутительнымъ, тамъ наблюдается либо «подворное» распредѣленіе сѣнокосовъ, либо ежегодный передѣлъ: и это послѣднее, и вольное сѣнокошеніе, весьма часто комбинируется съ чрезвычайно распространенною у кочевого населенія формою кошенія сообща, съ распредѣленіемъ скошеннаго сѣна по числу выставленныхъ каждымъ участникомъ такой сѣнокосной артели косцовъ: гдѣ еще существуетъ вольное сѣнокошеніе, тамъ отдѣльныя урочища, въ видѣ правила, «занимаются» группами; гдѣ практикуется ежегодный передѣлъ—тамъ покосы распредѣляются, опять-таки, между группами домохозяевъ, по большей части связанными между собою близкимъ кровнымъ родствомъ, и затѣмъ каждая такая группа коситъ сообща и распредѣляетъ между собой накошенное сѣно.

Къ сожалѣнію, данныя о формахъ пользованія сѣнокосными угодьями, добытыя при изслѣдованіи киргизъ (о которыхъ собственно идетъ рѣчь въ данную минуту), не отличаются желательною отчетливостью, что̀, можетъ быть, было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неотчетливости и расплывчатости самихъ формъ. Поэтому не только послѣдовательность смѣны разныхъ формъ, но даже сущность нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ быть установлена съ совершенною достовѣрностью. Это приходится сказать, въ особенности, о той формѣ, которую мы, слѣдуя за Ф. А. Щербиной и его сотрудниками, обозначили названіемъ «подворной»: корень этой формы, несомнѣнно, въ первобытномъ захватѣ, возникающемъ на почвѣ значительнаго избытка угодій; въ томъ самомъ захватѣ, который составляетъ первичную форму пользованія и у крестьянъ; но мѣстами этимъ названіемъ обозначается форма, дѣйствительно носящая всѣ признаки типичнаго *подворнаго* владѣнія, съ неизмѣнными границами и съ рѣзко выраженнымъ неравенствомъ отдѣльныхъ подворныхъ участковъ; въ другихъ случаяхъ «подворное» пользованіе совмѣщается съ періодическими «поравненіями» участковъ отдѣльныхъ домохозяйствъ или съ такими явленіями переходнаго характера, какъ свободное кошеніе всѣми желающими остатковъ на «подворныхъ» участкахъ, какъ временныя «поравненія» при неурожаяхъ травъ. Вообще, едва ли можно говорить о тождествѣ «подворнаго» пользованія сѣнокосами съ подворнымъ владѣніемъ, какъ правомъ собственности въ полномъ его объемѣ; «подворное пользованіе сѣнокосами

представляетъ собою лишь извѣстный пріемъ, порядокъ землепользованія, чѣмъ только и могутъ быть объяснены переходы отъ подворнаго пользованія сѣнокосами къ общинно-артельному» *); это, повторяю, такой же пріемъ, такой же порядокъ землепользованія, какъ и тѣ разнообразныя формы захвата у крестьянъ, о которыхъ мнѣ придется говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Какъ я сказалъ, весьма трудно уловить и послѣдовательность перехода отъ однѣхъ формъ пользованія покосами къ другимъ—имѣющіяся указанія довольно неясны и противорѣчивы. Съ извѣстною достовѣрностью можно, повидимому, сказать только одно: что подворное пользованіе кромѣ случаевъ, когда оно связано съ подворнымъ разселеніемъ, не представляетъ собою первобытной формы пользованія покосами. Это и понятно, потому что вѣдь самое понятіе «двора», домохозяйства не существовало у чистыхъ кочевниковъ и развивалось лишь по мѣрѣ осѣданія; первоначальною формою было, повидимому, вольное сѣнокошеніе, изъ котораго затѣмъ, по мѣрѣ надвигавшагося «утѣсненія», развивались тѣ или другія, болѣе напряженныя формы пользованія. Но *въ какомъ порядкѣ* смѣняли другъ друга эти формы—на этотъ вопросъ не представляется возможности дать опредѣленнаго, болѣе или менѣе общаго отвѣта: въ однѣхъ мѣстностяхъ подворное пользованіе смѣнялось ежегодными передѣлами съ кошеніемъ сообща, въ другихъ—смѣна формъ шла въ обратномъ порядкѣ, и очень можетъ быть, что такая пестрота и такое отсутствіе однообразія объясняются двойственностью тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершалась разсматриваемая смѣна формъ: съ одной стороны «утѣсненіе» толкало отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ пользованія; съ другой—ослабленіе исконной родовой связи имѣло однимъ изъ своихъ послѣдствій исчезновеніе артельныхъ формъ эксплоатаціи угодій и обособленіе землепользованія. Въ однѣхъ мѣстностяхъ, можетъ быть, преобладающее вліяніе оказало первое изъ этихъ условій, въ другихъ—второе. Есть однако факты, позволяющіе если не утверждать, то, во всякомъ случаѣ, предполагать, что нормальнымъ типомъ эволюціи была смѣна «подворныхъ» формъ уравнительными, въ видѣ ежегодныхъ передѣловъ: въ рядѣ случаевъ, именно, изслѣдованіе могло наблюдать послѣдствія событій, которыя съ полнымъ правомъ можно подвести подъ понятіе «соціальнаго опыта», хотя и не преднамѣреннаго,—именно отобранія болѣе или менѣе значительной части земель, состоявшихъ въ пользованіи извѣстныхъ группъ киргизовъ, съ цѣлью отвода отрѣзанныхъ земель переселенцамъ. Такія отрѣзки были, очевидно, равносильны внезапному сокращенію земельнаго простора въ такой мѣрѣ, которая при нормальномъ теченіи событій наступила бы лишь по истеченіи нѣсколькихъ, можетъ быть многихъ, десятилѣтій. И вотъ, за такимъ внезапнымъ сокращеніемъ земельнаго простора во всѣхъ отмѣченныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ случаяхъ слѣдовала замѣна подворной формы по ь-

*) Омскій у., стр. 35.

зованія ежегоднымъ передѣломъ, что̀ и позволяетъ именно въ такой замѣнѣ видѣть естественный типъ эволюціи порядковъ пользованія сѣнокосами.

Какъ я сказалъ, все сказанное относится къ формамъ пользованія сѣнокосами у киргизъ. Гораздо отчетливѣе эволюція отъ свободныхъ формъ пользованія сѣнокосными угодьями къ общинно-уравнительнымъ у бурятъ, что̀ и естественно, потому что самое сѣнокошеніе, и вообще осѣдлыя формы быта и хозяйства, сдѣлали у извѣстной части бурятъ далеко бо̀льшіе успѣхи, нежели у киргизъ. Подробно описанная мѣстнымъ изслѣдованіемъ, эволюція сѣнокосныхъ порядковъ у бурятъ въ общемъ очень похожа на эволюцію порядковъ пользованія покосами у крестьянъ, но только типы этой эволюціи у первыхъ еще разнообразнѣе, нежели у вторыхъ: какъ у крестьянъ, такъ и у бурятъ мы наблюдаемъ прочное захватное пользованіе сѣнокосными расчистками, по видимости представляющее много сходства съ подворнымъ владѣніемъ, и постепенный переходъ отъ этой формы къ общинно-уравнительному пользованію; по отношенію къ «гладкимъ», степнымъ или луговымъ покосамъ первоначальная форма пользованія—вольный захватъ на одинъ сѣнокосный періодъ, и отсюда—опять-таки крайне постепенный переходъ къ ежегоднымъ передѣламъ,—все формы и типы, о которыхъ мнѣ удобнѣе будетъ говорить, когда я перейду къ эволюціи формъ пользованія у крестьянъ. Но кромѣ того, у забайкальскихъ бурятъ наблюдается и такой типъ эволюціи формъ пользованія «гладкими» покосами, который совершенно не встрѣчается у крестьянъ,—типъ, стоящій, очевидно, въ связи съ чисто хозяйственными условіями, вызвавшими развитіе у бурятъ также совершенно неизвѣстнаго крестьянамъ явленія—огораживанія сѣнокосовъ. Именно, переходъ отъ вольнаго пользованія къ ежегоднымъ передѣламъ происходитъ у бурятъ, въ видѣ правила, не непосредственно, а черезъ переходную форму поско̀тинной (поско̀тина—городьба) артели, сначала носящей характеръ совершенно свободнаго хозяйственнаго союза, во всякое время открытаго для доступа новыхъ участниковъ и, слѣдовательно, совершенно не имѣющаго характера замкнутой вовнѣ земельной единицы; постепенно этотъ союзъ замыкается вовнѣ—вошедшія въ городьбу сѣнокосныя угодья становятся исключительнымъ достояніемъ участниковъ этой городьбы, и затѣмъ уже, подъ вліяніемъ прогрессирующаго «утѣсненія», внутри этой поско̀тинной общины совершается переходъ отъ захватнаго къ уравнительному пользованію покосами, которое—мнѣ достаточно здѣсь краткаго о томъ упоминанія—достигло среди забайкальскихъ инородцевъ очень значительнаго распространенія: въ группѣ кочевыхъ инородцевъ передѣляется свыше половины общаго количества покосовъ, въ группѣ казаковъ-бурятъ—болѣе девяти десятыхъ: въ западномъ Забайкальѣ 94%, въ восточномъ — 93% общаго количества покосовъ.

Порядки пользованія землями, удобными для распашки, остаются у инородцевъ, какъ, впрочемъ, и у крестьянъ, далеко позади порядковъ поль-

зованія сѣнокосными угодьями: какъ я уже упоминалъ, самая потребность въ пашнѣ у кочевниковъ возникаетъ позднѣе, иногда значительно позднѣе, и въ то же время по отношенію къ пахотнымъ землямъ эта потребность встрѣчается съ несравненно бо́льшимъ просторомъ. Вотъ почему и разграниченіе *владѣній* въ данномъ случаѣ обнаруживается гораздо позднѣе и слабѣе, и формы *пользованія* достигаютъ гораздо меньшаго развитія и напряженности. У киргизъ, у алтайскихъ инородцевъ, пользованіе пашнями исключительно вольное—каждый можетъ пахать гдѣ ему угодно и сколько угодно, но въ виду соображеній удобства, чтобы оберечь посѣвы отъ потравъ, обыкновенно пашутъ либо на ближайшихъ къ зимовкамъ урочищахъ, либо въ такихъ, лежащихъ гдѣ-нибудь на отлетѣ, куда скотъ не заходитъ, напримѣръ, по недостатку водопоевъ. Поскольку община вмѣшивается въ пахотные распорядки, ея вмѣшательство сводится къ указанію мѣстъ, гдѣ могутъ и гдѣ не могутъ производиться распашки; она выступаетъ, значитъ, не въ общинно-уравнительной, а въ чисто хозяйственной функціи, подобно тому, напримѣръ, какъ дѣйствуетъ союзъ подворныхъ владѣльцевъ въ районахъ съ трехпольнымъ или съ правильнымъ толочнымъ хозяйствомъ; самый типъ вольнаго пользованія пахотными землями, повидимому, не можетъ быть признанъ вполнѣ установившимся; но преобладаетъ, опять-таки повидимому, такая форма захвата, при которой исключительное право на однажды распаханную землю сохраняется за распахавшимъ до тѣхъ поръ, пока сохранились какіе-либо слѣды влагавшагося въ обработку пашни труда: даже когда пашня заброшена въ залежь, «какъ падалкой, такъ и ковылемъ на такихъ залежахъ могутъ пользоваться (жать и косить) только хозяева, впервые разработавшіе землю»,—и это до тѣхъ поръ, «пока залежь не сравняется совершенно со степью, а послѣ ее можетъ распахивать и косить любой изъ членовъ общины» *), той самой общины, которая, такъ или иначе, распоряжается еще нераспаханною, но годною для распашки и для сѣнокошенія степью. Въ этомъ отношеніи развитіе пашни и сѣнокошенія сопровождается, опять-таки, очень любопытными явленіями, въ смыслѣ обособленія землевладѣнія: пока степь служитъ только пастбищемъ, она не знаетъ, во многихъ еще мѣстностяхъ, никакихъ границъ; но когда ее начинаютъ распахивать, такія границы появляются—каждая группа домохозяйствъ или каждая группа группъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, присваиваетъ своимъ членамъ исключительно право распашки земель, располагающихся между двумя «мысленными» линіями, которыя проводятся въ глубь степи, составляя продолженіе уже твердо установленныхъ границъ призимовочныхъ угодій; и такія же «мысленныя» границы появляются на ковыльныхъ степяхъ съ распространеніемъ сѣнокосилокъ, когда начинаетъ коситься не поддающійся простой ручной косѣ ковыль.

Сказанное относится, опять-таки, къ киргизамъ и частью къ алтайскимъ

*) Кустанайскій у., стр. 38.

инородцамъ; у послѣднихъ на-ряду съ охарактеризованною формою пользованія, наблюдаемою по отношенію къ «гладкимъ» пашнямъ, существуетъ длительный захватъ по отношенію къ пашнямъ, расчищеннымъ изъ-подъ лѣса, слѣдовательно, потребовавшимъ болѣе или менѣе значительной предварительной затраты труда. У бурятъ эволюція и въ данномъ случаѣ пошла значительно дальше: у нихъ наблюдаются, опять-таки, всѣ формы пользованія пашнями, начиная отъ разнообразныхъ формъ первобытнаго захвата и кончая самыми выработанными формами общинно-уравнительнаго пользованія; при этомъ въ крайне многоземельномъ—поскольку рѣчь идетъ о пахотныхъ степяхъ—восточномъ Забайкальѣ передѣлы и даже простыя «поравненія» пахотныхъ земель еще совершенно не встрѣчаются—эволюція не пошла здѣсь дальше тѣхъ или другихъ ограниченій первобытнаго захвата; въ гораздо болѣе малоземельномъ западномъ Забайкальѣ въ общинно-уравнительномъ пользованіи даже у кочевыхъ инородцевъ состоитъ уже свыше четверти общаго количества пашенъ, у казаковъ-бурятъ немногимъ менѣе половины; въ томъ и другомъ случаѣ, значитъ, эволюція формъ пользованія пашнями и здѣсь сдѣлала далеко меньшіе успѣхи, нежели эволюція формъ пользованія покосами.

Совершенно особое мѣсто занимаютъ, съ точки зрѣнія формъ землепользованія, орошаемыя пашни—замѣчу мимоходомъ, что среди осѣдающихъ кочевниковъ ирригація и въ Забайкальѣ, и въ другихъ сибирскихъ полукочевыхъ районахъ, и въ киргизскомъ краѣ пользуется очень большимъ распространеніемъ, что, конечно, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ естественными условіями и въ частности—съ засушливымъ климатомъ большей части тѣхъ районовъ, гдѣ сосредоточивается кочевое и полукочевое населеніе. Вездѣ, гдѣ только существуетъ искусственное орошеніе, вода уже и въ хозяйственномъ отношеніи доминируетъ надъ землей: степенью изобилія и характеромъ водныхъ источниковъ, могущихъ быть использованными для ирригаціи, опредѣляется система полеводства, выборъ растеній, входящихъ въ обычные сѣвообороты и т. п. То же самое преобладаніе воды надъ землею съ полною ясностью обозначается и въ области формъ землепользованія. По дѣйствующему во всѣхъ районахъ ирригаціоннаго хозяйства обычному праву, въ частности—по мусульманскому праву, дѣйствующему среди осѣдлаго и осѣдающаго населенія средней Азіи и Закавказья, вода, разъ она выведена изъ естественнаго состоянія посредствомъ какихъ-либо оросительныхъ сооруженій, принадлежитъ тому, кто ее вывелъ, а земля принадлежитъ ея «оживителю» въ такомъ количествѣ, какое можетъ быть орошено за счетъ выведеннаго количества воды. Формы, въ которыя облекается и въ которыхъ воплощается этотъ общій принципъ, крайне разнообразны, въ зависимости опять-таки отъ чисто хозяйственныхъ условій и на первомъ мѣстѣ—отъ размѣровъ и характера тѣхъ водныхъ источниковъ, которые используются для цѣлей орошенія. Гдѣ такимъ источникомъ является, напримѣръ, небольшой горный ключикъ, изъ котораго вывести воду подъ силу одной семьѣ и который можетъ дать воды

не больше, чѣмъ на нужды одной семьи, или гдѣ выводъ воды изъ рѣки или озера производится водоподъемными колесами, такъ называемыми «чигирями»—система орошенія, опять-таки, доступная отдѣльной семьѣ и обслуживающая, въ каждомъ случаѣ, лишь очень ограниченное количество земли,—тамъ возникаетъ подворное пользованіе или даже, вѣрнѣе, подворное владѣніе водою и землею. Гдѣ ирригаціонныя сооруженія требуются нѣсколько крупнѣе, тамъ для устройства ихъ составляются небольшія артели, въ двѣ-три семьи, по большей части связанныхъ между собой родственными отношеніями,—распредѣленіе пользованія водою и землею, при указанныхъ особенностяхъ состава такихъ артелей, по большей части не подчиняется никакимъ опредѣленнымъ правиламъ и происходитъ въ каждомъ случаѣ по простому, ничѣмъ не оформленному соглашенію. Гдѣ требуются болѣе крупныя магистральныя канавы или распредѣлители отъ издавна существующихъ большихъ магистральныхъ каналовъ,—тамъ единицей владѣнія и пользованія водою и землею является болѣе или менѣе многолюдная община-артель, обнимающая всѣхъ участниковъ въ сооруженіи даннаго канала или ихъ потомковъ; характерный примѣръ этого рода представляетъ побережье рѣки Чу, отдѣляющей сѣверныя киргизскія области отъ южныхъ, Туркестанскихъ; по этой рѣкѣ располагается многочисленное полуосѣвшее населеніе, ведущее исключительно поливное земледѣльческое хозяйство; и, напримѣръ, въ предѣлахъ Каркаралинскаго уѣзда населеніе это группируется въ 18 общинъ, по числу «тогановъ»—магистральныхъ ирригаціонныхъ каналовъ, выведенныхъ непосредственно изъ рѣки; каждая такая община имѣетъ свой каналъ, и она же имѣетъ исключительно право пользованія землею на всемъ пространствѣ ниже этого канала, до слѣдующаго канала, выведеннаго изъ рѣки ниже по ея теченію. Затѣмъ, внутри каждой изъ такихъ общинъ-артелей распредѣляется, главнымъ образомъ, вода: каждый участникъ артели имѣетъ равное съ другими право на воду, которою и пользуется въ установленной, общей для всѣхъ очереди—по суткамъ, полусуткамъ и т. п.; способъ пользованія землею въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ характера хозяйства: гдѣ недостатокъ воды, по сравненію съ поддающеюся орошенію площадью, заставляетъ вести переложное хозяйство съ правильнымъ чередованіемъ смѣнъ, тамъ, повидимому, поступающая подъ распашку смѣна разбирается участниками общины-артели на началахъ вольнаго захвата; гдѣ воды довольно и хозяйство поэтому ведется постоянное,—тамъ преобладаетъ прочное захватное, на первый взглядъ близкое къ подворному, пользованіе, фактически ограничиваемое однако количествомъ отпускаемой каждому домохозяину воды; въ предѣлахъ этого количества каждый можетъ и расширять свою запашку, удлиняя свою оросительную канаву и захватывая этимъ путемъ свободную степь; гдѣ орошенію поддается, по условіямъ рельефа, строго ограниченное пространство и потому такое расширеніе запашекъ за счетъ свободной степи не можетъ имѣть мѣста,—тамъ бываютъ случаи отрѣзки излишней земли отъ захватившихъ болѣе другихъ съ цѣлью отвода ея мало-

мельнымъ или прибылымъ дворамъ—отау; но, повидимому, такіе случаи встрѣчаются рѣдко, господствующею же формою остается, пока, прочный захватъ, ограничиваемый только количествомъ воды, отпускаемой каждому общественнику, члену ирригаціонной артели.

Вотъ болѣе или менѣе все существенное, что даютъ намъ произведенныя, главнымъ образомъ, за послѣднее десятилѣтіе мѣстныя изслѣдованія для характеристики и формъ землевладѣнія и землепользованія у кочевого и постепенно осѣдающаго, полукочевого населенія. Нельзя скрывать отъ себя, что многіе изъ отдѣльныхъ моментовъ происходящей въ этой области эволюціи обрисованы въ нашихъ источникахъ далеко не со всею желательною отчетливостью, что сущность отдѣльныхъ формъ и послѣдовательность хода эволюціи, поэтому, нерѣдко остается въ большей или меньшей мѣрѣ неясною. Но если свести въ одну общую картину весь тотъ очень обширный фактическій матеріалъ, съ сущностью котораго мы, конечно, могли познакомить читателя только въ самыхъ общихъ чертахъ,—если въ особенности удѣлить надлежащее мѣсто въ этой общей картинѣ иркутскимъ и забайкальскимъ бурятамъ, то общій смыслъ этой картины—это, несомнѣнно, постепенная эволюція отъ существующихъ при безпредѣльномъ просторѣ неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ формъ владѣнія и свободныхъ формъ пользованія угодьями къ развивающемуся, по мѣрѣ прогрессирующаго «утѣсненія», общинно-уравнительному пользованію.

Важное значеніе тѣхъ фактовъ, которые очерчены мною на предшествующихъ страницахъ—въ частности, ихъ значеніе для всякаго, кто интересуется вопросомъ о генезисѣ земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ землепользованія, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Прежде всего—замѣчу мимоходомъ—при изученіи формъ владѣнія и пользованія землею у кочевого и постепенно осѣдающаго полукочевого населенія съ особенною отчетливостью бросается въ глаза та тѣсная зависимость этихъ формъ отъ чисто хозяйственныхъ условій, которая съ далеко меньшею ясностью можетъ быть наблюдаема и у крестьянскаго населенія, и которая, можетъ быть, стала бы еще гораздо болѣе наглядною и очевидною для читателя, если бы я имѣлъ возможность войти здѣсь въ бо̀льшія детали и слѣдовательно—ближе прослѣдить параллельную эволюцію хозяйства отъ чисто-кочевого къ осѣдлому, земледѣльческо-скотоводческому типу, и земельныхъ отношеній—отъ отсутствія землевладѣнія и полной свободы землепользованія къ ясно выраженнымъ формамъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія. Замѣчу только кратко: изучая шагъ за шагомъ эту эволюцію, я на каждомъ шагу убѣждался въ правильности, для занимающей насъ сферы человѣческихъ отношеній, того принципа, въ силу котораго правовыя, въ частности—обычно-правовыя отношенія являются лишь надстройкою, воздвигающеюся на фундаментѣ чисто производственныхъ отношеній.

Сказаннымъ, однако, въ значительной мѣрѣ предрѣшается вопросъ о

роли, въ эволюціи земельныхъ отношеній у кочевого и осѣдающаго населенія, разнаго рода внѣшнихъ вліяній и въ частности—о роли правительственнаго воздѣйствія, податной системы и т. п. Если эволюція формъ землевладѣнія и землепользованія происходитъ въ тѣснѣйшей связи съ эволюціею формъ хозяйства,—если каждый шагъ, въ медленномъ ходѣ развитія формъ землевладѣнія и землепользованія, является необходимымъ слѣдствіемъ чисто-хозяйственныхъ отношеній, то этимъ самымъ устраняется необходимость искать объясненія этой эволюціи въ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяніяхъ, какъ-то: въ давленіи закона, въ административныхъ воздѣйствіяхъ, во вліяніи податной системы и т. п. И справедливость этого апріорнаго заключенія вполнѣ подтверждается положительнымъ матеріаломъ, касающимся эволюціи кочевого и полукочевого землевладѣнія и землепользованія. Въ самомъ дѣлѣ—законъ? Но поскольку рѣчь идетъ о формахъ *землепользованія*, законъ ограничивается немногими, крайне расплывчатыми постановленіями, которыя—если бы даже и предполагать ихъ достаточно извѣстными населенію—не могли ни въ ту, ни въ другую сторону повліять на дѣйствительную, жизненную эволюцію; такъ, сибирскіе кочевые инородцы, въ томъ числѣ буряты, по закону (пол. инор., ст. 34) «для каждаго поколѣнія имѣютъ назначенныя во владѣніе земли; подробное раздѣленіе участковъ сихъ земель зависитъ отъ самихъ кочующихъ по жеребью или другимъ ихъ обыкновеніямъ». У киргизъ собственно формы землепользованія регулируются двумя статьями—ст. 122 и 127 степн. пол.; согласно одной изъ нихъ, «лѣтнія кочевья остаются въ пользованіи кочевниковъ по обычаямъ»,—согласно другой, «земли обрабатываемыя, а равно занятыя постройками и насажденіями, переходятъ по наслѣдству, доколѣ земля воздѣлывается или существуютъ постройки и насажденія». Едва ли нужно доказывать, что *такого* рода законодательныя постановленія не могли въ какомъ бы то ни было направленіи предрѣшить эволюцію кочевого землепользованія. Попытка такого предрѣшенія сдѣлана законодателемъ по отношенію къ *землевладѣнію* одной изъ группъ нашего кочевого населенія—киргизамъ: законъ пріурочилъ владѣніе зимовыми стойбищами и обрабатываемыми землями къ созданнымъ русскимъ правительствомъ административнымъ дѣленіямъ—волостямъ и аульнымъ обществамъ, или административнымъ auламъ,—и сдѣлалъ это съ опредѣленною политическою цѣлью—уничтожить исконную родовую связь кочевого населенія. Но достигнувъ, до нѣкоторой степени, успѣха въ этомъ чисто отрицательномъ смыслѣ, законъ не сдѣлалъ изъ киргизской волости и административнаго аула дѣйствительныхъ земельныхъ единицъ: владѣніе разнаго рода угодьями, въ дѣйствительности, продолжаетъ пріурочиваться къ разнообразнѣйшимъ бытовымъ единицамъ и группамъ, начиная отъ отдѣльнаго домохозяйства и кончая болѣе или менѣе обширными и сложными соединеніями селидебныхъ группъ; лишь въ видѣ исключенія административныя, въ частности аульныя границы совпадаютъ съ границами землевладѣнія,—такое совпаденіе имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ эти границы, въ изъятіе

изъ общаго правила, были проведены въ соотвѣтствіи со старинными родовыми подраздѣленіями.

Что касается затѣмъ административнаго давленія, то въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ уже окончательно просто: во всемъ богатомъ фактическомъ матеріалѣ, касающемся генезиса и эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія у кочевниковъ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы администрація гдѣ-либо и когда-либо вмѣшивалась во внутреннія земельныя отношенія инородческаго населенія, и тѣмъ болѣе, чтобы она гдѣ-либо и когда-либо задавалась цѣлью повести ихъ эволюцію этихъ отношеній въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи. Единственное исключеніе составляетъ распредѣленіе общихъ лѣтовокъ у киргизъ — дѣло, гдѣ дѣйствующій законъ предоставилъ активную роль органамъ мѣстной администраціи,—но это вопросъ совершенно особый и стоящій внѣ всякой связи съ общею эволюціею кочевого землевладѣнія и землепользованія: сущность дѣла сводится здѣсь не къ установленію формъ землевладѣнія и землепользованія, а къ «разграниченію сферъ» пользованія осѣдающаго населенія и приходящихъ со стороны кочевниковъ. Во всемъ остальномъ, повторяю, данныя мѣстныхъ изслѣдованій не даютъ никакого основанія предполагать какое бы то ни было административное воздѣйствіе на эволюцію формъ кочевого землевладѣнія и землепользованія.

Нельзя установить какой-либо связи между этой эволюціей и установленными дѣйствующимъ закономъ порядками податного обложенія кочевниковъ. Киргизы, напримѣръ, платятъ кибиточную подать, исчисляемую въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ съ каждой «кибитки» по послѣднему учету и распредѣляемую «по благосостоянію каждаго кибитковладѣльца» волостными и аульными съѣздами. Прежде всего: можно ли предполагать причинную зависимость между организаціею податного обложенія и формами землепользованія, если полное однообразіе первой уживается съ крайнимъ разнообразіемъ вторыхъ; если распредѣляемая по благосостоянію кибиточная подать свободно мирится и съ безграничною свободою пользованія чистыхъ кочевниковъ, и съ разнообразными формами, носящими болѣе или менѣе рѣзко выраженный уравнительный характеръ, и съ болѣе или менѣе типичнымъ подворнымъ, если не владѣніемъ, то во всякомъ случаѣ пользованіемъ. Далѣе: вѣдь податное обложеніе и разверстка платежей пріурочены, и на этотъ разъ не только номинально, но и *фактически,* къ административнымъ дѣленіямъ, волостямъ и аульнымъ обществамъ; между тѣмъ земельными угодьями владѣютъ и распоряжаются и отдѣльныя домохозяйства, и селидебныя группы, и безконечно разнообразныя соединенія этихъ группъ,—но только *не* тѣ административныя соединенія, которыя являются объектами и субъектами податного обложенія; очевидно отсюда, что земельная связь, поскольку таковая существуетъ, создана чѣмъ угодно, но только не податною связью. Нѣкоторой зависимости между податными и земельными порядками можно искать только въ одномъ отношеніи: можно предполагать, что принципъ раскладки платежей «по благосостоя-

нію», провозглашенный закономъ, не остался безъ вліянія на принятые у кочевниковъ порядки разверстки земли, при которыхъ «благосостояніе» играетъ не малую роль, и состоятельные, многоскотные домохозяева обыкновенно пользуются значительными преимуществами передъ бѣднотою. Но и въ данномъ случаѣ въ первомъ изъ отмѣченныхъ обстоятельствъ едва ли можно видѣть *причину* второго,—вѣрнѣе и въ томъ, и въ другомъ видѣть слѣдствія *одной общей причины:* той рѣзкой соціальной диференціаціи, которая является неразрывнымъ спутникомъ исконнаго родового строя кочевниковъ; эта диференціація, несмотря на постепенное, констатируемое всѣми изслѣдователями, ослабленіе основъ родового быта, до сихъ поръ продолжаетъ отражаться на способахъ распредѣленія угодій, и этою же диференціаціей воспользовалось русское правительство для организаціи податной части у кочевниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію одно: что принципъ раскладки по благосостоянію оказался очень выгоднымъ верхнему слою кочевого населенія, создавъ новую опору для его исконнаго преобладанія.

Наконецъ, является вопросъ о значеніи подражанія, заимствованія у крестьянъ. Но и на этотъ вопросъ можно дать, не обинуясь, отрицательный отвѣтъ. У киргизъ эволюція землепользованія въ опредѣленномъ направленіи идетъ уже издавна; она начиналась и шла впередъ, когда киргизы совершенно не соприкасались съ русскими,—да и теперь такое соприкосновеніе имѣетъ мѣсто далеко не вездѣ, а только по сѣверной и западной границамъ необъятнаго пространства киргизскихъ степей и въ тѣхъ сравнительно немногихъ районахъ, гдѣ расположились болѣе или менѣе значительныя группы русскихъ переселенческихъ поселковъ; а между тѣмъ изслѣдованіе не даетъ рѣшительно никакихъ основаній предполагать бо̀льшую, въ такихъ мѣстностяхъ, распространенность уравнительныхъ формъ пользованія по сравненію съ мѣстностями, гдѣ киргизы совершенно не соприкасались съ русскимъ элементомъ; независимо отъ этого, если эволюція идетъ, въ общихъ чертахъ, въ томъ самомъ направленіи, какъ и у крестьянъ—отъ неограниченной общности владѣнія и отъ безгранично-свободнаго пользованія къ уравнительному, то самыя формы, въ которыя облекаются эти основные принципы, настолько своеобразны и стоятъ въ такой тѣсной связи съ мѣстными естественными и хозяйственными условіями, что о какомъ-либо заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

Не такъ просто разрѣшается данный вопросъ по отношенію къ бурятамъ: они, съ одной стороны, издавна находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ крестьянскимъ населеніемъ, а съ другой—формы землепользованія у бурятъ и послѣдовательность ихъ эволюціи представляютъ очень много сходнаго съ соотвѣтственными явленіями у крестьянъ, притомъ не только въ общихъ принципахъ, но и въ тѣхъ формахъ, въ которыя выливаются эти принципы. Поэтому, возможность заимствованія бурятами тѣхъ или другихъ формъ, возможность нѣкотораго вліянія примѣра русскихъ на эволюцію землепользованія у бурятъ не можетъ считаться исключенною,

и компетентный изслѣдователь формъ землепользованія въ Забайкальѣ, М. А. Кроль, опредѣленно указываетъ на существованіе зависимости этого рода. Однако, придавать этому обстоятельству сколько-нибудь рѣшающее значеніе было бы и въ данномъ случаѣ неправильно. У бурятъ наблюдаются, съ одной стороны, такія формы и такіе типы эволюціи, какіе совершенно не существуютъ у крестьянъ—достаточно напомнить объ охарактеризованной выше поскотинной общинѣ, объ ирригаціонныхъ артеляхъ, о переходѣ отъ вольнаго пользованія сѣнокосами къ уравнительному черезъ промежуточную форму прочнаго захвата; съ другой стороны, распространенность уравнительныхъ формъ у забайкальскихъ бурятъ, въ общемъ, несомнѣнно, значително меньшая, чѣмъ у крестьянъ, стоитъ въ строгой зависимости отъ степени земельнаго простора вообще и въ частности—отъ степени избытка или недостатка (конечно, относительнаго) въ угодьяхъ; и что большая или меньшая распространенность уравнительнаго землепользованія зависитъ не отъ условій этнографическаго характера, а именно отъ степени испытываемаго «утѣсненія»,—это доказывается хотя бы уже тѣмъ, что у крайне многоземельныхъ казаковъ русскаго происхожденія уравнительное пользованіе не только не болѣе, но даже менѣе распространено, чѣмъ у поставленныхъ въ приблизительно одинаковыя съ ними условія земельнаго простора казаковъ-бурятъ; въ западномъ Забайкальѣ, напримѣръ, у казаковъ-бурятъ передѣляется до 46% пашенъ и до 93% покосовъ, тогда какъ у казаковъ русскаго происхожденія—25% первыхъ и 86% вторыхъ. Наконецъ, эволюція землепользованія у бурятъ—совершенно такъ же, какъ и у крестьянъ—идетъ съ такою постепенностью, неограниченный захватъ такъ незамѣтно переходитъ въ тѣ или другія ограниченно-захватныя формы, а отъ этихъ послѣднихъ такъ постепенно и незамѣтно происходитъ переходъ сначала къ зачаточнымъ, потомъ къ болѣе совершеннымъ формамъ уравнительнаго пользованія, что для заимствованія, вообще для какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, въ качествѣ рѣшающаго (возможность случайныхъ воздѣйствій, повторяю, не исключена) фактора эволюціи землепользованія у бурятъ рѣшительно не остается мѣста.

И конечный выводъ изъ всего изложеннаго: общинно-уравнительныя формы, поскольку онѣ существуютъ у кочевого и полукочевого населенія Азіатской Россіи, являются продуктомъ естественной эволюціи, обусловленной не какими-либо внѣшними воздѣйствіями, а причинами, коренящимися во всей совокупности условій быта и хозяйства и идущей строго параллельно эволюціи хозяйственныхъ формъ, параллельно переходу отъ чисто-кочевого къ полукочевому и отъ этого послѣдняго—къ осѣдло-земледѣльческому быту.

Но такой выводъ имѣетъ не малое значеніе и для выясненія вопроса о генезисѣ русской, крестьянской земельной общины. Съ одной стороны, при *такихъ* условіяхъ нельзя, конечно, видѣть въ русской общинѣ, какъ видѣли славянофилы, продуктъ какихъ-то специфическихъ особенностей

русскаго народнаго духа. Но, съ другой—наличность свободно-развивающихся общинно-уравнительныхъ формъ у киргизъ, бурятъ, алтайцевъ, у туземнаго населенія Закавказья и т. п. не можетъ не усиливать тѣхъ сомнѣній, которыя возбуждаетъ «государственная» теорія происхожденія русской общины: если община у некрестьянскаго населенія является продуктомъ естественной эволюціи, то какія основанія предполагать, что крестьянамъ она была навязана болѣе или менѣе насильственно, во всякомъ случаѣ извнѣ? если естественная эволюція общинно-уравнительныхъ формъ представляетъ собою общее явленіе, то почему *крестьянская* земельная община явилась бы единственнымъ въ своемъ родѣ исключеніемъ?...

Однако, для насъ остался пока совершенно неразрѣшеннымъ вопросъ: *что же такое община* у кочевого и постепенно осѣдающаго, полукочевого населенія? Я намѣренно обходилъ до сихъ поръ этотъ коренной вопросъ, я старался избѣгать, по возможности, даже самого слова «община», и говорилъ только о тѣхъ или другихъ формахъ общинно-уравнительнаго пользованія. Что же такое, однако, сама община у кочевого и полукочевого населенія?

У типичныхъ кочевниковъ этого понятія совершенно не существуетъ: у нихъ есть кочевыя группы, состоящія либо изъ очень близкихъ родственниковъ, либо изъ богача-патрона съ бѣдняками-клиентами, и связанныя не какою-либо общностью землевладѣнія (о такой общности, очевидно, не могло быть рѣчи, разъ не существовало вообще земле*владѣнія!*), а только родственными и хозяйственными отношеніями; и есть разнообразные по объему и по степени взаимной близости родовые союзы восходящаго порядка, играющіе, какъ выше было отмѣчено, серьезную роль, между прочимъ, при кочевыхъ группировкахъ и при выборѣ направленія кочевокъ, но также не имѣющіе характера земельныхъ единицъ.

Земельными единицами или земельными союзами родовыя группы не являются также и у осѣдающаго или полуосѣдлаго населенія. Родовая связь и теперь сохраняетъ огромное значеніе: если не безусловно всегда, то въ видѣ правила, знающаго, повидимому, лишь немного исключеній, всѣ группировки какъ территоріальныя, начиная отъ мелкой селидебной группы, такъ и артельныя, слагаются *внутри* болѣе или менѣе крупныхъ родовыхъ группъ,—это все соединенія родственниковъ или родовичей; но всѣ такія соединенія—это *не родовыя группы, какъ таковыя,* и не родъ, не родовая связь является ихъ объединяющимъ началомъ. Не родовая связь, въ частности, является началомъ, формирующимъ и связывающимъ общину у осѣдающаго, полукочевого населенія; напротивъ, мѣстное изслѣдованіе многократно констатируетъ, что развивающіяся общинныя формы и отношенія становятся на смѣну отмирающихъ родовыхъ.

Но что же, въ такомъ случаѣ, представляетъ собою община у полукочевого, находящагося на пути къ осѣдлости населенія?... Мѣстные изслѣдователи напрягли не мало силъ и стараній, чтобы установить, фиксировать это понятіе, но это не удалось имъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ,

не могло удаться. Изслѣдователямъ Забайкалья пришлось взять за исходный пунктъ подраздѣленіе на булуки, введенное бурятскими властями для совмѣстнаго отбыванія натуральныхъ повинностей, и нѣкоторые изъ нихъ готовы были видѣть въ булукахъ «подраздѣленіе на территоріальныя общины» *); однако, какъ выяснилось при ближайшемъ изученіи собраннаго матеріала, бурятскій булукъ лишь болѣе или менѣе случайно совпадаетъ съ земельною общиною: не говоря уже о совершенно безформенномъ, если можно такъ выразиться, пользованіи покосами, гдѣ эти послѣдніе не огораживаются, «даже въ булукахъ, въ которыхъ покосы находятся въ общей городьбѣ, земельной общины въ общепринятомъ смыслѣ не существуетъ»; булукъ, въ концѣ-концовъ, оказывается не болѣе, какъ простымъ географическимъ терминомъ, земельная же и въ частности покосная община у бурятъ «является нерѣдко понятіемъ неопредѣленнымъ и въ значительной степени формальнымъ» **). Ф. А. Щербина и его сотрудники по изслѣдованію киргизъ установили понятіе общинно-аульной или общинно-земельной группы, какъ союза, объединяемаго общностью владѣнія и пользованія призимовычными угодьями и, въ видѣ правила, состоящаго изъ нѣсколькихъ селидебныхъ группъ—хозяйственныхъ ауловъ. Но ближайшее ознакомленіе съ матеріаломъ приводитъ къ заключенію, что общинно-земельная группа, какъ она установлена экспедиціею Ф. А. Щербины, не имѣетъ ни одного изъ двухъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ общину, какъ единицу землевладѣнія и землепользованія: ни обособленности во внѣ, ни единства внутри: владѣнія одной группы сплошь и рядомъ не отграничены не только искусственными, но даже условными границами отъ владѣній другихъ, сосѣднихъ, а внутри такого рода группъ, скорѣе въ видѣ общаго правила, чѣмъ въ видѣ исключенія, встрѣчается раздѣльность пользованія всѣми или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми угодьями. «Киргизская земельно-родовая группа,—говоритъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ф. А. Щербины, Л. К. Чермакъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ сборниковъ «Матеріаловъ»,—имѣетъ много общаго съ сибирскою сложною общиной: какъ эта послѣдняя, будучи связана общностью владѣнія извѣстною территоріей, представляетъ въ своихъ внутреннихъ поземельныхъ отношеніяхъ самыя разнообразныя комбинаціи, такъ точно и киргизское землепользованіе можно разсматривать, какъ рядъ сложныхъ общинъ, объединенныхъ общностью пользованія лѣтовочными угодьями» ***).

Всѣ попытки установить, фиксировать понятіе киргизской или бурятской общины, вообще общины у осѣдающихъ кочевниковъ, оказываются, такимъ образомъ, неудачными, и это совершенно понятно, потому что общины, какъ замкнутаго во внѣ и объединеннаго внутри земельнаго со-

---

*) „Матеріалы" по Забайк. обл., т. VI, стр. 112.

**) Томъ X, стр. 8—11.

***) Каракарал. у., стр. 44.

юза, у бурятъ и у киргизъ, въ дѣйствительности, еще вовсе не существуетъ. Киргизская или бурятская община—это явленіе еще слагающееся, параллельно съ переходомъ отъ не знавшаго общины чисто-кочевого быта къ осѣдлому, связанному съ развитіемъ сѣнокошенія и хлѣбопашества; сѣнокосныя и пахотныя общины, какъ и сами пашни и сѣнокосы, сравнительно недавняго происхожденія: естественно, что община у кочевниковъ, въ частности, напримѣръ, бурятская сѣнокосная община, «является нерѣдко понятіемъ весьма неопредѣленнымъ и въ значительной степени формальнымъ». И факторомъ, создающимъ бурятскую покосную общину, является не родовая и не сосѣдская связь; такимъ факторомъ, по свидѣтельству того же М. А. Кроля, «является огораживаніе угодій: моментъ возникновенія городьбы—это моментъ появленія на свѣтъ бурятской земельной общины» *).

Такимъ образомъ, зародышъ бурятской общины—это свободно составляющаяся поскотинная артель, та самая, о которой мнѣ пришлось уже говорить немного раньше въ нѣсколько другой связи; форма, въ началѣ тоже болѣе или менѣе аморфная, не создающая опредѣленнаго разграниченія между связанными общею городьбою группами населенія: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и посейчасъ «каждому предоставляется право вступить въ одну изъ имѣющихся сѣнокосныхъ общинъ, безразлично, на земляхъ своего или чужого булука эта община имѣетъ покосы»; а это, какъ и существующій еще, мѣстами, обычай «удѣлять покосы и членамъ чужой сосѣдней общины, если на покосахъ послѣдней трава не уродилась или уродилась плохо», показываетъ, что «поскотинная община образовалась не затѣмъ, чтобы отмежеваться отъ другихъ и захватить въ свое исключительное пользованіе извѣстныя сѣнокосныя мѣста, а совершенно для другихъ цѣлей»; что поскотинная община—скорѣе артель, чѣмъ община, скорѣе свободный союзъ; заключаемый съ чисто-хозяйственными цѣлями, чѣмъ единица общаго владѣнія и пользованія землей **). И лишь мало-помалу, съ большою постепенностью, эта свободная поскотинная община или артель переходитъ въ законченную форму замкнутой территоріальной общины, въ извѣстныхъ случаяхъ совпадающей съ булукомъ и имѣющей своимъ органомъ булучный сугланъ. Переходный процессъ прослѣженъ изслѣдованіемъ не съ тою ясностью, какая была бы желательна; но уже самый фактъ постепеннаго развитія типичной территоріальной общины изъ свободно-составляющагося, чисто хозяйственнаго союза имѣетъ немаловажное общее значеніе и бросаетъ новый свѣтъ на общій вопросъ о происхожденіи земельной общины.

Это—одинъ частный случай; другой, аналогичный по существу, представляютъ собою охарактеризованныя выше ирригаціонныя артели у тѣхъ же бурятъ и въ особенности у средне-азіатскихъ киргизъ: и здѣсь пер о-

*) „Матер." по Забайк. обл., т. X, стр. 11.

**) Тамъ же, стр. 14.

начально образуется свободный союзъ, задающійся опредѣленною, чисто хозяйственною цѣлью—устроить извѣстное оросительное сооруженіе; и уже этотъ союзъ становится замкнутою единицею землевладѣнія и водовладѣнія, внутри которой, такъ или иначе, осуществляются общинно-уравнительныя функціи. И то, и другое—частные случаи и проявленія того общаго правила, что *не община вырабатываетъ изъ себя и внутри себя общинно-уравнительные порядки землепользованія*, а наоборотъ; совмѣстное жительство и въ особенности совмѣстное пользованіе угодьями, вообще соприкосновеніе на почвѣ пользованія тѣми или иными угодьями, заставляетъ людей вырабатывать тѣ или другіе *земельные распорядки*, которые и *являются началомъ*, *создающимъ общину изъ разрозненныхъ единицъ или мелкихъ селидебныхъ группъ*.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ довольно парадоксальному, на первый взглядъ, выводу: значитъ, возможно существованіе общинно-уравнительныхъ порядковъ землепользованія, при отсутствіи чего-либо такого, что̀ можно было бы назвать общиной? значитъ, не община творитъ, вырабатываетъ уравнительныя формы пользованія землею?... Данныя объ инородческомъ землевладѣніи и землепользованіи заставляютъ признать правильнымъ именно этотъ парадоксальный выводъ, который—мы увидимъ ниже—всецѣло согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ эволюціи землепользованія у крестьянъ: *не община создаетъ уравнительные порядки землепользованія,* не община творитъ общинное обычное право, а наоборотъ, *на общинно-уравнительныхъ порядкахъ слагается и спаивается земельная община.* Совмѣстная жизнь и совмѣстное использованіе угодій создаютъ извѣстныя общія хозяйственныя потребности, создаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребность въ примиреніи сталкивающихся между собой и конкурирующихъ интересовъ, въ урегулированіи пользованія тѣмъ или другимъ угодьемъ или всѣми угодьями вообще; эта потребность связываетъ, объединяетъ ту или иную, иногда болѣе узкую, иногда болѣе широкую группу, и эта группа беретъ на себя выполненіе извѣстныхъ хозяйственныхъ и землеуравнительныхъ функцій. Какъ различны эти функціи по объему и содержанію, такъ различны могутъ быть и слагающіяся для ихъ выполненія группы: для разныхъ цѣлей возникаютъ самыя разнообразныя группировки—разнообразныя не только по задачамъ, но также по размѣрамъ и составу,—группировки не только концентрическія, но и эксцентрическія, взаимно пересѣкающіяся и скрещивающіяся, такъ что каждый индивидъ или каждая мелкая селидебная группа можетъ принадлежать, по разнымъ основаніямъ, къ весьма разнообразнымъ по размѣрамъ и составу группировкамъ. *Не органъ, община, создаетъ функцію*—общинно-уравнительные порядки; наоборотъ, *функція создаетъ для себя соотвѣтственный органъ.* И какъ самыя функціи у полукочевого населенія не отличаются еще полною выработанностью и опредѣленностью, такъ не вполнѣ выработанъ и дифференцированъ осуществляющій эти функціи органъ: мы имѣемъ у нихъ дѣло *не съ готовою,* законченною въ своемъ

формированіи *общиною*, а *съ разнообразными*, крайне пестрыми по объему, составу и задачамъ зародышевыми *общинными группировками*.

Между тѣмъ этотъ выводъ, который намъ предстоитъ еще провѣрить на данныхъ, касающихся генезиса земельной общины у крестьянъ, имѣетъ весьма существенное общее значеніе: если онъ окажется правильнымъ,— значитъ община не есть нѣчто изначала данное, она не есть и продуктъ непосредственной эволюціи или разложенія какихъ-либо первоначальныхъ бытовыхъ общественныхъ соединеній; напротивъ, она представляетъ собой продуктъ *сложенія*—результатъ новыхъ, появляющихся съ развитіемъ осѣдлаго быта и земледѣльческаго хозяйства, потребностей. Первоначальною основою общиннаго права является нѣкоторое, гораздо болѣе широкое, общее право пользованія землею; на почвѣ этого права между людьми возникаютъ извѣстныя отношенія и столкновенія; для регулированія первыхъ и для устраненія вторыхъ возникаютъ извѣстныя группировки, берущія на себя тѣ или другія конкретныя задачи, и изъ этихъ группировокъ, въ концѣ-концовъ, вырабатывается законченная земельная община.

А. Кауфманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Воспоминанія чайковца *).

VII.

Какъ я уже сказалъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1879 года пріѣхалъ на Кару забайкальскій военный губернаторъ Педашенко, главное начальство въ области, а стало быть и главное начальство надъ Карой. Въ то время отъ него многое зависѣло въ нашей судьбѣ. Но онъ, вообще отличавшійся мягкостью характера и относившійся кромѣ того съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ къ Кононовичу, не только не проявлялъ относительно политической каторги стремленія дать ей плети и скорпіоны, но ознаменовалъ эту свою поѣздку на Кару тѣмъ, что разрѣшилъ выпустить изъ тюрьмы въ вольную команду двухъ нашихъ болѣвшихъ товарищей—Семяновскаго, страдавшаго порокомъ сердца, и Чарушина, недавно вставшаго съ одра тяжкой болѣзни и для котораго сидѣнье въ тюрьмѣ не способствовало, конечно, возстановленію силъ.

Впрочемъ, по отъѣздѣ Педашенка полковникъ Кононовичъ выпустилъ въ вольную команду всѣхъ насъ, не только сидѣвшихъ на Нижне-Карійской гауптвахтѣ, но и сидѣвшихъ въ тюрьмахъ на Верхнемъ станѣ Степана Богданова и Тевтуна, и на Амурскомъ станѣ—Захара Богданова. Не выпустилъ онъ только Бибергаля, сидѣвшаго въ тюрьмѣ на Средней Карѣ и осужденнаго по дѣлу о демонстраціи на казанской площади въ Питерѣ 1 декабря 1876 г. въ каторгу на пятнадцать лѣтъ, да рабочаго Агапова, сидѣвшаго въ тюрьмѣ Амурскаго стана и осужденнаго по знаменитому «процессу пятидесяти». Правда, выпустилъ насъ полковникъ съ условіемъ, что въ случаѣ пріѣзда какого-либо начальства на Кару мы немедленно должны являться въ арестантскій лазаретъ и фигурировать передъ начальствомъ въ качествѣ болящихъ, а не выпущенныхъ въ «вольную команду». Это, вскорѣ послѣ выпуска насъ изъ тюрьмы, намъ и пришлось продѣлать при появленіи на Карѣ инспектора сибирскихъ тюремъ Згарскаго. Лишь только послѣдній появился на Усть-Карѣ, какъ оттуда было дано знать объ этомъ Кононовичу, который и отправился его встрѣчать, а

*) *Русская Мысль*, кн. IX, 1907 г.

смотритель Нижне-Карійской тюрьмы Баринъ немедленно оповѣстилъ насъ, чтобы мы явились въ лазаретъ. Здѣсь карійскій докторъ Кокосовъ, нарядивъ насъ въ больничные халаты, помѣстилъ въ особую большую палату, въ которой на другой день навѣстило насъ пріѣзжее начальство и милостиво освѣдомлялось у каждаго изъ насъ, чѣмъ кто боленъ. Пришлось выдумывать болѣзни экспромптомъ, такъ какъ мы не сообразили наканунѣ посовѣтоваться съ докторомъ, что отвѣчать насчетъ нашихъ хворей, да никакъ мы и не думали, чтобы пріѣзжее начальство стало интересоваться, чѣмъ мы больны. Хвори наши не носили опаснаго характера, а потому весьма естественно, что милостивый посѣтитель, вышедши изъ нашей палаты, всетаки спросилъ Кононовича: «Почему они не въ цѣпяхъ? Развѣ имъ полагается быть безъ цѣпей?»

Послѣ отъѣзда Згарскаго мы были вновь выпущены и ужъ больше намъ не пришлось разыгрывать этой комедіи.

Когда мы вышли въ вольную команду, на Карѣ уже не было ни Кузнецова, ни Кати Брешковской; ихъ обоихъ отправили на поселеніе—Кузнецова въ г. Нерчинскъ, а Брешковскую въ г. Баргузинъ, Забайкальской области.

Катю Брешковскую я видѣлъ въ послѣдній разъ, когда насъ, кажется на масляницу, выпускали подъ конвоемъ съ гауптвахты на свиданье къ своимъ семьямъ на ихъ квартиры. Брешковская въ это время жила съ моей женой въ той хибаркѣ, которая была перестроена изъ баньки во дворѣ дома Успенскихъ.

Жили онѣ тогда вмѣстѣ по самымъ ригористическимъ правиламъ. Онѣ сами варили себѣ обѣдъ въ печкѣ - голландкѣ, согрѣвавшей ихъ баньку, дня по два разогрѣвая одинъ и тотъ же супъ, въ которомъ варилась довольно большая «костяка». Катя Брешковская, какъ ссыльно-каторжная, получала казенный паекъ (пудъ съ чѣмъ-то ржаной муки на мѣсяцъ, нѣсколько золотниковъ мяса на день, какое-то количество крупы и соли); кромѣ того, она зарабатывала небольшую толику на урокахъ и шитьѣ. Жена моя учительствовала въ пріютѣ для дѣтей ссыльно-каторжныхъ и получала за это 10 руб. въ мѣсяцъ, да зарабатывала шитьемъ, имѣя, кромѣ того, немного денегъ, привезенныхъ съ собою изъ Россіи. Такимъ образомъ, жена моя и Брешковская, при ихъ демократическихъ потребностяхъ, жили безъ нужды, а жена еще поддерживала въ тюрьмѣ и меня.

Насколько мнѣ помнится, Брешковскую въ то время занимала мысль объ устройствѣ побѣга для Петра Гавриловича Успенскаго, самаго крупнаго нечаевца. Она полагала, что доставить такую крупную единицу на арену россійской революціи—произвело бы большой эффектъ какъ въ средѣ революціонеровъ, такъ и во вражескомъ станѣ. Не скажу съ увѣренностью, почему не состоялся этотъ планъ, но думаю, что это произошло потому, главнымъ образомъ, что Брешковской не пришлось подольше пробыть на Карѣ. Совершеніе побѣга возможно было лишь послѣ преодолѣнія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ препятствій, которыхъ было не мало, а на это требовалось время.

Въ числѣ внутреннихъ препятствій было, между прочимъ, и отрицательное отношеніе къ побѣгамъ съ Кары почти всѣхъ насъ, пока насъ было мало. И, кажется, только Брешковская да Успенскій были за побѣгъ. Въ то время Брешковская отстаивала и терроръ, разсматривая террористическіе акты, какъ средства, будящія массу, какъ «тараны» (ея выраженіе въ одной запискѣ ко мнѣ), бьющіе по равнодушнымъ сердцамъ толпы. Мнѣ казалось, что тогда въ ея рѣчахъ звучала весьма замѣтная струна презрѣнія и досады по адресу индиферентной толпы, что, впрочемъ, на дѣлѣ не мѣшало ей въ общественной жизни идти со словомъ убѣжденія къ темному народу, а въ частной—идти къ любой захворавшей карійской обывательницѣ и превращаться въ самую терпѣливую и внимательную сидѣлку или обшивать дѣтишекъ уголовныхъ, перешивая и перекраивая разное старье, находимое ею у себя и у знакомыхъ.

Тутъ кстати скажу нѣсколько словъ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Катя Брешковская, какъ мы ее называли, несмотря на барское воспитаніе и образованіе, полученное ею, какъ дочерью помѣщика и аристократа Вериго, несмотря на то, что въ то время она была еще не старая, хорошо сохранившаяся женщина, высокая, по мужски остриженная, съ привлекательными сѣрыми глазами, умная и обаятельная по характеру, она была совершенно равнодушна къ своей внѣшности. Вотъ ужъ подлинно, кто никогда собой не занимался! Это пренебреженіе къ своей внѣшности могло бы показаться, да вѣроятно не знавшимъ Брешковскую и казалось, чудачествомъ, нѣсколько шокирующимъ. Но стоило только хоть немного познакомиться съ нею, чтобы, видя ее, совсѣмъ перестать замѣчать во что она одѣта—въ мужскіе ли сапоги и мужской арестантскій халатъ, закутана ли ея голова въ мужской башлыхъ или въ женскую шаль. И это не только въ нашей средѣ; по отношенію къ Брешковской испытывали то же самое что ни на есть самые безпринципные обыватели и обывательницы.

Убѣжденный врагъ семейственности, какъ обстоятельства, по ея мнѣнію, тормозящаго революціонную борьбу, накладывающаго колодки на ноги борцовъ, въ видѣ обузы изъ дѣтей и привязанности къ нимъ, заставляющаго умъ и энергію борцовъ расходоваться на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые въ жизни несемейныхъ играютъ самую минимальную роль, какъ вопросы объ удобствахъ жизни, уюта и т. п.,—Брешковская сама, какъ только пришла къ такому убѣжденію, порвала разъ на всегда всякую связь со своей собственной семьей,—съ мужемъ и съ маленькимъ сыномъ, любовь къ которому вырвала съ горькою болью изъ сердца и воспоминаніе о которомъ въ тѣ дни составляло еще очень больную рану для нея. Русскому борцу не до семьи; быть семьяниномъ и быть борцомъ въ Россіи невозможно, какъ невозможно соединить мыло съ водой, такъ, мнѣ кажется, думала тогда Брешковская. И вотъ она ушла въ революцію, порвавши съ семьей, и никогда уже семьей не обзаводилась.

Попавши на поселеніе въ Баргузинъ, она, по складу своей натуры, не могла сидѣть спокойно въ этой мурьѣ и ждать у моря погоды, ждать тихо-смирно того времени, когда представится ей легальная возможность вернуться въ Россію и тамъ снова начать борьбу противъ гнета проклятаго произвола. Боевой человѣкъ, она заразила своей боевой энергіей и встрѣтившихся ей товарищей по судьбѣ, и вотъ они втроемъ, Брешковская, Шашаринъ и Гернетъ, изъ Баргузина бѣжали. Но убѣжать изъ Баргузинской тайги не такъ-то легко. Они заблудились, и ихъ поймали. Брешковская, какъ поселянка, была приговорена судомъ вновь на каторгу, и въ концѣ 81 или началѣ 82 года она была препровождена обратно на Кару, когда меня и другихъ по нашему процессу (кромѣ Квятковскаго) тамъ уже не было.

VIII.

Въ этой главѣ я обрисую нѣкоторыхъ выдающихся членовъ той небольшой общины изъ политическихъ каторжанъ, которая образовалась на Карѣ со времени выпуска насъ въ вольную команду. Кстати замѣчу, что на Карѣ насъ, политическихъ, казаки и обыватели называли въ отличіе отъ уголовныхъ арестантовъ и для сокращенія, вмѣсто «государственные преступники», какъ мы значились офиціально, просто «преступниками», а женъ нашихъ—«преступницами». Если приходилось кому-либо изъ насъ придти къ полковнику по дѣлу, то вѣстовой докладывалъ: «ваше вско-благородіе, преступникъ пришелъ» или «преступница пришла». Но надо сказать, что со словомъ «преступникъ» или «преступница» казаки и обыватели соединяли что-то болѣе или менѣе почетное, что заставляло ихъ относиться къ намъ совсѣмъ не такъ, какъ къ уголовнымъ арестантамъ.

На Нижней-Карѣ изъ «преступниковъ» и «преступницъ» жили и имѣли свой домъ, какъ я уже сказалъ, Петръ Гавриловичъ Успенскій съ женой Александрой Ивановной и съ маленькимъ сыномъ Витей, лѣтъ 9—10 *). Жили они на свои заработанныя средства.

Александра Ивановна акушерствовала и исполняла обязанности фельдшерицы при женскомъ отдѣленіи карійскаго лазарета, и зарабатывала этимъ небольшую толику. Привѣтливая, добрая, отзывчивая, очень привлекательная по наружности, любимая и всей обывательской публикой, къ которой она шла при первомъ зовѣ на помощь въ качествѣ акушерки и фельдшерицы, она была и въ нашей ссыльной карійской семьѣ однимъ изъ самыхъ любимыхъ членовъ. Чуждая житейской мелочности, всегда ровная и сдержанная, никогда не позволявшая себѣ дурно отозваться за глаза о комъ бы то ни было изъ товарищей, не любившая распрей, она многое горькое переживала про себя, не отравляя жизни окружающихъ людей ни гнѣвомъ,

---

*) Витя—Викторъ Петровичъ Успенскій—членъ второй Государственной Думы и помощникъ секретаря президіума Думы.

ни жалобой. Для больныхъ она была прямо кладъ: такой внимательной, спокойной и терпѣливой ухаживательницы за недугующимъ трудно было найти. И никогда болящимъ не было отказа съ ея стороны: и днемъ, и ночью, и въ осеннюю дождливую, и въ зимнюю холодную ночь. И не только на Карѣ, но и въ располагавшихся поблизости Кары казачьихъ поселкахъ.

Петръ Гавриловичъ Успенскій учительствовалъ. У него на дому было что-то вродѣ небольшой школки: человѣкъ пять-шесть мальчиковъ приходили къ нему ежедневно по утрамъ обучаться, и это занятіе доставляло ему не дурный заработокъ. Петръ Гавриловичъ былъ большой любитель огородничества. При домѣ его былъ порядочный огородъ, который онъ и обрабатывалъ вмѣстѣ съ жившимъ у него полякомъ Осипомъ Калиновскимъ, сосланнымъ въ долгосрочную каторгу польскимъ крестьяниномъ, за участіе въ возстаніи 1863 г. Калиновскій былъ тихій, честный, работящій человѣкъ, вполнѣ сознательно принявшій участіе въ возстаніи, чтобъ добыть свободу своей родинѣ отъ чужеземнаго ига.

Вмѣстѣ съ Петромъ Гавриловичемъ и Осипомъ всегда почти можно было видѣть въ огородѣ и Витю, у котораго была неразрывная дружба съ отцомъ. Розовый, живой, веселый, но не озорной, ребенокъ, пользовавшійся симпатіей всей нашей ссыльной общины, онъ былъ всегда неразлученъ съ отцомъ, и въ школѣ, и въ огородѣ, и за охотою на грибы и ягоды. Дѣйствительно, у Петра Гавриловича было особенное умѣнье обходиться съ ребятами. Серьезный и довольно замкнутый въ себѣ и даже угрюмый человѣкъ, онъ тѣмъ не менѣе не отпугивалъ отъ себя дѣтишекъ, а напротивъ, располагалъ къ себѣ и умѣлъ пользоваться этимъ расположеніемъ, какъ учитель и педагогъ. Сынъ же въ немъ, что называется, души не чаялъ.

Самый крупный изъ нечаевцевъ, Петръ Гавриловичъ и въ то время, когда я познакомился съ нимъ, представлялъ, на мой взглядъ, очень цѣнную боевую силу. Изъ всѣхъ насъ, бывшихъ въ эти годы на Карѣ въ вольной командѣ, онъ единственный не оставлялъ мысли объ организаціи побѣговъ политическихъ каторжанъ. Когда прибыли на Кару и были посажены на опустѣвшую послѣ насъ гауптвахту Наташа Армфельдъ, Маруся Ковалевская, Марія Кутитонская и Катя Сарандовичъ, и когда между ними возникла мысль объ устройствѣ ихъ побѣга (въ особенности мечтала объ этомъ Ковалевская), то горячаго и энергичнаго помощника онѣ нашли только въ Успенскомъ. Онъ тотчасъ же взялся за серьезную подготовку къ этому. Прежде всего онъ завелъ близкое знакомство кое съ кѣмъ изъ казаковъ и съ двумя изъ нихъ, жителями ближайшихъ къ Карѣ казачьихъ поселковъ, очень коротко сошелся и нашелъ въ нихъ не только сочувствіе затѣваемому, но въ одномъ изъ нихъ и дѣятельнѣйшаго помощника. Вмѣстѣ съ нимъ Петръ Гавриловичъ устроилъ въ горахъ, окружающихъ Кару и тянущихся во всѣ стороны горизонта на неизмѣримое пространство, особенное убѣжище въ укромномъ мѣстѣ, куда не заходила нога человѣка,—

убѣжище, въ которомъ могъ бы прожить бѣжавшій и переждать время самой горячей тревоги и горячихъ розысковъ. Насколько помнится мнѣ, въ это убѣжище была завезена и провизія уже не менѣе, какъ на мѣсяцъ, когда предполагалось, что Ковалевская убѣжитъ и переждетъ тамъ время тревоги; а въ это время долженъ былъ подойти изъ Забайкалья на Кару Дебагоріо-Мокріевичъ, смѣнившійся въ пути слѣдованія съ уголовнымъ, перебивавшійся, чтобы скрыться, въ Забайкальѣ и задумавшій выручить своего стараго товарища Марусю Ковалевскую. Впрочемъ, дѣлаю оговорку, что я тутъ, можетъ быть, что-нибудь за давностью лѣтъ и путаю, и легко можетъ быть, что отвозъ въ убѣжище провизіи не относился къ предполагавшемуся побѣгу Ковалевской.

По своимъ убѣжденіямъ это былъ истый нечаевецъ, хотя и признававшій извѣстную цѣну за культурной работой въ народѣ, но видѣвшій единственный способъ избавленія отъ русскаго деспотизма и единственный надежный путь къ свободѣ народа—это народный бунтъ. Не особенно большого роста, здоровый, нѣсколько даже тучный человѣкъ, съ большимъ открытымъ лбомъ, съ синими глазами, съ роскошной бородой, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ рѣдко появлявшейся и тѣмъ болѣе пріятной улыбкой, онъ сразу останавливалъ на себѣ вниманіе и производилъ всегда впечатлѣніе человѣка, котораго игнорировать нельзя. Онъ былъ не только образованный и начитанный, но и съ большимъ практическимъ умомъ человѣкъ и, какъ мнѣ казалось, онъ, вѣря въ лучшее будущее людей, не особенно вѣрилъ въ человѣка настоящаго времени и едва ли съ кѣмъ-либо могъ быть въ интимныхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Долженъ отмѣтить еще одну черту Петра Гавриловича: онъ былъ поэтъ, и иногда услаждалъ насъ стихотворными экспромптами, въ которыхъ въ шутливомъ тонѣ воспѣвалъ каждаго изъ насъ. У него были и серьезныя стихотворенія, и я помню хорошо, что они мнѣ нравились какъ по формѣ, всегда безукоризненной, такъ и по содержанію. Къ сожалѣнію, онъ самъ не придавалъ никакого значенія этой своей способности и едва ли сберегалъ свои произведенія.

Я выше упомянулъ о женщинахъ, занявшихъ наше мѣсто на гауптвахтѣ; скажу, кстати, о постигшей ихъ судьбѣ.

Наташа Армфельдъ, будучи выпущена въ вольную команду уже тогда, когда мы уѣхали съ Кары, вышла замужъ за товарища по своему процессу—Алексѣя Комова, впослѣдствіи въ конецъ спившагося человѣка и совершенно утерявшаго свой прежній необычайно симпатичный обликъ. Не долго она покрасовалась внѣ тюрьмы и года черезъ полтора умерла на Карѣ отъ горловой чахотки, оставивъ сиротами Комова и маленькаго сынишку, вскорѣ безъ нея, впрочемъ, тоже умершаго.

Маруся Ковалевская тоже погибла на Карѣ во время трагедіи съ Сигидой; она вмѣстѣ съ Калюжной и со Смирницкой отравилась послѣ смерти Сигиды.

Кутитонская, мстя читинскому губернатору Ильяшевичу за насилія надъ

карійцами послѣ побѣга съ Кары Мышкина и другихъ семи товарищей, будучи на поселеніи, стрѣляла въ него, но не убила, а лишь ранила его поверхностно въ жирный животъ. За это покушеніе она была приговорена къ смертной казни, но казнь, по ходатайству будто бы самого Ильяшевича, была замѣнена безсрочной каторгой; впрочемъ, па каторгу ее не вернули и она очень скоро скончалась въ одной изъ иркутскихъ тюремъ.

Сарандовичъ послѣ Кары была препровождена въ Якутскую область, и какова ея дальнѣйшая участь,—не знаю.

Евгеній Степановичъ Семяновскій по выходѣ изъ тюрьмы въ вольную команду поселился у Успенскихъ, которые опредѣлили для него лучшую изъ трехъ комнатъ ихъ дома. Онъ жилъ на средства, получаемыя отъ отца, котораго онъ глубоко любилъ, съ которымъ находился въ непрерывной перепискѣ и котораго считалъ самымъ дорогимъ своимъ другомъ. Зарабатывать себѣ средства учительствомъ или какимъ-либо физическимъ трудомъ Евгеній Степановичъ не могъ; онъ страдалъ порокомъ сердца и потому учительствованія, какъ занятія, сопряженнаго почти всегда съ волненіями, какъ и усиленныхъ физическихъ напряженій опъ избѣгалъ. Поэтому большая часть времени уходила у него на чтеніе книгъ, журналовъ и газетъ, да на изученіе англійскаго языка. Въ Россіи, будучи кандидатомъ юридическихъ наукъ с.-петербургскаго университета, онъ до ареста числился помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Герарда, который и защищалъ его на судѣ.

Массу перечитавшій и въ силу огромной памяти такую же массу усвоившій, прекрасно воспитанный, Евгеній Степановичъ былъ среди насъ самымъ выдающимся по уму и образованію человѣкомъ.

Онъ принадлежалъ къ типу тѣхъ людей, которые, помимо своей воли и усилій, неизбѣжно становятся центромъ той среды, въ которой они живутъ.

Евгеній Степановичъ былъ центромъ нашей общины въ вольной командѣ на Карѣ. Онъ былъ объединявшимъ насъ элементомъ и сталъ нашимъ совѣтникомъ, безъ мнѣнія котораго не совершалось ни общихъ, ни крупныхъ личныхъ дѣлъ въ нашей средѣ. Въ высшей степени простой, безъ малѣйшей тѣни мелкаго самолюбія и тщеславія, добрый и великодушный товарищъ, онъ съ первыхъ же шаговъ знакомства съ нимъ привязывалъ къ себѣ.

Его почти негритянски курчавые волосы какъ-то пріятно обрамляли его блѣдный, благородной формы лобъ; его всегда при бесѣдѣ слегка и добродушно наклоненная на-бокъ голова, его добрые, съ любовью глядѣвшіе на собесѣдника каріе глаза, его милая располагающая улыбка, его искренній хорошій смѣхъ, его споръ безъ малѣйшаго желанія торжества надъ противникомъ, но лишь съ искреннимъ стремленіемъ выяснить истину,—дѣлали Евгенія Степановича человѣкомъ, который неизбѣжно вызывалъ къ себѣ глубокую любовь и уваженіе въ каждомъ, съ кѣмъ ему приходилось жить, какъ съ товарищемъ.

Я рѣшительно не припомню ни одного случая, когда бы Евгеній Степановичъ повздорилъ съ кѣмъ-нибудь, чтобы онъ когда-нибудь осерчалъ по пустякамъ, чтобы онъ кого-нибудь обидѣлъ, съ кѣмъ-нибудь поступилъ несправедливо. Еслибъ съ нимъ случилось что-либо подобное, больше всего отъ этого страдалъ бы онъ самъ. Чуждый мелкаго самолюбія и какого бы то ни было тщеславія, ставившій выше всего человѣческое достоинство, онъ никогда не могъ гнѣваться по поводу не принципіальнаго характера, или подъ вліяніемъ аффекта или чувства попрать справедливость, погнуть истину, чѣмъ страдаетъ не мало очень хорошихъ людей и въ нашей средѣ. Джентльменски сдержанный, чистый по душѣ, всегда неподдѣльно искренній, онъ былъ очень чутокъ къ малѣйшей нетактичности и питалъ органическое отвращеніе ко всякой пошлости и лжи.

Благородно гордый и болѣзненно чуткій къ малѣйшему униженію его человѣческаго достоинства, Евгеній Степановичъ былъ бы настоящимъ мученикомъ и погибъ бы еще скорѣе, чѣмъ это случилось съ нимъ, если бы онъ встрѣтилъ на Карѣ истинно-каторжное положеніе, а не то, какое создалъ для насъ полковникъ Кононовичъ. Ужъ одно требованіе снимать шапку передъ каждымъ чиновникомъ и не смѣть ее надѣть, пока кокарда изволитъ разговаривать съ каторжникомъ,—примѣняйся оно къ намъ, свело бы въ могилу Семяновскаго на другой же день по прибытіи его на каторгу!

Я помню, какъ еще въ бытность нашу на гауптвахтѣ, его страшно разстроилъ довольно пустяковый случай. Въ одинъ изъ вечеровъ мы собрались въ общей комнатѣ, по обыкновенію, для общаго чаепитія и чтобы провести въ общей бесѣдѣ вечерніе часы. Сошлись сюда не только изъ своихъ двухъ комнатушекъ я, Шишко и Чарушинъ, но и изъ другихъ комнатъ—Семяновскій, Союзовъ, Квятковскій и Терентьевъ.

Обыкновенно, послѣ вечерней зари, которую играли у казачьихъ казармъ противъ нашей гауптвахты два музыканта на рожкахъ, мы проводили часокъ-другой въ общей комнатѣ въ бесѣдѣ, въ пѣніи или чтеніи вслухъ, а затѣмъ расходились по своимъ комнатамъ безъ всякаго со стороны нашей стражи напоминанія. И въ этотъ вечеръ послѣ проигранной зари мы сидѣли за столомъ, превесело бесѣдовали и Семяновскій такъ хорошо и добродушно смѣялся и острилъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, въ комнату влетѣлъ изъ кордегордіи начальникъ на этотъ разъ нашего караула старшій урядникъ Суворовъ и грубо начальнически крикнулъ: «Маршъ по своимъ мѣстамъ!»

Кто-то изъ насъ спросилъ: А что такъ? «Маршъ! я приказываю! будешь разговаривать, прикажу выгнать!» Выходка эта была неожиданна и дика, но почти всѣ присутствовавшіе здѣсь отнеслись къ ней, какъ къ факту не Богъ знаетъ какой важности. Семяновскаго же онъ страшно взволновалъ. Блѣдный, съ трясущимися губами, прерывающимся голосомъ онъ произнесъ: «Господи! что же это такое?» И въ этихъ словахъ звучало столько муки, столько глубокой обиды, что мнѣ никогда не забыть ни ихъ,

ни того выраженія, которое отразилось тогда на лицѣ и въ глазахъ Евгенія Степановича.

Хотя мы и заставили глупаго урядника понизить тонъ, тѣмъ не менѣе вечеръ былъ намъ, а въ особенности Семяновскому, отравленъ рѣзкимъ напоминаніемъ намъ нашего безправнаго каторжнаго положенія. Но о Евг. Степ. я еще не разъ упомяну впослѣдствіи.

Чарушины, а съ ними Шишко, помѣстились въ одномъ не занятомъ, принадлежавшемъ карійскому управленію, домѣ.

Въ силу своей почти слѣпоты, Шишко не могъ заниматься уроками, такъ какъ эти занятія требовали непремѣннаго и постояннаго участія зрѣнія при чтеніи съ учениками и при поправкахъ ученическихъ диктовокъ и задачъ. Для жизни ему изъ Россіи высылала небольшія средства мать. Жизнь его была бы мучительна и безсодержательна, если бы его положеніе хоть нѣсколько не смягчалось занятіями со мною по языкамъ и совмѣстнымъ чтеніемъ книгъ и журналовъ, а также и чтеніемъ по-французски съ Чарушиной (я даже помню, что они читали въ это время «Исторію великой французской революціи» Луи-Блана на французскомъ языкѣ).

Когда же Союзовъ, лѣтомъ, устроилъ во дворѣ дома Квятковскихъ навѣсъ, поставилъ тамъ верстакъ и сталъ заниматься столярствомъ, то Шишко присоединился къ нему и въ тѣни навѣса сталъ обучаться у него этому ремеслу. Это обученіе не было простымъ препровожденіемъ времени. Нѣтъ, Шишко серьезно и методически занимался у Союзова столярствомъ, то подъ навѣсомъ во дворѣ Квятковскаго, то подъ навѣсомъ во дворѣ дома, гдѣ жили Чарушины и куда потомъ переселился Союзовъ. По выходѣ на поселеніе въ Читу, гдѣ поселился и Союзовъ, основавшій тамъ артельную мастерскую, состоявшую въ первые годы существованія исключительно изъ государственныхъ ссыльныхъ. Шишко былъ лучшимъ мастеромъ въ ней послѣ Союзова и обезпечивалъ свое существованіе десятичасовымъ (minimum) рабочимъ днемъ столяра. Такимъ мастеромъ онъ могъ сдѣлаться лишь благодаря болѣзни глазъ, которая явилась для Шишко помѣхой въ дѣлѣ умственныхъ занятій. Эта помѣха, при его непреодолимой склонности къ работѣ ума, тяжко его удручала и, несомнѣнно, была одной изъ причинъ, препятствовавшихъ ему долгіе годы выработать изъ себя крупнаго литературнаго работника, какимъ онъ явился лишь послѣ того, какъ бѣжалъ изъ Сибири за границу, гдѣ благодаря лучшимъ условіямъ жизни и правильному медицинскому уходу онъ возстановилъ свое зрѣніе.

Правда, среди насъ на Карѣ Шишко и въ это время былъ, послѣ Семяновскаго, самый образованный, наиболѣе научно освѣдомленный человѣкъ. Онъ хорошо зналъ математику и естественныя науки, исторію и политическую экономію, свободно читалъ книги на французскомъ и англійскомъ языкѣ, былъ основательно знакомъ съ русской научной и художественной литературой. Но до высшей степени скромный, органически не-

способный высовываться, выскакивать впередъ, чтобы блеснуть передъ людьми своими знаніями и талантами, безгранично гуманный, любяще, бережно и уступчиво относящійся къ людямъ, онъ могъ проходить среди нихъ совсѣмъ незамѣтно, не блестя и не выдаваясь. Только тотъ, кто, какъ говорится, съѣдалъ съ Шишко нѣсколько пудовъ соли, постигалъ, что̀ за крупную нравственную и умственную силу являлъ онъ собою. По крайней мѣрѣ, что касается меня, то съ тѣхъ поръ, какъ я его узналъ, я всегда это чувствовалъ по отношенію къ нему. Даже и въ физическомъ отношеніи онъ на поверхностный взглядъ производилъ впечатлѣніе и не широкоплечаго, и не сильнаго, и вообще и въ этомъ отношеніи не выдающагося. Средняго роста, съ красиво устроенной головой, съ живыми бархатными карими глазами, съ свѣжимъ небольшимъ румянцемъ на щекахъ, съ хорошими усами и небольшой въ то время бородкой, съ мягкимъ, добрымъ, и я бы сказалъ, нѣжнымъ голосомъ, онъ какъ-то такъ странно держалъ свои плечи и всю свою фигуру, что казался и узкоплечимъ, и значительно меньше дѣйствительнаго своего роста. Но я былъ однажды, еще въ Питерѣ, неожиданно пораженъ, открывъ, что Шишко и широкоплечъ, и чрезвычайно силенъ, и что въ этомъ отношеніи наружность его обманчива. И впослѣдствіи неоднократно пришлось въ этомъ убѣдиться.

Непоколебимо убѣжденный человѣкъ, безукоризненно чистый въ нравственномъ отношеніи, съ выдающимся яснымъ умомъ, даровитый и талантливый, съ рѣдкой глубоко-человѣчной терпимостью, онъ самъ рѣшительно не сознавалъ своей цѣнности. Лица съ подобными характерами, несмотря на всѣ свои дарованія, зачастую проходятъ свой жизненный путь совершенно незамѣченными толпой: это люди безъ всякихъ фейерверочныхъ аксессуаровъ. Толпа относится ко всему тому добру и подвигамъ, что̀ эти лица совершаютъ, какъ къ чему-то вполнѣ естественному, неудивительному и должному. Лишь тогда, когда кто-нибудь или что-нибудь вдругъ фиксируетъ вниманіе толпы на такомъ лицѣ и освѣтитъ выдающіяся черты его ума и характера, начинаютъ постигать всю силу и красоту его, недоумѣвая, какъ это раньше всего этого не замѣчалось!

Въ кружкѣ чайковцевъ это былъ дѣльный и чрезвычайно дѣятельный пропагандистъ среди рабочихъ. Когда начался разгромъ чайковцевъ, Шишко съ однимъ изъ своихъ учениковъ, рабочимъ Шиловымъ,—покинулъ Петербургъ и пустился бродить по Уралу съ цѣлью ознакомленія съ народомъ и пропаганды. Надо надѣяться, что онъ опишетъ этотъ интересный эпизодъ изъ его революціонной жизни.

Въ силу своей прямо-таки недозволительной недооцѣнки себя, онъ, будучи еще въ Россіи, не рѣшался выступать на писательское поприще, хотя его единственное, кажется, произведеніе въ молодости,—революціонный листокъ, начинающійся словами: «Чтой-то братцы»,—пріобрѣло въ революціонной средѣ того времени огромную популярность, сильно читалось рабочими и служило у всѣхъ послѣдующихъ пропагандистовъ и агитаторовъ однимъ изъ постоянныхъ орудій пропаганды.

Кто знакомъ съ политическими процессами 70-хъ годовъ, тотъ хорошо знаетъ, какъ часто фигурируетъ «чтой-то братцы» въ той нелегальной литературѣ, которая отбиралась при обыскахъ жандармами и служила затѣмъ обвинительнымъ матеріаломъ для гг. прокуроровъ.

Несмотря на непреодолимую скромность и чрезвычайную мягкость и уступчивость въ обращеніи съ людьми, онъ иногда поражалъ меня тою смѣлостью, съ какою онъ отпарировалъ наглецамъ. Кажется, наглость въ людяхъ была тѣмъ качествомъ, котораго Шишко органически не выносилъ. Это счастливое обстоятельство не разъ спасало нашу ссыльную общину, когда уже мы жили на поселеніи въ Читѣ, отъ отравленія намъ жизни со стороны нагло втиравшихся къ намъ нѣкоторыхъ обывателей, отъ которыхъ всѣ мы просто не знали, какъ избавиться, куда дѣваться! Сплетники, празднолюбцы, нахальные лгуны затесывались иногда къ намъ въ знакомство и начинали посѣщать каждый свободный день или мастерскую, или кого-нибудь изъ жившихъ отдѣльно товарищей во время нашихъ общихъ собраній. Появленіе такой фигуры страшно стѣсняло насъ, но несмотря на всѣ аллюры, которые мы продѣлывали, чтобъ дать понять наглецамъ всю нежелательность ихъ присутствія, они, не обращая на нихъ никакого вниманія, продолжали засѣдать у насъ, сколько влѣзетъ, и вести себя самымъ непринужденнымъ образомъ. Мы, что называется, начинали волкомъ выть отъ такого посѣтителя. Тогда выручалъ Шишко. Этотъ скромный и тихій человѣкъ подходилъ къ наглецу и прямо, и спокойно заявлялъ ему: «Вотъ что! уходите, пожалуйста, отъ насъ! Вы насъ стѣсняете! Ваше присутствіе намъ непріятно. Ничего общаго у насъ съ вами нѣтъ и не зачѣмъ вамъ бывать у насъ. Оставьте насъ въ покоѣ!» Это говорилось такъ просто и такъ рѣшительно, безъ всякаго оскорбительнаго оттѣнка въ тонѣ, и выраженное такимъ образомъ предложеніе казалось столь резоннымъ и естественнымъ, что даже наглецы не находили возраженій и, забравши свою шапку, удалялись съ тѣмъ, чтобъ ужъ больше къ намъ не возвращаться.

Настойчивость была тоже одной изъ выдающихся чертъ въ характерѣ Шишко: то, что признано разумнымъ и что положено сдѣлать, то будетъ сдѣлано неукоснительно. Благодаря только этому качеству характера, Шишко не ослѣпъ и спасъ свое зрѣніе систематически неуклоннымъ выполненіемъ предписаннаго ему режима, а также благодаря этому же качеству онъ наверсталъ въ умственномъ отношеніи все упущенное имъ за долгіе годы состоянія слѣпого.

Николай Апполоновичъ Чарушинъ былъ одинъ изъ самыхъ раннихъ и самыхъ выдающихся членовъ кружка чайковцевъ. Стройный, высокій, съ благородными движеніями, съ крупнымъ, умнымъ, упорнымъ лбомъ, осѣненнымъ въ дни молодости эффектной мягко-огненнаго цвѣта шевелюрой,—съ твердымъ и рѣшительнымъ взглядомъ голубыхъ глазъ,—такова была его внѣшность въ то время.

Онъ принадлежалъ къ типу людей—«молчальниковъ», и, кромѣ того,

я не зналъ въ жизни человѣка, къ которому болѣе, чѣмъ къ нему, подходилъ бы эпитетъ «корректный» и «мужъ совѣта». Всегда сдержанный, чуждый экспансивности, строго серьезный человѣкъ, тѣмъ не менѣе, онъ внушалъ о себѣ представленіе, какъ о человѣкѣ сердечномъ и нѣжномъ, но лишь не любящемъ «миндальничать».

Строго логичный и неподдающійся порыву, въ особенности въ «дѣлѣ», онъ не одобрялъ экспансивности и «скоропалительности» и въ другихъ. Міръ не долженъ былъ знать обо всемъ, что происходило въ душѣ борца, и дѣло должно быть сдѣлано и не испорчено, цѣль поставленная должна быть достигнута,—безъ этого борьба невозможна. Выдержка, стойкость, держаніе себя въ рукахъ, поменьше разговора, побольше думы и дѣла,—вотъ Чарушинъ.

При такихъ свойствахъ ума и характера вполнѣ естественно, что Чарушинъ являлся одной изъ центральныхъ фигуръ кружка чайковцевъ: Чайковскій, Соня Перовская, Чарушинъ, Купріяновъ, а впослѣдствіи Кравчинскій, Клеменсъ, Крапоткинъ, а затѣмъ уже всѣ остальные. И Чарушинъ, безъ всякаго усилія съ его стороны, былъ въ небольшой революціонной арміи піонеровъ русскаго освободительнаго движенія не простой «сѣрый рядовой».

IX.

Въ вольной командѣ жизнь наша потекла довольно свободно, и послѣ россійскаго крѣпостного и тюремнаго режима, мы почти совсѣмъ не чувствовали себя стѣсненными. Хотя офиціально мы числились каторжниками, но фактически мы каторжниками не были. Уголовные каторжники, выпущенные въ вольную команду, обязывались извѣстными, такъ сказать, повинностями. Они облагались «урками» по доставкѣ дровъ, бревенъ, лѣса, сѣна и т. п., которые они обязаны были, какъ каторжники, выполнить во что бы то ни стало, а мастеровые обязаны были работать ежедневно въ цехахъ и мастерскихъ. Нѣкоторая часть изъ выпущенныхъ въ вольную команду отдавались въ сторожа, въ кучера, въ лакеи къ служащимъ по тюремному вѣдомству, а болѣе интеллигентные служили писцами въ управленіи или вели канцелярщину при тюремныхъ смотрителяхъ, получая за это иногда даже постоянное хотя и небольшое жалованье.

Мы же, выпущенные въ вольную команду, никакими работами не обязывались, никакихъ казенныхъ повинностей не несли. Мы работали только для себя и каждый изъ насъ жилъ тѣмъ трудомъ, какимъ находилъ для себя наиболѣе подходящимъ.

Полковникъ Кононовичъ не только не выдумывалъ для насъ нарочитыхъ мѣръ стѣсненія, но, напротивъ, выказывая при всякомъ случаѣ, что онъ ставитъ насъ выше всѣхъ своихъ сослуживцевъ, къ великой досадѣ послѣднихъ, обставилъ наше существованіе такъ, что мы чувствовали себя больше «культурнымъ» элементомъ карійскаго общества, чѣмъ каторжниками.

Мы жили почти безконтрольно со стороны властей, стоявшихъ надъ нами. Мы уходили, не спрашиваясь ни у кого, куда намъ угодно: въ горы, въ тайгу, на сосѣдніе станы. Правда, переписка наша шла черезъ управленіе, и отправляемыя и получаемыя наши письма должны были прочитываться комендантомъ или его помощникомъ.

Правда, мы не имѣли права отлучаться за карійскіе предѣлы безъ разрѣшенія коменданта или его помощника. Но этихъ двухъ обстоятельствъ Кононовичъ офиціально устранить не могъ,—на него и безъ того сыпались по начальству анонимные доносы за его либерализмъ по отношенію къ намъ. Во всемъ же остальномъ мы ни въ чемъ не были стѣснены и мы могли жить такъ, что по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ не видали начальства, а оно не видало насъ.

И мы, поэтому, по общему уговору всѣхъ бывшихъ въ то время въ вольной командѣ порѣшили, что покуда будетъ существовать на Карѣ подобный режимъ по отношенію къ политическимъ, никто изъ насъ не бѣжитъ, дабы не вызвать репрессій и не испортить условій существованія будущимъ каторжанамъ, изъ которыхъ большинству бѣжать не пришлось бы, а жить здѣсь они были бы принуждены.

На первыхъ порахъ житья въ вольной командѣ нѣкоторые изъ насъ попытались было якшаться съ карійской публикой, установить общеніе. Стали бывать у доктора Кокосова, медицинской помощью котораго приходилось пользоваться, у помощника коменданта Бутакова, у смотрителя золотопромывальной машины Зеленскаго, у купца Бѣлокопытова, а Успенскій бывалъ иногда у смотрителей тюремъ, нижнекарійскаго Барина и среднекарійскаго Тараторина. Но въ силу очень большой разницы въ духовномъ строѣ ихнемъ и нашемъ, эти общенія не вытанцовывались и поддерживались крайне туго, а съ нѣкоторыми въ концѣ-концовъ и совсѣмъ оборвались. И жизнь наша протекала, главнымъ образомъ, въ кругу своихъ да въ общеніи съ чудной карійской природой.

А природа была, дѣйствительно, очаровательна!

Чудные кряжи Яблоноваго хребта
Съ ихъ тайгами всегда изумрудными,
Съ ихъ отвѣсными скалами чудными,
Молчаливою арміей грозною
Обступили Кару златоносную;
А Кара межъ отвалами роется
И, ревя, день и ночь безпокоится,—
Ропщетъ, злится струя ея мутная,
Что какая-то сила безпутная
Ея область свободную горную,
Осквернила неволей позорною.—

Лишь только насъ выпустили изъ тюрьмы, какъ на другой же день Союзовъ, Квятковскій и я не утерпѣли и пустились въ горы. Правда, прогулка оказалась не особенно удобной. Былъ мартъ, горы и горныя долины были покрыты довольно глубокимъ снѣгомъ, и мы, одѣтые въ

арестантскіе короткіе тулупы и обутые въ неуклюжія бродни (особая сибирская обувь, въ которую въ первый разъ мы одѣлись еще въ Тюмени, гдѣ намъ выдали арестантскіе тулупы и бродни), проваливаясь въ снѣгъ, не могли совершить далекой прогулки, но всетаки съ наслажденіемъ добрались до вершины горнаго кряжа, располагавшагося тотчасъ за огородомъ Успенскаго, прошлись по немъ до лазаретной сопки и побѣдоносно спустились обратно внизъ.

Впрочемъ, больше ужъ мы не пытались до наступленія весны пускаться въ подобныя прогулки.

Зато въ этомъ же году съ наступленіемъ весны и до глубокой осени всѣ мы, что называется, пропадали на чистомъ воздухѣ и, главнымъ образомъ, въ горахъ.

Окончивъ свои хлѣбныя занятія, покопавшись затѣмъ въ своемъ огородѣ и цвѣтникѣ, который я устроилъ возлѣ своей «баньки», почитавъ съ Шишко по-французски или по-англійски, я пускался бродить по горамъ или одинъ, или съ Ларисой, или чаще всего съ Шишко, или съ обоими ими вмѣстѣ.

Въ первый годъ воли эти горы влекли къ себѣ неодолимо. Оторванный долгіе годы тюрьмы отъ природы, я не могъ досыта упиться общеніемъ съ нею, какъ только получилъ къ тому возможность.

Чудная, разнообразная по красотѣ видовъ горная мѣстность Кары не уступала, по мнѣнію Семяновскаго, Швейцаріи, гдѣ онъ бывалъ во дни своей свободы.

Хвойные лѣса—вѣчно зеленыя сосны, ели, пихты, осыпающіяся на зиму, но съ нѣжной ароматной хвоей по веснѣ лиственницы, густо покрывали собою горные хребты. На нижнихъ склонахъ горъ и въ долинахъ высились бѣлоствольныя березы и вѣчно трепещущія осины. А въ долинахъ вблизи рѣчекъ и ручьевъ встрѣчались густыя заросли ольховника, или превосходныя рощи черемухи, наполнявшія майскій воздухъ сладкимъ ароматомъ своихъ бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ.

На долгіе зимніе мѣсяцы замиравшія горы и долины, подъ снѣжнымъ покровомъ долго не просыпались,—и до конца апрѣля, а то и до начала мая не оживали. Но съ мая — въ нѣсколько дней все преображалось, какъ по мановенію волшебнаго жезла; природа вдругъ и торопливо начинала жить во-всю.

То горы облекались въ лилово-розовыя мантіи изъ расцвѣтшаго душистаго богульника (рододендрона), кустами котораго густо были покрыты многія сопки съ подножія до вершины. То какая-то волшебница въ продолженіе одной ночи обсыпала горы и долины лиловымъ и бѣлымъ ургуемъ (вѣтренникъ) до такой степени, что, казалось, не было пяди земли, гдѣ бы онъ не цвѣлъ. То внезапно зазеленѣвшая вокругъ мѣстность изобиліемъ фіалокъ и мелкаго ириса, крупныхъ и мелкихъ кукушкиныхъ башмачковъ не менѣе поражала глазъ. Открывались цѣлыя поля чудныхъ ландышей. Но отходила весна. Подоспѣвало лѣто. Листва и обновленная хвоя

на деревьяхъ густѣли, лиственница давала темно-красныя пахучія шишечки, на соснахъ появлялись «свѣчки». Бугульникъ, ургуй, одуванчики, кукушкины башмачки, ландыши и черемуховыя рощи, отбывъ свою повинность цвѣтенія и украшенія Кары, смѣнялись желтыми лиліями и ярко-красными саранками (царскія кудри) по горамъ, красными большими лиліями и темно-палевыми «жарками» цвѣтами (изъ породы лютиковыхъ) по долинамъ и крупными синими ирисами на болотцахъ. Подходила пора аконитусамъ и дельфиніумамъ и различнымъ другимъ цвѣтамъ, названій которыхъ мы не знали и которымъ давали иногда свои. Такъ, одинъ съ высокимъ стеблемъ цвѣтокъ, съ лиловыми, вродѣ плоскихъ колокольчиковъ, чашечками цвѣтовъ, я назвалъ «леонилой»—въ честь Леонида (Шишко), который первый его нашелъ и сорвалъ во время нашихъ шатаній по горамъ за цвѣтами.

Съ весны до осени мы были съ чудными букетами цвѣтовъ, которые дарила намъ карійская природа.

Признаюсь, что я лично въ эту первую весну и первое лѣто послѣ тюрьмы былъ охваченъ, что называется, цвѣточной маніей.

Я не только по цѣлымъ часамъ пропадалъ въ своемъ цвѣтникѣ, гдѣ роскошно цвѣли разнородные цвѣты, посѣянные мною и Ларисой на грядкахъ, собственными руками унавоженныхъ, вскопанныхъ и политыхъ, но и во всякую свободную минуту стремился въ близъ лежащія горы, чтобы, пробѣжавшись по нимъ, нарвать чудный букетъ.

Прошла пора цвѣтовъ, подошла пора грибовъ и ягодъ. И пошло новое увлеченіе охотою за грибами. Началось въ этомъ отношеніи что-то вродѣ спорта; появилось въ нашей общинѣ соревнованіе между искателями грибовъ—кто больше и лучшихъ грибовъ насобираетъ.

Для меня, для хохла-степняка, знавшаго близко изъ грибовъ лишь одну единственную печерицу, Кара казалась чудодѣйственнымъ грибнымъ угломъ.

Тутъ я впервые узналъ въ дѣйствительности и съ коричневыми головками подберезовики, и съ красными шляпками на толстыхъ корневищахъ подосиновики, и грузди сухіе, и грузди мокрые, и рыжики, и бѣлянки, и волнушки, и моховики, и масленники, и сыроѣжки.

Зачастую я поднимался часовъ въ шесть утра съ постели и еще до утренняго чаю убѣгалъ съ корзинкою въ горы, высившіяся тотчасъ за нашимъ огородомъ, и, пробѣжавъ по нимъ въ различныхъ направленіяхъ, вымокнувъ при этомъ въ росѣ и въ неуспѣвшемъ еще всплыть «выше темя горъ» туманѣ, я возвращался къ чаю домой съ корзиной, полной разнообразныхъ грибовъ.

Въ эту пору почти ежедневно я съ Ларисой, а чаще съ Леонидомъ Шишко отправлялись на грибные поиски. Бродя по тайгѣ, распѣвая въ горахъ дуэты съ Шишко (у него былъ превосходный нѣжный теноръ), мы набирали въ свои корзинки груздей и рыжиковъ, въ то время какъ Чарушинъ, Союзовъ и Успенскій съ Витей производили ту же охоту въ дру-

гихъ мѣстахъ. Несмотря на чрезвычайную близорукость Ларисы, даже она, благодаря неимовѣрному обилію грибовъ, набирала ихъ полныя корзинки. Усталые, но оживленные, возвращались грибные охотники домой и при встрѣчѣ хвастались своими находками, разсказывали другъ другу объ отдѣльныхъ счастливыхъ случаяхъ нахожденія тѣхъ или другихъ грибовъ.

Что касается меня, то грибоманія охватила меня еще сильнѣе, чѣмъ цвѣточная манія!

Изъ всѣхъ жившихъ на Нижней Карѣ товарищей лишь одинъ Евгеній Степановичъ не охотился ни за цвѣтами, ни за грибами, хотя и онъ иногда пускался въ прогулку по горамъ съ кѣмъ-нибудь въ компаніи.

Правда, бродить часто по горамъ онъ избѣгалъ въ силу порока сердца, и больше предпочиталъ прогулки въ долинахъ. И когда наступила ягодная пора, а въ долинахъ созрѣвала черемуха, появлялась въ изобиліи голубица, черная смородина, Евгеній Степановичъ не прочь былъ походить съ товарищами по ягоднымъ мѣстамъ, такъ какъ онъ очень любилъ покушать ягодъ «прямо съ кустика».

Впрочемъ, охота за ягодами такъ не увлекала ни меня, ни другихъ, какъ охота за цвѣтами и грибами. Кстати замѣтить, что я на Карѣ впервые узналъ ягоду, которая въ Сибири называется «жимолосткой»; по цвѣту она похожа на голубицу, а по вкусу напоминаетъ сливу; и растетъ на довольно высокихъ кустахъ, иногда въ ростъ человѣка.

Наши прогулки по чуднымъ Карійскимъ горамъ прерывались въ это лѣто недѣли на двѣ, въ концѣ іюля и началѣ августа, дождями,—изобильными, ежедневными и таки достаточно надоѣдливыми. Съ утра свѣтитъ солнце; съ долинъ по склонамъ горъ поднимается, скучивается въ бѣлыя тучи и медленно ползетъ до вершинъ туманъ, откуда вдругъ, какъ бы почувствовавъ новую силу, отрывался и плылъ свободно по лазури неба. Къ полдню эти тучи сгущались, темнѣли и начинали неудержимо изливаться вновь съ полдня, всю ночь до разсвѣта. Въ результатѣ этихъ дождей травы и бурьянъ достигали огромнаго роста и густоты, а грибы появлялись въ сказочномъ количествѣ.

Кара въ это время дѣлалась грозной, съ бѣшеной силой мчавшейся рѣкой—и, разгулявшись, безпощадно рвала плотины и разрушала золотопромывальныя машины, какъ это и случилось въ первое же дождливое время нашего пребыванія на каторгѣ.

Отмѣчу здѣсь одну особенность въ карійской природѣ. Та гряда сѣрыхъ, отвѣсныхъ скалъ, которая пересѣкала дорогу съ Нижняго стана до Усть-Кары, верстахъ въ десяти отъ послѣдней и о которой я упоминалъ въ одной изъ первыхъ главъ, раздѣляла карійскую мѣстность на два различныхъ по флорѣ и фаунѣ района. Въ то время какъ изъ этой гряды въ сторону Усть-Кары попадались дикіе піоны (по сибирски «марьины коренья») и валеріановый корень, а изъ деревьевъ—яблоня съ мелкими яблочками, въ сторону Нижней Кары этихъ растеній не встрѣчалось, какъ не

встрѣчалось здѣсь ни лягушекъ, ни ящерицъ, ни змѣй, которыя то и дѣло попадались въ Усть-Карійскомъ районѣ.

Говорили, что въ Усть-Карійскомъ районѣ были и пестрыя куропатки (такъ наз. въ Сибири «каменушки» или «каменныя рябки»), и косачи, и дикія козы, въ районѣ Нижній-Кары ихъ не было и слѣда.

X.

Такимъ образомъ, 1879 годъ прошелъ для насъ со дня выпуска въ вольную команду довольно гладко. Никакихъ непріятныхъ треволненій не было въ нашей жизни. Мы въ свободное отъ занятій время наслаждались природою, ходили другъ къ другу въ гости,—съ Нижней Кары на Среднюю,—къ добрѣйшей Александрѣ Александровнѣ Бибергаль, или на Верхнюю Кару къ Степану Петровичу Богданову, Терентьеву и Тевтулу, которые жили втроемъ въ своемъ общемъ домѣ, купленномъ ими за 40 руб. Они всѣ со своей стороны приходили къ намъ на Нижнюю Кару.

Чаще всего мы собирались въ домѣ Успенскаго. Здѣсь мы обсуждали волновавшіе насъ вопросы, спорили, просто бесѣдовали за чаепитіемъ; здѣсь Шишко, Терентьевъ, Союзовъ и я распѣвали пѣсни—къ услажденію своихъ товарищей. Къ нашему хору присоединялся иногда Квятковскій со своимъ басомъ, а когда мы начинали пѣть по-хохлацки то къ пѣснѣ присоединялся почти всегда и Евгеній Степановичъ. Нельзя сказать, чтобъ отъ ихъ присоединенія наше пѣніе выигрывало въ стройности,—что грѣха таить, оба они не отличались особой музыкальностью слуха,—но если тутъ слышался нѣкоторый диссонансъ, то онъ во всякомъ случаѣ выкупался тѣмъ искреннимъ чувствомъ, которое вливалось присоединившимися пѣвцами въ общій хоръ голосовъ.

Съ конца 1879 г. стали подвозить на Кару новыхъ ссыльныхъ. Еще больше привезли ихъ въ 1880 г. Въ числѣ привезенныхъ были и тѣ женщины, о которыхъ я уже упомянулъ выше и къ которымъ въ 1880 г. была присоединена еще и Лешернъ фонъ-Герцфельдъ.

Привезли въ это время больше всего участниковъ въ процессахъ, бывшихъ на югѣ Россіи: въ Одессѣ, Херсонѣ и Кіевѣ.

Въ числѣ привезенныхъ были крупные, выдающіеся люди революціоннаго движенія: Попко, Яцевичъ, Павелъ Орловъ (Павлюкъ), Волошенко, Костюринъ, Стеблинъ-Каменскій и др.

Надо замѣтить, что въ это время началась въ Россіи террористическая борьба съ правительствомъ, вызванная у мирныхъ дотолѣ «революціонеровъ» правительственнымъ бѣлымъ терроромъ, безпощадно душившимъ молодежь за ея походъ въ народную среду.

Эта борьба наиболѣе яро отстаивалась принципіально въ южныхъ кружкахъ революціонныхъ дѣятелей, и они же первые стали ее практиковать.

Тамъ былъ совершонъ первый актъ этой борьбы—убійство жандарм-

скаго капитана Гейкинга и совершено покушеніе на товар. прокур. Котляревскаго; тамъ начались первые расправы со шпіонами и съ предателями (исторія съ Гориловичемъ по процессу 193-хъ); тамъ впервые стали оказывать вооруженное сопротивленіе при обыскахъ и арестахъ, открывая пальбу по прибывшимъ жандармамъ и полицейскимъ; тамъ же была и первая вооруженная демонстрація на улицѣ во время суда надъ Ковальскимъ, тамъ же оказалась и первая жертва разстрѣла—Ковальскій.

Главное террористическое теченіе на югѣ, разростаясь, привело къ очень крупнымъ жертвамъ и потерямъ со стороны революціонной партіи. Стоитъ только вспомнить, что въ Кіевѣ были казнены такія величины революціоннаго міра, какъ Осинскій, Брантнеръ и назвавшійся Антоновымъ. Съ ними была приговорена къ смертной казни и Софья Лешернъ, къ величайшему ея горю въ то время не казненная и сосланная въ безсрочную каторгу. На Карѣ она тяжко тосковала и покушалась на самоубійство, но ее выручили изъ лапъ смерти, послѣ отравленія *).

Въ Одессѣ въ эти же годы были казнены Лизогубъ, Чубаровъ, Малинка, Дробязгинъ, Доваденко, Логавенко, Витенбергъ и Майданскій.

Террористическое движеніе на югѣ росло и кромѣ главнаго дало еще и боковыя, такъ сказать, теченія. Въ Кіевѣ, наприм., явилась особая фракція, носившая курьезное и не совсѣмъ понятное названіе «ушкуйниковъ-уестествителей». Въ число функцій своихъ эта фракція включала между прочимъ ограбленіе почтъ, казначействъ и банковъ.

И, если не ошибаюсь, этой фракціей было совершено при участіи «инженера Сашки» (Юрковскаго) ограбленіе херсонскаго казначейства путемъ устроеннаго подъ казначейство подкопа, а гдѣ-то на югѣ было устроено первое ограбленіе почты нѣкіимъ Крыжановскимъ съ революціонной цѣлью.

Въ нашей карійской общинѣ, конечно, должны были неизбѣжно подняться обсужденія по поводу новаго революціоннаго движенія въ Россіи и у насъ неоднократно поднимались обсужденія того, какъ должно отнестись къ этому движенію. И среди насъ, почти всѣ, за исключеніемъ развѣ только Петра Гавриловича, не признали террора, какъ программу для дѣятельности революціонной партіи. Террористическій актъ, какъ отдѣльный актъ мщенія по отношенію къ партіи или народу, мы признавали за жестокости опредѣленнаго лица. Вѣра Засуличъ съ ея покушеніемъ на Трепова, Кравчинскій, отмстившій Мезенцеву за его палачество надъ многими членами народной партіи, внушали намъ глубокое уваженіе, и ихъ образы были окружены въ нашемъ представленіи ореоломъ геройства. Но террористическіе акты, какъ систематическая программа дѣятельности, казались намъ и недостигающими цѣли, и такими, которые должны были очень быстро изсякнуть за малолюдствомъ партіи и за полнымъ индифферентиз-

*) Кажется, уже въ 90-хъ годахъ, она умерла на поселеніи въ Забайкальѣ (въ Верхнеудинскѣ?)

ному народа въ политической жизни. При такихъ условіяхъ, это былъ неравный бой огнемъ и мечомъ незначительной партіи съ организованной силой правительства, у котораго огня и меча куда больше. И мы считали такую борьбу—напрасной тратой силъ, отрываемыхъ отъ болѣе существенной задачи—непосредственнаго воздѣйствія на рабочіе и крестьянскіе слои населенія въ смыслѣ пробужденія въ нихъ сознательной политической и общественной мысли. И мы, повторяю, отрицали терроръ, какъ программу дѣятельности.

Еще болѣе отрицательно относились мы къ тѣмъ боковымъ теченіямъ террора, о которыхъ я сказалъ выше. Мы были рѣшительными противниками ограбленій почтъ, казначействъ, банковъ.

Намъ казалось тогда, что этими дѣяніями привносился въ глазахъ народа и общества элементъ уголовщины въ дѣятельность еще не окрѣпшей, недавно народившейся и едва-едва начавшей проникать въ рабочую среду народной партіи; а этимъ элементомъ можно было и оттолкнуть отъ партіи народъ, который могъ по темнотѣ своей смѣшивать революціонныхъ дѣятелей съ обыкновенными грабителями, и дать правительству лишній удобный щитъ и оправданіе для своихъ репрессій по отношенію къ партіи предъ общественнымъ мнѣніемъ.

Весьма естественно, что какъ только прибыли на Кару участники въ начавшемся террористическомъ движеніи, такъ между нами, оживщими внѣ тюрьмы и оживщими въ тюрьмѣ, завязалась переписка довольно яраго полемическаго свойства по вопросу о террорѣ.

Въ этомъ году община наша пополнилась новыми членами. Прибыли за своими мужьями—Ястремская, Радина, Мозговая и поселились на Средней Карѣ. Съ осени, впрочемъ, Радина переѣхала на Нижнюю Кару. Временно пріѣзжала на Кару для свиданія съ дочерью Анна Васильевна Армфельдъ, поселившаяся у Успенскихъ вмѣсто Семяновскаго, который переѣхалъ къ Чарушинымъ, у которыхъ и прожилъ до дня своей вольной смерти.

Въ этомъ же году пріѣхала на Кару и прожила тамъ довольно долго и мать Стеблина-Каменскаго—Марья Ивановна, поселившаяся на Средней Карѣ, по близости къ тюрьмѣ, гдѣ сидѣлъ ея сынъ.

Прибытіе женъ и матерей значительно облегчило съ офиціальной стороны заботу о заключенныхъ, доставленіе имъ денежныхъ средствъ, провизіи, одежды и книгъ.

Жизнь наша протекала довольно ровно и, по правдѣ сказать, иногда начинала надоѣдать своимъ однообразіемъ и какимъ-то вѣчно выжидательнымъ характеромъ. Словно жили на дорожномъ положеніи на почтовой станціи! Лѣтомъ огородъ, цвѣтникъ, шлянье по горамъ и долинамъ Кары уже такъ не увлекали, какъ то было тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы въ предыдущемъ году.

Извѣстія изъ Россіи запаздывали, да и наиболѣе изъ нихъ интересныя для насъ или вовсе до насъ не доходили, или доходили въ искажен-

номъ или отрывочномъ видѣ. Въ концѣ-концовъ чувствовалась оторванность отъ интересовъ родного міра и значительная пустота въ жизни.

Я довольно часто переписывался съ сидѣвшими на гауптвахтѣ Нижней Кары Наталіей Армфельдъ и Марусей Ковалевской (записки носилъ намъ прислуживавшій на гауптвахтѣ старикъ арестантъ, раньше прислуживавшій намъ, — старинный каторжникъ, съ клеймами на щекахъ, битый плетьми за самовольную «побывку» на родинѣ съ каторги).

Въ перепискѣ своей мы вели, между прочимъ, споръ по вопросу о разрушеніи крестьянской общины. Я доказывалъ, что разрушеніе общины началось и что таковое разрушеніе неизбѣжно, такъ какъ силъ ее разрушающихъ и насильственно и путемъ нравственной порчи общинниковъ— на Руси множество, а живыхъ силъ, защищающихъ ее и создающихъ условія для развитія общины, кромѣ традиціи, нѣтъ.

Мнѣ доказывали, наоборотъ, прочную устойчивость этого народнаго института и то, что народъ сознательно, а не только традиціонно, держится за общину, какъ за якорь спасенія въ его нищетѣ.

Я указывалъ на грозные признаки побѣдоноснаго водворенія на Руси капитализма въ лицѣ то и дѣло вылѣзавшихъ изъ народной среды такихъ тузовъ капитала, какъ Губонинъ, Кокоревъ, Овсянниковъ и пр., развращающіе своимъ примѣромъ крестьянъ-общинниковъ,—и въ лицѣ появившагося уже пролетаріата, какъ золотыя роты, босыя команды и изъ году въ годъ увеличивавшееся безземельное крестьянство. Мнѣ доказывали, что до капитализма еще далеко и что въ общинѣ народъ почерпаетъ спасеніе отъ него.

Помню, что въ это время въ *Отечественныхъ Запискахъ* появилась статья В. В. о капитализмѣ въ Россіи,—и я, долженъ сознаться, былъ окончательно побѣжденъ его доводами въ доказательство того, что для развитія капитализма въ Россіи нѣтъ условій,—по крайней мѣрѣ для такого капитализма, какой существовалъ въ Западной Европѣ. Я ухватился за эти доводы съ большой душевной радостью.

Хотя я въ то время и доказывалъ, что капитализмъ грядетъ въ Русь и что пролетаризація крестьянъ совершается; доказывалъ это совершенно искренно, на основаніи имѣвшихся у меня данныхъ, но я признавалъ эти явленія скрѣпя сердце, съ горечью въ душѣ, при видѣ неизбѣжности и для Руси того, что я считалъ пагубою для милліоновъ русскаго крестьянства. Естественно поэтому, что довольно стройная аргументація В. В. противъ возможности капитализма на Руси подкупила меня, и я за нее ухватился, что называется, обѣими руками. И только годы спустя, я отрѣшился отъ ея вліянія и увидѣлъ, въ чемъ была слабость этой аргументаціи.

Правда, еще раньше я, прочитавъ Семяновскому,—по убѣжденіямъ лавристу,—свое посланіе къ Армфельдъ и Ковалевской по поводу грядущаго капитализма, встрѣтилъ въ немъ оппонента своему мнѣнію. Онъ напиралъ на то, что я очень скоръ на обобщенія, что противъ моихъ на-

товъ можно выставить если не больше, то во всякомъ случаѣ и не меньше фактовъ, говорящихъ противъ моихъ утвержденій. Но помню, что тогда аргументація Евгенія Степановича не произвела на меня убѣдительнаго впечатлѣнія и не разсѣяла во мнѣ увѣренности, что я правъ, къ своему огорченію, и только статья В. В. достигла этого.

На-ряду съ прозаическими посланіями мы дѣлились другъ съ другомъ и стихотворными. Наташа Армфельдъ была чрезвычайно остроумна. Она хорошо рисовала и иногда изображала въ карикатурахъ случаи изъ тюремной жизни, чрезвычайно потѣшно схватывая характерныя черты тѣхъ лицъ, которыхъ вставляла въ карикатуры. На карикатурахъ, впрочемъ, зачастую фигурировала и она сама—женщина высоченнаго роста. Когда въ карійской мужской тюрьмѣ сидящіе затѣяли издавать писанный журналъ *Кара,* Армфельдъ помѣщала тамъ и карикатуры, и комическія статейки, и стихи. Стихомъ владѣла она очень бойко. Присылала она и мнѣ иногда свои стихотворенія, которыя я потомъ хранилъ, но которыя, въ концѣ-концовъ, пришлось сгубить вмѣстѣ со многими моими собственными и прозаическими и стихотворными произведеніями при неоднократныхъ тревогахъ и опасеніяхъ обысковъ, уже живя на поселеніи.

С. Синегубъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Изъ Финляндіи о Финляндіи.

Я опять провожу лѣто въ этой странѣ—въ имѣніи, за Выборгомъ, тамъ, гдѣ уже кончилась межеумочная пограничная дачная мѣстность.

Все, что я вижу кругомъ, невольно наводитъ на много мыслей, и я берусь за перо, чтобы подѣлиться ими съ читателемъ.

Что окружаетъ меня? Обычная унылая сѣверная природа: сырыя и холодныя ночи, безпрестанные дожди, хмурое небо. Небольшіе клочки удобной для обработки почвы, раздѣленные невысокими скалистыми и песчаными кряжами, покрытыми медленно растущимъ лѣсомъ; кое-гдѣ узкія и мелководныя озера и бывшія озера, обратившіяся въ болота, поросшія рѣдкими маленькими сосенками безлѣтками.

Но рожь стоитъ высокой стѣной и крупенъ ея хорошо налившійся колосъ. Овсы буйные. Копны посѣвного сѣна стоятъ густо. Лошади сыты, сбруя крѣпкая и хорошо пригнанная; коровы, бродящія по лѣсу, обличаютъ породу и въ хорошемъ тѣлѣ. Во всѣ концы идутъ сносныя грунтовыя дороги съ частыми ямскими станціями; надъ лѣсной чащей повисли телефонныя артеріи. Вдоль дорогъ—школы, народные дома—просторные, красивые. Никакихъ грабежей и погромовъ; не слышно даже о воровствѣ. Нищихъ почти нѣтъ. Полиціи не видать.

А почта регулярно привозитъ русскія газеты. Ѣздишь и самъ въ Россію. И досадливыя сравненія возникаютъ сами собой...

Я живу въ большомъ имѣніи (500 дес.), гдѣ ведется небольшое хозяйство—ибо удобной земли всего около 75 дес.—остальное—это лѣса, скалы, пески, болота; живя въ имѣніи и будучи самъ сельскимъ хозяиномъ, я, прежде всего, приглядываюсь къ сельскохозяйственнымъ пріемамъ.

На первомъ мѣстѣ мнѣ бросаются въ глаза нравы персонала. И въ томъ имѣніи, гдѣ я живу, и въ сосѣднихъ, дѣло идетъ безъ тѣхъ суеты, спѣха, окриковъ, съ которыми оно связано въ нашихъ даже небольшихъ хозяйствахъ. У насъ мелкій хозяинъ самъ идетъ въ амбаръ отпускать нужное—«*имъ* нельзя вѣдь довѣрить». Онъ спѣшитъ затѣмъ на сѣнокосъ: «погадятъ безъ себя все сѣно» и т. д. Здѣсь надзора требуется гораздо меньше; всякій знаетъ свои обязанности и даже не любитъ, чтобы за нимъ ходили и доглядывали. (Кромѣ того, здѣсь нѣтъ большихъ

посѣвовъ, съ ихъ спѣшными работами.) Поэтому сельскій хозяинъ здѣсь всѣмъ обликомъ и образомъ жизни болѣе напоминаетъ дачника, чѣмъ нашъ, встающій въ 5 часовъ и одѣтый въ платье, знакомое и съ мукой, и съ машиннымъ масломъ, и съ дегтемъ.

Тотъ же самостоятельный рабочій провелъ здѣсь, однако, 2 года тому назадъ короткій рабочій день, начинающійся въ 6 ч. утра. Въ 8 ч. колоколъ къ завтраку (второму, такъ какъ въ первый разъ ѣдятъ до 6 ч.). Затѣмъ работа до 1 ч. До 2½ ч.—обѣдъ и отдыхъ. Въ 7 часовъ вечера конецъ работы, хотя бы въ сѣнокосъ. Такимъ образомъ, 10½-часовой лѣтній рабочій день, работаетъ же финнъ довольно медленно. Зимой, само собой, короче. И при томъ 2 завтрака, обѣдъ, ужинъ, 3 раза кофе. Заработная плата нѣсколько выше нашей, сѣверной. Поденная во время сѣнокоса—1 р. 30 к. мужчинѣ и 75 к.—женщинѣ, на ихъ хлѣбѣ.

Эти особенности толкаютъ и будутъ толкать хозяевъ на капитальныя затраты, вполнѣ, при такихъ условіяхъ, окупающіяся. Нужно вообще сказать, что финнъ не останавливается передъ длящимися затратами и органически не переноситъ того, что дѣлается «какъ-нибудь». Онъ правильно находитъ это, въ конечномъ счетѣ, болѣе невыгоднымъ. Въ то же время финнъ изъ средняго класса скупо тратитъ на себя, на настоящій, англо-американскій комфортъ (на обильное питаніе, просторныя помѣщенія, ванны, смѣну бѣлья, дѣтскій комфортъ). Онъ ограничивается внѣшнимъ—болѣе дешевымъ—щегольствомъ: модный, но дешевый нарядъ, угощеніе въ ресторанѣ и т. п.

Итакъ—капитальныя затраты. Прежде всего—дороги. Еще шведы въ незапамятныя времена заставили финновъ понять значеніе египетскаго труда по проведенію ихъ черезъ лѣса, заваленные громадными валунами, черезъ топи. Со шведскихъ временъ дѣйствуетъ законъ о двукратной починкѣ большихъ дорогъ, весной, послѣ посѣва, и осенью, предъ большими ярмарками, объ очисткѣ ихъ зимой (при помощи снѣжнаго плуга), объ освобожденіи ихъ отъ сугробовъ весной. Много на это уходитъ труда, но зато мосты прочны, черезъ низины идутъ насыпи; подъ колесомъ даже въ распутицу небольшой слой грязи, а внизу твердый грунтъ. Проселочныя дороги и даже хозяйственныя окопаны канавами и часто чинятся. (Характерно, что за время бобриковскаго режима большія дороги начали замѣтно портиться: назначенные русскими губернаторами ленсмана и кронофогды—наши становые и исправники—мало побуждали населеніе чинить дороги да и не пользовались авторитетомъ.) Поэтому здѣсь не знаютъ, что значитъ зимой мотаться по ухабамъ, а осенью и весной надрывать лошадей на какомъ-нибудь мѣстечкѣ, длиной всего въ нѣсколько саженъ, но котораго никакъ «не соберутся» привести въ проѣзжій видъ. Нельзя не замѣтить, что и разселеніе хуторами несомнѣнно вліяетъ здѣсь на необходимость поддержанія дорогъ: какъ иначе добраться до ближайшаго сосѣда, до лавочки, до кузницы, отстоящихъ отъ одинокой крестьянской усадьбы въ 2, 3 и болѣе верстахъ?

Такой же капитальной затратой являются полевыя канавы. Всѣ рѣшительно поля прорѣзаны ими на разстояніи около 5 саженъ одна отъ другой. Дальнѣйшая стадія, которую можно наблюдать, напр. въ большихъ имѣніяхъ Нюландіи,—это обращеніе канавъ въ скрытый дренажъ—такой дренажъ вводится потому, что канавы нужно постоянно поддерживать, что онѣ отнимаютъ не мало мѣста—до $^1/_8$ всей поверхности, и мѣшаютъ при обработкѣ. Вліяніе канавъ на урожайность очень велико—удаленіе лишней влаги, доступъ атмосфернаго вліянія, уменьшеніе опасности отъ лѣтнихъ морозовъ, столь нерѣдкихъ на сѣверѣ. Несомнѣнно, что канавы имѣли бы громадное значеніе и въ русскомъ сѣверномъ хозяйствѣ,—но, переѣхавъ Сестру рѣку, за Бѣлоостровомъ, вы ихъ почти не видите. Да и гдѣ проводить ихъ на узенькихъ крестьянскихъ полоскахъ, подлежащихъ, вдобавокъ, хотя бы только въ теоріи, передѣлу? Мѣшаетъ, кромѣ того, тотъ упорный, глубокій консерватизмъ, который столь проникаетъ всю русскую жизнь, несмотря на теоретическія увлеченія интеллигентскихъ верховъ всякой европейской новизной. Взять хотя бы постройку домовъ финскими крестьянами; каждый здѣсь въ деревнѣ строится, какъ ему нужно—кто возводитъ квадратный, кто длинный домъ, кто крестомъ, кто глаголемъ. Окна прорубаются по усмотрѣнію. У насъ же—бытовой шаблонъ. Не говорю уже о деревняхъ—тамъ до сихъ поръ царятъ либо трехоконная, либо пятистѣнная изба, та и другая опредѣленной длины и ширины,—но и въ уѣздномъ городѣ строятъ по одному образцу—зеленая крыша, безъ выступовъ, украшенная аляповатой рѣзьбой, сплошныя окна съ узкими простѣнками, холодная «галдарея» сбоку. Здѣсь—раціональная свобода даже въ деревнѣ; а у насъ и въ городѣ царитъ рутина. Не говорю уже о томъ, что здѣсь дома рубятъ «въ замокъ», а не въ нелѣпую «чашку», отчего у насъ изводится лишній лѣсъ и чѣмъ затрудняется обшивка.

Не останавливается финскій землевладѣлецъ и предъ такими затратами, какъ телефонъ, какъ водопроводъ въ конюшнѣ и въ хлѣву, какъ устройство просторныхъ, свѣтлыхъ и теплыхъ коровниковъ.

Щедрость этихъ затратъ характеризуетъ интенсивный характеръ хозяйства—по отношенію къ земледѣлію (лѣсное хозяйство пока въ имѣніяхъ частныхъ лицъ ведется нераціонально). Сама, впрочемъ, природа толкаетъ здѣсь къ интенсивности, къ тщательной обработкѣ: участки удобной земли разбросаны пятнами среди безплодныхъ скалъ, песковъ и болотъ; кромѣ того, земля въ Финляндіи, точно такъ же, какъ въ сѣверной Россіи, при отсутствіи обработки слегается, грубѣетъ, тогда какъ въ черноземной полосѣ она отъ отдыха возстановляетъ свое крупичатое строеніе, эту вѣрную гарантію урожая. Поэтому здѣсь нѣтъ разсчета давать землѣ лежать: она отъ этого только покроется жалкой травкой; полный разсчетъ установить сѣвооборотъ съ искусственными травами. И нужно видѣть, что это за покосы: густая трава—клеверъ, тимофѣевка и др.,—до пояса. Съ небольшого клочка земли получается прекрасное ѣдовитое сѣно,

усиливающее молочность коровъ, этой основы всякаго здѣшняго хозяйства. Опять-таки, нигдѣ на протяженіи отъ Бѣлоострова до Петербурга я посѣвной травы не видалъ; косятъ дикую низенькую, рѣденькую травку съ желтымъ цвѣткомъ.

Парового поля, по которому у насъ бродитъ голодная скотина, здѣсь во многихъ хозяйствахъ уже не держатъ. Его эксплоатируютъ такъ: въ началѣ нашего іюня очередное подъ рожь поле сильно удобряютъ (скота много). Разбороновавъ вращающейся бороной—обыкновенная растащила бы навозъ,—паръ засѣваютъ рѣдкой «ивановской» кустовой рожью вмѣстѣ съ овсомъ или ячменемъ и какой-нибудь однолѣтней кормовой травой. Къ концу нашего іюля овесъ и ячмень выколосятся, а рожь даетъ нѣсколько колѣнъ. Тогда эту смѣсь косятъ постепенно, на вечерній кормъ коровамъ, а осенью выпускаютъ скотину на рожь, уже пустившую глубокіе корни. На слѣдующій годъ получается высокая, густая рожь, дающая до 150 пуд. съ десятины.

Способъ этотъ, занесенный изъ-за границы, практикуется уже лѣтъ 30 и свидѣтельствуетъ о томъ, какъ не боится финскій хозяинъ нововведеній.

Рядомъ съ нами—участокъ крестьянина Хуппонена, бывшаго торпаря (арендатора, платящаго работой), но сумѣвшаго скопить деньгу. Этотъ типичный «хозяйственный мужичокъ» посѣялъ нынче овесъ тоже по заграничному научному способу: выкидалъ землю изъ канавъ, разравнялъ ее, сильно удобрилъ и, не вспахивая, засѣялъ овсомъ. Результатъ получается великолѣпный. Нѣтъ здѣсь, повторяю, нашего органическаго страха передъ нововведеніемъ, нашей глубокой вѣры въ фатализмъ, какъ въ основное начало сельскаго хозяйства. У насъ сельское хозяйство у крестьянъ, да и у многихъ помѣщиковъ—это какой-то ритуалъ, въ которомъ важно начинать работы непремѣнно изъ года въ годъ съ такихъ-то праздниковъ, соблюдать извѣстные праздники («Царя града», Ильинъ день), служить въ полѣ молебны о дождѣ и «отъ червя», бороновать противъ солнца, знать «слово» и т. п. Здѣсь же сельское хозяйство освободилось отъ этихъ бытовыхъ узъ и потому можетъ двигаться по пути прогресса. Здѣсь покончили съ тѣмъ убѣжденіемъ, что урожай—это божественная награда, а неурожай—это кара за то, что «Господа, видно, прогнѣвили; не даетъ онъ намъ, Царь Небесный, урожая вотъ ужъ который годъ». Управляя большимъ имѣніемъ въ заволжской степи, я наблюдалъ, что, несмотря на громадную природную одаренность, русскій человѣкъ пока какъ огня боится всего, отдающаго интенсификаціей, которая предполагаетъ для него ненавистное, тягостное умственное и нервное напряженіе. Идеаломъ его все еще остается правильное, просторное житье, это казачій идеалъ. Въ то же время русскій служащій и рабочій безропотно будутъ работать въ праздникъ, мокнуть на дождѣ, переносить холодъ и зной, будутъ безстрашно ловить отбойную скотину, подвергать себя явной опасности около молотилки или около жнейки и т. п. Но попытка оро-

шать посѣвъ, сѣять люцерну, прививка сибирской язвы, пропускъ сѣмянъ черезъ тріеръ, черный паръ, пропашная культура и т. п., вызываютъ въ русскомъ персоналѣ, особенно пожиломъ, прямое возмущеніе: «нашъ хозяинъ противъ Бога пошелъ; ни въ жисть ему теперь удачи не будетъ...» И въ дѣло вносится явное нежеланіе работать, какъ слѣдуетъ, и даже нѣкоторое злорадство при неудачѣ. При такомъ отношеніи у иниціатора нерѣдко опускаются руки.

Возвращаясь къ прогрессивному Хуппонену, замѣтимъ, однако, что у него есть громадное преимущество предъ русскимъ крестьяниномъ: чтобы попасть на свое поле, ему отъ своего порога нужно сдѣлать всего нѣсколько шаговъ—жилье финскаго крестьянина всегда расположено рядомъ или посерединѣ обрабатываемой имъ земли. Это, конечно, единственно правильный пріемъ, благодаря которому избѣгаются наши длинныя путешествія съ навозомъ и хлѣбомъ. Еще въ XVIII в. шведы, заложившіе въ странѣ основы разумной культуры, силой заставили деревни разселяться хуторами.

Впервые путешествуя въ Финляндіи, русскій человѣкъ даже теряется: ему говорятъ: «Вотъ деревня» какая-нибудь Вентеля или Хейніоки. «Гдѣ же она?» «Да вотъ, видите, одна усадьба, а вонъ за лѣсомъ другая, а за 1 километръ по большой дорогѣ будетъ третья». Группа разсѣянныхъ домовъ—это деревня; 15—20 такихъ деревень составляютъ приходъ, по большей части совпадающій съ коммуной и занимающій пространство съ радіусомъ въ 15, 20, 30, 40 и болѣе верстъ.

Но всѣ эти хозяйственныя раціональности, конечно, мертвы суть, если подъ бокомъ нѣтъ рынка для сбыта продуктовъ. Такой рынокъ есть—это Выборгъ и Петербургъ, куда ставится молоко, играющее такую важную роль въ питаніи финляндца. Какъ ни фокусничаютъ съ молокомъ помѣщичьи молочницы, всетаки, въ любомъ финскомъ городѣ можете копеекъ за 5—6 имѣть бутылку недурнаго молока, изъ первыхъ рукъ. А что продается у насъ на базарахъ восточныхъ и южныхъ городовъ подъ видомъ молока? Чѣмъ питаются въ Саратовѣ, въ Самарѣ дѣти родителей, недостаточно богатыхъ, чтобы держать собственную корову?

Тамъ, гдѣ разстояніе мѣшаетъ поставлять молоко, тамъ сбываютъ масло. Уложенное въ опредѣленнаго размѣра боченки, оно отправляется по желѣзной дорогѣ, въ особыхъ вагонахъ-холодильникахъ въ г. Хангё, откуда агентъ высылаетъ деньги отправителю. Въ Англіи постоянно живутъ финскіе агенты, слѣдящіе за масляной биржей. Экспортъ масла подчиненъ контролю, который имѣетъ право забраковать плохой продуктъ.

Здѣсь мы сталкиваемся съ дѣятельностью финскаго правительства, которое избрало очень разумный путь содѣйствія естественнымъ промысламъ страны, сочетавъ это съ системой таможенныхъ пошлинъ, дающихъ значительный доходъ казнѣ при полномъ отсутствіи запретительнаго характера: иностранные товары въ Финляндіи дешевы, и про земледѣльца можно сказать какъ разъ обратное тому, что справедливо говорится про

нашего земледѣльца: здѣсь дорого то, что земледѣлецъ продаетъ, и дешево то, что онъ покупаетъ, особенно металлическія издѣлія—гвозди, инструменты, утварь.

А лѣтъ 60 тому назадъ та же Финляндія жила въ курныхъ избахъ, носила лапти, питалась въ годы нерѣдкихъ неурожаевъ сосновой заболонью, мало держала скота. Но пришли пятидесятые годы, это далекое эхо революціи 1848 года, спали оковы съ великаго націоналистическаго движенія, руководимаго послѣдователемъ Гегеля, Снельманомъ, ставившаго себѣ цѣлью сдѣлать языкъ Калевалы языкомъ Финляндіи. Мощно ширясь, національное возрожденіе повлекло за собой и общій культурный подъемъ. Присоединился и факторъ матеріальный—спросъ заграницы на лѣсъ, котораго здѣсь былъ непочатый край; въ страну полились деньги. Шведская же культура, какая бы узкая она ни была, но во всякомъ случаѣ свѣтская, гуманистическая,—подготовила здѣсь почву для прогресса; во всякомъ случаѣ здѣсь не было тѣхъ преградъ на его пути, которыя столь безпощадно изобразилъ еще Чаадаевъ въ своихъ философическихъ письмахъ. Въ кабинетѣ пастора и комиссара, въ кельѣ студента, въ простенькихъ покояхъ помѣщика жилъ творческій, гибкій, жизнерадостный духъ Запада, того Запада, съ которымъ, въ лицѣ шведской метрополіи, Финляндію соединялъ архипелагъ островов; съ Экерб, крайняго изъ нихъ, уже видны, въ ясную погоду, берега Швеціи, гдѣ была та же религія, тѣ же права; а изъ Швеціи уже лежалъ прямой путь въ тѣ страны, гдѣ зарождались великія идеи, безъ которыхъ «заглохла бы нива жизни».

Здѣсь въ глуши лѣсовъ всегда жило, хотя бы in potentia, уваженіе къ личности, къ знанію, къ духовнымъ благамъ. Человѣкъ, какъ таковой, здѣсь считался, цѣлью государственной дѣятельности, а не средствомъ для расширенія границъ государства. Въ этомъ—глубокое различіе съ нашей родиной, про которую Вукъ Караджичъ въ XVII вѣкѣ замѣчалъ, что въ Россіи люди живутъ не для себя, какъ на Западѣ, а для государевой службы. Отпечатокъ этого глубокаго различія замѣтенъ еще и теперь.

Иногда я ѣзжу въ близко расположенный Выборгъ, отнынѣ увѣковѣченный извѣстнымъ воззваніемъ. Кстати, въ гостиницѣ «Бельведеръ», гдѣ обсуждалось и подписывалось воззваніе, имѣется о томъ надпись на стѣнѣ отнынѣ исторической залы.

Въ Выборгѣ меня поражаетъ неудержимо быстрый ростъ и развитіе этого недавно еще столь незначительнаго города. Тѣмъ не менѣе, и теперь въ немъ не болѣе 27,000 жителей, т.-е. столько, сколько въ захудаломъ русскомъ губернскомъ городѣ, вродѣ Новгорода.

Между тѣмъ, это, прежде всего,—дѣйствительно городъ, а не подобіе города: сносно вымощенныя улицы, большіе, стильные дома, склады, банки, магазины. На все это были затрачены крупныя средства, и въ этихъ складахъ и магазинахъ сложены товары на громадную стоимость. Интенсивность, затраты крупныхъ средствъ замѣтны на каждомъ шагу: полное

отсутствіе пустырей, неопредѣленныхъ пространствъ: дѣловая часть города сжата, какъ въ комокъ. Желѣзнодорожная вѣтка опоясываетъ часть города и оканчивается у небольшой гавани. Черезъ узенькій проливъ съ прекрасно устроеннымъ разводнымъ пролетомъ за навигацію проходятъ товары на многіе милліоны рублей. Не говорю уже о монументальныхъ зданіяхъ народныхъ школъ и лицеевъ. Характерно замѣтить, что и зданія русскаго реальнаго училища въ Выборгѣ и классической гимназіи въ Гельсингфорсѣ выгодно отличаются отъ петербургскихъ и московскихъ гимназическихъ зданій, какъ общимъ стилемъ, такъ и отдѣлкой.

Приходилось мнѣ бывать и въ меньшихъ финскихъ городахъ, въ какомъ-нибудь Вильманстрандѣ съ 2,000 жителей. И что же? Два банка, тротуары, чистыя гостиницы, хорошіе извозчики. Вообще это, хотя и маленькій, но опять-таки настоящій городъ, и нѣтъ въ немъ ни Стрѣлецкой, ни Пушкарской слободы, жители которыхъ ѣздятъ съ сохами въ поле и обитаютъ въ избахъ-развалюшкахъ.

На-дняхъ я посѣтилъ Каширу, городокъ Тульской губ., вблизи котораго прошла часть моего дѣтства и молодости. Я былъ глубоко пораженъ этими широкими заросшими травой улицами, по которымъ робко пробирается ленточка слабо наѣзженной дороги, этими ветхими, длинными заборами, за которыми видны запущенные сады; пораженъ убогими домиками, кое-гдѣ прерывающими это царство заборовъ. Обыватель унылый, сонный или злой; лица нездоровыя, платье ветхое и растерзанное. И это въ 100 верстахъ отъ Москвы.

Почему такъ? Почему? Этотъ досадливый вопросъ постоянно возникаетъ въ душѣ при подобныхъ сравненіяхъ, хотя и знаешь, что отвѣтъ— въ глубокомъ, коренномъ различіи и въ прошломъ, и въ настоящемъ; хотя и знаешь, что въ Финляндіи мы имѣемъ дѣло съ небольшимъ государствомъ, пользующимся всѣми благами широкой автономіи, не получившимъ тягостнаго историческаго наслѣдства (одно наше крѣпостное право какіе оставило слѣды!) и почти не испытавшемъ за послѣднія сто лѣтъ ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ настоящихъ, кровавыхъ невзгодъ.

Я могъ бы сообщить много поучительнаго и о другихъ сторонахъ финской жизни, хотя бы объ общей медленной, но неустанной работѣ надъ техническимъ и общекультурнымъ прогрессомъ,—но я предпочитаю оборвать на этомъ мѣстѣ и сказать нѣсколько словъ о вопросѣ, который меня очень въ настоящее время занимаетъ.

Мнѣ кажется, что финское благополучіе,—а во многихъ отношеніяхъ народу здѣсь живется лучше, чѣмъ даже въ странахъ Запада—основано, до извѣстной степени, на сохраненіи и развитіи коренныхъ особенностей края. Стóитъ сильно пошатнуться установившемуся здѣсь строю—и не станетъ многого изъ того, чему здѣсь справедливо дивится посѣтитель края.

Одной изъ главныхъ особенностей Финляндіи было, по моему мнѣнію, то, что ею еще не такъ давно правило просвѣщенное меньшинство. Это,

въ сущности, была олигархическая чиновничья республика. До недавняго времени высшее чиновничество, классъ очень сплоченный и даже связанный узами родства, вполнѣ самостоятельно руководилъ какъ внутренней политикой, такъ и сношеніями съ петербургскимъ правительствомъ. Мало зная Россію, но зато свободные отъ доктринерскихъ увлеченій и понимая людскія слабости, финскіе политики умѣло вели свою линію.

При этомъ они всегда исходили изъ сознанія своей матеріальной слабости и на этой реальной оцѣнкѣ силъ строили свою политику, часто приводившую къ успѣху. Отмѣчу кстати, что мысли объ отдѣленіи отъ Россіи у финскихъ дѣятелей никогда не было и нѣтъ. Они были и остались слишкомъ большими реалистами, чтобы не понимать всю безсмыслицу подобной затѣи; кромѣ того, они считали себя связанными присягой на вѣрность императору и великому князю, а присягой здѣсь не шутятъ. Сепаратизмъ въ вульгарной, грубой формѣ отдѣленія отъ имперіи былъ сочиненъ русскими газетными рептиліями, пробавляющимися завѣтомъ донъ-Базиліо.

Цѣлью усилій финскихъ государственныхъ людей было сохраненіе дарованныхъ правъ и, естественно, ихъ возможное дальнѣйшее расширеніе.

Успѣшная дѣятельность этого меньшинства встрѣтила и встрѣчаетъ препятствіе—въ общественномъ развитіи какъ Россіи, такъ и Финляндіи.

Въ Россіи съ 80-хъ годовъ начало поднимать голову національно-патріотическое теченіе, въ качествѣ неуклюжаго и злобнаго примѣненія на практикѣ славянофильскихъ (или, вѣрнѣе, русофильскихъ, въ духѣ Я. Данилевскаго) ученій. Этотъ злобный національзмъ, привлекшій на свою сторону довольно широкіе мало-интеллигентные слои, нашелъ въ образѣ Финляндіи удобный объектъ для обличеній и травли, тѣмъ болѣе, что благодатная тема о «польской интригѣ» уже была къ тому времени значительно исчерпана. Съ легкой руки публицистовъ со Страстного бульвара, начинается газетный походъ противъ Финляндіи; этотъ походъ нельзя не назвать общественнымъ, въ виду упомянутаго выше интереса довольно широкихъ слоевъ именно къ національнымъ вопросамъ (Вспомнимъ только, какое вниманіе удѣлялось на предвыборныхъ собраніяхъ, въ глухихъ углахъ Россіи, вопросу о польской автономіи). Въ то же время власть въ 80-хъ и 90-хъ годахъ старается показать себя носительницей тѣхъ самыхъ патріотическихъ началъ, за которыя Ю. Самаринъ былъ, при николаевскомъ режимѣ, заточенъ въ Петропавловскую крѣпость. Съ тѣхъ поръ, а теперь въ особенности, финскимъ политикамъ приходится считаться не съ одними сановниками, но и съ вліятельными публицистами, раздувающими чувство національнаго недовольства и находящими откликъ, съ одной стороны, у «патріотовъ» изъ малокультурныхъ слоевъ, а съ другой—у власти, агенты которой, служащіе въ Финляндіи, часто сами берутся за корреспондентское перо, чтобы обличать «государственныя преступленія» Финляндіи.

Борьба съ тѣхъ поръ осложнилась и продолжаетъ осложняться. Ея арена уже не два, три петербургскихъ салона или кабинета, уже не блажен-

ныя памяти лагерная ставка подъ Тавастегусомъ, гдѣ находчивый политикъ быстро добывалъ нужное. На сцену выступаютъ новыя силы, съ которыми приходится считаться. А для этого нужно было рѣзко перемѣнить точку зрѣнія, состоявшую въ томъ, что признавалось нужнымъ считаться въ Россіи только со дворомъ и съ властью, совершенно игнорируя общество, значеніе котораго признавалось ничтожнымъ. Такой взглядъ вытекалъ изъ общаго малаго знакомства съ Россіей: черезъ Петербургъ ѣздили за границу, но знакомство даже съ этимъ городомъ ограничивали переѣздомъ съ вокзала на вокзалъ.

Къ трудностямъ внѣшнимъ присоединились и трудности внутреннія. Если въ Россіи за 60—90-е годы «лицо измѣнилось земли», то въ Финляндіи это произошло еще въ большей степени, причемъ измѣненіе коснулось самыхъ глубокихъ слоевъ населенія. Дѣло въ томъ, что творцы финскаго національнаго движенія должны были воззвать къ помощи могучаго духа современнаго демократизма, ибо никакое національное движеніе немыслимо безъ демократической идеологіи. Но вызванный мощный духъ, оказавъ требуемую услугу, не пожелалъ сгинуть, а сталъ оказывать свое вліяніе совершенно самостоятельно, проявляясь въ обычныхъ формахъ и находя благодатную почву въ глубокихъ классовыхъ различіяхъ, существующихъ въ Финляндіи.

Финскій рабочій давно косился на беззаботную жизнь своего высшаго класса, на вѣчные праздники господъ, на ихъ румяныхъ сынковъ въ студенческихъ фуражкахъ, занимающихся спортомъ и кутежами; онъ былъ обозленъ быстро растущей дороговизной квартиръ и продуктовъ, столь выгодной домовладѣльцамъ и землевладѣльцамъ. Его оскорблялъ рѣзкій, въ манчестерскомъ духѣ, отказъ въ государственной помощи рабочему классу, съ которымъ до послѣдняго времени встрѣчались въ печати, на сеймѣ и въ городскихъ самоуправленіяхъ скромныя предложенія рабочихъ вождей и доброжелателей. Въ деревнѣ недовольство питалось тяжкимъ положеніемъ обширнаго безземельнаго класса, обязаннаго работать на помѣщиковъ и крестьянъ-собственниковъ за право пользоваться жилищемъ и клочкомъ земли.

Итакъ, вмѣстѣ съ расцвѣтомъ національности, съ роковой необходимостью развились здѣсь и рабочее и, въ самое послѣднее время, земельное движенія. Соотвѣтственно этому были выставлены настойчивыя требованія демократизаціи государственнаго строя, отдававшаго, до послѣдняго времени, средними вѣками. Въ результатѣ—полная реформа въ 1906 г. избирательнаго права съ предоставленіемъ права голоса женщинамъ и съ введеніемъ пропорціональнаго представительства (но съ сохраненіемъ, въ то же время, прежнихъ законовъ, удѣляющихъ весьма мало правъ сейму; эта единная палата, столь демократическаго состава, имѣетъ, въ сущности, не больше правъ, чѣмъ наша Государственная Дума). Въ этомъ новомъ сеймѣ, при общемъ количествѣ членовъ въ 200 человѣкъ, 80 мѣстъ принадлежатъ с.-д., 10—11 мѣстъ—элементамъ, въ общемъ сочувствующимъ с.-д. тактикѣ

Новые демократическіе элементы рѣзко критикуютъ дѣятельность ...

нѣшняго правительства, состоящаго изъ свекомановъ-конституціоналистовъ; стараются оказывать на него давленіе. При этомъ «молодые» впадаютъ въ обычную ошибку переоцѣнки реальныхъ силъ, ошибку, послѣдствія которой мы недавно испытали на самихъ себѣ. Съ другой стороны, на то же правительство напираютъ «суометаріанцы», старофеноманская партія, исполняющая роль «угодовцевъ» и стремящаяся къ власти, бывшей при бобриковскомъ режимѣ въ ихъ покладистыхъ рукахъ. Недавно суометаріанцы даже съ соціализмомъ заигрывали—одной, конечно, рукой; другая въ это время была занята писаніемъ «донесеній» куда слѣдуетъ. Въ ближайшемъ будущемъ ожидается, однако, сближеніе всѣхъ несоціалистическихъ партій, для противодѣйствія требованіямъ соціалистовъ; эти требованія признаются ведущими къ ухудшенію отношеній съ имперскимъ правительствомъ.

Я не пойду дальше въ лабиринтъ внутреннихъ отношеній. Но и сказаннаго достаточно, чтобы получить представленіе о воцарившейся здѣсь *сложности*, пришедшей на смѣну прежней простоты отношеній. Но все это съ роковой неизбѣжностью вытекаетъ изъ національнаго движенія, цѣной общей демократизаціи сдѣлавшаго изъ племени—націю; не безъ вліянія остались и русскія событія послѣдняго времени.

Вообще, съ конца 90-хъ гг. начинается замѣтное и очень разнородное вліяніе Россіи на этотъ до сихъ поръ изолированный край.

Прежде всего, казенная руссификація. Она, съ одной стороны, внесла сюда нѣкоторый культъ насильственныхъ средствъ («активизмъ»). Съ другой—она соблазняла слабыхъ людей и вносила разъединеніе. Но именно обрусенія-то она не достигала. Люди отказывались понимать по-русски, осуждали огульно все русское, съ ненавистью смотрѣли на каждаго русскаго, пока ближе не узнавали человѣка—тогда очень начинали различать русскаго отъ русскаго. Если обрусительная политика и достигла нѣкоторыхъ косвенныхъ результатовъ—сближенія русской и финской оппозицій, большаго знакомства финновъ съ Россіей, исчезновенія страха передъ «нигилистами»,—то прямой своей цѣли она и не могла достигнуть: это было вѣдь покушеніе съ негодными средствами. Что могли казенные руссификаторы предложить странѣ привлекательнаго, соблазнительнаго? Ничего, кромѣ должностей съ высокими окладами, но съ острыми терніями въ видѣ общественнаго презрѣнія въ странѣ, гдѣ общественное мнѣніе значитъ столь много. Правда, пытались кокетничать съ безземельными, но ничего изъ этого, кромѣ усиленія недовольства среди нихъ, не вышло. Ни лучшихъ дорогъ, ни лучшихъ школъ, ни лучшаго государственнаго устройства руссификаторы предложить не могли. Обрусеніе идетъ плохо даже тамъ, гдѣ русская культура является высшей; въ странѣ же болѣе культурной чѣмъ могутъ взять обрусители, сами по себѣ, вдобавокъ, люди безъ широкаго образованія и близорукіе, вѣрящіе лишь въ непосредственныя, принудительныя мѣры, умѣющіе разрушать, но совершенно неспособные къ государственной строительной работѣ? Въ такой странѣ такіе люди бываютъ безсильны, и ихъ политика даетъ обыкновенно обратные результаты.

Но не одними казенными обрусителями представлена была Россія въ Финляндіи. Вліяла и вліяетъ здѣсь и другая Россія. Много лѣтъ тому назадъ залетѣли сюда, передовыми ласточками, великія творенія русскихъ писателей; залетѣли они, правда, окружнымъ путемъ, старымъ путемъ цивилизаціи, черезъ Швецію, удостоившись аппробаціи сперва тамъ. Открылись у многихъ финновъ глаза на Россію; ихъ духовнымъ очамъ предстала иная Россія, не Россія шаблонныхъ о ней представленій. Ихъ поразила, заставила думать и страдать глубина и мощь произведеній, родившихся тамъ, гдѣ, думали они, нѣтъ никакой духовной жизни. Лучшимъ доказательствомъ вліянія русской литературы были протесты нѣкоторыхъ заскорузлыхъ «столповъ общества» противъ нея: она-де расшатываетъ наши устои, она-де поднимаетъ проклятые вопросы.

Пронеслась надъ Россіей октябрьская буря совершивъ политическое ея преображеніе, оставивъ по себѣ глубокій слѣдъ, который не стереть никакой реакціи. Подъ вліяніемъ русскихъ событій и угрожающаго настроенія гельсингфорскихъ улицъ, русская власть въ Финляндіи пошла на рѣшительныя уступки: былъ полностью возстановленъ «status quod ante Bobrikof». Началась новая эра. Народъ не могъ однако забыть, что онъ самъ, а не высшіе классы, добылъ въ эти дни свободу и что въ этомъ ему мощно помогла русская революція. Затѣмъ въ Финляндіи появляется много русскихъ изъ крайнихъ партій. Ихъ искренность, ихъ смѣлость, ихъ готовые и всегда рѣшительные отвѣты на самые сложные политическіе и соціальные вопросы оказывали сильное вліяніе на соотвѣтствующіе финскіе слои. Умѣренные здѣшніе элементы склонны видѣть—съ извѣстной долей преувеличенія—вліяніе «товарищей» въ столь частыхъ теперь движеніяхъ рабочаго класса (забастовки здѣсь—явленіе хроническое). Во всякомъ случаѣ, революціонный романтизмъ русскаго пошиба еще имѣетъ здѣсь нѣкоторую власть надъ умами, несмотря на неудачное выступленіе красногвардейцевъ въ свеаборгскіе дни, обнажившіе, кстати, глубокую классовую вражду, царящую въ Финляндіи. Горькихъ разочарованій политическихъ и экономическихъ здѣсь пока еще не приходилось переживать; наоборотъ, до сихъ поръ въ области промышленности и сельскаго хозяйства рабочія требованія обыкновенно исполнялись. Отсюда вѣра и въ грядущія побѣды. Естественно, что и въ области политики рабочимъ и ихъ вождямъ хотѣлось бы видѣть больше рѣшительности и демократичности.

При этомъ, конечно, забывается, что «Die Kraft ist schwach». Правящимъ конституціоннымъ сферамъ такое настроеніе причиняетъ не мало хлопотъ; онѣ полагаютъ, что либо долженъ оказать свое вліяніе присущій до сихъ поръ финнамъ духъ политической трезвости, этотъ аттрибутъ народовъ, жившихъ сознательной государственной жизнью, либо странѣ не избѣжать жестокихъ разочарованій, послѣдствіе того же оптическаго обмана, который такъ дорого обошелся Россіи.

Такимъ образомъ, однимъ изъ факторовъ изъ числа тѣхъ, которые вр·

сять сложность въ прежнюю простоту финляндской государственной жизни, является вліяніе «товарищеской» Россіи.

Есть еще одинъ видъ вліянія Россіи, дѣйствующій, правда, лишь на небольшую часть страны, но зато неотразимо и усиливающійся по мѣрѣ роста техническаго и культурнаго прогресса Финляндіи. Это—русская колонизація восточной части Выборгской губерніи и г. Выборга. Петербуржцы усиленно скупаютъ земли вдоль выборгской линіи; скупятъ ихъ и вдоль новой линіи, которая должна пойти изъ Теріоки или изъ другой станціи до Кексгольма—по живописной и близкой отъ Петербурга мѣстности. На полуостровѣ Ронгасъ, въ 3-хъ верстахъ отъ Выборга, русскіе накупили не мало участковъ на аукціонѣ весной этого года. Покупаются участки и за Выборгомъ. Движеніе это очень сильно, будучи выгодно обѣимъ сторонамъ. Русскіе привлекаются красотой природы и культурными удобствами: дороги, телефоны, безопасность отъ полиціи и отъ хулигановъ. Финскому же землевладѣльцу и крестьянину выгоднѣе вести дѣла съ русской крупной буржуазіей, чѣмъ съ поневолѣ разсчетливой мѣстной мелкой буржуазіей. Землю можно сбывать по 1,500—2,000 руб. за десятину, да еще голую скалу или песокъ. Русская дама зажиточнаго класса въ мелочи хозяйства не входитъ и потому щедро платитъ за продукты. Выборгскіе и теріокскіе магазины лѣтомъ торгуютъ на славу малообложенными заграничными товарами. Зато по-русски и говорятъ въ Выборгѣ почти во всякомъ магазинѣ.

Въ то же время нравы народа портятся, т.-е. опять-таки нарушается бытовая цѣльность строя: финнъ начинаетъ обманывать, угодничать «хорошему» барину, пропивать легкіе заработки, получается какая-то межеумочная мѣстность, гдѣ процвѣтаетъ комбинація дурныхъ національныхъ чертъ обѣихъ народностей. Типичный такой уголъ—это Теріоки. Характерный фактъ. Въ то время какъ сами финны сознаютъ стихійную силу этого «Drang nach Westen», грозящаго обратить финскаго крестьянина въ дачнаго дворника, русская власть очень озабочена такимъ удаленіемъ дачника «in montem sacram». Не понимая значенія, съ ея же точки зрѣнія, этой колонизаціи и серьезности причинъ, ее вызывающихъ,—она готовится субсидировать электрическую дорогу по южному берегу Финскаго залива отъ Петербурга до Красной Горки. Какъ будто это одно отвлечетъ дачника отъ «вреднаго» стремленія селиться въ Финляндіи.

И другое интересное и серьезное послѣдствіе. Именно среди дачниковъ и русскихъ землевладѣльцевъ нарождалось и нарождается недовольство финскими порядками, причемъ совершенно забываются всѣ тѣ удобныя стороны финской жизни, которыя ихъ именно и привлекли сюда—но къ нимъ скоро привыкаютъ и ихъ перестаютъ цѣнить. Зато возникаютъ вопросы: зачѣмъ особыя деньги? зачѣмъ таможня? (забываютъ, что сурова именно русская таможня, что таможенныя ставки ограждаютъ именно Россію отъ конкуренціи Финляндіи, выше стоящей въ техническомъ отношеніи). Зачѣмъ такіе высокіе коммунальные налоги? Зачѣмъ такой странный

судъ, два раза въ годъ, съ формальными уликами, присягами? и т. д., и т. д. Сюда же нужно прибавить столкновенія, вызываемыя глубокой противоположностью русскаго и финскаго характеровъ, и получится горячій противникъ Финляндіи, часто принадлежащій къ вліятельному кругу. Утверждаютъ, что толчкомъ къ походу противъ Финляндіи въ началѣ 90-хъ годовъ послужило такое же частное столкновеніе г. Ордина, владѣвшаго землей въ Финляндіи, съ мѣстными порядками. «Inde et irae».

И всякое техническое улучшеніе, вводимое Финляндіей, только усиливаетъ русскую колонизацію. Стóитъ, напримѣръ, уменьшить продолжительность перегона отъ Петербурга до Выборга до 2 часовъ (теперь $3^1/_2$ и больше), какъ Выборгъ станетъ чѣмъ-то вродѣ предмѣстья Петербурга. Почему, дѣйствительно, не поселиться петербуржцу въ этомъ хорошенькомъ и благоустроенномъ городкѣ, гдѣ, кстати, нѣтъ никакихъ усиленныхъ охранъ и прочихъ россійскихъ прелестей? Сила вещей заставитъ финляндцевъ ввести ускоренное движеніе между Выборгомъ и Петербургомъ, точно такъ же, какъ построить желѣзнодорожный мостъ черезъ Неву (не безсмыслица ли это, что по Петербургу теперь должны тянуться безконечные обозы ломовиковъ, перевозящихъ громадныя количества муки, овса и другихъ товаровъ на станцію Финляндской желѣзной дороги? Портятся мостовыя, затрудняется движеніе черезъ мосты). Нельзя же въ наше время разсуждать такъ, какъ разсуждалъ одинъ изъ феноманскихъ лидеровъ, когда-то говорившій мнѣ, что величайшей ошибкой финляндской политики было продленіе желѣзной дороги до Петербурга. Это геркулесовы столбы національзма, вызывающаго на бой непобѣдимаго врага, современную технику.

Нужно признать, что русскій рубль дѣйствуетъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ русскій генералъ. И всякія обсуждаемыя теперь ограничительныя мѣры противъ русской колонизаціи окажутся безсильными, ибо вліяніе столицы не можетъ быть ограничено Сестрой-рѣкой, ибо самому населенію кажется выгодной эта колонизація, ибо всѣ успѣхи финской техники ее усиливаютъ, ибо нестроеніе русской жизни неудержимо гонитъ русскаго въ Финляндію.

Цѣлью этихъ бѣглыхъ замѣтокъ было показать, сколь сложны современныя отношенія въ Финляндіи и какія, быть можетъ, трудности ей предстоитъ встрѣтить на своемъ дальнѣйшемъ пути.

Думаю, однако, что въ строѣ Финляндіи заложено достаточно твердыхъ демократическихъ устоевъ. Они, вѣроятно, заставятъ историческую равнодѣйствующую пойти не по столь печальнымъ мѣстамъ, какъ то предрекаютъ пессимисты. Жизнь обыкновенно идетъ серединой между предсказаніями оптимистовъ и пессимистовъ, поднося имъ великія неожиданности.

Д. Протопоповъ.

Новая книга о Пушкинѣ.

(*В. Сиповскій:* «Пушкинъ». Жизнь и творчество. Спб., 1907 г.)

I.

Большая книга о Пушкинѣ! Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ русская литература не видала ничего подобнаго. За эту четверть вѣка интересъ къ Пушкину сильно выросъ, изученіе его сдѣлало крупные шаги: опубликовано большое количество новыхъ матеріаловъ, появился цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ; начато Академіей Наукъ критическое изданіе сочиненій великаго поэта,—въ результатѣ мы теперь гораздо лучше знаемъ Пушкина. И, несмотря на то, у насъ не появлялось большой общей работы о Пушкинѣ, которая свела бы воедино результаты всѣхъ изслѣдованій и новыхъ пріобрѣтеній Пушкинской литературы и замѣнила бы единственную книгу, появившуюся еще въ 1880 году и, конечно, во многомъ теперь неудовлетворительную—книгу В. Стоюнина. Къ открытію памятника Пушкину Стоюнинъ на основаніи извѣстныхъ тогда матеріаловъ сдѣлалъ удачную попытку дать цѣльный очеркъ жизни и творчества Пушкина въ связи съ его эпохой,—очеркъ, объединенный руководящей мыслью,—не фактическую біографію, а общую оцѣнку личности и творчества поэта на фонѣ историческихъ условій. Повторяемъ, книга Стоюнина, несмотря на всю ея недостаточность, зависѣвшую болѣе всего отъ состоянія Пушкинскаго вопроса, не утратила до нашихъ дней своей цѣны и не замѣнена ничѣмъ другимъ, хотя эта замѣна давно уже и нужна, и возможна.

Объемистая книга г. Сиповскаго *), повидимому, является кандидаткой на это мѣсто. Она тоже не представляетъ собой обычной біографіи; авторъ имѣлъ въ виду дать «исторію міросозерцанія Пушкина, исторію его души», хотѣлъ учесть въ дѣятельности великаго человѣка «вліянія

*) Она не вся посвящена очерку личности Пушкина; послѣднія 200 (изъ 600 слишкомъ) страницъ заняты перепечаткой ранѣе написанныхъ этюдовъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ поэта.

его личности, обстоятельствъ его жизни и эпохи» (стр. XIII). Однимъ словомъ, цѣль новаго труда опредѣляется такъ близко къ задачѣ книги Стоюнина, что читатель, сколько-нибудь освѣдомленный, невольно проводитъ параллель между этими двумя работами. Въ виду этого поражаетъ странностью то обстоятельство, что для г. Сиповскаго книга Стоюнина какъ бы не существуетъ: онъ ни разу нигдѣ не упоминаетъ о ней—ни въ текстѣ, ни въ предисловіи, гдѣ говорится о предшественникахъ г. Сиповскаго. Вообще это выясненіе отношенія новой работы къ тому, что высказывалось о Пушкинѣ въ литературѣ раньше, возбуждаетъ рядъ недоумѣній. Авторъ, повидимому, чувствовалъ необходимость отвести своей книгѣ опредѣленное мѣсто въ Пушкинской литературѣ; да оно и естественно: выступая съ новой общей оцѣнкой Пушкина на 450 страницахъ, нельзя просто взять и подкинуть этотъ толстый томъ въ большую литературно-научную семью въ качествѣ непомнящаго родства. Но эта операція произведена очень неудовлетворительно: къ наиболѣе серьезнымъ трудамъ о Пушкинѣ нашъ авторъ не счелъ нужнымъ выразить никакого яснаго отношенія; наприм., у него нѣтъ совершенно оцѣнки Анненковскихъ работъ, хотя онъ обильно черпаетъ изъ нихъ не только факты, но и выводы. Пыпинская оцѣнка для него тоже не существуетъ, Стоюнинская—тоже. Единственно, съ чѣмъ онъ считается критически, это со взглядами Бѣлинскаго и Достоевскаго; ему представляется, что въ нихъ сконцентрировано все существенное, что вошло въ обиходъ и русской критики, и взглядовъ общества, причемъ Бѣлинскій является у него родоначальникомъ отрицательнаго взгляда на Пушкина, а Достоевскій—наиболѣе яркимъ выразителемъ столь же пристрастнаго, противоположнаго отношенія къ поэту.

«Надъ нашимъ пониманіемъ Пушкина до сихъ поръ,—по мнѣнію г. Сиповскаго,—тяготѣютъ идеи Бѣлинскаго и Достоевскаго», ихъ «пристрастныя сужденія» (стр. XI—XII). Здѣсь почти ни съ чѣмъ нельзя согласиться. Если про Бѣлинскаго можно сказать, что многіе изъ его взглядовъ на Пушкина вошли въ сознаніе русскаго общества и до сихъ поръ продолжаютъ повторяться, ставши «общими мѣстами», то, конечно, это относится всего болѣе къ положительной его оцѣнкѣ, а вовсе не къ тѣмъ немногимъ оговоркамъ, которыя у него имѣются. Пусть Бѣлинскій сказалъ въ концѣ-концовъ, что Пушкинъ только великій художникъ, его значеніе только эстетическое, что онъ принадлежитъ къ той школѣ, «время которой уже миновала совершенно въ Европѣ и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта»; пусть критика 60-хъ годовъ доводила до крайности отрицательный взглядъ на Пушкина;—ставить эти крайности на счетъ Бѣлинскому не приходится, и выставлять его представителемъ «отрицателей» значитъ—невѣрно изображать дѣло. Въ сознаніи потомства Бѣлинскій неизмѣнно остается первымъ русскимъ критикомъ, сумѣвшимъ выяснить и закрѣпить надолго многія существенныя положительныя стороны Пушкинскаго генія; его заключительное мнѣніе,

приведенное выше, вовсе не является выводомъ изъ произведеннаго имъ обширнаго анализа поэзіи Пушкина; про это мнѣніе дѣйствительно можно сказать, что оно брошено вскользь и совершенно не обосновано; истиннымъ же выводомъ изъ его статей о Пушкинѣ, неотразимо западающимъ въ душу, является, помимо мысли о художественномъ совершенствѣ, какъ разъ идея о высокой гуманности Пушкина, которая нашему автору кажется «указанной мимоходомъ» (стр. VIII).

Бѣлинскому вообще не повезло у г. Сиповскаго. Онъ «первый у насъ призналъ значеніе личности Пушкина для характеристики его великихъ произведеній», но онъ, видите ли, «совершенно не пользовался біографическими данными для уясненія этой личности»; онъ первый настаивалъ на великомъ значеніи эпохи для характеристики литературныхъ явленій, но «къ сожалѣнію, онъ плохо зналъ исторію» и по своей страстности никакъ не могъ стать на историческую точку зрѣнія и поэзію 20—30-хъ годовъ готовъ былъ судить съ точки зрѣнія 40-хъ годовъ; наконецъ, Бѣлинскій первый заговорилъ у насъ о смѣнѣ литературныхъ направленій, о вліяніи Запада, но «онъ не обладалъ глубокимъ знаніемъ литературъ западно-европейскихъ, да и о русской литературѣ XVIII в. имѣлъ очень поверхностное представленіе» (стр. VII—VIII). Читая эти тщательно подобранные упреки, истертые и затрепанные со временъ Шевырева, трудно понять сразу, для кого это писано и кто это пишетъ. Не легко вѣрится, что это вышло изъ-подъ пера историка литературы. Какая «страстность» не дала ему, который долженъ хорошо знать исторію своего предмета, самому стать на «историческую точку зрѣнія» и побудила его предъявить къ критику 30—40-хъ годовъ то, что можетъ быть названо «ложнымъ искомъ?» Чего стоитъ одно ожиданіе, чтобы Бѣлинскій, характеризуя Пушкина, чуть не на другой день послѣ его смерти, да еще на порогѣ 40-хъ годовъ, «пользовался біографическими данными!» Въ итогѣ мы считаемъ, что отмѣтить ту струю въ пониманіи Пушкина, которую нашъ авторъ называетъ «пристрастнымъ преуменьшеніемъ» поэта, слѣдовало, но Бѣлинскій очень неудачно выбранъ для этой роли и все значеніе его въ исторіи толкованія Пушкина смято и отчасти искажено.

Что касается другой, «славянофильской», точки зрѣнія, то Достоевскій, пожалуй, можетъ быть, и то съ оговорками, признанъ наиболѣе яркимъ ея выразителемъ, но самая вліятельность и распространенность этого пониманія поэта подлежитъ сомнѣнію. Г. Сиповскій указываетъ, что многія идеи рѣчи Достоевскаго стали ходячей монетой, и такія мысли, какъ «апоѳеозъ русскаго народа-христіанина», сдѣлались «шаблонными фразами русской литературы, общими мѣстами въ устахъ преподавателей и на страницахъ ученическихъ сочиненій». Это все не совсѣмъ такъ. Экстатическія крайности славянофильства въ рѣчи Достоевскаго, въ сущности, прошумѣли и исчезли, не внеся ничего новаго въ серьезное пониманіе Пушкина. Можетъ быть, «въ устахъ преподавателей и на страницахъ ученическихъ сочиненій» они и повторяются чаще, чѣмъ нужно,—мало ли ненаучныхъ мнѣній и теорій прямо нелѣпыхъ процвѣтаетъ въ этой области

подъ эгидой ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, явно стоящаго въ учености на уровнѣ «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма». Но что же здѣсь общаго съ широкимъ вліяніемъ на литературу и науку? Другое дѣло—не вдохновенныя пророчества, а болѣе спокойныя и умѣренныя, взвѣшенныя—и какъ ни какъ—обоснованныя попытки славянофильскихъ толкованій Пушкина у А. Григорьева, Н. Страхова, у Незеленова; они обладаютъ большей жизнеспособностью, и съ ними кое въ чемъ не мѣшало бы сосчитаться по пунктамъ. Но этого г. Сиповскій какъ разъ и не сдѣлалъ.

Итакъ, авторъ новой большой книги о Пушкинѣ очень неудовлетворительно разобрался въ основныхъ сторонахъ Пушкинскаго вопроса, и задача его труда осталась невыясненной. Но въ предисловіи есть еще мѣсто, гдѣ авторъ стремится опредѣлить свой замыселъ. Это—разсужденіе о томъ, что въ исторіи дѣйствуютъ двѣ силы: закономѣрность и случайность; всякій крупный историческій дѣятель *долженъ* появиться, въ немъ эпоха подводитъ свои итоги, но его личность вноситъ въ закономѣрный ходъ исторіи элементъ *случайности*. Изученіе дѣятельности великаго человѣка будетъ одностороннимъ, «если мы не учтемъ случайныхъ вліяній его личности, обстоятельствъ жизни и эпохи, которыя всегда, въ большей или меньшей степени, врѣзаются въ жизнь всякаго человѣка» (стр. XIII). Такъ вотъ г. Сиповскому кажется, что «основной ошибкой русской критики (беру два имени: Бѣлинскаго и Достоевскаго) было именно недостаточно внимательное отношеніе къ вліяніямъ этой случайности на жизнь и творчество Пушкина». Этотъ пробѣлъ онъ и хочетъ пополнить своей книгой. Въ сущности, это значитъ просто, что г. Сиповскій намѣренъ говорить не о произведеніяхъ поэта, а о его личности. Въ добрый часъ; только не было основаній обрушиваться на Бѣлинскаго и Достоевскаго за то, что они не выбрали для себя этой задачи, которая притомъ для перваго изъ нихъ въ его условіяхъ была прямо недоступна. Затѣмъ г. Сиповскій не убѣдилъ насъ и въ необходимости выдвинутой имъ тяжелой артиллеріи—закономѣрности и случайности. Вся эта философія очень похожа на мудреную рѣчь о простыхъ вещахъ; такъ называемая «закономѣрность» историческихъ событій, ихъ «неизбѣжность» и «необходимость» въ извѣстномъ смыслѣ, модифицирующее вліяніе личности и ближайшихъ обстоятельствъ,—это все идеи весьма почтеннаго возраста, которыя, преподнесенныя притомъ въ видѣ голыхъ абстракцій, восхитятъ въ наше время развѣ гимназистовъ, а въ серьезной работѣ странно видѣть ихъ торжественное провозглашеніе и разъясненіе съ примѣрами изъ исторіи, вродѣ слѣдующихъ: «Французская революція, Петръ Великій, Пушкинъ—все это слѣдствія грандіознаго прошлаго». Никакихъ новыхъ углубленій въ эту ходячую голую идею г. Сиповскій не внесъ; когда же онъ попытался приложить ее къ частному случаю и намѣтить въ общихъ чертахъ связь Пушкина съ предшествующимъ литературнымъ развитіемъ (стр. XV—XXIV), то и тутъ сколько-нибудь свѣжи оказались почти только одни примѣры да частныя замѣ-

нія, а вся основная идеологія—обычная, ведущая свое начало отъ Бѣлинскаго: реализмъ, какъ давняя основная струя нашей литературы (Бѣлинскій велъ ее съ Петровской эпохи, съ Кантемира, г. Сиповскій начинаетъ съ XVII вѣка; но вѣдь за 60—70 лѣтъ послѣ Бѣлинскаго можно же было чему-нибудь научиться), потомъ псевдоклассицизмъ, сантиментализмъ и романтизмъ, какъ струя идеализма, и, наконецъ, въ Пушкинѣ—первое сліяніе обѣихъ струй, «поэзія дѣйствительности». Все это не менѣе обстоятельно и убѣдительно изложено было еще въ статьѣ Бѣлинскаго «Русская литература въ 1847 г.». Только Бѣлинскій не впадалъ въ такія неловкости, какъ г. Сиповскій, говоря, наприм., о Карамзинѣ (стр. XVII). По его словамъ Карамзинъ «удачно соединилъ въ своихъ произведеніяхъ реализмъ формы и содержанія съ сантиментальнымъ субъективизмомъ»; повидимому, чего же еще, какихъ успѣховъ ждать отъ литературы, разъ Карамзинъ уже достигъ реализма и формы, и содержанія? Но подождите: оказывается, что Карамзинъ «сдѣлалъ великое культурное открытіе: и крестьянки чувствовать умѣютъ», но «взволнованный величіемъ найденной идеи», «нарушилъ художественное равновѣсіе между объективизмомъ изложенія и субъективизмомъ внутренняго освѣщенія», т.-е. на радостяхъ не смогъ или забылъ сдѣлать свою крестьянку крестьянкой. (Должно быть, такъ надо понимать эту замысловатую фразу?) А куда же дѣлся достигнутый Карамзинымъ реализмъ формы и содержанія?

Но окончательное пораженіе терпитъ эта «новая» теорія закономѣрности на послѣдней страницѣ предисловія, гдѣ говорится, что всѣ великіе писатели—итоги предшествовавшей жизни; «ихъ появленіе можно предвидѣть, потому они—закономѣрныя явленія, и неизбѣжность такихъ явленій доказана опытами исторіи». А затѣмъ вдругъ прибавлено: «Но оттѣнковъ этой дѣятельности нельзя предвидѣть, какъ нельзя знать, куда упадетъ зерно, на камень или въ хорошую почву, разовьется ли оно въ высокій, стройный колосъ, или зачахнетъ безъ пищи». Хороши *оттѣнки дѣятельности!* Гдѣ же историческая «неизбѣжность» Пушкиныхъ, если отъ случая зависитъ, появятся они или нѣтъ? Если случай такъ силенъ, то нѣтъ ли и въ немъ «закономѣрности?»

Г. Сиповскій рѣшаетъ вопросъ такъ, что исторія человѣчества потратила-де много усилій на борьбу случая съ закономѣрностью. Но этимъ окончательно вырвана почва изъ-подъ теоріи неизбѣжности хода исторіи, ибо выходитъ такъ: такія-то событія можно предсказать, потому что они непремѣнно произойдутъ... если что-нибудь не помѣшаетъ. «Пофилософствуй—умъ вскружится!»

II.

Что же представляетъ собою сама книга, которой смыслъ и мѣсто такъ неловко и тяжело опредѣлены ея предисловіемъ? Такъ какъ, очевидно, общія точки зрѣнія не составляютъ сильной стороны автора, то есте-

ственно это отражается и на книгѣ. Главныя особенности натуры Пушкина, основныя черты его развитія, его общій психическій складъ и эмоціональная сторона личности—все это изображено гораздо болѣе удовлетворительно, чѣмъ сторона идейная, развитіе взглядовъ и убѣжденій поэта. Особенно блѣдными и не всегда ясными чертами обрисованы общественныя воззрѣнія Пушкина. Возьмемъ, наприм., вопросъ о политическомъ либерализмѣ поэта въ Александровскую эпоху. Здѣсь непріятно поражаетъ прежде всего характеристика всего общественнаго движенія того времени, лишь какъ «царства блестящаго диллетантизма», «необычайной и неразборчивой влюбчивости въ идеи»; упомянувъ мимоходомъ, что «между вожаками было нѣсколько энергичныхъ и сознательно дѣйствовавшихъ лицъ», авторъ признаетъ въ «шедшей за ними массѣ» лишь увлеченіе либерализмомъ, какъ свѣтской модой. Нѣсколькими строками ниже пропадаетъ даже и это смутное разграниченіе: идетъ рѣчь о томъ, что «политическія настроенія «передового» *) общества загипнотизировали Пушкина громомъ звонкихъ фразъ, легковѣсныхъ остротъ, банальныхъ повтореній того, что смутно доносилось съ Запада»; говорится даже объ «угарѣ площадного либерализма» (стр. 117—118). При этомъ нѣтъ никакой возможности отнести эту послѣднюю характеристику къ одной «массѣ», ибо вѣдь хорошо извѣстно, что Пушкинъ не въ Репетиловской компаніи черпалъ тогда свои политическія настроенія, а стоялъ близко къ тѣмъ самымъ, кого г. Сиповскій называетъ «вожаками». Вся характеристика движенія сдѣлана по Анненкову и наполовину его словами,—такъ авторитетенъ въ глазахъ современнаго историка литературы оказывается этотъ критикъ 50-хъ годовъ, все вниманіе свое въ этомъ вопросѣ устремившій на несерьезность и невѣжество «либеральничавшихъ» круговъ, и даже замѣченную въ тогдашнихъ «политикахъ» стойкость убѣжденія объяснявшій «слабостью историческихъ знаній» (стр. 116)!

Что касается роли самого Пушкина, то и здѣсь дѣло обстоитъ не вполнѣ благополучно. Можно критически относиться къ глубинѣ и прочности тогдашняго Пушкинскаго либерализма — Пушкинъ, конечно, никогда не былъ политическимъ борцомъ,—но никто не сомнѣвался, что онъ искренно дѣлилъ благородныя чувства съ лучшими людьми своей эпохи. Почему же собственно г. Сиповскій полагаетъ, что истинный характеръ политическихъ настроеній поэта «лучше всего опредѣляется изъ посланія къ одному изъ сотоварищей по *Зеленой Лампѣ*», а писанныя въ то же время серьезныя политическія стихотворенія («Къ Чаадаеву», «Деревня», «Вольность») представляютъ случайность, «одинокіе оазисы», «минутную правду?» Если Пушкинъ въ томъ посланіи приглашаетъ товарища по кутежамъ къ легкому либерализму за бокаломъ вина, такъ, можетъ быть, правильнѣе счесть это за характеристику не поэта, а его товарища? Въ другомъ мѣстѣ (стр. 245) г. Сиповскій подробно объясняетъ, что ха-

*) Кавычки автора.

рактернымъ свойствомъ Пушкина было—мѣняться въ зависимости отъ того, къ кому онъ пишетъ; онъ даже увлекся этой мыслью до абсурда, такъ что написалъ про Пушкина: «онъ обладалъ способностью заразъ жить интересами и Репетилова, и Чацкаго, искренно ихъ любя сегодня, такъ же искренно презирая завтра». Почему не вспомнилъ г. Сиповскій этого свойства Пушкина, когда объяснялъ его посланіе къ В. Энгельгардту? Можетъ быть, онъ понялъ бы тогда, что здѣсь скорѣе можно искать только «минутной правды», а вовсе не «истиннаго характера политическихъ настроеній» Пушкина.

Съ толкованіемъ, какое даетъ нашъ авторъ серьезнымъ (онъ снабжаетъ этотъ эпитетъ кавычками!) стихотвореніямъ этого времени, тоже нельзя согласиться. Стихотвореніе «Деревня» кажется ему искусственнымъ соединеніемъ двухъ несогласующихся настроеній: вначалѣ воспѣваются сладости сельской жизни, а затѣмъ якобы совершенно неожиданно «молодой эпикуреецъ» обращается въ «друга человѣчества», скорбящаго о ближнемъ. «И настраивая себя на этотъ ладъ, поэтъ отъ вымученнаго, холоднаго и искусственнаго паѳоса доводитъ себя до искренняго воодушевленія, которое разряжается въ прекрасныхъ словахъ: «Увижу-ль я, друзья...» (стр. 120). Не правда ли, какая психологически правдоподобная картина процесса, какимъ создаются стихи! И какъ это похоже на Пушкина! А главное, въ «Деревнѣ» вовсе нѣтъ «совершенно неожиданнаго превращенія», какъ нѣтъ и «молодого эпикурейца». Серьезный тонъ проникаетъ пьесу съ первыхъ строкъ: деревня привѣтствуется, какъ пріютъ спокойствія, *трудовъ*, отдохновенія, поэтъ промѣнялъ порочный дворъ царей и роскошь пировъ и забавъ на сельскую тишину и праздность вольную — *подругу размышленья*; наслаждаясь свободой и привольемъ деревни, онъ весь отдается глубокой работѣ духа, освобожденнаго «отъ суетныхъ оковъ», и въ его душевной глубинѣ зрѣютъ творческія думы тѣхъ писателей—«оракуловъ вѣковъ» — общеніе съ которыми такъ много ему даетъ. Однимъ изъ плодовъ, созрѣвшихъ здѣсь въ его душѣ, и является сознательный взглядъ на окружающее, гдѣ пробужденная мысль и чувство открываютъ подъ «слѣдами довольства и труда» печальную картину нищеты и рабства. Такъ цѣльно и естественно развивается все въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи.

Г. Сиповскому лучшіе стихи Пушкина на общественныя темы представляются «блестящимъ результатомъ чьихъ-то искреннихъ, серьезныхъ рѣчей, случайнымъ слушателемъ которыхъ удалось быть Пушкину» (стр. 119); выше единственнымъ серьезнымъ въ этомъ смыслѣ человѣкомъ около Пушкина-лицеиста показанъ былъ одинъ Чаадаевъ, но затѣмъ дважды было замѣчено, что, окунувшись по выходѣ изъ лицея въ жизнь, юноша забывалъ серьезные уроки гусара-мудреца и въ шумѣ легкомысленнаго веселья и въ «угарѣ площаднаго либерализма». Послѣ такихъ заявленій слова объ «чьихъ-то серьезныхъ рѣчахъ», давшихъ такіе «блестящіе результаты», какъ «Деревня», «Вольность» и др., звучатъ неожиданной и произвольной догадкой, право на которую авторъ самъ у себя отнялъ. Но мы на этотъ

разъ присоединимся къ г. Сиповскому; въ названныхъ двухъ стихотвореніяхъ, въ ихъ духѣ, а также въ особенностяхъ ихъ стиля, ихъ фразеологіи, которыя очевидно заставили г. Сиповскаго говорить о «вымученномъ, холодномъ и искусственномъ паѳосѣ», мы видимъ несомнѣнные слѣды вліянія «искреннихъ, серьезныхъ рѣчей» Радищева, одного изъ тѣхъ «оракуловъ», которыхъ «не случайно слушалъ», а очевидно внимательно «вопрошалъ» юноша Пушкинъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи.

Прибавимъ, чтобы покончить съ этими страницами г. Сиповскаго, что онъ совершенно неправильно вчитываетъ въ посланіе къ М. Ѳ. Орлову смыслъ, какого оно не имѣетъ; Пушкинъ просто говоритъ, что не поступитъ пока въ военную службу, но если разразится война, и Орловъ, «у трона вѣрный гражданинъ», поведетъ войско, то поэтъ станетъ подъ его знамена; а г. Сиповскому почему-то представилось, что Пушкинъ намекаетъ на возстаніе, и онъ пишетъ: «Очевидно, призракъ 14 декабря носился уже передъ нимъ». Едва ли о ту пору носился онъ и передъ самими декабристами. Вполнѣ неудачно истолкованы въ этомъ же смыслѣ «предчувствія великихъ событій» и три строки стихотворенія «Деревня», гдѣ поэтъ жалѣетъ, что его голосу не суждено «сердца тревожить» и онъ не владѣетъ «грознымъ даромъ витійства»; здѣсь, конечно, поэтъ признаетъ лишь, что пламенное, обличительное слово — не его призваніе, а единственное «великое событіе», которое онъ призываетъ, опредѣленно названо ниже: «рабство, падшее по манію царя». Опять декабрь здѣсь не причемъ.

Наконецъ, замѣтимъ, что основная тема разбираемыхъ страницъ («либерализмъ Пушкина былъ не серьезенъ») вовсе не обязывала автора къ натяжкамъ фактическаго характера; онъ пишетъ безъ основанія: «когда наступило время расплаты за дерзкія эпиграммы, поэтъ не обнаружилъ мужества,—онъ растерялся и... испугался» (стр. 123). Тутъ же для большаго показанія Пушкинской трусости (эвфемистически обозначенной такъ: «слово Пушкина и дѣло еще не слились воедино») разсказанъ знаменитый анекдотъ о зайцѣ, якобы удержавшемъ въ декабрѣ 1825 года Пушкина отъ присоединенія къ мятежникамъ.

Пушкинъ такъ много въ своей жизни выказалъ и безразсудной отваги и спокойнаго мужества именно въ опасные моменты, что объ этомъ нѣтъ надобности распространяться, но интересно знать, на чемъ основано столь необычное толкованіе его поведенія? На простыхъ словахъ Карамзина, что Пушкинъ нѣсколько дней былъ «въ непіитическомъ страхѣ?» Или на томъ, что поэтъ сжегъ передъ обыскомъ свои бумаги? Или его предложеніе написать самому всѣ свои запретные стихи было ловкимъ маневромъ лукавства, игравшаго на прямоту? Повидимому, г. Сиповскій не остерегся даже отъ такой почвы, ибо онъ замѣчаетъ «тонко»: «конечно, не все попало въ эту тетрадь,—иначе незачѣмъ было и жечь свои бумаги...» (стр. 133). Такъ-таки рѣшительно «незачѣмъ?» Г. Сиповскій, очевидно не можетъ представить себѣ никакихъ иныхъ мотивовъ, кромѣ желанія спрятать за-

болѣе «возмутительные» стихи. Ну а насчетъ зайца, неужели авторъ убѣжденъ, что не будь его, Пушкинъ поѣхалъ бы и всталъ въ ряды мятежниковъ? Заяцъ, если онъ тутъ подвернулся, лишь наглядно вскрылъ хаосъ въ настроеніи Пушкина; по поводу этого поступка поэта можно говорить о перемѣнѣ его взглядовъ, о способности къ внезапнымъ порывамъ, даже, если угодно, о противоположной способности одуматься, но только, во-первыхъ, не о зайцѣ, а во-вторыхъ, не о малодушіи.

Заслуживаетъ порицанія (не только съ точки зрѣнія логики) стоящая на той же 123 страницѣ фраза: «самая возможность удачно пустить по городу слухъ о томъ, будто Пушкина высѣкли въ полиціи за его стихи, указываетъ на то, какъ не серьезно относилось общество къ «политиканствующему» юношѣ-поэту». Фраза эта составляетъ звено въ цѣпи доказательствъ все той же легковѣсности Пушкинскаго либерализма; авторъ подкрѣпляетъ свой выводъ ссылкой на слова Анненкова, приведенныя тутъ же подъ строкой, но,—увы!—Анненковъ, какъ и слѣдовало, видитъ въ этомъ слухѣ лишь матеріалъ для характеристики гнусныхъ тогдашнихъ административныхъ нравовъ, а съ другой стороны, для характеристики самого общества, которое могло воспринимать и распространять подобные слухи безъ ужаса и негодованія. И только. Характеръ Пушкинскаго либерализма тутъ не причемъ; онъ могъ быть какъ угодно глубокъ и серьезенъ, но «мальчика высѣкли за вольные стихи»—для тѣхъ слоевъ тогдашняго русскаго общества, о которыхъ и идетъ рѣчь, этого было достаточно, чтобы ощутить интересъ пикантнаго скандала.

Нельзя сказать, чтобы г. Сиповскому было недоступно истинное пониманіе Пушкина въ эту эпоху. Подводя итоги этой поры для поэта, онъ пишетъ, что большое разнообразіе впечатлѣній и увлеченій молодого Пушкина знаменовало широкое развертываніе силъ крупной души и было для художника школой русской дѣйствительности: «можетъ быть, эта неразборчивость въ друзьяхъ, это своеобразное тяготѣніе ко *всѣмъ* проявленіямъ тогдашней жизни были именно результатомъ инстинктивнаго стремленія узнать, перечувствовать, пережить всю цѣликомъ жизнь эпохи...» (стр. 135). Не «можетъ быть», а несомнѣнно это есть единственная правильная точка зрѣнія на развитіе Пушкина, какъ всякаго крупнаго художника, и если бы г. Сиповскій взялъ ее себѣ въ постоянныя руководительницы, онъ бы въ иномъ, болѣе соотвѣтственномъ тонѣ написалъ предыдущія, разобранныя нами, страницы.

III.

Дальнѣйшее развитіе общественныхъ воззрѣній Пушкина въ значительной степени остается внѣ горизонта автора.

Какъ пережилъ поэтъ тяжелый переломъ въ жизни всего общества на порогѣ двухъ царствованій, какой смыслъ могъ влагать онъ, «на берегъ выброшенный грозою», въ свои увѣренія: «я гимны прежніе пою...»;

въ чемъ именно эти гимны должны были остаться прежними и въ чемъ измѣняться—обо всемъ этомъ детальнаго и обстоятельнаго отвѣта мы не найдемъ у нашего автора: подобныхъ вопросовъ онъ касается случайно, бѣгло и не всегда вразумительно.

Вотъ, напр., на стр. 306 читаемъ про Пушкина передъ женитьбой: «...Міровоззрѣніе его перемѣнилось вполнѣ и безповоротно, — онъ былъ уже глубоко вѣрующимъ человѣкомъ и спокойнымъ гражданиномъ, который сознательно уступилъ требованіямъ тогдашней русской жизни и отрѣшился отъ утопическихъ иллюзій. «Самодержавіе, православіе и народность» — лозунгъ такъ называемой официальной народности—сдѣлался и его лозунгомъ». Никоимъ образомъ нельзя удовлетвориться такой общей характеристикой, подъ которую даже трудно подложить опредѣленное конкретное содержаніе; широкія складки этой офиціальной одежды прикрывали собою тогда столько разнообразныхъ, очень иногда несхожихъ политическихъ и общественныхъ физіономій. Единственный фактъ, на который ссылается г. Сиповскій, тутъ же даетъ тому убѣдительный примѣръ. Ссылка эта говоритъ, что въ 1830 г. Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, — контръ-революціи революціи Петра. Вотъ тебѣ случай написать политическій памфлетъ и даже его напечатать, ибо правительство дѣйствуетъ, или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ европейскаго просвѣщенія. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ—вотъ великіе предметы!» Уже этихъ нѣсколькихъ строкъ, приведенныхъ авторомъ въ подкрѣпленіе своего вывода, достаточно, чтобы расшатать и опрокинуть его. Развѣ формулированная здѣсь Пушкинымъ въ двухъ словахъ цѣлая общественная программа имѣетъ много общаго съ политикой офиціальной народности? Николай и его министры отвергли бы ее всю, кромѣ перваго пункта (огражденіе дворянства), да навѣрно разошлись бы съ Пушкинымъ и въ пониманіи этого требованія. Затѣмъ, этихъ же строкъ довольно, чтобы передъ вами всталъ человѣкъ, искренно довѣряющій правительству и не замѣчающій недоразумѣнія между собой и имъ (я говорю не о личномъ характерѣ отношеній),—человѣкъ, имѣющій свою программу и считающій себя солидарнымъ съ правительствомъ. Какъ можно, говоря о Пушкинѣ, ограничиваться общими рамками банальной схемы: «въ молодости побурлилъ, пофрондировалъ, а потомъ остепенился и сталъ смирнымъ обывателемъ». А разъясненія г. Сиповскаго очень немного прибавляютъ къ этой голой схемѣ. Нашъ авторъ очень подробно излагаетъ исторію терзаній Пушкина отъ всѣхъ надзоровъ, запрещеній, выговоровъ и оскорбленій, какими въ изобиліи была усѣяна его жизнь, достаточно мѣста отводитъ и враждѣ къ Пушкину высшаго общества, но нигдѣ, ни разу разсказъ его не выходитъ изъ рамокъ частной судьбы индивидуума и страданій великаго человѣка за себя лично. Ни разу не пробилась идея, что вѣдь могъ же и долженъ былъ Пушкинъ хотя иногда взглянуть на дѣло пошире, поднять свой умный взглядъ повыше лба окружавшихъ его

враждебной стѣной Бенкендорфовъ, Уваровыхъ и т. п. и разглядѣть за ними силу общихъ условій жизни. Вѣдь вырывались же у него восклицанія, вродѣ: «что дѣлать мнѣ въ Россіи?» «Чортъ меня дернулъ родиться въ Россіи и съ талантомъ!» «Я за Россію не дамъ и 75 цѣлковыхъ» и т. д. Фразы эти приводитъ и г. Сиповскій, но онѣ для него обозначаютъ только «противорѣчія» Пушкинскаго характера, «способность поэта увлекаться настроеніемъ минуты» и т. д. Эти вещи имѣютъ и другой смыслъ.

Личная драма жизни Пушкина изображена въ книгѣ, повторяемъ, очень подробно и хорошо, но когда авторъ на послѣднихъ страницахъ пытается подвести итоги и высказать свой взглядъ на судьбу Пушкина, онъ нѣсколько путается въ усвоенной имъ узкой личной точкѣ зрѣнія. Главный трагизмъ судьбы поэта онъ видитъ въ двойственности самого Пушкина. «Онъ впиталъ въ себя, какъ результатъ воспитанія, немало предразсудковъ и слабостей, принижавшихъ его свободный духъ. Здѣсь—начало той внутренней борьбы, которая проходитъ красной нитью черезъ всю его жизнь». Сказавъ мимоходомъ безусловно вѣрную мысль: «поэтъ погибъ потому, что съ дѣтства стремился къ независимости и жилъ въ такомъ обществѣ и въ такое время, когда духъ рабства былъ господствующимъ», г. Сиповскій спѣшитъ перейти отъ нея къ другой, что Пушкинъ, при всей оригинальности своего духа, былъ отравленъ этимъ ядомъ рабства, и подробно останавливается на этой двойственности. Не полагаетъ ли онъ, что безъ этой двойственности поэтъ былъ бы счастливъ?

Заканчивается это разсужденіе довольно неожиданно. «Только смерть освободила его отъ тѣхъ цѣпей, которыя судьбой были наложены на его плечи. Если бы у него была другая подруга жизни, если бы государь хотя немного понималъ его и болѣе цѣнилъ, этихъ бы цѣпей не было,—и жизнь Пушкина заняла бы въ исторіи человѣчества одну изъ самыхъ прекрасныхъ страницъ!» (стр. 443—444). Въ этомъ наивномъ восклицаніи, кажется намъ, особенно ярко сказалась недодуманность знаменитой теоріи о неизбѣжности и случайности въ исторіи.

Мы отнюдь не хотѣли бы внушить читателю мысли, что въ большой работѣ г. Сиповскаго, написанной, повидимому, съ большой охотой и вниманіемъ, нѣтъ хорошихъ мѣстъ. Мы уже говорили, что автору лучше другихъ удались описательно-біографическія части; многія частности Пушкинской психологіи, его настроенія и взгляды по отдѣльнымъ вопросамъ личной жизни и поэтическаго призванія разобраны и выяснены очень тщательно. Всего однако удачнѣе мы считаемъ нѣсколько этюдовъ объ отдѣльныхъ вещахъ Пушкина; они дѣльны, обильны матеріаломъ и освѣщаютъ вопросъ. Это—извѣстный вкладъ въ Пушкинскую литературу, котораго не обойдетъ изслѣдователь.

Для заключенія два слова объ изложеніи. Въ общемъ не плохое, оно производитъ иногда непріятное впечатлѣніе злоупотребленіемъ хорошей по существу манерой характеризовать взгляды или настроенія писателя под-

боромъ подлинныхъ цитатъ изъ него. Г. Сиповскій часто дѣлаетъ такой подборъ изъ отдѣльныхъ словъ, беря ихъ въ кавычки и оправдывая каждое сноской; такимъ образомъ, напр., стр. 85 содержитъ на 17 строкъ текста 17 же примѣчаній, а на предыдущей страницѣ къ послѣднимъ 11 строкамъ относится даже 15 ссылокъ! И если бы еще дѣло шло о какихъ-нибудь важныхъ оттѣнкахъ серьезныхъ вопросовъ, гдѣ иной разъ дѣйствительно отдѣльное слово можетъ много значить! А то г. Сиповскому для чего-то понадобилось собрать непремѣнно всѣ имена, которыми называетъ себя поэтъ въ лицейскихъ стихотвореніяхъ, и каждое изъ этихъ довольно равнозначущихъ выраженій (вродѣ: лѣнивый философъ, питомецъ нѣгъ, поэтъ сладострастья, сынъ нѣги, парнасскій волокита, счастливый лѣнивецъ, рѣзвый поэтъ, безпечный Пинда посѣтитель и т. д.) добросовѣстнѣйшимъ образомъ снабдить ярлычкомъ, гдѣ именно, въ какомъ стихотвореніи сорванъ собирателемъ сей поэтическій цвѣтокъ. Для чего нужна эта досадная мозаика? Выводовъ изъ нея никакихъ авторъ не дѣлаетъ, характеристика поэта этимъ только обременяется, не дѣлаясь содержательнѣе, и вся книга толстѣетъ нездоровой полнотой. Это—въ лучшемъ случаѣ, матеріалы для Пушкинскаго словаря, да и съ этой точки зрѣнія они негодны, какъ завѣдомо неполные. Между тѣмъ нашъ авторъ часто прибѣгаетъ къ этой манерѣ; въ этомъ однообразіи подчасъ тонетъ и обезличивается важное, и несоотвѣтственно вылѣзаютъ впередъ вопросы второстепенные и мелкіе.

Въ итогѣ книга г. Сиповскаго не безполезна въ частностяхъ, но по общей концепціи своей и по исполненію она не дала для нашего времени того цѣннаго обобщающаго свода, который удалось дать для 80-хъ годовъ Стоюнину. Такой работы мы еще ждемъ.

А. Е. Грузинскій.

Новое славянское изданіе.

Печальною и трагическою представляется судьба славянофильства въ Россіи. Возникшее подъ сильнымъ вліяніемъ философскихъ системъ Шеллинга и Гегеля, вдохновленное національнымъ возрожденіемъ западныхъ и южныхъ славянъ и ихъ усиліями свергнуть съ себя гнетущее ихъ иго, славянофильство, повидимому, должно было направить всѣ духовныя силы Россіи къ осуществленію ея великой, исконной миссіи,—къ занятію главенствующаго положенія въ семьѣ всѣхъ славянскихъ національностей и ревниво оберегать права даже самаго малаго члена этой великой семьи. Но вышло какъ разъ наоборотъ. Гонимое и преслѣдуемое русскимъ правительствомъ, оно невольно усваивало всѣ пріемы его близорукой и эгоистической политики. Неосуществимыя, но прекрасныя мечтанія Хомякова, Кирѣевскихъ и Константина Аксакова, усиліями Погодина и Шевырева привели къ достопамятной тріадѣ: «православію, самодержавію и національности», до сихъ поръ еще тяготѣющихъ надъ нашей страной.

Въ рукахъ Ивана Аксакова знамя славянофильства еще болѣе склонилось въ сторону подчиненія всѣхъ славянскихъ національностей одной Россіи, наконецъ, обратилось въ грязную тряпицу и попало въ обладаніе (horribile dictu!) гг. Шарановыхъ и Черепъ-Спиридовичей. Понятно, что при такихъ условіяхъ славянофильство теряло всякій смыслъ въ глазахъ не только русскихъ, но и всѣхъ остальныхъ славянъ и становилось какою-то притчей во языцѣхъ.

На-ряду съ этимъ и правительство наше дѣлало все, чтобы оттолкнуть отъ себя своихъ естественныхъ и неизбѣжныхъ союзниковъ. Вспомнимъ хотя бы несчастную Польшу. Да и вообще ходъ всей исторіи, начиная съ 31 года до попытки Александра III обратить Болгарію въ русскую губернію, неминуемо долженъ былъ бы привести не къ тому, чтобы «славянскіе ручьи слились въ русскомъ морѣ», а къ возникновенію между ними непреодолимой преграды, въ видѣ какого-нибудь нѣмецкаго курфиршества.

Но вѣрные адепты пресловутой троицы не замѣчали, что ихъ усилія даютъ результаты, совершенно неожиданные и нежелательные для нихъ.

Положимъ, имъ удалось посѣять братоубійственную рознь между двумя величайшими славянскими національностями,—русской и польской, и долгое время держать тѣхъ и другихъ въ роковомъ ослѣпленіи, но подошло время пробужденія Россіи, и вѣковая ложь зашаталась въ своихъ основаніяхъ. Тяжелые уроки исторіи не прошли безслѣдно и для поляковъ и заставили ихъ болѣе трезво смотрѣть на положеніе вещей. Поляки поняли, что нельзя всѣхъ русскихъ объединять съ Муравьевыми, Гурками etc., что если въ Польшѣ царилъ гнетъ и лилась кровь, то и у насъ были свои Муравьевы и Гурки, что православіе одинаково благосклонно относилось какъ къ уніатамъ, насильственно возвращаемыхъ «въ лоно родной церкви», такъ и къ старообрядцамъ и штундистамъ.

Много ручьевъ слезъ и крови струилось и въ Польшѣ, и въ Россіи, и вотъ они готовы слиться въ то великое, но уже не «русское», а славянское море, въ которомъ потонетъ все, что мѣшало свободно развиваться великому племени.

Не умерла и самая идея славянофильства. Опозоренная и заглохшая на берегахъ Москвы, она вновь возродилась подъ сѣнью сѣдыхъ стѣнъ Вавеля.

Пять лѣтъ тому назадъ въ Краковѣ основался «Славянскій клубъ» и сразу занялъ твердое и почетное положеніе. Масса рефератовъ и сообщеній, прочитанныхъ въ клубѣ, сотрудничество выдающихся славистовъ, полное отсутствіе какой-нибудь рекламы и заигрыванія съ какой-нибудь партіей обратили вниманіе всѣхъ, кому дороги интересы славянства. Мало-по-малу назрѣвала необходимость въ журналѣ, который являлся бы органомъ клуба, и такимъ образомъ возникло ежемѣсячное изданіе, выходящее подъ редакціей д-ра Феликса Конечнаго, «Славянскій міръ», нынѣ вступившій въ третій годъ своего существованія. Обозрѣнію послѣднихъ книжекъ этого прекраснаго журнала (14—26) и посвящена эта статья.

Помня всѣ роковыя ошибки, которыя привели къ крушенію идею славянофильства въ Россіи и въ Богеміи, воскрешая польское славянофильство, журналъ исключилъ изъ своей программы все то, что могло оттолкнуть отъ него славянина, не принадлежащаго къ національности польской. Обсуждая всѣ явленія многообразной жизни славянъ, съ польской точки зрѣнія, журналъ далекъ отъ узкаго національзма, а этого одного достаточно, чтобы къ его словамъ прислушаться внимательно. Намъ, русскимъ, конечно, болѣе всего интересно узнать, какое положеніе онъ занялъ по отношенію къ Россіи, и поэтому въ этой статьѣ мы обратимъ исключительное вниманіе на статьи, посвященныя Россіи.

Огромный интересъ, возбудившійся въ Польшѣ къ возрождающейся Россіи, несомнѣнно долженъ былъ выразиться въ рядѣ статей, посвященныхъ ея литературнымъ дѣятелямъ и ихъ произведеніямъ. Такъ, въ 14 и 15 книжкѣ «Славянскаго Міра» мы видимъ статью Тадеуша Налепинскаго «Народныя и славянскія идеи Достоевскаго» и «Дмитрій Мережковскій и его трилогія «Христосъ и Антихристъ» Валерія Гостомскаго.

(Кстати, его прекрасный переводъ «Антихриста» помѣщается въ краковской газетѣ *Czas*). Описанію декабрьскихъ дней въ Москвѣ посвящена коротенькая статья нашего извѣстнаго московскаго адвоката Ледницкаго. Написана она сдержанно, и если въ ней иногда прорывается горькая иронія, то ужъ во всякомъ случаѣ не по винѣ автора. Дѣйствительно, съ какимъ чувствомъ можно читать строки о томъ, что въ Москвѣ, въ самомъ сердцѣ Россіи, центральномъ операціонномъ базисѣ всѣхъ «истинно-русскихъ людей» «генералъ фонъ *Мейендорфъ* съ генераломъ фонъ *Штакельбергомъ* благодарили полковника *Мина*, фонъ *Эттена* и фонъ *Римана* за храбрость войска. А баронъ фонъ *Медемъ* за то же самое выразилъ признательность своей полиціи».

Авторъ «Положенія православной церкви и русской теологіи по отношенію къ западу», ксёнзъ Урбанъ, по самому своему положенію не могъ остаться на вполнѣ объективной точкѣ зрѣнія и скрыть свои ярко выраженныя (впрочемъ, вполнѣ понятныя) симпатіи къ католицизму.

Не знаемъ, представлялась ли какая-нибудь необходимость предпринимать ту черную и неблагодарную работу, которую въ тѣхъ же 14 и 15 книжкѣ принялъ на себя г. Ф. К. Стоило ли вызывать изъ праха забвенія,— выражаясь самымъ снисходительнымъ образомъ,—нелѣпую затѣю академика Соболевскаго? Г. Соболевскій разсердился па тѣхъ, которые требуютъ автономіи для Польши, и предлагаетъ предоставить ей... полную независимость, огородившись отъ нея крѣпкой таможенной стѣною отъ «экономической эксплуатаціи» поляковъ, и отрѣзавъ предварительно отъ Царства Польскаго «русскую холмскую землю».

Совершенно безполезно говорить, что это кромѣ вреда какъ Россіи, такъ и Польшѣ ничего не принесетъ. Остается только удивляться... мужеству г. Соболевскаго, отталкивающаго отъ себя высоко культурный народъ, съ которымъ мы должны идти рука объ руку. Вотъ какъ смотритъ г. Ф. К. на совмѣстную нашу работу (стр. 204 и 205).

«Отрываться отъ Россіи мы не намѣреваемся не потому, что не могли бы обойтись безъ союза съ ней, а потому, что мы не могли бы жить, замкнутые въ нашей собственной скорлупѣ. Мы—народъ *историческій* и имѣемъ претензію быть достойными нашего прошлаго, быть *творческимъ* элементомъ въ исторіи Европы. Другіе только толкуютъ о славянствѣ,— мы *хотимъ ее создать*. Отвлеченное, сантиментальное славянофильство насъ удовлетворить не можетъ. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что политическая славянская мысль родилась въ Польшѣ. Подъ *политическою* же мыслью мы разумѣемъ не декламацію, вздохи или возгласы, а конкретную программу, обнимающую средства, ведущія къ цѣли.

«Мы, которые о славянствѣ меньше всѣхъ болтали, будемъ его созидать и хотимъ сдѣлать это вмѣстѣ съ Россіей, разсчитывая, что этотъ путь—болѣе прямой и легкій, что такимъ образомъ мы будемъ ближе къ цѣли. Но если бы обстоятельства сложились такъ, что мы принуждены были бы нѣкоторое время вести славянскую политику безъ Россіи, то за-

трудненіе наше было бы вознаграждено тѣмъ, что славянскіе народы тяготѣли бы не къ Россіи, а къ Польшѣ».

Какъ видно, въ этихъ словахъ нѣтъ ни тѣни того польскаго шовинизма и узкой нетерпимости, которые могли бы оттолкнуть отъ изложенной выше программы всякаго русскаго, въ свою очередь нетерпимостью не страдающаго.

Статья г. Богдана Л. (18-я кн.) интересна не только по своему изложенію, но и по затронутой ею темѣ. Называется она «Малороссы (или, какъ поляки называютъ, русины) въ Думѣ». Казалось, что какая-то историческая Немезида каменной стѣной навѣки отдѣлила малороссовъ отъ поляковъ, заставляя и тѣхъ, и другихъ таить въ сердцѣ своемъ никогда не залѣчиваемыя раны и нестерпимую боль старыхъ обидъ. Конечно, это было на-руку... кому? sapienti sat! Но, повторяемъ, минута отрезвленія наступила, и поляки съ малороссами поняли, что не враждовать имъ нужно для пользы общихъ враговъ, а идти вмѣстѣ, рука объ руку. Просвѣтлѣніе это началось сравнительно недавно, и потому статья г. Богдана Л. обладаетъ интересомъ новизны, въ особенности для насъ, русскихъ.

Признавъ полную автономію Финляндіи, хотя и со скрежетомъ зубовнымъ, но всетаки прислушиваясь къ рѣчамъ о возможности автономіи Польши, правящіе классы должны же подумать, что двадцатимилліонный малороссійскій народъ имѣетъ свои интересы, которые никакъ не помѣстишь въ узкія рамки, созданныя для нихъ русской бюрократіей. Давно ли это было, что не только правительство, но даже и общественное мнѣніе у насъ и за-границей были убѣждены, что правительству удалось дѣло «объединенія» двухъ народовъ «по истиннѣ-русскихъ», а теперь Украина заговорила своимъ языкомъ и требуетъ возстановленія своихъ правъ, незаконно нарушенныхъ Екатериной и ея преемниками.

Проходимъ молчаніемъ статьи г. Гжималы-Седлецкаго «Развитіе революціонныхъ теорій въ Россіи въ XIX вѣкѣ», такъ какъ это касается нашей исторіи, а не интересующаго насъ переживаемаго момента, и переходимъ къ статьѣ г. Ф. К.—«Анархія въ Польшѣ».

Сурово осуждая тѣ ужасы, которые творятся въ Варшавѣ или самою революціонною партіею, или сбродомъ разныхъ бандитовъ, прикрывающихся революціоннымъ знаменемъ, авторъ приходитъ въ недоумѣніе, неужели 40,000 русскаго войска, стоявшаго въ Варшавѣ, было бы недостаточно для подавленія всевластнаго бандитства? По весьма понятнымъ соображеніямъ, мы не станемъ повторять тѣ горькіе упреки, которые авторъ дѣлаетъ варшавскимъ властямъ, а вотъ къ этимъ, не менѣе горькимъ словамъ, прислушаться не мѣшаетъ:

«Только одно общество, а не чиновничество, заинтересовано въ томъ, чтобы повсюду воцарилось спокойствіе,—значитъ, необходимо обществу дозволить организоваться въ борьбѣ съ анархіей и бандитствомъ. Другого исхода нѣтъ.

«Коль скоро русское правительство не прибѣгнетъ къ такому средству

то анархія усилится еще больше, и, наконецъ, дѣло дойдетъ до того, что даже прусская оккупація покажется намъ спасеніемъ,—намъ, которые всѣ, единомысленно, съ самаго начала революціи, рѣшили стоять на почвѣ государственнаго единенія съ Россіей. (Програму эту приняли *всѣ* національныя партіи польскія.)

«Если изъ Петербурга не повѣетъ иной вѣтеръ, если намъ не дадутъ конституціи, если администрація не перейдетъ въ польскія руки (а только такимъ образомъ и можно призвать общество къ участію въ правленіи),— то вмѣсто автономнаго Царства Польскаго, связаннаго общей государственной идеей съ Россійской имперіей, мы дождемся какого-нибудь варшавскаго княжества подъ гегемоніей Пруссіи.

«Автономная Польша служила бы охранной стѣной Россіи отъ Германіи; подобное же княжество, начиненное прусскими гарнизонами, будетъ тираномъ противъ Россіи, и нужно будетъ ждать долго, можетъ быть очень долго, прежде чѣмъ представится возможность подумать объ осуществленіи той политической програмы, которую Россія нынѣ такъ легкомысленно отвергаетъ. Умиротворенная Польша дала бы Россіи возможность безъ потерь пережить революціонный кризисъ; погруженная же въ анархію, подвергаясь всяческому гнету, она можетъ способствовать чувствительнымъ территоріальнымъ потерямъ, которыя потерей русской Польши *только лишь начнутся*, но на этомъ дѣло далеко не кончится. Итакъ, русское правительство стремится къ распаденію русской имперіи, подготовляя княжество варшавское, подготовляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и... великое княжество московское!

«Прусской оккупаціи никто изъ насъ не желаетъ, но никто точно также не могъ бы противиться ей. Русское войско, безсильное охранить страну отъ бандитовъ, тѣмъ болѣе окажется неспособнымъ охранить ее отъ прусскаго нашествія. Тогда крика «руки вверху!» окажется недостаточнымъ».

Намъ кажется, что комментаріи къ этимъ словамъ совершенно излишни, они и такъ говорятъ сами за себя.

Помѣщенная въ 24-й книгѣ статья Юзефа Гербачевскаго о К. Леонтьевѣ, составлена по Бердяеву. Самому автору принадлежитъ нѣсколько замѣчаній о сущности русскаго народа, нужно сказать, не особенно удачныхъ.

Въ 25 и 26 книгахъ обращаютъ на себя вниманіе статьи М. Здзѣховскаго: «Заря русской революціи» и «Философія Чичерина».

Имя почтеннаго профессора достаточно извѣстно въ Россіи, хотя бы по *Московскому Еженедѣльнику* кн. Трубецкого.

Довольно трудно отмѣтить весь богатый общественный и политическій багажъ «Славянскаго Міра». Мы можемъ только привѣтствовать нашего новаго собрата и пожелать ему дальнѣйшаго процвѣтанія на избранномъ имъ пути, ведущемъ къ братскому сближенію всѣхъ, доселѣ разрозненныхъ славянскихъ національностей.

В. Лавровъ.

Памяти Мэтланда.

Я боюсь, что очень немногіе русскіе образованные люди слышали о Мэтландѣ. Я боюсь, что далеко не всѣ читатели журнала станутъ читать статью о немъ, когда услышатъ, что это былъ недавно умершій историкъ права, который почти всю свою жизнь отдалъ чистому знанію и занимался по преимуществу исторіей средневѣкового права. А между тѣмъ я искренне думаю, что покойный историкъ средневѣкового англійскаго права заслуживаетъ вниманія и памяти всѣхъ русскихъ образованныхъ людей, ибо своему предмету онъ сумѣлъ дать такой широкій захватъ и такую привлекательную постановку, при которыхъ судьбы англійскаго права пріобрѣтаютъ живой интересъ не только для ученыхъ спеціалистовъ, но и для всякаго образованнаго человѣка. Если мнѣ не удастся убѣдить въ этомъ читателя, вина будетъ лежать на мнѣ, а не на Мэтландѣ и не на англійскомъ правѣ.

Въ Англіи издается юридическій журналъ *Law Quarterly Review*. Въ апрѣльскомъ выпускѣ его за 1907 г. есть небольшая статья, не занимающая и печатнаго листа. Но она неудержимо притягиваетъ къ себѣ глаза человѣка, привыкшаго читать или смотрѣть журналъ. У нея очень грустное имя. In memoriam: F. W. Maitland. У нея очень много авторовъ: восемь. Они пишутъ на четырехъ языкахъ, потому что принадлежатъ къ четыремъ народностямъ. Всѣ стоятъ въ первыхъ рядахъ европейскаго и американскаго ученаго міра: американцы Гольмзъ и Грей, французы Салейль и Поль Мейеръ, нѣмцы Бруннеръ, Либерманъ и Редлихъ, итальянецъ Цокко-Роза. Они сплели покойнику большой и долговѣчный вѣнокъ изъ иммортелей товарищеской печали и компетентной оцѣнки. Нѣкоторые знали почившаго, и у нихъ къ торжественнымъ словамъ некролога присоединяются порывистыя слова скорби объ исчезновеніи обаятельнаго человѣка.

Но двухъ самыхъ близкихъ усопшему ученыхъ нѣтъ на этихъ поминкахъ. На нихъ лежалъ болѣе отвѣтственный долгъ. Стараясь подавить въ себѣ горечь личной утраты, они попытались спокойно возсоздать общій обликъ покойнаго и сообщить другимъ часть того, что только они знаютъ въ н[illegible]

Англичанинъ Поллокъ пишетъ о Мэтландѣ въ *Quarterly Review* (1907 April), русскій Виноградовъ—въ *English Historical Review* (1907 April).

Конечно, только ученый исключительной силы и человѣкъ рѣдкой привлекательности могъ собрать такое погребальное шествіе. Вотъ что говоритъ о Мэтландѣ человѣкъ очень сдержанный и занимающій очень высокое мѣсто среди его товарищей по спеціальности, Бруннеръ: «Съ универсальностью духа и глубиною знанія Мэтландъ соединялъ завидный даръ увѣреннаго конкретнаго мышленія, которое умѣетъ претворять въ пластичную наглядность то, что пріобрѣтено мыслью». Въ работахъ Мэтланда поражаетъ «простое и именно потому воодушевленное и очаровывающее изложеніе». Мэтландъ есть для Бруннера самый значительный историкъ права, какого зналъ до сихъ поръ міръ англійскаго языка.—Самаго значительнаго изо всѣхъ историковъ англійскаго права видитъ въ Мэтландѣ и П. Г. Виноградовъ, мнѣніе котораго имѣетъ особенный вѣсъ, ибо принадлежитъ человѣку, соединяющему въ себѣ глубокое знаніе исторіи англійскаго правовѣдѣнія съ безпристрастіемъ континентальнаго наблюдателя. А когда сёръ Фредерикъ Поллокъ, прекрасно знакомый съ исторіей своихъ университетовъ, хочетъ опредѣлить мѣсто Мэтланда въ англійскихъ академическихъ кругахъ, онъ признаетъ, что человѣкъ, подобный Мэтланду, приходитъ разъ въ два или три поколѣнія.

Внѣшняя канва біографіи Мэтланда проста, какъ просты почти всѣ біографіи большихъ ученыхъ нашего времени. Пламя жизненной свѣчи уходитъ вовнутрь, скрытое книжными полками рабочаго кабинета. Когда смотришь снаружи, нуженъ пристальный, изощренный глазъ, чтобы за толстыми сѣрыми стѣнами разглядѣть всю теплоту и всю разноцвѣтность душевныхъ переливовъ. Самъ Мэтландъ разсказалъ въ нѣсколькихъ строкахъ первыя двѣ трети своей жизни, когда въ іюнѣ 1888 г. выставилъ свою кандидатуру въ профессора англійскаго права въ кембриджскомъ колледжѣ Даунингъ (the Downing professorship of English law).

«Мнѣ 38 лѣтъ. Я былъ стипендіатомъ основателя въ колледжѣ св. Троицы (Foundation Scholar of Trinity College) и получилъ степень бакалавра въ 1873 г., причемъ меня поставили первымъ въ выпускномъ листѣ по отдѣлу нравственныхъ наукъ. Въ 1876 г. меня призвало къ рѣшеткѣ общество Lincoln's Inn *), и съ тѣхъ поръ до 1884 г. я искалъ практики какъ спеціалистъ по земельнымъ дѣламъ (conveyancer). Въ 1884 г. была учреждена лектура англійскаго права **), и я былъ назначенъ на нее. Эту должность я занимаю до настоящаго времени».

Мэтландъ получилъ въ 1888 г. профессуру и не пошелъ дальше въ своей служебной карьерѣ. Когда 21 декабря 1906 г. онъ умеръ вдали отъ

*) Въ Англіи четыре адвокатскихъ корпораціи. Одна изъ нихъ зовется Lincoln's Inn. Имъ принадлежитъ право призывать къ рѣшеткѣ послѣ соотвѣтствующаго искуса, т.-е. дѣлать человѣка адвокатомъ. Рѣшетка по-англійски bar. Оттого the bar=адвокатура, barrister=адвокатъ.

**) Въ кембриджскомъ университетѣ.

родины, сраженный холоднымъ вѣтромъ у Канарскихъ острововъ, гдѣ онъ искалъ защиты отъ англійской зимы своему давно надломленному здоровью, оффиціально онъ былъ только тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ 1888 г., Downing professor of English law in the university of Cambridge. Неоффиціально онъ былъ гордостью ученой Англіи и едва ли не самымъ выдающимся изъ всѣхъ теперешнихъ историковъ права англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и всякихъ иныхъ. Его имя ставятъ и будутъ ставить рядомъ съ именемъ Сельдена и Блакстона, даже выше этого имени, отъ него будутъ вести новый періодъ въ исторіи англійскаго правовѣдѣнія.

«Дѣло» Мэтланда тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ Англіи карьера ученаго юриста, правовѣда-теоретика, отнюдь не усѣяна розами. Практическіе юристы составляютъ одну изъ самыхъ вліятельныхъ группъ англійскаго общества. Къ нимъ не чувствуютъ особой симпатіи ни въ парламентѣ, ни за его стѣнами. Когда о парламентскомъ дѣятелѣ говорятъ, что его краснорѣчіе судебнаго свойства (forensic oratory), это отнюдь не комплиментъ. Это значитъ, что «почтенный членъ» говоритъ такъ, какъ слѣдуетъ говорить въ судѣ, но какъ не слѣдуетъ въ обществѣ джентльменовъ, рѣшающихъ не судебные споры, а государственные вопросы; это значитъ, что онъ имѣетъ пристрастіе къ точнымъ опредѣленіямъ и сложнымъ классификаціямъ, что онъ постоянно ссылается на прецеденты, что внѣшняя законность преобладаетъ у него надъ внутреннею правдою, что внѣшняя красота рѣчи уступаетъ мѣсто строгому и трудному ходу мысли. Когда въ частной бесѣдѣ указываютъ на выдающіяся достоинства какого-нибудь человѣка, то нерѣдко можно услышать замѣчаніе: «Но вѣдь онъ юристъ» (lawyer). И эти слова произносятся тономъ сожалѣнія, либо осужденія. Точно всякій практическій юристъ страдаетъ профессіональною узостью ума и повышеннымъ тяготѣніемъ къ матеріальному благосостоянію.

Но если практическіе юристы не очень популярны, то они очень вліятельны. Ихъ много въ парламентѣ, въ печати, въ банкахъ, въ управленіяхъ богатыхъ компаній. Ихъ профессіональному доходу позавидуетъ континентальный товарищъ. Чтобы привлечь въ министерство первоклассныхъ юристовъ на должности генералъ-аттёрни и генералъ-солиситора, англичанинъ вынужденъ платить имъ больше, чѣмъ канцлеру казначейства и министру внутреннихъ дѣлъ. За 5,000 фунт. стоящій въ первомъ ряду адвокатъ не пойдетъ въ министерство; ему нужно дать тысячъ шесть, семь, даже десять. Правда, и стать выдающимся юристомъ въ Англіи не легко. Недостаточно имѣть талантъ. Надо имѣть много знаній, долго и дорого учиться, составить значительную и дорогую библіотеку. Англійское «общее право» (common law) нашихъ дней есть въ очень большой мѣрѣ право прецедентовъ, старыхъ судебныхъ рѣшеній (case law). Въ судахъ ссылаются, конечно, чаще на рѣшенія недавняго прошлаго, но не являются большой рѣдкостью ссылки на случаи далекой старины, какого-нибудь XVII или даже XV вѣка. Недостаточно выписывать «отчеты» (law reports) о наиболѣе выдающихся дѣлахъ изъ текущей судебной практики. Нужно держать «ёдъ

руками своды старыхъ «отчетовъ». Хорошо имѣть на полкѣ «отчеты» знаменитаго юриста Кока, который дѣйствовалъ при Елизаветѣ и Яковѣ. Если адвокатъ членъ Сельденова общества и получилъ три тома «отчетовъ» XIV вѣка, которые издалъ Мэтландъ для этого общества, то книги, можетъ быть, останутся неразрѣзанными, коли у хозяина нѣтъ любительскаго интереса къ исторіи; но можно представить себѣ случай, когда и къ нимъ адвокатъ обратится за чисто практическою справкою. Въ Англіи адвокатовъ считаютъ людьми учеными. Если членъ нижней палаты есть адвокатъ, то въ преніяхъ онъ не просто «почтенный членъ» (the honourable member), а «почтенный и ученый членъ» (the honourable and learned member). Юридическое образованіе въ существѣ дѣла находится въ рукахъ адвокатуры. Четыре адвокатскихъ корпораціи выдѣляютъ изъ себя федеративный «совѣтъ юридическаго образованія» (council of legal education). Совѣтъ опредѣляетъ тѣ требованія, которыя предъявляются ищущимъ адвокатскаго званія во время прохожденія курса и на окончательныхъ испытаніяхъ; совѣтъ организуетъ курсы и экзамены.

Практическому юристу въ Англіи живется лучше, чѣмъ на континентѣ. Юристъ-теоретикъ чувствуетъ себя въ Англіи хуже, пожалуй много хуже, чѣмъ на континентѣ или даже въ Америкѣ. Именно потому, что юридическое образованіе находится въ рукахъ адвокатскихъ корпорацій, оно носитъ характеръ практическій по преимуществу. Молодые юристы, которые готовятся къ адвокатурѣ, слушаютъ въ Лондонѣ и теоретическіе курсы; но послѣдніе немногочисленны и коротки. Въ Оксфордѣ и Кембриджѣ юридическихъ каѳедръ немного, и то нѣкоторыя изъ нихъ очень недавняго происхожденія. Изъ этихъ немногихъ каѳедръ только меньшая часть отведена дѣйствующему англійскому праву. Какъ это ни странно, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ легче научиться римскому или индійскому, нежели англійскому праву. Каѳедръ по исторіи англійскаго права нѣтъ вовсе. Великій историкъ англійскаго права, о которомъ говоритъ эта статья, не могъ учить своихъ слушателей исторіи англійскаго права, которой онъ отдалъ десятки лѣтъ своей жизни, потому что онъ былъ профессоромъ дѣйствующаго англійскаго права, а не его исторіи.

Характерною особенностью англійскихъ университетовъ является дробленіе на колледжи и присутствіе въ каждомъ колледжѣ значительной, иногда многочисленной группы «товарищей», «доновъ» (fellows, dons), людей, кончившихъ университетскій курсъ, получившихъ степень «магистра искусствъ» (M. A.) и оставленныхъ при колледжѣ. «Товарищи» имѣютъ право на полный пансіонъ въ своемъ колледжѣ и получаютъ стипендію, въ среднемъ фунтовъ триста въ годъ. Они суть члены корпораціи, управляющей колледжемъ; изъ нихъ выбирается административный персоналъ колледжа. Нѣкоторые читаютъ лекціи; многіе руководятъ студенческими занятіями въ качествѣ тьюторовъ. Но и есть и такіе, которые занимаются только наукою, читаютъ и пишутъ, или только читаютъ. Профессора обыкновенно выходятъ изъ среды «товарищей», но разсчитывать на профессуру могутъ

лишь немногіе «товарищи», ибо число товарищей во много разъ выше числа каѳедръ. Группа товарищей пестра: въ ней есть люди молодые, пожилые, старые, люди, почти ничего не написавшіе (нерѣдко это люди оригинальнаго ума и большого образованія: англійская университетская среда, къ счастью, не страдаетъ авторскимъ тщеславіемъ), и люди, своими работами снискавшіе себѣ самую широкую извѣстность. Каждый колледжъ есть поэтому не только общежитіе студентовъ, но и общежитіе ученыхъ, которое стоитъ какъ бы надъ студенческимъ: «доны» обѣдаютъ въ одной со студентами трапезной, но надъ ними, на особомъ помостѣ. «Товарищи» суть хранители традицій колледжа. Ихъ присутствіе больше всего другого сообщаетъ колледжамъ Оксфорда и Кембриджа своеобразный, нѣсколько средневѣковый характеръ ученаго и холостого содружества, который уже давно исчезъ въ университетахъ континента. Надъ «донами» часто иронизируютъ въ Англіи, жалуются на оранжерейный характеръ ихъ быта, ихъ непрактичность, ихъ книжность, въ лѣвыхъ кругахъ—на ихъ консерватизмъ. Но, если я не ошибаюсь, «доны» все еще популярны въ Англіи. Недаромъ знаменитый Сесиль Родзъ, человѣкъ акцій и желѣза, въ которомъ многіе видятъ главнаго виновника бурской войны, оставилъ большія деньги на то, чтобы наиболѣе здоровые и способные подростки отдаленныхъ окраинъ имперіи отправлялись къ донамъ въ Оксфордъ, подвергались тамъ англизированію высшей марки и затѣмъ разносили по всей имперіи сѣмена оксфордскаго имперіализма. И если даже до извѣстной степени можно согласиться съ указаніями на тепличность Кембриджа и Оксфорда, то слѣдуетъ отмѣтить высокую, почти утонченную культурность этой среды. Вотъ отчего даже невозможно представить себѣ, чтобы англійская ученая полемика могла выродиться въ вульгарную перебранку, которая подчасъ оскорбляетъ зрѣніе читателя нѣмецкихъ спеціальныхъ журналовъ. За послѣобѣденной чашкой кофе, за стаканомъ добраго вина въ уютной курилкѣ колледжа поражаетъ также отсутствіе непріятныхъ сопутствій чрезмѣрной спеціализаціи. Въ колледжахъ встрѣчаются выдающіеся спеціалисты, отдавшіе свой рабочій день довольно узкимъ отраслямъ знанія. Но и они обнаруживаютъ живой интересъ къ очень разнообразнымъ вещамъ. И это совершенно естественно. Колледжъ не имѣетъ ничего общаго съ факультетомъ; его «доны» занимаются самыми разнообразными отраслями науки и всѣмъ строемъ своей жизни связаны другъ съ другомъ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ со своими товарищами по научной спеціальности. Въ ежедневныхъ бесѣдахъ они вынуждены толковать объ очень далекихъ другъ отъ друга предметахъ и не могутъ замкнуться въ тѣсномъ кругу. Доны отнюдь не чуждаются спорта. Они любятъ путешествовать. Многіе бывали въ Азіи и Африкѣ. Нѣкоторые подымаются на высокія горы. Среди видныхъ альпинистовъ не мало доновъ. Укажу, напримѣръ, на покойнаго Лесли Стивена, на Джемса Брайса.

Но и въ этой многогранной средѣ мало юристовъ, и потому теоретическая юридическая традиція слаба въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, какъ эта

слаба въ остальной Англіи. Молодой человѣкъ съ большими юридическими дарованіями, если онъ тяготѣетъ къ карьерѣ практическаго юриста, не можетъ остаться въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Если даже онъ получитъ въ университетѣ свое M. A., онъ обязанъ послѣ этого поѣхать въ Лондонъ. Ибо только лондонская корпорація можетъ допустить его къ рѣшеткѣ и тѣмъ открыть ему доступъ къ адвокатурѣ, прокуратурѣ, магистратурѣ, которыя въ Англіи едино суть. Если даже молодой юристъ хочетъ чистаго знанія, онъ, вѣроятно, всетаки поѣдетъ учиться въ какое-нибудь лондонское «подворье» *). Ибо тамъ все же онъ получитъ больше, чѣмъ на берегахъ рѣчекъ Кемъ и Айзисъ. Когда онъ начнетъ сравнивать свою юридическую литературу съ литературою континента, онъ очень скоро и очень остро ощутитъ особенности островного положенія. Англичане справедливо гордятся тѣмъ, что въ ихъ странѣ полнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, осуществляется господство права. И тѣмъ не менѣе какъ исторія, такъ и догма отечественнаго права развита въ Англіи слабѣе, чѣмъ на континентѣ.

Особенно нужно сказать это про разработку общихъ проблемъ. Послѣ Остина въ теченіе долгаго времени нельзя указать на крупнаго юриста, который бы занимался общей теоріей права, ибо Менъ былъ гораздо больше историкомъ, нежели догматикомъ, и центръ тяжести его занятій лежалъ не въ англійскомъ правѣ. Всѣ знаютъ о томъ, какъ важно было для всего культурнаго человѣчества изученіе англійской конституціи и ея исторіи. Замѣтную часть этой научной работы выполнили иностранцы, но въ значительно большей своей долѣ она сдѣлана англичанами. Характерно однако, что надъ исторіей англійской конституціи чистые историки (Фриманъ, Стёбзъ, Гарднеръ) работали едва ли не больше, чѣмъ юристы. Для истолкованія дѣйствующей конституціи очень много, никакъ не меньше юристовъ, сдѣлали «политическіе философы» и политическіе дѣятели. Изъ старыхъ книгъ укажу хотя бы на Гёрна и Беджгота, изъ новѣйшихъ на поучительную книгу Сидни Ло (Governance of England), который принадлежитъ къ числу виднѣйшихъ политическихъ журналистовъ и пишетъ совсѣмъ не какъ юристъ. Конечно, можно указать и на чисто юридическія конструкціи англійскаго государственнаго порядка. Но такія выдающіяся произведенія, какъ «Введеніе» Дайси, доселѣ стоятъ довольно одиноко въ англійской литературѣ. Англійская литература очень богата трактатами по различнымъ отдѣламъ особенной части гражданскаго и уголовнаго права и процесса. Но до послѣдняго времени въ ней было очень мало изслѣдованій по общей части гражданскаго и уголовнаго права. Въ связи съ этимъ англійская юридическая терминологія отличается упрямымъ консерватизмомъ и тѣсною связью съ судебною практикою; но она мало пригодна для выраженія сложной системы понятій, которая выработалась въ континентальной, особенно

*) Такъ зовутся двѣ изъ четырехъ адвокатскихъ корпорацій: Gray's Inn, Lincoln's Inn. Двѣ другихъ зовутся по имени тампліеровъ Inner Temple, Middle Temple.

въ нѣмецкой юриспруденціи. Когда Мэтландъ сталъ изучать положеніе вопроса о юридическомъ лицѣ въ нѣмецкой юридической теоріи, когда онъ сталъ переводить одинъ отдѣлъ изъ знаменитой книги Гирке (Deutsches Genossenschaftsrecht), онъ встрѣтился съ большими ззтрудненіями просто словеснаго свойства. Въ англійскомъ языкѣ не оказалось словъ для выраженія нѣмецкихъ юридическихъ терминовъ. Мэтланду пришлось придумывать новыя слова или словосочетанія, чтобы выразить всѣ эти Genossenschaften, Vereine, Stiftungen, Anstalten, Zweckvermögen, Gesammthandschaft.

Своеобразныя условія, въ которыхъ приходится дѣйствовать англійскому ученому юристу, конечно, отразились весьма осязательно на біографіи Мэтланда. Среднее образованіе онъ получилъ въ самой аристократической изъ «публичныхъ школъ» Англіи, въ Итонѣ. Онъ не обратилъ тамъ на себя особеннаго вниманія. Чтобы выдѣлиться въ Итонѣ, нужно быть или очень хорошимъ спортсменомъ, или очень хорошимъ классикомъ. Мэтландъ не отличался ни большими спортивными способностями, ни крѣпкимъ здоровьемъ. Онъ любилъ только ходить пѣшкомъ. Когда онъ издавалъ открытую П. Г. Виноградовымъ «Памятную книгу Брактона», онъ исходилъ пѣшкомъ тѣ мѣста западныхъ графствъ, которыя объѣзжалъ верхомъ великій правовѣдъ XIII вѣка, для того чтобы выяснить себѣ нѣкоторыя подробности въ записяхъ памятной книжки. Онъ говоритъ о своихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ въ своемъ замѣчательномъ предисловіи и заключаетъ новую десятою заповѣдью блаженства: блаженны ходящіе пѣшкомъ, beati qui ambulant. Мэтландъ не чувствовалъ особаго пристрастія и къ классической литературѣ. До конца дней своихъ прозѣ Цицерона и стиху Горація онъ предпочиталъ варварскій языкъ Вульгаты и еще болѣе варварскій языкъ судебныхъ столбцовъ. Въ отношеніи къ греческому онъ былъ еще бо̀льшимъ еретикомъ. Въ концѣ 1904 года университетскіе круги Оксфорда и Кембриджа очень живо обсуждали вопросъ о томъ, можно или нельзя принимать въ студенты тѣхъ, кто не знаетъ греческаго. Въ концѣ-концовъ рѣшили, что нельзя. Мэтландъ былъ однинъ изъ самыхъ видныхъ людей среди свободомыслящаго меньшинства и горячо доказывалъ въ кембриджской конвокаціи, что и безъ греческаго можно быть добрымъ студентомъ и большимъ ученымъ. И въ другомъ академическомъ вопросѣ онъ оказался въ станѣ поборниковъ новой свободы и тоже потерпѣлъ пораженіе. Въ Кембриджѣ главнымъ насадителемъ высшаго женскаго образованія былъ его учитель, извѣстный Генри Сиджуикъ, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и привлекательныхъ представителей англійскаго университетскаго энциклопедизма—философъ, экономистъ, теоретическій политикъ, историкъ. Сиджуикъ горячо стоялъ за то, чтобы университетъ давалъ ученыя степени и женщинамъ; Мэтландъ былъ его главнымъ адъютантомъ въ этой кампаніи, гдѣ потерпѣлъ славное пораженіе.

Впрочемъ, академическое свободомысліе Мэтландъ обнаружилъ много раньше, еще на студенческой скамьѣ. Въ университетѣ онъ выдвинулся гораздо больше, чѣмъ въ Итонѣ. Онъ скоро сталъ извѣстенъ, какъ остро-

умный собесѣдникъ и опасный debater въ студенческомъ парламентѣ, the Cambridge Union. За много лѣтъ до поступленія Мэтланда въ колледжъ св. Троицы студенты-церковники провели въ своемъ парламентѣ постановленіе о томъ, чтобы помѣщеніе студенческаго союза было закрыто по воскресеньямъ. Надо думать, что многимъ вліятельнымъ донамъ открытыя двери союза казались нарушеніемъ святости субботняго дня. Предложеніе, чтобы помѣщеніе союза было попрежнему открыто по воскресеньямъ, вносилось нѣсколько разъ до Мэтланда и постоянно проваливалось. И въ тотъ разъ, когда предложеніе было внесено при Мэтландѣ, у внесшихъ предложеніе было весьма мало надежды на успѣхъ. Пренія были поставлены на богословскую почву, спорили о способахъ воскреснаго богопочитанія, а на этой почвѣ трудно бороться съ англійскимъ студенческимъ большинствомъ. Всталъ Мэтландъ и короткою, но очень остроумною рѣчью разбилъ большинство. Онъ показалъ, что нелѣпо спорить о томъ, долженъ ли союзъ быть открытъ по воскресеньямъ, ибо не существуетъ законнаго постановленія, въ силу котораго онъ долженъ быть закрытъ. Въ немъ сказался прирожденный юристъ. Онъ навелъ точную справку въ уставѣ общества; оказалось, что постановленія о дняхъ засѣданія должны рѣшаться квалифицированнымъ, а не простымъ большинствомъ. Онъ навелъ точную справку въ архивѣ общества; оказалось, что постановленіе о закрытіи союзнаго помѣщенія по воскресеньямъ было принято простымъ, а не квалифицированнымъ большинствомъ. Споръ свелся съ богословской почвы на ариѳметическую, благочестивые защитники святости субботы оказались нарушителями студенческой конституціи, свободомыслящіе торжествовали побѣду.

Я боюсь, что русскій читатель улыбнется этой побѣдѣ да и всему спору о воскресныхъ студенческихъ засѣданіяхъ. Но для англичанина вопросъ о воскресеньѣ есть и теперь вопросъ немаловажный. А тридцать пять лѣтъ тому назадъ онъ былъ важнѣе теперешняго. Въ различномъ отношеніи къ нему могутъ сказаться коренныя особенности душевнаго склада. По отношенію къ Мэтланду воскресный вопросъ оказался вѣрнымъ показателемъ души. Близкіе къ Мэтланду люди говорятъ, что въ религіозныхъ вопросахъ онъ былъ свободомыслящимъ. Я говорю «близкіе люди». Ибо свободомыслящіе университетскіе дѣятели отличаются въ Англіи большою сдержанностью въ сужденіяхъ о вопросахъ вѣры и только при очень внимательномъ чтеніи можно подмѣтить въ сочиненіяхъ Мэтланда рѣдкіе и легкіе слѣды религіознаго свободомыслія *).

Въ Кембриджѣ семидесятыхъ годовъ не могли проявиться даже такія исключительныя историческія и юридическія дарованія, какія были у Мэт-

*) Насколько я знаю, Мэтландъ только разъ открыто заявилъ о своемъ свободомысліи. Въ своихъ опытахъ о „Римскомъ каноническомъ правѣ въ англійской церкви" онъ затронулъ вопросъ, бывшій предметомъ религіозныхъ разногласій между англиканами и католиками. Чтобы показать свою незаинтересованность, Мэтландъ признается въ предисловіи: „Я расхожусь во мнѣніяхъ съ обѣими да и съ другими церквами".

ланда. Но онъ обратилъ на себя вниманіе Сиджуика и подъ его вліяніемъ сталъ заниматься философіей. Философскіе вкусы оказались прочными. Черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія университетскаго курса онъ помѣщаетъ въ главномъ англійскомъ философскомъ журналѣ *Mind* критику Спенсеровской соціологіи. Въ Лондонѣ онъ читалъ разъ въ тѣсномъ кругу съ большимъ успѣхомъ небольшой курсъ объ англійской философіи. Основательная философская подготовка, конечно, сослужила Мэтланду большую службу какъ юристу: она помогала ему разбираться безъ труда въ средневѣковой схоластикѣ и новѣйшихъ нѣмецкихъ теоріяхъ, она помогала ему выбирать для монографическаго изученія наиболѣе глубокіе вопросы правовѣдѣнія.

Но когда пришлось выбирать себѣ профессію и когда обнаружились въ душѣ юридическіе запросы, университетъ не помогъ Мэтланду. Пришлось переселяться въ Лондонъ и пройти адвокатскій искусъ въ Lincoln's Inn, какъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ сдѣлалъ другой очень крупный представитель современной англійской юриспруденціи и ближайшій сотрудникъ Мэтланда, сёръ Фредерикъ Поллокъ. Сдѣлавшись адвокатомъ, пришлось выбирать себѣ спеціальность. Мэтландъ сталъ адвокатомъ по земельнымъ дѣламъ (conveyancer). Быть можетъ, уже въ этомъ выборѣ сказалось тяготѣніе къ исторіи. Если во всѣхъ отдѣлахъ дѣйствующаго англійскаго права уцѣлѣло много слѣдовъ глубокой старины, то особенно много ихъ сохранилось въ земельномъ правѣ. Даже для чисто практическихъ цѣлей земельному адвокату надо обладать значительными историческими познаніями. Теоретикъ дѣйствующаго земельнаго права долженъ быть хорошимъ историкомъ. Ему приходится имѣть дѣло съ теоріей копигольда, для пониманія которой необходимо восходить къ обычному держанію XVI и XV вѣка. Ему приходится имѣть дѣло съ держаніями въ чужую пользу (trusts), для пониманія которыхъ необходимо восходить къ одному знаменитому акту Генриха VIII и къ начальной исторіи канцлерскаго суда, т.-е. къ XIV вѣку. Ему приходится составлять и толковать тѣ семейные договоры о переходѣ земли къ старшему сыну (settlements), благодаря которымъ нѣсколько тысячъ семействъ удерживаютъ въ своихъ рукахъ большую часть англійской территоріи; для пониманія договоровъ желательно восходить къ одному знаменитому акту Эдуарда I, т.-е. къ XIII вѣку. Историческіе вкусы Мэтланда сказались въ одной изъ самыхъ раннихъ его литературныхъ работъ, въ анонимной статьѣ о желательныхъ реформахъ англійскаго земельнаго права. Статья напечатана въ *Westminster Review* 1879 г.; этотъ журналъ еще хранилъ тогда тенденціи философскаго радикализма. Но Мэтландъ критикуетъ дѣйствующее право не какъ утилитаріанецъ, а какъ историкъ. Онъ показываетъ, какія части его являются окаменѣлостью, какія соотвѣтствуютъ времени Плантагенетовъ, какія застряли чуть ли не отъ поры варварскихъ правдъ. И въ числѣ своихъ пособій характернымъ образомъ ссылается на «Англо-норманскій порядокъ наслѣдованія» Бруннера.

Уже въ этомъ небольшомъ опытѣ сказывается своеобразный литера-

турный талантъ, широкій историческій взглядъ, основательная историческая эрудиція. Но адвокатская практика мѣшала ученой работѣ. Когда въ 1884 г. Мэтландъ сталъ лекторомъ англійскаго права въ Кембриджѣ, его знанія были уже очень велики, но литературный багажъ былъ очень скромный, хотя Мэтланду было уже 34 года. И только самые близкіе къ нему люди могли предчувствовать въ немъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ ученыхъ своего времени. Длинный рядъ работъ его открывается 1884 годомъ, изданіемъ глостерширскихъ судебныхъ протоколовъ 1221 года, гдѣ онъ сразу сталъ во весь свой ростъ.

Онъ былъ университетскимъ преподавателемъ 22 года. Къ сожалѣнію, я очень мало знаю о немъ, какъ о профессорѣ. Я боюсь, что кембриджскіе undergraduates (такъ зовутъ англійскихъ студентовъ) взяли у него лишь небольшую часть того, что онъ могъ и хотѣлъ дать имъ. Англійскіе профессора занимаютъ никакъ не менѣе почетное и во всякомъ случаѣ болѣе обезпеченное положеніе, чѣмъ на континентѣ; но они дальше отстоятъ отъ студентовъ, оказываютъ на нихъ меньше вліянія. Въ этомъ виновата своеобразная постановка преподаванія да и всего университетскаго порядка въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Студентъ связанъ больше съ колледжемъ, чѣмъ съ университетомъ. Онъ мало знаетъ преподавателей чужого колледжа. А Мэтландъ жилъ въ самомъ маленькомъ колледжѣ Кембриджа. До недавняго времени студентъ даже мало слушалъ лекціи въ чужихъ колледжахъ. Онъ вообще слушалъ и слушаетъ меньше лекцій, чѣмъ его континентальный или американскій коллега. Центръ тяжести занятій лежитъ въ подготовкѣ къ экзаменамъ, къ экзаменамъ надо учить не университетскія лекціи, а печатныя книги, которыя вовсе не представляютъ собою воспроизведенія университетскихъ курсовъ. Подготовка къ экзаменамъ совершается не самостоятельно, а подъ руководствомъ тѣхъ доновъ колледжа, которые согласились стать тьюторами, т.-е. репетиторами высшаго разряда. Тьюторъ отдаетъ студенту много времени, получаетъ возможность хорошо узнать его и оказывать на него большое вліяніе. Если студентъ попадется способный и податливый, если у тьютора есть педагогическіе вкусы и таланты, то занятія могутъ уклониться въ сторону отъ экзаменной програмы, и тьюторъ можетъ оказать рѣшительное воздѣйствіе на формировку молодого ума и характера. Въ числѣ самыхъ вліятельныхъ учителей и воспитателей Оксфорда и Кембриджа были тьюторы, которые никогда не были или еще не стали профессорами. А профессоръ слишкомъ далекъ отъ студента. На континентальную мѣрку въ Оксфордѣ и Кембриджѣ не только студенты мало слушаютъ, но и профессора мало читаютъ. Нѣкоторыя профессуры своими обязанностями напоминаютъ не синекуру, конечно, но академическое кресло. Занятые профессора больше экзаменуютъ и администраторствуютъ, чѣмъ учатъ. Семинаріевъ, которые бы велись *профессорами* и всего скорѣе могли сближать ихъ со студентами, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ очень мало, по крайней мѣрѣ, по наукамъ гуманитарнымъ и общественнымъ. Вообще по отношенію къ студентамъ профессоръ часто пребы-

ваетъ, кажется, въ томъ положеніи, которое англичане зовутъ блестящимъ уединеніемъ, a splendid isolation. Если въ такомъ положеніи можетъ оказаться даже выдающійся богословъ или историкъ, то еще скорѣе такая опасность можетъ угрожать самому выдающемуся юристу, ибо праву и особенно исторіи права, къ которой тяготѣлъ Мэтландъ, отведено очень скромное мѣсто въ преподаваніи.

Чтобы мое мнѣніе не показалось поверхностнымъ впечатлѣніемъ иностранца, сошлюсь на очень высокій англійскій авторитетъ, на бывшаго профессора, юриста Поллока. Сѣръ Фредерикъ прямо признаетъ, что Мэтландъ не оставилъ послѣ себя въ Кембриджѣ юридической школы и что, если бы въ Англіи возникла школа общаго права, подобная Гарвардовской *), то она была бы лучшимъ памятникомъ покойнику. Онъ спрашиваетъ себя о причинѣ и отвѣчаетъ: «Великое заблужденіе относительно *полезнаго знанія* отравило молодость нашихъ отцовъ. Реформаторы нашихъ университетовъ умножили число экзаменовъ за счетъ знанія. Когда человѣкъ размѣровъ Мэтланда приходитъ разъ въ два или три поколѣнія, мы заставляемъ его разбирать экзаменные списки и исполнять механическую работу въ коммиссіяхъ и синдикатахъ. А если молодежь выразитъ намѣреніе поучиться у него вещамъ, которыя приносятъ мало пользы на экзаменѣ, тьюторы колледжа будутъ бранить ее за легкомысліе».

И всетаки Мэтландъ былъ великій учитель. Когда говоришь объ англійскомъ профессорѣ, то нельзя ограничиваться его отношеніями къ студентамъ. Англійскій профессоръ есть больше учитель начинающихъ ученыхъ, чѣмъ учитель студентовъ. Онъ живетъ въ довольно большомъ кругу «товарищей», людей, уже кончившихъ университетъ, но продолжающихъ учиться, начинающихъ дѣлать самостоятельныя изслѣдованія. Вступить въ научное общеніе съ этими молодыми «донами» профессору гораздо легче и, быть можетъ, нѣсколько интереснѣе, нежели со студентами. Такіе ученики у Мэтланда были. Англичане наиболѣе замѣтнымъ ученикомъ его считаютъ одну женщину, Мери Бэтсонъ. Она занимала видное положеніе въ одномъ женскомъ колледжѣ Кембриджа (Newnham), но не ограничилась преподаваніемъ и успѣла сдѣлать значительную изслѣдовательскую работу, хотя умерла далеко не старухой. Она занималась исторіей и въ послѣднее время, повидимому, подъ вліяніемъ Мэтланда, перешла на темы по исторіи права. Она самостоятельно пріобрѣла очень большую эрудицію и обладала недюжинными изслѣдовательскими способностями. Но и въ выборѣ темы ея двухъ главныхъ работъ («Laws of Breteuil», «Borough custumals») и въ постановкѣ изслѣдованія чувствуется вліяніе учителя **). Послѣдняя работа издана въ трудахъ Сельденова общества, во главѣ котораго стоялъ Мэтландъ. К[illegible]

*) Читатели, конечно, знаютъ, что Harvard—самый знаменитый университ[illegible] въ С. Америки, возлѣ Бостона, въ новомъ Кембриджѣ (Massachusets).

**) Бэтсонъ умерла 46 лѣтъ, всего нѣсколькими недѣлями раньше Мэтланда. [illegible] посвятилъ ея памяти трогательныя строки. Это, кажется, послѣднія написанныя [illegible] строки.

«литературный директоръ» общества, поставившаго себѣ цѣлью изданіе важнѣйшихъ источниковъ по исторіи англійскаго права, Мэтландъ слѣдилъ за работою ученыхъ издателей, оказывалъ имъ самую великодушную помощь, училъ этихъ ученыхъ.

Онъ оказалъ большое вліяніе какъ критикъ. Онъ написалъ длинный рядъ рецензій на новыя работы, преимущественно англійскія, но также и иностранныя. Англійскій ученый оппонентъ есть почти всегда джентльменъ. Критика Мэтланда отличается изысканною деликатностью. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ звалъ хорошимъ дурное. Наоборотъ, его критическіе отзывы потому и имѣли воспитательное значеніе, что предъявляли высокія требованія къ научной работѣ. Когда онъ имѣетъ дѣло съ равнымъ себѣ авторитетомъ, онъ чувствуетъ себя свободно и безбоязненно наноситъ сильные удары въ слабое мѣсто противника. Такъ онъ полемизируетъ съ Меномъ, Стебзомъ, Сибомомъ, Виноградовымъ. Suaviter in modo, fortiter in re, по мѣткому выраженію П. Г. Виноградова. Но когда ему приходится имѣть дѣло съ начинающимъ изслѣдователемъ, онъ постоянно помнитъ, что ошибки послѣдняго неопасны, ибо не прикрываются старою литературною репутаціей, и что критикуемый нуждается въ ободреніи еще больше, чѣмъ въ критикѣ. И онъ умѣлъ ободрять, какъ никто. Онъ не считалъ нужнымъ разбирать совсѣмъ плохихъ работъ. Онъ говорилъ о недостаткахъ, но гораздо настойчивѣе выдвигалъ заслугу и указывалъ на связь самыхъ спеціальныхъ изысканій съ основными очередными вопросами науки, умѣлъ вставить даже очень небольшой камешекъ въ очень выгодную оправу. Но всего болѣе ободряло то, что Мэтландъ никогда не глядѣлъ на скромнаго новичка сверху внизъ, всегда подходилъ къ нему съ простымъ и товарищескимъ словомъ участія. Только очень большая и очень фальшивая претенціозность могла сорвать съ его рыцарскихъ устъ слово суроваго осужденія, да и то лишь тогда, когда фальшивой теоріи улыбался успѣхъ, и она превращалась въ извѣстную литературную опасность. Такъ случилось съ однимъ изъ учениковъ Іеллинека, Гатшекомъ. Къ сожалѣнію, урокъ не научилъ ученика.

Но всего болѣе Мэтландъ училъ и воспитывалъ своими собственными работами. Онъ училъ, что̀ надо изслѣдовать, какъ надо изслѣдовать, какъ надо излагать результаты изслѣдованій. Читательская аудиторія Мэтланда, на мой взглядъ, была и будетъ избранная: она должна состоять изъ людей, спеціально изучающихъ или изучившихъ англійскую исторію и англійское право въ высшей школѣ. Но это всетаки аудиторія очень большая, ибо англійское право есть родное право и англійская исторія есть родная исторія не только въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, но также въ Нью-Йоркѣ и Бостонѣ, въ Квебекѣ и Монреалѣ, въ Капстатѣ и Мельбернѣ. А спеціалисты по англійской исторіи и англійскому праву встрѣчались и будутъ встрѣчаться въ Парижѣ и Миланѣ, Гейдельбергѣ и Москвѣ, Токіо и Калькуттѣ.

Мэтланду, впрочемъ, приходилось давать и прямые учительскіе совѣты

начинающимъ иноземцамъ. Я, напримѣръ, знаю по личному опыту, съ какимъ ободряющимъ участіемъ онъ отнесся къ одному совсѣмъ зеленому человѣку изъ Москвы. Я увидѣлъ Мэтланда въ 1900 г., когда раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ бы мнѣ приступить къ своей первой самостоятельной работѣ, которая должна была быть работою по англійской исторіи. Цѣлая бездна отдѣляла его отъ меня. Но онъ совершенно свободно приспособился къ моему уровню, и я сразу почувствовалъ себя съ нимъ легко, хотя мнѣ не совсѣмъ чуждъ «паѳосъ разстоянія». Онъ быстро выпыталъ, что я знаю и что мнѣ всего нужнѣе изъ того, чего я не знаю. Онъ сразу увидалъ, что у меня есть нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи англійскаго права и хозяйства, но что я очень мало смыслю въ новомъ англійскомъ правѣ. Онъ немедленно посовѣтовалъ мнѣ оставить на время спеціальныя вещи и читать комментаріи Блакстона въ первомъ изданіи и въ самой новой переработкѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ полезныхъ совѣтовъ, какіе я слышалъ. Полгода спустя я обратился къ нему за разъясненіемъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ недоумѣній по поводу нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ далекой старины. Я никогда не забуду тѣхъ двухъ вечеровъ, въ которые я имѣлъ честь и наслажденіе слушать его комментаріи къ интересовавшимъ меня процессамъ. Помню, какъ я спросилъ его, между прочимъ, объ одномъ процессѣ, изложеніе котораго я нашелъ у тюдоровскаго юриста Фицгерберта. Я сказалъ, что въ процессѣ идетъ рѣчь объ охранѣ обычнаго держанія. Мэтландъ сурово посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «у Фицгерберта нѣтъ отдѣла объ обычномъ держаніи». А Фицгербертъ расположилъ свой матеріалъ не по какой-либо юридической системѣ, а въ алфавитномъ порядкѣ исковыхъ формулъ (writs), принятыхъ въ судѣ. Формулы, которая бы начиналась словами «обычное держаніе», не существуетъ. Мэтландъ подумалъ, что я еще не научился цитировать своихъ источниковъ, и быть можетъ пожалѣлъ себя. Я быстро отвѣтилъ, что о процессѣ идетъ рѣчь въ отдѣлѣ De corona. Мэтландъ мгновенно смягчился, сейчасъ же досталъ съ полки Фицгерберта и сталъ обсуждать процессъ. Потомъ мы перешли къ Yearbooks, т.-е. къ частнымъ записямъ XIII—XVI вѣковъ о наиболѣе важныхъ случаяхъ судебной практики. Привычнымъ жестомъ онъ потянулся къ нижней полкѣ, гдѣ стояли книги большого формата, и досталъ соотвѣтствующіе томы. Онъ любилъ свои Yearbooks, гордился ими, какъ національнымъ сокровищемъ, негодовалъ на то, что англичане все еще не научились цѣнить ихъ, и много сдѣлалъ для того, чтобы заставить цѣнить ихъ. Онъ любилъ даже просто читать и переводить ихъ. Впрочемъ, одинъ его переводъ давалъ очень много. Yearbooks трудны для перевода, ибо написаны варварскимъ французскимъ языкомъ и нерѣдко говорятъ о довольно тонкихъ юридическихъ матеріяхъ. Переводъ неизбѣжно становится нерѣдко толкованіемъ, и толкованіе Мэтланда, конечно, обладало особенною авторитетностью. Въ его переводѣ сказывался художникъ. Yearbooks написаны въ значительной мѣрѣ въ формѣ діалога. Мэтландъ своей читкой чрезвычайно живо возсоздавалъ ход

спора и умственный обликъ споривших. Изъ-за ухищренныхъ теоретическихъ пререканій вставали живые и интересные люди.—Еще черезъ годъ я говорилъ Мэтланду о впечатлѣніяхъ, которыя складывались у меня во время работы. Онъ слушалъ очень участливо, то охлаждая мою изслѣдовательскую торопливость своими скептическими возраженіями, то подчеркивая важность наблюденій, въ случаѣ если они окажутся обоснованными. Помню, напримѣръ, какъ онъ живо заинтересовался моими 'замѣчаніями по поводу Кока. Кокъ—одинъ изъ главныхъ боговъ англійскаго юридическаго Олимпа, верховный юридическій авторитетъ конца XVI и начала XVII вѣка. Мнѣ показалось, однако, что Кокъ невѣрно, и умышленно невѣрно, излагаетъ нѣкоторые важные процессы и что нѣкоторые гораздо менѣе извѣстные юристы той поры много надежнѣе его.—Я видѣлъ Мэтланда въ послѣдній разъ весною 1905 г. Я сидѣлъ надъ какимъ-то документомъ въ восьмигранной рабочей комнатѣ лондонскаго архива. Слышу, меня трогаетъ кто-то за плечо. Оборачиваюсь и вижу Мэтланда. Съ совершенно надломленнымъ здоровьемъ, онъ все еще приходилъ иногда въ архивъ наводить справки въ «судебныхъ столбцахъ». Въ нарушеніе архивнаго запрета частныхъ бесѣдъ онъ разспрашивалъ меня о моемъ житьѣ-бытьѣ и о работѣ, говорилъ и о себѣ. Онъ, кажется, сталъ еще проще, тоньше, одухотвореннѣе.—Если даже короткія и рѣдкія встрѣчи съ нимъ врѣзывались въ умѣ, то, конечно, счастливы были люди, которымъ выпало на долю работать долгое время подъ руководствомъ такого учителя.

Какъ ученый, Мэтландъ былъ, во-первыхъ, издателемъ старыхъ юридическихъ текстовъ, во-вторыхъ, историкомъ права. Образованные люди, конечно, знаютъ, что изданіе историческихъ источниковъ есть вещь очень важная и что научную исторію можно писать только тогда, когда имѣются надежные и доступные тексты источниковъ. И всетаки я позволю себѣ дѣлать нѣсколько замѣчаній объ издательской дѣятельности Мэтланда.

Англія, вѣроятно, богаче всякой другой европейской страны источниками по исторіи права, но отнюдь не хорошими изданіями этихъ источниковъ. Въ Англіи издавна было много людей, интересующихся «исторіей». Мѣстный помѣщикъ или священникъ, удалившійся отъ дѣлъ въ новокупленную усадьбу фабрикантъ или финансистъ часто отдавалъ свой большой досугъ и часть своего большого дохода историческимъ занятіямъ, которыя почитаются достойными джентльмена: писалъ исторію своего прихода, манора, графства или собиралъ для нея матеріалы. Онъ большею частью не имѣлъ достаточной спеціальной подготовки, иногда не имѣлъ никакой. Только въ исключительныхъ случаяхъ онъ чувствовалъ интересъ къ исторіи права, еще рѣже обладалъ техническими знаніями, нужными для изданія юридическихъ текстовъ. Подобно русскимъ историкамъ-любителямъ изъ земельныхъ дворянъ, онъ тяготѣлъ обычно къ генеалогіи и подземной, раскопочной археологіи. Четверть вѣка тому назадъ и практическіе юристы относились довольно равнодушно не только къ источникамъ по исторіи права, но и къ самой исторіи. Въ 1881 г. появилась книга

американскаго юриста Гольмза «Общее право», въ значительной части своей историческаго содержанія. Теперь эта книга считается классическою и знакомство съ нею почти обязательно для всякаго юриста. Но въ 1883 г., какъ разсказываетъ Поллокъ, библіотечная коммиссія одного адвокатскаго подворья отказалась купить эту книгу, именно, за то, что въ ней слишкомъ много «исторіи». Въ Англіи были, конечно, очень почтенныя и авторитетныя историческія общества, но въ ихъ изданіяхъ юридическіе тексты занимаютъ очень скромное мѣсто. Изданія юридическихъ источниковъ по большей части дѣлались на казенный счетъ по правительственному порученію. Пользованіе ими затруднительно для начинающаго и тогда, когда текстъ изданъ научно, потому что въ нихъ нѣтъ или почти нѣтъ пояснительныхъ введеній и примѣчаній. А иногда и самый текстъ хромаетъ, какъ, напримѣръ, въ казенномъ изданіи Брактона, великаго юриста XIII вѣка. Правительство притомъ теперь перестаетъ издавать тексты старыхъ источниковъ, ограничиваясь выпускомъ архивныхъ указателей и календарей.

Мэтландъ былъ въ тяжеломъ положеніи при началѣ своихъ литературныхъ работъ по исторіи англійскаго права. Ему приходилось писать по источникамъ, значеніе которыхъ было неясно для читателей, по источникамъ дурно изданнымъ, по источникамъ вовсе неизданнымъ. Онъ могъ, конечно, предоставить другимъ дѣло научнаго издательства. Издательство юридическихъ текстовъ есть, правда, дѣло трудное. У издателя должно быть очень много техническихъ знаній и навыковъ, очень много зрѣнія и трудолюбія, много критическаго чутья. И всетаки нѣтъ необходимости быть Мэтландомъ, чтобы хорошо издавать юридическіе тексты. А между тѣмъ онъ издалъ очень много текстовъ. Совершалъ ли онъ при этомъ тяжелый подвигъ научнаго самоотверженія? Вѣдь изданіе текстовъ, съ которымъ, быть можетъ, недурно справились бы и другіе, отымало очень много времени у теоретическихъ работъ, сдѣлать которыя могъ онъ одинъ. Въ послѣдніе годы жизни у Мэтланда не было выбора. Здоровье было надломлено. Чтобы отвоевать у смерти хоть нѣсколько лѣтъ, пришлось уходить отъ средне-европейской зимы, проводить значительную часть года у тропиковъ, на островѣ, гдѣ очень много томатовъ и очень мало книгъ. А для большихъ конструктивныхъ работъ необходимо имѣть въ распоряженіи огромную библіотеку. Если въ послѣдніе годы жизни Мэтландъ переводилъ Гирке и издавалъ Yearbooks, то причина лежитъ отчасти въ трагедіи его здоровья.

Я умышленно говорю отчасти. Ибо Мэтландъ былъ не только великимъ историкомъ права, но и великимъ эрудитомъ. Въ немъ сильно билась бенедиктинская жилка; онъ былъ не только директоромъ Сельденова общества, но и духовнымъ потомкомъ Сельдена, котораго онъ несомнѣнно напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами. Онъ находилъ удовольствіе не только въ широкихъ и яркихъ юридическихъ конструкціяхъ, но и въ черной работѣ издателя текстовъ. Онъ издавалъ тексты не толь-

въ свои послѣдніе, больные годы, но и въ расцвѣтѣ силъ, подготовляя ихъ одновременно со своей «Исторіей англійскаго права» и «Книгою страшнаго суда». Въ началѣ сочувствія не было. Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ укоровъ для англійской науки останется то обстоятельство, что еще въ 1887 г. Мэтландъ былъ вынужденъ на собственный счетъ издать такой важный источникъ, какъ «Памятную книгу Брактона». Въ 1887 г. положеніе измѣнилось. Возникло Сельденово общество, спеціально для изданія старыхъ юридическихъ текстовъ. Мэтландъ съ самаго начала сталъ душою общества, а вскорѣ и его официальнымъ литературнымъ директоромъ. Почти всѣ его послѣдующія изданія текстовъ помѣщены въ трудахъ общества: Select pleas in manorial courts, Select pleas of the crown, Court baron, Bracton and Azo, Mirror of Justices, Yearbooks of Edward II. Мэтландъ принималъ самое живое участіе и въ подготовкѣ тѣхъ изданій, которыя поручались другимъ ученымъ: намѣчалъ программу издательства, искалъ издателей, помогалъ имъ своими безцѣнными указаніями и совѣтами. Два десятка «сельденовскихъ» томовъ, вышедшихъ при жизни Мэтланда, составляютъ основное собраніе источниковъ по юридической исторіи XIII—XVI вѣковъ и должны побывать въ рукахъ у всякаго, кто занимается соотвѣтствующимъ періодомъ.

Украшеніемъ собранія являются томы, изданные самимъ Мэтландомъ. Нечего и говорить, что они даютъ образцовый текстъ и переводъ. Они даютъ чрезвычайно привлекательную коллекцію введеній. Введенія насыщены очень широкою и очень точною эрудиціей. Достаточно сказать, что, издавая Yearbooks, Мэтландъ сталъ первый изучать филологически англофранцузскій юридическій языкъ XIV вѣка и далъ очеркъ грамматики этого языка. Очеркъ уже получилъ очень лестную аттестацію отъ самаго авторитетнаго спеціалиста, Поля Мейера.—Введенія представляютъ большую важность по содержанію. Въ этихъ спеціальныхъ этюдахъ авторъ сумѣлъ затронуть и освѣтить новымъ свѣтомъ нѣкоторые основные вопросы англійской юридической старины: исторію помѣщичьихъ судовъ, которая тѣсно переплетается съ исторіей самого помѣстья, вліяніе римскаго права на англійское, мѣсто правовѣдовъ въ созданіи общаго права.—Но, быть можетъ, всего сильнѣе введенія притягиваютъ своею красотою. Это не парадоксъ. Съ представленіемъ о критикѣ источниковъ связано представленіе если не о безобразіи, то во всякомъ случаѣ объ отсутствіи красоты. Но *эта* критика источниковъ красива, очень красива. Во введеніяхъ Мэтландъ встрѣтился не только съ юридическими отношеніями, но и съ людьми и обнаружилъ большой талантъ портретиста, набросалъ рядъ живыхъ, тонкихъ, сильныхъ портретовъ. Во введеніяхъ его кисть блещетъ, пожалуй, даже большею свѣжестью и яркостью красокъ, чѣмъ въ «Исторіи права». Что, кажется, можетъ быть скучнѣе и суше, чѣмъ разоблаченіе ненадежности того или другого историческаго источника? А между тѣмъ въ рукахъ почившаго мастера введеніе къ «Зерцалу судей» превратилось въ одно изъ самыхъ остроумныхъ и многоцвѣтныхъ произведеній англійскаго юмора.

Но, конечно, слава Мэтланда покоится прежде и больше всего на его большихъ, конструктивныхъ работахъ по исторіи права.

Короткое изложеніе взглядовъ его на задачи исторіи и догмы права можно найти въ предисловіи въ его главной работѣ, большой двухтомной «Исторіи англійскаго права до Эдуарда I». Книга написана совмѣстно съ Поллокомъ, и я не знаю, кто именно написалъ «теоретическую» часть предисловія. Впрочемъ, неважно, кто написалъ эти страницы; важно и вполнѣ ясно, что Мэтландъ раздѣлялъ эти взгляды.

Вотъ они. Необходимо рѣшительно отдѣлить догму и исторію права отъ общей теоріи права. Философскій анализъ права долженъ входить въ теоретическую часть политики. И философъ здѣсь компетентенъ нисколько не менѣе, чѣмъ юристъ. Юристу принадлежитъ монополія только въ области *положительнаго права*. «Предметъ юридической науки есть не идеальный результатъ этическаго или политическаго анализа, но актуальный результатъ фактовъ человѣческой природы и исторіи. Право существуетъ во всякомъ сносно организованномъ обществѣ, и по большей части его нетрудно распознать. А если его трудно распознать, то метафизическое опредѣленіе приноситъ мало пользы. Конечно, право существуетъ въ очень разнообразныхъ формахъ; въ обществахъ простыхъ оно близко къ нравственности, къ обычаямъ и нравамъ. Но постепенно, путемъ удивительно сходнымъ въ различныхъ странахъ, общественная власть переводитъ въ свое вѣдѣніе все большій и большій кругъ юридическихъ отношеній. И для всѣхъ цѣлей, кромѣ строгаго философскаго изслѣдованія, правомъ можно считать совокупность тѣхъ нормъ, которыя примѣняются въ судебныхъ установленіяхъ. Но, конечно, даже въ очень культурныхъ обществахъ рядомъ существуютъ различныя системы суда и права.

Мэтландъ въ высокой степени свободенъ отъ недостатка, въ которомъ иногда бываютъ повинны юристы-догматики. Онъ не представляетъ себѣ правового порядка самостоятельною, замкнутою областью жизни, въ которой юридическіе институты развиваются какъ бы изъ собственныхъ началъ. Онъ полонъ сознаніемъ глубокаго взаимодѣйствія между правомъ и другими сторонами общественнаго быта. Онъ не разъ указываетъ, что при объясненіи той или другой группы общественныхъ явленій, хотя бы то были юридическія отношенія, религіозный или хозяйственный историкъ можетъ сдѣлать больше, чѣмъ чистый юристъ. Приступая къ своему изслѣдованію о гайдѣ, онъ замѣчаетъ: «Вопроса о гайдѣ нельзя обойти, если бы даже мы считали возможнымъ построить зданіе политической и конституціонной исторіи безъ предварительной закладки экономическаго фундамента. Но день такихъ воздушныхъ зâмковъ проходитъ». И излагаетъ свои изысканія о древнихъ земельныхъ мѣрахъ, свои длинныя исчисленія, основанныя на «Книгѣ страшнаго суда», не считаетъ ниже своего достоинства выступать въ роли аграрнаго историка и счетчика.

Онъ полонъ представленіемъ объ исторической относительности, о смѣнѣ общественныхъ и въ томъ числѣ правовыхъ явленій. Все течетъ. Люди

и людскія отношенія, раздѣленныя большимъ промежуткомъ времени или пространства, могутъ быть мало похожи другъ на друга. Очень крупные изслѣдователи старыхъ деревенскихъ порядковъ исходили въ своихъ работахъ отъ убѣжденія въ чрезвычайной устойчивости деревенскаго быта. Сибомъ представляетъ себѣ англосаксонскія нивы похожими на общинныя поля XVII и XVIII вѣка. Мейценъ думаетъ по картамъ и планамъ XIX вѣка возсоздать порядки разселенія древнихъ римлянъ, кельтовъ, германцевъ. Мэтландъ видитъ въ этомъ предразсудокъ. Весь укладъ англійской деревни подвергся самой рѣшительной перемѣнѣ при тѣхъ двухъ поколѣніяхъ, которыя жили при двухъ послѣднихъ Георгахъ. А въ сѣдую старину катастрофы могли быть чаще и стремительнѣе: деревенскіе люди легче снимались съ мѣста, гораздо хуже теперешняго защищались противъ войны, голода, мора. Текутъ представленія и понятія. Культурному человѣку очень трудно войти въ душу варвара, Тациту въ душу Арминія, намъ въ душу какого-нибудь короля Этельреда или епископа Освальда. Нужно постоянно быть на-сторожѣ, постоянно принимать мѣры противъ культуризаціи варварскаго быта. Въ исторіи нерѣдко варваръ перенимаетъ языкъ у культурнаго человѣка: саксъ научается говорить и писать по-латыни, готтентотъ по-англійски. Было бы очень опасно вкладывать въ ихъ латинскія и англійскія слова знакомыя намъ понятія. Языкъ здѣсь дѣйствительно скрываетъ мысль, обманываетъ наблюдателя. Libertas и consuetudo Беды не есть libertas и consuetudo Ливія. Древнее право, можетъ быть, мало похоже на наше, и потому оно вовсе не есть для насъ право простое и ясное. «Простота есть результатъ техническаго совершенства, конечная цѣль, а не исходный пунктъ процесса. По мѣрѣ того какъ мы подвигаемся назадъ, привычныя очертанія становятся смутными, идеи—текучими, вмѣсто простоты мы встрѣчаемъ неопредѣленность».

За такія заявленія Мэтланда могутъ зачислить въ сторонники рѣшительнаго, быть можетъ даже чрезмѣрнаго историзма. Съ историзмомъ гармонируетъ его скептицизмъ, его насмѣшливое и недовѣрчивое отношеніе къ выводамъ, соединяющимъ широту съ гадательностью, съ шаткостью. У него можно найти не одно насмѣшливое замѣчаніе по адресу нѣкоторыхъ любителей метода переживаній и сравненій. Мэтландъ предъявляетъ къ обоимъ методамъ упрекъ въ «шаткой эластичности». Почти въ каждомъ быту попадаются группы странныхъ явленій, которыя плохо мирятся съ общимъ укладомъ жизни и точно носятъ на себѣ печать далекой, забытой старины, когда они легко могли имѣть очень большое распространеніе. Это переживанія. По нимъ иногда можно дѣлать заключенія о далекомъ прошломъ. Сторонники того взгляда, что въ средневѣковой западноевропейской деревнѣ преобладалъ общинный строй, вынуждены дѣлать заключенія отъ переживаній. До насъ дошло очень мало свѣдѣній о деревнѣ ранняго средневѣковья. Но въ индивидуалистической деревнѣ новаго времени можно подмѣтить немало явленій, свойственныхъ общинному быту. Сторонники общинной теоріи склонны видѣть въ нихъ обломки старины и

доказательство своей правоты. Мэтландъ чувствуетъ большое недовѣріе къ подобной аргументаціи. Одинъ изъ самыхъ остроумныхъ его этюдовъ направленъ противъ очень горячаго «общинника», Гомма, который усердно искалъ общинныхъ переживаній въ новой Англіи. Мэтландъ показываетъ, что нѣкоторыя изъ наиболѣе выпуклыхъ «переживаній» Гомма на самомъ дѣлѣ являются очень свѣжими новообразованіями, что фальшивая видимость старинности встрѣчается не только въ лавкѣ плутоватаго антикварія, но и на полосахъ подгороднаго луга. Онъ относится съ извѣстнымъ сомнѣніемъ и къ нѣкоторымъ сторонникамъ «сравнительнаго» метода. Многіе представители общественныхъ наукъ въ настоящее время убѣждены въ томъ, что различныя человѣческія общежитія въ основныхъ чертахъ своихъ развиваются одинаковымъ путемъ. Предположимъ, что для значительнаго большинства изучаемыхъ нами обществъ мы въ состояніи установить наличность извѣстной, очень важной группы явленій. Горячіе сторонники сравнительнаго метода будутъ настаивать на томъ, что данная группа явленій существуетъ и въ остальныхъ обществахъ, и что отсутствіе свѣдѣній объ искомыхъ явленіяхъ въ остальныхъ обществахъ объясняется не отсутствіемъ самихъ явленій, но отсутствіемъ людей, которые засвидѣтельствовали бы искомыя явленія. Мэтландъ сомнѣвается въ законности такого заключенія. Онъ напоминаетъ, что на-ряду съ единообразіемъ существуетъ своеобразіе развитія, что трудно установить, гдѣ начинается первое и гдѣ кончается второе, что очень важная задача историческаго изученія состоитъ какъ разъ въ установленіи разнообразія національныхъ путей.

Вообще стремленіе къ доказательности выводовъ, къ полной искренности есть коренная особенность покойнаго. Онъ былъ совершенно неспособенъ приписывать мнимую достовѣрность выводамъ, которые могутъ заявлять притязаніе только на извѣстную вѣроятность. Онъ почти всегда противится искушенію взять съ источника больше, чѣмъ источникъ можетъ дать. Онъ съ большою проницательностью раскрываетъ сходную слабость въ другихъ, съ усмѣшкою разоблачаетъ случаи, въ которыхъ мнимое слѣдованіе за авторитетомъ источника на дѣлѣ есть уступка предвзятымъ взглядамъ и интересамъ.

Къ доказательности выводовъ хотѣютъ многіе изслѣдователи. Но сознаваться въ своемъ незнаніи послѣ упорной работы совсѣмъ не такъ легко. Ученые обычно говорятъ о томъ, что̀ они знаютъ, а не о томъ, чего они не могли узнать. Мэтландъ много занимался вопросами мало изученными или даже плохо засвидѣтельствованными въ нашихъ источникахъ. Но онъ совершенно одинаково говоритъ и о томъ, что онъ знаетъ, и о томъ, чего онъ не узналъ или чего вообще нельзя узнать. Когда онъ выставляетъ гипотезу, онъ первый указываетъ на ея недостаточную обоснованность или даже самъ приводитъ доводы противъ нея. Онъ признается въ своемъ незнаніи легко, я готовъ сказать—съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Онъ точно смѣется надъ ограниченностью человѣческаго ума. Въ

смѣется не только надъ нею. Онъ смѣется надъ ограниченностью человѣческаго чувства, воли, разсчетовъ, смѣется надъ неуклюжими потугами дикаря облечься въ нарядъ античной культуры, надъ безцеремонными мистификаціями «Зерцала судей», надъ хитрыми продѣлками законниковъ, обходившихъ законъ, надъ «океаномъ пива», исчезавшимъ въ желудкахъ старой веселой Англіи, надъ безграничною самоувѣренностью нѣмецкаго педанта. Тонкая улыбка часто сходила на эти изящныя губы, писала эти острыя, отрывистыя строки и облегчала страданія послѣднихъ лѣтъ. Мэтландъ—одинъ изъ самыхъ большихъ юмористовъ англійской литературы.

Особенности души, о которыхъ только что шла рѣчь, суть особенности *историка*. И люди, которые всего лучше знали Мэтланда, прямо зовутъ его историкомъ. П. Г. Виноградовъ говоритъ, что Мэтландъ былъ рѣшительно историкомъ, что онъ не любилъ широковѣщательной соціологіи, которая воздвигаетъ пустые термины и претенціозныя обобщенія на очень зыбкомъ фактическомъ основаніи, что онъ никогда не уклонялся отъ черной работы спеціальнаго историческаго изслѣдованія и подчеркивалъ связь между микроскопическимъ и большимъ. Сёръ Фредерикъ Поллокъ говоритъ про специфически-историческія дарованія своего друга: Мэтландъ обратилъ свѣтъ исторіи на право потому, что право было его профессіей и естественно попало въ его поле зрѣнія.

Я не умѣю спорить съ людьми гораздо болѣе меня компетентными. Но я думаю, мнѣ нѣтъ никакой надобности спорить. Я надѣюсь, ни П. Г. Виноградовъ, ни сёръ Ф. Поллокъ не станутъ отрицать, что въ умѣ покойнаго была глубокая юридическая и даже соціологическая складка. Мэтландъ глубоко сознавалъ связь между правомъ и другими сторонами жизни, зависимость права отъ другихъ сторонъ жизни. Но онъ глубоко сознавалъ также зависимость другихъ сторонъ жизни отъ права, былъ полонъ вѣры въ важность права и своего ремесла. Онъ придавалъ огромное значеніе юридической техникѣ, дѣловой рутинѣ судебныхъ установленій, даже теоретическимъ конструкціямъ ученыхъ правовѣдовъ. Если онъ со своимъ скептическимъ умомъ занимался попреимуществу неяснымъ XIII вѣкомъ, то это произошло главнымъ образомъ вслѣдствіе увѣренности въ томъ, что основы англійской юридической техники сложились до Эдуардовъ и что эти техническія основы предопредѣлили все дальнѣйшее развитіе англійскаго права. «Вѣкъ, который лежитъ между 1154 и 1282 гг., заслуживаетъ терпѣливаго изученія... Старый обычай пришелъ въ соприкосновеніе съ новой наукой. Многое въ нашей національной жизни, въ нашемъ національномъ характерѣ зависѣло отъ исхода встрѣчи. Это былъ опасный моментъ. Мы стояли на перепутьѣ двухъ самыхъ сильныхъ системъ права, какія только извѣстны новому времени, французской и англійской. Нѣкоторые скажутъ, что споръ шелъ «всего только о подробностяхъ судопроизводства». Французы усвоили себѣ допросъ свидѣтелей, свойственный каноническому праву; англичане удержали, развили, преобразовали старый допросъ страны (enquête du pays). Но въ этой про-

цессуальной разницѣ лежитъ судьба двухъ національныхъ правъ... Англійская раса, болѣе римская, чѣмъ романисты, произвела величавый опытъ новой формулярной системы... Дѣло анжуйскихъ юристовъ оказалось долговѣчнымъ. Тѣ немногіе люди, которые собирались въ Уестминстерѣ вокругъ Петшеля, Рели, Брактона, писали отъ имени короля указы, которымъ суждено было получать силу отъ имени не имѣющихъ короля государствъ на другомъ берегу Атлантическаго океана; они создавали право и не-право (right and wrong) для насъ и для нашихъ дѣтей». Этими словами кончается главная работа Мэтланда.

Какъ объяснить долговѣчность этой старой системы права? Большую долю объясненія приходится искать опять-таки въ юридической техникѣ. «Дѣло анжуйскихъ юристовъ вышло долговѣчно потому, что было очень смѣло». Его смѣлость выражается прежде всего въ его простотѣ. «Съ перваго же взгляда мы замѣчаемъ вездѣ простоту поистинѣ поразительную... Это право грубо обращалось съ фактами, пренебрегало различіями, которыя имѣли большую бытовую и хозяйственную важность, вогнало свои острыя дилеммы сквозь сердцевину естественныхъ классовъ, наперерѣзъ нѣкоторымъ линіямъ обычной нравственности. Но оно было смѣло и сильно и потому просто».

Почему оно было сильно и просто? Въ значительной мѣрѣ потому, что оно создавалось самовластнымъ судомъ, въ распоряженіи котораго была мощь сильной монархіи. Но въ значительной мѣрѣ опять-таки по техническимъ причинамъ. Англійскіе юристы рано познакомились съ методомъ романистовъ и потому оказались въ состояніи создать смѣлую и простую систему. Для Мэтланда вопросъ о вліяніи римскаго правовѣдѣнія на германское есть одинъ изъ центральныхъ узловъ европейской исторіи. Въ предисловіи къ переводу Гирке Мэтландъ разъясняетъ своимъ соотечественникамъ, что они несправедливы въ своемъ пренебреженіи къ ученымъ правовѣдамъ, что профессоръ права есть лицо очень важное и нужное. Почему исторія Германіи разорвана и денаціонализирована рецепціей римскаго права и почему англичане гордятся непрерывностью національной юридической жизни? Потому что въ Англіи профессіональные юристы появились рано, а въ Германіи поздно. Знакомые съ методами римской юриспруденціи, англійскіе юристы XIII вѣка смогли дать національному праву систематическую обработку, превратить его въ Juristenrecht. Средневѣковое нѣмецкое право осталось устнымъ, неученымъ, народнымъ правомъ и въ XVI вѣкѣ почти безъ боя уступило свое мѣсто римскому.

Мнѣ думается, дѣло Мэтланда представляетъ также большой соціологическій интересъ. Онъ писалъ только объ англійскомъ правѣ. Онъ не разъ говорилъ съ ироніей о людяхъ, примѣняющихъ методъ сравненій и переживаній. Но какую широкую постановку онъ сумѣлъ дать исторіи «національнаго» права! Я не знаю ученаго, который бы дальше отстоялъ отъ націонализма. Въ своихъ взглядахъ на европейскую исторію онъ во многомъ сходится съ германистами, которые нерѣдко болѣютъ и сильно болѣютъ націонализмомъ.

иглійское право онъ считаетъ германскимъ въ своей основѣ; вліяніе льтскаго права было совсѣмъ незначительно, вліяніе римскаго права азалось больше на формѣ, чѣмъ на содержаніи англійскаго права. Основмъ и люднымъ классомъ англосаксонскаго общества онъ считаетъ староободныхъ германцевъ, а не зависимыхъ людей сомнительной крови. И то же время Мэтландъ безъ всякаго состраданія разбиваетъ патріотискіе предразсудки. Многіе англійскіе патріоты вѣрили въ незапамятность самобытность своей политической свободы, своего суда присяжныхъ, оего корпоративнаго самоуправленія. Мэтландъ напоминаетъ своимъ соечественникамъ, что «Англія Великой Хартіи и первыхъ парламентовъ ла маленькая, но много управляемая Англія». Онъ вполнѣ согласенъ Бруннеромъ, что судъ присяжныхъ пересаженъ въ Англію завоевателми норманнами и восходитъ къ своекорыстной судебной практикѣ римхъ императоровъ. Мѣстные союзы XI и XII вѣка въ значительной мѣрѣ ли спаяны или даже созданы полицейскими потребностями, правительюмъ завоевателей, которое было полно деспотическихъ замашекъ. «Люі муштруютъ и загоняютъ въ общины (communities) точно въ полки, обы государство было сильно и чтобы въ странѣ установился миръ. щинные союзы суть больше носители обязанностей, нежели носители авъ... Многое изъ того, что мы видимъ въ общинной жизни, не самопроюльно».

Въ англійскомъ духовенствѣ, особенно у «высокихъ церковниковъ», ло широко распространено мнѣніе, будто англійская церковь и до реомаціи пользовалась большою самостоятельностью, будто бы римское юническое право было обязательно для англійскихъ церковныхъ судовъ пь постольку, поскольку оно было признано англійскою государственю властью. Этотъ взглядъ льстилъ національному самолюбію и налагалъ іать почтенной давности на англиканскій цезаропапизмъ, на англиканое подчиненіе церкви государству. Мэтландъ показалъ съ непререкаемою вилностью, что этотъ взглядъ есть заблужденіе и что римское канониюкое право обладало безусловною принудительностью для англійскихъ оковныхъ судовъ католической поры.

Онъ любитъ и высоко цѣнитъ свое право, но отнюдь не закрываетъ зъ на его недостатки. Онъ самъ говоритъ, что простое, ясное, смѣлое аво времени Брактона превратилось въ свою противоположность. «Англійе право легко станетъ комментаріемъ, уклончивымъ комментаріемъ на рые законы и статуты. Оно будетъ обходить извилистыми тропами тѣ пятствія, которыхъ не сможетъ одолѣть. Оно станетъ тайнымъ знамъ, чернымъ искусствомъ, лабиринтомъ, ключъ къ которому потерянъ». ь любитъ и высоко цѣнитъ англійскихъ юристовъ, старыхъ и новыхъ, отнюдь не закрываетъ глазъ на ихъ недостатки. Всего горячѣе онъ екаетъ своихъ товарищей за пренебреженіе къ теоретической мысли, орое онъ выводитъ изъ чрезмѣрнаго роста централизаціи.

«Торжество одноклѣточнаго, унитарнаго государства сократило наши

траты кровью и деньгами. Но оно же сократило наши траты мыслью, привело къ своего рода безмыслію (thoughtlessness), къ бѣдности идеями».

И Мэтланду страстно хотѣлось дѣлать истинно патріотическое дѣло: лѣчить товарищей отъ безмыслія, искать потерянный ключъ къ лабиринту англійскаго права, ставить ученое правовѣдѣніе въ Англіи на ту высоту, которой оно достигло во Франціи и Германіи. Когда онъ писалъ вмѣстѣ съ Поллокомъ свою «Исторію», онъ мечталъ вывести англійское право изъ лабиринта, указать на его связь съ французскимъ и нѣмецкимъ правомъ. «Мы мечтали работать надъ сопоставленіемъ англійскаго права XIII вѣка съ французскимъ и нѣмецкимъ правомъ той же поры. Мы часто задумывались надъ вопросомъ, почему системы, столь близкія и родныя другъ другу въ XIII вѣкѣ, имѣли столь различную судьбу. Никакая торопливая болтовня о національномъ характерѣ не дастъ отвѣта на этотъ вопросъ... Англичане должны научиться тому, какъ удивительно похоже было нѣкогда наше общее право на французскій обычай» (coutume).

Человѣкъ, который написалъ эти слова, конечно, не былъ врагомъ сравнительнаго метода. Когда этотъ «скептикъ» протестуетъ противъ злоупотребленія методомъ переживаній, противъ отнесенія къ кельтскому слою всего того, что въ англійскомъ правѣ похоже на кельтское, онъ протестуетъ во имя того самаго принципа, на которомъ зиждется сравнительный методъ: «Простое совпаденіе въ частностяхъ между ранними системами права доказываетъ лишь то, что на извѣстныхъ стадіяхъ всѣ учрежденія похожи другъ на друга». Но онъ ничего не имѣетъ и противъ метода переживаній, если только имъ пользоваться умѣло. Въ своей послѣдней конструктивной работѣ (Trust und Korporation) онъ слѣдитъ за судьбою одного изъ самыхъ важныхъ юридическихъ институтовъ, ранняя исторія котораго не вполнѣ ясна. Чтобы уяснить природу англійскаго трэста въ XIV и XV вѣкѣ, Мэтландъ смѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣло, обращается къ лангобардской «вѣрной рукѣ» XI и XII вѣка и напоминаетъ, что лангобарды—двоюродные братья англичанамъ.

Мнѣ думается даже, что соціологическая жилка билась въ Мэтландѣ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе. Его мысль въ послѣдніе годы все упорнѣе обращалась къ одному изъ коренныхъ вопросовъ соціологіи и политики, къ вопросу объ отношеніи между личностью и обществомъ или вѣрнѣе различными общественными союзами. Самые высокіе авторитеты зовутъ Мэтланда индивидуалистомъ. Поллокъ припоминаетъ, какъ Мэтландъ присутствовалъ при бесѣдѣ, въ которой кто-то восторгался коммунизмомъ будущаго, въ особенности отсутствіемъ дрязгъ и хлопотъ, связанныхъ съ домашнимъ хозяйствомъ. Мэтландъ долго слушалъ, потомъ не выдержалъ и сказалъ: «Самое лучшее изъ того, что я когда-либо слышалъ о немъ, это то, что тамъ много домовъ. И я надѣюсь, мы получимъ тамъ каждый по цѣлому дому». Виноградовъ указываетъ на глубокое недовѣріе покойнаго къ общиннымъ теоріямъ въ приложеніи къ средневѣковой исторіи. Мэтландъ дѣйствительно затратилъ много труда и таланта на острую ра-

тику общинныхъ теорій. Онъ указывалъ на ихъ детальные промахи, на ихъ непримиримость съ психологіей варвара, на ихъ склонность къ модернизаціи древняго быта. Онъ старался выяснить, что многіе изъ тѣхъ фактовъ, въ которыхъ видѣли проявленіе сознательнаго общиннаго духа и порядка, на дѣлѣ могутъ объясняться и должны объясняться *автоматизмомъ* и *реализмомъ* древняго быта—силою вещей, силою привычки, властью земли. Съ точки зрѣнія Мэтланда личность была тѣмъ ядромъ, вокругъ котораго кристаллизовались постепенно права на лица и вещи.

Все это вѣрно. И всетаки я ни за что не назвалъ бы Мэтланда последовательнымъ индивидуалистомъ. Его основная мысль была сложнѣе. Я, кажется, довольно точно выражу ее его собственными словами, которыя стоятъ въ превосходныхъ лекціяхъ о Township and borough: «Можно обратить знаменитое положеніе и утверждать, что *личность есть единица древняго права, а корпорація есть единица новаго права*». Съ тою же самою настойчивостью, съ какою Мэтландъ развѣнчивалъ общину ранняго средневѣковья, онъ возвеличивалъ ея мѣсто въ новой Европѣ. Чрезвычайно характерно неуклонное тяготѣніе его послѣднихъ лѣтъ къ нѣмецкимъ спорамъ о юридическомъ лицѣ, къ тяжелымъ книгамъ столь непохожаго на него Гирке. Мнимый скептикъ оказался пѣвцомъ туманной, почти мистической «реалистической теоріи», потому что сквозь неясную дымку ея очертаній ему виднѣлось здоровое, жизнеспособное зерно. Дѣло общиннаго духа описывается съ рѣдкимъ у Мэтланда подъемомъ. «Вообразимъ себѣ группы, которыми стояли люди англійскаго племени съ тѣхъ дней, когда мстительные родичи платили кровью за кровь, до тѣхъ дней, когда выпускаетъ акціи «компанія изъ одного человѣка», когда парламентскія собранія встаютъ надъ почвою Канады и Австраліи, когда вопросъ о «трестахъ и корпораціяхъ» тревожитъ великую республику Запада. Въ этихъ предѣлахъ лежатъ церкви и даже средневѣковая церковь, монастырскія общежитія, нищенствующіе ордена, нонконформистскіе союзы, пресвитеріанская система, университеты старые и новые, сельская община, маноръ, township, town Новой Англіи, графства и сотни, города съ хартіей, гильдіи, адвокатскія подворья, купцы-авантюристы, воинствующія «компаніи» англійскихъ кондотьеровъ, торговыя компаніи, компаніи, которыя ведутъ войну, компаніи, которыя становятся колоніями, «дружескія общества», профессіональные рабочіе союзы, клубы, группа, которая встрѣчается въ кофейнѣ Ллойда (Lloyd), группа, которая превращается въ биржу (Stock Exchange), и такъ далѣе вплоть до «компаніи изъ одного человѣка», Standard Oil Trust и южно-австралійскихъ статутовъ о коммунистическихъ деревняхъ. Передъ англійскимъ историкомъ разстилается изобиліе групповой жизни даже побогаче того, которое обозрѣвалъ Гирке». Если въ варварскомъ быту права сосредоточивались по преимуществу вокругъ личности, то теперь они все больше и больше собираются вокругъ группы. Во второй половинѣ XIX вѣка самыя разнообразныя корпоративныя группы размножались съ быстротою, на много превосходящею скорость размноже-

нія «естественныхъ лицъ». Весьма большая часть всего нашего новѣйшаго права есть право корпорацій».

Но удивительное богатство свободной союзной жизни находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ преобладающею въ Англіи юридическою теоріей. Послѣдняя взята у средневѣковыхъ канонистовъ. Единство всякаго крѣпко спаяннаго союза есть не живое, подлинное единство, а единство мнимое; всякая корпорація есть persona ficta, юридическая фикція, мнимое лицо, единство котораго восходитъ къ разрѣшенію, къ «концессіи» государственной власти. Корпорація создается спеціальнымъ актомъ верховной власти, государевой воли, и не можетъ выйти за предѣлы, предоставленные ей разрѣшительнымъ актомъ, королевскою грамотою инкорпораціи. Корпорація не можетъ грѣшить, не можетъ совершать деликтовъ.

Эта прямолинейная теорія атомистична и механична. Она восходитъ къ римской юриспруденціи императорскаго періода, къ твореніямъ людей, которые признавали только «лицо и государство», которые были покорными теоретиками деспотизма, смиренными прислужниками левіаѳана. Какъ могла укорениться эта теорія въ англійской средѣ, полной союзнаго почина и политической свободы? Мэтландъ указываетъ настойчивѣе всего на двѣ причины. Англія довольно поздно стала страною свободы и самодѣятельности. Со времени норманнскаго завоеванія, много раньше и много полнѣе континентальныхъ странъ, Англія превратилась въ унитарное, централизованное, одноклѣточное государство, въ которомъ не было мѣста независимымъ союзамъ. Традиціи XII и XIII вѣка много способствовали усвоенію абсолютистической концессіонной теоріи. Теорія осталась въ силѣ и послѣ того, какъ Англія стала страною свободы и союзовъ, осталась въ силѣ потому, что потеряла свое жало, сама превратилась въ довольно невинную фикцію. До второй половины XIX вѣка только монархъ могъ создавать корпораціи въ Англіи, и всякая корпорація могла двигаться лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это было ей разрѣшено монаршею волею. И англичане не чувствовали почти никакого неудобства отъ такого казалось бы рабьяго положенія, потому что они могли почти совершенно свободно входить во всякаго рода «неинкорпорированныя сообщества». Даже для самыхъ ученыхъ людей, которые не поймутъ истинной природы «неинкорпорированныхъ сообществъ», англійская исторія новаго времени есть лабиринтъ, ключъ къ которому потерянъ, книга за семью печатями.

Въ этомъ печальномъ положеніи очутились многіе нѣмецкіе юристы нашего времени. Въ ихъ числѣ есть даже большіе люди, такіе люди, какъ Гнейстъ и Іеллинекъ. Но даже очень большіе нѣмецкіе юристы нашего времени часто хвораютъ политическимъ дальтонизмомъ, упорно отказываются видѣть истинную природу свободы и чувствуютъ тайное, но непреодолимое влеченіе къ абсолютной монархіи. Я не знаю, считалъ ли К[illegible]ковъ оригинальнымъ, истинно русскимъ свое знаменитое утвержденіе, что у русскихъ подданныхъ есть нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ у гражданъ Запада: у западныхъ европейцевъ есть политическія *права*, у русскихъ [illegible]

политическія *обязанности.* И эта истинно-русская мысль есть перепѣвъ западнаго мотива. Еще Гнейстъ видѣлъ существо англійскаго и всякаго хорошаго самоуправленія какъ разъ въ торжествѣ добрыхъ государственныхъ началъ надъ злыми общественными. Союзы, въ рукахъ которыхъ находится мѣстное управленіе, суть союзы *обязанные,* Pflichtgenossenschaften. Ихъ дѣятели суть правительственныя должностныя лица, получаютъ свои полномочія отъ монарха и подлежатъ контролю общегосударственныхъ установленій, королевскихъ судовъ. Мысль Гнейста получила небольшое видоизмѣненіе у Іеллинека, который придаетъ очень большое значеніе «пассивнымъ общественноправовымъ союзамъ», очень похожимъ на Pflichtgenossenschaften Гнейста. Не въ мѣру усердный ученикъ Іеллинека Гатшекъ сталъ повсюду въ Англіи искать «пассивныхъ союзовъ», а въ концѣ-концовъ объявилъ пассивнымъ союзомъ само англійское государство.

Мэтланду было антипатично подобное упрощеніе англійскаго права даже просто какъ ученому; но онъ всталъ также въ защиту родной свободы. Недаромъ на изданіяхъ Сельденева общества стоитъ гордый девизъ Сельдена: «Превыше всего свободу» (περὶ πάντως τὴν ἐλευθερίαν). Въ своемъ опытѣ Trust und Korporation Мэтландъ показалъ, что учрежденій англійскаго мѣстнаго управленія нельзя изучать внѣ ихъ связи съ общею системою англійскаго права. Эти учрежденія тѣсно связаны съ однимъ институтомъ гражданскаго права, съ трёстомъ, который получилъ огромную важность въ новой англійской исторіи и заслонилъ собою корпорацію. Очень многія и наиболѣе важныя «неинкорпорированныя сообщества» получили форму трёста и благодаря ей были почти совершенно свободны отъ правительственной опеки. Въ формѣ трестовъ союзная жизнь, свободная и самобытная, достигла поразительнаго богатства и разнообразія и могла довольно равнодушно слушать беззубыя угрозы теоріи корпорацій. Этотъ блестящій опытъ, въ которомъ историкъ подаетъ руку юристу, политикъ соціологу, прозвучалъ лебединою пѣснью великаго англичанина.

Былъ ли Мэтландъ оригиналенъ? Конечно, былъ. Онъ былъ оригиналенъ тѣмъ высшимъ своеобразіемъ ума, которое позволяетъ выдающимся людямъ сохранить и утвердить свою индивидуальность даже тогда, когда они поддаются чужимъ вліяніямъ. Онъ не боялся чужихъ вліяній. Онъ искалъ ихъ. Онъ обладалъ рѣдкою способностью ученаго сотрудничества. Свою главную книгу, «Исторію права», онъ написалъ вмѣстѣ съ Поллокомъ, и только спеціалистъ, да и то не вездѣ, можетъ различить, что принадлежитъ Поллоку и что Мэтланду. Тѣсное научное общеніе между ними началось еще въ 1880 г. и продолжалось до смерти Мэтланда. Въ восьмидесятыхъ годахъ и началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка Мэтландъ находился въ тѣсномъ научномъ общеніи съ Виноградовымъ. Позже они разошлись во взглядахъ на средневѣковье, но до конца Мэтландъ чрезвычайно высоко цѣнилъ «дѣло» Виноградова. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть предисловіе къ «Книгѣ страшнаго суда». Когда П. Г. Виноградовъ поздравилъ покойнаго съ выходомъ «Исторіи права» и вы-

сказалъ свое очень высокое мнѣніе о ней, Мэтландъ отвѣтилъ: «Если я былъ однимъ изъ отцовъ Исторіи, вы были ея дѣдомъ».

Мэтландъ внимательно слѣдилъ за континентальной исторической и юридической литературой, особенно французской и нѣмецкой. Быть можетъ, самое сильное вліяніе, какое онъ когда-либо испытывалъ, было вліяніе Гирке. Впрочемъ, его чуткая душа была легко открыта внѣшнему воздѣйствію. Съ впечатлительностью художника онъ поддавался логической красотѣ чужой мысли и въ увлеченіи первое время могъ переоцѣнить чужую работу.

Но даже переводя Гирке, онъ оставался самимъ собою. Его стиль въ высокой степени индивидуаленъ. Все, къ чему онъ прикасался своимъ жезломъ, онъ дѣлалъ интереснымъ: гайду, сокменовъ, старые учебники каноническаго права, старые отчеты о судебныхъ процессахъ, неинкорпорированныя сообщества. Все оживало подъ его пальцами и искрилось переливами тонкаго и образнаго остроумія. Художественныя репутаціи прочнѣе научныхъ. Мэтланда будутъ читать и тогда, когда давно перестанутъ читать Вайца и Бруннера, будутъ читать за то, что онъ былъ однимъ изъ великихъ мастеровъ слова.

Въ садахъ Оксфорда и Кембриджа, все еще обвѣянныхъ задумчивою прелестью далекой были, вырастаетъ немало цвѣтовъ съ благородными очертаніями, нѣжными красками, тонкимъ ароматомъ. Но самые прекрасные, самые благоуханные цвѣты приходятъ рѣдко, «разъ въ два или три поколѣнія». Приходятъ и уходятъ, какъ всѣ. Если эти блѣдныя строки удлинятъ русскую память объ одномъ такомъ цвѣткѣ, недавно увядшемъ, мой нравственный долгъ передъ учителемъ исполненъ.

А. Савинъ.

Письмо изъ Германіи.

Международный соціалистическій конгрессъ.

I.

Недавно закончившійся въ Штутгартѣ международный соціалистическій конгрессъ былъ первымъ такимъ конгрессомъ на нѣмецкой почвѣ. И это придавало ему во многихъ отношеніяхъ особый интересъ. При всемъ различіи между болѣе добродушнымъ и демократичнымъ югомъ и суровымъ и полуабсолютистскимъ сѣверомъ Германіи,—Вюртембергъ не находится внѣ сферы вліянія прусско-германской реакціи. Такъ что и въ его столицѣ работы конгресса, къ тому же еще съ такимъ щекотливымъ вопросомъ въ программѣ, какъ «милитаризмъ и международные конфликты», могли дать поводъ къ «недоразумѣніямъ». Недаромъ упорно ходили слухи— что очень характерно въ радикально-антимилитаристскихъ кругахъ—о возможности преждевременнаго закрытія его властями. Но помимо этого, такъ сказать, внѣшняго интереса «пикантности», мѣсто засѣданій конгресса придавало ему интересъ и по существу. Онъ долженъ былъ состояться на самой родинѣ современнаго соціализма, въ гостяхъ у той его фракціи, которая до сихъ поръ и по разработанности партійной идеологіи, и по совершенству организаціи успѣшно притязала на руководительство и авторитетъ. Пославъ на конгрессъ самую многочисленную делегацію, въ 300 человѣкъ, нѣмецкая соціалъ-демократія, очевидно, могла привлечь къ участію въ немъ всѣ свои лучшія силы. А это участіе было важно опять-таки въ виду того, что для коренного пункта программы существенно было выясненіе позиціи нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ. Опредѣленнаго отвѣта на вопросы о націонализмѣ и милитаризмѣ ждали отъ нихъ и справа, и слѣва, и друзья, и враги. И, наконецъ, самое зрѣлище собранія соціалистовъ всѣхъ странъ здѣсь, среди общей политической отсталости и апатіи, должно было произвести особое демонстраціонное и агитаціонное дѣйствіе.

Было бы, несомнѣнно, легкомысленно отрицать внушительность этого зрѣлища. Какъ ни какъ, но когда въ одной залѣ сходятся представители

25 національностей изъ всѣхъ «пяти частей свѣта», чтобъ совмѣстно вырабатывать единообразныя правила партійной работы,—это не можетъ не вызывать уваженія къ силѣ защищаемыхъ ими интересовъ и къ мощи объединяющаго ихъ ученія. Но здѣсь необходимы оговорки. Это, конечно, «звучитъ гордо» и это очень благодарная тема для агитаціонныхъ рѣчей и статей—«представительство всѣхъ пяти частей свѣта». Болѣе трезвое отношеніе къ предмету, однако, уменьшаетъ силу эффекта. Вѣроятно, делегаты южной Африки, Аргентины и другихъ экзотическихъ мѣстностей сами по себѣ добрые и правовѣрные соціалисты. Но вѣдь значеніе международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ не въ личной убѣжденности ихъ участниковъ. Если международный соціализмъ не голая абстракція, не свободная фантазія мечтательныхъ умовъ, а продуктъ опредѣленнаго строя экономическихъ отношеній, «идеологическая надстройка» надъ современнымъ соціальнымъ движеніемъ, то цѣнность этого «представительства всѣхъ пяти частей свѣта» зависитъ отъ того, какія соціальныя группы, какія профессіональныя и политическія организаціи стоятъ за данными делегатами. И вотъ въ этомъ отношеніи подлинность «представительства всѣхъ пяти частей свѣта» вызываетъ серьезныя сомнѣнія. Какъ будто имѣемъ мы здѣсь дѣло съ такими же «Renommier»-соціалистами, каковы «Renommier»-профессора въ каждомъ нѣмецкомъ пансіонѣ, каковы «генералы» на московскихъ свадьбахъ.

Повторяю, я нисколько не намѣренъ и не считаю себя въ правѣ заподозрѣвать личную bona fides, съ какою каждый изъ этихъ делегатовъ «представлялъ» соціализмъ своей далекой родины. И именно потому, что здѣсь, конечно, имѣется налицо эта bona fides, ихъ присутствіе среди избранниковъ пролетаріата, на мой взглядъ, совершенно независимо отъ ихъ значенія, какъ дѣятелей соціализма, производитъ поистинѣ трогательное впечатлѣніе и придаетъ конгрессу оттѣнокъ такой наивной и сантиментальной умилительности. Ибо гораздо лучше и достовѣрнѣе, чѣмъ современное соціальное движеніе, эти заморскіе и экзотическіе соціалисты представляютъ каждый какую-нибудь реальную бѣду и нужду—кто горе страны, угнетаемой чуждой и жестокой властью, кто просто большое горе и бѣдность какого-нибудь забитаго народа. И вотъ то, что они приходятъ именно сюда, къ организованнымъ пролетаріямъ, и что здѣсь ихъ встрѣчаютъ такъ тепло и привѣтливо, и такъ охотно и щедро отвѣчаютъ на жалобы «труждающихъ и обремененныхъ» изъ всѣхъ уголковъ земли единодушными, пылкими, негодующими резолюціями—конечно, и безспорно трогательно и симпатично для посторонняго. Пусть—я думаю, что это такъ—товарищъ Камаръ, эта индусска на штутгартскомъ конгрессѣ въ національномъ костюмѣ и съ шелковымъ знаменемъ независимой Индіи въ рукахъ, не опиралась ни на политическую партію, ни на профессіональные союзы,—ея воззваніе къ справедливости международнаго соціализма способно было растрогать и умилить. Но позвольте сохранить и эпитеты наивности и сантиментальности. Конечно, соціалистамъ—этимъ par ex-

Ience, казалось бы, реалистамъ и трезвенникамъ—ясно не менѣе, чѣмъ каждому «буржуа», что въ этихъ демонстраціяхъ ровно столько же мечтательнаго, платоническаго, сколько въ любомъ «буржуазномъ пожеланіи». Товарищу Камаръ дали развернуть знамя независимой Индіи при бурныхъ аплодисментахъ. Но, увы, кто же вѣритъ въ близость этой независимости? И кто вѣритъ въ чудодѣйственную силу резолюціи противъ англійскаго владычества, которой, правда, по формальнымъ причинамъ не голосовали, но съ которой единодушно согласились?

Во всякомъ случаѣ и помимо этого штутгартскій конгрессъ былъ все же почтеннымъ уже съ внѣшней стороны собраніемъ. Если исключить Японію, Австралію, южную Африку и Аргентину, на немъ были представлены всѣ европейскія страны, кромѣ Португаліи и Черногоріи, и С.-А. Соединенные Штаты, причемъ число делегатовъ колебалось отъ 300 отъ Германіи и 123 отъ Англіи до 2 отъ Финляндіи и 1 отъ Сербіи. Эта пестрая толпа въ 886 человѣкъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, одеждъ и нарѣчій расположилась въ залѣ мѣстной Liederhalle за многочисленными, длинными, узкими столами. Естественно было ожидать еще и набитыхъ публикою хоровъ, такъ какъ, конечно, если что́ способно возбудить интересъ и привлечь вниманіе на соціалистическихъ конгрессахъ, то прежде всего ихъ публичныя засѣданія съ дебатами, нерѣдко достигающими большой высоты ораторскаго искусства. Но нѣмецкая буржуазія этимъ интересомъ не была затронута, рабочимъ въ будни—не до посѣщенія конгресса. Такъ что послѣ торжественнаго воскреснаго засѣданія всю недѣлю мѣста для публики были наполовину пусты, и съ этой точки зрѣнія сила агитаціоннаго дѣйствія конгресса равнялась нулю. Но зато одна сторона хоровъ, та, на которую допускались за пониженную плату партійные единомышленники, была вся занята, конечно, ни въ какой агитаціи не нуждающимися, но выносливыми и упорными посѣтителями. Это были неизбѣжные завсегдатаи всѣхъ національныхъ и интернаціональныхъ соціалистическихъ конгрессовъ—русскіе студенты и студентки изъ Гейдельберга, Карлсруэ, Мюнхена, Цюриха, Берна. Тамъ первый рядъ «занимали», какъ только открывались двери Liederhalle, сзади уже не сидѣли, а стояли на стульяхъ, опираясь другъ на друга, просовывая впередъ головы, напряженно слѣдя за тѣмъ, что дѣлалось внизу. И нужно ли говорить, что именно тамъ все происходившее въ залѣ воспринималось съ наибольшею живостью, что именно оттуда раздавались тѣ добавочные аплодисменты, которые превращали въ отмѣткахъ газетныхъ репортеровъ выпадавшій на долю ораторовъ «Beifall» въ «lebhafter», «anhaltender» и даже «Stürmischer Beifall».

Тому, что было внутри зданія, соотвѣтствовало и происходившее на улицахъ города. Если бы не часто попадавшіяся группы делегатовъ съ красными розетками въ петлицахъ да большіе столбы съ флагами, указывавшіе дорогу отъ вокзала къ Liederhalle, то и догадаться было бы нельзя, что въ городѣ засѣдаетъ «красный Интернаціоналъ», какъ называли

въ Штутгартѣ на архаическомъ жаргонѣ «международную революціонную соціалъ-демократію». Правда, мѣстная партійная газета разсказывала, что передъ зданіемъ Liederhalle въ теченіе всей недѣли происходила «одна сплошная могучая демонстрація». На самомъ же дѣлѣ просто передъ входомъ, передъ началомъ и по окончаніи засѣданій, стояла обыкновенно небольшая группа людей, частью стремившихся по тому или другому праву проникнуть на конгрессъ или въ коммиссію, частью любопытныхъ, останавливавшихся на минуту «посмотрѣть». И «демонстрація» эта была настолько безобидна, что не вызывала никакихъ полицейскихъ мѣръ. Въ двухъ шагахъ на перекресткѣ стоялъ только, какъ всегда, шутцманъ и съ самымъ добродушнымъ видомъ объяснялся съ делегатами, обращавшимися къ нему съ вопросами. Возможно, конечно, что все дѣло было въ неясности его «классоваго сознанія»,—но онъ—несомнѣнно причастный къ «существующему строю»—безстрашно и безстрастно смотрѣлъ на людей, съѣхавшихся, чтобъ сообща «ковать новое оружіе» для разрушенія этого строя.

Что на конгрессѣ занимались именно этимъ, объяснила намъ, стоявшимъ вокругъ трибуны № 2 на канштатскомъ полѣ, Клара Цеткинъ. Дѣло было въ воскресенье 18 августа, въ теплый, веселый день, когда послѣ перваго торжественнаго засѣданія съ пѣніемъ гимновъ и съ привѣтственными рѣчами состоялся традиціонный массовый митингъ подъ открытымъ небомъ. На берегу весело бѣгущаго въ своей сочно-зеленой долинѣ Неккара, на огромной площади, на которой обыкновенно устраиваются военные парады и народныя гулянья, подъ августовскимъ небомъ съ легкими облаками и мягкимъ сіяніемъ солнца, воздвигъ «красный Интернаціоналъ» свои шесть трибунъ. Это были просто напросто повозки-платформы съ маленькими, обтянутыми красной матеріей каѳедрами и столами для предсѣдателей и переводчиковъ. Вокругъ нихъ разставляли свои значки и знамена рабочія организаціи, приходившія на поле почти военнымъ маршемъ и подъ звуки музыки, и толпились во множествѣ сошедшіеся рабочіе и маленькіе буржуа, справлявшіе кто свой пролетарскій праздникъ, а кто хорошее воскресенье. И сверху, съ моста, все казалось шестью островами на необъятной зеленой поверхности—островами соломенныхъ шляпъ и загорѣлыхъ лицъ, смотрѣвшихъ съ южно-нѣмецкой привѣтливостью и довольствомъ.

Итакъ, на мою долю выпало вступительное слово Клары Цеткинъ. Это почтенная, сѣдая, высокая и плотная 50-лѣтняя женщина, съ очень мало воинственной внѣшностью. Ей пришлось покраснѣть отъ напряженія и сильно форсировать голосъ, чтобъ сразу попасть въ тонъ, отвѣчающій бурному содержанію рѣчи. Смыслъ ея былъ тотъ, что на этомъ полѣ, гдѣ обыкновенно буржуазія дѣлаетъ смотръ своимъ войскамъ, сейчасъ происходитъ парадъ соціалъ-демократіи, которая, однако, въ свое время будетъ не только парадировать, но и маршировать и наносить удары. И вотъ для этого «красный Интернаціоналъ» и собирается «ковать новое

оружіе». Вы, конечно, поймете, что за такимъ вступленіемъ могли слѣдовать только рѣчи столь же повышеннаго содержанія, и что самые мирные и трезвые представители международнаго соціализма говорили по-истинѣ «кровавымъ» языкомъ, призывая къ себѣ на помощь всѣ силы земныя и небесныя, до грома и молніи включительно. Впрочемъ, причемъ тутъ былъ болѣе или менѣе «мирный» образъ мысли? Отъ первой до шестой трибуны правые и лѣвые, «ревизіонисты» и «ортодоксы»—всѣ говорили по существу одно и то же, однимъ и тѣмъ же повышеннымъ голосомъ, съ одними и тѣми же повышенными жестами. Если отбросить въ сторону нѣкоторые индивидуальные мотивы, то суть всѣхъ рѣчей была въ восхваленіи превосходства соціалъ-демократіи, въ аподиктическомъ утвержденіи непогрѣшимости ея догматовъ и побѣдоносности ея стремленій. И само собой понятно, что все это сопровождалось самымъ отборнымъ «анаѳемствованіемъ» злосчастной буржуазіи, которой по-истинѣ со сладострастіемъ перемывали косточки всѣ 6 представителей и 18 ораторовъ. «Народъ?» Онъ, конечно, не «безмолвствовалъ», а поощрялъ ораторовъ знаками одобренія и аккуратно кричалъ сакраментальныя три «hoch» при окончаніи каждой рѣчи. Но я не уловилъ въ проявленіяхъ чувствъ этого народа той бури, которую, повидимому, собирались вызвать ораторы. Напротивъ, контрастъ между зажигательными словами, потокомъ лившимися съ трибунъ, и необыкновенно благодушнымъ настроеніемъ слушателей, казался мнѣ поразительнымъ. И когда голландецъ Трульстра—вообще очень спокойный человѣкъ, едва ли не «ревизіонистъ»—играя словами, сталъ утверждать, что «молніи мысли сверкаютъ съ трибунъ», а за ними «гремитъ громъ изъ глотокъ и сердецъ слушателей», то съ первымъ, какъ съ простительнымъ для торжественнаго дня комплиментомъ, еще можно было согласиться, но второе вызывало самыя серьезныя сомнѣнія.

Я не думаю поэтому, чтобъ и этотъ митингъ, при всей его многолюдности—народу на немъ было 20—30 т. человѣкъ, а можетъ быть, и болѣе—могъ имѣть крупное агитаціонное значеніе. Повтореніемъ, хотя бы и зычнымъ, все однихъ и тѣхъ же партійныхъ догматовъ и общихъ мѣстъ едва ли можно увлекать и «совращать». Но весьма вѣроятно, что тутъ былъ все же свой особый и многозначительный смыслъ. Возьмите любую религіозную секту, общину. У нея непремѣнно есть свой учредительный документъ, хартія съ всегда немногими, всегда несложными, всегда звучными догматами, на которыхъ, какъ на гранитной скалѣ, утверждено «вѣковѣчное» единство ея адептовъ. Проходятъ дни и годы, и эти догматы заносятъ крупнымъ шрифтомъ на толстую бумагу и переплетаютъ въ дорогіе, неудобоносимые переплеты. Они покоятся тамъ въ сладкомъ забвеніи, не тревожимые суетой повседневной жизни. А для этой жизни находятся свои, новыя начала, гибкія, какъ жизнь, негромкія, какъ скромная работа короткаго сегодняшняго дня. Но бываютъ моменты, когда далеко расходящіеся другъ съ другомъ единовѣрцы вспоминаютъ о своемъ духовномъ единствѣ. Они собираются въ храмъ на общее моленіе, допус-

кая въ среду даже гонимыхъ обыкновенно «заблуждающихся» братьевъ—«ревизіонистовъ». И въ дружномъ, согласномъ повтореніи ветхихъ формулъ ищутъ ободренія и одушевленія. Это собраніе на каннштатскомъ полѣ и казалось мнѣ такимъ молитвеннымъ общеніемъ всѣхъ вѣрующихъ во единую вселенскую, непогрѣшимую, побѣдоносную соціалъ-демократію.

Что это было единство молитвы, экстаза,—лучше всего доказываетъ то, какъ раздѣлились на толки и подтолки международные соціалисты, едва перейдя отъ слова къ дѣлу или—если такъ хочетъ Клара Цеткинъ—къ самому процессу «кованія новаго оружія» для борьбы съ «анаѳемой»—буржуазіей.

II.

Первымъ и единственнымъ вопросомъ, который вызвалъ на конгрессѣ сколько-нибудь обстоятельные дебаты и далъ возможность судить о сравнительной силѣ отдѣльныхъ теченій въ современномъ соціализмѣ, былъ вопросъ колоніальный. Онъ давно уже занимаетъ собою соціалистовъ всѣхъ странъ. Традиціонное отношеніе къ нему радикаловъ-ортодоксовъ просто и категорично. При голомъ отрицаніи всякихъ предпріятій и начинаній «капиталистическаго» государства, они и по адресу его колоніальной политики довольствуются упорнымъ провозглашеніемъ ея несостоятельности и неизбѣжности ея вырожденія въ политику угнетенія и грабежа. Это, конечно, благодарная позиція. Непригладная колоніальная система современныхъ государствъ съ ея безчисленными злоупотребленіями, насиліями и произволомъ даетъ выигрышный матеріалъ для «разоблаченія» «буржуазной дѣйствительности» и «разрушенія иллюзій». А въ то же время такая позиція освобождаетъ отъ какихъ-либо обязательствъ. Отвѣтственность всегда остается за «буржуазіей», которой соціалъ-демократія принципіально отказываетъ во всѣхъ расходахъ на колоніальныя нужды.

Но по мѣрѣ того, какъ въ различныхъ національныхъ фракціяхъ соціализма крѣпло «реформатское» теченіе, допускающее возможность и цѣлесообразность послѣдовательныхъ реформъ и въ предѣлахъ капиталистическаго строя, для него неизбѣжнымъ становилось обратиться къ «ревизіи» и этой части соціалистическаго катехизиса. Плодомъ этого «ревизіонистскаго» процесса явилась прежде всего амстердамская резолюція, бывшая дѣломъ рукъ голландскихъ и бельгійскихъ соціалистовъ. Она, правда, еще очень осторожна, и просто, осуждая въ соотвѣтственно сильныхъ выраженіяхъ «капиталистическую эксплоатацію все увеличивающихся колоніальныхъ владѣній», обращаетъ вниманіе парламентскихъ соціалистическихъ фракцій на рядъ практическихъ реформъ для колоній, которыя онѣ должны предлагать и отстаивать. Но изъ рѣчей защищавшихъ ее ораторовъ звучало нѣчто большее. Такъ, бельгіецъ Terwagne и французъ Мармоннье привѣтствовали ее, какъ «первый положительный шагъ къ колоніальной реформѣ». А докладчикъ коммиссіи голландецъ Ванъ-Коль с[illegible]в-

нивалъ развитіе колоніальнаго вопроса въ программѣ соціалъ-демократовъ съ развитіемъ самой соціалъ-демократіи. Чѣмъ дальше подвигается впередъ ея внѣшнее и внутреннее развитіе, тѣмъ рѣшительнѣе обращается она отъ простого крика возмущенія, отъ голаго отрицанія къ позитивной работѣ. Настало для нея время сдѣлать этотъ шагъ и въ колоніальномъ вопросѣ.

Съ тѣхъ поръ различныя обстоятельства заставили соціалъ-демократовъ еще ближе подойти къ колоніальнымъ проблемамъ. Съ одной стороны, самый ростъ соціалистическихъ фракцій дѣлалъ для нихъ все болѣе неудобной чисто-отрицательную позицію. Съ другой, обнаруживалась роковая необходимость считаться съ колоніями, какъ съ неустранимымъ фактомъ политики почти всѣхъ крупныхъ государствъ. Нѣкоторые изъ иниціаторовъ «соціалистической колоніальной политики» вняли данному въ Амстердамѣ совѣту заняться болѣе обстоятельнымъ изученіемъ предмета. Ванъ-Коль объѣздилъ голландскую Индію, англичанинъ Макъ-Дональдъ побывалъ въ Канадѣ и Австраліи. И изъ своихъ поѣздокъ они вынесли раздѣляемое многими впечатлѣніе, что колоніальное дѣло вовсе ужъ не такъ безнадежно, допускаетъ усовершенствованіе и можетъ быть въ значительной степени очищено отъ элементовъ насилія и вымогательства. Совсѣмъ же недавно была вынуждена къ уясненію себѣ своей колоніальной программы бельгійская соціалъ-демократія постановкой на очередь вопроса о присоединеніи къ Бельгіи государства Конго. Чрезвычайный партійный съѣздъ обязалъ соціалъ-демократовъ голосовать въ парламентѣ противъ присоединенія. Вандервельде при этомъ полагалъ, что присоединеніе это, конечно, неизбѣжно, но что для соціалъ-демократіи цѣлесообразнѣе остаться въ сторонѣ отъ него. А самый ярый врагъ колоніальной политики Брукеръ проповѣдовалъ идею международной администраціи для Конго. Очень убѣдительно, однако, доказывалъ всю фальшь этихъ искусственныхъ разсужденій Terwagne, повторившій свою аргументацію въ августовской книжкѣ журнала *Sozialistiche Monatshefte.* Причину того, почему ни одинъ соціалъ-демократъ не рѣшился быть послѣдовательнымъ до конца и стоять просто за предоставленіе государства Конго собственной его судьбѣ, онъ видитъ въ томъ, что каждый изъ нихъ согласенъ, что весь земной шаръ долженъ быть продуктивно использованъ и ни клочка его нельзя оставить безплоднымъ для человѣчества. А если такъ, то колоніальная система неизбѣжна; и хотя она въ ея теперешнихъ формахъ и зло, лучше откровенно принять на себя долю отвѣтственности за него, и тѣмъ создать себѣ твердую почву для работы надъ его исправленіемъ. Образецъ ея данъ уже, по его мнѣнію, парламентской коммиссіей, въ результатѣ отчета которой явился рядъ мѣръ, конечно, далекихъ отъ совершенства, но все же очень полезныхъ. Вотъ къ такой практической работѣ улучшенія того, что̀ можетъ быть улучшено, перенесенія и на колоніи великодушной, просвѣтительной, гуманитарной дѣятельности соціализма—онъ и призывалъ своихъ единомышленниковъ.

Эти мысли цѣликомъ восприняли «реформисты» на штутгартскомъ конгрессѣ. И еще въ коммиссіи на-ряду съ радикально-отрицательнымъ меньшинствомъ составилось компактное большинство, рѣшившееся досказать то, на что были только намеки въ амстердамской резолюціи. Лидерами и большинства и меньшинства явились депутаты германскаго рейхсрата Давидъ и Ледебуръ. Ядро резолюціи принималось ими обоими, такъ какъ въ немъ повторялось обычное осужденіе капиталистической колоніальной политики. Но «реформисты» нашли нужнымъ присоединить къ нему принципіальную декларацію объ отношеніи соціализма къ колоніямъ. Давидъ предложилъ такое вступленіе: «Принимая во вниманіе, что соціализмъ стремится обратить на пользу человѣчества производительныя силы всего земного шара и довести до высшихъ ступеней культуры всѣ народы всѣхъ цвѣтовъ и языковъ, конгрессъ усматриваетъ въ колонизаторской идеѣ существенную составную часть всеобъемлющаго культурнаго идеала соціалистическаго движенія». Это было, однако, слишкомъ откровенно. И большинство объединилось на болѣе скромной формулѣ Terwagne и Ванъ-Коля. «Конгрессъ признаетъ, что польза или необходимость колоній вообще—особенно же для рабочаго класса—сильно преувеличивается. Онъ не отвергаетъ, однако, принципіально и на всѣ времена всякую колоніальную политику, которая при соціалистическомъ режимѣ будетъ имѣть цивилизаціонное значеніе». Ледебуръ же отъ имени меньшинства выступилъ за замѣну этого вступленія другимъ, въ которой вопросъ ставится гораздо яснѣе и вмѣсто предположеній о колоніальной политикѣ въ соціалистическомъ обществѣ категорически утверждается, что въ условіяхъ капиталистическаго строя она «неизбѣжно должна вести къ порабощенію, принудительному труду или истребленію туземнаго населенія». Съ этими двумя варіантами коммиссія и пришла на пленарное засѣданіе конгресса.

Здѣсь сразу обнаружилось одно большое преимущество резолюціи меньшинства, преимущество, часто выпадающее на долю крайнихъ мнѣній,— ея откровенность и опредѣленность. О колоніальной политикѣ соціалистическаго государства рѣчи было очень мало. Центръ тяжести преній былъ не въ этомъ проблематическомъ и во всякомъ случаѣ далекомъ вопросѣ. Для всѣхъ сразу стало ясно, что въ осторожныхъ фразахъ большинства сквозитъ нѣчто принципіально важное, и притомъ важное немедленно въ условіяхъ существующаго строя. Въ пылу дебатовъ «реформисты» раскрыли этотъ свой, вольный или невольный, секретъ, и споръ по всей линіи пошелъ начистоту, классическій споръ между непримиримымъ радикализмомъ окаменѣвшей ортодоксіи и болѣе жизненнымъ, если хотите, оппортунистическимъ эволюціонизмомъ реформистовъ. Благодаря этой постановкѣ спора, онъ и получилъ такое большое симптоматическое значеніе для общаго настроенія современнаго соціализма. Точку зрѣнія ортодоксовъ опять съ большимъ упорствомъ отстаивалъ Ледебуръ, отвергавшій всякую мысль о положительной колоніальной программѣ и находившій весьма удобнымъ и послѣдовательнымъ, принципіально отвергая колоніальную политику во-

ще, просто отъ случая къ случаю бороться съ отдѣльными въ ней злоупотребленіями. И когда Давидъ пригласилъ его сдѣлать послѣдній выводъ и высказаться за полное упраздненіе колоній, онъ воскликнулъ, что это и входитъ въ ихъ намѣренія. Но тутъ же запутался въ сѣтяхъ собственныхъ разсужденій, и на несомнѣнно логически вытекавшее изъ нихъ предложеніе Давида поручить англійскимъ и французскимъ товарищамъ возбудить въ ихъ парламентахъ вопросъ объ отказѣ отъ всѣхъ колоніальныхъ владѣній—могъ только закричать, что это «мошенничество и передержка». И вообще онъ такъ подробно, грубо и неаппетитно ругалъ своихъ противниковъ, особенно Бернштейна, что поневолѣ самъ возбуждалъ сомнѣніе въ силѣ своихъ принципіальныхъ доводовъ.

По мѣрѣ того, какъ разгорался споръ, на помощь къ традиціоннымъ аргументамъ ортодоксіи привлекался рядъ другихъ не спеціально-соціалистическаго, а обще-гуманитарнаго характера. Защитники положительной колоніальной программы вынуждены были дать отвѣтъ, признаютъ ли они начало руководительства дикихъ народовъ культурными? Они этотъ отвѣтъ дали. Бернштейнъ и Давидъ соглашались, что въ извѣстной степени такое воспитательное руководительство, своего рода опека—неизбѣжны. Вся суть въ томъ, чтобы ихъ надлежащимъ образомъ организовать, для чего и необходима соціалъ-демократіи колоніальная программа. Послѣ же этого, конечно, ортодоксамъ было легко использовать противъ нихъ попираемый ими догматъ абсолютнаго права народовъ на «самоопредѣленіе». Категоричнѣе всѣхъ оказался въ этомъ отношеніи полякъ Карскій. Если, напримѣръ, Каутскій еще соглашался съ необходимостью цивилизаціоннаго воздѣйствія на дикихъ, то Карскій не находилъ въ этомъ никакого смысла. Вообще, по его мнѣнію, намъ отнюдь не слѣдовало бы гордиться своей «такъ называемой» цивилизаціей и навязывать ее другимъ. И на вопросъ Давида, какъ же быть съ соціализмомъ въ колоніальныхъ территоріяхъ,—вѣдь нужно и ихъ готовить къ соціалистическому строю, а путь къ нему лежитъ черезъ капитализмъ,—онъ отвѣчалъ чрезвычайно просто. Капитализмъ,—заявилъ онъ,—неизбѣженъ только для насъ, такъ какъ онъ былъ уже у насъ налицо, когда Марксъ предначертывалъ пути къ соціализму. А дикихъ, у которыхъ, къ счастью, капитализма и въ зародышѣ нѣтъ, Марксъ вовсе не имѣлъ въ виду; они прекрасно дойдутъ до соціалистическаго строя другими путями. Въ доказательство же возможности такого «прыжка въ царство свободы» Карскій довольно неожиданно ссылался на Японію, гдѣ, по его словамъ, есть и культура, и соціалистическое движеніе, и другія хорошія вещи совершенно независимо отъ капиталистическаго развитія. Еще одно обстоятельство придало этимъ дебатамъ и ихъ исходу симптоматическій характеръ. И Давидъ и Ледебуръ пытались предвосхитить въ свою пользу вотумъ нѣмецкой делегаціи, утверждая каждый, что именно его точка зрѣнія принимается всей германской соціалъ-демократіей. Большую сенсацію произвело поэтому офиціальное выступленіе нѣмецкихъ делегатовъ съ принятымъ большинствомъ коммиссіи предложеніемъ—дать пер-

вому параграфу резолюціи почти ту самую формулировку, которую проектировалъ Давидъ.—«Принимая во вниманіе, что соціализмъ стремится развить производительныя силы всего земного шара и довести всѣ народы до высшей ступени культуры, конгрессъ не отвергаетъ принципіально всякую колоніальную политику, которая при соціалистическомъ режимѣ будетъ имѣть цивилизаціонное значеніе». И было чрезвычайно любопытно слышать, какъ официальный теоретикъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, Каутскій, разбивая это предложеніе собственной своей партіи, утверждалъ, что оно «коренннымъ образомъ противорѣчитъ всему соціалистическому и демократическому мышленію».

Между тѣмъ уже передъ самымъ голосованіемъ произошелъ инцидентъ, неожиданно подкрѣпившій второй рядъ аргументовъ противъ колоніальной политики. Это была рѣчь индусски, протестовавшей противъ англійскаго ига. Появленіе индусовъ на соціалистическихъ конгрессахъ, повидимому, становится непремѣннымъ пунктомъ порядка дня. Въ Амстердамъ пріѣзжалъ Дадагай Наврои. Теперь въ Штуттгартѣ это была уже партійная единомышленница, товарищъ Камаръ изъ Передней Индіи, по словамъ которой Индія прислала бы даже на конгрессъ соціалистическихъ делегатовъ, если бы не была такъ бѣдна. Что вы хотите, въ самомъ дѣлѣ? У современнаго человѣчества нѣтъ еще суда, въ которомъ можно было бы вести процессы противъ государствъ и народовъ, совершающихъ преступленія. И страдающимъ отъ нихъ только и остается—или аппелировать къ «міровому суду» Гегеля, или просто жаловаться тѣмъ, кто сохранилъ охоту слушать жалобы. Въ Гаагу пріѣзжали корейцы жаловаться на Японію; почему же было индусскѣ не обратиться въ Штуттгартъ? Помощи реальной ей, конечно, и здѣсь оказать не могли. Но ее не заставили по крайней мѣрѣ, какъ корейцевъ, скрываться въ грязной гостиницѣ и тайкомъ бесѣдовать съ делегатами,—ей дали высказать все, что было у нея на душѣ, и даже сдѣлать этотъ маленькій coup de théâtre со знаменемъ независимости Индіи. Возможно, что въ другомъ мѣстѣ и въ другой средѣ онъ произвелъ бы отчасти траги-комическое впечатлѣніе, но здѣсь, среди людей повышенной мысли, повышеннаго слова и жеста, онъ не нарушилъ стиля, а занялъ свое естественное мѣсто въ общемъ теченіи дебатовъ и даже, какъ мнѣ показалось, повліялъ на голосованіе.

Предложенный меньшинствомъ первый параграфъ резолюціи былъ принятъ 127 голосами противъ 108, при 10 воздѐржавшихся голосахъ Швейцаріи; затѣмъ измѣненная такимъ образомъ резолюція — всѣми голосами при 8 воздержавшихся голосахъ Голландіи. Ошибочно, конечно, предполагать, что между первымъ и вторымъ вотумомъ взгляды фракцій, подавшихъ свои 108 голосовъ за принципъ положительной колоніальной программы, внезапно измѣнились. Вѣрнѣе всего, что это былъ неизбѣжный выходъ изъ дилеммы, поставленной имъ голосованіемъ en bloc, такъ какъ, вотируя противъ резолюціи, они лишали бы всякой силы постановленіе конгресса, съ частью котораго были вполнѣ согласны. Существенымъ

является распредѣленіе голосовъ при первомъ принципіальномъ вотумѣ. За формулу большинства голосовали Германія, Австрія, Богемія, Бельгія, Данія, Голландія, большинство англійской делегаціи, меньшинство французской и другія, то-есть представители всѣхъ сколько-нибудь серьезно-колоніальныхъ государствъ. Напротивъ, въ составѣ меньшинства Сѣв.-Ам. Соединенные Штаты, Италія, французское и англійское меньшинство, тонули среди множества націй, которыя силою вещей или и думать не могутъ о какой-либо колоніальной политикѣ, или вынуждены съ особою чуткостью реагировать на колебаніе принципа «самоопредѣленія». Здѣсь были русскіе, венгерцы, болгары, сербы, румыны, японцы, поляки, испанцы, финляндцы, русины, австрійскіе итальянцы. — Такъ и нашли себѣ отраженіе въ составѣ этого большинства двѣ основныхъ тенденціи, опредѣляющія рѣзкую оппозицію колоніальной политикѣ—непровѣренная практической работой ортодоксальная непримиримость и протестъ противъ опеки чуждой власти. Ортодоксія была спасена отъ опасностей колоніальнаго «ревизіонизма», и то, какъ было встрѣчено рѣшеніе конгресса, лишній разъ подтвердило, что рѣчь только объ этомъ и шла. Бѣшено аплодировалъ русскій столъ, и дружно вторила ему русская галлерея. А извѣстно, что у международнаго соціализма нѣтъ фракціи болѣе строгой въ обереганіи принциповъ, болѣе щедрой на одобренія «вѣрнымъ» и болѣе страшной для «заблуждающихся», чѣмъ фракція русской учащейся молодежи.

III.

Послѣ принятія резолюціи по колоніальному вопросу работы конгресса сразу измѣнили свой характеръ и превратились въ нѣчто поверхностное и скомканное. Съ другой стороны, виною этому были чисто внѣшнія обстоятельства. На колоніальныхъ дебатахъ обнаружилось съ совершенной очевидностью, что пленарныя засѣданія идутъ такъ медленно и неуклюже, что, если по каждому вопросу допустить сколько-нибудь серьезныя пренія, пришлось бы, по подсчету предсѣдательствовавшаго Зингера, пробыть въ Штуттгартѣ вмѣсто одной намѣченной недѣли—три. Бюро выработало поэтому довольно варварскую схему, въ которую должны были быть непремѣнно втиснуты работы конгресса. Засѣданія длились: утреннее отъ 10 до часу, послѣобѣденное—отъ 3 до 6 или 7. Въ каждое такое засѣданіе долженъ былъ исчерпываться цѣликомъ одинъ вопросъ,—только для милитаризма предполагалось отвести всю субботу. Затѣмъ ни одно засѣданіе не начиналось безъ опозданія на 15—20 минутъ, и кромѣ того нѣкоторое время уходило на чтеніе привѣтствій, заявленій, объясненій и т. п. Наконецъ, каждое абсолютно слово подлежало переводу на два языка. При этихъ условіяхъ докладчику коммиссіи предоставлялось полчаса, ораторамъ по 10 минутъ. И можно легко себѣ представить, какъ обстоятельны были рѣчи и какое количество делегатовъ вообще могло получить слово. Но есть основанія думать, что такая головокружительная стремительность

была и неизбѣжна. При мало мальски серьезномъ обсужденіи оставшихся пунктовъ программы можно было ожидать столь серьезныхъ разногласій, что споръ о колоніальной политикѣ оказался бы по сравненію съ ними пріятною шуткой.

Это, конечно, не относится къ вопросу о женскомъ избирательномъ правѣ, который не могъ возбудить никакихъ преній. Вопросъ этотъ разработанъ, кажется, до мельчайшихъ подробностей, и по крайней мѣрѣ среди насъ—«буржуа»—едва ли способенъ вызывать обильныя пререканія. Точки зрѣнія настолько выяснены, аргументы за и противъ настолько всѣмъ извѣстны, что сторонники и противники женскаго избирательнаго права въ спорѣ другъ съ другомъ могутъ съ успѣхомъ ограничиваться нѣсколькими краткими формулами. Правда, на соціалистическомъ конгрессѣ и этому вопросу должны были придать свой специфическій привкусъ. Но такая операція «перелицеванія» на соціалистическій ладъ, при утонченности партійной догматики—тоже не представляетъ затрудненій. Соціалистическія женщины и справились съ ней съ полнымъ успѣхомъ на особой конференціи, подготовившей матеріалъ для конгресса. Элементомъ оригинальности въ ихъ постановленіяхъ явилось единственно рѣшительное обособленіе отъ «буржуазныхъ» сторонниковъ и сторонницъ женскаго избирательнаго права. «Женское избирательное право,—такъ со свойственной ей энергіей формулировала этотъ принципъ Клара Цеткинъ, — не можетъ быть завоевано женщинами всѣхъ классовъ въ борьбѣ противъ мужчинъ; только пролетарскія женщины могутъ добиться своего политическаго освобожденія въ союзѣ со всѣми эксплоатируемыми, безъ различія пола противъ всѣхъ эксплоататоровъ, также безъ различія пола». И, нужно отдать справедливость соціалистическимъ женщинамъ,—тоже одной изъ наиболѣе непримиримыхъ фракцій соціализма—онѣ еще на своей конференціи доказали свою рѣшимость послѣдовательно и безжалостно проводить это начало. По крайней мѣрѣ онѣ поспѣшили, въ буквальномъ смыслѣ слова, вытолкать отъ себя «буржуазныхъ» журналистовъ, которымъ тамъ, по великолѣпному и тщательно воспроизведенному на всѣхъ трехъ языкахъ выраженію г-жи Оттиліи Бадеръ, «было не мѣсто».

На конгрессѣ же этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ уже совсѣмъ на рысяхъ въ одномъ вечернемъ засѣданіи, укороченномъ голосованіемъ колоніальной резолюціи и загубленномъ несмолкавшимъ шумомъ въ залѣ. Клара Цеткинъ очень долго надрывалась надъ своимъ многословнымъ докладомъ, не давшимъ однако ничего новаго. То же самое повторила за нею, съ пріемами артистки театра «Ambigu», француженка Пеллетье, еще разъ повторила то же самое австріячка Поппъ и внесъ свою мужскую ноту англичанинъ Бурроу. Нѣкоторымъ диссонансомъ прозвучала только рѣчь его соотечественницы миссъ Мерби. Она весьма рѣшительно заявила, что на основаніи права національной автономіи, англичанки будутъ продолжать совмѣстную работу съ «буржуазными» единомышленниками, которые къ тому же сдѣлали въ этой области много больше, чѣмъ соціалъ-демократы.

Но на этотъ мимолетный комплиментъ никто не обратилъ вниманія. Часъ былъ поздній, делегаты давно уже ходили взадъ и впередъ, и резолюцію, обязывающую всѣ соціалистическія партіи «энергично бороться за полное женское избирательное право», приняли противъ одного Виктора Адлера. Онъ опять заупрямился на своемъ особомъ мнѣніи о невозможности предписывать отдѣльнымъ фракціямъ обязательныя правила борьбы.

Сложный и жизненный для соціалистическаго движенія вопросъ объ отношеніи партіи къ профессіональнымъ союзамъ тоже разсмотрѣли и рѣшили въ одно засѣданіе, но уже другимъ способомъ, который, повидимому, грозитъ сдѣлаться шаблоннымъ для международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ и дѣйствительно обладаетъ извѣстными достоинствами, сочетая желательныя радикаламъ общеобязательныя интернаціональныя нормы съ началомъ автономіи національныхъ фракцій. Что поводовъ къ использованію ея имѣется вполнѣ достаточно, доказывается именно тѣми пререканіями, какія идутъ между національными группами и даже внутри этихъ группъ по вопросу объ урегулированіи отношеній партіи къ профессіональнымъ союзамъ. И что еще болѣе любопытно и что такъ плохо вяжется съ традиціоннымъ представленіемъ о закономѣрномъ единообразіи соціалистическаго движенія даже въ его національныхъ разновидностяхъ—какой-либо правильности, общей системы здѣсь не найдешь. Если во Франціи жоресистское большинство стоитъ за полную независимость синдикатовъ, а гэдистское меньшинство за гегемонію партіи надъ ними, то, конечно, отсюда никакъ нельзя было бы заключить, что жоресисты вообще по существу ближе къ нѣмецкимъ профессіоналистамъ, чѣмъ къ лѣвому флангу нѣмецкой соціалъ-демократіи, добивающемуся подчиненія профессіональныхъ организацій политическимъ. И такъ далѣе до безконечности съ неисчислимыми варіантами и комбинаціями, вродѣ нашей русской комбинаціи меньшевиковъ, большевиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ.

Коммиссіи, которой пришлось сочинять резолюцію, способную обнять всѣ эти комбинаціи, только и оставалось прибѣгнуть къ каучуковымъ формуламъ. Она и сдѣлала это, кажется, не безъ искусства, соединивъ нѣсколько общихъ и, въ ихъ общности и неопредѣленности, безспорныхъ и безобидныхъ положеній. Она предложила конгрессу высказать, что профессіональныя и политическія организаціи въ равной мѣрѣ необходимы для успѣха рабочаго движенія, что онѣ вполнѣ равноправны и каждая въ своей области должны быть совершенно автономны. Но, съ другой стороны, конгрессу предлагалось выразить увѣренность, что интересы рабочаго класса требуютъ установленія и поддержанія самыхъ «тѣсныхъ отношеній» между партіей и профессіональными союзами. И, наконецъ,—это была крайняя уступка сторонникамъ подчиненія профессіональнаго движенія политическому—надлежало провозгласить необходимость для профессіональныхъ союзовъ «руководиться въ ихъ дѣятельности соціалистическимъ духомъ». Повидимому, это предѣлъ растяжимости, съ переходомъ котораго оставалось бы просто удостовѣрить фактъ существованія двухъ видовъ рабочихъ орга-

низацій. Но оказалось, что отдѣльныя фракціи и этимъ не могутъ удовлетвориться. Представители сѣверо-американской рабочей партіи внесли свою резолюцію, гласящую, что «нейтралитетъ соціалистической партіи по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ былъ бы равноцѣненъ съ нейтралитетомъ ея по отношенію къ махинаціямъ капиталистическаго класса». Плехановъ категорически заявилъ, что резолюція коммиссіи для Россіи, при ея одиннадцати соціалистическихъ группахъ, совершенно непріемлема. Наконецъ, французское большинство соглашалось голосовать за эту резолюцію, но подъ условіемъ, чтобы конгрессъ «принялъ къ свѣдѣнію» ихъ заявленіе, что особыя мѣстныя условія требуютъ во Франціи абсолютной независимости синдикатовъ».

И если въ пленарномъ засѣданіи удалось обойти эти неустраненныя возможной уступчивостью на всѣ стороны разногласія, то цѣною нѣсколькихъ несомнѣнныхъ недоразумѣній. Резолюція была принята противъ большинства французской и части американской и итальянской делегаціи. Голосовали за нее и всѣ русскіе, какъ бы воочію показывая свое безразличіе къ принятію резолюціи, для нихъ «непріемлемой». Но это еще лучше ихъ показали французы. Правда, конгрессъ нашелъ невозможнымъ голосовать «принятіе къ свѣдѣнію» ихъ декларацiи. Правда, въ связи съ этимъ Трульстра подъ общіе аплодисменты наговорилъ имъ много непріятностей объ ихъ подчиненіи анархистскимъ вліяніямъ конфедераціи труда въ ущербъ истинно соціалъ-демократическимъ принципамъ. Но они не были этимъ смущены ни въ какой степени. Вальянъ самымъ невозмутимымъ тономъ заявилъ, что французское большинство желаетъ помѣшать тому, чтобы международныя постановленія вносили неурядицу во внутреннія французскія дѣла, и что его декларація констатируетъ фактъ, у котораго конгрессъ ничего не можетъ отнять, какъ онъ не можетъ ничего къ нему прибавить. И послѣ этого французы приложили свою декларацію къ протоколу, гдѣ она и останется, какъ памятникъ жизненности и дѣйственности постановленій международныхъ соціалистическихъ конгрессовъ и уваженія къ нимъ отдѣльныхъ фракцій соціализма.

Такъ, постепенно обезцвѣчивая свои резолюціи и расплываясь въ неопредѣленныхъ общихъ положеніяхъ, конгрессъ дошелъ до другого сложнаго вопроса и скользнулъ по немъ съ такою же легкостью и поверхностностью. Дѣло шло объ эмиграціи и иммиграціи рабочихъ, этомъ больномъ мѣстѣ американскихъ и австралійскихъ соціалистовъ, пытавшихся уже въ Амстердамѣ получить полномочіе на борьбу съ ввозомъ рабочихъ некультурныхъ расъ, понижающихъ уровень благосостоянія туземныхъ. Было бы, конечно, всего болѣе цѣлесообразно предоставить отдѣльнымъ національнымъ группамъ справиться съ этой сложной и трудной задачей во всеоружіи знанія мѣстныхъ условій и особенностей. Но такъ какъ тутъ на практикѣ можно было въ концѣ-концовъ слишкомъ далеко разойтись съ призывнымъ кличемъ международнаго соціализма: «пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»—то было въ интересахъ и «уклоняющихся» и «оберега-

ющихъ принципы» апеллировать къ международной инстанціи, чтобы первымъ запастись индульгенціей, вторымъ—если ужъ уступить, то по возможности меньше. И опять коммиссія примиряла непримиримое и сочиняла резолюцію, названную самимъ докладчикомъ «угловатой» и которая не возвысилась надъ повтореніемъ, съ одной стороны, «вѣковѣчныхъ» принциповъ, и надъ «рекомендаціей»—съ другой, нѣсколькихъ мѣръ соціальной политики, прекрасныхъ мѣръ, безсильныхъ однако разрѣшить вопросъ въ его необъятной и многообразной полнотѣ. И опять короткіе, безсодержательные дебаты, гильотинируемые предложеніемъ о прекращеніи преній.

Впрочемъ, одинъ неожиданный инцидентъ оживилъ конецъ тусклаго предпослѣдняго засѣданія конгресса. Было уже поздно, шелъ седьмой часъ, когда послѣ удивительной рѣчи делегата Австраліи о времени наступленія соціальной революціи рѣшили перейти къ голосованію. Тутъ подняли скандалъ англичане, требуя во что бы то ни стало слова. Невообразимый шумъ стоялъ въ теченіе 10 минутъ, англичане стучали, кричали, аплодировали, вскакивали на столы, пытались брать штурмомъ трибуну. И долженъ сознаться, какъ ни справедливо было то, что говорилъ имъ Зингеръ о долгѣ соціалистовъ и демократовъ подчиняться волѣ большинства, психологически ихъ поведеніе было мнѣ понятно. Когда вамъ подносятъ резолюцію, которую каждый можетъ понимать по-своему и которая въ концѣ-концовъ никого ни къ чему не обязываетъ,—не простое желаніе поговорить и послушать, а искреннее стремленіе придать этой резолюціи хоть нѣкоторую силу можетъ заставить требовать обстоятельныхъ и серьезныхъ преній. Только такой, даваемый по горячему слѣду комментарій къ постановленіямъ конгресса, съ ихъ общими мѣстами и каучуковыми формулами, способенъ поддержать ихъ международный авторитетъ. Вотъ почему, если Зингеръ напоминалъ англичанамъ, что нѣсколько націй не имѣли времени высказаться и не протестуютъ противъ прекращенія преній, то, право, слѣдовало еще подумать, дѣйствительно ли это такое радостное явленіе.

IV.

Въ послѣдній день, въ субботу, конгрессъ дошелъ, наконецъ, до вопроса, который, повидимому, долженъ былъ опять вызвать подъемъ настроенія. Международному соціализму предстояло опредѣлить свое отношеніе къ новому виду антимилитаризма и къ новымъ методамъ разрѣшенія интернаціональныхъ конфликтовъ, проповѣдуемымъ главнымъ образомъ французскими синдикалистами и производящимъ съ нѣкотораго времени впечатлѣніе «скандала» не только въ рядахъ буржуазіи, но и въ средѣ самой соціалъ-демократіи.

И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, далеко идущія разногласія между отдѣльными направленіями соціализма основаны въ конечномъ счетѣ на противорѣчіи между устарѣвшей доктриной или случайно вырваннымъ и «возведеннымъ въ перлъ созданія» элементомъ доктрины и систе-

мой, созданной и провѣренной практикою жизни. Такъ, Эрве, представляющій собою со своимъ анти-милитаризмомъ и анти-націонализмомъ «радикальную лѣвую», имѣетъ полное право видѣть опору для своего «ученія» въ самой учредительной Хартіи современнаго соціализма. Вѣдь оттуда заимствовалъ онъ фанатически исповѣдуемый имъ принципъ «у пролетаріевъ нѣтъ отечества», въ безконечномъ варьированіи котораго и заключаются всѣ «металлы и жупелы» его пропаганды. И трудно подвергнуть сомнѣнію его послѣдовательность, когда онъ въ предложенной имъ въ Штутгартѣ резолюціи лишній разъ перефразируетъ его, говоря, что «для пролетаріевъ безразлично, подъ какой національной и правительственной фирмой ихъ эксплоатируютъ капиталисты», и требуя отъ конгресса, чтобъ онъ отвергъ «буржуазный и правительственный патріотизмъ, лживо утверждающій наличность общности интересовъ между всѣми жителями одной и той же страны». А разъ уже признавъ это положеніе, право, едва ли можно что-либо возражать противъ его приглашенія «отвѣчать на всякое объявленіе войны, отъ кого бы оно ни исходило,—военной забастовкой и возстаніемъ».—И, съ другой стороны, позволительно поистинѣ назвать «ревизіонистской» ту точку зрѣнія, которую традиціонно отстаиваетъ отъ имени германской соціалъ-демократіи Бебель, съ такимъ юношескимъ пыломъ повторяющій постоянно свое обѣщаніе взять ружье на спину въ войнѣ за независимость родины. Конечно, на международномъ конгрессѣ и этотъ способъ рѣшенія вопроса былъ предложенъ въ строго марксистскомъ обличіи. Ему была придана форма резолюціи, исходящей изъ признанія войны неизбѣжнымъ сопутствующимъ явленіемъ капитализма, и естественно заключающей, что война можетъ быть упразднена только путемъ упраздненія капиталистическаго строя. Въ этомъ нѣмцы сходились съ французами-гэдистами, резолюція которыхъ гласила, что «всякая кампанія противъ войны и въ пользу лица—утопична и опасна, кромѣ той, которая заключается въ организаціи рабочихъ для разрушенія капитализма». Разница между ними заключалась только въ томъ, что нѣмцы добавляли къ этой марксистской декларація приглашеніе къ рабочимъ и ихъ парламентскимъ представителямъ «всѣми наиболѣе дѣйствительными средствами препятствовать возникновенію войны, а еслибъ она всетаки началась, способствовать скорѣйшему ея окончанію».—Наконецъ, въ коммиссіи штутгартскаго конгресса Жоресъ и Вальянъ защищали еще одно, такъ сказать, «эклектическое» отношеніе къ вопросу. Они признавали начало независимости націи и даже ставили ей въ обязанность защищать ее съ помощью рабочаго класса всего міра, но въ то же время въ значительной мѣрѣ шли навстрѣчу Эрве, проповѣдуя для предупрежденія и прекращенія войны «всѣ средства, отъ парламентскаго вмѣшательства и агитаціи до всеобщей забастовки и возстанія».

Нетрудно было, такимъ образомъ, свести существующія въ этомъ вопросѣ среди соціалистовъ разногласія къ двумъ основнымъ типамъ. Такъ оно и случилось, и борьба, ожесточенная и продолжительная, шла въ в и-

миссіи между нѣмцами и французскимъ большинствомъ, или «въ лицахъ» — между Жоресомъ—Вальяномъ-Эрве, съ одной стороны, и Бебелемъ-Фольмаромъ, съ другой. Но какого-либо примиренія между этими двумя типами ожидать было невозможно, и рѣчи, которыя говорились съ обѣихъ сторонъ, только еще болѣе подчеркивали точки расхожденія и обостряли противоположности. Достаточно напомнить рѣчь Эрве, полную неприличныхъ и озлобленныхъ нападокъ на нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, этихъ «добрыхъ, веселыхъ, довольныхъ, сытыхъ буржуа», и суровую отповѣдь Фольмара, сказанную съ намѣренно-тяжеловѣсною, но тѣмъ болѣе жестокою сдержанностью.—И вотъ, однако, оказалось, что и для этого исключительно сложнаго и запутаннаго случая испытанный пріемъ составленія резолюцій конгресса можетъ быть спасителенъ. Когда вопросъ въ коммиссіи былъ выясненъ окончательно и всѣ теченія были охарактеризованы и обоснованы, коммиссія выдѣлила подкоммиссію изъ 13 человѣкъ, которая засѣдала уже непублично, но дѣйствовала такъ успѣшно, что выработала резолюцію, принятую единогласно всѣми отъ Эрве до Фольмара.

Въ субботу секретъ этого неожиданнаго успѣха былъ раскрытъ въ пленарномъ засѣданіи. Объединившая всѣхъ резолюція оказалась механически составленной изъ, казалось, исключавшихъ другъ друга отдѣльныхъ предложеній. Въ ней могли найти себя и Фольмаръ, и Эрве, и Жоресъ, и Бебель, и Вальянъ, и Гэдъ. И такъ какъ всетаки и этого могло оказаться недостаточнымъ, къ нимъ прибавили докладчика Вандервельде и переводчика Адлера, которые своими вольными комментаріями должны были разсѣять послѣднія сомнѣнія и недоумѣнія.—Эрве настаивалъ на томъ, что «у рабочихъ нѣтъ отечества». «Конечно,—соглашается Вандервельде,—пролетаріи разныхъ странъ болѣе родственны другъ другу, чѣмъ чуждымъ имъ классамъ, населяющимъ одну съ ними страну».—Но Фольмаръ утверждалъ, что германскіе соціалъ-демократы «добрые нѣмцы», Жоресъ сказалъ что-то очень вдохновенное о націяхъ, «этихъ безцѣнныхъ сосудахъ культуры». И Вандервельде немедленно вспоминаетъ, что «предположеніемъ интернаціонализма является существованіе свободныхъ и автономныхъ націй». А резолюція требуетъ всенароднаго ополченія вмѣсто постояннаго войска именно, какъ средства защиты независимости и самостоятельности націй.—Но тутъ протестовали англичане, по мнѣнію которыхъ, вводить у нихъ милицію вмѣсто наемныхъ войскъ значитъ какъ разъ усиливать милитаризмъ. И Вандервельде удостовѣряетъ, что это требованіе не распространяется на «счастливыя страны, не знающія постояннаго войска въ континентальномъ смыслѣ слова», умалчивая, какія же средства рекомендуются такимъ «счастливымъ странамъ» для обезпеченія ихъ независимости.—Бебель и Фольмаръ наотрѣзъ отказались пропустить забастовку и возстаніе въ число патентованныхъ средствъ предупрежденія и прекращенія войны. А Жоресъ и Эрве объявили это малодушіемъ, и Жоресъ находилъ невозможнымъ, чтобъ въ моментъ, когда «весь буржуазный міръ трепещетъ, соціалъ-демократія признала себя безсильной». И

резолюція пытается угодить и тѣмъ и другимъ и, отказываясь отъ регламентаціи будущаго, обращается къ прошлому и тамъ ищетъ примѣровъ противодѣйствія пролетаріата войнѣ. И видитъ она тамъ необыкновенно разнообразныя вещи—отъ соглашенія синдикатовъ Англіи и Франціи послѣ Фашоды, выступленій французской и нѣмецкой соціалъ-демократіи по поводу Марокко и такъ далѣе вплоть до «героической, самоотверженной борьбы соціалистическихъ рабочихъ и крестьянъ Россіи и Польши для сопротивленія начатой правительствомъ войнѣ и для ея прекращенія».

Я оставляю здѣсь въ сторонѣ вопросъ о правильности исторической перспективы. Да и вообще едва ли есть надобность слѣдить за замысловатыми извилинами этой причудливой резолюціи. У международнаго соціализма есть теперь свой enfant terrible и неутомимый «whiper»—Густавъ Эрве, который ни при какихъ обстоятельствахъ не стѣсняется ставить точки надъ і и щадитъ своихъ единомышленниковъ столь же мало, сколь и какихъ-нибудь презрѣнныхъ буржуа. Онъ озаботился выясненіемъ положенія и на этотъ разъ.—Послѣ того, какъ докладъ Вандервельде былъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, Зингеръ отъ имени интернаціональнаго бюро предложилъ конгрессу принять резолюцію безъ преній, чтобъ «увеличить силу ея дѣйствія мощной демонстраціей». Среди бурныхъ апплодисментовъ, встрѣтившихъ это предложеніе, потребовалъ слова Эрве. Это, повидимому, не входило ни въ чьи разсчеты и грозило осложненіями. Слово пришлось, однако, дать, и Зингеръ могъ только съ пріемами самаго настоящаго буржуазнаго предсѣдателя, проводящаго «гильотину», предупредить Эрве,—«подписавшаго резолюцію», сентенціозно добавилъ онъ при этомъ,—что онъ можетъ говорить единственно противъ голосованія безъ преній, не касаясь существа. Но такіе пустяки, конечно, не затрудняютъ этого коротенькаго, плотнаго человѣка, къ которому удивительно подходитъ данная ему Фольмаромъ кличка «бюргеръ». И въ нѣсколько минутъ «бюргеръ» Эрве сказалъ своимъ тонкимъ голосомъ представителямъ организованнаго пролетаріата всего міра ровно столько непріятностей, сколько нужно было для того, чтобъ лишить всякой цѣны «мощную демонстрацію», которую они собирались произвести. Онъ пригласилъ германскую соціалъ-демократію «лояльно объяснить», какъ она понимаетъ резолюцію, которую онъ подписалъ обѣими руками. Между нею, какъ понимаетъ ее, напримѣръ, онъ, Эрве, и рѣчами Бебеля и Фольмара въ коммиссіи такая же разница, какъ между чернымъ и бѣлымъ. И потому, чтобъ сохранить за нею ея дѣйствительный смыслъ, еще усиленный докладомъ Вандервельде и переводомъ Адлера, нужно немедленное авторитетное заявленіе Бебеля и Фольмара, что̀ за содержаніе вкладываютъ они въ нее. Мало того. Эрве полагалъ, что разъ ужъ рѣшено начать кампанію противъ милитаризма, то какъ же не воспользоваться единственною въ своемъ родѣ возможностью свободно говорить о немъ въ Германіи? Худшее, что можетъ постигнуть делегатовъ, это высылка; худшее, что можетъ постигнуть конгрессъ, это его закрытіе по окончаніи его работъ.

Какъ же при этихъ условіяхъ не засвидѣтельствовать на дѣлѣ свою полную готовность бороться съ милитаризмомъ? И бойкій анти-милитаристъ, сходя съ трибуны, обозвалъ отказъ отъ преній хорошенькимъ словечкомъ «escamotage».

Можно быть какого угодно мнѣнія объ Эрве. Можно думать, что въ его цѣли входилъ просто большой, громкій скандалъ. Но нельзя отнять у него того, что онъ нашелъ больное мѣсто конгресса и со всею откровенностью на него указалъ.—«Конечно, я не дипломатъ!—воскликнулъ онъ. И весь залъ отвѣтилъ ему дружнымъ «sehr richtig!», очевидно соглашаясь, что дипломатическія качества—спеціально буржуазныя, казалось мнѣ, качества—полезны не только для буржуазныхъ конгрессовъ, на которые здѣсь потратили такую бездну дешеваго остроумія. «Мирная конференція въ Штутгартѣ», какъ любили называть свой конгрессъ делегаты, закончилась засѣданіемъ того же типа, что знаменитое засѣданіе конференціи въ Гаагѣ, на которомъ похоронили англійское предложеніе о разоруженіи. Отвѣта на вызовъ Эрве не послѣдовало, открытаго смѣлаго обмѣна мнѣніями между запутанными въ сѣти неопредѣленной, допускающей любое толкованіе резолюціи не было. Ее приняли, конечно, единогласно, но этотъ «escamotage» все же могъ вызвать только самое глубокое разочарованіе. Его не въ силахъ были разсѣять ни бурные аплодисменты, ни обычные въ концѣ всякаго конгресса любезности и комплименты, ни пѣніе революціонныхъ пѣсенъ, подъ звуки которыхъ покинули делегаты зданіе штутгартской Liederhalle.

V.

По мнѣнію *Vorwärts'a*, находящагося теперь въ рукахъ крайнихъ лѣвыхъ германской соціалъ-демократіи, штутгартскій конгрессъ «разрѣшилъ поставленные ему вопросы въ болѣе радикальномъ смыслѣ, чѣмъ всѣ предыдущіе интернаціональные и германскіе конгрессы». Къ тому же, утверждаетъ Каутскій въ *Neue Zeit*, онъ ни по одному изъ нихъ «не удовольствовался реторикой или неопредѣленными фразами, которыя каждый можетъ толковать по своему. Всѣми была на этотъ разъ покинута точка зрѣнія, находившая еще многихъ защитниковъ въ Амстердамѣ, будто интернаціональные конгрессы не имѣютъ права устанавливать обязательныя правила поведенія для соціалистическихъ организацій отдѣльныхъ странъ. По каждому изъ пяти пунктовъ программы такія правила, и иногда очень подробныя, были установлены».—Напротивъ, органъ ревизіонистовъ *Sozialistische Monatshefte* видитъ въ результатѣ конгресса «нѣсколько резолюцій общаго характера и одну ирреальнаго (имѣется въ виду колоніальная резолюція). Въ конечномъ же счетѣ: усиленіе реформистской идеи, которая, что наиболѣе важно, отстаивалась нѣмецкою партіей».

Быть можетъ, самое естественное объясненіе этихъ діаметрально противоположныхъ выводовъ изъ одного и того же матеріала даетъ отзывъ

уже «буржуазнаго» ученаго, которому, однако, вѣроятно, не откажутъ ни въ знаніи предмета, ни въ безпристрастномъ къ нему отношеніи. «Дебатамъ и резолюціямъ такого конгресса,—пишетъ Вернеръ Зомбартъ въ еженедѣльникѣ *Morgen,*—нельзя приписать какую-либо практическую цѣнность. Они находятся на одномъ уровнѣ съ постановленіями любой мирной конференціи. Ихъ значеніе въ лучшемъ случаѣ чисто моральное. Со своими неясностями и двусмысленностями они не оставляютъ по себѣ сколько-нибудь отраднаго впечатлѣнія». И въ самомъ дѣлѣ. Этихъ неясностей и двусмысленностей почти въ каждой реозлюціи штутгартскаго конгресса совершенно достаточно для того, чтобъ и реформисты, и радикалы-ортодоксы могли, какъ разъ наперекоръ Каутскому, «толковать ихъ по-своему». *Vorwärts* съ удовлетвореніемъ вспоминаетъ, что въ резолюціи объ отношеніи партіи къ профессіональнымъ союзамъ предъявлено къ послѣднимъ требованіе «руководиться въ ихъ дѣятельности соціалистическимъ духомъ». «Sozialistische Monatshefte» могутъ съ такимъ же успѣхомъ ссылаться на то, что въ этой же резолюціи удостовѣряется, что «обѣ организаціи имѣютъ передъ собой равно важныя задачи и должны каждая въ своей области быть вполнѣ самостоятельны». *Vorwärts* радуется тому, что резолюція о милитаризмѣ «обязываетъ всѣ національныя фракціи соціализма въ случаѣ наступленія военной опасности примѣнять всевозможныя средства, чтобъ воспрепятствовать взаимоистребленію народовъ. Но «Sozialistische Monatshefte» съ такимъ же правомъ одобряютъ поведеніе германской соціалъ-демократіи, «a limine отвергшей опасную игру эрвеистовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, покрывалъ и Жоресъ».

Но если, какъ показываютъ эти примѣры, число которыхъ было бы не трудно увеличить, штутгартскій конгрессъ и «сковалъ оружіе», равно пригодное для ортодоксовъ и ревизіонистовъ, всетаки нельзя не согласиться съ тѣмъ, что онъ скорѣе всего засвидѣтельствовалъ именно усиленіе «реформистскаго» теченія въ международномъ соціализмѣ. Пусть это звучитъ парадоксомъ, но уже эта неопредѣленность, растяжимость, двусмысленность его резолюцій говоритъ за успѣхъ «реформизма». Не знаю, ясно ли это изъ того, что было сказано на предыдущихъ страницахъ, но, конечно, такія ихъ свойства не случайны. Они явились неизбѣжнымъ, необходимымъ результатомъ новѣйшаго развитія соціалистическихъ партій, которое дѣлаетъ ихъ все болѣе и болѣе національными, все болѣе и болѣе чуткими и воспріимчивыми къ отрицаемымъ Эрве «интересамъ, общимъ людямъ всѣхъ классовъ, населяющимъ отдѣльную страну». По мѣрѣ того какъ отдѣльныя фракціи международнаго соціализма претворяютъ свои теоретическія воззрѣнія въ практику жизни, онѣ пропитываются насквозь національными особенностями отечества и уклоняются отъ «вѣковѣчныхъ» для всѣхъ временъ, мѣстъ и народовъ дѣйствительныхъ шаблоновъ. Соціализмъ становится націоналенъ, какъ становятся національными его программы и тактики. И старая его интернаціональная основа остается въ воздухѣ, какъ научная, религіозная, философская, какая хотите, но

во всякомъ случаѣ абстракція. «Реформисты» это развитіе признаютъ, считаются съ нимъ, относя интернаціональное единство въ области идеаловъ, осуществленіе которыхъ нельзя декретировать, а можно лишь заработать тяжелымъ и долгимъ трудомъ. А радикалы упорно держатся за фикцію «интернаціонально-обязательныхъ нормъ». И эта ихъ приверженность къ нимъ понятна, такъ какъ только путемъ декретированія резолюцій, принимаемыхъ голосами націй, въ которыхъ соціализмъ находится еще въ стадіи революціонной теоріи и фразы, они могутъ маіоризировать соціалистическія партіи, вступившія уже на путь трезвой, «реформистской» политики. Но когда неумолимый ходъ событій вынуждаетъ ихъ для сохраненія нужной фикціи превращать «интернаціонально-обязательныя нормы» въ «неопредѣленныя фразы», которыя каждый можетъ толковать по-своему, то это значитъ, что ростъ національныхъ и, слѣдовательно, реформистскихъ элементовъ идетъ, не останавливаясь. Вотъ почему Штутгартъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ одинъ изъ этаповъ этого стихійнаго процесса.

Любопытно, что какъ разъ въ Штутгартѣ одно изъ наиболѣе интересныхъ голосованій подтвердило это и такъ, впрочемъ, очевидное явленіе. Радикальная резолюція по колоніальному вопросу была проведена именно голосами націй, которымъ на практикѣ такъ же далеко до колоній, какъ до звѣзды небесной, и которыя, очевидно, вотировали единственно по побужденіямъ абстрактно-теоретическимъ. И такъ создалось то довольно смѣхотворное положеніе вещей, что колоніальные теоретики Россіи, Болгаріи, Румыніи декретировали свое пониманіе вопроса колоніальнымъ практикамъ Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи.

Еще болѣе любопытно, что въ средѣ самого международнаго соціализма это явленіе не игнорируется, а принимается до извѣстной степени въ разсчетъ. Еще въ Амстердамѣ Роза Люксембургъ читала подписанный делегатами Россіи, Польши, Болгаріи, Испаніи и Японіи протестъ противъ рѣчи бельгійца Анселе, категорически отвергавшаго притязаніе этихъ націй «декретировать большимъ европейскимъ партіямъ интернаціональныя правила соціалистической тактики». Въ протестѣ не безъ юмора трактовалось о «европейскомъ концертѣ соціалистическихъ великихъ державъ». И, однако, опять-таки въ Штутгартѣ было формально закрѣплено раздѣленіе соціалистическихъ партій на «великія» и второстепенныя. На амстердамскомъ конгрессѣ въ послѣдній разъ всѣ націи обладали двумя голосами. Теперь же санкціонировано новое предложенное интернаціональнымъ бюро распредѣленіе голосовъ, которое принимаетъ во вниманіе количество организованныхъ членовъ данной національной партіи, развитіе профессіональныхъ и кооперативныхъ организацій, значеніе національности, политическую силу партіи. Такимъ образомъ, въ Штутгартѣ Германія, Англія, Франція, Австрія и Россія располагали каждая 20 голосами; Италія имѣла 15 голосовъ, Соединенные Штаты 14, Бельгія 12; Данія, Польша и Швейцарія по 10; Австралія, Финляндія, Голландія и Швеція по 8; Норвегія, Испанія, Венгрія по 6; Аргентина, Японія, Болгарія, Румынія, Сербія и южная Африка по 4; Люксембургъ 2. Конечно—голосованіе по колоніаль-

ному вопросу и доказало это лучше всего,—эта новая система тоже не въ силахъ обезопасить конгрессы отъ случайныхъ и «ирреальныхъ» постановленій. Но дѣло въ томъ, что самое основаніе ея совершенно ложно, и частичными измѣненіями тутъ ничего не подѣлаешь. Что-нибудь одно. Или конгрессъ делегатовъ всѣхъ странъ имѣетъ право установить интернаціонально обязательныя нормы, и тогда совершенно непонятно, почему равно компетентныя для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ сферѣ международнаго соціализма, группы классифицируются по степени ихъ прилежанія и успѣховъ; разъ Болгарія принципіально имѣетъ полномочіе въ той или другой мѣрѣ влiять на тактику французовъ, непонятно, почему ей отмѣривается мѣра меньшая, чѣмъ, скажемъ, Соединеннымъ Штатамъ. Думается, болгарскіе и американскіе соціалисты одинаково для этого компетентны или некомпетентны. Или мыслимъ другой принципъ, признающій невозможность навязыванія одной національной партіи правилъ, угодныхъ другой, все равно, большой или малой, но практически ничего не знающей въ томъ, что нужно нормировать. Но и этотъ принципъ долженъ быть продуманъ и проведенъ до конца, а последнимъ изъ него выводомъ можетъ быть только лишеніе международныхъ конгрессовъ званія верховной законодательной инстанціи и низведенія ихъ на степень совѣщательнаго и информаціоннаго органа. Это, пожалуй, звучитъ много менѣе эффектно. Но въ политикѣ—а международный соціализмъ въ отдѣльныхъ странахъ дѣлаетъ вѣдь именно политику—нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ лишенныя содержанія громкія формулы. Штуттгартскій конгрессъ ходилъ на границѣ «ирреальнаго». Еще два-три такихъ конгресса, и эта граница будетъ перейдена, и гордыя собранія делегатовъ пролетаріевъ всего міра приблизятся къ другой, еще болѣе пагубной для политическихъ организацій границѣ—къ границѣ смѣшного.

А между тѣмъ это вовсе не была бы такая безсмысленная и безполезная вещь—создать совѣщательную информаціонную инстанцію для соціалистическихъ партій міра. Если бы ея организація осуществилась, международные конгрессы, можетъ быть, утратили бы интересъ пикантности и скандала, но пріобрѣли бы иное, болѣе солидное значеніе. Никто не задавался бы на нихъ цѣлью «давать другимъ толчки», какъ собирались въ Штуттгартѣ подталкивать нѣмцевъ въ вопросѣ антимилитаризма, или «доппингировать» разсудительнаго товарища, какъ «доппингировали» въ Амстердамѣ жоресистовъ, допрыгавшихся въ концѣ-концовъ до Эрве и конфедераціи труда. Было бы меньше эквилибристики и жонглерства, можетъ быть, даже меньше сильныхъ выраженій и навѣрно меньше личныхъ препирательствъ и счетовъ. Было бы больше спокойнаго и достойнаго обмѣна мнѣній, больше доброжелательнаго приближенія другъ къ другу, а значитъ и больше было бы поучительныхъ наблюденій и выводовъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ. Отъ резолюцій, вотированныхъ въ Штуттгартѣ, останется одна словесность, которая, какъ совершенно правильно говорилъ Вальянъ, ничего не прибавитъ къ работѣ отдѣльныхъ національныхъ партій и ничего не отниметъ отъ нея. И насколько поучительнѣе этихъ случайныхъ игрушекъ

то, что сказалось на конгрессѣ независимо отъ нихъ, а иногда и вопреки имъ. Вопреки радикальной резолюціи по колоніальной политикѣ конгрессъ оставилъ именно впечатлѣніе, что и въ колоніальномъ вопросѣ неудержимо и побѣдоносно растетъ и крѣпнетъ «реформизмъ» въ ущербъ громкой, но пустой революціонной фразѣ, которая все больше и больше остается удѣломъ соціалистовъ приготовительнаго класса. И много любопытнѣе, чѣмъ двусмысленная резолюція объ отношеніи партіи къ профессіональнымъ союзамъ, былъ рѣшительный категорическій протестъ противъ новомоднаго синдикализма, въ которомъ объединились всѣ толки соціализма, явно свидѣтельствуя, что борьба направо съ «ревизіонистскими тенденціями», которой забавлялись въ Дрезденѣ и Амстердамѣ, пережила самое себя, и что приходитъ пора «ликвидировать» крайнюю лѣвую.

Не нужно, конечно, переоцѣнивать значеніе этихъ «признаковъ времени», которые такъ поучительно было наблюдать въ Штутгартѣ. Еще много пройдетъ лѣтъ, много будетъ сказано «кровавыхъ» словъ, много будетъ сочинено резолюцій и написано агитаціонныхъ статей, пока начала «реформизма», «ревизіонизма»—не въ названіи тутъ дѣло—побѣдятъ всѣ препятствія и трудности и сдѣлаютъ изъ «международной, революціонной соціалъ-демократіи» мощную и мудрую партію политическихъ и соціальныхъ реформъ. Но, право, и сейчасъ какъ будто уже ясно, что въ эту сторону ведетъ международный соціализмъ собственная его неумолимая «діалектика». Три года тому назадъ Бебель стоялъ на лѣвомъ флангѣ и «революціонизировалъ» Жореса, который дѣлалъ у себя скромное, но большое и хорошее дѣло. Германская соціалъ-демократія обрѣталась тогда въ позѣ великолѣпнаго «политическаго безсилія». Съ тѣхъ поръ, послѣ короткаго эпизода съ Іеной, гдѣ, казалось, послѣдніе остатки ревизіонизма были убиты впечатлѣніями русской революціи, пройдя сквозь тяжелое испытаніе выборной неудачи, она уже окончательно вступила на путь сосредоточенной, трезвой работы и не только не испытываетъ разочарованій, но какъ будто обрѣтаетъ новыя силы. И въ этомъ ей служатъ блестящимъ образомъ ближайшіе ея сосѣди австрійцы—эти «императорскіе и королевскіе соціалъ-демократы», руководимые Викторомъ Адлеромъ, всегда не выносившимъ революціонныхъ фразъ и «интернаціонально-обязательныхъ нормъ». Они пожинаютъ теперь плоды своей политики, которая дала имъ не только выборные успѣхи, но и возможность серьезнаго вліянія на судьбы отечества. А Жоресъ? О, онъ подавилъ въ себѣ всякія «ревизіонистскія тенденціи», онъ весь предался «разоблаченію» Клемансо и «разрушенію иллюзій». И въ результатѣ, на послушаніи у Эрве, онъ путается въ краснорѣчивыхъ софизмахъ и, оставшись совсѣмъ не у дѣлъ у себя во Франціи, забавляется тѣмъ, что безплодно пробуетъ «революціонизировать» Бебеля...

Скажите, развѣ это не болѣе вразумительно, чѣмъ всѣ резолюціи самаго радикальнаго характера?

К. Дверницкій.

Споръ Жореса и Клемансо.

Споръ, который лѣтомъ 1906 г. вели во французской палатѣ депутатовъ вождь французскихъ соціалистовъ Жоресъ и радикалъ-министръ Клемансо, представляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ всей новѣйшей парламентской исторіи. Столкнулись не только различныя по существу міросозерцанія въ области соціальной, но и два различные, въ смыслѣ методическомъ и формальномъ, типа отношенія къ соціальной и политической дѣйствительности. Въ этомъ спорѣ обнаружились съ полной ясностью и сильныя, и, въ особенности, слабыя стороны современнаго соціализма. Вотъ почему мы считаемъ полезнымъ предложить читателямъ *Русской Мысли* полное воспроизведеніе, по Journal officiel, этого достопамятнаго теоретическаго спора двухъ практическихъ политиковъ, который не можетъ пройти безслѣдно въ новѣйшей исторіи соціальной и политической мысли.

Ред. *Русской Мысли*.

---

12 іюня 1906 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Клемансо обратился къ французскому сенату съ слѣдующей деклараціей, внесенной въ тотъ же день президентомъ совѣта министровъ Сарреномъ въ палату депутатовъ.

Мм. гг.! Министерство, стоящее нынѣ передъ вами, съ перваго же дня, и самымъ своимъ составомъ, обнаружило твердое намѣреніе осуществить союзъ республиканцевъ, чтобы водворить порядокъ и миръ въ странѣ и дать всеобщему голосованію свободно высказаться на выборахъ въ законодательное собраніе. Опираясь на парламентское большинство и довѣріе избирателей, правительство завершило предпринятое имъ дѣло.

Выборами 9 и 20 мая Франція блестяще подтвердила, что она умѣетъ хранить, укрѣплять и совершенствовать созданныя ею учрежденія,—доказала, что она желаетъ слѣдовать по пути прогресса и реформъ, которыми отмѣчены послѣдніе годы. (*Браво!*)

Порядокъ возстановленъ. Мятежныя дѣйствія, сопровождавшія опись церковныхъ имуществъ, прекращены. Стачки, вспыхивавшія въ различныхъ частяхъ страны, тревожившія общественное мнѣніе прискорбными инцидентами, понемногу стихли. Полемика, вызванная избирательной кампаніей, отошла въ область далекихъ неясныхъ воспоминаній, и въ умахъ мало-по-малу наступаетъ успокоеніе.

Не опасаясь отреченія отъ какой-либо изъ своихъ обязанностей, увѣренное въ

томъ, что оно сумѣетъ подавить всякую попытку вызвать безпорядки, правительство предлагаетъ вамъ ознаменовать начало вашихъ работъ всеобщей амнистіей. (*Очень хорошо! Очень хорошо!—на крайней лѣвой.*) Республиканская партія, проявивъ свою силу, можетъ обнаружить терпимость и великодушіе и закономъ прощенія достойно отпраздновать вступленіе во власть новаго президента республики и крупную побѣду, одержанную республиканцами. (*Рукоплесканія на лѣвой и на разныхъ скамьяхъ крайней лѣвой.*) Въ первую очередь бдительнаго вниманія палатъ потребуютъ, конечно, вопросы, связанные съ крайней необходимостью возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ безъ чрезвычайныхъ мѣръ. Въ бюджетѣ 1906 года вычеркнуты важныя статьи дохода.

Съ другой стороны, многочисленные законы, вотированные предыдущей легислатурой, именно законъ военный, законъ о призрѣніи стариковъ и немощныхъ, о повышеніи окладовъ и пенсій, назначаемыхъ чиновникамъ различныхъ вѣдомствъ, вызвали увеличеніе расходовъ, которое всею тяжестью ляжетъ на бюджетъ 1907 г. и послѣдующихъ годовъ.

Правительство попроситъ у васъ проведенія возможныхъ сбереженій, совмѣстимыхъ съ правильной постановкой дѣла, попроситъ согласованія высшихъ интересовъ національной обороны съ необходимостью не подрывать нашего финансоваго положенія.

Оно предложитъ вамъ разныя упрощенія въ сферѣ администраціи, результатомъ коихъ явится не только сокращеніе расходовъ, но и развитіе живыхъ силъ страны.

Оно представитъ вамъ на разсмотрѣніе реформы, имѣющія цѣлью установить болѣе точное соотвѣтствіе налоговъ съ платежными силами, и спеціальный проектъ пересмотра налога поземельнаго, проектъ общаго подоходнаго налога, который, не смѣшивая доходъ съ капитала съ доходомъ отъ труда, не ложась несправедливо-равномѣрной податью на крупный и мелкій доходъ, въ то же время не будетъ носить на себѣ характера сыска, не нанесетъ ущерба ни собственности, ни личной свободѣ. (*Рукоплесканія на лѣвой и въ центрѣ; перерывы съ крайней лѣвой.*)

Но, имѣя въ виду, что этотъ подоходный налогъ не можетъ существовать со всѣми прямыми налогами, а поступленія, могущія получиться отъ него, должны, по возможности, быть обращены на проведеніе соціальныхъ реформъ,—необходимо обезпечить государству добавочный источникъ постоянныхъ доходовъ.

Въ проектѣ бюджета, который въ скоромъ времени будетъ представленъ палатѣ, правительство укажетъ размѣры и характеръ доходовъ, которые преимущественно лягутъ на благопріобрѣтенное богатство.

Правительство разсчитываетъ на содѣйствіе парламента при томъ внесеніи ясности и откровенности въ бюджетъ, которое начато имъ съ сознаніемъ выполненія патріотическаго долга.

Законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства будетъ проводиться съ твердостью, безъ заднихъ мыслей о репрессаліяхъ, въ томъ духѣ, какъ его вотировалъ парламентъ и одобрила страна.

Правительство будетъ неуклонно проводить полную секуляризацію школъ. Оно потребуетъ окончательной отмѣны закона Falloux, уже прошедшей сенатъ. (*Рукоплесканія на лѣвой и на крайней лѣвой.*) Потребуетъ отмѣны покоящихся на злоупотребленіяхъ привилегій, которыми пользуются частныя среднія школы, и потребуетъ установленія режима, который гарантировалъ бы государству контроль надъ этими школами.

Наконецъ, правительство будетъ стремиться къ демократизаціи народнаго образованія, предоставляя его, на всѣхъ ступеняхъ, дѣтямъ народа, принимая во вниманіе способности, а не состоятельность. (*Оживленныя рукоплесканія на лѣвой и на крайней лѣвой.*)

Рѣшенія, вынесенныя военной юстиціей, взволновали общественное мнѣніе. Пра-

вительство предложитъ вамъ преобразованіе военныхъ и морскихъ судовъ. Въ непродолжительномъ времени вамъ будутъ представлены проекты законовъ о кадрахъ и производствѣ офицерскихъ чиновъ.

Мы предложимъ вамъ измѣнить законъ 1884 г., отказавшись отъ исключительныхъ преступленій и исключительныхъ наказаній, и предоставивъ синдикатамъ право владѣть имуществомъ и коммерческую правоспособность. Мы предложимъ распространить благодѣтельное дѣйствіе этого закона и на другія категоріи гражданъ.

Отказывая чиновникамъ въ правѣ стачекъ, ибо оно не можетъ быть имъ дано, такъ какъ это было бы сопряжено съ опасностью для общественныхъ интересовъ,—мы предложимъ гарантировать ихъ отъ произвола особымъ уставомъ. (*Рукоплесканія въ центрѣ и на разныхъ скамьяхъ лѣвой.*)

Столкновенія между капиталомъ и трудомъ обостряются и учащаются съ каждымъ днемъ. Они грозятъ процвѣтанію торговли и промышленности. Намъ кажется—настало время серьезнаго изученія способовъ предотвращенія такихъ столкновеній. Намъ представляется необходимымъ опредѣлить въ законѣ обязательства и права, вытекающія изъ рабочаго договора. Умѣстно установить общеобязательныя правила о порядкѣ заключенія, о дѣйствіи и нарушеніи этого договора и опредѣлить характеръ коллективнаго договора, который, хотя еще въ неясныхъ очертаніяхъ, но со всѣхъ сторонъ выступалъ на сцену. Подъ охраною закона, при мощномъ ростѣ современной промышленности, рабочіе и работодатели получатъ возможность согласовать экономическую необходимость, личную свободу и ту защиту слабыхъ, которую всѣ признаютъ необходимой.

Тѣмъ же самымъ духомъ будетъ проникнутъ другой законопроектъ—о продолжительности рабочаго времени.

Не упуская изъ виду требованій міровой конкуренціи, не забывая, что конкурирующіе народы не должны отставать другъ отъ друга въ извѣстныхъ вопросахъ, что международные договоры по вопросамъ труда становятся неотвратимой необходимостью,—возможно, однако, удовлетворить требованіямъ трудовой демократіи, члены коей желаютъ пользоваться досугомъ для того, чтобы быть гражданами.

Мы полагаемъ, что настало время въ вопросѣ о продолжительности рабочаго времени распространить и на служащихъ въ частныхъ предпріятіяхъ ту охрану, которой пользуются рабочіе.

Одновременно съ этими проектами мы разсчитываемъ закончить реформы, подготовленныя нашими предшественниками и касающіяся еженедѣльнаго отдыха, распространенія промысловыхъ судовъ на служащихъ въ частныхъ предпріятіяхъ и уплаты заработной платы.

Вотируя въ прошломъ февралѣ проектъ страхованія рабочихъ на случай смерти и неспособности къ труду, палата точно установила начала, на которыхъ должна покоиться эта организація. Правительство, руководимое желаніемъ провести эту реформу, которой требуетъ демократія, поддержитъ ее въ сенатѣ.

Катастрофа въ Курьерѣ—судебное слѣдствіе, назначенное для выясненія ея причинъ, затягивается въ силу мѣстныхъ условій—обратила вниманіе правительства на несовершенство закона 1810 г.

Мы предложимъ законопроектъ, который будетъ имѣть цѣлью устранить главные недостатки этого закона, либо давъ государству такое право, которое явится одновременно и выраженіемъ его верховной власти, и гарантіей его контроля; или обставивъ переуступку правъ условіями, отсутствіе коихъ можетъ создать серьезную опасность.

Мы желаемъ также обезпечить болѣе справедливую оплату труда и капитала.

Давая горнорабочимъ при будущихъ концессіяхъ (*Очень хорошо! очень хорошо! на разныхъ скамьяхъ лѣвыхъ*) участіе въ прибыли, мы руководимся двойной заботой: съ одной стороны, двинуть впередъ дѣло соціальной справедливости, съ другой—

дать другимъ отраслямъ промышленности убѣдительный примѣръ того, какъ можно предупреждать недоразумѣнія и столкновенія.

Правительство попрежнему будетъ внимательно слѣдить за вопросами, касающимися нашего сельскаго хозяйства, и внесетъ проектъ учрежденія законнаго представительства сельскаго хозяйства; наши усилія будутъ далѣе направлены къ тому,—чтобы усовершенствовать тѣ изъ отраслей сельскаго хозяйства, которыя подверглись особеннымъ испытаніямъ. (*Рукоплесканія въ центрѣ.*) Такъ, нами рѣшено, въ интересахъ винодѣлія, строго преслѣдовать обманъ и фальсификацію. (*Рукоплесканія.*)

Вашему вниманію будетъ предложенъ рядъ мѣропріятій, необходимыхъ для того, чтобы восполнить пробѣлы дѣйствующаго законодательства.

Въ области колоніальной политики правительство будетъ особенно содѣйствовать экономическому росту нашихъ заморскихъ владѣній, обезпечивая имъ хорошую администрацію, хорошіе финансы, быстрый и безпристрастный судъ.

Въ моментъ образованія министерства мы познакомимъ парламентъ съ тѣмъ духомъ, въ которомъ мы намѣрены вести нашу внѣшнюю политику.

Проникнутые глубокимъ сознаніемъ правъ и жизненныхъ интересовъ страны, мы высказали свое убѣжденіе, что осуществленіе этихъ правъ и нормальное развитіе этихъ интересовъ можетъ быть обезпечено безъ ущерба правамъ и интересамъ другихъ державъ, и подчеркнули духъ справедливости и миролюбія, въ которомъ Франція разсматривала различныя задачи, стоящія передъ народами.

Съ момента образованія кабинета мы вѣрно слѣдовали этимъ принципамъ; и въ марокскомъ вопросѣ мы съ чувствомъ удовлетворенія увидѣли признаніе нашей лойяльности, нашего пониманія взаимныхъ правъ и обязанностей народовъ.

Мы разсчитываемъ не уклоняться отъ этой политики, мудрость которой доказалъ исходъ алжезирасской конференціи, почетный для всѣхъ.

Благодаря этой политикѣ мы сохранимъ и укрѣпимъ союзъ и дружественныя связи, которыми мы очень дорожимъ, цѣли которыхъ согласуются съ основной цѣлью нашей политики.

Благодаря этой политикѣ на будущія времена для насъ уменьшится рискъ всякихъ международныхъ замѣшательствъ и столкновеній, и мы будемъ поставлены въ наилучшія условія для того, чтобы выйти изъ всякихъ затрудненій. Всецѣло полагаясь на армію и флотъ, сила и достоинство коихъ вполнѣ обезпечиваютъ Франціи и безопасность, и подобающее ей мѣсто въ мірѣ, наша страна надѣется, что другія націи, подобно ей, будутъ отдавать предпочтеніе рѣшеніямъ, основаннымъ на уваженіи къ праву, и желаетъ, чтобы ростъ—въ этомъ смыслѣ—общенароднаго мнѣнія облегчилъ бы тяжесть военныхъ расходовъ, что всѣми державами, представленными на гаагской конференціи, „признано весьма желательнымъ для матеріальнаго и моральнаго роста человѣчества“. (*Рукоплесканія на лѣвой.*)

Впрочемъ, политическіе вопросы не исчерпываютъ всей внѣшней дѣятельности государства. Въ міровомъ равновѣсіи съ каждымъ днемъ проблемы экономическія начинаютъ играть все бо̀льшую и бо̀льшую роль. При этомъ нѣкоторыя соціальныя задачи не могутъ быть вполнѣ разрѣшены внутреннимъ законодательствомъ, безъ международнаго соглашенія.

Первый шагъ въ этомъ направленіи только что сдѣланъ. По почину комитета международной ассоціаціи для законодательной охраны рабочихъ выработана конвенція, воспрещающая ночную работу женщинъ на фабрикахъ, а также употребленіе бѣлаго фосфора въ производствѣ спичекъ.

Пятаго сего апрѣля мы сообщили, что правительство республики окончательно и безъ оговорокъ присоединилось къ этой конвенціи.

Мы будемъ стремиться постепенно расширять область международныхъ соглашеній въ вопросахъ труда. Такимъ образомъ, въ области соціальной и экономической, такъ же, какъ и въ области политической, въ равномъ смыслѣ мы надѣемся

служить одновременно дѣлу внутренняго мира республики и миру всеобщему. (*Очень хорошо! очень хорошо!*)

Все только что изложенное не есть застывшая программа. Постоянно вдохновляясь желаніями и чувствами страны, мы всегда будемъ готовы разсматривать и разрѣшать съ вами вопросы, ежедневно выдвигаемые общественнымъ мнѣніемъ.

Но въ вопросахъ внутренней политики, какъ и внѣшней, всякій полезный результатъ можетъ быть единственно слѣдствіемъ тѣснаго согласія республиканскаго большинства и правительства, которое является представителемъ этого большинства.

Мы съ своей стороны проникнуты искренними намѣреніями и преданностью республикѣ и демократіи.

Мы твердо надѣемся, что парламентъ не откажетъ намъ въ поддержкѣ. (*Оживленные аплодисменты на многочисленныхъ скамьяхъ лѣвой.*)

Въ засѣданіи палаты 12 іюня н. ст. группа соціалистовъ—Ж. Жоресъ, П. Констанъ, Самба, Э. Вальянъ, Ж. Гэдъ и др.—выступили съ интерпеляціею по поводу общей политики правительства въ связи съ его декларацiей. *Жоресъ* говорилъ послѣ нѣкоторыхъ своихъ товарищей и произнесъ большую и содержательную рѣчь, ниже цѣликомъ приводимую.

Мм. гг. Подробно разобрать и попытаться оцѣнить въ цѣломъ декларацію правительства,—началъ Жоресъ,—я не могу иначе какъ предварительно опредѣливъ общее политическое положеніе въ томъ видѣ, въ которомъ оно мнѣ рисуется. Республиканская партія одержала большую побѣду. Какъ же она используетъ ее? Радикалы и соціалисты соединились противъ партій прошлаго и будутъ дѣйствовать сообща при каждой попыткѣ реакціи свергнуть республику или наложить на нее свою руку. Но лѣвая демократія, какъ соціалисты, такъ и радикалы, вступая въ соглашеніе для совмѣстныхъ дѣйствій противъ партій реакціонныхъ,—къ чести своей,—открыто оставили за собой полную свободу мысли и дѣйствія. Этой свободой мы и должны воспользоваться для того, чтобы объясниться другъ съ другомъ въ моментъ, по общему признанію, открывающій новый періодъ: политическія и религіозныя задачи можно считать на время рѣшенными, и всѣ усилія парламента, все его вниманіе должно сосредоточиться на вопросахъ соціальныхъ и экономическихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, милостивые государи, недостаточно повторять слова: соціальный прогрессъ, соціальныя реформы, пестрящія,—по выраженію г. президента—всѣ рѣчи, воспроизводимыя въ каждой статьѣ, въ каждой программѣ. Необходимо выяснить точное содержаніе, которое мы вкладываемъ въ эти понятія. Нельзя, чтобъ они походили на звонъ колоколовъ, въ которомъ, по выраженію философа, всякій слышитъ мелодію уже звучащую въ его собственномъ умѣ. Необходимо, господа, договориться до полной ясности.

Но къ чему привели бы всѣ ученыя словопренія, къ чему бы послужили установленія принциповъ,—выясненія программъ въ парламентѣ, если бы за его стѣнами законная свобода дѣйствій организованнаго рабочаго класса постоянно встрѣчала противодѣйствіе и попиралась бы.

Вслѣдъ за моимъ другомъ Констаномъ я возьму на себя право посте-

вить на видъ присутствующему здѣсь правительству, что оно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—въ отношеніи рабочаго класса и его выступленій въ странѣ—примѣняло политику репрессій, политику утѣсненій. (Аплодисменты на крайнихъ лѣвыхъ скамьяхъ.) У меня нѣтъ предвзятой точки зрѣнія, и я хочу, поскольку это зависитъ отъ меня, строго держаться въ предѣлахъ истины, какъ я ее понимаю.

Я охотно понимаю, что правительство, что министръ внутреннихъ дѣлъ разсматриваетъ столкновеніе между солдатами и рабочими, какъ величайшее несчастіе для республики; я признаю, что министръ внутреннихъ дѣлъ противостоялъ извѣстнымъ вліяніямъ, когда убѣждалъ солдатъ и офицеровъ быть хладнокровными; но я считаю себя въ правѣ сказать, что или предписанія не выполнялись, или же по винѣ общей политики, но на дѣлѣ подъ вашимъ управленіемъ, при вашемъ отвѣтственномъ правительствѣ рабочій классъ не только не пользовался той полной свободой, къ которой онъ стремится и которая необходима для его жизнедѣятельности,—но терпѣлъ притѣсненія и униженія гораздо большія, нежели при правительствахъ, предшествовавшихъ республикѣ. (Браво, браво!—на крайней лѣвой.)

Что именно произошло въ Па де-Калэ?

Министръ внутреннихъ дѣлъ въ своей ліонской рѣчи нарисовалъ страшную картину.

Клемансо (министръ внутр. дѣлъ). Дѣйствительность ужаснѣе. (Движеніе въ палатѣ.)

Жоресъ. Вы еще сгущаете краски, господинъ министръ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.) Въ своей ліонской рѣчи г. министръ внутреннихъ дѣлъ нарисовалъ страшную по-моему картину и подчеркнулъ, что картина ниже дѣйствительности. Скажу откровенно, я, какъ и вы, оплакиваю насилія, къ которымъ стачечники, быть можетъ, прибѣгали по адресу небастовавшихъ рабочихъ. Если бы г. министръ внутреннихъ дѣлъ съ той же неукротимой силой и съ тѣмъ же искусствомъ изобразилъ всѣ несправедливости, всѣ жестокости, всѣ беззаконія, которымъ поколѣніе за поколѣніемъ подвергается этотъ людъ со стороны компаній (аплодисменты на крайней лѣвой),—картина получилась бы трогательная и наводящая на размышленія. Но г. Клемансо такъ часто рисовалъ эту картину въ качествѣ журналиста и депутата, что въ качествѣ министра онъ считаетъ излишнимъ изображать ее.

Печальная по-истинѣ борьба двухъ соперничающихъ синдикатовъ и первые инциденты, ее сопровождавшіе, дали поводъ къ тому, чтобы полицейскою силой, угрозами, военною силой упразднить элементарное право стачки. Я спрашиваю министра внутреннихъ дѣлъ: что такое право стачки, какъ можно его осуществлять, если вы въ округъ Па де-Калэ (куда, въ самые острые моменты, правительства, наиболѣе ревниво оберегавшія порядокъ, не посылали болѣе десяти тысячъ солдатъ), послали 25,000 человѣкъ,—отняли у стачечниковъ помѣщенія школы, мэріи, всѣ помѣ-

щепія, гдѣ можно было собираться, и отвели ихъ солдатамъ; свобода слова была предоставлена однимъ генераламъ, никто изъ членовъ синдиката не могъ обращаться къ рабочимъ со словомъ поддержки. Рабочіе вынуждены сидѣть по домамъ, во всемъ округѣ нѣтъ мѣста рабочему люду, всѣ мѣста предоставлены вооруженной силѣ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Къ 1 мая во всѣхъ промышленныхъ центрахъ, во всѣхъ рабочихъ городахъ Франціи царило одно общее настроеніе удручающаго недовѣрія: между тѣмъ рабочее движеніе 1 мая заслуживало интереса республиканскаго правительства съ двухъ точекъ зрѣнія: во-первыхъ, по своей цѣли и, во-вторыхъ, по своему методу. Цѣлью его было дѣйствительное сокращеніе—во всѣхъ крупныхъ промышленныхъ отрасляхъ—продолжительности рабочаго дня; оно не предполагало,—какъ говорили,—разомъ, однимъ ударомъ осуществить восьмичасовую норму, но желало направить къ этому типу всю промышленность.

Мнѣ не нужно прибавлять, что болѣе высокой цѣли не существуетъ, что именно эта цѣль сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра; удѣлить для мысли, для семейной жизни, для гражданской жизни часть времени, до сихъ поръ поглощаемаго чрезмѣрнымъ трудомъ,—является одновременно актомъ цивилизаціи и освобожденія. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Какъ же рабочіе преслѣдовали эту цѣль? Сплоченнымъ массовымъ выступленіемъ, которое не сопровождалось актами насилія. Эту сплоченность особенно слѣдуетъ отмѣтить, это было общее движеніе рабочаго класса, руководимаго синдикалистской организаціей.

По поводу общей конфедераціи труда, конечно, можно спорить,—она не болѣе другихъ организацій человѣческихъ имѣетъ право на непогрѣшимость и неизмѣнность своихъ взглядовъ; рабочій классъ, какъ и всѣ мы, проходитъ чрезъ тяжелое воспитаніе, но въ движеніи 1 мая замѣчательно, изумительно стремленіе рабочихъ организовать путемъ федераціи всѣхъ ихъ синдикатовъ—огромную автономную силу, настоящимъ образомъ создать рабочій классъ, не разъединенный непроницаемыми синдикальными перегородками, при соблюденіи самостоятельности каждаго синдиката создать прочную связь, слить во-едино всѣхъ, кто трудится, кто страдаетъ отъ эксплуатаціи, дружной сплоченностью подчеркнуть единство класса. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Если вы дѣйствительно желаете эволюціи общества—дѣйствительно желаете его переустройства, вы должны считаться съ этою силой и отнюдь не должны ее отталкивать и подавлять.

Впрочемъ, г. министръ, вы услышите нашихъ друзей, которые и въ Парижѣ и на мѣстахъ были свидѣтелями фактовъ. Я хорошо знаю, что подробности могутъ дать неограниченный матеріалъ для разногласій. [illegible] общеніямъ соціалистическихъ комитетовъ, рабочихъ синдикатовъ, вы[illegible] ныхъ соціалистовъ, очевидцевъ событій, вы можете (вѣдь вы не м[illegible]

все видѣть, все провѣрить собственными глазами!) противопоставить офиціальныя донесенія, тѣмъ болѣе удобныя для правительства, что они исходятъ отъ его отвѣтственныхъ агентовъ. Я утверждаю по совѣсти — отнюдь не желая бередить свѣжихъ ранъ—что въ эту самую минуту парижскіе рабочіе вспоминаютъ, что рабочіе патрули, самые невинные, самые безобидные, фактически лишены были возможности дѣйствовать, потому что при одномъ только появленіи рабочихъ, не обнаруживавшихъ никакихъ попытокъ къ насилію или безпорядку, уже производились аресты, влекшіе за собой безчисленные приговоры.

Въ эту самую минуту 200,000 парижскихъ рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкѣ, все трудовое населеніе Парижа и его округи убѣждено въ томъ, что на его свободу произведено покушеніе, что его право стачки нарушено. О, я знаю, что̀ нужно отнести на долю воспоминаній о проиграннонъ сраженіи, но въ общемъ народъ справедливъ и умѣетъ отличать случайныя ошибки отъ системы, направленной противъ него.

И въ данномъ случаѣ сложилось впечатлѣніе, что всѣ средства были направлены (можетъ быть, для того, чтобы успокоить встревоженное общество) къ тому, чтобы разбить рабочее движеніе. Прискорбное впечатлѣніе!

Какимъ образомъ правительство могло прійти къ подобной политикѣ? Мнѣ кажется, причинъ было двѣ.

Съ одной стороны, оно было обойдено реакціонными партіями, примѣнившими фальшивый маневръ въ виду выборовъ.

Въ прессѣ, на митингахъ реакціонные ораторы утверждали, что вся Франція наканунѣ ужасныхъ катастрофъ, что дикая орда варваровъ-рабочихъ готова итти на приступъ противъ существующаго соціальнаго строя.

Но нѣтъ! То былъ не слѣпой натискъ, а законное требованіе организованной силы, а на обязанности республиканскаго правительства лежало успокоить общественное мнѣніе не крутыми мѣрами противъ рабочаго класса, а напомнивъ всей странѣ, что за тридцать четыре года рабочій классъ никогда, даже случайно, по неосторожности, не игралъ на руку реакціи (горячія аплодисменты на крайней лѣвой); что всегда, въ трудныя критическія минуты, во всѣ годины смутъ рабочій классъ поддерживалъ республиканскую законность. Не онъ подготовлялъ перевороты. Несмотря на недовольство экономическимъ и соціальнымъ строемъ, въ моменты, когда республикѣ, хотя и буржуазной, грозила опасность—рабочій классъ вставалъ на защиту ея какъ символа человѣческаго достоинства и залога надеждъ. (Аплодисменты крайней лѣвой.)

Вотъ что слѣдовало вамъ напомнить тѣмъ, кого старались запугать и обойти. Этому языку правительство предпочло хитрость и насиліе.

Что значатъ преслѣдованія, направленныя противъ главныхъ борцовъ конфедераціи труда? Съ перваго момента мы говорили: если реакція, всегда готовая вызывать волненія, чтобы ими пользоваться,—проникла со своимъ развращающимъ вліяніемъ и въ рабочія организаціи,—мы готовы изобличить преступника, заклеймить его позоромъ и казнить.

Но въ то же время мы добавляли: пролейте свѣтъ, докажите.

Вы не имѣли права безъ достаточныхъ основаній, безъ серьезныхъ поводовъ наканунѣ большого законнаго сраженія, подготовляемаго рабочими,— лишать нравственныхъ правъ, подвергать подозрѣніямъ вождей рабочаго движенія. (Оживленные аплодисменты на крайней лѣвой.)

Правда, въ эту минуту они освобождены; Griffuelhès освобожденъ и не знаетъ, въ чемъ его обвиняли; его даже не вызывали къ допросу, какъ будто судебная власть и правительство сами не придали серьезнаго значенія взводимымъ на него обвиненіямъ! Дѣло сдѣлано, цѣль достигнута: наканунѣ манифестаціи, рабочее движеніе дезорганизовано, почти опозорено недостойнымъ подозрѣніемъ. (Крайняя лѣвая аплодируетъ.)

Теперь нѣтъ надобности и знать. Выходите! Дверь раскрыта! Дѣло сдѣлано.

Я утверждаю, что рабочій классъ въ республикѣ имѣетъ право на иное обращеніе. (Опять аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

Есть, господа, еще и другая причина,—я говорю о поведеніи правительства.

Рабочіе организуются, группируются для мощнаго выступленія; несмотря на разнообразіе синдикатовъ, сотни тысячъ высказываютъ одно существенное требованіе, установленіе закономъ нормы рабочаго дня. Несмотря на профессіональный характеръ требованія, стачка по своимъ грандіознымъ размѣрамъ выходитъ за предѣлы профессіональной, является соціальной манифестаціей, выражаетъ соціальное требованіе; пролетаріатъ, какъ классъ, пролетаріатъ, какъ нѣкое единство, заявляетъ свое недовольство режимомъ, гдѣ онъ вынужденъ отдавать большую часть плодовъ своего труда, гдѣ онъ не имѣетъ никакого рѣшающаго голоса.

Такимъ образомъ это движеніе, несмотря на свой корпоративный, профессіональный характеръ, своимъ размѣромъ ставитъ передъ страной, передъ парламентомъ соціальную проблему во всей полнотѣ.

Эти рабочіе, какъ рабочій классъ, обращаются къ парламенту, къ правительству съ вопросомъ: что собираетесь вы сдѣлать для насъ? Какое преслѣдуете вы рѣшеніе соціальной проблемы?

Вотъ именно потому, что это требованіе, хотя и не обращенное прямо къ властямъ, выдвигаетъ соціальный вопросъ и понуждаетъ правительство къ рѣшенію, эти люди въ тягость правительствамъ, которыя его не имѣютъ.

А! Я понимаю смущеніе, тайное раздраженіе министра внутреннихъ дѣлъ. До сихъ поръ онъ критиковалъ всѣ учрежденія, не рисуя положительной перспективы новаго общества, новаго строя; когда же люди, отчасти воспользовавшіеся его рѣзкой критикой, двинулись въ путь и размѣрами своего выступленія подчеркнули, что время голой критики миновало, что нужно дѣйствовать, необходимо реформировать порядокъ, основанный на несправедливости и угнетеніи,—тогда вчерашній критикъ, очутившійся передъ пустымъ мѣстомъ своихъ концепцій будущаго, невольно

охватывается чувствомъ досады, выражающимся въ излишнемъ примѣненіи полицейской и военной силы. (Аплодисменты на крайней лѣвой).

Такъ будетъ продолжаться, пока правительство, пока большинство не найдетъ такого рѣшенія соціальной проблемы, которая дастъ ему возможность координированными усиліями направиться къ одной опредѣленной цѣли.

Берегитесь! Современное общество, которое вы критикуете, не зная, чѣмъ его замѣнить... (Движеніе.)

Голосъ изъ центра. Такъ же, какъ и вы.

Жоресъ. Неужели вы полагаете, что я всходилъ на эту трибуну, чтобы уклониться отъ рѣшенія хотя бы одной проблемы? Неужели вы полагаете, что я не знаю вопроса, который занимаетъ вашу мысль? Я хочу дать на него отвѣтъ и въ общихъ чертахъ, но точно, поскольку въ моихъ средствахъ, изображу, какимъ способомъ, по какому типу, что бы вы ни говорили на это—хотимъ мы реформировать общественный порядокъ. (Въ центрѣ прерываютъ его.)

Но послѣ этой попытки я буду имѣть право дружески, какъ республиканецъ республиканцамъ,—задать нѣсколько вопросовъ и вамъ.

Но я еще повторю: «Остерегайтесь! Современное общество, вопреки распространенному мнѣнію, не покоится на очень прочныхъ основахъ».

Намъ часто указывали, что наша идея обобществленія средствъ производства, противополагаемая капитализму,—химерична и разобьется о непобѣдимое сопротивленіе, ибо собственность проникла и всосалась почти во всѣ слои народа.

Я не спорю, господа: слои, которые я назвалъ бы средними слоями французскаго народа,—обладаютъ нѣкоторымъ капиталомъ; приступая къ соціальной реформѣ, необходимо считаться съ этими интересами, предложить имъ извѣстный эквивалентъ. (Движеніе.)

Предсѣдатель. Господа, вы, повидимому, горите нетерпѣніемъ узнать мысль оратора. Для этого имѣется одно только средство—слушать его. (Браво, браво!)

Жоресъ. Извѣстны ли вамъ послѣдовательныя данныя, о дѣйствительномъ распредѣленіи капитала и собственности, опубликованныя министерствомъ финансовъ? Онѣ раскрываютъ намъ истину о собственности «доступной всѣмъ». Наслѣдства отъ 1 фр. до 10,000 фр., если помножить цифру наслѣдствъ на 36, среднюю продолжительность человѣческой жизни, составляютъ капиталъ въ 23 милліарда; наслѣдства средняго слоя, средней буржуазіи отъ 10,000 до 100,000 фр. на населеніе 1.800,000 человѣкъ составляютъ капиталъ 50 милліардовъ.

Но, сопоставивъ эти цифры со ступенями общественной лѣстницы,—посмотрите, что̀ вы получите внизу и что̀ вверху.

Внизу вы видите: во Франціи ежегодно умираетъ отъ 800,000 до 900,000 человѣкъ, цифра заявленныхъ наслѣдствъ не достигаетъ 400,000.

Я знаю, что среди четырехсотъ тысячъ, для которыхъ не требуется

никакихъ заявленій объ открытіи наслѣдства, есть и горнорабочіе, но въ большинствѣ это фабричный пролетаріатъ, который все создаетъ, все производитъ, а для него при окончательномъ сведеніи итоговъ, производимыхъ смертью, въ балансъ записывается нуль.

Итакъ, 300,000 человѣкъ, представляющіе 15 милліоновъ, исчезаютъ ежегодно, не оставляя послѣ себя ни одного сантима, на который казна могла бы наложить руку; наверху же лѣстницы 221,000—изъ 35 милліоновъ общаго числа французовъ—владѣютъ 105 милліардами изъ 176 милліардовъ, составляющихъ общую сумму частныхъ капиталовъ. (Сильные апплодисменты на крайней лѣвой. Недовольство въ центрѣ.)

О, вы можете провѣрить цифры; я увѣренъ, что и послѣ повѣрки вамъ, г. министръ финансовъ, придется подтвердить ихъ съ этой трибуны.

Итакъ, на одномъ концѣ 221,000 владѣютъ 105 милліардами, на другомъ—15 милліоновъ не имѣютъ ничего; 105 милліардовъ въ рукахъ 200,000—вотъ что противостоитъ той соціальной пустотѣ, которую вы находите на сторонѣ пролетаріата. (Слѣдуетъ діалогъ между Жоресомъ и Энаромъ по поводу цифръ.)

Чтобы пренія были точнѣе, я приведу краснорѣчивую цифру, касающуюся Парижа. Въ Парижѣ накоплена и сосредоточена значительная часть французскихъ капиталовъ. Въ то время, какъ населеніе Парижа составляетъ приблизительно одну двѣнадцатую всего населенія Франціи, годовая сумма налога съ наслѣдствъ, уплачиваемая въ Парижѣ, равняется четверти общей годовой суммы во всей Франціи; и тогда какъ по числу жителей число наслѣдствъ, открывающихся въ Парижѣ, должно бы составлять одну двѣнадцатую общаго числа, оно составляетъ всего двадцать пятую долю общаго числа наслѣдствъ, открывающихся во Франціи.

Итакъ, господа, эта яркая иллюстрація показываетъ, что въ мѣстѣ сосредоточенія богатствъ и капиталовъ, число гражданъ, сдѣлавшихъ хотя бы незначительныя сбереженія, ниже общей средней. (Движеніе.)

Теперь, вы, которые безпрестанно спрашиваете насъ, что мы будемъ дѣлать, чѣмъ замѣнимъ современное общество,—позвольте предложить вамъ одинъ вопросъ: чѣмъ объясняете вы огромную разницу положеній,—съ одной стороны, огромныя богатства, съ другой—полную соціальную пустоту? Можетъ быть, случайное объясненіе кроется въ различіи рабочей силы, привычки къ труду? Можетъ быть, вы скажете, что на вершинѣ милліардовъ сосредоточенъ трудъ и работа, а большой классъ производителей пораженъ праздностью, лѣнью, бездарностью? (Апплодисменты на крайней лѣвой.)

Откуда же эта разница? Да просто она является результатомъ того, что одни, благодаря существующему строю, въ силу того, что вы называете личной собственностью, владѣютъ капиталомъ, безъ котораго другіе не могутъ ни работать, ни жить; владѣютъ обширными имуществами, фабриками, рудниками, мастерскими, верфями, домами и собираютъ безконечную дань, безконечную подать съ труда милліоновъ и милліоновъ гражданъ.

Теперь мы, мы васъ спросимъ: собираетесь ли вы на вѣчныя времена осудить рабочій классъ терпѣть такую форму собственности? Неужели общество, гдѣ всѣ средства труда: земля, рудники, фабрики будутъ принадлежать не меньшинству правящихъ капиталистовъ, а всему трудящемуся классу, неужели такое общество не было бы лучше, справедливѣе, человѣчнѣе?! (Горячіе аплодисменты на крайней лѣвой.)

Вотъ такого-то преобразованія... *Маркизъ де Діонъ*. Нѣтъ! Такой экспропріаціи!

Жоресъ. Да, г. де-Діонъ, этой экспропріаціи требуютъ соціалисты... (Горячіе аплодисменты на крайней лѣвой.)

Баронъ Ксавье Рейль. Воруютъ все, даже избирательные бюллетени. (Шумъ.)

Жоресъ. И ежели вопреки всему, вопреки вашимъ предубѣжденіямъ, вопреки всегдашнему ироническому отношенію къ новымъ общественнымъ формамъ... (Перерывы справа.) ...вы всетаки вынуждены, быть можетъ, признать, что это общество было бы справедливѣе, то берегитесь! И если вы добавите, что оно невозможно, вы объявите банкротство человѣческаго разума. Не ваши противники справа, не теократія объявитъ его банкротомъ, а именно вы сами; если однажды, признавъ, что общество, которое почти все отдаетъ меньшинству, нерѣдко праздному, и почти во всемъ отказываетъ трудящемуся большинству (Браво! Браво!), если признавъ, что это общество несправедливо, имѣя въ рукахъ полномочіе народа на его переустройство, вы заявляете, что переустройство невозможно, что оно приведетъ къ хаосу, къ безпорядку, къ гибели,—въ такомъ случаѣ не Церковь, а вы сами объявите человѣческій разумъ банкротомъ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

А это преобразованіе возможно на основаніи вашихъ собственныхъ законовъ, оно можетъ функціонировать въ силу извѣстныхъ и установленныхъ законовъ человѣческой природы. Ни одинъ человѣкъ, господа, не сможетъ вамъ сказать, въ какихъ именно формахъ произойдетъ великое преобразованіе.

Дюссасуа. Почему?

Я поясню примѣромъ. Среди соціалистовъ часто дебатируется вопросъ о томъ, какъ произойдетъ общая экспропріація частнаго капитала, которая должна установить общественную собственность и кооперативный трудъ людей, совершится ли это отчужденіе съ вознагражденіемъ... (Движеніе.)

Справа, иронически: О, нѣтъ! вознагражденія совсѣмъ не нужно! (Смѣхъ.)

Де Л'Эстурбильонъ. Къ чему?! Это оказалось бы началомъ банкротства? (Шумъ.)

Жоресъ. Господа, вы меня не смутите. Позволю себѣ замѣтить, я достаточно привыкъ съ собраніямъ, къ диспутамъ, чтобы знать, что всякій, рискующій передъ аудиторіей, свыкшейся съ извѣстными общественными

формами, изображать новыя общественныя формы,—неминуемо будетъ встрѣченъ насмѣшками и сарказмомъ. (Протестъ на разныхъ скамьяхъ.)

Я знаю это, знаю по опыту нашихъ предшественниковъ, но равнымъ образомъ я знаю, что вопреки издѣвательствамъ, если у людей находится достаточно мужества и прямоты,—идеи растутъ и развиваются. (Горячія аплодисменты на крайней лѣвой.) Я знаю—сначала идеи подвергаются поношенію, затѣмъ осмѣянію, и, мало-по-малу, обсужденію.

И позвольте сказать вамъ, что не къ собраніямъ сегодняшняго дня, а къ всеобщему голосованію завтрашняго дня мы обращаемся. (Новые аплодисменты на крайней лѣвой.)

Но разъ вы настаиваете на томъ, чтобы мы заранѣе и, въ извѣстной мѣрѣ, развили планъ того новаго общества, которое будетъ создано суверенныиъ пролетаріатомъ, когда онъ завоюетъ власть, то я считаю себя въ правѣ сказать вамъ, при какихъ только условіяхъ возможенъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вы можете, вы должны, стоя на научной почвѣ, спрашивать не отдѣльныхъ людей, а партію, и не о томъ, съ какими историческими подробностями совершится, среди сложныхъ событій будущаго,—великій соціальный переворотъ. Я уже указывалъ въ видѣ примѣра вопросъ, который дебатируется въ партіи, вопросъ объ отчужденіи частной капиталистической, буржуазной собственности съ вознагражденіемъ. (Движеніе.)

Эрнестъ Фланденъ. Вы могли бы начать безъ вознагражденія.

Жоресъ. А, господа! какое поучительное зрѣлище! Пока нападаютъ на министровъ, зовутъ къ отвѣту отдѣльныхъ лицъ и политику правительства, какъ только что дѣлалъ я, подчеркивая отвѣтственность министерства и г. Клемансо—полная тишина и вниманіе. (Смѣхъ на крайней лѣвой и на разныхъ скамьяхъ.) Но какъ только отваживаются затронуть основной вопросъ, и съ этой трибуны касаются собственности, о! тогда самое существо, всѣ фибры людей возмущаются. (Аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

Д'Эстурбиліонъ. Вы можете смотрѣть на всѣ скамьи палаты.

Жоресъ. Итакъ, несмотря на все ваше нетерпѣніе узнать, на ваше насмѣшливое отношеніе къ моимъ словамъ, я говорю, соціалисты не могутъ съ точностью сказать вамъ: съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія совершится экспропріація. (Аплодисменты и смѣхъ на тѣхъ же скамьяхъ.)

Можанъ. Вы намъ по крайней мѣрѣ оставляете надежду. (Смѣхъ на лѣвой.)

Маркизъ де Діонъ. Во всякомъ случаѣ вознагражденіе будетъ выдаваться ассигнаціями.

Жоресъ. Повторяю, я не могу сказать вамъ этого. Если бы это зависило отъ насъ, то я, сообразно мысли, желанію большинства соціалистовъ...

Мелье (Meslier). Всѣхъ. (Движеніе.)

Жоресъ. Остерегитесь! (Смѣхъ.)

Господа, такого единодушія, какъ чуда, я не жду даже отъ соціалистовъ. Прервавшій меня товарищъ самъ увидитъ, что онъ нѣсколько увлекся. (Перерывы въ центрѣ.)

Господа, вы желаете сдѣлать мою задачу физически невозможной. (Нѣтъ! Нѣтъ! Говорите!)

Я говорю, что если бы дѣло зависѣло отъ насъ,—отчужденіе капиталистической собственности совершилось бы съ вознагражденіемъ, и это согласовалось бы съ желаніями, съ мнѣніемъ большинства соціалистовъ, большинства великихъ теоретиковъ нашей партіи. (Движеніе.)

Г. Шастенэ. А на завтра пришлось бы экспропріировать получившихъ вознагражденіе. (Шумъ, восклицанія на крайней лѣвой.—Браво! Браво! въ центрѣ.)

Президентъ. Господа, я просилъ бы воздержаться и не прерывать, иначе одни восклицанія влекутъ за собою другія. (Браво! Браво!)

Модестъ Леруа. Если вы утомлены, г. Жоресъ, попросите отложить продолженіе до слѣдующаго засѣданія.

Жоресъ. Господа, я вижу, что, несмотря на всѣ тѣ усилія, на которыя я былъ осужденъ, я не смогу закончить сегодня вечеромъ свое изложеніе, а потому, рискуя вызвать упрекъ въ затягиваніи преній, я прошу перенести обсужденіе на слѣдующее засѣданіе. (Отсрочка принята. Ораторъ возвращается на свое мѣсто при дружныхъ аплодисментахъ.)

Жоресъ. Journal Officiel приписываетъ мнѣ, будто я на послѣднемъ засѣданіи сказалъ, что рабочій классъ при настоящемъ министерствѣ терпѣлъ больше насилій, чѣмъ при правительствахъ предшествовавшихъ Республикѣ.—Я не говорилъ этого и подобное заявленіе было бы нелѣпостью потому, что рабочій классъ, въ самыя трудныя минуты, все-таки пользовался при Республикѣ гораздо большей свободой, чѣмъ при прежнемъ режимѣ. (Браво! Браво! на крайней лѣвой.)

Я сказалъ только, что рабочій классъ при настоящемъ правительствѣ терпѣлъ больше притѣсненій, чѣмъ при прежнихъ республиканскихъ министерствахъ. (Браво! Браво! на тѣхъ же скамьяхъ.)

Господа, если я подошелъ къ очень трудному и сложному вопросу о соціалистической организаціи, такъ отнюдь не для того, чтобы, какъ говорили,—путемъ общихъ разсужденій уклониться отъ возложеннаго на меня избирателями обязательства—дать въ цѣломъ кодексѣ труда полное и точное изложеніе соціалистической организаціи. Я, конечно, сдержу это обязательство, и мнѣ матеріально необходима только отсрочка въ четыре, пять мѣсяцевъ, чтобы привести въ систему давно продуманныя мысли.

Но съ самаго начала этой сессіи мнѣ хотѣлось показать, что мы не желаемъ быть партіей отрицанія, что мы желаемъ представить положительное рѣшеніе соціальнаго вопроса, какъ онъ намъ представляется.

Г. Ранкъ еще сегодня привелъ слова Бланки, сказанныя въ 1869 г.: «Соціалистическая мысль еще въ періодѣ критики».

Да, она не можетъ отказаться отъ критики соціальныхъ несправедливостей, но, я думаю,—по мѣрѣ продолженія теоретической разработки соціализма, по мѣрѣ увеличенія числа представителей отъ рабочаго класса въ парламентѣ и внѣ парламента, его дальнѣйшей экономической организаціи,—соціализмъ долженъ явиться органической силой.

Вотъ почему я пытался и пытаюсь уже теперь набросать цѣлостное рѣшеніе вопроса. Чтобы выполнить эту задачу съ нѣкоторой пользой и достоинствомъ, я нуждаюсь во вниманіи палаты и прошу не прерывать меня вопросами, опережающими мою мысль, потому что изложеніе должно быть связнымъ и свободнымъ. (Браво! Браво!—Говорите! Говорите!)

Если, господа, я заявилъ, что невозможно съ увѣренностью сказать, какъ, при соціальномъ преобразованіи, въ моментъ соціальнаго переворота, совершится общее отчужденіе капиталистической собственности—съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія,—то это отнюдь не является слѣдствіемъ неясности моихъ воззрѣній или колебаній; это зависитъ отъ того, что въ этихъ вопросахъ программы, наиболѣе ясныя, мнѣнія, наиболѣе рѣшительныя, подчинены силѣ обстоятельствъ. (Браво! Браво! на крайней лѣвой.)

Великая французская революція дала этому наглядное доказательство: декретировавъ отчужденіе съ вознагражденіемъ,—выкупъ феодальныхъ правъ, она, доведенная борьбой до отчаянія, приступила къ экспропріаціи безъ вознагражденія.

Въ эту самую минуту, господа, на другомъ концѣ Европы переживается аналогичный кризисъ. Первое національное собраніе русскаго народа изучаетъ способъ путемъ широкаго отчужденія надѣлить крестьянъ землею. Наиболѣе вліятельныя партіи проектируютъ выкупъ крупныхъ частныхъ имѣній. Но, господа, не въ ихъ власти построить будущее по этой формулѣ: оно воплотится, если свобода вступитъ на путь эволюціи; если же слѣпое сопротивленіе правительства породитъ восстанія и аграрныя волненія, весьма вѣроятно, что отчужденіе совершится иначе. (Движеніе.)

Вотъ единственная оговорка, которую я дѣлаю. Я лично не обладаю тщеславіемъ, чтобы взять на себя право диктовать условія рабочему люду. Я знаю и торжественно заявляю, что труду принадлежитъ суверенное право, и какія бы формы трудящійся людъ ни сообщилъ новому обществу, я всѣмъ сердцемъ и всѣми помыслами буду содѣйствовать необходимому переустройству. (Оживленные аплодисменты на крайней лѣвой.)

Но я имѣю право передъ парламентомъ, передъ пролетаріатомъ изложить гипотезу переустройства, основаннаго на закономѣрной мирной эволюціи; потому что я страстно жажду, чтобы эта гипотеза воплотилась въ жизнь; я,—мои друзья и я будемъ работать... (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Съ крайней лѣвой: Всѣ!

Жоресъ... изо всѣхъ силъ въ союзѣ съ демократически-реформаторской политикой, которая усилитъ законную власть, и правомѣрными способами,

которыми располагаетъ въ своей дѣятельности рабочій классъ. (Аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

Съ этою мыслью, съ этой надеждой я ссылаюсь на авторитетъ,—свободно признанный разумомъ,—всѣхъ великихъ теоретиковъ соціализма, которые, въ различныхъ формахъ, даже въ интересахъ соціальнаго переворота, рекомендовали отчужденіе съ вознагражденіемъ. Энгельсъ приводитъ мнѣніе Маркса: «Если намъ удастся устроить дѣло путемъ выкупа, революція обойдется дешевле». Онъ хотѣлъ сказать, что при примѣненіи этого метода не будетъ ни на одну минуту остановлена производительная работа въ странѣ. Каутскій, комментируя Эрфуртскую программу, разъясняетъ мысль Маркса: «Отчужденіе отнюдь не обозначаетъ грабежъ». Въ томъ же смыслѣ высказался нашъ другъ Вандервельде. Я прошу у палаты позволенія привести прекрасную, сильную страницу, посвященную международному соціализму Либкнехтомъ:

Соціалистическая демократія составляетъ часть всего народа, за исключеніемъ двухсотъ тысячъ крупныхъ собственниковъ, дворянчиковъ, буржуазіи и духовенства. Къ этому-то народу демократія и должна обращаться и, при случаѣ, путемъ законопроектовъ, путемъ практическихъ предложеній доказывать ему, что благо народа—ея единственная цѣль, а воля народа—ея единственный законъ.

Никогда не насилуя никого, стойко и неуклонно преслѣдуя свою цѣль, она должна идти законодательнымъ путемъ. Тѣ, кто нынѣ пользуются преимуществами и исключительными правами, должны знать, что мы не измышляемъ насильственныхъ внезапныхъ мѣропріятій противъ положеній, санкціонированныхъ закономъ, что мы рѣшили—въ интересахъ спокойной и мирной эволюціи,—осуществить переходъ отъ законной несправедливости къ законной справедливости со всевозможною осторожностью по отношенію къ привилегированнымъ и монополистамъ. Мы признаемъ несправедливостью привлекать къ личной отвѣтственности за дурное законодательство отдѣльныхъ людей, создавшихъ на немъ свое привилегированное положеніе. Мы спѣшимъ завѣрить, что считаемъ государство обязаннымъ возмѣстить, поскольку это согласуется съ интересами цѣлаго,—убытки лицъ, которыя пострадаютъ при отмѣнѣ закона, вреднаго для общества.

Наша идея обязанностей государства въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ болѣе возвышенна, чѣмъ идея нашихъ противниковъ, и мы не уклонимся отъ нея даже передъ лицомъ противниковъ.

Въ такомъ духѣ, господа, мы принимаемся за вопросъ и—предъ вами—задаемъ себѣ вопросъ: какъ думаете вы приступить къ соціальному преобразованію? Какъ вырвете вы орудія производства изъ рукъ привилегированнаго класса, который ихъ удерживаетъ, обращая въ средство порабощенія и эксплоатаціи безчисленнаго пролетаріата?

Какимъ образомъ, господа? Вы можете провести преобразованіе безъ насилія, безъ грабежа, безъ смуты; вы можете выполнить его законными способами, которыми располагаете въ данную минуту. Вы можете, если

захотите, теперь же покончить съ классовымъ строемъ, съ эксплоатаціей труда капиталомъ и человѣка человѣкомъ; теперь же вы можете примѣнить къ капиталистической собственности имѣющійся въ вашемъ кодексѣ законъ объ отчужденіи, въ виду общественной пользы, по справедливой предварительной оцѣнкѣ. (Аплодисменты на крайней лѣвой. Движеніе въ центрѣ, на правой и на нѣкоторыхъ скамьяхъ лѣвой.)

Общественная польза требуетъ, чтобы рудники, верфи, крупныя имѣнія не составляли долѣе исключительной собственности меньшинства. Общественный интересъ требуетъ, чтобы общество не дѣлилось на два класса: одинъ, владѣющій всѣми орудіями производства, и другой, имѣющій возможность приложить силу своихъ мускуловъ, только принимая условія перваго, платя ему дань.

Общественная польза требуетъ, чтобы трудъ не давалъ постоянно пищи конфликтамъ между капиталистами и рабочими.

Мильеранъ, нѣкогда докладывая съ этой трибуны проекты обязательнаго третейскаго суда и коллективнаго договора, указывалъ на необходимость, по возможности, положить конецъ стачкамъ, которыя онъ называлъ гражданской экономической войной. Эта гражданская экономическая война выражается на поверхности стачками, но ими она не ограничивается. Она заложена въ самыхъ глубинахъ общества (браво! браво! на крайней лѣвой), въ глубинахъ системы собственности, которая даетъ власть однимъ и обязываетъ къ подчиненію другихъ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Гражданская экономическая война, соціальная война будетъ длиться, то явная, то скрытая, то ожесточаясь, то переходя въ глухую вражду, но всегда сопровождаемая тѣми же страданіями, тѣмъ же ожесточеніемъ, тѣми же несправедливостями, пока область производства будетъ оспариваться другъ у друга двумя враждебными силами. Вы можете сглаживать конфликты, смягчать силу толчковъ, но вы не въ силахъ воспрепятствовать коренному антагонизму, проистекающему изъ самаго характера собственности. Понимаете, господа, нѣтъ средства окончательно примирить эти враждующія силы. Единственный способъ уничтожить антагонизмъ—слить капиталъ съ трудомъ, создать положеніе, при которомъ будетъ существовать единая владѣющая и управляющая сила—творческая сила труда. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Если можетъ идти рѣчь объ объектѣ общественнаго пользованія, то именно здѣсь. Если когда-либо имѣлся поводъ, оправдывающій вмѣшательство закона въ переустройство собственности, то именно здѣсь. Вотъ почему сколько бы вы ни улыбались и насмѣхались, правда—на нашей сторонѣ, когда мы говоримъ вамъ: воспользовавшись закономъ объ отчужденіи, во имя общественной пользы—на благо капиталистовъ, санкціонировавъ этимъ закономъ захватъ капиталомъ крестьянскихъ полей, желѣзныхъ дорогъ, давъ капиталу возможность подъ сѣнью этого закона — создать въ городахъ огромную недвижимость, использовавъ законъ для могущества капи-

тала,—теперь пора примѣнить его на пользу труда, громко заявляющаго свои права. (Апплодисменты на крайней лѣвой.)

Бодри д'Ассонъ. Пойдите скажите это крестьянамъ Франціи, которые вамъ даютъ хлѣбъ; они вамъ дадутъ отвѣтъ.

Господа, имѣется такая альтернатива: или вы слѣпы, или это переустройство неизбѣжно, и вы не сохраните современнаго общества, оно осуждено и можетъ быть устранено или грубымъ и слѣпымъ насиліемъ, или правильнымъ и мирнымъ воздѣйствіемъ силы закона. И когда я указываю вамъ на законъ объ отчужденіи, имѣющійся въ вашемъ кодексѣ, я пытаюсь, насколько могу, устранить возможность грабежа и насильственнаго захвата.

Вознагражденіе, которое будетъ предложено владѣльцамъ капитала, отчужденнаго въ пользу общества, опредѣлится самой природой грядущаго общества. (Движеніе.)

Я говорю, господа, что размѣръ вознагражденія современнымъ владѣльцамъ капитала опредѣлится характеромъ новаго общества.

Въ настоящее время цѣнности позволяютъ ихъ владѣльцамъ пріобрѣтать орудія производства, покупать фабрики, помѣщенія для сдачи въ наемъ, процентныя бумаги, покупать продукты труда. Въ переустроенномъ обществѣ, гдѣ капиталъ будетъ соціализованъ, гдѣ общество передастъ въ руки трудовыхъ группъ орудія производства,—вчерашніе капиталисты, получивъ выкупъ, не смогутъ уже употребить его снова на пріобрѣтеніе орудій производства, ренты: можно будетъ пріобрѣтать только *произведенія* труда. (Апплодисменты на крайней лѣвой.)

Господа, когда законъ уничтожилъ рабство и вознаградилъ рабовладѣльцевъ, послѣдніе ужъ не могли снова покупать рабовъ. Вотъ такъ будетъ и въ соціалистическомъ обществѣ: получившіе выкупъ уже не смогутъ вновь пріобрѣтать орудія производства и рабочую силу; покупать можно будетъ только продукты труда. (Апплодисменты на крайней лѣвой. Движенія въ центрѣ и на правой.) Вы удивлены, господа?

Ж. Дансетъ. Мы не удивляемся. Мы внимательно слушаемъ васъ.

Жоресъ. Вы удивляетесь, волнуетесь, словно скандализованные тѣмъ, что человѣкъ не можетъ купить человѣка. (Апплодисменты съ крайней лѣвой. Замѣчанія въ центрѣ.)

Итакъ, господа, я отвѣчу на возраженіе: «Если, экспропріировавъ капитализмъ, вы не вознаградите потерпѣвшихъ,—это будетъ грабежъ; если вы вознаградите — вы тѣмъ самымъ возродите капиталъ». Я отвѣчу, что между цѣнностями общества соціалистическаго и цѣнностями общества капиталистическаго имѣется существенная разница, заключающаяся въ томъ, что первыя являются выраженіемъ власти и эксплуатаціи и безконечно воспроизводятся за счетъ человѣческаго труда, изъ процентовъ, прибыли и дивиденда; тогда какъ втораго рода цѣнности будутъ служить только для потребленія и истощаться по мѣрѣ расходованія, освобождая отъ

послѣдняго гнета освобожденный организованный трудъ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Такимъ путемъ, господа, общество перестроится, трудъ освободится, при чемъ насиліе не коснется даже привычекъ привилегированныхъ классовъ; въ ихъ распоряженіи будетъ запасъ времени, тогда какъ наши предшественники, дѣятели буржуазной революціи не всегда предоставляли духовенству и знати возможность свыкнуться съ новымъ порядкомъ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Крупнымъ собственникамъ будетъ данъ срокъ, чтобы они могли привыкнуть къ новому строю и имѣли бы время приспособить свое потомство къ жизни въ новомъ обществѣ, основанномъ на равномъ для всѣхъ трудѣ.

Что же сдѣлаетъ соціалистическое общество съ цѣнностями, которыя поступятъ въ его распоряженіе по отчужденіи всего, что въ настоящее время составляетъ прибыль на капиталъ и ежегодно даетъ 7—8 миллиардовъ? Община тремя крупными реформами непосредственно улучшитъ положеніе человѣчества; прежде всего часть своихъ средствъ она употребитъ на производство настоящихъ общественныхъ работъ, на увеличеніе числа здоровыхъ просторныхъ жилищъ, чтобы вырвать массу народа изъ темныхъ зловонныхъ помѣщеній, гдѣ онъ прозябаетъ по волѣ тиранизирующаго его капитала (аплодисменты на крайней лѣвой), она доставитъ мелкимъ собственникамъ-крестьянамъ, свободно соединившимся, средства улучшать культуру почвы.

Далѣе, широко располагая средствами, община застрахуетъ отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ, отъ старости, отъ неспособности къ труду не только тѣхъ, кто теперь составляетъ рабочую армію, но и тѣхъ, кто принадлежа къ среднему классу, цѣною безконечныхъ лишеній и страданій покупаетъ свое крохотное благосостояніе. (Браво! Браво! съ крайней лѣвой.)

Наконецъ, вознагражденіе труда можетъ быть сразу повышено, согласно правиламъ, установленія коихъ рабочіе добиваются теперь, передъ лицомъ капитала.

Чего, обычно, они требуютъ? Они требуютъ, чтобы въ рудникахъ, на стеклянныхъ заводахъ, на ткацкихъ фабрикахъ, во всей промышленности общая сумма заработной платы, неравномѣрно распредѣляемой между различными категоріями рабочихъ, была пропорціонально повышена, и прежде всего, и больше всего для низшихъ, наиболѣе экономически-слабыхъ категорій.

Итакъ, господа, соціалистическая община на слѣдующій же день послѣ экспропріаціи капитала повыситъ общій уровень рабочей и крестьянской заработной платы,—я употребляю этотъ терминъ для краткости.

Руководящимъ принципомъ будетъ не пониженіе болѣе высокой расцѣнки до средняго уровня: ни одинъ работникъ не долженъ потерять; въ моментъ великаго освобожденія труда за руководство приняты будутъ требованія, которыя рабочіе теперь выставляютъ во время забастовокъ: повышеніе заработной платы, начиная съ самой низкой, причемъ постепен-

ная нивеллировка заработныхъ платъ происходила бы въ направленіи кверху, а не книзу. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Справа. Кто будетъ уплачивать заработную плату?

Жоресъ. Какъ будетъ дѣйствовать, какъ будетъ управляться обширный механизмъ соціализованной собственности и соціализованнаго производства?

Если бы не существовало ничего, кромѣ аппарата современнаго государства—по-моему его слишкомъ часто хулятъ,—пожалуй, вы могли бы думать, что оно берется за непосильную задачу.

Каковы бы ни были формы современнаго государства, хотя оно часто и состоитъ на службѣ привилегированныхъ классовъ, я не принадлежу ни къ тѣмъ, кто тенденціозно порицаетъ его, ни къ тѣмъ, кто нападаетъ на него изъ страха передъ замѣной всевластія частныхъ эгоизмовъ коллективнымъ дѣйствіемъ.

Администрація обширной соціалистической общины, основанной на экспропріаціи капитала, конечно не будетъ носить современнаго бюрократическаго характера; это будетъ демократическое государство, непосредственно управляющееся всѣмъ народомъ путемъ тѣхъ профессіональныхъ союзовъ, которые уже въ наше время образуются во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго труда.

Двойной законъ, двойная тенденція уже обнаруживается: съ одной стороны—стремленіе къ единству, къ централизаціи; всѣ формы труда стремятся къ координаціи: верховный совѣтъ промышленности и торговли, совѣщательныя камеры земледѣлія и торговли, вы сами, милостивые государи, представляющіе соединенный парламентъ, ежедневно, разсматривая законы о налогахъ, законы о городскихъ пошлинахъ на съѣстные припасы, законы о таможенныхъ пошлинахъ, ежедневно принимаете участіе въ экономической жизни. Одновременно съ этимъ стремленіемъ къ централизаціи намѣчается счастливое для равновѣсія стремленіе къ созданію самостоятельныхъ группъ: вы сами въ извѣстной мѣрѣ содѣйствовали росту общинъ, далѣе идутъ профессіональные союзы, рабочіе синдикаты, синдикаты предпринимателей.

Когда трудъ наконецъ овладѣетъ собственностью, не нужно будетъ создавать новыхъ силъ, потребуется лишь примѣнить, согласовать дѣятельность двухъ силъ, двухъ стремленій, дѣйствующихъ уже въ человѣческихъ обществахъ. Трудъ создастъ общіе органы администраціи, которые объединятъ профессіональныя усилія, предоставивъ въ то же время каждой отрасли труда широкую независимость и самодѣятельность, при чемъ дѣятельность и иниціатива каждаго будетъ регулироваться суверереннымъ трудомъ.

Какъ бы вы ни смотрѣли на свойства соціалистической общины, изобразить которую въ общихъ чертахъ я только что пытался, вы не можете отрицать, что стоите лицомъ къ лицу съ ученіемъ, которое вы можете считать черезчуръ смѣлымъ, утопичнымъ, неосновательнымъ...

Де-Бодри д'Ассонъ. О, да!

Жоресъ. Разумѣется. Считайте его утопичнымъ, безпочвеннымъ; много дру-

гихъ доктринъ считались безпочвенными, объявлялись утопичными наканунѣ ихъ историческаго выступленія.

Во всякомъ случаѣ мы ставимъ васъ передъ лицомъ точнаго, доступнаго обсужденію рѣшенія, которое вы можете принять или отвергнуть. Что бы вы ни думали о нашемъ ученіи, что бы вы ни думали о системѣ, утверждающей, что для рабочаго не будетъ свободы, пока частный капиталъ не отойдетъ къ обществу, я повторяю—вы имѣете дѣло съ точной доктриной.

Когда мы обращаемся къ рабочимъ, къ пролетаріямъ, когда мы напоминаемъ имъ объ ихъ страданіяхъ, мы не ограничиваемся простымъ указаніемъ на эти раны, съ рискомъ навлечь на себя вражду могущественной категоріи привилегированныхъ, которые налагаютъ руку даже на мысль части пролетаріата, мы говоримъ имъ: вотъ причина вашихъ страданій, вотъ корень ихъ! Мы не стремимся бередить эти раны, а стараемся ихъ залѣчить, доказательствомъ чему, господа, служитъ моя сегодняшняя попытка, несмотря на то, что я знакомъ съ ироніей и враждебностью, которыя встрѣчаютъ проекты новаго общества.

Мы не останавливаемся передъ попытками и за стѣнами парламента, и повторяемъ ихъ въ теченіе долгихъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ соціалистическая партія. Именно потому что мы это дѣлаемъ, потому что мы беремъ на себя отвѣтственность, мы имѣемъ право обратиться не къ консерваторамъ и реакціонерамъ, а къ партіямъ, заявляющимъ о своемъ демократизмѣ и о своей прогрессивности, имѣемъ право спросить ихъ: А каково ваше ученіе? Что вы хотите сдѣлать? (Горячіе аплодисменты на крайней лѣвой.)

Да, что можете вы сдѣлать для освобожденія и организаціи труда? Господа, занимающіе лѣвую сторону этой залы, радикалы и республиканцы, умоляю васъ вѣрить, что я обращаюсь къ вамъ не въ цѣляхъ провокаціи или обмана, а какъ республиканецъ къ республиканцамъ: мы вмѣстѣ совершили великія дѣла, спасли республику отъ цезаризма, освободили общество изъ-подъ обломковъ теократіи... (Аплодисменты на крайней лѣвой. Замѣчанія въ центрѣ и на правой.)

Теперь, когда великое дѣло завершено, теперь насталъ часъ для всѣхъ насъ или отдать всѣ силы или, по крайней мѣрѣ, сосредоточить наши главныя усилія на вопросѣ соціальной реформы.

Соціалисты изложили свою доктрину и свой методъ; скажите и вы, какъ вы понимаете соціальную эволюцію. А, вы уже отвѣтили на этотъ вопросъ, но только ваши слова нуждаются въ разъясненіи. Я уже приводилъ цитаты и опять сошлюсь на воззваніе, напечатанное во всѣхъ радикальныхъ и радикально-соціалистическихъ газетахъ, въ *Le Radical, la Justice, le Rappel*. (Восклицанія на разныхъ скамьяхъ.)

Господа, вы ошибаетесь относительно даты; я говорю о 1885 годѣ. (Аплодисменты и смѣхъ.)

Въ 1885 году соціалистическая партія состояла изъ горсти агита-

ровъ да нѣсколькихъ борцовъ, вернувшихся изъ изгнанія, и могла оказывать лишь минимальное вліяніе на выборы даже въ крупныхъ центрахъ. Въ этотъ моментъ радикалы, желая вырвать власть изъ рукъ оппортунистовъ, призывали къ себѣ рабочій классъ, и всѣ крупные органы радикализма, *Rappel, Radical, Justice*—редакторомъ ея былъ, какъ вы всѣ знаете, г. Клемансо...

Эйнаръ. А гдѣ были вы въ то время, г. Жоресъ?

Ж. Донсетъ. Вы были въ центрѣ.

Жоресъ. Тамъ, гдѣ вы теперь, г. Эйнаръ. И вы достаточно молоды, чтобы пройти путь, пройденный мною. (Смѣхъ.)

...обратились къ гражданамъ Парижа съ манифестомъ, изъ котораго я дословно привожу двѣ фразы: «Нашъ духъ—духъ революціи. Его единственная цѣль—полная соціальная справедливость.

«Кто теперь не соціалистъ, тотъ не республиканецъ. Необходимо каждому рабочему открыть кредитъ, чтобы онъ могъ избавиться отъ наемнаго труда».

Съ тѣхъ поръ, господа, соціалисты и соціалисты-радикалы время отъ времени путемъ своихъ декларацій возобновляли осужденіе режима наемнаго труда; всѣ отмѣчали противорѣчіе между экономическимъ режимомъ, обращающимъ наемника въ раба, въ существо зависимое, и режимомъ республиканскимъ, который видитъ въ гражданинѣ свободнаго человѣка, участника верховной власти, всѣ они говорили рабочимъ, производителямъ, промышленному пролетаріату и крестьянамъ: режимъ наемнаго труда можетъ быть лишь переходнымъ. Не они одни говорили это. «Debats» скомпрометировали себя, когда самъ г. Зигфридъ объявилъ режимъ наемнаго труда переходной формой.

Господа! республика обязываетъ васъ къ честному отвѣту. Если вы не знаете, какъ вывести рабочій классъ изъ рабства, если вы не увѣрены въ способахъ, какимъ онъ долженъ освободиться, если мысленно вы не рисуете себѣ типъ новаго общества,—вы поступаете крайне неосторожно, совершаете крупную ошибку, дискредитируя въ глазахъ рабочаго класса режимъ, уничтожить который вы не въ силахъ.

Вы этимъ путемъ можете лишь раздражить бѣдноту, возбудить несбыточныя надежды.

Мы въ правѣ спросить васъ: какъ понимаете вы упраздненіе существующаго рабства? Какое общество желаете вы учредить? Какъ думаете вы подготовить его? Какъ представляете вы себѣ всеобщій кредитъ, который—съ 1885 г.—долженъ освободить пролетаріатъ отъ власти капитала? Какъ собираетесь вы его подготовить и организовать?

Въ 1885 г. на слѣдующій день послѣ октябрьскихъ выборовъ вы имѣли право забыть эти слова. Радикальная партія насчитывала 150—160 представителей; а противъ васъ былъ блокъ—200 оппортюнистовъ или умѣренныхъ, которые вамъ мѣшали,—была сильная монархическая оппозиція, диктовавшая законы республиканцамъ, пользуясь ихъ разрознен-

ностью. Теперь все это миновало, монархическая и клерикальная оппозиція, волею народа, сведена къ ничтожной цифрѣ. (Аплодисменты на крайней лѣвой и на лѣвой.)

Въ 1885 г. радикалы и радикалы-соціалисты, составлявшіе меньшинство, тѣснимое центромъ и правой, не могли выполнить своихъ соціальныхъ обязательствъ. Теперь совмѣстными усиліями республиканцевъ правая, монархическая, націоналистская или клерикальная,—сокращена почти на степень quantité négligeable, а лѣвая, если подсчитать всѣхъ, заявившихъ себя радикалами и радикалами-соціалистами,—составляетъ большинство.

И вы, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, вы въ 1885 г. подписали этотъ великій обѣтъ соціальнаго освобожденія пролетаріата изъ-подъ ига капитала; ваши друзья, ученики и собратья по оружію, среди которыхъ многіе являются и моими личными друзьями (я горжусь этимъ!), возобновили этотъ обѣтъ. Теперь вы не только олицетворяете часть власти, но въ качествѣ главы радикальной партіи, которую вы въ теченіе тридцати лѣтъ одни водили въ бой, имѣете за собою большинство, тоже подписавшее обязательство соціальныхъ реформъ.

Вы стоите у власти не по внѣшности только, а какъ представитель радикальнаго большинства; вы олицетворяете всю полноту власти, а слѣдовательно и несете всю ея отвѣтственность.

И я спрашиваю: что предпримете вы, чтобы освободить пролетаріатъ изъ-подъ власти капитала, чтобы, освободивъ гражданъ, освободить производителей; чтобы подготовить и осуществить экономическую и соціальную республику послѣ того, какъ мы вмѣстѣ—и вы гораздо раньше меня—осуществили республику политическую.

Не говорите, что умъ человѣческій неточенъ, склоненъ къ исканіямъ, борется съ трудностями. Въ Ліонѣ вы прекрасно сказали: «Я, какъ и всѣ вы, человѣкъ слабый, способный ошибаться, и блуждаю въ потьмахъ». Да, и мы всѣ способны погрѣшать, но бываютъ въ исторіи моменты, когда приходится принимать рѣшенія. Сто пятнадцать лѣтъ прошло съ момента, когда разразилась великая революція, потомкомъ коей, и по плоти, и по духу, вы являетесь. Конечно, всѣ эти люди—и Мирабо, и Верньо, и Робеспьеръ, и Кондорсэ—были подвержены сомнѣніямъ, ошибались, они системѣ противопоставляли систему, одной концепціи—другую, и съ рискомъ столкновеній, принимали рѣшенія, умѣли смѣть. Они знали, что старый міръ отжилъ, разложился, что необходимо смести его обломки и воздвигнуть новое общество и, не боясь риска, несли планы, идеи, системы. Вотъ именно этотъ великій духъ, эта смѣлость продуманныхъ заявленій разрушили старый міръ и создала новый.

Черезъ сто двадцать лѣтъ борьбы, черезъ сто двадцать лѣтъ усилій соціалистической мысли и рабочей демократіи пробилъ часъ, когда это общество должно раскрыть свою тайну и осуществить мечты о справедливости; насталъ часъ высказаться. Не боясь риска, мы высказываемся, высказывайтесь же и вы, стоящіе у власти.

Ваша декларація, гг. министры, не является отвѣтомъ: она черезчуръ недѣйствительна. Вчера кто-то замѣтилъ, что она вымощена добрыми намѣреніями; точнѣе было бы сказать, что она посыпана добрыми намѣреніями (улыбки), потому что она представляетъ нагроможденіе безсвязныхъ и мелкихъ вопросовъ.

Что говорите вы по поводу бюджета? Вы увѣщаете насъ быть осторожными, увѣщаете насъ быть искренними, точными. Мы откликаемся на вашъ призывъ; а пока, какъ намъ кажется, вы желаете увеличить военные расходы. (Браво, браво! на крайней лѣвой. Министръ финансовъ дѣлаетъ отрицательный жестъ). Вы отрицаете, г. министръ финансовъ? Извиняюсь. Въ большихъ освѣдомленныхъ газетахъ мнѣ зачастую приходилось читать о значительномъ дефицитѣ, причемъ онъ объяснялся увеличеніемъ расходовъ на армію, и я повѣрилъ.

Мы разсмотримъ эти вопросы. Не безпокойтесь, я не доставлю легкаго торжества нашимъ противникамъ, внеся въ общій намъ, всѣмъ существенный вопросъ экономическаго строя посторонній вопросъ, легко ведущій къ разногласіямъ.

Однако по поводу военныхъ расходовъ мы всетаки предложимъ вамъ нѣсколько вопросовъ.

Намъ говорятъ, что за время послѣднихъ обостреній во внѣшней политикѣ были произведены важные расходы безъ контроля, безъ согласія палаты. Я не спорю, не критикую.

Вы думали, что стояли передъ огромной опасностью, я не спорю, не придираюсь,—но не слѣдуетъ ли теперь сообщить, какого рода были эти расходы; не слѣдуетъ ли сообщить, не было ли сверхъ извѣстной цифры расходовъ—200 милліоновъ...

Министръ финансовъ.—195.

Жоресъ.—...нельзя ли узнать, не повлекли ли долгосрочныя сдѣлки за собою новые расходы?

Въ вопросѣ военномъ, какъ во всякомъ другомъ, даже больше, чѣмъ въ другомъ, есть двѣ различныя стороны: расходы законченные и расходы по существу лишь едва начавшіе производиться. Потому-то мы желаемъ знать не только размѣры первыхъ расходовъ, но и размѣръ вторыхъ.

Министръ финансовъ.—Конечно.

Жоресъ.—Только послѣ того мы сможемъ опредѣлить условія равновѣсія бюджета.

Тогда мы увидимъ, не допускаетъ ли, не требуетъ ли армія серьезныхъ реформъ, которыя повлекутъ за собою сбереженія, и спросимъ васъ, произвели ли вы это предварительное изслѣдованіе, прежде чѣмъ возложили на страну бремя налоговъ, которое затруднитъ примѣненіе законовъ... (Разговоры на министерской скамьѣ.)

Какъ? Господа министры еще не столковались? (Аплодисменты и смѣхъ на крайней лѣвой.)

Министръ финансовъ.—Наоборотъ, мы удивляемся, г. морской министръ и я, что мы согласны съ вами. (Браво, браво! Смѣхъ.)

Жоресъ.—Если бы это продолжилось!

Министръ финансовъ.—Это зависитъ только отъ васъ. (Новый взрывъ смѣха.)

Жоресъ.—Если мы согласны, почему, прежде чѣмъ предложить парламенту произвести вмѣстѣ съ вами серьезную ревизію расходовъ по арміи, вы предвосхитили неблагопріятный исходъ этихъ усилій, прибѣгнувъ для сохраненія равновѣсія бюджета непосредственно къ увеличенію налоговъ.

Ахъ, я радовался, читая то мѣсто деклараціи, которое звучитъ эхомъ извѣстныхъ словъ иностранныхъ правительствъ,—мѣсто, гдѣ говорится, что Франція всегда откликнется на призывъ гаагской конференціи къ сокращенію военныхъ расходовъ.

Забавнымъ парадоксомъ звучитъ рядомъ съ этимъ увеличеніе,—для начала—именно этой статьи! Равнымъ образомъ, что подразумѣваетъ правительство, говоря о законѣ о производствѣ въ офицеры? Какія гарантіи предоставитъ оно офицерамъ-республиканцамъ?

Вы, знаете такъ же хорошо, какъ и я, что положеніе ихъ было трудное. Какимъ образомъ вы ихъ обставите? Вы хорошо знаете, что между ними и министромъ очень часто стоитъ начальство, не воспитанное въ духѣ строгой преданности республикѣ. Чѣмъ поможете вы этимъ офицерамъ-республиканцамъ, находящимся во враждебной средѣ? Система фишъ упразднена, а министръ въ своемъ кабинетѣ можетъ руководствоваться только рапортами военнаго начальства, о которомъ, съ политической точки зрѣнія, я не могу ничего сказать кромѣ того, что оно не гарантируетъ намъ республиканскаго состава корпуса офицеровъ. Вамъ въ вашихъ правилахъ о чинопроизводствѣ или придется санкціонировать министерскую волю, введенную въ заблужденіе штабомъ (протестъ правой), или, господа, вамъ придется поискать точку опоры въ другомъ мѣстѣ,—придется сдѣлать попытку демократизировать военныя учрежденія,—вернуться отчасти къ принципамъ II года, которые создали несравненную армію героевъ-республиканцевъ.

Согласны ли вы на то, чтобы выборъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, ихъ производство, согласно духу республиканскихъ учрежденій и въ соотвѣтствіи съ уже имѣвшимися прецедентами назначеній нѣкоторыхъ чиновъ по представленію ихъ подчиненныхъ,—согласны ли вы, чтобы солдаты, французскій народъ подъ ружьемъ, были представлены въ полковыхъ совѣтахъ, состоящихъ подъ руководствомъ своего начальства, но участвующихъ въ производствѣ офицеровъ въ слѣдующій чинъ, судя по ихъ трудолюбію и преданности республикѣ.

По вопросу о налогахъ та же двойственность—и, боюсь, та же несостоятельность.

Я не знаю, чѣмъ можетъ быть проектъ закона о подоходномъ налогѣ, если мнѣ изложатъ его на словахъ.

Министръ финансовъ.—Для своего проекта, господинъ Жоресъ, вы просите четыре мѣсяца, а я для своего готовъ удовольствоваться четырьмя недѣлями.

Жоресъ.—Я не спрашиваю подробностей, я прошу только возможности ознакомиться съ нимъ въ общихъ чертахъ. Говорятъ, былъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ засѣданій совѣта министровъ, и полагаю, министры пришли къ соглашенію, и можно было бы сообщить намъ точный результатъ министерскихъ совѣщаній. Пока мы не можемъ сказать, дастъ ли правительство намъ общій прогрессивный подоходный налогъ, или же оно отвѣтитъ такъ же, какъ отвѣтило по этому же вопросу восемь лѣтъ назадъ. Въ эту минуту происходило своего рода состязаніе между радикаломъ Леономъ Буржуа, президентомъ совѣта, и знатоками-финансистами, среди которыхъ называли имена Пуэнкарэ, Кошери.

Необходимо знать, кто вышелъ побѣдителемъ изъ этой дуэли, не потерпѣлъ ли пораженія подоходный прогрессивный налогъ.

Я очень этого опасаюсь. Если бы побѣда осталась за проектомъ, навѣрное поторопились бы объявить о томъ республиканскому большинству, которое, какъ извѣстно, желаетъ его провести. Пелены, которыми торопятся укутать новорожденнаго, заставляютъ опасаться, что новорожденное дитя не вполнѣ отвѣчаетъ ожиданіямъ семьи.

Кромѣ того въ вашей декларацiи меня безпокоитъ еще и другой пунктъ.

Земледѣльческая демократія жаждетъ дѣйствительнаго облегченія бремени своихъ налоговъ.

Не будемъ закрывать глаза на трудности и опасности. Правда, мы избавились отъ пропаганды фанатизма и насилія, но не воображайте, что вы можете, не опасаясь, оставлять страшное оружіе во вражескихъ рукахъ. Да, если отдѣленіе церкви отъ государства не выразится въ значительномъ пониженіи поземельнаго налога, удручающаго милліоны земледѣльцевъ,—борьба возобновится.

Г. министръ финансовъ киваетъ мнѣ въ знакъ согласія; я очень радъ, но французскіе крестьяне, какимъ бы сильнымъ зрѣніемъ они ни обладали, не могутъ увидѣть движенія головы уважаемаго г. Пуэнкарэ, для нихъ точная декларація имѣла бы больше значенія.

А, вы такъ прекрасно знаете всѣ тонкости французскаго языка,—я даже думаю, что Академія въ вашей средѣ могла бы выбирать своихъ членовъ,—вы владѣете имъ съ такою точностью, а дойдя до главы о поземельномъ налогѣ, употребляете выраженіе «пересмотръ» закона о поземельномъ налогѣ. Ахъ, господинъ министръ, если вы подразумѣваете сокращеніе, пониженіе,—не прибѣгайте къ языку академическому, пользуйтесь французскимъ.

Равнымъ образомъ я припоминаю, что во всѣхъ радикальныхъ и радикально-соціалистическихъ программахъ всегда на-ряду съ выкупомъ же-

лѣзныхъ дорогъ говорится о національзаціи рудниковъ и копей. Не стану вновь цитировать обѣщанія и программы, но я утверждаю, что этотъ вопросъ всегда входилъ въ число требованій радикальной и радикально-соціалистической партіи. Именно этимъ путемъ вы желали приступить къ нѣкоторому ограниченію капитала, его правъ, его могущества.

Что же даете вы намъ по этимъ вопросамъ? О желѣзныхъ дорогахъ— полное молчаніе.

Въ этой палатѣ, которая на четыре пятыхъ представляетъ продолженіе предыдущей, гдѣ въ памяти у всѣхъ живы дебаты по вопросу о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ,—нашли средство осуществить чудо полнаго молчанія.

А рудники и копи? Г. министръ общественныхъ работъ, вы подаете прекрасный примѣръ фабрикантамъ, пріобщая горнорабочихъ, въ будущихъ концессіяхъ, къ прибыли. Но въ виду того, что почти вся рудоносная площадь, я говорю «почти», сдана, вы ничѣмъ не обязываетесь.

Вы думаете о будущихъ концессіяхъ на рудники, которые почти всѣ сданы, а между тѣмъ существуетъ цѣлая новая область, которой суждено создать новую эру,—область, въ которой таится творческая энергія ближайшаго будущаго, его богатство и сила,—это водяная сила.

Мечтая пріобщить грядущія поколѣнія рабочихъ къ будущимъ концессіямъ на рудники, вы оставляете на произволъ судьбы гидравлическія силы, которыя меньше чѣмъ черезъ поколѣніе составятъ солидную статью дохода.

Здѣсь странное противорѣчіе. Объ этомъ въ вашей деклараціи ни слова.

То же и по другимъ вопросамъ, всюду одно и то же: всюду, гдѣ чувствуется проблема, вы останавливаетесь посрединѣ пути. У васъ два способа объясниться: вы или молча подразумѣваете проблемы, или молча же подразумѣваете рѣшенія.

Вы и ваши друзья всюду приводите одно оправданіе: нужно дѣйствовать съ осторожностью; не слѣдуетъ задѣвать слишкомъ чувствительные интересы; малѣйшій намекъ на возможность выкупа желѣзныхъ дорогъ,— акціи падаютъ, биржа въ смятеніи, рента колеблется, какъ только чувствуется возможность, что придетъ очередь и ренты; ссылаясь на это смятеніе, вы и укрываетесь за полусловами.

Вотъ этими-то полусловами вы и создаете у враждебнаго лагеря впечатлѣніе, что вы его боитесь, этимъ вы облегчаете ему кампанію. Въ тотъ день, когда всѣ эти люди поймутъ, что республиканская демократія Франціи желаетъ, непреклонно желаетъ (и преданное правительство поддерживаетъ ее),—введенія общаго прогрессивнаго налога, выкупа желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ, когда поймутъ, что никакіе маневры биржи, никакіе маневры спекуляціи не способны заставить правительство отступить,—спокойствіе вернется, и вы избѣгнете волненій и паники, которыя проистекаютъ отъ вашей нерѣшительности.

Вотъ что я желалъ сказать, вотъ почему я говорю, что вы совершаете крупную ошибку и что ваша политика—крупное несчастье.

Мы только что вышли изъ борьбы, въ которой васъ поразили республиканцы. Чѣмъ же республиканская партія васъ могла поразить? Своей робостью? Своею слабостью?

Смѣлостью, мужествомъ, республиканской вѣрой, соціальными требованіями она превзошла самыя смѣлыя надежды. И на слѣдующій же день послѣ этого боя, послѣ того, какъ республиканская партія, въ полномъ составѣ, не взирая на робость и сомнѣнія многихъ вождей,—произнесла: довѣріе,. бодрость, мужественное проведеніе реформъ,—вы преподносите ей туманныя фразы, неполныя рѣшенія, политику колебаній... Вы оказались ниже всеобщаго избирательнаго права. (Горячіе, многократно возобновляющіеся аплодисменты на крайней лѣвой.)

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Журнальное обозрѣніе.

Насколько разнообразны и часто взаимно противорѣчивы тѣ выводы, которые дѣлаютъ изъ оцѣнки современнаго положенія страны представители различныхъ политическихъ партій и теченій, настолько самая характеристика этого положенія не вызываетъ существенныхъ разногласій. Въ офиціальныхъ сферахъ все затихло на одномъ мѣстѣ: «Ни шагу впередъ отъ акта 3 іюня, какъ будто то, что было до него, было только сномъ, о которомъ вспоминать разрѣшается въ мѣстахъ отдаленныхъ и не столь отдаленныхъ, какъ будто то, что будетъ послѣ него, и есть настоящая конституція—таковы дѣйствія и намѣренія такъ называемыхъ правящихъ сферъ,—замѣчаетъ г. Клейнбортъ въ статьѣ «Отклики русской жизни»,— помѣщенной въ послѣдней книгѣ *Образованія*. Что же касается тѣхъ сферъ, которыя дѣлаютъ свою работу за кулисами не менѣе плодотворно, чѣмъ открыто, то здѣсь вы слышите ежеминутно одинъ кличъ: назадъ, во что бы то ни стало назадъ, хотя бы для этого пришлось похоронить всѣхъ живыхъ и вызвать на ихъ мѣсто давно погребенныхъ покойниковъ.

Одни вооружаются противъ законоучредительныхъ функцій Думы, другіе— требуютъ не только полнаго возстановленія стараго режима во всей его неприкосновенности, но и принятія цѣлаго ряда экстренныхъ мѣръ. *Московскія Вѣдомости* давно уже настаиваютъ на введеніи такихъ военно-полевыхъ судовъ, которые имѣли бы право наказывать не только смертной казнью, но и розгами, и конфискаціей имущества; розги предназначаются для уличныхъ буяновъ, студентовъ, семинаристовъ, реалистовъ и проч., а конфискація—«для евреевъ, субсидирующихъ революцію, дворянчиковъ-кадетъ, поощряющихъ разнузданность третьяго элемента въ земствѣ, сознательныхъ мужичковъ, причисляющихъ себя къ эс-декамъ и эс-эрамъ, полуобразованныхъ горожанъ, нахватавшихся верховъ цивилизаціи» и пр.,—однимъ словомъ, для всѣхъ, кромѣ самихъ исполнителей. И отъ времени до времени мы съ ужасомъ читаемъ въ газетахъ описаніе событій, которыя въ своемъ голомъ, неприкрашенномъ видѣ зачастую превосходятъ всѣ мрачныя фантасмагоріи нашихъ мракобѣсцевъ.

На-ряду съ этимъ, какъ справедливо констатируетъ далѣе г. Клейн-

борть, настроеніе массъ—неясное, мутное и оборванное. Точно всѣ нити перепутались, потонули въ старой паутинѣ, и кажется, что люди готовы на что угодно, хотя бы вернуться къ тому, что было, лишь бы остановиться, перевести на минуту дыханіе. Правые ликуютъ. *Русская Земля и Московскія Вѣдомости* подсказываютъ правительству выводъ, что русскій народъ глубоко равнодушенъ къ конституціи, и приглашаютъ отказаться отъ ея осуществленія.

«Трудно себѣ представить,—пишетъ кн. Е. Трубецкой (*Московскій Еженедѣльникъ*, № 37 «Апатія и реакція»),—болѣе яркое освѣщеніе правой опасности; всего полтора года тому назадъ въ эпоху всеобщаго увлеченія политикой она казалась ничтожною и внѣшнею; теперь, когда увлеченіе смѣняется равнодушіемъ, она стала грозною».

Кн. Е. Трубецкой полагаетъ, что правые сильны не собственными силами, а нашими слабостями, недостатками нашего національнаго характера. Между безпредѣльнымъ воодушевленіемъ и безграничной апатіей мы не знаемъ середины. Отъ ибсеновскаго максимализма мы совершаемъ прямой и непосредственный переходъ къ чеховскому «слякотному» настроенію.

Русская революція,—пишетъ авторъ статьи,—назрѣвала среди чеховской обыденщины: лучшія силы были обречены на бездѣйствіе: таившіеся среди насъ таланты не находили себѣ примѣненія и пропадали даромъ. Сознаніе безцѣльности, пустоты и неправды обывательскаго существованія породило море недовольства, ту безконечную скуку, которая такъ легко переходитъ въ стихійное озлобленіе. То было озлобленіе узника въ темницѣ.

И когда ослабѣли руки тюремнаго сторожа—революція явилась стосковавшемуся по идеалу обществу, какъ откровеніе высшей правды. Всѣ ушли въ горы вслѣдъ за Брандомъ, всѣ пережили иллюзію достигнутой цѣли жизни; всѣ повѣрили въ близкую осуществимость земного рая. Но миражъ разсѣялся, и мы увидѣли передъ собою неприступныя скалы и ледяныя глыбы. Теперь растративъ наши душевныя силы, безъ энтузіазма, мы возвращаемся снова въ нашу житейскую низменность. Опять распахиваются двери нашей темницы. И утомленные борьбою мы готовы повторить вслѣдъ за докторомъ Астровымъ:

«Тишина, перья скрипятъ, сверчокъ кричитъ. Тепло, уютно... Не хочется уѣзжать отсюда». Опять тоска, которую остается залить рюмкой водки. А перья выводятъ безконечный списокъ нашихъ старыхъ, неуплаченныхъ долговъ. Гдѣ прошлогодніе порывы и мечты? «Уѣхали»,—говоритъ одинъ голосъ; «уѣхали»—вторитъ другой и повторяетъ третій. Вотъ тайна несостоявшихся съѣздовъ. Всѣ чувства истрепались и измочалились. Избиратель занятъ своими частными дѣлами и готовъ забыть, что творится на улицѣ и на площади, лишь бы дома было уютно и тепло. Напрасная иллюзія! Не будетъ тепло и дома, пока на улицѣ холодно».

Иначе объясняетъ причины общественной и политической реакціи или вѣрнѣе — на иную плоскость передвигаетъ разрѣшеніе этого вопроса

г. Іорданскій въ сентябрьской книгѣ *Современнаго Міра*. Цѣлые слои населенія,—пишетъ онъ въ своихъ «Вопросахъ текущей жизни»,—вышли изъ рядовъ дѣйствующей арміи въ силу соціально-экономическихъ условій своего бытія, и правительство въ значительной степени сумѣло учесть противорѣчіе интересовъ и использовать ихъ для укрѣпленія своей позиціи.

«Буржуа, охваченный горячкой наживы и увлеченный музыкою золота, вспоминаетъ о своемъ участіи въ октябрьской забастовкѣ, какъ о тяжеломъ снѣ. Онъ стремится уже не къ свободѣ, а къ порядку, который далъ бы ему спокойное пользованіе барышами. Къ порядку и сильной власти стремится и тотъ слой крестьянства, который раскупаетъ дворянскія земли и накопляетъ капиталъ, учитывая обѣднѣніе народныхъ массъ. Быть можетъ, къ тому же порядку стремится и часть городской бѣдноты, раздраженной общимъ вздорожаніемъ жизни, и въ особенности небывалымъ повышеніемъ цѣнъ на продукты первой необходимости, являющимся будто бы слѣдствіемъ «ненавистныхъ забастовокъ».

«Измѣненіе избирательной системы, безпощадное преслѣдованіе народныхъ партій, борьба противъ деревенскаго пролетаріата,—всѣ эти черты современной правительственной политики,—дѣлаются понятными только тогда, когда мы найдемъ реальныя общественныя силы, скрывающіяся за блестящими мундирами правящей бюрократіи. Государственная мощь, о которой такъ часто вспоминаютъ теперь русскіе министры, покоится далеко не на однихъ штыкахъ и пулеметахъ; она питается анти-демократическими теченіями въ различныхъ слояхъ крупной и мелкой буржуазіи».

Мы не будемъ входить здѣсь въ оцѣнку правильности тѣхъ или иныхъ взглядовъ на причины переживаемой нами общественной апатіи и политической реакціи. Достаточно отмѣтить то обстоятельство, что представители различныхъ политическихъ теченій сходятся въ признаніи грозной опасности, которая надвигается на страну. Насъ интересуетъ болѣе, почему изъ одинаковой характеристики положенія дѣлаются столь различные выводы, почему вмѣсто борьбы съ общимъ врагомъ представители различныхъ оппозиціонныхъ группъ предпочитаютъ внутреннюю борьбу между этими группами,—и для разрѣшенія этого вопроса мы обратимся къ цитированной нами уже выше статьѣ г. Іорданскаго.

Вся первая часть статьи посвящена описанію признаковъ промышленнаго подъема и его послѣдствій. «Промышленное оживленіе даетъ прочную опору дальнѣйшему развитію капитализма, и пронесшаяся революціонная буря расчистила ему дорогу отъ многихъ пережитковъ сословно-крѣпостного режима». «Буржуазія, поднимаемая волнами промышленнаго подъема, опьяненная запахомъ власти и золота, чувствуетъ себя достаточно смѣлой, чтобы быть принципіальной». «Г. Струве съ обычною чуткостью и на этотъ разъ является первою ласточкой промышленнаго подъема и политическаго пробужденія буржуазіи».

«Въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжно соглашеніе между старымъ порядкомъ и буржуазіей. При такихъ условіяхъ идея единаго національнаго

дѣйствія... становится въ полное противорѣчіе съ реальными отношеніями. Обострившаяся борьба классовъ исключаетъ возможность національной тактики, обязываетъ каждый классъ къ самостоятельной политикѣ»... Однимъ словомъ, буржуазная конституція, которая укрѣпится на-дняхъ, благодаря соглашенію правительства съ буржуазіей, должна встрѣтить уже теперь натискъ со стороны всѣхъ убѣжденныхъ и стойкихъ демократовъ.

При чтеніи статьи г. Іорданскаго не знаешь чему болѣе удивляться,— той ли легкости, съ которой онъ строитъ свои выводы на шаткой почвѣ нѣсколькихъ случайныхъ цифръ, или же тѣмъ неожиданнымъ скачкамъ мысли, благодаря которымъ предвзятыя схемы становятся для него отправной точкой его положеній. Вся аргументація статьи покоится на констатированіи авторомъ признаковъ промышленнаго подъема. Между тѣмъ это основное положеніе не только не доказано, но и прямо противорѣчитъ дѣйствительности. Чтобы не ходить далеко за доказательствами, читатель могъ бы обратиться къ солидной, полной статистическихъ данныхъ и основанной на первоисточникахъ статьѣ г. Мукосѣева въ послѣдней книгѣ *Образованія* подъ заглавіемъ: «Промышленный подъемъ и промышленный кризисъ». Конечный выводъ этой серьезной статьи таковъ: «Мы переживаемъ не промышленный кризисъ и не промышленный подъемъ въ ихъ классическихъ формахъ, а депрессію, т.-е. такую специфически-приниженную форму промышленнаго состоянія, которая, складываясь подъ вліяніемъ цѣлаго комплекса причинъ, независима отъ тѣхъ только рыночныхъ конъюнктуръ, которыя обычно опредѣляютъ собою темпъ промышленнаго развитія. Это состояніе можетъ безконечно модифицироваться въ ту или иную сторону, не переходя, однако, въ фазу классическаго подъема до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны для этого перехода извѣстные фактическіе стимулы. Отягощенія капиталами банковъ, которое наблюдается въ періоды застоя, нѣтъ, какъ нѣтъ и широкаго отлива капиталовъ изъ банковъ въ промышленность, происходящаго въ періоды подъема. И денежный рынокъ и промышленность окрашены въ одинъ блѣдный, анемичный цвѣтъ.

Насколько соотвѣтствуетъ дѣйствительности отправная точка разсужденій г. Іорданскаго съ его звонкими и пустопорожними фразами «о волнахъ промышленнаго подъема», «о горячкѣ золота» и пр., настолько же проблематичнымъ является предсказаніе о имѣющемъ быть на-дняхъ соглашеніи между правительствомъ и буржуазіей по части насажденія и и укрѣпленія буржуазной конституціи. Г. Клейнбортъ, статью котораго въ *Образованіи* мы цитировали выше, повидимому, лучше оріентируется въ той опасности, которая грозитъ странѣ.

За кулисами дѣйствуетъ организованная группа людей, оказывающая сильное давленіе на ходъ правительственной машины. И для этихъ людей ненавистна всякая конституція—демократическая и недемократическая, узкая и широкая. Единственная ихъ цѣль, для достиженія которой будутъ пущены всѣ средства—это полная реставрація. Съ другой стороны правительство,

управлявшее страной въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ на основаніи различныхъ исключительныхъ положеній, не можетъ представить возможности иной системы управленія. При такомъ положеніи вещей ясно, что г. Іорданскій принадлежитъ къ тѣмъ своеобразнымъ у насъ соціалистамъ, которые давно уже, разсуждая по формулѣ: «да—да, нѣтъ—нѣтъ», пришли къ убѣжденію, что въ виду противорѣчія экономическихъ интересовъ буржуазіи и пролетаріата, у этихъ двухъ классовъ не можетъ быть общихъ политическихъ интересовъ даже въ періодъ перехода отъ до-буржуазнаго политическаго режима къ буржуазному. Много разъ уже, и притомъ въ самомъ лагерѣ соціалистовъ, обстоятельно доказывался весь вредъ подобнаго политическаго недомыслія, стремящагося распылить общественныя силы и задержать общественное движеніе.

И если г. Іорданскій и ему подобные вопреки очевидности, въ угоду своихъ симпатій и антипатій, попрежнему держатся за свои предвзятыя положенія, хотя бы для этого пришлось вызвать на сцену несуществующій «промышленный подъемъ»,—то, очевидно, они принадлежатъ къ тому типу людей, о которомъ въ свое время мѣтко сказалъ Плехановъ: «Поскоблите нашего марксиста, и вы въ большинствѣ случаевъ найдете неисправимаго утописта»...

Въ самомъ дѣлѣ, странное явленіе: чѣмъ злѣе реакція, тѣмъ сильнѣе со стороны лѣвыхъ нападки на буржуазныя партіи, преимущественно на партію народной свободы, которая въ ихъ глазахъ является, кажется, буржуазной партіей par excellence. При этомъ въ пылу полемики допускаются самые разнообразные пріемы и способы. Такъ, наприм., тотъ же г. Іорданскій, называющій безпартійныхъ «специфическимъ продуктомъ россійской политической некультурности», участвуя въ одной изъ сугубо безпартійныхъ московскихъ газетъ, пишетъ тамъ статью съ аршинными заглавіемъ: «Соглашеніе или борьба» (*Утро Россіи*, отъ 25 сент.). Здѣсь подъ трубные звуки, призывающіе къ борьбѣ, причемъ благоразумно обходится вопросъ, въ чемъ должна состоять эта борьба, предается анаѳемѣ ужасный Струве, который только и дѣлаетъ, что ищетъ соглашеній съ правительствомъ, причемъ, конечно, опускается то мѣсто статьи г. Струве, гдѣ онъ опредѣленно говоритъ, что «въ настоящее время идея политическаго компромисса съ исторической властью звучитъ теоретической наивностью, какъ всякая Zukunftsmusik».

По поводу пріемовъ подобной полемики г. Каминка въ №№ 35—36 *Вѣстника Народной Свободы* замѣчаетъ: «Несмотря на всю важность единства дѣйствій оппозиціи, мы признаемъ вполнѣ понятнымъ, что споры между различными партіями представляются явленіемъ неизбѣжнымъ, какъ бы ни было сильно стремленіе въ этотъ моментъ, быть можетъ, рѣшительной борьбы, избѣгнуть опасныхъ раздоровъ и разногласій въ средѣ самой оппозиціи. Но мы полагаемъ, что эта борьба не должна идти далѣе предѣловъ, выдвигаемыхъ конечной цѣлью, которая одна только можетъ ее оправдывать: выясненіе преимуществъ того пути, тѣхъ мѣропріятій,

за которыя стоитъ, въ которыя вѣритъ ихъ отстаивающій... Къ сожалѣнію, эти требованія полемики постоянно у насъ нарушаются. Конечно, когда нарушеніе это совершается на страницахъ бульварной печати, то удивляться этому не приходится. Но когда эти основныя требованія полемики, направленныя противъ своихъ же политическихъ сосѣдей, нарушаются на страницахъ органовъ печати, заслуги которыхъ мы признаемъ въ полной мѣрѣ, нарушаются притомъ авторами, къ которымъ мы привыкли относиться съ большимъ уваженіемъ, мы не можемъ не жалѣть объ этомъ».

Г. Каминка имѣетъ въ виду послѣднюю «Хронику внутренней жизни» на страницахъ *Русскаго Богатства*, принадлежащую перу талантливаго публициста г. Пѣшехонова и переполненную нападками на партію народной свободы, причемъ въ качествѣ полемическихъ красотъ фигурируютъ и «караси на сушѣ», и «образъ Пилата», и, наконецъ, неизбѣжное «предательство»...

«Передъ всякимъ, кто пожелалъ бы въ настоящеее время принять участіе въ освободительномъ движеніи,—пишетъ г. Пѣшехоновъ,—есть два пути»... Одинъ путь—это тотъ, который ведетъ по натоптанной за 40 лѣтъ дорожкѣ, по которой идутъ конституціоналисты безъ конституціи, и который является по меньшей мѣрѣ безцѣльнымъ теперь, когда надежду найти выходъ конституціоннымъ путемъ приходится считать разбитой, и другой—это единственно правильный путь, путь революціонный.

Казалось бы, послѣ такого категорическаго утвержденія, послѣ столь упрощенной постановки вопроса слѣдуетъ ожидать, что авторъ статьи займется изслѣдованіемъ обоихъ путей и сравненіемъ преимуществъ и невыгоды одного пути передъ другимъ. Казалось бы, что только подобное сравненіе можетъ освѣтить тотъ мракъ, который сгущается надъ нами, разрѣшить тѣ колебанія, которыя подобно герою сказки испытываютъ многіе: направо поѣдешь—коня потеряешь, налѣво—самъ погибнешь... Но напрасно читатель ждалъ бы отвѣта отъ г. Пѣшехонова. «Другой путь,—пишетъ онъ въ концѣ статьи,—далеко не такъ простъ, какъ натоптанная за 40 лѣтъ дорожка, по которой идутъ конституціоналисты. Читатели уже знаютъ, что у революціи нѣтъ сейчасъ одной большой и всѣми признанной дороги; передъ нами цѣлый рядъ тропокъ, по которымъ разбрелись революціонныя силы.

«Разобраться въ этихъ тропкахъ и разсмотрѣть, куда каждая изъ нихъ ведетъ, далеко не такъ просто. И лучше будетъ, если я сдѣлаю это не такъ спѣшно».

Фигура умолчанія—очень удобная фигура, ибо давно уже сказано, что «никто еще не раскаивался въ молчаніи», но надо сознаться, что читатель въ этомъ случаѣ остается совершенно неудовлетвореннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, на протяженіи всей статьи г. Пѣшехоновъ нападаетъ на первый изъ указанныхъ имъ путей. Но кто же поручится, что второй путь лучше, если онъ не подвергается даже разсмотрѣнію?

И далѣе, если передъ революціей нѣтъ теперь одной дороги, а лишь цѣлый рядъ тропокъ, то возникаетъ прежде всего сомнѣніе: можетъ ли развитіе страны со всѣмъ многообразіемъ ея интересовъ направиться по одной изъ этихъ тропинокъ? Думается, что «путь, соединяющій этапные пункты наступательнаго движенія великаго народа, идетъ не тропинками»...

Главныя обвиненія, которыя бросаетъ г. Пѣшехоновъ «конституціоналистамъ безъ конституціи»—партіи народной свободы—заключаются въ томъ, что партія питается конституціонными иллюзіями, отвергаетъ всѣ внѣпарламентскіе способы борьбы, признавая необходимость бороться исключительно законными средствами.

Въ упомянутой уже выше статьѣ г. Каминка подробно разбираетъ обвиненіе г. Пѣшехонова. «Наша реальная оцѣнка института,—пишетъ г. Каминка,—вопросъ о тѣхъ надеждахъ, которыя мы связываемъ съ его существованіемъ, не имѣетъ ничего общаго съ вопросами нашихъ симпатій и антипатій. Мы можемъ быть весьма невысокаго мнѣнія о данномъ институтѣ, считать необходимымъ стремиться къ его коренной реформѣ, признавать для этого цѣлесообразнымъ широкое распространеніе въ населеніи убѣжденія о коренныхъ недостаткахъ института и тѣмъ не менѣе признавать его, какъ реальный фактъ. Мы можемъ считать необходимымъ именно помощью этого института или въ предѣлахъ правъ, намъ этимъ институтомъ, предоставляемыхъ, бороться за его реформированіе и въ то же время до послѣдней капли исчерпать всѣ тѣ права, которыя намъ этотъ институтъ предоставляетъ. Держаться такой точки зрѣнія вовсе не значитъ предаваться какимъ-либо иллюзіямъ относительно института. Наоборотъ, иллюзіи питаютъ тѣ, кто предъявляетъ къ нему требованія, находящіяся въ прямомъ противорѣчіи съ его особенностями».

Что касается до того, что партія будто бы отвергаетъ внѣпарламентскіе способы борьбы, то въ этомъ отношеніи г. Пѣшехоновъ, который такъ хорошо знаетъ все прошлое партіи к.-д., могъ бы вспомнить постановленія 3 и 4 съѣздовъ партіи, которыя энергично выдвигали на первый планъ именно «установленіе тѣснѣйшей связи съ населеніемъ», а также всю ту работу, которую партія вынесла на своихъ плечахъ въ этомъ отношеніи.

Быть конституціоналистомъ значитъ, по мнѣнію партіи к.-д.,—говоритъ далѣе г. Пѣшехоновъ,—бороться только законными средствами. Если бы мы имѣли дѣло съ критикомъ, чуждымъ политической дѣятельности,—замѣчаетъ г. Каминка,—съ критикомъ, незнакомымъ съ исторіей нашей партіи, съ послѣдовательнымъ фанатикомъ революціи во что бы то ни стало, мы бы поняли, что, формулировавъ такимъ образомъ обвиненіе, онъ счелъ свою критику законченной. Между тѣмъ г. Пѣшехоновъ находится въ иномъ положеніи, и мы имѣемъ право къ его критикѣ предъявлять иныя требованія. Г. Пѣшехоновъ помнитъ то участіе, которое предшественники конституціоналистовъ принимали въ революціонномъ движеніи, и если онъ боится напомнить это прошлое, то только по соображе-

ніямъ педагогическаго свойства, боясь «занести черезчуръ много въ формуляръ теперешней к.-д. партіи».

Далѣе г. Пѣшехоновъ въ этой же статьѣ припоминаетъ, что «отказываясь отъ выборгскаго воззванія, партійный съѣздъ призналъ пассивное сопротивленіе конституціоннымъ средствомъ». И, наконецъ, самъ г. Пѣшехоновъ замѣчаетъ, что онъ отнюдь не является противникомъ такъ называемыхъ легальныхъ средствъ борьбы. «Отказъ въ общественной дѣятельности отъ всѣхъ законныхъ формъ—какъ бы отрицательно вы ни относились къ самому закону и охраняемому имъ строю—представляется мнѣ не только нецѣлесообразнымъ, но и фактически неосуществимымъ». Правомѣрныя формы борьбы съ существующимъ строемъ,—пишетъ онъ,—должны быть использованы и «эти формы, между прочимъ, потому особенно важны, что даютъ возможность крайне важныхъ для политической партіи открытыхъ дѣйствій, каковыя наперекоръ закону не всегда для нея посильны. Больше того: въ отстаиваньи уже занятыхъ, хотя бы не совсѣмъ удобныхъ позицій, разъ имъ угрожаетъ опасность, можетъ быть даже заслуга».

Г. Пѣшехоновъ,—замѣчаетъ Каминка,—конечно, отлично понимаетъ, чего онъ прямо не говоритъ, что, пользуясь легальными средствами борьбы, мы принимаемъ на себя извѣстныя обязательства по отношенію къ закону, предоставляющему намъ эти средства.

Гдѣ границы этихъ обязательствъ, вотъ вопросъ, который является основнымъ для каждой политической партіи, вопросъ, который отнюдь не разрѣшается съ такой поразительной простотой и партіей к.-д., какъ это полагаетъ г. Пѣшехоновъ. Въ качествѣ иллюстраціи своей мысли г. Каминка приводитъ партію народныхъ соціалистовъ, которые выставили лицъ, не имѣющихъ права участвовать въ выборахъ, кандидатами въ Петербургѣ и притомъ по второй куріи, т.-е. тамъ, гдѣ по закону они имѣли бы право быть выбранными, если бы не были преданы суду. Между тѣмъ по правильнымъ теоретическимъ взглядамъ народныхъ соціалистовъ они должны были бы имѣть право быть выбранными въ любомъ городѣ на основаніи всеобщей, равной и т. д. подачи голосовъ. Такимъ образомъ, сами гг. народные соціалисты не остановились передъ одной законной преградой, но остановились передъ всѣми другими, можетъ быть, еще болѣе несправедливыми.

Мы полагаемъ поэтому, заканчиваетъ г. Каминка свою статью,—что при выборѣ двухъ путей, стоящихъ въ настоящее время предъ русскимъ обывателемъ, нельзя исходить просто изъ того положенія, что одинъ путь—это путь законныхъ средствъ, другой путь—съ нимъ не считающійся. Вопросъ несравненно сложнѣе и глубже. И до тѣхъ поръ, пока г. Пѣшехоновъ не выяснитъ особенностей этого второго пути, намъ невозможно сравнивать его съ первымъ. Въ тяжелое время, переживаемое страной, нѣтъ путей, которые не были бы связаны съ тѣми или другими болѣе или менѣе значительными неудобствами и недостатками. Вопросъ

въ томъ, гдѣ ихъ больше? Положеніе слишкомъ сложное для того, чтобы можно было двигаться впередъ, руководствуясь одной только простой формулой: законныя или незаконныя во что бы то ни стало средства борьбы.

Г. Пѣшехоновъ указуетъ на «революціонныя тропки», г. Іорданскій восклицаетъ «борьба!», но читатель остается въ недоумѣніи: какое содержаніе слѣдуетъ вложить въ эти слова, потому что очевидно сами по себѣ слова не могутъ имѣть какого-нибудь магическаго, волшебнаго дѣйствія. Не находя отвѣта въ статьяхъ гг. Пѣшехонова и Іорданскаго, читатель обращается къ органамъ печати, стоящимъ вообще, какъ принято говорить, лѣвѣе к.-д. партіи, и пробѣгаетъ цѣлый рядъ статей, мучительно ища отвѣта на волнующій его вопросъ. И послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, съ торжествомъ останавливается на цѣломъ рядѣ статей *Товарища*, гдѣ, повидимому, объясняются и раскрываются сакраментальныя формулы. Правда, мы не знаемъ, совпадетъ ли это объясненіе съ тѣмъ, что таятъ въ себѣ гг. Пѣшехоновъ и Іорданскій, но во всякомъ случаѣ это все же объясненіе. Туманъ, висящій надъ «революціоннымъ путемъ», какъ будто бы немного разсѣивается, и читатель, наконецъ, можетъ сравнивать и оцѣнивать.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое революціонаризмъ? — спрашиваетъ *Товарищъ*. Есть два рода революціонаризма: революціонаризмъ, какъ тактика физическихъ способовъ борьбы и революціонаризмъ организованныхъ моральныхъ, политическихъ и экономическихъ способовъ борьбы, какъ стремленіе къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей—радикальныхъ перемѣнъ въ общественно-политическомъ строѣ, въ противоположность мелкимъ починкамъ и заплатамъ существующаго.

Методъ физическаго насилія при современной политической организаціи и военной техникѣ является прежде всего методомъ нецѣлесообразнымъ. Опытъ русскихъ вооруженныхъ возстаній и убійствъ уже проводитъ въ широкія массы сознаніе этой нецѣлесообразности и поворачиваетъ ихъ тактику въ сторону отъ этого метода. Романтика вооруженныхъ выступленій такъ же умѣстна въ современномъ обществѣ, какъ и романтика майнъ-ридовскихъ романовъ изъ американской жизни. Противъ этого революціонаризма нужна самая рѣшительная идейная борьба...

Но не для этого революціонаризма существуютъ организаціи лѣвыхъ. Организуются они революціонаризмомъ цѣлей, которому сопутствуетъ и соотвѣтствующая идеологія... соціализма, основной и коренной реформы всего существующаго.

Итакъ: революціонный путь характеризуется революціонаризмомъ цѣлей. Но почему авторъ статьи думаетъ, что этому революціонаризму должна непремѣнно сопутствовать идеологія соціализма? Развѣ анархизмъ или синдикализмъ не добиваются также основной и коренной реформы всего существующаго? Далѣе, что такое революціонаризмъ цѣлей? Можно ли воззрѣнія извѣстнаго Антона Менгера, стоящаго на рубежѣ между демокра-

тизмомъ и соціализмомъ, признавать научной попыткой построенія основной и коренной реформы всего существующаго? Затѣмъ—къ какому разряду слѣдуетъ отнести тѣ многочисленные кадры людей, встрѣчающіеся въ любой оппозиціонной партіи, которые, стремясь къ радикальнымъ перемѣнамъ общественно-политическаго строя, въ виду невозможности осуществить ихъ въ опредѣленный историческій моментъ,—довольствуются проведеніемъ въ жизнь ряда частичныхъ реформъ, приближающихъ ихъ къ намѣченной цѣли. И наконецъ, главный вопросъ: дѣйствительно ли идеологія соціализма проникнута въ настоящее время революціонаризмомъ цѣлей, если понимать подъ этимъ революціонаризмомъ не ходячій арсеналъ громкихъ словъ, а дѣйствительныя тенденціи развитія соціалистическихъ партій на Западѣ?

На этотъ важный вопросъ отвѣчаетъ статья г. Кричевскаго «Границы парламентаризма» въ послѣдней книгѣ *Образованія*. Авторъ статьи констатируетъ ту пропасть, которая отдѣляетъ нынѣ въ средѣ германской соціалъ-демократіи теоретико-програмное признаніе марксизма отъ дѣйствительнаго усвоенія имъ революціоннаго духа.

— Пусть она осмѣлится казаться тѣмъ, что она есть!—такъ взывалъ послѣдовательный Бернштейнъ словами Шиллера къ нѣмецкой соціалъ-демократіи. По всей своей дѣятельности она есть партія парламентарная, партія демократическихъ реформъ, мирныхъ и постепенныхъ преобразованій—пусть же она сознательно и открыто признаетъ себя таковою, порвавъ со словесно-теоретическою революціонностью, унаслѣдованною отъ марксизма. Теоретическая побѣда лѣваго крыла ортодоксальныхъ марксистовъ ни на іоту не измѣнила фактическаго характера партіи: демократическихъ реформъ, для дѣятельности которой революціонизмъ цѣлей является менѣе всего характернымъ. Нѣмецкій споръ между ортодоксами и ревизіонистами,—замѣчаетъ г. Кричевскій,—фактически сводится къ спору между послѣдовательнымъ реформистскимъ парламентаризмомъ и непослѣдовательнымъ внутренне-противорѣчивымъ революціоннымъ парламентаризмомъ — къ спору между людьми, которые изъ парламентарной практики логически умозаключали къ реформистской теоріи, и людьми, которые стремились совмѣстить несовмѣстимое, сочетать парламентарную практику съ революціонной теоріей... Что же касается практической дѣятельности, то развѣ подъ микроскопомъ можно было бы уловить разницу между правыми и лѣвыми».

Г. Кричевскій приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ послѣдней сессіи рейхстага, рѣчи ораторовъ фракціи: Давида, Носке и Бебеля, о военно-патріотическихъ и общихъ вопросахъ и ихъ предложенія, въ числѣ которыхъ находится предложеніе о значительномъ повышеніи жалованья рядовымъ и унтеръ-офицерамъ. О вліяніи ревизіонизма свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что недавно центральный комитетъ соціалъ-демократіи поручилъ составленіе «Руководства для партійныхъ агитаторовъ» не кому иному, какъ Эдуарду Давиду, наиболѣе послѣдовательному изъ теоретиковъ ревизіонизма, гораздо болѣе послѣдовательному, чѣмъ самъ Бернштейнъ.

Профессіонализмъ, кооперативизмъ, реформизмъ, ревизіонизмъ,—замѣчаетъ авторъ статьи «Идеологія соціализма», помѣщенной въ № 252 *Слова*, какіе термины ни придумывайте, но кризисъ идеологіи чистаго соціализма несомнѣненъ... И настолько мощно это шествіе идеологіи низовъ, желаніе безъ катастрофы улучшать въ предѣлахъ существующаго строя свое положеніе, что и полководцы начинаютъ слѣдовать за арміей, откладывая на все болѣе поздніе сроки соціализмъ и ухаживая за синицею—простымъ демократизмомъ. И Роза Люксембургъ можетъ пылать отъ негодованія, но старый Бебель уже обѣщаетъ взять ружье для защиты не труда отъ капитала, а одного буржуазнаго отечества отъ другого.

О какомъ революціонаризмѣ цѣлей или средствъ можетъ быть здѣсь рѣчь, если мы не будемъ подъ подобнымъ революціонаризмомъ понимать чисто словесныя украшенія, обветшалый жаргонъ, нисколько не соотвѣтствующій дѣйствительному положенію вещей?

И если на Западѣ заколебались основныя идеи марксизма: экономическій матеріализмъ, теорія кризисовъ и обнищанія и т. д., если крестьяне проявили непредусмотрѣнную теоріей живучесть, не уходя со сцены и не поддаваясь ни концентраціи, ни экспропріаціи, такъ что самые умные соціалисты не могутъ придумать для этихъ назойливыхъ «фанатиковъ собственности» ничего иного, кромѣ «мѣщанской» и «вульгарной» коопераціи, то что же можно сказать о русскомъ соціализмѣ, которому приходится имѣть дѣло съ огромной крестьянской страной.

Всѣ теоріи нашего соціализма о муниципализаціи, соціализаціи и т. д. земли представляютъ изъ себя опыты превращенія въ членораздѣльную рѣчь идеологіи низовъ и несомнѣнно противорѣчатъ логическимъ основамъ соціализма. Русская жизнь выработала революціонаризмъ средствъ въ видѣ погромовъ, пожаровъ, экспропріацій и убійствъ, но въ ней нѣтъ и не можетъ быть мѣста для того революціонаризма цѣлей, о которомъ заявляетъ *Товарищъ*.

Для Россіи, которой предстоитъ пройти капиталистическій періодъ развитія,—пишетъ авторъ цитированной выше статьи въ *Словѣ*,—революціонаризмъ цѣлей напоминаетъ ту идеологію крѣпостныхъ, которую описывалъ Салтыковъ въ *Пошехонской Старинѣ*. И то тамъ распредѣлялось выгоднѣе. Крѣпостные мирились съ тѣмъ, что при жизни всѣ ихъ земныя блага достаются помѣщикамъ, зато они вѣрили, что въ загробной жизни именно они, эти самые крестьяне, получатъ компенсацію. Тутъ же всѣ тяготы должны нести одни поколѣнія, а плоды этихъ жертвъ вкусятъ отдаленные потомки, настолько отдаленные, что даже родственныя чувства до нихъ не дорастаютъ. Тамъ нужно было дождаться только смерти, а тутъ нечего ждать, можно только тѣшить свою мысль убѣжденіемъ, что зато черезъ 300 лѣтъ будетъ хорошо. Но на это та же мысль отвѣчаетъ, что черезъ 300 лѣтъ и люди будутъ больше знать, будутъ сильнѣе и, можетъ быть, безъ нашихъ теперешнихъ жертвъ сумѣютъ устроиться.

Противъ такой идеологіи протестуетъ природа человѣка. Прошедшее,

настоящее и будущее для философіи—простыя логическія категоріи, но для живого человѣка настоящее рѣзко отличается отъ будущаго. Надо, чтобы теперь стало лучше. Это «теперь» такъ сильно поддерживается всѣми инстинктами и страстями людей, что ученіе, которое разсчитываетъ на массы, какъ бы прозорливо оно ни видѣло будущія судьбы, должно приносить жертвы Богу настоящаго. Когда соціализмъ овладѣваетъ практической партіей, и въ угоду настоящаго приходится все болѣе дѣлать уступокъ, когда тактики все болѣе заслоняютъ программу, и лидеры все чаще должны практическими мѣропріятіями, разсчитанными на сегодня, прикармливать растущую армію своихъ послѣдователей, то постепенно изъ будничныхъ пожеланій этой арміи снизу выростаетъ новая идеологія, которая сначала считается со старою, а затѣмъ и совсѣмъ ее заглушаетъ: какъ историческое переживаніе, эта старая идеологія красуется на знамени, а армія и съ нею вмѣстѣ жизнь пробавляются синицами.

Иначе не можетъ и быть. Тѣ, кто вѣритъ въ конечную побѣду соціалистическаго идеала, конечно, не могутъ ни на минуту потерять изъ вида свою путеводную звѣзду, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ признать, что на ближайшія задачи развитія нашей родины идеалъ этотъ не можетъ оказывать рѣшительнаго дѣйствія. Въ переживаемый нами историческій моментъ демаркаціонная линія, раздѣляющая чистый демократизмъ отъ соціализма, можетъ быть углублена и превращена въ пропасть только искусственной, доктринерской тактикой нашихъ лѣвыхъ партій, для которыхъ «революціонаризмъ цѣлей» заслоняетъ собою необходимую и полезную работу настоящаго. Для Россіи нѣтъ и не можетъ быть теперь двухъ путей дальнѣйшаго движенія впередъ: оно или пойдетъ по пути развитія и углубленія конституціонныхъ началъ, или же совмѣстными усиліями крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ будетъ медленно разлагаться и дойдетъ до того же упадка, которымъ характеризуется теперь положеніе вещей въ Турціи.

Ѳ. Арнольдъ.

Законодательство и жизнь.

Ходъ выборовъ въ Государственную Думу.—Условія, при которыхъ они происходили.—Стѣсненіе предвыборной агитаціи и исключеніе изъ списковъ оппозиціонныхъ избирателей.—Оцѣнка значенія будущей Думы и вѣроятное отношеніе къ ней правительства.—Замѣна законовъ обязательными постановленіями администраціи.—Важность Думы какъ для проведенія реформъ, такъ и для политическаго воспитанія народа.—Выступленіе на политическую сцену духовенства и вѣроятные его результаты.

Въ то время, когда мы начинаемъ писать это обозрѣніе, первая стадія выборовъ въ Государственную Думу уже приходитъ къ концу. И срокъ окончанія ихъ тоже назначенъ: для большей части губерній на 14 октября, для нѣкоторыхъ на 19 октября, для большихъ городовъ на 17-е. И, однако, невозможно сдѣлать никакого сколько-нибудь опредѣленнаго вывода о результатѣ выборовъ, ни въ смыслѣ сужденія о томъ, какой будетъ составъ третьей Думы, ни тѣмъ болѣе въ смыслѣ опредѣленія по этимъ выборамъ политическихъ мнѣній народа. По имѣющимся до сихъ поръ даннымъ, можно сказать, что, какъ общее правило, избиратели на этотъ разъ выказали гораздо меньшій интересъ къ выборамъ, чѣмъ при выборахъ не только въ первую, но и во вторую Думу. Очень многіе избирательные съѣзды вовсе не состоялись за неявкой избирателей; изъ состоявшихся было очень много такихъ, на которыхъ присутствовалъ лишь ничтожный процентъ изъ числа всѣхъ имѣвшихъ право въ нихъ участвовать. Особенно рѣзко этотъ абсентеизмъ избирателей высказался на предварительныхъ съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, избирающихъ уполномоченныхъ на общіе землевладѣльческіе съѣзды. По закону въ составъ мелкихъ землевладѣльцевъ входятъ и настоятели церквей, но позднѣйшими распоряженіями губернаторовъ въ большей части предварительныхъ съѣздовъ произведено было раздѣленіе на отдѣльные съѣзды для духовенства и для міранъ. Представители духовенства почти всюду съѣзжались въ значительномъ числѣ, так что изъ отдѣльныхъ настоятельскихъ съѣздовъ состоялись 218 и не состоялись только 12, да и то изъ нихъ 6 въ одной Петербургской губерніи. Цифры эти, какъ и большая часть послѣдующихъ, относящихся до выборовъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ, взяты нами изъ статьи А. Н. Максимова (*Русск. В*[illegible]

№ 215). Изъ смѣшанныхъ съѣздовъ состоялись 50 и не состоялись 3, опять-таки, главнымъ образомъ, потому, что на нихъ въ значительномъ числѣ явились священники. Напротивъ, изъ съѣздовъ, состоявшихъ исключительно изъ мірянъ, состоялись 191 и не состоялись 302. Тамъ, гдѣ съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ были раздѣлены на три отдѣленія: духовенства, среднихъ землевладѣльцевъ съ имуществомъ менѣе полнаго ценза, но не менѣе $^1/_5$ (или въ другихъ губерніяхъ $^1/_{10}$) его, и совсѣмъ мелкихъ, съ имуществомъ, не достигающимъ этой нормы, поразительно отношеніе состоявшихся и не состоявшихся съѣздовъ въ послѣднемъ отдѣлѣ: первыхъ было 10 противъ 89 послѣднихъ. При этомъ надо еще принять въ соображеніе, что и такъ называемые состоявшіеся съѣзды происходили чаще всего при самомъ ничтожномъ числѣ участниковъ, не доходившемъ и до десятка. А такъ какъ число избираемыхъ уполномоченныхъ обусловлено общимъ размѣромъ ихъ имущества, то, разумѣется, такъ же ничтожно было и число выбранныхъ мелкими землевладѣльцами уполномоченныхъ. По одиннадцати губерніямъ, большею частью принадлежащимъ къ среднерусскимъ и не представляющимъ ничего исключительнаго, выбрано отъ духовенства 915 выборщиковъ, отъ среднихъ землевладѣльцевъ—260 и отъ мелкихъ—16. Такимъ образомъ, выборы отъ землевладѣнія, не достигающаго цензовой нормы, свелись, въ сущности, къ выборамъ отъ духовенства, а мелкое землевладѣніе совершенно, можно сказать, оказалось лишеннымъ представительства. Довольно много не состоялось также рабочихъ избирательныхъ съѣздовъ; однако, лишь въ сравнительно немногихъ промышленныхъ предпріятіяхъ уклоненіе рабочихъ отъ выборовъ имѣло характеръ сознательнаго бойкота; это доказывается прежде всего уже тѣмъ, что очень большая часть не участвовавшихъ принадлежала къ рабочимъ мелкихъ промышленныхъ заведеній, рабочая организація которыхъ вообще менѣе совершенна, а потому они могли и не знать о времени выборовъ и не обратить на нихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что вліяніе рабочихъ вообще на окончательный результатъ выборовъ по существующему закону совершенно ничтожно. У петербургскихъ рабочихъ идея бойкота замѣнилась, напротивъ, недовольствомъ на лишеніе ихъ избирательныхъ правъ по рабочей куріи, явившееся результатомъ извѣстнаго разъясненія; рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ и заводовъ предъявили протестъ противъ такого исключенія ихъ изъ списковъ избирателей. Извѣстно, что не состоялись и многіе крестьянскіе выборы большею частью вслѣдствіе недостаточной освѣдомленности избирателей, хотя сдѣлать относительно нихъ какой-нибудь общій выводъ очень трудно за недостаточностью и неточностью имѣющихся о нихъ извѣстій. Наиболѣе интереса къ выборамъ проявили горожане, особенно по второй куріи. Однако и тутъ, хотя вовсе не состоявшихся съѣздовъ почти не было, но число участвовавшихъ во многихъ городахъ было ничтожно мало, сравнительно съ общимъ числомъ внесенныхъ въ списки. По первой куріи даже въ такихъ большихъ городахъ, какъ Харьковъ, Казань, Саратовъ, число поданныхъ

избирательныхъ записокъ не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ; въ маленькихъ же уѣздныхъ городахъ оно опускается даже до единицъ, напр., въ Городищѣ на съѣздѣ присутствовало 4 избирателя, въ Новоржевѣ—7, въ Лихвинѣ—9, въ Кадниковѣ—4, въ Сольвычегодскѣ—3. Между тѣмъ по вліянію на общій результатъ выборовъ первая курія по закону уравнена со второй. Очевидно, что выборъ, произведенный тремя или четырьмя избирателями, не есть вовсе выборъ, а чистая случайность.

Что касается до партійнаго состава выборщиковъ, то сказать о немъ что-нибудь опредѣленное совершенно невозможно. По свѣдѣніямъ с.-петербургскаго телеграфнаго агенства на 19 сентября въ 39 губерніяхъ Европейской Россіи и 4 Царства Польскаго избрано было 6,341 уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ; въ этомъ числѣ указано лишь 405 человѣкъ, принадлежащихъ къ опредѣленнымъ русскимъ партіямъ, въ томъ числѣ 160 правѣе кадетовъ, 9 лѣвѣе ихъ, 236 кадетовъ. Затѣмъ 79 обозначены, какъ «примыкающіе» къ партіямъ: 71 къ октябристамъ и 8 къ кадетамъ. Гораздо точнѣе обозначены польскія партіи—къ нимъ причисляется 784 челов., въ томъ числѣ 673 народовца, кромѣ того 53 примыкающихъ къ народовцамъ. Остальные 5,002 уполномоченныхъ называются не по партіямъ, а общими выраженіями: 451 монархистами, 2,024 правыми, 244 умѣренными, 3 консерваторами, 172 «причисляющими себя» къ лѣвымъ и 82 къ прогрессистамъ, наконецъ, 961 названы безпартійными, а 1,083 неизвѣстной партійности. Такимъ образомъ, точныя (но неизвѣстно—вѣрныя ли) обозначенія имѣются только для 1,321 человѣкъ, объ остальныхъ 2,976 имѣются лишь приблизительныя или гадательныя свѣдѣнія, а относительно 2,044 не имѣется никакихъ данныхъ, такъ какъ названіе «безпартійные» не даетъ, конечно, никакихъ указаній. Если сдѣлать выводъ на основаніи только сравнительно болѣе точныхъ свѣдѣній, то получимъ для Европейской Россіи 231 болѣе правыхъ и 253 болѣе лѣвыхъ, т.-е. силы тѣхъ и другихъ приблизительно равны; но понятно, что нельзя дѣлать сколько-нибудь серьезныхъ обобщеній изъ цифръ, составляющихъ лишь одну тринадцатую общаго числа. Еще менѣе опредѣленности и точности находимъ мы въ свѣдѣніяхъ того же агентства о выборѣ уполномоченныхъ отъ гминъ и волостей по 40 губерніямъ Европейской Россіи и 7 губерніямъ Царства Польскаго, которыми по 19 сентября было избрано 14,931 уполномоченный. Здѣсь цифры, указывающія на принадлежность избранныхъ къ опредѣленнымъ партіямъ, еще болѣе ничтожны; изъ русскихъ партій наибольшее число 130 принадлежитъ кадетамъ. Зато 4,753 названы монархистами и правыми, 843 умѣренными, 1,370 лѣвыми, 4,239 безпартійными и 2,194 неизвѣстной партійности. Причины такихъ огульныхъ обозначеній понятны: къ организованнымъ партіямъ формально принадлежитъ сравнительно очень небольшая часть избирателей; да и изъ принадлежащихъ далеко не всѣ считаютъ желательнымъ для себя объявлять объ этомъ гласно, именно очень многія, принадлежащіе къ нелегализованнымъ партіямъ, находятся даже въ не-

возможности безъ значительныхъ неудобствъ и непріятностей говорить о принадлежности къ той или иной партіи. Кромѣ того, крестьяне въ большинствѣ случаевъ очень неохотно вообще высказываютъ свои политическія убѣжденія, тѣмъ болѣе теперь, когда имъ хорошо извѣстно, что принадлежность къ партіямъ, неодобряемымъ правительствомъ, а въ особенности крайнимъ лѣвымъ, соціалистическимъ, можетъ представлять даже нѣкоторую опасность. Поэтому можно догадываться, что въ числѣ этихъ тысячъ безпартійныхъ и неизвѣстныхъ есть довольно много людей не только либеральныхъ, но и крайнихъ лѣвыхъ направленій. Напротивъ, принадлежность къ союзу русскаго народа никѣмъ не преслѣдуется, а скорѣе даже поощряется; поэтому нѣтъ основанія думать, чтобы въ числѣ безпартійныхъ и неизвѣстныхъ могли скрываться члены этого союза, изъ чего слѣдуетъ, что послѣднихъ вообще очень немного и что поднимаемый ими о себѣ шумъ, поддерживаемый покровительствомъ администраціи, совершенно не соотвѣтствуетъ ихъ избирательной силѣ, какъ это было и въ прошлые выборы. Относительно партійности или направленія отдѣльныхъ курій, можно сказать съ достовѣрностью лишь то, что сплошь лѣвою является рабочая курія; въ значительномъ большинствѣ являются правыми крупные землевладѣльцы. Крестьяне, по всѣмъ вѣроятіямъ, мало измѣнились въ своихъ воззрѣніяхъ съ прошлыхъ выборовъ, что, между прочимъ, доказывается тѣмъ, что на очень многихъ сходахъ выбраны прежніе уполномоченные и въ числѣ ихъ встрѣчаются бывшіе депутаты первой и второй Думы, большею частью принадлежавшіе къ лѣвымъ фракціямъ. О мелкихъ землевладѣльцахъ можно сказать, что партійный составъ ихъ довольно разнообразенъ и вслѣдствіе ничтожнаго числа участвовавшихъ въ выборахъ носитъ случайный характеръ; та же причина уничтожаетъ и ихъ значеніе на обще-землевладѣльческихъ выборахъ. Направленіе духовенства, которое должно играть довольно видную роль на этихъ выборахъ, представляетъ до сихъ поръ вопросъ. Несомнѣнно одно, что оно вовсе не такъ однородно-благонадежно, какъ это раньше предполагалось. Намъ извѣстны случаи выборовъ, на которыхъ прогрессивные элементы проходили при поддержкѣ большинства священниковъ, въ другихъ же случаяхъ забаллотировывались потому, что лишились такой поддержки вслѣдствіе распоряженія о выдѣленіи духовенства въ особую отъ другихъ землевладѣльцевъ курію; по этой причинѣ, напримѣръ, не былъ выбранъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Наиболѣе серьезная избирательная борьба происходитъ между городскими избирателями, причемъ шансы прогрессивныхъ партій оказались довольно значительными не только по второй куріи, гдѣ это предполагалось и раньше, но даже и по первой. Правда, было нѣсколько случаевъ, гдѣ по этой куріи были выбраны октябристы и даже члены союза русскаго народа, въ городахъ, посылавшихъ ранѣе оппозиціонныхъ выборщиковъ, но общій итогъ извѣстныхъ выборовъ даетъ, напротивъ, по этой куріи небольшой перевѣсъ оппозиціи; именно, изъ общаго числа избранныхъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, приходится 183 ка-

дета и лѣвѣе кадетовъ, и 173 правыхъ, включая сюда и октябристовъ и балтійскую конституціонную партію; кромѣ того 35 мирно-обновленцевъ, польскихъ націоналистовъ и «умѣренныхъ», и 25 безпартійныхъ и неизвѣстныхъ. По второй куріи перевѣсъ оппозиціи является вполнѣ несомнѣннымъ; въ ней изъ общаго числа 178 выборщиковъ 142 оппозиціонныхъ. При этомъ для опредѣленія общаго настроенія городскихъ избирателей надо принять въ соображеніе, что число избранныхъ того или другого направленія иногда вовсе не соотвѣтствуетъ числу поданныхъ за нихъ голосовъ, что обусловливается искусственнымъ распредѣленіемъ избирателей на отдѣленія. Такъ, наприм., въ Орлѣ выбрано 5 правыхъ выборщиковъ, за которыхъ подано 584 голоса и одинъ лѣвый, получившій 622 голоса. Произошло это потому, что городъ былъ раздѣленъ на три неравныхъ участка. Если бы городъ составлялъ, какъ прежде, одну избирательную единицу, то очевидно, что выборщики отъ него были бы лѣвые, какъ и раньше. Всѣ эти приведенныя нами цифры, несмотря на ихъ неполноту и неясность, даютъ довольно сильное основаніе предполагать, что, вообще говоря, политическое настроеніе русскаго народа со времени вторыхъ выборовъ едва ли замѣтно измѣнилось, что оно осталось столь же оппозиціоннымъ, какъ и годъ тому назадъ. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы и реальные результаты выборовъ не измѣнились. Даже допуская возможность того, что по другимъ куріямъ большинство выборщиковъ будетъ оппозиціонное, все же преобладаніе землевладѣльческой куріи на всѣхъ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ таково, что, въ виду реакціоннаго ея состава, и самыя избирательныя собранія лишь въ исключительныхъ случаяхъ могутъ избрать прогрессивныхъ депутатовъ.

Хотя на осн. 123 ст. Полож. о выборахъ въ губернскихъ собраніяхъ сначала производятся выборы депутатовъ отъ отдѣльныхъ курій, но выбираются-то они всѣмъ составомъ собранія, которое, конечно, всегда найдетъ во всякой куріи (кромѣ развѣ, можетъ быть, рабочей) такого выборщика, который хотя и не отвѣчаетъ требованіямъ большинства своей куріи, но зато удовлетворяетъ желаніямъ представителей землевладѣльцевъ. Единственнымъ серьезнымъ коррективомъ противъ преобладанія реакціи, представляемой большинствомъ крупныхъ землевладѣльцевъ, могло бы быть внесеніе въ самую землевладѣльческую курію прогрессивныхъ или во всякомъ случаѣ не ультра-дворянскихъ помѣщичьихъ началъ мелкими землевладѣльцами и священниками. Но участіе первыхъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, которое при другомъ отношеніи къ предварительнымъ выборамъ могло бы быть значительнымъ, а иногда даже рѣшающимъ, на дѣлѣ сведено было, какъ мы видѣли, на нѣтъ. Что будутъ дѣлать въ губернскихъ собраніяхъ священники, если они туда попадутъ, покажетъ близкое будущее. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что ни нынѣшніе выборы, ни та Государственная Дума, которая изъ нихъ получится, не могутъ служить ни вѣрнымъ показателемъ народнаго н-

строенія, ни правильнымъ выраженіемъ народныхъ стремленій и интересовъ. Не говоря уже о несовершенствѣ избирательнаго закона, крайне неравномѣрно распредѣлившаго избирательныя права между различными частями населенія и отдавшаго все представительство въ руки одного класса, наименѣе многочисленнаго и по своимъ интересамъ и направленію противоположнаго большинству народа, самыя ближайшія условія, въ которыхъ происходятъ третьи выборы, таковы, что должны лишь еще болѣе усиливать несоотвѣтствіе между возможнымъ результатомъ выборовъ и дѣйствительными желаніями народа. Прежде всего, выборы происходили почти повсемѣстно подъ давленіемъ исключительныхъ положеній. Предвыборныя собранія не разрѣшались по усмотрѣнію администраціи, хотя по закону 3 іюня (ст. 76, 79) для нихъ вовсе не требуется разрѣшенія. Такъ, наприм., членъ партіи народной свободы Ф. Ф. Александровъ, устраивавшій въ Петербургѣ при прежнихъ выборахъ цѣлый рядъ собраній, теперь въ отвѣтъ на заявленіе объ устройствѣ имъ 25 сентября предвыборнаго собранія въ Соляномъ городкѣ получилъ черезъ полицію въ самый день предполагавшагося собранія извѣщеніе о томъ, что градоначальникъ на осн. Высочайшаго указа 4 марта 1906 г. не находитъ возможнымъ допустить «собранія для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ предстоящими выборами членовъ Государственной Думы». При личномъ свиданіи съ г. Александровымъ помощникъ градоначальника камергеръ Сосновскій объяснилъ, что собраніе не разрѣшено на томъ основаніи, что оно угрожаетъ общественной безопасности. Также запрещено было собраніе, назначенное на 20 сентября на Калашниковской биржѣ. Иногда и разрѣшенныя собранія закрывались, не приступая къ своимъ занятіямъ, или данныя разрѣшенія отмѣнялись. Такъ, отмѣнено было данное петербургскимъ градоначальникомъ разрѣшеніе на устройство 19 сентября безпартійнаго собранія избирателей въ домѣ Нобеля. 23 сентября въ залѣ Пальма собралось предвыборное собраніе, устроенное к.-демокр., разрѣшенное петербургскимъ градоначальникомъ, но прежде чѣмъ была начата первая рѣчь, неожиданно явился мѣстный приставъ и заявилъ, что градоначальникъ не разрѣшаетъ собранія. Присутствовавшіе требовали составленія объ этомъ протокола, но приставъ отказался составить протоколъ. Другое предвыборное собраніе было закрыто на томъ основаніи, что въ числѣ присутствовавшихъ были лица, не имѣвшія право въ немъ участвовать. По произведенной провѣркѣ такія лица дѣйствительно оказались, но результатомъ этого должно бы было, повидимому, быть лишь устраненіе изъ собранія этихъ лицъ, а не закрытіе самаго собранія. Однако изъ присутствія этихъ лицъ былъ сдѣланъ тотъ выводъ, что подъ видомъ предвыборнаго собранія устраивалось собраніе нелегализованной партіи. Въ другой разъ собраніе въ Петербургѣ въ домѣ Нобеля было закрыто вслѣдствіе такого инцидента: полиціей дѣлался очень строгій выборъ приходившихъ, такъ что на собраніе пропускались сравнительно немногіе; между прочимъ не былъ пропущенъ В. В. Водовозовъ, предъявившій повѣстку

сначала на имя редакціи газеты *Товарищъ*, а потомъ на свое. Затѣмъ первый же ораторъ въ собраніи былъ прерванъ полицейскимъ чиновникомъ, а когда второй ораторъ хотѣлъ разсказать о случаѣ съ Водовозовымъ, то этотъ же чиновникъ усмотрѣлъ въ этомъ недозволенную критику дѣйствій полиціи и совсѣмъ закрылъ собраніе. Бывали и такіе случаи, что, не закрывая собранія, представитель постоянно вмѣшивался въ рѣчи ораторовъ и останавливалъ ихъ, какъ это происходило, наприм., въ Москвѣ въ залѣ купеческихъ приказчиковъ 26 сентября во время рѣчи В. А. Маклакова, когда присутствовавшій въ собраніи помощникъ пристава нѣсколько разъ останавливалъ оратора, предупреждая, чтобы онъ не касался «постороннихъ вопросовъ», требуя разъясненій, указывая, что нельзя говорить о дѣятельности въ Думѣ кадетской фракціи и т. п. Случаи неразрѣшенія предвыборныхъ собраній бывали не разъ и въ провинціи, а, наприм., въ Вязьмѣ одновременно было разрѣшено собраніе октябристамъ, а «безпартійнымъ» избирателямъ было отказано. Репрессивныя мѣры противъ устройства предвыборныхъ собраній вызвали даже неудовольствіе въ средѣ октябристовъ, союзъ которыхъ рѣшилъ собрать всѣ факты безпричиннаго запрещенія и недопущенія такихъ собраній и обратиться за разъясненіями къ правительственнымъ властямъ. Рѣшеніе это принято было по иниціативѣ председателя московскаго городского совѣта союза г. Милютина, по мнѣнію котораго репрессіи, которымъ подвергаются нелегализованныя партіи въ большой степени вредятъ легализованнымъ партіямъ, лишая ихъ возможности развивать широкую предвыборную агитацію и отвлекая отъ нихъ симпатіи избирателей къ тѣснимымъ партіямъ. Такія, совершенно справедливыя соображенія не помѣшали однако изданію, въ дополненіе къ инструкціи, регулирующей предвыборныя собранія, распоряженія о томъ, что ораторы, говорящіе на нихъ, не должны призывать слушателей вступать въ ряды нелегализованныхъ партій и подавать на выборахъ голоса за ихъ кандидатовъ. Понятно, какимъ эзоповскимъ языкомъ принуждены говорить члены этихъ партій и какъ мало находится охотниковъ высказываться въ такихъ условіяхъ. На предвыборномъ собраніи 2-й куріи г. Москвы, бывшемъ въ домѣ Гиршъ 16 сентября, на предложеніе предсѣдателя высказаться по поводу рѣчи, сказанной А. А. Кизеветтеромъ, послышались голоса: «Мы не знаемъ, въ какихъ предѣлахъ намъ можно держаться въ своихъ рѣчахъ», на что предсѣдатель принужденъ былъ отвѣтить, что онъ и самъ затрудняется опредѣлить эти предѣлы, но считаетъ не лишнимъ указать, что за выходъ изъ нихъ угрожаетъ штрафъ до 3,000 руб. Послѣ этого нашелся только одинъ ораторъ-рабочій, говорившій объ объединеніи оппозиціи. Излишне, конечно, распространяться о томъ, что не только словесныя рѣчи въ собраніяхъ, но и печатныя разсужденія о выборахъ въ періодическихъ изданіяхъ могли дѣлаться лишь съ большой осторожностью, чтобы не выйти изъ тѣхъ же далеко не всегда ясныхъ предѣловъ дозволеннаго. Штрафы, конфискаціи и привлеченіе къ суду редакторовъ продолжали обрушиваться на газеты и журналы прогрессивнаго направленія въ пред-

выборный періодъ такъ же, какъ и раньше. По подсчету газеты *Рѣчь* за сентябрь было 26 случаевъ наложенія на разныя изданія штрафовъ, общая сумма которыхъ равнялась 14,850 р. Впрочемъ, и противъ редактора реакціонной газеты *Русское Знамя* доктора Дубровина было тоже возбуждено преслѣдованіе, и нумеръ *Русскаго Знамени* былъ конфискованъ 29 августа. Черезъ пять дней дѣло было разсмотрѣно судебной палатой, арестъ былъ снятъ и преслѣдованіе прекращено. На издателя *Петербургскихъ Вѣдомостей* кн. Ухтомскаго наложенъ былъ петербургскимъ градоначальникомъ тысячерублевый штрафъ, но когда кн. Ухтомскій рѣшительно отказался его заплатить, то исполненіе постановленія градоначальника было пріостановлено, а потомъ уменьшено наполовину.

Но если литературныя репрессіи и дѣйствовали угнетающимъ образомъ на предвыборное настроеніе, то еще болѣе удручающее вліяніе на него, конечно, производили факты особой заботливости объ исключеніи изъ списковъ избирателей наиболѣе видныхъ дѣятелей оппозиціонныхъ партій. Особенное впечатлѣніе произвело совершенно неожиданное исключеніе за нѣсколько часовъ до выборовъ проф. В. М. Гессена. Исключеніе это было сдѣлано петербургской губернской коммиссіей по предложенію петербургскаго губернатора, причемъ, какъ мотивъ для исключенія, было указано на то, что г. Гессенъ не имѣетъ квартирнаго ценза по уѣзду, такъ какъ онъ долго проживалъ въ Петербургѣ въ качествѣ члена Государственной Думы. Выходитъ такимъ образомъ, что исполненіе обязанности члена Думы служитъ препятствіемъ для пользованія правами избирателя. В. М. Гессенъ состоитъ, какъ извѣстно, однимъ изъ видныхъ членовъ к-тской партіи. Съ мотивомъ этого исключенія не согласилась и сама высшая инстанція, возстановившая В. М. Гессена въ его избирательныхъ правахъ. Однако возстановленіе состоялось уже послѣ того, какъ выборы, отъ которыхъ былъ устраненъ В. Гессенъ, были произведены. Лидеру этой партіи П. Н. Милюкову пришлось употребить тоже много усилій для отстаиванія своихъ избирательныхъ правъ. Противъ него тоже выставленъ былъ тотъ мотивъ, что онъ не прожилъ фактически цѣлаго года на своей квартирѣ, хотя квартира по контракту и состояла за нимъ. Такимъ образомъ право участія въ выборахъ ставится въ зависимость не отъ срока найма квартиры, который можетъ быть подтвержденъ договоромъ, а отъ такого трудно уловимаго факта, какъ пребываніе даннаго лица въ квартирѣ или внѣ ея.

Всего замѣчательнѣе однако въ этихъ толкованіяхъ то, что они всегда возникаютъ только въ связи съ вопросомъ о правахъ лицъ извѣстныхъ и могущихъ быть выставленными кандидатами въ депутаты. По отношенію къ П. Н. Милюкову вопросъ былъ рѣшенъ только тѣмъ, что у него кромѣ квартирнаго оказался еще промысловый цензъ. Въ Москвѣ такого же рода затрудненія дѣлались по отношенію къ Ѳ. А. Головину, бывшему предсѣдателю Думы; сначала онъ былъ исключенъ изъ списковъ на томъ основаніи, что квартира, занимаемая имъ, будто бы нанималась на имя его

жены, и г. Головину стоило большихъ усилій доказать невѣрность такого сообщенія казенной палаты. Другія исключенія изъ избирательныхъ списковъ много разъ дѣлались не по формальному отсутствію ценза, а потому, что исключаемыя лица оказывались подъ судомъ или слѣдствіемъ. Мы не говоримъ уже объ обширной категоріи лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ за выборгское воззваніе. Несомнѣнно, что многіе изъ нихъ, если бы получили возможность участвовать въ выборахъ, были бы избраны снова въ депутаты Государственной Думы. Но дѣло о выборгскомъ воззваніи не подвигается впередъ и лишаетъ всѣхъ ихъ избирательныхъ правъ. Но кромѣ этихъ лицъ, многіе были привлечены къ слѣдствію уже во время послѣдней избирательной кампаніи и въ силу этого исключены изъ списковъ. Одновременно съ Гессеномъ губернаторъ предложилъ губернской коммиссіи исключить директора политехническаго института А. С. Посникова и профессоровъ того же института Левенсона, Лессинга и Шателена, какъ привлеченныхъ по обвиненію за бездѣйствіе власти по дѣлу объ обыскѣ въ институтскомъ общежитіи; коммиссія исполнила это требованіе. Исключены также по требованію градоначальника члены народно-соціалистической партіи: Анненскій, Мякотинъ и Пѣшехоновъ, которые привлекаются къ отвѣтственности по 102 ст. уг. ул. Въ Костромѣ партія народной свободы назначила своими кандидатами въ выборщики предсѣдателя губернской земской управы И. В. Шулепникова и члена управы А. В. Перелешина. Тотчасъ же противъ обоихъ возбуждено было губернаторомъ давно уже поконченное дѣло о превышеніи власти, выразившемся въ изданіи въ 1905 г., согласно опротестованному губернаторомъ постановленію собранія, просвѣтительныхъ брошюръ, вслѣдствіе чего оба кандидата потеряли свои избирательныя права. Кромѣ этихъ способовъ устраненія избирателей, не было недостатка и въ непосредственномъ давленіи на нихъ, сильнѣе всего проявлявшемся въ области духовной іерархіи. Такъ, на предвыборномъ съѣздѣ духовенства кіевской епархіи предсѣдательствовавшій епископъ Агапитъ прямо заявилъ: «Желаніе епископа и мое, чтобы вы избрали истинно-русскихъ людей». И только два священника возражали, что, слѣдуя этому требованію, духовенство возстановитъ противъ себя крестьянъ.

Епископъ могилевскій преосвященный Стефанъ даже разослалъ священникамъ своей эпархіи предвыборный циркуляръ, въ которомъ высказываетъ не безынтересныя соображенія. Указавъ на выгодное положеніе, въ которое духовенство поставлено закономъ 3 іюня, онъ говоритъ: «для правительства легче, чѣмъ какой-либо другой классъ населенія, лишить православное духовенство его выборныхъ правъ подъ предлогомъ, что каноны самой же православной церкви возбраняютъ участіе православнаго духовенства въ мірскихъ дѣлахъ», и угрожаетъ возможностью такого лишенія правъ, если духовенство не оправдаетъ довѣрія правительства и пошлетъ въ Государственную Думу лицъ, подобныхъ «тѣмъ выродкамъ духовнаго сословія, кои заявили себя со стороны принадлежности къ лѣвымъ».

поминаніе объ этихъ лицахъ, такъ жестоко пострадавшихъ за свои убѣжденія, можетъ конечно воздѣйствовать устрашающимъ образомъ на многихъ изъ священниковъ-избирателей.

Всѣ эти условія, въ которыхъ ясно обозначилось энергически проводимое правительствомъ и его органами желаніе направить выборы такъ, чтобы создать послушную правительству Думу, хотя бы она и не выразила собой настроенія общества, заставляютъ значительную часть населенія скептически относиться и къ выборамъ, и къ самой Думѣ. Несомнѣнно оцѣнка значенія Думы въ настоящее время очень понизилась въ общемъ сознаніи, сравнительно съ той, какая дѣлалась при вторыхъ, а особенно при первыхъ выборахъ. Правительство, говорятъ такіе скептики, желаетъ имѣть въ Думѣ только декорацію, нужную ему для показа на Западѣ, для займовъ, а можетъ быть до нѣкоторой степени и для пріобрѣтенія сторонниковъ внутри страны; но оно вовсе не желаетъ считаться съ Думой, какъ съ дѣйствительнымъ представительнымъ и законодательнымъ собраніемъ, которое могло бы связывать свободу его дѣйствій. На практикѣ мы давно возвратились ко временамъ не только доконституціоннымъ, но и гораздо болѣе раннимъ, и ничто не доказываетъ, чтобы правительство находило въ такомъ положеніи вещей что-либо ненормальное или неудобное. Почти вся Россія управляется исключительными положеніями; законы, регулирующіе жизнь русскихъ гражданъ, совершенно свободно издаются не только помимо Думы, на осн. 87 ст. Осн. Зак., но и помимо какого бы то ни было законодательнаго учрежденія, путемъ изданія обязательныхъ постановленій административныхъ властей, распространяющихся за послѣднее время вовсе не на одну борьбу съ крамолой, а на самыя разнообразныя проявленія гражданской жизни. Правительство достаточно сильно, чтобы поддерживаемый имъ порядокъ не встрѣчалъ никакого сопротивленія, и оно чувствуетъ свою силу и не показываетъ никакой охоты ограничить ее или раздѣлить съ кѣмъ бы то ни было, хотя бы и съ народнымъ представительствомъ. Правда, оно не въ силахъ создать ни дѣйствительнаго порядка, ни благосостоянія въ странѣ, но тѣмъ не менѣе полагаетъ, что для достиженія того и другого все же могутъ быть пригодны тѣ средства, которыя имъ употреблялись до сихъ поръ и внѣ которыхъ оно не представляетъ себѣ ничего другого. Эти средства—сильная власть и отсутствіе какой-либо помѣхи въ бюрократическомъ механизмѣ, посредствомъ котораго дѣйствуетъ эта власть. Всякая оппозиція, или хотя бы возможность ея, считается поэтому вредною и приравнивается къ преступному посягательству противъ власти. При такихъ взглядахъ правительства и при его внѣшнемъ всемогуществѣ Государственная Дума можетъ играть лишь самую незначительную роль, состоящую во внесеніи детальныхъ, практическихъ поправокъ къ правительственнымъ законопроектамъ, другими словами,—роль коллегіи свѣдущихъ лицъ. Если Дума не пожелаетъ оставаться въ этой роли, то собственные ея законопроекты, не согласные съ видами правительства, будутъ отвер-

гаться Государственнымъ Совѣтомъ; если же она будетъ отвергать законопроекты, предлагаемые правительствомъ, то такъ же легко можетъ быть распущена и въ третій разъ, какъ и въ два первые; и въ междудумье могутъ издаваться такіе же общіе законы и мѣстныя постановленія, какъ и теперь; если наконецъ по соображеніямъ правительства потребуется новое измѣненіе избирательнаго закона, но и оно можетъ быть безъ затрудненія выполнено тѣмъ же путемъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ-то, которое было произведено 3 іюня.

По всей вѣроятности, впрочемъ, ни того, ни другого, т.-е. ни роспуска Думы, ни новаго избирательнаго закона не понадобится и правительству, такъ какъ избранная на основаніи закона 3 іюня Дума скоро, конечно, примирится со своей ролью совѣщательной коллегіи экспертовъ и въ такомъ качествѣ будетъ признана и правительствомъ полезною частью государственно-бюрократическаго организма. Но, конечно, это будетъ не та Дума, какая предполагалась въ 1905 году, отъ которой ожидалось разрѣшеніе всѣхъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ задачъ. Реальный ходъ исторіи показываетъ, что для такой Думы еще не настало время. Можетъ быть, для этого понадобится новый подъемъ общественной температуры, подобный тому, какой былъ въ 1905 году. Сама же по себѣ третья Дума и выборы въ нее по вышесказаннымъ причинамъ не даютъ основаній для такого подъема, чѣмъ и объясняется то относительное равнодушіе общества, которымъ они сопровождаются.

Нельзя не признать, что въ этомъ разсужденіи многія фактическія указанія несомнѣнно вѣрны: что правительство и администрація не стѣсняются вводить всякіе законы и правила, необходимость которыхъ основана не на общественномъ мнѣніи, а на личномъ усмотрѣніи того или иного правительственнаго или административнаго дѣятеля,—тому примѣры мы видимъ на каждомъ шагу. Не останавливаясь ни на законахъ, изданныхъ на осн. 87 ст. Зак. Осн., ни на дѣйствіяхъ администраціи, въ которыхъ личное усмотрѣніе проявляется непосредственно, не облекаясь въ форму какого-либо общаго правила, мы ограничимся достаточно обширной въ настоящее время сферой мѣстныхъ полу-законовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ обязательныхъ постановленій генералъ-губернаторовъ. По поводу ихъ въ *Правѣ* профессоръ Горбуновъ, разсмотрѣвъ вопросъ о законности этихъ постановленій, приходитъ къ заключенію, что, несмотря на всю широту правъ, предоставленныхъ администраціи исключительными полномочіями, все же и положеніемъ о государственной охранѣ ей не предоставлено право отмѣнять дѣйствующіе законы и замѣнять ихъ своими собственными. На практикѣ однако это дѣлалось постоянно, на что было обращено вниманіе совѣщаніемъ, бывшимъ въ 1905 г. для пересмотра исключительныхъ законовъ, совѣщаніемъ такая практика была признана неправильной, однако она продолжалась съ тѣхъ поръ и понынѣ. При этомъ область примѣненія обязательныхъ постановленій была расширена и въ томъ смыслѣ, [illegible] [illegible]начально предусматривавшаяся цѣль ихъ изданія: «предупреж[illegible]

преступленій политическаго характера», очень часто замѣнялась совершенно другими задачами. «Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ были изданы постановленія, имѣющія цѣлью борьбу съ нарушеніями санитарныхъ правилъ, распущенностью нравовъ, потравами и тому подобными непорядками». Всѣ такія постановленія, по мнѣнію проф. Горбунова, незаконны, точно такъ же, какъ и тѣ, которыя «были повсемѣстно изданы въ іюнѣ сего года и коими было воспрещено публичное восхваленіе преступныхъ дѣяній, распространеніе ложныхъ слуховъ, наконецъ оглашеніе или публичное распространеніе какихъ-либо статей и сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству». Съ такимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Перечисленныя дѣянія преслѣдуются общими уголовными законами и въ общемъ порядкѣ судопроизводства; такимъ образомъ выходитъ, что или они подлежатъ двойному суду и наказанію, или общій законъ по отношенію къ нимъ долженъ считаться отмѣненнымъ; между тѣмъ онъ не отмѣненъ законнымъ порядкомъ и не можетъ быть отмѣненъ ничьимъ административнымъ распоряженіемъ. Тѣмъ не менѣе фактически эта отмѣна совершается и притомъ по поводу такихъ общественныхъ явленій, которыя не имѣютъ ничего общаго съ крамолой и революціей. На-дняхъ въ Петербургѣ вышло обязательное постановленіе, которымъ подъ страхомъ штрафа до 3,000 руб. или тюремнаго заключенія до трехъ мѣсяцевъ запрещаются «выставленіе напоказъ въ окнахъ и витринахъ магазиновъ, а также внутри ихъ на доступныхъ для публичнаго обозрѣнія мѣстахъ изображенія нагихъ тѣлъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, если изображенія эти являются копіями художественныхъ произведеній». Постановленіе выражено такой общей фразой, что въ немъ даже не говорится о соблазнительности или неприличіи выставленныхъ изображеній. Но вѣдь въ такомъ случаѣ, по буквальному смыслу приказа, и Распятіе будетъ «изображеніемъ нагого тѣла», однако изъятіе его едва ли имѣлось въ виду въ данномъ случаѣ. Не говоримъ уже о томъ, что для достиженія цѣли приказа—устраненія отъ взоровъ публики изображеній нагихъ тѣлъ, пришлось бы не ограничиваться магазинами, а слѣдовало бы удалить чуть не половину картинъ и статуй Эрмитажа. Нельзя не сопоставить той осторожности, какая по подобному же вопросу была выказана германскимъ рейхстагомъ при обсужденіи извѣстнаго Lex Heinze, съ той легкостью, которая проявляется у насъ, гдѣ рѣшеніе принимается по личному усмотрѣнію того или иного администратора. Недавно степнымъ генералъ-губернаторомъ издано было обязательное постановленіе, регулирующее подробности жизни учащихся въ Омскѣ и Петропавловскѣ, которымъ запрещается ходить по улицамъ съ наступленіемъ темноты, ходить группами, сидѣть на уличныхъ скамейкахъ и т. п. Почему такія ограниченія понадобились именно въ двухъ названныхъ городахъ, гдѣ даже не было никакихъ волненій между учащимися,—это извѣстно только самому генералъ-губернатору, такъ же какъ и то, почему петербургскіе эстампные магазины оказались соблазнительнѣе московскихъ или кіевскихъ. Основаніе тутъ и тамъ—усмотрѣніе: sit pro ratione volun-

тая. Но всего важнѣе въ обоихъ случаяхъ легкое отношеніе къ закону. Согласно приказу степного губернатора, виновные въ нарушеніи его постановленій будутъ подвергаться наказаніямъ въ административномъ порядкѣ—сверхъ обычныхъ взысканій по правиламъ учебныхъ заведеній; напротивъ, въ приказѣ Петербургскаго градоначальника прямо говорится, что дѣла, предусмотрѣнныя 45 ст. уст. о нак., изъемлются изъ подсудности мировыхъ судей и будутъ разсматриваться градоначальникомъ въ административномъ порядкѣ съ примѣненіемъ наказаній гораздо болѣе тяжкихъ, чѣмъ тѣ, которыми то же самое нарушеніе карается по неотмѣненной статьѣ 45, по которой можетъ быть наложенъ только штрафъ въ 25 руб. или арестъ до 9 дней. Однако всѣ эти административныя измѣненія или нарушенія закона, совершавшіяся на основаніи и въ предѣлахъ дѣйствія исключительныхъ положеній и такимъ образомъ допускаемыя какъ бы лишь въ условіяхъ признаваемыхъ и правительствомъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, ненормальными и временными, блѣднѣютъ передъ извѣстіемъ о томъ, что по поводу убійства во Псковѣ, гдѣ нѣтъ усиленной охраны, бывшаго смотрителя Акатуйской тюрьмы Бородулина, предложено губернскимъ властямъ и въ мѣстностяхъ, не находящихся въ исключительномъ положеніи, при обнаруженіи преступнаго дѣянія, которое по своей обстановкѣ требуетъ быстраго воздѣйствія, сообщать о немъ министру внутреннихъ дѣлъ, который по соглашенію съ министромъ юстиціи можетъ предавать преступника военному суду, причемъ въ случаѣ необходимости къ такимъ дѣламъ можетъ быть примѣнена 279 ст. Воин. Уст. о наказ. и правила 27 іюня 1906 г. о сокращенномъ срокѣ военнаго суда. Такимъ образомъ самое ужасное изъ примѣненій исключительнаго положенія распространяется на всю Россію, не исключая и тѣхъ мѣстностей, которыя до сихъ поръ не испытывали на себѣ гнета этого положенія. Въ данномъ случаѣ нельзя сказать, чтобы законъ былъ формально нарушенъ: 31 ст. полож. объ усил. охр. предоставляетъ правительству право такого распространенія области дѣйствія военнаго суда; но внутреннее содержаніе такой мѣры вполнѣ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ всякаго права: преступленіе будетъ судиться по законамъ не дѣйствовавшимъ въ моментъ его совершенія. Зачѣмъ понадобилось такое мѣропріятіе? Правильный отвѣтъ на это даютъ, какъ намъ кажется, *Русскія Вѣдомости*, которыя говорятъ по этому поводу: «Это дальнѣйшій шагъ по пути исключительныхъ законовъ, на который такъ твердо поставлено управленіе Россіи и остановиться на которомъ уже невозможно. Тамъ, гдѣ преслѣдуется только одинъ результатъ—вѣрность и сила репрессіи, гдѣ мысль власти отлечена отъ всѣхъ другихъ соображеній, тамъ начинаютъ признавать возможными всѣ средства и пріемы, лишь бы они достигли результата». Можно, пожалуй, сказать, что и результатъ не достигается, но въ данномъ случаѣ важно не то, что есть на самомъ дѣлѣ, а то, что думаетъ правительство. «Если перестали пугать бичи, берутся скорпіоны,—въ этомъ есть логическая и психологическая послѣдовательность». Но съ этой послѣдовательностью, очевидно, не вяжется предоста-

вленіе возможности народному представительству относиться критически къ этой послѣдовательной системѣ и, въ случаѣ почти несомнѣннаго несогласія съ ней, нарушать ея ходъ и дальнѣйшее развитіе. Поэтому могутъ быть правы тѣ, кто не ожидаетъ, чтобы третьей Думѣ, если она не подчинится вполнѣ правительственнымъ требованіямъ, была дана свобода проводить свои собственные взгляды и намѣренія. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы вопросъ о составѣ и направленіи третьей Думы, даже и при настоящихъ условіяхъ, былъ вопросомъ неважнымъ, незаслуживающимъ того, чтобы на него была обращена въ настоящее время наибольшая сумма общественной энергіи.

Для того, чтобы установить правильный взглядъ на этотъ вопросъ, слѣдуетъ, можетъ быть, посмотрѣть на него съ нѣсколько болѣе общей точки зрѣнія. Будущая дѣятельность нашей Государственной Думы есть лишь одинъ изъ частныхъ случаевъ постановки и разрѣшенія общей задачи улучшенія человѣческой жизни и человѣческихъ отношеній. Задача эта ставилась съ самыхъ древнихъ временъ и съ тѣхъ поръ и донынѣ разрѣшалась указаніями на два пути: одинъ изъ нихъ—путь измѣненія общественныхъ формъ, другой путь—совершенствованія самой человѣческой личности. Есть такія ученія, которыя особенно настаиваютъ на одномъ изъ нихъ, игнорируя, или даже отрицая другой; но тѣ и другія односторонни, а потому не только не ведутъ къ предположенной цѣли, но и дѣлаютъ невозможнымъ собственное ихъ осуществленіе въ жизни. Личность не можетъ совершенствоваться, находясь въ условіяхъ, создаваемыхъ неправильной общественной организаціей и не позволяющихъ развиться ни физическимъ, ни моральнымъ ея силамъ. Съ другой стороны, и хорошая общественная организація является недостижимой вслѣдствіе умственнаго и нравственнаго несовершенства того человѣческаго матеріала, изъ котораго складывается общество. Такимъ образомъ законодательныя мѣропріятія, улучшающія общественныя формы, и воспитаніе личности посредствомъ умственной и нравственной проповѣди, должны идти рядомъ и параллельно; притомъ такъ, чтобы одно не отставало отъ другого и не забѣгало впередъ, ибо только при этомъ условіи общественная психологія будетъ всегда находиться на высотѣ реформаторскихъ требованій, и народъ будетъ поддерживать начинанія отдѣльныхъ передовыхъ реформаторовъ. Внѣ этихъ путей нѣтъ другихъ способовъ для осуществленія общественнаго и личнаго прогресса, и послѣдній можетъ идти правильно, безъ потрясеній, лишь при гармоническомъ соотвѣтствіи обоихъ методовъ, все равно на какой абсолютной высотѣ ни находилось бы данное общество. Переходя отъ этихъ общихъ положеній къ частному случаю нашей Думы, мы находимъ, что она является однимъ изъ могучихъ орудій общественнаго прогресса и какъ политически-воспитательное, и какъ реформаторское средство. И мы видимъ въ ней важное достоинство именно въ соединеніи этихъ двухъ сторонъ. Нельзя сказать, чтобы обсужденіе реформаторскихъ законопроектовъ было непремѣнно безплодно даже и въ

прямо-практическомъ смыслѣ. Тѣ законопроекты, которые по силѣ вещей или по тому, что обыкновенно называютъ реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, должны найти свое осуществленіе, тѣ и получатъ его. Къ числу ихъ принадлежитъ и самый капитальный законопроектъ—аграрный. Это сознаютъ даже члены союза русскаго народа, которые сочли нужнымъ включить въ свою программу отчужденіе частновладѣльческой земли по справедливой оцѣнкѣ. Необходимость разрѣшить аграрный вопросъ будетъ такъ же постоянно чувствоваться и правительствомъ и обществомъ, какъ когда-то чувствовалась необходимость покончить съ крѣпостнымъ правомъ, и въ сознаніе правительства постепенно, съ колебаніями и временными поворотами назадъ, какъ и тогда, будетъ проникать убѣжденіе, что даже и внѣшнее успокоеніе страны возможно будетъ только при радикальномъ разрѣшеніи этого вопроса. Аграрный вопросъ представляетъ собою примѣры ясно выработавшагося соотвѣтствія народнаго пониманія и народныхъ требованій съ опредѣленной реформой. Другія, стоящія на очереди реформы, хотя бы, напримѣръ, земская, можетъ быть еще не настолько созрѣли въ народномъ сознаніи и не на столько связались въ немъ съ представленіемъ о необходимомъ условіи жизненнаго благополучія, но скоро, конечно, наступитъ и ихъ очередь: нынѣшняя земская неурядица до такой степени сдѣлалась для всѣхъ очевидною, что главныя черты реформы, намѣченной частью правительствомъ, частью фракціей народной свободы во второй Думѣ, могутъ найти себѣ поддержку и въ Думѣ, и въ народѣ. Разумѣется, если въ Думѣ будутъ въ большинствѣ Пуришкевичи, или такіе господа, какіе составляли большинство послѣднихъ двухъ земскихъ съѣздовъ, то Дума можетъ оказаться неспособною къ проведенію какихъ бы то ни было реформъ. Это будетъ, конечно, очень печально, потому что оттянетъ еще на нѣсколько времени разрѣшеніе насущныхъ вопросовъ жизни, хотя рано или поздно они и возьмутъ свое. Но это тѣмъ болѣе заставляетъ приложить всю энергію къ проведенію въ Думу возможно большаго числа, людей понимающихъ необходимость серьезныхъ реформъ. Мы, впрочемъ, думаемъ, что едва ли это будетъ такъ. Отвѣтственное положеніе всякой группы, находящейся въ большинствѣ, заставитъ, конечно, и многихъ правыхъ дѣйствовать осторожно и вести себя иначе, чѣмъ гг. Пуришкевичи и К° вели себя во второй Думѣ, гдѣ они составляли ничтожное, безотвѣтственное меньшинство. Кромѣ того, и правое большинство, если такое окажется въ Думѣ, едва ли будетъ подавляющимъ и, такъ какъ Думѣ во всякомъ случаѣ придется серьезно отнестись ко многимъ вопросамъ, хотя бы даже къ тѣмъ, которые будутъ поставлены правительствомъ, то несомнѣнно выдвинутся болѣе способные работники и болѣе талантливые ораторы, которыхъ гораздо больше между лѣвыми, чѣмъ между правыми, и качество до извѣстной степени замѣнитъ количество, какъ это до послѣдняго времени происходило почти повсюду въ земскихъ собраніяхъ. Такимъ образомъ, для со стороны реформаторской дѣятельности, положеніе далеко не такъ безна-

дежно, какъ это многимъ кажется. Правда, есть и такого рода слухи, что правое большинство, если оно составится, намѣрено провозгласить уничтоженіе самой Думы, отмѣну манифеста 17 октября 1905 г. и вообще формальное возвращеніе къ старымъ порядкамъ. Но трудно допустить, чтобы правительство предоставило Думѣ инниціативу такого государственнаго переворота, даже въ томъ случаѣ, если бы оно одобряло его по существу. Это бы значило поставить Думу, хотя бы на одинъ моментъ, выше себя и признать за ней учредительныя права, что совершенно противорѣчило бы всѣмъ тенденціямъ правительства, которое, притомъ, при желаніи, можетъ сдѣлать то же самое и по собственной иниціативѣ. Это было бы большимъ несчастьемъ для Россіи, но это уже возможность такого рода, которая выходитъ изъ предѣловъ обсужденія вопросовъ о Думѣ и выборахъ.

Обращаясь къ другой сторонѣ думской дѣятельности, именно къ ея политически-воспитательному значенію, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что уже одинъ фактъ существованія представительнаго законодательнаго учрежденія пріучаетъ народъ къ тому, чтобы считать его, а слѣдовательно и участіе народа въ законодательствѣ и управленіи, за нѣчто нормальное. Извѣстно, что все привычное дѣлается потребностью, а съ теченіемъ времени и необходимостью; это вѣрно какъ по отношенію къ личнымъ привычкамъ, такъ и къ общественнымъ; тѣ и другія играютъ огромную роль въ установленіи опредѣленныхъ человѣческихъ отношеній. Такъ, привычными потребностями рабочихъ опредѣляется такое важное соціальное отношеніе, какъ средняя величина заработной платы. Такую же роль играетъ и привычка народа къ извѣстнымъ политическимъ формамъ; напримѣръ, прочность парламента въ Англіи въ очень большой степени обусловлена тѣмъ, что ни одинъ англичанинъ, начиная съ короля, не моможетъ себѣ и представить Англію безъ парламента. У насъ общественное представительство есть еще пока дѣло новое и понятіе о немъ не укоренилось еще въ народномъ сознаніи, но съ теченіемъ времени, чѣмъ дальше, тѣмъ оно будетъ больше получать значеніе нормальной, необходимой потребности и тѣмъ невозможнѣе сдѣлается его устраненіе. Изъ этого слѣдуетъ, что надо беречь даже самую идею Думы, независимо отъ ея непосредственной полезности, конечно, не отказываясь отъ оппозиціи ея большинству, если послѣднее вступитъ на ложный путь. Но Дума можетъ быть, кромѣ того, прекраснымъ орудіемъ политическаго воспитанія общества. Въ Думѣ, какая бы она ни была, будутъ необходимо поставлены важнѣйшіе государственные и общественные вопросы и будутъ обсуждаться съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Изъ взаимной критики различныхъ законопроектовъ неизбѣжно будетъ выясняться отношеніе къ этимъ вопросамъ различныхъ классовъ и партій. Все это будетъ совершаться не въ тиши канцелярій, вдали отъ общественной критики, а открыто, публично, при постоянномъ вниманіи и критическомъ отношеніи всего народа. И такъ какъ думскія работы будутъ касаться самыхъ существенныхъ потребностей населенія, то несомнѣнно, что оно будетъ съ величайшимъ интересомъ

слѣдить за ними, а это будетъ и для него самого лучшимъ, чѣмъ какая бы то ни была словесная или печатная пропаганда, средствомъ къ ознакомленію со всѣми политическими задачами и политическимъ положеніемъ. Сознательность его въ этомъ отношеніи, благодаря Думѣ, будетъ постепенно расти, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ усиливаться и та реальная поддержка, которую она будетъ давать тѣмъ теченіямъ и направленіямъ, которыя, послѣ сознательной критики ихъ, будутъ имъ признаны за отвѣчающія его собственнымъ желаніямъ и потребностямъ.

Не только дѣятельность Думы, но и непосредственно связанные съ нею выборы замѣтно будятъ народное сознаніе. Какъ ни слаба была въ нынѣшнемъ году предвыборная агитація, все же и она дѣйствовала въ этомъ направленіи. Вся исторія троекратныхъ выборовъ и троекратнаго роспуска Думы несомнѣнно оставила глубокій слѣдъ въ народной мысли, освѣтивъ многое бывшее для нея до тѣхъ поръ темнымъ и заставивъ ее произвести капитальную переоцѣнку многихъ политическихъ и соціальныхъ цѣнностей. Однимъ изъ эпизодовъ внутренняго процесса развитія, происходящаго подъ вліяніемъ выборной и думской дѣятельности, является выступленіе на политическую арену бѣлаго духовенства. Мы уже говорили о важной роли, отведенной ему въ нынѣшней избирательной системѣ. Этимъ оно несомнѣнно обязано представленію о немъ правительства, какъ о такомъ сословіи или общественномъ классѣ, которому правительство можетъ вполнѣ довѣрять въ томъ смыслѣ, что онъ будетъ дѣйствовать на выборахъ, какъ организованная и дисциплинированная масса, слѣпо повинующаяся своимъ руководителямъ архіереямъ, которые въ свою очередь будутъ дѣйствовать вполнѣ по указаніямъ правительства. Послѣднее предположеніе, конечно, справедливо. Высшее монашествующее духовенство, съ синодомъ во главѣ, давно уже не имѣетъ у насъ ни тѣни самостоятельности; времена Филипповъ и Никоновъ давно прошли, и въ настоящее время синодъ со своимъ оберъ-прокуроромъ представляетъ не что иное, какъ министерство культа, а архіереи—подвѣдомственныхъ ему мѣстныхъ администраторовъ, которые, конечно, столько же могутъ оказаться въ оппозиціи правительству, какъ и губернаторы или предсѣдатели казенныхъ палатъ. Въ полномъ подчиненіи у нихъ находятся приходскіе священники, и поэтому казалось, что дѣйствительно на нихъ можно разсчитывать какъ на вполнѣ послушныхъ исполнителей архіерейскихъ предписаній въ отношеніи выборовъ, какъ и во всемъ остальномъ. Однако нѣкоторые факты наводили на сомнѣніе относительно вѣрности такого предположенія.

Извѣстно, что во второй Думѣ было уже нѣсколько священниковъ, смѣло присоединившихся къ оппозиціи и подвергшихся за это потомъ преслѣдованію. Что это не были, какъ выражается о нихъ въ своемъ воззваніи епископъ Могилевскій, «выродки духовнаго сословія», доказывается тѣмъ, что многіе представители этого сословія высказали свое сочувствіе этимъ священникамъ. Такъ, депутаты Вятскаго епархіальнаго съѣзда подали въ Синодъ ходатайство о пересмотрѣ судебнаго дѣла о священникѣ Тихвинскомъ,

лишенномъ сана по приговору епархіальнаго суда. Въ своемъ ходатайствѣ представители Вятскаго духовенства находили неправильною ссылку суда на каноническія правила и признавали со своей стороны, что вся дѣятельность Тихвинскаго не содержитъ въ себѣ ничего такого, что могло бы повлечь за собой столь страшное для священника наказаніе, какъ лишеніе сана. Такія же проявленія свободнаго отношенія къ сужденію начальства и въ частности по выборному вопросу встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ.

Въ Петербургѣ по иниціативѣ члена Государственнаго совѣта протоіерея Горчакова была сдѣлана попытка оказать давленіе на столичное духовенство въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ священники голосовали за октябристовъ и въ этомъ же направленіи агитировали среди своихъ прихожанъ. Но на бывшихъ по этому поводу благочинническихъ собраніяхъ всѣ священники отказались отъ такой агитаціи и отъ принятія на себя какихъ-либо обязательствъ, хотя нѣкоторые высказали, что они и сами по себѣ сочувствуютъ октябристамъ. Кажется, можно сказать съ большой вѣроятностью, что освободительное движеніе послѣднихъ лѣтъ не осталось безъ вліянія и на духовенство. И вообще условія его жизни, особенно сельскаго духовенства, таковы, что даютъ много основаній для недовольства существующимъ порядкомъ вещей; а деспотизмъ епархіальныхъ властей и условія консисторскаго управленія, худшаго изъ всѣхъ существующихъ у насъ видовъ бюрократіи, могли дѣйствовать двояко: или угнетающимъ образомъ, лишая подвергавшихся ихъ дѣйствію всякой иниціативы и самостоятельности, или, напротивъ, возбуждающимъ, развивающимъ желаніе освободиться отъ гнета, невыносимаго для всякаго человѣка, сколько-нибудь сознающаго свое достоинство. Извѣстно, что духовныя семинаріи, разсадники будущихъ духовныхъ пастырей, всегда отличались значительной долей свободомыслія и еще полвѣка тому назадъ изъ нихъ выходили Чернышевскіе и Добролюбовы. Въ послѣднее время волненія, бывшія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскаго типа, нисколько не съ меньшею силою проявились и въ духовныхъ семинаріяхъ, вслѣдствіе чего большое число ихъ было закрыто. Конечно, между кончающими курсъ семинарій происходитъ потомъ диференцировка, причемъ наиболѣе свободомыслящіе и энергичные идутъ больше не на священническія, а на свѣтскія мѣста. Однако же и въ числѣ священниковъ оказываются иногда люди съ широкимъ пониманіемъ не только нуждъ своего сословія, но и нуждъ народа.

Въ этомъ отношеніи особенно выгодно поставлено сельское духовенство, естественно стоящее близко къ народу и имѣющее возможность непосредственно узнать его нужды. Мы вовсе не хотимъ идеализировать духовенство; мы знаемъ, что очень большая часть его и по общему нравственному развитію и по политическому пониманію далеко не находится на высотѣ своего положенія; мы помнимъ и многіе случаи черносотеннаго изувѣрства, проявленнаго священниками, участія ихъ въ натравливаніи толпы на интеллигенцію и на евреевъ, неблаговидную роль, которую многіе изъ нихъ играли въ преслѣдованіи земскихъ учителей и т. п. Но мы

знаемъ и факты совершенно противоположнаго характера, и во всякомъ случаѣ у духовенства нѣтъ такихъ классовыхъ причинъ для реакціоннаго направленія, какія существуютъ для класса землевладѣльцевъ. Мы менѣе всего склонны ожидать отъ него безкорыстія, но положеніе его таково, что собственный его интересъ, не какъ отдѣльныхъ лицъ, а какъ соціальной группы, заставляетъ его желать реформъ. Поэтому естественно, что одновременно съ первыми шагами освободительнаго движенія стали раздаваться голоса и о необходимости церковной реформы. Явилось предположеніе о созывѣ общерусскаго церковнаго собора, который вначалѣ понимался какъ собраніе представителей не только высшей церковной іерархіи, но и приходскихъ священниковъ и выборныхъ отъ мірянъ. Это предположеніе нашло себѣ отзывъ не только въ представителяхъ церкви, но и въ мірскихъ, либеральныхъ кругахъ. Конституціонно-демократическая партія включила церковный вопросъ въ число своихъ задачъ и избрала для разработки его особую коммиссію. Въ послѣднемъ нумерѣ *Вѣстника Народной Свободы* князь Пав. Д. Долгоруковъ очень своевременно напоминаетъ тѣ положенія, къ которымъ пришла эта коммиссія. Въ основаніе ихъ положенъ тотъ взглядъ, что «Православной русской церкви принадлежитъ право свободнаго самоуправленія на началахъ истинной соборности съ участіемъ мірянъ, согласно ученію самой церкви, всѣ узаконенія, ставящія высшее церковное управленіе въ положеніе подчиненнаго органа государственнаго управленія, отмѣняются». За оберъ-прокуроромъ остается лишь наблюденіе за закономѣрностью взаимныхъ отношеній церкви и государства, активное же вмѣшательство его въ дѣла церкви устраняется. Церковно-приходской общинѣ предоставляются права юридическаго лица по пріобрѣтенію собственности, устроенію собраній и участію въ выборахъ на церковныя должности. Эти указанія несомнѣнно въ значительной мѣрѣ совпадаютъ съ воззрѣніями и передовыхъ людей изъ духовенства. Но ожидать какой-либо серьезной реформы отъ церковнаго собора въ настоящее время невозможно, такъ какъ съ наступленіемъ реакціоннаго періода идея собора совершенно утратила свой первоначальный смыслъ и значеніе. Изъ Высочайше утвержденнаго Положенія о составѣ собора и о производствѣ дѣлъ на ономъ видно, что хотя соборъ и будетъ состоять «изъ епископовъ, клириковъ и мірянъ», однако на основаніи 4 ст. «клирики и міряне, приглашенные на соборъ, участвуютъ въ обсужденіи всѣхъ соборныхъ дѣлъ и вопросовъ, но соборныя опредѣленія и постановленія составляются и подписываются одними епископами или замѣстителями ихъ», другими словами всѣ члены собора, кромѣ архіереевъ, будутъ имѣть лишь совѣщательный голосъ; да и эти совѣщательные члены, — по одному священнику и одному міряннну отъ епархіи, утверждаются архіереемъ изъ трехъ кандидатовъ, избранныхъ трехстепенными выборами отъ причтовъ и приходскихъ собраній черезъ благочиническія и затѣмъ черезъ епархіальныя выборныя собранія. Предсѣдательствуетъ Петербургскій митрополитъ; засѣданія собора, вообще открытыя,

могутъ быть и закрытыми, если то признаетъ нужнымъ соборъ. Изо всего этого видно, что соборъ будетъ представлять изъ себя не что иное, какъ совѣщаніе архіереевъ, и что ожидать отъ него какой-нибудь серьезной реформы церковной жизни такъ же мало возможно, какъ ожидать аграрной или земской реформы отъ состава послѣднихъ земскихъ съѣздовъ. Есть слухи, что такъ смотритъ на соборъ и само приходское духовенство; изъ 23 епархій (какъ сообщаетъ петербургская газета) присланы письменныя заявленія о нежеланіи производить выборы на соборъ, поэтому будто бы онъ и отсроченъ до марта. При такихъ условіяхъ понятно, что наиболѣе живые члены духовенства начинаютъ сами искать выхода изъ положенія, въ которомъ нельзя оставаться и нѣтъ надежды выйти черезъ соборъ. Это движеніе оказывается настолько сильнымъ, что вызвало спеціальный циркуляръ Синода, адресованный къ епархіальнымъ архіереямъ, гласящій слѣдующее: «За послѣднее время нѣсколькими донесеніями консисторій установленъ фактъ существованія тайнаго общества священно-церковно-служителей. Цѣли общества: 1) организація объединенія духовенства на почвѣ уничтоженія нѣкоторыхъ обрядовъ, освященныхъ православною церковью; 2) уничтоженіе сборовъ и образованіе денежнаго фонда взамѣнъ первыхъ, и 3) тѣсное объединеніе всего духовнаго сословія на защиту истинно-христіанскихъ идей». Все это Синодъ конечно, признаетъ вреднымъ и опаснымъ для православной Руси и строго предписываетъ архіереямъ принять всѣ мѣры къ уничтоженію подобнаго союза.

Изъ другихъ источниковъ (газета *Русь*) извѣстно, что въ настоящее время между нѣкоторыми священниками, которымъ запрещено священнослуженіе, ведется переписка относительно образованія новой христіанской совершенно самостоятельной общины, которая должна имѣть своего епископа, посвященнаго въ одной изъ заграничныхъ православныхъ церквей. Предполагается обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о легализаціи новой общины. Въ средѣ духовенства появляется также стремленіе къ освобожденію богословской науки отъ церковной цензуры. 16 сентября въ Петербургской духовной академіи состоялось собраніе представителей студентовъ всѣхъ духовныхъ академій, на которомъ предположено открыть въ Москвѣ вольные богословскіе курсы; средства на ихъ содержаніе согласились давать представители бѣлаго духовенства въ числѣ 182 человѣкъ.

Всѣ подобные факты указываютъ на возникновеніе въ средѣ духовенства такого теченія, которое естественно сближаетъ его съ людьми свободомыслящаго направленія. Нельзя не отмѣтить, кромѣ того, что свобода православной церкви является логически связанной съ религіозной свободой вообще, т.-е. съ признаніемъ религіи личнымъ дѣломъ каждаго и съ устраненіемъ государства и его цѣлей отъ всякаго вмѣшательства въ это личное дѣло. Между тѣмъ, свобода совѣсти всегда была противна реакціи, которая и въ настоящее время у насъ пытается ограничить и ту неполную свободу, которая дана была 17 октября 1905 г. Иногда это дѣ-

лается путемъ различныхъ «разъясненій». Такъ, напр., въ Тюкалинскомъ уѣздѣ (Тобольской губ.) устраненъ губернаторомъ наставникъ старообрядческой общины священникъ Узловъ за то, что 12 лѣтъ тому назадъ, т.-е. при прежнихъ законахъ, онъ былъ осужденъ за «совращеніе въ расколъ», т.-е. за несуществующее въ настоящее время преступленіе. Иногда самый законъ ограничивается особыми распоряженіями. Такъ, недавно Синодомъ въ указѣ военному протопресвитеру объявлено, что переходъ нижнихъ воинскихъ чиновъ православнаго исповѣданія въ инославныя и иновѣрныя не долженъ быть допускаемъ въ теченіе пребыванія этихъ лицъ на дѣйствительной военной службѣ. Мотивируется это распоряженіе тѣмъ, что 1) православная вѣра основными законами Россійской имперіи признается первенствующей и господствующей; 2) что русское воинство искони имѣло девизомъ своимъ защиту вѣры, царя и отечества, причемъ вѣра здѣсь всегда разумѣлась православная, а потому переходъ изъ православія лицъ состоящихъ на военной службѣ былъ бы измѣной исконнымъ завѣтамъ русскаго воинства и колебаніемъ основъ военной службы; 3) что такое временное ограниченіе не можетъ почитаться несправедливымъ, ибо военныя лица не пользуются въ полной мѣрѣ и другими видами гражданской свободы. Такимъ образомъ, по сужденію Святѣйшаго синода, вѣра человѣка, т.-е. отношеніе его къ Богу, есть лишь одинъ изъ видовъ гражданскихъ правъ и регулируется государственными требованіями, въ томъ числѣ требованіями военной службы. Невольно приходитъ на память діалогъ, разсказываемый Л. Толстымъ: «Ты читалъ ли Евангеліе?» — «А ты читалъ ли воинскій уставъ?» Вотъ это-то подчиненіе святой святыхъ человѣческой души государственнымъ или даже правительственнымъ цѣлямъ и создаетъ то положеніе, что православная вѣра находится на службѣ правительства и ея священнослужители являются правительственными чиновниками. Тѣ изъ нихъ, которые поняли это свое положеніе и хотятъ освободиться отъ него, поймутъ, конечно, и ту связь, которая существуетъ между ихъ подчиненіемъ и реакціоннымъ направленіемъ вообще, и направятъ свои усилія на борьбу съ послѣднимъ и въ политической сферѣ.

Мы остановились на этотъ разъ нѣсколько подробнѣе на прогрессивныхъ теченіяхъ, существующихъ въ духовенствѣ. Но такія же, и даже болѣе сильныя теченія существуютъ и въ другихъ группахъ и классахъ населенія. Въ общемъ можно сказать, не рискуя ошибиться, что большинство населенія осталось столь же оппозиціоннымъ, какъ было и раньше. Съ этимъ должна считаться будущая Дума, какой бы ни былъ ея составъ. Она должна помнить, что по способу своего избранія она лишь искусственно и случайно является въ роли народнаго представительства и поэтому обязана быть особенно осторожной, чтобы не оказаться виновною въ величайшемъ преступленіи передъ родиной и передъ исторіей, подмѣнивъ истинныя народныя требованія своими собственными измышленіями и вожделѣніями.

В. Линдъ.

Иностранная политика.

Гаагская конференція.

Что дала вторая гаагская конференція дѣлу международнаго мира? Насъ не можетъ удивлять то чувство разочарованія, которое слышится обыкновенно въ ея оцѣнкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, практическіе результаты такъ ничтожны! Есть ли надежда, по крайней мѣрѣ, что этотъ обмѣнъ мыслей между представителями національностей цивилизованнаго міра, чтобы это исканіе выхода хотя нѣсколько приблизило тотъ часъ, когда столкновенія между народами перестанутъ разрѣшаться силой оружія? Есть ли надежда, что подобнымъ путемъ уменьшится та масса человѣческаго страданія, которая возникаетъ въ современной войнѣ, которую трудно даже охватить воображеніемъ? Мы, русскіе, еще слишкомъ недавно пережили ужасы войны, чтобы мы могли относиться съ равнодушіемъ къ этимъ вопросамъ.

Первая гаагская конференція, какъ извѣстно, была собрана по программѣ весьма широкой. Въ нотахъ русскаго правительства отъ 12 августа и 30 декабря 1898 г. характеризовались всѣ бѣдственныя слѣдствія господства милитаризма,—бѣдствія, которыя должны все увеличиваться и привести къ страшной катастрофѣ, «поэтому,—говорилось тамъ,—императорское правительство полагаетъ, что настоящее время весьма благопріятно для изысканія путемъ международнаго обсужденія наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпечить всѣмъ народамъ истинный и прочный миръ, и прежде всего положить предѣлъ все увеличивающемуся развитію современныхъ вооруженій. Таковъ нынѣ высшій долгъ для всѣхъ государствъ». Въ соотвѣтствіи съ этимъ русское правительство выработало програму, которая сводилась къ тремъ главнымъ пунктамъ: ограниченію вооруженій, организаціи мирнаго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ и смягченію способовъ веденія войны; по каждому изъ нихъ дѣлались конкретныя предложенія.

Въ публицистической литературѣ международнаго права наибольшій скептицизмъ вызывалъ первый пунктъ, касающійся ограниченія вооруженій. Не только сознательные сторонники милитаризма вродѣ грейфсвальдскаго профессора Штерна, но и люди, видящіе все разлагающее вліяніе

его на европейскую жизнь, подобные Деспанье и Дрозу, указывали на практическую неосуществимость реформы, предлагаемой Россіей, по крайней мѣрѣ, въ цѣломъ ея объемѣ. И этотъ скептицизмъ въ литературѣ явился предвѣстникомъ отношенія къ вопросу со стороны членовъ конференціи. На ней представитель Россіи полковникъ Жилинскій внесъ 3 предложенія: 1) чтобы правительства путемъ международнаго соглашенія обязались не увеличивать въ теченіе 5 лѣтъ принятый ими составъ армій (это не относится къ колоніямъ), 2) чтобы въ случаѣ успѣха такого предложенія они вообще опредѣляли численность своихъ войскъ для мирнаго времени, не включая сюда опять-таки войскъ колоніальныхъ, 3) чтобы они въ продолженіе указаннаго пятилѣтія вообще не увеличивали свой военный бюджетъ. Всѣ эти предложенія встрѣтили особенно энергичный отпоръ со стороны представителя Германіи Шварцгофа, который утверждалъ совершенную невозможность для этой страны принять подобныя ограниченія развитія своихъ вооруженныхъ силъ; отношеніе прочихъ уполномоченныхъ также вовсе не характеризовалось сочувственнымъ энтузіазмомъ, и въ результатѣ доклада подкомиссіи, куда всетаки для приличія сдали предложеніе Россіи, выработана была слѣдующая резолюція: «комиссія полагаетъ, что ограниченіе военныхъ тягостей, которыя такъ обременяютъ міръ, крайне желательно въ видахъ улучшенія какъ нравственнаго, такъ и матеріальнаго благосостоянія человѣчества». Это благочестивое пожеланіе было настолько далеко отъ всякаго практическаго результата, настолько принятіе его въ сущности означало неуспѣхъ главной цѣли, поставленной для конференціи въ русской программѣ, что даже представители Германіи, относившіеся съ такой мнительностью ко всякимъ мѣрамъ противъ милитаризма, не отказались голосовать за него. Менѣе сочувственно отнеслись они къ другому пожеланію, тоже весьма мало конкретному, но такому, которое угрожало новымъ возбужденіемъ вопроса: пожеланія, дабы правительства разсмотрѣли, въ какихъ формахъ и предѣлахъ они могутъ вступить во взаимное соглашеніе и установить у себя ограниченіе военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, а также и военныхъ бюджетовъ.

Значительно болѣе цѣнны были результаты, къ которымъ пришла первая гаагская конференція относительно возможности смягченія войны. Здѣсь она могла опираться на женевскую конференцію 1867 года и брюссельскую 1874 года, которыя намѣчали болѣе человѣчныя формы военнаго права. Сюда, во-первыхъ, относится конвенція о примѣненіи къ морской войнѣ началъ женевской конвенціи. Далѣе были приняты деклараціи противъ употребленія пуль, которыя легко разрываются и сплющиваются въ человѣческомъ тѣлѣ; противъ бросанія ядеръ и взрывчатыхъ снарядовъ, противъ употребленія снарядовъ, распространяющихъ удушливые и смертоносные газы. Наконецъ, наиболѣе плодотворной стороной работъ конференціи было то, что касалось посредничества и третейскаго суда. Конференція вообще рекомендовала обра-

ніе къ посредничеству третьихъ державъ, и устройство международныхъ слѣдственныхъ коммиссій. Рѣшеніе конфликтовъ правового характера предоставлялось международному третейскому суду: и здѣсь Германія особенно рѣзко высказывалась против всякихъ проектовъ дать ему обязательный, а не факультативный характеръ. Однако всетаки рѣшено было организовать постоянный международный судъ и установлены какъ способъ его составленія, такъ и формы дѣлопроизводства. Это была наиболѣе практическая сторона дѣла: хотя и здѣсь все зависѣло отъ доброй воли державъ, но всетаки конкретно намѣчался путь разрѣшенія, путь не отмѣченный той печатью безнадежнаго утопизма, которая лежала до сихъ поръ на всякихъ проектахъ и программахъ разоруженія и даже ограниченія вооруженій. «Охрана общаго мира честными и совѣстными усиліями всѣхъ—характеризовалъ работу конференціи бельгійскій представитель Декамъ, предсѣдатель-докладчикъ редакціоннаго комитета о посредничествѣ и третейскомъ судѣ,—«добрыя услуги и посредничество, возведенныя въ надежное орудіе охраны и возстановленія мирныхъ отношеній; международныя слѣдственныя коммиссіи, устроенныя такъ, чтобы, не посягая на свободу, давать, однако, важныя гарантіи успѣха для предназначеннаго имъ дѣла; третейская юстиція, признанная широко, но не навязанная; установленіе постояннаго третейскаго суда въ связи съ международнымъ бюро въ Гаагѣ и съ постояннымъ же тамъ совѣтомъ изъ дипломатическихъ представителей державъ; выработка третейскаго процесса въ его главныхъ основныхъ чертахъ—таковы результаты дѣла конференціи въ этой области, отвѣчающіе безспорно благороднѣйшимъ стремленіямъ нашего вѣка. Исторія современемъ поставитъ въ заслугу гаагской конференціи то, что она искренне и съ пользой потрудилась надъ дѣломъ укрѣпленія и организаціи мира подъ сѣнью справедливости».

Было ли въ этихъ словахъ преувеличеніе достигнутаго результата? Въ плюсъ конференціи ставится, во-первыхъ, англо-французскій договоръ 14 октября 1903 г., согласно которому споры юридическаго характера, не улаженные дипломатическимъ путемъ, должны передаваться въ постоянный третейскій судъ, установленный на гаагской конференціи. Однако значеніе выставленнаго принципа существенно ослаблялось оговоркой, по которой это не распространяется на предметы спора, затрогивающіе жизненные интересы, независимость или честь договаривающихся государствъ, а также интересы третьихъ державъ. Очевидно, широкое примѣненіе этой оговорки могло свести на нѣтъ все обязательство.

Далѣе нельзя забыть дѣятельности слѣдственной коммиссіи, которая занималась гулльскимъ инцидентомъ и которая, безъ сомнѣнія, предупредила большую опасность вооруженнаго столкновенія Россіи и Англіи. Можно было бы также упомянуть о разрѣшеніи венецуэльскаго конфликта. Что касается конвенціи относительно правилъ морской войны, онѣ примѣнялись въ англо-бурской и въ русско-японской войнѣ, въ послѣдней получили практическое осуществленіе также вышеуказанныя три деклараціи.

Вотъ на что могли бы сослаться тѣ, кто отстаивали плодотворность занятій гаагской конференціи. Ихъ доводы были неоспоримы, хотя, конечно, съ другой стороны, они не могли бы отрицать слишкомъ краснорѣчивыхъ и грозныхъ фактовъ, указывающихъ, насколько всетаки слабы всякія подобныя благожелательныя попытки на пользу мира въ сравненіи съ реальной основой милитаризма. И прежде всего какой ужасный отвѣтъ на надежды о предотвращеніи войнъ дали англо-бурская и русско-японская войны. Пускай онѣ, какъ и предшествовавшая имъ испано-американская война происходили внѣ предѣловъ европейскаго континента и могутъ быть отнесены къ разряду тѣхъ колоніальныхъ войнъ, относительно которыхъ и русскія программы ограниченія вооруженій дѣлали извѣстныя оговорки, но развѣ этотъ колоніальный характеръ дѣлалъ ихъ менѣе кровопролитными и менѣе разрушительными? Между тѣмъ не было даже и попытокъ передать южно-африканскій и дальне-восточный конфликтъ на рѣшеніе посредниковъ. Нѣтъ, оказалось, что всюду, гдѣ затронуты дѣйствительные или мнимые жизненные интересы народовъ, апелляція къ оружію остается въ прежней силѣ. Далѣе, пускай конвенція относительно морской войны и соблюдалась, что значитъ результатъ ея въ сравненіи съ Цусимой? Какія попытки гуманизировать войну могутъ разсматриваться дѣйствительными послѣ Мукдена? И это не касаясь даже тѣхъ многочисленныхъ обвиненій, которыя раздавались съ обѣихъ сторонъ въ нарушеніи международныхъ конвенцій, касающихся Краснаго Креста и т. д.

Событія, пережитыя послѣ гаагской конференціи, несомнѣнно показали, насколько близка возможность войны въ самыхъ разнообразныхъ пунктахъ земного шара; достаточно указать марокксkій инцидентъ, который несомнѣнно могъ повести къ войнѣ между Франціей и Германіей и который, строго говоря, нельзя еще считать исчерпаннымъ вполнѣ даже и теперь. Въ области международныхъ вооруженій едва ли можно было также замѣтить какую-нибудь тенденцію къ ограниченію ихъ. Программа новаго флота, принятая Германіей, ясно показываетъ, что эта держава стремится и въ морскомъ милитаризмѣ занять то же мѣсто, которое она занимаетъ въ области сухопутнаго. Правда, мы видимъ, что Франція приняла за это время законъ о сокращеніи военной службы до двухъ лѣтъ; но какъ много усилій употребили сторонники этого закона на доказательство, что онъ не подрываетъ рессурсовъ національной обороны, какъ пришлось въ интересахъ той же цѣли уничтожить всякія льготы—семейныя и образовательныя и, словомъ, какъ ясно было, что эта реформа признается лишь возможной при условіи сохраненія за Франціей ея военныхъ возможностей. Наконецъ, даже въ Англіи поднимается вопросъ о трудности остаться при старой системѣ добровольной вербовки и необходимости перейти къ организаціи, болѣе обезпечивающей военную безопасность страны.

Сдѣлала ли въ это время значительные успѣхи проповѣдь пацифизма? Конечно, то «эволюціонное», по выраженію кн. Г. Трубецкого, теченіе, которое связано съ именемъ Д'Эстурнэль де Констана и Пасси во Франціи,

Томаса Барклея въ Англіи, находитъ себѣ все больше и больше сторонниковъ среди общества вообще, среди различныхъ парламентскихъ группъ въ частности. Но надо сознаться, что здѣсь дѣло идетъ лишь объ укрѣпленіи извѣстной тенденціи къ мирному рѣшенію спора, о долгомъ процессѣ развитія, процессѣ культурномъ и моральномъ. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ своеобразный революціонный пасифизмъ. Особенно ярко онъ выраженъ въ современномъ французскомъ синдикальномъ движеніи.

Извѣстно, какой шумъ возбудила пропаганда Эрве, предлагающаго бросить идею отечества, какъ ненужную ветошь, и рекомендовавшаго grève militaire. Эти идеи, встрѣтившія энергичный отпоръ среди французскихъ радикаловъ и радикалъ-соціалистовъ, нашли въ то же время весьма мало сочувствія среди соціалистовъ за предѣлами Франціи—особенно въ Германіи. Мы видѣли, какъ рѣзко осуждаетъ нѣмецкая соціалъ-демократія подобную пропаганду антимилитаризма; болѣе того, послѣ выборовъ 1907 г. самое отношеніе соціалъ-демократіи къ вопросамъ, связаннымъ съ защитой страны и съ признаніемъ національнаго принципа какъ будто пересматривается. Нечего говорить, что сторонники бернштейновскаго теченія еще энергичнѣе отстаиваютъ необходимость для соціалъ-демократіи провести рѣзкую демаркаціонную черту, отдѣляющую ее отъ анархическаго антимилитаризма.

Словомъ, если въ обще-европейской духовной атмосферѣ начала XX в. живетъ сознаніе тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, которыя даетъ война, и тѣхъ тягостей, которыя возлагаетъ на народы режимъ вооруженнаго мира, то мечта о близкой эпохѣ всеобщаго примиренія и всеобщаго разоруженія далека отъ нея,—дальше, быть можетъ, чѣмъ передъ первой гаагской конференціей. И это въ достаточной мѣрѣ отразилось на программѣ второй гаагской конференціи. Новая программа, выставленная Россіей, рѣзко отличается отъ широкихъ и торжественно возвѣщенныхъ плановъ 1898 года. Главное отличіе заключается въ томъ, что вопроса объ ограниченіи вооруженій Россія предлагала вовсе не затрогивать. Задачи конференціи, по ея мнѣнію, должны быть всецѣло практическія; сюда входятъ: 1) пересмотръ конвенцій, касающихся мирнаго разрѣшенія международныхъ споровъ посредствомъ третейскаго суда и международной слѣдственной коммиссіи, 2) прибавленіе къ конвенціи 1899 г., касающееся законовъ и обычаевъ сухопутной войны, между прочимъ, открытія враждебныхъ дѣйствій, права нейтральныхъ элементовъ на сушѣ и 3) выработка конвенціи относительно законовъ и обычаевъ морской войны въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ пунктахъ: въ томъ, что касается бомбардировки портовъ, обращенія коммерческихъ судовъ въ военныя, отсрочки, предоставленной коммерческимъ судамъ для выхода изъ нейтральныхъ или вражескихъ портовъ, при объявленіи войны, правъ и обязанностей нейтральныхъ судовъ на морѣ. Это умолчаніе въ программѣ подчеркивалось еще заявленіемъ Мартенса, что вопросъ объ ограниченіи вооруженія не назрѣлъ.

Нечего говорить, что Германія чрезвычайно сочувственно отнеслась къ подобному исключенію изъ программы пункта, проводить который такъ

успѣшно старались представители ея на первой гаагской конференціи; въ этомъ отношеніи за нею слѣдовала ея вѣрная союзница Австро-Венгрія.

Роли перемѣнились; предложеніе внести вопросъ объ ограниченіи вооруженій опять было сдѣлано и на этотъ разъ изъ среды англо-саксонскаго міра. Уже въ мартѣ 1906 г. Кембель-Банерманъ заявилъ, что онъ употребитъ всѣ усилія для того, чтобы произвести экономію въ бюджетѣ какъ арміи, такъ и флота. Нѣсколько позже Грей присоединился къ предложенію Вивьяна о желательности постановки вопроса объ ограниченіи вооруженій на гаагской конференціи, а глава англійскаго кабинета говорилъ членамъ международной парламентской конференціи, собранной въ Лондонѣ: «возвратившись на родину, настойте въ интересахъ человѣчества, чтобы правительства послали на гаагскую конференцію одушевленныхъ надеждою какая есть въ умахъ—облегчить бремя военнаго и морского бюджета». Наконецъ, всѣми была отмѣчена статья Баннермана въ *Nation* съ горячимъ призывомъ въ пользу установленія такого международнаго соглашенія.

Есть ли основаніе сомнѣваться въ искренности этого призыва, который, по выраженію Бальфура, является «благожелательной банальностью». Нѣтъ надобности говорить, что общій характеръ англійской политики измѣнился съ 1898—1899 гг., когда власть была въ рукахъ консервативнаго кабинета, когда чувствовалось приближеніе англо-бурскаго конфликта, когда торжествовала имперіалистическая идея. Выборы 1906 г. были страннымъ ударомъ для этого имперіализма съ его программой протекціонистской политики. Этотъ новый курсъ, который характеризуется растущимъ вѣсомъ рабочей партіи въ политикѣ, подготовляетъ смѣлыя соціальныя реформы. Достаточно указать на аграрный законопроектъ—и онъ, естественно, отразился и на отношеніи англійскаго правительства къ вопросу, который долженъ былъ быть поставленъ передъ гаагской конференціей.

Далѣе идутъ Соединенные Штаты, гдѣ Рузвельтъ принялъ на себя инициативу постановки вопроса на гаагской конференціи объ ограниченіи вооруженія. Это было естественно при той роли, которая выпала на долю американскаго президента въ ликвидаціи русско-японской войны. Еще недавно президенту пришлось бороться съ довольно сильнымъ агрессивнымъ наступленіемъ въ Соединенныхъ Штатахъ противъ Японіи, и были минуты, когда калифорнскій конфликтъ угрожалъ разгорѣться въ войну на Тихомъ океанѣ. Считаетъ ли президентъ этотъ конфликтъ случайнымъ осложненіемъ, или онъ желаетъ отсрочить эту минуту, которая, по мнѣнію американцевъ, рано или поздно должна наступить—минута рѣшительной борьбы за гегемонію на Тихомъ океанѣ,—для настоящей минуты опасность устранена. Американскіе пасифисты имѣли передъ началомъ гаагской конференціи конгрессъ, и здѣсь рѣшено было выразить признательность президенту также, какъ и Кемпбелю Баннерману. На этомъ конгрессѣ, къ которому общественное мнѣніе въ Америкѣ относилось съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, была вынесена резолюція, предлагающая американскимъ представителямъ на гаагской конференціи отстаивать ограниченіе вооруженій

и сверхъ того выработать международный договоръ о рѣшеніи споровъ третейскимъ судомъ.

Изъ европейскихъ странъ всего болѣе на точку зрѣнія Англіи и Америки стала Испанія. Она тоже оставила за собой право поднимать вопросъ объ ограниченіи вооруженія. Рѣшительнымъ контрастомъ явилась здѣсь позиція, занятая Германіей и Австро-Венгріей; она особенно характерно опредѣлена въ рѣчи гр. Бюлова въ засѣданіи рейхстага 10 апрѣля. Германскій канцлеръ заявилъ, что правительство не видитъ практическихъ результатовъ отъ возбужденія этого вопроса, и поэтому представители Германіи на конференціи воздержатся отъ всякаго обсужденія его, дабы оставить за собой полную свободу дѣйствій. Это заявленіе, впрочемъ, скорѣе пріятно разочаровало сторонниковъ возможно широкой постановки дѣла на гаагской конференціи: ходили слухи, что Германія ставитъ вопросъ объ ограниченіи вооруженій какъ conditio sine qua non своего участія на гаагской конференціи вообще. Въ этомъ отношеніи Италія не послѣдовала за другими державами тройственнаго союза; въ деклараціи 15 мая Титтони, мы, во-первыхъ, находимъ выраженіе рѣшительнаго несогласія со взглядами, будто самая постановка вопроса, данная Англіей и Америкой есть нѣчто опасное и, во-вторыхъ, принципіальное сочувствіе стремленіямъ англійскаго кабинета, хотя и не соединенное съ увѣренностью, что конференціи удастся найти въ этомъ пунктѣ объединяющую формулу, пріемлемую для представителей всѣхъ державъ. Титтони выражалъ убѣжденіе, что Италія сможетъ принять участіе въ этихъ дебатахъ и допускалъ, что въ этомъ смыслѣ есть «извѣстное различіе» вздлядовъ между ними и правительствомъ Германіи и Австріи. Приблизительно ту же точку зрѣнія передъ французской палатой депутатовъ отстаивалъ Пишонъ. Онъ указывалъ на тѣ основные принципы, которыми должны будутъ руководиться представители Франціи. «Они будутъ стремиться къ укрѣпленію идей солидарности, соглашенія, справедливости, къ уменьшенію роли, которую играетъ въ отношеніяхъ международныхъ неизвѣстность и случайность, къ ослабленію взглядовъ на силу, какъ источникъ права». Языкъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, безъ сомнѣнія, весьма выгодно отличается отъ языка нѣмецкой дипломатіи, которая, конечно, не выказала бы никакого желанія разстаться со взглядомъ на силу, какъ источникъ права, но въ смыслѣ практическихъ немедленныхъ результатовъ, и Пишонъ не обманывалъ себя иллюзіями и онъ сомнѣвался, чтобы можно было найти общепріемлемую формулу.

Оставалась Россія. Наши основные законы, совершенно изъявшіе область внѣшней политики изъ вѣдѣнія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, не даютъ у насъ случая для выступленій министра иностранныхъ дѣлъ, аналогичныхъ тѣмъ, которыя столь обычны въ парламентской жизни западныхъ государствъ. Вообще говоря, ходили слухи, основанные на нѣкоторыхъ заявленіяхъ Мартенса, сдѣланныхъ во время его заграничныхъ поѣздокъ, что Россія, не включивъ вопроса въ программу

конференціи, относится къ постановкѣ его скорѣе отрицательно, опасаясь, быть можетъ, рѣзкаго противопоставленья англійской и германской точки зрѣнія.

Надо сказать, что контрастъ этихъ точекъ зрѣнія былъ нѣсколько смягченъ средними, такъ сказать, заявленіями Франціи и Италіи, и еще больше рѣчью самого Баннермана, произнесенной на банкетѣ либеральной партіи въ Манчестерѣ; отдавая справедливое откровенности князя Бюлова, англійскій премьеръ полагаетъ, что даже если бы представитель Германіи и принялъ участіе въ обсужденіи вопроса, врядъ ли можно было бы достигнуть единогласія; его собственная инициатива была продиктована въ гораздо большей степени мыслію о результатахъ въ будущемъ, можетъ быть не близкомъ, чѣмъ объ непосредственной цѣли.

Вотъ при какихъ ауспиціяхъ открылась вторая гаагская мирная конференція, съ самаго начала окруженная атмосферой скептически настроеннаго общественнаго мнѣнія. Да и вниманіе европейскаго общества было поглощено въ эту минуту въ другую сторону: крушеніемъ второй Думы въ Россіи, результатами перваго примѣненія всеобщаго избирательнаго права въ Австріи, народнымъ движеніемъ въ южной Франціи, законодательными реформами, поставленными либеральнымъ кабинетомъ въ Англіи. Наконецъ, и въ области международныхъ отношеній происходила оживленная перегруппировка, которая могла создать условія, болѣе вѣрныя для ограниченія бѣдствій милитаризма, чѣмъ спеціально созванная для этого дипломатическая конференція.

Конференція открылась торжественной рѣчью голландскаго министра иностранныхъ дѣлъ Ванъ-Тетсъ-Ванъ-Гудріана, въ которой говорилось о важности дѣла и отмѣчались заслуги какъ Россіи, такъ и Соединенныхъ Штатовъ въ дѣлѣ подготовки конференціи. Представитель Россіи Нелидовъ, избранный предсѣдателемъ, въ свою очередь высказался относительно значенія конференціи, и въ его словахъ была несомнѣнная попытка связать традиціи первой конференціи съ дѣломъ второй, отъ которыхъ Россія какъ бы отступала, не включивъ въ программу вопроса объ ограниченіи вооруженій. «Я вижу здѣсь представителей почти всѣхъ конституціонныхъ государствъ и чувствую себя глубоко тронутымъ тѣмъ, что идея мира побудила правительства послать сюда выдающихся дѣятелей, которые примутъ участіе въ совѣщаніяхъ по вопросу мира. Для человѣчества самое цѣнное божество,—это божество мира и справедливости. Я надѣюсь, что этимъ же чувствомъ будутъ руководиться делегаты и тѣмъ будутъ содѣйствовать успѣху конференціи. Эта идея состоитъ изъ двухъ моментовъ. Во-первыхъ, надлежитъ найти средство улаживать мирнымъ путемъ конфликты, возникающіе между государствами, и препятствовать разрѣшенію конфликтовъ оружіемъ, во-вторыхъ, въ случаѣ конфликтовъ уменьшать тягости, приносимыя ими какъ для воюющихъ сторонъ, такъ и для тѣхъ третьихъ лицъ, чьи интересы затрогиваются косвеннымъ образомъ. Говорятъ, что для того, чтобы война стала рѣдкимъ явленіемъ,

нужно, чтобы народы чувствовали всѣ тягости войнъ, тогда они будутъ дѣлать все, чтобы окончить ее возможно скорѣе и не желать ея повторенія. Это соображеніе совершенно неправильно. Мѣры, введеніе которыхъ составляетъ первую часть работы конференціи, мы должны будемъ въ дальнѣйшемъ подвергнуть совершенствованію, никоимъ образомъ не увеличивая настроенія въ пользу войны, а напротивъ развивая чувства международной устойчивости. Поэтому мы должны остаться на пути, проложенномъ въ 1899 г.» Можно было смотрѣть, какъ на выраженіе традицій первой конференціи, на то обстоятельство, что представители державъ, не участвовавшіе на первой конференціи, заявили о своемъ присоединеніи къ ея рѣшеніямъ.

Переходя къ дѣятельности конференціи, надо сказать, что, благодаря закрытому характеру засѣданій коммиссій, трудно дать ея полную картину, и эта трудность еще увеличивается многочисленными слухами, которые циркулировали вокругъ работы делегатовъ и достовѣрность которыхъ провѣрить было невозможно. Такъ, вся исторія вопроса объ ограниченіи вооруженій остается неясной; чувствовалось, что здѣсь всетаки происходила извѣстная борьба между англо-американской и германской тенденціей, чувствовалось, что съ этимъ вопросомъ медлили. Онъ всетаки былъ поставленъ, но только въ концѣ августа. Онъ былъ внесенъ англійскимъ представителемъ Фреемъ, который напомнилъ о пожеланіяхъ первой конференціи и о томъ, что военный и морской бюджетъ всѣхъ европейскихъ государствъ (за исключеніемъ Турціи и Черногоріи) за промежутокъ, отдѣляющій двѣ конференціи, возросъ съ 251 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ до 320 милліоновъ. «Такова,—сказалъ Фрей,—тяжесть, подъ которой стонетъ населеніе нашихъ странъ, таковъ христіанскій міръ въ XX вѣкѣ». Правда, представитель Англіи не можетъ утверждать, какъ практически въ настоящее время осуществимо ограниченіе вооруженій, но англійское правительство обращается ко всѣмъ другимъ, предлагая имъ заняться этимъ вопросомъ величайшей важности. Здѣсь, конечно, не можетъ быть никакого принужденія; все зависитъ отъ доброй воли державъ. Въ видѣ перваго шага по этому пути англійское правительство выражаетъ готовность ежегодно сообщать проекты постройки новыхъ военныхъ судовъ со смѣтами издержекъ на нихъ тѣмъ правительствамъ, которыя будутъ отвѣчать на это взаимностью.

Предложеніе Англіи было поддержанно сочувственно представителями Франціи и Америки. Россіи предстояло высказаться категорически: какъ отнесется она теперь къ традиціямъ первой конференціи?

Нелидовъ началъ съ предложенія привѣтствовать единодушными аплодисментами починъ Англіи, но въ дальнѣйшемъ онъ указалъ, что моментъ для практической постановки, очевидно, не созрѣлъ, какъ это выяснили международныя событія послѣ 1899 г., что Россія и другія державы поэтому рѣшили не принимать участія въ обсужденіи вопросовъ, только способныхъ усилить существующее разногласіе. Однако слѣдуетъ возобно-

вить пожеланія первой конференціи и одобрить предложенія Англіи. Послѣднее, дѣйствительно, и было сдѣлано единогласно. Все это было безукоризненно съ дипломатической стороны, недурно въ смыслѣ краснорѣчія, «разногласій», дѣйствительно, не возбуждалось, но ихъ не возбуждалось потому, что не было никакой реальной причины. Нельзя же считать за таковыя резолюціи, которыя утверждали, что «вопросъ болѣе настоятеленъ чѣмъ когда-нибудь» и что «желательно, чтобы правительства снова занялись имъ». Все это скорѣе напоминаетъ почетныя похороны, чѣмъ какой-нибудь жизненный успѣхъ идеи разоруженія. Единственно, что заслуживало нѣкотораго вниманія—это предложеніе Англіи о взаимномъ освѣдомленіи относительно флота, но оно само по себѣ не подлежало вѣдѣнію конференціи, и нельзя судить, имѣло ли оно какой-либо практическій результатъ. Словомъ, въ этой области конференція могла бы только оправдать мнѣніе тѣхъ скептиковъ, которые заранѣе говорили, что ничего въ смыслѣ ограниченія милитаризма отъ нея ожидать нельзя: Англія и Америка оказались не болѣе счастливыми, чѣмъ Россія въ 1898 и 1899 гг. Не слѣдуетъ однако этимъ результатомъ мѣрить и остальную дѣятельность конференціи. Оставались еще двѣ области громадной важности: смягченіе способовъ и послѣдствій войны и предупрежденія войны третейскимъ разбирательствомъ.

Здѣсь обсуждался цѣлый рядъ вопросовъ, изъ которыхъ большинство осталось безъ окончательнаго рѣшенія, но, во всякомъ случаѣ, все дѣло было перенесено на конкретную и практическую почву; и несомнѣнно въ развитіи международнаго права труды конференціи не останутся безслѣдными.

Что касается первой, то сюда можно отнести предложеніе Франціи объ открытіи военныхъ дѣйствій, согласно которому онѣ могутъ начинаться только послѣ недвусмысленнаго объявленія войны или въ формѣ ультиматума съ условнымъ объявленіемъ. Извѣстно, что японская атака на нашу портъ-артурскую эскадру вызвала оживленный споръ о правомѣрности такого начала военныхъ дѣйствій. Далѣе много вниманія было посвящено въ коммиссіи вопросу объ оккупированныхъ территоріяхъ и о положеніи въ нихъ мирныхъ жителей, о томъ, чтобы населеніе не принуждалось давать свѣдѣнія, вредящія своей арміи и своей странѣ (Голландія) и тѣмъ болѣе участвовать прямо или косвенно въ военныхъ дѣйствіяхъ противниковъ; чтобы строго охранялся принципъ неприкосновенности частной собственности (Австрія). Германія, которая въ вопросѣ о народномъ ополченіи, можетъ быть не безъ вліянія воспоминаній 1870—1871 гг., всегда склонна была держаться взглядовъ крайне для него неблагопріятныхъ, пошла на извѣстныя уступки относительно признанія такого ополченія воюющей стороной.

Гораздо большее мѣсто въ работахъ второй гаагской конференціи заняла разработка права морской войны. Здѣсь несомнѣнно были живы впечатлѣнія русско-японской войны, впечатлѣнія отъ инцидентовъ съ

«Варягомъ» и «Корейцомъ», отъ гибели «Петропавловска», отъ Цусимы. Чувствовалось далѣе, что столкновенія на морѣ по общему ходу международной политики, въ которой центръ тяжести въ значительной степени переносился на внѣ-европейскія страны и колоніи, что эти столкновенія могутъ становиться болѣе частыми и болѣе гибельными, чѣмъ прежде, что можетъ быть въ настоящее время смягченіе условій морской войны есть дѣло еще болѣе настоятельное, чѣмъ реформа въ области права войны сухопутной. Сюда относится, прежде всего, вопросъ о пловучихъ минахъ, разбрасываніе которыхъ можетъ сдѣлать недоступными для нейтральныхъ державъ обширные морскіе районы. Между тѣмъ для нѣкоторыхъ странъ съ очень длинной береговой линіей и съ относительно малочисленнымъ флотомъ, какъ Италія, плавучія мины являются однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ самообороны. Въ интересахъ смягченія морской войны разсмотрѣны были также правила относительно бомбардировки незащищенныхъ портовъ и городовъ и приняты запрещенія ихъ обстрѣла. Единогласно подтверждено было распространеніе женевской конвенціи на морскую войну. Но больше всего труда и вниманія посвящено было разсмотрѣнію способовъ обезпечить неприкосновенность нейтральной собственности во время морской войны. Здѣсь конференція работала въ кругѣ вопросовъ, которыми международное право занимается съ особеннымъ напряженіемъ еще съ эпохи знаменитаго вооруженнаго нейтралитета, которые были пересмотрѣны на парижскомъ конгрессѣ 1855 года и гдѣ особенно трудно придти къ соглашенію вслѣдствіе рѣзкаго противорѣчія въ интересахъ различныхъ государствъ сообразно съ ихъ географическимъ положеніемъ и морскими силами. Еще во время гаагской конференціи 1899 года представитель Англіи энергично высказался противъ всякой регламентаціи обычаевъ морской войны. И оговорки, введенныя Англіей и Японіей относительно русской программы второй конференціи, что эти страны оставляютъ за собой право воздерживаться отъ обсужденія всякихъ вопросовъ, не ведущихъ къ цѣли, повидимому, болѣе всего имѣли въ виду вопросы подобной регламентаціи,—вѣдь есть большая аналогія въ морскихъ интересахъ островной европейской и азіатской державъ.

Странное извѣстіе, будто конференція по предложенію американскихъ представителей отмѣнила каперство—отмѣненное, какъ извѣстно, на парижскомъ конгрессѣ въ 1856 г. причемъ именно Соединенные Штаты не присоединились къ этой отмѣнѣ—было черезъ нѣсколько дней разъяснено; дѣло шло о предложеніи Америки уничтожить право крейсеровъ захватывать торговыя суда враждебныхъ державъ; постановленіе, конечно, не должно было распространяться на военную контрабанду, а также на попытки прорвать блокаду. Предложеніе это встрѣтило энергичное противодѣйствіе представителей Россіи, Англіи и Франціи. Напротивъ того, предложеніе Англіи объ отмѣнѣ правилъ, касающихся контрабанды, встрѣтило сочувствіе у большинства второстепенныхъ государствъ и собрало за себя значительное большинство, хотя противъ него вотировали делегаты Россіи и Германіи, Франціи и Со-

единенныхъ Штатовъ. Вообще же разсмотрѣніе отдѣльныхъ частей морского права вызвало самыя разнообразныя группировки представителей державъ, въ основѣ которыхъ естественно всегда лежали тѣ или другіе интересы. Такъ какъ разсматривалось пребываніе военныхъ судовъ воюющихъ державъ въ портахъ и водахъ нейтральныхъ державъ, то оговорки относительно проливовъ сдѣлали делегаты Турціи, Швеціи и Даніи въ виду особыхъ условій Дарданельскаго пролива и Зунда.

Наиболѣе, вѣроятно, плодотворнымъ для будущаго изъ трудовъ конференціи окажется проектъ международнаго призового суда, который будетъ играть во всѣхъ войнахъ роль верховной апелляціонной инстанціи въ вопросахъ о захватахъ нейтральныхъ судовъ на морѣ. Извѣстно, какъ отличается постановка этихъ призовыхъ судовъ въ различныхъ государствахъ; въ однихъ, какъ Англіи, Голландіи, Соединенныхъ Штатахъ, дѣйствительно, созданы настоящія судебныя организаціи; въ другихъ, какъ Франціи, Италіи, Испаніи и у насъ Россіи преобладаетъ административный элементъ. Трудность развитія безпристрастнаго и внушающаго вѣру въ свое безпристрастіе суда объясняется тѣмъ, что здѣсь каждое государство становится судьей въ собственномъ дѣлѣ. Вотъ почему созданіе такой авторитетной апелляціонной инстанціи являлось бы крупнымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ правового разрѣшенія конфликтовъ, связанныхъ съ призами. При этомъ требованія отдѣльныхъ странъ въ первыхъ инстанціяхъ естественно ограничены. По проекту въ подобномъ международномъ судѣ будутъ всегда участвовать представители всѣхъ великихъ державъ: Германіи, Австріи, Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Италіи, Японіи и Россіи; второстепенныя же государства будутъ посылать делегатовъ по очереди. Естественно, что этотъ проектъ встрѣтилъ на конференціи довольно рѣзкія возраженія со стороны этихъ послѣднихъ.

Переходя къ другой части работъ конференціи—предупрежденія и мирнаго разрѣшенія международнаго спора—надо сознаться, что съ самаго начала въ конференціи не дѣлали иллюзій о возможности достигнуть единственной формы, которая дѣйствительно бы обезпечивала мирное разрѣшеніе—обязательное посредничество. Объ этомъ ясно высказался и Нелидовъ въ своей вступительной рѣчи: есть вопросы въ жизни народовъ, которые они никогда не согласятся отдать на рѣшеніе посторонней организаціи. По энергичному выраженію итальянскаго публициста Умано «было бы низостью и противорѣчіемъ истинной цивилизаціи признать обязательность посредничества. Факультативный третейскій судъ былъ и остается превосходнымъ средствомъ примиренія между націями при маловажныхъ столкновеніяхъ; обязательный третейскій судъ—средство невозможное, недостойное». Очевидно, что члены конференціи могли думать только о факультативномъ третейскомъ судѣ.

Первая гаагская конференція установила довольно сложный порядокъ образованія третейскаго суда. Каждая изъ державъ участницъ предлагаетъ четырехъ лицъ, и всѣ они вмѣстѣ составляютъ списокъ, изъ котораго

спорящія государства могутъ брать посредниковъ по два на каждое: эти четыре вмѣстѣ избираютъ предсѣдателя. Если голоса раздѣлятся поровну, они указываютъ третью державу, которая уже назначаетъ суперарбитра; если же и въ выборѣ державы не будетъ достигнуто соглашенія, то посредники каждой изъ сторонъ выбираютъ два государства и эти послѣднія уже намѣчаютъ предсѣдателя третейскаго суда. Ясно, что этотъ порядокъ отличается значительной сложностью и громоздкостью; поэтому представители Соединенныхъ Штатовъ и Россіи предлагали замѣненіе его постояннымъ третейскимъ судомъ съ постоянными судьями по назначенію державъ. Такая организація даетъ выигрышъ въ скорости, а при международныхъ конфликтахъ это имѣетъ первостепенное значеніе. Однако противъ нея на конференціи дѣлалось много возраженій, исходящихъ изъ принципа, что такой постоянный международный судъ создается какъ бы надъ отдѣльными государствами; послѣднія еще рѣже будутъ къ нему обращаться, видя здѣсь какъ бы умаленіе своей самостоятельности, чѣмъ если сохранится существующій порядокъ, дающій имъ возможность вліять на составъ суда— и въ этомъ смыслѣ порядокъ, установленный въ 1899 году предпочтительнѣе. Счастливый выходъ изъ столкновеній этихъ двухъ концепцій былъ найденъ представителемъ Франціи Леономъ Буржуа. Онъ указалъ, что есть двоякаго рода конфликты: чисто юридическіе и политическіе; первымъ болѣе соотвѣтствуетъ форма постояннаго суда, составленнаго изъ выдающихся юристовъ, для послѣднихъ цѣлесообразнѣе сохранить существующее устройство—принципъ выбора посредниковъ. Такимъ образомъ Леонъ Буржуа предлагалъ имѣть оба типа посредническихъ судовъ, и это предложеніе дѣйствительно примирило обѣ стороны, и конференція приняла соотвѣтственный проектъ. Этотъ вопросъ былъ центральнымъ въ работахъ конференціи, поскольку онѣ касались мирнаго разрѣшенія конфликтовъ. Много вниманія также было посвящено тому, какъ взыскивать долги съ государствъ, которыя ихъ не платятъ. Живѣйшее участіе здѣсь приняли представители южно-американскихъ республикъ, которымъ часто приходится подвергаться внѣшне-политическимъ непріятностямъ со стороны ихъ европейскихъ кредиторовъ.

Вотъ главное содержаніе работъ конференціи. Нельзя сказать, чтобы количество вопросовъ, затронутыхъ на ней, не было значительно, чтобы эти вопросы не охватывали важнѣйшихъ отдѣловъ международнаго права. Нельзя не сказать, что сюда вложено много энергіи и ума, еще болѣе дипломатической тонкости. Соотвѣтствуютъ ли имъ результаты, или участники конференціи, поставившіе срокомъ ея слѣдующаго созыва 1915 годъ, сами признали поставленную задачу неразрѣшимой?

«Безполезно скрывать отъ себя: гаагская конференція совсѣмъ не интересуетъ публику. Съ первыхъ же дней одинъ дипломатъ назвалъ ее «мѣстомъ скуки» («le monde où l'on s'ennuie») и мы рискуемъ сохранить это названіе. Если бы еще только французская публика перестала интересоваться, можно было бы сваливать на фривольность и легкомысліе, но вѣдь

и англичане не съ большимъ увлеченіемъ читали длинныя депеши о плавучихъ минахъ и захватѣ нейтральныхъ кораблей. «Въ этомъ полномъ отсутствіи интереса со стороны европейскаго общественнаго мнѣнія есть много здраваго смысла. Мирная конференція говоритъ почти исключительно о войнѣ, и это обстоятельство существенно уменьшаетъ ея значеніе. Капитальный вопросъ объ ограниченіи вооруженій былъ едва поднятъ и сейчасъ же прекращенъ. Безъ сомнѣнія, кромѣ него существуютъ другіе вопросы, которыми стòитъ заниматься, напр., вопросъ о морской войнѣ. но здѣсь всякій разъ, какъ только дѣло доходитъ до существеннаго, всплываютъ различія интересовъ. Конференція тогда обращается къ дискуссіямъ въ области международнаго права: удивительно ли, что эта сухая матерія наводитъ на публику скуку». Эти слова, взятыя изъ обзора внѣшней политики въ августовской книжкѣ Revue politique et parlementaire, достаточно объясняютъ причину того дѣйствительно весьма холоднаго отношенія, которое встрѣтила гаагская конференція въ общественномъ мнѣніи и русскомъ и западно-европейскомъ; и конечно, въ минуту ея закрытія это отношеніе не могло стать инымъ. Общій тонъ прессы сводился къ признанію неудачи. Конференція, конечно, не могла принести ничего существеннаго дѣлу мира. Попрежнему внѣшняя политика есть область грубой силы, и наивны были представители Кореи, когда они искали защиты въ Гаагѣ отъ японскаго захвата.

Намъ кажется эта оцѣнка невѣрной въ одномъ смыслѣ: она исходила изъ безсознательнаго, быть можетъ, представленія о роли подобной конференціи. Въ сущности говоря такая конференція есть чисто дипломатическая, и ея работы представляютъ практическій интересъ поскольку онѣ остаются въ предѣлахъ этой области. Но дипломатія занимается лишь техникой международнаго общенія; она знаетъ средства, а не цѣли. Какъ только она вступаетъ въ область принциповъ, она оказывается колеблющейся и безсильной.

Эти принципы даны всѣмъ содержаніемъ матеріальной и культурной жизни народовъ, и къ несчастью приходится констатировать, что есть извѣстныя потребности, для удовлетворенія которыхъ не найдено другого средства, кромѣ войны. Въ то же время несомнѣнно, что въ современномъ сознаніи самый фактъ войны чувствуется какъ страшное противорѣчіе съ цѣлымъ рядомъ его переживаній и что острота этого противорѣчія возрастаетъ. Безсознательно пассивное отношеніе къ факту войны исчезаетъ изъ современной Европы; случайныя войны становятся почти невозможными, и въ этомъ можетъ быть важнѣйшая гарантія того, что милитаризмъ не вѣченъ.

Съ другой стороны, и дипломатія болѣе служитъ дѣлу мира не тогда, когда она вырабатываетъ общія формулы и благія пожеланія, а когда она цѣлымъ рядомъ частичныхъ сближеній связываетъ какъ бы единой цѣпью могущественные политическіе организмы, когда она посредствомъ союзовъ и договоровъ укрѣпляетъ міровое равновѣсіе, ибо нарушеніе этого равно-

вѣсія превратилось бы въ міровую катастрофу. И нынѣшній годъ, связавшій Испанію съ Франціей и Англіей, Францію съ Японіей, Японію и Англію съ Россіей, въ этомъ смыслѣ не прошелъ безслѣдно для международнаго мира. На стражѣ его стоятъ слишкомъ грандіозные интересы. И поэтому какъ ни много горючаго матеріала разбросано по различнымъ пунктамъ земного шара, миръ быть можетъ лучше обезпеченъ, чѣмъ объ этомъ можно судить по протоколамъ гаагской конференціи. Намѣчается извѣстная тенденція сдѣлать войну дѣйствительно ultima ratio въ жизни народовъ. Конечно, когда призывается это ultima ratio, никакія постановленія конференціи не будутъ останавливать. Но остается еще огромная область международныхъ отношеній, гдѣ и выигрышъ, и проигрышъ несоизмѣримы съ рискомъ войны. И въ этой области можетъ и должна происходить правотворческая работа, безсознательная практика обращается въ общепризнанную норму, санкціонированную давленіемъ общественнаго мнѣнія. И здѣсь должна идти работа мелочная и сухая, здѣсь должны вестись тѣ дискуссіи международно-правового характера, которыя, по словамъ Revue politique, наводятъ такую скуку. Та практичность и стремленіе къ конкретной постановкѣ, которыя замѣчались на второй конференціи, есть хорошій признакъ. Перейдя на другую почву, делегаты могли бы заниматься только провозглашеніемъ общихъ началъ.

Въ качествѣ органа, подводящаго итоги этому процессу правообразованія въ международномъ мірѣ, гаагская конференція имѣетъ свое значеніе и будетъ имѣть его и въ 1915 г., если ее снова соберутъ. Съ другой стороны, если можно отмѣтить тенденцію къ тому, чтобы лишь самые основные конфликты въ жизни народовъ разрѣшать силою оружія, то несомнѣнно и на войнѣ можно провести демаркаціонную линію между тѣмъ страданіемъ, которое отъ нея неотдѣлимо, и тѣмъ излишкомъ—хотя бы оно въ общей массѣ и казалось незначительнымъ—который можетъ быть избѣгнутъ. Лишь необходимая война и лишь необходимая жестокость на войнѣ: гаагская конференція безсильна предотвратить первую, смягчить послѣднюю, но она пытается объединить и формулировать результаты опыта, указывающаго, гдѣ начинается эта не необходимая жестокость.

Вотъ тѣ задачи, исполненія которыхъ мы могли отъ нея ожидать, и въ этомъ смыслѣ ея работа уже не представляется безплодной. А если первой и второй конференціи удалось разсѣять нѣсколько иллюзій поверхностнаго пасифизма и тѣмъ заставить глубже продумать эту страшную проблему войны и мира, то развѣ это проигрышъ, а не выигрышъ?

С. Котляревскій.

Передъ третьей Думой.

I.

Въ первыхъ числахъ октября, когда пишутся эти строки, еще трудно судить о составѣ третьей Думы. При дѣйствіи нашего изумительнаго избирательнаго закона, при еще болѣе изумительныхъ пріемахъ внутренней политики возможны всякаго рода неожиданности. При перемѣщеніи двухътрехъ голосовъ мѣняется исходъ избирательной кампаніи по всей губерніи. Судьба кандидатовъ въ депутаты находится всецѣло въ рукахъ администраціи, не останавливающейся рѣшительно ни передъ чѣмъ. Старанія петербургскаго градоначальника «разъяснить» П. Н. Милюкова, отвратительная травля его ценза, способны вывести изъ себя самыхъ умѣренныхъ людей. Поступокъ петербургской уѣздной коммиссіи, «разъяснившей» В. М. Гессена наканунѣ выборовъ, когда не было возможности измѣнить заготовленные бюллетени, и тѣмъ самымъ заставившей 720 избирателей уѣзда подать дефектныя записки, является прямымъ издѣвательствомъ надъ населеніемъ. Быть можетъ, хуже всего, что это издѣвательство было и совершенно безцѣльнымъ. Коммиссія могла устранить В. М. Гессена за недѣлю, за двѣ до выборовъ. Нанося свой ударъ наканунѣ, она разсчитывала разбить голоса кадетовъ, сдѣлать ничтожными ихъ бюллетени и провести октябристовъ. Разсчетъ оказался явно ошибочнымъ, такъ какъ на 1,120 кадетскихъ голосовъ было всего 270 октябристскихъ. И въ результатѣ—только озлобленіе и презрѣніе, негодованіе противъ дѣйствія, явно недопустимаго морально и практически безплоднаго. И такъ дѣйствуетъ наша администрація повсюду. Съ непонятнымъ упорствомъ она возбуждаетъ населеніе, постоянными презрительными уколами напоминаетъ, что старый строй еще живъ и умирать не думаетъ.

О составѣ будущей Государственной Думы возможны только гаданія. Ихъ появляется въ печати не мало, и самыхъ разнообразныхъ. Въ то время какъ одни радуются, что Дума будетъ «правой» и даже «черносотенной», другіе—упрямо твердятъ: Дума будетъ оппозиціонной. Ни то, ни другое мнѣніе не представляется намъ правильнымъ. Гораздо ближе къ

истинѣ тѣ, кто говорятъ: Дума будетъ «сѣрой», съ неопредѣленнымъ составомъ, съ колеблющимся, умѣреннымъ центромъ. Человѣкъ 50 крайней правой со всѣми своими крикливыми, но бездарными, лишенными и знаній и государственнаго чутья вождями, столько же партійныхъ октябристовъ и кадетовъ и крайней лѣвой мѣшанины, куда войдутъ представители разныхъ крайнихъ группъ и непримиримыхъ обойденныхъ національностей,—вотъ и все, что третья Дума дастъ опредѣленнаго, болѣе или менѣе стойкаго. Остальная масса депутатовъ (около 250 человѣкъ) будетъ, вѣроятно, лишена опредѣленной партійной окраски. Этой массѣ, если третьей Думѣ суждено просуществовать нѣсколько лѣтъ, выпадетъ на долю рѣшить судьбы Россіи. Она составитъ питательную среду для нашихъ партій, и та партія, которая вѣрно опредѣлитъ ближайшія неотложныя нужды Россіи и намѣтитъ правильный путь для ихъ удовлетворенія, можетъ разсчитывать пріобрѣсти большинство въ Думѣ. Въ жизни нашей родины третья Дума будетъ несомнѣнно событіемъ большой важности.

II.

Но если по числу выбранныхъ до сихъ поръ уполномоченныхъ и выборщиковъ нельзя судить еще о будущихъ, зато уже и теперь можно болѣе или менѣе точно обрисовать состояніе, въ которомъ страна приступила къ выборамъ. «Абсентеизмъ», «апатія», усталось, разочарованіе, невѣріе—такими словами характеризуется настроеніе страны. Въ этой характеристикѣ много правды, но, какъ и повсюду, слишкомъ общіе штрихи далеко не всегда даютъ правильное представленіе.

Цифра неявившихся на выборы, конечно, очень велика. Правда, когда будетъ произведенъ полный подсчетъ и люди науки сравнятъ полученные итоги съ тѣмъ, какъ протекали въ свое время выборы въ странахъ съ избирательной системой, аналогичной нашей, быть можетъ, придется признать, что плачъ о специфически-русскомъ абсентеизмѣ грѣшитъ преувеличеніями. Свѣдѣнія, которыя можно почерпнуть у Тэна объ абсентеизмѣ среди французскихъ избирателей временъ Революціи, не настраиваютъ особенно пессимистично. Но чѣмъ всетаки объясняется этотъ «абсентеизмъ?» Русскій народъ—говорятъ справа—не признаетъ конституціи, онъ вѣритъ только въ самодержавіе Царя и не желаетъ участвовать ни въ какихъ парламентскихъ комедіяхъ. Русскій народъ разувѣрился въ Думѣ—заявляютъ слѣва—онъ больше ничего не ждетъ отъ нея, онъ вѣритъ только въ соціальную революцію или въ учредительное собраніе. Есть, наконецъ, голоса, въ тонахъ которыхъ причудливо переплелись звуки, доносящіеся справа и слѣва. Къ числу ихъ можно отнести даже Л. Н. Толстого.

Удивляться тутъ нечему: между правыми и лѣвыми голосами и на самомъ дѣлѣ не мало общаго. Вѣра въ самодержавіе и вѣра въ учредительное собраніе въ концѣ-концовъ—явленія одного порядка. Люди вѣрятъ,

что есть какое-то учрежденіе, будь оно представлено однимъ человѣкомъ или пятьюстами, которое рѣшитъ всѣ вопросы и создастъ счастіе для десятковъ милліоновъ людей. Вѣра въ учредительное собраніе потому и вспыхнула у насъ съ такой силой, что передъ этимъ долгое время въ странѣ господствовала вѣра въ единоличную власть. Подобныя психологическія состоянія быстро не исчезаютъ. Нуженъ продолжительный личный, сознательный опытъ, нужны годы открытой общественной жизни, чтобы эти миѳическія представленія переработались въ культурныя. Весьма вѣроятно, поэтому, что часть уклонившихся отъ выборовъ не пошла на нихъ потому, что вѣритъ только въ самодержавіе, а часть потому, что вѣритъ только въ революціонное учредительное собраніе. Ошибочно было бы считать первыхъ за абсолютно-реакціонные, а вторыхъ—за безусловно прогрессивные элементы. Въ большинствѣ случаевъ мы и тамъ и тутъ имѣемъ дѣло только съ некультурной средой, въ которой надо еще много и упорно работать надъ уничтоженіемъ среди нея вѣры въ общественныя чудеса вообще.

Быть можетъ, гораздо большее вліяніе на уклоненіе избирателя отъ осуществленія имъ своей гражданской обязанности оказали причины болѣе, такъ сказать, прозаическія. Обывательская лѣнь, непривычка жертвовать временемъ и средствами для общественныхъ дѣлъ, худыя дороги, дѣлающія поѣздку на выборы и очень тяжелымъ и дорого стоящимъ дѣломъ, худая погода, мелочныя придирки и возмутительныя плутни мѣстныхъ дѣльцовъ и администраторовъ и т. д. и т. д.

III.

Выборы идутъ безъ всякаго подъема. Совершенно справедливо. Лица, вѣрившія раньше въ революціонныя или самодержавныя чудеса, теперь или вовсе уклоняются отъ выборовъ или принимаютъ въ нихъ участіе скрѣпя сердце. Остальные избиратели идутъ на выборы «въ темную», не будучи вполнѣ увѣрены, что они дѣлаютъ дѣйствительно нужное для страны дѣло, а не просто участвуютъ въ комедіи, недостойной взрослыхъ людей. Старая власть сильна и на замѣну ея властью, вышедшей изъ рядовъ общественныхъ представителей, нѣтъ надежды. Между тѣмъ, очевидно, что сколько-нибудь плодотворная работа народнаго представительства при систематическомъ конфликтѣ его съ исполнительной властью—невозможна. Желаетъ ли правительство серьезно считаться съ Думой, будетъ ли оно, согласно закону, уважать права этого учрежденія, или оно стремится создать около себя послушную канцелярію, которая бы облегчила ему заключеніе иностраннаго займа, регистрировала и оправдывала всѣ его самовластныя и беззаконныя распоряженія? Эти вопросы возникаютъ не спроста. Ихъ задаетъ себѣ даже дюжинный обыватель, горькимъ опытомъ убѣдившійся, что наше чиновничество другихъ чувствъ, кромѣ презрѣнія къ русскимъ гражданамъ, не питаетъ. Основная ошибка

Каткова и Дм. Толстого, насаждавшихъ у насъ классицизмъ,—замѣтилъ какъ-то В. В. Розановъ,—заключалась въ томъ, что они начали свою педагогическую реформу съ оскорбленія родителей учениковъ, которымъ они бросили въ глаза: вы неучи, Митрофаны, не ваше дѣло разсуждать, чему учить вашихъ дѣтей, мы лучше знаемъ. Точно такимъ же оскорбленіемъ сопровождалось у насъ введеніе конституціонной реформы.

Теперь въ этомъ отношеніи Россія переживаетъ рѣшающій моментъ. Въ третьей Думѣ правительство получаетъ ту среду, въ которой и оно можетъ работать. Разсказывать сказки объ антигосударственности третьей Думы можно только дѣтямъ. Значитъ, если теперь правительство не установитъ господства въ странѣ законности, если не осуществитъ обѣщанныя «свободы», если не проведетъ аграрной и мѣстной реформы, значитъ всѣ его деклараціи и заявленія были пустыми словами, значитъ избирателей въ третій разъ пригласили играть роль въ комедіи. Третья Дума или положитъ начало дѣйствительному осуществленію въ Россіи конституціоннаго строя, или окончательно разорветъ завѣсу, поведетъ къ упраздненію манифеста 17 октября, возвращенію стараго строя съ его подпольной революціонной агитаціей, неизбѣжно приводящей къ взрыву.

Судьба Россіи въ рукахъ правительства. Это смутно чувствовали всѣ принимавшіе участіе въ выборахъ, а такъ какъ намѣренія и планы правительства для русскаго народа и по сей день остаются тайной, такъ какъ колебанія и шатанія его даже въ опредѣленіи того, какой государственный строй существуетъ въ Россіи, явны для всѣхъ (достаточно вспомнить споръ между петербургскимъ градоначальникомъ и присутствіемъ объ обществахъ по вопросу о существованіи у насъ конституціи)—то понятно, что обывателя не можетъ не тревожить мысль о безплодности его голосованія. Есть къ тому же и скверныя предзнаменованія. Правительство, видимо, стремится собрать Думу болѣе «правую», чѣмъ правительственные законопроекты. Быть можетъ, ищутъ способа какъ приличнѣе отказаться отъ своихъ декларацій, перенеся вину на другія плечи.

IV.

Участіе организованныхъ политическихъ партій въ настоящей избирательной кампаніи было довольно слабое. Соціалисты-революціонеры объявили бойкотъ выборовъ, но пропаганду бойкота вели такъ вяло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, среди крестьянскихъ и рабочихъ уполномоченныхъ, даже среди городскихъ выборщиковъ, къ великому изумленію центральнаго комитета и къ соблазну для партіи, появились соціалисты-революціонеры. Безсиліе бойкотистской идеи было столь очевидно, что печать съ нею почти совершенно не считалась. Органъ максималистовъ (*Къ моменту*, сентябрь) въ такихъ изящныхъ выраженіяхъ формулировалъ свою точку зрѣнія: «Что можетъ дать странѣ эта свора, забравшаяся въ Думу по костямъ самоотверженныхъ дѣятелей революціи, возсѣдающая на истерзанномъ тѣлѣ

затоптанной въ грязь свободы? Ровно ничего! Ровно ничего, и тѣмъ не менѣе мы желали бы, чтобы третья Дума была однимъ изъ наиболѣе яркихъ черносотенныхъ скопищъ. Но горе, если въ эту Думу опять попадутъ люди, прикрытые демократическими и даже соціалистическими плащами».

Соціалъ-демократы участвуютъ въ выборахъ и довольно энергично на нелегальныхъ собраніяхъ боролись противъ анархистовъ, махаевцевъ и другихъ крайнихъ сектъ, проповѣдовавшихъ а-политизмъ. Поскольку рабочій классъ принималъ участіе въ выборахъ, онъ подалъ голосъ за соціалъ-демократовъ, и соціалъ-демократическая партія имѣетъ право считать себя политическимъ представителемъ рабочаго класса. Однако надо замѣтить, что бѣгство рабочихъ изъ партіи продолжается. Въ рабочихъ массахъ прочно осѣло соціалъ-демократическое настроеніе, но узы, связывающія ихъ съ партіей, почти совершенно порвались. Съ другой стороны, междоусобицы въ самой партіи идетъ crescendo, и во время избирательной кампаніи соціалъ-демократическая партія не разъ являла примѣры полнѣйшей анархіи и внутренней дезорганизованности.

Свободой агитаціи пользовались только «союзъ русскаго народа» и октябристы. «Союзъ» на экзаменахъ торжественно и позорно провалился. Глупыя сказки безсовѣстныхъ авантюристовъ о «трехмилліонномъ союзѣ» были такъ безжалостно разоблачены на выборахъ, что самые беззастѣнчивые изъ союзниковъ смутились. Докторъ Дубровинъ заболѣлъ и снялъ свою кандидатуру, которой никто не выставлялъ, Булацель отказался отъ участія въ выборахъ «въ виду административныхъ стѣсненій», какъ писало *Русское Знамя*, въ виду неимѣнія подходящаго ценза, какъ сообщали другія газеты. Смерть В. А. Грингмута въ самый разгаръ избирательной кампаніи еще рельефнѣе подчеркнула разложеніе этого «союза», который собирался играть такую крупную роль въ нашей жизни и выродился въ шайку погромщиковъ, руководимыхъ нѣсколькими юродивыми, авантюристами и изувѣрами. Надо, впрочемъ, помнить, что элементы, на которые опирался и могъ бы еще крѣпче опереться «союзъ», если бы во главѣ его стояли болѣе приличные люди, что чувства, придававшія ему временами видимость силы, не исчезли изъ русской жизни. Все это еще не разъ скажется и дастъ себя знать въ той или иной формѣ. Рабочая среда не дала ни одного выборщика изъ «союза русскаго народа», крестьянство дало ихъ чрезвычайно мало: около полупроцента на всю массу выборщиковъ. Кое-гдѣ окраинные города, благодаря раздутой національной розни и умѣлому дѣленію избирателей на національныя куріи, пошлютъ «союзниковъ». Но главнымъ представителемъ «союза русскаго народа» въ Государственной Думѣ будутъ крупные землевладѣльцы-дворяне. Такъ вскрылась соціальная подоплека демагогическаго «союза».

V.

Октябристы, хотя имѣли полную возможность свободно агитировать и устраивать собранія, однако этой возможностью не пользовались. Они спра-

ведливо опасались, что устраиваемые ими митинги послужатъ только для вящшаго торжества кадетизма, а потому отъ устройства ихъ уклонялись. Въ городахъ октябристы почти совершенно провалились. Во второй куріи, демократической, они почти повсемѣстно понесли пораженіе, за исключеніемъ Казани, гдѣ баллотировался проф. Капустинъ, «бѣлый воронъ», «rara avis» и т. д. октябристовъ, мало чѣмъ отличающійся отъ «праваго кадета». Въ первой куріи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ октябристы имѣли успѣхъ, но и тутъ, въ этой, казалось бы, твердынѣ октябризма, имъ пришлось отступить передъ кадетами.

Завоеваніе кадетами городовъ вмѣстѣ съ пораженіемъ «союза русскаго народа» въ деревняхъ составляютъ, пожалуй, наиболѣе крупныя событія настоящей избирательной кампаніи. Въ этомъ отношеніи особый эффектъ произвели выборы по первой куріи городовъ С.-Петербургскаго уѣзда. Октябристы были здѣсь увѣрены въ побѣдѣ, но къ полному ихъ изумленію прошелъ весь кадетскій списокъ. Во второй городской куріи кадетамъ пришлось сражаться на два фронта: съ правыми и съ крайними лѣвыми. Побѣда во второй куріи пріобрѣтала поэтому очень большое симптоматическое значеніе. Отсутствіе открытой агитаціи не позволяло кадетамъ защищаться отъ сыпавшихся на нихъ со всѣхъ сторонъ обвиненій. Печать по большей части поддерживала тѣхъ, кто «лѣвѣе кадетъ». Положеніе для партіи народной свободы складывалось, такимъ образомъ, крайне неблагопріятно, и, тѣмъ не менѣе, демократическій и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе образованный и культурный русскій избиратель одобрилъ программу и тактику кадетовъ. Каковъ бы ни былъ дальнѣйшій исходъ выборовъ, этотъ фактъ, голосованіе второй куріи за кадетъ, имѣетъ самодовлѣющее значеніе, служитъ показателемъ чувствъ и настроенія городской демократіи, которая призвана играть крупную роль въ обновленной Россіи. Въ городахъ, гдѣ на прошлыхъ выборахъ проходили крайніе лѣвые (Саратовъ, Нижній-Новгородъ, Екатеринбургъ и д. т.), теперь вторая демократическая курія послала кадетовъ.

Октябристы побѣдили въ куріи землевладѣльческой. Собственно говоря, нельзя говорить о побѣдѣ октябристовъ, какъ организованной партіи. Побѣдило, такъ сказать, октябристское настроеніе. Часть землевладѣльцевъ, наиболѣе рьяно отстаивающихъ свои классовые интересы, пойдетъ, конечно, въ крайнія правыя партіи, враждебныя какому бы то ни было конституціонализму. Но преобладающая масса землевладѣльцевъ составитъ ту сѣрую, безформенную «равнину», среди которой октябристы, поддерживающіе нѣжныя связи съ правительствомъ, могутъ разсчитывать на успѣхъ. Это, такъ сказать, питательный бульонъ для октябристской бациллы. И если принять во вниманіе, что назначеніе депутатовъ во многихъ губерніяхъ зависитъ отъ голосовъ октябристовъ, то станетъ понятно, почему большинство предсказателей склонно считать будущую третью Думу «октябристской», вѣрнѣе «октябристскообразной», да простится мнѣ это варварское слово!

Партіи «мирнаго обновленія» и «демократическихъ реформъ», какъ отдѣльныя политическія величины, и въ этой кампаніи почти не выступали. Разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ народной свободы, съ каждымъ днемъ все уменьшается, и окончательное сліяніе, надо думать, не за горами.

VI.

Передъ избирательной кампаніей всѣ главныя партіи выпустили свои избирательныя платформы. Надо сознаться, что всѣ онѣ не имѣли никакого значенія, и, по справедливости, населеніе не обратило на нихъ почти никакого вниманія. Платформа—это краткое оповѣщеніе того, что и какъ намѣрена сдѣлать партія въ данную парламентскую сессію. Платформа—это орудіе, употребляемое въ странахъ съ прочно установившейся конституціонной жизнью, съ нормальнымъ ходомъ дѣлъ, дающимъ возможность раздѣлять вопросы и размѣщать ихъ по очередямъ, выдвигая одно, отставляя другое. Для Россіи, гдѣ все пришло въ движеніе, гдѣ всѣ отрасли жизни требуютъ обновленія, а каждая группа, которой общественный сапогъ жметъ ногу, старается перекричать всѣ другія и увѣрить ихъ, что ея боль болитъ всего сильнѣе,—платформа, очевидно, орудіе слишкомъ хрупкое, а потому и непригодное. При нашихъ условіяхъ платформа должна неизбѣжно превратиться въ програму, и малѣйшее упущеніе въ платформѣ какого-либо пункта програмы уже толкуется экспансивными соотечественниками какъ измѣна. Платформа, включающая въ себя всю програму, само собою разумѣется, никакого интереса представлять не можетъ, такъ какъ только безнадежно глупые люди могутъ думать, что програму большой политической партіи возможно осуществить въ одну сессію. Избирательныя платформы октябристовъ, кадетовъ и соціалъ-демократовъ и были составлены по такому програмному типу, а потому прошли довольно незамѣтно. Въ платформѣ соціалъ-демократовъ было высказано одно опредѣленное тактическое положеніе, но результаты такой смѣлости оказались для соціалъ-демократовъ печальны. Вмѣсто того, чтобы сплотить партію передъ боемъ, платформа только углубила существовавшій расколъ и обнаружила полное отсутствіе въ партіи дисциплины.

Соціалъ-демократическая платформа, написанная подъ диктовку большевиковъ, звала пролетаріатъ на борьбу съ кадетами. Такое, нѣсколько странное предложеніе въ ту минуту, когда абсолютизмъ готовится уничтожить всѣ пріобрѣтенія октябрьскихъ дней, не могло не вызвать смущенія. Плехановъ, самый видный человѣкъ въ современной русской соціалъ-демократіи, долженъ былъ въ полемикѣ съ А. А. Кизеветтеромъ публично заявить, что «наша избирательная платформа не только неудачно написана, но и плохо продумана». Мало того, вождь соціалъ-демократіи не остановился передъ рекомендаціей своимъ товарищамъ не обращать вниманія на неудачную платформу и руководиться не ею, а духомъ и традиціями международнаго пролетаріата. «Рабочіе,—писалъ Плехановъ,—должны какъ страшной ошибки

и какъ величайшаго позора избѣгать всякаго такого шага, который ослабилъ бы позиціи либеральной буржуазіи въ ея борьбѣ со старымъ режимомъ. Кто изъ насъ не содрогнется передъ мыслью о томъ, что онъ можетъ оказать услугу черной сотнѣ» (*Товарищъ*, № 369). Соціалъ-демократическая платформа какъ разъ и рекомендовала рабочимъ «страшную ошибку» и «величайшій позоръ», которые приводили Плеханова въ содроганіе.

Въ сущности говоря, Плехановъ открыто поднялъ знамя бунта. Центральный комитетъ с.-д. партіи большинствомъ 8 противъ 6 голосовъ сдѣлалъ бунтовщику выговоръ. По этому поводу въ печати было высказано по адресу центральнаго комитета не мало горькихъ истинъ. Конечно, кто же станетъ отрицать, что Плехановъ сдѣлалъ для русской соціалъ-демократіи больше, чѣмъ всѣ четырнадцать членовъ центральнаго комитета вмѣстѣ взятые. Но надо же войти въ положеніе и центральнаго комитета большой политической партіи. Молчать значило одобрять бунтъ, а одобрять, не измѣняя неудачной платформы, было нелѣпо, измѣнить же ее центральный комитетъ не могъ. Получился заколдованный кругъ. Основная нелѣпость родила много побочныхъ.

VII.

Наибольшее волненіе среди публики и политическихъ дѣятелей вызвали статьи П. Н. Милюкова въ *Рѣчи* о томъ, что конституціонно-демократическая партія пріобрѣла, наконецъ, нравственное право сказать, что «у нея и у всей Россіи есть враги слѣва» и, употребляя метафору одной нѣмецкой сказки, партіи народной свободы пора скинуть осла, котораго она носила на своихъ плечахъ. Этому «ослу» особенно посчастливилось. Его трепали всѣ газеты, и теперь, вѣроятно, этотъ злосчастный Милюковскій «оселъ», породившій уже цѣлую литературу болѣе или менѣе остроумныхъ басенъ, перекочуетъ въ толстые журналы. Съ обычной для газетчиковъ легкостью, не всегда согласующейся со строгой добросовѣстностью, мысль Милюкова была перетолкована въ томъ смыслѣ, будто онъ обругалъ лѣвыхъ «ослами». Въ этомъ смыслѣ, съ цѣлями явной демагогіи, и была использована эта метафора.

Но кто же это такіе «враги слѣва»? П. Н. Милюковъ раздѣлилъ ихъ на двѣ категоріи и обѣ опредѣлилъ описательными, не вполнѣ точными, оборотами рѣчи. Относительно первой категоріи, «замѣняющихъ дѣло политической борьбы дѣломъ общаго разрушенія», т.-е. анархистовъ, максималистовъ, экспропріаторовъ, лѣвая печать спорить не стала. Самъ Плехановъ почти призналъ ихъ врагами. Что же касается второй категоріи, доктринеровъ соціализма, то тутъ, надо признать, и статьи П. Н. Милюкова, и возникшая затѣмъ полемика не вышли изъ области общихъ туманныхъ фразъ. Вопросъ какъ былъ, такъ и остается неяснымъ.

Стремленіе осудить терроръ и отмежеваться въ этомъ пунктѣ отъ лѣ-

выхъ возникло среди партіи народной свободы не со вчерашняго дня. Особенно усилилось оно послѣ покушенія на Аптекарскомъ островѣ и ограбленія банковой кареты въ Фонарномъ переулкѣ, вслѣдъ за тѣмъ разлилась по Россіи вся та кровавая грязь, которая причинила такъ много вреда освободительному движенію. Во время второй Думы добрая половина партіи стояла за безпощадное осужденіе террора. Правые въ то время утверждали, будто партія народной свободы воздерживается отъ осужденія террора, не желая порвать своихъ связей съ лѣвыми. Но это—тенденціозная, политическая ложь. Связи кадетовъ съ лѣвыми были порваны уже въ первой Думѣ. Уже тогда у кадетовъ были «враги слѣва», потому что «лѣвые» опредѣленно объявили кадетовъ своими врагами. Удерживало партію отъ публичнаго выраженія порицанія террору только то, что правые требовали тогда этого, подступая съ ножомъ къ горлу. Выразите порицаніе,—говорили графъ Бобринскій и К°,—или мы разгонимъ Думу. Уступить такому вымогательству многіе члены партіи, рѣшительно осуждавшіе терроръ, считали ниже своего достоинства и ниже достоинства Государственной Думы. Какъ извѣстно, въ то время даже братъ премьера Нововременскій журналистъ А. А. Столыпинъ призналъ, что кадеты правы и что, будучи въ подобномъ положеніи, онъ отвѣтилъ бы вопрошавшимъ: подите вы къ чорту!

Общественное мнѣніе интересовалось вопросомъ, почему заявленіе П. Н. Милюкова было сдѣлано въ данную минуту, почему не годъ, не полгода тому назадъ, не было ли бы лучше, если бы главный лидеръ партіи опубликовалъ свой взглядъ ранѣе и т. д. Поскольку всѣ эти вопросы касаются лично П. Н. Милюкова, онъ одинъ только и можетъ на нихъ отвѣтить. Что же касается партіи, то не подлежитъ сомнѣнію, что съ момента опубликованія манифеста 17 октября всѣ сколько-нибудь вліятельные элементы партіи порвали связь съ террористами и отрицать это можно только въ пылу недобросовѣстной партійной полемики.

VIII.

Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло съ той, какъ выражается Милюковъ, «пестрой и разнообразной группой общественно-политическихъ теченій, которыя объединяются подъ общей рубрикой русскаго соціализма». Объясненія П. Н. Милюкова не пролили свѣта на затронутый вопросъ, какъ должны сложиться у кадетовъ отношенія съ «русскими соціалистами». Свое отношеніе къ нимъ П. Н. Милюковъ пытается иллюстрировать на примѣрѣ Плеханова. Плехановъ получилъ отъ ц. к. с.-д. партіи выговоръ за т[о], что предложилъ рабочимъ, вопреки партійной платформѣ, но согласно д[ух]у марксизма, поддерживать либеральную буржуазію. Казалось бы, въ ли[цѣ] Плеханова «у насъ нѣтъ враговъ налѣво». Но,—замѣчаетъ не безъ ир[о]ніи редакторъ *Рѣчи*,—«надо повременить». Въ № 379 *Товарища* г. Пл[е]хановъ объясняетъ: выбирать «всетаки» соціалъ-демократію, «которая в[ъ]

таки исполнить свою прямую обязанность»—поддерживать буржуазію, вопреки «буквѣ даннаго партійнаго документа», вопреки постановленіямъ партійныхъ учрежденій, вопреки опыту двухъ предыдущихъ Думъ... и вопреки партійному выговору, полученному г. Плехановымъ за одну мысль о подобной ужасной возможности. Г. Плехановъ твердо уповаетъ, что побѣдитъ «традиція международнаго пролетаріата», «духъ современнаго научнаго соціализма», наконецъ, «живое дѣло», «огромная политическая отвѣтственность». Да, вотъ когда побѣдятъ всѣ эти вліянія, мы скажемъ спокойно и рѣшительно: у насъ нѣтъ враговъ налѣво... а пока приходится повременить.

Намъ кажется, что г. Милюковъ суживаетъ вопросъ, который, наоборотъ, слѣдовало бы расширить. Рѣдь идетъ не объ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ партій. Поэтому, если даже сбудется все, о чемъ говоритъ П. Н. Милюковъ, «враги слѣва» всетаки могутъ найтись, что же касается «противниковъ слѣва», то это вопросъ каждаго отдѣльнаго конкретнаго случая.

Неясность отвѣта П. Н. Милюкова объясняется неясностью общаго положенія соціализма и не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Въ нѣдрахъ соціализма во всемъ мірѣ теперь идетъ ожесточенная борьба между соціалъ-реформаторскимъ, и соціалъ-революціоннымъ теченіями. Эта борьба, какъ есть всѣ основанія думать, завершится рѣшительнымъ расколомъ въ соціалистической партіи, и правое ея крыло, сойдясь съ буржуазной демократіей, неизбѣжно измѣнится само и наложитъ особую печать на буржуазно-демократическія группы. Мы, вѣроятно, наканунѣ большихъ партійныхъ перегруппировокъ. Поэтому-то всѣ отношенія становятся такими смутными, но въ то же время въ Австріи, Франціи, Германіи соціальный реформизмъ выступаетъ все смѣлѣе и рѣшительнѣе. Двадцать разъ похороненный ортодоксами, онъ послѣ каждыхъ похоронъ воскресаетъ съ новыми силами.

Что касается въ частности «русскаго соціализма», то тутъ подъ одной крышей пріютились люди, стоящіе за необходимость подготовки къ вооруженному возстанію, и другіе, практически это вооруженное возстаніе отрицающіе. Сожительство этихъ двухъ группъ далеко не мирное, и обезсиливаетъ русскую соціалъ-демократію и родитъ тотъ туманъ, который мѣшаетъ опредѣлить взаимныя отношенія.

IX.

Конституціонно-демократическая партія, какъ во времена первой и второй избирательныхъ кампаній, была и теперь центромъ общественнаго вниманія. Министерскій офиціозъ *Россія* ежедневно въ десяткѣ статей и замѣтокъ доказывалъ, что кадеты—такое умственное и нравственное ничтожество, что о нихъ и говорить не стоитъ. Лѣвая печать ежедневно обсуждала «кадетскія измѣны», но на этотъ разъ отношеніе ея къ этимъ

«измѣнамъ» приняло довольно оригинальный характеръ. Сохраняя за собой право и теперь, а особенно въ будущемъ, клеймить кадетовъ предателями, лѣвая печать тѣмъ не менѣе доказывала, что «поправѣніе» кадетовъ дѣло необходимое и для интересовъ родины весьма полезное. Къ сожалѣнію, и тутъ, какъ и раньше, въ безоглядной травлѣ кадетовъ лѣвая печать проявила не особенно много государственнаго смысла.

Къ «лѣвой печати» въ послѣднее время примазались у насъ особаго типа журналисты, дѣйствительно торгующіе печатнымъ словомъ распивочно и навыносъ, въ погонѣ за сенсаціей и пятакомъ, не брезгующіе на-ряду съ политическимъ радикализмомъ промышлять и порнографіей и завѣдомой ложью. Объектомъ этой лжи чаще всего избираются «кадеты», какъ элементъ интригующій публику и вмѣстѣ съ тѣмъ ничѣмъ не забронированный. И вотъ въ газетахъ появляются замѣтки, передаваемыя затѣмъ по телеграфу во всѣ концы Россіи, что правительство заключаетъ съ кадетами компромиссъ, даетъ имъ нѣсколько портфелей въ обмѣнъ за отказъ отъ нѣкоторыхъ пунктовъ програмы, что состоялись уже тайныя совѣщанія лидеровъ партіи съ министрами и т. д. Все это высасывается, что говорится, изъ пальца, преподносится въ формѣ, приводящей своей нелѣпостью въ изумленіе людей, сколько-нибудь освѣдомленныхъ, но, очевидно, удовлетворяющей вкусы неразвитой политически части нашей публики. Почерпая свои свѣдѣнія изъ столь мутнаго источника, россійская публика совершенно теряетъ всякое представленіе о политическихъ перспективахъ. Ей начинаетъ казаться, что осуществленіе хотя бы политической части кадетской програмы, созданіе общественнаго министерства дѣло столь легкое, что можетъ быть достигнуто безъ труда и усилій. А разъ политическая конъюнктура представляется въ столь розовомъ видѣ, то почему же не дозволить себѣ роскоши быть «лѣвѣе кадетъ» и поругивать ихъ, если «компромиссъ» неминуемъ? Такимъ образомъ, для значительной части нашего общества и почти всей прогрессивной прессы политика выродилась въ безотвѣтственное фрондерство и противъ правительства, и противъ либеральной партіи, которая безъ какихъ бы то ни было серьезныхъ основаній ежедневно провозглашается стоящей у власти. Страстно желая «компромисса», толкая ради этой цѣли кадетовъ «вправо», радикальная печать на дѣлѣ только тѣмъ и занимается, что стремится подрубить у партіи народной свободы ея демократическіе корни, дискредитируетъ ея демократизмъ, т.-е. ту единственную силу, которая можетъ заставить правительство «пойти на компромиссъ».

О томъ, что наше общество политически слабо развито, писалось не разъ. Но все, что объ этомъ писалось, едва ли рисовало положеніе въ его настоящемъ видѣ. Наивность политическихъ представленій большей части нашего общества превышаетъ все, что объ этомъ говорилось. И сколько зла она уже принесла Россіи, сколько еще принесетъ въ ближайшемъ будущемъ.

X.

Въ самомъ концѣ сентября, когда выборы выборщиковъ уже заканчивались и выяснилось, что землевладѣльческая курія, въ руки которой законъ 3 іюня отдалъ рѣшающее вліяніе на выборы, послала гораздо больше «зубровъ», чѣмъ ожидали, въ Петербургъ пріѣхалъ А. А. Стаховичъ и нашумѣлъ о необходимости техническихъ союзовъ между октябристами и кадетами. Этотъ необыкновенно энергичный, глубоко искренній и совершенно безкорыстный человѣкъ, которому Россія обязана изобличеніемъ «овса Дурново» и «Гурко-Лидвальскаго дѣла», въ день писалъ по три-четыре статьи и давалъ по интервью чуть ли не во всѣ газеты. Словомъ, шумъ вокругъ «соглашенія» создался огромный, но практическіе результаты едва ли получатся. Въ очень многихъ случаяхъ, какъ можно предполагать, октябристы еще до выбора выборщиковъ связали себя прямыми обязательствами по отношенію къ правымъ и даже черносотеннымъ элементамъ и потому едва ли будутъ въ состояніи свободно располагать своими голосами въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Съ другой стороны, въ отвѣтъ на простое предложеніе вступить въ техническое соглашеніе тамъ, гдѣ будетъ грозить черносотенная опасность, октябристы потребовали отъ кадетовъ полнаго разрыва съ лѣвыми, хотя никакой «лѣвой опасности» третьей Думѣ не угрожаетъ, а не допускать въ Думу соціалистическихъ депутатовъ по принципу было бы величайшей политической ошибкой.

Характерно, что разговоры о простыхъ предвыборныхъ техническихъ соглашеніяхъ необыкновенно быстро перешли въ толки объ образованіи кадетско-октябристскаго центра въ Думѣ для совмѣстной законодательной работы. Этотъ фактъ нельзя не признать вполнѣ естественнымъ, такъ какъ въ вопросѣ о конституціонномъ думскомъ центрѣ безспорно завязанъ узелъ нашей политической жизни. Въ связи съ этимъ вопросомъ партія народной свободы предстоитъ и опредѣлить окончательное направленіе своей тактики, выбрать одинъ изъ двухъ лежащихъ передъ нею путей. Или она станетъ партіей, хотя легальной, но непреклонной оппозиціи quand même и, сохраняя въ неприкосновенности весь «блокъ» своей программы, выступитъ въ роли безпощаднаго критика всѣхъ положительныхъ мѣропріятій какъ правительства, такъ и думскаго большинства, или она раздѣлитъ свою программу на серіи и въ сотрудничествѣ съ болѣе правыми партіями и министерствомъ попытается осуществить то, что при данныхъ условіяхъ возможно, предоставивъ «чистую критику» депутатамъ крайней лѣвой.

Первый путь, конечно, выгоднѣе для партіи съ точки зрѣнія ея эгоистическихъ партійныхъ интересовъ. Въ роли непримиримой оппозиціи партія народной свободы и въ третьей Думѣ не найдетъ себѣ соперниковъ и напередъ можно предсказать, что представители праваго большинства едва ли смогутъ выдвинуть серьезныя силы противъ кадетской артиллеріи. Но въ интересахъ Россіи было бы, конечно, желательно, чтобы партія вступила на второй путь.

Рѣшеніе этого вопроса будетъ, главнымъ образомъ, зависѣть отъ поведенія правительства. Насколько можно судить по нѣкоторымъ признакамъ, правительство стремится образовать въ Думѣ октябристско-правое большинство съ исключеніемъ кадетовъ. Вѣроятнѣе всего, что предстоитъ война и, быть можетъ, наиболѣе важнымъ результатомъ «соглашательской» попытки А. А. Стаховича надо признать тотъ нелицемѣрный, глубокій испугъ, который почувствовали при мысли о возможности кадетско-октябристскаго соглашенія *Новое Время* и министерская *Россія*. Они чуютъ...

XI.

Говоря о выборахъ въ третью Думу, нельзя обойти двухъ небольшихъ эпизодовъ, какъ бы символизирующихъ ходъ политическихъ дѣлъ на нашей родинѣ. Одинъ изъ нихъ отдаетъ мрачнымъ буффонствомъ и какъ бы концентрируетъ въ себѣ все то издѣвательство надъ русскимъ народомъ, которое продѣлывается въ послѣднее время подъ флагомъ патріотизма. Другой—наивенъ до трогательности и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко драматиченъ. Онъ свидѣтельствуетъ о горячей жаждѣ обновленія, которой проникнуты всѣ, даже самые забитые и темные слои народа, о жаждѣ примиренія и дѣтской вѣрѣ въ возможность мирнаго наступленія на Руси красныхъ дней, царства свободы и правды.

Въ городѣ Минскѣ главою истинно-русскихъ патріотовъ оказался нѣмецъ Густавъ Карловичъ Шмидъ, осужденный въ 1891 г. за государственную измѣну, за выдачу за 10,000 руб. иностранной державѣ плановъ минныхъ загражденій, оказавшихся, впрочемъ, подложными, такъ какъ Шмидъ, не имѣя возможности добыть подлинные документы, довольно правдоподобно сочинилъ ихъ. За всѣ свои подвиги онъ былъ лишенъ чина капитана 2 ранга, орденовъ, дворянства и сосланъ на житье въ Томскую губернію, но впослѣдствіи помилованъ. Этотъ человѣкъ, въ которомъ государственный измѣнникъ такъ тѣсно переплелся съ простымъ мошенникомъ, сдѣлался главой истинно-русскихъ минскихъ людей и намѣченъ ими кандидатомъ въ выборщики. Когда уѣздная коммиссія лишила Шмида избирательныхъ правъ на томъ основаніи, что Высочайшее помилованіе избирательныхъ правъ не возвращаетъ, губернская коммиссія не безъ воздѣйствій изъ министерства поспѣшила возстановить въ спискахъ имя обиженнаго патріота. Шмидъ былъ избранъ въ выборщики русской куріей Минска и, чего добраго, будетъ депутатомъ третьей Думы... Украшеніе «патріотовъ».

Иначе сложились дѣла въ Мологѣ, гдѣ городскіе избиратели второй курiи послали выборщикомъ Н. А. Морозова, помилованнаго по манифесту 17 октября послѣ двадцатилѣтняго заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости. Платформа, съ которой выступилъ Н. А. Морозовъ передъ своими избирателями, была вполнѣ умѣренная, чисто-кадетская. И въ этомъ фактѣ что старый смѣлый народоволецъ, когда-то безпощадный террористъ, дв

цатилѣтней страшной каторгой заплатившій за свои ошибки, теперь выступаетъ съ кадетской платформой, заключается глубокій внутренній смыслъ, равно какъ и въ томъ, что простые русскіе мѣщане, жители города Мологи, очевидно, не террористы, послали Н. А. Морозова на дѣло созданія новой, свободной, закономѣрной Россіи. Но, конечно, въ данномъ случаѣ власти не дремали, и Н. А. Морозовъ былъ быстро «разъясненъ».

Н. А. Морозова въ третьей Думѣ не будетъ. Но символичность его избранія отъ этого не утрачиваетъ своей силы. Выборы стараго шлиссельбуржца свидѣтельствуютъ о желаніи народа, чтобы старое было, дѣйствительно, забыто и чтобы на самомъ дѣлѣ началась на Руси новая жизнь. Сквозь искупленныя заблужденія террориста, которыхъ мологскіе мѣщане, конечно, не раздѣляютъ, они усмотрѣли искреннюю горячую любовь къ свободѣ и къ народу. И за свободу они подали свой голосъ.

А. С. Изгоевъ.

Facies hippocratica.

Къ характеристикѣ кризиса въ современномъ соціализмѣ.

Самымъ замѣчательнымъ процессомъ, переживаемымъ въ настоящее время человѣчествомъ, является глубокій *внутренній* кризисъ, происходящій въ *соціализмѣ*. Я подчеркиваю слово внутренній, потому что имѣю въ виду не фракціонныя свары, не національные перекоры, не случайные отливы и приливы мнѣній, а гораздо глубже уходящій процессъ разочарованія и саморазложенія, совершающійся въ соціализмѣ въ связи съ огромными *внѣшними* успѣхами его идеи и съ огромнымъ ростомъ классовой солидарности пролетаріата.

Отыскать въ исторіи аналогію этому идейному процессу не такъ легко. Одна аналогія, конечно, бросается въ глаза. Если угодно въ одной краткой формулѣ выразить эту сторону вопроса, то можно сказать: соціализмъ вывѣтрился или вывѣтривается, какъ религія. Происходитъ обмірщеніе соціализма и падаетъ «хиліастическая» вѣра въ его осуществленіе.

Хиліазмомъ въ исторіи христіанства называется ученіе или вѣра въ близкое осуществленіе на землѣ тысячелѣтняго Царства Христова. Первоначальное христіанство все проникнуто этой вѣрой; все горитъ хиліастическимъ энтузіазмомъ. Та же вѣра въ близкое, полное и осязаемое осуществленіе новаго мірового и жизненнаго уклада двигала людьми въ великую эпоху реформаціи, и времени великой революціи были не чужды эта вѣра и эта мысль.

Христіанство до сихъ поръ не можетъ внутренно переработать своего «хиліазма». До сихъ поръ, именно около него кружится, страждетъ, борется съ собой философствующая христіанская мысль. Въ особенности вѣрно это относительно русской философіи христіанства, «богоматеріализма» Владиміра Соловьева и его учениковъ, ожидающихъ «преображенія космоса». Теперь, для современнаго христіанскаго хиліазма существенъ, конечно, не вопросъ о близости, не вопросъ о срокѣ, а существо дѣла, вопросъ о *матеріализаціи* Царства Божія въ міровомъ и историческомъ процессѣ.

Христіанство, когда рухнула его вѣра въ близкое наступленіе Царства

Божія, психологически потускнѣло, стало болѣе внутреннимъ и болѣе труднымъ, «сѣрымъ»; осуществленіе его Царства Божія изъ божественной космической феерiи, всѣмъ доступной и для всѣхъ увлекательной, превратилось въ тончайшій психическій процессъ, безконечный, незавершимый, далеко не для всѣхъ доступный и не всѣмъ интересный. Современное «паденіе» религіи связано съ этимъ вѣковымъ процессомъ ея «спиритуализаціи», ея разрыва съ теологическимъ матеріализмомъ. Слѣдуетъ прямо сказать: религія въ наше время открѣпилась отъ всякихъ матеріальныхъ представленій и потому въ данную эпоху развитія человѣчества стала въ буквальномъ и точномъ смыслѣ слова дѣломъ аристократическимъ, доступнымъ немногимъ «лучшимъ». Что бы ни говорили идеалисты матеріальнаго Царства Божія (изъ школы Соловьева), толпа утратила или все болѣе и болѣе утрачиваетъ способность вѣрить въ его матеріализацію, а для религіи внутренней необходимо перевоспитаніе человѣка, утонченіе всей его духовной личности. Носить и творить Бога въ своей душѣ гораздо труднѣе, чѣмъ ожидать отъ него матеріальныхъ чудесъ.

Соціализмъ не христіанство; онъ даже въ своихъ самыхъ богатыхъ формахъ меньше, бѣднѣе и площе христіанства. Но аналогія формальная всетаки остается вѣрной. Вѣра въ близкое, полное, механическое осуществленіе соціализма, вообще въ его «осуществленіе» рушится или, вѣрнѣе, уже рухнула. Процессъ этотъ сложный, и я не могу здѣсь высказать всего того, что давно уже сложилось въ моемъ умѣ.

Недавно на русскомъ языкѣ появилась книга, на страницахъ которой съ поразительной ясностью выступаетъ современный кризисъ соціализма. Я имѣю въ виду «Размышленія о насиліи» *Жоржа Сореля* *).

Въ 1900 году въ своей статьѣ о «Марксовой теоріи соціальнаго развитія», напечатанной въ «Архивѣ» Брауна **), я вскрылъ лежащую въ основѣ ортодоксальнаго марксизма «миѳологію понятій» («Begriffsmythologie») и въ то же время поставилъ вопросъ, какое реальное значеніе имѣла и имѣетъ въ соціальномъ развитіи эта «миѳологія».

Это значеніе, на мой взглядъ, было очень велико. «Мысль, что только вѣрныя по содержанію или истинныя идеи могутъ производить полезное дѣйствіе на личную или общественную жизнь, есть раціоналистическій предразсудокъ. Научно ложныя идеи могутъ, въ силу своего психологически обусловленнаго дѣйствія, оказывать на общественную жизнь могущественное и благотворное вліяніе. Онѣ могутъ приводить къ политически вѣрнымъ дѣйствіямъ». Но, когда я говорилъ о «полезномъ дѣйствіи» объективно ложныхъ мыслей ***), я всегда предполагалъ, что и тѣ, къ кото-

---

*) Переводъ подъ редакціей прив.-доц. московскаго университета В. М. Фриче. Москва, 1907 г. (Книгоиздательство „Польза“), стр. 163.

**) Т. XIV. Есть никуда негодный, сдѣланный безъ моего разрѣшенія, русскій переводъ этого критическаго опыта.

***) Эту тему на разные лады, независимо отъ меня, развивалъ въ нѣмецкой литературѣ Георгъ Адлеръ.

рымъ обращена проповѣдь, и проповѣдники сами не только не сознаютъ объективной ложности проповѣдуемаго, но, наоборотъ, увѣрены въ истинности проповѣди. Словомъ, соціальныя иллюзіи не означаютъ соціальнаго обмана. Марксъ, Энгельсъ, Бебель, Каутскій въ самыхъ главныхъ, существенныхъ пунктахъ вѣрили (или вѣрятъ) въ тѣ «догмы», которыя они проповѣдывали.

Nous avons changé tout cela. Глубокимъ моральнымъ и идейнымъ разложеніемъ отдаетъ отъ тѣхъ разсужденій, въ которыхъ философъ синдикализма Сорель въ основу своей проповѣди кладетъ циническое признаніе миѳологическаго характера ея основной концепціи.

Онъ не вѣритъ въ афоризмъ Конта: savoir c'est prévoir, но изъ этого скептицизма по отношенію къ научному предвидѣнію въ соціологіи для него вытекаетъ не сознаніе практической сложности и отвѣтственности всякаго общественнаго дѣйствія, а, наоборотъ, безграничная свобода дѣйствовать во имя своихъ миѳологическихъ концепцій. «Я не придаю... большого значенія тѣмъ возраженіямъ практическаго характера, которыя дѣлаются противъ всеобщей забастовки. Мы вернулись бы къ старому утопизму, если бы стали смотрѣть на гипотезы о будущей борьбѣ и на средства уничтоженія капитализма, какъ на историческіе факты. Мы не имѣемъ возможности научнымъ путемъ предвидѣть будущее или даже спорить о преимуществахъ однѣхъ гипотезъ предъ другими; слишкомъ много памятныхъ примѣровъ доказали намъ, что и самые великіе люди впадали въ глубочайшія заблужденія, когда желали стать хозяевами даже ближайшаго будущаго». Для иллюстраціи Сорель ссылается на апокалиптическій «миѳъ», лежавшій въ основѣ первоначальнаго христіанства; на не исполнившіяся «надежды» Лютера и Кальвина; на ту «волшебную картину, которая рисовалась передъ ослѣпленными очами» первыхъ пророковъ французской революціи; на «безумныя химеры» Мадзини,—словомъ, на цѣлый рядъ случаевъ, когда иллюзіи играли опредѣляющую роль въ исторической жизни. Изъ этихъ фактовъ для Сореля вытекаетъ слѣдующій выводъ: «Поэтому совсѣмъ не важно знать, какой изъ мелочей, составляющихъ миѳологическую концепцію, суждено осуществиться въ ходѣ историческихъ событій; это вѣдь не астрологическіе альманахи; возможно даже, что ни одна изъ деталей не осуществится, какъ это случилось съ ожидаемой христіанами катастрофой. На эти миѳы нужно смотрѣть просто какъ на средство воздѣйствія на настоящее, и споры о способѣ ихъ реальнаго примѣненія къ теченію исторіи лишены всякаго смысла: *для насъ важна вся совокупность миѳологической концепціи*; отдѣльныя ея части важны лишь постольку, поскольку онѣ позволяютъ рельефнѣе выступать заключающейся въ ней идеѣ. Поэтому совершенно безполезно разсуждать о тѣхъ случайностяхъ, которыя могутъ произойти во время соціальной войны, и о рѣшительныхъ столкновеніяхъ, могущихъ дать окончательную побѣду пролетаріату. Даже въ томъ случаѣ, если бы революціонеры во всемъ ошибались, рисуя себѣ фантастическую картину всеобщей забастовки, эта

картина можетъ быть факторомъ великой силы во время подготовки къ революціи, если только эта картина включаетъ въ себѣ всѣ стремленія соціализма и выражаетъ совокупность революціонныхъ идей съ такой опредѣленностью и яркостью, какихъ имъ не могли бы придать другіе методы мышленія... *для насъ совершенно неважно*, *есть ли всеобщая забастовка нѣчто реально осуществимое*, *или только плодъ народнаго воображенія* (курсивъ мой, *П. С.*). Весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы выяснить, заключается ли въ ней все то, чего ожидаетъ отъ революціоннаго пролетаріата соціалистическая доктрина» *).

«Соціалистическая» философія Сореля, выставляющаго себя вѣрнымъ продолжателемъ Маркса, знаменуетъ собой въ сущности полный отказъ отъ самой идеи научнаго соціализма.

Такой отказъ, родившійся въ нѣдрахъ самаго вліятельнаго соціалистическаго ученія, марксизма, есть яркій симптомъ разложенія соціализма. Въ то же время Сорель очень далекъ отъ критическаго соціализма. Въ области экономическаго истолкованія исторіи ему принадлежатъ едва ли не самыя чудовищныя матеріалистическія объясненія, когда-либо данныя, на которыхъ мы теперь не станемъ останавливаться.

Но всѣ эти чрезмѣрности, очевидно, не продуманы Сорелемъ такъ же, какъ имъ не продуманы — съ «матеріалистической» точки зрѣнія—его же собственная характеристика экономической современности.

Историческій матеріализмъ, сохраняясь у Сореля какъ словесная оболочка, превращается на самомъ дѣлѣ въ свою собственную противоположность. Въ лицѣ Сореля передъ нами чистѣйшій романтикъ, для котораго соціализмъ есть идеалъ мистическій и эстетическій.

Если бы я былъ ортодоксальнымъ марксистомъ,—такая характеристика въ моихъ устахъ означала бы сама по себѣ наихудшую хулу. Но я вовсе не считаю романтизма просто реакціонной идеологіей. Въ романтизмѣ есть элементъ вѣчной цѣнности и красоты.

Превращеніе историческаго матеріализма въ романтически-эстетическое и религіозное построеніе есть, въ сущности, возвращеніе этой концепціи въ ея материнское ложе. Мнѣ уже приходилось въ литературѣ указывать, что историческій матеріализмъ возникъ на почвѣ романтической реакціи противъ революціоннаго раціонализма XVIII вѣка. Генетически онъ стоитъ въ тѣсной связи съ развитіемъ «историзма», или «историческаго духа», характернаго для начала XIX вѣка.

Прежде чѣмъ стать идеологіей революціонной, историческій матеріализмъ былъ идеологіей консервативной или даже реакціонной. Луи Бланъ и, въ особенности, Марксъ и Энгельсъ раціонализировали въ революціонномъ смыслѣ историческій матеріализмъ, освободивъ его отъ романтическихъ или религіозныхъ мотивовъ. Сорель тѣмъ и интересенъ, что онъ, наоборотъ, въ раціонализированный Марксомъ историческій матеріализмъ вно-

---

*) Стр. 56.

сить струю романтическую и мистическую,—отчасти подъ вліяніемъ Ницше, идеи котораго являются несомнѣннымъ возрожденіемъ романтики.

Проповѣдь «всеобщей стачки» и «пролетарскаго насилія», составляющая сущность новаго романтическаго марксизма, опирается на откровенное исповѣданіе мистицизма. «Позитивисты, которые представляютъ высшую ступень посредственности, самонадѣянности и педантизма,—пишетъ Сорель,—объявили, что философія должна исчезнуть передъ ихъ наукой; но философія не только не умираетъ, а, напротивъ, пробуждается. Относительно метафизики можно сказать, что она вернула свои утерянныя позиціи, вскрывая иллюзорность такъ называемыхъ научныхъ рѣшеній вопросовъ, возвращая умы снова къ мистической области, которую такъ ненавидитъ «маленькая наука». Позитивизмъ находитъ восторженныхъ поклонниковъ развѣ только еще среди нѣкоторыхъ бельгійцевъ, или чиновниковъ министерства труда, т.-е. людей, не играющихъ никакой роли въ мірѣ мысли» *).

И въ разныхъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности Сорель вскрываетъ мистическое начало. Онъ отрицаетъ прежде всего, «чтобы исчезали и религіи». «Наука объ искусствѣ» невозможна, «потому что сущностью искусства является таинственность, незамѣтные оттѣнки, недосказанность; чѣмъ правильнѣе и совершеннѣе разсужденіе, тѣмъ болѣе способно оно заслонить достоинства произведенія искусства».

«Въ каждомъ сложномъ цѣломъ надо различать область, доступную изслѣдованію, отъ области недоступной и... эта послѣдняя, можетъ быть, и есть самая важная». Курьезны по существу, но весьма характерны для Сореля тѣ замѣчанія, которыя онъ подъ этимъ угломъ зрѣнія дѣлаетъ о морали, законодательствѣ и экономической жизни. «Въ экономической наукѣ... вопросы, относящіеся къ обмѣну, легко поддаются изложенію; методы обмѣна въ разныхъ странахъ очень похожи другъ на друга, и едва ли кто рискуетъ сказать слишкомъ очевидную нелѣпость относительно денежнаго обращенія (sic! *П. С.*); зато все, что касается производства, страшно запутано; какъ разъ въ этой области дольше всего сохраняются мѣстныя традиціи; можно безъ конца сочинять самыя смѣшныя утопіи о способахъ производства, нисколько не шокируя здраваго смысла читателей. Никто не сомнѣвается, что производство есть основа хозяйственной жизни; эта истина играетъ важную роль въ марксизмѣ и признана даже тѣми писателями, которые не сумѣли понять ея значенія» **).

Вершины своей этотъ мистически-историческій матеріализмъ достигаетъ въ характеристикѣ соціализма и въ религіозно-ницшеанскомъ обоснованіи всеобщей стачки. «Соціализмъ поневолѣ остается неяснымъ вопросомъ, потому что онъ есть прежде всего вопросъ о производствѣ, т.-е. о самой неизвѣстной и загадочной области человѣческой дѣятельности, потому

*) Стр. 70.
**) Стр. 72.

что ставитъ своей задачей произвести коренной переворотъ въ области, не поддающейся точному и ясному описанію, какъ другія области, лежащія болѣе на поверхности. Никакое усиліе мысли, никакой прогрессъ знанія, никакая логическая индукція не разсѣетъ той таинственности, которая окружаетъ соціализмъ: и только благодаря тому, что марксизмъ хорошо понялъ эту черту его характера, онъ завоевалъ себѣ право служить исходной точкой во всѣхъ соціальныхъ изслѣдованіяхъ. Спѣшимъ, впрочемъ, прибавить, что эта неясность и таинственность относятся въ тѣмъ разсужденіямъ, при помощи которыхъ хотятъ опредѣлить конечную цѣль соціализма; это, однако, нисколько не мѣшаетъ представить себѣ пролетарское движеніе самымъ полнымъ, отчетливымъ и точнымъ образомъ, при помощи той великой идеи, которая родилась въ душѣ пролетаріата во время соціальныхъ конфликтовъ и которая извѣстна подъ названіемъ всеобщей забастовки. Не нужно забывать, что все совершенство этого рода представленій мгновенно исчезнетъ, если попытаются разложить всеобщую забастовку на рядъ отдѣльныхъ историческихъ деталей; нужно принять ее, какъ нѣчто цѣлое, недѣлимое и разсматривать переходъ отъ капитализма къ соціализму какъ катастрофу, процессъ которой не поддается описанію» *).

Мистическимъ туманомъ окутана у Сореля эта катастрофа. Для пониманія ея онъ проводитъ психологическую аналогію между борьбой за соціализмъ путемъ всеобщей стачки (слѣдуетъ отмѣтить сейчасъ же, что къ идеѣ всеобщей *политической* стачки Сорель относится съ величайшимъ презрѣніемъ) и революціонными войнами. Исходной точкой этой аналогіи является Ницшевское восхваленіе «blonde Bestie».

Война и борьба вообще—стихія, эстетически привлекательная для Сореля. Жестокій безпощадный капитализмъ ему гораздо милѣе, чѣмъ капитализмъ, приспособляющійся къ пролетаріату, ищущій съ нимъ соглашеній и мира.

Сможетъ ли пролетаріатъ не только разрушить старый буржуазный міръ, но и создать новый пролетарскій? Этотъ вопросъ для Сореля имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что между буржуазіей и пролетаріатомъ для него существуетъ не простая классовая противоположность, а зіяетъ какая-то чисто-мистическая пропасть. Загадочно, откуда берутся такія фантастическія представленія объ экономической и психологической дѣйствительности нашего времени: вѣрнѣе всего, что они являются плодомъ сочетанія извѣстныхъ чувствъ и эмоцій съ отсутствіемъ ясныхъ научныхъ представленій о реальномъ мірѣ.

Нелишне подчеркнуть, что сужденія Сореля объ *экономической* жизни поражаютъ наивностью и подчасъ невѣжествомъ **).

---

*) Стр. 74.

**) На стр. 158 читаемъ: „Если Германія не завоевала еще себѣ того мѣста въ экономической жизни, какое должно было бы ей принадлежать, благодаря минеральнымъ богатствамъ, скрытымъ въ ея почвѣ, благодаря энергіи ея промышленниковъ

Несмотря на все свое легкомысліе въ экономическихъ вопросахъ, Сорель понимаетъ однако, что «нельзя никоимъ образомъ сравнивать ту дисциплину, которая побуждаетъ рабочихъ къ общей пріостановкѣ работы, съ дисциплиной, которая можетъ заставить ихъ съ наибольшей ловкостью управлять машинами» *).

Отъ понятія и слова дисциплина Сореля нѣсколько коробитъ. Слово дисциплина «одинаково употребляютъ для обозначенія правильнаго поведенія, основаннаго какъ на внутреннемъ убѣжденіи, такъ и на внѣшнемъ принужденіи».

Рѣшеніе проблемы Сорель, влюбленный въ войну, видитъ въ душевныхъ свойствахъ, которыя всеобщая стачка, какъ актъ войны, создастъ въ рабочихъ, и которыя будутъ опредѣлять поведеніе «свободныхъ производителей, работающихъ въ мастерской, въ которой нѣтъ хозяина». Въ эпоху революціонныхъ войнъ, по словамъ Сореля, «каждый солдатъ смотрѣлъ на себя, какъ на личность, которой предстоитъ выполнить въ сраженіи нѣчто очень важное, а не считалъ себя лишь составной частью военнаго механизма, ввѣреннаго верховному управленію начальствующаго лица. Въ литературѣ этого времени обращаютъ на себя особое вниманіе постоянныя противопоставленія *свободныхъ* людей изъ республиканскихъ армій *автоматамъ* армій королевскихъ; и такія утвержденія отнюдь не были въ устахъ писателей простыми реторическими фигурами. ...Поэтому сраженія нельзя было тогда уподоблять шахматной игрѣ, въ которой человѣкъ играетъ роль пѣшки; они становятся средоточіемъ героическихъ подвиговъ, совершаемыхъ отдѣльными личностями, которыя находятъ побужденіе для своихъ дѣйствій въ своемъ собственномъ энтузіазмѣ» **).

«Тотъ же духъ наблюдается и въ рабочихъ группахъ, возбужденныхъ всеобщей стачкой; дѣйствительно, эти группы представляютъ себѣ революцію, какъ огромное возстаніе, которое можно еще трактовать съ индивидуалистической точки зрѣнія: каждый дѣйствуетъ съ возможно большимъ

и знаніямъ ея техниковъ, то это потому, что въ теченіе долгаго времени ея фабриканты не стѣснялись наводнять рынокъ плохими фабрикатами; хотя за послѣдніе нѣсколько лѣтъ (sic!) нѣмецкое производство и сильно улучшилось, однако оно еще далеко не пользуется большимъ вниманіемъ" (sic!). *Вниманіе Сореля къ фактамъ дѣйствительно невелико.* Германія по производству каменнаго угля занимаетъ въ міровомъ хозяйствѣ третье мѣсто, послѣ Соединенныхъ Штатовъ и Соединеннаго королевства; по выплавкѣ чугуна — второе мѣсто послѣ Соединенныхъ Штатовъ и передъ Соединеннымъ королевствомъ (съ 1903 г.). Въ химической промышленности Германія занимаетъ первое мѣсто. Интересно, какое „мѣсто" „должна была бы" занимать Германія въ этихъ отрасляхъ промышленности и когда она удостоится „большого вниманія" г. Сореля. Я отмѣчаю подобныя сужденія, потому что они бросаютъ свѣтъ на тотъ матеріалъ положительныхъ знаній, при помощи котораго возводятъ теоріи, возвѣщающія полный переворотъ въ хозяйственной жизни человѣчества!

*) Стр. 152.

**) Стр. 153—154.

воодушевленіемъ, отвѣчаетъ самъ за себя, не заботится о подчиненіи своихъ дѣйствій широкому общему плану, построенному на научныхъ основаніяхъ... всеобщая стачка такъ же какъ и войны за освобожденіе представляетъ изъ себя наиболѣе блестящее проявленіе *индивидуалистическаго духа въ поднявшихся массахъ*».

Вотъ то шаткое основаніе, на которомъ философски держится идея всеобщей стачки. Есть что-то безпомощно-наивное и въ то же время глубоко циническое въ этой мистической проповѣди соціальнаго переворота безъ плана, на авось, въ разсчетѣ на героизмъ, возбуждаемый «индивидуалистическимъ подъемомъ» въ безпощадной войнѣ между классами. Но Сорель, по крайней мѣрѣ, въ революціонномъ синдикализмѣ не упраздняетъ этическихъ мотивовъ и силъ. Къ героизму индивидуалистическаго подъема на войнѣ, приводящаго къ «суевѣрной добросовѣстности къ выполненію малѣйшихъ приказаній»(хорошъ индивидуализмъ!), чуждаго всякаго корыстнаго разсчета и всецѣло проникнутаго самопожертвованіемъ, онъ присоединяетъ столь же безкорыстную «артистическую» склонность къ изобрѣтеніямъ, къ нововведеніямъ. «Идея всеобщей стачки, постоянно обновляемая тѣми чувствами, какія вызываетъ пролетарское насиліе, создаетъ глубоко этическое настроеніе духа, и въ то же время направляетъ всѣ силы души въ сторону осуществленія идеи свободно функціонирующей и необыкновенно прогрессивной мастерской; мы признали наличность весьма близкихъ аналогій между чувствами, вызываемыми всеобщей стачкой, и тѣми чувствами, которыя необходимы для обезпеченія необходимаго прогресса въ производствѣ. Мы имѣемъ, слѣдовательно, право утверждать, что современное общество обладаетъ основнымъ двигателемъ, *способнымъ* создать мораль производителей» *).

Не Жоржу Сорелю, а русскому религіозному философу г. Минскому было дано провозгласить и возвести въ перлъ созданія полную, животную безпринципность и безыдейность синдикализма **). Это значитъ, что синдикализмъ «чуждъ доктринерства».

«У анархо-коммунистовъ онъ (синдикализмъ) заимствовалъ антиэтатизмъ ***), *но не какъ идейное отрицаніе принципа власти вообще, а какъ отрицаніе современнаго аппарата власти, находящагося въ рукахъ чужого класса* (курсивъ мой, П. С.). Относясь враждебно ко всѣмъ функціямъ буржуазной власти... синдикализмъ нисколько не отвергаетъ принципа принудительной власти вообще, и у себя, въ своихъ классовыхъ организаціяхъ, практикуетъ въ самыхъ крайнихъ формахъ авторитетъ, принужденіе и дисциплину. Синдикализму нѣтъ дѣла до кислосладкихъ мудрствованій разныхъ «матеріалистическихъ идеалистовъ» о священныхъ пра-

---

*) Стр. 162.

**) Статья „Рабочая партія и рабочій классъ“ въ № 11 журнала *Перевалъ*.

***) Т.-е. противогосударственный духъ. П. С.

вахъ меньшинства, о личности, какъ самоцѣли исторіи, или о законѣ взаимопомощи, какъ противоположномъ закону борьбы. Само собой разумѣется, что каждый рабочій, какъ личность, хочетъ освободиться отъ гнета капитала, но достигнуть этой цѣли онъ можетъ только тогда, когда за ея осуществленіе возьмется весь рабочій классъ. Поэтому каждый рабочій во имя своей личной воли отказывается отъ этой воли, сливаетъ ее съ волей всего класса и передъ ней исчезаетъ. ...Синдикализмъ, устраивая стачки, проявляетъ надъ меньшинствомъ штрейкбрехеровъ или надъ «желтыми» самое рѣшительное насиліе, ибо безъ попранія правъ меньшинства ни одна стачка не удалась бы. Считая дозволительными въ борьбѣ всѣ средства, до ломки машинъ и порчи матеріала и продуктовъ (саботажъ) и до ужасовъ всенароднаго столбняка, въ который должна повергнуть страну всеобщая стачка, синдикализмъ будетъ практиковать политику борьбы по отношенію къ враждебнымъ классамъ и политику взаимопомощи по отношенію къ своему классу, т.-е. поступать такъ, какъ поступали всегда всѣ живые организмы, стремясь къ соціальнымъ цѣлямъ, достижимымъ силами многихъ. Синдикализму нѣтъ дѣла даже до того, какова будетъ психологія пролетаріата на слѣдующій день послѣ революціи, ибо онъ самъ и есть этотъ пролетаріатъ, а отъ своей природы все равно никуда не уйдешь. Если окажется возможнымъ устроиться свободными союзами, пролетаріатъ ихъ устроитъ. Если понадобится принудительная власть, онъ создастъ деспотическую власть, но только свою собственную, пролетарскую, а не буржуазную» *).

Facies hippocratica! Такъ называли въ древности по имени великаго врача Гиппократа, нарисовавшаго живую картину приближающейся смерти, лицо, на которомъ лежитъ уже отпечатокъ кончины. Въ произведеніяхъ философовъ синдикализма передъ нами facies hippocratica соціализма, основаннаго на возведеніи классового начала въ абсолютъ.

Соціалисты и историки начала XIX вѣка открыли и разъяснили значеніе классовой борьбы въ развитіи общества. Но стремясь сами къ раціональному гармоническому построенію общества, они считали классовое разъединеніе зломъ и призывали къ единству и союзу классовъ.

Марксъ, воспринявъ отъ своихъ предшественниковъ соціологическую оцѣнку классовой борьбы, возвелъ ее въ рангъ основного психическаго рычага преобразованія стараго буржуазнаго общества въ новое соціалистическое. Изъ начала злого и разрушительнаго, какимъ классовая борьба была для соціалистовъ, называемыхъ утопическими, подъ руками Маркса и Энгельса она превратилась въ начало доброе и творческое. Марксъ былъ вообще въ соціализмѣ философомъ не цѣлей и задачъ, а средствъ и путей. Но съ Марксомъ и съ марксистами случилось то, что почти всегда съ какой-то психологической фатальностью происходитъ въ такихъ слу-

*) Стр. 28 ук. статьи.

чаяхъ. Фиксировавъ свое вниманіе на средствѣ, они превратили его въ абсолютъ, и оно вытѣснило изъ поля зрѣнія цѣль.

Возведеніе классового начала и классовой борьбы въ абсолютъ есть отличительная особенность, сигнатура марксизма. Съ этой практической абсолютизаціей рука объ руку шла абсолютизація теоретическая.

Понятіе «классъ» есть попытка для сложной системы многообразныхъ текучихъ общественныхъ отношеній указать какъ бы точку кристаллизаціи, выдѣлить такое единство, которое могло бы мыслиться, какъ верховный *субъектъ* и *дѣятель* этихъ отношеній. Это вполнѣ законная операція, но необходимо помнить ея границы и смыслъ. Марксистская соціалъ-демократія никогда объ этомъ не думала. Руководясь своей практической тенденціей организаціи и воспитанія рабочихъ массъ (преимущественно организаціи и воспитанія *политическаго*), она возвела идею класса въ миѳологическій абсолютъ и подвела самое себя, т.-е. политическую партію, подъ это миѳологическое понятіе. Огромная организующая роль этой практической и теоретической абсолютизаціи идеи класса не можетъ быть оспариваема. Но сдѣлавъ классъ *политической* партіей, соціалъ-демократія неразрывно связала свое *поведеніе* съ современнымъ государствомъ, «буржуазнымъ» и «капиталистическимъ», и практически притупила о него остріе своей классовой идеи. Абсолютизмъ классовой борьбы, абсолютная враждебность государству, непримиримость съ нимъ превратились въ фразу, въ лучшихъ случаяхъ въ то, что нѣмцы называютъ «Sonntagsidee», въ идею воскреснаго дня, на которой, ради духовнаго разнообразія, отдыхаетъ утомленный сѣрыми буднями умъ.

«Синдикализмъ» и его философія есть послѣдняя отчаянная попытка спасти неприступную для буржуазныхъ искусителей и искушеній абсолютную святыню классовой идеи. На ней—что бы ни говорилъ Сорель объ этикѣ—лежитъ печать вырожденія и «звѣриной» кончины: въ почти восторженной философской реляціи г. Минскаго о синдикализмѣ чувствуется дыханіе этой звѣрской смерти. Устами новыхъ проповѣдниковъ «чисто волевой», «первичной», «стихійной» классовой борьбы говоритъ нагота готтентотской морали, лишь умащенная пахучими румянами эстетизма.

Въ эстетизмѣ и мистицизмѣ, который хочетъ дѣйственно, практически прикрѣпиться къ «мозолистой рукѣ» пролетарія, который гутируетъ запахъ пота, смѣшаннаго съ кровью, есть что-то глубоко-фальшивое и отталкивающее. Я понимаю Флобера, въ одномъ изъ своихъ чудесныхъ писемъ признающагося, что изъ всей политики, которую онъ, съ высоты своего одиночества, вообще презиралъ, онъ любитъ только одинъ «бунтъ» (révolte). Но любя эстетически «бунтъ» и любуясь имъ, Флоберъ никогда не бралъ за него ни моральной, ни идейной отвѣтственности. Онъ бывалъ у принцессы Матильды, но никогда не произносилъ зажигательныхъ рѣчей на собраніяхъ и не издавалъ соціалистическихъ газетъ. Нечего и говорить о томъ, что Ницше, «blonde Bestie» котораго вдохновля-

етъ Жоржа Сореля въ его миѳологіи всеобщей стачки, не призывалъ народныя массы къ мистическому «бунту» во имя стихійнаго классоваго насилія.

Самое ученіе о великомъ творческомъ значеніи вражды, или войны одно—въ устахъ мыслителя, обозрѣвающаго съ уединенной вершины метафизическаго созерцанія міръ и людей, и другое—въ устахъ людей, предлагающихъ «устраивать»... стачки. Звено великой космической системы, цѣлаго ученія о Божествѣ превращается тутъ либо въ смѣшную претензію овладѣть многообразіемъ соціальной жизни при помощи мистическаго заклинанія, либо, того хуже, въ эстетическую гримасу. Метафизическія и религіозныя идеи велики въ своей области; перенесенныя въ другую область, онѣ становятся карикатурой. Въ соціальной философіи Маркса и въ особенности Прудона и Лассаля еще чувствуется метафизическая широта построеній Гераклита и Гегеля. Но Гераклитъ, несмотря на всѣ эстетическія прикрасы, даже coiffé à la Nietzsche, не можетъ, не становясь смѣхотворнымъ, проповѣдывать на Rue du Chateau d'Eau 3 «la grève générale».

Таковъ философскій синдикализмъ.

За его эстетическими гримасами скрывается смертельная болѣзнь соціализма, опирающагося на классовую идею, какъ на абсолютъ. Она, эта центральная *религіозная* идея новѣйшаго соціализма, рушится вмѣстѣ съ вѣрой въ соціалистическій хиліазмъ.

Для реальнаго рабочаго движенія и для реальной соціальной политики рабочаго класса въ томъ процессѣ крушенія соціалистической миѳологіи, который знаменуется самымъ появленіемъ философскаго синдикализма, нѣтъ ничего опаснаго. Синдикализмъ возникъ и «могуществен» тамъ, гдѣ рабочіе союзы или синдикаты слабосильны. Его нѣтъ, какъ сколько-нибудь замѣтной величины, ни въ Англіи, ни въ догоняющей ее по развитію трэдъ-юніоновъ Германіи, ни даже въ Бельгіи. Онъ играетъ крупную роль во Франціи и въ Италіи. Обѣ эти страны, въ особенности по сравненію съ Германіей, суть страны, экономически-отсталыя. Франція—страна въ экономическомъ отношеніи почти *неподвижная* въ сравненіи съ Германіей. Сравненіе французскаго народнаго хозяйства съ германскимъ, думается мнѣ, показало бы, что первое проникнуто реакціонными началами и находится въ состояніи застоя. Экономически (и психологически) это, вѣроятно, связано съ остановкой въ ростѣ населенія. Реакціонному капитализму и малоподвижной буржуазіи соотвѣтствуетъ революціонный соціализмъ и бунтарскій пролетаріатъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, что революціонный синдикализмъ сожжетъ дотла буржуазн Францію. Французскій рабочій глубоко проникнутъ политическимъ разо рованіемъ и зараженъ политическимъ невѣріемъ, настоящимъ государств нымъ нигилизмомъ. Но соціальныя и политическія катастрофы родятся і такихъ настроеній только тамъ, гдѣ отсутствуетъ сильная государствен власть...

Синдикализмъ, какъ философія рабочаго движенія, связанъ, какъ я уже сказалъ, съ относительнымъ экономическимъ застоемъ, характеризующимъ французскую хозяйственную жизнь. Если философы синдикализма думаютъ, что «Франціи въ наше время снова предстоитъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она была столько разъ донынѣ—исторической теплицей, обращенной на полдень культуры, страною, гдѣ революціонныя идеи и событія созрѣваютъ на много лѣтъ раньше, чѣмъ въ остальной Европѣ», и что «синдикализмъ» «относится ко всему прошлому соціализму», «какъ высшая діалектически-необходимая органическая фаза, устраняющая и поясняющая всѣ пережитыя донынѣ» *), то эти сужденія доказываютъ только экономическій дилеттантизмъ ихъ авторовъ и полное непониманіе ими историческаго матеріализма. Во Франціи *могутъ*, вопреки ея хозяйственной отсталости, благодаря политическимъ учрежденіямъ демократіи, осуществиться широкія соціальныя реформы. Но еще дай Богъ, если удастся въ скоромъ времени во Франціи провести приличный подоходный налогъ и страхованіе на случай старости и неспособности къ труду. Во всякомъ случаѣ не нужно быть фанатическимъ сторонникомъ «историческаго матеріализма», чтобы видѣть всю несообразность теоріи, которая ожидаетъ въ экономически-отсталой средѣ, характеризующейся застоемъ капитализма, появленіе новой высшей соціалистической идеологіи и близкаго осуществленія соціализма. Впрочемъ, самъ первосвященникъ философскаго синдикализма, мнящій себя «марксистомъ» Сорель, ничто же сумняся, пишетъ, что «*англичанамъ вообще чужда идея классовой борьбы*; *ихъ мысль такъ и осталась порабощенной феодальными традиціями*» **), и не замѣчаетъ, что въ этой характеристикѣ англичанъ заключается, съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, величайшій историческій парадоксъ и глубочайшая соціологическая загадка, о которой Марксъ, болѣе 30 лѣтъ прожившій среди англичанъ и въ Англіи написавшій «Капиталъ», даже не подозрѣвалъ. Какъ въ капиталистическомъ обществѣ, послужившемъ «натурой» для автора «Капитала», пролетаріату могла остаться «вообще чуждой» идея классовой борьбы,—это непонятно и съ точки зрѣнія здраваго смысла.

Въ концѣ-концовъ, несмотря на всѣ свои теоретическія слабости и отчасти благодаря имъ, философскій синдикализмъ сдѣлалъ одно крупное дѣло: онъ еще яснѣе раскрылъ глубокую фальшь, разъѣдающую ортодоксальный марксизмъ и офиціальную соціалъ-демократію. Онъ былъ и есть одинъ изъ факторовъ, подкопавшихъ гегемонію германской соціалъ-демократіи въ международномъ соціализмѣ ***). Проблема практическаго безсилія германской соціалъ-демократіи, такъ поставленная Жоресомъ блистательно

*) *Минскій*: цит. статья, стр. 17 и 18.

**) Стр. 55.

***) Это паденіе германской соціалистической гегемоніи весьма ярко изображено въ статьѣ *Р. Михельса*: „Die deutsche Socialdemokratie im internationalem Verbande“, въ „Archiv für Sozialwissenschaft u Sozialpolitik“. Juli-Heft, 1907.

на амстердамскомъ конгрессѣ въ упоръ Бебелю, въ сущности, сводится къ банкротству классового соціализма *въ политической области*, банкротству, которое не можетъ быть прикрыто никакимъ лицемѣріемъ «революціонныхъ» и «катастрофическихъ» резолюцій.

Классовый соціализмъ не сотворилъ чудесъ въ политической области. Синдикализмъ обѣщаетъ, что примѣненіе классовой борьбы въ чисто-экономической области сотворитъ чудеса. *Это* такая же или, вѣрнѣе, еще *худшая иллюзія*. За ней нѣтъ того, чего нельзя отнять у официальной соціалъ-демократіи—нѣтъ ни научной теоріи, ни организаціоннаго плана. Поэтому банкротство, идейное и практическое, должно наступить въ этомъ случаѣ гораздо скорѣе.

Петръ Струве.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Октябрь 1907 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Соціологія, правовѣдѣніе, политическая экономія.—Публицистика. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го сентября по 1-е октября 1907 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ѳедоръ Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ.—*Сергѣй Городецкій.* Перунъ. Стихотворенія лирическія и лиро-эпическія.—„Корабли“. Сборникъ стиховъ и прозы.—*Ведекиндъ.* Пробужденіе весны. Перев. Федера.—*Франкъ Ведекиндъ.* Весенніе побѣги. Перев. Е. И. Маурина.

Ѳедоръ Сологубъ. Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. Книгоиздательство „Грифъ“. М., 1907 г. Ц. 1 р. Послѣдній романъ Ѳедора Сологуба „Мелкій бѣсъ“ нѣкоторыми критиками не безъ основанія приравнивается къ „Мертвымъ Душамъ“. „Истлѣвающія личины“ проводятъ новую параллель съ петербургскими повѣстями Гоголя. Въ „Личинахъ“ мы встрѣчаемъ ту же фантастичность пошлости, ту же очарованную, заклятую кѣмъ-то жизнь, о которыхъ еще раньше повѣдалъ намъ Гоголь. Но отношеніе обоихъ художниковъ къ окружающему ихъ міру различно. Гоголь боялся жизни,—ея ужасы вѣчно томили его свинцовымъ кошмаромъ, отъ котораго не спасли поэта ни вѣчная красота Рима, ни святость Христова гроба. Когда Гоголь увѣщевалъ друзей не бояться чорта и „бить его по мордѣ“, онъ въ глубинѣ души уже, быть можетъ, безсознательно предчувствовалъ свою гибель въ чаду грознаго унынія, надъ пепломъ завѣтныхъ рукописей. Лишь мгновеніями забывался онъ въ пѣсняхъ лирическаго восторга, все равно о чемъ,—о собственной ли писательской судьбѣ, о прелестяхъ ли необъятной дороги, о величіи ли родины. Но восторгъ проходилъ—и опять становилось „скучно на этомъ свѣтѣ“. У Сологуба нѣтъ ни слабости, ни самозабвенія. Спокойно, съ эпическимъ хладнокровіемъ, какъ на стали, вырѣзываетъ онъ свои строго-красивые узоры. Сологубъ не боится жизни: онъ вѣритъ въ возможность преодолѣнія ея ужасовъ,—вѣдь въ человѣкѣ заложены необъяснимыя и неизвѣданныя силы, то въ видѣ духовнаго наслѣдія первобытныхъ предковъ, то въ образѣ будущихъ, еще не опредѣлившихся возможностей. Холодомъ вѣчности вѣетъ отъ разсказовъ Сологуба; ихъ сказочно-фантастическій элементъ еще разительнѣе оттѣняетъ безвыходную пошлость обыденности. Самъ Сологубъ давно преодолѣлъ ужасъ жизни; хотя ему и „скучно жить на свѣтѣ“, но онъ вѣритъ въ послѣднюю сладость смерти. „И будетъ смерть моя легка и слаще яда“. Сологубъ противится раздвоенію личности, механической силѣ переживаній, сковывающихъ свободную волю необъяснимыми предразсудками. Въ разсказѣ „Соединяющій души“ чернильная нежить открыва-

етъ тайну разъединенія двухъ душъ, когда-то обитавшихъ въ одномъ тѣлѣ; въ разсказѣ „Тѣла и душа" герой, владѣющій талисманомъ лѣсного гнома, подчиняетъ себѣ чужую волю. Міръ нежитей, недотыкомокъ, шелестинныхъ, уродцевъ лѣсныхъ и домовыхъ у Сологуба принимаетъ ближайшее участіе въ людской судьбѣ. Если указанные выше разсказы своей фантастичностью напоминаютъ гоголевскій „Портретъ", то въ разсказѣ „Маленькій человѣкъ" есть много общаго съ „Носомъ". Герой Сологуба, надворный совѣтникъ Саранинъ силой магическаго снадобья постепенно превращается въ пигмея, и на фонѣ этого чудеснаго превращенія разыгрывается цѣлый рядъ необычайныхъ сценъ, полныхъ наблюдательности и юмора. Но юморъ Сологуба не похожъ на гоголевскій, и если „Носъ" заставляетъ читателя неудержимо смѣяться, „Маленькій человѣкъ" вызываетъ порой болѣзненную улыбку.

„Истлѣвшія личины" должны быть причислены къ выдающимся литературнымъ явленіямъ послѣднихъ лѣтъ.

Борисъ Садовской.

Сергѣй Городецкій. Перунъ. Стихотворенія лирическія и лиро-эпическія. Обложка (фронтисписъ) Л. С. Бакста. Издательство „Оры". Спб., 1907 г. Ц. 80 к. Недостатки поэзіи г. Городецкаго, мало замѣтные въ первомъ его сборникѣ „Ярь", выступили теперь въ „Перунѣ" съ неумолимою ясностью. Въ молодое и свѣжее творчество г. Городецкаго, какъ ржавчина, въѣлась какая-то провинціальная некультурность, неряшливость, свидѣтельствующая о полномъ неуваженіи поэта къ искусству. Въ „Перунѣ" онъ предсталъ передъ нами не мастеромъ слова, а лѣнивымъ дилетантомъ, чрезмѣрно положившимся на свои природныя данныя. Талантъ его можно сравнить съ талантомъ великаго актера Мочалова: онъ только тогда способенъ создавать, когда почувствуетъ себя „въ ударѣ". Работать, развиваться и искать г. Городецкій видимо не хочетъ, и трудно представить, какое паденіе ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ его сильный талантъ. Истерическіе выкрики и умышленная небрежность формы составляютъ существенныя черты въ творчествѣ г. Городецкаго, но однихъ этихъ данныхъ нехватитъ для всесторонняго развитія таланта. Самъ собою является вопросъ: что же будетъ дальше? Невозможно всю жизнь перепѣвать самого себя и по медвѣжьи сосать собственную лапу. Такія стихотворенія, какъ „Прачка", „Шарманка", „Гость" и многія другія, напоминаютъ дребезжанье гармоники бойкаго фабричнаго. Во всей книжкѣ привлекаютъ вниманіе лишь три лиро-эпическихъ стихотворенія—„Воронъ", „Встрѣча" и „Колдунокъ", хотя послѣ „Яри" эти пьесы ничего не прибавляютъ къ лаврамъ автора. Вотъ начало послѣдняго изъ названныхъ стихотвореній:

На полѣ за горкой, гдѣ горка нижаетъ,
Гдѣ красныя луковки солнце сажаетъ,
Гдѣ желтая рожь спорыньей поросла,
Пригнулась, дымится избенка сѣдая,
Зеленыя бревна, а крыша рудая,
Въ червонную землю давненько вросла.

Хихикаетъ, морщится темный комочекъ,
Въ окошкѣ убогомъ колдунъ-колдуночекъ,
Бородка по вѣтру лети, полетай.
Тю-тю вамъ, красавицы, дѣвки пустыя,
Скончались деньки, посидѣлки цвѣтныя,
Ко мнѣ на лужайку придешь невзначай и т. д.

Какая удивительная легкость и небрежность, какая случайность въ выборѣ эпитетовъ! И всетаки это стихи талантливаго поэта. Надо на-

дѣяться, что въ слѣдующихъ сборникахъ г. Городецкій явится намъ не пляшущимъ гунномъ, не фабричнымъ съ гармоникой, а „поэтомъ“ въ томъ значеніи, какое давали этому слову древніе. Теперешнее же его творчество приходится признать лежащимъ внѣ сферы искусства.

Б. С.

Корабли. Сборникъ стиховъ и прозы. М., 1907 г. Цѣна 1 р. Стихи „Кораблей“, за исключеніемъ нѣсколькихъ стихотвореній Валерія Брюсова, Сологуба, Блока и Андрея Бѣлаго, не возвышаются надъ уровнемъ сѣрой посредственности. Главный ихъ недостатокъ отсутствіе искренности и простоты. Несмотря на желаніе быть или казаться оригинальными, почти всѣ стихи молодыхъ участниковъ „Кораблей“, какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга. Еще болѣе похожи они на что-то третье, на какое-то давно избитое общедекадентское клише, отъ котораго авторы, очевидно, не въ состояніи освободиться. Придумываніе новыхъ риѳмъ и остроумныхъ словечекъ, разумѣется, не всегда достигаетъ цѣли, оправдывающей положенные для этого труды—и оттого одинъ поэтъ риѳмуетъ „воздухъ“ и „борôздахъ“ (стр. 136), а другой заставляетъ великую скорбь *плодно* (?) тяготить его сердце (стр. 148). Тѣ изъ молодыхъ поэтовъ, у которыхъ замѣтно дарованіе, до того придавлены „декадентствомъ“, что не смѣютъ и пикнуть по-человѣчески. Наиболѣе выдѣляются изъ массы оригинальничающихъ банальностей стихи г. А. Кондратьева „Полумѣсяцъ“. Въ нихъ чувствуется дрожь искренности и какая-то увѣренность напѣва. Г. Alexander неудачно подражаетъ Валерію Брюсову, г. Верховскій самодовольно жонглируетъ неполными риѳмами, не замѣчая того, что дописывается иногда до полной безсмыслицы: въ „темени ноги“ у него „алѣетъ какъ пламя“ какой-то „запылавшій богъ“ (стр. 109). О гг. Волькенштейнѣ, Діеспоровѣ, Диксѣ etc. рѣшительно нечего сказать,—до такой степени безцвѣтны и бездушны ихъ стихотворенія, тотчасъ по прочтеніи вылетающія изъ памяти.

Съ прозой дѣло обстоитъ не лучше. Опять тотъ же, разъ навсегда усвоенный, будто по приказу, трафаретно-декадентскій тонъ, тѣ же невыразимо надоѣвшія фразы безъ подлежащихъ. „Обнимали... сѣлъ... переживалъ давно прошедшее... плачетъ... Цѣлыя страницы беззвучнаго дѣтскаго лепета, сотканнаго изъ коротенькихъ строчекъ. Если изъ этого хлама, обычно наполняющаго подобные сборники и альманахи, выдѣлить талантливый набросокъ Бор. Зайцева и хотя нѣсколько манерные, но художественно-стильные и интересные разсказы Александра Койранскаго и С. Ауслендера, вся остальная проза „Кораблей“ представится ненужнымъ балластомъ.

Б. С.

Ведекиндъ. Пробужденіе весны. Дѣтская трагедія. Перев. Ѳедора подъ редакціей Ѳедора Сологуба. Изд. „Шиповникъ“. Спб., 1907 г. Стр. 204. Ц. 75 к.—Франкъ Ведекиндъ. Весенніе побѣги. Трагедія дѣтской души. Переводъ Е. И. Маурина. Изданіе спб. книжной экспедиціи. Ц 75 к. Ведекиндъ въ пьесахъ своихъ освѣщаетъ важныя и насущныя проблемы человѣческой жизни. Одна изъ излюбленныхъ областей его творчества—эстетическій пересмотръ моральныхъ воззрѣній нашего времени, именно, эстетическій, потому что онъ все время остается поэтомъ, не сходя на роль проповѣдника или учителя.

Уловить все вопіющее противорѣчіе между условными рамками, въ которыя сами люди поставили свою жизнь, и глубочайшими тайнами человѣческой души, и представить его въ чисто-художественныхъ образахъ—

такова задача Ведекинда въ его драмѣ „Пробужденіе весны“. Онъ развернулъ передъ нами картину того переворота, той психофизической трагедіи, которая происходитъ въ дѣтяхъ на зарѣ ихъ жизни, въ моментъ пробужденіи въ нихъ инстинкта. Этотъ періодъ никогда не обходится безъ страданій, ломаетъ, калѣчитъ и губитъ молодыя души. Но этой идеи Ведекиндъ коснулся въ своей драмѣ только какъ художникъ. Глубоко ошибаются тѣ, кто видитъ въ пьесѣ поученіе, мораль, педагогическій трактатъ. Она дѣйствительно обогащаетъ душу читателя и зрителя, но обогащаетъ ее только эмоціями. Благодаря имъ авторъ, быть можетъ, толкаетъ человѣка на путь рѣшенія стоящихъ передъ нимъ проблемъ, но не даетъ все же никакихъ рецептовъ для непосредственнаго приложенія ихъ къ жизни. Въ пьесѣ нѣтъ поученія, морали, тенденціи.

Поэтъ влюбленъ въ міръ, въ землю, въ многоликую, но единую жизнь вселенной. Въ людяхъ онъ преклоняется также передъ чертами, въ которыхъ проявляется стихійность, общая съ природой жизнь. Человѣкъ не долженъ подавлять въ себѣ живущаго въ немъ жизненнаго инстинкта, прятать его на дно души, какъ нѣчто позорное. Было бы прекрасно, по мнѣнію поэта, если бы люди могли слиться съ природою въ одинъ прекрасный, полный звуковъ и красокъ аккордъ. Это настроеніе, переходящее у поэта въ какой-то культъ стихіи, въ нѣчто оргіастическое, и составляетъ фонъ пьесы. Исходя изъ него, художникъ рисуетъ передъ нами жизнь современнаго человѣчества, и, въ цѣломъ рядѣ картинъ-символовъ, онъ воплощаетъ первыя смутныя движенія юношеской души. Тѣсные каменные города, безъ воздуха, безъ простора, подавляющій авторитетъ школьныхъ учителей, себялюбцевъ или мѣщанъ-родителей, погрязшихъ въ борьбѣ за существованіе, отнимающей у нихъ возможность заглянуть въ душу ребенка, просто, честно, по-дружески поговорить съ нимъ въ трудную и важную минуту его жизни, масса лжи, суевѣрій,—вотъ обстановка, въ которой встрѣчаетъ расцвѣтъ весны городское юношество.

Юноши и дѣвушки, выведенные у Ведекинда, вызываютъ глубокое сочувствіе читателя, и они чисты, какъ душистыя яблони, цвѣтущія вокругъ нихъ бѣлымъ цвѣтомъ. Вся вина ихъ въ томъ, что они не могутъ остаться глухи и слѣпы къ окружающей ихъ природѣ, что они съ жадностью вдыхаютъ весенній воздухъ, распахнувъ свои гимназическія курточки, мечтаютъ о томъ, какъ хорошо бы провести ночь въ лѣсу, качаясь на вѣткахъ, подобно дріадамъ; что дѣвочки, вырываясь на улицу, захлебываются рѣзкимъ, весеннимъ воздухомъ, удивляются тому, какъ просачивается въ башмаки бурная весенняя вода, какъ колотится (въ униссонъ со всѣмъ этимъ) ихъ дѣтское сердце! Они не чувствуютъ, что они обречены. Они не сознаютъ, какая нависла надъ ними фатальная и страшная сила: вѣдь именно такой представляетъ себѣ Ведекиндъ пробужденіе пола. Никто изъ писателей до Ведекинда не показалъ, что голосъ пола звучитъ зловѣще, какъ рокъ, и та весна, которую живописуетъ нашъ драматургъ, это—весна трагическая.

Форма, въ которую облекъ свою драму авторъ, такъ искренна, и непосредственна, что изъ пьесы не хочется выпустить ни одной строки, ни одной черты, ни одного преувеличенія, ни одной наивности, ни одной карикатуры, ни одного шаржа... Такъ говорятъ дѣти другъ съ другомъ о важныхъ тайнахъ любви, такъ страшатся они невѣдомыхъ ощущеній, такъ мечтаютъ, такъ боятся школы, такъ ненавидятъ учителей, такъ живутъ съ товарищами, со взрослыми, съ родными. Объ этомъ періодѣ дѣтской жизни у насъ нѣтъ болѣе человѣческаго документа.

Русскіе переводы Ведекиндовой драмы неудовлетворительны. Указаніе всѣхъ неточностей и искаженій, которыми наполнены они, потребовало бы черезчуръ много мѣста. Достаточно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не передаетъ первобытной поэзіи и мощнаго юмора Ведекинда, его сжатаго и драматическаго стиля. Переводъ г. Маурина искажаетъ оттѣнки, тѣмъ самымъ измѣняя де неузнаваемости и характеристики дѣйствующихъ лицъ. Нѣжная, ласковая Вендла, напримѣръ, въ разговорѣ съ г-жей Бергманъ поминутно грубо говоритъ ей: „мать!“ „Когда я надѣну свое длинное платье,—говоритъ Вендла,—то подъ нимъ я буду, какъ царица Эльфовъ (т.-е. надѣнетъ его на обнаженное тѣло); не бранись, мамочка, этого никто не увидитъ“. А у г. Маурина: „Когда я надѣну свою власяницу (?), то буду *воображать* (?) себя королевой Эльфовъ“. Вмѣсто: „Мы можемъ плакать надъ юностью, когда она трусость свою принимаетъ за идеализмъ“, у Маурина: „Мы можемъ сожалѣть юность съ ея тоской по идеалу“.

Въ переводѣ г. Федера многія мѣста просто изумительны. „Можно ли быть такой малодушной“! переведено „Поищи такихъ бѣднягъ“! (стр. 12). „Пока очередь дойдетъ до васъ, я буду лежать въ сору“ переведено „Да что я съ тобою,—я вся въ грязи“. „Чтò бы я ни дѣлалъ, фактъ останется насиліемъ“, говоритъ Мельхіоръ, вспоминая свой поступокъ съ Вендлой. Въ переводѣ: „Если я дѣйствую какъ хочу, получается насиліе“ (167). Вмѣсто „мать Шмидта“ въ переводѣ сказано „мать *кузнеца*“ и вмѣсто „старуха Шмидтъ“—„старая кузнечиха“. На стр. 114 пропущенъ конецъ словъ Ильзы, на стр. 192 послѣ словъ „такіе родители“ пропущены 2 фразы. Вмѣсто „мы находимъ довольныхъ въ ихъ нищетѣ“, т.-е. *несмотря* на ихъ нищету, переведено: мы замѣчаемъ довольныхъ *ихъ* нищетою (191). Не говоря уже объ оттѣнкахъ, выражаемыхъ словами: gerade, vielleicht, wieder и т. п.—они всѣ уничтожены...

Ал. Чеботаревская.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Піетро Орси. Современная Италія. Перев. О. Шенрокъ.—*С. А. Венгеровъ.* Очерки по исторіи русской литературы.

Піетро Орси. Современная Италія. Исторія послѣднихъ 150 лѣтъ до вступленія на престолъ Виктора Эммануила III. Переводъ съ итальянскаго О. Шенрокъ. Подъ редакціей проф. Г. Форстена. Издалъ В. Березовскій. Спб., 1907 г. Стр. 353. Цѣна 2 р. 25 к. Борьба Италіи за національное объединеніе и политическое освобожденіе—одна изъ самыхъ красивыхъ и *поучительныхъ* страницъ европейской исторіи XIX вѣка.

Еще въ 60-хъ гг. XIX вѣка знаменитый нѣмецкій историкъ и политикъ Гейнрихъ Трейчке въ своихъ замѣчательныхъ историко-политическихъ монографіяхъ извлекалъ изъ исторіи итальянскаго національнаго движенія государственные уроки для своихъ соотечественниковъ. Движеніе это, глубоко проникнутое настоящимъ идеализмомъ и въ то же время столь же подлиннымъ реализмомъ, выдвинуло цѣлый рядъ классическихъ фигуръ: достаточно назвать имена Мацпини, Гарибальди, Манина и Кавура. Послѣдняго наша радикальная журналистика 60-хъ гг. не могла оцѣнить и третировала свысока, хотя именно Кавуръ всѣхъ болѣе былъ политическимъ творцомъ единой Италіи, чтò въ свое время

со свойственной ему объективностью и прозорливостью отмѣтилъ Тургеневъ. Съ сужденіями о Кавурѣ, высказанными въ извѣстныхъ статьяхъ Добролюбова и Чернышевскаго, любопытно сопоставить оцѣнку его дѣятельности и значенія, даваемую современнымъ итальянскимъ писателемъ. Нельзя не отмѣтить, что на Западѣ люди самыхъ различныхъ національностей и міровоззрѣній (укажемъ на Трейчке, Тэна и Джона Морлея) при характеристикѣ итальянскаго освободительнаго движенія единодушно и съ полнымъ признаніемъ подчеркиваютъ ту удивительную дисциплину твердости и умѣренности, которую итальянскій народъ усвоилъ себѣ въ своей борьбѣ за свободу и единство подъ руководствомъ пьемонтской монархіи. Эта особенность итальянскаго движенія, связанная съ дѣятельностью и личностью Кавура, достаточно ярко выступаетъ и въ популярномъ, живо написанномъ и литературно переведенномъ на русскій языкъ, очеркѣ Орси.

Онъ для русскихъ читателей весьма удачно резюмируетъ и дополняетъ матеріалъ, имѣющійся въ незаконченной, къ сожалѣнію, въ русскомъ переводѣ обстоятельной, но далеко не объективной книгѣ англичанина Больтона Кинга „Исторія объединенія Италіи" (т. I, Москва, 1901 г., изд. Скирмунта) и въ сжатомъ, но весьма дѣльномъ очеркѣ француза Э. Сорена „Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора Эммануила" (съ дополненіемъ В. В. Водовозова, Спб., 1898 г., изд. О. Н. Поповой). Книга Орси недаромъ озаглавлена „Современная Италія": глава „Италія въ 1900 году" сообщаетъ общія свѣдѣнія о населеніи, политическомъ устройствѣ, бюджетѣ, войскѣ и флотѣ, торговлѣ, образованности Италіи нашихъ дней; нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, устарѣли; въ началѣ этой главы авторъ говоритъ о Римѣ, а въ заключеніи ея кратко характеризуетъ другіе главные центры итальянской жизни: Туринъ, Геную, Миланъ, Болонью, Ливорно, Неаполь и Палермо.

Кромѣ того, въ отличіе отъ сочиненій Кинга и Сорена сочиненіе Орси не ограничивается политической исторіей: въ ней есть цѣлая глава „Наука и искусство", въ которой, правда, очень бѣгло разсматривается развитіе итальянской духовной культуры за послѣднія 150 лѣтъ.

Точку зрѣнія, съ которой Орси разсматриваетъ историческое прошлое и современное положеніе Италіи, можно охарактеризовать какъ либерализмъ съ соціально-политическимъ отпечаткомъ. Къ Мацзини онъ относится болѣе трезво, чѣмъ Кингъ, и менѣе сурово, чѣмъ Соренъ. Для лицъ, владѣющихъ французскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, въ дополненіе къ сочиненіямъ Кинга, Сорена и Орси, мы рекомендовали бы обратиться къ произведеніямъ двухъ современниковъ итальянскаго объединенія: превосходной книгѣ Rodolphe Rey „Histoire de la renaissance politique de l'Italie 1814—1861" (Парижъ, 1864) и классической монографіи о Кавурѣ, принадлежащей перу Трейчке и помѣщенной во второмъ томѣ его „Historische und politische Aufsäze".

Петръ Струве.

С. А. Венгеровъ. Очерки по исторіи русской литературы. Библіотека „Свѣточа". Спб., 1907 г. Стр. 488. Ц. 2 р. 50 к. На первомъ мѣстѣ стоитъ въ этой книгѣ читанная 10 лѣтъ назадъ въ Петербургскомъ университетѣ вступительная лекція *Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы.* Главная мысль этой лекціи въ томъ, что русская литература никогда не ограничивалась чисто художественными интересами, а всегда стояла въ тѣсной связи съ общественными задачами; поэтому исторія ея сводится главнымъ образомъ къ исторіи общественн

идей и настроеній, а также къ анализу взаимодѣйствія между общественной жизнью и литературой. Эта мысль даетъ основной тонъ всей книгѣ г. Венгерова. Вторая по порядку большая (около 140 стр.) статья *Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы* подробно раскрываетъ и иллюстрируетъ эту основную мысль на литературѣ второй половины XIX вѣка. Статья эта представляетъ переработанный и сильно расширенный историческій очеркъ, напечатанный авторомъ въ „Энциклоп. Словарѣ" Брокгауза-Эфрона. Въ новомъ видѣ очеркъ не утратилъ во многихъ мѣстахъ своего справочнаго характера, но онъ не представляетъ собой и сухого фактическаго перечня. Отъ начала до конца съ живымъ интересомъ читается это объединенное одной руководящей мыслью изложеніе, гдѣ широко набросанные очерки отдѣльныхъ періодовъ и различныхъ теченій перемежаются сжатыми характеристиками дѣятелей въ области художественнаго слова, критики и публицистики. Пять періодовъ намѣчаетъ авторъ за вторую половину истекшаго столѣтія: за „медовымъ мѣсяцемъ русскаго прогресса" (1855—1861 гг.) послѣдовала въ первой половинѣ 60-хъ годовъ эпоха „реакціи и нигилизма"; конецъ 60-хъ годовъ и 70-е годы характеризуются, какъ „эпоха высшаго развитія альтруизма"; 80-е годы—это время „разброда и унынія", и наконецъ послѣднее десятилѣтіе вѣка обозначено, какъ „начало возрожденія".

Можно, конечно, не удовлетворяться заглавіями г. Венгерова, но это не важно; самые періоды и преобладающій характеръ каждаго установлены въ книгѣ въ общемъ въ довольно правильныхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ. На протяженіи этихъ пяти эпохъ передъ вами проходитъ огромная вереница отдѣльныхъ фигуръ и цѣлыхъ направленій, и по большей части вы не чувствуете тусклаго, сбитаго рисунка, расплывающихся, безличныхъ линій шаблона; часто смѣлые, ясные штрихи обозначаютъ увѣренную руку. Широкая точка зрѣнія, отсутствіе узкой тенденціозности позволили автору въ общемъ правильно распредѣлить свѣтъ и тѣни въ картинѣ послѣднихъ десятилѣтій, гдѣ происходила смѣна очень разнородныхъ теченій, и кипѣла иногда въ высшей степени сложная борьба. Г. Венгеровъ не стѣсняется указывать слабыя стороны тѣхъ направленій или отдѣльныхъ дѣятелей, которымъ въ общемъ сочувствуетъ и общественную стоимость которыхъ учитываетъ прямо какъ положительную величину; весьма вѣроятно, что его оцѣнки въ отдѣльныхъ случаяхъ будутъ встрѣчены возраженіями, но онѣ, что всего важнѣе, нигдѣ не были продиктованы узкими или предвзятыми соображеніями. Такъ, наприм., происходившая на переходѣ отъ крѣпостной Россіи къ новой смѣна главныхъ дѣятелей и передача руководящей роли въ литературѣ другому классу общества,—вся эта соціальная подпочва борьбы „отцовъ и дѣтей" не нашла себѣ опредѣленнаго мѣста въ картинѣ автора; 60-е годы вообще какъ-то сгладились и упростились въ освѣщеніи „медового мѣсяца", а далѣе затемнились въ неполной и не совсѣмъ удачной характеристикѣ нигилизма. Но это не потому, что симпатіи и антипатіи автора невѣрно направлены; онъ мало заинтересованъ соціальной стороной литературы; вы можете найти, что его объясненія не всегда полны или отчетливы, но вы не найдете ихъ ошибочными въ корнѣ, въ основѣ. Основой воззрѣній автора является широкій духъ свободы, который и спасаетъ дѣло.

Статья объ Аксаковѣ содержитъ всестороннюю оцѣнку дѣятельности этого замѣчательнаго представителя замѣчательной русской семьи; очеркъ о Бѣлинскомъ доведенъ лишь до начала его литературной дѣятельности.

Авторъ, въ наши дни лучшій знатокъ Бѣлинскаго, задумалъ очень широко свое изслѣдованіе, которое находитъ себѣ теперь примѣненіе въ критическомъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго; г. Венгеровъ указываетъ въ статьѣ, что по окончаніи изданія онъ соберетъ въ отдѣльную книгу біографическую часть своей работы.

Послѣдняя статья трактуетъ о Гоголѣ, какъ гражданинѣ. Г. Венгеровъ пересматриваетъ вопросъ о томъ, насколько творчество Гоголя было безсознательно въ первую половину его дѣятельности, и справедливо ли мнѣніе, что самоопредѣленіе совпало у него съ реакціонной окраской взглядовъ. Авторъ привлекъ для освѣщенія вопроса обильный матеріалъ; въ результатѣ получилось не лишенное интереса освѣщеніе нѣсколькихъ пунктовъ, касающихся психологіи Гоголя и внутреннихъ стимуловъ его творчества.

А. Е. Грузинскій.

СОЦІОЛОГІЯ, ПРАВОВѢДѢНІЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

П. Гензель. Налогъ съ наслѣдства въ Англіи.—*А. Мюллеръ.* Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи.—*В. В. Святловскій.* Указатель литературы по профессіональному рабочему движенію, вышедшей на русскомъ языкѣ по 9 января 1907 г.—Библіографическій сборникъ, издав. подъ общей редакціей исторической коммиссіи учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. № 1. Обзоръ литературы по рабочему вопросу. Вып. I. Профессіональное движеніе. Подъ ред. М. Г. Лунца.

П. Гензель. Налогъ съ наслѣдства въ Англіи. Изслѣдованіе по исторіи англійскихъ финансовъ. XXIV + 654 стр. М., 1907 года. Ц. 3 р. 50 к. Книга г. Гензеля является его магистерской диссертаціей. По темѣ она представляетъ значительный интересъ не только въ виду того, что въ Россіи на очереди реформа наслѣдственнаго налога, но еще болѣе потому, что налогъ съ наслѣдства долженъ занимать одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ нормально развитой налоговой системѣ. Достаточно сказать, что въ Англіи въ 1904—5 гг. онъ далъ 17,3 мил. фунт. ст., т.-е. до 170 мил. руб., и въ общей массѣ прямыхъ налоговъ (63,8 м. ф.) онъ вмѣстѣ съ подоходнымъ (31,3 м. ф.) составлялъ свыше 70%. Наоборотъ, у насъ наслѣдственный налогъ играетъ ничтожную роль. Даже повышенный на 50% по случаю войны, онъ даетъ всего 8½ мил. р., а проектируемая теперь его реформа по предположеніямъ мин. финансовъ не сможетъ повысить его болѣе, чѣмъ до 14 мил. руб.

Однако, традиціонныя требованія, предъявляемыя у насъ къ университетскимъ диссертаціямъ, повидимому, заставили автора откинуть наиболѣе интересное для подобной темы сравнительное изученіе современной организаціи наслѣдственнаго налога въ различныхъ странахъ и надолго закопаться въ изученіе литературы и источниковъ средневѣковаго англійскаго права.

Такъ сказать „доисторическому“ періоду, когда еще не существова... государственнаго налога съ наслѣдствъ, когда „на почвѣ феодалы... организаціи и при политическомъ вліяніи церкви область наслѣдств... наго обложенія не могла быть использована короной“ (стр. 168—16... авторъ посвящаетъ болѣе чѣмъ четвертую часть своей работы (170 ст... ницъ, гл. I—III). При большемъ развитіи, эта часть книги могла бы ... ставить совершенно самостоятельную работу. Для оцѣнки ея по сущес... требовались бы, конечно, совершенно спеціальныя познанія, какихъ н...

у пишущаго эти строки. Но въ трудѣ, гдѣ главное вниманіе, несомнѣнно, и у автора, и у читателя обращено на новѣйшую исторію и современную организацію изслѣдуемаго налога, это историческое введеніе, испещренное къ тому же латинскими цитатами, правду сказать, слишкомъ загромождаетъ изложеніе, отбивая у книги по общеинтересному вопросу широкій кругъ читателей.

Однако, центръ тяжести работы г. Гензеля заключается не въ этомъ историческомъ экскурсѣ, а въ слѣдующихъ за нимъ главахъ. Здѣсь дается живое и интересное изложеніе, главнымъ образомъ, по документамъ британскаго парламента, перипетій столѣтней парламентской борьбы въ области наслѣдственнаго обложенія, борьбы, завершившейся послѣдней реформой его въ 1894 г. Исторія налога съ наслѣдствъ въ Англіи тѣсно сплетена съ исторіей подоходнаго налога, но развитіе каждаго изъ нихъ вскрываетъ передъ нами борьбу двухъ общественныхъ классовъ, различно относящихся къ тому и другому. Крупная буржуазія, входящая въ составъ уніонистовъ и консерваторовъ, видитъ въ налогѣ съ наслѣдства болѣе удобную и желательную для себя форму обложенія, чѣмъ подоходный налогъ... Для аграрнаго класса, особенно въ періодъ земледѣльческаго кризиса, является ceteris paribus болѣе выгоднымъ чисто-подоходный налогъ (стр. 431).

Напоръ развивавшейся демократіи вынуждалъ англійскихъ лендлордовъ и англійскую буржуазію дѣлить между собою все новыя и новыя уступки въ процессѣ неизбѣжнаго компромисса, падавшія на нихъ новыми налоговыми тягостями. Выясненіе, на деталяхъ организаціи наслѣдственнаго налога, этихъ борющихся мотивовъ представляетъ наиболѣе интересную часть книги г. Гензеля.

Однако, нѣкоторые выводы автора спорны. Авторъ защищаетъ воззрѣніе, что наслѣдственный налогъ падаетъ не на капиталъ, а лишь на „пощаженные фискомъ излишки дохода“ (стр. 435—436). Эту теорію можно признать скорѣе софистическимъ аргументомъ, развиваемымъ англійскими либералами, дабы избѣжать имѣющей соціалистическую окраску теоріи „государственнаго сонаслѣдія, съ которою неосторожно, по англійскимъ нравамъ, выступилъ въ палатѣ общинъ Гаркортъ.

Авторъ правъ лишь въ томъ смыслѣ, что наслѣдственный налогъ преслѣдуетъ въ общемъ однѣ цѣли съ подоходнымъ, лишь усиливая его дѣйствіе, и что онъ не въ состояніи повліять на неравномѣрное распредѣленіе имуществъ въ современномъ обществѣ. Но въ приложеніи къ этому послѣднему тезису онъ высказываетъ явно гиперболическое утвержденіе. „Я хочу сказать,—говоритъ онъ (стр. 476, прим.),—что въ сущности и при капиталистическомъ строѣ возможно даже полное уничтоженіе наслѣдственнаго права (!), причемъ ни на одну іоту (!) не будетъ измѣнена существующая система распредѣленія народнаго дохода... получаемыя отъ конфискаціи наслѣдствъ и отъ косвенныхъ налоговъ суммы могутъ быть употребляемы государствомъ на упроченіе и развитіе капиталистическаго строя въ современномъ видѣ“.

Авторъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ также противъ прогрессіи наслѣдственнаго налога по мѣрѣ удаленія степеней родства отъ наслѣдодателя. Онъ правъ, поскольку эта прогрессія заставляетъ вмѣсто обложенія всей массы наслѣдства сначала дробить ее на доли; онъ правъ также, поскольку эта прогрессія замѣняетъ и отмѣняетъ собою прогрессію по размѣрамъ наслѣдственной массы,—но общее утвержденіе, что „подобный методъ обложенія довольно безсмысленъ“ (стр. 441), намъ представляется нѣсколько страннымъ въ устахъ автора книги объ об-

ложеніи незаслуженнаго прироста цѣнности. Доводъ, приводимый авторомъ въ его рѣчи передъ диспутомъ, не убѣждаетъ насъ. Г. Гензель говоритъ: „облагать въ усиленныхъ размѣрахъ „незаслуженное“ обогащеніе (наприм., въ быстро растущемъ городѣ) вполнѣ справедливо, такъ какъ этимъ путемъ городъ возвращаетъ себѣ то, что онъ самъ создалъ. Наоборотъ, въ наслѣдованіи происходитъ лишь перемѣна владѣльца имущества и нѣтъ никакой новой цѣнности“ *).

Но вѣдь здѣсь обложеніе соразмѣряется вовсе не съ затратами города, наприм., на проложеніе новой улицы, а именно съ размѣрами обогащенія владѣльцевъ прилегающихъ къ ней участковъ.

По мѣрѣ удаленія степеней родства является—какъ правило—конечно все болѣе и болѣе случайное обогащеніе наслѣдниковъ, заслуживающее дополнительнаго обложенія, какъ это и дѣлается въ Англіи, въ видѣ legacy или succession duty для наслѣдствъ свыше 1,000 ф. ст. Съ другой стороны, далеко не всегда въ этихъ случаяхъ наслѣдственная масса должна дробиться—разъ наслѣдникомъ является одно лицо, хотя бы находящееся не въ близкой степени родства съ наслѣдодателемъ.

Авторъ, впрочемъ, не считаетъ своихъ теоретическихъ выводовъ по вопросу о наслѣдственномъ налогѣ окончательными, такъ какъ признаетъ для этого недостаточнымъ изученіе однихъ лишь англійскихъ условій. Послѣдняя глава книги: „Техника наслѣдственнаго налога въ Англіи“, имѣющая характеръ приложенія, содержитъ рядъ небезынтересныхъ замѣчаній, но своеобразныя условія англійской жизни дѣлаютъ, къ сожалѣнію, многое въ содержаніи ея мало поучительнымъ въ смыслѣ какихъ-либо практическихъ указаній для организаціи аналогичнаго налога, напримѣръ, въ Россіи.

Заключительное приложеніе, наконецъ, содержитъ интересныя статистическія данныя о финансовыхъ результатахъ наслѣдственнаго налога въ Англіи и попытку на основаніи ихъ опредѣлить приблизительное распредѣленіе имущественныхъ классовъ въ этой странѣ.

На изложеніи книги ярко отражаются демократическія симпатіи автора. Особенно окрашено ими предисловіе, написанное въ сильно повышенномъ тонѣ, что, впрочемъ, быть можетъ, отчасти объясняется датой, стоящей подъ нимъ и относящейся къ веснѣ прошлаго года. Между прочимъ здѣсь мы должны отмѣтить статистическую ошибку на стр. XX. Число лицъ, оставившихъ наслѣдство (386 тыс.), сопоставляется здѣсь съ общимъ числомъ умершихъ (761 тыс.), откуда выводится, что „среди 39-милліоннаго населенія Франціи почти половина умираетъ безъ всякаго имущества“. Это неправильно, потому что въ общей цифрѣ смертныхъ случаевъ, несомнѣнно, включено несоразмѣрно большее число умершихъ дѣтей, чѣмъ сколько ихъ можетъ входить въ число лицъ, оставившихъ наслѣдство. Та же неточность, повидимому, повторяется и на стр. 449 въ примѣненіи къ Англіи.

Въ дальнѣйшихъ работахъ авторъ надѣется приступить къ изученію наслѣдственнаго налога въ другихъ странахъ и надо съ интересомъ ждать этого продолженія, цѣннаго своей широкой соціально-финансовой точкой зрѣнія—направленіемъ, начало которому положилъ въ русской финансовой наукѣ учитель П. П. Гензеля—проф. И. Х. Озеровъ.

Л. Яснопольскій.

---

*) См. *Русск. Мысль*, 1907 г., сентябрь, стр. 112.

А. Мюллеръ. Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи. Съ предисловіемъ и статьей проф. И. Х. Озерова: Наши новые проекты по рабочему законодательству и классовая политика предпринимателей. Стр. IX и 410. Москва, 1907 г. Ц. 1 р. Лежащая передъ нами книга состоитъ изъ двухъ частей—первая представляетъ собой переводъ съ нѣмецкаго книги Мюллера о новыхъ, возникшихъ на почвѣ профессіональнаго движенія, учрежденіяхъ по оказанію юридической помощи неимущему населенію, въ особенности организованнымъ рабочимъ. Эти консультаціонныя бюро, образовавшіяся подъ вліяніемъ необходимости выдѣлить весьма сложное и кропотливое дѣло подачи юридическихъ совѣтовъ изъ вѣдѣнія профессіональныхъ организацій въ особыя учрежденія подъ названіемъ рабочихъ секретаріатовъ, существуютъ въ настоящее время въ свыше 40 городахъ Германіи—въ Берлинѣ имѣется кромѣ того объединяющій ихъ центральный рабочій секретаріатъ—и состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ секретарей, хотя и не имѣющихъ спеціальнаго юридическаго образованія, но вполнѣ освѣдомленныхъ и опытныхъ въ области соціальнаго законодательства и подготовленныхъ къ нему своей предыдущей дѣятельностью на поприщѣ профессіональнаго движенія. Не ограничиваясь одной подачей юридическихъ совѣтовъ и разъясненіемъ рабочимъ принадлежащихъ имъ правъ, эти секретаріаты принимаютъ на себя также посредничество между рабочими и различными правительственными органами (фабричной инспекціей, учрежденіями по страхованію рабочихъ) и даже выступаютъ въ интересахъ рабочихъ въ различнаго рода судебныхъ установленіяхъ. Насколько широко поставлена дѣятельность секретаріатовъ, видно изъ того, что даже правительственныя учрежденія обращаются къ нимъ, стараясь использовать познанія секретарей по нѣкоторымъ вопросамъ, кліентела же ихъ простирается далеко за предѣлы мѣстопребыванія секретаріата, нерѣдко на сотни городовъ, а нѣкоторые изъ нихъ успѣли уже пріобрѣсти міровую славу, получая запросы изъ всѣхъ пяти частей свѣта (стр. 62). У многихъ рабочихъ вошло въ обычай обращаться въ секретаріатъ за совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ жизни, вплоть до дѣлъ семейнаго и сердечнаго характера (стр. 71—72), изъ чего видно то огромное довѣріе, которое успѣли пріобрѣсти секретаріаты въ средѣ рабочаго населенія.

Едва ли не наиболѣе плодотворную дѣятельность рабочіе секретаріаты проявляютъ въ сферѣ обязательнаго страхованія рабочихъ на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ, старости и неспособности къ труду. Имѣя въ виду трудность для малообразованнаго рабочаго разобраться въ нерѣдко весьма сложныхъ постановленіяхъ, касающихся его правъ и обязанностей въ сферѣ страхованія, и желаніе предпринимателей свести свои расходы по страхованію рабочихъ до минимума, нельзя не признать—какъ справедливо указываетъ проф. И. Х. Озеровъ—юридическую помощь рабочему населенію въ этомъ отношеніи дѣломъ первостепенной важности, отъ наличности которой въ значительной мѣрѣ зависитъ самое осуществленіе страхованія рабочихъ на практикѣ. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ области страхованія на случай увѣчья мюнхенскій секретаріатъ „отвоевалъ“ въ 1901 году въ пользу рабочихъ 26 тысячъ марокъ, а любекскій—11½ тыс. мар. (стр. 293)—краснорѣчиво говоритъ о значеніи этихъ новыхъ учрежденій. Образованіе ихъ безусловно необходимо и у насъ на первыхъ же порахъ введенія новыхъ проектируемыхъ законовъ о страхованіи рабочихъ, въ особенности, если вспомнить безграмотность нашего населенія и его незнакомство со своими

правами и обязанностями; впослѣдствіи гораздо труднѣе будетъ бороться съ уже установившимся (не въ пользу рабочихъ) толкованіемъ законовъ (предисл. И. Х. Озерова, стр. VIII—IX).

Что предприниматели у насъ еще въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ въ Германіи, будутъ всѣми силами стараться сократить свои расходы по страхованію рабочихъ, это видно уже и теперь изъ второй части книги, въ которой проф. И. Х. Озеровъ даетъ критику новѣйшихъ проектовъ министерства торговли по рабочему законодательству и выясняетъ ту своеобразную классовую политику, которой придерживаются наши промышленники въ этомъ дѣлѣ. Стремясь всячески отодвинуть введеніе у насъ страхованія рабочихъ, въ виду, яко бы, ихъ, предпринимателей, „неподготовленности“ (стр. 385), и свалить расходы по страхованію на земства и города (въ которыхъ, однако, торговля и промышленность принимаютъ самое незначительное участіе), а то и на самихъ рабочихъ, наши представители крупной промышленности—какъ выясняется изъ глубоко-поучительнаго очерка И. Х. Озерова—весьма удачно жонглируютъ различными принципами соціальной политики, смотря по тому, какой имъ въ данное время наиболѣе удобенъ. Будучи, вообще говоря, самыми заядлыми противниками равноправнаго съ ними положенія рабочихъ (коллективныхъ договоровъ съ которыми они боятся пуще огня) и добиваясь постоянно исключительныхъ законовъ для рабочихъ (въ частности въ настоящее время сокращенія сроковъ давности для рабочихъ, чтобы лишить ихъ фактически возможности защиты, и установленія особой неустойки для рабочихъ), наши промышленники, когда зашла рѣчь о сокращеніи продолжительности рабочаго дня, вдругъ сдѣлали открытіе, что это значитъ ограничивать взрослое лицо въ основномъ его правѣ распоряжаться своимъ временемъ, что въ особенности недопустимо теперь, когда мы вступаемъ въ періодъ политическаго равноправія. Объ установленіи продолжительности рабочаго времени позаботятся-де рабочіе союзы, разрѣшая этотъ вопросъ совмѣстно съ предпринимателями (стр. 336). И это говорятъ тѣ самые промышленники, которые отрицаютъ, что въ рабочемъ классѣ пробудилось самосознаніе (стр. 382—383), которые всѣми силами борются съ рабочими союзами и, создавая сильныя организаціи предпринимателей (проф. Озеровъ приводитъ подобные—прямо поразительные—проекты), въ то же самое время отказываются признать профессіональные союзы рабочихъ (стр. 390 и сл.).

Мы не можемъ здѣсь исчерпать и небольшой части тѣхъ разоблаченій, которыя дѣлаетъ проф. Озеровъ, выясняя истинныя намѣренія представителей нашей крупной промышленности, которая, какъ онъ справедливо указываетъ, страдаетъ гипертрофіей прибыли (стр. 376) и которая до сихъ поръ придерживается принципа: „капиталъ мой, и я что хочу, то и дѣлаю“ (стр. 392), но обращаемъ вниманіе всѣхъ интересующихся общественными вопросами на эту глубоко-полезную, поучительную книжку. Всякій, кто искренно желаетъ соціальнаго мира и для кого интересы промышленности еще далеко не совпадаютъ съ интересами промышленниковъ (послѣдніе, повидимому, полагаютъ, что первое и второе—одно и то же), не можетъ не быть признателенъ проф. И. Х. Озерову за это новое его изданіе и пожелать книжкѣ (цѣна ея весьма умѣренная) самаго широкаго распространенія именно наканунѣ разсмотрѣнія проектовъ рабочаго законодательства въ Государственной Думѣ.

І. Кулишеръ.

1) В. В. Святловскій. Указатель литературы по профессіональному рабочему движенію, вышедшей на русскомъ языкѣ по 9-е января 1907 г. Изд. 2-е. Книгоиздательство „Начало". Стр. 48. Спб., 1907 г. Ц. 15 к. 2) Библіографическій сборникъ, издаваемый подъ общей редакціей исторической коммиссіи учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. № 1. Обзоръ литературы по рабочему вопросу. Вып. I. Профессіональное движеніе. Подъ ред. М. Г. Лунца. Стр. 70 (въ 2 столбца). Ц. 40 к. Профессіональное рабочее движеніе—какъ бы, т.-е. съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на него—есть крупное культурное явленіе. Въ связи съ революціей оно явилось у насъ почти разомъ, въ чрезвычайно бурной формѣ, съ огромнымъ, ни въ одной странѣ невиданнымъ участіемъ интеллигенціи. Если судить по литературѣ и прессѣ профессіональнаго движенія, которая возникла въ эту эпоху, самое движеніе должно было бы представлять нѣчто весьма внушительное. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Не говоря уже о внѣшнихъ препятствіяхъ и репрессіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрушившихся на профессіональное движеніе въ гомерически-грандіозныхъ размѣрахъ,—самое движеніе еще не встало на нормальный путь, еще не вылупилось изъ своей интеллигентски-соціалъ-демократической скорлупы. Литература, имъ и для него созданная, внушительнѣе фактовъ и результатовъ (исключеніе слѣдуетъ сдѣлать по отношенію къ профессіональному движенію печатниковъ, въ особенности въ Петербургѣ).

Какъ бы то ни было, библіографическія пособія, заглавія которыхъ выписано нами выше, отвѣчаютъ потребностямъ и практическаго освѣдомленія, и теоретическаго изученія.

Указатель г. Святловскаго, дающій только заглавія книгъ и періодическихъ изданій, правда, въ смыслѣ библіографической техники, составленъ неудовлетворительно, неотчетливо, но онъ даетъ самое главное и потому, несомнѣнно, принесетъ значительную пользу. Указатель, задуманный и составленный по иниціативѣ покойнаго М. Г. Лунца, въ библіографическомъ отношеніи лучше, но онъ менѣе полонъ: часть матеріала, попавшая въ указатель г. Святловскаго, очевидно, отнесена въ другіе выпуски „Обзора литературы по рабочему вопросу", которые не вышли (да и выйдутъ ли?); ссылокъ на журнальныя статьи, имѣющихся въ указателѣ г. Святловскаго, въ московскомъ указателѣ нѣтъ. Что же касается отзывовъ о книгахъ и періодическихъ изданіяхъ—такихъ отзывовъ въ указателѣ г. Святловскаго нѣтъ,—то въ указателѣ Лунца они запечатлѣны крайней партійностью. Поэтому они интересны не съ точки зрѣнія оцѣнки рецензируемыхъ произведеній, а какъ матеріалъ для характеристики умоначертанія нашихъ соціалъ-демократовъ-большевиковъ.

Въ литературномъ отношеніи эти рецензіи плохи (встрѣчаются прямо безграмотные обороты, вродѣ: „статья... посвящена разсмотрѣнію значенія и послѣдствій... закона *на* (курсивъ нашъ, П. С.) германское рабочее движеніе"), но подчасъ довольно забавны: такъ, листокъ союза экипажниковъ „Экипажникъ" характеризуется слѣдующимъ образомъ: „отъ статейки „Крестьянинъ и рабочій" пахнетъ с—ромъ, хотя и слабо".

Для лицъ, интересующихся профессіональнымъ рабочимъ движеніемъ и вообще соціальной политикой, оба указателя во всякомъ случаѣ явятся безусловно необходимыми библіографическими пособіями.

Петръ Струве.

ПУБЛИЦИСТИКА.

А. Н. Потресовъ (*Староверъ*). Этюды о русской интеллигенціи.—*Ц. Ломброзо*. Анархисты.—*Л. Н. Толстой*. I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи.—*Черевнинъ*. Лондонскій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П.

А. Н. Потресовъ (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей. Издательство О. Н. Поповой. Спб., 1906. Стр. 313. Въ шаблонной, мы бы сказали, попугайской, литературѣ русской соціалъ-демократіи книга Потресова представляетъ „отрадное явленіе". Въ ней есть мысль; она написана хорошимъ русскимъ языкомъ, а не тѣмъ ужаснымъ жаргономъ, которымъ пишутъ люди, имѣвшіе несчастіе упражняться въ родной рѣчи на „дискуссіяхъ" заграничныхъ кружковъ. Авторъ былъ виднымъ участникомъ „легальнаго" марксизма, писалъ въ сборникѣ 1895 г., уничтоженномъ цензурой, былъ фактическимъ издателемъ „легальныхъ" сочиненій Плеханова, сотрудничалъ въ *Новомъ Словѣ* и *Началѣ*, и затѣмъ, участвовалъ въ редакціи заграничныхъ изданій *Заря* и *Искра*.

Статьи сборника—полемическія: тутъ полемика съ народниками и литературными эпигонами народовольчества („Артельная эпопея", „О наслѣдствѣ и наслѣдникахъ", „О разночинцѣ-скитальцѣ", „Современная весталка"), съ критическимъ марксизмомъ („Что случилось?"), съ „Освобожденіемъ" (и заодно съ соціалистами-революціонерами—„О двуликой демократіи"), наконецъ, съ соціалъ-демократами-большевиками („Наши злоключенія"). Полемическій букетъ этихъ статей теперь, за однимъ исключеніемъ, имѣетъ лишь историческій интересъ. Но авторъ такъ оригинально и такъ вдумчиво подходилъ къ своимъ темамъ и такъ добросовѣстно-серьезно трактовалъ ихъ, что книга его долго еще будетъ читаться съ интересомъ. „Ихъ (статей) дѣйствующимъ лицомъ неизмѣнно оставался тотъ пестрый комплексъ наслоеній нашей русской общественности, который извѣстенъ подъ общимъ названіемъ—интеллигенція: умѣренная и революціонная; хлопочущая о сырныхъ артеляхъ и грезящая міровымъ переустройствомъ; идущая вслѣдъ за представителями имущаго общества въ строительствѣ жизни и слагающая собственную партійную постройку, какъ антитезу этому строительству; интеллигенція, тяготѣющая къ крестьянству, и интеллигенція, съ пролетаріатомъ въ центрѣ своихъ политическихъ плановъ и соціалистическихъ перспективъ".

Проблема соціально-психологической характеристики интеллигенціи такимъ образомъ все время занимаетъ автора „Этюдовъ". Статья „Артельная эпопея" помимо этой общей темы имѣетъ спеціальный интересъ, написана съ эрудиціей и составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу объ артельномъ движеніи, его экономическомъ и соціальномъ значеніи.

Въ духовномъ обликѣ интеллигента-разночинца авторъ подмѣтилъ и подчеркнулъ черту, которую онъ назвалъ не новымъ, впрочемъ, терминомъ „отщепенства". Отщепенцы—рѣшительные критики и противники даннаго общественнаго строя. „Идейныя формы, въ которыя облекается психологическое содержаніе (отщепенства) могутъ быть, по мнѣнію А. Н. Потресова, весьма разнообразны", но самое это психологическое содержаніе гораздо болѣе устойчиво, чѣмъ его формы. Мы бы выразили иначе: отщепенство это—*эмоціональная* форма, въ которую можетъ выливаться самое различное *идейное* содержаніе, это—чувства и настроенія, которыя могутъ прикрѣпляться къ довольно различнымъ взглядамъ и теоретическимъ построеніямъ. Какъ бы то ни было, Потресовъ подмѣти

и выдвинулъ дѣйствительно существенную, опредѣляющую черту духовной физіономіи той русской интеллигенціи, которая сыграла такую роль въ переживаемую нами эпоху. Если авторъ не сумѣлъ надлежащимъ образомъ использовать свое наблюденіе, то это объясняется, конечно, тѣмъ, что и этотъ оригинальный, я бы сказалъ высокопробный, марксистъ всетаки находится въ плѣну у марксистскаго шаблона.

Авторъ въ свое время былъ правъ, когда божественное качество „отщепенства", т.-е. гармонической революціонности чувствъ и идеологіи, присваивалъ марксизму и отрицалъ у его литературныхъ противниковъ съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ; упоеніе своимъ марксистскимъ отщепенствомъ продиктовало Потресову лучшія, иногда прямо блистательныя полемическія страницы (см. въ особенности статью „Современная Весталка", направленную противъ *Русскаго Богатства*). Но теперь врядъ ли и самъ Потресовъ не видитъ, что это преимущество марксизма и соціалъ-демократіи потонуло въ русской революціи. Совершилось революціонное равненіе—и, соотвѣтственно этому, „полемическія красоты" завяли.

Единственная статья, полемика которой сохранила всю свѣжесть и остроту современности, это—заключительный этюдъ сборника „Наши злоключенія". Онъ направленъ противъ апостола большевиковъ г. Ленина и чрезвычайно интересенъ убійственной критикой того уродливаго продукта русскаго умственнаго развитія, который извѣстенъ подъ названіемъ „большевизма".

Потресовъ мужественно вскрываетъ и разъясняетъ интеллигентскій характеръ русской соціалъ-демократіи и изъ него выводитъ всѣ характерныя особенности „большевизма", родившагося по прямой линіи отъ „марксизма кружкового подполья" (стр. 259). Эта „интеллигентски-кружковая среда" — „одинъ изъ островковъ въ безбрежномъ пространствѣ политически-аморфнаго общества", которое надѣлило ее „собственной соціально-политической неразвитостью и соотвѣтственною безпомощностью въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри его (общества) процессовъ". Авторъ останавливается на этомъ несомнѣнно вѣрномъ указаніи и не только не рѣшаетъ, но даже не ставитъ дальнѣйшаго вопроса: почему же эта куцая интеллигентски-кружковая идеологія оказалась всетаки столь вліятельной въ нашей революціи, что въ конецъ извратила дѣло русской соціалъ-демократіи?

Я думаю, это случилось потому, что и пролетаріатъ оказался достаточно „соціально политически неразвитымъ" для воспріятія такой идеологіи и „соотвѣтственно безпомощнымъ въ оцѣнкѣ происходящихъ внутри общества процессовъ". Между уровнемъ „революціонной интеллигенціи", т.-е. соціалъ-демократіи, и „революціоннаго народа", т.-е. пролетаріата, оказалось нѣкоторое „исторически-неизбѣжное" соотвѣтствіе.

Намъ думается, что „испытанное орудіе матеріалистическаго пониманія исторіи", о которомъ авторъ „Этюдовъ" говоритъ въ своемъ предисловіи, даетъ уловить именно эту связь.

Петръ Струве.

Ц. Ломброзо. Анархисты. Книгоиздательство „Мысль". Лейпцигъ-С.-Петербургъ, 1907 г. Названіе „Анархисты" весьма неточно опредѣляетъ содержаніе книги Ломброзо, такъ какъ изъ одиннадцати ея главъ развѣ только въ послѣдней авторъ имѣетъ въ виду анархистовъ въ собственномъ смыслѣ, изъ остальныхъ главъ въ однѣхъ онъ отождествляетъ анархистовъ со всѣми террористами (напримѣръ, во главѣ II названы имена русскихъ террористовъ—Осинскаго, Вѣры Засуличъ и др.)

безъ различія партій, въ другихъ говоритъ о революціонерахъ вообще. Для того, чтобы показать, какой пестротой отличается книга Ломброзо, и насколько поверхностно въ ней изложеніе предмета, назовемъ хотя бы рядъ вопросовъ, затронутыхъ имъ во главѣ „Метеорологическія, этическія и экономическія вліянія“. Здѣсь на протяженіи 10 страницъ онъ вычисляетъ распредѣленіе революцій по временамъ года, причемъ на долю Россіи почему-то относитъ шесть „революцій“ за время съ 1791 г. по 1880 г., приводитъ данныя изъ „географіи политическихъ преступленій“, констатируетъ, что горцы болѣе склонны къ возстаніямъ, чѣмъ жители равнинъ, настаиваетъ, что народы, обязанные своимъ происхожденіемъ скрещиванію расъ, порождаютъ большее число революціонеровъ, въ томъ числѣ революціонеровъ науки, наконецъ, отмѣчаетъ вліяніе плохого управленія страною на ростъ недовольства въ ея населеніи.

Практическая цѣль, ради которой, повидимому, написана книга, и которая, надо думать, подсказала автору ея заглавіе, выясняется изъ ея послѣдней главы. Въ ней авторъ доказываетъ безцѣльную жестокость тѣхъ мѣръ репрессіи, къ которымъ въ послѣднее время стали прибѣгать, частью опираясь на международныя соглашенія, правительства европейскихъ государствъ, напуганныя террористическими актами анархистовъ. Криминально-психологическое и соціологическое изслѣдованіе (если только можно назвать „изслѣдованіемъ“ тотъ бѣглый набросокъ, который представляетъ собою рецензируемая книга) причинъ анархической преступности приводитъ Ломброзо къ заключенію, что, „если существуютъ вообще тяжелыя преступленія, противъ которыхъ не слѣдуетъ примѣнять тяжелыхъ и въ особенности унизительныхъ наказаній, то это преступленія анархистовъ“.

Вмѣсто репрессивныхъ мѣръ Ломброзо рекомендуетъ правительствамъ испробовать въ борьбѣ съ анархистами мѣры предупрежденія, въ томъ числѣ „предоставленіе народу полной свободы протестовать противъ анархистовъ *даже при помощи насилія* (sic!)“. Это было бы рискованнымъ экспериментомъ, едва ли логически вытекающимъ изъ утвержденія того же автора: „принципъ насилія всегда является безнравственнымъ, пусть даже это насиліе будетъ вызвано насиліемъ же“. Впрочемъ, Ломброзо давно уже отпарировалъ всѣ упреки въ нелогичности его смѣлыхъ практическихъ предположеній не менѣе смѣлымъ афоризмомъ: „во всемъ, что представляется дѣйствительно новымъ въ области эксперимента, наибольшій вредъ приноситъ логика“.

Несмотря на уже отмѣченную поверхностность книга Ломброзо объ „Анархистахъ“, какъ и все вышедшее изъ-подъ его пера, читается съ большимъ интересомъ: въ ней собранъ любопытный фактическій матеріалъ и на-ряду съ парадоксами встрѣчается немало замѣчаній, которымъ нельзя отказать не только въ остроуміи, но и въ справедливости.

Переводъ литературенъ.

Н. Полянскій.

Л. Н. Толстой. I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи. Изд. 2-е. М., 1907 г., 196 стр. Ц. 35 к. Книжка эта выходитъ вторымъ изданіемъ, а потому уже извѣстна читателямъ; и вообще достоинства и недостатки произведеній Толстого, относящихся къ послѣднему періоду его литературной дѣятельности, достаточно опредѣлились. Несомнѣнно, что Толстой великій художникъ слова и въ качествѣ таковаго имѣлъ значительное вліяніе и на моральную сторону мысли и чувства своихъ читателей. Но въ послѣднее время онъ отдѣлилъ свою нравственно-философскую проповѣдь отъ своего образно-художественнаго

творчества, и въ такомъ отдѣленномъ видѣ достоинство ея, по нашему мнѣнію, далеко не равняется съ его художественными, хотя бы и тенденціозными, произведеніями. Вначалѣ, когда онъ сталъ писать о своихъ религіозно-нравственныхъ размышленіяхъ и въ частности о своемъ пониманіи Евангелія, писанія эти имѣли очень большой интересъ какъ искренняя исповѣдь человѣка, ищущаго жизненной истины. Теперь въ нихъ слышится уже другой тонъ: это уже не голосъ ищущаго истины, а голосъ проповѣдника, нашедшаго ее и требующаго признанія ея отъ своихъ слушателей. Между тѣмъ, тѣ предпосылки, изъ которыхъ онъ выводитъ свои заключенія, нерѣдко оказываются ни на чемъ не основанными, или, лучше сказать, основанными исключительно на субъективномъ чувствѣ автора. Случается, что онъ очень рѣшительно споритъ противъ такихъ вещей, которыя, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ ними, представляются ему въ другомъ видѣ, чѣмъ какъ онѣ есть въ дѣйствительности. Такъ, наприм., онъ возстаетъ очень рѣзко противъ такъ называемыхъ имъ заблужденій книжниковъ, подъ которыми разумѣется вся современная наука. По мнѣнію автора, позитивно-научное направленіе новѣйшей философіи есть заблужденіе, причемъ онъ высказываетъ такую смѣлую оцѣнку: „незначительныя ученія Аристотеля, Бэкона, Канта, оставались и остаются всегда достояніемъ малаго числа ихъ читателей и почитателей и по своей ложности никогда не могли вліять на массы“. „Книжникамъ“ же приписывается сужденіе, что, такъ какъ эти ученія, не распространяясь въ массахъ, не подвергались суевѣрнымъ искаженіямъ, то будто бы „этотъ признакъ незначительности ихъ признается доказательствомъ ихъ истинности. Ученія же браминовъ, Будды, Зороастра, Лаодзе, Конфуція, Исаіи, Христа считаются суевѣріями и заблужденіями только потому, что эти ученія переворачивали жизнь милліоновъ“. Очевидно, что авторъ мало знакомъ съ дѣйствительными сужденіями „книжниковъ“ и потому приписываетъ имъ мысли и заключенія, ими не высказывавшіяся. Точно также неизвѣстно, на чемъ основанъ упрекъ, обращаемый авторомъ уже не къ однимъ „книжникамъ“, т.-е. людямъ науки, а ко всѣмъ „людямъ нашего времени“, которые будто бы говорятъ: вѣръ тысяча, всѣ онѣ вздоръ,—что же ихъ изучать? И будто бы „люди нашего времени за стыдъ считаютъ, если они не знаютъ послѣднихъ изреченій мудрости Спенсера, Гельмгольца и другихъ, но о браминахъ, Буддѣ, Конфуціи, Лаодзе, Эпиктетѣ, Исаіи иногда знаютъ имена, а иногда и того не знаютъ“.

Гдѣ эти „люди нашего времени“ и на какомъ основаніи о нихъ дѣлается такое обобщеніе? Едва ли оно не представляетъ собою запоздалаго выраженія того впечатлѣнія, которое было вынесено авторомъ изъ разговоровъ, бывшихъ въ періодъ увлеченія части русскаго общества естественными науками и позитивной философіей, увлеченія, давно уже замѣнившагося другими настроеніями.

Въ короткой рецензіи мы, конечно, не можемъ входить въ разсмотрѣніе ученія Л. Н. Толстого по существу. Въ общемъ оно близко къ христіанскому ученію, какимъ послѣднее является въ Евангеліи. Но Толстой старается доказать его разсужденіями, тогда какъ въ Евангеліи нѣтъ никакихъ доказательствъ, и дѣйствіе его на людей обусловлено тѣмъ, что евангельскія положенія прямо выражаютъ въ себѣ душевныя стремленія „труждающихся и обремененныхъ“. И мы должны сказать, что въ своемъ чистомъ видѣ, безъ доказательствъ и комментарій, Евангеліе намъ кажется гораздо сильнѣе и прекраснѣе, чѣмъ съ комментаріями Толстого.

В. Линдъ.

Череванинъ. Лондонскій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. 1907 г. (Съ прилож. принятыхъ резолюцій и ихъ проектовъ.) 102 стр. Издательство „Борьба“. Годъ не обозначенъ. Ц. 60 к. Задача, которую себѣ поставилъ авторъ, выдающійся меньшевикъ, перу котораго принадлежитъ рядъ интересныхъ брошюръ по вопросамъ современности—эта задача имъ самимъ опредѣляется такъ: „познакомить читателей только съ самыми существенными, наиболѣе интересными моментами съѣзда и дать анализъ и критику различныхъ теченій, опредѣлившихся на съѣздѣ“...

На нашъ взглядъ, авторъ справился съ поставленной задачей, причемъ онъ, конечно, остается на меньшевистской точкѣ зрѣнія и рѣзко, порой слишкомъ даже рѣзко, критикуетъ сужденія большевиковъ.

Характеризуя лондонскій съѣздъ, г. Череванинъ сравниваетъ его съ его предшественникомъ, со стокгольмскимъ съѣздомъ, и отдаетъ предпочтеніе послѣднему. Въ Стокгольмѣ дѣлалось гораздо больше творческой, жизненной работы, причемъ „часть меньшевиковъ часто шла навстрѣчу большевикамъ и создавались новыя неожиданныя комбинаціи при голосованіи“.

Въ Лондонѣ было наоборотъ; „не для свободнаго обмѣна мнѣніями сошлись тамъ члены партіи; другъ противъ друга стояли тамъ фракціи, рѣзко враждующія между собой; физіономіи отдѣльныхъ членовъ заслонялись физіономіей той фракціи, къ которой они принадлежали, индивидуальности отдѣльныхъ членовъ погашались“.

Нечего было, при такихъ условіяхъ, и думать о выработкѣ на съѣздѣ партійнаго мнѣнія. „Вмѣсто свободныхъ группировокъ членовъ съѣзда по тому или другому вопросу постоянно сталкивались только офиціальныя мнѣнія отдѣльныхъ фракцій“.

Въ составѣ съѣзда интересную особенность составляетъ отношеніе національностей.

Изъ общаго числа 336 участниковъ было „русскихъ только 119“, а вмѣстѣ съ семью, назвавшимися малороссами—38,6%. Евреевъ было 98 ч. (29,1%). Самыми однородными оказались большевики—78,3% русскихъ и польскіе с.-д. (79,5%—поляки).

Наиболѣе пестрымъ національнымъ составомъ отличались меньшевики.

Благомъ высшаго образованія обладали менѣе 1/5 участниковъ—15,5%; средняго—40,5%.

Самыми старыми оказались меньшевики: средній возрастъ—29,2 года; для большевиковъ возрастъ понижается до 27,1 г.

Характернымъ признакомъ времени былъ отказъ включить въ порядокъ дня „общіе вопросы“, предложенные большевиками. Мотивированъ этотъ отказъ былъ нежеланіемъ создавать такое положеніе, при которомъ между обѣими фракціями была бы построена стѣна, дѣлающая общую работу невозможной.

Та же судьба постигла и предложеніе включить въ порядокъ обсужденій вопросъ о вооруженномъ возстаніи.

Большевики остались въ слабомъ меньшинствѣ, хотя въ преніяхъ и пошли на утвержденіе, что: „мы имѣемъ въ виду подготовку къ вооруженному возстанію, а не подготовку вооруженнаго возстанія“. Типичная оговорка, разсѣивающая послѣдніе реальные шансы основного политическаго плана большевиковъ.

Стокгольмскій съѣздъ робко обходился съ этимъ вопросомъ, но въ Лондонѣ la question fut tranchée: въ дальнѣйшихъ преніяхъ поляки

сказывались, что они „никакого значенія не придаютъ технической подготовкѣ возстанія“. Бундъ въ этомъ вопросѣ „стоялъ очень близко къ меньшевикамъ“. Поэтому г. Череванинъ (авторъ) позволяетъ себѣ заключить, что „Лондонскій съѣздъ рѣшительно порвалъ со старыми заговорщическими тенденціями“.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ обсужденію съѣздомъ отчета Ц. К. Не излагая подробностей, замѣтимъ, что можно легко усмотрѣть, какой глубокій драматизмъ заключался въ положеніи Ц. К., имѣвшаго большинство изъ меньшевикомъ, и какой вредъ наносился общему дѣлу тѣмъ треніемъ, которое создавали большевики: „Одна за другой директивы Ц. К. проваливались, благодаря борьбѣ противъ нихъ большевиковъ. Они отказывали Ц. К. въ повиновеніи внутри партійныхъ организацій, они шли вслѣдъ за представителями на широкія рабочія собранія и тамъ вели горячую борьбу противъ Ц. К., систематически дискредитируя его не только въ глазахъ организованныхъ рабочихъ, но и въ глазахъ широкой рабочей массы“.

Далѣе мы имѣемъ подробное описаніе разсмотрѣнія отчета думской фракціи, отнявшее пять дней и вызвавшее генеральный бой между обѣими фракціями, въ концѣ котораго одинъ изъ участниковъ „падаетъ въ обморокъ“, а „съ кѣмъ-то дѣлаются истерики“. Но виновникомъ всего этого оказывается „испорченный газъ“ въ помѣщеніи съѣзда... Въ результатѣ, немедленно рѣшенія не было принято, и окончательное голосованіе резолюціи откладывается до того времени, когда будутъ приняты резолюціи объ отношеніи къ буржуазнымъ партіямъ и Думѣ.

Это предложеніе было внесено большевиками и характеризуется авторомъ, какъ „ловкій ударъ“.

Затѣмъ идутъ „отношенія къ буржуазнымъ партіямъ“ и „вопросъ о рабочемъ съѣздѣ“. Послѣдній занимаетъ около $^1/_3$ всей брошюры и трактуется съ необычайной детальностью, причемъ изложеніе производитъ впечатлѣніе значительной необработанности и сводится, главнымъ образомъ, къ изложенію личныхъ взглядовъ автора на вопросъ, благодаря чему брошюра въ этой части теряетъ характеръ отчета о съѣздѣ и вполнѣ соотвѣтствуетъ заключительнымъ словомъ автора: „такова моя точка зрѣнія“.

Рекомендуя, тѣмъ не менѣе, брошюру вниманію читателя—она вводитъ in medias res—мы, всетаки, полагаемъ, что, прочтя ее, читатель испытаетъ желаніе познакомиться съ самыми протоколами съѣзда. Какъ ни симпатична, въ общемъ, болѣе культурная точка зрѣнія меньшевиковъ, всетаки г. Череванинъ проводитъ ее съ чрезмѣрной настойчивостью и, въ пылу полемики, позволяетъ себѣ выраженія, лишающія брошюру до извѣстной степени характера безпристрастнаго отчета о засѣданіяхъ съѣзда. Дѣйствительно, какъ иначе можно отнестись къ такому мѣсту: „...Церетелли удается въ этотъ злополучный пунктъ ввести одно существенное улучшеніе. Въ началѣ въ этомъ пунктѣ въ качествѣ обличенія кадетской и другихъ партій говорилось, что „идеалы этихъ партій не выходятъ за предѣлы упорядоченнаго буржуазнаго общества“... Буржуазнымъ партіямъ (продолжаетъ авторъ) вмѣнялось въ преступленіе, что ихъ идеалы не выходятъ за предѣлы упорядоченнаго буржуазнаго общества! *Къ сожалѣнію*, эта классическая фраза не была оставлена въ назиданіе потомству, а усиліями Церетелли была устранена изъ резолюціи“. Ясно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ крайнимъ проявленіемъ внутренняго взаимнаго озлобленія, переходящаго, въ данномъ

случаѣ, въ злорадство. Это есть несомнѣнный симптомъ глубокаго и серьезнаго недуга, разъѣдающаго организмъ партіи.

Вообще, знакомясь съ преніями, раздававшимися на съѣздѣ, выносишь впечатлѣніе, что на нихъ лежитъ отпечатокъ узкой кружковщины; партія одно время вышла изъ подполья; и впослѣдствіи, въ эпоху репрессій, она всетаки имѣла представителей въ Думѣ; но она еще не успѣла освободиться отъ одного изъ послѣдствій подпольнаго существованія,—отъ приковыванія интересовъ къ вопросамъ, понятнымъ и важнымъ не для широкихъ слоевъ, а для кружка болѣе или менѣе близкихъ людей. Чья одолѣетъ—большевики ли проведутъ свою резолюцію, или они будутъ посрамлены, удастся ли заставить принять тонко обдуманную поправку, родъ ловкаго шахматнаго хода,—вотъ что нерѣдко поглощало вниманіе съѣзда. Эти соображенія заслоняли собой грозные, не терпящіе отлагательства вопросы русской дѣйствительности, и рѣдко слышалось на съѣздѣ слово, порожденное стремленіемъ построить мостъ между доктриной и разумнымъ разрѣшеніемъ неотложныхъ государственныхъ вопросовъ. Не обсуждались тамъ даже вопросы изъ области рабочихъ отношеній. Пренія не могли вырваться изъ обычнаго очарованнаго круга: большевикъ versus меньшевикъ; кто есть кадетъ—крупный или средній буржуа; „мнимая величина“ Дума или нѣтъ и т. п. На много мыслей наводитъ брошюра г. Череванина. Это своего рода „apertife“, для дальнѣйшаго чтенія, для дальнѣйшаго знакомства съ положеніемъ с.-д. п.

Д. Протопопов.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 сентября по 1 октября 1907 г.

Агатовъ, А. Искусство и актеры. Смоленскъ, 1907 г. Ц. 1 р. 30 к.

Аничковъ, И. Мировой судъ и преобразованіе низшихъ судовъ. Спб., 1907 г.

Бальмонтъ, К. Жаръ-птица. К-во „Скорпіонъ". М., 1907 г. Ц. 2 р.

Беренштамъ, Вл. Около политическихъ. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Берманъ, М. Открытіе Татаринова. Спб., 1908 г. Ц. 80 к.

Библіотека великихъ писателей. „Пушкинъ". Вып. III. Спб., 1907 г.

Винаверъ, М. Конфликты въ первой Думѣ. Спб., 1907 г. Ц. 60 к.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Сборникъ. Харьковъ, 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гальціона. Кадеты и Сергѣй Катилина. (Историч. параллели.) Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

Горнъ, В., Мечъ, В., Черевакинъ. Борьба общественныхъ силъ въ русской революціи. Вып. III. М., 1907 г. Ц. 80 к.

Ермиловъ, В. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. М., 1908 г. Ц. 10 к.

Зацѣпа, Г. Пасынки университета. М., 1907 г. Ц. 45 к.

Зомбартъ, В. Почему нѣтъ соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ? Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Ивановскій, В. Учебникъ административнаго права. Казань, 1907 годъ. Ц. 3 р.

Іерингъ-фонъ, Р. Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. М., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Квитка, П, Опытъ программы аграрной реформы. Семипалатинскъ, 1907 г. Ц. 75 к.

Кедровъ, П. Таблицы и скалы для опредѣл. ослабленія или утраты трудоспособности потерпѣвшихъ отъ несчаст. случ. рабочихъ. М., 1907 г. Ц. 75 к.

Kramareva, O. Alexandre Sergiéevitch Griboiédov. Sa vie—ses oeuvres. Paris, 1907 г.

Кутшеба, С. Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лавягинъ, Н. Начальный курсъ неорганической химіи. Ч. I. Варшава, 1907 г. Ц. 75 к.

Лозинскій, С. Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи. М., 1907 г. Ц. 20 к.

Лосскій, Н. Сборникъ элементарныхъ упражненій по логикѣ. Спб., 1908 г. Ц. 70 к.

Мастрюковъ, А. Мы живемъ въ атомѣ. М., 1907 г. Ц. 10 к.

Мечниковъ, И. О мѣрахъ личнаго предохраненія противъ холеры. М., 1908 г. Ц. 3 к.

— Этюды оптимизма. М., 1907 года. Ц. 2 р.

Милинъ, Д. Бюрократы. Спб., 1907 г.

Павловъ, А. Геологическій очеркъ окрестностей Москвы. М., 1907 года. Ц. 30 к.

Петражицкій, Л. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Т. I. Спб., 1907 г. Ц. 2 р.

Румпфъ, Т. Холера. М., 1907 года. Ц. 50 к.

Сборникъ учено-литер. о-ва при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Т. XI. Юрьевъ, 1907 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, Н. Центръ и окраины. М., 1907 г. Ц. 15 к.

Студницкій, Вл. Польша въ политическомъ отношеніи, отъ раздѣловъ до нашихъ дней. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Тарасевичъ, Л. О голоданіи. Кіевъ, 1907 г. Ц. 20 к.

Тормазовъ, С. Генезисъ смѣха и рѣчи. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Труды по лѣсному опытному дѣлу въ Россіи. Вып. I, II и III.—Отчетъ по лѣсному опытному дѣлу за 1906 г. Спб., 1907 г.

Тулуповъ, Н. и Шестаковъ, П. Очерки и разсказы для первоначальнаго знакомства съ исторіей. Ч. I. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Уайльдъ, Оскаръ. Флорентинская трагедія. К-во „Скорпіонъ". М., 1907 г. Ц. 80 к.

Устиновъ, В., Новицкій, И., Гернетъ, М. Основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. Съ предисл. проф. В. М. Хвостова. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Фоминъ, А. Чеховъ въ русской критикѣ. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Хавкина, Л. Какъ люди научились писать и печатать книги. М., 1907 г. Ц. 15 к.

Хольдовъ, Л. Современная Америка. Нью-Йоркъ, 1907 г. Ц. 3 р.

Цитронъ, А. 103 дня второй Думы. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Шаховъ, А. Вольтеръ и его время. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Шеръ, А. Разсказы. Т. I. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Шингаревъ, А. Вымирающая деревня. Изд. 2-е. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Шоръ, А. Основныя проблемы теоріи политической экономіи. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юридическая библіографія. № 1. Ярославль, 1907 г. Подписн. цѣна въ годъ 1 р. 50 к., отд. в. по 30 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ
Библіографическаго отдѣла.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика; *Өедоръ Сологубъ.* Истлѣвающіе личины. Книга разсказовъ.—*Сергѣй Городецкій.* Перунъ. Стихотворенія лирическія и лиро-эпическія.— „Корабли“. Сборникъ стиховъ и прозы.—*Ведекиндъ.* Пробужденіе весны. Перев. Федера.—*Франкъ Ведекиндъ.* Весенніе побѣги. Перев. Е. И. Маурина 193

Исторія, исторія литературы: *Пітро Орси.* Современная Италія. Перев. О. Шепрокъ.—*С. А. Венгеровъ.* Очерки по исторіи русской литературы 197

Соціологія, правовѣдѣніе, политическая экономія: *П. Гензель.* Налогъ съ наслѣдства въ Англіи.—*А. Мюллеръ.* Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи.—*В. В. Святловскій.* Указатель литературы по профессіональному рабочему движенію, вышедшей на русскомъ языкѣ по 9 января 1907 г.—Библіографическій сборникъ, издав. подъ общей редакціей исторической коммиссіи учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. № 1. —Обзоръ литературы по рабочему вопросу. Вып. I. Профессіональное движеніе. Подъ ред. М. Г. Лунца. 200

Публицистика: *А. Н. Потресовъ* (*Староверъ*). Этюды о русской интеллигенціи.—*Ц. Ломброзо.* Анархисты.—*Л. Н. Толстой.* I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи.—*Черевaнинъ.* Лондонскій съѣздъ Р. С.-Д. Р. П. . . . 206

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 сентября по 1 октября 1907 г.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовск. ул., соб. д.